Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 9.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА ПЕРЕВЕДЕНО СЪ БЕРСЕНЕВКИ НА НИКИТСКІЙ БУЛЬВАРЪ, БЛИЗЪ ЦЕРКВИ СВЯТАГО ӨЕОДОРА СТУДИТА, ВЪ ДОМЪ ДЮГАМЕЛЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

(по два рубля, пересылка за 3 фунта)

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ

1831—1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Польская эмиграція въ Европѣ.—Партіи и Комитеты.—Заговоръ Заливскаго.—Эмиссаръ Конарскій.—Послѣдствія его пропаганды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заговоры и революціонные взрывы 1846 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распоряженіе фельдмаршала Паскевича.—Занятіе Кракова Русскими войсками.—Краткій очеркъ безпорядковъ въ Княжествѣ Познанскомъ.—Нѣсколько словъ о послѣдующихъ возстаніяхъ до 1849 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибытіе въ Варшаву князя Горчакова.—Перемѣна въ воздухѣ.—Партіи.—Первыя манифестаціи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Адресъ. — Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ. — Торжественныя похороны пяти жертвъ. — Занятія делегатовъ. — Слѣдственная коммиссія для разбора дѣла о выстрѣлахъ.—Маркизъ Велепольскій.—Упраздненіе делегаціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудность положенія Велепольскаго. — Закрытіе Земледѣльческаго Общества. — Манифестаціи у дома Кредитнаго Общества и у дома графа Замойскаго.—Сборища народа у Замка. — Стрѣльба. — Зачатки бѣлой организаціи. — Смерть князя Горчакова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Назначеніе намѣстникомъ военнаго министра Сухозанета.—Проѣздъ графа Ламберта черезъ Варшаву изъ за границы.—Возобновленіе манифестацій.—Первый подземный листокъ.—Назначеніе намѣстникомъ графа Ламберта, а военнымъ генералъ-губернаторомъ г. Варшавы генералъ-адъютанта Герштенцвейга.—Выборы.—Борьба противъ нихъ красной партіи.—Городельская манифестація.—Смерть архіепископа Фіалковскаго.—Манифестація похоронъ.—Объявленіе военнаго положенія.—Панихида по Костюшкѣ.—Аресты въ храмахъ.—Закрытіе ихъ по распоряженію духовенства. Послѣдствія этого.—Смерть Герштенцвейга.—Отъѣздъ за границу графа Ламберта.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875).

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

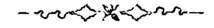
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875).

КНИГА ТРЕТЬЯ.



МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вѣсти изъ армій начали постепенно доходить до Москвы. Еще въ концѣ Іюля, послѣ проѣзда ген. адъют. Кутузова, вся Москва заговорила, что двѣ наши западныя арміи не соединяются потому, что изъ главнокомандующихъ одинъ не хочетъ подчиняться другому [1]). Но извѣстіе о томъ, что обѣ арміи сошлись въ Смоленскѣ и будутъ дѣйствовать наступательно заглушило на время общественный ропотъ и внушило нѣкоторую надежду на успѣшныя дѣйствія войскъ и на то, что они преградятъ дальнѣйшее вторженіе непріятеля внутрь Россіи. Такое настроеніе продолжалось недолго. „Въ послѣдствіи я узналъ, говоритъ гр. Ростопчинъ въ своихъ Запискахъ, что Кутузову было поручено многими изъ нашихъ генераловъ просить государя смѣстить Барклая и назначить главнокомандующимъ обѣими арміями кн. Багратіона, по причинѣ существовавшаго между этими генералами разномыслія и бездѣятельности нашей арміи. Барклай былъ человѣкъ честный, благоразумный и методическій; онъ возвысился въ слѣдствіе своихъ заслугъ, былъ покрытъ ранами и всегда служилъ съ отличіемъ. У него не было другихъ заботъ, какъ сохранить армію и продолжать отступленіе въ возможно-бóльшемъ порядкѣ. Онъ отличался необыкновенною храбростію и часто удивлялъ своимъ хладнокровіемъ. Багратіонъ, обладавшій многими дарованіями для того, чтобъ быть хорошимъ генераломъ, былъ слишкомъ необразованъ для того, чтобы быть главнокомандующимъ войсками. Онъ очень хвастался тѣмъ, что былъ ученикъ и любимецъ Суворова. Онъ хотѣлъ непремѣнно драться потому, что Барклай избѣгалъ сраженія, и еслибъ онъ начальствовалъ войсками, то непремѣнно двинулъ бы ихъ на сраженіе и, можетъ быть, погубилъ бы ихъ, упорствуя защитить Смоленскъ.“ Читая эти строки, легко понять, что они были написаны гораздо послѣ происшествій; въ то же время, когда событія совершались, самъ графъ Ростопчинъ долженъ былъ смотрѣть на нихъ съ другой точки зрѣнія. Дѣйствительно, въ современныхъ донесеніяхъ императору Александру 1-му, онъ выражаетъ иной взглядъ. „Ваше довѣріе ко мнѣ, государь, мѣсто, которое я занимаю (писалъ онъ въ началѣ Августа), даютъ мнѣ право сказать вамъ правду. Москва и войска въ отчаяніи отъ бездѣйствія и слабости военнаго министра, который совершенно подчинился вліянію Вольцогена. Въ главной квартирѣ спятъ до десяти часовъ утра. Багратіонъ почтительно держитъ себя въ сторонѣ и, повидимому, повинуется; но кажется выжидаетъ какой нибудь неудачи, чтобы

---

*) Первыя три главы этого труда напечатаны во второй книгѣ Р. Архива сего года.

[1]) Письмо гр. Ростопчина къ императору отъ 23 Іюля 1812 г.

объявить притязаніе на начальство надъ обѣими арміями“ [2]). Въ тотъ же день, какъ писано это донесеніе государю, графъ отправилъ князю Багратіону, съ надписью: *изъ матушки каменной Москвы* слѣдующее письмо: „Ну-ка, мой отецъ, генералъ по образу и подобію Суворова, поговоримъ съ глазу на глазъ; а поговорить есть о чемъ! Чтó сдѣлано, тому такъ и быть; да не шалите вы впередъ и не выкиньте такой штуки, какъ въ старину князья Трубецкой и Пожарскій: одинъ смотрѣлъ, какъ другаго били. Подумайте, что здѣсь дѣло все въ томъ, чтобъ бить непріятеля, писать реляціи и привѣшивать кресты: вамъ слава безсмертная, спасеніе Отечества, избавленіе Европы, гибель злодѣю рода человѣческаго! Благодаренъ зѣло за письмецо. Въ Москвѣ говорятъ: „Дай лишь волю, и Багратіонъ пужнетъ“; а мнѣ кажется, что *онъ* васъ займетъ да и проберется на Полоцкъ, на Псковъ пить Невскую воду. Милорадовичъ съ 31-го тысячами славнаго войска стоитъ отъ Калуги къ Можайску. У меня здѣсь до 10.000 рекрутъ формируется. Силы Московской въ семи смежныхъ губерніяхъ до 120 тыс., и тутъ прелихая есть конница. У Лобанова 26 тыс. свѣжей пѣхоты. Деньги есть на нужду, и хлѣба будетъ до сыта. Неужели послѣ того и со всѣмъ этимъ Москву осквернитъ Французъ? Ваше дѣло ее беречь, а наше держать въ чистотѣ. У меня здѣсь такъ смирно, что и самъ дивлюсь. Счастье, что любятъ и слушаются. Пошаливаютъ Французы; сперва я просилъ, чтобы жили смирно, потомъ грозилъ, потомъ посылалъ за городъ гулять, въ Пермь и въ Оренбургъ. Не унимаются!... Впрочемъ злоба къ Бонапарте такъ велика, что и хитрость его не дѣйствуетъ, и эта пружина лопнула; а онъ навѣрное шелъ на бунтъ. Я, право, въ усъ не дую; мнѣ все кажется, что это дурной сонъ; но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

За симъ обнимаю
И точно пребываю,
Безъ словъ и безъ лести,
А просто по чести,

Вамъ преданный
Графъ Ѳ. Ростопчинъ.

Тѣхъ изъ офицеровъ, кои ранены и могутъ доѣхать до Москвы, присылайте прямо ко мнѣ. Я тремъ стамъ найму покои. Въ моемъ домѣ городскомъ на Лубянкѣ 50 кроватей, и всѣ хотятъ ходить и беречь героевъ, защитниковъ Отечества.“

Получивъ отъ князя Багратіона извѣстіе объ оставленіи Смоленска, графъ Ростопчинъ отвѣчалъ ему: „Принимая во всей мѣрѣ признательности довѣренное письмо вашего сіятельства, съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ о потерѣ Смоленска. Извѣстіе сіе поразило чрезвычайно, и нѣкоторые оставляютъ Москву, чему я чрезмѣрно радъ; ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ. Здѣсь очень дивились бездѣйствію нашихъ войскъ противъ наступающаго непріятеля. Но лучше бы ничего ему не дѣлать, чѣмъ, выигравъ баталію, предать Смоленскъ злодѣю. Я не скрою отъ васъ, что все сіе приписываютъ несогласію двухъ начальниковъ и зависти къ взаимнымъ успѣхамъ; а такъ какъ общество во мнѣніяхъ своихъ мѣры не знаетъ, то и увѣрило само себя, что Барклай измѣнникъ. Теперь должно уже у васъ быть извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть отступленіе отъ Смоленска: Москва ли предметъ дѣйствій непріятельскихъ, или Петербургъ; а мнѣ кажется, что онъ,

---

[2]) Письмо гр. Ростопчина къ императору отъ 6-го Августа 1812 г.

держа васъ тамъ, гдѣ вы, станетъ отдѣльными корпусами занимать мѣста и къ Петербургской, и къ Московской дорогѣ, и къ Калугѣ, дабы, пресѣкая сообщенія, нанести болѣе безпокойства и потрясти духъ Русской [3]).“

Судя по этимъ выдержкамъ изъ писемъ гр. Ростопчина, едва ли можно сомнѣваться, что его сочувствіемъ въ это время пользовался не Барклай, но кн. Багратіонъ. Онъ извѣщалъ государя, что Барклай находится въ рукахъ у Вольцогена, а Вольцогена считалъ такимъ, что онъ можетъ быть измѣнникомъ, и довѣрять ему не слѣдуетъ. Выражая такое воззрѣніе, гр. Ростопчинъ не позволилъ себѣ, въ слѣдъ за общественною молвою, клеймить Барклая позорнымъ именемъ измѣнника; но мы сомнѣваемся и въ томъ, вѣрно ли его свидѣтельство, будто бы кн. Багратіонъ въ письмахъ къ нему называлъ его этимъ позорнымъ именемъ. Къ сожалѣнію, эти письма не сохранились или остаются до сихъ поръ въ неизвѣстности; но сохранились письма кн. Багратіона того же времени къ графу Аракчееву. Нисколько не смягчая своихъ выраженій о неспособности Барклая, какъ военачальника, онъ однакоже не заподозрѣваетъ его въ измѣнѣ. „Вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству; но генералъ не то что плохой, но дрянной—и ему отдали судьбу всего нашего Отечества!... Я, право, съ ума схожу отъ досады; простите мнѣ, что дерзко пишу. Видно тотъ не любитъ государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключать миръ и командовать арміею министру. И такъ я пишу вамъ правду; готовьтесь ополченіемъ; ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи г. флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ все совѣтуетъ министру [4]).“ Въ этихъ словахъ выраженъ въ отношеніи къ измѣнѣ совершенно тотъ же взглядъ, какой выражалъ въ своихъ письмахъ къ государю въ это время и графъ Ростопчинъ. Онъ считалъ Барклая де Толли неспособнымъ начальствовать арміями, точно также какъ и Багратіонъ, по различнымъ только причинамъ. Въ томъ же письмѣ, изъ котораго мы уже привели выписку, графъ Ростопчинъ извѣщаетъ государя: „Москва желаетъ, государь, чтобы войсками начальствовалъ Кутузовъ и двигалъ ваши силы; иначе не будетъ никакого единства, между тѣмъ какъ Наполеонъ соображаетъ все. Онъ самъ долженъ находиться въ затруднительномъ положеніи; но Барклай и Багратіонъ могутъ-ли проникнуть его намѣренія?“ „Сраженіе подъ Смоленскомъ (писалъ онъ чрезъ нѣсколько дней) есть послѣдствіе несогласія между двумя главнокомандующими и нерѣшительности Барклая. Мы перебили втрое болѣе людей, нежели потеряли сами и—мы отступили. Ваши арміи достаточны для того, чтобы остановить непріятеля; а подкрѣпленія подойдутъ со всѣхъ сторонъ. Надо защищать Москву и биться на смерть. Можетъ быть, Россія потеряетъ 300 тысячъ человѣкъ; но ея слава будетъ спасена, а вашъ престолъ укрѣпленъ“ [5]). Точно также думалъ и Багратіонъ, и его взглядъ былъ совершенно противоположенъ если не взгляду, то образу дѣйствій Барклая.

Надежды на отпоръ враговъ, возникшія въ Москвѣ послѣ извѣстія о соединеніи армій, мгновенно исчезли, лишь только узнали о паденіи Смо-

---

[3]) Письма гр. Ростопчина къ кн. Багратіону отъ 6-го и 12 Авг. 1812 г. Онѣ напечатаны у Богдановича, но съ измѣненіями (Истор. царствованія Александра I-го, т. III, прилож., стр. 64—65).

[4]) Письмо кн. Багратіона къ гр. Аркачееву отъ 7-го Августа 1812 г. изъ Михайловки.

[5]) Письмо гр. Ростопчина отъ 10 Авг. 1812 г. и прежде указанное отъ 6 Авг.

ленска. „Вѣсть о занятіи Смоленска Наполеономъ, оставленнаго Русскими войсками въ пожарномъ пламени и дымящихся развалинахъ, огромила Москву. Раздался по улицамъ и площадямъ гробовой голосъ жителей: отворены ворота къ Москвѣ! Началось переселеніе изъ городовъ, уѣздовъ и селъ и деревенъ. Ѣхали и шли, а куда? Куда Богъ поведетъ [6])“, говоритъ очевидецъ-современникъ.

Въ то время когда народонаселеніе Москвы, ближайшихъ къ ней городовъ и семейства помѣщиковъ изъ селъ и деревень стремились къ переселенію въ отдаленныя мѣстности имперіи, въ образованныхъ кружкахъ Московскаго общества велись такого рода рѣчи: „По всему видно, что намъ приходится поплатиться за безразсудство двухъ нашихъ главнокомандующихъ и за несогласіе, возникшее между ними вслѣдствіе новаго порядка, отмѣнившаго старшинство по службѣ и уничтожившаго всякое подчиненіе между генералами... Платовъ, старшій изъ нихъ по службѣ, находится подъ командою у двухъ главнокомандующихъ; а Барклай, который по службѣ моложе Платова, Багратіона и двѣнадцати генералъ-лейтенантовъ, которые у него подъ командою, завѣдуетъ всѣмъ войскомъ и такъ себя ведетъ, что возбудилъ къ себѣ общую ненависть. Если такъ легко было нашему доброму царю уничтожить порядокъ, существовавшій испоконъ-вѣку, съ другой стороны нелегко будетъ нашимъ генераламъ свыкнуться съ порядкомъ, по которому вчерашній начальникъ сегодня поступаетъ подъ команду къ своему подчиненному. Такія правила не выносимы для насъ Русскихъ тѣмъ болѣе, что онѣ взяты у Французовъ. Негодяи, продавшіе себя Наполеону, не имѣютъ у насъ вліянія надъ войскомъ, и потому неудивительно, что оно отвергаетъ нововведенія тѣхъ злодѣевъ, которые исключительно овладѣли умомъ нашего бѣднаго монарха. Дѣло въ томъ, что такъ какъ отдѣльные корпуса дѣйствовали несогласно и каждый хотѣлъ дѣлать по своему, то мы и потерпѣли страшное пораженіе подъ Смоленскомъ. Французы провели нашихъ, какъ простаковъ. Была бы возможность поправить дѣло, если бы другъ другу помогали или бы нашелся человѣкъ, который, заботясь обо всѣхъ, никого не обрекалъ бы на неизбѣжную жертву. Но дѣло повели такимъ образомъ, что городъ, который въ состояніи былъ сопротивляться шесть мѣсяцевъ, взятъ въ три дня, и вотъ теперь наше войско и Французы въ 300 верстахъ отъ Москвы, и оба на разстояніи 7 верстъ другъ отъ друга. Теперь тебѣ должно быть ясно, почему мы такъ радуемся назначенію Кутузова. Онъ одинъ будетъ начальствовать, и въ его интересѣ заставить всѣхъ одинаково хорошо дѣйствовать. Въ послѣднемъ дѣлѣ очень обвиняютъ Багратіона, который, желая присвоить себѣ славу освобожденія Могилева, отнялъ защиту у Смоленска съ одной стороны, а Барклай сдѣлалъ тоже съ другой стороны города, такъ какъ ему нужно было вести войско на Витебскъ. Французы воспользовались оплошностью и ударили въ центръ. Ихъ было 100.000 подъ начальствомъ Наполеона противъ 30.000 нашихъ, которые три дня сопротивлялись и разбили бы ихъ, еслибъ получили поддержку. Но такъ какъ у насъ въ войскѣ принято дѣйствовать по Русской пословицѣ: „Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ,“ то этихъ несчастныхъ кинули на произволъ судьбы. Когда Французы подожгли Смоленскъ, наши принуждены были удалиться; по крайней мѣрѣ, они могутъ смѣло сказать (таково общее мнѣніе), что заслужили безсмертную славу. И точно, они выказали геройскую храбрость. Грустнѣе всего для насъ убѣжденіе, что причи-

[6]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 32.

ною несчастія была измѣна одного извѣстнаго бездѣльника, служащаго у Барклая [7])“.

Конечно, выраженныя въ этихъ строкахъ мнѣнія не принадлежатъ молодой дѣвушкѣ Московскаго образованнаго общества того времени, которая ихъ написала, но отставнымъ военнымъ старикамъ, проживавшимъ на покоѣ въ Москвѣ и судившимъ о совершавшихся событіяхъ. Невѣрные слухи давали поводъ къ неправильнымъ заключеніямъ; общая же мысль о необходимости единства въ начальствованіи надъ войсками была справедлива. Но если въ Русскихъ войскахъ сохранялось уваженіе къ долговременной службѣ военачальниковъ и наблюдалось старшинство, то не менѣе того уважались военныя дарованія, познанія и доблести. Во всѣхъ нашихъ войнахъ, точно также какъ и въ отечественной войнѣ 1812 г., можно указать на многіе примѣры, когда старшіе добровольно и охотно становились подъ начальство младшихъ по службѣ. А потому Платову, конечно, и въ голову не приходила мысль считаться старшинствомъ съ главнокомандующими арміями, и кн. Багратіонъ, хотя и самъ главнокомандующій второю арміею, охотно бы подчинился Барклаю де Толли, если бы считалъ его дѣйствія правильными или вѣрилъ его доказанной опытности какъ военачальника. Но Барклай де Толли въ первый разъ выступалъ на поприще военныхъ дѣйствій въ качествѣ главнокомандующаго

Подробное извѣстіе о сраженіи подъ Смоленскомъ гр. Ростопчинъ получилъ 8 Августа съ нарочнымъ, отправленнымъ изъ главной квартиры. „Меня разбудили въ 6 часовъ утра, говоритъ онъ. Не теряя ни минуты, я отправилъ четырехъ курьеровъ къ Милорадовичу въ Калугу, гдѣ собралось 24 тысячи войскъ, собранныхъ имъ въ Малороссіи. Онъ имѣлъ предписаніе идти съ своимъ корпусомъ къ Смоленску. Я совѣтовалъ ему немедленно выступить съ готовыми войсками и двигаться на Вязьму. Другіе курьеры съ тѣмъ же извѣстіемъ были отправлены къ начальнику резервной артиллеріи, которая была расположена по квартирамъ, по городамъ Московской и Тульской губерній, къ князю Лобанову, который устраивалъ 16 тысячной корпусъ пѣхоты во Владимірѣ и къ генералу, занимавшемуся формированіемъ двухъ полковъ въ Клину, которые должны были двинуться къ Москвѣ по Петербургской дорогѣ. Когда отправлены были курьеры, мнѣ нужно было приготовить извѣщеніе [8]) о взятіи Смо-

---

[7]) Письмо М. А. Волковой отъ 15 Августа 1812 г.

[8]) Графъ Ростопчинъ говоритъ, что 8-го Авг., въ 6 часовъ утра, ему привезено было нарочнымъ изъ арміи извѣстіе объ оставленіи Смоленска и въ тоже утро онъ написалъ это объявленіе. Слѣдовательно, оно должно было появиться въ печати въ тотъ же день или не позднѣе слѣдующаго, т. е. 9-го Авг. Въ такомъ случаѣ его обнародованіе совпало бы съ обнародованіемъ *дружескаго посланія* къ жителямъ Москвы, чтó весьма сомнительно. Самое содержаніе этого посланія показываетъ, что оно писано прежде полученія извѣстія о занятіи Смоленска непріятелемъ. Едва-ли послѣ этого извѣстія графъ Ростопчинъ написалъ бы: „не бойтесь ничего, нашла туча,—мы ее отдуемъ“. Графъ Сегюръ положительно говоритъ, что посланіе было обнародовано „прежде, нежели пришло въ Москву извѣствіе о взятіи Смоленска“ (Vie du c-te Rostopschine, стр. 191). Въ Запискахъ о 1812 г. графъ Ростопчинъ, въ порядкѣ разсказа о происшествіяхъ, упоминаетъ о посланіи прежде и потомъ уже объ извѣстіи объ отступленіи нашихъ войскъ отъ Смоленска. Въ виду этихъ соображеній, слѣдуетъ заключить, что или посланіе было написано и обнародовано ранѣе 9-го Авг., или извѣстіе объ оставленіи Смоленска позднѣе этого числа.—Въ Запискахъ гр. Ростопчина, писанныхъ долго спустя послѣ 1812

ленска, который въ общемъ мнѣніи считался оплотомъ Москвы. Я выставилъ только геройство одного корпуса, который, какъ я выражался, защищалъ Смоленскъ въ продолженіи трехъ дней и который перешелъ Днѣпръ только съ цѣлію соединиться съ главною арміею и снова остановить непріятеля. Я воспользовался выраженіемъ Наполеоновскихъ бюллетеней, говоря, что потеря его была неизчислима. Когда къ завтраву я сошелъ внизъ къ моей женѣ, она спросила, что̀ случилось со мною и когда я сообщилъ ей о паденіи Смоленска и увидалъ судорожныя движенія ея лица и задрожавшія губы, — я хотѣлъ ее утѣшить, не догадываясь, почему это извѣстіе, которое для нея вовсе не было неожиданнымъ, произвело такое дѣйствіе. Едва произнося слова, она мнѣ сказала. „А Сергѣй? Стало быть, онъ убитъ!“ Она спрашивала о сынѣ, и я не имѣлъ возможности разсѣять ея страхъ, потому что не зналъ, что́ случилось съ нашимъ сыномъ. По счастію, курьеръ, котораго я призвалъ, видѣлъ его и объявилъ, что онъ обѣщалъ написать при первомъ случаѣ. Наша тревога прошла; но я до такой степени былъ заваленъ работою съ 6 до 10 часовъ, что мои мысли не обращались даже къ моему единственному сыну; я былъ занятъ только спасеніемъ Россіи и погибелью ея враговъ. Кромѣ этого, я ко всему былъ равнодушенъ. Когда я сѣлъ въ карету, чтобы ѣхать въ генералъ-губернаторскій домъ, то дорогою подготовлялъ свое лицо для опредѣленнаго выраженія, обдумывая и то, что̀ я долженъ говорить. Къ полудню залы наполнились, и въ первый разъ я замѣтилъ, что безпокойство, существовавшее прежде, замѣнилось страхомъ, который выражался на всѣхъ лицахъ. Что́ я ни говорилъ о подкрѣпленіяхъ, которыя приближались къ арміи со всѣхъ сторонъ и въ слѣдствіе которыхъ она сдѣлается въ числительномъ отношеніи многочисленнѣе непріятельской, слова мои мало успокоивали и еще менѣе ободряли“.

О сраженіи при Смоленскѣ графъ Ростопчинъ обнародовалъ слѣдующее объявленіе: „4-го числа императоръ Наполеонъ, собравъ всѣ свои войска въ числѣ 100 тысячь человѣкъ, пришелъ къ Смоленску, гдѣ былъ встрѣченъ за 6 верстъ отъ города корпусомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго. Сраженіе началось въ 6 часовъ утра и къ полудню сдѣлалось кровопролитнѣйшимъ. Храбрость Русскихъ превозмогла многочисленность, и непріятель былъ опрокинутъ. Корпусъ ген. Дохтурова, пришедшій на смѣ-

---

г., смѣшаны часто самыя происшествія, а число дня легко могло быть забыто и обозначено невѣрно. Если графъ Ростопчинъ получилъ извѣстіе изъ арміи рано утромъ 8-го Августа, то оно писано было въ главной квартирѣ и отправлено не позднѣе 6-го Авг. (отъ Смоленска до Москвы 390 верстъ). Августа 6-го еще продолжалась битва подъ Смоленскомъ на правомъ берегу Днѣпра: въ 9 часовъ вечера въ этотъ день только началось отступленіе первой арміи къ Соловьевой переправѣ; вся ночь прошла въ передвиженіи войскъ; а на слѣдующій день произошло сраженіе при Лубинѣ, и 8 числа войска пришли къ Соловьевой переправѣ (военный журналъ полковника Толя). Только въ этотъ день, достигнувъ Соловьевой переправы и снова соединившись со второю арміею, могъ увѣдомить Барклай де Толли гр. Ростопчина объ оставленіи Смоленска. Это число отправленія извѣстія изъ главной квартиры гр. Ростопчинъ смѣшалъ вѣроятно съ числомъ полученія имъ этого извѣстія. Но получить его могъ онъ 10-го или 11-го Августа, смотря по тому, въ какое время дня 8-го Авг. оно было отправлено изъ главной квартиры. Это подтверждаетъ и самое извѣстіе, обнародованное гр. Ростопчинымъ, въ которомъ онъ говоритъ о расположеніи армій при деревнѣ Пневой, т. е. близъ Соловьевой переправы, что̀ и могло быть только 8 Августа. Поэтому извѣстіе графа Ростопчина могло быть обнародовано не ранѣе 11-го или 12 Августа.

ну утомленнаго, но побѣдившаго корпуса ген. Раевскаго, 5-го числа вступилъ въ битву, которая продолжалась до глубокой ночи. Непріятельскія войска вездѣ были отражаемы, и Русскіе воины съ храбростію и мужествомъ, имъ свойственною, на гибель враговъ и защиту Отечества шли съ яростію, призывая имя Господне въ помощь. Но въ сіе время городъ Смоленскъ объятъ былъ пламенемъ, и войска наши заняли позицію отъ Днѣпра къ деревнѣ Пневой и Догоробужу. Обѣ арміи стоятъ вмѣстѣ. Непріятель, разстроенный столь сильнымъ пораженіемъ, остановился и, потерявъ болѣе 20.000 чел., пріобрѣлъ въ добычу старинный городъ Смоленскъ, руками его въ пепелъ обращенный. Жители всѣ нѣсколько дней до сраженія вышли изъ города. Съ нашей стороны уронъ убитыми и ранеными простирался до 4000 человѣкъ: въ числѣ первыхъ два храбрые генерала, Скалонъ и Балла. Въ плѣнъ взято множество войска, цѣлые непріятельскіе баталіоны кидали ружья, чтобъ спасти жизнь. Три полка нашей кавалеріи и три козаковъ опрокинули 60 эскадроновъ непріятельской кавалеріи подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля".

Очевидно, свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ, полученныхъ гр. Ростопчинымъ, были весьма скудны. Блестящіе подвиги нашихъ войскъ при защитѣ Смоленска могли бы доставить болѣе любопытное содержаніе для объявленія, которое произвело бы вѣроятно иное впечатлѣніе, не ослабивъ конечно мысли о близкой опасности для Москвы. Но въ то время, когда все народонаселеніе Москвы было занято мыслью о томъ, чтобы искать спасенія въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, графа Ростопчина занимала иная мысль. „До самаго утра другаго дня я былъ постоянно взволнованъ мыслью, говоритъ онъ, что Наполеонъ остановится въ Смоленскѣ до будущей весны. Ненужно было много предвидѣнія, чтобы въ этой мѣрѣ не увидать величайшихъ несчастій для Россіи. Но Наполеонъ не останавливался и сдѣлалъ первый шагъ къ своей погибели".

Безпокойство графа Ростопчина прошло на другой-же день, когда онъ получилъ извѣстіе о сраженіи, бывшемъ при Заболотьѣ или Валутиной горѣ. Эта мысль занимала многихъ военныхъ людей того времени. Полагали, что для Наполеона было бы выгоднѣе закончить первую кампанію взятіемъ Смоленска или даже остановиться въ Вильнѣ, занять всѣ присоединенныя отъ Польши губерніи, образовать новое Польское королевство, соединивъ ихъ съ герцогствомъ Варшавскимъ, приготовить поголовное возстаніе Поляковъ и будущею весною довершить пораженіе Россіи. Такъ разсуждали и совѣтовали Наполеону многіе изъ его маршаловъ. Конечно такая мысль могла занимать и гр. Ростопчина; но однакоже въ его письмахъ къ императору и другимъ лицамъ въ то время мы не видимъ и слѣдовъ ея. Быть можетъ, она была мимоходною и занимала его только одни сутки (какъ онъ и самъ говоритъ) отъ извѣстія о паденіи Смоленска до извѣстія о битвѣ при Заболотьѣ. Но почему же она представлялась ему въ такомъ грозномъ видѣ?

Если бы Наполеонова армія могла зимовать на удобныхъ квартирахъ, въ странѣ богатой и неопустошенной, если бы во все это время непріятель ея не тревожилъ, и она спокойно могла бы отдохнуть и пополниться новыми силами; если бы Двина и Днѣпръ и зимой, т. е. покрытыя льдомъ, могли бы представлять такую же крѣпкую оборонительную линію, какъ весною, лѣтомъ и осенью; еслибъ онъ дѣйствительно могъ возсоздать Польское королевство, поднять его противъ Россіи, и его невольныя союзницы, Австрія съ благосклоннымъ удовольствіемъ согласилась бы отказаться отъ Галиціи, а Пруссія отъ желанія возвратить назадъ потерянныя ею Польскія области, если бы не одинъ страхъ держалъ

въ его покорности не только Германію, но даже и самую Францію: тогда безъ сомнѣнія Наполеону слѣдовало бы раздѣлить кампанію на двѣ и перезимовать за Днѣпромъ [9]).

Но ни одного изъ этихъ условій не существовало, и потому всего вѣроятнѣе, что столь долгій перерывъ военныхъ дѣйствій съ его стороны обратился бы въ пользу Россіи. Почему же гр. Ростопчинъ могъ думать, что это угрожало величайшими бѣдствіями Россіи? Мы не можемъ найти инаго объясненія, какъ въ его неувѣренности во внутреннемъ положеніи Россіи. Мнимые заговоры Мартинистовъ и Якобинцевъ, страхъ народныхъ волненій, если Наполеонъ превозгласитъ свободу крестьянъ, вотъ что затемняло свѣтлый умъ и мутило здравый смыслъ такого замѣчательнаго человѣка, какъ гр. Ростопчинъ. Посланіе къ Московскимъ жителямъ было главнымъ образомъ направлено къ этой цѣли. „Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за *добромъ* идетъ, а его дѣло кожу драть; обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу *свободу*". Кому же могло бы придти въ голову, будто можетъ кто нибудь подумать, что непріятель, вторгнувшійся въ предѣлы Отечества, можетъ за *добромъ* идти, если бы существовавшее въ то время крѣпостное право на людей не омрачало образа мыслей даже избраннѣйшихъ людей. Къ ихъ числу принадлежалъ и гр. Ростопчинъ. *Особыя* порученія, возложенныя на С. Н. Глинку, въ томъ и состояли, чтобы возбуждать народъ противъ Наполеона, въ опасеніи, что народъ можетъ повѣрить его обѣщаніямъ, освободить его отъ крѣпостной зависимости. Въ письмѣ къ Балашеву, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, волнуемый такимъ опасеніемъ, графъ Ростопчинъ говорилъ: „Я вамъ сообщаю новое доказательство, что слово *вольность,* на коей Наполеонъ создалъ свои замыслы завоевать Россію, совсѣмъ въ пользу его не дѣйствуетъ. Русскихъ проповѣдниковъ свободы нѣтъ; ибо я въ счетъ не кладу ни помѣшанныхъ, ни пьяныхъ, коихъ слова остаются безъ дѣйствія. А сего числа одинъ Французъ, дезертёръ въ послѣднюю войну, по имени Мутонъ, живучи въ домѣ доктора Шлегеля, вздумалъ говорить слугѣ, что скоро они будутъ счастливы, и Наполеонъ имъ дастъ свободу. Вмѣсто благодарности человѣкъ Русскій ударилъ его по зубамъ, позвалъ товарищей, чтобъ тащить его на съѣзжій дворъ, и это дѣло порядкомъ разбирается" [10]). Послѣ занятія Смоленска гр. Ростопчинъ еще надѣялся, что Наполеонъ не пойдетъ на Москву (по крайней мѣрѣ такъ скоро, какъ это случилось), но, удерживая наши войска у Днѣпра, будетъ пресѣкать ихъ сообщенія со внутреннею Россіею и стараться „потрясти духъ Русскій", какъ писалъ онъ кн. Багратіону, прибавляя: „главная его пружина: вольность — не дѣйствуетъ, и о ней лишь изрѣдка толкуютъ пьяницы" [11]).

Какимъ-то страннымъ теченіемъ безсознательной умственной дѣятельности увѣровавъ въ какую нибудь мысль, гр. Ростопчинъ, по свойству его природы, доводилъ ее до крайности, преслѣдовалъ постоянно и неуклонно, не смотря на то, что она находилась въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностію. Его умъ постигалъ это противорѣчіе; но онъ не сознавался въ своей ошибкѣ, увлекаемый безсознательною страстью. Онъ не могъ указать ни на какіе признаки, которые бы подтверждали его подозрѣнія противъ Мартинистовъ и Масоновъ; но, приписывая это ихъ

---

[9]) Тьеръ, Hist. de l'empire, кн. XXVI.

[10]) Письмо гр. Ростопчина къ министру полиціи отъ 30 Іюля 1812 г.

[11]) Письмо гр. Ростопчина къ кн. Багратіону отъ 12-го Авг. 1812 г.

хитрому образу дѣйствій, усиливалъ наблюденіе за ними и, раздражаясь неуспѣшностію своихъ дѣйствій, прибѣгалъ къ мѣрамъ несправедливымъ и суровымъ. Онъ самъ, постоянно, какъ въ донесеніяхъ императору, такъ и въ перепискѣ съ другими лицами, свидѣтельствовалъ о спокойствіи народа, о его глубокой преданности Отечеству и государю и о готовности на всякія пожертвованія; а въ тоже время опасался измѣны съ его стороны, подозрѣвалъ, что онъ можетъ принять освобожденіе отъ крѣпостной зависимости изъ рукъ врага Отечества. „Говоря съ народомъ и къ народу, замѣчаетъ С. Н. Глинка, гр. Ѳедоръ Васильевичъ отдалилъ отъ себя званіе главнокомандующаго. Въ дружескихъ своихъ посланіяхъ онъ бесѣдовалъ съ обывателями, какъ заботливый и привѣтливый другъ. Словомъ, онъ поставилъ себя на чреду старшины *мірской сходки*“ [12]). И, поставивъ себя на эту чреду, онъ въ тоже время питалъ самое оскорбительное для Русскаго народа подозрѣніе, и потомъ былъ увѣренъ, что его вліяніе и принятыя имъ мѣры отклонили это зло [13]).

---

[12]) Записки о Москвѣ, стр. 43.

[13]) Въ этомъ случаѣ гр. Ростопчинъ совершенно сошелся во взглядахъ съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ наиболѣе ненавидилъ и преслѣдовалъ, съ извѣстнымъ масономъ І. А. Поздѣевымъ. Этотъ *истинный* Христіанинъ (какъ называли себя наши Масоны) и филантропъ, въ письмѣ къ С. С. Ланскому изъ Вологды отъ 19-го Сентября 1812 года, говоритъ: „Одни дворяне и ихъ прикащики побуждаютъ къ повиновенію государ.о, дабы подати, подводы и прочіе налоги давать. А дворяне къ мужикамъ остужены разсѣяніемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности, и все это поддерживалось головами Французскими и изъ Русскихъ, а нынѣ и паче Французами, знающими, что оная связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россію, а именно связь государя съ дворянами, поддерживающими его власть надъ крестьянами, кои теперь крайне отягощены наборомъ рекрутъ, милиціей и такъ называемымъ ополченіемъ нынѣ, и особливо въ Московской губерніи, которая теперь уже не наша. И слышу, пишутъ изъ подмосковной дворовые, что уже мужики выгнали дворовыхъ всѣхъ въ однѣхъ рубашкахъ вонъ теперь; а нынѣ уже зима: куда идти безъ хлѣба и одежды? Въ лѣса? замерзнуть и погибнуть съ голоду? Вотъ состояніе Россіи! А сердце государства, Москва взята, сожжена. Войска мало, предводители пятятся назадъ; научились на разводахъ только, а далѣе не смыслятъ; войска потеряли прежній духъ, а Французы распространяются всюду и проповѣдуютъ о вольности крестьянъ,—то и ожидай всеобщаго (возстанія). При этакомъ частомъ и строгомъ рекрутствѣ и наборахъ ожидай всеобщаго *бунта* противъ государя и дворянъ и *прикащиковъ*, кои власть государя подкрѣпляютъ.“ Эти строки не заслуживали бы ни малѣйшаго вниманія, если бы онѣ не были написаны однимъ изъ корифеевъ нашихъ Масоновъ, *вольныхъ каменщиковъ*, обладавшихъ яко бы таинственными преданіями едва не съ сотворенія міра, строителями Соломонова храма, знатоками его премудрости, благодѣтелями бѣдныхъ, сирыхъ и убогихъ, ревнителями народнаго просвѣщенія. „Гдѣ теперь безопасность? писалъ Поздѣевъ къ гр. Разумовскому нѣсколько дней спустя, 21-го Сентября: потому что и мужики наши, по вкорененному Пугачевымъ и другими молодыми головами желанію, ожидаютъ какой-то вольности, хотя и видятъ разореніе совершенное; но очаровательное слово вольность кружитъ ихъ, ибо мало смыслящихъ; а прочее все число, такъ какъ и во всѣхъ состояніяхъ, глупые и невѣжды“. Чѣмъ же объяснить это тождество взглядовъ такихъ противуположныхъ одинъ другому людей? Всего естественнѣе конечно тѣмъ, что оба принадлежали къ числу усердныхъ защитниковъ крѣпостнаго права, весьма еще многочисленныхъ въ это время. Но къ ихъ числу принадлежалъ и А. С. Шишковъ; а между тѣмъ въ проектѣ манифеста объ ополченіи онъ написалъ: „Каж-

Къ этимъ измышленнымъ опасеніямъ могло бы въ это время присоединиться и дѣйствительное, т. е. недовѣріе къ предводителямъ Русскихъ войскъ, но гр. Ростопчинъ уже зналъ о назначеніи кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями. Его письмо къ императору, заявлявшее, что Москва желаетъ именно этого назначенія, встрѣтилось на дорогѣ съ рескриптомъ къ нему государя, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Я получилъ ваши письма отъ 13, 25 и 26 прошлаго мѣсяца. Объявляемый рекрутскій наборъ уравняетъ тягость казенныхъ крестьянъ съ помѣщичьими, и я надѣюсь поймутъ, что я не имѣлъ намѣренія обязанности казенныхъ сдѣлать болѣе легкими, потому что они будутъ такими же солдатами и на всю жизнь. Я призналъ полезнымъ назначить генерала Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями и надѣюсь, что отъ этого будетъ болѣе единства въ дѣйствіяхъ, нежели было до сихъ поръ, благодаря личностямъ, бывшимъ между генералами“ [14]). Получивъ этотъ рескриптъ, гр. Ростопчинъ отвѣчалъ немедленно, и въ отношеніи къ назначенію Кутузова говорилъ: „Какъ жаль, государь, что князь Кутузовъ еще не прибылъ въ армію. Не говоря уже о взаимныхъ ссорахъ, ни Барклай, ни кн. Багратіонъ не могутъ быть главнокомандующими и дѣйствовать большими силами. Они отправились искать непріятеля въ Рудню, тогда какъ, со всѣми своими силами, онъ намѣренъ былъ напасть на Смоленскъ. Если бы онъ подошелъ часомъ ранѣе, то Раевскій былъ бы предупрежденъ. Только Русскій солдатъ можетъ ходить по 40 верстъ безъ остановки и безъ отдыха вступать въ битву. Судя по письму ко мнѣ военнаго министра, онъ рѣшился дать сраженіе у Умолья. Отъ достоинства нашихъ войскъ можно ожидать побѣды“. Упоминаемое здѣсь письмо Барклая де Толли и извѣстіе о первомъ сраженіи при Полоцкѣ послужили графу Ростопчину поводомъ обнародовать слѣдующее объявленіе жителямъ Москвы, 13-го Августа:

„Я сей часъ получилъ чрезъ курьера отъ военнаго министра извѣстіе, что непріятель стоитъ на томъ же мѣстѣ. Нашъ авангардъ въ Умольѣ,

---

дый изъ военачальниковъ и воиновъ, при новомъ своемъ званіи, сохраняетъ *прежнее*, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды и, по прошествіи надобности т. е. по изгнаніи непріятеля изъ земли нашей, всякъ *возвратится*, съ честью и славою, въ *первобытное свое состояніе и къ прежнимъ обязанностямъ*“,—слѣдовательно крѣпостные люди на томъ же правѣ возвратятся къ своимъ помѣщикамъ. Могъ-ли бы написать эти строки государственный секретарь, если-бы онъ также опасался, что народъ можетъ быть вовлеченъ въ измѣну обѣщаніемъ освобожденія со стороны врага Отечества? Очевидно такая мысль и въ голову ему не приходила. Императоръ Александръ, постоянно желавшій уничтоженія крѣпостнаго права на людей, подписавъ манифестъ, не исключилъ этихъ строкъ и тѣмъ самымъ показалъ, что вѣритъ своему народу, его любви къ Отечеству и преданности ему самому. Еще въ первые дни по вторженіи Французовъ въ Россію, намѣреваясь возбудить народную войну, онъ писалъ Барклаю де Толли: „Я надѣюсь, что мы выкажемъ такую же энергію въ этомъ случаѣ, какъ Испанцы (j'espère que nous aurons autant d'énergie, que les Espagnols en déployent. Письмо изъ лагеря при Дриссѣ отъ 27 Іюня). Не отношенія къ вопросу о крѣпостномъ правѣ на людей сблизили мнѣнія такихъ противуположныхъ одинъ другому людей, какъ гр. Ростопчинъ и Поздѣевъ; но одинаковый взглядъ на народъ. „Россія не то, что́ Пруссія и Нѣмецкія земли, не то, что́ Польша еще; Россія все Татарщина“, писалъ Поздѣевъ (Русс. Архивъ 1872 г. № 10, стр. 1869 г. № 3, статья де Пуле; Записки Шишкова, т. II, стр. 109 и слѣд.).

[14]) Письмо императора изъ Петербурга отъ 8 Авг. 1812 г.

30 верстъ отъ Дорогобужа къ Смоленску. Главная квартира обѣихъ армій въ Дорогобужѣ. Непріятель отъ генеральнаго сраженія уклоняется (?). Къ намъ отъ него Нѣмцы бѣгутъ сотнями и объявляютъ, что соотчичи ихъ въ первомъ сраженіи перейдутъ къ намъ. Курьеръ, пріѣхавшій ко мнѣ, встрѣтилъ у Вязьмы лейбъ-драгунскаго полковника Альбрехта, посланнаго отъ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна къ военному министру съ извѣстіемъ, что онъ въ 15 верстахъ отъ Полоцка напалъ на фельдмаршала Удино, дрался съ нимъ два дни, разбилъ совершенно его армію, взялъ въ плѣнъ 3 тысячи человѣкъ, убитыхъ до шести, пушекъ досталось отъ непріятеля 15. Въ первый день фельдмаршалъ Удино смертельно раненъ, а второю арміею командовалъ Сенъ-Сиръ. Наши войска въ Полоцкѣ".

Хотя Полоцкъ и не былъ занятъ нашими войсками; но эти дѣйствія гр. Витгенштейна положили предѣлъ наступательнымъ движеніямъ маршаловъ Удино и Сенъ-Сира.

Едва гр. Ростопчинъ обнародовалъ эти извѣстія, какъ получилъ письмо отъ Барклая, который извѣщалъ его, что отложилъ свое намѣреніе дать сраженіе. Взволнованной этою вѣстью, графъ на другой же день отправилъ вновь курьера къ государю съ письмомъ, въ которомъ говоритъ: „Новыя рѣшенія военнаго министра вынуждаютъ посылку этого курьера. Отъ 10-го онъ писалъ мнѣ, что, по соглашенію съ Багратіономъ, онъ рѣшился дать сраженіе непріятелю и что по выгодности положенія выбралъ Умолье. Вчера я получилъ письмо, которымъ Барклай, изъ Дорогобужа, отъ 12-го, увѣдомляетъ, что, не желая подвергать судьбу государства исходу одного сраженія и что такъ какъ непріятель, владѣя многочисленною кавалеріею, намѣревается обойти его лѣвый флангъ, онъ рѣшился отступить къ Вязьмѣ, гдѣ укрѣпляетъ позицію, которую сегодняшнею ночью онъ двинется занять войсками. Совершенно не понимая этихъ необычайныхъ рѣшеній, я только нахожу одно утѣшеніе, что кн. Кутузовъ можетъ остановить это безславное отступленіе и дѣйствовать арміею, которая только и желаетъ драться" [15]). Изъ приведенныхъ словъ, кажется, несомнѣнно можно заключить о взглядѣ гр. Ростопчина на Барклая, какъ главнокомандующаго, взглядѣ совершенно несогласномъ съ тѣмъ, который онъ послѣ выразилъ въ своихъ Запискахъ. Конечно онъ могъ въ послѣдствіи перемѣнить взглядъ; но въ то время онъ его не имѣлъ. Точно также изъ приведенныхъ его словъ о Кутузовѣ видно, что, вмѣстѣ съ Москвою и всею Россіею, онъ возлагалъ на него надежды. Между тѣмъ въ своихъ Запискахъ вотъ какъ онъ разсказываетъ о его назначеніи главнокомандующимъ: „Послѣ взятія Смоленска, вражда между двумя главнокомандующими усилилась еще болѣе. Багратіонъ писалъ мнѣ письма, исполненныя жалобъ на Барклая и увѣрялъ меня, что онъ помѣшалъ ему въ разныхъ случаяхъ побить Наполеона и что, постепенно отступая передъ нимъ, онъ приведетъ его въ Москву, чего, по его мнѣнію, никогда бы не случилось, еслибъ онъ командовалъ. Барклай отовсюду, гдѣ только останавливался на 24 часа, увѣдомлялъ меня, что онъ рѣшился дать сраженіе, а на другой день я получалъ извѣстіе о новомъ его отступленіи къ Москвѣ. Я не знаю, чѣмъ бы окончилась эта вражда Багратіона къ Барклаю, еслибъ они не получили извѣстія изъ Петербурга о назначеніи генерала Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями, т. е. арміями Барклая, Багратіона, Чичагова и Тормасова. Въ указѣ было сказано, что

---

[15]) Письма гр. Ростопчина къ императору отъ 13-го и отъ 14-го Августа, 1812 г.

это сдѣлано для того, чтобы подчинить армію старѣйшему и болѣе опытному генералу и положить конецъ несогласіямъ между генералами. Эти слова были также и въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ императора [16]). Барклай, образецъ воинскаго повиновенія (subordination) молча перенесъ униженіе, скрылъ въ душѣ свою грусть и продолжалъ служить съ тѣмъ же усердіемъ. Багратіонъ, напротивъ, не зналъ мѣры въ выраженіяхъ и въ письмѣ ко мнѣ, которымъ увѣдомлялъ о назначеніи Кутузова, называлъ его негодяемъ, способнымъ измѣнить за деньги. Новый Фабій однакоже былъ уже въ дорогѣ, и Москва представила въ этомъ случаѣ доказательство своего непониманія дѣла. По полученіи извѣстія о его назначеніи всѣ опьянѣли отъ радости, поздравляли другъ друга; мущины, женщины, всѣ предавались радости. Можно было подумать, что лично одинъ Кутузовъ можетъ обратить въ бѣгство воинства Наполеона, дѣйствуя на нихъ какъ голова Медузы. Императоръ очень хорошо зналъ генерала Кутузова. Когда онъ возвратился изъ Або [17]) въ Петербургъ и нашелъ его тамъ, то онъ десять дней не принималъ его къ себѣ. Но онъ пожаловалъ его княземъ съ титуломъ свѣтлости, въ награду за заключеніе мира съ Турками. Московское общество въ это время, болѣе удивленное, нежели испуганное отступленіемъ нашихъ войскъ и начинавшее думать о возможности занятія Москвы непріятелемъ, утѣшало себя тѣмъ, что придало бѣдному и храброму Барклаю титулъ измѣнника. Крики достигли до Петербурга, и государь, болѣе съ цѣлію подчинить всѣхъ одному начальнику, назначилъ Кутузова; но Москва приписала это уваженію его къ общественному мнѣнію. Этотъ генералъ Кутузовъ, котораго тѣло погребено въ соборѣ въ Петербургѣ, которому будетъ воздвигнутъ памятникъ и котораго рѣшались называть спасителемъ Россіи, былъ 68 лѣтъ въ 1812 году. Во время войны съ Турками, когда онъ былъ еще маіоромъ, пуля прошла чрезъ его черепъ за глазами. Эта рана считалась безпримѣрною потому, что онъ не только остался живъ, но и сохранилъ зрѣніе, и возбудила къ нему сочувственное вниманіе всѣхъ. Это былъ человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, мало учившійся, но много видѣвшій и испытавшій, отличный разскащикъ, покорный слуга женщинъ, смѣлый лгунъ, низкій и пресмыкающійся, все переносившій, всѣмъ жерт-

---

16) Эти слова приведены выше изъ письма императора отъ 8 Авг.; но этихъ словъ нѣтъ и, конечно, быть не могло, ни въ рескриптѣ Кутузову, ни въ извѣстіи, напечатанномъ въ газетахъ (Сѣверн. Почта № 64) Рескриптъ кн. Кутузову былъ слѣдующій: „Михайло Ларіоновичь! Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами; но послѣдствія оныхъ не открываютъ мнѣ той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству и неоднократные опыты отличныхъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, я прошу всемогущаго Бога да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россійскаго оружія и да оправдаются тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на васъ возлагаетъ. 8-го Авг. 1812 г“. Отъ того-же числа данъ былъ указъ Сенату о новомъ назначеніи князя Кутузова.

17) Вмѣсто: изъ Або, надо бы сказать: изъ Москвы. Въ Або императоръ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го Авг., т. е. на другой день послѣ назначенія кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями.

вовавшій, чтобы быть въ милости. Онъ никогда не жаловался, но постоянствомъ и происками всегда получалъ назначенія въ то время, когда уже его считали забытымъ навсегда. Онъ пріѣхалъ въ главную квартиру при селѣ Царевѣ-Займищѣ, велѣлъ выстроить войска и, проходя передъ рядами, нѣсколько разъ сказалъ: „съ такими храбрыми воинами стыдно отступать передъ непріятелемъ" и, возвратившись въ свою квартиру, отдалъ приказъ отступить къ Вязьмѣ. Самые ревностные его защитники поняли тогда, что весь Суворовъ уже въ могилѣ. По Москвѣ распространился слухъ, что въ то время, когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ, два орла парили надъ его головою; но когда узнали, что онъ приближается къ Москвѣ, также какъ и его предшественникъ, забыли о пророческихъ орлахъ, и побѣда осталась на воздухѣ".

Эти строки писаны гораздо послѣ событій, подъ иными впечатлѣніями и при иныхъ условіяхъ. Ихъ значеніе опредѣлится въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ, и потому, оставляя ихъ безъ объясненій, считаемъ нужнымъ остановиться только на отзывѣ о князѣ Кутузовѣ, который графъ Ростопчинъ приписываетъ кн. Багратіону. Тѣхъ писемъ кн. Багратіона, о которыхъ говоритъ графъ Ростопчинъ, не сохранилось; но его свидѣтельство о мнѣніи кн. Багратіона относительно Кутузова не подтверждается никакими другими свидѣтельствами современниковъ, и потому нельзя не усомниться, чтобы любимецъ и ученикъ Суворова, князь Багратіонъ могъ отзываться такъ о томъ, кого такъ уважалъ и цѣнилъ Суворовъ. Полное отсутствіе безпристрастія въ Запискахъ графа Ростопчина о 1812 г. даетъ поводъ сомнѣнію и въ этомъ случаѣ.

Послѣ взятія Смоленска, Москва почувствовала опасность, и началось выселеніе ея жителей. Всѣ спѣшили или выбраться сами, или удалить свои семейства, стариковъ, женъ и дѣтей изъ города, которому грозило непріятельское нашествіе, увезти или скрыть въ безопасныя мѣста свои имущества. Какъ-же отнесся къ этому движенію гр. Ростопчинъ? Этотъ вопросъ требуетъ изслѣдованія, потому что въ послѣдствіи на него сыпались упреки, что, отъ его распоряженій или нераспорядительности, въ Москвѣ осталось много имущества частныхъ людей, сдѣлавшагося добычею пламени или грабежа, много государственныхъ бумагъ, продовольственныхъ припасовъ, оружія, пороху, трофеи и Московская святыня. Чтò касается до вывоза изъ Москвы нѣкоторыхъ государственныхъ сокровищъ и историческихъ памятниковъ, то гр. Ростопчинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по приказанію государя, непосредственно выраженному во время его пребыванія въ Москвѣ. Еще въ концѣ Іюля онъ увѣдомлялъ государя, что для этой цѣли, подъ различными предлогами, велѣно заготовить нѣсколько барокъ въ Коломнѣ. Но онъ не приступалъ къ исполненію этой мѣры до полученія извѣстія о сдачѣ Смоленска. Получивъ же это извѣстіе, гр. Ростопчинъ доносилъ: „Ко мнѣ пришли 1500 чел. изъ Вязьмы; чтобы употребить ихъ съ пользою для службы, я вооружилъ ихъ и размѣстилъ въ здѣшніе гарнизонные полки. Я принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы ничего здѣсь не осталось на тотъ случай, еслибы непріятель, по несчастію, разбилъ наши войска и занялъ бы Москву. Я послалъ Обрѣзкова узнать навѣрное, когда Леппихъ окончитъ свою машину. Если ему еще нужно время, то я считаю болѣе удобнымъ отправить его съ рабочими и снарядами чрезъ Коломну въ Нижній—водою. Валуевъ, подъ различными предлогами, будетъ укладывать всѣ драгоцѣнности; но я ничего не начну вывозить отсюда, пока непріятель не будетъ въ Вязьмѣ или на подобномъ разстояніи отсюда" [18]). Черезъ два дня, во вновь отправлен-

[18]) Письма гр. Ростопчина къ императору отъ 23 Іюля и 10-го Августа 1812 г.

номъ письмѣ государю, повторяя, что Леппихъ отправленъ въ Нижній, графъ писалъ: „Я подъ рукою приготовляю все, чтò нужно отсюда вывезть; военная коммисія одна требуетъ до десяти тысячь подводъ. За исключеніемъ уѣздовъ Верейскаго, Воскресенскаго, Можайскаго и Волоколамскаго, соберу лошадей со всѣхъ другихъ и за должную плату примусь отправлять все.“ Но когда пришло извѣстіе отъ Барклая, что онъ снова отступилъ, не рѣшившись дать сраженія при Умольѣ, встревоженный графъ, на другой же день послѣ своего письма къ государю, увѣдомлялъ его: „Неопредѣленность этихъ дѣйствій вынуждаетъ меня рѣшиться отправить отсюда все, чтò должно быть вывезено или во Владиміръ и оттуда въ Нижній, или въ Коломну, чтобы тамъ нагрузить на барки. Будутъ взяты всѣ лошади и телѣги девяти уѣздовъ, исключая только тѣхъ, которые прилегаютъ къ границамъ Смоленской губерніи. Эти должны быть употреблены подъ военныя надобности.“ Изъ этихъ словъ видно, что распоряженія о вывозѣ изъ Москвы государственныхъ драгоцѣнностей и дѣлъ начались только въ половинѣ Августа мѣсяца.

Получивъ извѣстія, что наши войска отступили уже до Вязьмы, гр. Ростопчинъ выдалъ слѣдующее объявленіе, 18-го Августа, которое извѣстило также жителей Москвы о прибытіи кн. Кутузова въ главную квартиру: „По полученнымъ мною извѣстіямъ, авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой. Главная квартира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ. Отрядовъ отъ него нѣтъ. Корпусъ генерала Милорадовича весь въ походѣ. Авангардъ его, изъ 8000 чел. составленный, пошелъ сегодня изъ Можайска къ Гжати, подъ командою генералъ - маіора Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе Тверское готово, и 13000 чел. съ кавалеріею, подъ командою генералъ-маіора Тыртова, идутъ въ Клинъ. Свѣтлѣйшій кн. Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму. Гр. Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе; весь край очищенъ отъ проказы, и Французовъ нѣтъ. Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться; а оружія тысячь на десять есть въ арсеналѣ, которое куплено и дешево на Макарьевской ярмаркѣ. Всякое утро желающіе могутъ покупать въ арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли; цѣны тутъ означены. За это мнѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряду; но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ.“

Поводомъ продажи изъ арсенала оружія, большею частію стараго и негоднаго, послужило, какъ объявилъ въ вѣдомостяхъ графъ Ростопчинъ, „преступное лихоимство Московскихъ купцовъ, которые берутъ непомѣрную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противъ врага.“ Безъ сомнѣнія оружіе нужнѣе было для ополченцовъ, нежели для жителей Москвы, заботившихся о томъ, чтобы уѣхать самимъ и спасти свое имущество [19]). Многіе такъ и поступали; но было довольное число и такихъ, которые, не приступая къ рѣшительнымъ мѣрамъ, присматривались къ распоряженіямъ правительства. А между тѣмъ графъ Ростопчинъ входилъ въ сношенія съ различными вѣдомствами, поручалъ приготовлять къ отправленію все, чтò требовалось спасти и поручалъ исчислять необходимое число подводъ. Это продолжалось и во вторую половину Августа. Такъ 18 Августа Вотчинному Департаменту Сената онъ писалъ: „Вотчинный Департаментъ долженъ уложить всѣ свои дѣла и имѣть оныя въ готовности къ отвозу въ безопасное мѣсто, если необходимость можетъ того потребовать; а нужное количество лошадей на отвозъ сихъ дѣлъ

---

[19]) Бестужева-Рюмина, Кратк. описаніе, стр. 75.

чтобы департаментъ самъ уже отъ себя испросилъ отъ Московскаго гражданскаго губернатора.“ На другой день Вотчинный Департаментъ постановилъ: „по справкѣ оказалось, что кромѣ текущихъ дѣлъ, которыя можно оставить на произволъ судьбы, въ Вотчинномъ Департаментѣ находится еще много самыхъ нужныхъ документовъ къ разрѣшенію споровъ тяжущихся между собою по вотчиннымъ дѣламъ, и документы сіи состоятъ частію въ огромныхъ книгахъ, частію, въ связкахъ и сверткахъ, всего числомъ 42.160: то, по вычисленію, полагая на каждую крестьянскую лошадь по 18 пудовъ, необходимо до тысячи лошадей“. Вотчинный Департаментъ представилъ свое опредѣленіе оберъ-прокурору графу Дмитріеву-Мамонову, который съ своимъ отношеніемъ поручилъ члену департамента Бестужеву-Рюмину лично доставить его графу Ростопчину.

„Отъ кого?“ спросилъ онъ Бестужева, подававшаго ему пакетъ на его дачѣ въ Сокольникахъ.—„Отъ гр. Дмитріева Мамонова“, отвѣчалъ тотъ. Главнокомандующій не распечатавъ бросилъ пакетъ на столъ и потомъ поручилъ ему сказать, что самъ будетъ въ Сенатѣ [20]). Такъ разсказываетъ Бестужевъ-Рюминъ, объясняя образъ дѣйствій графа Ростопчина нерасположеніемъ его къ графу Дмитріеву-Мамонову и обвиняя его въ томъ, что архивъ Вотчиннаго Департамента не былъ вывезенъ. Но если графъ Ростопчинъ вообще не былъ въ особыхъ ладахъ съ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ; то въ это время, когда онъ на свой счетъ составлялъ цѣлый конный полкъ, сочувствуя его порыву любви къ Отечеству, онъ отнесся бы къ нему снисходительнѣе. Вина оставленія на жертву непріятелю вотчиннаго архива можетъ падать и на его членовъ и оберъ-прокурора, потому что въ заявленіи графа Ростопчина прямо было сказано, чтобы съ требованіемъ о подводахъ отнеслись непосредственно къ гражданскому губернатору, которому и было поручено удовлетворять подобныя требованія. Но еще болѣе вина эта падала бы на Министерство Юстиціи, не выказавшее въ этомъ случаѣ особенной дѣятельности [21]), еслибы не было другой, болѣе сильной причины, а именно недостатка подводъ и краткости времени. „Иностранцамъ можетъ показаться невѣроятнымъ, говоритъ графъ Ростопчинъ, что девять уѣздовъ Московской губер-

---

[20]) Тамъ-же, стр. 80.

[21]) И. И. Дмитріева, Взглядъ на мою жизнь: „Непріятель уже подходилъ къ Смоленску. При всемъ напряженіи патріотизма, можно было ожидать худыхъ послѣдствій. На всякой случай я заготовилъ проэктъ секретнаго ордера всѣмъ Московскимъ оберъ-прокурорамъ, чтобы собраны были, безъ малѣйшей огласки, нужнѣйшія и важнѣйшія бумаги какъ по Сенату, такъ и по Вотчинному Департаменту и Государственному Архиву, дабы, въ случаѣ опасности Москвы, они могли быть тотчасъ отправлены, куда будетъ назначено. По *новости предпріятія* и уваженія моего къ комитету (министровъ), я внесъ мой проэктъ на его утвержденіе; но предсѣдатель онаго, безъ *сомнѣнія по внушенію* г. Молчанова (статсъ-секретаря, управлявшаго дѣлами комитета), не хотѣлъ согласиться даже и на то, чтобы проэктъ мой хотя прочтенъ былъ въ засѣданіи комитета, сказавъ мнѣ, что я хозяинъ въ моемъ министерствѣ, слѣдовательно могу предписывать подчиненнымъ мѣстамъ безъ вѣдома комитета. И что же? Около того-же времени принимается отъ министра просвѣщенія записка о разрѣшеніи на перекрышку на Аптекарскомъ островѣ согнившей кровли на прачешномъ дворѣ. Жалкое противорѣчіе!“ (стр. 205). Такіе канцелярскіе разсчеты заставили министра юстиціи отложить свои распоряженія, хотя графъ Салтыковъ, облеченный въ это время обширною властью, уполномочивалъ его на это.

ніи, которые не были заняты непріятелемъ, съ 15 Августа по 30-е, поставили 52 тысячи лошадей и столько же телѣгъ, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, половина не возвратилась къ ихъ владѣльцамъ. Я рѣшилъ, что при отступленіи нашихъ войскъ, ихъ прибытіе въ Гжатскъ послужитъ указаніемъ къ вывозу изъ Москвы всего, что̀ предположено было вывезть. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ все прибыло въ назначенныя мѣста и какъ въ поставкѣ и перемѣнѣ лошадей не произошло затрудненій. Кромѣ судовъ, Сената, Военной Коммисіи, Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, учрежденій императрицы Маріи, сокровищъ казны, Оружейной Палаты и патріаршихъ соборовъ, монастырей Троицкаго и Воскресенскаго и сверхъ того 96 пушекъ, все это выѣхало въ продолженіи 10 дней въ Нижній Новгородъ, въ Казань и въ Вологду. Надо было закрыть глаза на нѣкоторыя злоупотребленія. Чиновники требовали тройнаго количества лошадей и подводъ. Я встрѣчалъ многіе обозы, выѣзжавшіе изъ Москвы и видѣлъ телѣги, нагруженныя дрянною мебелью, которая Богъ знаетъ кому принадлежала и которую хотѣли спасти. Открыто было, что многіе изъ этихъ мелкихъ чиновниковъ отдавали въ наймы подводы, предназначенныя для ихъ собственнаго употребленія. Я спорилъ каждое утро, и мнѣ удалось сократить на половину число требуемыхъ подводъ. Необходимо было, чтобы все совершалось правильно, потому что, какъ только дѣлалось распредѣленіе подводъ и назначался срокъ выѣзда, я давалъ знать гражданскимъ губернаторамъ во Владимірѣ и Нижній, чтобы собрали и поставили на границахъ своихъ губерній достаточное число лошадей для каждаго обоза, чтобы они могли слѣдовать далѣе. Независимо отъ лошадей, я сдѣлалъ распоряженіе въ Коломнѣ заготовить столько большихъ барокъ, сколько было возможно ихъ собрать, чтобы нагрузить на нихъ государственныя сокровища, имущество Опекунскаго Совѣта, зависившаго отъ Воспитательнаго Дома, и отправить ихъ Окою въ Нижній Новгородъ. Я уберегъ 10 изъ этихъ большихъ барокъ для перевозки раненыхъ, которые помѣщались въ трехъ главныхъ госпиталяхъ въ Москвѣ. Все пріѣхало въ порядкѣ, ничто не было затеряно. Только Военная Коммисія и большая аптека ничего не спасли по глупости генералъ-лейтенанта Татищева, въ завѣдываніи котораго они находились: онъ потерялъ время, поручивъ все дѣло своимъ чиновникамъ, которые допустили, что непріятелю досталось нѣсколько барокъ, нагруженныхъ полотномъ, и потомъ въ донесеніи военному министерству оцѣнилъ потерю въ два милліона рублей, включивъ и такіе предметы, которыхъ и не было, какъ доставшіеся непріятелю, потому что въ рѣкѣ сбыла вода“.

Хотя, кромѣ имущества Военной Коммисіи, осталось за недостаткомъ подводъ и краткостью времени еще 2 тыс. [22]) человѣкъ раненыхъ; но все та-

[22]) Графъ Ростопчинъ, Правда о пожарѣ Москвы, изд. Смирдина, стр. 284. Михайловскій-Данилевскій полагаетъ, что оставлено въ Москвѣ до 10 тысячь раненыхъ. Собр. Сочин. т. IV, стр. 504.—Отчетъ о дѣйствіяхъ интендант. управленія въ войнѣ противъ Французовъ въ 1812, 1813 и 1814 гг. Канкрина, изд. въ общемъ „Отчетѣ за войну 1812 — 1815 г.“ вѣроятно Барклаемъ де Толли, безъ обозначенія года (190 стр.). Подъ отчетомъ Канкрина подписано: Варшава, Марта 3-го дня 1815 г.; подъ рапортами Барклая государю, при которыхъ онъ представлялъ этотъ отчетъ: 24 и 25 Марта 1815 г. Вѣроятно эта книга и напечатана въ этомъ году и, можетъ быть, въ Варшавѣ. Канкринъ говоритъ: „Въ Москву, гдѣ больные должны были поступать во внутреннее вѣдомство, были посланы предувѣдомленія о прибытіи ихъ и прошено было собрать повозки, на коихъ они туда и пріѣхали. По пріѣздѣ моемъ въ Москву (передъ самымъ ея оставленіемъ),

ки нельзя дѣйствительно не удивляться, какъ много было вывезено изъ Москвы и еще болѣе, какъ возможно было, не производя никакихъ волненій, обобрать почти всѣ перевозочныя средства населенія девяти уѣздовъ, жителямъ которыхъ самимъ уже приходилось покидать свои жилища. Это показываетъ, каково было настроеніе народа, рѣшившагося на самопожертвованія и потерю всего своего достоянія для спасенія Отечества. Подобное распоряженіе совершенно удалось и не только въ одной Москвѣ, но и повсюду въ Россіи, что̀ доказываетъ, что всѣ обозы вѣрно и безъ препятствій достигли мѣстъ своего назначенія. Вслѣдствіе ли нераспорядительности или оплошности, нѣкоторые предметы не были вывезены; но едвали и возможно было вывезть все въ такой короткой срокъ. Если бы и не съ того даже времени, какъ государь указалъ на необходимость этой мѣры графу Ростопчину, но хотя бы и съ первыхъ чиселъ Августа, послѣ взятія Смоленска и не дожидаясь приближенія нашихъ войскъ къ Гжатску, гр. Ростопчинъ началъ приводить въ исполненіе эту мѣру: то онъ избѣжалъ бы важнаго неудобства, а можетъ быть не подвергся тѣмъ упрекамъ, какими осыпали его въ послѣдствіи Московскіе жители. Во вторую половину Августа, когда всѣ лошади и телѣги были забраны для казенной надобности, въ какомъ положеніи въ отношеніи къ перевозочнымъ средствамъ должны были находиться частные люди?—„Послѣ взятія Смоленска, говоритъ графъ Ростопчинъ, многіе хотѣли уѣхать изъ Москвы; другіе удовлетворялись только тѣмъ, что держали на готовѣ лошадей и экипажи. Благодаря напередъ принятымъ мѣрамъ и точному исполненію моихъ предписаній, мнѣ не пришлось взять ни одной лошади у частныхъ лицъ и сказать кому бы то ни было, что надо уѣзжать изъ Москвы; но я только старался распространить страхъ, опасность долго оставаться въ городѣ, намекая, что обстоятельства могутъ заставить меня взять всѣхъ лошадей, какія только имѣются въ Москвѣ для военныхъ надобностей“.

Москва въ то время, какъ прежде и долго послѣ, была средоточіемъ дворянскихъ семействъ, куда съѣзжались они на зиму съ разныхъ концовъ Россіи. Болѣе достаточные изъ нихъ имѣли свои домы; другіе жили въ наемныхъ квартирахъ. Каждую осень тянулись изъ селъ и деревень обозы въ Москву, съ помѣщичьею утварью и разными запасами, и каждую весну точно такіе же обозы развозили все это снова по деревнямъ и селамъ. Эти семейства конечно могли запастись перевозочными средствами; но въ какомъ положеніи должно было оказаться все торговое населеніе и бѣдные постоянные жители Москвы (со стороны которыхъ и слышались въ послѣдствіи жалобы на графа Ростопчина) съ 15 Августа, когда всѣ подводы были обязательно забраны для казенной надобности?—

видно было, что раненые, особенно пѣшіе, впускаемы были прямо въ столицу, безъ билетовъ на госпитали и безъ всякого препровожденія, такъ что они, разсыпаясь по улицамъ, тревожили жителей зрѣлищемъ несчастнаго положенія, въ какомъ находятся раненые при ретирадѣ. Тутъ нужны были для соблюденія возможнаго порядка приличныя мѣры; но тогдашнее время, способы, вообщій упадокъ духа и обстоятельства всѣмъ распоряженіямъ были противны. Противъ ожиданія рѣшилось 2-го Сентября вечеромъ оставленіе столицы. Черезъ ночь, сколько можно было посадить раненыхъ на повозки—посажено; а поутру уже всѣ коммиссіонеры и прислуга Московскихъ госпиталей разсыпались, и *много кажется* оставалось больныхъ, которыхъ поднять уже не было возможности.“ стр. 110—111. Едва-ли и можно было навѣрное опредѣлить число раненыхъ, оставленныхъ въ Москвѣ.

„Чѣмъ болѣе приближалось время къ окончательной развязкѣ, т. е. къ сраженію, которое все еще возвѣщалъ Кутузовъ, говоритъ графъ Ростопчинъ, эмиграція дворянъ изъ Москвы усиливалась. Я велѣлъ представить мнѣ вѣдомость, сколько ежедневно экипажей выѣзжаетъ изъ заставъ Ярославской, Петербургской, Владимірской и Рязанской, и оказалось, что число бричекъ, каретъ и колясокъ простиралось до 1320 каждый день, не считая при этомъ простыхъ троичныхъ кибитокъ. Держались долѣе всѣхъ купцы и неохотно оставляли городъ, гдѣ у нихъ были дома, движимое имущество и торговля. Торговавшіе предметами нетяжелыми по вѣсу платили до 8 руб. съ пуда для перевозки ихъ въ Ярославль или Муромъ, за разстояніе въ 240 верстъ; но торговцы желѣзомъ, мѣдью должны были оставить весь свой товаръ въ Москвѣ, потому что перевозка стоила бы дороже самыхъ товаровъ. Многіе изъ знакомыхъ мнѣ богатыхъ купцовъ приходили ко мнѣ на дачу справляться, тамъ ли еще находятся моя жена и дѣти, и ихъ присутствіе убѣждало, что опасность еще не такъ близка. Въ послѣдніе четыре дня до оставленія Москвы, платили до 800 р. вмѣсто 30 или 40, за дорогу въ 240 верстъ изъ Москву во внутрь страны. Цѣна ужасная; но надо было платить, чтобы избавиться отъ посрамленія и спасти жизнь цѣною имущества.“ Но платить такія цѣны могли немногіе. „Въ Москвѣ въ это время такъ вздорожалъ наемъ извощичьихъ и даже крестьянскихъ лошадей, что за 50 верстъ просили съ нанимающаго на три лошади 300 руб. и болѣе, потому что богатые господа и купцы всѣхъ лошадей забрали, слѣдовательно обремененный семействомъ человѣкъ по недостатку своему поневолѣ долженъ былъ остаться во власти непріятеля, въ скоромъ времени овладѣвшаго Москвою“ [23]). Это говоритъ свидѣтель событій. При такомъ положеніи дѣлъ весьма благоразумно поступало Московское начальство, что смотрѣло сквозь пальцы на мелкія злоупотребленія чиновниковъ, требовавшихъ болѣе сколько нужно было подводъ подъ казенные грузы. Эти злоупотребленія были вызваны силою самихъ обстоятельствъ, въ слѣдствіе распоряженій Московскаго начальства. Спасая казенныя имущества, естественно каждый желалъ спасти и свое собственное, а особенно свои семейства и близкихъ людей.

Вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, подъ начальствомъ которой были женскія учебныя заведенія и всѣ другія находившіяся подъ вѣдомствомъ Опекунскаго Совѣта, еще въ началѣ Августа предписывала принять мѣры „на случай возможнаго несчастія“, для вывоза этихъ заведеній изъ Москвы. Послѣ извѣстія объ оставленіи Смоленска, Опекунскій Совѣтъ рѣшился приступить къ исполненію предписаній императрицы и перевезти въ Казань всѣхъ воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, оставивъ въ Москвѣ только отдѣленіе малолѣтныхъ Воспитательнаго Дома, въ виду большихъ затрудненій при его передвиженіи въ отдаленную мѣстность. Получивъ донесеніе предсѣдателя Совѣта, почетнаго опекуна А. М. Лунина, императрица писала къ почетному опекуну Н. И. Баранову: „Я съ душевнымъ прискорбіемъ вижу, что наступило время принять тѣ мѣры осторожности, которыя я предписала на случай несчастія; но съ тѣмъ вмѣстѣ съ утѣшеніемъ вижу, что рѣшились на перевозъ дѣтей изъ обоихъ дѣвичьихъ училищъ, которыя не взяты родителями и родственниками, и что вы, согласно съ желаніемъ моимъ, слѣдуете съ ними вмѣстѣ въ путь. Благодаря васъ чувствительно за усердіе ваше и о сихъ заведеніяхъ попеченіе, я препоручаю дѣвицъ особливому старанію вашему,

[23]) Бестужева-Рюмина, Кратк. описаніе, стр. 80.

наипаче въ путешествіи водою, дабы приняты были всѣ возможныя мѣры предосторожности предохранить ихъ отъ простуды при наступающей довольно суровой погодѣ". Заботясь о дѣвицахъ, императрица писала, что она „увѣрена, что Воспитательный Домъ оставленъ въ хорошихъ и надежныхъ рукахъ и поручала Баранову увѣдомлять ее, какъ во время путешествія, такъ и по пріѣздѣ въ Казань. Выражая всю силу своей заботы о дѣвицахъ, она собственноручно приписала къ этому письму: „будьте отцомъ у сихъ дѣтей и вашимъ попеченіемъ уменьшите мои заботы и душевную печаль, въ чемъ я совершенно надѣюсь на ваше усердіе". Въ послѣдствіи, узнавъ о подробностяхъ распоряженій по этому случаю, она писала ему: „Признаюсь вамъ откровенно, что не только не могу одобрить всего, при семъ случаѣ учиненнаго, но нѣкоторое усмотрѣла съ чувствительнымъ прискорбіемъ. Чтó возможно еще поправить,то я перемѣнить стараюсь, какъ-то увольненіе всѣхъ учителей, съ оставленіемъ и дѣвицъ даже безъ священника, и предложеніе взрослымъ воспитанникамъ Воспитательнаго Дома вступить въ военную службу. О первомъ я уже писала къ Ю. А. Нелединскому, который инспектора, священника и нѣкоторыхъ по выбору его учителей отправитъ въ слѣдъ за институтами, а о послѣднемъ къ главному надзирателю Тутолмину". Конечно, оставляя Москву на неопредѣленное время, слѣдовало подумать о томъ, чтобы дѣвицы могли продолжать свои учебныя занятія въ новомъ мѣстѣ ихъ пребыванія. Что-же касается до отдачи въ военную службу взрослыхъ питомцевъ Воспитательнаго Дома, то императрица отмѣнила это распоряженіе по слѣдующимъ причинамъ: „Вамъ извѣстно (писала она), что отдача въ военную службу по нашимъ узаконеніямъ есть строжайшее для питомца наказаніе и, хотя нынѣшнія обстоятельства конечно поставляютъ вступленіе въ военную службу въ иномъ видѣ, однако не должно было Совѣту приступать безъ моего вѣдома и утвержденія къ положенію, предоставляющему воспитанникамъ свободу выбрать себѣ состояніе прежде достиженія *совершеннолѣтія* и имѣющему при томъ послѣдствіемъ разрушеніе всѣхъ плодовъ ихъ образованія". Отмѣнивъ тѣ мѣры, которыя было еще возможно, императрица писала далѣе: „Чего я къ крайнему прискорбію моему отмѣнить уже не могу и о чемъ не могу вспомнить безъ огорченія и почти безъ слезъ, это отправленіе дѣвицъ, особливо дщерей Россійскаго дворянства, въ телѣгахъ, и то откуда? изъ столицы Россійской! Пусть такъ, что необходимость принудила прибѣгнуть къ сему экипажу для воспитанницъ Александровскаго училища, дочерей нижнихъ офицерскихъ чиновъ и подобнаго сему званія или еще ниже онаго людей; а для дѣвицъ изъ лучшаго дворянства неужели бы не нашлось въ обширной, изобильной Москвѣ способа достать хотя наймомъ потребнаго числа каретъ, въ дополненіе данныхъ отъ усердныхъ къ симъ заведеніямъ особъ, которыхъ имена я съ признательностію видѣла въ доставленномъ вами спискѣ? И могъ ли Совѣтъ пожалѣть на то издержекъ, не весьма значущихъ? Я признаюсь, что я не понимаю, какъ могли рѣшиться возить сихъ дѣвицъ на телѣгахъ, и я истинно со стыдомъ представляю себѣ, какое дѣйствіе произвело сіе позорище" [24]). Это обстоятельство сильно озабочивало и огорчала императрицу. Въ рескриптѣ къ Нелединскому-Мелецкому, какъ почетному опекуну, она писала тоже, чтó и Баранову, поручая ему отправить въ Казань священника, инспектора и нѣкоторыхъ изъ учителей институтовъ. Но какъ къ человѣку, который пользовался особеннымъ ея расположеніемъ, она при-

---

[24]) Письма императрицы къ Н. И. Баранову отъ 19-го и 26 Августа 1812 г. Русс. Архивъ 1870 г. № 8—9, стр. 1499—1503.

ложила собственноручное письмо, въ которомъ еще съ большею силою выразила свои чувства. „Знаете-ли, мой добрый старикъ Нелединскій, что я въ первый разъ въ жизни на васъ сержусь и хочу побранить васъ за то, что доставили чувствительное огорченіе. При мысли объ отправленіи институтовъ ноетъ мое сердце; я полагаю, что необходимость вынудила васъ поспѣшно приступить къ этой мѣрѣ, не посовѣтовавшись даже со мною о способахъ ея исполненія. Но какъ могло случиться съ вашими нѣжными чувствами, мой добрый Нелединскій, какъ могли вы подписать такое жестокое рѣшеніе, чтобы отправить на телѣгахъ дѣвицъ Екатерининскаго института, дочерей дворянъ? Эта мѣра была бы ужасна и въ отношеніи къ Александровскому институту; но можно придти въ отчаяніе, узнавъ, что она примѣнена къ дѣвицамъ Екатерининскаго, и я увѣряю васъ, мой добрый Нелединскій, что я плакала горючими слезами. Боже мой! Какое зрѣлище для столицы имперіи: цвѣтъ дворянства вывозится на телѣгахъ! Я понимаю, что въ такое тревожное время каждый нуждается въ своемъ экипажѣ, и поэтому намъ дали ихъ мало; но слѣдовало нанять, что́ въ Москвѣ не было бы затруднительно. Г-жа Переттъ (начальница института) очень виновна, что не воспротивилась рѣшительно этой мѣрѣ, равно какъ и увольненію всѣхъ учителей“.

Нелединскій получилъ это письмо уже въ послѣднихъ числахъ Августа, когда и ему самому скоро пришлось оставить Москву; но его отвѣтъ любопытенъ потому, что онъ описываетъ состояніе Москвы послѣ того, какъ получено было извѣстіе объ оставленіи Смоленска. Онъ писалъ: „Уже часъ ночи, и въ это время я получилъ приказаніе вашего императорскаго величества. Завтра утромъ я соберу всѣ свѣдѣнія и приму всѣ мѣры для ихъ исполненія съ возможною поспѣшностію; но теперь, пользуясь спокойными часами ночи, отвѣчаю на ваше милостивое письмо, въ которомъ благодѣющая душа, украшающая то высокое положеніе, въ которое поставило васъ Провидѣніе, выразилась во всемъ ея блескѣ, но изъ котораго я вижу, что вы не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи Москвы послѣ потери Смоленска. Обстоятельства, сопровождавшія эту потерю, произвели сильное вліяніе на всѣхъ. Мысль объ измѣнѣ была всеобщею, и прежде нежели узнали о назначеніи кн. Кутузова главнокомандующимъ, всѣ не находившіеся на службѣ и имѣвшіе экипажи рѣшились оставить Москву и въ продолженіи многихъ дней по дорогѣ къ Троицѣ тянулись непрерывными рядами экипажи, какъ это бываетъ на гуляньяхъ. Графъ Ростопчинъ говорилъ мнѣ, что въ продолженіи трехъ дней выѣхало изъ Москвы до 4-хъ тысячь каретъ и колясокъ. Общее недовѣріе усилилось еще болѣе, когда узнали, что наши войска, не потерпѣвшія потерь, кромѣ двухъ корпусовъ, отданныхъ на жертву подъ Смоленскомъ, отступили до Вязьмы, т. е. 160 верстъ, въ четыре или пять дней. Вязьма была также оставлена, какъ и Смоленскъ; еще отступили и хотя прибытіе кн. Кутузова и возбудило надежды, но городъ въ это время уже былъ оставленъ всѣми, которые не имѣли особыхъ обязанностей, имѣли лошадей или могли ихъ достать. Въ самый день, когда было получено извѣстіе о паденіи Смоленска, цѣны на наемъ лошадей поднялись въ четверо. При такомъ положеніи дѣлъ, когда надо было отправить институты, въ Москвѣ уже не было никого изъ тѣхъ, у кого можно бы попросить каретъ. Считая долгомъ всегда говорить правду вашему величеству, осмѣливаюсь васъ увѣрить, что и въ то время, когда еще никто ни оставлялъ Москвы, мы не могли-бы получить болѣе каретъ, сколько мы получили въ это время, когда охотно ихъ давали, чтобы спасти отъ грабежа и получить когда нибудь обратно. Что касается до найма экипажей, то купцы на это не соглашались въ

виду неизвѣстности, возвратятся ли онѣ и когда. Они готовы были продать кареты; но это обошлось бы въ 50, 60, а можетъ быть и болѣе тысячь рублей,—расходъ, о которомъ нельзя было и думать, когда Лунинъ постоянно заявлялъ о недостаткѣ денегъ. Однимъ словомъ, государыня, мы были озабочены только желаніемъ спасти институты и поскорѣе удалить ихъ отъ опасности, которая увеличивалась со дня на день“ [25]).

Между тѣмъ въ это время графъ Ростопчинъ только началъ заботиться о приготовленіи перевозочныхъ средствъ казенной надобности и хотѣлъ начать вывозъ различныхъ предметовъ изъ Москвы тогда только, когда наши войска отступятъ до Вязьмы и будутъ находится въ 227 верстахъ отъ Москвы, т. е. на такомъ разстояніи, которое при самомъ медленномъ отступленіи войскъ могло быть пройдено въ одну недѣлю. Сомнительно, чтобы достало какихъ бы ни было средствъ для вывоза изъ Москвы въ такое короткое время всего, что̀ должно бы спасти отъ грабежа непріятелей. Если графъ Ростопчинъ и питалъ такую надежду, то потому только, что изъ его соображеній ускользало обстоятельство, что по мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ къ Москвѣ и для нихъ потребуется значительное количество лошадей, для подвоза продовольствія войскамъ, боевыхъ снарядовъ и особенно для спасенія раненыхъ. Когда войска приблизились къ границамъ Московской губерніи, онъ не расчитывалъ уже на перевозочныя средства трехъ уѣздовъ, смежныхъ съ Смоленскою; но, забравъ всѣ эти средства изъ остальныхъ уѣздовъ, тѣмъ самымъ лишилъ войска подводъ, такъ что они вынуждены были оставить значительное число раненыхъ въ Можайскѣ и удовлетворилъ требованію различныхъ вѣдомствъ и учрежденій въ Москвѣ только на половину. Очевидно, что при такихъ условіяхъ могли остаться въ Москвѣ архивъ Вотчиннаго Департамента, библіотека и всѣ ученые кабинеты Московскаго Университета [26]), святыни и трофеи.

Спасеніе имущества, какъ государственнаго, такъ и частныхъ людей, безъ сомнѣнія, важно; но еще важнѣе — личное спасеніе. Быть можетъ, чтобы не усилить вдругъ эмиграція изъ Москвы и такимъ образомъ не дать повода возникнуть безпорядкамъ, графъ Растопчинъ (по его собственному свидѣтельству) никогда прямо не говорилъ, что надо оставить Москву, но косвенными средствами дѣйствовалъ именно въ тѣхъ видахъ, чтобы постепенно какъ можно болѣе жителей удалить изъ Москвы. Такъ онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ; но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Уже послѣ того, какъ онъ рѣшился вывозить казенное имущество и драгоцѣнности изъ Москвы, 18 Августа, появилось слѣдующее объявленіе *отъ главнокомандующаго въ Москвѣ:* „Здѣсь есть слухъ, и многіе ему вѣрятъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы, и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить ни мужей, ни братьевъ, ни родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились безъ возврату. Если по ихъ есть опасность, то *непристойно*; а если нѣтъ ея, то *стыдно*. Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ по чему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1800 пушекъ и

[25]) Подлинники этихъ писемъ находятся въ домашнемъ архивѣ Н. Ѳ. Самарина, которому приношу искреннюю благодарность за дозволеніе ихъ обнародовать. См. ниже въ Приложеніяхъ къ этой главѣ.

[26]) С. П. Шевырева, Исторія Москов. Университета, стр. 414—415.

свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникомъ; у него сзади непріятеля генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тыс. славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тыс. пѣхоты, 3800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи; графъ Марковъ черезъ три дни придетъ въ Можайскъ съ 24 тыс. нашей военной силы, а остальныя 7 тысячь въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тыс. пѣхоты. А если жъ мало этого для гибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну дружина Московская! *пойдемъ и мы*. И выведемъ *сто тысячъ* молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150 тыс. кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объявляю, чтобы иные радовались, а другіе успокоились; а больше еще тѣмъ, что и государь императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу. Прочитайте: понять можно все, а толковать нечего".

Въ письмахъ къ императору графъ Ростопчинъ извѣщалъ его между прочимъ, что послѣ взятія Смоленска „дамы потеряли голову, и многія уѣхали, чему я конечно очень радъ". Въ тоже время онъ писалъ князю Багратіону, что извѣстіе о взятіи Смоленска поразило всѣхъ, и нѣкоторые оставляютъ Москву, „чему я чрезмѣрно радъ, ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ". Въ письмѣ къ гр. А. Толстому въ Нижній Новгородъ онъ говорилъ: „Москва спокойна и тверда, но пуста; ибо дамы и мущины женскаго пола уѣхали [27])".

Графъ Ростопчинъ снисходительно относился къ выѣзду изъ Москвы женщинъ и дѣтей, а мужчинъ называлъ трусами, говоря, что имъ и *стыдно* и *непристойно* оставлять Москву. Н. М. Карамзинъ, бывшій въ это время въ Москвѣ, писалъ своему брату въ деревню: „Живемъ въ неизвѣстности, ждемъ главнаго сраженія, которое должно рѣшить участь Москвы. Добрые наши поселяне идутъ на службу безъ ропота. Безпокоюсь о любезномъ Отечествѣ, безпокоюсь и о своемъ семействѣ; не знаю что̀ съ нами будетъ. Мы положили не выѣзжать изъ Москвы безъ крайности; не хочу служить *примѣромъ робости*". Около мѣсяца спустя, онъ писалъ, „что силою рѣшился отправить жену съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остался здѣсь и живу въ домѣ у главнокомандующаго Ѳедора Васильевича, но безъ всякого дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ. Поэтому не выѣду изъ Москвы, пока все не рѣшится [28])". Этого мало: онъ даже самъ думалъ вступить въ ряды войскъ. Въ письмѣ, писанномъ въ тоже время къ Дмитріеву, онъ говоритъ: „Я переѣхалъ въ городъ, отправивъ жену и дѣтей въ Ярославль съ брюхатою княг. Вяземскою; самъ живу у гр. Ѳ. В. Ростопчина и готовъ умереть за Москву, если такъ Богу угодно. Наши стѣны ежедневно болѣе и болѣе пустѣютъ: уѣзжаетъ множество. Хорошо, что имѣемъ градоначальника умнаго и добраго, котораго люблю искренно, какъ патріотъ патріота. Я радъ сѣсть на своего сѣраго коня и вмѣстѣ съ удалою Московскою дружиною примкнуть къ нашей арміи. Не говорю тебѣ о чувствахъ, съ которыми отпустилъ мою безцѣнную подругу и малютокъ; можетъ быть, въ здѣшнемъ мірѣ не увижу ихъ. Въ первый разъ завидую тебѣ: ты не мужъ и не отецъ. Впрочемъ душа моя довольно тверда. Я простился и съ Исторіею:

---

27) Письма графа Ростопчина къ императору отъ 13 Авг., къ кн. Багратіону отъ 12 Авг., къ гр. Толстому отъ 24 Авг. 1812 г.

28) Письма Н. М. Карамзина отъ 29 Іюля и 27 Авг. 1812 г. (Атеней 1858 г., т. III, стр. 485 и слѣд.)

лучшій и полный экземпляръ ея отдалъ женѣ, а другой въ Архивъ Иностранной Коллегіи. Теперь, безъ Исторіи и безъ дѣла, читаю Юма о происхожденіи идей" [29]). Н. М. Карамзинъ, по родственнымъ связямъ и давнему знакомству, былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ гр. Ростопчину, и очевидно раздѣлялъ въ это время его взглядъ на выѣздъ изъ Москвы, рѣшаясь оставаться въ ней *безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы*. Понятно, что такой взглядъ главнокомандующаго могъ задерживать постепенный выѣздъ изъ Москвы ея жителей и вывозъ имущества и поэтому довести дѣло до того, что когда уже онъ самъ желалъ, чтобы какъ можно большее число жителей оставило Москву, это сдѣлалось крайне затруднительнымъ и для многихъ просто невозможнымъ. Понятно, что шелъ слухъ, будто выѣздъ былъ даже запрещенъ, что даже графъ Ростопчинъ „далъ письменное предложеніе Магистрату не давать паспортовъ купцамъ и мѣщанамъ [30])". Основываясь на словахъ его самого, что запрещенія никакого имъ дано не было, однакоже возможно предполагать, что, зная его взглядъ, самъ Магистратъ распоряжался подробнымъ образомъ его именемъ, чтобы угодить ему. Такой взглядъ изъ Москвы распространился и по окрестностямъ. „Удалявшіеся изъ Москвы находили въ пути своемъ большія непріятности или, лучше сказать, были въ большей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, чрезъ селенія которыхъ должны были ѣхать. Они называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали въ слѣдъ тѣмъ, которые мимо селеній ѣхали: Куда бояре бѣжите съ своими холопами? Или невзгоды и на васъ пришли, и Москва въ опасности вамъ уже не мила?" Которые изъ удалявшихся по необходимости должны были останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и корму лошадей, то они вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить за овесъ и сѣно въ три—дорога и сверхъ того за постой, не по пяти копѣекъ съ человѣка, какъ обыкновенно платили, но по рублю и болѣе и безпрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотѣли сдѣлаться жертвою негодованія противъ ихъ побѣга освирѣпѣвшаго народа. Многіе изъ удалившихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвратились опять въ Москву пѣшками, лишившись на дорогѣ и лошадей своихъ съ экипажемъ, и имущества". Конечно это были исключительные случаи; но вообще „выѣзды изъ Москвы крайне сердили и раздражали народъ [31])".

Въ народѣ, конечно, было весьма понятно это чувство раздраженія; не потому только, что наши дворяне, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ, спасали и своихъ гувернеровъ-иностранцевъ, какъ замѣчаетъ С. Н. Глинка. Можетъ быть и это обстоятельство съ досадою замѣчено было народомъ; но главное чувство, руководившее имъ, было желаніе защитить Москву, во что бы то ни стало. Подмосковные крестьяне не оставляли въ это время своихъ селъ и деревень и готовились сопротивляться врагу. Это чувство подкрѣплено въ нихъ было дѣйствительно графомъ Растопчинымъ, по порученію котораго въ этихъ видахъ дѣйствовалъ на народъ особенно С. Н. Глинка, объѣзжая постоянно Московскія окрестности и возбуждая противъ Наполеона. Эту его дѣятельность графъ Ростопчинъ считалъ чрезвычайно важною. С. Н. Глинка записался первымъ ратникомъ Мос-

---

[29]) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. СПБ. 1866, № 151, стр. 165.

[30]) Бестужева-Рюмина, Кратк. описаніе, стр. 78—79.

[31]) С. Н. Глинки, Записки о 1812 г., стр. 41; Русс. Вѣстн. 1814 г., кн. 9. Состояніе Москвы отъ отъѣзда Государя до Бородинскаго сраженія.

ковскаго ополченія и состоялъ въ полку генерала Чичерина. Когда 15 Августа полкъ этотъ долженъ былъ выступить изъ Москвы, то Чичеринъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ: „графъ Ѳ. В. Васильевичъ именемъ государя предписываетъ вамъ остаться въ Москвѣ, гдѣ нужна ваша служба“. Конечно Глинка повиновался и просилъ только не исключать его имени изъ списковъ ополченія [32]).

Но, затрудняя своимъ неодобрѣніемъ выѣздъ изъ Москвы, какую цѣль имѣлъ гр. Ростопчинъ? Быть можетъ, до Бородинской битвы онъ дѣйствительно былъ увѣренъ, что *злодѣй* не *будетъ* въ *Москвѣ* и назначеніе Кутузова главнокомандующимъ его ободрило; но послѣ? Послѣ, съ 25 Августа до 2-го Сентября (день занятія Москвы Французами) оставалось уже немного времени, и опасность значительно усилилась. Но, кромѣ этой увѣренности, въ которой онъ даже клялся торжественно, у него были другія соображенія. Получивъ извѣстіе о взятіи Смоленска, графъ Ростопчинъ, въ первой половинѣ Августа, писалъ государю: „Теперь Москва и ея жители, которые исполнены вѣрности вамъ, за одно съ арміями будутъ защищать вашу наслѣдственную собственность и вашу славу, не согласятся повергнуться вѣчному стыду и, если непріятелю удастся овладѣть Москвою, исторія Россіи и ваше царствованіе будутъ запятнаны такимъ несчастіемъ, о которомъ одна мысль приводитъ меня въ бѣшенство. Но если Провидѣніе указало, что это должно случиться, вы пожалѣете о тысячахъ хорошихъ людей, которые пойдутъ на вѣрную смерть съ преданностію и вѣрностію въ душѣ. Я искалъ вашего довѣрія для того, чтобы быть вамъ полезнымъ и служить Отечеству. Если мнѣ не удалось его пріобрѣсть, то я докажу, что былъ достоинъ имъ пользоваться“ [33]). Смущенный вслѣдъ за тѣмъ дѣйствіями или, лучше сказать, бездѣйствіемъ Барклая де Толли, онъ, на другой же день послѣ приведеннаго письма, извѣщалъ государя: „Я предувѣдомилъ и военнаго министра, и кн. Кутузова, что послалъ нарочнаго извѣстить Милорадовича о взятіи Смоленска непріятелемъ и что необходимо движеніе войскъ на Вязьму. Онъ долженъ былъ вчера выступить изъ Калуги съ 28 баталіонами пѣхоты и своею артиллеріею. Въ тоже время графъ Марковъ пойдетъ на Можайскъ, Верею и Рузу съ своими дружинами. Сегодня вечеромъ выступили отсюда 5000 ратниковъ въ Можайскъ, и всѣ шли какъ на праздникъ. Здѣшніе жители требуютъ оружія, и оно будетъ у меня на готовѣ; но я раздамъ его по рукамъ не иначе, какъ наканунѣ дня, въ который будетъ рѣшена судьба Москвы. Если Провидѣніе попуститъ Наполеону войти въ нее, то онъ нечего не найдетъ для удовлетворенія своей жадности. Деньги будутъ унесены, а вещи зарыты. Армія и Москва будутъ дѣйствовать за одно для спасенія Отечества“ [34]). Приведенныя выписки не оставляютъ сомнѣнія, что графъ Ростопчинъ намѣревался вмѣстѣ съ *Москвою* драться противъ Французовъ, соединившись съ войсками. Но кого-же онъ разумѣлъ подъ словомъ Москва? Дружины Московскаго ополченія, какъ Карамзинъ, онъ разумѣть не могъ, потому что они всѣ уже выступили на соединеніе съ арміями; войскъ въ ней не было, исключая весьма незначительнаго числа оставленныхъ для внутренней службы. Онъ разумѣлъ *жителей* Москвы: потому и затруднялъ ихъ выѣздъ, потому и намѣревался раздать имъ оружіе. Но оружія въ Москвѣ не было, его не доставало даже для вооруженія ополченій, кромѣ стараго брака, или совершенно брошеннаго, или котораго не успѣли еще поправить и передѣлать, какъ свидѣтельствуетъ

[32]) Глинки, Записки, стр. 48—49.
[33]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 13 Авг. 1812 г.
[34]) Письмо его же отъ 14 Авг. 1812 г.

самъ графъ Ростопчинъ [35]). Какимъ же образомъ возможно было драться плохо вооруженному, а большею частію и совсѣмъ безоружному народонаселенію? Позднѣйшее свидѣтельство графа Ростопчина о томъ, что въ Московскомъ арсеналѣ не было оружія, невѣрно. Въ Москвѣ осталось въ добычу непріятелю болѣе 80 тысячь ружей и до 60 тысячь холоднаго оружія, изъ которыхъ половина была негодныхъ [36]). Да и могъ ли онъ писать государю, что раздастъ оружіе народу, если бы его не было? Но почему же оно не было роздано ополченію? Стараясь усиливать всеобщій порывъ народа къ защитѣ Отечества, воображая, что его возбуждаетъ своимъ вліяніемъ, онъ до такой степени безсознательно увлекся самъ этимъ порывомъ, что дѣйствительно думалъ идти на бой вмѣстѣ съ народонаселеніемъ Москвы и ея окрестностей и для нихъ приберегалъ это оружіе.

Послѣ прибытія кн. Кутузова къ войскамъ, народонаселеніе Москвы было взволновано ожиданіемъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ: каждый пріѣхавшій изъ арміи, каждый курьеръ привезшій письма, возбуждалъ всеобщее вниманіе и служилъ поводомъ къ различнымъ слухамъ, вѣрнымъ или невѣрнымъ, но быстро распространявшимся по городу. Источникомъ всѣхъ свѣдѣній была пріемная генералъ-губернаторскаго дома, куда по утрамъ открытъ былъ доступъ всѣмъ. Въ это время, когда неожиданный пріѣздъ отъ дѣйствующихъ войскъ атамана Донскихъ козаковъ Платова возбудилъ всеобщее вниманіе, появилось 22 Августа слѣдующее объявленіе графа Ростопчина: „Здѣсь мнѣ поручено было отъ государя сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ куда захотятъ, по вѣтру и противъ вѣтра; а что̀ отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра или послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькій шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя; а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели. Генералъ Платовъ, по приказанію государя и думая, что его императорское величество уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ, ѣдетъ послѣ обѣда обратно въ армію и поспѣетъ къ баталіи, чтобы тамъ пѣть благодарственный молебенъ и Тебе Бога хвалимъ.“

Это было первое заявленіе жителямъ Москвы, нѣсколько поднимавшее таинственную завѣсу, за которой старались скрыть работы иностранца Леппиха надъ воздушнымъ шаромъ. Но работы эти производились въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы и не могли не сдѣлаться извѣстными. О нихъ всѣ говорили; но не знали, въ чемъ они заключались. Леппихъ предпринялъ соорудить воздушный шаръ, управляемый по произволу воздухоплавателя и который могъ поднять значительное количество разрывныхъ снарядовъ и потомъ съ воздушной высоты, бросая ихъ на непріятеля, истреблять безъ боя его войска. Это предпріятіе занимало не только современныхъ жителей Москвы, но почти всѣхъ писавшихъ о происшествіяхъ 1812 года. Одни полагали, что завѣренія изобрѣтателя такъ сильно подѣйствовали на Русское правительство, что (нѣкоторое, покрайней мѣрѣ, время) оно дѣйствительно вѣрило въ возможность осуществленія этой мысли и потому предоставило Леппиху всѣ способы для работы. Другіе, напротивъ, полагавшіе глубже вникнуть въ дѣло и объяснить его точнѣе, предполагали, что это сказка, съ умысломъ распространенная въ народѣ Русскимъ правительствомъ и особенно графомъ Ростопчинымъ, для того чтобы отвлечь его вниманіе отъ настоящей цѣли тѣхъ работъ, которыя были препоручены Леппиху; а эта цѣль, по ихъ мнѣнію, заклю-

[35]) La vérité sur l'incendie de Moscou, въ изд. Смирдина, стр. 286.

[36]) Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочин., т. IV, стр. 503.

чалась въ томъ, чтобы подготовить горючіе матеріалы для предположеннаго сожженія Москвы въ случаѣ, если бы пришлось ее отдать непріятелю. Неужели однако нужно было предпринимать чрезвычайныя средства для того, чтобы сжечь городъ большею частію деревянный, въ лѣтнюю сухую пору, оставленный жителями и наполнившійся громаднымъ количествомъ грабителей? Неужели для этого нужно было приготовлять, особымъ, невѣдомымъ для всѣхъ способомъ, химически, поджигательные матеріалы, и недостаточно было простаго хлопка или пучка пакли, обмоченной въ смолу или деготь? Неужели, наконецъ, для этой цѣли нужно было выписывать изъ-заграницы особаго искусника, тратить сотни тысячъ и столько заботъ со стороны правительственныхъ лицъ, чтобы удобно помѣстить его, снабдить рабочими, оградить отъ любопытства народнаго, какъ это было на самомъ дѣлѣ? „Какая была нужда учреждать особую фабрику для приготовленія зажигательныхъ веществъ, когда солома и сѣно гораздо сподручнѣе для поджигателей, нежели искусственно приготовленные поджигательные снаряды, которые трудно скрыть и съ которыми еще труднѣе обращаться людямъ непривычнымъ?“ говоритъ графъ Ростопчинъ [37]). Казалось бы, нѣтъ нужды и говорить о такомъ мнѣніи; а говорить о немъ должно потому, что его выражаютъ писатели достойные вниманія. Но безъ сомнѣнія въ этомъ случаѣ нужно не опровергать его и доказывать всю его несостоятельность, но объяснять только, какъ могло породиться такое мнѣніе. Наполеонъ, въ бюллетеняхъ великой арміи, постоянно называя графа Ростопчина поджигателемъ Москвы, говоритъ: „Пойманы 300 человѣкъ поджигателей. У нихъ были ракеты, каждая въ шесть дюймовъ величины, укрѣпленная между двумя кусками дерева. У нихъ были также снаряды, которые они бросали на кровли домовъ. Этотъ презрѣнный Ростопчинъ велѣлъ приготовить такія зажигательныя средства, распустивъ слухъ, что приготовляютъ воздушный шаръ, съ котораго польется огненный дождь на Французскія войска и истребитъ ихъ“ [38]). Легенда о Наполеонѣ еще была такъ сильна даже до послѣдняго времени, что сбивала весьма дѣловыхъ людей съ пути простаго здраваго смысла.

Остается предполагать, что наше правительство того времени, если и не вѣрило положительно въ возможность осуществленія предположеній Леппиха, то во всякомъ случаѣ считало ихъ на столько важными, что рѣшилось испытать ихъ на дѣлѣ.

Францъ Леппихъ родился въ Нижней Франконіи, въ г. Мюдесгеймѣ, въ 1775 г., отъ крестьянскихъ родителей. Учился онъ въ школѣ въ Мюннерштадтѣ и былъ выгнанъ изъ нея. Бродя по Европѣ, онъ женился въ Альтонѣ на дочери одного купца и жилъ въ его домѣ. Но когда умерла его жена, то тесть удалилъ его изъ своего дома. Леппихъ съ первой молодости постоянно занятъ былъ разными изобрѣтеніями. Сначала онъ устроилъ особаго рода фортепьяны, потомъ музыкальный инструментъ подъ названіемъ *панмелодиконъ*. Съ этимъ-то инструментомъ, послѣ того какъ тесть выгналъ его изъ дому, онъ разъѣзжалъ по всей Европѣ и попалъ въ Парижъ. Желая поддѣлаться и заслужить благосклонность воинственнаго императора Французовъ, онъ предложилъ ему свой проэктъ о воздушномъ шарѣ, который могъ бы поднимать такое количество разрывныхъ снарядовъ, что посредствомъ ихъ можно было-бы истреблять цѣлыя непріятельскія арміи. Наполеонъ выгналъ его изъ Франціи; но, узнавъ потомъ, что Леппихъ, возвратившись въ Германію, въ Тюбенгенѣ началъ пригото-

---

[37]) La vérité sur l'incendie de Moscou, стр. 206 и 261.

[38]) Бюллетени великой арміи 20-й и 21-й.

влять такой шаръ, велѣлъ схватить его и доставить во Францію. Узнавъ объ этомъ и возненавидя Наполеона, Леппихъ, весною 1812 года, обратился къ нашему посланнику при Штутгардскомъ дворѣ Алопеусу съ предложеніемъ услугъ Русскому правительству [39]).

Преслѣдованіе, начатое Наполеономъ противъ Леппиха, конечно и послужило поводомъ къ тому, что, по извѣщенію Алопеуса, императоръ могъ предположить, не заключаетъ ли его изобрѣтеніе дѣйствительной важности, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Парижѣ производились постоянно опыты надъ воздушными шарами [40]). Извѣстіе о Леппихѣ и его изобрѣтеніи Алопеусъ (чтобы вѣрнѣе сохранить тайну) отправилъ нашему правительству въ концѣ Марта мѣсяца съ совѣтникомъ посольства Шредеромъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Шредеръ не нашелъ тамъ ни императора, ни канцлера и отправился къ нимъ въ Вильну. „Я очень радъ, отвѣчалъ графъ Румянцевъ Алопеусу, сообщить вамъ, что императоръ весьма доволенъ, что вы употребили особенную ревность для того, чтобы воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ, которое обѣщаетъ важныя послѣдствія, и обратить его въ пользу службы его величества. Чтобы доставить вамъ способы привесть въ исполненіе ваше предположеніе и немедленно отправить въ Россію какъ механика Леппиха, такъ и его рабочихъ, которые трудились надъ постройкою шара въ половину уже готоваго, императоръ согласился на всѣ ваши предложенія и вполнѣ полагается на вашу ревность къ его службѣ.“ При этомъ Алопеусу были посланы бланки для паспортовъ на проѣздъ Леппиху и его рабочимъ и векселя на полученіе денегъ, необходимыхъ для путешествія. Въ частномъ письмѣ, отправленномъ въ тоже время, графъ Румянцевъ повторилъ Алопеусу, что императоръ очень доволенъ его дѣйствіями и поручалъ ему „какъ можно скорѣе воспользоваться важнымъ изобрѣтеніемъ. Я увѣренъ въ той пользѣ, которую оно можетъ принесть, писалъ онъ, особенно потому, что вы его предлагаете. Весьма важно прежде всѣхъ другихъ воспользоваться выгодами этого новаго открытія, которое, какъ кажется, во многомъ должно измѣнить военное искусство“ [41]).

Приведенныя слова могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, что какъ императоръ, такъ и канцлеръ, если и не вполнѣ были увѣрены въ изобрѣтеніи Леппиха, то во всякомъ случаѣ считали его настолько важнымъ, чтобы воспользоваться имъ прежде другихъ. Но прежде нежели Шредеръ довезъ бумаги канцлера до Штутгардта, не переѣхавъ еще границы, въ Луцкѣ, онъ встрѣтилъ Леппиха, который, опасаясь преслѣдованій Наполеона, поспѣшилъ оставить Германію. „Считая нужнымъ продолжать мой путь (писалъ Шредеръ канцлеру), я просилъ князя Багратіона доставить Леппиха съ фельдъегеремъ въ Вильну. Онъ будетъ просить ваше сіятельство сдѣлать распоряженія, чтобы въ Радзивиловѣ не задержали его рабочихъ, которые находятся уже въ дорогѣ. Князь Багратіонъ,

---

[39]) Minerva, ein Journal für Geschichte, Politik etc. v. F. Bron, 1848 г. Jena, Февраль, стр. 274—300, статья профессора Гессельбаха изъ Вюрцбурга. Разсказавъ жизнь Леппиха, ученый Нѣмецкій профессоръ заключилъ глубокомысленно: „Пожаръ Москвы не есть дѣло графа Ростопчина, ни жителей, ни Французовъ, но дѣло одного Нѣмца. Леппихъ далъ первую мысль о сожженіи Москвы императору Александру“.

[40]) Moniteur westphalien, прилож. къ № 146“.

[41]) Нота Алопеуса 22 Марта (3 Апр.) 1812 г. Отвѣтъ канцлера графа Румянцева. См. въ Приложеніяхъ къ этой главѣ.

обративъ вниманіе на мои сообщенія объ этомъ механикѣ, вызвался съ своей стороны также написать къ директору Радзивиловской таможни“ [42]).

Въ половинѣ Мая фельдъегерскій прапорщикъ Іорданъ привезъ Леппиха въ Москву и передалъ его, съ собственноручнымъ письмомъ императора, Московскому губернатору Обрѣзкову. Императоръ поручалъ ему тайно въ окрестностяхъ столицы помѣстить Леппиха и снабдить средствами для производства его работъ, не сообщая объ этомъ главнокомандующему графу Гудовичу. Обрѣзковъ помѣстилъ Леппиха въ селѣ Воронцовѣ, находящемся въ 6 верстахъ отъ Москвы по Калужской дорогѣ и принадлежавшимъ кн. Н. Г. Репнину и вошелъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ отпускѣ суммъ для издержекъ по этому предпріятію. Леппихъ назвался докторомъ Шмидтомъ, а Іорданъ Курляндцемъ Фейхнеромъ. „Пребываніе Леппиха и Іордана въ Москвѣ, доносилъ Обрѣзковъ государю, и перемѣщеніе въ подмосковную не обращаютъ ничьего вниманія, ниже любопытства, какъ о людяхъ никому здѣсь незнаемыхъ“. Въ слѣдъ затѣмъ съ фельдъегеремъ Винбергомъ пріѣхали и мастеровые Леппиха и, не въѣзжая въ Москву, по распоряженію Обрѣзкова, были препровождены въ Воронцово. „Всѣ движенія по сему дѣлу производятся съ большою осторожностію, доносилъ Обрѣзковъ императору, и смѣю надѣяться, что истинное дѣло до самого окончанія сохранится въ совершенной тайнѣ“ [43]).

Въ это время состоялась уже отставка графа Гудовича, и потому императоръ поручилъ Обрѣзкову сообщить всѣ свѣдѣнія о предпріятіи Леппиха графу Ростопчину и съ тѣмъ же фельдъегеремъ написалъ о томъ ему самому. Императоръ писалъ: „Теперь я обращаюсь къ предмету, который ввѣряю вашей скромности, потому что въ отношеніи къ нему необходимо соблюденіе безусловной тайны. Нѣсколько времени тому назадъ, ко мнѣ былъ присланъ очень искусный механикъ, сдѣлавшій открытіе, которое можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія. Во Франціи дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы достигнуть того открытія, которое, какъ кажется, удалось сдѣлать этому механику. Во всякомъ случаѣ, позволительно, чтобы убѣдиться въ этомъ, сдѣлать опыты, которые онъ предлагаетъ. Дѣло стоитъ труда. Отправляя его въ Москву и желая, чтобы его работы рѣшительно никому не были извѣстны, я не хотѣлъ вводить въ это дѣло фельдмаршала, опасаясь, чтобы *докторъ* (т. е. Сальваторъ) не узналъ объ этомъ тотчасъ. Поэтому я поручилъ его губернатору Обрѣзкову. Я пишу ему сегодня, что съ вашимъ назначеніемъ храненіе тайны въ отношеніи къ генералъ-губернатору уже прекращается и поручаю ему сообщить вамъ всѣ бумаги, относящіяся къ этому дѣлу, которыя у него находятся. Изъ нихъ вы узнаете всѣ подробности. Я не желалъ бы, чтобы еще *третій* кто либо узналъ объ этомъ и потому поручаю вамъ употреблять по этому дѣлу Обрѣзкова, такъ какъ онъ уже знаетъ о немъ. Я желалъ бы, чтобы Леппихъ не являлся въ вашъ домъ и чтобы вы видѣлись съ нимъ гдѣ нибудь такъ, чтобы это не было замѣтно. Будьте внимательны къ нему и облегчите ему, во сколько это будетъ отъ васъ зависить, привести въ исполненіе его дѣло, удаляя всѣ препятствія. Съ фельдъегеремъ, который доставитъ вамъ это письмо, ѣдутъ семь человѣкъ рабочихъ этого механика. Ему приказано не ввозить ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока Обрѣзковъ не переговоритъ съ вами и не передастъ вамъ бумагъ и пока вы не назначите, куда отвезти ихъ“ [44]).

---

[42]) Письмо Шредера изъ Луцка отъ 1-го Мая 1812 г.

[43]) Рескриптъ императора Обрѣзкову изъ Вильны 10 Мая 1812 г.

[44]) Письмо государя изъ Вильны къ графу Ростопчину отъ 24 Мая 1812 г.

Это было первое дѣло, которымъ занялся графъ Ростопчинъ еще до окончательнаго вступленія въ должность Московскаго генералъ-губернатора. „Въ числѣ непріятныхъ занятій, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ о 1812 годѣ, особенно я долженъ упомянуть о несчастномъ воздушномъ шарѣ, о которомъ такъ много толковали и который по историческимъ разсказамъ имѣлъ важное значеніе въ заговорѣ о сожженіи Москвы. Вотъ повѣсть объ этомъ аеростатѣ, не взлетѣвшемъ на воздухъ, и объ его презрѣнномъ творцѣ. Одинъ Русскій дипломатическій агентъ, г. Алопеусъ увѣдомилъ государя, по пріѣздѣ его въ Вильну, что одинъ инженерный офицеръ Виртембергской службы сообщилъ ему объ открытомъ имъ способѣ по произволу направлять движенія воздушнаго шара; что шаръ, который онъ намѣревается построить, подниметъ въ лодкѣ 50 человѣкъ и ниже ихъ ящики съ многочисленными разрывными снарядами, которые можно бросать внизъ на опредѣленное мѣсто: падая и разрываясь, эти снаряды должны были производить страшныя опустошенія. Онъ требовалъ, чтобы его открытіе сохранялось въ величайшей тайнѣ и предлагалъ свои услуги императору Александру, изъ ненависти къ Наполеону (какъ онъ увѣрялъ), чтобы истребить этого завоевателя. Его предложеніе было принято, и онъ пріѣхалъ, отправленный къ Московскому гражданскому губернатору Обрѣзкову, подъ именемъ Шмидта. Обрѣзковъ устроилъ его въ деревнѣ, въ шести верстахъ отъ Москвы, подъ предлогомъ, что тутъ заводится фабрика для приготовленія новоизобрѣтенныхъ зарядовъ для пушекъ. Этотъ Шмидтъ привезъ съ собою многихъ рабочихъ Нѣмцевъ и требовалъ еще бо̀льшаго числа для работъ по его указанію. Надобно было этотъ деревенскій домъ окружить сильною стражею, не столько для поддержанія порядка, сколько для того, чтобы преградить всякое сообщеніе съ городомъ и помѣшать наплыву праздношатающихся любопытныхъ. Этотъ Шмидтъ увѣрялъ, что онъ уже тайно поднимался на маленькомъ шарѣ съ полною удачею, что̀ и служитъ ему ручательствомъ, что и попытка съ большимъ шаромъ непремѣнно будетъ успѣшна. Но когда онъ мнѣ объяснилъ теорію этого удивительнаго шара, то я ему возразилъ, что тяжесть переломитъ пружины, и я не ошибся: потому что опыты, которые онъ дѣлалъ два раза на маленькихъ шарахъ, ему не удались: рессоры ломались при первыхъ ударахъ веселъ. Онъ сваливалъ вину на дурное качество желѣза; я доставилъ ему лучшаго Англійскаго, которое ломалось точно также. Наконецъ онъ потребовалъ желѣза, изъ котораго дѣлаются математическіе инструменты; скуплены были всѣ такіе инструменты, какіе только можно было найти, и опытъ точно также былъ неудаченъ. За 24 часа до вступленія непріятеля въ Москву, я отправилъ Шмидта въ Петербургъ со всѣми его рабочими и съ его огромнымъ шаромъ изъ тафты. Онъ хотѣлъ возобновить свои опыты, производилъ ихъ въ Ораніенбаумѣ и также безуспѣшно. Мнѣ говорили, что когда онъ возвратился въ Германію, то обманулъ нѣкоторыхъ купцовъ, которые повѣрили, что посредствомъ его шара можно перевозить товары. Шмидтъ стоилъ 320 тысячъ франковъ, и горючіе матеріалы, найденные послѣ него, послужили предлогомъ, за который съ жадностію ухватились, чтобы доказать, что въ этой лабораторіи приготовлялись зажигательные матеріалы для сожженія Москвы". „Шмидтъ (говоритъ графъ Ростопчинъ въ другомъ своемъ сочиненіи), который полагалъ, что открылъ способъ по произволу управлять воздушными шарами, дѣйствительно приготовлялъ такой шаръ и, какъ шарлатанъ, требовалъ, чтобы его работы сохранялись въ тайнѣ. Исторія уже слишкомъ много придала значенія этому шару, для того только, чтобы

выставить Русскихъ въ смѣшномъ видѣ. Между ними мало легковѣрныхъ, и конечно никто бы изъ жителей Москвы не повѣрилъ, что Шмидтъ съ такого шара, какой употребляли Французы при Флерюсскомъ сраженіи (Fleurus), уничтожитъ Французскую армію" [45]).

Приведенныя строки писаны графомъ Ростопчинымъ уже долго послѣ самого происшествія. Быть можетъ, и память ему нѣсколько измѣнила; а можетъ быть, предназначая эти свои сочиненія для иностранцевъ, онъ и не хотѣлъ разсказывать всю правду. Изъ его словъ прежде всего видно, что будто бы онъ никогда не вѣрилъ въ изобрѣтеніе Леппиха и считалъ его невозможнымъ, а самого изобрѣтателя шарлатаномъ и по обязанности только занимался этимъ непріятнымъ для него дѣломъ. Но это совершенно несогласно съ тѣмъ, что́ дѣйствительно было. Получивъ приказаніе императора принять въ свое вѣдѣніе работы Леппиха, онъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ: „Немедленно по полученіи приказаній вашего императорскаго величества относительно г. Леппиха, я имѣлъ свиданіе съ губернаторомъ Обрѣзковымъ и видѣлъ всѣ находящіяся у него бумаги. Вы уже извѣщены, государь, о пріѣздѣ механика, объ устройствѣ его въ одной изъ отдѣльныхъ деревень, въ семи верстахъ отъ Москвы, за Калужской заставой. Леппихъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда своихъ работниковъ изъ Вильны, которые и пріѣхали 31 Мая и, не въѣзжая въ городъ, съ послѣдней станціи, проселочными дорогами, были привезены туда, гдѣ будетъ строиться машина. Это доставило большую радость изобрѣтателю. Такъ какъ я не хотѣлъ, изъ опасенія разглашенія тайны, нанимать въ Москвѣ двухъ кузнецовъ и четырехъ слесарей, нужныхъ для него, то и отправилъ Іордана, на другой же день по полученіи вашихъ предписаній, въ Петербургъ, чтобы тамъ нанять шестерыхъ мастеровыхъ и, чтобы предупредить затрудненія, которыя могли бы встрѣтиться со стороны желающихъ наняться, я поручилъ Обрѣзкову дать ему отъ своего лица полномочіе нанять ему мастеровыхъ для постройки мельницы въ его имѣніи. Такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія, что Іорданъ хорошо исполнитъ данное ему порученіе, то я полагаю, что онъ возвратится не позднѣе 12 числа. Чтобы показать, по какому поводу онъ отправляется въ Петербургъ, я далъ ему два письма къ фельдмаршалу графу Салтыкову и генералу Вязмитинову, въ которыхъ я увѣдомилъ ихъ о моемъ назначеніи. Леппиху нужно 5000 аршинъ тафты, особеннаго тканья. Она будетъ готова въ продолженіи 15 дней: нѣкто Киріяковъ употребитъ на это дѣло почти всѣхъ работниковъ своей фабрики. Количество заказываемой матеріи и требуемая скорость работы могли возбудить любопытство Киріякова; но случайно онъ напалъ на мысль, что Леппихъ основываетъ фабрику для приготовленія пластырей и просился къ нему въ сообщники по его торговлѣ. Одна тафта будетъ стоить 20 тысячь рублей. Сверхъ того ему нужно на 50 тысячь купоросу и на столько же желѣзныхъ опилокъ. Все будетъ готово. Незнаніе цѣнъ нужныхъ для него матеріаловъ было причиною того, что Леппихъ обманулся въ своихъ разсчетахъ въ отношеніи къ издержкамъ. Но, чтобы не замедлить уплаты, а тѣмъ самымъ и окончанія такой важной работы, мнѣ кажется, что полезно было бы дать предписаніе Папкову, директору отдѣленія Московскаго банка, отпускать по моему требованію суммы, на которыя я буду выдавать ему росписки въ полученіи; а я уже буду получать такія же росписки отъ Леппиха. У Папкова всегда имѣются значительныя суммы въ мелкихъ ассигнаціяхъ. Эта мѣра тѣмъ болѣе необходима, что ми-

---

[45]) La vérité sur l'incendie de Moscou, стр. 260—261.

нистръ финансовъ отвѣчалъ уже Обрѣзкову, что онъ еще не получалъ отъ васъ, государь, повелѣнія отпускать деньги по его требованіямъ. Я еще не видалъ Леппиха; но завтра, подъ предлогомъ, что ѣду къ кому нибудь обѣдать въ ту сторону, гдѣ онъ помѣщенъ, я отправлюсь къ нему и пробуду долго. Для меня будетъ праздникомъ знакомство съ человѣкомъ, котораго изобрѣтеніе сдѣлаетъ безполезнымъ военное ремесло, избавитъ родъ человѣческій отъ его адскаго разрушителя (т. е. Наполеона) и васъ сдѣлаетъ рѣшителемъ судебъ царей и царствъ и благодѣтелемъ человѣчества [46]“.

Приведенное письмо конечно не доказываетъ, чтобы графъ Ростопчинъ съ самого начала недовѣрчиво относился къ выдумкѣ Леппиха. Напротивъ, по самому характеру своему, способному увлекаться всѣмъ, выходившимъ изъ общаго порядка дѣлъ, онъ вполнѣ повѣрилъ въ возможность осуществленія этого изобрѣтенія на дѣлѣ и предвидѣлъ уже великія отъ него послѣдствія для судебъ всего человѣчества. Поэтому онъ съ жаромъ и усердіемъ принялся за доставленіе всѣхъ средствъ для работъ Леппиху, обдумывая напередъ всѣ способы для устраненія препятствій, которыя могли встрѣтиться и затруднить или замедлить ходъ этого дѣла.

Спустя много лѣтъ послѣ 1812 года, когда уже извѣстна была неудача дальнѣйшихъ опытовъ Леппиха въ Ораніенбаумѣ и потомъ въ Германіи, безъ сомнѣнія на его предпріятіе нельзя было смотрѣть иначе, какъ на обманъ или шарлатанство, хотя и вовсе незлонамѣренное; но въ то время, въ виду страшной опасности, возможно было хвататься и за соломенку и не упускать изъ виду никакихъ средствъ для обороны. Вѣроятно однакоже, что и въ то время многіе изъ Москвичей не вѣрили, что Леппихъ съ воздушнаго шара истребитъ Наполеоновскую армію, какъ говоритъ графъ Ростопчинъ; но самъ онъ положительно вѣрилъ въ возможность его изобрѣтенія, что̀ доказываетъ еще болѣе дальнѣйшая его переписка съ императоромъ о Леппихѣ. Онъ слишкомъ былъ самолюбивъ, чтобы позднѣе сознаться въ своей ошибкѣ, и еще предъ иностранцами. Въ началѣ Іюня онъ писалъ императору: „Я видился съ Леппихомъ; это человѣкъ очень способный и хорошій механикъ. Онъ разрушилъ всѣ мои сомнѣнія насчетъ рессоръ, которыя двигаютъ крыльями машины,—дѣйствительно адской и которая въ послѣдствіи могла бы причинить еще болѣе зла человѣчеству, нежели самъ Наполеонъ, если бы построеніе шара не было такъ затруднительно. Леппихъ усердно проситъ ваше величество дать приказанія, чтобы отыскали въ Вильнѣ нѣсколько ящиковъ, отправленныхъ туда въ слѣдъ за рабочими, которыхъ онъ вызвалъ. Въ нихъ находятся льняные шнуры и тесемки, какихъ здѣсь онъ не думаетъ найти. Такъ какъ невозможно совершенно скрыть существованіе заведенія съ 60-ю рабочими въ семи верстахъ отъ Москвы, то мы уговорились съ Обрѣзковымъ, что онъ съ Леппихомъ, подъ именемъ Шмидта, заключитъ договоръ, по которому онъ обяжется приготовить ему большое количество моделей земледѣльческихъ машинъ, которыя должны быть готовы къ новому году. Это сбавитъ любопытство, если-бы оно и возникло въ слѣдствіе какихъ нибудь неожиданныхъ обстоятельствъ. Мнѣ приходитъ мысль, которую повергаю вашему вниманію: когда машина будетъ готова, Леппихъ намѣренъ отправиться на ней въ Вильну. Можно ли вполнѣ положиться на него, чтобы не подозрѣвать возможности измѣны съ его стороны, что онъ не обратитъ этого открытія въ пользу вашихъ враговъ [47])?“

---

[46]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 7 Мая 1812 г.

[47]) Его-же письмо отъ 11 Іюня 1812 г.

Одобренный покровительствомъ и участіемъ графа Ростопчина, Леппихъ самъ писалъ къ государю, извѣщая его, что, преодолѣвъ многочисленныя трудности, запасшись необходимыми для его работъ матеріалами, по прибытіи его рабочихъ иностранцевъ, онъ съ успѣхомъ продолжаетъ свое дѣло. Но такъ какъ цѣны на матеріалы здѣсь гораздо дороже, нежели въ чужихъ краяхъ, то машина обойдется не въ 20 тыс. какъ онъ предполагалъ, но покрайней мѣрѣ въ 40. „Умоляю ваше величество, писалъ Леппихъ, поставить меня въ такое положеніе, чтобы я немедленно могъ получить необходимыя для меня деньги. Я бывалъ уже въ затруднительномъ положеніи въ этомъ отношеніи и выходилъ изъ него только по милости Обрѣзкова, который или давалъ мнѣ свои деньги, или ручался за меня. Теперь, когда дѣло развивается, я счелъ нужнымъ устроить канцелярію и выбралъ секретаремъ честнаго человѣка. Сверхъ того прошу ваше величество позволить мнѣ взять къ себѣ, въ качествѣ директора физическихъ и химическихъ принадлежностей, доктора Шеффера, который находится на вашей службѣ“[48]). Шефферъ былъ товарищемъ его молодости и случайно встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ. Графъ Ростопчинъ также свидѣтельствовалъ объ успѣшномъ ходѣ работъ Леппиха. Онъ писалъ государю

---

[48]) Sire! Ayant surmonté plusieurs difficultés et comme mes ouvriers du pays étranger sont arrivés heureusement, je suis enfin tant avancé dans l'entreprise, que je travaille avec succès.

Il y a des matériaux nécessaires qui manquent ici, donc j'étais forcé de prendre des mesures qui m'ont empêchés dans mes progrès; mais je me suis pourtant fourni plusieurs articles et j'ai ordonné tout ce que est nécessaire.

Je me suis supposé que la somme pour la machine ne surmontera vingt milles roubles en argent; mais puisque les prix des matériaux et surtout de taffetas et de l'huile de vitriol, ne ce comparent point avec ceux des pays étrangers, c'est pourquoi la machine coûtera bien quarante milles roubles en argent.

Je supplie donc V. M. de me vouloir bien mettre en état, que je pourrai toucher sans délai les fonds nécessaires, d'autant plus puisque j'étais quelquefois fort en peine à cet égard et je dois bon gré à s. ex. m-r le gouverneur Obreskof qui non seulement m'a fourni de ses propres fonds la somme de dix neuf mille roubles, mais en tout cas où il faut d'argent contant, il donna caution; sans cela je serai fort empêché dans mes progrès.

Comme l'entreprise s'avance, j'ai trouvé nécessaire à établir une chancellerie et j'ai choisi pour secretaire un sujet bien attesté de sa probité. Outre celui je supplie V. M. de m'accorder comme directeur des objets physiques et chimiques le docteur Schäffer, lequel j'ai trouvé ici au service de la couronne. J'ai passé la jeunesse avec lui et dans les cours de quelques années, je n'entends pas autre de lui, que de bonne renommé et par conséquence je l'ai choisi comme aide dans des objets physiques et chimiques. Dans l'intervalle que tous sera terminé, il me peut être très utile, sans savoir à quelle destination et il est tant modeste, qu'il ne tâche pas savoir d'avantage. Il m'a déjà rendu des services considérables, quoiqu'il n'est pas encore instruit dans le mystère. Je joins avec soumission l'attestat de ses services ici, et plusieurs autres se trouvent dans l'expédition de médecine à Pétersbourg. Il est connu comme auteur aux pays étrangers et bien estimé des létteraires distingués. Juin 1812 г. Это письмо Леппиха печатается вѣрно съ подлиннымъ.

въ концѣ Іюня: „Начну съ важнаго предмета, ввѣреннаго моему попеченію, съ машины Леппиха. По его приглашенію, послѣ завтра я отправлюсь къ нему, чтобы видить опыты не въ большемъ еще размѣрѣ. Онъ въ восторгѣ, что ему удалось найти лѣсъ, который сушился пять лѣтъ. Всѣ рабочіе въ сборѣ, работа подвигается; но въ виду тщательности и точности, съ какою производится, она не можетъ быть окончена ранѣе конца Августа мѣсяца. Я совершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Не смотря на множество людей, употребляемыхъ для работъ, покупки, заказы, разъѣзды для нихъ, никто ничего не знаетъ, и слухъ, пущенный о томъ, что это фабрика для земледѣльческихъ орудій, имѣлъ полный успѣхъ, не возбудивъ никакого любопытства. Тамъ находятся теперь полицейскій унтеръ-офицеръ съ шестью солдатами; но черезъ мѣсяцъ, когда надо будетъ открыть машину и наполнить газомъ шаръ, я днемъ и ночью буду содержать сильную стражу, чтобы никого ни пропускать. Я подружился съ Леппихомъ, который меня также полюбилъ; а машину его люблю, какъ мое собственное дитя. Леппихъ предлагаетъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ путешествіе на ней; но я не могу рѣшиться на это безъ вашего позволенія, хотя поводъ хорошъ: ваша слава и спасеніе Европы“ [49]). Черезъ четыре дня онъ снова увѣдомлялъ государя: „Третьяго дня я провелъ вечеръ у Леппиха; онъ очарованъ неожиданнымъ открытіемъ: это свернутые листы желѣза, которыми замѣняются желѣзныя опилки, и это сокращаетъ на $^3/_4$ количество купороса нужнаго для газа и требуетъ для того, чтобы наполнить имъ шаръ, вдесятеро меньше времени, чѣмъ требовалось прежде. Большая машина будетъ окончена къ 15 Августа. Черезъ десять дней онъ произведетъ опытъ въ небольшихъ размѣрахъ съ крыльями и, какъ ограда около того мѣста, гдѣ будутъ соединяться отдѣльныя части, будетъ готова къ тому же времени, то я отправлю туда на всякой случай двухъ офицеровъ и 50 солдатъ, чтобы дневать и ночевать тамъ. Я дамъ Леппиху также артиллерійскаго офицера, который бы наполнилъ ящики разрушительными снарядами (de remplir des caisses de destruction), которые онъ возметъ съ собою. Въ концѣ мѣсяца надо ему составить экипажъ изъ 50 человѣкъ. Я полагаю лучше взять для этого солдатъ съ хорошимъ офицеромъ. Они, прежде нежели отправиться къ войскамъ, могутъ пріобрѣсть навыкъ дѣйствовать крыльями. Испрашиваю на это приказаній вашего величества. Леппихъ истратилъ уже 72 тысячи рублей. Хотя большая часть необходимыхъ ему вещей оплачены; но на всякій случай я оставилъ у себя 40 тыс. рублей, которые въ общія пожертвованія внесли двое купцовъ Усачевыхъ, и отдамъ въ нихъ отчетъ впослѣдствіи. Нельзя не удивляться дѣятельности Леппиха: онъ встаетъ первымъ и ложится спать послѣднимъ. Рабочіе трудятся по 17 часовъ въ день; ихъ уже болѣе ста чел. въ его мастерской. Теперь разсказываютъ, что приготовляется лодка, которая будетъ ходить подъ водою. Черезъ шесть недѣль увидятъ, что она пойдетъ повыше. Леппихъ изобрѣлъ пику, которой древко внутри пустое; она шести аршинъ длины и гораздо легче и сподручнѣе для дѣйствія и прочнѣе нашихъ казацкихъ. Такъ какъ приготовленіе такихъ пикъ незатруднительно, то можетъ быть ваше величество прикажете послать для образца вновь образуемымъ казацкимъ полкамъ“ [50]).

Эти выдержки изъ писемъ, кажется, достаточны для того, чтобы свидѣтельствовать, до какой степени графъ Ростопчинъ способенъ былъ увлекаться и до какой степени тогдашнее его мнѣніе о Леппихѣ и его ма-

---

[49]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 30 Іюня 1812 г.

[50]) Его же письмо отъ 4 Іюля 1812 г.

шинѣ было противуположно тому, какое онъ приписывалъ себѣ въ послѣдствіи. Очарованіе продолжалось недолго, и съ такою же быстротою и рѣзкостью послѣдовало разочарованіе. Но въ какихъ отношеніяхъ находился гр. Ростопчинъ къ Леппиху, когда императоръ пріѣхалъ въ Москву, оставивъ Дрису? Конечно, при личныхъ совѣщаніяхъ съ императоромъ, онъ сообщалъ ему тѣже самыя мнѣнія, какія выражалъ письменно нѣсколько дней тому назадъ. Сохранилось сказаніе, что императоръ вмѣстѣ съ б. Штейномъ посѣтилъ мастерскую Леппиха въ селѣ Воронцовѣ [51]). Его письмо къ гр. Ростопчину въ началѣ Августа, написанное по пріѣздѣ въ Петербургъ, можетъ служить доказательствомъ, что онъ надѣялся на успѣхъ предпріятія Леппиха. „Только что Леппихъ окончитъ свои приготовленія, писалъ ему императоръ, составьте ему экипажъ для лодки, изъ людей надежныхъ и смышленыхъ и отправьте нарочнаго съ извѣстіемъ къ генералу Кутузову, чтобы предупредить его. Я уже сообщилъ ему объ этомъ предпріятіи. Но прошу васъ поручить Леппиху наблюдать осторожность при опущеніи шара въ первый разъ на землю, чтобы не ошибиться и не попасть въ руки непріятелю. Необходимо, чтобы свои движенія онъ соображалъ съ движеніями главнокомандующаго; поэтому, прежде нежели онъ начнетъ свои дѣйствія, необходимо, чтобы онъ опустился въ главной квартирѣ и переговорилъ съ нимъ. Скажите ему, чтобы, спустившись на землю, принялъ предосторожность поднять шаръ, укрѣпивъ его за веревку; въ противномъ случаѣ, къ нему могутъ собраться любопытные изъ войскъ, а между ними могутъ оказаться и непріятельскіе шпіоны“ [52]). Гр. Ростопчинъ, смущенный потерею Смоленска и движеніемъ войскъ къ Москвѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія работъ Леппиха. Отвѣчая на письмо императора, онъ увѣдомлялъ его, что машина будетъ готова черезъ 15 дней. „Леппихъ собираетъ теперь въ одно цѣлое ея части: тафта уже сшита, и два маленькіе шара, которые будутъ слѣдовать за большимъ, готовы. Несмотря на то, я собралъ отъ него справки, сколько нужно будетъ ему времени для того, чтобы уложить всѣ его снасти. Онъ увѣрилъ меня, что ему достаточно для этого трехъ дней. Онъ много тратитъ денегъ; ему выдано уже 130.000 руб.; но еслибы удалось его предпріятіе, то можно бы не пожалѣть и милліона. Если придется вывозить его отсюда, то я отправлю его въ Нижній, до Коломны на подводахъ, а потомъ водою“.

Срокъ приближался, работы не оканчивались, и Леппихъ рѣшился сдѣлать опытъ съ маленькимъ шаромъ, который совершенно былъ готовъ. Въ ожиданіи этого опыта, гр. Ростопчинъ издалъ свое объявленіе и увѣдомилъ государя: „Леппихъ окончилъ маленькій шаръ, который поднимаетъ пять человѣкъ. Завтра будетъ опытъ, о чемъ я извѣстилъ городъ и, чтобы не пугались, заявилъ, что это дѣлается противъ непріятеля. Князю Кутузову я писалъ объ этомъ“ [53]).

Объявленіе Московскаго главнокомандующаго конечно возбудило любопытство, но прошло около недѣли въ напрасномъ ожиданіи. „Къ заглушенію мысли о предстоявшей опасности (какъ предполагалъ С. Н. Глинка)

---

[51]) Заслуженный профессоръ Петербургскаго университета, В. В. Шнейдеръ въ 1812 г. былъ студентомъ Московскаго университета и репетиторомъ при двухъ другихъ студентахъ (моложе его), знаменитомъ потомъ Грибоѣдовѣ и Панинѣ. Онъ много разсказывалъ объ этомъ времени любопытныхъ подробностей. Одинъ изъ его разсказовъ о Леппихѣ помѣщается въ Приложеніяхъ къ этой главѣ.

[52]) Письмо императора къ гр. Ростопчину изъ Петербурга отъ 8 Авг. 1812 г.

[53]) Письма гр. Ростопчина къ императору отъ 13 и 23 Августа 1812 г.

занимали умы народа сооруженіемъ какого-то огромнаго шара, который, по словамъ разгульной молвы, поднявшись надъ войсками Наполеона, польетъ огненный дождь, особенно на артиллерію. Шутя или не шутя предлагали мнѣ мѣсто на этомъ огненномъ шарѣ. Я отвѣчалъ: какъ первый ратникъ Московскаго ополченія, я стану въ срочный часъ въ его ряды; но признаюсь откровенно, я не привыкъ ни къ чиновничьему возвышенію, ни къ летанію на воздухѣ. У меня на высотѣ закружится голова" [54]).

Молва о шарѣ конечно скоро затихла: въ это время прогремѣла Бородинская битва, усиливалось оставленіе Москвы ея жителями, и городъ наполнялся множествомъ раненыхъ. Не время было думать о воздушномъ шарѣ; а между тѣмъ гр. Ростопчинъ не переставалъ о немъ заботиться, пока не убѣдился въ неудачѣ. „Съ прискорбіемъ извѣщаю ваше величество о неудачѣ Леппиха, писалъ онъ государю. Онъ построилъ шаръ, на которомъ должны были находиться пять человѣкъ и назначилъ мнѣ часъ, когда онъ долженъ былъ подняться. Но вотъ прошло пять дней, и ничего не готово; вмѣсто десяти часовъ, какъ онъ говорилъ, въ три дня едва онъ успѣлъ наполнить его газомъ; шаръ не поднималъ и двухъ человѣкъ. Затѣмъ послѣдовали безконечныя затрудненія. Потребовалось какое-то особенное желѣзо, крылья оказались слабыми. Большая машина не готова и, кажется, надо отказаться отъ надежды на успѣхъ, котораго ожидали отъ этого предпріятія. Менѣе всего конечно можно пожалѣть объ истраченныхъ на него деньгахъ. Леппихъ—сумасшедшій шарлатанъ, а Алопеусъ слишкомъ былъ увлеченъ своимъ Финскимъ воображеніемъ" [55]).

Послѣ этой неудчи графъ Ростопчинъ отправилъ Леппиха и Іордана въ Петербургъ, а рабочихъ и всѣ шары съ ихъ принадлежностями въ Нижній Новгородъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВѢ.

I. Письмо императрицы Маріи Θеодоровны къ Ю. А. Нелединскому.

Ce 26 Août 1812.

Savez-vous, mon bon vieux Nélédinsky, que pour la première fois de ma vie je suis fâchée contre vous: j'ai envie de vous gronder et je dois vous dire que vous m'avez causé la peine la plus vive. Le départ des Instituts me déchire déjà le coeur. Je dois le croire nécessaire, parce que vous tous l'avez rendu si prompt que vous ne m'avez pas consulté sur aucune des mesures à prendre pour le départ. Mais comment ce peut-il que vous, mon bon Nélédinsky, avec la délicatesse de vos sentiments, vous ayez pu souscrire au cruel arrangement de faire partir nos demoiselles de l'Institut de S-te Catherine, toutes filles de gentilshommes, enfin toutes nobles—sur les charettes? Cette mesure était désolante déjà pour l'Institut d'Alexandre; mais la voir exécutée pour les demoiselles de S-te Catherine, c'est de quoi faire désespérer; aussi je vous avoue, mon bon Nélédinsky, que j'en ai versé des larmes amères. Grand Dieu! Quel spectacle pour la capitale de l'empire que de voir emmener la fleur de la noblesse sur les charettes! Je conçois très bien que dans ce moment d'angoisse chaque particulier a bésoin de son équipage et que

---

[54]) Записки о 1812, стр. 43—44.

[55]) Письма гр. Ростопчина къ императору отъ 29 Авг. и 1-го Сент. 1812 г.

là est la raison pourquoi on nous en prête si peu; mais il fallait en louer et à Moscou on peut en trouver tant qu'on veut. M-me de Perette est très coupable de n'avoir pas protesté en forme contre cette mesure, tant comme contre celle du renvoi de tous les maîtres, et vous, mon bon vieux Nélédinsky, vous, chargé de cette partie, vous laissez partir l'Institut sans prêtre, sans inspecteur des études, sans aucun maître, pas même celui des langues étrangères; comment cela a-t-il était possible? Mais enfin, ce qui est fait est fait. Il s'agit de réparer le mal autant que possible. J'écris par ce courrier à m-r de Baranof de tâcher de louer des voitures à Wladimir, enfin partout où il peut en trouver; ensuite vous, mon bon vieux Nélédinsky, je vous charge, après avoir dit: виноватъ, de réparer vos fautes, de soigner de l'envoi de notre excellent prêtre que vous munirez de nos vases sacrées et images (si vous le trouvez nécessaire), ensuite de notre inspecteur des études, de même que du meilleur de nos maîtres des langues étrangères et d'un de nos bons maîtres d'histoire et de géographie. Je suppose que l'université de Kazan fournira des maîtres d'arithmétique, de grammaire russe, de réthorique; au reste, l'inspecteur une fois arrivé à Kazan, vous avertira s'il faut lui envoyer tel ou tel maître.

Je vous remercie de la voiture que vous avez prêtée à l'Institut; dites à tous ceux qui en ont fait de même que je leur en suis des plus obligées. J'ai vu avec une grande sensibilité les noms de Chovansky comme vous prêtant et du pr. Jousoupof à qui vous le direz bien expressement. Adieu mon bon Nélédinsky; je n'ai pas besoin de vous exprimer ce qui se passe dans mon coeur: les paroles le rendent mal. Cependant soyez persuadé que je suis remplie d'espoir et de confiance dans la bonté divine: ce Dieu de la Russie, que je chéris, respecte et vénère de tout mon coeur, ne nous abandonnera pas. Les temps sont pénibles, mais le bonheur renaîtra, et la gloire de la Russie sera à son comble. Ah, mon bon Nélédinsky, que je serais heureuse, lorsque je saurais de nouveau nos enfants en chemin pour revenir à Moscou! Que je les saurais y arrivés et que celles rendus aux parents se réuniront de nouveau à eux! Informez vous, je vous en prie, de quelle sorte et comment va la petite Snietkof qui a été si malade; dites-moi si les parents quittent Moscou; enfin ayez un oeil protecteur sur les leurs et dites aux parents que je vous ai prié de m'en donner des nouvelles. Adieu, mon bon Nélédinsky. Tous les détails pécuniers vous les trouverez dans ma lettre officielle; celle ci est tracée à quelqu'un auquel je veux beaucoup de bien, quoique je l'ose trouver en défaut; mais je me dis que c'est par trop de zêle. Portez-vous bien et soyez persuadé que je serai à jamais votre bien affectionnée

Marie.

II. Отвѣтъ Нелединскаго на предъидущее письмо, списанный съ черноваго собственноручнаго подлинника.

Moscou, ce 29 Août 1812.

Madame! Il est une heure après minuit, et dans ce moment je viens de recevoir les ordres suprêmes de V. M. I-le du 26. Dès demain matin je m'occuperai à prendre toutes les informations et toutes les mesures qui pourront servir à les exécuter le plus promptement possible; mais en attendant je profiterai du loisir que la nuit me laisse pour répondre à la lettre très gracieuse de V. M. I-le, lettre où cette âme bienfaisante

qui embellit le rang suprême où le Ciel vous a placée se peint dans tout son éclat; mais par laquelle je suis forcé de conclure que Votre Majesté est mal informée de ce qui concerne Moscou depuis la perte de Smolensk. Les circonstances de cette perte ont influé généralement sur tout le monde. On a sû que Smolensk n'a pas été pris, mais abandonné après que l'ennemi en avait été repoussé. Dès ce moment l'idée de trahison a rempli toutes les têtes et avant qu'on ait sû, que le prince Koutousof était nommé commandant en chef, tout ce qui ne tenait point au service et avait un équipage a pris le parti de fuir de Moscou, au point que le chemin de Troitza pendant plusieurs jours était couvert de voitures qui allaient à la file, comme dans un jour de promenade. Le comte Rostopschin me dit que dans trois jours consécutifs il était sorti de Moscou près de 4 milles, tant carosses que calèches. La défiance générale s'est accrue lorsqu'on a vu que sans le moindre combat nos armées intactes, à l'exception de deux corps qui ont été sacrifiés à Smolensk, ces armées, dis-je, ont reculées jusqu'à Wiasma, ce qui fait 160 verstes, dans l'espace de 4 ou 5 jours. Wiasma a été livrée comme Smolensk; on a encore reculé et quoique l'arrivée du pr. Koutousof ait ranimé les espérances, mais la ville était déjà abandonnée par tout ce qui ne tenait à rien, avait ou été en état de se procurer des chevaux, dont le loyer, le jour même de la nouvelle de Smolensk, a quadruplé. Dans cet état de choses, quand il a été question de faire partir des Instituts, il ne restait presque plus personne à qui l'on puisse demander des voitures. Faisant profession de parler toujours vrai à V. M. I., je j'oserai l'assurer que dans des circonstances tranquilles et quand la ville était pleine, à peine aurions nous pu trouver à emprunter le nombre de carosses qu'on a prêté dans cette occasion, où ne sachant qu'en faire on a été bien aise de les sauver de pillage avec la certitude de les ravoir un jour. Quant à l'expédient d'en faire louer, il eut été difficile d'y faire consentir les marchands de voiture, vu la difficulté de les faire revenir et même d'y assigné un terme. Les marchands n'auraient voulu donner leurs carosses qu'en vente, et c'eut été un objet de 50 à 60 milles roubles ou davantage: dépense à laquelle il était impossible de songer dans un moment où m-r de Lounin se plaignait constamment de la pénurie dans laquelle se trouvait la caisse de la maison. En un mot, m-me, nous ne pensions qu'à sauver les Instituts et à les éloigner le plutôt possible du danger qui tous les jours augmentait de plus en plus. Le 26, à 110 verstes de Moscou, nous avons eu une bataille où l'ennemi a perdu en tués et blessés entre 40 à 50 milles hommes, notre perte n'est que la moitié, et nous avons gardé le champ de bataille. L'avantage est donc de notre côté. Eh bien, depuis ce temps, dans trois jours, sans nous être battus, nous avons reculés de 75 verstes, et maintenant notre armée n'est qu'à 35 v. de Moscou (затѣмъ въ черновомъ письмѣ вырѣзана часть листка). Sur l'article des maîtres et de l'inspecteur de classes, je n'ai que des pardons à demander à V. M. I-le. Ses bontés habituelles me font espérer qu'elle daignera me l'accorder et excuser en même temps le désordre de ma lettre. Il vient d'une cause qui trouvera, je n'en doute point, grâce à ses yeux. Mon fils, profitant de sa proximité, est venu me voir; il a obtenu un congé seulement de 6 heures, et je vais moi-même le reconduire à son poste.

III. Оффиціальное письмо императрицы того-же времени.

Юрій Александровичъ! Я получила съ послѣднею Московскою почтою донесенія о сдѣланномъ обоими совѣтами распоряженіи въ слѣдствіе предписанныхъ въ письмѣ моемъ къ Александру Михайловичу Лунину, отъ 9-го сего мѣсяца, мѣръ предосторожности на случай несчастія, и хотя вообще я отдаю полную справедливость дѣятельности и усердію оказаннымъ въ исполненіи по моимъ предначертаніямъ, я не могла однако не замѣтить дѣйствія нѣкоторой торопливости, отъ чего произошли два положенія касательно отправленія институтовъ, которыхъ я не только бы не утвердила, если бы они могли прежде дойти до моего свѣдѣнія, но одно изъ нихъ непремѣнно желаю поправить. Я истинно вамъ признаюсь, что я не знаю, какъ Совѣтъ могъ на сіи двѣ статьи рѣшиться и вы на то согласились. Какъ могли вопервыхъ допустить, чтобъ благородныхъ дѣвицъ отправить на тѣлегахъ? Уже довольно мнѣ прискорбно, если необходимость заставила возить на тѣлегахъ воспитанницъ Александровскаго училища, которыя изъ нижнихъ офицерскихъ, мѣщанскихъ и подобнаго состоянія дѣтей; а дочерей лучшаго дворянства на тѣлегахъ не могу себѣ представить безъ огорченія и, прямо сказать, стыда и даже слезъ. Неужели въ обширной, изобильной всѣмъ Москвѣ, не можно было, если не ссудою, то наймомъ, достать потребнаго числа каретъ? Или Совѣтъ могъ-ли остановиться незначущимъ на то расходомъ? Для исправленія сего, сколько возможно, я предписала Николаю Ивановичу Баранову нанять кареты, гдѣ только на пути найдетъ къ тому возможность. Какъ во вторыхъ, вы яко попечитель о просвѣщеніи сихъ дѣвицъ, позволили отправить ихъ безъ учителей, даже безъ духовника и инспектора классовъ? Я чистосердечно вамъ скажу, что я сему весьма удивилась и, при другихъ спокойнѣйшихъ обстоятельствахъ, я бы вамъ всѣмъ изъявила о томъ мое сожалѣніе, въ чемъ останавливаюсь однако, видя усердіе ваше въ снабженіи институтовъ собственными каретами. Но теперь подумать должно только, какъ исправить сію ошибку. Я просила министра просвѣщенія, чтобы позволилъ инспектору классовъ Цвѣтаеву, по вѣдомству его отъ Московскаго университета, дать отпускъ для слѣдованія за институтами въ Казань и прилагаю при семъ письмо его къ попечителю университета по сему предмету, которое прошу васъ ему доставить. Вашему же попеченію предоставляю достойнаго нашего священника Екатерининскаго училища, съ согласія Московскаго викарія, епископа Августина, равно какъ и лучшихъ учителей, т. е. особенно такихъ, какихъ нѣтъ надежды найти въ Казани, какъ я полагаю, учителя иностранныхъ языковъ принять опять въ службу сихъ заведеній, отъ которыхъ по напрасну уволены, и всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы выберете, такъ какъ и инспектора Цвѣтаева, отправить въ Казань въ слѣдъ за институтами, для продолженія ученія по прибытіи на мѣсто, на каковой конецъ снабдить ихъ прогонными деньгами изъ суммъ, оставленныхъ въ распоряженіи главнаго надзирателя Тутолмина и о томъ увѣдомить Александра Михайловича Лунина, дабы онъ могъ дополнить нужныя главному надзирателю на другіе предметы деньги. Препоручая сіе особливому вашему ревностному исполненію, я увѣрена, что вами со всякимъ стараніемъ и дѣятельностію и притомъ всевозможнымъ сбереженіемъ издержекъ выполнено будетъ. Я съ удовольствіемъ въ доставленномъ отъ Николая Ивановича Баранова спискѣ особъ, ссудившихъ институты наши экипажами, видѣла имя ваше, чего хотя отъ васъ и сочленовъ вашихъ ожидала, но тѣмъ не менѣе благодарю васъ искренно за таковое усердіе и прошу васъ объявить мою признательность прочимъ особамъ, въ семъ вспоможеніи участвовавшимъ, какъ то князю Николаю Борисовичу Юсупову, княжнѣ Хованской, г-жѣ Анненковой и генералъ-маіору Шепелеву, и съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Въ Таврическомъ дворцѣ. Марія.

Августа 26 дня, 1812 года.

IV. Разсказъ Шнейдера.

Въ это время я жилъ на хлѣбахъ у купца, торговавшаго сукномъ, Данкварта. Выходя изъ своей квартиры, я вѣшалъ ключь въ магазинѣ и возвращаясь, проходя къ себѣ чрезъ магазинъ, бралъ свой ключь. Однажды, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, снимая съ гвоздя ключь, я увидѣлъ, какъ вошли въ магазинъ двое мужчинъ, одинъ высокаго роста, весьма красивый, бѣлокурый и даже нѣсколько рыжеватый, одѣтый въ штатское платье, но казавшійся военнымъ; другой малорослый, полный и нѣсколько неуклюжій. Первый изъ нихъ, войдя въ магазинъ, обратился къ Данкварту, говоря: представляю вамъ моего друга доктора Шмидта; мы украли изъ Австріи 40 рабочихъ, и намъ нужно ихъ одѣть. Есть ли у васъ хорошее сѣрое сукно?"

Это странное заявленіе обратило мое вниманіе, и за обѣдомъ я спросилъ моего хозяина, кто этотъ красивый покупщикъ.—Это капитанъ Фигнеръ, отвѣчалъ мнѣ Данквартъ, сказавъ, что купленное имъ сукно и приготовленныя потомъ изъ него одежды онъ долженъ доставить на дачу Репнина.

Будучи 18-ти лѣтнимъ юношей, я удовлетворился отвѣтомъ и потомъ забылъ о происшествіи.

Между тѣмъ въ Москву пріѣхалъ императоръ. 15 Іюля, въ день собранія дворянства и купечества въ залахъ Слободскаго дворца, утромъ часу въ первомъ, послѣ уроковъ Латинскаго языка въ одномъ изъ домовъ, возращаясь домой, я вышелъ на Ордынку, которая была наполнена народомъ и вдали увидалъ приближающуюся къ намъ коляску: это ѣхалъ императоръ. Я вышелъ на средину улицы, чтобы ближе на него посмотрѣть; когда коляска проѣзжала мимо, я увидалъ, что рядомъ съ государемъ сидѣлъ человѣкъ въ черномъ фракѣ и со звѣздой, въ которомъ я узналъ барона Штейна.

Вотъ почему я узналъ въ спутникѣ императора б. Штейна. Передъ тѣмъ за нѣсколько дней я былъ у профессора Буле. Входя въ его квартиру, я встрѣтилъ одного неизвѣстнаго мнѣ человѣка. Когда я вошелъ къ профессору, онъ мнѣ сказалъ: „какъ жаль, что вы не пришли ко мнѣ нѣсколькими минутами ранѣе; вы имѣли бы удовольствіе найти у меня нашего знаменитаго соотечественника, б. Штейна". Онъ былъ его товарищемъ по университету и потому, пріѣхавъ въ Москву, посѣтилъ его.

Это обстоятельство помогло мнѣ сейчасъ же узнать въ спутникѣ императора б. Штейна. Я поспѣшилъ возвратиться въ тотъ домъ, гдѣ давалъ уроки, и съ балкона въ зрительную трубку мы наблюдали, какъ коляска государя проѣхала Калужскую заставу и направилась на дачу Репнина. Тутъ я припомнилъ посѣщеніе магазина моего хозяина Фигнеромъ и Шмидтомъ и подумалъ, что если самъ государь поѣхалъ на дачу Репнина, то вѣроятно тамъ приготовляется что нибудь очень важное.

Когда потомъ я возвратился домой, за обѣдомъ я разсказалъ объ этомъ хозяевамъ, и что видѣлъ въ самой близи императора. Данквартъ сказалъ: „А я едва-едва не столкнулся съ нимъ". Онъ находился на дачѣ Репнина въ то время, когда туда пріѣхалъ императоръ вмѣстѣ съ б. Штейномъ. Затѣмъ начался разговоръ, который возобудилъ мое любопытство, такъ что я началъ просить Данкварта, чтобы онъ взялъ меня съ собою, когда поѣдетъ на Репнинскую дачу. „Это невозможно, отвѣчалъ онъ на мою просьбу: туда пускаютъ по билетамъ, а у меня только одинъ билетъ для меня лично".—„Но возмите меня съ собой, какъ вашего мастероваго".—„Да, это можно", отвѣчалъ онъ мнѣ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней я отправился съ нимъ на Репнинскую дачу. Это былъ праздникъ; работы не производились, и Леппихъ съ своими сотрудниками были въ саду и упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. Данкварта позвали туда, а я остался въ домѣ, великолѣпныя залы котораго были превращены въ ма-

стерскія и по роскошнымъ паркетамъ разбросаны были разные матеріалы и инструменты. Передъ окнами на дворѣ висѣла раззолоченная гондола и какія-то большія крылья. Дача охранялась стражею, и мы проѣхали нѣсколько карауловъ, прежде нежели попали туда. Они пропускали насъ по предъявленію билета Данквартомъ.

Пока мой хозяинъ находился въ саду, а я разсматривалъ окружавшіе меня предметы въ домѣ, ко мнѣ подошелъ живой, нѣсколько рябоватый господинъ и съ улыбкою сказалъ: „Вы слишкомъ любопытны, молодой человѣкъ". Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ съ Данквартомъ и что я его рабочій. „Рабочій! замѣтилъ онъ, а кто каждый день гуляетъ по Ордынкѣ съ Грибоѣдовымъ и Панинымъ? Вы изъ университета". Я покраснѣлъ и смутился до такой степени, что кажется и не нашелся что̀ отвѣчать. Моя молодость и смущеніе вѣроятно произвели хорошее впечатлѣніе на моего собѣседника; онъ улыбаясь сказалъ мнѣ: „Ну, Нѣмецъ Нѣмца не выдастъ, только никому ни полъ-слова не говорите о томъ, что вы здѣсь были и что̀ услышите". Это былъ докторъ Шефферъ, который и разсказалъ мнѣ, что здѣсь приготовляется воздушный шаръ, котораго движенія посредствомъ крыльевъ можно направлять по произволу. Онъ подыметъ ящики съ разрывными снарядами, которые, будучи сброшены съ высоты на непріятельскую армію, произведутъ въ ней страшное опустошеніе".

Конечно военный, котораго Шнейдеръ видѣлъ вмѣстѣ съ Леппихомъ былъ не извѣстный Фигнеръ, находившійся въ это время въ дѣйствующихъ войскахъ, а Іорданъ (фельдъегерскій прапорщикъ), принявшій прозваніе Фейхнера.

V. Бумаги о Леппихѣ.

Письмо графа Н. П. Румянцева къ Алопеусу.

M-r de Schröder vous dira, m-r, qu'ayant rejoint ici Sa Majesté à travers des boues et des chemins impraticables et par un fort mauvais temps, j'ai gagné en arrivant ici une fluxion épouvantab'e; mais quelque peine qu'elle me donne, je ne veux pas manquer une si bonne occasion de vous écrire et de vous confier que S. M. est très satisfaite du zèle et de l'intelligence que vous manifestez à son service. Quant à moi, vous savez combien je vous suis gré et quelle opinion je me suis faite de vous.

Je désire que les réponses que vous porte m-r Schröder vous mettent à même de vite terminer l'acquisition importante que vous désirez que S. M. fasse. J'ai toute confiance dans l'utilité de cette acquisitiou, parce que c'est vous qui la proposez. Il serait bien avantageux d'être les premiers à tirer un parti important de cette nouvelle découverte qui peut, il me semble, changer en l'art de la guerre beaucoup de choses.

Je vous envoie une lettre pour le ministre des affaires étrangères du roi, pour le cas, que vous le jugiez nécessaire de constater que votre départ de Stuttgard n'a rien de subit, ni de prompt. Elle me parait sans ce motif tout-à-fait inutile; aussi dépend-il de vous de la supprimer.

En date de Paris on parle toujours comme si on était prêt à préférer la voie des négociations à celle des armes. J'ai de la peine à croire que l'on médite autre chose que la guerre; mais on se peut que la situation de la France corresponde mal dans le moment à un pareil projet.

Je vous prie de me rappeler au souvenir de m-me Alopeus, d'être persuadé de celui que je conserve à v. ex. et de continuer par conséquant à m'écrire souvent.

J'ai été fort content de m-r Schröder, dont j'avais déjà une très bonne opinion.

Nos relations avec la Suède sont très bonnes.

Vilna ce 26 Avril 1812 г.

*

Вмѣстѣ съ этимъ частнымъ письмомъ графъ Румянцевъ отправилъ къ Алопеусу слѣдующую ноту отъ того же числа:

En expédiant le conseiller de la cour Schröder, à qui v. ex. avait confié ses dépêches en date du 22 Mai (3 Avril), je suis bien aise d'avoir l'honneur à vous dire que l'empereur vous soit un gré particulier de l'empressement que vous avez mis à vous emparer d'une invention qui promet des résultats aussi importants, dans la vue de la faire tourner au profit du service de Sa M. I.

Pour vour gêner d'autant moins dans l'exécution des mesures à prendre pour faire passer sans délai en Russie le mécanicien Leppich et les ouvriers qui ont déjà été employés à la construction du ballon à moitié achevé, l'empereur accorde tout ce que vous proposez à cet égard et s'en remet absolument au zèle dont il vous sait animé pour son service.

Quant au rappel du poste que vous occupez, S. M. I. pense que tout en vous menageant les moyens de vous en obsenter pour le moment et de nous amener vous-même s'il le faut les personnes en question, il sera possible peut-être de vous faire reprendre plus tard vos fonctions auprès d'une cour où vous êtes parvenu à vous consilier le suffrage du roi. En conséquence, je joins ici une lettre de ma part au ministre des relations extérieures par laquelle je lui annonce que l'empereur vous ayant autorisé à faire un voyage aux eaux dont l'usage vous avait été recommandé par les médecins, vous vous absenterez pour quelque temps de votre poste et que vous y retourniez, aussitôt que votre santé vous le permettrait. Il dépendra ensuite de vous d'y retourner effectivement ou de rester ailleurs, si nous apprenons que vous avez été compromis et que votre présence à Stuttgardt peut-être désagreable au roi.

V. ex. trouvera de plus sous ce pli 10 blancs de passeport qui suffiront sans doute au différens individus à faire entrer en Russie. Elle disposera de l'un en faveur du ministre, si depuis le départ du m-r Schröder il n'a pas changé d'avis, et vous êtes autorisé à lui dire qu'il aura une bonne place en Russie, s'il persiste à s'y transporter et qu'il peut compter sur la générosité de l'empereur.

Pour ce qui concerne l'argent que vous avez démandé, je n'ai dans ce moment pour vous en munir d'autre moyen que d'angager m. de Stakelberg à prendre à Vienne des lettres de change du montant de la somme nécessaire et de vous transmettre par Schröder. Afin de ne rien abandonner au hazard, je joins encore ici pour tous les cas une lettre à m-r Maurice de Bethmann à Francfort que j'autorise à vous fournir la somme dont il s'agit, et ce sera à lui que v. ex. pourra s'adresser, si des circonstances imprévues mettent le c-te de Stackelberg hors d'état de se procurer les fonds en question.

*

Донесеніе Обрѣзкова государю отъ 27 Мая 1812:

Всемилостивый Государь! Всевысочайшее В. И. Величества повелѣніе чрезъ фельдъегерскаго прапорщика Іордана сего 14 Мая имѣлъ счастіе получить.

Прибывшаго съ нимъ механика Леппиха ввезъ въ Москву подъ именемъ доктора Шмидта, его-же Іордана подъ названіемъ Курляндца Фейхнера.

Обще съ Леппихомъ пріискалъ удобное мѣсто для производства его работы въ 6 верстахъ отъ столицы, въ нанятой подмосковной, куда онъ и помѣстился. На

отпущенныя ему отъ меня 8000 руб. заготовляетъ матеріалы и пріискалъ часть мастеровыхъ, дабы немедленно приступить къ настоящей работѣ. Ожидаемые же имъ изъ чужихъ краевъ мастеровые еще не прибыли.

Пребываніе Леппиха и Іордана въ Москвѣ и перемѣщеніе въ подмосковную не обращаютъ ничьего вниманія, ниже любопытства, какъ о людяхъ никому здѣсь незнаемыхъ.

О дальнѣйшихъ успѣхахъ по сему буду имѣть счастіе В. И. В. всеподданнѣйше доносить.

*

На рескриптъ императора отъ 24 Мая 1812 Обрѣзковъ отвѣчалъ:

Получивъ Высочайшее повелѣніе В. И. В. по возложенному порученію на механика Леппиха, въ тоже время сообщилъ я лично наединѣ графу Ростопчину полное свѣдѣніе по всѣмъ бумагамъ у меня имѣющимся, и съ объясненіемъ теченія самого дѣла.

Привезенные фельдъегеремъ Винбергомъ мастеровые, минуя Москву, препровождены на дачу, Леппихомъ занятую.

Къ числу теперь имѣющихся у него до 12 мастеровыхъ, нужно еще 6 человѣкъ; за неотысканіемъ таковыхъ въ Москвѣ, признали нужнымъ послать для найма оныхъ въ Петербургъ, куда и отправленъ для сего фельдъегерскій прапорщикъ Іорданъ подъ видомъ порученностей отъ военнаго губернатора графа Ростопчина.

Матеріалы нужные къ составу работы пріисканы Леппихомъ въ Москвѣ, часть изъ оныхъ куплена, другіе-же заказаны и уже приготовляются. По цѣнамъ на вещи, купленныя и заказанныя Леппихомъ, полагаю, что издержки простираться будутъ болѣе 100 тысячь рублей. Министръ финансовъ на требованіе мое о присылкѣ денегъ отозвался, что объ ассигнованіи оныхъ не имѣетъ повелѣнія. Посему и осмѣливаюсь всемилостивѣйше просить В. И. В. предписанія о присылкѣ суммы, дабы за недостаткомъ оной не сдѣлать затрудненія Леппиху. Всѣ движенія по сему дѣлу производятся съ большою осторожностію, и смѣю надѣяться, что истинное дѣло до самого окончанія сохранится въ совершенной тайнѣ. Іюня 6 дня, 1812 г. въ Москвѣ.

Сравни Д. Н. Свербеева, о Московскихъ пожарахъ 1812 г. (Вѣстн. Евр. 1872, кн. II, стр. 303—320).

(Продолженіе будетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЬ МЕНШИКОВЪ *.

IV. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА. 1706—1709.

Устроивъ свадьбу своего друга и преданнѣйшаго слуги, Петръ сдѣлалъ высоконравственное дѣло. Лучшей подруги Меншикову нельзя было найти. Подобно Екатеринѣ, Дарья Михаиловна была то что̀ называется полковою дамою: она способна была выносить всѣ трудности походной жизни, подвергаясь личной опасности и случайностямъ войны. Заботливая и любящая хозяйка окружала мужа удобствами и ни на минуту не забывала о немъ. Есть извѣстіе, что она даже совершала походы верхомъ.

Петръ, обвѣнчавъ Меншикова, ускакалъ изъ Кіева съ Екатериною въ свой парадизъ, который потѣшилъ своего учредителя наводненіемъ, на другой же день его пріѣзда: во дворцѣ, въ комнатахъ Петра, воды было выше полу на 21 дюймъ, а по улицамъ открылось свободное плаваніе на лодкахъ. „Зѣло было утѣшно, писалъ Петръ Меншикову, что люди на кровляхъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли, не точію мужики, но и бабы“ [1]). Петръ любовался наводненіемъ и, будучи въ веселомъ настроеніи, посылалъ поклоны Меншикову отъ себя и Екатерины, и отъ любимой своей собачки Лизеты [2]).

Меншиковъ съ женою оставался при войскахъ. Въ это время Карлъ XII вступилъ въ Саксонію и началъ собирать съ нея великую контрибуцію; въ Польшѣ же оставалось Шведскаго войска только 4.000 ч. конницы и столько же пѣхоты, подъ начальствомъ Мардефельдта. Меншикову поручено было уничтожить этотъ отрядъ. Усиленными переходами Меншиковъ двинулся по направленію къ Познани.

12 Сентября, въ мѣстечкѣ Крыловѣ, Меншиковъ узналъ о вступленіи Карла XII въ Саксонію и спѣшилъ соединиться съ королемъ Августомъ. Въ этотъ день онъ написалъ письмо къ Шафирову, доказывающее, какъ онъ выходилъ изъ ряду своихъ современниковъ, какъ понималъ, что ученіе необходимо Русской молодежи. „Прошу вашей милости, изволь моего шурина (Ивана Михаиловича Арсеньева) взять отъ Алексѣя Ивановича Нарышкина и отдать въ нашу школу и прикажи его учить Нѣмецкому и Французскому языку. О нашемъ поведеніи буди извѣстенъ: въ настоящемъ походѣ, слава Богу, въ добромъ обрѣтаемся состояніи и кончая къ будущему

---

*) См. вторую книгу Р. Архива сего года, стр. 233.

[1]) Письмо Петра отъ 11 Сентября 1706. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) За эту Лизету пострадалъ въ 1708 году одинъ священникъ Козловскаго уѣзда. Возвратившись домой изъ Москвы, онъ разсказывалъ своимъ знакомымъ: „Былъ я на Москвѣ и видѣлъ великаго государя, какъ онъ съѣхалъ съ двора князя Александра Даниловича Меншикова, и въ карету его вскочила маленькая собачка, и онъ государь, взявъ ту собачку, поцѣловалъ въ голову“. Черезъ нѣсколько времени на попа донесли въ Преображенскій Приказъ, что онъ говоритъ непристойныя слова про государя. Священника привезли въ Приказъ, и на допросѣ онъ повторилъ свой разсказъ. (Дѣла Преобр. Приказа, Архивъ Минист. Юстиціи 1708 года). У царя была еще другая собачка Лента; когда она ощенилась, то Петръ изъ похода въ 1707 году приказывалъ Апраксину, чтобъ онъ велѣлъ кому нибудь изъ иноземцевъ, охотниковъ до собакъ, выучить щенковъ: 1) Чтобъ носили поноску; 2) Шапку снимать; 3) Подъ птицами въ воду ходить; 4) Чрезъ палку скакать; 5) Чтобъ умѣла ѣсть просить и сидѣть (Въ письмахъ къ Апраксину 10-го Октября 1707 г. Госуд. Арх. Каб. I, кн. 24, стр. 91).

Вторнику надѣемся быть въ Люблинѣ, куда и его королевское величество, чаю, съ нами вмѣстѣ будетъ; для того и походъ свой мы медлимъ. Однакоже чаемъ, что приходомъ своимъ въ Люблинъ ускоримъ. Третьяго дня прибылъ къ намъ отъ его величества генералъ-маіоръ Гольцъ, который у насъ въ Кіевѣ былъ и привезъ ко мнѣ отъ его королевскаго величества, также и отъ Долгорукова, письма, въ которыхъ пишутъ, что подлинно король Шведской вступилъ въ Саксонію; а что̀ тамъ чинитъ, о томъ еще не вѣдомо. Однакоже королевское величество послалъ туда указы, чтобъ отнюдь контрибуціи ему не давать, хотя жестокія разоренія терпѣть; а наша партія отъ нихъ въ 15-ти миляхъ. Вчерашняго дня изъ мѣстечка Сакаль отпустили мы въ Кіевъ 11 пушекъ мѣдныхъ, которыя оставили въ томъ мѣстечкѣ Шведы, такимъ же образомъ какъ и въ Дубнѣ. — Я слышалъ, что помянутый мой шуринъ уже въ школѣ; того ради прошу, дабы ваша милость въ особливое свое призрѣніе его взялъ и надлежащее стараніе имѣлъ, чтобъ безпрестанно учился. Такожъ какову книжку далъ препозитусъ женѣ моей, а именно Олексиконъ, изволь таковуюжъ прислать ко мнѣ немедленно".

Въ Люблинѣ Меншиковъ засталъ короля Августа. „Королевское величество, пишетъ Меншиковъ Петру, зѣло скучаетъ о деньгахъ [3]) и со слезами на одинъ у меня просилъ, понеже такъ обнищалъ: пришло такъ, что ѣсть нечего". Меншиковъ уже на столько былъ богатъ, что далъ королю взаймы собственныхъ денегъ 10 т. ефимковъ.

Бросая за собою обозы, Меншиковъ спѣшилъ нагнать отступавшаго непріятеля. 4-го Октября (1706) онъ былъ уже въ Петроковѣ и отсюда послалъ Петру въ подарокъ 20 бочекъ Венгерскаго вина, „которое, надѣюсь, что будетъ милости твоей благоугодно: понеже, чаю, что въ Петербургѣ такого вина нѣтъ".

15-го Октября Меншиковъ настигъ Мардефельта подъ Калишемъ и спѣшилъ успокоить княгиню свою, которая слѣдовала за нимъ въ обозѣ: „Непріятель отъ насъ стоитъ за рѣкою; для Бога, обо мнѣ не сумнѣвайтесь; во истинну, въ баталіи самъ не буду, и о томъ не печальтесь. Извольте къ намъ прислать сюда немедленно двѣ телѣги съ потребными намъ запасы, а которое что̀ взято съ нами, и то уже придержалось; а больше прикажите отпустить хлѣбовъ, понеже здѣсь въ томъ есть вящшая нужда".

18-го Октября, въ два часа по полудни, началось знаменитое Калишское сраженіе. Три часа бились Шведы, но наши взяли верхъ, и Шведы были сломлены; конница ихъ спаслась бѣгствомъ, а пѣхота вся побита; болѣе 4 т. Шведовъ и тысяча Поляковъ легло на мѣстѣ, остальные сдались на другой день. „Не въ похвалу себѣ вашей милости доношу, писалъ Меншиковъ Петру: такая была баталія, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле устлано мертвыми тѣлами.... Поздравляю васъ преславною викторіею и глаголю: виватъ! виватъ! виватъ! Дай Боже и впредь вашему оружію такое счастіе" [4]). За эту побѣду Петръ отблагодарилъ Меншикова подаркомъ трости, украшенной драгоцѣнными камнями: „сверху изумрудъ, по сторонамъ символы побѣдѣ приличные, и гербъ Меншикова финифтью" [5]). Король Польскій Августъ, съ своей стороны, пожаловалъ Меншикову вотчины Полонное и Межеричи [6]).

---

[3]) Петръ обязался платить Августу для Саксонскихъ войскъ 200 т. ежегодно.

[4]) Устряловъ, Исторія Петра В., т. IV, ч. I, стр. 527.

[5]) Въ расходной книгѣ Посольскаго Приказа, № 85, стр. 886, сохранился подробный счетъ, что̀ стоила эта трость—всего 3064 р., 16-алт., 4 деньги.

[6]) Грамота объ этомъ пожалованіи, въ переводѣ, хранится въ Архивѣ Мин. Иностр. Д. въ дѣлахъ Меншикова, св. 2, № 5.

Послѣ Калишской побѣды Меншиковъ отступилъ на зимнія квартиры на Волынь, въ мѣст. Жолквы. Здѣсь онъ получилъ письмо отъ друга своего Шафирова [7]), котораго тревожило очень, что Меншиковъ титуловался свѣтлѣйшимъ, но не получалъ еще диплома отъ Австрійскаго двора. Шафировъ писалъ, что Прусскій посланникъ говорилъ ему подъ секретомъ, будто Меншиковъ не получитъ диплома на княжеское достоинство Римской имперіи, если не обратится къ посредничеству Прусскаго короля. Но опасенія Шафирова были напрасны: Меншикову прислали въ Жолкву изъ Вѣны ожидаемый дипломъ. Князь спѣшитъ успокоить своего друга: „Дипломъ мой, собственною его цесарскаго величества рукою подписанъ, и при томъ канцлеръ и тайный секретарь закрѣпили, какого диплому еще никому не давано... И посему самъ изволишь разсудить, какіе мнѣ друзья тѣ, которые такія пакости вамъ предлагали; нынѣ оные, чаю, услыша сіе, постыдятся".

Дѣйствительно, едва ли кому выданъ былъ Австрійскимъ дворомъ дипломъ на княжеское достоинство подобный Меншиковскому. Въ этомъ дипломѣ утверждалось за княземъ его происхожденіе отъ благородной Литовской фамиліи, что̀ было весьма важно для Меншикова и о чемъ хлопоталъ Гюйссенъ, который жилъ въ Вѣнѣ для разныхъ секретныхъ порученій и, будучи преданъ Меншикову, заботился о немъ. Это почетное происхожденіе Меншикова отъ благородной Литовской фамиліи перешло изъ Австрійской грамоты и въ Русскую, которая дана была Меншикову Петромъ въ 1707 г. на княжеское достоинство уже Россійское. Понятно, какъ обрадовался Меншиковъ Австрійской грамотѣ.

Въ Жолквѣ Меншиковъ получилъ свѣдѣнія, что союзникъ нашъ король Польскій Августъ, устрашенный вступленіемъ войскъ Карла XII въ Саксонію, тайно заключилъ съ нимъ миръ. Объ этой измѣнѣ Меншиковъ спѣшилъ дать знать Петру и вызывалъ его пріѣхать въ Жолкву къ Рождеству непремѣнно. Петръ въ это время не зналъ объ измѣнѣ Августа и 10-го Декабря 1706 выѣхалъ изъ Петербурга съ намѣреніемъ встрѣтить новый годъ въ Москвѣ; но въ Нарвѣ онъ получилъ чрезъ нарочнаго письмо отъ Меншикова съ извѣстіемъ объ измѣнѣ и отправился, минуя Москву, черезъ Кіевъ, въ Жолкву, куда и прибылъ 28 Декабря 1706. Здѣсь нашелъ онъ Меншикова грустнымъ и разстроеннымъ: князь получилъ извѣстіе, что Московскій его Слободской домъ сгорѣлъ до тла, со всѣми внутренними украшеніями и драгоцѣнностями въ кладовыхъ, стоившими большихъ денегъ. Австрійскій посланникъ Плейеръ, жившій въ Москвѣ, донося своему императору объ этомъ происшествіи, присовокупилъ, „что Московиты очень рады этому пожару, потому что въ этомъ пожарѣ они видятъ предзнаменованіе паденія временщика, припоминая, что у любимца царевны Софьи Алексѣевны, у князя Василья Васильевича Голицына, передъ его ссылкою въ 1689 году, сгорѣлъ также домъ въ Москвѣ" [8]).

Петръ утѣшилъ своего любимца: подарилъ ему Лефортовъ домъ въ Москвѣ и 2000 р. на постройки. Меншиковъ сей же часъ написалъ Шафирову, чтобъ тотъ приказалъ передать управляющему дѣлами князя въ Москвѣ Лефортовъ домъ со всѣми внутренними принадлежностями и украшеніями [9]).

---

[7]) Шафировъ управлялъ Посольскимъ Приказомъ.

[8]) Донесеніе Плейера у Устрялова т. IV, ч. 2, стр. 661.

[9]) Лефортовъ домъ былъ въ завѣдываніи Посольскаго Приказа, которымъ управлялъ Шафировъ. Меншиковъ писалъ къ нему о пожалованіи Лефортовскаго дома 7 Января 1707 года изъ Жолквы.

Въ день своего рожденія, 30 Мая 1707 г., въ м. Казимировѣ, Петръ пожаловалъ Меншикову княжеское Россійскаго государства достоинство и въ вѣчное владѣніе города Копорье и Ямбургъ. Дипломъ былъ подписанъ 1-го Іюня 1707 года, но пожалованіе состоялось ранѣе: сохранилась записка, свидѣтельствующая, что Петръ рѣшилъ пожаловать Меншикова въ князья еще 19 Мая [10]).

Изъ Казимирова Меншиковъ сопровождалъ Петра въ Люблинъ, а день имянинъ Петра, 29 Іюня, праздновали въ полумилѣ отъ Люблина, въ мѣстечкѣ Якобовичахъ. Въ этотъ день съ Меншиковымъ случилось непріятное происшествіе.

У него на квартирѣ, гдѣ жилъ и Петръ, собрались всѣ сопровождавшіе царя, для веселія. Между гостями былъ и Прусскій посланникъ Кайзерлингъ, который давно ожидалъ благопріятной минуты, чтобы попросить царя за брата дѣвицы Монсъ, которую онъ отвлекъ отъ Петра еще въ 1704 г. съ намѣреніемъ жениться на ней (что́ онъ и исполнилъ въ 1711 г.). Предварительно онъ спрашивалъ совѣта у Меншикова, и тотъ даже обѣщалъ ему склонять Петра дозволить, чтобы Монсъ вступилъ въ нашу службу. Кайзерлингъ разсчитывалъ, что въ этотъ день, въ веселую минуту, всего удобнѣе просить царя; но едва онъ началъ говорить о Монсѣ, Петръ съ раздраженіемъ отвѣчалъ ему, что онъ „воспитывалъ дѣвицу Монсъ для себя, съ искреннимъ намѣреніемъ жениться на ней, но такъ какъ она прельщена и развращена Кайзерлингомъ, то онъ ни объ ней, ни объ ея родственникахъ ничего ни слышать, ни знать не хочетъ". Словно онъ предчувствовалъ, что эти Монсы еще нанесутъ ему тяжкія сердечныя раны. Кайзерлингъ оправдывалъ дѣвицу Монсъ, а въ это время Меншиковъ, вмѣсто обѣщаннаго содѣйствія, началъ говорить, что дѣвица эта подлая, развратная и пр. Завязалась крупная перебранка; обѣ стороны разгорячились: Меншиковъ ударилъ Кайзерлинга въ грудь, а Кайзерлингъ далъ Меншикову пощечину. Кайзерлингъ схватился было за шпагу, но у него ее отняли во время перебранки. Царь былъ въ комнатѣ и спросилъ Кайзерлинга: что́ онъ затѣваетъ и не намѣренъ ли драться? Самъ я ничего не затѣваю, отвѣчалъ Кайзерлингъ, и драться не могу, потому, что у меня отняли шпагу; но если я не получу желаемаго удовлетворенія отъ вашего царскаго величества, то готовъ во всякомъ другомъ мѣстѣ драться съ княземъ Меншиковымъ". Тогда Петръ объявилъ, что самъ будетъ драться съ Кайзерлингомъ и обнажилъ свою шпагу, въ одно время съ Меншиковымъ.

---

[10]) Въ портфеляхъ Миллера. въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, хранится слѣдующая записка: „1707-го Мая въ 19 день пожаловалъ великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, по именному своему великаго государя указу, генерала главнаго отъ кавалеріи, Римскаго государства князя, Александра Даниловича Меншикова за многія его къ нему великому государю вѣрныя и усерднорадѣтельныя службы и храбрыя показанныя при знатныхъ акціяхъ воинскихъ дѣйствіяхъ искусства и умныя послуженія, велѣлъ ему на княженіе Россійское и Ижорское и на данныя ему князю Александру Даниловичу за оныя службы во владѣніе вѣчное города Копорье и Ямбургъ, дать свою великаго государя милостивую жалованную грамоту изъ своей государственной Посольской Походной Канцеляріи; а на дѣло къ той жалованной грамотѣ золотаго ковчега дать 110 золотыхъ червонныхъ, да за дѣло золотарю 11 золотыхъ червонныхъ да ефимокъ, да подмастерьямъ, которые для скорости онаго ковчега помогали, 8 рублей; моляру, которой писалъ въ той жалованной грамотѣ великаго государя персону и княжіе гербы, на золото и серебро творёное и краски 4 рубл.", и т. д. Всего къ этой жалованной грамотѣ израсходовано 121 золотой червонный, 40 ефимковъ, да денегъ 56 рублей 3 алтына 2 деньги, отъ расходу изъ Посольской Походной Канцеляріи".

Шафировъ бросался то къ Петру, то къ Меншикову, умоляя ихъ не оскорблять Кайзерлинга. Кончилось тѣмъ, что Кайзерлинга вытолкали изъ комнаты, а за дверьми и на дворѣ солдаты еще угостили Кайзерлинга толчками. Кайзерлингъ донесъ обо всемъ подробно Прусскому королю.

Это происшествіе ставило Петра въ самое непріятное положеніе къ королю Прусскому, которому также не приходилось ссориться съ Петромъ. Дѣло уладилось къ удовольствію обѣихъ сторонъ въ Варшавѣ: въ концѣ Августа 1707 года Кайзерлингъ написалъ царю повинное письмо, въ которомъ сознавался, что нѣкоторыя неумышленныя слова вырвались у него только вслѣдствіе недоразумѣнія и вспышки въ разгоряченномъ состояніи, отъ слишкомъ неумѣреннаго употребленія хорошаго вина; но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ наказать гвардейцевъ, толкавшихъ его съ лѣстницы и особенно того, который сильно ударилъ его два раза въ затылокъ такъ, что онъ едва не свалился съ ногъ. 1 Сентября (по новому стилю) Кайзерлингъ помирился публично съ Меншиковымъ, который принялъ его съ торжественною обстановкою на своей квартирѣ. Петръ былъ тутъ же и когда Кайзерлингъ благодарилъ за милость, онъ отвелъ его въ сторону и сказалъ: „Богъ душу мою видитъ, какъ глубоко сожалѣю я о случившемся; но всѣ мы были пьяны, теперь же благодаря Бога все прошло и улажено". Въ 7 часовъ Кайзерлингъ обѣдалъ въ комнатѣ княгини Меншиковой; за столомъ были только Петръ, Меншиковъ съ женою, вдова княгиня Радзивиллъ, князь Долгоруковъ и генералъ Ренне. Петръ все время былъ чрезвычайно веселъ. На прощаньи Кайзерлингъ, отъ имени короля Прусскаго, просилъ Петра помиловать солдатъ, которые его толкали. Они были передъ этимъ отысканы и осуждены къ смертной казни. Петръ предоставилъ это на волю Кайзерлинга. На другой день, преступники, на мѣстѣ казни, были прощены Кайзерлингомъ, и онъ угостилъ ихъ водкою. (Извлечено изъ подробнаго донесенія Кайзерлинга Прусскому королю, напечатаннаго въ Русской Старинѣ 1872 г. Іюнь).

Въ Варшавѣ, въ концѣ Августа мѣсяца 1707 г., получено было извѣстіе, что Шведы перебираются изъ Саксоніи въ Польшу. Петръ выѣхалъ изъ Варшавы 4-го Сентября, а Меншиковъ остался еще нѣкоторое время подъ Варшавою со всею конницею, для наблюденія за непріятелемъ. Карлъ XII подвигался въ Польшу, наши отступали въ Литву. Петръ рѣшилъ: вывести наши войска изъ Польши, заманить непріятеля къ нашимъ границамъ и уменьшать силы его казацкими наѣздами и военными хитростями [11]). Но Карлъ XII не спѣшилъ къ нашимъ границамъ и пріостановился въ Польшѣ, грабилъ и разорялъ, а наши войска расположились на зимнихъ квартирахъ: Меншиковъ съ кавалеріею въ м. Дзенцолахъ, а фельдмаршалъ гр. Б. П. Шереметевъ съ пѣхотою въ Минскѣ. Петръ изъ Варшавы проѣхалъ въ Тыкотинъ, потомъ въ Гродну, за тѣмъ въ Вильну, а 12-го Октября, простившись съ княземъ Меншиковымъ въ мѣстечкѣ Меречѣ, уѣхалъ въ Петербургъ.

Никто не ожидалъ его въ парадизѣ. 23-го Октября Петръ, сюрпризомъ для всѣхъ, явился на вечеринку къ адмиралу Апраксину. 23-го Ноября, день имянинъ князя Меншикова, Петръ справилъ въ Петербургѣ со всею своею веселою компаніею. „Въ день вашего тезоименитства такъ веселились, писалъ онъ Меншикову (26 Ноября 1707), истинно по смерти господина Лефорта до сегодня такого не было веселаго дня, понеже уже въ третьемъ часу на другой день легли спать". Петръ послалъ Меншикову и подлинный актъ этого веселія, подписанный всѣми участниками

11) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 232.

попойки. Характеръ нѣкоторыхъ подписей доказываетъ, что это веселіе было въ родѣ тѣхъ оргій, которыя совершались во имя Бахуса въ компаніи князя кесаря и князя папы [12]). Отпраздноваръ имянины Меншикова, Петръ отправился съ Екатериною въ Москву, гдѣ и справлялъ святки.

Меншиковъ въ походѣ тоже веселился, но весьма вѣроятно, не такъ разгульно, какъ Петербургская компанія. Живя въ Дзенцолахъ съ добродѣтельнѣйшею изъ женъ, съ княгинею Дарьею Михаиловною, Меншиковъ для веселья принужденъ былъ уѣхать въ Минскъ къ Шереметеву [13]). Но скоро пришло ему не до гулянья. Карлъ XII началъ подвигаться къ Сѣверу; наши отступали по направленію къ Гроднѣ. Меншиковъ и Головкинъ вызывали Петра пріѣхать поскорѣе къ войскамъ; Петръ не очень торопился. Секретарь посольской канцеляріи Василій Степановъ пишетъ къ Гаврилѣ Ивановичу Головкину изъ Москвы 29 Декабря 1707 года: „Доношенія ваши къ его величеству, въ двухъ пакетахъ присланныя, нимало медля подносилъ въ славленье, и не токмо тогда, но и на другой день, то есть вчерашняго дня по утру, не изволилъ принять, понеже забавны были пирами отъ славленья. И я испросилъ у его величества указъ, дабы повелѣлъ мнѣ оные распечатать и себѣ донесть, и на то всемилостивѣйше соизволилъ, однако выговоря, чтобъ ему тогда не доносить, до сегодняшнаго утра. И потому его указу я вчерась оные распечатавъ выразумѣлъ въ нихъ зѣло важныя и нужныя къ респонсу и послѣдней резолюціи дѣла́, а паче объ Августѣ. Того ради, кратко выписавъ себѣ на память, сего утра гораздо рано къ его величеству на дворъ свѣтлѣйшаго князя Московскій (гдѣ изволитъ въ сіи дни резидовать) пріѣхалъ и коего часу двигся, то обо всемъ ему порядочно внушилъ. И сказать изволилъ, что сіе дѣло великой ваги, для того-де подумать надлежитъ. И я, забывъ страхъ, просилъ его, чтобы всеконечно изволилъ, не опуская времени, выслушать; а потому изволилъ приказать мнѣ, чтобъ я утре рано въ Преображенскомъ на дворъ къ нему былъ, гдѣ сея ночи намѣренъ ночевать, понеже здѣшнія Московскія мѣста нынѣ отславятъ и будутъ славить утрѣ въ Слободѣ. Дай Господи Боже, чтобъ утрѣ, естьли самъ не изволитъ отвѣтствовать, чтобъ хотя мнѣ приказалъ. Я, мой милостивой государь, оныя ваши доношенія того ради къ себѣ взялъ и до другихъ рукъ не отдалъ, чтобъ скорѣе указъ исходатайствовать: ибо вижу я,

---

[12]) Письмо Петра къ Меншикову 23 Ноября 1707: „Господинъ князь, губернаторъ и генералъ! Въ сей день святаго Александра князя Россійскаго, вашего тезоименитаго, здѣсь въ дому вашемъ, по благодареніи Богу, веселимся, о чемъ пространнѣе скажетъ вамъ курьеръ Свѣчинъ. Дай Боже, чтобъ у васъ такое было веселье, какъ теперь у насъ въ семъ святомъ мѣстѣ. Впрочемъ желаемъ, дабы Господь Богъ вамъ благоволилъ здѣсь съ нами купно сей парадизъ въ радости видѣть въ долгія времена, и при семъ, поздравляя васъ симъ днемъ, подписуемся: Адмиралъ Апраксинъ, шаутбенахтъ графъ Иванъ Боцисъ, маіоръ Долгорукій, Александръ Кикинъ, Абрамъ Ресъ, Алексѣй Чоглоковъ, Гаврило Меншиковъ, Иванъ Кочетъ, Θедосей Скляевъ, архіерей Воронежской Талецкой Индрикъ, архидіаконъ Гедеонъ Шаховской; Санктпетербургской номинатъ Петро...дъ челомъ бью; Степанъ Бѣляевъ; игуменья съ сестрами; Иванъ Синявинъ, Ипатъ Мухановъ, Иванъ Татищевъ, Θедоръ Бартеневъ“ (въ Архивѣ Мин. Иностр. Д., между копій съ писемъ Петра Великаго).

[13]) Шафировъ, 15-го Декабря 1707 года, пишетъ изъ Минска къ своему шурину Степанову: „Князь его милость къ намъ сюда пріѣхалъ безъ княгини погулять и сталъ у фельдмаршала, и сегодня будетъ обѣдать у Гаврилы Ивановича, а завтра у меня“ (Письма Русскія, Архивъ Мин. Ин. Д.).

что и княжія письма, которыя онъ писалъ по возвращеніи своемъ изъ Минска, третій день не читаны и не вспоминаютъ объ нихъ, пока самъ вспомнитъ. Преждепомянутая княжая свѣтлость въ оныхъ письмахъ своихъ гораздо позываетъ отсюда его величество, чѣмъ, чаю, скорѣе побудитъ къ отъѣзду; однакоже еще намѣренія, въ коихъ числѣхъ идти, нѣтъ“ [14])....

Петръ, не смотря на вызовы Меншикова, не торопится выѣхать изъ Москвы, славитъ и забавляется; письма Меншикова и Головкина изъ арміи лежатъ нераспечатанными, секретарь Степановъ, забывъ страхъ, умоляетъ Петра прочитать эти письма—и Петръ поручаетъ Степанову прочитать ихъ, самъ продолжая славить и забавляться! Какъ согласить это странное поведеніе Петра съ его неутомимою государственною дѣятельностію? На первый взглядъ, такое небреженіе къ важнымъ дѣламъ покажется страннымъ и даже непонятнымъ; но если вглядѣться пристальнѣе, то окажется, что это минутное отреченіе отъ занятій и было слѣдствіемъ неутомимой дѣятельности Петра: ему было необходимо отдохнуть отъ тѣхъ трудовъ, заботъ и всяческихъ непріятностей, которыя онъ выносилъ во время Шведской кампаніи. Страстная его, богатырская природа не могла удовлетвориться какимъ нибудь обыкновеннымъ, тихимъ отдохновеніемъ, и онъ отдыхалъ въ славленьѣ, въ веселіи. Онъ отдохнулъ, и 6-го Января, простившись съ Екатериною, въ тяжкомъ расположеніи духа, но съ прежнею энергіею, поскакалъ къ войскамъ и изъ Дзенцолъ вмѣстѣ съ княземъ Меншиковымъ прибылъ 21 Января 1708 въ Гродну.

Въ это время княгиня Меншикова находилась въ Минскѣ въ страшномъ безпокойствѣ о мужѣ, который съ конными полками былъ въ постоянной опасности отъ непріятеля. Карлъ XII, узнавъ, что Петръ въ Гроднѣ, спѣшилъ захватить этотъ городъ. 25 Января, на канунѣ вступленія Шведовъ въ Гродну, Меншиковъ успокоивалъ жену: „Непріятель прежде нашего прихода сюда“, писалъ онъ, „не въ дальнемъ было былъ разстоянія, и какъ мы сюда пришли, то непріятель паки назадъ поворотился. И такъ мы здѣсь, слава Богу, безопасны. Анна Даниловна! Варвара Михайловна! Унимайте того, кто труситъ, чтобъ больше не трусили“. Но Шведы не только не отступили, но 26 числа вошли въ Гродну, два часа спустя послѣ выѣзда изъ города Петра и Меншикова. Петръ отправился въ Вильну, а Меншиковъ остался при кавалеріи и ежедневно доносилъ Петру о движеніяхъ непріятельскихъ и нашихъ войскъ.

27-го Января, изъ мѣстечка Ознора, отъ Гродны въ 3-хъ миляхъ, Меншиковъ доноситъ: „Сей часъ получена вѣдомость, что непріятель вчерась передъ вечеромъ къ Гроднѣ пришелъ, гдѣ наши послѣдніе командированные на силу успѣли черезъ Нѣманъ подъ Гродною перебраться и мосту предъ непріятелемъ нѣсколько разорить, отстрѣливаясь по возможности. Того же часу къ онымъ командированнымъ указъ посланъ, чтобъ они сію нощь предъ утромъ потщались на непріятеля ударить и мостъ въ конецъ разорить. Извольте ваша милость поспѣшать и послѣдующему за вами полку приказать, чтобъ такожде немедленно шелъ: ибо непріятель къ Нѣману съ пушками пришелъ, то не долго можетъ быть чрезъ Нѣманъ задержанъ“.

Выступая изъ Гродны, Меншиковъ поручилъ бригадиру Миленфельдту удерживать до послѣдней крайности и не перепускать непріятеля черезъ Нѣманъ; но Миленфельдтъ не исполнилъ этого приказанія и, „не будучи тѣснимъ отъ непріятеля, не только двухъ дней, какъ ему было приказано, но ни одного дня при мосту не держалъ“ [15]).

---

[14]) Русскія письма, картонъ 27, Архивъ Мин. Иностр. Д.

[15]) Письмо Меншикова къ Петру отъ 28 Января отъ Гродны въ 7 миляхъ. Государ. Архивъ: Письма Меншикова.

Меншиковъ арестовалъ Миленфелдта и отдалъ его подъ военный судъ, „по которому вѣроятно (писалъ онъ Петру) будетъ приговоренъ къ смерти, что̀ должно быть исполнено здѣсь, для страха другимъ". На другой день, изъ мѣстечка Заболоты, Меншиковъ сообщилъ Петру подробности о занятіи Гродны Шведами. „Посланъ былъ капитанъ съ 60-ти человѣками провѣдать, есть ли въ Гроднѣ Шведы и прислушась по голосу, что совершенно есть Шведы, то тотчасъ отважась спѣшилъ своихъ людей и, разорвавъ рогатки, вшелъ въ мѣсто и шелъ до самаго Доминиканскаго кляштора, гдѣ стоялъ князь Дармштадтскій и когда увидѣлъ, что при ономъ кляшторѣ стоитъ кавалерія Шведская, а именно 300 человѣкъ кирасировъ лейбъ-регимента, тотчасъ на нихъ ударилъ и съ 50 человѣкъ на мѣстѣ положилъ, да двухъ живыхъ взялъ, и того же часу назадъ возвратился: понеже вскорѣ тое тревогу услышавъ другіе стали секундовать. Но, когда тотъ нашъ капитанъ изъ Гродни, слава Богу, безъ всякаго съ своей стороны урону вышелъ, то помянутые взятые языки сказали, что на тотъ часъ самъ король Шведской былъ въ томъ кляшторѣ, при которомъ только 600 кирасировъ было... Несчастіе наше, что прежде посылки того капитана въ Гроднѣ не вѣдали о томъ, что король Шведской былъ тутъ; а ежели бы хотя во время той потребы тотъ капитанъ про то свѣдалъ, то бы самаго короля могъ свободно взять: потому что со многими драгунами, гонючи Шведовъ, въ самой кляшторъ въѣхалъ".

Меншиковъ быстро отступалъ отъ Гродны, а Шведы также быстро гнались за нимъ. 31 Января, изъ мѣстечка Радумижа, онъ пишетъ къ Петру, что посылаетъ во всѣ окрестныя мѣста, въ сторону на пять и на шесть миль, уничтожать хлѣбные запасы, оставляя только что̀ необходимо для аріергарда, и жители всѣ бѣгутъ отъ страха „кой куды врознь"; 4000 Шведовъ посланы въ слѣдъ за нимъ и въ прошлую ночь ночевали на нашемъ первомъ стану, въ Озерахъ. „Но какъ далѣе сею дорогою походъ свой продо̀лжатъ, не вѣдаю, пишетъ Меншиковъ; развѣ Богъ дастъ имъ крылѣ и манну. Погода перемѣнилась: все идетъ снѣгъ при мѣрныхъ морозахъ, такъ что можно безъ нужды на саняхъ ѣздить. Но сіе время, какъ людей, такъ и лошадей зѣло изнуряетъ.. Лошадей какъ снѣгомъ, а паче вѣтромъ зѣло въ слабость приводитъ. Ежели непріятель со всею потугою за нами послѣдуетъ, и по указу вашему къ вамъ ѣхать ли, или здѣсь ради лучшаго распоряженія при семъ нужномъ времени быть?"

Вмѣстѣ съ тѣмъ Меншиковъ просилъ жену не оставаться въ Минскѣ, а переѣхать въ Смоленскъ; „а при пѣхотѣ вамъ быть не для чего, понеже оная и туда и сюда будетъ обращаться" [16]).

Повидавшись съ Петромъ 2-го Февраля въ Вильнѣ, Меншиковъ возвратился къ войскамъ; а Петръ, зная, какъ княгиня безпокоится о мужѣ, написалъ ей, что при прощаньѣ въ Вильнѣ, онъ говорилъ князю, „чтобъ берегъ себя, что у нихъ все благополучно и отъ князя получаетъ ежедневныя вѣдомости" [17]).

Меншиковъ дѣйствительно съ каждаго перехода писалъ и къ Петру, и къ женѣ: перваго увѣдомлялъ о движеніи непріятеля и о своихъ распоряженіяхъ, а жену успокоивалъ, что здоровъ и все благополучно. 6-го Февраля, въ мѣстечкѣ Соль, Меншиковъ собралъ всѣхъ генераловъ и приказалъ на другой день передъ всѣми офи-

---

[16]) Письмо Меншикова отъ 31 Января 1708 изъ мѣст. Радумижа. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

[17]) Голиковъ, т. III, стр. 269.

церами объявить смертную казнь бригадиру Миленфелдту. Но въ эту же ночь бригадиръ бѣжалъ изъ подъ караула.

9-го Февраля изъ Маркова Меншиковъ увѣдомляетъ Петра, что непріятель „идетъ къ Минску и тутъ хочетъ имѣть съ нами сраженіе, а ежели тутъ баталіи не дадимъ, то намѣренъ прямо до Москвы идти. Въ провіантѣ и въ фуражѣ, сказываютъ, великая у нихъ нужда; только что гдѣ сыщутъ въ ямахъ да на кровляхъ соломы, тѣмъ и довольствуются. Я ко всѣмъ заднимъ своимъ писалъ указъ, чтобы и на кровляхъ соломы ничего не оставляли, для чего бы и хоромнаго строенія не щадили".

Тяжело было Шведамъ преслѣдовать насъ, но и нашимъ было не лучше. Мѣстные жители, передъ приходомъ нашихъ войскъ, убѣгали въ лѣса, а когда приходили въ слѣдъ за нашими Шведы, жители возвращались и „всякое довольство непріятелю чинили". Пасторы встрѣчали Шведовъ честно, какъ союзниковъ", а когда мы здѣсь куда ни пріѣдемъ (доноситъ Меншиковъ 10-го Февраля изъ мѣстечка Молодечны), такую намъ чинятъ пріязнь, что не томко въ деревняхъ ни единаго хлопа, но и въ панскихъ дворѣхъ никого не получаемъ, а провожатаго нигдѣ сыскать не можемъ: всѣ заранѣе, какъ могутъ, со всѣмъ по лѣсамъ убираются. Также видя то, что мы на панскихъ токмо дворѣхъ провіантъ и фуражъ пожигаемъ, то они съ панскихъ дворовъ все на хлопскіе дворы и въ лѣса развозятъ; а изъ сего можно признать, что всѣ здѣшніе обыватели больше къ непріятельской сторонѣ склонны и доброжелательны, нежели къ намъ. И для того я нынѣ разсудилъ ко всѣмъ своимъ заднимъ такой указъ послать, чтобъ вездѣ, гдѣ ни найдутъ, въ панскихъ или на хлопскихъ дворѣхъ, не токмо провіантъ и фуражъ, но и солому жгли все безъ остатку".

Придя 11 Февраля въ мѣстечко Левковъ, Меншиковъ хотѣлъ дать отдыхъ людямъ и лошадямъ, но получилъ увѣдомленіе изъ аріергарда, „что непріятель правою стороною съ великимъ поспѣшеніемъ идетъ и отъ насъ только въ четырехъ миляхъ, и какъ наши присмотрѣли, что во всю рысь Шведы бѣгутъ, чтобъ насъ отрѣзать. „Чего ради (донесъ Меншиковъ Петру) мы отсюда сего часу поднимаемся и пойдемъ до Плешеницъ, отсюда 7 миль; извольте и ваша милость быть во всякой осторожности и къ походу со всѣмъ изготовиться. А понеже непріятель, какъ по всему можно видѣть, правится къ Смоленску, то пѣхотѣ надлежитъ маршировать къ Копоси".

16-го Февраля Меньшиковъ пришелъ въ Борисовъ, гдѣ надѣялся соединиться съ фельдмаршаломъ Гольцомъ и на другой день сформировалъ отрядъ подъ начальствомъ генерала-маіора Флюта изъ 1500 драгунъ съ Калмыками и казаками, поручивъ ему „дойти до самаго непріятеля, а по случаю чинить промыслъ, гдѣ можно". Въ Борисовѣ онъ получилъ отъ Петра изъ Чашникова презентъ: лимонадъ Турецкой.—Въ Борисовѣ наши войска до того нуждались въ провіантѣ и въ фуражѣ, что принуждены были посылать отыскивать солому мили за три и за четыре, что̀ заставило Меншикова покинуть Борисовъ и перейти въ Черей, 19 Февраля.

Изъ Борисова Меншиковъ послалъ женѣ въ подарокъ двухъ шляхтенокъ. „Одна маленькая, можетъ вамъ за попугая быть; такая словесница, какой еще изъ такихъ младенцевъ мало видалъ, и можетъ васъ больше увеселять, нежели попугай, и пока своихъ Богъ дастъ, что̀ дай Боже счастливо дождаться, то по то время сею забавляйся. Изъ крупичатой муки велите напечь саекъ и кренделей по Московскому образцу немедленно и прислать къ намъ на̀-скоро. Такожде отпишите ко мнѣ, Венгерское отъ Рена въ Смоленскъ привезено ли, и сколько? Также посылаю къ вамъ шапку, которую дай Боже тебѣ счастливо носить; а что̀ проситесь къ намъ, и въ томъ надобно еще потерпѣть, понеже мы здѣсь не на одномъ мѣстѣ стоимъ, все пе-

реходя изъ мѣста на мѣсто, ради лучшей выгоды людямъ и лошадямъ"... Но княгиня, живя въ Смоленскѣ, не утѣшалась шляхтянками: она постоянно въ тревогѣ, рѣдко получаетъ письма отъ мужа и просится пріѣхать къ нему. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Борисова Меншиковъ проситъ жену не безпокоиться и не тревожиться. „Для Бога не сумнѣвайтесь о томъ, ежели когда не часто пишу, что не за инымъ чинится, но токмо иногда путь намъ бываетъ не по почтовой дорогѣ; отъ того замедленія нашимъ письмамъ живётъ" [18]).

Между тѣмъ Петръ, въ виду наступательнаго движенія Шведовъ, принужденъ былъ оставить Вильну 4-го Февраля и 11-го прибылъ въ Чашниково. Въ этотъ день Шведы вступили въ Вильну. 20-го Февраля пріѣхалъ въ Чашниково Меншиковъ и съ согласія Петра вызвалъ къ себѣ княгиню: „Понеже опасности никакой здѣсь нѣтъ, а паче не могъ вашего непрестаннаго прошенія оставить, разсудилъ я васъ взять къ себѣ, и для того посылаю къ вамъ Антона (вѣроятно Девіера), которому наказано отъ насъ, куда васъ препроводить, и желаю, да дастъ Всевышній васъ въ радости видѣть. При семъ поклонъ отдаю Аннѣ Даниловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ".

На канунѣ отъѣзда изъ Чашникова Меншиковъ послалъ въ Москву повелѣніе Петра: всѣ Ингерманландскія канцеляріи, бывшія въ завѣдываніи князя, соединить въ одну подъ названіемъ Ижорской, помѣстить ее на потѣшномъ дворѣ въ Кремлѣ. Онисимъ Щукинъ былъ назначенъ президентомъ оной; при немъ опредѣлены судьи: Василій Ершовъ по дворцовымъ и конюшеннымъ дѣламъ; Михаило Гуляевъ по сборамъ мельничнымъ, конскимъ, баннымъ и съ постоялыхъ дворовъ; Алексѣй Павловъ по рыбнымъ сборамъ. Дьяку Воинову, по прежнему, завѣдывать дворцовою кормовою канцеляріею; Степану Коровину управлять сѣдельными дѣлами, со всѣми принадлежащими къ нимъ драгунскими уборами; Алексѣю Синявину строевымъ платьемъ и сапогами. И быть имъ всѣмъ въ вѣденіи Ижорской канцеляріи, подъ командою Меншикова. (Приказныя дѣла 1708 въ Моск. Архивѣ М. И. Д). Изъ этого распоряженія видно, какой былъ обширный кругъ дѣятельности Меншикова, если прибавить къ этому завѣдываніе Петербургскою губерніею и распоряженія войсками во время войны.

Петръ не ошибся въ Меншиковѣ: князь въ походѣ неутомимо работалъ, и сохранившіяся бумаги доказываютъ, что онъ безъ замедленія разрѣшалъ всѣ присылаемыя ему донесенія. Онъ не умѣлъ писать и только подписывалъ: Александръ Меншиковъ; но на всѣхъ бумагахъ резолюціи писаны подъ диктовку секретаремъ его Воиновымъ, всюду его сопровождавшимъ.

25-го Февраля Меншиковъ отправился въ Черей, куда 29-го числа пріѣхала и княгиня съ своими подругами. 1-го Марта въ Череѣ ночью, во время пожара, у князя сгорѣло собственныхъ его 60 лошадей. Увѣдомляя объ этомъ Петра, Меншиковъ писалъ: „но сей убытокъ надѣюсь отъ вашей милости получить, когда будемъ вашу милость до Санктпетербурга отправлять, что дай Боже счастливо" [19]).

Петръ, повидавшись съ Меншиковымъ въ Бѣшенковичахъ, 10-го Марта отправился въ Петербургъ. Меншиковъ остался при войскѣ и переѣзжалъ съ женою съ мѣста на мѣсто. Пасху встрѣтили они въ Могилевѣ. Карлъ XII былъ въ Минскѣ. Шпіоны передавали Меншикову, что Шведы терпятъ безмѣрный голодъ, „чему и вѣрить мож-

---

[18]) Письма Меншикова къ женѣ отъ 17 и 18 Февраля изъ Борисова. Москов. Арх. М. И. Д.

[19]) Письмо Меншикова къ Петру отъ 1 Марта 1708 г. Черей. Госуд. Архивъ.

но, писалъ Меншиковъ Петру изъ Могилева 12 Апрѣля, „ежели по настоящему времени разсудить, что хотябъ что̀ какъ провіанту, такъ и фуражу по бокамъ и сыскать возможно, но за нынѣшнимъ всюду водоразлитіемъ развѣ по воздуху перевозить: ибо здѣсь отъ самаго Свѣтлаго Христова Воскресенья и по се число по вся дни и нощи шелъ дождь; но токмо сегодня Богъ намъ свѣтъ даровалъ, будто нарочно для насъ; понеже за такою мокрою погодою на сей недѣлѣ впервыя изъ мѣста сюда выѣхали съ господами генералами отчасти повеселиться. И понеже сіе мѣсто въ данной мнѣ съ Новогродской рады отъ Рѣчи Посполитой маетности (отъ Могилева въ полуторѣ мили) лежитъ, именуемое Полуковичи, того ради сего дня мы его окрестили и именовали Александровичами, гдѣ во имя Господне позабавилися, при семъ вашу милость и всей вашей компаніи упоминать не оставляемъ, какъ и сего часу про ваше здоровіе по нарочитому стакану пьемъ здѣшняго вина“ [20]).

Въ Могилевѣ Меншиковъ заболѣлъ „гортанною болѣзнію“, принималъ лѣкарства и къ 18 числу обмогся; на другой же день отправился онъ въ Старосель и въ иныя мѣста, осматривать наши полки по бригадамъ, пріѣхалъ въ Смоленскъ и, осмотря здѣсь больныхъ, сдѣлалъ всѣ распоряженія о рекрутахъ и о полковыхъ припасахъ; 15 Мая возвратился въ Могилевъ и отсюда отдалъ всѣ приказанія къ сосредоточенію нашихъ войскъ въ разныхъ пунктахъ при р. Березинѣ, для воспрепятствованія Шведамъ переправиться черезъ нее. Главную квартиру свою 26 Мая перенесъ онъ въ Чашниково, откуда 27 Мая поздравилъ Петра съ днемъ его рожденія и послалъ отъ своихъ домашнихъ къ домашнимъ Петра нѣкоторый презентъ.

Въ Чашниковѣ Меншиковъ получилъ письмо отъ Петра съ увѣдомленіемъ, что князь пожалованъ въ чинъ капитана морскаго. Поздравляя Меншикова съ этимъ чиномъ, Петръ присовокупилъ въ письмѣ: „Дай Боже, чтобъ васъ по сему чину въ дѣйствіи видѣть“ [21]). Меншиковъ отвѣчалъ: „и за то милости вашей моему государю паки благодарствую и желаю, да дастъ Вышній оную на морѣ заслужить“ [22]).

Меншиковъ сторожилъ переправу Шведовъ у Борисова, но Карлъ XII обманулъ его и 14 Іюня въ ночь переправился черезъ Березину ниже Сапѣжинской Березины. 16-го Іюня Меншиковъ писалъ къ Петру изъ Толочина: „Непріятель со вчерашняго дня сталъ перебираться Березу ниже Сапѣжинской Березины въ 5 миляхъ, и понеже мы никогда въ ту сторону его марша не чаяли, но больше верховье Березы, также и Улу укрѣпили, то ниже Борисова одни только для вѣдомостей были малыя партіи. А чтобъ непріятелю переправу весьма запретить, и такова корпуса въ то мѣсто за дальностію послать было невозможно; а заранѣе того не учинено за тѣмъ, что непріятель все около Борисова и Березины являлся и всѣ шпиги [23]) сказывали, что при тѣхъ мѣстахъ хотѣлъ перебираться, къ которымъ со всѣмъ было корпусомъ уже приближился, и стрѣльба съ нашими объ рѣку была, гдѣ изъ нашихъ три человѣка козаковъ ранено. И видя, что тѣ обѣ переправы укрѣплены, то вдругъ оныя всѣ оставя, на помянутое мѣсто обратился. И тако мы пѣхотѣ всей купно и съ кавалеріею за непріятелемъ идти опредѣлили, а съ нѣкоторою частію кавалеріи будемъ непріятеля предварять и оному походъ запрещать, сколько гдѣ будетъ возможно; а понеже по вѣдомостямъ непріятель хочетъ ниже Быхова Днѣпръ перебираться, то совершенно я чаю, что пойдетъ на Кіевъ или на прочіе Малороссійскіе городы“.

---

20) Госуд. Арх.: Письма Меншикова къ Петру.

21) Москов. Архивъ Имп. Ин. Д. Портфель Миллера № 240, ч. 1, № 6.

22) Госуд. Арх. Письмо Меншикова, 13 Іюня изъ Чашникова.

23) Шпиги—шпіоны.

Шведы подвигались къ Днѣпру, наши отступали, уклоняясь отъ генеральнаго сраженія; но положеніе было опасное, и княгинѣ невозможно было оставаться при войскѣ. Князь отправилъ ее въ Смоленскъ. На другой день отъѣзда княгини изъ Чашникова, Меншиковъ писалъ ей 15 Іюня изъ мѣстѣчка Черея: „Подтверждаю вамъ, дабы въ дорогѣ замедленія никакого не чинили и поѣзжайте прямо на Смоленскъ и къ намъ о своемъ состояніи почаще пишите. Анна Даниловна и Варвара Михайловна! Для Бога берегите и унимайте, чтобъ не плакала и не печалилась объ насъ, понеже мы никогда надлежащей осторожности имѣть не оставимъ". Княгиня исполнила приказаніе мужа, отправилась въ Смоленскъ, а отсюда переѣхала въ Горки. Сюда, въ въ началѣ Іюля, пріѣхали давнишнія ея товарки-дѣвицы, Катерина Алексѣевна и Анна Толстая.

Въ предшествующей главѣ мы оставили Екатерину, въ Октябрѣ 1706 года, въ Петербургѣ, куда она пріѣхала съ Петромъ изъ Кіева, послѣ свадьбы Меншикова. Въ началѣ Декабря она переѣхала въ Москву и здѣсь родила дочь Екатерину. Петръ получилъ извѣстіе объ этомъ въ Жолквѣ и 8 Января 1707 г. написалъ къ Екатеринѣ: „Госпожи тетка и матка! Письмо ваше, въ которомъ пишете о нововыѣзжей Катеринѣ, я принялъ. Слава Богу, что здорово въ рожденьи матери было. А что̀ пишете къ миру (по старой пословицѣ) и ежели такъ станется, то мочно больше раду быть дочери, нежели двумъ сынамъ" [24]).

Въ Февралѣ 1707 г. Екатерина отправилась къ Петру въ Польшу и одновременно съ нимъ возвратилась въ первыхъ числахъ Декабря 1707 г. въ Москву, снова беременная. Мы видѣли, какъ Петръ медлилъ выѣздомъ изъ Москвы, не смотря на настоятельные вызовы Меншикова и Головкина изъ арміи. Война требовала его присутствія при войскахъ, и 6-го Января 1708 онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Смоленскъ, оставивъ записку: „ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублевъ, которые нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою. Piter. Въ 5 д. Генваря 1708" [25]). Записка эта обличаетъ тревожное состояніе духа. Чего Петръ опасался? Что̀ могло съ нимъ случиться волею Божіею? Несомнѣнно, что, привыкши принимать личное участіе въ сраженіяхъ и даже въ рукопашныхъ схваткахъ, Петръ, отправляясь на войну, думалъ о смертномъ часѣ и желалъ обезпечить женщину, которую онъ любилъ искренно и которая предалась ему вполнѣ и готовилась подарить его еще новымъ ребенкомъ. Въ началѣ Февраля 1708 г. она родила будущую царевну Анну Петровну. Петръ, изъ мѣстечка Думиловичь, 8-го Февраля 1708 г., привѣтствовалъ Екатерину письмомъ: „Матка и тетка, здравствуйте и съ нововыѣзжею Анною! Дай Боже всѣмъ здоровье" [26]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ вызывалъ Екатерину, по ея просьбѣ, пріѣхать въ Смоленскъ. Потомъ въ началѣ Марта онъ приглашалъ ее пріѣхать чрезъ Нарву въ Петербургъ [27]). 11-го Марта 1708 г. въ мѣстечкѣ Бѣшенковичахъ онъ оставилъ армію, простился съ Меншиковымъ и поѣхалъ черезъ Псковъ и Нарву въ

---

[24]) Письма Русскихъ государей, ч. I, № 1.

[25]) Тамъ же № 4. Петръ назвалъ Катерину Василевскою потому, что она въ дѣтствѣ жила у тётки своей Марьи Весселевской, и отъ нея 12 лѣтъ взялъ ее Шведскій Маріенбургкій пасторъ Глюкъ, вмѣстѣ съ которымъ она попалась въ плѣнъ Русскимъ при взятіи Маріенбурга. См. Исторію Соловьева, т. XV. Примѣчаніе 210.

[26]) Письма Русскихъ государей, ч. I, № 6.

[27]) Тамъ же № 8.

Петербургъ [28]). 20-го Марта, въ самый день пріѣзда, онъ написалъ Екатеринѣ: „Тетка и матка, здравствуйте! Уже съ три недѣли, какъ отъ васъ вѣдомости не имѣю, а межъ тѣмъ слышу, что не очень у васъ здорово. Для Бога пріѣзжайте скоряй; а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ. А съ симъ письмомъ посланъ къ вамъ встрѣчь башмашникъ нашъ, понеже чаю, что вы уже въ дорогѣ. Дай Боже, чтобъ васъ видѣть въ радости скоряй. Piter. Изъ Санктъ-Питербурха, въ 20 д. Марта 1708, при самомъ пріѣздѣ сюды" [29]).

Петръ грустилъ, тревожился и не безъ основанія: въ это время скончалась маленькая нововыѣзжая Екатерина. Самъ Петръ въ это время (въ началѣ Апрѣля) былъ очень боленъ. Его измучили лихорадка, гортанная и грудная болѣзни, кашель. 6-го Апрѣля онъ пишетъ къ Меншикову: „О себѣ же хотя бъ и не хотѣлъ вамъ писать, однакоже объявляю для того, чтобъ отъ постороннихъ инако вамъ къ пущей печали не разнеслось: ибо я паки проклятую лихорадку досталъ, которою всю страшную недѣлю мучимъ былъ и въ самый праздникъ чрезъ превеликую мочь токмо для людей у начала завтрени былъ. Нынѣ слава Богу, отъ оной свободился, токмо еще отъ Вербнаго Воскресенія и по сей день улицы не знаю. Надѣюсь завтра или Четвергъ выдтить. Сія лихорадка сама перестала безъ удерживанія лекарствъ, и злой матеріи много вышло. Къ тому же гортанная и грудная болѣзнь была не легче лихорадки, которою здѣсь почитай всѣ наперевалъ лежатъ. И хотя зѣло трудно терпѣть было, однакоже дохтуръ не нерадъ, что такая матерія вышла предъ начинаніемъ леченья отъ скорбутики, которое начнется съ 20 Апрѣля. Сіе о своей скорби и что нынѣ освободился, ей, истинно пишу; для Бога не подумай, что я васъ тѣмъ облегченіемъ утѣшалъ, но во истинну истинно есть; о чемъ печалиться, но и думать не надобно, но токмо Бога благодарить. И зѣло бъ я желалъ, чтобъ отъ васъ о вашей болѣзни ровное сему слышать, что̀ дай Боже.... Сестра моя пріѣхала въ Ладогу, и прочихъ жду вскорѣ" [30]). А между тѣмъ Меншиковъ сообщаетъ тревожныя извѣстія: Шведы собираются наводить мосты на рѣкахъ. Петръ умоляетъ князя вызвать его къ арміи только въ крайней необходимости, когда уже Шведы начнутъ наступать на наши войска, „чтобы хотя мало исправиться отъ болѣзни: ибо сегодня (14 Апрѣля) отъ той еще только день, какъ сталъ на дворъ выходить. Также съ 20 дня сего мѣсяца буду починать лѣкарства принимать отъ скорбутики первыя, а въ концѣ сего мѣсяца или въ первыхъ Мая меркуріальныя, для которыхъ дохтуръ сказалъ десять дней не ходить тогда изъ хоромъ. А самъ ваша милость вѣдаетъ, что николи я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ, когда мочи нѣтъ: ибо безъ здоровья и силы служить невозможно. Но ежелибъ недѣль пять или шесть съ сего времени здѣсь побыть и лѣкарства употреблять, то бъ надѣялся, съ помощію Божіею, здоровъ къ вамъ быть. А когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, извольте тогда послать ставить подводы: понеже о времени томъ вы можете лучше вѣдать, нежели здѣсь [31]).

Не смотря однако на свое болѣзненное состояніе, Петръ въ это время гулялъ по рѣкѣ въ вереѣ [32]), а 19-го числа поѣхалъ въ Шлиссельбургъ встрѣчать „свою фа-

---

[28]) См. Военно-походн. журналъ 1708 г., стр. 4.

[29]) Письма Русскихъ госуд., ч. I., № 7.

[30]) Письмо Петра къ Меншикову отъ 6 Апрѣля 1708 г. Москов. Арх. Мин. И. Д. См. также письмо Петра къ Головкину. Соловьевъ, т. XV, стр. 272.

[31]) Письмо Петра къ Меншикову. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

[32]) См. Военно-походн. журналъ 1708 г.

милію", которая пріѣхала изъ Москвы взглянуть въ первый разъ на Петербургъ. Пріѣхали сестра Петра царевна Наталья Алексѣевна, царицы Марѳа Матвѣевна и Прасковья Ѳедоровна и старшія царевны Іоанновны; пріѣхалъ и князь Ѳедоръ Юрьевичь Рамадановскій, также не бывавшій еще въ Петербургѣ, и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, старый слуга и дядька царскій. Съ ними пріѣхала и Екатерина. Петръ, какъ мы видѣли изъ письма его къ Меншикову, хотѣлъ съ 20 числа начать лѣченіе; но это было невозможно, потому что съ 19-го Апрѣля по 25-е число Петербургской Хозяинъ и гости принуждены были жить въ Шлиссельбургѣ, „за противною погодою и за льдомъ", который шелъ изъ Ладожскаго озера. 25 Апрѣля Петръ пріѣхалъ наконецъ съ гостями въ Петербургъ, показывалъ имъ городъ, крѣпость, а 2-го Мая повезъ ихъ въ море показать флотъ. 8-го Мая онъ началъ лѣченье и въ тотъ же день написалъ Меншикову: „Сегодня началъ меркуріальскія лѣкарства примать, и дохтуръ заперъ меня 12 дней неисходно. При семъ посылаю вашей милости презентъ, нѣсколько книгъ новой друки, которыя изволь себѣ и домашнимъ вашимъ употреблять, купно съ поклономъ отъ насъ. Такожъ посылаю нѣкоторые инструменты; а кто ихъ дѣлалъ, то изволите разумѣть изъ подписей на нихъ". 14-го Мая онъ снова пишетъ къ князю: „Время здѣсь пятой только день такъ стало, что назвать Маіемъ, а то все былъ Октябрь; я половину уже лечебныхъ трудныхъ дней препроводилъ, и такъ лекарство сильно, что обезсилѣлъ какъ младенецъ, однакоже съ помощію Божіею чаю добраго" [33]).

Петръ оправился, разъѣзжалъ по морю, 22-го Іюня получилъ отъ Меншикова письмо отъ 16-го Іюня, съ извѣстіемъ о переправѣ Шведовъ у Сапѣжинской Березины. „Сегодня конечно отъѣзжаю отсель къ вамъ, отвѣчалъ Петръ отъ 23-го Іюня. Получилъ я другое письмо, что непріятель васъ обманулъ и переправливается въ иномъ мѣстѣ Березу. А что тутъ же пишетъ ваша милость, что Шведъ намѣренъ Днѣпръ перейти ниже Быхова, и въ томъ я также боюсь, дабы равнымъ способомъ, какъ на Березѣ, васъ не обманулъ и отведчи къ Днѣпру, а самъ черезъ Двину къ Лукамъ и далѣе со всѣми войсками случится и отрѣжетъ. Больше писать не могу, но самъ поспѣшу; дай Боже въ радости видѣть, и прошу, ежели возможно, до меня главной баталіи не давать" [34]).

25 Іюня Петръ со всѣми своими гостями отправился въ Нарву, здѣсь отпраздновалъ свои имянины, а 30-го поѣхалъ въ армію съ Екатериною.

Между тѣмъ, послѣ переправы Шведовъ черезъ Березину, Шереметевъ и Меншиковъ рѣшились задержать непріятеля подъ Головчинымъ, при переправѣ его черезъ болотистую рѣчку Бибичь. 3-го Іюля произошла битва, окончившаяся неудачно: Шведы, совершенно неожиданно, въ третьемъ часу ночи, въ туманъ и дождь, напали на дивизію князя Репнина, стоявшую на лѣвомъ флангѣ нашей арміи, разгромили ее артилеріею и принудили въ безпорядкѣ отретироваться къ главной арміи, которая должна была отступить, не имѣя удобнаго мѣста, чтобъ вступить въ „генеральную баталію". Дивизія Меншикова отступила къ Шклову, Гольцъ къ Могилеву, Аллартъ и Флютъ къ Копоси. Шведы двинулись къ Могилеву. 6-го Іюля, въ Шкловѣ, собрались на военный совѣтъ: Меншиковъ, фелдмаршалъ Шереметевъ, министры графъ Головкинъ, князь Григорій Ѳедоровичь Долгорукій, генералы Гольцъ, Репнинъ, Аллартъ, Брюсъ, Ренъ, Дальбонъ. На совѣтѣ рѣшено было: по невозможности укрѣпить Могилевъ, оставить его и перебраться на сю сторону Днѣпра; всей кавалеріи

---

[33]) Письма Петра къ Меншикову. Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

[34]) Тамъ же.

и конной пѣхотѣ стать по Днѣпру отъ Шклова и Могилева и по возможности препятствовать непріятелю перейти черезъ Днѣпръ; пѣхотѣ всей идти къ Горкамъ съ артилеріею и обозами; а если нельзя уже будетъ воспрепятствовать непріятелю перейти черезъ Днѣпръ, то кавалеріи отступать въ порядкѣ къ Горкамъ и тамъ, соединясь съ пѣхотою, наблюдать, куда пойдетъ непріятель, въ Смоленскъ или къ Украйнѣ и, смотря по этому, „трудиться его упреждать".

9-го Іюля Петръ пріѣхалъ съ Екатериною въ Горки, а 10-го свидѣлся съ Меншиковымъ у Днѣпра, осмотрѣлъ полки и возвратился съ княземъ въ Горки. Карлъ XII занялъ Могилевъ, и въ ожиданіи прихода Левенгаупта и вѣстей о возстаніи Малороссіи, „стоялъ въ Могилевѣ смирно, безъ всякаго дѣйствія" [35]). Наша пѣхота и артиллерія собрались въ Горкахъ, а кавалерія, растянувшись по Днѣпру, наблюдала за непріятелемъ. Въ Горкахъ Петръ занимался ученіемъ Преображенскихъ солдатъ, которыхъ находилось тутъ три баталіона, и ежедневно отдавалъ пароли по войскамъ. Здѣсь же съ 17 Іюля начался кригсрехтъ (военный судъ) надъ генераломъ княземъ Репнинымъ, за его оплошность подъ Головчинымъ. Презусомъ кригсрехта былъ Меншиковъ. Мы сообщимъ нѣсколько суточныхъ приказовъ, отданныхъ Петромъ въ Горкахъ [36]). „18 Іюля пароль: Шлюссельбургъ. Лозунгъ: Кроншлотъ. Офицеры должны по утру и вечеромъ повѣрять наличность солдатъ, которымъ запрещено отлучаться отъ роты. Лошадей въ хлѣбъ не пускать. 22 Іюля. Пароль: Благодаримъ тебѣ. Лозунгъ: Боже. Пушки отослать всѣ къ артилеріи; у Преображенскаго полка оставить 1 пушку и при ней 3 заряда; пополуночи въ 7-мъ часу будетъ благодарственный молебенъ. Въ 9-мъ часу полкамъ быть всѣмъ въ строю и чтобъ было у мушкетеровъ по три патрона безъ пуль; быть въ готовности къ смотру, такожде и къ ученью, ежели повелитъ царское величество учить. 27 Іюля. Пароль: дай Боже. Лозунгъ: добрыя вѣдомости. Царскому величеству знамя не развертывать и въ барабанъ похода не бить. 28 Іюля пароль: Никто. Лозунгъ: какъ Богъ. Отнюдь при баталіи синихъ кафтановъ не надѣвать. 30 Іюля. Пароль: Азовъ. Лозунгъ: Троицкой. Будетъ погода и доброе ведро, будетъ дивизію господина генерала фелдмаршала и военнаго кавалера господина Шереметева царское величество смотрѣть.

4-го Августа получено было извѣстіе, что непріятель подъ Могилевымъ перебрался черезъ Днѣпръ. Въ тотъ же день тяжелая артилерія отправлена въ Смоленскъ; туда же отвезена и Екатерина съ Анисьею Толстою и княгиня съ Варварою Михайловною и съ Анною Даниловною.

7-го Августа Петръ отдалъ пароль: Со святымъ духомъ. Лозунгъ: Совершаемъ. Въ походъ на всякъ часъ были бы въ готовности".

Непріятель подвигался къ намъ. 8-го Августа пароль: „Дай Боже. Лозунгъ: Счастіе". 10-го Августа наши выступали въ походъ. Пароль: „Люди. Лозунгъ: веселитеся. Чтобъ въ каждой ротѣ осѣдлано было 30 лошадей, а тѣ бы люди не раздѣвались, и ружье бы было при нихъ, а достальные лошади разсѣдлывали, а по утру съ свѣтомъ вдругъ были всѣ осѣдланы". Карлъ XII двинулся къ Мстиславлю, наши къ нему на встрѣчу. 12-го Августа въ Мстиславлѣ Петръ отдалъ пароль: „Что приказано. Лозунгъ: управляйте".

---

[35]) См. Военно-походн. журналъ 1708, стр. 12.

[36]) Выписано изъ кабинетныхъ дѣлъ Госуд. Архива, II отдѣл., кн. 8-я.

Карлъ XII не пошелъ къ Сѣверу, а направился на Югъ къ Чирикову; наши слѣдовали за ними; Шведы искали сраженія, и 29 Августа обѣ арміи встрѣтились у мѣстечка Добраго. Наканунѣ Меншиковъ писалъ къ женѣ изъ мѣстечка Злочева: „Мы здѣсь вкупѣ съ господиномъ полковникомъ, при помощи Божіей, въ добромъ пребываемъ состояніи, и во всемъ у насъ слава Богу суть благополучно. Отпустилъ я къ вамъ двухъ человѣкъ, вышедшихъ изъ Шведскаго войска, одного пажа, другаго камердинера, на которыхъ извольте приказать сдѣлать платье Нѣмецкое; и какъ дѣлано будетъ, о томъ извольте ко мнѣ отписать. При томъ поклонъ отдаю Аннѣ Даниловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ, такоже тётушкѣ и Катеринѣ Алексѣевнѣ". Любопытенъ характеръ Меншикова: въ разгарѣ военныхъ дѣйствій, наканунѣ сраженія, онъ заботится, чтобъ пажъ и камердинеръ одѣты были въ Нѣмецкое платье и еще требуетъ объ этомъ отвѣта отъ жены.

Въ сраженіи при Добромъ, 29-го Августа, наши не уступили Шведамъ и дрались такъ молодецки, что Петръ писалъ: „Какъ я началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ!), и такого еще въ сей войнѣ король Шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже, не отыми милость Свою отъ насъ впредь" [37]). Петръ поспѣшилъ увѣдомить и Екатерину объ успѣхѣ: „Правда, что я, какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ; однакоже сей танецъ въ очахъ горячаго Карлуса изрядно станцовали. Однакожъ больше всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ [38]). Отдайте поклонъ княгинѣ и прочимъ" [39]). Меншиковъ, съ своей стороны, на другой день сраженія, писалъ къ княгинѣ: „Два письма ваши, одно отъ 26-го, другое отъ 27-го дня сего Августа, изъ Смоленска писанныя, получили; за которыя, а паче за присылку стакана и платья, также за яблоки и прочее, что̀ противъ тѣхъ вашихъ писемъ въ цѣлости любезно мы приняли и насупротивъ того иного ничего послать къ вамъ не имѣемъ токмо за лучшій презентъ посылаю къ вамъ добрыя вѣдомости, что сего числа, милостію Божіею и счастіемъ оружія царскаго величества, непріятельскую аванъ-гардію, какъ отъ сего мѣста, такъ и отъ непріятельскаго главнаго корпуса за полъ-мили стоящую, весьма сбили, и многихъ Шведовъ на мѣстѣ положили, о чемъ подлинная вѣдомость вскорѣ будетъ. И сею викторіею васъ поздравляемъ. Что же вы на сей день прислали платье новое, и то будто вѣдали, что къ сему особому торжеству, за что вашей милости паки благодарствую, и дай Боже и впредь ваши презенты при такихъ счастіяхъ получать". Княгиня прислала и для Петра платье; Меншиковъ поднесъ это платье полковнику и увѣдомилъ княгиню, что Петръ поручилъ ему благодарить ее за презентъ. „Только впредь не велите такъ нашивать петель, чтобъ между трехъ по одной оставливать: для того, что господинъ полковникъ жаловать того не изволитъ".

Послѣ сраженія при Добромъ, наши войска отступили снова къ Мстиславлю: 30 Августа получено было извѣстіе, что Левенгауптъ изъ Лифляндіи спѣшилъ соедениться съ Карломъ XII. Собрался военный совѣтъ, и рѣшено было не допускать этого слученія. Фельдмаршалъ Шереметевъ, съ главнымъ корпусомъ, остался дѣйствовать противъ Карла XII, а Петръ съ Преображенскимъ, Семеновскимъ и другими полками отправился противъ Левенгаупта. Между тѣмъ Меншиковъ распоряжался уничтоженіемъ хлѣбныхъ запасовъ въ окрестностяхъ. 8-го Сентября, изъ Пурыгина, онъ пишетъ Петру: „Отъ насъ непріятель не подалеку обрѣтается, а именно въ одной

---

37) Соловьевъ, т. XV, стр. 281.

38) Преображенскій полкъ.

39) Письма Русскихъ государей, ч. 1, № 9.

только милѣ отсюда обозъ свой сего числа построилъ, и отъ нашей партіи часовые съ ихъ часовыми, почитай, въ виду стоятъ; что же надлежитъ о жженіи, и того мы весьма добрымъ окомъ смотримъ, для чего опредѣлилъ я трехъ прапорщиковъ въ валентеры, придавъ каждому по сту человѣкъ Татаръ, а имянно единаго Стоянова за собою по сему тракту, а другихъ Путятина и Крюкова по обѣимъ сторонамъ до десяти миль, которымъ, подъ потеряніемъ живота, указъ данъ, ежели хотя единую соломину оставятъ, и для увѣренія еще будемъ за ними посылать офицеровъ съ драгунами" [40]).

14-го Сентября Карлъ XII., не дождавшись Левенгаупта, двинулся въ Украйну, пославъ приказаніе Левенгаупту спѣшить къ Стародубу. Причины движенія Карла XII въ Украйну были: недостатокъ въ провіантѣ, надежда на возмущеніе въ Малоросіи, возможность близкаго сношенія съ Крымскимъ ханомъ и привлеченіе его на свою сторону [41]). Но это движеніе погубило отрядъ Левенгаупта. Петръ съ Меншиковымъ догнали Левенгаупта 27 Сентября при деревнѣ Долгіе Мхи. „Передовые наши конные полки сошлись съ непріятелемъ и стрѣлялись изъ пушекъ черезъ переправу, которой стрѣльбы не вытерпя непріятель уступилъ и прошелъ къ Пропойску лѣсами и трудными дефилеями" [42]). Меншиковъ, по обыкновенію, въ трудныя минуты спѣшилъ рано утромъ 28 Сентября успокоить княгиню письмомъ: „А что не часто къ вамъ пишемъ, о томъ не сумнѣвайтесь, понеже то не ради чего чинится, но токмо для того, что почты отъ насъ къ вамъ не поставлено, о чемъ напредь сего мы писали и всегда принуждены нарочныхъ къ вамъ посылать. Большая препона въ провозѣ къ вамъ нашихъ писемъ чинится, что опасно одиночествомъ курьеровъ посылать: многихъ бьютъ мужики по лѣсамъ".

Наши перешли рѣчку, и 28 числа въ часъ по полудни, недалеко отъ Пропойска, при деревнѣ Лѣсномъ началось сраженіе. Шведовъ было 16 тысячь, нашихъ 14 т. Сраженіе продолжалось восемь часовъ; Шведы то отступали, то нападали, наконецъ наши сломили ихъ и побили на голову. 8000 Шведовъ легло на мѣстѣ, обозъ изъ 2000 телегъ, 16 пушекъ, 42 знамя и поле со всѣмъ остались за нами. Шведы побѣжали къ Пропойску; наши, преслѣдуя ихъ, еще положили 500 человѣкъ на мѣстѣ и взяли остальной обозъ съ 3000 телѣгъ. Шведы переправились вплавь черезъ р. Сожу, и Левенгауптъ, съ остаткомъ своего отряда, присоединился къ Карлу XII безъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ [43]). Меншиковъ спѣшилъ увѣдомить княгиню: „Какимъ образомъ вчерашняго дня, чрезъ помощь Божію, счастіемъ же оружія царскаго величества, здѣсь надъ непріятелемъ викторію мы одержали, о томъ извѣстны будете изъ письма господина полковника, нынѣ къ вамъ посланнаго. Надлежитъ вамъ чрезъ письмо поблагодарствовать господина полковника за то, что онъ при томъ случаѣ изволилъ меня беречь и отъ себя никуда не отпускалъ. При семъ отдаю поклонъ тётушкѣ съ маткою, также Аннѣ Даниловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ [44]).

---

[40]) Письма Меншикова къ Петру. Государ. Архивъ.

[41]) Соловьевъ, т. XV, стр. 281.

[42]) Военно-походной журналъ 1708 г., стр. 25.

[43]) Соловьевъ, т. XV, стр. 282, 283.

[44]) Меншиковъ называлъ маткою Екатерину, также какъ и Петръ называлъ ее въ своихъ письмахъ до Сентября 1711 года, а послѣ этого времени Петръ писалъ ей: „Катеринушка, другъ мой". Смотри Письма Русскихъ государей, ч. 1.

Побѣда подъ Лѣснымъ дала поводъ князь-папѣ Никиту Моисеевичу Зотову повеселиться, какъ слѣдуетъ, и изъ Почепа, гдѣ онъ находился тогда съ ближнею канцеляріею, онъ написалъ Петру: „Нашего смиренія священнѣйшему протодіакону господину архиполковнику П. А. отъ Господа Бога миръ, здравіе, благоденствіе съ пріумноженіемъ всякихъ благъ желаемъ и отъ нашей мѣрности вамъ купно съ свѣтлѣйшимъ княземъ и при васъ всѣмъ будучимъ благословеніе преподаемъ. Поздравляю вашу милость съ премногимъ нашимъ сердечнымъ радованіемъ Богомъ дарованною викторіею надъ непріятелями, о которой увѣдомясь отъ посланнаго вашего г. Озерова, неизрѣченною радостію душевно и телѣсно обрадовалися и во всемъ всякаго чину и возраста, якобы обновленіе себѣ воспріяли и предъ твоимъ Богомъ дарованнымъ въ той побѣдѣ многимъ трудомъ, яко древле Давыдъ предъ сѣннымъ ковчегомъ, веселыми ногами скачуще играемъ и Господа Бога молимъ, дабы милостивыми Своими щедротами, яко Давыду же на Голіаоа, на прегордаго Шведа даровалъ побѣду и одолѣніе. О сей радости по молебномъ пѣніи, на всенародное веселіе, а непріятелю на страхъ, была пушечная и мелкаго ружья трекратная стрѣльба, а при обѣдѣ г. фельдмаршала довольно угощены и, поздравляючи васъ и оружіе ваше и самихъ себя, отъ горячаго и лознаго вина и отъ протчихъ питей удовольствовались гораздо. Smirenny Anikit власною рукою. Изъ Почепа, Октября 8 дня 1708 г.“ [45]).

Послѣ дѣла подъ Лѣснымъ, Петръ 1-го Октября простился съ Меншиковымъ и поѣхалъ въ Смоленскъ. Меншиковъ съ кавалеріею пошелъ къ Гомелю. „А что нынѣ, къ вамъ вкупѣ съ господиномъ полковникомъ не поѣхалъ (писалъ Меншиковъ къ женѣ 1-го Октября изъ Лѣснаго), и о томъ не сумнѣвайтесь: остался здѣсь для нужды на нѣкоторое малое время, а именно токмо провожу драгунскіе полки до Украйны и вскорѣ надѣюсь при помощи Божіей къ вамъ быть, о чемъ и отъ господина полковника увѣдомитесь. Ежели отъ насъ письма не часто будутъ ходить, и о томъ не печальтесь, для того, что путь будетъ не ближайшій“. Меншикову приказано было идти съ кавалеріею въ Украйну на встрѣчу гетману Мазепѣ и съ нимъ вмѣстѣ возвратиться въ главную армію для совѣщаній. 19-е Октября Меншиковъ прибылъ, послѣ трудныхъ и тяжелыхъ переходовъ, въ мѣстечко Горскъ, и здѣсь племянникъ Мазепы Войнаровскій сообщилъ ему, что Мазепа отчаянно боленъ и уѣхалъ въ Борзну „для освященія масломъ, гдѣ ждетъ его Кіевскій архіерей“. Меншиковъ поскакалъ въ Борзну, но на дорогѣ встрѣтился съ полковникомъ Анненковымъ, который сказалъ ему, что Мазепа уѣхалъ въ Батуринъ; Меншиковъ ѣдетъ въ Батуринъ и здѣсь 26-го Октября узнаетъ, что Мазепа отправился съ 2000 своихъ козаковъ къ Карлу XII-му. Меншиковъ спѣшилъ увѣдомить объ этомъ Петра, который тогда находился въ мѣстечкѣ Погребкахъ, по сю сторону р. Десны и сторожилъ движенія Шведовъ, стоявшихъ на другой сторонѣ рѣки. 26-го Октября получилъ Петръ отъ Меншикова извѣстіе объ измѣнѣ гетмана и тотчасъ же вызвалъ къ себѣ Меншикова. 30-го Октября пріѣхалъ князь въ Погребки и здѣсь, въ тотъ же день, на военномъ совѣтѣ рѣшено: Меншикову съ частію войскъ отправиться въ Батуринъ и завладѣть этою столицею гетмана, прежде нежели придутъ въ этотъ городъ Шведы съ Мазепою.

На долю Меншикова досталось важное и вмѣстѣ съ тѣмъ опасное порученіе: къ Батурину спѣшилъ уже Мазепа съ Шведскими войсками. Меншиковъ не теряя времени: 31 Октября онъ пришелъ къ Батурину и засталъ здѣсь князя Дмит-

---

[45]) Государств. Арх. Каб. д. отдѣл. II, кн. 7, стр. 934.

рія Михайловича Голицына, который велъ переговоры съ осажденными. Но переговоры эти ничѣмъ не кончились, и 2-го Ноября въ 8 ч. утра Батуринъ былъ взятъ приступомъ, городъ и хлѣбные магазины сожжены, богатая гетманская казна захвачена.

Взятіе и погромъ Батурина, гдѣ находились главные соумышленники Мазепы, имѣли великое значеніе. Малороссія не взбунтовалась, какъ ожидалъ Карлъ XII, какъ приготовлялъ ее къ тому Мазепа, и пошла съ нами противъ Шведовъ. Нельзя разгадать тѣхъ послѣдствій, которыя могли бы оказаться, если бы Мазепа со Шведами занялъ свою столицу Батуринъ прежде Меншикова и, взбунтовавъ Малороссію, усилилъ бы Шведское войско своими казацкими полками. Меншикову и князю Дмитрію Михайловичу Голицыну принадлежитъ честь, если не спасенія Россіи отъ Шведскаго разгрома, то во всякомъ случаѣ рѣшительнаго и счастливаго поворота войны. Петръ благодарилъ Меншикова за взятіе Батурина, въ короткихъ, но знаменательныхъ словахъ: „Вамъ зѣло благодарны, паче же Богъ мздовоздаятель будетъ вамъ". Мазепинскія имѣнія: село Ивановское съ деревнями было пожаловано въ тоже время Меншикову [47]).

Взятіе Батурина, спокойствіе въ Малороссіи, выборъ новаго надежнаго гетмана [48]) утѣшили Петра, и ему захотѣлось подѣлиться радостію съ Екатериною, а князю съ княгинею. 12 Ноября 1708 года Меншиковъ писалъ къ женѣ изъ Глухова: „Желаемъ васъ здѣсь скоро видѣть, и для того извольте изъ Сѣвска ѣхать къ намъ на̀-скоро, на легкѣ, взявъ съ собою тётушку и съ маткою, а тяжелый обозъ оставьте позади и велите съ нимъ ѣхать сюдаже исподволь; для скораго вашего пріѣзду поставлено въ Сѣвску и отъ Сѣвска сюды на половинѣ дороги по 30 лошадей и для провожанія по 10 человѣкъ драгунъ; прочее желаю, да дастъ Всевышній васъ здѣсь счастливо видѣть".

Катерина Алексѣевна, Дарья Михайловна и компанія свидѣлись съ своими „любезными и дорогими", потомъ остались въ Путивлѣ, а Петръ съ Меншиковымъ отправился въ Ольшанку [49]). Отсюда 21 Ноября Меншиковъ написалъ къ женѣ: „Понеже мы день тезоименитства моего намѣрены быть въ селѣ Марковкѣ, того ради и вы извольте ѣхать въ тоже село, въ которое имѣетъ васъ провести сей денщикъ... При семъ маткѣ и тёткѣ, также и Аннѣ Даниловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ, каждой особливой поклонъ отдаю". Меншикову хотѣлось отпраздновать свои имянины, по принятому тогда обыкновенію, фейерверкомъ; онъ послалъ къ генералу Брюсу, стоявшему съ артилеріею въ Визѣ, нарочнаго съ просьбою объ изготовленіи фейерверка. Брюсъ отвѣчалъ ему: „Буду, колико возможно, тщиться къ набиранію маленькаго фейерверка къ завтрешнему дню тезоименитства вашего, однакоже не могу вашу свѣтлость подлинно обнадежить верховыми ракетами, понеже единой въ готовности не имѣемъ, токмо обрѣтается при насъ нѣсколько швермеровъ и лустъ-кугеловъ и шлаховъ, которые завтра на вечеръ будутъ привезены въ село Марковку; чего ради прошу вашей свѣтлости, дабы двора два или три были отведены въ ономъ, гдѣ бы оныя вещи

---

[46]) Соловьевъ, т. XV, стр. 332.

[47]) Соловьевъ, т. XV, стр. 340.

[48]) 7-го Ноября въ Глуховѣ былъ избранъ въ гетманы на мѣсто Мазепы полковникъ Стародубскій Скоропадскій. См. Воен. поход. журналъ 1708 г., стр. 29.

[49]) Екатерина сопровождала армію безъ дочери: Анна Петровна оставалась въ Москвѣ. Это видно изъ письма царевича Алексѣя Петровича къ Екатеринѣ изъ Москвы отъ 28 Декабря 1708 года. Онъ пишетъ: „Аннушка въ здравіи". Устряловъ, Исторія Петра В., т. VI, стр. 310.

возможно было приправить". (Рукопись библіотеки Академіи Наукъ. Дѣла Меншикова, кн. № 5., стр. 694). Фейерверкъ состоялся—любопытный фейерверкъ зимой, на морозѣ и въ самой близости непріятеля [50])! Княгиня, отпраздновавъ имянины мужа въ Марковкѣ, подъ прикрытіемъ конвоя изъ 50 драгунъ въ тотъ же день отправилась въ Сумы.

Новый 1709 годъ Петръ, Меншиковъ „и вся любезная компанія" встрѣтили въ Сумахъ. Отсюда князь отправился въ Ахтырку съ кавалеріею, а княгиня осталась въ Сумахъ. Она была беременна. По прежнему князь ежедневно, изъ похода, пишетъ къ женѣ письма и успокоиваетъ ее, что здоровъ и все въ добромъ состояніи и опасаться нечего; по прежнему и въ походѣ занимается мелочными домашними дѣлами. 15 Января, изъ Ахтырки, пишетъ къ женѣ: „Просилъ насъ здѣсь Смоленскій шляхтичь Энгилертъ (Энгельгардтъ), дабы ему позволить жениться на Полькѣ Шевлевицевѣ, которая служитъ при нашемъ домѣ, а нынѣ въ Ивановскомъ. И ежели вамъ нужды въ ней нѣтъ, то извольте ей позволить, что̀ отдаю на вашу волю". По прежнему княгиня высылаетъ мужу разные презенты, между прочимъ муфту для холоднаго времени; по прежнему, не смотря на беременность, она просится пріѣхать къ нему, тоскуетъ и плачетъ. 22-го Января пріѣхалъ изъ Сумъ въ Ахтырку адъютантъ Антонъ Девіеръ и разсказалъ, какъ „вся компанія" кручинится и плачется. Меншиковъ пишетъ къ Варварѣ Михайловнѣ: „Увѣдомился я отъ Антона, что вы печалуетесь, что̀ вамъ не надлежало бы дѣлать, а надобно скакать да плясать и княгиню забавлять, дабы не печалилась. И печалиться вамъ не о чемъ, понеже за помощію Божіею и за вашими молитвами въ добромъ обрѣтаемся мы здравіи и, чаю, къ вамъ вскорѣ буду". Но княгиня была настойчива и продолжала проситься къ мужу. Соскучился и самъ князь, при томъ сдѣлался боленъ „гортанною болѣзнію" и 28 Января изъ Ахтырки написалъ къ женѣ: „Извольте ѣхать къ намъ въ Ахтырку съ полковникомъ, а буде онъ туда идти не изволитъ, то поѣзжайте вмѣстѣ съ пѣхотою; ежели царевичь государь изволитъ вскорѣ идти, то попросите, чтобъ оставилъ при васъ дохтура Блюментроста на время".

Петръ дѣйствительно собирался въ это время выѣхать изъ Сумъ, гдѣ его задерживала болѣзнь царевича Алексѣя Петровича, который привелъ въ Сумы изъ Москвы рекрутъ. Въ концѣ Января царевичъ началъ выздоравливать. Петръ 3-го Февраля выѣхалъ изъ Сумъ, но княгиня не могла уже ѣхать съ нимъ, а осталась съ Екатериною въ Сумахъ. Петръ пріѣхалъ въ Ахтырку 4 Февраля и „изволилъ кушать у его княжей свѣтлости и зѣло изрядно изволили веселиться", писалъ 5 Февраля къ княгинѣ секретарь Меншикова Алексѣй Волковъ изъ Ахтырки. 6-го Февраля Петръ отправилъ Меншикова въ Сумы за Екатериною. 7-го Февраля Меншиковъ пишетъ Петру: „Вчерась сюда въ 3-мъ часу по полудни пріѣхалъ и здѣсь и тётку и матку засталъ, которыхъ съ собою возьму. Сынъ вашъ, слава Богу, въ здравіе приходитъ; однакоже надобно ему здѣсь на недѣлю мѣста остаться. А понеже здѣсь никого не останется, и для того капральству Преображенскимъ я здѣсь остаться приказалъ, пока онъ во всецѣлое здравіе придетъ. Мы отсюда сего часу отъѣзжаемъ и надѣемся при помощи Божіей въ Бѣлгородъ въ будущую Среду стать" [51]). 9-го числа пріѣхалъ Меншиковъ со всею компаніею въ Бѣлгородъ; пріѣхалъ и Петръ изъ Ахтырки, а въ ночь Дарья Михайловна подарила князя сыномъ. Петръ окрестилъ новорожденнаго, далъ ему двойное имя Лука-Петръ, произвелъ въ поручики Преображенскаго полка и,

---

[50]) Военно-поход. журналъ 1708. г., стр. 31.

[51]) Госуд. Архивъ, письма Меншикова къ Петру, 1709 г.

уѣзжая съ Екатериною въ Воронежъ 11-го Февраля [52]), оставилъ записку Меншикову: „Новорожденному Лукѣ-Петру дарую, яко крестнику своему, сто дворовъ на крестъ; а гдѣ, то даю на вашу волю, гдѣ вамъ понадобится“ [53]). Меншиковъ чрезъ нѣсколько времени написалъ Петру: „Деревни способной во сто дворовъ не изыскалъ, а сыскалъ деревню во 150 дворовъ“ и просилъ деревню эту отдать ему, а за излишніе 50 дворовъ взять съ него деньги. Петръ отвѣчалъ ему: „о деревнѣ будь по вашему прошенію, а вычту въ тѣ поры, какъ Богъ дастъ вамъ другаго сына“ [54]). Митрополитъ Новгородскій Іовъ, которому сообщено было изъ Бѣлгорода о рожденіи князя Луки-Петра, разослалъ окружную грамоту по всей епархіи, съ приказаніемъ: „о свѣтлѣйшемъ князѣ господинѣ Александрѣ Даниловичѣ и о новорожденномъ сынѣ его и о всемъ богоблагословенномъ домѣ его, въ молебномъ прошеніи и въ обычайныхъ эктеніяхъ, имена ихъ поминать во всей страны той эпархіи нашей, наипаче же въ его княжей землѣ, Копорскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ, нынѣ и впредь во всѣхъ приходскихъ церквахъ, безъ всякія лѣности и небреженія“ [55]). Самъ Меншиковъ, 12-го Февраля изъ Бѣлгорода, написалъ своему управляющему: „Кузьма Думашевъ! объявляю вамъ, что Господь Богъ, по неизреченнымъ Своимъ щедротамъ, даровалъ намъ сына, которому наречено имя Лука-Петръ; чего ради объявите во всѣхъ нашихъ вотчинахъ сущимъ іереямъ, дабы неизвычайными молитвами его поминали“.

13-го Февраля Меншиковъ простился съ женою и отправился къ арміи въ Богодуховъ; вслѣдъ за нимъ княгиня послала ему презентъ отъ имени новорожденнаго: платье и перстень. Меншиковъ отвѣчаетъ: „Про ваше и про сыновнее здравіе, здѣсь (письмо изъ Богодухова, 18-го Февраля) въ прилучившейся компаніи по нарочитому стакану вина во имя Господне выпили и желаемъ, дабы Богъ сподобилъ самихъ васъ въ добромъ здравіи видѣть. И когда возможно вамъ будетъ ѣхать, изволь ко мнѣ отписаться: тогда я нарочнаго пришлю по васъ. P. S. А именно путь вамъ будетъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ. При семъ объявляю, что непріятель, потревожась отъ насъ, такъ побѣжалъ къ Полтавѣ, что чрезъ двѣ великія рѣки вплавь плылъ и нѣсколько пушекъ и многіе возы въ водѣ потопилъ; и такъ здѣсь у насъ, слава Богу, во всемъ благополучно“.

Къ этому времени пріѣхалъ въ Богодуховъ изъ Сумъ царевичь Алексѣй Петровичь для сдачи остальныхъ рекрутъ, приведенныхъ имъ изъ Москвы. 19-го Февраля, въ день рожденія царевича, у него была пирушка, и пили за здоровье княгини и новорожденнаго князя Луки-Петра; а на другой день Меншиковъ „съ компаніею былъ на вечеринкѣ у генерала-маіора Гинтера; всѣ бывшіе на банкетѣ написали княгинѣ Меншиковой привѣтствіе: „при подписаніи сего съ компаніею здѣшнею, при банкетѣ у г. генерала-маіора Гинтера обрѣтаемся и всею при томъ компаніею нашею за здравіе ваше по келишку [56]) выпили, и во свидѣтельство того ниже сего всѣ подписуются своими руками, вашей свѣтлости поздравляя на многія лѣта: слуга вашъ князь А. Репнинъ. За здравіе князя Луки-Петра Александровича пилъ слуга его Яковъ Брюсъ; баронъ Петръ Данбонъ; нижайшій слуга желаю здравія А. Головинъ. При покорномъ поздравленіи вашей свѣтлости вашъ нижайшій и покорный

[52]) Военно-поход. журналъ 1708 г., стр. 2.

[53]) Арх. Моск. Ин. Д. Дѣла Меншикова 1709 г. № 3.

[54]) Тамъ же, св. 2. № 1.

[55]) Тамъ же, св. № 3.

[56]) Келишка—помалороссійски рюмка, отъ Нѣмецкаго Kelch.

и послушный слуга Куракинъ; нижайшій вашъ слуга князь Петръ Голицынъ. Вашего сіятельства послѣдній рабъ Ефимъ Зыбинъ".

Петръ изъ Воронежа присылалъ Меншикову наставленія, какъ дѣйствовать противъ Шведовъ и между прочимъ прислалъ ему семь бочекъ пива Воронежскаго и три бочки полпива, а самъ просилъ о присылкѣ вина Венгерскаго. 24-го Февраля Меншиковъ писалъ ему изъ Богодухова: „Непріятель около Опошни и Будищъ обрѣтается. Что изволишь писать, чтобъ намъ лѣвую руку у непріятеля брать, и у насъ полки разставлены еще до того вашего письма лѣвою стороною до самаго Перекопа, откуда и я въ 4-хъ миляхъ стоять буду; что же изволишь упоминать о винѣ, и я, ежелибъ послѣднее что имѣлъ, отъ всего сердца радъ бы послать, да и у самихъ ни капли: все Ренскимъ забавляемся, въ которомъ, чаю, и милости вашей безъ нужды" [57]).

Разлитіе рѣкъ остановило военныя дѣйствія, и Меншиковъ, въ началѣ Марта, нашелъ возможнымъ съѣздить къ Петру въ Воронежъ. Разставшись съ женою въ Харьковѣ, 12-го Марта изъ мѣст. Липцы, онъ писалъ къ женѣ, чтобъ она не огорчалась, „понеже, ежели услышу, что ты будешь печалиться, то какая и мнѣ въ то время будетъ радость? А буде ты не будешь печалиться, то и мнѣ будетъ веселѣе. Для Бога не изволь имѣть нималой печали, дабы отъ того, какъ твоему, такъ и моему здоровью какова вреда не приключилось".

13-го Марта Меншиковъ пріѣхалъ въ Воронежъ, явился къ государю, навѣстилъ царевну Наталью Алексѣевну и участвовалъ въ попойкахъ на кораблѣ, „гдѣ довольно веселились, писалъ Меншиковъ женѣ, и про ваше здоровье пили" [58]).

19-го Марта, день имянинъ княгини, Меншиковъ послалъ ей изъ Воронежа въ презентъ алмазный перстень и собачку, подаренную ему княземъ Васильемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, „которая, чаю, будетъ вамъ угодна, а перстень дай Боже счастливо и при добромъ здравіи носить". Имянины своей княгини Меншиковъ отправилъ въ Воронежѣ публичнымъ банкетомъ, „на которомъ, при помощи Божіей, изрядно и благополучно веселились, гдѣ и про ваше здоровье пили".

Пробывъ въ Воронежѣ у Петра до 2 Апрѣля, Меншиковъ возвратился въ Харьковъ и нашелъ княгиню больною: „вновь фебра и горячка явилась", писалъ онъ Петру 4-го Апрѣля, „да и мнѣ приключилась прошлогодняя скорбь, такая же какъ въ Горкахъ была, а имянно брухъ, о которомъ и сами ваша милость извѣстны, и нынѣ принужденъ лѣкарства принимать. Однакожe надѣюсь на милость Создавшаго насъ чрезъ недѣлю отъ того свободиться" [59]). Оправившись отъ болѣзни, 12 Апрѣля Меншиковъ поѣхалъ въ Богодуховъ „для мунстированія полковъ" и отсюда донесъ Петру (14-го Апрѣля): „отъ непріятеля никакого дѣйствія не слышимъ, токмо въ старыхъ мѣстахъ обрѣтается на квартирахъ. Погода стоитъ прекрасная, но трава еще мала; по утрамъ холодно", а потому полагаетъ войска вывести въ поле на святой недѣлѣ. „Котельниковскіе и другіе тутошные" казаки и жители просили позволенія „промышлять надъ непріятелемъ". Меншиковъ позволилъ и обѣщалъ имъ по пяти рублей награжденія за каждаго плѣннаго рядоваго Шведа и все имущество плѣннаго. „Инфантерію мунстировалъ; оная, какъ я вижу, зѣло мундиромъ и одеждою обносилась, да и жалованья на нѣсколько мѣсяцовъ съ Москвы не

[57]) Госуд. Арх. Письма Меншикова къ Петру 1709 г.

[58]) Письмо Меншикова къ женѣ отъ 24 Марта 1709 изъ Воронежа. Москв. Архивъ Минист. Ин. Д.

[59]) Госуд. Арх. Письма Меншикова къ Петру.

прислано; такожъ и полатокъ ни въ которомъ полку нѣтъ". Князь проситъ Петра написать къ Стрѣшневу о скорѣйшей высылкѣ денегъ.

Выѣхавъ изъ Богодухова, Меншиковъ доноситъ изъ Сѣннаго: „Вчерашняго дня (16 Апр.), послѣ осмотру дивизіи моей, въ самое угодное время, стали солдаты палить залфъ. Получили отъ генерала-лейтенанта Ренне извѣстіе, что 11-го Апрѣля 4000 Шведовъ и 3000 Запорожцевъ, переправясь черезъ Ворсклу, атаковали нашу кавалерію, но были побиты. Наши взяли въ плѣнъ подполковника, маіора, 4-хъ капитановъ, поручика, двухъ корнетовъ и нѣсколько урядниковъ и рядовыхъ. Непріятель побѣжалъ за Ворсклу. Нашихъ убитыхъ сосчитали на полѣ 40 человѣкъ, а Шведовъ 800". Возвратясь въ Харьковъ, Меньшиковъ встрѣтилъ здѣсь съ женою Свѣтлое Воскресенье въ тотъ же день простился съ нею и уѣхалъ къ войскамъ, которыя тогда же выступили „въ поле", въ походъ.

„Непріятель тому пятый день пришелъ къ Полтавѣ (пишетъ Меншиковъ Петру 5 Мая, изъ обозу отъ Ворсклы), облокировалъ городъ и шанцы повелъ, а вчерашняго дня получили мы отъ коменданта Келина письмо, что шанцы подъ самой ровъ приведены, и бомбандируетъ, но не гораздо жестоко: въ сутки бомбъ по пяти бросаетъ, а оной комендантъ при помощи Божіей доброй отпоръ чинитъ". 8-го Мая изъ обозу отъ Ворсклы Меншиковъ снова доноситъ Петру: „По полученнымъ вѣдомостямъ отъ Полтавы, что непріятель оную крѣпость уже нѣсколько разъ жестокимъ приступомъ атаковалъ и хотя съ великимъ урономъ отбитъ и чрезъ вылазки многихъ людей потерялъ, однакоже до сего времени помянутой городъ въ крѣпкой блокадѣ держится, для чего я заблагоразсудилъ, дабы сильную какую подвесть надъ непріятелемъ диверсію и оной крѣпости отдыхъ учинить", и 6-го Мая собраны были на военный совѣтъ генералы князь Репнинъ, Брюсъ, Ренцель, Белингъ, Данбонъ, Шамбургъ. На совѣтѣ рѣшено: за милю внизъ рѣки Ворсклы сильной партіи конной и пѣшей переправиться и идти къ Опошнѣ, подъ командою генерала Белинга; другой партіи подъ командою генерала квартирмейстера здѣсь въ лицѣ непріятеля черезъ мостъ перебираться и непріятеля въ ретраншаментѣ атаковать, а генералу Белингу въ тоже время велѣно сзади наступать; а потомъ, когда чрезъ мостъ наши перебралися, ординована нѣкоторая часть кавалеріи подъ командою г. генерала-маіора Шомбурга и полковника Кропотова идти подъ Будище и „атаковать незапнымъ нападеніемъ гауптъ-квартиръ непріятельскую, гдѣ измѣнникъ Мазепа обрѣтался. По которому предложенію, противъ 7-го Мая до свѣта, съ Божьею помощію зачали войска наши чрезъ мостъ въ лицѣ непріятеля переходить, и хотя безмѣрно великія болота и глубокія воды наша конница многажды и вплавь перебираться принуждена, однакоже изряднымъ порядкомъ, не смотря на всѣ трудности и жестокой пушечной огонь, безъ медленія прямо на непріятельской ретраншаментъ, въ которомъ 4 шквадрона конницы и 300 человѣкъ пѣхоты обрѣталисъ, войска наши пошли и Божіею милостію единою шпагою изъ ретраншамента выбили и принудили бѣжать. По этой тревогѣ всѣ Шведскіе полки, бывшіе въ Опошнѣ, а имянно 3 конныхъ и 2 пѣшихъ, выступили на сикурсъ и въ ордеръ-баталіи построились. Однакоже и тѣ, по первомъ огню, не дождавшися шпажнаго бою, съ великою конфузіею и стыдомъ убѣжали въ городъ. Еслибы въ это время, какъ было предположено, могъ подоспѣть генералъ Белингъ, то ни одного бы человѣка изъ этого отряда не спаслось бы. Болѣе 400 ч. непріятелей легло на мѣстѣ; брошено ими 2 мѣдныхъ пушки, 1 знамя драгунское, 2 барабана; также взято въ плѣнъ 1 маіоръ, 3 капитана, 1 поручикъ, 1 прапорщикъ, 4 квартирмейстера, и со 150 человѣкъ драгунъ и солдатъ живыми побрано; да въ тоже время нѣсколько сотъ бѣдныхъ

подданныхъ людей освобождено, которые отъ непріятеля, для всякой работы, загнаны были изъ разныхъ мѣстъ. Наши войска за непріятелемъ подъ самую городовую стѣну гнались, гдѣ непріятель всѣ предмѣстья сжегъ и со всею конницею и пѣхотою въ замокъ ушелъ. Чего ради, съ господами генералы князь Репнинымъ и съ г. Брюсомъ, къ помянутому городу Опошнѣ самъ пошолъ и, осмотря все расположеніе оной крѣпости, изобрѣли нѣкоторую трудность, что оное мѣсто штюрмовать безъ урону многихъ людей не мочно; а потому, такожъ получивъ подлинную вѣдомость, что король Шведской въ 7 полкахъ на сикурсъ спѣшитъ и что въ Будищахъ непріятель сильно стоитъ, послалъ я контръ-ордеръ къ г. Шамбуру; а въ Опошенской замокъ пометавши нѣсколько десятковъ гранатъ, велѣлъ воинскимъ порядкомъ отступить и прочіе ихъ кругъ города разставленные рогатки и полисады зажечь, и ретраншаментъ разрыть, и войскамъ нашимъ въ обозъ возвращаться. Что видя непріятель и получа себѣ сикурсъ, паки выступилъ и строю нашему помѣшку учинить хотѣлъ, но весьма наступать не осмѣлился и за пушечною стрѣльбою назадъ уступить принужденъ".

Послѣ дѣла при Опошнѣ, Меншиковъ послалъ къ женѣ своей „любительнѣйшій презентъ, которой взятъ на бывшей викторіи у непріятеля" [60]) и еще послалъ ей Арапа. „Извольте сдѣлавъ (ему) хорошее платье и убравъ хорошенько, женить на большой Арапкѣ и къ намъ о томъ отписать". Княгиня послала мужу кафтанъ, пиво, медъ и изъявляла желаніе поскорѣе свидѣться. „Что же изволите требовать о свиданіи съ нами, отвѣчалъ Меншиковъ, и то при помощи Божіей надѣюсь, что вскорѣ совершится, токмо дай Боже счастливо; при семъ посылаю свое благословеніе сыну нашему любезнѣйшему, которому отъ сердца своего желаю и прошу Всевышняго, да удостоитъ его Своею милостію и да дастъ ему по желанію нашему, намъ же въ общее увеселеніе".

Между тѣмъ Петръ 7-го Апрѣля выѣхалъ изъ Воронежа въ Азовъ, встрѣтилъ здѣсь Пасху и въ тотъ же день отправился въ Троицкой. „О себѣ объявляю (писалъ онъ къ Меншикову 4-го Мая), что я съ перваго числа сего мѣсяца началъ принимать лѣкарство, которое зѣло дѣйствуетъ, понеже здѣшній воздухъ жаркой оному помогаетъ; и неисходенъ пребывать буду изъ дому до 10-го числа, пока сіи сильныя лѣкарства употреблять буду, и чаю съ помощію Божіею къ 15 числу сего мѣсяца изъ лѣкарства вытить и готовъ быть къ вамъ ѣхать, чего ради извольте къ тому числу лошадей отъ Изюма до арміи поставить и людей, дабы могъ на почтѣ отъ Изюма ѣхать". „Лѣкарство мое зѣло дѣйствуетъ (пишетъ Петръ 5 Мая), только я отъ него какъ ребенокъ безъ силы сталъ; однако чаю, когда выду изъ лѣкарства, то сіе безсильство съ помощію Божіею въ пользу будетъ".

Петръ не зналъ еще о диверсіи Меншикова подъ Опошнею и, заботясь объ освобожденіи Полтавы, самъ даетъ совѣтъ Меншикову сдѣлать эту диверсію. „Въ осадѣ Полтавской (пишетъ онъ къ князю 9-го Мая изъ Троицкаго) гораздо смотрѣть надлежитъ, дабы оная съ помощію Божіею конечно свобождена (была) или по крайней мѣрѣ безопасно было отъ непріятеля, къ чему предлагаю два способа: первое нападеніе на Ѳопошню и тѣмъ диверсію учинить; буде-же то невозможно, то лучше притить къ Полтавѣ и стать при городѣ по своей сторонѣ рѣки (какъ было у Новгородка Сѣверскаго), понеже сіе мѣсто зѣло нужно; и такоже и Левенцову жену, ежели еще тутъ, велѣть вывесть, и симъ способомъ непріятель достать его не можетъ; ибо

---

[60]) Письмо Меншикова отъ 11 Мая; но изъ письма не видно, въ чемъ заключался этотъ „презентъ".

всегда возможно въ городъ людей прибавливать и амуниціи. Прочее дается на ваше доброе разсужденіе. О себѣ я объявляю, что я отъ жестокихъ лѣкарствъ и заключенія ежедневнаго свободился вчерась и почалъ примать легкія лѣкарства, которыхъ дохтуръ сказывалъ еще десять дней примать надлежитъ, которыя, слава Богу, хотя зѣло хорошо дѣйствовали, однакожъ такъ сталъ безсиленъ какъ ребенокъ. Предъ симъ писалъ я къ вамъ, что съ пятаго на десять числа поѣду къ вамъ, но нынѣ не чаю ранѣе двадцатаго: первое, что самъ слабъ; другое, что лошади подъ баталіонъ меньше недѣли какъ съ Валуекъ погнали сюды: ранѣе 20 дней не будутъ". — 15-го Мая Петръ снова пишетъ Меншикову о защитѣ Полтавы: „Что же о Полтавѣ, и то нынѣ подтверждаю, что лучшебъ вамъ къ оному городу приступить чрезъ рѣку отъ непріятеля со всѣми и помочь городу чинить, понеже сіе мѣсто зѣло нужно, какъ самъ можешь знать, куды надлежитъ и фелдмаршалу быть; и сіе, сколько я могу разумѣть, кажется изъ лучшихъ не послѣднее дѣло. Впрочемъ же, яко заочно, полагаюсь на ваше разсужденіе".

Въ это время Меншиковъ исполнялъ уже предположенія Петра. „О сикурсѣ въ Полтаву доношу вашей милости (письмо отъ 16 Мая изъ обозу отъ Полтавы), что такожъ изряднымъ способомъ учинился, и вчерашней почи 1200 человѣкъ со всею къ осадѣ потребною аммуниціею, о которой писалъ г. комендантъ, что самую крайнюю нужду имѣетъ, тако счастливо въ городъ проводили, что хотя и безмѣрно чрезъ трудныя переправы и болота сіе учинилось, однакоже ни одного человѣка при томъ случаѣ въ уронѣ не имѣемъ, за что непріятель великимъ сердцемъ и злобою помщенія надъ городомъ искать хотѣлъ, но добрымъ порядкомъ отбитъ; нынѣ же землею городъ хочетъ засыпать, а именно валомъ, а я надѣюсь, что и то вскорѣ покинетъ. Армія наша все еще подъ Полтавою: до письма, по желанію вашей милости, стало. И подѣланы по сей сторонѣ нѣкоторые редуты и мосты чрезъ рѣку, и строимъ линію комуникаціи".

Меншиковъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ Петра и между тѣмъ ежедневно переписывался съ женою. 17 Мая онъ пишетъ ей: „Еще счастіе того не имѣю, дабы васъ, любезнѣйшаго моего друга, при себѣ могъ видѣть, и о томъ не мало я соболѣзную; но надѣюсь, что вскорѣ то учинится, а нынѣ сами изволите разсудить, что тому статься неможно, понеже и другія здѣсь бывшія принуждены въ Харьковъ ѣхать и отселѣ на малое время отлучиться. При семъ посылаю Шведскихъ двѣ пушки и знамя, которыя взяты въ послѣдней потребѣ подъ Опошнею. Извольте любезнѣйшему нашему сыну приказать, чтобъ онъ при пришествіи его царское величество съ вами встрѣтилъ. Вамъ же любезнѣйшему нашему другу паки предаемъ поздравленіе и вручаемъ васъ въ сохраненіе Всевышнему". На другой день, 18 Мая, опять письмо: „Писаніе ваше, отъ 16 дня сего мѣсяца писанное, я получилъ, за которое, а особливо за приложеніе къ тому письму руки сына нашего, благодарствую и посылаю свое отеческое ему благословеніе. Изъ однаго вашего письма выразумѣлъ я, что сынъ нашъ еще не больно писать умѣетъ и точки непротивъ силы ставитъ, и для того разсуждаю, не лучше ли ему еще потвердить своей науки; а когда выучится, тогда ежели додастъ Богъ, и кончая что вскорѣ видѣть васъ надѣюсь. Не погнѣвайтесь, что худо подписано, понеже за ваше здравіе при отпускѣ сего изрядно веселились. При семъ благодарствую за присылку Ренскаго, церковнаго, цыплятъ и рѣдки; и впредь не оставляйте". Зять Меншикова Головинъ находился въ это время въ Полтавскомъ гарнизонѣ. 19 Мая Меншиковъ сообщилъ непріятную объ немъ новость: „Третьяго дня нашъ швагеръ господинъ бригадиръ Головинъ, выступивъ противъ непріятеля, многихъ благополучно снесь, но своимъ зѣло горячимъ поступкомъ въ несчастіе при-

шелъ, ибо лошадь подъ нимъ убита и отъ непріятеля въ неволю взятъ, о чемъ изволите сестрѣ нашей о томъ извѣстить, обнадежа ее, что вскорѣ такой случай получимъ онаго освободить и обмѣнить. P. S. А именно сестрѣ помалу скажите, потому что вы и сами знаете, какова состоянія онъ человѣкъ былъ".

22-го Мая Меншиковъ доносилъ Петру изъ обозу отъ Полтавы: „Непріятель подъ Полтавою нынѣ весьма смирно стоитъ, а партіи наши повседневно, гдѣ могутъ, непріятеля утомляютъ и конницу непріятельскую на ноги поставляютъ, ибо такого дня нѣтъ, чтобъ отъ непріятелей къ намъ лошадей не отгоняли. Впрочемъ съ великимъ желаніемъ ожидаемъ вашей милости къ намъ скораго прибытія, за которымъ и вящшаго счастія во всѣхъ нашихъ дѣлахъ надѣемся". Въ тотъ же день Меншиковъ послалъ къ женѣ два цуга лошадей, „одинъ къ сыну, а другой къ вамъ, изъ которыхъ пѣгихъ [61]) подарилъ намъ Шведскій генералъ Крузъ. Извольте приказать сыну нашему на оныхъ ѣздить. Также извольте сестрѣ моей Марьѣ на расходъ выдать денегъ ста два, понеже вѣдаю, что не безъ нужды есть. При семъ же къ сыну своему посылаю свое благословеніе. P. S. Когда увѣдаете, что царское величество вскорѣ прибудетъ, тогда извольте къ намъ нарочнаго прислать, а сына нашего пошлите и сами поѣзжайте съ пушками и знамемъ его царскаго величества встрѣтить".

„Мы надѣемся, писалъ Меншиковъ женѣ 26 Мая, что его царское величество на сихъ дняхъ къ вамъ прибудетъ; чего ради изволите при пришествіи его оному донести, что мы писали къ вамъ, дабы изволили сюда ѣхать и что̀ въ отвѣтъ получите, ожидаю отъ васъ любезнѣйшаго друга моего извѣстія. Потому же извольте въ готовности быть, дабы по отъѣздѣ его величества на другой день къ намъ выѣхать; намъ же о вашемъ походѣ дайте безпрестанно вѣдомость, на которыя мѣста и гдѣ повсядневно ваша станція будетъ, чтобы мы о томъ всемъ извѣстны были. И сколь скоро его величество къ вамъ прибудетъ, о томъ отпишите къ намъ чрезъ нарочнаго.... P. S. Варварѣ Михайловнѣ поклонъ; хотѣлъ было послать канцелярскихъ презентовъ, да вѣдаю, что вскорѣ съ нами увидитесь: того ради оное оставилъ. Какъ приведутъ изъ Азова лошадь, извольте оную къ намъ съ собою привесть. Господинъ фелдмаршалъ Шереметевъ со всѣмъ къ намъ будетъ кончая въ завтре. Да пришлите сюда къ намъ Колмыка съ арфою, которой у Гурчина".

Въ это время, 31 Мая, Меншиковъ получилъ отъ Петра письмо изъ Змѣевки: „Объявляю вамъ, что я сего момента пріѣхалъ сюды. А ночевать буду за двѣ мили до Харькова или въ Харьковѣ (только не ревнуй, гдѣ буду ночевать) и, взявъ утро дня Вознесенія Господня въ Харьковѣ, тотъ часъ поѣду и чаю съ помощію Божіею ровно въ пятокъ къ вамъ быть". Меншиковъ въ тотъ же день выѣхалъ на первую подставу, отъ Полтавы 4 мили, и отсюда написалъ женѣ: „Какъ скоро царское величество походъ свой изволитъ воспріять, то и вы того же часу слѣдуйте, и въ пути нигдѣ не мѣшкайте, а имянно, ежели гдѣ его величество на квартирахъ будетъ забавляться за чѣмъ, а вы никогда не стойте и всегда помалу напередъ подите, для чего цуга два или три лошадей на подставахъ поставьте. О походѣ вашемъ сюда къ намъ писалъ я къ царскому величеству; да извольте взять сюда съ собою портнаго Кашперовича, безъ жены, о которой послѣ отпишемъ. А мы на встрѣчу вамъ выѣхали и стоимъ, проѣхавъ штюрмовую долину въ милѣ, въ степи".

3-го Іюня, послѣ обѣдни Петръ выѣхалъ изъ Харькова. Князь Меншиковъ встрѣтилъ его въ степи, въ двухъ миляхъ отъ арміи. Князь ожидалъ и жены, но Петръ

---

[61]) Въ подлинникѣ *бѣгіе*.

сообщилъ ему, что она больна и осталась съ Екатериною въ Харьковѣ. Это очень огорчило князя. „Прежде сего сами вы говорили, написалъ онъ женѣ, что я къ вамъ о своемъ состояніи подлинно не пишу и не даю о томъ знать; а нынѣ, какъ я вижу, что и вы подлинно насъ не увѣдомляете и въ письмахъ пишете, что слава Богу здоровы. И для того прошу васъ, извольте меня подлинно о томъ увѣдомить и прислать сюда нарочнаго, гдѣ обрѣтетесь или еще зачѣмъ изъ Харькова не поѣхали".

Княгиня вскорѣ выздоровѣла и съ Екатериною отправилась въ лагерный обозъ, въ село Владиміровку.

20-го Іюня наши войска перешли р. Ворсклу на выручку Полтавы. Меншиковъ писалъ къ женѣ изъ Петровья: „Опасности никакой нѣтъ, и въ оной не бываемъ, понеже непріятель, какъ услышалъ, что мы пробрались сюда, бывъ въ великой тревогѣ, зѣло стоитъ кротко, и токмо наши поѣзды онаго непрестанно тревожатъ и языковъ достаютъ, а отъ него промыслу никакого нѣтъ, и партіи къ намъ ни единой по се число посылать не осмѣлился. По письму вашему поклонъ вашъ полковнику отдалъ, которой за то васъ благодаритъ. При семъ должной поклонъ отдаю Катеринѣ Алексѣевнѣ и Варварѣ Михайловнѣ и тётушкѣ поклонъ отдаю". 25-го Іюня опять пишетъ князь женѣ изъ Семеновки: „Вчерашняго дня гетманъ (Скоропадскій) со всѣмъ своимъ войскомъ къ намъ пришелъ и вечоръ у меня ужиналъ". Въ этотъ день наша армія приблизилась вечеромъ къ Полтавѣ, остановилась за четверть мили отъ непріятеля, а ночью устроены были ретраншаменты и редуты. Въ эту же ночь, Карлъ XII отправился осматривать Русскій лагерь и наткнулся на казацкую партію; нѣсколько казаковъ, ничего не подозрѣвая, спокойно сидѣли у огня; вдругъ раздается выстрѣлъ, казакъ падаетъ: это самъ король не утерпѣлъ, сошелъ съ лошади и выстрѣлилъ въ казака; казаки вскочили, три ружейныхъ выстрѣла направились въ ту сторону, гдѣ стоялъ король, и Карлъ XII былъ раненъ въ ногу [62]).

Петръ I и Карлъ XII нетерпѣливо желали сраженія, и 27-го Іюня сраженіе было назначено съ обѣихъ сторонъ. Въ Русскомъ лагерѣ военный совѣтъ думалъ одинаково съ Петромъ и считалъ это сраженіе неизбѣжнымъ для окончанія великой борьбы за существованіе Россіи; у Шведовъ, напротивъ, генералы совѣтовали Карлу XII отступить отъ Полтавы, а онъ имъ отвѣчалъ: „Если бы Богъ послалъ Ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ".

Наканунѣ Полтавской битвы, Меншиковъ писалъ къ женѣ: „Вчерась обозъ свой перенесли мы сюда и хотя ближе къ непріятелю, только зѣло въ удобномъ мѣстѣ стали и траншементъ построили, и чаемъ, что непріятель вскорѣ принужденъ будетъ мѣсто сіе оставить и идти далѣе, когда надѣемся при помощи Божіей съ городомъ комуникацію свободную получить. Впрочемъ у насъ, за Божіею помощію, благополучно, и опасности никакой нѣтъ, понеже всѣ стоимъ въ одномъ мѣстѣ, и наша армія вся здѣсь въ совокупленіи" [63]).

27-го Іюня, въ 9 часовъ утра, началась генеральная баталія и продолжалась только два часа. Петръ и Меншиковъ распоряжались въ огнѣ; шляпа на Петрѣ и сѣдло его были прострѣлены. Подъ Меншиковымъ убито три лошади. Карла XII съ больною ногою возили въ коляскѣ между солдатскими рядами; вдругъ ядро ударило въ коляску, и король упалъ на землю; ужасъ овладѣлъ всѣми Шведскими полками; солдаты полагали, что король убитъ. Карлъ велѣлъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики. Тутъ онъ увидѣлъ всеобщее замѣшательство своихъ и закричалъ

---

[62]) Соловьевъ, т. XV, стр. 374.

[63]) Письмо отъ 26 Іюня въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

въ отчаяніи: Шведы! Шведы! Но Шведы бѣжали отъ Русскихъ. Шведскій фельдмаршалъ Реншильдъ, генералы Штакельберъ, Гамильтонъ, Шлиппенбахъ, Розенъ, принцъ Виртембергскій и нѣсколько тысячь рядовыхъ, съ ружьемъ и лошадьми, взяты въ плѣнъ.

Побѣдители, съ радости о побѣдѣ неслыханной, забыли о непріятелѣ и, возблагодаривъ Бога торжественнымъ молебномъ, расположились въ палаткахъ отдыхать. Петръ обѣдалъ въ палаткѣ Меншикова со всѣми своими министрами и плѣнными Шведскими генералами, а послѣ обѣда отправился въ Полтаву и вызвалъ къ себѣ Екатерину: „Матка, здравствуй! пишетъ онъ ей: объявляю вамъ, что всемилостивѣйшій Господь неописанную побѣду надъ непріятелемъ намъ сегодня даровать изволилъ; единымъ словомъ сказать, что вся непріятельская сила на голову побита, о чемъ сама отъ насъ услышишь, и для поздравленья пріѣзжайте сами сюда“ [64]).

Только вечеромъ вспомнили о Шведахъ и тотчасъ отправили преслѣдовать ихъ князя Михаила Михаиловича Голицына съ гвардіею, генерала Баура съ драгунами, а на другой день отправился въ погоню и Меншиковъ съ кавалеріею. Въ мѣстечкѣ Кобылякахъ, онъ получилъ письмо отъ жены, при которомъ приложена звѣзда, какъ награда за Полтавское сраженіе и за супружескую любовь [65]). Меншиковъ отвѣчалъ женѣ: „Письмо ваше и посланной презентъ и кавалерію я получилъ, за что благодаренъ. О себѣ доношу, что сего часу прибыли мы съ кавалеріею въ Кобыляки въ добромъ здоровьѣ и рѣчку Кобылячку переправливаемся, гдѣ отъ непріятеля съ нашими была и стрѣльба небольшая: не хотѣлъ нашихъ перепустить. Однакожъ мы за Божіею помощью чуть не всѣ перебрались, и какъ переберемся, то съ Божіею помощію за ними слѣдовать будемъ, чтобъ не перепустить ихъ за Днѣпръ. Царское величество обрѣтается нынѣ при Полтавѣ“.

Меншиковъ соединился съ Голицынымъ и Бауромъ, и 30-го они настигли Карла XII у Переволочны. Король рѣшился покинуть войско и переправился на другую сторону Днѣпра въ повозкѣ, уставленной на двухъ лодкахъ; а Левенгауптъ, командовавшій остатками Шведской арміи, сдался Меншикову.

Въ тотъ же день, изъ Переволочны Меншиковъ написалъ женѣ: „А какову чрезъ помощь Божію, счастіемъ же оружія царскаго величества, получили мы сего числа надъ непріятелемъ викторію, о томъ, чаю, отъ господина полковника вамъ извѣстно, а именно бѣгучаго отъ насъ непріятеля здѣсь мы сего числа настигли и только что самъ король съ измѣнникомъ Мазепою въ малыхъ лодкахъ уходомъ спаслись; а остальныхъ Шведовъ всѣхъ живьемъ на окордъ въ полонъ побрали, которыхъ будетъ числомъ около 10.000, между которыми генералъ Левенгауптъ и генералъ-маіоръ Крейцъ; пушки и всю амуницію также взяли, также и своихъ плѣнныхъ всѣхъ выручили, въ томъ числѣ и зять нашъ обрѣтается. И сею такъ преславною викторіею васъ поздравляю. Мы отсюда завтра къ вамъ поѣдемъ; извольте выслать къ намъ на дорогу что̀ пить да ѣсть, а старое придержалось, и въ томъ имѣемъ нужду“.

31-го Іюня Петръ пріѣхалъ въ Переволочну и отсюда вмѣстѣ съ Меншиковымъ возвратился въ Полтаву. Меншиковъ за Полтавское сраженіе пожалованъ былъ въ фельдмаршалы и сверхъ того получилъ города Почепъ и Ямполь; Петръ принялъ чинъ сухопутный генералъ-лейтенанта, а на морѣ шаутбенахта (вице-адмирала).

Карлъ XII бѣжалъ съ Мазепою въ Бендеры.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[64]) Письма Русскихъ государей ч., 1. № 12.

[65]) Рисунокъ этой оригинальной звѣзды съ надписью: „за любовь и отечество“, сохранился между письмами Меншикова къ женѣ.

ЗАПИСКА О МАРТИНИСТАХЪ

ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ВЪ 1811 ГОДУ ГРАФОМЪ РОСТОПЧИНЫМЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ *).

Также трудно въ точности опредѣлить время появленія секты Мартинистовъ въ Россіи, какъ и назвать ея начинателей. Большая часть членовъ Масонскихъ ложъ посвящались въ эти новыя таинства. Одинъ Баварецъ, по имени Шварцъ, былъ основателемъ новаго общества. Онъ остался его главою, и по смерти Шварца его бюстъ поставленъ былъ въ залѣ собраній, какъ предметъ почитанія и особеннаго благоговѣнія. Онъ вступилъ въ товарищество съ однимъ Новиковымъ, человѣкомъ очень умнымъ, лицемѣрнымъ, бѣднымъ, смѣлымъ, краснорѣчивымъ, который пріобрѣлъ извѣстность какъ издатель Древней Русской Вивліоѳики, то есть сборника историческихъ статей, актовъ и описаній обрядовъ изъ временъ древнихъ Русскихъ царей. Начало секты можно отнести къ 1786 году; но успѣхи ея были такъ быстры, и денежные взносы такъ значительны, что въ 1790 году общество, принявши громкое названіе Благотворительнаго, купило домъ, который былъ роскошно отдѣланъ, чтобъ служить мѣстомъ для собраній, и учредило типографію съ цѣлью издавать переводы мистическихъ книгъ и сочиненія сочленовъ. Главная ложа, гдѣ послѣ смерти Шварца предсѣдательствовалъ Новиковъ, вступила въ непосредственную переписку со всѣми иностранными ложами. Она отправляла на свой счетъ молодыхъ людей путешествовать за границей, посвящаться въ тайны общества и пріобрѣтать полезныя для ихъ дѣла свѣдѣнія. Нѣкто Кутузовъ, человѣкъ умный и фанатикъ, поселился въ Берлинѣ, откуда совершалъ поѣздки въ Гамбургъ, Брауншвейгъ, Саксенъ-Готу и Мюнхенъ; онъ былъ министромъ или повѣреннымъ Русскихъ Мартинистовъ при иностранныхъ обществахъ. Этотъ человѣкъ, проживши нѣсколько времени въ роскоши, кончилъ тѣмъ, что умеръ въ крайней бѣдности, въ Берлинской долговой тюрьмѣ, такъ какъ Московская ложа, за упраздненіемъ ея въ 1792 году, не могла уже платить его долговъ.

Многочисленность лицъ всякаго званія и возраста, составлявшихъ это общество, ихъ расходы, множество новыхъ привержен-

*) Французскій подлинникъ этой записки (не своеручный, а въ спискѣ), находится въ бумагахъ, полученныхъ нами отъ покойнаго А. Н. Аѳанасьева. Хотя о Новиковѣ и Мартинистахъ у насъ весьма много писано, но записка графа Ростопчина представляетъ нѣсколько новыхъ показаній и, при всемъ пристрастіи автора, имѣетъ исторіографическое значеніе между прочимъ и потому, что онъ имѣлъ возможность, по своему высокому положенію при императорѣ Павлѣ, узнать много такого, что было скрыто отъ современниковъ. Русскій переводъ принадлежитъ М. А. Жуазелю. *П. Б.*

цевъ, которыхъ они пріобрѣтали ежедневно, растрата цѣлыхъ состояній и въ особенности таинственная обстановка ихъ собраній, все это привлекло вниманіе правительства и императрицы Екатерины, причемъ для нея главнымъ побужденіемъ изслѣдовать цѣль и духъ этого общества, была увѣренность, что сынъ ея, наслѣдникъ престола, расположенъ оказывать покровительство этому учрежденію, довѣрившись нѣкоему Плещееву, состоявшему при немъ въ качествѣ секретаря по морскому вѣдомству и горячему стороннику новой секты. Разоблаченіе вредныхъ замысловъ Иллюминатовъ, процессъ предводителя ихъ Вейсгаупта, ихъ сношенія и связи съ нѣкоторыми изъ вождей Французской революціи, ставшей страшилищемъ для государей, заставили императрицу Екатерину принять мѣры противъ общества Мартинистовъ въ ея владѣніяхъ. Московскій генералъ-губернаторъ князь Прозоровскій получилъ приказаніе учредить надзоръ за поведеніемъ и перепискою членовъ новой ложи и, въ случаѣ надобности, открыто дѣйствовать противъ нихъ. Къ нему поступили разные доносы, изъ которыхъ наиболѣе важный былъ отъ князя Гавріила Гагарина, въ то время тайнаго совѣтника и оберъ-прокурора при Московскомъ Сенатѣ. Этотъ человѣкъ былъ гросмейстеромъ главной Масонской ложи въ Москвѣ и рѣшился пристать къ Мартинистамъ; но, узнавъ, что имъ грозитъ гоненіе, счелъ за лучшее избавиться отъ всякой отвѣтственности и выслужиться посредствомъ разоблаченія ввѣренныхъ ему тайнъ. Онъ сдѣлался предателемъ единственно изъ страха, ибо былъ однимъ изъ тѣхъ, которые выражали наиболѣе преданности великому князю Павлу Петровичу и позволяли себѣ осуждать правленіе Екатерины; это былъ человѣкъ умный, опытный въ дѣлопроизводствѣ, но корыстный, склонный къ пьянству, погрязшій въ долгахъ и никѣмъ не уважаемый.

Пока князь Прозоровскій старался обнаружить замыслы Мартинистовъ и добыть противъ нихъ вѣрныя улики, было перехвачено письмо отъ Баварскихъ Иллюминатовъ къ Новикову, написанное мистическимъ слогомъ и на ясное истолкованіе котораго невозможно было его склонить. Г-нъОлсуфьевъ, совѣтникъ Московской Уголовной Палаты, былъ посланъ въ деревню Новикова (гдѣ онъ жилъ) съ приказаніемъ арестовать его и взять всѣ его бумаги. Застигнутый, посреди ночи, за какой-то перепиской, Новиковъ безропотно покорился объявленнымъ ему распоряженіямъ, испрашивая, какъ милости, дозволенія проститься съ нѣкоторыми молодыми людьми, его учениками. Они были допущены и явили несомнѣнные знаки глубокаго отчаянія. Новиковъ сказалъ имъ прощальное слово, въ которомъ совѣтовалъ имъ вести себя благоразумно, слѣпо повиноваться высочайшей власти и помнить его дѣянія; потомъ благословилъ ихъ и былъ отвезенъ въ Москву. Съ нимъ вмѣстѣ взяты были всѣ его бумаги и захваченъ его домашній врачъ, родомъ Нѣмецъ, близкій его другъ, посвященный во всѣ таинства секты; сей послѣдній, на другой день по пріѣздѣ въ Москву, при слабости надзора, перерѣзалъ себѣ горло. Между бумагами нашли списокъ членовъ общества Мартинистовъ. Новиковъ былъ перевезенъ въ

Петербургъ. Сначала его посадили въ крѣпость, гдѣ онъ оставался нѣсколько недѣль; но князь Прозоровскій, по извѣтамъ нѣкоторыхъ отступниковъ отъ общества, донесъ, что за бывшимъ у нихъ ужиномъ 30 человѣкъ бросали жребій, кому изъ нихъ зарѣзать императрицу Екатерину, и что жребій палъ на Лопухина. По этому поводу допросили Новикова, который ни въ чемъ не сознался и былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ для заключенія въ тюрьмѣ. Онъ, при входѣ туда, проявилъ многія странности: поклонился въ землю, благодарилъ Небо за ниспосланное ему испытаніе, клялся въ своей невинности, утверждалъ, что готовъ претерпѣть все ради Спасителя, и проч. Князь Прозоровскій приложилъ много старанія о разоблаченіи цѣли общества. Онъ открылъ то, что̀ всегда открываютъ въ таинственныхъ согласіяхъ, т. е. нѣсколько ловкихъ обманщиковъ и тысячи простодушныхъ жертвъ. Эти слабые умы надѣялись пріобрѣсти царствіе небесное, куда ихъ прямо введутъ ихъ руководители, которые проповѣдывали имъ постъ, молитву, милостыню и смиреніе, присвоивая себѣ ихъ богатства, съ цѣлью очищенія душъ и отрѣшенія ихъ отъ земныхъ благъ. Двое князей Трубецкихъ, двое братьевъ Походяшиныхъ, Татищевъ, Щепотьевъ, Плещеевъ, сдѣлались жертвами своего легковѣрія; оно имѣло для нихъ послѣдствіемъ потерю большаго состоянія и позднее раскаяніе въ сдѣланныхъ глупостяхъ. Императрица издала повелѣніе, внушенное мудростью и великодушіемъ (какъ и всѣ прочія), которымъ предписывалось Трубецкимъ и Татищеву жить въ своихъ деревняхъ, а Лопухину объявлялось прощеніе, во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ его отца, старца 80-ти лѣтъ. Замѣчаютъ, что Екатерина, до конца своего царствованія, не опредѣляла къ должностямъ и не отличала по службѣ никого изъ посвященныхъ, за исключеніемъ князя Репнина, который уступчивостью передъ кн. Потемкинымъ и другими любимцами сумѣлъ кое-какъ поддержать себя. Императрица хранила у себя нѣкоторыя важныя бумаги по дѣлу о Мартинистахъ, въ томъ числѣ поименные ихъ списки, письмо Мюнхенскихъ Иллюминатовъ къ Новикову, допросы главныхъ членовъ общества, показанія и повинныя нѣкоторыхъ изъ лицъ, метавшихъ между собою жребій, кому посягнуть на ея жизнь *). Всѣ эти бумаги заключались въ бѣлой картонкѣ, которая находилась въ ея рабочемъ кабинетѣ, въ Петербургѣ, съ надписью: дѣла о Мартинистахъ.

---

*) Это показаніе графа Ростопчина напоминаетъ намъ, что арестъ Новикова произведенъ былъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ Густавъ III-й погибъ отъ руки убійцы и получено было у насъ извѣстіе, будто какой-то Французъ Басевиль ѣдетъ въ Россію съ умысломъ на жизнь государыни. Около 30 лѣтъ Европа не знала цареубійства. Страшная новость о Густавѣ III-мъ пришла въ Петербургъ 7 Апрѣля; черезъ сутки начались розыски Басевиля; 17 Апрѣля пріѣхалъ изъ Парижа нашъ посланникъ Симолинъ и привезъ подробности о тамошнихъ ужасахъ; а 22-го Апрѣля того же 1792 года арестованъ Новиковъ (См. Дневникъ Храповицкаго). Прибавимъ, что графъ Ростопчинъ прибиралъ бумаги въ рабочемъ кабинетѣ Екатерины немедленно послѣ ея кончины и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ намъ положительно извѣстно, успѣлъ списать. *П. Б.*

Заточеніе гросмейстера Новикова, ссылка главныхъ участниковъ общества и надзоръ правительства за прочими, поразили страхомъ самыхъ восторженныхъ приверженцевъ секты; они разсѣялись и рѣшились отложить до другого времени свои собранія, свои труды и довершеніе своего дѣла. Въ такомъ положеніи оставалось оно до смерти императрицы Екатерины, на которую они смотрѣли какъ на своего злѣйшаго врага, за то, что она милостиво поступила съ подданными, задумавшими поколебать ея власть.

По восшествіи на престолъ императора Павла, Плещеевъ, который постоянно оставался при немъ, указалъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, какъ на достойныхъ получить мѣста, по ихъ высокимъ дарованіямъ и въ награду за гоненія, претерпѣнныя ими за преданность императору. Вызвали Лопухина, который поступилъ на должность статсъ-секретаря по гражданскимъ дѣламъ; Карнѣевъ, Орловскій вице-губернаторъ, предназначенный завѣдывать дѣлопроизводствомъ по военной части, прибылъ нѣсколько поздно и долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ губернатора въ Минскѣ; настоятель церкви Вознесенія въ Москвѣ, человѣкъ достойный, избранный быть духовникомъ императорской фамиліи, опредѣленъ въ придворные священники; раздача благотворительныхъ пособій поручена Плещееву. Онъ-то, побуждаемый чувствомъ мести къ императрицѣ Екатеринѣ, внушилъ ея сыну мысль извлечь изъ могилы тѣло Петра III, надѣть на него корону въ гробѣ, положить его рядомъ съ тѣломъ супруги на одномъ катафалкѣ и торжественно похоронить во второй разъ. Императоръ Павелъ видѣлъ въ этомъ только посмертное примиреніе обоихъ его родителей и не обратилъ вниманія на впечатлѣніе, какое было несомнѣнно произведено зрѣлищемъ, напоминавшимъ о поступкѣ, несправедливо приписанномъ имъ Екатеринѣ и почти изглаженномъ изъ памяти Европы 36-ти лѣтнимъ славнымъ царствованіемъ. Явленіе архангела Михаила одному часовому въ лѣтнемъ дворцѣ, съ повелѣніемъ сказать императору, чтобъ онъ построилъ церковь на этомъ мѣстѣ, толки о разныхъ сновидѣніяхъ, ссылка князя Прозоровскаго на жительство въ его деревняхъ, всѣ эти событія, слѣдовавшія одно за другимъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, внушили мнѣ рѣшимость изъяснить императору вѣроятныя послѣдствія ихъ. Я воспользовался случаемъ, который представила мнѣ поѣздка наединѣ съ нимъ, въ каретѣ, въ Таврическій дворецъ. Возразивши на одно его замѣчаніе, что Лопухинъ былъ только глупцомъ, а не обманщикомъ, какъ товарищи его по вѣрованіямъ, я затѣмъ распространился о многихъ обстоятельствахъ, сообщилъ о письмѣ изъ Мюнхена, объ ужинѣ, на которомъ бросали жребій, о ихъ таинствахъ, и проч. и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что этотъ разговоръ нанесъ Мартинистамъ смертельный ударъ и произвелъ сильное броженіе въ умѣ Павла, крайне дорожившаго своею самодержавною властью и склоннаго видѣть во всякихъ мелочахъ зародыши революціи. Лопухинъ, успѣвши написать всего одинъ указъ о пенсіи какой-то камеръ-юнгферѣ, отправленъ въ Москву, сенаторомъ; Новиковъ, котораго, по освобожденіи его изъ тюрьмы, императоръ

полюбопытствовалъ видѣть, затѣмъ высланъ изъ Петербурга и отданъ подъ надзоръ; священникъ остался при своемъ церковномъ служеніи; но многіе лишились прежняго вліянія, потеряли всякое значеніе, и стали жертвами весьма язвительныхъ насмѣшекъ государя. Неудивительно, что въ его мнѣніяхъ произошла такая скорая перемѣна: существуютъ классъ людей и родъ услугъ, которые нравятся наслѣдникамъ престола до ихъ воцаренія, но отъ которыхъ они отворачиваются послѣ, даже наказывая тѣхъ, кто прежде казался необходимымъ, а потомъ въ награду получаетъ одно только презрѣніе.

По восшествіи на престолъ императора Александра, Мартинисты, не подвергаясь ни стѣсненіямъ, ни преслѣдованію, не были однакоже въ сборѣ. Прежній гросмейстеръ ихъ Новиковъ, съ двумя или тремя близкими друзьями, велъ скромную жизнь въ деревнѣ подъ Москвою; они не писали ничего, въ поступкахъ своихъ соблюдая крайнюю осторожность. Онъ рѣдко бывалъ въ Москвѣ, гдѣ останавливался у Ключарева; кажется даже, что разгромъ, постигшій ихъ при Екатеринѣ, внушалъ имъ робость и недовѣрчивость. Не ранѣе какъ въ 1806 году, во время созванія милиціи, секта подняла голову, опять выступила наружу и пріобрѣла важное значеніе на выборахъ. Князья Трубецкіе, Лопухинъ, Ключаревъ, князь Гагаринъ, Кутузовъ и сотни другихъ собирались на сходкахъ, для предварительнаго обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ. Они постановили выбрать бывшаго товарища ихъ, адмирала Мордвинова, въ начальники Московскаго ополченія, что̀ и состоялось къ общему соблазну и крайнему удивленію всѣхъ: ибо, не отнимая у г-на Мордвинова никакихъ достоинствъ, слѣдуетъ признать, что онъ, не служивши никогда въ арміи, не былъ способенъ обучить хотя бы одного солдата; поэтому, всякое другое лицо изъ военныхъ (а ихъ было такъ много) можно было предпочесть ему въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, когда надлежало въ одно и тоже время собирать, обучать и отправлять въ армію толпы мужиковъ, для защиты Отечества. Недовольствуясь этимъ, Мартинисты стали распространять дурныя вѣсти, разсылать по почтѣ мистическую книгу подъ заглавіемъ: Тоска объ отчизнѣ и забылись до того, что возбудили мысль о необходимости измѣнить образъ правленія и о правѣ націи избрать себѣ новаго государя. Полиція, слишкомъ занятая другими предметами, слабо наблюдала за этими происками и дала подозрѣніямъ разсѣяться, не посмѣвъ розыскать виновниковъ преступной молвы. Мартинисты, видя, что не желаютъ или опасаются тревожить ихъ, не замедлили вновь сомкнуть свои ряды. Тутолминъ, хотя человѣкъ умный, по своей слабости и безчестности, не могъ ничего предпринять; онъ боялся за себя, а его никто не боялся. Фельдмаршалъ Гудовичъ слишкомъ старъ, тупоуменъ и слишкомъ поддается вліянію дурныхъ совѣтовъ, чтобъ сознавать настоятельную необходимость строгихъ мѣръ противъ общества, которое одною таинственностью своею должно привлечь вниманіе правительства и побудить къ новому его распущенію. Дѣйствуя постоянно однимъ и тѣмъ же путемъ, Мартинисты возвысили и умножили свою секту присо-

единеніемъ значительныхъ лицъ, которымъ доставили важныя должности; къ числу ихъ принадлежатъ въ Петербургѣ: гр. Разумовскій, Мордвиновъ, Карнѣевъ, Алексѣевъ, Донауровъ; въ Москвѣ: Лопухинъ, Ключаревъ, Кутузовъ, Руничъ, князь Козловскій и Поздѣевъ. Они всѣ болѣе или менѣе преданы Сперанскому, который, не придерживаясь въ душѣ никакой секты, а можетъ быть и никакой религіи, пользуется ихъ услугами для направленія дѣлъ и держитъ ихъ въ зависимости отъ себя. Они собираются въ Москвѣ у Ключарева, но главный всему руководитель есть нѣкто Поздѣевъ, бывшій начальникъ канцеляріи фельдмаршала Чернышева, человѣкъ умный, даровитый, носящій личину нелюбостяжанія и христіанскаго смиренія. Онъ часто имѣетъ совѣщанія съ Ключаревымъ, однимъ изъ важнѣйшихъ членовъ секты, самымъ отъявленнымъ и презрѣннымъ негодяемъ, который когда-либо существовалъ. Этотъ послѣдній былъ прежде слугою у графа Шереметева; потомъ, поступивъ въ канцелярію фельдмаршала Чернышева, дослужился до офицерскаго чина, назначенъ въ Москвѣ губернскимъ стряпчимъ, отставленъ по суду за утайку девяти дѣлъ и, признанный на будущее время недостойнымъ занимать какое либо мѣсто, преданъ былъ заслуженному презрѣнію и забвенію. Впослѣдствіи онъ вновь принятъ на службу почтмейстеромъ въ Астрахани, по ходатайству г-на Пестеля, въ царствованіе Павла. Тамъ онъ былъ замѣшанъ въ гнусномъ дѣлѣ о противозаконномъ заключеніи въ тюрьму совѣтника казенной палаты. Г-нъ Троцинскій перевелъ его въ Тамбовъ, а потомъ въ Москву, гдѣ онъ состоитъ почтдиректоромъ, занимаясь контрабандой, обкрадывая императора, открывая письма, притѣсняя служащихъ и пользуясь покровительствомъ фельдмаршала, котораго обманываетъ, и Сперанскаго, которому льститъ. Между остальными главными членами секты отличаются: Лопухинъ, человѣкъ самый безнравственный, пьяница, преданный разврату и противоестественнымъ порокамъ, имѣющій 60,000 р. дохода и разоряющій цѣлыя семейства, которымъ не платитъ, занимая у нихъ деньги; кропатель мистическихъ книгъ, подающій одною рукою милостыню бѣдняку и отгоняющій другою своихъ злосчастныхъ заимодавцевъ; Кутузовъ, бывшій полицейскимъ шпіономъ въ царствованіе Павла, человѣкъ глупый, низкій, обладающій всѣми дурными свойствами грубаго простонародья, великій Мартинистъ, поучающій юношество и, къ несчастью, попечитель Московскаго университета. Кромѣ вышепоименованныхъ, секта имѣла еще, и доселѣ имѣетъ, въ средѣ своей множество людей хитраго ума, о которыхъ публика не знаетъ, которые встрѣчаются во всѣхъ сословіяхъ и заняты единственно распространеніемъ своихъ началъ. Они скрываютъ свои замыслы подъ покровомъ религіи, любви къ ближнему и смиренія. Они отлично пьютъ и ѣдятъ, преданы роскоши и сладострастію, а между тѣмъ постоянно разглагольствуютъ о цѣломудріи, воздержаніи и молитвахъ. Черезъ это пріобрѣтаютъ они легковѣрныхъ послѣдователей и деньги. По книгамъ ихъ, прямое общеніе съ Создателемъ обѣщано каждой твари, которая посредствомъ духовнаго созерцанія отрѣшится отъ мірскихъ помысловъ и страс-

тей; совѣсть называется у нихъ внутреннею церковью, и по ихъ мнѣнію каждый Мартинистъ носитъ ее въ своемъ сердцѣ. Судя по разоблаченной тайнѣ Баварскихъ Иллюминатовъ и по всему происходившему въ Москвѣ, они поставили себѣ цѣлью произвести революцію, чтобъ играть въ ней видную роль, подобно негодяямъ, которые погубили Францію и поплатились собственною жизнью за возбужденныя ими смуты. Разсужденія, какія представляются уму на счетъ ихъ дѣйствій, весьма просты. Если они христіяне, то почему проповѣдываютъ новыя ученія, почему замѣняютъ исполненныя простоты и краснорѣчія книги Св. Писанія мистическими сочиненіями, которыя всякій толкуетъ на свой ладъ и которыя, вмѣсто того чтобъ просвѣщать, только вводятъ въ заблужденія? Если они имѣютъ благотворительную цѣль, то къ чему таинственность? Скромность можетъ скрывать дѣла благотворенія, но добродѣтельный человѣкъ никогда не надѣнетъ личины лицемѣрія. Если они проникнуты смиреніемъ, то почему выставляютъ на показъ жалкія подаянія, хлопочутъ о выгодныхъ мѣстахъ, объ отличіяхъ и т. п.?. Если они вѣрные подданные, то какая имъ надобность навлекать на себя подозрѣнія и возбуждать недовѣріе правительства, ходить понуривъ голову, говорить шопотомъ, отрекаться съ досадою отъ принадлежности къ сектѣ и стыдиться соучастія въ ней, тогда какъ безупречный человѣкъ открыто пользуется правомъ не бояться ничего ни за дѣянія, ни за слова свои, а тѣмъ менѣе за свои мысли? Я не знаю, какія сношенія они могутъ имѣть съ другими странами; но я увѣренъ, что Наполеонъ, который все направляетъ къ достиженію своихъ цѣлей, покровительствуетъ имъ и когда-нибудь найдетъ сильную опору въ этомъ обществѣ, столь же достойномъ презрѣнія, сколько опасномъ. Тогда увидятъ, но слишкомъ поздно, что замыслы ихъ не химера, а дѣйствительность; что они намѣрены быть не посмѣшищемъ дня, а памятными въ Исторіи, и что эта секта не что иное, какъ потаенный врагъ правительствъ и государей.

О НАШЕМЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

(Въ отвѣтъ Г. Ѳ. Карпову на его замѣтку о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи).

Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1875, VI, 229 и слѣд.) помѣщена замѣтка г. Карпова „о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи“, не представляющая, въ сущности, чего либо новаго, но дѣлающая небольшую вылазку противъ меня, яко бы повторяющаго нѣчто очень старое и избитое, т. е., какъ онъ выражается, „историческую клевету“ на Екатерину II, клевету, состоящую въ томъ, что при ней установилось въ Малороссіи крѣпостное право. Жаль, что почтенный, но не всегда разсудительный ученый, не нашелъ нужнымъ тутъ же объяснить, какъ могла сложиться и утвердиться эта „клевета“. Если онъ когда нибудь этимъ займется (хотя бы только для себя, въ тиши своего кабинета), то многое выяснится ему и удержитъ его отъ различныхъ вылазокъ. Теперь же г-нъ Карповъ только разсказываетъ о томъ, какъ казацкая старшина, набравшись панскаго духа, старалась, по возсоединеніи Малороссіи съ Русскимъ государствомъ, закрѣпить за собою маетности „со крестьяны“. Неужели г. Карповъ не желаетъ знать, что все это давно признано историческими изслѣдователями изъ самихъ Малоруссовъ, что ими давно развѣнчанъ во многихъ отношеніяхъ и самъ батька Хмельницкій, къ которому, какъ они же замѣтили, не даромъ народная пѣсня относится не всегда сочувственно. Тѣми же изслѣдователями отвергнутъ и тотъ, какъ выражается г. Карповъ, пасквиль, который, подъ именемъ „Исторіи Руссовъ“, ложно приписывался Конисскому. Они же высказали наконецъ и сѣтованіе о томъ, что наша власть государственная не стала открыто на сторону только что возсоединившагося съ Русью украинскаго *народа*, а рѣшилась потворствовать противународнымъ стремленіямъ *казацкой старшины*. Но упомянутые изслѣдователи отличаютъ отъ этой *старшины* самое *казачество*, которое, не смотря на грѣхи очень многихъ его „представителей“ (выраженіе г. Карпова), все таки не позволило Польшѣ „низвести, какъ я выразился, весь Малорусскій народъ въ состояніе раба“. За безпристрастное уличеніе въ ея историческихъ грѣхахъ старшины казацкой, этимъ изслѣдователямъ даже досталось еще недавно—въ статьѣ „о современномъ украинофильствѣ“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. По всей вѣроятности, вскорѣ не меньше достанется за тоже „мужицкое“ направленіе отъ того же журнала и автору статьи: „Евреи и Поляки въ юго-западномъ краѣ“, недавно появившейся въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ статьѣ этой прямо сказано: „Старшина казацкая стремилась сложиться по образцу Польской шляхты и Великорусскихъ дворянъ въ рабовладѣльческое или вообще привилегированное сословіе, а потому народъ въ Малороссіи оставался равнодушенъ къ сепаратистическимъ стремленіямъ казацкой старшины“ (стр. 164). Къ сожалѣнію эта-то старшина, которая всегда готова была промѣнять Москву снова на Польшу или даже на Турцію, смотря по тому, подъ чьей властью она бы могла успѣшнѣе

провести свои противународные замыслы [1]), къ сожалѣнію она-то и находила поддержку въ нашей государственной власти не только при Алексѣѣ Михайловичѣ, но и гораздо позже. Такимъ образомъ и Екатерина II, по совершенно ясному (при всей уклончивости) выраженію самого г. Карпова, „формулировала безконтрольное Польское крѣпостное право, существовавшее въ Малороссіи во всѣ времена", хотя, какъ онъ самъ сознается въ другомъ мѣстѣ, „бывало, что оно значительно ослаблялось въ своей силѣ", и это, разумѣется, благодаря борьбѣ казаковъ съ Польшею [2]).

Въ указѣ Сенату 1783 года (П. С. З. № 15724) конечно не употреблено слово *закрѣпощеніе*, а сказано (§ 8): „Для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ, въ намѣстничествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородъ-сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селеніяхъ обитателей, каждому изъ поселянъ оставаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ изданія сего указа, поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ"; но вѣдь это тѣмъ не менѣе значило, по выраженію самого г-на Карпова, „формулировать", т. е. установить закономъ несомнѣнно-крѣпостныя отношенія. Авторъ упомянутой статьи „Вѣстника Европы", углубляя и расширяя вопросъ, совершенно справедливо замѣчаетъ: „Екатерининская политика относительно губерній, отъ Польши возвращенныхъ, именно и была причиною, почему Польскій элементъ въ нихъ, особенно въ югозападномъ краѣ, сталъ крѣпче подъ властью Россіи, чѣмъ былъ прежде подъ властью Польши [3]). Не въ томъ дѣло, что Екатерина II титуловала эти губерніи отъ Польши возвращенными, а Павелъ I и Александръ I смотрѣли на нихъ по временамъ, какъ на несправедливо похищенныя, а въ томъ, что Екатерина II-я не видѣла тутъ народа, а только шляхту, что она подкрѣпила Россійской дворянской грамотой власть Польской шляхты надъ Русскими хлопами и раздала немало прежде вольныхъ селъ и даже мѣстечекъ Польскимъ вельможамъ, съ цѣлью привлечь ихъ къ новому порядку вещей [4]). Множество

---

[1]) Въ этомъ отношеніи старшина казацкая довольно похожа на баронство Остзейское, которому тоже было все равно, къ кому ни примкнуть—къ Швеціи, или къ Россіи, только бы были сохранены его „рыцарскія" привилегіи.

[2]) Я могу признать лишь *неточность выраженія* въ той моей выноскѣ на стр. 353, апрѣльской книжки „Древней и Новой Россіи", которая собственно и дала г. Карпову поводъ къ его статьѣ. Выноска эта была сдѣлана мною чуть ли не въ корректурѣ.

[3]) Нѣсколько выше указывается на то, что существовавшее еще въ 1775 г. на Волыни и въ Подоліи дворянство православное успѣло стать католическимъ и вполнѣ Польскимъ уже по присоединеніи этого края къ Россіи.

[4]) Нѣсколько далѣе дѣлается оговорка: „шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Рѣчи Посполитой до „права меча" (мы должны, впрочемъ, прибавить, что и „право меча" достаточно вознаграждалось правомъ отдать крестьянина въ солдаты, сослать въ Сибирь, а равно возможностью, при подкупной администраціи, состоявшей на добрую долю изъ своего брата, прикрыть и самое убійство крестьянина); но за то экономическое ихъ господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которою въ Россіи оберегался законъ и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой" (почему г. Карповъ и называетъ „безконтрольнымъ" ея крѣпостное право).

показаній современниковъ, какъ Нѣмецкихъ, такъ и Польскихъ, свидѣтельствуютъ, что Польскіе паны въ областяхъ, доставшихся Россіи въ концѣ XVIII в., были чрезвычайно довольны Русскими порядками и хвалились ими передъ своими собратами, доставшимися Пруссіи и Австріи, которыхъ правительства, болѣе вѣрныя духу XVIII в., сейчасъ же наложили руку на феодальныя привилегіи шляхты надъ народомъ Польскимъ и Русскимъ въ Галиціи" (стр. 147—148).

Я думаю только, что честь эта главнымъ образомъ принадлежитъ именно правительствамъ Прусскому и Австрійскому (на сколько ихъ человѣколюбію, и на сколько дальновидности—я не берусь рѣшить), а что „духъ XVIII вѣка", т. е. его просвѣтительная литература, участвовалъ тутъ гораздо менѣе, чѣмъ оно представляется почтенному автору. Духъ этотъ (т. е. вліяніе этой литературы) сказывался и у насъ, и даже сильно сказывался на самой Екатеринѣ II, и если онъ не подѣйствовалъ на нашу политику въ областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, въ смыслѣ болѣе благопріятномъ народу, то это недостаточно объяснять только несогласіемъ съ теоріей практики, а слѣдуетъ признать въ этомъ случаѣ и несостоятельность самой теоріи.

Литературу осмнадцатаго вѣка принято обыкновенно называть „освободительною", въ сущности же она содѣйствовала въ сильнѣйшей мѣрѣ освобожденію человѣческаго ума лишь отъ ига клерикализма. Но стремясь вполнѣ освободить человѣческую личность отъ такъ называемаго **авторитета**, XVIII вѣкъ дошелъ до того, что предоставилъ ее совершенно самой себѣ, т. е. своему интересу и своимъ, только утончаемымъ образованностью, влеченіямъ. Эгоизмъ и сенсуализмъ, къ которымъ пришла философія XVIII в. (далеко оставлявшая за собою, какъ она полагала, *безуміе* христіанской идеи самоотверженія) подрывали въ самомъ корнѣ освободительную работу вѣка, потому что потакали крупной, не поступающейся ничѣмъ, т. е. деспотической личности. Ставя всего выше утонченное развитіе ума, XVIII вѣкъ относился съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ массѣ, его не имѣющей, а потому и представлявшейся просто сборищемъ какихъ-то полулюдей или, пожалуй, говорящихъ животныхъ (самъ по себѣ даръ слова, этотъ *общій* человѣческій даръ, принадлежащій и какому нибудь дикарю, цѣнился не высоко). Развивъ своего рода *шляхетство умственное*, XVIII вѣкъ увѣрялъ, что и самую потребность свободы пришлось бы еще пробуждать въ тупоумной массѣ. Такъ, авторъ извѣстнаго отвѣта на задачу по крестьянскому вопросу, обнародованную (едвали не подъ вліяніемъ Екатерины II) нашимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, Беарде де л'Аббей совѣтовалъ, освобождая крестьянъ *понемножку*, отличать освобожденныхъ особаго рода одеждой, съ тѣмъ, чтобы ея красивый покрой возбуждалъ охоту освободиться и въ остальныхъ! Къ тому же, какъ извѣстно, забота объ этомъ возбужденіи вкуса къ свободѣ въ крѣпостныхъ людяхъ возлагалась на самихъ помѣщиковъ; правительству же, послѣ множества либеральныхъ фразъ, давался совѣтъ не увлекаться однакоже ими, а остановить свою освобождающую десницу, потому что свобода—драгоцѣнный нектаръ, который можетъ быть вливаемъ только въ сосуды, совершенно чистые! [5]) И такіе курьезы мысли не составляли чего либо исключительнаго, объясняемаго ограниченностью и бездарностью такого писателя, какъ г-нъ Беарде де л'Аббей. Въ сущности тоже, толь-

[5]) И все это еще не такъ давно признавалось у насъ въ печати заслуживающимъ предпочтенія Русскому труду по тому же вопросу А. Я. Полѣнова, который при всей „осторожности", свойственной вѣку, все же предлагалъ нѣкоторыя положительные шаги для улучшенія быта крестьянъ.

ко въ менѣе угловатой формѣ, высказалъ и знаменитый Жанъ-Жакъ, когда нѣкоторые Поляки обратились къ нему съ просьбою составить проэктъ новаго уложенія для ихъ отечества. Конечно, авторъ „Contract social“ не могъ не обратить вниманія на невыносимость положенія простаго народа въ Польшѣ; но къ освобожденію его онъ предлагаетъ приступить съ постепенностью и осторожностью, достойною Беарде де л'Аббея. „Прежде чѣмъ освободить тѣла, надо освободить души“, т. е. нравственно приготовить къ свободѣ; эту фразу со смакомъ повторялъ у насъ, какъ извѣстно, Болтинъ, поддерживая авторитетомъ Руссо свою собственную проповѣдь *осторожности* по отношенію къ крестьянскому вопросу. Затѣмъ надо каждогодно опредѣлять извѣстное число крестьянъ, подлежащихъ освобожденію, въ видѣ награды за доброе поведеніе; а при объявленіи свободы такимъ избранникамъ надо имѣть въ виду извѣстнаго рода торжественность, которая дѣлала бы этотъ обрядъ трогательнымъ и вѣчно-памятнымъ (т. е. дѣйствующимъ также, какъ красивый покрой одежды у Беарде де л'Аббея). Наконецъ, Руссо находитъ необходимымъ позаботиться о способѣ вознагражденія господъ соразмѣрно числу тѣхъ крестьянъ, которые будутъ найдены достойными свободы (т. е. о вознагражденіи ихъ за *души* крестьянъ, такъ какъ о *надѣлѣ* тутъ не говорится). Непремѣнно вѣдь надо устроить такимъ образомъ, замѣчаетъ Руссо, чтобы освобожденіе раба не становилось тяжелымъ для господина, а напротивъ приносило ему почетъ и выгоду. Такимъ образомъ даже и тотъ изъ литературныхъ великановъ XVIII вѣка, котораго скорѣе всѣхъ другихъ можно назвать демократомъ и который къ тому же, пламенно возставая противъ теоріи эгоизма, не исключалъ христіанскаго самоотверженія изъ своей: „Profession de foi du vicaire Savoyard“,—даже и онъ считалъ нужнымъ, освобождая крѣпостныхъ, дѣйствовать не только съ крайнею медленностью, но и безъ малѣйшаго ущерба для личнаго интереса господъ. И въ этомъ не слѣдуетъ видѣть уступку, сдѣланную имъ господствовавшему въ Польскомъ обществѣ направленію, чтобы не запугать этого общества болѣе смѣлымъ проэктомъ: даже въ самомъ независимомъ и капитальномъ своемъ трудѣ, высказываясь съ полною откровенностью, Руссо, коснувшись политической жизни Аѳинянъ, говоритъ: „Работы справляли за нихъ рабы, ихъ же великой работой была—ихъ свобода“. „Какъ, спрашиваетъ онъ, свобода однихъ достигается не иначе, какъ цѣною рабства другихъ? Можетъ быть! Есть такія несчастныя положенія, въ которыхъ гражданинъ не можетъ быть вполнѣ свободнымъ, если рабъ не будетъ вполнѣ рабомъ“. Далѣе, обращаясь къ тѣмъ современнымъ ему народамъ, у которыхъ уже не было рабства, Руссо восклицаетъ: „Вы гордитесь, что у васъ нѣтъ рабовъ; но за то вы сами—рабы“ (Contrat socal).

Во всемъ этомъ, не смотря на свои часто-враждебныя отношенія къ корифеямъ XVIII вѣка, Руссо, хотя и вызвавшій противъ себя ихъ ожесточенную ненависть, является однакоже истиннымъ сыномъ этого вѣка: и онъ въ сущности понимаетъ свободу, какъ такую ея *полноту*, которая можетъ доставаться только немногимъ, только *соли земли*, потому что такая свобода должна неминуемо развиваться въ ущербъ другимъ.

Но съ самою, можно сказать, циническою откровенностью такое воззрѣніе высказываетъ умственный владыка XVIII вѣка, какъ его иногда называли, le roi Voltaire. „Сказать вамъ правду, пишетъ онъ своему другу Дамилавилю, я нахожу даже необходимымъ, чтобы существовала невѣжественная толпа: если бы вамъ приходилось, какъ мнѣ, заботиться о воздѣлываніи земли, то и вы бы пришли къ моему мнѣнію. Quand la populace

se mêle de raisonner, tout est perdu [1]). На эту сторону у Вольтера давно уже обратили вниманіе нѣкоторые изслѣдователи Нѣмецкіе, а изъ его соотечественниковъ, какъ извѣстно, рьяно напалъ на него за это Луи-Бланъ: Non, Voltaire n'aimait pas assez le peuple, etc [2]). Зато Руссо у Луи-Блана вполнѣ выгораживается, какъ провозвѣстникъ иного, высшаго ученія (далѣе развивающагося въ наше время); но выше показано, какую обильную дань заплатилъ и Руссо господствующему духу XVIII вѣка.

Нѣтъ, вліяніе этого духа не могло положить у насъ конецъ крѣпостному праву. Оно только перебросило нашихъ полуневѣжественныхъ, или даже совершенно невѣжественныхъ, барычей изъ ханжества и изувѣрства въ скороспѣлый казовой атеизмъ, который могъ лишь поддерживать въ нихъ крѣпостничество, усиливая презрѣніе къ народу, не перестающему простодушно вѣровать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на нашей академической выставкѣ была небольшая, но многосодержательная картина: оборванный, испитой и прохваченный страхомъ крестьянинъ стоитъ передъ бариномъ, который, въ одеждѣ XVIII вѣка, сидя въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ, очевидно ведетъ съ нимъ отеческую расправу за его провинности; а на стѣнахъ кабинета—Вольтеръ и Руссо!!

Конечно, на нѣкоторыхъ выдающихся представителей нашего общества духъ XVIII вѣка могъ дѣйствовать глубже и благотворнѣе; но и имъ онъ не въ силахъ былъ сообщить готовность провести, во что̀ бы ни стало, въ жизни тѣ начала человѣчности и свободы, которыя несомнѣнно въ немъ сказывались, но имъ же самимъ, его внутренними противорѣчіями, и подрывались. Геніяльная Екатерина II-я и чрезъ задачу, отправленную въ Вольно-Экономическое Общество, и другими способами старалась провѣдать, не окажется ли наше общество расположеннымъ къ освобожденію крестьянъ, но не встрѣтила такого расположенія въ большинствѣ, а также и въ томъ выдающемся, по мнѣнію современниковъ, представителѣ нашей литературы, къ которому она обратилась и который отвѣчалъ, что собакѣ, конечно, не нравится цѣпь, но господину вслѣдствіе этого не спустить же ея съ цѣпи, хотя тотъ же писатель не мало надергалъ въ свои трагедіи либеральныхъ тирадъ изъ Вольтера [3]). Великой государынѣ за-

[1]) Не имѣя подъ руками всѣхъ нужныхъ книгъ, я привожу свои цитаты по памяти, а потому и не могу ручаться за ихъ *буквальную* точность (за вѣрность смысла, конечно, вполнѣ ручаюсь).

[2]) Бѣлинскій, какъ мы теперь узнаёмъ изъ послѣдней статьи о немъ А. Н. Пыпина, не соглашался съ этимъ отзывомъ Луи-Блана. Но онъ, очевидно, находился подъ живымъ впечатлѣніемъ лучшихъ сторонъ Вольтера — по всей вѣроятности, его дѣйствительно-славнаго ратованія противъ изувѣрства (по поводу его тогдашнихъ жертвъ) и т. п. Если бы Бѣлинскій покороче узналъ Вольтера и *со всѣхъ сторонъ*, то не сталъ бы, конечно, сердиться на Луи-Блана.

[3]) Въ сущности, впрочемъ, и циническія замѣчанія Сумарокова на „Наказъ“ Екатерины совпадаютъ съ откровенными мнѣніями того же Вольтера, высказанными въ его перепискѣ. Когда, на примѣръ, Сумароковъ тутъ спрашиваетъ: „гдѣ же, если освободить крестьянъ, помѣщики будутъ брать себѣ поваровъ, кучеровъ?“, и т. д., то развѣ это, въ болѣе грубой формѣ, не тоже, что̀ приведенныя выше слова Вольтера Дамилавилю: „я нахожу необходимымъ, чтобы существовала невѣжественная толпа; да и вы бы были моего мнѣнія, еслибы вамъ приходилось, какъ мнѣ, воздѣлывать землю“? А заключительная фраза Сумарокова: „нашъ подлый народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“, по достоинству, право, совсѣмъ не ниже фразы Вольтера: „quand la poulace se mêle de raisonner, tout est perdu“.

тѣмъ приходилось, при содѣйствіи только весьма немногихъ изъ нашего образованнаго общества, опереться на Русскій *народъ*, на вѣру въ него и любовь къ нему; но ни такой вѣры, ни такой любви по отношенію къ простому народу не былъ въ силахъ ей сообщить сухой и умственно-барскій духъ XVIII вѣка. Къ тому же въ тѣхъ запискахъ, которыя вела она еще въ молодости [1]), она сама сознается, что любитъ, не смотря на свой *esprit philosophique*, старые аристократическіе роды и что ей больно видѣть ихъ доведенными *quasi à la mendicité* (въ сущности такая любовь была вполнѣ совмѣстима съ этимъ *esprit philosophique*, несовмѣстнымъ только съ настоящей любовью къ простому, темному люду). А этимъ аристократическимъ родамъ было такъ легко увѣрить, что освобожденіе крестьянъ и довело бы ихъ *quasi à la mendicité*; имъ это было во всякомъ случаѣ легче, чѣмъ на оборотъ достигнуть того, чтобы увѣрить ихъ въ совмѣстимости такого освобожденія съ ихъ интересомъ. Поступить же противъ ихъ „убѣжденія" въ подобной несовмѣстимости, помимо ихъ воли, или даже на зло имъ, освободить крестьянъ, значило бы совершить насиліе, пожертвовать—и кѣмъ же? людьми утонченнаго образа жизни, способными къ высшимъ человѣческимъ наслажденіямъ; для кого-же?—для какой-то грубой толпы, въ которой еще не пробуждена самая потребность свободы, для этой, совершенно довольной своимъ невѣжествомъ (безвыходность котораго даже необходима для успѣховъ и выгодъ просвѣщеннаго класса) тупоголовой *canaille*, какъ величали его просвѣтители вѣка, высокомѣрно предоставляя на долю ея *l'infâme*, т. е. *„побѣжденное"* [2]) ими самими христіанство. Наконецъ, круто повернуть дѣло, рѣшившись опереться на этотъ грубый народъ, значило бы обречь себя на неприлично-тягостную борьбу съ „образованнымъ" классомъ, на зло издавнему, естественному влеченію именно къ нему; подавлять же свои влеченія было не въ духѣ вѣка, недаромъ же окончательно „побѣдившаго" средневѣковой „аскетизмъ". И вотъ, ради успокоенія этого, если на самомъ дѣлѣ и далеко не образованнаго, то утонченно живущаго класса, даже одновременно съ „Наказомъ" появляются мѣры въ родѣ предоставленія помѣщикамъ права ссылать своихъ крѣпостныхъ на каторгу или отнятія у крѣпостныхъ людей права приносить жалобы на своихъ владѣльцевъ. Такія мѣры, надо думать, должны были успокоительно подѣйствовать и на такого литератора, какъ Сумароковъ. Позже, наша литература, какъ бы захотѣвъ искупить тотъ позоръ, какимъ онъ ее покрылъ, приняла совершенно иное положеніе въ лицѣ Новикова, а потомъ Радищева, которому, сколько ни было у насъ писано и говорено противъ его сентиментальнаго риторизма и щегольства рѣзкимъ тономъ, все же принадлежитъ та честь, что онъ прямо заговорилъ объ освобожденіи крестьянъ даже *съ землею* [3]). Но имъ обоимъ пришлось окончить свое жизненное поприще очень неблагополучно, а вѣдомостямъ послѣднихъ годовъ нашего „философскаго вѣка" переполниться публикаціями о продающихся, по такой-то цѣнѣ, крѣпостныхъ дѣвкахъ

---

[1]) Напечатанныхъ, какъ извѣстно, въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества.

[2]) Въ смыслѣ Нѣмецкаго термина: überwunden.

[3]) Въ главѣ „Хотиловъ", въ помѣщенномъ тутъ „проэктѣ въ будущемъ", сказано ясно: *„удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностью"*. Считаю нужнымъ напомнить при этомъ о замѣткѣ-вопросѣ, помѣщенной мною въ концѣ послѣдней книжки прекратившагося журнала „Бесѣда", вслѣдствіе отзыва о Радищевѣ князя Вяземскаго, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ".

или парняхъ, годящихся въ кучера или повара. И это въ сущности мало повредило славѣ нашего „философскаго вѣка“ въ просвѣщенныхъ салонахъ Франціи. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что Дидрò, хотя и рѣшившійся заговорить съ знаменитой княгиней Дашковой о томъ, не пора ли освободить крестьянъ, не лишилъ ея своей дружбы послѣ того, какъ она оказалась, при всемъ своемъ „философскомъ духѣ“, упорной защитницей крѣпостнаго права. Да и не ссориться же, въ самомъ дѣлѣ, изъ за какихъ-то тамъ мужиковъ съ просвѣщенною женщиною, въ роскошномъ салонѣ которой такъ привольно было *faire de l'esprit* за разными утонченными наслажденіями!

Да, духъ XVIII-го вѣка слишкомъ мало подвинулъ у насъ впередъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. А пока они оставались въ крѣпостномъ состояніи, и наша политика въ „областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши“, не могла, само собой разумѣется, принять единственно для нея пригодное народное направленіе.

Но духъ XVIII вѣка продолжалъ у насъ сказываться и въ началѣ XIX-го. Вскормленный этимъ духомъ Лагарпъ, этотъ республиканецъ по происхожденію (но вѣдь и Польша была *республика*), приглашенный Екатериной въ воспитатели къ Александру Павловичу, пламенно отзывался передъ своимъ державнымъ воспитанникомъ о республиканскихъ доблестяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ (которые, однакоже, уживались съ рабствомъ) и выводилъ самыя смѣлыя заключенія изъ событій Европейской исторіи ближайшихъ вѣковъ, а все-таки попалъ подъ вліяніе Остзейскихъ бароновъ, плѣнившихъ его, вѣроятно, своимъ „просвѣщеніемъ“, и императору Александру I, возъимѣвшему, подобно Екатеринѣ II, благую мысль объ освобожденіи крестьянъ, пришлось, вмѣсто поддержки со стороны своего либеральнаго воспитателя, выслушивать отъ него совершенно неожиданные совѣты—быть крайне осторожнымъ въ такомъ рискованномъ дѣлѣ. Дешевыми и мало полезными оказались заносчивые уроки Лагарпа о древнихъ республиканцахъ и объ Англійской революціи;—державному внуку Екатерины гораздо нужнѣе бы было правдивое изложеніе данныхъ отечественной исторіи, способное поселить въ немъ глубокое уваженіе и пламенную любовь къ своему народу, вмѣстѣ съ твердою вѣрою въ него. Въ частности надо было умѣть показать, какъ долго народъ этотъ и не зналъ о крѣпостномъ правѣ, когда и почему оно завелось, и какъ справедливо, и въ сущности даже не особенно трудно, вытравить этотъ гнойный наростъ изъ нашего организма. Но настоящаго понятія о Русской исторіи не могъ сообщить Александру Павловичу и Русскій наставникъ его, хотя и весьма почтенный, М. Н. Муравьевъ, воспитанный самъ въ отвлеченно-гуманномъ и риторическомъ духѣ XVIII-го вѣка. Настоящаго понятія о Русской исторіи не могъ и впослѣдствіи дать ни государю, ни обществу, даже капитальный, по справедливости знаменитый въ столь многихъ отношеніяхъ, но все-таки пропитанный духомъ того же XVIII вѣка, историческій трудъ Карамзина. Постоянно удерживаемый отъ освобожденія крестьянъ, Александръ Благословенный, не рѣшившись какъ и Екатерина, на это великое дѣло, долженъ былъ усвоить себѣ и ея далеко не вполнѣ народную политику по отношенію къ „областямъ, возвращеннымъ отъ Польши“. Когда же наконецъ онъ дошелъ въ этой политикѣ своей (чтò конечно, ужаснуло бы Екатерину) до готовности отдать возстановляемой Польшѣ возвращенныя отъ нея наши области, Карамзинъ, какъ извѣстно, съ истиннымъ мужествомъ гражданина, открыто возсталъ противъ такого намѣренія. Но на чтò же пришлось при этомъ ссылаться нашему исторіографу? *На право меча* или, такъ сказать, на весьма не глубокомысленную пословицу: „чтó взято, то свято“. Вотъ къ какой государственной

мудрости невольно пришлось придти воспитаннику „философскаго вѣка". Духъ этого послѣдняго выразился и въ томъ, что тутъ преудобнымъ образомъ отодвигалось въ сторону христіанство: оно, можетъ быть, хорошо въ частной жизни, но въ политикѣ оно не годится. И при этомъ какъ будто бы забывалось, что въ данномъ случаѣ мечъ и не думалъ *отнимать чужаго*, а только *возвращалъ свое*, а потому всего проще бы было, безъ всякаго отодвиганія въ сторону христіанства, опереться на то, что край этотъ *нашъ*, въ силу того, что въ немъ *нашъ народъ*, народъ, которому было невыносимо-худо подъ чужою властью, и который по христіанству и слѣдовало освободить; да, но *освободить вполнѣ*, а не оставлять подъ прежнею властью того же враждебнаго панства. Но договариться до этого исторіографъ не могъ — такъ какъ мысль о необходимости освобожденія Русскаго народа въ областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, должна бы неминуемо привести и къ мысли объ освобожденіи Русскаго народа во всей землѣ Русской. А Карамзинъ, какъ представитель XVIII вѣка въ XIX-мъ, считалъ такое освобожденіе преждевременнымъ. И вотъ сентиментальному гуманисту, щадившему крѣпостныя отношенія, пришлось опереться на *право меча*, какъ на верховную силу въ политикѣ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ отдѣленіи этнографіи Русскаго Географическаго Общества, поднимался вопросъ о томъ, не умѣстно ли было бы въ немъ отпраздновать столѣтнюю годовщину возвращенія нашего Сѣверо-Западнаго края подъ Русскую державу при Екатеринѣ II; но мысль эту нельзя было провести потому, что отдѣленіе этнографіи имѣетъ право становиться только на этнографическую точку зрѣнія: для него важно дѣйствительное возрожденіе въ краѣ *Русской народности*, а не одно его возращеніе *Русскому государству*. Между тѣмъ столѣтіе возстановленія въ этомъ краѣ историческихъ правъ Русскаго народа можетъ праздноваться только нашими потомками; это празднованіе неразрывно свяжется съ именемъ не Екатерины II, а Того, Чья память будетъ благословляться изъ рода въ родъ и въ столѣтнія годовщины освобожденія крестьянъ. Только твердой рѣшимости Александра Втораго провести великое дѣло, которое откладывали, скрѣпя сердце, его предшественники, мы обязаны тѣмъ, что позорная печать рабовладѣльчества снята наконецъ съ нашего отечества. И только по совершеніи этого подвига оказалось возможнымъ совершить и другой: въ областяхъ, давно возвращенныхъ отъ Польши, вывести наконецъ нашъ народъ изъ подъ продолжавшагося и послѣ того ига Польскаго. Дѣло общаго закрѣпощенія Русскаго народа, когда-то совершенное изъ особыхъ экономическихъ видовъ нашею государственною властью, въ силу ея неограниченнаго права, не позволило царю Алексѣю Михайловичу отказывать старшинѣ казацкой въ ея крѣпостническихъ требованіяхъ и заставляло и его преемниковъ, до позднѣйшаго времени, во всѣхъ возсоединяемыхъ съ Россіею областяхъ постоянно поддерживать иго чужихъ, или ставшихъ чужими, надъ своими кровными. Но намъ досталось счастіе быть свидѣтелями, какъ таже власть государственная, признавъ окончательно вредною когда-то допущенную ею мѣру, воспользовалась тѣмъ же неограниченнымъ своимъ правомъ, чтобы отмѣною этой мѣры возвратить родному народу его исконную свободу. И вотъ вскорѣ затѣмъ намъ же довелось, въ силу исторической логики, быть также и свидѣтелями того, какъ древнія области наши, давно уже возсоединенныя съ державой Россійской, наконецъ-то были ею возвращены и родной народности. Пусть же за царствованіемъ, въ которомъ живемъ мы, и останется нераздѣльно въ исторіи неоспоримо-свѣтлая слава того и другаго подвига.

8 Іюля 1875 года. *Орестъ Миллеръ.*

Павловскъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО *).

Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. 2 тома. Москва 1872.

МАСТЕРА ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Иконописцы и живописцы первые были призваны на послуги Петра и едвали не болѣе всѣхъ имѣли возбуждающаго вліянія на развитіе въ немъ умственной дѣятельности и любознательности, сообщая ему нагляднымъ образомъ, посредствомъ потѣшныхъ книжекъ и разныхъ потѣшныхъ вещицъ, первоначальныя свѣдѣнія о предметахъ, доступныхъ для его дѣтскаго возраста. Картинки, называвшіяся тогда потѣшными или фряжскими [1]) листами, и изготовлявшіяся по образцамъ, придворными иконописцами, послужили для него главнымъ источникомъ и первымъ средствомъ образованія. Любуясь картинками, Петръ незамѣтнымъ образомъ знакомился не только съ предметами окружавшей его повседневной дѣйствительности, но и съ такими, которыхъ не имѣлъ возможности видѣть на самомъ дѣлѣ: онъ пріобрѣталъ понятія о разныхъ „градахъ, палатахъ, корабляхъ", даже о „бѣгахъ небесныхъ", а также о разныхъ лицахъ отечественной исторіи изъ книгъ царственныхъ. О такихъ книгахъ въ Сборникѣ не упоминается; но что Петръ дѣйствительно ими пользовался, это видно изъ переписки дворецкаго и дьяковъ 1682 года, 15-го и 23-го Сентября: „Да приказалъ окольничей Т. М. Стрѣшневъ прислать въ походъ же (въ с. Воздвиженское) книгу царственную, въ которой писаны персоны благочестивыхъ князей и царей Россійскихъ".... (Но видно, книга не была выслана, и потому потребована снова)... „Да прислать книгу царственную, откуда произыде корень великихъ государей: спрашиваютъ въ хоромы къ царю Петру Алексѣевичу" [2]).

Конечно, не всѣ произведенія этихъ мастеровъ, также какъ и мастеровъ въ другихъ родахъ, имѣли непремѣнно воспитательное и образовательное значеніе для Петра; но всѣ они, такъ или иначе, приносили Петру извѣстную долю пользы.

Воинскую охоту возбудили, развивали, затѣмъ и поддерживали всего болѣе разнообразныя издѣлія тѣхъ же мастеровъ: ими изготовлялись и прапорцы, и лучки, и деревянные карабины, и барабаны, и все вообще игрушечное оружіе для Петра и для робятокъ-сверстниковъ, съ которы-

---

*) См. выше, стр. 470.

[1]) Фряжскіе совсѣмъ не то, что Нѣмецкіе, хотя многіе и смѣшиваютъ эти понятія. Фряжскій значитъ собственно Итальянскій и даже частнѣе Венеціанскій, и ничего болѣе. Это вполнѣ доказано г. В. Румянцовымъ въ его статьѣ: „Свѣдѣнія о гравированіи и граверахъ при Московскомъ печатномъ дворѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ". Москва 1870.

[2]) Бытъ Рус. Царицъ, г. Забѣлина. Прилож., стр. 135—136. Двѣ книги царственныя находятся въ патріаршей (синодальной) библіотекѣ; каждая въ большой листъ; вверху страницы рисунокъ, а внизу текстъ, писанный отличнымъ, крупнымъ уставомъ.

ми потѣшался онъ этими играми. Все это раскрашивалось Венецейской ярью, шафраномъ, серебромъ, золотомъ; а дѣтямъ, извѣстно, всего болѣе и нравятся хорошенькія, блестящія вещицы.

Не имѣя въ виду излагать подробно ни исторію художествъ, ни біографію мастеровъ того времени (такъ какъ это не можетъ и входить въ предѣлы взятой нами на себя задачи—обзора собственно Сборника), мы считаемъ себя въ правѣ упомянуть однако о нѣкоторыхъ изъ этихъ тружениковъ, особенно замѣтныхъ, по документамъ Сборника, своими работами лично для Петра. Первое мѣсто занимаютъ при этомъ иконописцы и живописцы, а за тѣмъ уже мастера въ другихъ родахъ.

Старѣйшее извѣстіе, которымъ начинается Сборникъ, относится къ написанію иконописцемъ Козловымъ тезоименитаго образа Апостола Петра, въ мѣру возраста новорожденнаго царевича. Это важное дѣло поручено было сперва, какъ говоритъ г. Забѣлинъ, извѣстному въ то время иконописцу Симону Ушакову; но Ушаковъ, успѣвъ только назнаменить (сдѣлать абрисъ или контуръ) образъ, заболѣлъ и за болѣзнію не могъ его написать [3]). Дѣло между тѣмъ не терпѣло отлагательства, и тогда образъ велѣно написать другому, не менѣе въ то время искусному иконописцу Оружейной Палаты Өедору Козлову, которымъ и написанъ былъ образъ къ 29 Іюня 1672 г. на кипарисной цкѣ, длиною $^3/_4$ арш., шир. 3 верш., изготовленной Оружейныя же Палаты иконописцемъ Егоромъ Зиновьевымъ. Впослѣдствіи этотъ образъ былъ поставленъ надъ гробницею Петра Великаго.

Въ старину, когда вѣра, если не была разумнѣе, за то живѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ въ наше время и, какъ неугасимый свѣточъ, сопровождала нашихъ предковъ на всѣхъ жизненныхъ путяхъ отъ колыбели до могилы; въ старину, комнатные или домовые образа́, особенно въ царскомъ быту, почти никогда не были произведеніемъ случайности, а писались обыкновенно по поводу и на память особенныхъ,—хотя не всегда чрезвычайныхъ, событій, такъ что написаніе такой или другой домашней иконы всегда пріурочивалось къ извѣстному обстоятельству въ жизни тѣхъ лицъ, для коихъ онѣ были писаны. Радостные или горестные случаи въ семейной, а тѣмъ болѣе въ общественной жизни, благополучный или неблагопріятный исходъ какого-либо, болѣе или менѣе важнаго дѣла, представленіе грозящей въ будущемъ опасности и естественное желаніе отклонить ее отъ себя, рожденіе новаго члена въ семействѣ, брачный союзъ, постройка новыхъ хоромъ, и прочее,—все это вызывало въ душахъ вѣрующихъ прежде всего благочестивыя мысли, съ особенною силою возносило ихъ умъ и сердце къ Всеблагому Промыслителю и, въ ознаменованіе живой вѣры и упованія на Него, писались иконы: Спаса Всемилостиваго, тезоименитаго угодника, или такого святаго, на ходатайство и заступленіе коего предъ Богомъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, возлагалась особенная надежда.

На томъ же основаніи и написаніе тѣхъ или другихъ иконъ собственно для Петра, особенно во время его дѣтства, непремѣнно имѣло свою знаменательность, свой не только благочестивый, но и историческій смыслъ, также какъ имѣло свой смыслъ и то, ликъ какого именно угодника изображался на иконѣ.

Изъ множества иконъ, писанныхъ для Петра въ разное время разными иконописцами, упомянемъ только о нѣкоторыхъ, написаніе коихъ, по нашему мнѣнію, имѣло именно свою знаменательность.

---

[3]) Опыты Изслѣд. Ист. и Др. Дѣтскіе годы Петра В. I, 6.

„Въ Октябрѣ 1684 года иконописецъ Михайло Милютинъ написалъ образъ Всемилостиваго Спаса, стояща со крестомъ, мѣрою цка въ вышину 3 чети, въ ширину 9 вершковъ, въ хоромы къ в-му г-рю Петру Алексѣевичу“. Подъ тѣмъ же 1684 годомъ приведено слѣдующее указаніе: „Лѣта 7193, Ноября въ 20 день, по указу... в-іе г-ри.... пожаловали стольника Петра Петрова сына Зиновьева, за его службу, что онъ въ 196 году въ смутное время, какъ они в-іе г-ри изволили быть въ походѣ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, посыланъ отъ нихъ в-ихъ г-рей изъ с. Воздвиженскаго къ Москвѣ съ ихъ государскими грамотами о ихъ государскомъ и земскомъ дѣлѣ, къ святѣйшему Іоакиму, патріарху Московскому и всеа Россіи и къ боярамъ на́-скоро и въ той посылкѣ учинилъ о всемъ по ихъ в-кихъ г-рей указу: велѣно ему своего государскаго жалованья дать кубокъ серебряной вызолоченъ съ кровлею, вѣс. въ $1^1/_2$ фунта, да кафтанъ золотной на соболяхъ, цѣною во сто рублевъ“.

Сопоставляя это указаніе съ одновременнымъ написаніемъ образа Спаса Всемилостиваго, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: не на память ли того же смутнаго времени, или вѣрнѣе избавленія отъ ужасовъ того времени, сооружена эта святыня? Если такъ, то этотъ образъ, конечно, служилъ для Петра живымъ напоминаніемъ тѣхъ душевныхъ потрясеній, какія испыталъ онъ въ Маѣ мѣсяцѣ злополучнаго 1682 года и тѣхъ неистовствъ, какія онъ видѣлъ и отъ которыхъ, силою и благостію Спаса Всемилостиваго, избавился какъ онъ самъ, такъ и народъ Русскій.

„1685 году Марта 2, къ в. г. Петру Алексѣевичу... въ хоромы, окольничей Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ приказалъ сдѣлать въ Оружейной Палатѣ цку иконную липовую, мѣрою въ вышину 13 вершк., въ ширину тоже, и написать на ней образъ Пресвятой Богородицы Знаменія; на другой сторонѣ образъ Апостола Петра, мученицы Наталіи. И Марта въ 6 день тоё цку, изъ столярскихъ палатъ, сдѣлавъ, принесли, и отдана писать иконописцу Егору Терентьеву съ учениками.... Марта 28-го, велѣно купить ему же Терентьеву зелени, киноварю по 12 золотн., бѣлилъ Русскихъ $^1/_2$ ф., для письма этого образа.... И Апрѣля въ 20 день иконописецъ Егоръ Терентьевъ, вышеписанную икону написавъ, принесъ, и та икона къ в-му г-рю въ хоромы подана; принялъ окольничей Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, взносилъ думный дворянинъ Михайло Тимоѳеевичъ Лихачевъ“.

Чѣмъ было вызвано написаніе этой иконы?

Въ этомъ году царевна Софія, какъ извѣстно, титуловалась уже самодержицею, и, между тѣмъ какъ ненавистная ей мачиха лишена была всякаго значенія, она, вмѣстѣ съ своими главными сотрудниками и оберегателями, княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Шакловитымъ, твердо надѣялась удержаться на случайно занятомъ ею престолѣ, удержать въ своихъ „окровавленныхъ“ рукахъ незаконно захваченную власть, если не на всегда, то на долго, тѣмъ болѣе что, послѣ женитьбы брата Ивана (9 Янв. 1684 г.), отъ которой можно было ожидать дѣтей, ей во всякомъ случаѣ открывалась возможность сохранить за собою власть подъ видомъ опеки. Но въ то время Петру было уже почти тринадцать лѣтъ, а извѣстно, что когда онъ былъ еще 11-ти лѣтъ, то иностранцу Кемпферу показался 16-лѣтнимъ... Число Преображенцевъ умножалось, обаяніе военныхъ потѣхъ Петра быстро возрастало и овладѣвало умами; сторона его видимо усиливалась. 13 Февраля сдѣланъ былъ Петромъ въ село Преображенское блестящій походъ, въ которомъ („велѣно быть за нимъ“) сопровождали его трое бояръ, двое

окольничихъ, двое думныхъ дворянъ, 41 стольникъ и множество стряпчихъ (ихъ исчислено въ документѣ 22, но прибавлено, что столбецъ безъ конца, Сборникъ I, 55—56.), не говоря уже о численности нижняго чина людей.

Для чего предпринятъ такой небывалый [4]) походъ? Небывалымъ мы называемъ его потому, что всѣ прежніе походы въ разныя мѣста: на Воробьево, въ Коломенское, въ Измайлово, и проч., не представляли собою ничего подобнаго относительно численности сопровождавшихъ государя лицъ, и вовсе не имѣли того торжественнаго, такъ сказать, характера, какой (по документу) приданъ былъ этому походу.

Мы полагаемъ, что этотъ необычайный походъ имѣлъ цѣлью торжество закладки, или же торжественное освященіе первыхъ построекъ потѣшнаго городка; полагаемъ на томъ основаніи, что постройка этой крѣпостцы, названной потомъ Пресбургомъ, начата была именно въ Февралѣ этого года.

Царица Наталья Кириловна, съ одной стороны оскорбленная въ своемъ достоинствѣ (котораго лишена была происками падчерицы), съ другой, тревожась за судьбу свою и своихъ дѣтей, но въ тоже время радуясь возраставшимъ воинскимъ успѣхамъ сына и той любви, которою окружало его тогдашнее молодое, свѣжее поколѣніе, царица-мать смиренно вручаетъ себя и дѣтей своихъ покровительству Царицы Небесной и тезоименитыхъ святыхъ. Вотъ причина или, вѣрнѣе, совокупность причинъ, вызвавшихъ написаніе образа: Пресвятой Богородицы Знаменія на одной сторонѣ цки, и Апостола Петра съ мученицею Наталіею на другой.

Если подъ образомъ Знаменія и не былъ написанъ, то конечно былъ въ сердцѣ и памяти набожной царицы многознаменательный тропарь на празднованіе этого образа [5]).

А такъ какъ на одной и той же цкѣ (а не на двухъ отдѣльныхъ), были изображены и Знаменіе и Апостолъ Петръ съ мученицею Натиліею, то въ отношеніи къ новоустроивавшейся крѣпостцѣ, съ маленькихъ башенъ которой вскорѣ затѣмъ раздался громъ пушекъ, столь непріятно поразившій Софію и не на шутку встревожившій спокойствіе нечистой совѣсти, икона эта имѣла значеніе, въ собственномъ смыслѣ, священнаго знамени, хоругви, подъ сѣнію которой юный государь, посредствомъ потѣшныхъ браней, дѣятельно готовился къ дѣйствительнымъ бранямъ съ врагами внутренними и внѣшними.

„11 Янв. 1692 году в-іе г—ри указали.... въ Переславль Залѣской, въ свои государскіе хоромы, написать живописцомъ 11 образовъ на полотнахъ, въ готовыя рамы, добрымъ мастерствомъ, мѣрою въ длину по

---

[4]) М. П. Погодинъ говоритъ объ этомъ походѣ, что это „былъ какой-то особенный походъ"..., и даже не обозначаетъ—куда (Семн. лѣтъ, стр. 110); между тѣмъ въ Сборникѣ (т I, стр. 271) есть ясное указаніе, что это былъ походъ именно въ Преображенское, а не въ другое какое-либо мѣсто. „14-го (Февраля 1685 г.), мастерскія палаты завязочнику Терентью Артемьеву въ походъ, въ село Преображенское, на провозъ 2 алт.; посыланъ онъ съ рукавицы да съ водкою цефаликовою (?)". А наканунѣ, 13 Февраля, послано было туда же два фунта пороху (стр. 66).

[5]) „Яко необоримую стѣну и источникъ чудесъ стяжавше тя, раби твои, Богородице Пречистая, сопротивныхъ ополченія низлагаемъ; тѣмъ же молимъ тя: миръ граду Твоему даруй и душамъ нашимъ велію милость".

2 арш., въ ширину по аршину, и въ томъ числѣ четыре образа Спасовыхъ, 4 образа Богородичныхъ, образъ святыя мучиницы Наталіи въ моленіи у Вседержителя, образъ Алексѣя человѣка Божія [6]), да Александра Невскаго [7]) въ моленіи Нерукотвореннаго образа, образъ святаго Апостола Петра да Преподобномученицы Евдокіи въ моленіи у Вседержителя стоящіе, а написавъ тѣ образы прислать въ Приказъ Большаго Дворца, къ боярину къ Петру Аврамовичу Лопухину съ товарищи; а сколько къ тому дѣлу золота, серебра, и красокъ, и полотенъ въ расходѣ будетъ по цѣнѣ, о томъ отписать же".

Чѣмъ вызвано было написаніе этихъ образовъ, назначавшихся въ Переславль Залѣскій, это вовсе не требуетъ и объясненія. Очевидно, что (за исключеніемъ образовъ Спасовыхъ и Богородичныхъ) все это образа̀ тезоименитые членамъ родной семьи царя Петра. Онъ хотѣлъ, чтобы „ангелы" ихъ были покровителями и охранителями того дѣла, которому полагалъ основаніе на Плещеевѣ озерѣ; иначе сказать, онъ желалъ и въ написаніи этихъ образовъ оставилъ какъ бы завѣщаніе, чтобы потомки его не оставили втунѣ, но продолжали начатое имъ великое дѣло — созданіе Русскаго флота...

Какіе именно мастера писали эти образа, неизвѣстно. Сказано только, что ихъ писали живописцы. Это значитъ, что между иконописцами и живописцами того времени, относительно дѣятельности тѣхъ и другихъ, строгаго разграниченія не существовало.

Если образа́, во время Петра, писались безразлично иконописцами и живописцами (не было ли развѣ особенности только въ томъ, что иконописцы писали образа́ на цкахъ, а на полотнахъ такіе же образа́ писались живописцами?), то тѣмъ менѣе могло быть отчетливаго раздѣленія труда въ изготовленіи для царевича Петра его потѣшекъ. Какъ тѣ, такъ и другіе (иконописцы и живописцы), дѣлали все, что̀ имъ было велѣно и что̀ они умѣли дѣлать. О спеціальности талантовъ, о различіи работъ по внутреннему ихъ содержанію, не могло быть и рѣчи: давались ли для исполненія предметы духовнаго содержанія живописцамъ, или наоборотъ, свѣтскаго содержанія иконописцамъ, или же тѣмъ и другимъ поручалось исполнять какія-нибудь издѣлія изъ дерева (токарную или рѣзную работу), присоединивъ къ нимъ приличныя украшенія,—все это было совершенно въ порядкѣ вещей, и отказывался отъ работы лишь неумѣлый. Замѣтно здѣсь одно, не лишенное значенія, постоянное правило: потѣшныя книги и тетради для царевича писались исключительно иконописцами.

Еще не минуло Петру и году, какъ изготовлена была для него потѣшная книга. Съ 10 по 13-е Мая 1673 года, Костромскіе иконописцы Василій Осиповъ, Василій Кузьминъ, Артемій Тимоѳеевъ, Аксенъ Іонинъ, Климъ Осиповъ и Ярославецъ Борисъ Ивановъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, „писали въ набережныхъ хоромахъ въ хоромы царевичу Петру Алексѣевичу потѣшную книгу", за что получили государева жалованья кормовыхъ денегъ, всего на три дня, противъ указу в-го г-ря и прежнихъ дачъ, по 2 алтына по 2 деньги человѣку на день, и того шти человѣкомъ на три дня рубль 8 алт. 4 деньги". 8 Января 1675 г. иконописецъ Тимоѳей Рязанецъ (или Рязанцевъ) писалъ

---

[6]) Тезоименитаго царевичу Алексѣю Петровичу.

[7]) Тезоименитаго царевичу Александру Петровичу, родившемуся 3 Окт. 1692 г. (новый годъ считался еще съ Сентября).

для царевича еще потѣшную книгу въ четверть листа; на матеріалы выдано было ему 24 алт. Въ 1676 г. написана была еще потѣшная книга. Судя по извѣстіямъ 2-го и 20 Іюня этого года, надобно думать, что писали ее вмѣстѣ иконописцы Никифоръ Бовыкинъ и Ѳедоръ Матвѣевъ. Въ 1680 г. опять работаетъ Тимоѳей Рязанцевъ: Января 15-го ему дано 3 алт. 2 д. за шафранъ, которымъ онъ писалъ и расцвѣчивалъ потѣшныя тетради въ хоромы къ г. ц-чу Петру Алексѣевичу; а 17 Февраля заказаны ему новыя такія же тетради, и для этой цѣли выдано ему на $1/4$ ф. шафрану 1 р. 6 алт. 4 д.

Подъ этимъ же (1680) годомъ, 19 Марта, упоминается въ Сборникѣ объ оклейкѣ потѣшной книжки, сдѣланной неизвѣстно кѣмъ, о букварѣ и налоѣ учительномъ (стр. 229). Подъ 1682 г. Іюня 7, снова упоминается о налоѣ, „на которомъ учитца государь грамотѣ" (стр. 237). Значитъ, собственно-книжное ученіе (какъ уже замѣчено нами и выше) шло для Петра довольно туго, и если въ дѣтствѣ онъ пріобрѣталъ кой-какія свѣдѣнія научныя, то этимъ обязанъ былъ никакъ не книжному ученію, а именно потѣшнымъ книгамъ и тетрадямъ. „Разсматриваніе картинокъ, которыя издавна употреблялись для потѣхи царскихъ дѣтей, Петру послужило, вѣроятно (не вѣроятно, а дѣйствительно), первымъ источникомъ полезнаго образованія", замѣчаетъ М. П. Погодинъ. Фряжскіе листы, потѣшныя книги и тетради, особенно же то, что „любопытный ребенокъ хотѣлъ знать все, обо всемъ распрашивалъ, всякія объясненія на лету хваталъ, учители и дядьки не успѣвали отвѣчать на требованія, съ которыми онъ безпрестанно приставалъ къ нимъ: вотъ тѣ главные, первоначальные источники, которые „обогащали его въ дѣтствѣ, непримѣтно," свѣдѣніями историческими, географическими и всяческими" [8]).

*

Гораздо успѣшнѣе шла для Петра другая наука, наука практическихъ знаній, которую изучалъ онъ посредствомъ разныхъ потѣшныхъ издѣлій, изготовлявшихся тѣми же мастерами, иконописцами и живописцами и мастерами въ другихъ родахъ.

Особенно много потрудился въ дѣлѣ изготовленія для Петра игрушекъ живописецъ Иванъ Безминъ (или Безминовъ). Въ 1673 году онъ дѣлалъ для него двѣ кисти золотыя и ворворки (подвижные шарики на снуркахъ повыше кисти), обнизанныя жемчугомъ, по цѣнѣ 21 алт. 4 д.; тѣ кисти и съ снуркомъ золотнымъ привязаны къ цымбальцамъ маленькимъ потѣшнымъ. Въ слѣдующемъ году Безмину дано на золото, на серебро, на краски и на гульфарбу (гумерабикъ или вишневый клей) 5 р.; тѣмъ золотомъ и серебромъ и красками писалъ онъ 5 знаменъ маленькихъ по разнымъ тафтамъ, въ обѣ стороны, солнце и мѣсяцъ и звѣзды.... Въ 1675 г. дано ему на чепочку серебрянную да на серьги серебряныя съ каменьи рубль; велѣно ему Ивану сдѣлать „бабу деревянную, потѣшную, въ хоромы къ царевичу"..., „а чепь и серьги положить на тоё потѣшную бабу". Въ томъ же году Безмину заплачено за 200 листовъ золота, да за сто листовъ серебра 1 р. 23 алт. 2 д.; тѣмъ золотомъ золотилъ онъ Иванъ потѣхи царевичу... запасныя, статей со сто: булавъ, буздухановъ (тоже родъ булавы), ножиковъ, шестоперовъ (родъ булавы съ головкою, сдѣланною въ видѣ перьевъ стрѣлы), чекановъ (молотъ съ клевцомъ; клевецъ—знакъ военачалія въ видѣ остроконечнаго молоточка), топоровъ посольскихъ и простыхъ молотковъ, шариковъ". Черезъ

---

[8]) Семнадцать лѣтъ, стр. 18—19.

десять лѣтъ (въ 1685 году), тотъ же Безминъ дѣлалъ для царя Петра Алексѣевича налой точеный, столярской, мѣрою въ вышину $1^1/_2$ арш., въ ширину по размѣру, и „Февраля въ 8 день (1686 г.) тотъ налой росписанъ по черепашному и поданъ въ хоромы"…. Безмину, вмѣстѣ съ другимъ жалованнымъ живописцемъ Иваномъ Салтановымъ, 15 Апр. 1685 года, конечно, за многія ихъ работы, къ Свѣтлому Христову Воскресенью, вмѣсто объяри, дано жалованья по 10 р. человѣку" (стр. 273).

Другой живописецъ Дороѳей Ермолаевъ, въ 1675 г., писалъ для царевича столикъ, для чего куплено было четь фунта гульфарбы и четь фунта яри Веницейской на 1 р. 16 алт. 4 д. Въ концѣ этого года онъ „золотилъ пушечку съ станкомъ и съ колесцы, потѣшную, въ походъ въ село Преображенское", и кромѣ того золотилъ и красками росписалъ 5 древокъ, 5 прапоровъ тафтяныхъ, 4 топора круглыхъ, 3 топора съ обушками (обушекъ—знакъ военачалія), 2 топора простыхъ, 2 буздухана, 2 булавы, 4 ножика, 2 пары пистолей и карабиновъ; „тѣ потѣхи велѣно ему Дороѳею тѣмъ золотомъ и красками росписать: на прапорахъ звѣзды, на коймахъ травы, золотомъ и серебромъ по гульфарбѣ; древки и топоры и всякія потѣхи росписать по гульфарбѣ же цвѣтно"; тѣ потѣхи дѣланы для того же похода въ село Преображенское. Въ слѣдующемъ году онъ же Ермолаевъ золотомъ и красками писалъ для царевича потѣшныя игры: пару пищалей, пару пистолей, 3 булавы, 3 обушка, 3 топорка, 3 ножичка и барабанецъ маленькой. Въ 1685 г. Ермолаеву поручено было выаспидить зеленымъ аспидомъ (росписать подъ зеленый мраморъ) „шкатуну липовую съ перегородкою, въ перегородкѣ два ящичка вставныхъ…, а оправу желѣзную луженую—сдѣлать желѣзнаго прорѣзнаго дѣла мастеру Сафону Яковлеву…. И та шкатуна и оправа со всѣмъ противъ указу (т. е. согласно указу) сдѣлана и въ хоромы къ в. г-рю подана"…

Въ 1674 г. у торговаго человѣка Полуекта Елисеева куплены для царевича 9 лучковъ жильничковъ да 8 гнѣздъ северегъ (видъ стрѣлъ; еще встрѣчаются названія стрѣлъ—срѣзни и томары, подъ 1685 г., стр. 59). Иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ серебрилъ два лука маленькихъ…; а въ слѣдующемъ году Декабря 1-го куплено сто листовъ сусальнаго золота въ Оружейную Палату и отданы… иконописцамъ (уже нами упомянутымъ): Михаилу Милютину, Никифору Бовыкину, Тимофею Рязанцу; а велѣно имъ тѣмъ золотомъ написать 4 лучка недомѣрочковъ, потѣшные…, „а чтобъ были тѣ луки цвѣтные"… Иконописецъ Ѳедоръ Нянинъ золотомъ и серебромъ написалъ царевичу барабанецъ; а живописецъ Иванъ Богдановъ золотомъ и красками писалъ набатъ (небольшіе бубны или литавры) потѣшный. Въ 1679 году живописецъ Карпъ Ивановъ красками и золотомъ написалъ для царевича „на Александрійскомъ листу 12 мѣсяцевъ и бѣги небесные, противъ того какъ въ столовой въ подволокахъ (на потолкѣ) написано". Въ 1687 г. живописецъ Алексѣй Филиповъ поправлялъ живописное письмо въ хоромахъ в. г-ря Петра Алексѣевича, да въ хоромахъ в. г-ни Наталіи Кириловны.

Особенныя услуги своими трудами оказалъ Петру, какъ въ его дѣтствѣ, такъ и послѣ, жалованный живописецъ Иванъ Салтановъ. Это былъ выходецъ изъ Персіи, принявшій Православіе при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, еще до рожденія Петра Великаго. Въ 1675 году онъ писалъ золотомъ разныя потѣшки, а въ 1676 году ему поручено было „росписать оконницу: въ кругу орла, по угламъ травы по слюдѣ, въ хоромы къ царевичу… на́-скоро, а написать такъ, чтобъ изъ хоромъ въ сквозьё видно было, а съ подворья въ хоромы чтобъ не видно было"… Затѣмъ подъ

1694 и 1697 годами упоминаются работы, исполненныя подъ его досмотромъ, по порученію Петра, уже для цѣлей стратегическихъ.

Въ 1694 году Августа 2-го, по указу в-ихъ г-рей.... велѣно „написать къ в. г-рю Петру Алексѣевичу въ хоромы живописнымъ письмомъ, самымъ добрымъ мастерствомъ, 23 картины, противу Нѣмецкаго образца, бои полевые; длина всякой картинѣ къ свѣту по 2 арш. съ четвертью, вверхъ по $1^1/_2$ арш., и сдѣлать къ нимъ рамы съ гладкимъ дорожникомъ и вычернить противъ Нѣмецкаго образца... И тогожъ числа тѣ 23 картины розданы писать Оружейныя Полаты жалованнымъ живописцомъ: Михаилу Чеглокову, Лукѣ Смольянинову, Григорью Одольскому, Герасиму Костоусову, по четыре картины человѣку; живописнаго письма ученикомъ: Денису Щербакову, Александру Захарову, Савину Мелентьеву, по двѣ картины; Алексѣю Печкину одна картина; а написать имъ на тѣхъ картинахъ розные образцы, примѣняясь къ Нѣмецкимъ картинамъ; а у досмотру надъ ними того письма быть Ивану Салтанову“.... „Въ 1697 году Іюня 17-го, по указу в. г-ря... Петра Алексѣевича..., бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ приказалъ написать въ Оружейной Палатѣ на полотнахъ восемь картинъ морскаго ходу воинскихъ людей, примѣняясь къ заморскимъ Нѣмецкимъ картинамъ или къ Фряжскимъ листамъ [9]), самымъ добрымъ мастерствомъ, мѣрою къ свѣту: 4 картины вышина по 2 арш., ширина по аршину по три чети, 4-жъ картины вышина по $1^1/_2$ арш., ширина по аршину по 6 вершк. въ свѣту жъ; а у досмотру того дѣла быть Ивану Салтанову. И...тѣ картины велѣно писать живописцомъ лучшимъ мастеромъ, самымъ добрымъ мастерствомъ, примѣняясь къ иноземческимъ заморскимъ картинамъ и листамъ: Михаилу Чоглокову, Герасиму Костоусову, Григорью Одольскому, по 2 картины человѣку; Унбрановскому (Урбановскому?) да Савину Мелентьеву, по картинѣ человѣку“.

Далѣе подъ 1696 годомъ есть документъ, прямо указывающій, что живописцы, въ числѣ 10 человѣкъ, отправлены были, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ мастеровыхъ, изъ Москвы въ Воронежъ, къ корабельному дѣлу, т. е. были дѣятельными участниками въ знаменитомъ Азовскомъ походѣ.

„Великому г-рю.... бьютъ челомъ холопы твои Оружейныя Полаты живописцы Васька Познанской съ товарищи 10 человѣкъ. Посланы мы холопы твои на твою в-го г-ря службу на Воронежъ къ корабельному дѣлу, ради живописнаго письма, а твоего в-го г-ря жалованья намъ холопамъ твоимъ на нынѣшній на 204 годъ другой половины не выдано; а которые мастеровые люди посланы изъ Оружейныя Полаты на твои в. г. службу, и тѣмъ мастеровымъ людямъ другая половина все сполна... выдана, да имъ же мастеровымъ людемъ дано на подъемъ по 5 р. человѣку. Милосердый г-рь..., пожалуй насъ холопей своихъ... жалованья другую половину выдать противъ своей братьи...., государь, смилуйся“ (Марта 13 велѣно выдать изъ Приказа Большаго Дворца).

*

Нельзя не остановиться здѣсь на одной важной особенности, указывающей на нѣкоторое, для внимательнаго взгляда довольно уже замѣтное [10]), смягченіе или облагороженіе нравовъ, особенности, выражающейся,

---

[9]) Изъ этого смѣшенія понятій мы видимъ, что уже во времена Петра забыто было чисто-итальянское (Венеціанское), а отнюдь не Нѣмецкое, происхожденіе Фряжскихъ листовъ.

[10]) Напр. въ приведенныхъ выше документахъ 1696 и 1697 годовъ.

въ обозначеніи именъ лицъ большею частію въ полномъ видѣ, а не въ уменьшительномъ, тѣмъ менѣе въ уничижительномъ. Правда, сами себя эти лица (въ своихъ челобитьяхъ) все еще называютъ холопями, Васьками, Ивашками и т. п.; но въ указахъ государевыхъ и вообще въ оффиціальныхъ актахъ, особенно послѣ 1690 года, они называются уже обыкновенно полными именами. Исключенія рѣдки, да и тѣ относятся къ людямъ преимущественно низкаго званія, по понятіямъ того времени [11]).

*

На какой степени развитія стояли еще, во время дѣтства Петра, наши промышленныя искусства, и какіе дѣльные мастера въ разныхъ родахъ были у насъ тогда, кромѣ живописцевъ и иконописцевъ, и въ какихъ отношеніяхъ они могли быть и дѣйствительно были полезны Петру,—это можно видѣть изъ немногихъ примѣровъ.

Въ 1673 году, извѣстнѣйшій въ то время рѣщикъ по дереву, старецъ Ипполитъ дѣлалъ для Петра потѣшную лошадку, рѣзную, деревянную. Любопытна роспись чтó пошло на эту лошадку: „дерева 20 алт., клею 5 ф. по 2 гривны, гуляфной(?)водки да масла кропова(?) на 8 алт., гвоздей колодныхъ на 5 коп., свѣчъ на алтынъ, и всего по счету 64 алт.; а роспись писалъ старецъ Ипполитъ своею рукою.... Старецъ Ипполитъ денегъ рубль 30 алтынъ 4 д. взялъ и росписался“.

Кромѣ этой работы, старецъ Ипполитъ, по всей вѣроятности, дѣлалъ для Петра или вообще для Двора и другое многое, потому то въ 1697 г. старцу Ипполиту, рѣзныхъ дѣлъ мастеру, въ приказъ, полкосяка камки Китайской, 5 арш. сукна кармазину отпущено (стр 335).

Органистъ Симонъ Гу́товскій дѣлалъ для царевича (въ 1674 и 1675 г.) цинбалы и страменты (которыя потомъ не разъ и починивалъ и дѣлалъ вновь), а переплечикъ Сава Аѳанасьевъ „оболокъ цинбальцы книжкою, сафьяномъ самымъ добрымъ алымъ, и навелъ печати золотомъ, а застежки сдѣлалъ изъ галуну“.

Немало поработалъ для царевича во время его дѣтства, Иванова приказу Полтева стрѣлецъ Прокофій Еремѣевъ, спеціалистъ по барабанной части, иногда такъ и титулуемый барабанщикомъ.

Въ 1673 г. дѣлалъ онъ Прокофій два барабанца, одинъ мѣрою въ четь аршина, другой въ три вершка.... Въ 1675 г. Янв. 4-го ему выдано за два набата, за дерево и за кожу, и за струны, и за кольца мѣдныя, и за клей 30 алт., за работу 30 же алт., всего 1 р. 26 ал.; дѣлалъ онъ Прокофій набаты въ подносъ къ в. г. царевичу...., къ празднику Рождества Христова. Въ Маѣ того же года барабанщику Прокофію Еремѣеву....10 алт., да за работу по указу 6 ал. 4 д.: дѣлалъ онъ барабаны въ хоромы къ... царевичу; тѣ барабаны изъ хоромъ выдавалъ и починивалъ думный дворянинъ Аврамъ Никитичъ Лопухинъ“.

Такъ какъ барабаны, особенно во время походовъ царевича на Воробьево, въ Коломенское, въ Измайлово, „пробивались немилосердо“, по вы-

---

[11]) Торговый классъ людей вообще, кажется, не пользовался въ то время большимъ уваженіемъ со стороны служилыхъ людей. Въ 1692 г. куплено на дѣло древокъ (для потѣхъ)... у торговаго человѣка у Васьки Степанова, 48 шестовъ сосновыхъ; на обивку кружковъ (къ древкамъ)—на площади у торговаго человѣка Ивашка Макарьева, 4 лоскута большихъ кожи черной, яловочной, 46 ремней бѣлыхъ, 500 гвоздей“ (I, 132—133).

раженію г. Забѣлина [12]), то Еремѣевъ едва успѣвалъ ихъ починивать. Въ Мартѣ 1682 г. онъ починивалъ два барабана потѣшныхъ, а въ Апрѣлѣ снова чинилъ „барабанъ кожи, и снуры наволокъ новые". 3-го Марта 1684 г. „изъ хоромъ выдалъ стольникъ Гаврила Ивановъ сынъ Головкинъ три барабана: одинъ большой, другой средній, третій малый, испорчены, кожи у нихъ испроломаны. А приказалъ ихъ починить, кожи наволочь новыя и того же числа тѣ барабаны отданы починить Семенова приказу Воейкова стрѣльцу Пронкѣ Еремѣеву.. И Марта въ 6 день стрѣлецъ Пронка Еремѣевъ тѣ барабаны починя, принесъ, кожи и снуры на нихъ положилъ новые.... 8 Марта снова выданы изъ хоромъ для починки два барабана большихъ, кожи у нихъ верхнія и нижнія проломаны, и струны изорваны.... 4 Сент. 1685 выданы изъ хоромъ в. г-ря... четыре барабана....; у двухъ кожи пробиты и въ починку не годятся, а у третьяго пробито немного, починить можно... Другой спеціалистъ по этому дѣлу былъ стрѣлецъ Годіонъ Өедоровъ. Въ 1683 г. онъ тоже немало пробитыхъ и проломанныхъ барабановъ починилъ заново (стр. 38).

Случалось, что „велѣно" было сдѣлать извѣстныя вещи, а въ Оружейной Палатѣ не оказывалось мастеровъ, которые могли бы исполнить эту работу. Въ такомъ случаѣ разыскивали мастеровъ-спеціалистовъ на сторонѣ, внѣ Оружейной Мастерской. 13 Янв. 1683 года, по указу... велѣно было „сдѣлать въ хоромы двѣ пушки деревянныя потѣшныя... и посеребрить, на станкахъ и съ колесы окованными, на станкахъ коймы и въ кругахъ орлы, и клейма литыя оловянныя, и росписать ихъ зеленымъ аспидомъ и съ дышлы, да старой станокъ починить заново, который стоялъ въ Оружейной Палатѣ". Но оказалось, что „въ Оружейной Палатѣ станковъ, колесъ, каемъ и клеемъ (клеймъ) дѣлать не кому", а что прежде дѣлалъ ихъ Овчинныя слободы тяглецъ Григорій Тихоміровъ. Отдана была работа Тихомірову на подрядъ, и къ 16 Марта заказъ былъ исполненъ вполнѣ удовлетворительно, по подрядной цѣнѣ за 4 рубля. Въ томъ же году, въ Іюлѣ выдано было изъ хоромъ... „16 пушекъ малыхъ, и въ томъ числѣ пушка большая безъ станку, двѣ пушки большія на полковыхъ станкахъ, двѣ пушки поменьше тѣхъ, на полковыхъ же станкахъ, три пушки верховыя съ станками, двѣ пушки безъ станковъ большія, пушка малая безъ станку, три пушки на волоковыхъ станкахъ мѣдныя, двѣ пушки желѣзныя безъ станковъ", для подѣлки новыхъ и для починки старыхъ станковъ. Но опять оказалось, что „въ Оружейной Палатѣ пушечныхъ станковъ дѣлать не кому", и сдѣлалъ ихъ опять тотъ же тяглецъ Тихоміровъ.

Въ Февралѣ тогоже года указано сдѣлать въ Оружейной Палатѣ „обухъ желѣзной, чтобъ былъ вѣсомъ малымъ чѣмъ больше фунта и навести волоченнымъ золотомъ, противъ прежнихъ, каковы дѣланы брату его государеву блаж. памяти в. г-рю Өедору Алексѣевичу". И ствольнаго дѣла мастеръ Григорій Вяткинъ сдѣлалъ обушекъ и навелъ золотомъ.— Но понадобилось еще сдѣлать къ этому обушку рукоять желѣзную тощую и по мѣстамъ позолотить и посеребрить ее. И другой мастеръ тоже ствольнаго дѣла, Василій Өедотовъ, исполнилъ въ совершенствѣ эту работу.

У раковиннаго ящика и съ черепахою, длиною въ поларшина, у обоихъ концовъ углы выпали, и во многихъ мѣстахъ раковина и черепаха тоже выпадала... Станочнаго дѣла мастеръ Петръ Кузовлевъ ска-

---

[12]) Дѣтскіе годы Петра Великаго.

залъ, что ему для починки этого ящика нужно 4 раковины Венецейскихъ, да два рога казлиныхъ; даны ему на эти матеріялы деньги 30 ал. 4 д., и ящикъ былъ починенъ заново.

1685 г. Декабря 11-го..., выдана изъ хоромъ „трость перцовая заморская, колѣнчатая, черенъ (набалдашникъ) костяной попорченъ, на немъ вырѣзана Нѣмка, на главѣ вырѣзанъ вѣнецъ тѣмъ образцомъ, какъ дѣлается изъ цвѣтныхъ перей“... Приказано у той трости черенъ, въ которомъ мѣстѣ попорчено, починить, да противъ тогожъ сдѣлать вновь „слово въ слово“. Работа поручена гребенщику Петру Шешенину; и, „онъ Петръ тоё образцовую трость зачиня, принесъ въ Оружейную Палату, а про новой черенъ сказалъ, что слоновая кость къ такому дѣлу не годится“... Почему не годится, Шешенинъ не объяснилъ; но ему, какъ мастеру-спеціалисту, повѣрили на слово; новый черенъ такъ и не былъ сдѣланъ.

Съ 1684 года начались огненныя потѣхи, которыми Петръ такъ любилъ потѣшаться, и которыя впослѣдствіи самъ устраивалъ на святкахъ, на масляницѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Первымъ руководителемъ его въ этомъ искусствѣ былъ огнестрѣльный мастеръ изъ иностранцевъ Симонъ Зомеръ, прибывшій въ Россію изъ Бранденбургіи въ 1682 году принятый въ службу капитаномъ, а въ 1691 г. бывшій уже подполковникокъ. Въ 1683 г. Іюня 5-го, „в—іе г—ри... пожаловали Московскаго выборнаго, генерала думнаго Агѣева полку Алексѣевича Шепелева, капитана нововыѣзжаго иноземца, огнестрѣльнаго мастера Симона Зомера..., велѣли ему дать своего в—ихъ г—рей жалованья за выѣздъ, противъ его братьи нововыѣзжихъ иноземцевъ, портище (кусокъ) камки адамашки (изъ Дамаска) изъ Казеннаго Приказу“. Іюня 28-го слѣдующаго года..., „за потѣшную, гранатную и огнестрѣльную стрѣльбу Іюня 19-го (этого же года), чтó было въ селѣ Преображенскомъ“, Зомеру пожаловано сукно Аглинское доброе, 5 арш. Марта 20-го 1691 г., Зомеру, уже подполковнику, „за его огнестрѣльную потѣшную работу“, опять дано сукно кармазинъ, мѣрою 5 аршинъ.

*

Откуда бралъ Петръ пушки и порохъ для своихъ военныхъ экзерцицій, этотъ вопросъ задалъ себѣ и не рѣшилъ г. Устряловъ [13]). Указаніями, представляемыми сборникомъ, вопросъ этотъ рѣшается вполнѣ. Самое существованіе Пушкарскаго Приказа уже даетъ знать, что и до Петра въ Россіи были и пушкари и пушки; вопросъ только въ томъ, были ли у насъ до его времени пушки собственно-русскаго издѣлія? По всей вѣроятности были, хотя Сборникъ и не представляетъ намъ документальныхъ на этотъ предметъ подтвержденій. Первоначально пушки, полковыя и крѣпостныя, конечно, были заграничнаго и большею частію Голландскаго производства. Но такъ какъ и Пушечный дворъ (гдѣ лились пушки, пищали и проч.), и Пушкарскій и Ствольный Приказы, еще въ дѣтство Петра, существовали уже какъ учрежденія вполнѣ организованныя (Сбор., I, 71), и были не только пушечные мастера, но и ученики у нихъ, то съ достовѣрностью можно сказать, что и до Петра были пушки чисто-русскаго производства, хотя быть можетъ дѣлались и по образцамъ иностраннымъ. Но при Петрѣ это производство приняло несравненно бóльшіе размѣры, такъ какъ, по самому ходу военныхъ дѣйствій съ Турками и потомъ съ Шведами, являлась необходимость усиленія этого дѣла, а вслѣдствіе того и умноженія пушечныхъ и вообще оружейныхъ мастеровъ.

---

[13]) Ист. Петра Великаго, т. II, стр. 25.

Подъ 1686 г. (Сент. 4) находится важное извѣстіе, что Русскіе мастера лили пушки еще въ въ 1682 году. „По указу..., дано государева жалованья пушечнымъ мастерамъ Мартьяну Осипову да Якову Дубинкѣ, въ приказъ по 5 арш. сукна кармазину, да по дарогамъ (дароги—шелковая ткань, полосатая или клѣтчатая, иногда съ золотыми или серебряными травами, употреблялась на подкладку); да ученикамъ ихъ 31 человѣку по 5 арш. сукна Амбургскаго, а дано имъ государево жалованье за то, что они въ прошломъ 190 (1682) году вылили двѣ пушки большія, прозваніемъ одна — Новой Персъ витая, другая — Новой Троилъ (т. II., стр. 344). Первоначально Петръ пользовался тѣми пушками, какія оказывались подъ рукою въ Оружейной Палатѣ. Если колеса, станки и прочія пушечныя принадлежности оказывались попорченными, то они починивались знающими мастерами, и пушки пускались въ ходъ (Тихоміровъ). Когда же построился потѣшный городокъ, то Петръ забиралъ пушки не только изъ Оружейной Палаты, но и прямо изъ стрѣлецкихъ полковъ, вмѣстѣ съ барабанщиками, флейтщиками, простыми стрѣльцами и съ упряжью подъ артилерію изъ Конюшеннаго Приказа. Такъ въ Сентябрѣ 1688 г. Петръ вытребовалъ къ себѣ почти всѣхъ барабанщиковъ и флейтщиковъ Гордонова полка и перевелъ въ Преображенское значительное число стрѣльцовъ (Записки Гордона, II, 227).

Между тѣмъ на пушечномъ дворѣ производилась неустанная работа своимъ чередомъ. Тамъ выливались пищали, пушки, мортиры, и мастера получали частыя награды. 1685 г. 11-го Янв. государева жалованья пушечнаго дѣла мастеру Якову Дубинѣ, въ приказъ, 10 р. Февр. 9-го... пушечнаго дѣла ученику Мишкѣ Онофрѣеву за его работу многую... 5 р. 2-го Марта 1692 г. „пушечному мастеру Мартьяну Осипову, для своего государскаго пришествія, какъ онъ великій государь Петръ Алексѣевичь изволилъ быть на пушечномъ дворѣ у пушечнаго литья, что онъ Мартьянъ лилъ 12 пищалей, длиною по аршину по 3 вершка, ядромъ по 2 гривенки, да пушку верховую складную, гранатомъ полупудовую, за то пушечное мастерство въ приказъ, портище сукна кармазину, мѣрою 5 арш. дано"; а 7 Марта ему же дано опять 10 аршинъ камки желтой... Декабря 11-го того же года, по указу..., изъ Пушкарскаго Приказу... жалованья пушечному мастеру Евсевью Данилову за его пушечную многую работу, что онъ Евсевей въ нынѣшнемъ въ 201 году вылилъ на пушечномъ дворѣ большую пищаль, противъ образца Нѣмецкія Галанскія пищали, прозваньемъ „Левъ", длин. 4 арш. 6 верш., ядромъ 30 гривенокъ, въ приказъ, сукна кармазину 5 арш... Февр. 28-го 1695 г., по указу...., изъ Пушкарскаго Приказу...., жалованья опять тому же „пушечнаго дѣла мастеру Мартьяну Осипову за его пушечное мастерство, что онъ вылилъ двѣ пищали съ Галанскаго образца, прозваньемъ „Орелъ", ядромъ пудъ. „Лебедь", ядромъ 20 гривенокъ, сукна кармазину 5 арш... Въ 1698 г. тотъ же Осиповъ вылилъ на Пушечномъ дворѣ „два мозжера (мортиры, попольски: mozdzierz) на мѣдныхъ доскахъ по новому Нѣмецкому образцу и по чертежамъ, одинъ гранатомъ 3-хъ пудовой, другой полупудовой, за что̀ дано ему „государева жалованья 2 сукна кармазину, мѣрою по 5 арш. портище"....

*

Что касается до пороху и свинцу, то Петру доставлялось то и другое совершенно въ достаточномъ количествѣ; по крайней мѣрѣ изъ документовъ Сборника не видно, чтобы изъ-за недостатка „зелья" или свинцу происходила когда нибудь остановка или задержка въ его огненныхъ потѣхахъ. Если иногда и случалось, что въ оружейной казнѣ оказывался

въ нихъ недостатокъ, то потребное количество покупалось у торговыхъ людей.

О расходѣ свинцу и пороху въ первый разъ (въ Сборникѣ) упоминается подъ 1684 годомъ: Іюня 21, для походу за в. г—ремъ.... понадобилось самопальнымъ пороху фунтъ, свинцу 2 ф., двѣ трещотки съ трубки (?), ветошей на 6 денегъ. Сент. 2-го, по указу... и по сказкѣ самопальныхъ Фрола Миронова, Якова Осипова, Якова Демина..., для походу въ Макарьевъ монастырь, что́ въ Колязинѣ, „къ пищалямъ винтованнымъ, золоченымъ, походнымъ"... понадобилось между прочимъ: 10 ф. пороху головнаго (?), полпуда свинцу..., кадиленка, чѣмъ лить пульки..., 2 ф. дроби Нѣмецкой. 12 Сент..., велѣно прислать..., въ походъ, въ село Воздвиженское..., пороху 5 ф., дроби свинцовой 3 ф., свинцу 5 ф.; а въ Оружейной Палатѣ... въ запасѣ нѣтъ. И того жъ числа, „по тому его в. г. указу куплено москательнаго ряду у торговаго человѣка у Тимоѳея Тихонова свинцу 5 ф., по 4 д. за фунтъ, и того 3 ал. 2 д., 3 ф. дроби Нѣмецкой по 6 д. за фунтъ, и того 4 ал.,—всего тал. 2 д.... Съ слѣдующаго 1685 г. веденъ былъ родъ журнала, въ которомъ подробно обозначались всѣ расходы на огнестрѣльную стрѣльбу... Въ этомъ году, съ 13 Февраля по 28 Сентября, разновременно и въ разные походы, въ Преображенское, Коломенское, Воробьево, употреблено больше 12 ф. пороху и 10 ф. свинцу и дроби (стр. 66—67). Марта 28-го 1686 г. Окольничій Т. Н. Стрѣшневъ приказалъ въ Оружейной Палатѣ для потѣхи в. г—рю...., держать въ запасѣ порохъ, пули, дробь разныхъ статей; и въ Оружейной Палатѣ пороху, пуль, дроби нѣтъ, а есть свинецъ.—(Приказано): `Пуль разныхъ статей 5 ф. велѣть налить самопальнымъ. Пороху 2 ф. головнаго, фунтъ пистольнаго, 3 трещетки, пять затравокъ, тожъ число пыжовниковъ купить и держать въ запасѣ, и велѣть въ Оружейной Палатѣ быть понедѣльно двумъ человѣкамъ самопальнымъ безотходно" (стр. 69). Въ этомъ году съ 5 Февр. по 23 Окт. отправлено въ разные походы 10 ф. пороху и 24 ф. свинцу и дроби. Въ 1687 г. съ 11 Мая по 23 Ноября въ походы: въ Троицкій Сергіевъ, въ Преображенское и въ Савинскій монастырь,—4 ф. пороху и 30 ф. дроби и свинцу. Въ 1688 г. съ 3 Мая по 10 Сент., въ походы въ село Преображенское и въ два Троицкіе похода (а оттуда и въ Переславль-Залѣсскій) израсходовано 9 ф. пороху и 1 п. 2 ф. свинцу съ дробью.

На потѣшныя собственно стрѣльбы также не мало тратилось пороху и свинцу. Такія стрѣльбы особенно часто производились Петромъ въ Воскресенскомъ и на Прѣснѣ. Въ 1687 году 28 Янв. взяты были туда у торговаго человѣка Тимоѳея Петрова мѣдныя трубы къ ракетному наряду (стр. 282). Въ 1691 г. производилась тамъ же пальба гранатная и пушечная (въ цѣль), за что гранатнымъ мастеромъ и пушкарямъ, вмѣсто суконъ даны денежныя награды (всего 762 р.). Особенно интересна была стрѣльба тамъ же, 3 Февр. 1692 году: въ числѣ многихъ потѣшныхъ нововымышленныхъ дѣлъ была тамъ планета Сатурнусъ, производилась пушечная стрѣльба въ цѣль изъ большаго и изъ полковаго наряду..., и стрѣльба изъ пушки Ехидны. Гранатнымъ мастерамъ и пушкарямъ даны были опять значительныя награды (I, 129—131).

Кромѣ того, подъ 1686 г. есть замѣчательная записка о прострѣлѣ старыхъ мушкетныхъ стволовъ, изъ которой видно, что 22 Іюня отправлено было въ село Преображенское для прострѣла 850 стволовъ, Іюля 8-го — 1500, 15-го — 1000, 16-го — 300, Декабря 1-го („отпущено за нимъ в. г—ремъ въ походъ въ село Преображенское для прострѣлу")—2050 стволовъ и 7-го Декабря 300 стволовъ („которые Декабря въ 1-мъ числѣ

не прострѣлились“). Немало, конечно, „зелья“ и свинцу пошло и на этотъ прострѣлъ 4700 старыхъ стволовъ.

Значитъ, ни въ пушкахъ, ни въ порохѣ и свинцѣ, у Петра не было и не могло быть недостатка, и вопросъ, откуда бралъ онъ порохъ и пушки, рѣшенъ документально.

*

Вообще, слѣдя за ходомъ событій въ жизни Петра съ первыхъ годовъ его царствованія (1683, 1684, 1685 и т. д.), нельзя не замѣтить, что чѣмъ больше оказывалось у него дѣла, работы, тѣмъ болѣе возрастало число рабочихъ людей, художниковъ, мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ во всѣхъ родахъ. И такъ называемыя „свободныя искусства“, на ряду съ другими мастерствами, плотничнымъ, кузнечнымъ, пушечнымъ и др., должны были нести потребную для Петра службу.—Ради военныхъ дѣйствій съ Турками, понадобились Петру боевыя, сухопутныя и морскія картины, и—свободные художники, волей-неволей, должны были списывать эти картины съ Нѣмецкихъ образцовъ, и притомъ самымъ добрымъ мастерствомъ. Художественнаго въ собственномъ смыслѣ пониманія дѣла тогда у насъ не существовало, да оно и не требовалось при тѣхъ практическихъ цѣляхъ и предпріятіяхъ, какими была переполнена труженическая жизнь Великаго Работника. Творческая мысль и творческая сила Петра царили тогда надъ всѣмъ его окружавшимъ, и всѣ иныя силы должны были служить только покорными орудіями для осуществленія того идеала, который наполнялъ умъ и сердце Преобразователя....

Самъ же Петръ, въ дѣлѣ мастерства, прошелъ всѣ степени, начиная съ ученика, простаго плотника, кузнеца, токаря до званія совершеннаго въ каждомъ родѣ мáстера, также какъ въ военномъ отношеніи, начавъ свою службу съ простаго солдата, въ 1696 г. подъ Азовымъ онъ дослужился до чина капитана, а морскую, начавъ съ шкипера, дошелъ до чина господина вице-адмирала (такъ титуловался Петръ въ 1714 году).

Еще въ Марта 1683 года Петръ купилъ, какъ мы уже видѣли, для своего личнаго употребленія, у каменщиковъ „кирки, молотки, лопатки желѣзныя“, которыя взяты у нихъ въ хоромы государевы (стр. 255). Въ слѣдующемъ году 27 Іюня снова куплены у каменщиковъ „снасти, лопатки и молотки желѣзные“ и взяты въ верхъ...

Весьма важныя, подъ этимъ же годомъ, мы находимъ указанія того, что двѣнадцатилѣтній Петръ учился печатному дѣлу.

„Ноября въ 16 день, изъ хоромъ в—го г—ря.... Петра Алексѣевича... выходилъ окольничій Тихонъ Никитичь Стрѣшневъ и приказалъ изъ Серебряной Палаты къ нему в. г—рю въ хоромы взнесть на печать доску кованную красной зеленой мѣди гладкую, въ длину и въ ширину по 10 вершковъ. И въ Серебряной Палатѣ въ запасѣ никакой кованной мѣдной доски и мѣди нѣтъ.—(Помѣта): Купить. И по сей помѣтѣ куплена въ Серебряную Палату мѣдная доска противъ той вышеписанной мѣры, кована изъ красной мѣди, вѣсу 4 ф., котельнаго дѣла у мастера у Ивашки Андреева, цѣною по 3 алт. фунтъ; и того ему Ивашкѣ за тоё мѣдь доведетца денегъ дать 12 алтынъ. И та доска мѣдная къ нему в. г—рю въ хоромы подана; принялъ онъ же Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ“ (стр. 51). А 18-го Ноября,... „села Преображенскаго токарю Ларькѣ Осипову къ дѣлу станка, чѣмъ печатаютъ листы, на лѣсъ (дано) 2 гривны“ (стр. 269). Присоединивъ сюда изъ другаго источника (въ Сборникѣ этого документа нѣтъ) почти одновременное извѣстіе, относящееся къ тому же печатному дѣлу, мы получаемъ полное, документальное удостовѣреніе,

что Петръ, съ дѣтства, ознакомился не только съ этимъ дѣломъ, но и съ переплетнымъ мастерствомъ. Въ Трудахъ перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 г. (стр. IX, Москва, 1871) приведены слѣдующіе документы. Въ расходной книгѣ Печатн. Приказа № 91, подъ 6-мъ числомъ Декабря 1684 года, записано: „По указу..., иманъ изъ приказу книгъ печатнаго дѣла въ хоромы къ в. г—рю... Петру Алексѣевичу... станъ со всякими становыми снастьми; да къ тому стану мастеровые люди 6 человѣкъ; да въ хоромы куплено къ переплетному дѣлу бумаги волнистой, веревокъ, нитей, клею, книжныхъ досокъ на 6 алт. на 4 д". Тамъ же находится извѣстіе, что Петръ посѣщалъ печатный дворъ и въ послѣдствіи: „1710 г., Генваря въ 18 день. куплена скляница ренскаго, да водки приказной(?), 1 $^1/_2$ ф. икры зернистой,3 ф. семги, баранковъ...: въ вышеписанномъ числѣ изволилъ быть г—ръ на печатномъ дворѣ".

Изъ этихъ документовъ относительно печатнаго дѣла смѣло заключаемъ, что Русскій шрифтъ или, какъ обыкновенно его называютъ, гражданская азбука, которою впослѣдствіи замѣнена при Петрѣ церковно-славянская печать для книгъ свѣтскаго содержанія, обязана своимъ происхожденіемъ, по прямой линіи, лично самому же Петру, какъ спеціалисту этого мастерства.

Особенно любилъ Петръ токарное мастерство: 1684 г. Іюля 27 „привезено изъ похода изъ села Воробьева въ Оружейную Палату 6 мѣстъ снастей токарныхъ, да доска токарная жъ, деревянныя, мѣрою снасти по 10, 9, 8 и по 6 вершковъ, доска длиною 7 вершк...., и приказано сдѣлать противъ тѣхъ образцовъ снасти желѣзныя..., всего 18 мѣстъ, и тѣ снасти сдѣлавъ, прислать къ нему в. г—рю въ походъ въ село Воробьево, не замотчавъ (не замедливъ)". Въ 1686 году. Окт. 23 сдѣлано „къ в. г—рю въ хоромы еще 20 мѣстъ снастей токарныхъ желѣзныхъ, и къ нимъ выточены ручки и отданы сабельнаго дѣла придѣльщикамъ Ѳирсу Иванову съ товарищи, а велѣно имъ тѣ черенья для укрѣпленія опоять мѣдью"...

Въ Іюлѣ 1717 г., въ бытность за границею, Петръ купилъ для себя въ Спа, у токарнаго мастера Матіи Хруи, станокъ токарный за 7 червонныхъ 2 гульд. 5 талеровъ. Но онъ подарилъ Матіи еще червонный за то, что у него точилъ на этомъ станку.

Со 2-го по 10 Сент. 1681 г. станочнаго дѣла мастера́ дѣлали къ нему в. г—рю въ хоромы „верстакъ столярской съ двумя выдвижными ящиками"...; 16-го дано „комнатному сторожу Минѣ Кузьмину на покупку всякой кузнечной снасти 5 р.; и та кузнечная снасть в. г—рю въ хоромы"...

Безъ помощи другихъ мастеровъ Петръ построилъ новую яхту, поднимавшую до 30 человѣкъ, которую спустилъ на воду 14 Марта 1691 г. и на которой катался потомъ всю эту весну по Москвѣ-рѣкѣ. А изучивъ искусство кораблестроенія, на практикѣ и въ теоріи, въ Голландіи и особенно въ Англіи (1697—1698 г.), онъ уже по всѣмъ правиламъ кораблестроительнаго искусства соорудилъ въ 1699—1700 гг. корабль „Божіе сему есть предвѣдѣніе". Корабль этотъ заложенъ былъ 19 Ноября 1699, а на воду спущенъ Апрѣля 27-го 1700 г.; длина его была 118 футовъ, ширина 31 футъ, индеруимъ (глубина?) 9 ф. 9 дюймовъ, 58 пушекъ, дѣлалъ его царское величество".

Замѣтимъ, что въ „Описи кораблей и галеръ" Азовскаго флота (II, 320—323) Петръ является единственнымъ Русскимъ мастеромъ, строившимъ этотъ корабль: прочіе корабли всѣ дѣланы были иностранцами.

*

По смерти отца (29 Янв. 1676 г.), не оставляя ни потѣшныхъ книжекъ, ни потѣшныхъ игръ, Петръ, почти до самой смерти единокровнаго брата своего Өеодора, жилъ съ матерью и сестрою большею частью въ Преображенскомъ, „на просторѣ, среди полей и рощей, вдали отъ придворнаго тунеядства, праздношатанія, безпечности и закоснѣлыхъ обычаевъ“, какъ выражается М. П. Погодинъ [15]). Онъ потѣшался тамъ съ робятками и вмѣстѣ учился...

Съ первыхъ же дней воцаренія Өеодора, вдовствующая царица съ дѣтьми, конечно, почувствовала (а вѣроятно Милославскіе и дали почувствовать), что она какъ будто чужая въ царской семьѣ; а ссылка сперва Матвѣева, ея опекуна, въ Верхотурье, а потомъ въ Пустозерскъ, затѣмъ ссылка ея братьевъ, ясно дали ей сознать не только отчужденіе отъ царскаго дома, но и всю ея беззащитность и безпомощность.

Сборникъ представляетъ документъ, относящій къ первому же году царствованія Өеодора и имѣющій немаловажное значеніе въ томъ отношеніи, что даетъ хотя косвенное, но тѣмъ не менѣе явное указаніе на фактическое отдаленіе царицы и дѣтей ея отъ другихъ членовъ царской семьи. 14 Декабря 1676 г. „по указу... Өеодора... взято изъ его государевы Мастерскія Полаты брата его государева ц—ча Петра Алексѣевича сундукъ съ платьемъ за хоромной печатью в. г—ни царицы и в. к. Наталіи Кириловны въ Мастерскую Полату; и съ того числа указалъ в. государь брату своему государеву ц—чу Петру Алексѣевичу кроенье платью быть въ Царицыной Мастерской Полатѣ; а что̀ къ тому кроенью надобно будетъ, и то имать изъ его государевы Мастерскія Полаты... И тотъ его государевъ указъ имянной писанъ в—ія г—ни царицы въ кроильной книгѣ“ (стр. 210).

Опредѣливъ къ Петру учителя (Зотова, 12-го Марта 1676 г.), назначивъ извѣстный окладъ жалованья прислугѣ царевича и его карламъ (въ 1681 г. упоминается ихъ четверо: Василій Родіоновъ, Никита Гавриловъ, Иванъ Кондратьевъ, Михайло Кондратьевъ) и передавъ въ полное распоряженіе мачихи гардеробъ царевича, Өеодоръ сложилъ за тѣмъ съ себя, по видимому, всякое попеченіе о братѣ...

Петръ одинокъ; о немъ какъ бы забыли при большомъ Дворѣ, и тутъ начинается вліяніе сосѣдней съ селомъ Преображенскимъ Нѣмецкой Слободы, вліяніе, ознаменовавшее себя глубокими, неизцѣльными язвами въ геніальной природѣ Петра Великаго.

Николай Астровъ.

---

[15]) Семнадцать лѣтъ, стр. 16.

ПОДВИГЪ МѢЩАНИНА ГЕРАСИМОВА.

Извѣстно, что, вслѣдствіе Тильзитскаго мира, наше правительство должно было присоединиться къ континентальной системѣ, придуманной Наполеономъ въ видахъ нанесенія бо́льшаго вреда Англійской торговлѣ. Наша морская торговля была парализована или совсѣмъ прекращена. Англія, терпя тоже большіе убытки отъ прекращенія торговыхъ сношеній съ Европейскими державами, вооруживъ противъ Россіи Швецію, старалась вооружить противъ насъ и Данію. Но какъ эта держава продолжала находиться въ союзѣ съ Россіею, то Англичане бомбардировали Копенгагенъ, разгромили его, захватили весь флотъ Датскій и отвели его въ Англію. Въ это-то время непріязненныхъ отношеній Англіи къ Россіи и Даніи, одинъ мѣщанинъ города Колы, лежащаго, какъ извѣстно, на самомъ дальнемъ краю Русскаго Сѣвера, совершилъ подвигъ Русской удали и беззавѣтной отваги, достойный сохраненія въ памяти потомства. Нижеслѣдующее высочайшее повелѣніе, объявленное Военной Коллегіи военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли (27 Декабря 1810 г. за № 2581) выражаетъ, въ чемъ состоялъ подвигъ мѣщанина Герасимова.

Въ Государственную Военную Коллегію.

Кольскій мѣщанинъ Герасимовъ, бывъ отправленъ съ 8-ю матросами отъ Архангельскихъ купцовъ Поповыхъ, на кораблѣ Евплусѣ 2-мъ, въ Норвегію съ рожью, былъ захваченъ, 19-го прошлаго Августа, не доходя Нордкапа, Англійскимъ фрегатомъ. Англичане, ссадивъ четырехъ матросовъ на фрегатъ и поставивъ на кораблѣ караулъ изъ семи вооруженныхъ матросовъ при офицерѣ, повели его въ Англію и наконецъ, когда сильною бурею фрегатъ отнесло на весьма дальнее разстояніе, то Герасимовъ, заколотивъ въ каютѣ спавшихъ шесть человѣкъ непріятельскихъ матросовъ и офицера и сбросивъ остальнаго съ палубы въ море, приплылъ въ Датскій городъ Вардгузенъ и сдалъ тамошнему коменданту полоненныхъ имъ Англичанъ. За сей подвигъ Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ наградить его, Герасимова, знакомъ отличія военнаго ордена.

Во исполненіе сего предлагаю Государственной Военной Коллегіи таковой знакъ отличія, на основаніи высочайшаго именнаго указа 23-го Января 1809-го года, вытребовавъ изъ Капитула Россійскихъ орденовъ, доставить ко мнѣ для препровожденія къ министру полиціи.

Военный министръ Барклай-де-Толли.

(*Сообщено съ подлинной бумаги Г. Н. Александровымъ*).

ПРАДѢДЪ ЛЕРМОНТОВА.

Въ весьма рѣдкой книгѣ *Имянной списокъ всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ штабъ-оберъ-офицерамъ и кадетамъ*, ч. I. С.Петербургъ, 1761 г., изданной повелѣніемъ великаго князя Петра Ѳедоровича, который былъ начальникомъ Сухопутнаго Корпуса (книга эта имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда передана изъ Эрмитажной Библіотеки), на стр. 227, подъ № 731, находится слѣдующее указаніе о прадѣдѣ М. Ю. Лермонтова.

„*Юрья Лермонтовъ*, вступилъ въ корпусъ 1740 года, Маія 27 дня, а въ „1745 году за болѣзнью отставленъ изъ капраловъ подпоручикомъ, съ „таковымъ аттестатомъ: геометрію, практику, регулярную и иррегулярную фортификацію окончалъ учится съ атакою, чертитъ хорошіе чертежи, рисуетъ ландшафты красками и миніатюрою, разумѣетъ и говоритъ нѣсколько понѣмецки, началъ переводить съ Россійскаго на Нѣмецкій языкъ, учится танцовать“.

Въ томъ-же, 1740 году, какъ видно изъ названной книги, съ Юріемъ Лермонтовымъ поступили въ корпусъ слѣдующіе кадеты: князь Александръ Алексѣевичь Вяземскій, Петръ Ивановичь Мелисино, Иванъ Ѳедоровичь Беклешовъ, Александръ Васильевичь Талызинъ, Михайлъ Васильевичь Бакунинъ, Григорій Соймоновъ, Ѳедоръ Ефимовичь Обольяниновъ, Иванъ Неплюевъ, Вильямъ Паткуль, князь Павелъ Шаховской, Михайлъ Ивановичь Мордвиновъ, Платонъ Ивановичь Орловъ, Андр. Ив. Ладыгинъ, графъ Петръ Александровичь Румянцевъ, Давидъ Михельзонъ, князь Петръ Яковлевичь Барятинской и др.

Въ статьяхъ г. В. Никольскаго „Предки М. Ю. Лермонтова (Русская Старина“ 1873 г., стр. 547—563 и 810—811) говорится, что этого прадѣда Лермонтова звали *Юрья Петровичь* (дѣдъ поэта былъ Петръ Юрьичь, отецъ опять Юрій Петровичь). Такъ какъ объ этомъ лицѣ въ названныхъ статьяхъ не приведено никакихъ свѣдѣній, кромѣ лишь того, что отца Юрья Петровича звали Петромъ Евтихіевичемъ (или опять таки Юрьевичемъ—двойственность имени не была рѣдкостью въ древней Россіи), то не будетъ лишнею выше приведенная выдержка изъ названной рѣдкой книги.

Григорій Данилевскій.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА О ПЕРВЫХЪ СУДЬБАХЪ МЕНШИКОВА.

Къ свѣдѣніямъ о происхожденіи и родственникахъ Меншикова слѣдуетъ присоединить загадочное письмо, писанное къ Меншикову въ 1704 году отъ какой-то Елены Фадемрехтъ. Она называетъ Меншикова своимъ сыномъ, посылаетъ ему *благословеніе* свое и тужитъ, что онъ не пишетъ къ ней. Чрезвычайно странно! Имя *Елены* не въ употребленіи у Нѣмцевъ. Со временемъ можетъ быть и откроется, кто была эта женщина, вѣроятно обитательница Нѣмецкой Слободы, съ которою такъ тѣсно связана первоначальная судьба Меншикова. Пушкинъ мѣтко назвалъ его *счастья баловнемъ безроднымъ*. Вотъ самое письмо Елены Фадемрехтъ:

Государь мой, милостивый батка и сынъ мой прелюбезнѣйшій, Александръ Даниловичъ.

Молю всегда Бога чрезъ сіе писаніе о долгоденственномъ и благополучномъ пребываніи тебѣ всегда пребыти. А наипаче прошу любезнѣйшаго моего сына, дабы положилъ извѣстить мнѣ о своемъ здоровьѣ, о немъ же я слышать всеусердно желаю.

А о мнѣ поволишь спросить, и я съ мужемъ и съ дѣтьми еще въ живыхъ обрѣтаюсь.

Печалую безмѣрно и болю сердцемъ, яко отъ многія туги лежу едва жива въ болѣзни моей лихорадкою, а отъ тебя милостиваго моего противъ своего писанія вѣдомости не имѣю.

Ты, мой государь милостивый, въ дальнемъ заѣздѣ служишь; а я тужу, потому что ты меня не обрадуешь, ни о чемъ ко мнѣ не пишешь.

Однакожъ я молю всегда всещедраго Бога, чтобъ намѣреніе ваше надъ непріятели Богъ исполнилъ и чтобъ вашъ страхъ надъ непріятели вездѣ былъ славенъ, а намъ бы о томъ слыша благодарить вышняго Творца, душею и сердцемъ радоватися. За симъ, яко сыну моему любезнѣйшему, милостивому и драгоцѣнному и милосердному и добродѣтельному, съ нижайшимъ поздравительнымъ поклоненіемъ благословеніе отсылаю. Елена Фадемрехтова.

Съ Москвы, Мая въ 5 день 1704 года.

Письмо хранится въ дѣлахъ Меншикова, въ Библіотекѣ Академіи Наукъ, книга 2, стр. LXVIII.

(Сообщено Г. В. Есиповымъ).

У ВСЯКАГО СВОЙ РАЙ.

СТАРИННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ С. А. НЕЕЛОВА.

Рай старой дѣвушкѣ женихъ,
Хорошій стихотворцу стихъ,
Кокеткѣ всякой комплиментъ,
Солдату первый позументъ,
Купчихѣ теплая лежанка,
А лакомкѣ варенья банка,
Обжорѣ Страсбургской пирогъ,
Скупому золота мѣшокъ,
Для пьяницы штофъ полный водки,
Браслеты, серги для красотки,
Для торгаша большой барышъ,
Для кошки пойманная мышь,
Для земледѣльца урожай,
Для мореходца вѣтръ попутный,
Для старца уголокъ пріютный,
Для всей природы красный Май.
Рай для приказнаго цѣлковый,
Жилетъ для франта, модный, новый;
Рай для Отечества герой.
А для меня мой рай земной—
Такъ это быть всегда съ тобой.

(*Сообщено Александромъ Гавриловичемъ Ермоловымъ*).

НЕИЗДАННОЕ ЧЕТВЕРОСТИШІЕ ПУШКИНА.

В. П. Аршеневскій сообщилъ мнѣ четверостишіе, написанное въ альбомѣ тетки его, княжны Анны Акинѳіевны Мещерской А. С. Пушкинымъ. Княжна имѣла обычай всегда праздновать день своего рожденія и слабость уменьшать свои года.

Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ!
Весь міръ твердитъ, и я съ нимъ тоже:
Другой, что̀ годъ, то больше лѣтъ;
А ты, что̀ годъ, то все моложе.

(*Сообщено Н. П. Барсуковымъ*).

ПРЕДМЕТНАЯ РОСПИСЬ

или

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТИ КНИГЪ АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА *

(*Архивъ государственнаго канцлера графа М. Л. Воронцова*).

ЛИЧНЫЯ БУМАГИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1. Прошеніе Елисаветы Петровны къ императрицѣ Аннѣ. I, 4.

2. Письма Елисаветы Петровны къ гр. М. Л. Воронцову (1738—1758). I, 6.

3. Дворцовое хозяйство Елисаветы Петровны (1740—1741). I, 13.

4. Прошенія и письма родственниковъ Елисаветы Петровны (1738—1741). I, 29.

5. Письмо герцога Голштинскаго Карла Фридриха (отца Петра III-го) къ Елисаветѣ Петровнѣ (1732). IV, 521.

6. Прошенія и жалобы разныхъ лицъ Елисаветѣ Петровнѣ (1741). I, 43.

7. Прошенія и жалобы къ ней же лицъ духовныхъ (1739—1741). I, 57.

8. Письма къ ней же отъ Шуваловыхъ (1737—1740). I, 78.

9. Письмо графа П. И. Шувалова къ импер. Елисаветѣ съ жалобами на гр. М. Л. Воронцова (до Іюля 1744). IV, 187.

10. Выписки изъ иностранныхъ газетъ, сдѣланныя для имп. Елисаветы (1754). III, 648.

11. Переписка графа М. Л. Воронцова съ Терсье по поводу тайныхъ пересылокъ импер. Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ. VI, 420; VII, 508.

12. Рѣшеніе импер. Елисаветы (о ссорѣ служителей Шведскаго посольства съ караульными солдатами, 1754). IV, 49.

13. Бумаги объ арестѣ Ламберта (1757). II, 210.

14. Донесеніе импер. Елисаветѣ объ Аллипрандіи, яко бы умышлявшемъ на жизнь ея (1747). III, 614.

15. Бумаги, касающіяся покушенія на жизнь импер. Елисаветы. Переписка гр. Брюля съ гр. М. Л. Воронцовымъ (1758). III, 684.

16. Записка Буассонье о состояніи здоровья импер. Елисаветы (1759). II, 633.

17. Четыре высочайшихъ рескрипта графу А. Б. Бутурлину (1760—1761). VII, 441.

---

*) Римская цифра означаетъ книгу, Арабская — страницу книги.

18. Снимки съ писемъ Елисаветы Петровны, Іоанны Елисаветы и князя Кантемира. Приложены къ 1-й книгѣ.

*

19. Инструкціи для лицъ, назначенныхъ состоять при Великой Княгинѣ и Великомъ Князѣ, сочиненныя графомъ А. П. Бестужевымъ (1746). II, 98.

20. О желаніи Великаго Князя Петра Өедоровича имѣть копіи съ протоколовъ Конференціи. III, 697.

21. О Голштинскихъ дѣлахъ Великаго Князя Петра Өедоровича (1746). III, 616.

22. О Голштинцахъ Вестафаленахъ (1752). III, 619.

23. Письмо Голштинскаго оберъ-камергера Беркгольца къ графу А. П. Бестужеву-Рюмину (1752). III, 636.

24. Дѣло Ливенскаго воеводы Щепеткова (1761). VI, 186.

25. Письма принцессы Цербской Іоанны Елисаветы (матери Екатерины II-й) къ графу М. Л. Воронцову (1744—1759). I, 415.

ЛИЧНЫЯ БУМАГИ ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА.

26. Письмо святителя Димитрія Ростовскаго къ Ларіону Гавриловичу Воронцову. I, 1.

27. Переписка графа М. Л. Воронцова съ импер. Екатериною Второю. VII, 612.

28. Собственноручный служебный журналъ вице-канцлера графа М. Л. Воронцова за 1749 годъ (Извлеченія изъ реляцій нашихъ пословъ и резидентовъ). III, 1.

29. Письма и прошенія графа М. Л. Воронцова къ имп. Елисаветѣ и къ графу А. Г. Разумовскому (1739—1759). II, 605.

30. Цифирная азбука, данная М. Л. Воронцову при отъѣздѣ его въ чужіе края (1745). II, 112.

31. Изъ всеподданнѣйшихъ черновыхъ докладовъ графа М. Л. Воронцова импер. Елисаветѣ (1757—1758). IV, 507.

1) О преобразованіи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

2) О доставленіи Курляндіи Саксонскому принцу Карлу.

3) По дѣламъ Турецкимъ.

4) По дѣламъ текущимъ. IV, 104.

32. Чинопроизводство 1758 года, VI, 248.

33. Докладъ о пушкахъ (1760). VI, 248.

34. Просьбы объ увольненіи (1760 и 1761). VI, 248.

35. О чиновникахъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1761). VI, 248.

36. Докладъ импер. Елисаветѣ о перлюстраціи писемъ и депешъ (1758). IV, 100.

37. Пункты къ разсужденію о вольности дворянства, сочиненіе графа М. Л. Воронцова. IV, 518.

38. Изъ писемъ графа М. Л. Воронцова и его супруги гр. Анны Карловны къ дочери ихъ баронессѣ А. М. Строгановой за границу (1761). IV, 459.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА.

39. Письма князя А. Д. Кантемира къ графу М. Л. Воронцову (1742—1744). I, 337.

40. Письмо братьевъ князя Кантемира къ нему же (1745). I, 395. Письма княжны Маріи Дмитріевны Кантемиръ къ графу М. Л. Воронцову (1747—1748). I, 399. Изъ дневника князя Антіоха Кантемира (1732) II, 551.

41. Письмо душеприкащиковъ князя Кантемира къ его наслѣдникамъ. I, 396.

42. Письма С. К. Нарышкина къ графу М. Л. Воронцову (1742—1761). II, 565.

43. Письма графа М. П. Бестужева къ графу М. Л. Воронцову (1743—1760). II, 215.

44. Отвѣтныя письма графа М. Л. Воронцова къ графу М. П. Бестужеву (1745—1749). II, 361.

45. Сказка о службѣ графа М. П. Бестужева (1754). II, 378.

46. Изъ писемъ Генриха Гросса къ графу М. Л. Воронцову (1744—1745). I, 403.

47. Письмо Н. А. Демидова къ графу М. Л. Воронцову (1748). IV. 193.

48. Письмо кавалера Дугласа къ графу М. Л. Воронцову (1758). VII, 504.

49. Письмо Киріака Кондратовича къ нему же. IV, 195.

50. Изъ переписки графа М. Л. Воронцова съ графомъ А. Г. Головкинымъ (1749—1760). III, 660.

51. Два письма графа М. Л. Воронцова къ архитектору Трезину (1753). IV, 197.

52. Письма М. В. Ломоносова къ графамъ М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ и письма графа М. Л. Воронцова къ М. В. Ломоносову (1753—1764). IV, 480.

53. Проэкты указа, писанные М. В. Ломоносовымъ. IV, 500; два стихотворенія М. В. Ломоносова, IV, 502, и письмо вдовы Ломоносова къ В. И. Крамаренкову (1765). IV, 504.

54. Письма и записки И. И. Шувалова къ графу М. Л. Воронцову (1754—1766). VI, 268.

55. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову (1758—1761). VI, 308.

56. Письмо И. И. Шувалова къ графинѣ А. К. Воронцовой (1766). VI, 306.

57. Переписка графа М. Л. Воронцова съ Н. И. Панинымъ (1747—1766). VII, 450.

58. Письма С. В. Салтыкова къ графу М. Л. Воронцову (1755). VII, 502.

59. Письма Ивана Данилевскаго къ графу М. Л. Воронцову (1754). VI, 242.

60. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову (1755—1758). VI, 193 и III, 147.

61. Письмо курьера Шокурова къ Ѳ. Д. Бехтѣеву (1757). III, 582.

62. Письмо полковника Дурова къ графу М. Л. Воронцову (1755). VI, 190.

63. Письма гетмана графа К. Г. Разумовскаго къ графу М. Л. Воронцову, съ приложеніями о Малороссійскихъ дѣлахъ (1757—1766). IV, 379; VI, 327.

64. Письма графа М. Л. Воронцова къ гетману графу К. Г. Разумовскому съ приложеніями (1757—1763). IV, 427.

65. Письмо Симолина къ графу М. Л. Воронцову (1758). VI, 474.

66. Три черновыя письма графа М. Л. Воронцова къ начальнику Тайной Канцеляріи графу А. И. Шувалову (1760). VI, 315.

БУМАГИ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ.

67. Перлюстрація писемъ, касающихся заговора маркиза Ботты (1743). II, 383.

68. Письмо графа М. Л. Воронцова къ графу Бестужеву о политическихъ дѣлахъ (1744). II, 69.

69. Мнѣніе графа М. Л. Воронцова объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и Саксоніи (1744). II, 71.

70. Дѣло о маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ Россіи (перлюстрація депешъ его и писемъ) съ примѣчаніями графа А. П. Бестужева-Рюмина (1744). I, 455.

71. Всеподданнѣйшій рапортъ объ арестѣ маркиза Шетарди и его рекридитивъ (1744). II, 6 и 11.

72. Отвѣтъ на запросы маркиза Аржансона Даліону относительно маркиза Шетарди (1745). III, 673.

73. Слабѣйшее разсужденіе о войнѣ Пруссіи съ Саксоніею (1745). II, 94.

74. Извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о Ферберѣ по поводу оскорбленія величества. Объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи (1746). VI, 177.

75. По дѣлу Лестока:

1) Извѣтъ Голандскаго резидента Шварца о Лестокѣ (1744). III, 684.

2) Письмо графа Кейзерлинга къ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину 17 Декабря 1748. III, 323.

3) Extrait des dépèches du comte de Bernis. III, 328.

4) Допросные пункты Ивану Лестоку (1748). IV, 160.

5) Письмо Лестока къ графу М. Л. Воронцову (1762). IV, 171.

6) Письмо графа М. Л. Воронцова къ Лестоку (1762). IV, 172.

СЕМИЛѢТНЯЯ ВОЙНА.

ПИСЬМА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХЪ И ДРУГИХЪ ЛИЦЪ КЪ КАНЦЛЕРУ ГРАФУ М. Л. ВОРОНЦОВУ.

100. Письма графа Петра Семеновича Салтыкова. VI, 356.

101. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ графу П. С. Салтыкову. VI, 368.

102. Письма графа Александра Борисовича Бутурлина. VI, 376.

103. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ графу А. Б. Бутурлину. VI, 380.

104. Письма графа З. Г. Чернышова къ графу М. Л. Воронцову. VI, 444.

105. Письмо графа П. И. Панина къ графу М. Л. Воронцову. VI, 452.

*

106. Реляція графа П. А. Румянцева 12 Сентября 1761 г. VI, 453.

107. Изъ письма маіора Клебека о взятіи Русскими войсками Берлина (1760). VI, 457.

108. Извѣстіе съ театра войны о взятіи Берлина (писано рукою И. И. Шувалова). VII, 437.

109. Реляція графа Тотлебена о занятіи города Берлина Русскими войсками (1760). VI, 458.

110. Карта города Берлина и его окрестностей, съ означеніемъ подступа къ нему Русскихъ войскъ, въ Сентябрѣ 1760 года, передъ его взятіемъ (Снимокъ съ подлинной карты, присланной графу М. Л. Воронцову графомъ З. Г. Чернышевымъ). Приложено къ VI-й книгѣ.

111. Три письма графа Тотлебена къ канцлеру графу Воронцову (1760). VII, 417.

112. Дѣло о графѣ Тотлебенѣ. Его захватъ, письма къ нему графа Бутурлина и переписка о немъ (1761). VII, 379.

113. Письмо вояжира изъ Риги о состояніи Россійской арміи и о свойствахъ командировъ оной (1757). VI, 478.

114. Краткія извѣстія о Французской арміи. VI, 494.

115. Реестръ присланнымъ изъ арміи съ радостными извѣстіями штабъ и оберъ-офицерамъ. VII, 440.

116. Проэктъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ (1757). VII, 428.

117. Письмо Саксонскаго принца Карла къ графу М. Л. Воронцову о состояніи Русской арміи (1758). IV, 113.

118. Переводъ съ письма къ графу М. Л. Воронцову отъ генерала Корфа о наборѣ рекрутъ съ Пруссіи (1760). VI, 440.

119. Перечневой списокъ, сколько жителей въ королевствѣ Прусскомъ (1759). VI, 443.

120. Съ театра войны:

1 и 2) Реляціи графа Салтыкова отъ 10 и 14 Октября 1759.

3) Мнѣніе его же о расположеніи войскъ.

4) Мнѣніе графа Фермора.

5) Мнѣніе графа Румянцева.

6) Отвѣтъ барона Лаудона на пункты графа Салтыкова.
7) Письмо барона Лаудона къ графу Салтыкову.
8) Росписаніе Русскихъ войскъ. IV, 125.

121. Докладъ Конференціи о графѣ Бутурлинѣ съ одобреніемъ его дѣйствій въ Семилѣтнюю войну (1760). IV, 517.

122. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина изъ Стригау 21 Августа 1761. VII, 423.

123. Секретная записка по дѣламъ Курляндскимъ съ примѣчаніями графа М. Л. Воронцова (1758). IV, 146.

124. Переводъ двухъ промеморій, врученныхъ канцлеру Цесарскимъ генераломъ маіоромъ Тилліе (1759). VI, 392.

125. Рапортъ генерала Костюрина о состояніи Русской арміи (1759). VII, 354.

126. О перемиріи съ Пруссіею и размѣнѣ плѣнныхъ. Бумаги генерала Яковлева (1760). VII, 367.

127. Записка графа М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ (1759). IV, 156.

128. Переводъ съ записки Французскаго посла маркиза Лопиталя (1759). VI, 407.

129. Переводъ съ меморіала маркиза Лопиталя (1759). VI, 413.

130. Предъявленіе Цесарскаго посла графа Эстергазія (1759). VI, 417.

131. Разсужденіе графа М. Л. Воронцова о нынѣшнемъ состояніи воюющихъ державъ (1760). IV, 174.

132. Письмо изъ Познани къ конференцъ-секретарю Д. В. Волкову отъ князя М. Н. Волконскаго (1761). VI, 330.

133. Письмо С. Ѳ. Апраксина къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (1757), по арестованіи его. IV, 184.

134. Переводъ съ письма къ графу М. Л. Воронцову отъ маркиза Лопиталя съ приложеніемъ переписки объ отношеніяхъ Даніи въ Семилѣтнюю войну (1760). VI, 425.

ДНЕВНИКИ ДОКЛАДОВЪ.

135. Дневная записка Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 1742 года (Генварь—Мартъ). I, 92.

136. Дневникъ всеподданнѣйшихъ докладовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за 1742 и 1743 годы съ рѣшеніями и отзывами императрицы Елисаветы Петровны. IV, 199.

137. Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за 1744 годъ. VI, 1.

138. Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за 1746 годъ. VII, 1.

139. Тоже за 1747 годъ. VII, 242.

140. Тоже за 1748 годъ (Мартъ—Іюль). VII, 275.

141. Тоже за 1749 годъ (Май). VII, 281.
142. Тоже за 1750 годъ (Іюнь—Октябрь). VII, 284.
143. Тоже за 1751 годъ (Генварь—Іюль). VII, 287.
144. Тоже за 1752 годъ (Февраль—Ноябрь). VII, 305.
145. Тоже за 1753 годъ (Май—Сентябрь). VII, 319.
146. Тоже за 1754 годъ (Мартъ). VII, 333.
147. Тоже за 1755 годъ (Іюль). VII, 352.
148. Бумаги Елисаветинской Конференціи. 1756-й годъ. III, 331.
149. Доклады графа М. Л. Воронцова Петру Третьему. VII, 525.
150. Конференціи его же съ иностранными министрами при Петрѣ Третьемъ. VII, 552.

151. Тоже при Екатеринѣ Второй. VII, 577.

КАНЦЛЕРЪ ГРАФЪ А. П. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

152. Письма графа А. П. Бестужева къ графу М. Л. Воронцову (1742—1757). II, 1.

153. Письмо графа А. П. Бестужева къ графу А. Г. Разумовскому (1744). II, 48.

154. Письмо князя Б. Г. Юсупова къ графу А. П. Бестужеву (1744), II, 25.

155. Всеподданнѣйшія прошенія графа А. П. Бестужева и тайнаго совѣтника Фонъ-Бреверна по поводу Французскихъ интригъ (1744). IV, 368 и 370.

156. Прошеніе А. П. Бестужева о деревняхъ (1744). II, 13,

157. Мнѣніе графа А. П. Бестужева объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и Саксоніи (1745). II, 76.

158. Письма генерала Кейта къ канцлеру графу Бестужеву (1746—1747). II, 579.

159. Мнѣнія канцлера графа Бестужева и другихъ членовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о принятіи Англійскихъ субсидій (1747). IV, 1.

160. Письмо графа А. П. Бестужева-Рюмина къ графу А. Г. Разумовскому (1750). III, 679.

161. Письма графа Санти къ графу А. П. Бестужеву-Рюмину (1752). III, 638; (1753). II, 181.

162. Изъ писемъ графа А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу въ Копенгагенъ и Стокгольмъ (1745—1756). III, 584.

163. Письмо секретаря Веселицкаго о перлюстраціи съ примѣчаніями канцлера графа Бестужева (1753). IV, 189.

164. Письмо его же о фельдмаршалѣ Апраксинѣ. VII, 500.
165. Переписка канцлера графа Бестужева съ С. Ѳ. Апраксинымъ (1757). II, 194, 198; IV, 93.

*

166. О Московскихъ пожарахъ. Частное письмо генералъ-маіора Маслова къ оберкоменданту князю Мещерскому (1748). IV, 9,

167. Донесеніе о томъ же императрицѣ Елисаветѣ Ѳедора Ушакова (1748). IV, 11.

168. Всеподданнѣйшій докладъ о тарифѣ (1750). IV, 15.

169. Докладъ импер. Елисаветѣ о вдовѣ Зотовой (1755). III, 143.

170. Прошенія и письма герцога Бирона и его сыновей (1743—1762). II, 525.

Прошенія и письма фельдмаршала Миниха:

171. 1) Прошенія и письма изъ Сибири (1749). II, 484.

172. 2) Записка объ учрежденіи въ Сибири генеральной дирекціи. II, 504.

173. 3) Письмо къ графинѣ А. М. Строгоновой. II, 507.

174. 4) Письмо къ Бирону (1736). II, 509.

175. 5) Прошеніе объ отставкѣ, съ обозрѣніемъ службы. II, 510.

176. Желанія фельдмаршала Миниха, при Петрѣ III-мъ. VII, 573.

Изъ бумагъ обергофмейстера барона фонъ-Миниха:

177. 1) Письма барона Миниха къ графу М. Л. Воронцову (1749—1759). II, 435.

178. 2) Проэктъ генеральнаго придворнаго регламента. II, 449.

179. 3) О поступленіи барона Миниха въ Русскую службу. II, 471.

180. Бумаги о побѣгѣ изъ Иностранной Коллегіи Д. В. Волкова (Декабрь 1754). II, 630; VII, 497.

181. Коржавины, вольнодумцы прошлаго вѣка:

1) Доношеніе о нихъ императрицѣ Елисаветѣ (1755). III, 308.

2) Предложеніе канцлеру Василія Коржавина о Россійской торговлѣ. III, 319.

182. О разныхъ матеріалахъ для исторіи Петра Великвго (1755). IV, 179.

183. Списокъ первыхъ пяти классовъ придворныхъ чиновъ, обрѣтающихся въ Санктпетербургѣ (до 1758 г.). VI, 317.

184. Указъ Сенату 25 Іюня 1744 о назначеніи графа М. Л. Воронцова вице-канцлеромъ. II, 25.

185. Исчисленіе наградъ въ царствованіе Анны. II, 637.

186. Вѣдомость розданнымъ мѣстамъ по Петергофской дорогѣ. При Петрѣ III-мъ. IV, 523.

187. Реестръ иконамъ, назначеннымъ въ Московскую церковь Св. Климента папы Римскаго. IV, 522.

188. Вѣдомость наградъ. III, 698.

189. Надгробная надпись графу М. Л. Воронцову. VII, 652.

190. Портретъ графа М. Л. Воронцова и снимокъ съ его почерка. Приложены къ VII-й книгѣ.

ЛИЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ СОДЕРЖАНІЮ *).

*) Цифра при имени указываетъ на цифру содержанія, отпечатанную чернѣе.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1876 ГОДА.

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія тринадцать лѣтъ сего изданія.

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1875.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составляютъ въ 1875 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля (близь церкви Св. Θеодора Студита), издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Θ. Базунова*. на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году. Цѣна 4 рубля за каждую книгу (съ пересылкою).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 — 1871) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой. у книгопродавца Ваганова.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи — **3** р., для Швейцаріи и Италіи — **2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ**.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. ИЗДАВАЕМЫЙ 10.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

☞ ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА ПЕРЕВЕДЕНО СЪ БЕРСЕНЕВКИ НА НИКИТСКІЙ БУЛЬВАРЪ, БЛИЗЬ ЦЕРКВИ СВЯТАГО ѲЕОДОРА СТУДИТА, ВЪ ДОМЪ ДЮГАМЕЛЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля) можно получать соединенныя въ отдѣльныя книги годовыя изданія Русскаго Архива.

1871 ГОДЪ. *Книга первая* (Записки Г. И. Ржевской.—Знакомство съ Шишковымъ, изъ Записокъ Д. Н. Свербеева. — Правда о Сусаниннѣ. — Бумаги князя А. А. Черкасскаго. — Записки Арндта о 1812 годѣ.—П. Н. Свистуновъ, по поводу Записокъ Якушкина. — Записки И. И. Неплюева. — Переписка императора Александра Павловича съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.—Письма Гоголя къ Жуковскому.—Письма Жозефа де Местра о Россіи.—Записки Н. И. Греча, и пр.) Цѣна **4** рубля.

1871 ГОДЪ. *Книга вторая.* (Письма Екатерины II-й къ графу И. Г. Чернышеву и А. Н. Сенявину.—Послѣдніе четыре года въ жизни Суворова.—Біографія Сумарокова.—Воспоминанія А. О. Смирновой.—Н. И. Тургеневъ, воспоминаніе Д. Н. Свербеева.—Переписка гр. С. С. Уварова съ М. П. Погодинымъ.—Еще тѣнь Петра III-го.—Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей и пр.) Цѣна **3** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Письма Екатерины II-й къ Московскимъ главнокомандующимъ.—Записка графа Нессельроде о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева.—Картина Франціи 1823 года, сочиненіе графа Ѳ. В. Ростопчина.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Біографія Е. А. Энгельгардта.—Письма Грибоѣдова къ Родофиникину.—Письма Поздѣева —Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину. — Выдержки изъ старой записной книжки. — Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Восточная Пруссія подъ Русскимъ владѣніемъ. — Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 года.—

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ *).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„По мѣрѣ того, какъ болѣе достаточное народонаселеніе Москвы (разсказываетъ въ своихъ Запискахъ графъ Ростопчинъ) выѣзжало изъ столицы, въ Ярославль, Владимiръ, Рязань и Тулу, безпокойство и волненіе остающихся выражалось въ разныхъ химерахъ. На этотъ разъ волненіе было гораздо сильнѣе, нежели въ 1807 году; но выражалось въ такихъ же явленіяхъ. По городу передавались различныя сказки о видѣніяхъ, о голосахъ, которые слышались на кладбищахъ; пророчествовали, толкуя и приспособляя къ обстоятельствамъ нѣкоторыя выраженія Священнаго Писанія. Нашли въ Апокалипсисѣ предсказаніе о паденіи Наполеона и что Сѣверная сторона, которую захочетъ покорить Западъ, будетъ освобождена избранникомъ Божіимъ, по имени Михаиломъ. По счастію, для утѣшенія суевѣрныхъ, Барклай, Кутузовъ и Милорадовичъ назывались Михаилами. Даже были споры объ этомъ, и народъ говорилъ: если не Кутузовъ, то великій князь Михаилъ Павловичъ. Ежедневно ко мнѣ являлись нѣкоторыя лица съ Библіею подъ мышкою, и тутъ же объясняли мнѣ съ таинственнымъ видомъ священныя изрѣченія и представляли сочиненныя ими молитвы. Но вдругъ ихъ подозрѣніе въ отношеніи къ иностранцамъ превратилось въ ненависть. Два раза составлялось уже предположеніе перебить ихъ; но трудно было привести это въ исполненіе, потому что иностранцы жили разбросанно по всему городу. Имѣвшіе такое намѣреніе боялись полиціи, которая разсѣяла бы всякое сборище. Иностранцы, особенно Французы, купцы, артисты и другіе, поселившіеся въ Москвѣ, предупрежденные мною чрезъ ихъ священниковъ, съ самаго начала войны, вели себя весьма благоразумно; но Русскій народъ никогда не смотрѣлъ на нихъ благосклонно, по случаю того привилегированнаго положенія, которымъ они пользовались въ качествѣ иностранцевъ, отнимая у него разныя выгоды торговли и работъ. Въ одно утро, гражданскій губернаторъ Обрѣзковъ объявилъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ весьма важное открытіе, и привелъ ко мнѣ портнаго, Русскаго человѣка, отличнаго поведенія, достаточнаго, немолодаго. Когда увидѣлъ его Обрѣзковъ, то замѣтилъ, что онъ разстроенъ и спросилъ о причинѣ. Онъ отвѣчалъ, что лишился сна и пищи, что многіе изъ его учениковъ точно также больны, какъ и онъ, и что единственное средство противъ этой болѣзни—кровь Французовъ. Обрѣзковъ показалъ видъ, что одобряетъ это лекарство и заставилъ его высказаться. Оказалось, что онъ уже подговорилъ человѣкъ 300 портныхъ и еще надѣется къ завтрашнему дню подговорить

---

*) См. выше, стр. 5 и вторую книгу Русскаго Архива сего года.

нѣсколько сотенъ, чтобы ночью идти на Кузнецкій мостъ и перебить всѣхъ живущихъ тамъ Французовъ. Этотъ портной и мнѣ повторилъ всѣ эти подробности. Тогда я отдалъ его подъ надзоръ, приставилъ къ нему полицейскаго офицера, чтобы онъ никуда его не выпускалъ и объявилъ, что онъ будетъ отвѣчать за все, что̀ можетъ случиться въ этомъ родѣ. Я отправилъ къ нему цирюльника, велѣлъ пустить ему кровь, и онъ остался споконъ. Подговоренные этимъ хозяиномъ портные, видя, что онъ задержанъ, перестали думать о ночной экспедиціи, которая бы окончилась страшнымъ кровопролитіемъ и возмущеніемъ".

Очевидно, этотъ хозяинъ-портной былъ сумашедшій, быть можетъ сошедшій съ ума именно въ слѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ и что его разсказы о сотняхъ сотоварищей были простымъ бредомъ больнаго воображенія; ибо всѣ они остались спокойны, лишь только его взяли подъ стражу. Конечно, подобнаго человѣка нельзя было оставлять на свободѣ; но графъ Ростопчинъ придалъ этому случаю весьма важное значеніе, принявъ его за выраженіе общаго настроенія народа. „Увѣрившись въ народномъ раздраженіи, чтобы его успокоить и смягчить бѣшенство, я приказалъ полиціи доставить мнѣ списокъ 40 человѣкъ иностранцевъ, замѣченныхъ по нѣкоторымъ выходкамъ и дурному поведенію. Я приказалъ ихъ взять и днемъ, въ виду всѣхъ, посадить на барку, которая и отвезла ихъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ они были отданы подъ надзоръ. Я объявилъ Москвѣ, что эти иностранцы—люди подозрительные, которыхъ удаляютъ по просьбѣ ихъ-же соотечественниковъ, честныхъ людей. Эта мѣра, вынужденная обстоятельствами, спасла жизнь этимъ 40 плавателямъ, потому что вѣроятно они послѣдовали бы за Французскою арміею и всѣ погибли бы во время ея отступленія".

Съ 18 Августа и до 22-го, когда этихъ людей посадили на барку и отправили внизъ по Москвѣ рѣкѣ, было схвачено полиціею 40 человѣкъ, большею частію Французовъ и заключено подъ стражу въ домѣ Лазарева. Конечно эти захваты, производившіеся открыто, въ виду народа, во всякое время дня, должны были волновать его. Толпы любопытныхъ зрителей собирались вокругъ дома, въ которомъ были заключены захваченные. Передъ вечеромъ, 22 Августа, къ нимъ явился полицеймейстеръ Волковъ. „Господа, сказалъ онъ имъ, я пришелъ исполнить непріятную обязанность въ отношеніи къ вамъ. Я исполню ее съ полнымъ участіемъ къ вашему положенію. Но я долженъ васъ предупредить, для вашей же пользы, что офицеръ, который будетъ при васъ, получилъ самыя строгія предписанія. Не ухудшайте вашей участи и не вынудите прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ". Онъ провелъ ихъ чрезъ толпы народа, который въ большомъ количествѣ собрался на набережной Москвы-рѣки. Молча смотрѣла толпа на это зрѣлище, хотя за этимъ молчаніемъ испуганные Французы весьма естественно подозрѣвали грозное недоброжелательство. „Это видимое спокойствіе прикрывало сильныя страсти", говоритъ одинъ изъ захваченныхъ, считая однакоже, что эти страсти возбуждены умышленно пущенными въ народъ подстрекателями. Становилось уже темно. Волковъ первый вошелъ на барку и при свѣтѣ фонаря вызвалъ по списку, въ слѣдъ за собою, 40 человѣкъ невольныхъ путешественниковъ, которымъ дали потомъ прочесть слѣдующее заявленіе: „Французы, вашъ императоръ въ одномъ изъ воззваній къ войскамъ сказалъ: Французы, вы столько разъ говорили, что меня любите; докажите мнѣ это, слѣдуя за мною въ страны Гиперборейскія, гдѣ царствуютъ зима и отчаяніе и гдѣ государь открываетъ свои порты Англичанамъ, нашимъ вѣчнымъ врагамъ. Французы! Россія дала вамъ убѣжище, а вы не переставали замышлять противъ

нея. Чтобы избѣжать кровопролитія, не зачернить страницы нашей исторіи, не подражать сатанинскимъ бѣшенствамъ вашихъ революціонеровъ, правительство вынуждено васъ удалить отсюда. Вы будете жить на берегу Волги, посреди народа мирнаго и вѣрнаго своей присягѣ, который слишкомъ презираетъ васъ, чтобы дѣлать вамъ вредъ. Вы на нѣкоторое время оставите Европу и отправитесь въ Азію. Перестаньте быть негодяями (mauvais sujets) и сдѣлайтесь хорошими людьми, превратитесь въ добрыхъ Русскихъ гражданъ изъ Французскихъ, какими вы до сихъ поръ были; будьте спокойны и покорны, или бойтесь еще бо̀льшаго наказанія. Войдите въ барку, успокойтесь и не превратите ея въ барку Харона. Прощайте, добрый путь!“ „Это грозное объявленіе привело насъ въ ужасъ. Глубокое молчаніе послѣдовало за его прочтеніемъ. Волковъ, смущенный обязанностью объявить намъ эту оскорбительную рѣчь, сказалъ намъ потомъ нѣсколько любезныхъ словъ. Потомъ онъ простился съ нами и сошелъ на берегъ, унося нашу признательность, которую мы навсегда сохранимъ“. По знаку, данному съ берега, барка отчалила и поплыла внизъ по теченію рѣки, при возгласахъ толпы: ура! [1]). Это заявленіе прочитано было Французамъ, отправляемымъ въ ссылку не отъ имени графа Ростопчина; но, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что оно имъ написано и по его приказанію дано имъ для прочтенія. Онъ не упоминаетъ о немъ въ своихъ Запискахъ о 1812 г. Вѣроятно въ послѣдствіи онъ понялъ все неприличіе издѣваться надъ людьми, обреченными на ссылку и находившимися въ полной отъ него зависимости. Самолюбіе не позволило ему признаться въ увлеченіи, и онъ обошелъ этотъ эпизодъ молчаніемъ.

Нельзя также не обратить вниманія на то, что начало разсказа противорѣчитъ концу: въ концѣ графъ Ростопчинъ говоритъ, что спасъ Французамъ этимъ жизнь, потому что они *вѣроятно* послѣдовали бы за арміею Наполеона; въ началѣ же, говоря о сумашедшемъ портномъ, онъ объясняетъ, что рѣшился приступить къ высылкѣ нѣкоторыхъ Французовъ

---

[1]) Это любопытное посланіе трудно поддается переводу на другой языкъ, а потому помѣщаю его во Французскомъ подлинникѣ:

„Français, votre empereur a dit, dans une proclamation à son armée: Français, vous m'avez dit tant de fois que vous m'aimiez; prouvez-le moi donc en me suivant dans les regions hyperborées, où regnent l'hiver et la désolation et où le souverain ouvre ses ports aux Anglais, nos éternels ennemis... Français, la Russie vous a donné l'asile, et vous n'avez cessé de faire de voeux contre elle. C'est pour éviter un massacre et ne pas salir les pages de notre histoire par imitation de vos infernales fureurs révolutionnaires que le gouvernement se voit obligé de vous éloigner. Vous irez habiter les bords du Volga, au milieu d'un peuple paisible et fidèle à ses serments, qui vous méprise trop pour vous faire du mal; vous quitterez pour quelque temps l'Europe et vous irez en Asie. Cessez d'être mauvais sujets et devenez bons; métamorphosez vous en bons bourgeors russes de citoyens français que vous étiez; restez tranquilles et soumis, ou craignez un châtimemt rigoureux. Entrez dans la barque, rentrez en vous-mêmes et n'en faites pas une barque à Caron. Salut et bon voyage!“ Полторацкій, Rostopschine, notice littéraire et bibliographique. Hamburg, 1854, стр. 17.—Шнитцлеръ, Rostopchine et Koutousof, стр. 125—126.—Armand Domergue, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. I, стр. 253—260.—Бантышъ-Каменскій, Словарь достопам. людей, т. III, стр. 134.

изъ Москвы, когда убѣдился, что народъ сильно раздраженъ противъ нихъ и тѣмъ самымъ какъ бы даетъ понять, что онъ хотѣлъ ихъ спасти отъ ярости черни. Такъ и понимали эту мѣру современники, хотя и считали ее совершенно излишнею. „Въ это время, *увлекаясь мечтою*, графъ придумалъ (говоритъ С. Н. Глинка, вообще одобрявшій всѣ мѣры главнокомандующаго) высылку изъ Москвы нѣкоторыхъ уроженцевъ Франціи на баркѣ въ струи Волжскія. Въ посланіи къ нимъ онъ сказалъ: взойдите на барку и войдите въ самихъ себя. Это пофранцузски каламбуръ или шутка: entrez dans la barque et rentrez dans vous-même. Но для высылаемыхъ это было не шуткою. *Опасались*, быть можетъ, *что народъ*, при вторженіи Наполеона въ Москву, *посягнетъ на нихъ*. Я близокъ былъ къ народу, я жилъ съ народомъ на улицахъ, на площадяхъ, на рынкахъ, вездѣ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ Москвы и живымъ Богомъ свидѣтельствуюсь, что никакая неистовая ненависть не волновала сыновъ Россіи“ [2]). Народъ посягалъ только на тѣхъ иностранцевъ, которыхъ, по ихъ же какимъ либо неосторожнымъ поступкамъ, подозрѣвалъ въ шпіонствѣ. Онъ ловилъ ихъ и приводилъ къ главнокомандующему, по его же наставленію.

Но что же это были за Французы, которыхъ графъ Ростопчинъ выпроводилъ изъ Москвы? „Для *удовольствія* народа, писалъ графъ Ростопчинъ Балашеву, отобравъ 43 человѣка изъ самыхъ замѣченныхъ по поведенію и образу мыслей Французовъ, нанявъ до Нижняго Новгорода барку, завтра ночью забравъ, отправлю водою, а оттуда въ Саратовъ и далѣе. Сухимъ путемъ отправленіе въ десять разъ стоило бы дороже. Расположеніе народа таково, что ежедневно заставляетъ меня плакать отъ радости. Всѣ предосторожности и мѣры приняты, чтобъ невозможно было бить въ набатъ. Это дѣлается изъ подъ тишка и, кажется, все придумано, чтобъ спокойствіе нарушено не было. Третьяго дня былъ пожаръ, сгорѣлъ одинъ деревянный домишка, въ которомъ жилъ переплетчикъ. Народу сбѣжалось множество, а причина была мысль, что зажжено и чтобы ловить зажигальщиковъ; но я ихъ успокоилъ и, все погася, пошли спать спокойно“ [3]). Нѣсколько дней спустя, онъ писалъ Балашеву же: „Французовъ 40 человѣкъ, коимъ при семъ прилагаю списокъ, на баркѣ въ Саратовъ отправилъ. Это выборная каналья изъ каналій“. Въ ихъ числѣ были книгопродавецъ Аллартъ и типографщикъ Семенъ, которыхъ онъ считалъ Иллюминатами, 14 учителей, 9 торговцевъ модными товарами, режиссеръ Французскаго театра, Арманъ Домергъ и его помощникъ, балетмейстеръ; остальные были фабриканты, ремесленники, даже одинъ Еврей и трое Нѣмцевъ. Большая часть изъ нихъ были люди семейные и связанные личными выгодами съ Россіею [4]). Путешествіе этихъ изгнанниковъ изъ Мос-

[2]) С. Н. Глинки, Записки о 1812 г., стр. 42.

[3]) Письма графа Ростопчина къ Балашеву отъ 18-го и 23 Авг. 1812 г.

[4]) Сосланы были: Аллартъ (Allart) книгопродавецъ; Оберъ-Шальме (Aubert-Chalmet) торговецъ; Оже (Auger) учитель; Арманъ (Armand) торговецъ модными товарами; Арманъ Домергъ (Armand-Domergue), режиссеръ Французскаго театра; Бекерсъ (Beckers), Нѣмецъ, торговецъ модными товарами; Демонси (Demoncy) тоже; Дюграво (Dugraveau) учитель; Етьенъ (Estienne) учитель; Файо (Fayot) изъ Женевы, учитель; Герсони (Guersoni)—Нѣмецкій Еврей, Жилле (Gillet)—фабрикантъ картъ; Гуттъ (Goutte)—торговецъ модными товарами; Гейдеръ (Heider) Швейцарецъ, фабрикантъ; Жако (Jacquot)—плюмажникъ; Ламираль (Lamiral)—бывшій балетмейстеръ; Латуръ (Latour)—учитель; Лоне (Launay) торговецъ кружевами; Лаво (Lavaux) — живописецъ; Леруа (Leroy) — учитель;

квы, по Москвѣ-рѣкѣ, до Коломны, а оттуда по всему теченію Оки до Нижняго Новгорода, весьма замѣчательно, потому что совершилось въ то время, когда непріятель занималъ Москву, когда всѣ окрестныя губерніи были взволнованы, и народное ожесточеніе противъ врага достигло до высшей степени; а между тѣмъ совершилось оно такъ спокойно, какъ бы въ мирное время. Въ продолженіи трехъ дней, когда барка, тихо подвигаясь по извилинамъ обмелѣвшей Москвы-рѣки, удалилась только на 40 верстъ отъ столицы,—жены, дочери и родственницы сосланныхъ по нѣскольку разъ пріѣзжали къ нимъ оттуда. „Не смотря на наше постепенное удаленіе, говоритъ одинъ изъ нихъ, не смотря на то, что онѣ были Француженки и на опасность ввѣряться Русскимъ кучерамъ, которыхъ настроеніе во всякомъ случаѣ могло внушать подозрѣнія, эти женщины рѣшались нѣсколько разъ пріѣзжать къ намъ. Конечно неблагоразумно было проѣзжать страну съ народонаселеніемъ взволнованнымъ, оставлявшимъ свои жилища, въ виду приближенія Наполеона; но чувство самосохраненія уступило мѣсто чувству сердечной привязанности: онѣ не могли вдругъ оставить насъ, не проститься снова, не оказать еще помощи несчастнымъ старикамъ, отцамъ, мужьямъ. Выѣзжая на разсвѣтѣ, эти женщины иногда блуждали по цѣлому дню, пока не находили нашу барку, пріѣзжали къ намъ вечеромъ и ночью должны были возвращаться въ Москву. Наши совѣты и увѣщанія не могли отклонить ихъ отъ этого. Каждый разъ онѣ привозили съѣстные припасы, матрацы, одѣяла, бѣлье, мѣха“. Четыремъ изъ этихъ женщинъ Волковъ позволилъ ѣхать вмѣстѣ съ мужьями. Такія посѣщенія прекратились только тогда, когда барка ушла довольно далеко и когда Французы заняли Москву.

Это путешествіе продолжалось почти два мѣсяца. Выѣхавъ изъ Москвы 22 Авг., иностранцы прибыли въ Нижній Новгородъ 17 Октября. По мелководью Москвы-рѣки въ это время года, до Коломны они ѣхали 8 дней. Одинъ офицеръ и нѣсколько инвалидовъ составляли ихъ стражу, которая позволяла имъ выходить на берегъ, въ сопровожденіи двухъ инвалидовъ. „Проходя по улицамъ Коломны, говоритъ Домергъ, мы могли понять, какое кровопролитное было сраженіе. Всѣ дома были наполнены ранеными: не знали, куда ихъ помѣщать, а между тѣмъ подходили новые обозы“. Знавшіе Русскій языкъ иностранцы разговаривали съ ранеными о военныхъ дѣйствіяхъ. „Все шло для насъ хорошо въ Коломнѣ; наша барка осторожно была причалена къ берегу, въ полу-верстѣ отъ города и не возбудила вниманія. Но послѣ обѣда, странность ли нашихъ одеждъ или нѣкоторые изъ Московскихъ выходцевъ, узнавшіе насъ, обратили на насъ вниманіе народа. Вдругъ посыпались на насъ брань и даже каменья, и мы едва добрались до нашей пловучей тюрьмы“. За Коломной они встрѣ-

---

Массонъ (Masson)—Нѣмецъ, басъ въ оркестрѣ Русскаго театра; Массонъ (Masson)—учитель фехтованія; Мейеръ (Meier) Нѣмецъ, торговецъ; Монтань (Montagne) — бывшій торговецъ; Морисо (Moriceau) — учитель Латинскаго языка; Мортье (Mortier)—учитель фехтованія; Палу (Palu)—учитель; Паоли (Paoli)—Нѣмецъ, винный торговецъ; Пиверъ (Pivert)—бронзовщикъ; Рено (Renaud)—учитель; Рей-Жоли (Rey-Joly)—учитель; Розъ (Rhoze)—помощникъ режиссера Французскаго театра; Сентагатъ (Sainte-Agathe)—учитель; Сенвисанъ (Saint-Vicent)—учитель; Сегюи (Segui)—портной; Семенъ (Semèn) — типографщикъ; Тубо (Toubo)—табачный фабрикантъ; Веберъ (Weber) Швейцарецъ, торговый сидѣлецъ; Вилуанъ (Viloing)—поваръ; Ямницъ (Yamnitz)—Нѣмецъ докторъ (Арманъ Домергъ, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. I, стр. 256—257; B...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 60—61).

тили караванъ барокъ съ военными запасами и ратниками, которымъ начальствовалъ Рязанскій губернскій предводитель дворянства Измайловъ. Завидя ихъ барку, онъ пріѣхалъ къ нимъ и, разузнавъ объ ихъ судьбѣ, оставилъ ихъ барку при впаденіи въ Оку Москвы-рѣки. „Его благоразумные совѣты и ободренія внушили намъ уваженіе къ нему". Они останавливались въ Рязани и спокойно ходили съ своими инвалидами по городу, гдѣ не только дома, но и площади и улицы были наполнены ранеными. Повсюду встрѣчались отряды ополченій, въ Касимовѣ, въ Муромѣ. „Наша покорность судьбѣ успокоила подозрѣнія офицера. Грубый въ рѣчахъ и движеніяхъ, онъ обладалъ однакоже здравымъ смысломъ, замѣнявшимъ ему недостатокъ и даже совершенное отсутствіе образованія. Онъ не смотрѣлъ уже на насъ, какъ на ссыльныхъ, которыхъ объявили ему безпокойными и опасными, и не только не отягощалъ нашей участи излишними строгостями, но напротивъ старался облегчить ее всѣми способами, не нарушавшими его обязанности. Пока мы находились въ Московской губерніи, страхъ, который онъ питалъ къ графу Ростопчину и весьма естественное опасеніе, чтобы наши соотечественники не освободили насъ, возбуждали въ немъ осторожность; но лишь только онъ освободился отъ этихъ заботъ, какъ исчезла его строгость". Онъ дозволялъ имъ выходить на берегъ для прогулокъ; они посѣщали ближнія деревни и покупали продовольствіе. Въ заключеніе, когда барка окончила свой путь, достигнувъ Нижняго Новгорода, этотъ офицеръ попросилъ ихъ-же дать ему свидѣтельство въ томъ, что они довольны его обращеніемъ съ ними [5]).

Мы остановились на этомъ путешествіи, разсказавъ его почти вполнѣ словами одного изъ этихъ ссыльныхъ, какъ на явленіи весьма важномъ для объясненія отношеній Русскаго простонародья къ *безоружнымъ* и *мирнымъ* Французамъ. Кромѣ непріятности въ Коломнѣ, не имѣвшей однакоже важныхъ послѣдствій, ничего враждебнаго съ этой стороны не встрѣтили путешественники въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ.

Но иначе думалъ графъ Ростопчинъ. „Не задолго до вторженія непріятеля въ Москву, „одинъ случай" (разсказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ) могъ испортить все, чтò я сдѣлалъ для поддержанія спокойствія въ городѣ. Наканунѣ Бородинской битвы, два ремесленника-Нѣмца, говорившіе плохо порусски, вступили въ споръ съ однимъ мѣнялою и имѣли глупость ему сказать: „Чтò вы дѣлаете затрудненіе? Черезъ нѣсколько дней мы и даромъ возмемъ у васъ эти деньги". За бранью послѣдовали толчки, и два Нѣмца поплатились бы жизнью за свою безразсудную выходку, еслибы не находился близко полицейскій офицеръ, который ихъ защитилъ, задержалъ наиболѣе буйныхъ, и хотѣлъ Нѣмцевъ вести ко мнѣ; но народъ воспротивился, крича: *нашъ* графъ (такъ они меня называли) оправдаетъ ихъ, они не будутъ наказаны; гораздо лучше мы сами накажемъ шпіоновъ. Полицейскій офицеръ далъ знать объ этомъ происшествіи оберъ-полиціймейстеру, который нашелъ болѣе надежнымъ и удобнымъ для себя донести объ этомъ мнѣ. Онъ засталъ меня дома, и я немедленно рѣшился отправиться на мѣсто сборища толпы. Я всегда принималъ за правило, что никогда не слѣдуетъ уступать толпѣ, потому что въ этомъ случаѣ она сейчасъ потеряетъ къ вамъ всякое уваженіе. Доброта есть слабость въ ея глазахъ, и можно сдѣлаться рабомъ такого господина, который никогда не знаетъ, чтò онъ дѣлаетъ и рѣдко—чего онъ требуетъ.

---

[5]) Арманъ Домергъ, тамъ-же т. I, гл. VIII, IX, X и XI, стр. 244—334.

Подъѣхавъ къ въѣзду въ улицу, которая ведетъ къ лавкамъ, гдѣ происходила эта ссора, я нашелъ ее наполненную народомъ; я остановился и отправился одинъ, сказавъ оберъ-полицiймейстеру и находившимся при немъ чинамъ, чтобы они остались на мѣстѣ. Толпа разступилась передо мною, и я безъ всякихъ препятствiй подошелъ къ этому мѣсту, гдѣ увидалъ двухъ Нѣмцевъ. Они сидѣли на тротуарѣ передъ лавками и казались сильно помятыми; квартальный офицеръ стоялъ передъ ними, загораживая ихъ собою. Раздавался крикъ. Я сдѣлалъ знакъ рукою, и все стихло. Со строгимъ видомъ я обратился къ толпѣ и спросилъ: по какому праву они осмѣливаются расправляться сами и душить людей, не умѣющихъ выражаться порусски? Всѣ молчали и стояли, снявши шапки, какъ вдругъ одинъ молодой человѣкъ, мелкiй купчикъ, какъ видно было по одеждѣ, съ рѣшительностiю отвѣчалъ: „пора народу дѣйствовать самому, когда вы отдаете его въ жертву иностранцамъ!“ Такъ какъ онъ находился возлѣ меня, то сильнѣйшая ему пощечина была отвѣтомъ съ моей стороны. Онъ зашатался; а я закричалъ, чтобы скорѣе привели мнѣ каменьщика замазать ему известкою ротъ, который осмѣливается богохульствовать (qui blasphême). Толпа разступилась, и этотъ купчикъ убѣжалъ. Тогда я приказалъ квартальному взять извощика и отвезти Нѣмцевъ въ больницу, что̀ и было исполнено безъ малѣйшихъ препятствiй. Оставшись побѣдителемъ, я прочелъ надлежащее поученiе народу, который признался, что былъ виноватъ, что не знаетъ, кто были зачинщиками брани и просилъ меня простить молодаго человѣка, которому я далъ пощечину. Я его простилъ, заявляя имъ свое великодушiе, и вышелъ изъ этихъ обстоятельствъ крайне довольный, что такъ все кончилось“.

Страсть къ сценическому искусству ярко выражается въ этомъ разсказѣ, съ любовью начертанномъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ разсказъ доказываетъ, до какой степени было легко успокоить взволнованную толпу, даже наканунѣ почти вторженiя непрiятеля. Она не только покорилась, когда явился генералъ-губернаторъ; но очевидно не была особенно возбуждена, когда квартальному надзирателю удавалось въ продолженiи нѣсколькихъ часовъ оградить отъ ея нападенiй неосторожныхъ Нѣмцевъ. Но этотъ случай однакоже имѣлъ влiянiе на самаго графа Ростопчина, и онъ рѣшался уже прибѣгнуть къ еще болѣе строгимъ мѣрамъ противъ иностранцевъ. „Иностранцы совсѣмъ не умолкаютъ (писалъ онъ къ Балашеву), и еще вчера одинъ громко проповѣдывалъ бунтъ, предсказывалъ все, что̀ сдѣлаетъ здѣсь Бонапарте и ругалъ Государя. Такъ какъ обстоятельства чрезвычайныя, народъ озлобленъ и недоволенъ, что иностранныхъ я не жестоко наказываю: то послѣ завтра сего иностраннаго я прикажу повѣсить на Конной за возмущенiе“. Но это письмо было писано 29 Августа, а черезъ два дня уже было рѣшено оставленiе Москвы, и потому казнь не могла состояться [6]).

Кромѣ Французовъ, графа Ростопчина озабочивали въ это время и другаго рода ссыльные, которыхъ подъ его надзоръ прислали въ Москву изъ армiи. Во время сраженiя нашего авангарда при Молевомъ болотѣ, 27 Iюля, были захвачены бумаги генерала Себастiяни. Въ числѣ ихъ нашелся приказъ на его имя отъ Мюрата, въ которомъ онъ извѣщалъ его о движенiяхъ Русскихъ войскъ на Рудню. Какимъ способомъ могъ узнать такъ своевременно и скоро Неаполитанскiй король о рѣшенiи военнаго совѣта,

---

[6]) Письмо графа Ростопчина къ министру полицiи отъ 29 Августа 1812 г. Этотъ Французъ былъ Мутонъ, котораго графъ Ростопчинъ вывелъ народу вмѣстѣ съ Верещагинымъ.

бывшаго въ Смоленскѣ (25 Іюля)? Въ послѣдствіи объяснилось это странное обстоятельство: послѣ военнаго совѣта, бывшаго въ Смоленскѣ, полковникъ Толь съ нѣсколькими генералами продолжалъ разсужденія о предпринятыхъ движеніяхъ на улицѣ, противъ дома, гдѣ стоялъ флигель-адъютантъ кн. Любомірскій. Мать князя находилась въ своемъ имѣніи, въ Лядахъ. Подслушавъ этотъ разговоръ и заботясь о спокойствіи матери, онъ немедленно отправился къ нашимъ аванпостамъ, находившимся у г. Краснаго, подъ начальствомъ генерала Оленина и оттуда съ своимъ слугою послалъ письмо къ матери, извѣщая ее объ опасности пребыванія въ Лядахъ. Письмо пришло въ то время, когда въ ея домѣ помѣщалась главная квартира Мюрата, случайно или съ намѣреніемъ попало въ его руки и послужило поводомъ приказа, отданнаго имъ начальнику его авангарда генералу Себастіяни [7]. Но въ то время, когда этотъ приказъ съ

[7]) Это свѣдѣніе основано на запискахъ Вольцогена, который передаетъ разсказъ князя Меньщикова, слышанный имъ отъ него уже въ 1818 г. въ Ахенѣ. Но въ то время подозрѣніе падало на самаго Вольцогена. „Въ войскахъ полагали, говоритъ онъ, что я нахожусь въ сношеніяхъ съ Французами и передаю имъ предположенія главнокомандующаго, и не только офицеры, Русскіе по происхожденію, но и простые солдаты смотрѣли на меня, какъ на измѣнника. Но Барклай отклонялъ мои опасенія и увѣрялъ, что съ своей стороны никогда не сомнѣвался въ моей вѣрности; но я не обманывался и когда сдѣлалась извѣстна записка Мюрата, всѣ убѣдились въ этомъ, и даже великій князь Константинъ прямо называлъ меня измѣнникомъ. Подозрѣвали также и нѣкоторыхъ Польскихъ офицеровъ, которыхъ Барклай вскорѣ и удалилъ изъ арміи“. „Въ послѣдствіи отъ б. Штейна я узналъ, какой опасности подвергалась моя жизнь, когда извѣстіе о запискѣ Мюрата великій князь Константинъ привезъ въ Петербургъ и оно дошло до императора, и что только ему и добрымъ и благороднымъ чувствамъ императора я былъ обязанъ спасеніемъ. При разговорѣ объ этомъ, въ кабинетѣ государя, присутствовалъ и графъ Толстой, оберъ-гофмаршалъ, который сказалъ: „Если ваше величество не прикажите казнить полковника Вольцогена, то разрушится вся армія“. Штейнъ ручался честью за мою невинность и разсѣялъ подозрѣнія государя, что̀ доказывается тѣмъ, что 4 Окт. 1812 г. я получилъ орденъ Анны второй степени. Но что всего удивительнѣе въ этой исторіи, то это то, что графъ Толстой былъ тестемъ кн. Любомірскаго, такъ что онъ, не зная того, изрекалъ смертный приговоръ своему зятю“. (Memoiren v. Wolzogen. Leipzig 1857, стр. 119 — 120; Левенштернъ, Denkwürdigkeiten eines Livländers, ч. I, стр. 187). Но что касается до князя Любомірскаго, то нельзя не указать на нѣкоторыя сомнѣнія. Онъ привезъ въ Петербургъ, между прочими бумагами, письмо къ императору Барклая де Толли отъ 22 Іюля изъ Смоленска. На подлинномъ письмѣ находится помѣта рукою Аракчеева: „С. Петербургъ, 26 Іюля, съ княземъ Любомірскимъ“. Если съ письмомъ, написаннымъ 22-го Іюля, князь Любомірскій выѣхалъ изъ Смоленска даже 24-го, то во всякомъ случаѣ прежде военнаго совѣта, который былъ 25-го Іюля. Слѣдовательно, онъ не могъ знать, хотя и случайно, принятыхъ на немъ рѣшеній и не имѣлъ повода предостерегать свою мать. Конечно, это сомнѣніе можетъ быть устранено слѣдующимъ соображеніемъ. Главнокомандующіе обѣими арміями увидались въ Смоленскѣ 21-го Іюля и, какъ видно изъ этого письма Барклая къ императору, согласились между собою на счетъ будущихъ военныхъ дѣйствій. Ихъ предположенія могли приближеннымъ лицамъ ихъ штабовъ немедленно сдѣлаться извѣстными и послужить предметомъ ихъ разговоровъ и споровъ. Одинъ изъ такихъ разговоровъ и могъ быть услышанъ нечаянно Любомірскимъ, до его отъѣзда въ Петербургъ и до военнаго совѣта, который подтвердилъ только прежнія предположенія главнокомандующихъ. Но во всякомъ случаѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ Мюратъ узналъ о нихъ, едва-ли можно считать положительно разрѣшеннымъ.

другими бумагами захваченъ былъ казаками и дошелъ до свѣдѣнія нашей главной квартиры, конечно никто не зналъ, какимъ способомъ могъ узнать Мюратъ о предположеніяхъ нашихъ главнокомандующихъ. Начались подозрѣнія, которыя естественно должны были падать на людей близкихъ къ главнокомандующимъ и конечно не на Русскихъ. Болѣе всѣхъ подозрѣвали Вольцогена, потому что онъ былъ человѣкомъ близкимъ и единомышленникомъ генерала Пфуля, котораго такъ единодушно и съ такимъ презрѣніемъ ненавидѣли въ нашихъ войскахъ, а потомъ, по отъѣздѣ Пфуля, Вольцогенъ остался ближайшимъ совѣтникомъ при Барклаѣ де Толли. Подозрѣвали его адъютанта и также близкаго ему человѣка, Левенштерна, и Жанбара (Jean-Bart), находившагося при начальникѣ штаба второй арміи графѣ Сенъ-При. Но главнокомандующій первою арміею напалъ на мысль, наиболѣе приближавшуюся къ истинѣ. Онъ, подъ различными предлогами, немедленно удалилъ изъ арміи четырехъ флигель-адъютантовъ, графа Браницкаго, графа Потоцкаго, кн. Любомірскаго и Влодека. Влодекъ пріѣхалъ съ его письмомъ въ Москву къ графу Ростопчину. Сему послѣднему не было пріятно, что главнокомандующій дѣлаетъ Москву мѣстомъ ссылки и ему поручаетъ надзоръ надъ ссыльными. Но, на первый разъ, скрывъ свое негодованіе, онъ холодно и коротко отвѣчалъ Барклаю-де-Толли: „Письмо ваше я имѣлъ честь получить и вручителя онаго полковника Влодека, подъ предлогомъ скораго сюда прибытія государя императора, удержалъ, имѣя за сношеніями его самый крѣпкій надзоръ“ [8]). Но въ тоже время въ письмѣ къ императору, выражая негодованіе на образъ дѣйствій военнаго министра, онъ говоритъ между прочимъ: „Въ слѣдствіе подозрѣнія, возбужденнаго однимъ письмомъ, найденнымъ въ бумагахъ Себастіяни, удалены изъ войскъ четверо вашихъ флигель-адъютантовъ. Влодекъ находится здѣсь въ ожиданіи вашего прибытія, Любомірскій въ Петербургѣ, Браницкій и Потоцкій въ Гжатскѣ. Они всѣ четверо не могутъ быть измѣнниками; зачѣмъ же наказывать ихъ такимъ позорнымъ образомъ? Почему же не Вольцогенъ или кто либо другой сообщили извѣстія непріятелю [9])?“

Высылка изъ главной квартиры этихъ флигель-адъютантовъ, Поляковъ, не разсѣяла подозрѣній въ войскахъ. Подозрѣнія обращены были не на нихъ, и графъ Ростопчинъ, указавая на Вольцогена, повторялъ лишь слухи, доходившіе до него изъ арміи. А. П. Ермоловъ, въ своихъ Запискахъ о войнѣ 1812 года, разсказываетъ о слѣдующемъ разговорѣ своемъ съ атаманомъ Платовымъ, въ то время, когда наши арміи отступали отъ Смоленска къ Дорогобужу и дневали у д. Усвятья: „Атаманъ Платовъ сказывалъ мнѣ о показаніи взятаго въ плѣнъ унтеръ-офицера Польскихъ войскъ, что, будучи у своего полковника на ординарцахъ, онъ видѣлъ два дни сряду пріѣзжавшаго въ лагерь Польскій подъ Смоленскомъ нашего офицера въ большихъ серебряныхъ эполетахъ, который говорилъ о числѣ нашихъ войскъ и весьма невыгодно о генералахъ. Разговорились мы съ генераломъ Платовымъ о другихъ не совсѣмъ благонадежныхъ и совершенно безполезныхъ людяхъ, осаждающихъ главную квартиру и между прочими о флигель-адъютантѣ полковникѣ Вольцогенѣ, къ которому замѣчена была особенная благосклонность главнокомандующаго. Атаманъ Платовъ, въ веселомъ расположеніи ума, довольно смѣшными въ своемъ

---

[8]) Письмо Барклая де Толли къ графу Ростопчину отъ 30 Іюля 1812 г. изъ Мощинки; отвѣтъ ему графа Ростопчина отъ 6-го Авг. 1812 г.

[9]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 6-го Авг. 1812 г.

родѣ шутками говорилъ мнѣ: „Вотъ, братъ, какъ надобно поступать; дай мысль поручить ему обозрѣніе Французской арміи и направь его на меня, а тамъ уже мое дѣло, какъ разлучить Нѣмцевъ. Я дамъ ему провожатыхъ, которые такъ покажутъ ему Французовъ, что въ другой разъ онъ ихъ не увидитъ". Атаманъ Платовъ утверждалъ, что знаетъ другихъ, достойныхъ равной почести. „Не мѣшало бы, сказалъ онъ, еслибъ князь Багратіонъ прислалъ ко мнѣ графа Жанбара, служащаго при начальникѣ главнаго штаба, графѣ Сенъ-При, въ распоряженія котораго онъ много вмѣшивается". Много посмѣявшись съ атаманомъ Платовымъ, я говорилъ ему, что есть такіе чувствительные люди, которыхъ можетъ оскорбить подобная шутка, и филантропы сіи, облекаясь наружностію человѣколюбія и состраданія, выставляютъ себя защитниками правъ человѣка" [10]).

Въ это именно время, когда войска находились у Дорогобужа, баронъ Вольцогенъ, отведя въ сторону маіора Левенштерна, находившагося въ качествѣ адъютанта при главнокомандующемъ первою арміею и пользовавшагося его расположеніемъ, сказалъ ему: „Знаете ли вы, что васъ отправляютъ нарочнымъ въ Москву"? Это извѣстіе не могло не поразить молодого офицера, мечтавшаго о битвахъ и славѣ въ то время, когда всѣ ожидали рѣшительнаго сраженія. „Я видѣлъ уже подписанныя бумаги у генерала Ермолова", продолжалъ Вольцогенъ. Левенштернъ обратился съ вопросомъ къ Ермолову. „Я ничего объ этомъ не знаю", отвѣчалъ тотъ съ улыбкою. „Какъ не знаете, генералъ, когда уже приготовлены бумаги?" возразилъ Левенштернъ. „Да; теперь я припоминаю, что вчера въ военномъ совѣтѣ шла рѣчь о томъ, чтобы отправить туда кого нибудь изъ высокопоставленныхъ офицеровъ съ цѣлью успокоить городъ, смущенный оставленіемъ Смоленска. Общее мнѣніе указало на васъ; вамъ извѣстны всѣ обстоятельства, и вы такъ поставлены, что можете вѣрно судить о нихъ". „Если мой выборъ рѣшенъ, отвѣчалъ Левенштернъ, то конечно я спорить не могу; но позволю себѣ просить главнокомандующаго не удалять меня изъ арміи, когда ожидается сраженіе и замѣнить меня другимъ офицеромъ, напримѣръ молодымъ графомъ Ростопчинымъ". — „Вы можете дѣйствовать, какъ вамъ угодно", отвѣчалъ ему по прежнему улыбаясь Ермоловъ. Смущенный, дрожащимъ голосомъ выразилъ Левенштернъ свою просьбу Барклаю де Толли и выслушалъ такой отвѣтъ: „Вы должны ѣхать, любезный Левенштернъ; бумаги уже готовы; посылка нарочнаго необходима. Я надѣюсь, что вы скоро возвратитесь и полагаю, что въ ваше отсутствіе еще не будетъ дано сраженія, такъ что вы ничего не потеряете. Добрый путь!" Успокоенный надеждою скораго возвращенія, Левенштернъ немедленно отправился въ Москву. „Въ то время, когда въ Москвѣ отыскивали шпіоновъ тамъ, гдѣ ихъ не было, въ главной квартирѣ (говоритъ въ своихъ Запискахъ графъ Ростопчинъ), открыли измѣну, но не открыли измѣнника. Во время движеній Барклая около Смоленска, отрядъ нашей кавалеріи захватилъ коляску генерала Монтобрюна, и въ его бумагахъ нашлось письмо, сообщавшее о наступательныхъ дѣйствіяхъ, которыя намѣревался предпринять Барклай. Подозрѣвали Польскихъ офицеровъ, находившихся въ нашей службѣ, которые, какъ флигель-адъютанты, состояли при главной квартирѣ. Худо принялись за дѣло или неловко, и потому ничего не открыли. Съ этого-то времени Барклай придумалъ посылать въ Москву тѣхъ офицеровъ, которыхъ подозрѣвали въ войскахъ. Первымъ пріѣхалъ полковникъ Влодекъ; я принялъ его хорошо, часто видалъ его и никогда не считалъ способнымъ на

---

[10]) Записки Ермолова, ч. I, стр. 181.

измѣну. Вторымъ былъ б. Левенштернъ, который предполагалъ, что посланъ какъ курьеръ и чрезвычайно заботился о томъ, чтобы поскорѣе возвратиться къ войскамъ. Но когда я показалъ ему письмо Барклая, въ которомъ онъ просилъ меня задержать его въ Москвѣ, потому что, ѣздивъ ночью къ непріятельскимъ аванпостамъ, онъ сдѣлался подозрителенъ въ войскахъ, онъ поблагодарилъ меня за мое учтивое съ нимъ обхожденіе и объявилъ, что застрѣлится, не будучи въ силахъ перенести такого позорнаго подозрѣнія. Я замѣтилъ ему, что конечно онъ властенъ убить себя, но что такой поступокъ съ его стороны не только не уничтожитъ подозрѣній, но напротивъ подкрѣпитъ ихъ. Онъ былъ пораженъ моимъ замѣчаніемъ и успокоился; а я обѣщалъ ему отправить его въ армію, принявъ на себя отвѣтственность. Онъ отчаянно дрался потомъ при Бородинѣ и два раза былъ раненъ пулею".

Графъ Ростопчинъ, принявъ письмо отъ Левенштерна и пробѣжавъ его наскоро, долго бесѣдовалъ съ нимъ о войскахъ и ихъ дѣйствіяхъ. Онъ былъ враждебно расположенъ къ Барклаю де Толли, особенно въ это время, когда только что распространилась вѣсть объ оставленіи Смоленска и отступленіи нашихъ войскъ къ Дорогобужу, не довѣрялъ основательности его мѣръ въ отношеніи къ этимъ офицерамъ и сердился, что изъ Москвы онъ дѣлаетъ мѣсто для ихъ ссылки. Поговоривъ съ Левенштерномъ, онъ убѣдился, что измѣнникомъ онъ быть не можетъ, ласково обошелся съ нимъ, приглашалъ его обѣдать, познакомилъ съ своею супругою, которая распрашивала его о своемъ сынѣ. „Я долженъ признаться вамъ, писалъ онъ Барклаю де Толли, что второе препорученіе ваше о г-нѣ Левенштернѣ приводитъ меня въ большое затрудненіе. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля и дѣйствій военныхъ, всякій офицеръ долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Если вы имѣете сомнѣніе въ ихъ вѣрности, то должно ссылать далѣе, а не въ столицу. Если же есть доказательства въ измѣнѣ, для чего не разстрѣливать? Совсѣмъ тѣмъ я Левенштерна удерживаю подъ предлогомъ скораго отправленія. Но не отвѣчаю вамъ, если онъ захочетъ уѣхать; ибо онъ не подъ карауломъ, и здѣсь скверныхъ людей довольно" [11]). „Хотя въ гостепріимной Москвѣ, говоритъ

[11]) Письмо графа Ростопчина къ Барклаю отъ 15 Авг. 1812 г. Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ: *второе порученіе ваше*, потому что въ тотъ день, какъ пріѣхалъ Левенштернъ, привезъ ему письмо отъ Барклая другой курьеръ, полковникъ Ѳедоровъ. Оно было отвѣтомъ на слѣдующее письмо графа Ростопчина отъ 10-го Августа: „Получа достовѣрное извѣстіе объ отступленіи отъ Смоленска послѣ кровопролитной битвы и что наши арміи стоятъ на Днѣпрѣ, отправляю нарочнаго къ вашему высокопревосходительству, испрашивая у васъ на слѣдующіе пункты рѣшенія:

1. Полки, уже сформированные, Московской военной силы, вести ли къ Можайску?

2. Не настоитъ-ли надобности въ провіантѣ?

3. Здѣсь еще слишкомъ милліонъ заготовленныхъ боевыхъ патроновъ. Нѣтъ-ли въ нихъ надобности?

4. Также изъ здѣшняго арсенала различныхъ калибровъ пушекъ, совсѣмъ готовыхъ, отправить-ли, сколько потребно, къ арміи?

Ожидаю о семъ сообщенія". Имѣю честь и пр.

Получивъ съ полк. Ѳедоровымъ отвѣтъ главнокомандующаго, въ которомъ онъ спрашивалъ его о состояніи ополченія Московскаго округа, графъ отвѣчалъ ему: „На почтеннѣйшія письма в. высокопр—ва, полк. Ѳедоровымъ и адъютантомъ Левенштерномъ доставленныя, имѣю честь отвѣчать, что къ 20-му числу сего мѣсяца,

Левенштернъ, повсюду я встрѣчалъ ласковый пріемъ, но всѣ мои мысли и дѣйствія сосредоточивались на домѣ графа Ростопчина. Поутру я бывалъ у него, чтобы узнать, какія получены извѣстія изъ арміи, обѣдалъ по его приглашенію постоянно; вечеромъ, чтобы ему или графинѣ выразить мое желаніе поскорѣе возвратиться въ главную квартиру. Но графъ отвѣчалъ уклончиво и со дня на день откладывалъ мое отправленіе. Такъ проходили дни за днями, и мое нетерпѣніе возрастало. Въ одно утро, передъ дверями кабинета графа Ростопчина, я говорилъ его адъютанту Обрѣзкову: „Скажите графу, что моему терпѣнію наступилъ конецъ; я долженъ немедленно ѣхать, потому что не хочу по пустому тратить здѣсь время. Мое чувство долга, моя честь, всѣ движенія моей души влекутъ меня на поле брани. То, чтò захочетъ графъ написать главнокомандующимъ, онъ можетъ отправить въ главную квартиру съ первымъ попавшимся драгуномъ. Я не въ состояніи болѣе ждать. Я убѣгу отсюда пѣшкомъ". Левенштернъ съ умысломъ говорилъ такъ громко, чтобы его слова могъ слышать въ кабинетѣ графъ Ростопчинъ и едва онъ окончилъ рѣчь, какъ растворилась дверь, и графъ пригласилъ его войти въ кабинетъ. „Г. майоръ, сказалъ онъ ему, я могу только хвалить ваше нетерпѣніе; какъ военный, вы исполнены чувствами чести и долга, соотвѣтствующими вашему званію. Мнѣ больно; но я долженъ вамъ объявить, что письмо, которое вы мнѣ привезли, было вашимъ приговоромъ къ ссылкѣ. Главнокомандующій пишетъ мнѣ, чтобы подъ какимъ нибудь предлогомъ я задержалъ васъ въ Москвѣ и надзиралъ за вами. На васъ пало подозрѣніе въ войскахъ..... я не договариваю конца. Довольно, я долженъ задерживать васъ. Познакомившись съ вами, я убѣдился, что вы не можете быть измѣнникомъ, и вы будете оправданы. Но пока считайте мой домъ своимъ и бывайте у меня ежедневно. Если хотите, то напишите письмо государю; я отправлю его вмѣстѣ съ своимъ".

Легко себѣ представить, чтò испытывалъ молодой офицеръ, выслушавъ это совершенно для него неожиданное объясненіе и вспоминая слова Барклая, который успокоилъ его надеждою скораго возвращенія къ войскамъ. Онъ пытался что-то говорить графу Ростопчину, готовъ былъ рѣшиться на самоубійство, но графъ прервалъ его конечно безсвязныя рѣчи: „Мнѣ не нужно вашихъ объясненій; дайте мнѣ слово, что вы не рѣшитесь на безразсудный поступокъ; успокойтесь, останьтесь въ моемъ кабинетѣ и можете здѣсь написать письмо", сказалъ графъ Ростопчинъ и вышелъ изъ кабинета, оставивъ тамъ Левенштерна [12]).

Неизвѣстно, чтò Левенштернъ написалъ государю въ такомъ расположеніи духа; но съ достовѣрностію можно сказать, что графъ Ростопчинъ не отправилъ его письма и поступилъ весьма благоразумно: императоръ не зналъ обстоятельствъ, которыя вынудили главнокомандующаго на такую мѣру и во всякомъ случаѣ едва-ли рѣшился бы отмѣнить ее, чтобы не уронить значенія его власти. Графъ Ростопчинъ даже не упомянулъ о

въ Можайскѣ, въ Рузѣ и Вереѣ будетъ собрано Московской военной силы до 16.000 чел. Вчера отсюда выступило 6.000, а остальные изъ разныхъ мѣстъ идутъ къ тѣмъ же мѣстамъ, безъ отдыха. Впрочемъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ, нѣтъ ни усилія, ни дѣйствія, ни пожертвованія, коими бы жители Москвы не отличились и не поставили себѣ въ священный долгъ. Столица и войска должны быть единодушны: симъ побѣдится врагъ нашъ, и мощь его сокрушится передъ силою Россіи. Съ истин. почтеп. и пр". Авг. 15 дня 1812 г. Москва.

[12]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten eines Livländers, ч. I, стр. 199 — 205.

Левенштернѣ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ къ государю. Убѣжденный въ его невинности, очевидно онъ рѣшился дѣйствовать въ его пользу на свой страхъ и выжидалъ только благопріятнаго случая, который не замедлилъ вскорѣ представиться: это было назначеніе новаго главнокомандующаго, князя Кутузова.

По свидѣтельству Левенштерна, кромѣ его и Влодека, въ Москвѣ находились также Браницкій и Потоцкій, пріѣхавшіе изъ Гжатска и Любомірскій изъ Петербурга и, недолго спустя, прибылъ изъ арміи графъ Лезеръ, съ письмомъ къ графу Ростопчину отъ Барклая де Толли. Это случилось въ тотъ день, когда Платовъ тоже былъ въ Москвѣ и останавливался въ домѣ графа Ростопчина (22 Авг.). „Вечеромъ (говоритъ графъ въ своихъ Запискахъ о 1812 годѣ), когда я сошелъ внизъ, чтобы пить чай, ко мнѣ пріѣхалъ подполковникъ нашей службы, баронъ или графъ Лезеръ съ письмомъ отъ генерала Барклая. Это опять была одна изъ подозрительныхъ личностей, которую поручали мнѣ отправить куда нибудь подалѣе, внутрь страны. Пока я писалъ письмо къ Оренбургскому гражданскому губернатору, куда отправлялъ Лезера, онъ въ сосѣдней комнатѣ поссорился съ Платовымъ, который дѣлалъ ему упреки за его поведеніе и спрашивалъ, извѣстно ли ему приказаніе на его счетъ, которое онъ далъ своимъ аванпостамъ,—убить его, когда онъ тамъ покажется. Я положилъ конецъ этой смѣшной ссорѣ, объявивъ графу Лезеру, что подъ надзоромъ драгунскаго унтеръ-офицера онъ немедленно долженъ отправиться въ Пермь. Онъ разгорячился и спросилъ меня: по какому праву я отправляю его туда? Я велѣлъ ему прочитать письмо Барклая и чтобы доказать ему, что онъ дѣйствительно поѣдетъ туда и что не долженъ забываться передо мною, я велѣлъ адъютанту взять у него шпагу, и черезъ пять минутъ потомъ онъ уже скакалъ по большой дорогѣ“.

Графъ Лезеръ состоялъ при главномъ штабѣ второй арміи и пользовался расположеніемъ начальника этого штаба, графа Сенъ-При, который въ послѣдствіи принималъ живое участіе въ его судьбѣ [13]). Объ этомъ

---

[13]) Письмо графа Сенъ-При къ графу Бріону (c-te de Brion) 15 Октября 1812 г. „Я только что получилъ ваше письмо отъ 11-го Октября и немедленно отправилъ бы его къ государю императору, еслибъ сдѣланныя уже съ моей стороны попытки въ пользу графа Лезера передъ фельдмаршаломъ Кутузовымъ не доказали мнѣ, что онъ вовсе и не зналъ объ этомъ дѣлѣ. Фельдмаршалъ можетъ рѣшить его собственною властью, но повредилъ бы, быть можетъ, еще болѣе вашему племяннику, еслибы довелъ о его дѣлѣ до свѣдѣнія императора, который вѣроятно о немъ не знаетъ. Обратиться въ крайнемъ случаѣ къ государю еще всегда будетъ время, испытавъ напередъ всѣ другіе способы вывести графа Лезера изъ того непріятнаго положенія, въ которомъ онъ находится. Поэтому, въ настоящее время я думаю, что, прежде нежели обращаться къ императору, лучше воспользоваться властью фельдмаршала, и я надѣюсь, послѣ моего разговора съ нимъ, что графу Лезеру будетъ отдана должная справедливость“.

„Я могу впрочемъ увѣрить васъ, что вашъ племянникъ вовсе не заслужилъ той печальной участи, которой онъ подвергся. Безъ сомнѣнія это сдѣлалось, какъ и вы справедливо предполагаете, на основаніи случайныхъ подозрѣній; а неосторожная выходка Платова послужила поводомъ графу Ростопчину, придираясь къ тому волненію, въ которомъ находилась въ то время Москва, отправить его въ Пермь. Къ несчастію, въ то время я былъ уже раненъ, также какъ и князь Багратіонъ; а потомъ оставленіе Москвы и занятіе ея непріятелемъ не позволяли и думать о несчастіяхъ, постигшихъ частныхъ лицъ. Но лишь только я выздоровѣлъ, какъ тотъ-часъ же занялся дѣломъ графа Лезера, и оно было бы окончено, еслибъ ген.

происшествіи разсказываетъ б. Левенштернъ. „Хотя моя совѣсть, говоритъ онъ, меня ни въ чемъ не упрекала и въ графѣ Ростопчинѣ я нашелъ благороднаго и великодушнаго судью, однакоже мое положеніе въ Москвѣ было чрезвычайно тяжелое. Обвиняемый и подозрѣваемый въ низкомъ предательствѣ и въ сочувствіи съ непріятелемъ! Когда прошла мысль о самоубійствѣ, часто мнѣ приходило въ голову бѣжать въ армію, прибѣгнуть къ Божьему суду и вызвать на дуель моихъ обвинителей. Нѣкоторое облеченіе моей угнетенной душѣ доставило прибытіе въ Москву другихъ, также подозрѣваемыхъ, какъ и я. Это были Поляки, высокопоставленные, большею частію флигель-адъютанты, хорошихъ семействъ. Предполагали, что ихъ удалили отъ главной квартиры и отдали подъ наблюденіе графа Ростопчина. Это были графъ Станиславъ Потоцкій, графъ Браницкій, князь Любомірскій и полковникъ Влодекъ. Мы утѣшали другъ друга, что предубѣжденіе противъ насъ пройдетъ, время объяснитъ дѣло и рѣшились уже спокойно оставаться простыми зрителями. Сама Москва, напряженная, судорожно содрогавшаяся, уже представляла ежедневно удивительное зрѣлище. Въ одно утро, когда я находился въ пріемной у графа Ростопчина, вошелъ покрытый пылью курьеръ изъ арміи. Его всѣ окружили, желая узнать о послѣднихъ происшествіяхъ. Онъ назвался подполковникомъ графомъ Лезеромъ, адъютантомъ князя Багратіона и вошелъ съ депешами въ кабинетъ графа. Немного прошло времени, какъ началась бѣготня, позвали оберъ-полиціймейстера, сторожей, и этотъ курьеръ, въ сопровожденіи драгуна, былъ отправленъ въ Пермь. Видѣлъ я, какъ графъ Лезеръ, съ поникшею головою, съ смущеннымъ взглядомъ, вышелъ изъ кабинета и, сопровождаемый стражею, удалился. Онъ, также какъ и я самъ, привезъ свой приговоръ; но я не знаю, почему его судьба была суровѣе моей: онъ получилъ свободу только въ 1815 г., по окончаніи войны“. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, утромъ вбѣжалъ къ Левенштерну запыхавшійся курьеръ и пригласилъ немедленно явиться къ главнокомандующему. Съ веселымъ лицомъ вышелъ къ нему на встрѣчу графъ Ростопчинъ и сказалъ: „Къ счастію, ваше дѣло получило хорошій оборотъ; вамъ дозволено возвратиться въ армію. Я получилъ оттуда бумагу и спѣшу извѣстить васъ“. Онъ дружески пожалъ мнѣ руку (говоритъ Левенштернъ), а я отъ глубины души благодарилъ его за оказанное мнѣ участіе“ [14]). Судьба Левенштерна могла быть совершенно такая же, какъ и судьба графа Лезера, еслибъ графъ Ростопчинъ о немъ не позаботился.

Народонаселеніе было однакоже дѣйствительно взволновано совершившимися происшествіями, и это волненіе, хотя вполнѣ мирное, начавшееся послѣ оставленія Смоленска, возрастало все болѣе и болѣе при постепенномъ приближеніи воюющихъ армій къ Москвѣ. Получивъ извѣстіе о новомъ отступленіи нашихъ войскъ къ Можайску, по распоряженію уже князя Кутузова, взволнованный графъ Ростопчинъ, желая предупредить то непріятное впечатлѣніе, которое это извѣстіе могло произвести на Москву, обнародовалъ, 20 Августа, слѣдующее объявленіе: „Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ

Винценгероде не былъ взятъ въ плѣнъ Французами въ Москвѣ и фельдмаршалъ не назначилъ бы немедленно меня на его мѣсто. Съ того времени я не видалъ уже фельдмаршала, къ которому отправляюсь черезъ нѣсколько дней, съ твердымъ намѣреніемъ напомнить ему о вашемъ племянникѣ“.

[14]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten, ч. I, стр. 209—210.

войскъ. Черезъ два дни у насъ еще прибудетъ 20.000; но наши войска Русскія, единаго закона, единаго царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай какъ звали".

Вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ, появилась *грамотка къ народу*, относившаяся къ тому происшествію о двухъ Нѣмцахъ, о которомъ мы привели разсказъ самого графа Ростопчина. „Вы знаете, что я знаю все, чтò въ Москвѣ дѣлается; а чтò было вчера, не хорошо, и побранить есть за что. Два Нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого допросить должно; есть мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату Русскому, и чтó за диковина ста человѣкамъ прибить костянаго Француза, или въ парикѣ окурнаго Нѣмца? Охота руки марать! И кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ, ну! веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія Русскимъ; войска-то Французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!"

Волненіе Москвы тревожило и князя Кутузова. „Увѣдомясь, что жители Москвы встревожены разными слухами о военныхъ нашихъ происшествіяхъ, писалъ онъ графу Ростопчину изъ главной квартиры у Колоцкаго монастыря, прилагаю здѣсь для успокоенія ихъ письмо на имя вашего сіятельства, которое можете вы приказать напечатать, если почтете за нужное" [15]). Графъ Ростопчинъ исполнилъ желаніе главнокомандующаго и немедленно (23 Авг.) обнародовалъ слѣдующее его письмо: „Съ сокрушеннымъ, скорбнымъ сердцемъ извѣстился я, что увеличенные на счетъ дѣйствій армій нашихъ слухи, разсѣваемые неблагонамѣренными людьми, нарушаютъ спокойствіе жителей Москвы и доводятъ ихъ до отчаянія. Я прошу покорнѣйше ваше сіятельство успокоить и увѣрить ихъ, что войска наши не достигли еще этого разслабленія и истощенія, въ какомъ, можетъ быть, стараются ихъ представить. Напротивъ того, всѣ воины, не имѣвъ еще донынѣ генеральнаго сраженія, оживляясь свойственнымъ имъ духомъ храбрости, ожидаютъ съ послѣднимъ нетерпѣніемъ минуты запечатлѣть кровію преданность свою къ августѣйшему Престолу и Отечеству. Всѣ движенія были доселѣ направляемы къ сей единой цѣли и къ спасенію первопрестольнаго града Москвы. Да благословитъ Всевышній сіи предпріятія наши; сіе должно быть моленіемъ всѣхъ сыновъ Россіи. Прошу ваше сіятельство увѣрить всѣхъ Московскихъ жителей моими сѣдинами, что еще не было ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали поверхности, а что не доходило до главнаго сраженія, то сіе зависило отъ насъ, главнокомандующихъ".

Это письмо, въ свое время обнародованное, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, въ какое отношеніе ставилъ себя новый главнокомандующій не только къ войскамъ, но и къ своимъ предшественникамъ,

---

[15]) Письмо князя Кутузова къ графу Ростопчину отъ 19-го Авг. 1812 г. Новая деревня. Къ нему приложено письмо, обнародованное графомъ Ростопчинымъ, которое потомъ было перепечатано въ прокламаціи отъ имени Наполеона, объявлявшей приговоръ военнаго суда надъ зажигателями, $^{24}/_{12}$ Сентября.

прежнимъ главнокомандующимъ. Воздавая должную честь войскамъ, онъ просилъ увѣрить жителей Москвы *его сѣдинами* въ томъ *только*, что въ сраженіяхъ съ передовыми войсками непріятеля они постоянно дѣйствовали съ свойственнымъ имъ мужествомъ и не были побѣждаемы. Что-же касается до того, что не было до сего времени рѣшительнаго сраженія, то это зависило, говоритъ онъ, отъ *насъ* главнокомандующихъ, которыхъ дѣйствія однакоже клонились постоянно къ спасенію Москвы. Онъ не только не отдѣлялъ себя отъ своихъ предшественниковъ и не желалъ отклонить отъ себя тѣ укоры, которыми ихъ осыпало общественное мнѣніе; но, покрывая своимъ значеніемъ всѣ ихъ дѣйствія, готовъ былъ принять ихъ и на себя самого.

Получивъ извѣстія отъ князя Кутузова о томъ, что онъ избралъ уже мѣсто, на которомъ намѣренъ дать рѣшительное сраженіе, графъ Ростопчинъ обнародовалъ слѣдующее объявленіе: „Свѣтлѣйшій князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему отправлено отсюда 48 пушекъ съ снарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли дѣла: прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ, и городскихъ, и деревенскихъ. Я кличъ кликну дня за два; а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: Французъ не тяжелѣ снопа ржанаго. Завтра, послѣ обѣда, я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь, къ раненымъ. Тамъ воду освятимъ: они скорѣе выздоровѣютъ; а я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба“.

Заботы о раненыхъ не успокоивали тревоги жителей Москвы, но усиливали ее еще болѣе. Первые обозы съ многочисленными ранеными, начавшіе приходить одинъ за другимъ почти одновременно съ извѣстіемъ о Бородинскомъ сраженіи, усиливали еще болѣе горячность и волненіе Москвичей. До того времени являлись также раненые въ разныхъ сраженіяхъ, бывшихъ до взятія Смоленска, но въ количествѣ незначительномъ, преимущественно офицеры. Большая же часть раненыхъ размѣщалась по городамъ, между Смоленскомъ и Москвою, а особенно въ Можайскѣ. Приготовляясь къ большому сраженію, ихъ начинали перевозить въ Москву, чтобы очистить мѣсто новымъ. „Раненые подъ Смоленскомъ (говоритъ графъ Ростопчинъ), прибывали ко мнѣ ежедневно тысячами. О нихъ слабо заботились. Въ одно утро, когда я пріѣхалъ въ большой госпиталь, одинъ изъ докторовъ просилъ меня уговорить одного раненаго въ ногу гренадера рѣшиться дать отрѣзать ногу, потому что это было единственное средство спасти его жизнь. Этотъ гренадеръ, которому было 36 лѣтъ, съ мужественнымъ и красивымъ лицемъ, никакъ не поддавался моимъ совѣтамъ и просьбамъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Почему вы думаете, что я долженъ остаться живъ? Напротивъ, я долженъ умереть, потому что мы не спасли Смоленска“. Онъ до такой степени рѣшился умереть, что мои совѣты не оказали на него никакого дѣйствія. Но я поручилъ это дѣло священнику, весьма краснорѣчивому, которому наконецъ удалось убѣдить его. Ему отрѣзали ногу, и потомъ я видѣлъ его раза два-три, и онъ начиналъ выздоравливать“. Всѣ вообще жители оказывали раненымъ всевозможныя вниманіе и пособіе. Госпитали въ излишествѣ снабжались всѣмъ нужнымъ. „Появлялись ли въ гостинныхъ рядахъ раненые наши офицеры,

говоритъ С. Н. Глинка, купцы и сидѣльцы привѣтствовали ихъ радушно. Нужно ли имъ было что нибудь купить, имъ предлагали безденежно, торопливою рукою и усерднымъ сердцемъ. „Вы проливаете за насъ кровь", говорили имъ: „намъ грѣхъ брать съ васъ деньги". Въ селахъ и деревняхъ, отцы, матери и жены, благословляли сыновъ и мужей своихъ на оборону славы Русской. Поступавшихъ въ ополченіе называли *жертвенниками*, т. е. защитниками, пожертвованными Отечеству, не обычнымъ наборомъ, но влеченіемъ душевнымъ. Жертвенники, въ смурыхъ полукафтанахъ, съ блестящимъ крестомъ на шапкѣ, съ ружьями и пиками, мелькали на всѣхъ улицахъ и площадяхъ. Съ мыслью о родинѣ тѣнь грусти пробѣгала на лицахъ ихъ, но не было отчаянія. Ласка и привѣтъ сердечный вездѣ встрѣчали ихъ. И дивно свыкались они съ ружьемъ и съ построеніями военными" [16]). Но съ пріѣздомъ Кутузова въ армію, съ приближеніемъ Бородинской битвы, кромѣ раненыхъ уже не показывалось болѣе военныхъ и ратниковъ въ Москвѣ: число ея жителей убывало безпрестанно и смѣнялось числомъ раненыхъ.

Хотя графъ Ростопчинъ еще не терялъ надежды, что непріятель не войдетъ въ Москву, однакоже съ половины Августа уже пересталъ звать туда императора. Еще 13 Августа, изъявляя удовольствіе, что „дамы потеряли голову и уѣзжаютъ изъ Москвы", онъ писалъ: „Купцы смущены и такъ мало довѣряютъ главнокомандующимъ, что полагаютъ, что все пропало. Москва ожидаетъ васъ съ нетерпѣніемъ, и взглядъ на васъ поддержитъ бодрость, которая требуетъ поддержки". Но и при этомъ послѣднемъ случаѣ, онъ счелъ нужнымъ прибавить именно такого рода извѣстія, которыя конечно могли были только отклонить государя отъ поѣздки въ Москву, если бы даже онъ имѣлъ это намѣреніе. „Всѣ эти дурные слухи, продолжаетъ онъ, которые имѣютъ цѣлію внушить страхъ, встревожить васъ, обвинить, всѣ происходятъ отъ Мартинистовъ и отъ Унивирситета, состоящаго изъ профессоровъ и студентовъ, отчаянныхъ Якобинцевъ. Кутузовъ, который отравляетъ умы, былъ во времена императора Павла чиновникомъ тайной полиціи. Чеботаревъ и сектантъ Дружининъ—злые Якобинцы. Если арміи будутъ испытывать постоянныя неудачи, и полиціи сдѣлается трудно слѣдить за этими господами, то я прикажу схватить нѣкоторыхъ изъ нихъ" [17]). А между тѣмъ С. Н. Глинка говоритъ: „Юноши, бывшіе въ стѣнахъ университетскихъ и проходившіе въ нѣдрахъ его поприще отечественной исторіи, пылали жаромъ отечественнымъ. Нѣкоторые изъ сихъ юношей-патріотовъ приходили ко мнѣ съ просьбами, чтобы я содѣйствовалъ рвенію ихъ" [18]).

На другой же день послѣ письма́, изъ котораго мы привели выписку, графъ Ростопчинъ, мгновенно перемѣнивъ мнѣніе, уже писалъ государю: „Теперь, государь, я обращусь къ самому важному предмету, т. е. къ вашей поѣздкѣ сюда. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ваше присутствіе еще болѣе возбудитъ энтузіазмъ; но если до вашего прибытія обстоятельства не обратятся въ нашу пользу, ваше лице умножитъ всеобщее безпокойство, и какъ вамъ не слѣдуетъ подвергаться случайностямъ, то гораздо будетъ лучше, если вы замедлите вашъ отъѣздъ изъ Петербурга до полученія извѣстій, которыя бы измѣнили къ лучшему настоящее положеніе дѣлъ. Если ваше величество рѣшитесь такъ поступить,

---

[16]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 годѣ, стр. 44.

[17]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 13 Авг. 1812 г.

[18]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г. стр. 45.

то будьте добры пришлите соотвѣтствующій этому рескриптъ, въ которомъ, похваливъ Москву и ея жителей, вы скажете, что впослѣдствіи вы пріѣдете къ нимъ или порадоваться вмѣстѣ съ ними нашимъ успѣхомъ, или раздѣлить ихъ усердіе къ защитѣ Отечества" [19]).

Въ послѣдствіи, въ своихъ Запискахъ о 1812 г., графъ Ростопчинъ, какъ бы желая оправдать эту быструю перемѣну своихъ мыслей, вотъ какъ объясняетъ это обстоятельство: „Государь императоръ уѣзжая мнѣ сказалъ, а потомъ и подтвердилъ письменно, что скоро возвратится опять въ Москву; поэтому я осмѣлился отсовѣтовать ему эту поѣздку, представляя ему, что только такъ выигранное сраженіе, чтобы непріятель принужденъ былъ къ отступленію, можетъ спасти Москву отъ его вторженія; что князь Кутузовъ приближается къ ней ежедневно и очень скоро потеряетъ возможность ее защитить. Присутствіе императора при такихъ обстоятельствахъ было бы неудобно и постановило бы его въ положеніе свидѣтеля занятія Москвы непріятелемъ, при неимѣніи средствъ тому воспрепятствовать. Моего совѣта послушались, и я полагаю, что и въ этомъ случаѣ я дѣйствовалъ какъ вѣрный слуга, потому что по правдѣ слѣдуетъ сказать, что съ самаго начала этой войны, чѣмъ болѣе непріятель подвигался внутрь страны, тѣмъ болѣе усиливалась во мнѣ боязнь, чтобы не согласились на миръ и однимъ почеркомъ пера не потеряли довѣренности Русскихъ и Россіи. Возможно было предполагать, что если бы императоръ находился при арміи, передъ Бородинскою битвою или послѣ, то можетъ быть для того, чтобы спасти столицу, онъ внялъ бы предложеніямъ непріятеля, который покаялся его погубить, сначала унизивъ его значеніе въ Европѣ заключеніемъ постыднаго мира, а потомъ возмущеніями и раздѣломъ собственнаго государства. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ онъ снова пришелъ бы кончить свое дѣло: раздѣлить остатки Россіи и подвергнуть ее постыдному жребію Польши, можетъ быть, возстановивъ удѣльныхъ князей и раздавъ области или своимъ генераламъ, или нѣкоторымъ важнымъ Русскимъ, въ награду за измѣну и низость. Хотя по общимъ понятіямъ считается верхомъ безчестности измѣнить присягѣ на вѣрность своему государю, перейдя въ ряды враговъ или защищая ихъ выгоды; но человѣкъ, который готовъ рѣзаться съ другимъ за такое подозрѣніе, можетъ сдѣлаться глухимъ къ голосу чести и нарушить свои священныя обязанности, когда ослѣпитъ его желаніе корысти. Однако, предполагая всѣ эти событія возможными, я все таки увѣренъ, что въ клочкахъ Россіи Наполеонъ нашелъ бы не одну Испанію. Дворянство скрывало бы свои чувства, духовенство его бы ненавидило, а народъ обрекъ бы себя на смерть и на истребленіе врага. Этотъ народъ, лучшій и мужественнѣйшій во всей вселенной, нашелъ бы безчисленныя средства въ огромныхъ пространствахъ имъ обитаемыхъ, въ климатѣ и даже въ своей бѣдности. Можно было достигнуть подчиненія нѣкоторой его части, но покорить его было невозможно, и по времени эта война разрушенія все таки окончилась бы паденіемъ могущества Наполеона, и Россія во всей ея цѣлости возстала бы изъ своихъ развалинъ".

Мы не войдемъ пока въ разсмотрѣніе тѣхъ соображеній объ участи Россіи, которыя графъ Ростопчинъ предполагаетъ у Наполеона; но не можемъ не остановиться на томъ, что весь приведенный нами разсказъ совершенно противорѣчитъ дѣйствительности и пропитанъ мыслями и взглядами, которые возникли у графа Ростопчина гораздо позднѣе 14 Ав-

---

[19]) Письмо графа Растопчина къ императору отъ 14-го Авг. 1812 г.

густа 1812 года, когда онъ писалъ письмо къ государю, изъ котораго мы привели выписку. Изъ этого разсказа видно нерасположеніе и недовѣріе къ кн. Кутузову, которыхъ онъ въ то время вовсе не имѣлъ, да и не могъ имѣть, какъ къ главнокомандующему войсками, потому что эти письма были писаны ранѣе пріѣзда князя Кутузова въ Царево-Займище (17 Авг.) и слѣдовательно не онъ отступалъ постоянно и велъ за собою непріятеля къ Москвѣ. Въ то время, напротивъ, Ростопчинъ имѣлъ полное довѣріе къ Кутузову и думалъ даже, что враженіе, которое онъ намѣревался дать непріятелю, увѣнчается побѣдой. Доказательствомъ можетъ служить его письмо къ императору, писанное въ тотъ день, когда атаманъ Платовъ пріѣзжалъ въ Москву: „Государь! Сраженіе, которое должно произойти черезъ нѣсколько дней, рѣшитъ отчасти, попадетъ ли Москва во власть Бонапарта, или его войска будутъ уничтожены. Судя по тому что̀ мнѣ извѣстно, если не встрѣтится какихъ нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, побѣда будетъ на вашей сторонѣ; но если рука Божія отяготѣетъ на вашей имперіи, столица перейдетъ въ руки непріятеля. Во всякое другое время надежда не была бы еще потеряна, но теперь, когда общественное мнѣніе о спасеніи Россіи соединяется именно съ Москвою, ея занятіе Французами убьетъ мужество народа. Народъ полагаетъ, что Москва не можетъ быть взята и, въ противномъ случаѣ, онъ признáетъ это дѣломъ Провидѣнія и не станетъ полагать надежду на помощь войскъ, которыя не успѣли защитить столицы. Бонапартъ идетъ, какъ сумашедшій; онъ не можетъ отступить. Безпорядокъ въ нашихъ войскахъ дошелъ до послѣдней степени: это послѣдствіе двухмѣсячнаго отступленія и того презрѣнія, въ которое впалъ военный министръ“ [20]). Очевидно, что въ это время всю неудачу кампаніи, приведшей наконецъ въ опасное положеніе столицу, Ростопчинъ приписывалъ Барклаю-де-Толли и надѣялся, что сраженіе, данное Наполеону кн. Кутузовымъ, увѣнчается побѣдою. Этотъ взглядъ на дѣло совершенно противуположенъ тому, который, вопреки истинѣ, онъ выразилъ въ своихъ Запискахъ.

Если чѣмъ либо (кромѣ личныхъ странныхъ особенностей характера) и можно объяснить такой быстрый переходъ отъ одной крайности въ другую, то развѣ мыслію, что могутъ заключить миръ съ Наполеономъ, въ виду спасенія Москвы и—миръ конечно постыдный для Россіи.

Число оставлявшихъ Москву постоянно увеличивалось. Послѣ извѣстія объ оставленіи Смоленска изъ Московскихъ заставъ потянулись вереницы каретъ и колясокъ съ сопровождавшими ихъ обозами, затѣмъ повозокъ и телѣгъ съ толпами пѣшеходовъ. Одна Француженка, находившаяся въ это время въ Москвѣ, выйдя изъ дома кн. Голицина на Басманной, гдѣ она жила и направляясь (25 Авг.) къ Кремлю, была поражена необыкновеннымъ и трогательнымъ явленіемъ. Проходя по опустѣлымъ улицамъ Москвы, на которыхъ уже изрѣдка можно было встрѣтить проходящаго, она услыхала издали доходившее до нея грустное пѣніе. Направившись въ ту сторону, откуда оно доносилось, она встрѣтила огромное сборище людей, предводимое священниками, которые несли образа; мущины, женщины, дѣти, всѣ плакали и пѣли священныя пѣсни. Это зрѣлище народонаселенія, оставляющаго родной городъ и уносящаго свою святыню, было поразительно. „Я плакала и молилась вмѣстѣ съ ними и пришла къ своимъ знакомымъ совершенно разстроенная“ [21]).

---

[20]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 23 Авг. 1812 г.

[21]) L'incendie de Moscou etc. par m-me Fusil. 2-е изд. Paris, 1817, стр. 3—4.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Князь Кутузовъ прибылъ къ войскамъ, въ Царево-Займище, 17 Августа. Они приняли его съ такимъ-же восторгомъ, съ какимъ во все время его пути отъ Петербурга повсюду его встрѣчалъ и провожалъ народъ. За нѣсколько времени до его пріѣзда, въ войскахъ разнеслась вѣсть о его назначеніи главнокомандующимъ всѣми арміями; но главнокомандующіе первой и второй арміями получили рескрипты императора только 16 Августа, наканунѣ пріѣзда князя Кутузова [1]). Не смотря на то,

[1]) Рескриптъ князю Кутузову былъ подписанъ императоромъ 8-го Авг., также какъ и рескрипты Барклаю-де-Толли, кн. Багратіону и Тормасову. Они были одинаковаго содержанія (Данилевскій, Собр. соч., т. IV, стр. 394). Кн. Багратіонъ отвѣчалъ на рескриптъ государя слѣдующимъ письмомъ: „Всемилостивѣйшій государь! Рескриптъ В. И. В. отъ 8 Авг. о назначеніи надъ всѣми четырьми арміями главнымъ начальникомъ генерала отъ инфантеріи кн. Кутузова, я сего Августа 16-го дня удостоился получить. Пріемля съ благоговѣніемъ высочайшую В. И. В. волю, я не перестану всеусерднѣйше желать, дабы высочайшія намѣренія ваши сопровождались наилучшимъ успѣхомъ. Стѣсненныя совершенно обстоятельства, коихъ ни отвратить, ни улучшить не состояло въ моей возможности, поставляли меня до сего безуспѣшнымъ въ исполненіи всевысочайше возложенной на меня обязанности защищать Отечество и его пользы. Не могъ я, всемилостивѣйшій государь, не чувствовать сего во всемъ пространствѣ. Всякій шагъ земли, предоставляемый отступленіемъ нашимъ непріятелю, раздиралъ душу мою. Сіи потрясенія, дѣйствуя сильно, хотя не совершенно разстроили здоровье мое; но настоящее положеніе, требующее отъ каждаго вѣрноподданнаго всѣхъ усилій къ защитѣ всеавгустѣйшаго Престола и Отечества, налагаетъ на меня священнѣйшую обязанность, несмотря ни на какія обстоятельства и причины, истощить и послѣднія мои силы для пользы Отечества, превыше которой нѣтъ ничего для меня въ мірѣ. Для сего я готовъ пролить и всю кровь мою. 19 Авг. 1812 г., деревня Сельцы, въ 4 верстахъ отъ Гжатска“. Какъ могли быть рескрипты отъ 8 Авг. получены только 16 главнокомандующими, когда даже кн. Кутузовъ прибылъ въ 6 дней изъ Петербурга въ Царево-Займище (выѣхалъ 11-го, прибылъ 17-го Авг.), безъ сомнѣнія ѣхавши не такъ скоро, какъ ѣздили фельдъегеря въ то время? Барклай-де-Толли писалъ императору, отвѣчая на этотъ рескриптъ, 16-го Авг. изъ Вязьмы. Его письмо напечатано у М. И. Богдановича (Истор. отечеств. войны, т. II, гл. XX, стр. 121—122); но безъ слѣдующаго начала письма: „Всякій вѣрный подданный и ревностный слуга своего государя и Отечества долженъ испытать истинную радость при вѣсти о назначеніи кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями съ властью направлять ихъ дѣйствія къ общей цѣли. Позвольте выразить вамъ, государь, это чувство радости, которымъ я проникнутъ. Я молю Провидѣніе, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ вашимъ намѣреніямъ. Что касается до меня, то я желаю только жертвою моей жизни доказать мое усердіе къ службѣ Отечеству, какія бы обязанности ни были на меня возложены и какое бы мѣсто я ни занималъ. Осмѣливаюсь умолять В. И. В. не считать мое почтительнѣйшее донесеніе N..., какъ выраженіе испуганнаго самолюбія, потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ былобы измѣною не чувствовать опасности, въ какой находится Отечество и необходимости жертвовать для него всѣмъ. В. И. В. удостоивали меня своей высокой довѣренности, и потому я позволяю себѣ говорить съ полною откровенностію, и т. д“. Изъ послѣднихъ словъ этой выписки видно, что Барклай-де-Толли еще прежде этого письма писалъ уже государю и, какъ кажется, по тому же поводу. Если вѣрно это предположеніе, то слѣдовало бы полагать, что Барклай-де-

Барклай-де-Толли продолжалъ по прежнему отыскивать позиціи, чтобы дать общее сраженіе, начиналъ укрѣплять ихъ и потомъ оставлялъ немедленно. Въ день полученія рескриптовъ возводились укрѣпленія при селѣ Ѳедоровскомъ, въ 16-ти верстахъ отъ Вязьмы къ Гжатску. Въ это время и князь Багратіонъ, негодовавшій на Барклая за постоянное отступленіе и нерѣшимость, совѣтовалъ осступать далѣе. „По моему мнѣнію, писалъ онъ къ Барклаю-де-Толли, позиція здѣсь никуда не годится; а что̀ всего хуже,—воды нѣтъ. Жаль людей и лошадей. Постараться надо идти въ Гжатскъ: городъ торговый, и позиціи должны быть. Но всего лучше тамъ присоединить Милорадовича и драться уже порядочно. Жаль, что насъ завели сюда, и непріятель приблизился. Лучше бы вчера подумать и прямо слѣдовать къ Гжатску, нежели быть безъ воды и безъ позиціи: люди бѣдные ропщутъ, что ни пить, ни кашу варить не могутъ. Мнѣ кажется, не мѣшкая дальше идти. Аріергардъ усилить пѣхотою и кавалеріею, и уже далѣе Гжатска—ни шагу. Къ тому мѣсту можетъ прибыть *новый главнокомандующій*. Вотъ мое мнѣніе, впрочемъ какъ вамъ угодно“ [2]).

Это было послѣднее письмо князя Багратіона къ главнокомандующему первою арміею, заключавшее длинный рядъ непріязненныхъ между ними сношеній. Въ немъ выразились вполнѣ какъ личныя свойства Багратіона, такъ и его взглядъ на военныя дѣйствія. Въ виду общей пользы, при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ готовъ пожертвовать личными счетами и находиться подъ начальствомъ младшаго сравнительно съ нимъ по службѣ генерала; но онъ, какъ старѣйшій изъ военачальниковъ, главнокомандующій, опытный въ дѣлѣ военномъ, не считалъ нужнымъ ни скрывать своихъ мнѣній, ни одобрять распоряженій, которыя считалъ неправильными. Онъ постоянно совѣтовалъ, послѣ соединенія армій, дѣйствовать наступательно; но если уже сила обстоятельствъ принудила къ отступленію, то не тратить времени на остановку на позиціяхъ выбранныхъ наскоро, не истощать силъ на постройку укрѣпленій, которыя должны немедленно быть оставлены, или по неудобству самыхъ позицій, или въ слѣдствіе сильнаго напора непріятеля, не дававшаго времени укрѣпить ихъ надлежащимъ образомъ. Къ выраженію этой общей мысли присоединялись въ это время и особенные поводы: позиція при с. Ѳедоровскомъ была неудобна по недостатку воды; а между тѣмъ къ войскамъ приближались уже значительныя подкрѣпленія, которыя велъ Милорадовичъ. Войска, значительно потерпѣвшія во время защиты Смоленска, при Валутинѣ и въ ежедневныхъ почти, иногда упорныхъ, дѣлахъ аріергарда, во все продолженіе отступленія, конечно нуждались въ подкрѣпленіяхъ; а участіе въ приготовлявшейся рѣшительной битвѣ такого генерала какъ Милорадовичъ было бы настолько же важно, какъ и самое усиленіе войскъ новыми подкрѣпленіями.

Совѣты кн. Багратіона оказали дѣйствіе. Распорядившись отступленіемъ войскъ къ Цареву-Займищу, Барклай-де-Толли писалъ Милорадовичу въ

Толли задержалъ доставленные рескрипты государя кн. Багратіону, что̀ едвали вѣроятно. Скорѣе можно предполагать, что отправленіе ихъ изъ Петербурга было задержано, по какимъ либо соображеніямъ, съ тою цѣлію, чтобы оба главнокомандующіе получили ихъ передъ самымъ пріѣздомъ кн. Кутузова, и Барклай-де-Толли упоминаетъ въ письмѣ о какомъ нибудь изъ своихъ донесеній, не относящемся до назначенія новаго главнокомандующаго.

[2]) Письмо 16 Авг. 1812 г., дер. Максимовка. Помѣта на письмѣ рукою Барклая-де-Толли: „дать тотчасъ повелѣніе къ отступленію, завтра въ 4 часа, поутру“. Записки А. П. Ермолова, ч. I, стр. 208—209, прилож.

тотъ же день, прося ускорить движеніе его корпуса. „Непріятель, со всѣми силами преслѣдующій армію, достигаетъ наконецъ Вязьмы, куда уклонился. Я надѣюсь получить сикурсы. Здѣсь неизбѣжное сраженіе, которое опредѣлитъ участь государства; здѣсь нужны напряженія всѣхъ усилій, здѣсь нужно присутствіе ваше и войскъ, вами одушевляемыхъ. По скорости, съ каковою вы подвигли ваши войска, предполагаю, что вы слѣдуете на подводахъ; ибо иначе пѣхота пришла бы утомленною. Что̀ касается до артилеріи, то спѣшу упредить васъ, что столько велико количество ея при арміяхъ, что и для войскъ вашихъ будетъ слишкомъ достаточно; а потому извольте всю вашу артилерію оставить въ Можайскѣ для войскъ, изъ Москвы прибыть долженствующихъ. Имъ она полезна; вамъ придается безъ нея бо̀льшая скорость движенія". Не смотря на желаніе главнокомандующаго ускорить движеніе войскъ Милорадовича, они соединились съ арміями только черезъ три дня послѣ того письма. Ихъ велъ *крылатый* Милорадовичъ, какъ называлъ его князь Кутузовъ, и слѣдовательно ранѣе они не могли соединиться. Это обстоятельство и предвидѣлъ начальникъ штаба первой арміи Ермоловъ. Въ тотъ же день, какъ и Барклай-де-Толли, онъ писалъ Милорадовичу: „Спѣшите, почтеннѣйшій Михаилъ Андрѣевичъ, къ намъ и если войска ваши не приспѣютъ раздѣлить славу нашу, пріѣзжайте вы одни. Я знаю, что вы здѣсь нужны. Пріѣзжайте, всѣми любимый начальникъ; будьте свидѣтелемъ сраженія, которому конечно равнаго до сего не будетъ. Мы будемъ драться какъ львы; ибо знаемъ, что въ насъ надежда, въ насъ защита любезнаго Отечества. Мы можемъ быть несчастливы; но мы Русскіе, мы будемъ умѣть умереть, и побѣда врагамъ нашимъ достанется плачевною. Солдаты наши остервенены, ужасны; надобно показаться впереди, и ничто, конечно, устоять не можетъ. Здѣсь нѣтъ почти полка, который бы не служилъ подъ вашимъ начальствомъ. Впереди васъ никто не бываетъ. Покажитесь только — и все останется истребленнымъ противустоящее имъ" [3]). Хотя и трудно было дать рѣшительное сраженіе непріятелю (который только того и желалъ), не усиливъ войскъ новыми подкрѣпленіями; но приведенныя слова Ермолова могутъ служить подтвержденіемъ, что главнокомандующій рѣшился въ это время дѣйствительно дать сраженіе, какъ онъ самъ увѣрялъ въ послѣдствіи, говоря: „Я твердо рѣшился на семъ мѣстѣ дать рѣшительное сраженіе" [4]).

Но прежде, нежели успѣли эти письма дойти до Милорадовича, онъ получилъ уже предписаніе князя Кутузова: „съ войсками его взять позицію по дорогѣ отъ Москвы къ Дорогобужу и въ случаѣ, если бы потребовалось ему, къ усиленію себя войскомъ, Московское ополченіе, тогда бы обратился съ просьбою къ начальнику онаго". *Кутузовъ* по этому поводу писалъ и къ гр. Ростопчину, чтобы онъ, „по требованію Милорадовича, усилилъ его всѣми тѣми войсками, которыя уже нѣкоторой зрѣлости въ формированіи своемъ достигли, дабы тѣмъ главныя арміи нашли себѣ новые источники къ усиленію. Вашему сіятельству (писалъ онъ) важность сего предмета столь извѣстна, что я не смѣю сомнѣваться въ томъ, чтобы Московское дворянство, явившее толикія доказательства неограниченной

---

[3]) Письма Барклая-де-Толли и Ермолова къ Милорадовичу отъ 16 Авг. изъ Вязьмы, 1812 г. Ср. Ѳ. Н. Глинки: Подвиги гр. Милорадовича. М. 1814 г., стр. 1—4; Дѣянія гр. Милорадовича СПБ. 1816 г. ч. II, стр. 11—13.

[4]) Изображеніе военн. дѣйствій первой арміи, стр. 14. Чтенія въ Моск. общ. истор. и древн. 1858 г., кн. 4.

своей преданности къ общей пользѣ и начальники ополченія сего не поспѣшили поставленіемъ силъ своихъ туда, куда нужда ихъ требуетъ. Сверхъ того покорнѣйше прошу ваше сіятельство о состояніи всего Московскаго округа ополченія и о готовности онаго съ симъ курьеромъ доставить мнѣ обстоятельныя свѣдѣнія" [5]).

Въ тотъ же день, какъ были отправлены письма къ Милорадовичу, Барклай-де-Толли, вѣроятно сообразуясь съ совѣтомъ князя Багратіона, усилилъ аріергардъ третьею дивизіею и вторымъ кавалерійскимъ корпусомъ подъ начальствомъ ген. Коновницина. Барклай былъ недоволенъ Платовымъ, который начальствовалъ до этого времени аріергардомъ и не слабости самыхъ его войскъ, преслѣдуемыхъ всею Французскою конницею и корпусомъ маршала Даву́, но его безпечности и нераспорядительности приписывалъ, что онъ недовольно сдерживалъ напоръ непріятеля, слишкомъ скоро отступалъ и наводилъ его на наши арміи. Отстранивъ Платова, подъ предлогомъ, что императоръ вызываетъ его въ Москву для свиданія съ нимъ и личныхъ переговоровъ по важнымъ дѣламъ, Барклай поручилъ начальство надъ аріергардомъ ген. Коновницину. „Онъ доставлялъ арміи несравненно больше спокойствія (говоритъ Ермоловъ), нежели прежде атаманъ Платовъ" [6]).

На другой день послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, наши войска подошли утромъ къ Цареву-Займищу, гдѣ немедленно началась постройка укрѣпленій. Но въ тотъ же день, въ 11-мъ часу утра, князь Кутузовъ уже приблизился къ Гжатску. Верстъ за пять отъ города его встрѣтили жители, отпрягли лошадей и сами довезли экипажъ до назначеннаго для него дома. Въ Гжатскѣ онъ получилъ письмо отъ графа Ростопчина, на которое немедленно отвѣчалъ ему. Къ сожалѣнію, это письмо графа Ростопчина, въ которомъ онъ поздравлялъ князя Кутузова съ назначеніемъ въ главнокомандующіе всѣми арміями, не сохранилось. Въ своихъ Запискахъ онъ упоминаетъ о немъ мимоходомъ, съ явнымъ желаніемъ не придавать ему особаго значенія, потому конечно, что выраженное имъ въ этихъ Запискахъ мнѣніе о Кутузовѣ находилось въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, которое онъ самъ раздѣлялъ съ Москвою и всею Россіей въ то время, когда совершалось это событіе. „Съ нарочнымъ я отправилъ къ нему письмо (говоритъ онъ), въ которомъ ничего не могъ лучшаго выразить какъ то, что жители Москвы сочли бы себя весьма счастливыми, еслибъ могли поднесть ему лавровый вѣнокъ, въ качествѣ ихъ избавителя. Я описалъ ему состояніе Москвы, ея средства, число оружія въ арсеналѣ и пр. Я приложилъ къ письму географическія карты каждаго уѣзда Московской губерніи. Съ самого начала войны, я распорядился о приготовленіи этихъ картъ. Надъ этою работою сидѣли дни и ночи, и наконецъ онѣ были готовы. Онъ отвѣчалъ мнѣ самымъ лестнымъ письмомъ, требовалъ присылки Московскаго ополченія и продовольствія, въ которомъ нуждались войска и, возлагая все упованіе на Бога при такомъ важномъ назначеніи, которое получилъ, изъявлялъ готовность сдѣлать все, къ чему обязываютъ его честь, усердіе и любовь къ Оте-

---

[5]) Списокъ съ этого письма находится въ Арх. Главн. Штаба, безъ означенія когда и откуда оно писано; но по его содержанію видно, что оно писано изъ Петербурга, до отъѣзда кн. Кутузова къ войскамъ: потому что письмо отъ гр. Ростопчина, полученное Кутузовымъ въ Гжатскѣ, было отвѣтомъ на это письмо. Гр. Ростопчилъ сообщалъ ему именно тѣ свѣдѣнія, о которыхъ онъ просилъ его въ этомъ письмѣ.

[6]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 188.

честву“. Этотъ отвѣтъ князя Кутузова сохранился и даетъ возможность опредѣлить и содержаніе письма графа Ростопчина. „Письмо, которымъ ваше сіятельство меня удостоить изволили (писалъ кн. Кутузовъ) имѣлъ я честь получить съ чувствомъ признательности, соотвѣтственно той искренности, которою оно наполнено. Надежды, которыя вы на меня полагаете, съ помощію Божіею оправдать постараюсь, какъ всякій Русской; за васъ же ручаюсь, что не откажете мнѣ во всемъ томъ, что̀ до пользы общей касается и отъ вашихъ силъ зависить будетъ. Письмо ваше прибыло со мною въ Гжатскъ сейчасъ, въ одно время. Не видавшись еще съ командовавшимъ доселѣ арміями, военнымъ министромъ, и не будучи еще достаточно извѣстенъ о всѣхъ средствахъ у нихъ имѣющихся, не могу ничего сказать положительнаго о будущихъ предположеніяхъ на счетъ дѣйствій армій. Не рѣшенъ еще вопросъ: потерять-ли армію, или потерять Москву? По моему мнѣнію, съ потерею Москвы соединена потеря Россіи. Теперь я все мое вниманіе обращаю на приращеніе арміи, и первымъ усиліемъ для оной будутъ прибывающія войска Милорадовича, около 15 тысячъ составляющія. Ираклій Ивановичъ Марковъ извѣщаетъ меня, что уже одинадцать полковъ Московскаго ополченія выступили къ разнымъ пунктамъ. Для сего надежнаго оплота желательно бы было имѣть ружья съ принадлежностями, и я, усмотрѣвъ изъ вѣдомостей, вами при отношеніи ко мнѣ приложенныхъ, что въ Московскомъ арсеналѣ есть годныхъ 11.945 ружей и слишкомъ 2000 мушкетовъ и карабиновъ, да требующихъ нѣкоторой починки ружей, мушкетовъ и штуцеровъ слишкомъ 18.000, покорно просилъ бы васъ тѣми средствами, какія вы заблагоразсудите, приказать починкою исправить; а я какъ о сихъ, такъ и о первыхъ узна̀ю у военнаго министра, буде не назначено имъ какого либо другаго употребленія (можетъ быть, употреблено на ополченіе) и васъ не умедлю о томъ увѣдомить. *Вызовъ 80 тысячъ, сверхъ ополченія,* вооружающихся *добровольно* сыновъ Отечества, есть черта, доказывающая духъ Россіянина и довѣренность жителей Московскихъ къ начальнику, ихъ оживляющему. Вы несомнѣнно оный поддержите такъ, чтобы армія, въ увѣренности успѣховъ своихъ, *могла при случаѣ ими воспользоваться,* и тогда прошу васъ направлять ихъ къ Можайску [7])“.

Послѣднія строки этого письма не могутъ не обратить на себя особеннаго вниманія. Изъ нихъ оказывается, что, *сверхъ* общаго ополченія Московскаго округа, графъ Ростопчинъ вызывался составить изъ *добровольно вооружавшихся*, конечно Московскихъ и подмосковныхъ жителей, особое ополченіе въ количествѣ весьма значительномъ, 80-ти тысячъ. Это извѣстіе безъ сомнѣнія порадовало князя Кутузова, котораго, со дня его назначенія главнокомандующимъ всѣми арміями, постоянно занимало желаніе усилить первую и вторую армію новыми подкрѣпленіями въ виду предстоявшей имъ рѣшительной битвы, которой желалъ государь и требовало общее мнѣніе всей Россіи. Приведенный нами отвѣтъ его на письмо графа Ростопчина доказываетъ, что онъ съ удовольствіемъ узналъ объ этомъ обстоятельствѣ и расчитывалъ на помощь, которую это новое ополченіе могло оказать войскамъ.

Въ 3-мъ часу пополудни князь Кутузовъ прибылъ въ Царево-Займище. Поздоровавшись съ приготовленнымъ для него почетнымъ карауломъ, онъ какъ бы про себя сказалъ: „Какъ можно отступать съ такими молод-

---

7) Письмо кн. Кутузова къ графу Ростопчину изъ Гжатска отъ 17 Авг. 1812. Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочин., т. IV, стр. 402; Дубровинъ, Москва и графъ Ростопчинъ въ 1812 г. Военн. Сборн. 1863 г. № 7, стр. 141.

цами!“ Наслышавшись въ Петербургѣ извѣстій о томъ, что въ слѣдствіе постоянныхъ отступленій войска потеряли духъ, естественно было новому главнокомандующему, пріѣхавшему съ твердымъ намѣреніемъ дать рѣшительное сраженіе, дѣйствовать всѣми способами, чтобы снова поднять духъ войскъ. Объ уныніи, въ которомъ находились войска въ это время, говорятъ многіе свидѣтели-современники; но „вдругъ электрически пробѣжало по арміи извѣстіе о прибытіи князя Кутузова. Минута радости была неизъяснима (говоритъ одинъ изъ нихъ); имя этого полководца произвело всеобщее воскресеніе духа въ войскахъ, отъ солдата до генерала. Всѣ кто могъ полетѣли на встрѣчу почтенному вождю—принять отъ него надежду на спасеніе Отечества. Офицеры весело поздравляли другъ друга съ счастливою перемѣною обстоятельствъ. Даже солдаты, шедшіе съ котлами за водою, по обыкновенію вяло и лѣниво, услышавъ о пріѣздѣ любимаго полководца, съ крикомъ: Ура! побѣжали къ рѣчкѣ, воображая, что уже гонятъ непріятелей. Тотчасъ у нихъ проявилась поговорка: пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ [8])“.

Пообѣдавъ на́-скоро, новый главнокомандующій немедленно отправился, въ сопровожденіи Барклая, осматривать позицію. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкою черезъ другое. Солдаты было засуетились, начали чиститься, тянуться, строиться. „Не надо, ничего этого не надо“, сказалъ имъ кн. Кутузовъ. „Я пріѣхалъ только посмотрѣть, здоровы-ли мои дѣти. Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать: ему надо отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ“. Въ послѣдствіи, во время движенія войскъ, замѣтивъ, что обозъ какого-то генерала мѣшаетъ проходить полкамъ, онъ велѣлъ немедленно освободить дорогу, громко говоря: „солдату въ походѣ каждый шагъ дорогъ; скорѣй придетъ, больше отдыхать будетъ“. Весьма естественно (какъ и замѣчаетъ одинъ изъ очевидцевъ-свидѣтелей), такія слова главнокомандующаго все войско исполнили къ нему любовью и довѣренностью. „Вотъ пріѣхалъ нашъ батюшка, говорили солдаты: онъ всѣ наши нужды знаетъ. Какъ не драться при немъ! Въ его глазахъ всѣ до одного рады головы положить“. „Я сейчасъ видѣлъ свѣтлѣйшаго Голенищева-Кутузова, говоритъ тотъ же современникъ, сидѣвшаго на простой скамьѣ, подлѣ одной избы. Множество генераловъ окружали его. Радость войскъ неописанна; у всѣхъ лица сдѣлались свѣтлѣе, и военныя бесѣды вокругъ огней радостнѣе“. „Дымныя поля бивуаковъ начинаютъ оглашаться пѣснями и музыкой, чего давно не бывало“, прибавляетъ другой [9]).

Храбрый лично въ бою, хладнокровно, никогда не теряя присутствія духа, распоряжавшійся при самыхъ опасныхъ оборотахъ сраженій, Барклай былъ молчаливъ, нелюдимъ, малодоступенъ и никогда почти не говорилъ съ солдатами. Образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи князя Кутузова былъ совѐршенно противуположный, и онъ не преднамѣренно принялъ его, для отличія отъ образа дѣйствій Барклая. Напротивъ, онъ продолжалъ свое обычное отношеніе къ войскамъ, находившимся подъ его начальствомъ, то отношеніе, которое напоминало имъ Суворова. Преданія объ этомъ вождѣ еще жили въ войскахъ; а его сотрудники, кн. Багратіонъ, Милорадовичъ и старѣйшій изъ нихъ кн. Кутузовъ, въ лицахъ представ-

---

[8]) Походн. записки артиллериста, ч. I, стр. 131—132.

[9]) Ѳ. Н. Глинка, Письма Русск. офицера, изд. 1870 г. стр. 17—18; Записки артиллериста, ч. I, стр. 134.

ляли то обращеніе съ солдатомъ, которое соединялось съ великимъ именемъ Суворова. Въ войскахъ, начиная съ генераловъ и до послѣдняго солдата, никто не заблуждался въ значеніи этой войны; сознательно или безсознательно, но всѣ чувствовали грозившую Отечеству опасность. Постоянное отступленіе усиливало тягость этого чувства. Съ пріѣзда князя Кутузова это положеніе дѣлъ съ разу измѣнилось; а между тѣмъ въ чемъ же заключалось первое распоряженіе новаго военачальника? Отступать! И не смотря на то, „что отступленіе продолжалось, говоритъ участникъ въ событіяхъ, мы думали, что идемъ на встрѣчу Французовъ. Такъ присутствіе кн. Кутузова воскресило духъ во всѣхъ войскахъ“. Это понялъ и оцѣнилъ новый главнокомандующій. Черезъ день послѣ пріѣзда къ войскамъ, въ частномъ, семейномъ письмѣ въ Петербургъ, онъ писалъ: „Я, слава Богу, здоровъ и питаю много надежды. Духъ въ арміи чрезвычайный, и хорошихъ генераловъ весьма много. Право, недосугъ [10])“.

Причины отступленія отъ Царева-Займища къ Бородину онъ объяснилъ подробно въ первомъ своемъ, по прибытіи къ войскамъ, донесеніи императору. „Я нашелъ, что многіе полки отъ частыхъ сраженій весьма истощились, потому что только одинъ вчерашній день прошелъ безъ военныхъ дѣйствій. Я принялъ намѣреніе недостающее число людей пополнить приведенными вчера генераломъ Милорадовичемъ и впередъ прибыть имѣющими войсками пѣхоты 14.587, конницы 1.002 человѣка, такъ чтобы были распредѣлены по полкамъ, потому что это войско ненадежно, состоя изъ рекрутовъ и имѣя большой недостатокъ въ штабъ и оберъ-офицерахъ. Я предпочелъ отправить назадъ штабъ-оберъ-и унтеръ-офицеровъ, а барабанщиковъ и всѣхъ рядовыхъ обратить къ укомплектованію старыхъ полковъ, потерпѣвшихъ въ сраженіяхъ. Для удобнѣйшаго укомплектованія велѣлъ я изъ Гжатска отступить на одинъ маршъ и, смотря по обстоятельствамъ, еще на другой, чтобы на вышеупомянутомъ основаніи присоединить къ арміи отправляемыхъ изъ Москвы, въ довольномъ количествѣ, ратниковъ. *Къ тому же мѣстоположеніе при Гжатскѣ нашелъ я невыгоднымъ.* Усилясь такимъ образомъ, какъ чрезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и чрезъ пріобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, формированныхъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ и части Московской милиціи, въ состояніи буду, для спасенія Москвы, отдаться на произволъ сраженія, которое однакоже предпринято будетъ со всѣми предосторожностями, какихъ важность обстоятельствъ требовать можетъ. Имѣющуюся нынѣ съ арміею Смоленскую милицію и часть Московской, въ готовность пришедшую, употребить я намѣренъ такимъ образомъ, что пріобщу ихъ къ регулярнымъ войскамъ, не съ тѣмъ, чтобы ими оныя комплектовать, но чтобы ихъ употреблять тамъ можно было иногда къ составленію съ пиками третьей шеренги, или ставить ихъ за батальонами малыми резервами для отвода раненыхъ, или для сохраненія ружей послѣ убитыхъ, для дѣланія редутовъ и другихъ полевыхъ работъ; наипаче замѣщать мѣста при обозахъ, дабы уже тамъ ни одного солдата держать нужды не было. При семъ нужно взять ту предосторожность, чтобы внушить имъ, что ихъ состояніе отъ того нимало не перемѣнится, что они остаются временными воинами и что все, отъ вашего императорскаго величества имъ обѣщанное, сохранится свято. Сіе готовъ я утвердить имъ и присягою“ [11]).

---

[10]) Письмо кн. Кутузова къ его супругѣ отъ 19 Авг. при Гжатской пристани, также письмо 22 Авг. Русс. Старина 1872 г., № 2., стр. 268.

[11]) Донесеніе кн. Кутузова императору отъ 19-го Авг. изъ Гжатска.

Это донесеніе, кажется, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что неудобство позиціи при Царевѣ-Займищѣ, о которой кн. Кутузовъ мимоходомъ лишь упоминаетъ въ немъ, не составляло главной причины къ отступленію. Главная его забота состояла въ томъ, чтобы усилить войска приближавшимися уже подкрѣпленіями. Они еще не подошли въ то время, когда онъ предписалъ отступленіе (18 Авг.). Только на другой день, когда войска прошли Гжатскъ и расположились лагеремъ при деревнѣ Ивашковѣ, къ нимъ присоединились передовыя части войскъ генерала Милорадовича, за тѣмъ подходили постепенно остальныя и Московское ополченіе, соединившееся съ войсками уже при Бородинѣ, 23 Авг. [12]). Конечно, недолго спустя, они могли бы подойти и къ Цареву-Займищу; но въ то время, когда кн. Кутузовъ прибылъ туда, главная квартира Наполеона была уже въ Вязьмѣ, а его авангардъ въ 18 верстахъ отъ нашей позиціи. Могъ-ли Кутузовъ спокойно ожидать прихода подкрѣпленій, надѣяться, что не только успѣетъ достаточно укрѣпить мѣстоположеніе избранное для сраженія, но и будетъ имѣть время воспользоваться этими подкрѣпленіями, именно такъ, какъ онъ предполагалъ? Въ такой мѣстности, какая, начинаясь почти отъ самого Смоленска, продолжается до Москвы, нельзя было найти хорошей позиціи; могли оказаться болѣе или менѣе удобныя, но каждая потребовала бы искусственныхъ укрѣпленій. Прибывъ къ Цареву-Займищу, Барклай-де-Толли немедленно и приступилъ къ возведенію укрѣпленій; но для того, чтобы ихъ окончить, нужны были время и средства; а между тѣмъ „въ инженерныхъ паркахъ соединенныхъ армій (говоритъ Ермоловъ) не было достаточно шанцеваго инструмента, и всѣ укрѣпленія вообще производились ничтожными способами частныхъ начальниковъ, назначаемыхъ для ихъ обороны“ [13]). Но еще болѣе нужно было времени, чтобы ввести новыя подкрѣпленія въ составъ старыхъ боевыхъ силъ. Конечно не трудно было просто присоединить приходившія подкрѣпленія къ войскамъ; но могли-ли оказать они ту пользу, которую оказали, какъ скоро опытный главнокомандующій влилъ ихъ въ составъ войскъ, уже обдержанныхъ въ бою?

Четыре дни войска продолжали отступленіе, до 22 Августа. Въ продолженіи этого времени кн. Кутузовъ образовалъ свой штабъ, назначивъ, по волѣ государя, его начальникомъ барона Бенигсена, дежурнымъ генераломъ полковника Кайсарова, генералъ-маіора Вистицкаго генералъ-квартирмейстеромъ, а занимавшаго эту должность полковника Толя причислилъ къ штабу, безъ опредѣленнаго назначенія. Распредѣливъ приведенныя Милорадовичемъ войска по старымъ полкамъ, конечно онъ не могъ не дать имъ новаго начальства, чтобы воспользоваться дѣятельнымъ участіемъ славившагося во всѣхъ войскахъ генерала. Онъ поручилъ ему команду надъ двумя корпусами, входившими въ составъ первой арміи, Багговута и Остермана. Тормасову онъ писалъ: „Вы согласиться со мною изволите, что въ настоящія критическія для Россіи минуты, тогда какъ непріятель находится въ сердцѣ Россіи, въ предметъ дѣйствій вашихъ не можетъ уже входить защищеніе и охраненіе отдаленныхъ нашихъ Польскихъ провинцій. Но совокупныя силы 3-й и Дунайской армій должны обратиться на отвлеченіе силъ непріятельскихъ, устремленныхъ противу первой и второй армій. А посему, собравъ къ себѣ всѣ силы генерала Эртеля, у Мозыря находящіяся и генерала Сакена въ Житомірѣ,

---

[12]) Военный журналъ полковн. Толя, подъ 17, 18 и 19 Авг.

[13]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 191, примѣч.

идти съ ними вмѣстѣ съ вашею арміею и дѣйствовать на правый флангъ непріятеля. За симъ адмиралъ Чичаговъ, перешедшій уже со всею арміею, сего мѣсяца семнадцатаго числа, Днѣстръ у Каменца, приметъ на себя всѣ тѣ обязанности, которыя доселѣ въ предметъ вашихъ операцій входили и, занимая дѣйствіями своими нынѣ вами оставляемые пункты, содержа безпрерывную коммуникацію съ вами, операціями своими содѣйствовать долженъ всѣми силами общей цѣли, о чемъ я ему съ симъ пишу".

Спасти Москву,—вотъ мысль, которая по преимуществу занимала главнокомандующаго въ это время и къ которой направлены были всѣ его дѣйствія. Увѣдомляя адмирала Чичагова о направленіи, которое онъ предписалъ арміи Тормасова и поручая ему продолжать его дѣйствія, онъ писалъ: „Прибывъ въ армію, я нашелъ непріятеля въ сердцѣ древней Россіи, такъ сказать, подъ Москвою. Настоящій мой предметъ есть спасеніе Москвы самой; а потому не имѣю нужды изъяснять, что сохраненіе нѣкоторыхъ отдаленныхъ Польскихъ провинцій ни въ какое сравненіе съ спасеніемъ древней столицы Москвы и самыхъ внутреннихъ губерній не входитъ". Но для того, чтобы спасти Москву, необходимо было прежде всего дать сраженіе; отъ его исхода зависили ея судьба и дальнѣйшій способъ военныхъ дѣйствій; а до того времени оставался неразрѣшеннымъ вопросъ, который и выразилъ кн. Кутузовъ въ отвѣтѣ на первое письмо графа Ростопчина: потерять-ли армію, или потерять Москву? Заботы о приготовленіяхъ къ сраженію не истощили однакоже всего его вниманія; именно въ виду этого нерѣшеннаго вопроса, онъ долженъ былъ заботиться о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, какъ бы сила обстоятельствъ ни разрѣшила этотъ вопросъ, или положительно или отрицательно. Ободряя народъ къ перенесенію бѣдствій войны и поощряя народное возстаніе, онъ написалъ и за своею подписью въ печатныхъ листахъ распространилъ слѣдующее воззваніе къ жителямъ Смоленской губерніи: „Достойные Смоленскіе жители, любезные соотечественники! Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщаюсь я отовсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ престолу августѣйшаго Монарха нашего и къ любезнѣйшему Отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкія оковы; но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвигалось волею своихъ Самодержцевъ и пламенною любовію къ нимъ и къ Отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго, и да водворитъ паки во единое семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались!" [14])

Въ это же время, съ пріѣзда къ войскамъ князя Кутузова и до Бородинской битвы, случилось такое обстоятельство, на которое до сихъ поръ не обращали вниманія, но которое едвали не заслуживаетъ его въ выс-

---

[14]) Предписанія кн. Кутузова Тормасову и Чичагову отъ 20 Авг., егоже приказы 18 Авг.; Синельникова, Жизнь князя Кутузова, ч. III, стр. 33—34.

шей степени. Уже было замѣчено, что на канунѣ пріѣзда его къ войскамъ, Барклай-де-Толли отнялъ начальство аріергардомъ у Платова и поручилъ его Коновницину. Барклай давно былъ недоволенъ атаманомъ. Донскія войска, находившіяся подъ его начальствомъ, по первоначальному росписанію причислялись къ составу первой арміи; но быстрое движеніе непріятеля по переходѣ черезъ Нѣманъ, разрѣзавшее обѣ арміи и отбросившее ихъ въ противоположныя стороны, было причиною того, что атаманъ Платовъ не успѣлъ соединиться съ первою арміею и долженъ былъ примкнуть ко второй. Его войска находились при ней до самаго ея соединенія съ первою арміею подъ Смоленскомъ. Барклай приписывалъ это обстоятельство или оплошности, или умышленному разсчету Платова. Едва соединились обѣ арміи, какъ онъ писалъ императору: „Отдавъ отчетъ о положеніи военныхъ дѣлъ, позволяю себѣ обратить ваше вниманіе, государь, на предметъ не менѣе важный. Генералъ Платовъ, въ качествѣ начальника иррегулярныхъ войскъ, поставленъ на слишкомъ высокую степень, не имѣя достаточно благородства въ характерѣ, чтобы соотвѣтствовать своему положенію. Онъ эгоистъ и сдѣлался сибаритомъ до высшей степени. Дѣйствительно, его казаки очень храбры; но подъ его предводительствомъ не таковы, какъ бы они должны быть. Его движенія для соединенія съ первою арміею могутъ служить доказательствомъ. Онъ дѣлалъ переходы не болѣе 10 и 15 верстъ въ день, не имѣя въ виду непріятеля. Въ слѣдствіе этого обстоятельства было бы величайшимъ счастіемъ для войскъ вашего императорскаго величества, если бы вы нашли возможнымъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, удалить его отъ нихъ. Такимъ предлогомъ можно бы заявить или образованіе новыхъ войскъ на Дону, или составленіе полковъ на Кавказѣ. При этомъ можно бы возвести его въ графское достоинство, чего онъ желаетъ болѣе всего на свѣтѣ. Его бездѣятельность такова, что я долженъ отряжать къ нему моихъ адъютантовъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ находился при немъ, или на его аванпостахъ, для того, чтобы быть увѣреннымъ, что мои предписанія будутъ исполнены“ [15]). Это требованіе едва-ли могло произвести пріятное впечатлѣніе на императора. Ему были извѣстны какъ храбрость и военныя заслуги Платова, такъ и полная преданность и любовь Донскихъ казаковъ къ своему атаману. Кѣмъ же замѣстить его, удаливъ изъ дѣйствующихъ войскъ? Такой вопросъ вѣроятно и не возникалъ въ соображеніяхъ главнокомандующаго дѣйствовавшими войсками. Войска Донскихъ казаковъ, по спискамъ военнаго министерства, считались *иррегулярною* конницею, которая могла исполнять успѣшно нѣкоторые особенные виды службъ въ военное время, на аванпостахъ, при преслѣдованіи непріятеля, тревожить его неожиданными нападеніями и т. п. Донскіе полки были бы причислены къ обѣимъ арміямъ и назначались бы, по мѣрѣ надобности, въ аріергардъ и другіе отряды, дѣйствовавшіе отдѣльно. Однако императоръ не могъ не обратить вниманія на самостоятельное значеніе войска Донскаго, какъ военной силы особой *земли*, котораго единство и выражалось въ войсковомъ атаманѣ. Но облекши полновластіемъ главнокомандующаго къ отношеніи къ военнымъ распоряженіямъ, онъ счелъ нужнымъ исполнить его желаніе. „Чтó касается до атамана Платова (писалъ государь), то, исполняя ваше желаніе, я отзову его для личнаго со мною свиданія въ Москву подъ предлогомъ составленія новыхъ

[15]) Письмо Барклая-де-Толли къ императору изъ Смоленска отъ 22 Іюля. Съ 21-го Іюля началось соединеніе армій.

полковъ на Дону“ [16]). Получивъ эти строки, главнокомандующій писалъ государю: „По высочайшей вашего императорскаго величества волѣ, атаманъ войска Донскаго, генералъ отъ кавалеріи Платовъ отправляется въ С.Петербургъ. Разставшись съ нимъ, какъ съ однимъ изъ благонадежнѣйшихъ помощниковъ моихъ, я не могу умолчать передъ вами, государь, о тѣхъ новыхъ къ славѣ и пользѣ Отечества подвигахъ, кои, во все продолженіе настоящей кампаніи, являлъ онъ на каждомъ шагу. Его примѣрная храбрость, благоразумныя распоряженія и отличное въ военныхъ дѣлахъ искусство обезпечивали всѣ движенія наши, удерживали превосходнѣйшаго силами непріятеля и тѣмъ успокоивали цѣлыя арміи. Я не могу опредѣлить цѣны заслугъ его, но пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донести, что они по всей истинѣ достойны тѣхъ отличныхъ воздаяній, коими отъ монаршихъ вашего величества щедротъ украшаются блестящіе доблестями среди вѣрныхъ слугъ вашихъ и безстрашныхъ защитниковъ Отечества“ [17]). Трудно придумать болѣе похвалъ заслугамъ Платова, какія выражены въ этомъ офиціальномъ письмѣ къ государю; но еще труднѣе опредѣлить значеніе этого письма въ отношеніи къ вышеприведенной выпискѣ изъ письма частнаго и откровеннаго. Предполагалъ ли Барклай этою офиціальною бумагою доставить государю поводъ, чтобы даровать Платову награду, которой для него испрашивалъ? Но какая цѣль награды? Если бы она и могла примирить Платова съ удаленіемъ его изъ дѣйствующей арміи, то что̀ могло бы примирить общее мнѣніе съ удаленіемъ генерала, пользовавшагося весьма большею извѣстностію во всей Россіи, во всѣхъ слояхъ общества, и это въ самое важное время, наканунѣ, такъ сказать, рѣшительной битвы?

Хотя Барклай 14 Августа извѣстилъ императора о поѣздкѣ атамана Платова въ Петербургъ; но до 16 Авг. Платовъ еще начальствовалъ авангардомъ и могъ предпринять поѣздку лишь по прибытіи къ войскамъ князя Кутузова. Дѣйствительно, черезъ три дня онъ поѣхалъ изъ арміи, но не въ Петербургъ, а въ Москву, пробылъ тамъ одинъ только день, возвратился назадъ и участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи. Графъ Ростопчинъ писалъ къ государю 23 Августа: „Платовъ пріѣхалъ вчера утромъ, предполагая, что васъ встрѣтитъ здѣсь. Сегодня вечеромъ онъ уѣхалъ обратно къ войскамъ. Народъ, узнавъ, что онъ остановился у меня, собрался въ большомъ количествѣ, желая его видѣть. Онъ сообщилъ извѣстія о состояніи войскъ, и толпа разошлась чрезвычайно довольная Платовымъ“ [18]). Въ послѣдствіи графъ Ростопчинъ писалъ въ своихъ Запискахъ: „Проснувшись 22 Августа, я узналъ что пріѣхалъ атаманъ Платовъ и остановился у меня. Онъ мнѣ сказалъ, что пріѣхалъ въ Москву съ цѣлію удобнѣе отправить свои приказанія, чтобы казаки составили поголовное ополченіе. Къ нему пріѣзжали курьеры, и онъ нѣсколькихъ отправилъ, и послѣ обѣда выходилъ къ купцамъ и народу, который во множествѣ собрался, чтобы его видѣть. Онъ разсказывалъ имъ разныя сказки, объявлялъ, что онъ увѣренъ въ побѣдѣ, на основаніи своихъ познаній въ астрологіи, что онъ пріѣхалъ помолиться Московскимъ угодникамъ *) и что въ тотъ же вечеръ онъ уѣдетъ назадъ къ войскамъ. Эти

---

[16]) Письмо императора къ Барклаю-де-Толли, изъ Петербурга отъ 28 Іюля 1812 г.

[17]) Донесеніе Барклая-де-Толли императору изъ главной квартиры въ селѣ Семлевѣ отъ 14 Авг. 1812 г.; писано порусски.

[18]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 23 Авг. 1812 г.

*) Графъ Платовъ — единственный примѣръ старообрядца высокочиновнаго. Въ эту бытность въ Москвѣ (какъ слышано нами отъ людей старыхъ) онъ успѣлъ помолиться на своемъ Рогожскомъ кладбищѣ. *П. Б.*

люди считали его колдуномъ (nécromancien) и высоко цѣнили его дарованія и храбрость. Они называли его истиннымъ Русскимъ (le vrai patriote patriotique)“. Свидѣтельство графа Ростопчина показываетъ, какою народною извѣстностію пользовался атаманъ Платовъ.

Зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ въ Москву? Въ современномъ письмѣ государю гр. Ростопчинъ писалъ, что для свиданія съ нимъ: Платовъ предполагалъ, что найдетъ императора въ Москвѣ. Дѣйствительно, молва какъ въ Москвѣ, такъ и въ войскахъ, такимъ образомъ объясняла его поѣздку. Но могъ-ли предполагать это самъ Платовъ? Прибывшій изъ Петербурга кн. Кутузовъ и всѣ его окружавшіе могли сказать ему, что государь поѣхалъ въ Финляндію для свиданія въ Або съ наслѣднымъ Шведскимъ принцемъ, и время его возвращенія едва-ли могло быть кому-либо извѣстно. Онъ возвратился въ Петербургъ именно въ тотъ день 21 Авг., когда Платовъ изъ арміи поѣхалъ въ Москву и конечно не имѣлъ въ виду найти его въ ней. Изъ Москвы Платовъ отправилъ на Донъ, именно 22 Авг., предложеніе Войсковой Канцеляріи, въ которомъ писалъ: „Теперь я, по высочайшей всемилостивѣйшаго государя императора волѣ, прибылъ въ Москву для полученія личныхъ приказаній его императорскаго величества; но, не имѣя счастія получить высочайшаго его присутствія здѣсь, объяснился обо всемъ подробно, въ разсужденіи ополченія войска нашего, съ главнокомандующимъ въ Москвѣ, г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ графомъ Ростопчинымъ. Я отправляюсь поспѣшно сего вечера въ армію; а сего нарочнаго отправилъ съ симъ рѣшительнымъ уже предложеніемъ моимъ Войсковой Канцеляріи и особеннымъ предписаніемъ войсковому наказному атаману г. генералъ-майору Денисову 6-му“.

Эти слова подтверждаютъ разсказъ графа Ростопчина въ его позднѣйшихъ Запискахъ о цѣли пріѣздѣ въ Москву атамана Платова, именно для отправленія предписаній на Донъ. Манифестъ 6-го Іюля, обращенный ко всей Россіи, „ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ“ и приглашавшій ихъ единодушіемъ и общимъ возстаніемъ противодѣйствовать грозному непріятелю, конечно былъ понятъ и на Дону какъ призывъ къ общему ополченію. Получивъ его, наказной атаманъ и Войсковая Канцелярія приняли немедленно всѣ приготовительныя мѣры для того, чтобы, по полученіи предписанія, это ополченіе немедленно могло быть составлено и двинуто къ дѣйствующимъ войскамъ. Въ концѣ Іюля, Войсковая Канцелярія и наказной атаманъ увѣдомили Платова о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ; но въ слѣдъ за тѣмъ на Дону былъ полученъ манифестъ 18 Іюля, которымъ призывъ къ народному ополченію ограниченъ только 17-го губерніями и не распространялся на землю войска Донскаго, и конечно не могъ быть въ послѣдствіи распространенъ иначе, какъ новымъ манифестомъ императора. Послѣ этого, отношенія Войсковой Канцеляріи и наказнаго атамана, полученныя Платовымъ въ первыхъ числахъ Августа, оставались безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Но предложеніе въ Войсковую Канцелярію, 22 Августа изъ Москвы, и было отвѣтомъ на эти отношенія. „Отношенія Войсковой Канцеляріи отъ 23 прошлаго Іюля чрезъ нарочнаго я получилъ, писалъ Платовъ. Все сдѣланное ею распоряженіе, изъ ревностнѣйшаго усердія и вѣрноподданнической вѣрности, къ ополченію всего войска нашего, на защиту Отечества и августѣйшаго Престола, противу нашествія злоковарнаго врага, подтверждаю, одобряю и приношу за оное благодарность мою“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Платовъ предписывалъ, „чтобы всѣ наряженные изъ войска служилые, отставные чиновники и казаки, и словомъ, согласно вышепомянутому отношенію Войско-

вой Канцеляріи, всѣ приготовленные къ ополченію, при тѣхъ самыхъ господахъ генералахъ и полковникахъ, кои назначены, высланы были по полученіи сего въ 24 часа въ походъ, кромѣ 17-ти и 18-ти лѣтнихъ выростковъ, которыхъ не посылать; ибо они, по молодости лѣтъ своихъ, будутъ составлять одинъ только счетъ; а при томъ надобно, чтобы они оставались въ домахъ, сколько для отбытія по внутренности войска повинностей, столько и для надзора за имуществомъ; положить же въ число выступающихъ въ походъ только девятнадцати и двадцатилѣтнихъ выростковъ. Всему наряженному войску слѣдовать прямѣйшими дорогами къ Москвѣ, форсированно, безъ роздыховъ, дѣлая переходы не менѣе шестидесяти верстъ въ сутки. А приближась къ Москвѣ, развѣдывать о мѣстѣ нахожденія арміи и идти для соединенія къ оной; а мнѣ заблаговременно съ нарочными доносить, для надлежащихъ распоряженій. Тѣхъ же командъ, которыя наряжены изъ войска, по посланному предъ симъ съ нарочнымъ повелѣнію моему, къ наказному войсковому атаману отъ 26 числа прошлаго Іюля, не останавливать, а должны они слѣдовать. Я для отысканія оныхъ отправилъ отсюда нарочнаго и приказалъ имъ идти форсированно, безъ роздыховъ, къ Москвѣ, коему далъ о томъ всѣмъ тѣмъ генераламъ, кои отъ войска отряжены, и открытое повелѣніе мое; но нужнымъ нахожу, чтобы подтверждено было о томъ имъ же и отъ наказнаго войсковаго атамана, которому также о томъ предписано: ибо я сейчасъ получилъ свѣдѣніе отъ прибывшаго сюда съ Дону войсковаго старшины Конькова, что изъ Хоперскаго начальства таковыя команды уже выступили. Я въ полной увѣренности, что Войсковая Канцелярія, общимъ содѣйствіемъ съ г. войсковымъ наказнымъ атаманомъ, употребитъ всѣ средства къ самопоспѣшнѣйшему выкомандированію изъ войска въ походъ приготовленныхъ къ тому чиновниковъ и казаковъ, тѣмъ болѣе, что войско Донское, пользовавшись издревле высокомонаршими милостями августѣйшихъ монарховъ своихъ, особенно нынѣ царствующаго всемилостивѣйшаго государя императора, обязано вѣрноподданническимъ долгомъ и данною предъ Богомъ государю и Отечеству присягою жертвовать всѣми силами, для защиты любезнѣйшаго Отечества и августѣйшаго Престола противу нашествія злоковарнаго врага, нарушающаго общее спокойствіе [19]).

Изложенныя свидѣтельства, кажется, естественно приводятъ къ такимъ заключеніямъ: 1) что атаманъ Платовъ въ такое важное время, когда войска готовились къ рѣшительному сраженію, не могъ уѣхать отъ нихъ безъ вѣдома и дозволенія главнокомандующаго, хотя бы и на такое короткое время, какое онъ пробылъ въ Москвѣ; 2) что, предпринимая такую важную мѣру, не могъ онъ распоряжаться безъ согласія и одобренія князя Кутузова: могъ ли онъ скрыть свои отъ него намѣренія, когда счелъ возможнымъ сообщить о нихъ графу Ростопчину?; 3) что это распоряженіе сдѣлано безъ вѣдома государя: въ противномъ случаѣ послѣдовалъ бы манифестъ, или по крайней мѣрѣ въ предложеніи Войсковой Канцеляріи Платовъ предписалъ бы его какъ высочайшее повелѣніе. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ современномъ донесеніи государю графъ Ростопчинъ умалчиваетъ о дѣйствительной цѣли пріѣзда Платова въ Москву, а объясняетъ его ходившею молвою, будто онъ пріѣзжалъ переговорить съ государемъ, въ предположеніи найти его въ Москвѣ.

---

[19]) Предложеніе ат. Платова Войсковой Канцеляріи 22 Авг. 1812 г. изъ Москвы.

Чтобы оцѣнить значеніе этой мѣры, указывающей на дальновидныя соображенія князя Кутузова, стоитъ лишь припомнить, какую важную услугу Россіи оказали казаки во время преслѣдованія бѣжавшаго непріятеля послѣ оставленія Москвы и до самаго Нѣмана [20]). Поѣздка атамана Платова въ Москву съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать распоряженіе о Донскомъ ополченіи, показываетъ, что князь Кутузовъ желалъ сохранить оное въ глубокой тайнѣ. Еслибы это распоряженіе сдѣлано было изъ главной квартиры, то онъ могъ опасаться, и не безъ причины, что оно могло бы огласиться повсюду, прежде нежели успѣли бы привести его въ исполненіе. То обстоятельство, что атаманъ Платовъ нашелъ возможнымъ открыться графу Ростопчину, доказываетъ, что Кутузовъ имѣлъ къ нему полную довѣренность въ это время. Такую же довѣренность и графъ Ростопчинъ питалъ къ новому главнокомандующему. Въ тотъ же день, когда онъ извѣщалъ императора о пріѣздѣ Платова въ Москву, онъ писалъ министру полиціи Балашеву: „Я въ самомъ тѣсномъ и частомъ сношеніи съ кн. Кутузовымъ и теперь занятъ приготовленіемъ сухарей для арміи. Отправленія сдѣлались невозможными по причинѣ разъѣзда ямщиковъ и страха ѣхать къ войскамъ безъ возврата; ибо подводы тамъ задерживаются. На дорогѣ, позади арміи, произошли большіе безпорядки отъ провожающихъ раненыхъ, самыхъ раненыхъ и обозовъ. Для прекращенія безпокойства жителей, я разставилъ по всѣмъ дорогамъ, взявъ 20-ти верстное разстояніе отъ Москвы, роты формирующихся здѣсь полковъ. Всѣ жители столицы измучены ожиданіемъ сраженія, которое на сихъ дняхъ должно быть въ той позиціи, которую занялъ князь Кутузовъ впереди Можайска“ [21]).

Мародерство (появившееся въ нашихъ арміяхъ отъ постояннаго отступленія, уронившаго духъ войскъ, и особенно отъ недостатка въ продовольствіи), до тѣхъ поръ еще весьма незначительное, грозило въ это время развиться до обширныхъ размѣровъ. На другой день по своемъ прибытіи князь Кутузовъ объявлялъ войскамъ, что „сегодня въ самое короткое время поймано разбредшихся до 2000 нижнихъ чиновъ. Сіе сдѣлано не стараніемъ начальниковъ, но помощію воинской полиціи. Такое *непомѣрное* число отлучившихся отъ своихъ командъ солдатъ, во избѣжаніе службы, доказываетъ *необыкновенное* ослабленіе надзора господъ полковыхъ начальниковъ. Привычка къ мародерству, сею слабостію начальства возымѣвъ дѣйствіе свое на мораль солдата, обратилась ему почти въ обыкновеніе, которое искоренить должны самыя строгія мѣры“ [22]). Кутузовъ дѣйствительно принималъ всѣ мѣры, чтобы прекратить развитіе этого зла, и оно прекратилось только вслѣдствіе его заботъ и принятыхъ имъ мѣръ къ снабженію войскъ достаточнымъ количествомъ продовольствія и благодаря тому нравственному вліянію, которое онъ производилъ на войска. Перевозка и препровожденіе плѣнныхъ пѣшкомъ точно также совершались безпорядочно и потому конечно могли вести къ безпорядкамъ.

Заботы объ этихъ предметахъ и стремленіе усилить войска подкрѣпленіями выразились въ перепискѣ кн. Кутузова съ Московскимъ главнокомандующимъ. Въ отвѣтъ на приведенное выше письмо князя Кутузова изъ Гжатска, графъ Ростопчинъ писалъ ему: „Почтеннѣйшее письмо вашей

[20]) См. въ приложеніи.

[21]) Письмо графа Ростопчина къ министру полиціи отъ 23 Авг. 1812 г.

[22]) Приказъ арміи. Главная квартира при Колоцкомъ монастырѣ № 2, Авг. 18 дня и приказъ Авг. 21, № 5; Богдановича, Истор. отечеств. войны, т. II, гл. XX, примѣч. 30.

свѣтлости изъ Гжатска вчерашняго числа я получилъ и честь имѣю на него отвѣчать, что починка ружій и пистолетовъ въ арсеналѣ постоянно продолжается подъ присмотромъ самодѣятельнаго полковника Курдюмова. Изъ числа Австрійскихъ и Англійскихъ ружей я отпустилъ для вооруженія Московской военной силы 7200 ружей, кои доставлены и розданы. Отпускъ вина въ Вязьму, по требованію военнаго министра и по моему назначенію, остановился, за неимѣніемъ подводъ: но если нужда потребуетъ, то я нарядомъ могу отправить, не взирая на сообщеніе ко мнѣ министра финансовъ, который пользу двухъ Жидовъ, Переца и Стиглица предпочитаетъ продовольствію войскъ, кои должны или спасти Отечество или лечь подъ Москвою. Вопросъ, что лучше: спасти сей городъ или армію по моему мнѣнію не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію. Арміи собраны были и выведены для защиты предѣловъ нашихъ, потомъ должны были защищать Смоленскъ, а теперь спасти Москвою Россію и государя. Каждый теперь изъ Русскихъ полагаетъ всю силу въ столицѣ и справедливо почитаетъ ее оплотомъ царства. Но съ ея впаденіемъ въ руки злодѣя, цѣпь, связующая всѣ мнѣнія и укрѣпленная къ престолу государей нашихъ, разорвется, и общее мнѣніе, раздѣлясь на части, останется бездѣйственно. Народъ Русскій есть самый благонамѣренный; но кто можетъ за него отвѣчать тогда, когда древняя столица сдѣлается мѣстопребываніемъ сильнаго, хитраго и счастливаго непріятеля рода человѣческаго? Волга течетъ 120 верстъ отсюда, Ока 100, и всѣ сношенія съ сѣвернымъ и полуденнымъ краемъ Россіи пресѣкутся. Какого повиновенія и ревности ожидать въ губерніяхъ, когда злодѣй издавать будетъ свои манифесты въ Москвѣ? Какимъ опасностямъ подверженъ будетъ императоръ, или въ недоумѣніи о мѣстѣ своего пребыванія, или доведенный до крайности принять въ защиту себѣ отдаленіе въ дальніе края своей имперіи? Я не могу себѣ представить, чтобы была возможность подумать о мирѣ. Для спокойствія Бонапартова погибель Россіи потребна, и я вамъ скажу, что я писалъ и говорилъ государю, что изъ его подданныхъ сумашедшій или измѣнникъ можетъ полагать прекращеніе сей послѣдней со стороны нашей войны возможнымъ иначе, какъ истребленіемъ непріятеля. Если Провидѣнію угодно, чтобы Россія пала, то падемъ мы всѣ, но съ честію, и я первый почту тогда за милость Божію, если принесу въ жертву жизнь мою Отечеству и не увижу посрамленія его. Вотъ, князь, мои мысли; потому располагайте мною и Москвою. Она къ вамъ преисполнена довѣренностію и возлагаетъ надежды на успѣхи ваши, я же съ истиннымъ почтеніемъ и пр.“ [23]).

Хотя въ письмѣ, на которое графъ Ростопчинъ отвѣчаетъ, князь Кутузовъ и выразилъ свое *мнѣніе*, что съ *потерею* Москвы соединена потеря Россіи; но въ тоже время онъ положительно сказалъ, что вопросъ: потерять ли армію или потерять Москву? еще не рѣшенъ. Конечно въ глазахъ опытнаго вождя рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ числительной силы Русскихъ войскъ въ сравненіи съ непріятельскими и отъ тѣхъ подкрѣпленій, которыя своевременно могли прибыть къ нашимъ арміямъ. Этихъ обстоятельствъ, не прибывши къ арміи и не ознакомившись съ дѣйствительнымъ ея состояніемъ, кн. Кутузовъ конечно и знать не могъ; потому и необходимо возникалъ предъ нимъ тотъ роковой вопросъ, хотя очевидно его цѣль заключалась въ томъ, чтобы отстоять Москву.

Для графа Ростопчина не существовало, по его тогдашнему воззрѣнію, даже самаго вопроса и, выраженный кн. Кутузовымъ, онъ смутилъ его.

---

[23]) Письмо графа Ростопчина къ кн. Кутузову отъ 19 Авг. 1812 г.

Въ слѣдъ за отправленіемъ приведеннаго намъ письма, онъ получилъ извѣстія изъ Гжатска о безпорядкахъ, произведенныхъ тамъ нашими войсками и въ тотъ же день написалъ второе письмо къ кн. Кутузову: „Двое пріѣхавшіе изъ Гжатска сейчасъ увѣрили меня, что обозъ нашъ грабитъ народъ и что армія въ движеніи его оставляетъ и отступаетъ къ Можайску. Не зная предположеній вашей свѣтлости на счетъ безопасности столицы мнѣ ввѣренной, отправилъ я нарочнаго къ вамъ, чтобы отвѣтомъ вашимъ рѣшиться на отправленіе важныхъ предметовъ здѣсь находящихся. Извольте мнѣ сказать, твердое-ли вы намѣреніе имѣете удерживать ходъ непріятеля къ Москвѣ и защищать городъ сей. Посему и приму всѣ мѣры: или, вооружа всѣхъ, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, что̀ есть военнаго, направлюсь къ вамъ на соединеніе. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня, а я по смыслу его дѣйствовать буду: съ вами передъ Москвой, или одинъ въ Москвѣ“ [24]).

Сравнивая эти два письма, писанныя въ одинъ и тотъ же день графомъ Ростопчинымъ, нельзя не замѣтить одного и того же настроенія духа, но въ разныхъ степеняхъ. Поставленный княземъ Кутузовымъ вопросъ, спасать ли армію или Москву, при тѣхъ обстоятельствахъ, когда въ его рукахъ находилась участь Отечества, уже взволновалъ графа Ростопчина. Въ такомъ настроеніи духа, онъ получилъ извѣстіе о новомъ отступленіи нашихъ войскъ, т. е. о продолженіи того же образа дѣйствій, которому слѣдовалъ предшественникъ князя Кутузова. Считая такой образъ дѣйствій гибельнымъ для Россіи, Ростопчинъ не только повѣрилъ частнымъ вѣстямъ о томъ, что нашъ обозъ грабитъ г. Гжатскъ, но даже послалъ рѣшительный вызовъ кн. Кутузову, побуждая его окончательно выразить ему свои предположенія о будущихъ дѣйствіяхъ и грозя, въ противномъ случаѣ, что онъ отдѣлитъ свое дѣло отъ общаго дѣла Отечества и будетъ дѣйствовать не *вмѣстѣ* съ нимъ, а *одинъ*—въ Москвѣ. Нѣтъ нужды говорить, какое впечатлѣніе могло произвести это письмо на князя Кутузова, въ самое тяжелое и величественное время его жизни, когда всего нужнѣе было поддержать общее и дружное дѣйствіе всѣхъ силъ Россіи противъ грознаго и опаснаго непріятеля. Конечно, въ этомъ случаѣ самъ графъ Ростопчинъ далъ ему понять, съ кѣмъ, въ его лицѣ, онъ имѣетъ дѣло и вынудилъ дѣйствовать осторожно и недовѣрчиво. Если бы даже онъ и предполагалъ въ это время оставить Москву въ жертву непріятелю: то-и тогда онъ не могъ бы заявить объ этомъ ея главнокомандующему. Въ отвѣтъ на это письмо Кутузовъ написалъ къ нему лишь нѣсколько строкъ: „Я приближаюсь къ Можайску, чтобы усилиться и тотчасъ дать сраженіе. Ваши мысли о сохраненіи Москвы здравы и необходимо представляются; помогите, ради Бога, въ продовольствіи: я нашелъ его въ тѣсномъ состояніи. Въ Москвѣ моя дочь Толстая и 8 внучатъ; смѣю поручить ихъ вашему призрѣнію“.

Находясь въ непрерывной перепискѣ съ графомъ Ростопчинымъ, князь Кутузовъ болѣе всего проситъ его содѣйствія въ отношеніи снабженія войскъ продовольствіемъ, починкою старыхъ ружій и пистолетовъ для вооруженія ополченій, доставленіемъ шанцовыхъ инструментовъ, артиллерійскихъ зарядовъ и устройствомъ правильнаго доставленія всего этого на постоянно нанятыхъ подводахъ. Его письма, ежедневно, одно за дру-

[24]) Его же письмо также отъ 19 Авг. 1812.

[25]) Письмо князя Кутузова къ графу Ростопчину отъ 20 Авг. 1812 г.

гимъ, иногда по два и по три въ одинъ день, прибывали къ графу Ростопчину отъ 19 Августа до 1-го Сентября, и большая часть изъ нихъ касается именно этихъ предметовъ и извѣщеній о намѣреніи дать сраженіе и потомъ о самомъ сраженіи—Бородинскомъ.

Убѣдившись, что главнокомандующій непремѣнно дастъ сраженіе и надѣясь на успѣхъ, графъ Ростопчинъ исполнялъ всѣ требованія кн. Кутузова и немедленно извѣщалъ его о своихъ распоряженіяхъ. „Два письма вашей свѣтлости отъ 19 числа я сего утра получилъ. Означенные 1000 топоровъ, 100 лопатокъ и 250 буравовъ завтра же отправлены будутъ. Что же касается до вооруженія Московской военной силы выдачею ружей, то ей сперва 7200, да послѣ 2600 выдано изъ арсенала, и завтра прямо къ вашей свѣтлости отправляется генералъ-лейтенантъ графъ Марковъ, который по сему предмету приметъ и сообщитъ мнѣ приказанія ваши для самоскорѣйшаго исполненія“. День спустя послѣ этого письма, онъ увѣдомилъ князя Кутузова, что „по извѣщенію вашей свѣтлости, я приступилъ тотчасъ къ изготовленію сухарей и могу на одинъ мѣсяцъ напечь и изготовить съ доставленіемъ на 120 тыс., т. е. тридцать тысячъ четвертей муки. Но прошу васъ принять скорѣйшія мѣры для очищенія дороги Московской отъ обозовъ и разбоевъ: безъ того цѣлые транспорты попадутъ въ руки мародерамъ и казакамъ. Теперь графъ Марковъ долженъ уже быть у вашей свѣтлости; а у меня, за исключеніемъ неизвѣстнаго и мнѣ числа жителей Москвы и ея окрестностей, есть до 10.000 челов. обмундированныхъ и больше половины обученныхъ рекрутъ. Я разослалъ уже курьеровъ по сосѣдственнымъ губерніямъ, чтобы они ополченіе ихъ вели въ Москву“. Черезъ сутки потомъ онъ писалъ: „Вчерашній день приступилъ я къ исполненію требованія вашего наймомъ 1000 или болѣе подводъ, помѣсячно, для употребленія при арміяхъ на подвозъ провіанта, и надѣюсь, при первомъ отправленіи, извѣстить васъ объ успѣхѣ. Но если за арміею будутъ происходить подобные бывшимъ безпорядки, то я вамъ ни за что отвѣчать не могу, и сношенія отъ грабежей съ столицею перервутся. Притомъ доведу до свѣдѣнія вашего, что ко мнѣ Ставраковъ присылаетъ какихъ-то пойманныхъ съ паспортами, по его словамъ, подозрительныхъ людей для разбору: то ей Богу теперь и не время и время нѣтъ этимъ вздоромъ заниматься“. На другой день потомъ онъ писалъ: „Имѣю честь отвѣчать на три письма вашей свѣтлости. Требуемыя лошади, по 1000 на каждой станціи отъ Москвы до Можайска, выставлены будутъ, и нарядъ уже сдѣланъ. Но въ Можайскѣ отъ того, что три пограничные уѣзда отошли въ военное распоряженіе, наряду сдѣлать невозможно, и для сего соблаговолите отъ себя сдѣлать предписаніе. Наемъ помѣсячно 1000 и болѣе лошадей, для употребленія при арміи, я очень успѣшно произвелъ. Завтра заключаю контрактъ, который къ вамъ отправляю и съ ними лошадей съ повозками, положа на нихъ сухари. Инструменты для рабочихъ, т. е. лопатки и буравы по требованію вашему куплены и сегодня отправлены. Можайскій и Волоколамскій уѣзды разогнаны казаками и провожатыми раненыхъ. Доказательствомъ то, что нѣсколько лошадей, ихъ привезшихъ, остались безъ хозяевъ. Если безпорядки сіи продолжатся, то ни за что по дорогѣ отвѣчать не можно. И я бы желалъ, чтобы при отправленіи обозовъ имъ дано было направленіе не черезъ Москву, и въ приставы надежный и уваженія достойный человѣкъ“ [26]).

---

[26]) Письма графа Ростопчина къ князю Кутузову отъ 20-го, 22-го, 24-го и 25-го Авг. 1812 г.

Письма графа Ростопчина къ князю Кутузову прекращаются 27 Августа, т. е. днемъ, въ которой онъ получилъ окончательныя свѣдѣнія объ исходѣ Бородинскаго сраженія. Исполняя порученія князя Кутузова, онъ встрѣчалъ однакоже препятствія, которыя, конечно, его тревожили. По требованію еще Барклая-де-Толли доставить въ Вязьму вина для войска, гр. Ростопчинъ столкнулся съ тогдашними винными откупщиками, которые, конечно, защищали свои выгоды и которымъ вынужденъ былъ оказывать, въ силу договоровъ съ казною, свое покровительство и министръ финансовъ. Въ приведенномъ уже письмѣ, 19 Августа, гр. Ростопчинъ писалъ къ кн. Кутузову, что отпускъ вина остановился за неимѣніемъ подводъ; но лишь только онъ ихъ найдетъ, то пришлетъ непремѣнно, не смотря на то, что министръ финансовъ распорядился, чтобы подобныя поставки дѣлались черезъ винныхъ откупщиковъ. Въ письмѣ государю онъ еще рѣшительнѣе выражаетъ свое негодованіе на это распоряженіе. „Обремененный дѣлами, не допускающими отлагательства и въ высшей степени важными, я могу только удивляться вашей несчастной судьбѣ, которая направляетъ вашъ выборъ на людей порочныхъ, которые торгуютъ вашею славою и благосостояніемъ государства. Нужно было отправить вина въ войска, по требованію военнаго министра. Въ вашихъ складахъ находится до 380 тысячъ бочекъ. Оно даже не нужно откупщикамъ. Я отправилъ 23 тысячи ведръ въ Вязьму; но потомъ, при приближеніи, отправка была пріостановлена министромъ финансовъ, который находитъ, что ваше вино должно быть сохраняемо въ цѣлости, но благосклонно условился съ Жидомъ П. и его здѣшнимъ помощникомъ С., которые доставятъ 20 тысячъ ведръ войскамъ, по 5 рублей, тогда какъ ваше вино стоитъ по 2 руб. 50 коп. ведро. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о хорошемъ предпріятіи, которое принесетъ 500 тысячъ рублей этому Жиду. По истинѣ, государь, можно бы министру удовлетвориться тою долею, которую онъ получаетъ съ откуповъ и лѣсами, стоющими до полутора милліона, которые вы милостиво пожаловали этому бѣдному человѣку въ то время, когда вы предписали продавать государственныя имущества, чтобы удовлетворить нѣкоторыя государственныя потребности“ [27]).

Арміи нуждалась въ огромномъ количествѣ перевозочныхъ средствъ; необходимо было установить правильный подвозъ продовольствія къ ней и отъ нея, также правильное отправленіе раненыхъ, скопившихся въ большомъ количествѣ въ городахъ и селахъ между Гжатскомъ и Москвою. Естественно, при этомъ постоянномъ передвиженіи подводъ въ огромномъ количествѣ, могли происходить и безпорядки; но едва ли одни они затруднили графу Ростопчину наемъ перевозчиковъ и устройство правильнаго движенія. Главнѣйшая причина заключалась въ томъ, что къ этому времени усилилось движеніе жителей Москвы, стремившихся выѣхать изъ столицы и вывезти свое имущество и въ это же время, по предписанію графа Ростопчина, взято, по наряду, громадное количество подводъ для вывоза изъ Москвы казеннаго имущества и государственныхъ сокровищъ. Быть можетъ ему бы и удалось въ такой короткій срокъ вывезти все что̀ слѣдовало, еслибы потребности войскъ не лишили его важной доли перевозочныхъ средствъ. Удовлетворить потребностямъ арміи онъ могъ не иначе, какъ въ ущербъ вывозу казеннаго имущества и сокровищъ изъ Москвы и еще болѣе въ ущербъ частныхъ лицъ, Московскихъ жителей, которыхъ такъ долго задерживало въ Москвѣ его нравственное на нихъ вліяніе. Въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ, что ему удалось установить правильное движеніе

---

[27]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 23 Августа 1812 г.

обозовъ между Москвою и войсками. „Прибывъ въ Гжатскъ, кн. Кутузовъ требовалъ отъ меня продовольствія для войскъ, въ странѣ, гдѣ не было устроено магазиновъ и гдѣ самый лучшій урожай можетъ прокармливать народонаселеніе не болѣе шести мѣсяцевъ. Хлѣба поспѣли; но собрать ихъ въ присутствіи двухъ армій, изъ которыхъ одна истребляла все, для того чтобы поддержать свое существованіе, другая, чтобы ничего не оставалось врагамъ, не представлялось возможности. Но было довольно запасовъ муки въ казенныхъ магазинахъ; за тѣмъ я скупилъ все, что имѣлось въ продажѣ въ Москвѣ и устроилъ комитетъ, который немедленно приступилъ къ дѣлу, и всѣ булочники были заняты печеніемъ хлѣба; другіе рѣзали его на ломти и сушили день и ночь въ нанятыхъ для того печахъ. Каждое утро обозъ изъ 600 подводъ отправлялся отъ главнаго магазина съ сухарями и крупой для каши къ нашимъ войскамъ, и такой способъ продовольствованія 116 тысячъ человѣкъ продолжалъ дѣйствовать до кануна вступленія непріятеля въ Москву“. Кн. Кутузовъ усиленными просьбами вызвалъ графа Ростопчина на эту дѣятельность. „По полученіи почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства отъ 18 Августа относительно затрудненій въ заготовленіи и доставленіи изъ Москвы для арміи хлѣба, спѣшу увѣдомить васъ, государь мой, писалъ Кутузовъ, что въ арміи теперь настоитъ крайняя нужда въ хлѣбѣ. Почему покорнѣйше прошу, обративъ находящуюся въ Москвѣ муку въ сухари, употребить всевозможное стараніе о наискорѣйшемъ доставленіи оныхъ въ армію къ Можайску“. „Я уже имѣлъ честь увѣдомить ваше сіятельство, писалъ онъ на другой день послѣ приведеннаго письма, о недостаткахъ въ продовольствіи, которые арміи наши претерпѣваютъ. Теперь, намѣреваясь, по избраніи мѣста близь Можайска, дать генеральное сраженіе и рѣшительно для спасенія Москвы, побуждаюсь вамъ повторить убѣдительнѣйшія мои о семъ важнѣйшемъ предметѣ настоянія. Если Всевышній благословитъ успѣхи оружія нашего, то нужно будетъ преслѣдовать непріятеля; а въ такомъ случаѣ должно будутъ обезпечить себя также и со стороны продовольствія, дабы преслѣдованіе наше не могло остановлено быть за недостатками. На сей конецъ отношусь я сего же дня къ гг. губернаторамъ Калужскому и Тульскому съ тѣмъ, чтобы они всѣ учиненныя вашимъ сіятельствомъ по сему распоряженія выполняли въ точности и безъ малѣйшаго замедленія. Все сіе предоставляю я *безпримѣрной* дѣятельности вашей“.

Устройство правильныхъ обозовъ между Москвою и дѣйствующими войсками съ одной стороны для доставленія провіанта и другихъ нужныхъ вещей для войскъ, а съ другой для препровожденія въ Москву и далѣе раненыхъ, было заботою кн. Кутузова, еще при самомъ его отправленіи къ арміи, и онъ испросилъ согласіе на это государя. Прибывъ къ войскамъ, онъ поручилъ это дѣло генералъ-интенданту Ланскому; но вѣроятно оно не удавалось въ слѣдствіе привлеченія всѣхъ подводъ къ Москвѣ, какъ постояннымъ выѣздомъ жителей, такъ и распоряженіями генералъ-губернатора о нарядѣ подводъ по уѣздамъ. Поэтому кн. Кутузовъ обратился къ графу Ростопчину съ слѣдующимъ письмомъ: „Я уже нѣсколько разъ относился къ генералъ-интенданту Ланскому о поспѣшнѣйшемъ заготовленіи подводъ для арміи; но какъ теперь настоитъ крайнѣйшая необходимость въ оныхъ, то въ такомъ случаѣ я прибѣгаю съ покорнѣйшею моею просьбою къ безпримѣрно-заботливой и быстрой дѣятельности вашего сіятельства, употребить, милостивый государь мой, всевозможныя мѣры къ наискорѣйшему заготовленію по 1000 подводъ на каждую станцію отъ Москвы до Можайска. Безъ сихъ пособій военныя дѣйствія съ

великимъ вредомъ могутъ быть остановлены". Въ тоже время, чтобы придать наиболѣе значенія своимъ требованіямъ, онъ сообщалъ графу Ростопчину: „Отъ государя императора имѣю я изустное высочайшее повелѣніе учредить изъ вольнонаемныхъ ямщиковъ подвижные магазины; то для того нужно нанять ихъ съ повозками до 1000 и болѣе для того, чтобы употребить къ подвозамъ, а наиболѣе въ преслѣдованіяхъ непріятеля, если Всевышній благословитъ успѣхи нашего оружія. Все сіе поручаю я безпримѣрной вашего сіятельства заботливости и буду съ нетерпѣніемъ ожидать ихъ сюда присылки" [28]).

Изъ этихъ писемъ видно, какъ князь Кутузовъ заботливо щадилъ самолюбіе графа Ростопчина и, въ виду важности совершавшихся событій, не хотѣлъ раздражать его, нуждаясь въ его содѣйствіи для обезпеченія арміи и спокойствія въ Москвѣ. Но графъ Ростопчинъ, исполняя его требованія, постоянно указываетъ на безпорядки, производимые войсками. Показавшіеся было мародеры изъ арміи дѣйствительно производили безпорядки, въ то время когда только что прибылъ кн. Кутузовъ къ войскамъ; но въ то время, когда указывалъ на безпорядки графъ Ростопчинъ, мародерство уже прекратилось, и эти безпорядки могли быть или случайностію, не имѣвшею важнаго значенія или просто ложными извѣстіями, которымъ графъ Ростопчинъ придавалъ вѣру. Современники разсказываютъ объ отступленіи войскъ къ Можайску и Москвѣ, что оно совершалось въ большомъ порядкѣ. „Находясь съ ротою близъ Вязьмы, говоритъ одинъ изъ нихъ, я полюбопытствовалъ съѣздить въ городъ: думаю, не отыщу ли тѣхъ пряниковъ, которые столь прославили Вязьму. Городъ показался мнѣ очень порядочнымъ, много каменныхъ домовъ, церквей, лавокъ, но все было пусто. Жители, не успѣвшіе выбраться изъ города, бѣгали въ страшныхъ суетахъ по улицамъ, а иные выпроваживали изъ своихъ дворовъ повозки съ пожитками. Лавки были открыты; товары хотя всѣ убраны, но еще довольно кое-чего оставалось для поживишки солдатамъ, которые, подъ предлогомъ усталости или водицы напиться, входили въ домы и хозяйничали на просторѣ" [29]). Вотъ въ чемъ состоялъ грабежъ; жители оставляли города и села, увозили что имѣли изъ своего имущества, остальное бросали на произволъ судьбы и часто зажигали свои домы. Дорогобужъ и Вязьма были оставлены жителями и зажжены, лишь только прошелъ нашъ аріергардъ.

Но кромѣ заботъ объ обезпеченіи нуждъ арміи князь Кутузовъ весьма откровенно сообщалъ графу Ростопчину о своихъ приготовленіяхъ къ сраженію. Препровождая графу Ростопчину письмо, которое просилъ обнародовать для успокоенія жителей Москвы, онъ писалъ ему: „Коль скоро я приступлю къ дѣлу, то извѣщу васъ о всѣхъ моихъ предположеніяхъ, дабы вы въ движеніяхъ своихъ могли содѣйствовать мнѣ и—спасенію Отечества". Въ отвѣтъ на письмо графа Ростопчина, въ которомъ онъ требовалъ отъ него признанія, „твердое ли онъ имѣетъ намѣреніе удерживать ходъ непріятеля на Москву", князь Кутузовъ отвѣчалъ: „Письмо ваше я сейчасъ получилъ и спѣшу отвѣчать, что мы идемъ съ арміями не далѣе, какъ къ Можайску и тамъ, съ помощію Божіею и въ надеждѣ на храбрость Русскихъ, дамъ непріятелю баталію. Средства, которыя вы

---

[28]) Письма кн. Кутузова къ графу Ростопчину отъ 20-го Авг., 21-го при Колоцкомъ монастырѣ, 23-го Авг. позиція при Бородинѣ, и письмо въ Августѣ, но безъ обозначенія числа.

[29]) Записки артиллериста, ч. I, стр. 128—130.

можете мнѣ выслать изъ Москвы, не будутъ излишни, и потому прошу ваше сіятельство о семъ". Къ этому письму онъ собственноручно прибавилъ: „Я нынѣ отступаю, чтобы выбрать позицію. Сегодняшняго числа, хотя довольно хорошая, но слишкомъ велика для нашей арміи и могла бы ослабить одинъ флангъ. Какъ скоро я изберу самую лучшую, то, при пособіи войскъ отъ вашего сіятельства доставляемыхъ и при *личномъ* вашемъ *присутствіи,* употреблю ихъ, хотя еще и недовольно выученныхъ, къ славѣ Отечества нашего" [30]). Въ слѣдъ за этимъ письмомъ пришло другое, въ которомъ князь Кутузовъ писалъ: „Полчаса назадъ не могъ я еще опредѣлительно сказать вамъ этой позиціи, которую предстояло избрать выгоднѣйшею для предполагаемаго генеральнаго сраженія. Но разсмотрѣвъ всѣ положенія до Можайска, намъ та, которую мы нынѣ занимаемъ, представилась лучшею. И такъ на ней съ помощію Божіею ожидаю я непріятеля. Все то, что̀ ваше сіятельство сюда доставить можете и васъ самихъ примемъ съ восхищеніемъ и благодарностію" [31]). Но вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ адъютантъ князя Кутузова съ слѣдующимъ письмомъ: „Вручитель сего, адъютантъ мой поручикъ Панкратьевъ, объяснитъ вашему сіятельству причины, побудившія меня оставить Колоцкій монастырь, гдѣ, какъ я имѣлъ честь васъ увѣдомить, намѣренъ былъ я дать генеральное сраженіе. Армія отступитъ еще на 12 верстъ, гдѣ займетъ позицію, для сраженія гораздо выгоднѣйшею признанную" [32]).

Мѣстность отъ Гжатска до Москвы не представляла никакихъ искусственныхъ средствъ, которыя могли бы задержать движеніе непріятеля, ни крѣпостей, ни укрѣпленій. Рѣшившись дать сраженіе, необходимо было обратить все вниманіе на выборъ наиболѣе выгоднаго мѣста. Наконецъ это мѣсто было избрано при Бородинѣ. „Нашедъ выгоднѣйшею со стороны нашей позицію при деревнѣ Бородинѣ для генеральнаго сраженія, утвердясь въ оной (писалъ князь Кутузовъ къ графу Ростопчину) и надѣясь болѣе на помощь всемогущаго Бога, за наинужнѣйшее считаю предварить и покорнѣйше просить ваше сіятельство возвратить безъ задержанія въ армію отправленныхъ уже въ Москву съ транспортами больныхъ 32 лекарей и пригласить еще, буде можно, нѣсколько вольнопрактикующихъ" [33]).

Получивъ это письмо, графъ Ростопчинъ обнародовалъ (25 Авг.): „Свѣтлѣйшій князь, чтобы скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него найдетъ. Къ нему отправлено отсюда 28 пушекъ съ снарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ, что *Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться.* Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли дѣла, прибрать надобно и пр".

На другой день послѣ этого объявленія графъ Ростопчинъ получилъ отъ князя Кутузова слѣдующее письмо, въ которомъ тотъ писалъ уже объ открытіи военныхъ дѣйствій: „Спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что командующій аріергардомъ нашимъ генералъ-лейтенантъ Коновницинъ

---

[30]) Письмо князя Кутузова къ графу Ростопчину отъ 21 Авг. Колоцкій монастырь, часъ по полуночи.

[31]) Его же письмо такъ же 21 Авг. Колоцкій монастырь.

[32]) Его же письмо такъ же 21 Авг. Колоцкій монастырь.

[33]) Его же письмо къ графу Ростопчину отъ Авг. „ " дня 1812 г. Вѣроятно 22 Августа.

донесъ мнѣ, что 23 числа въ 9 часовъ утра до самаго вечера непріятель не переставалъ съ усиліемъ, въ превосходныхъ силахъ, наступать на него, что искуснымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи всякой шагъ непріятеля впередъ сопряженъ былъ съ большимъ для него урономъ и въ продолженіи 10 часовъ сраженія уступлено не болѣе 10 верстъ, и аріергардъ остановился у Колоцкаго монастыря, въ 16 верстахъ отъ позиціи при Бородинѣ“ [34]). Несмотря на открывшіяся уже военныя дѣйствія, кн. Кутузовъ поддерживалъ непрерывныя сношенія съ Московскимъ главнокомандующимъ и извѣщалъ его обо всѣхъ происшествіяхъ. Когда военныя распоряженія поглощали все его время, онъ поручалъ другимъ увѣдомлять графа Ростопчина.

Вслѣдъ за приведеннымъ письмомъ, писалъ графу Ростопчину Кайсаровъ: „Его свѣтлость князь Михаилъ Иларіоновичъ препоручилъ мнѣ честь, находясь самъ въ дѣлѣ, довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что вчерашняго числа, въ два часа пополудни, непріятель въ важныхъ силахъ атаковалъ нашъ лѣвый флангъ подъ командою кн. Багратіона и не только въ чемъ либо имѣлъ поверхность, но потерпѣлъ сильную потерю. Сраженіе продолжалось даже до ночи; вторая кирасирская дивизія по преимуществу отличилась своими атаками, при чемъ взяты плѣнные и пять пушекъ. Сегодня непріятель съ разсвѣтомъ опять направилъ свои силы на лѣвый флангъ. Его свѣтлость въ надеждѣ удержать свою позицію. Завтрашній день о происшествіи сего дня буду имѣть честь увѣдомить ваше сіятельство“. Исполняя обѣщаніе, на другой же день Кайсаровъ писалъ: „За вчерашнимъ извѣщеніемъ, которое я имѣлъ честь сдѣлать вашему сіятельству, доношу, что непріятель, занимаясь часъ перестрѣлкою на лѣвомъ флангѣ, ограничился только демонстраціями на оный, которымъ были противопоставлены движенія нашихъ войскъ. Такимъ образомъ кончился вчерашній день“ [35]).

Эти извѣстія, полученныя графомъ Ростопчинымъ о столкновеніяхъ съ непріятелемъ, предшествовавшихъ Бородинскому сраженію, о нападеніи на нашъ аріергардъ при Колоцкомъ монастырѣ и о дѣлѣ при Шевардинѣ, послужили ему поводомъ къ обнародованію слѣдующихъ двухъ объявленій, появившихся въ самый день 26-го Августа: „Въ полночь я получилъ слѣдующее извѣстіе отъ его свѣтлости, главнокомандующаго арміями. Вчерашняго числа (24 Августа), во второмъ часу по полудни, непріятель, въ важныхъ силахъ, атаковалъ нашъ лѣвый флангъ, командуемый кн. Багратіономъ и не только въ чемъ либо имѣлъ поверхность, но потерпѣлъ вездѣ сильную потерю. Сраженіе продолжалось даже въ ночи. Вторая кирасирская дивизія преимущественно отличалась своими атаками. Взяты плѣнные и пять пушекъ. Армія наша стоитъ на томъ же мѣстѣ, при деревнѣ Бородинѣ“. „Курьеръ, отправленный вчера, въ десять часовъ вечера изъ арміи, привезъ извѣстіе, что, кромѣ перестрѣлки егерей, ничего не произошло во весь день. Въ Субботу Французовъ хорошо попарили: видно отдыхаютъ. У князя Багратіона на лѣвомъ флангѣ передъ одною батареею сочтено болѣе 2000 убитыхъ“.

Эти объявленія основаны на тѣхъ письмахъ, которыя мы привели выше, кромѣ послѣднихъ словъ. Число убитыхъ въ Шевардинскомъ дѣлѣ никогда не было опредѣлено съ точностію, и графъ Ростопчинъ или про-

---

[34]) Его-же письмо къ графу Ростопчину отъ 24 Авг., позиція при Бородинѣ.

[35]) Письма Кайсарова къ графу Ростопчину отъ 25 и 26 Авг. Лагерь при Бородинѣ.

извольно показалъ его, или на основаніи свѣдѣній, переданныхъ ему изустно фельдъегеремъ, привезшимъ письмо Кайсарова.

Извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій подъ руководствомъ новаго главнокомандующаго арміями взволновали Москву. Хотя Москва опустѣла уже значительно въ то время, но все таки въ ней оставалось довольно большое количество жителей. Это народонаселеніе казалось еще бòльшимъ, нежели было, потому что все толпилось на площадяхъ и улицахъ: выходили даже за Дорогомиловскую заставу, останавливали курьеровъ, чтобы поскорѣе получить извѣстія. Ихъ останавливали потомъ по нѣскольку разъ и въ улицахъ и осыпали вопросами. Храмы были наполнены молящимся народомъ. Многіе пріобщались Св. Таинъ [36]). Въ самый день Бородинской битвы пріѣхалъ въ Москву митрополитъ Платонъ. По собственному-ли побужденію, удрученный старостью и болѣзнью, онъ явился посреди своей паствы въ бѣдственные для нея дни, или былъ вызванъ графомъ Ростопчинымъ, чтобы благословитъ на брань воображаемое имъ народное ополченіе, какъ говорила молва,—неизвѣстно [37]).

---

[36]) Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочин. т. IV, стр. 486—487.

[37]) Снегиревъ, Жизнь Митр. Платона, т. II, стр. 48, изд. 1856 г. „Тогда разнесся слухъ, что и самъ Платонъ явится на Три Горы или на Поклонную Гору за Дрогомиловскою заставою благословить Русское воинство къ рѣшительному сраженію съ непріятелемъ и что Русскіе искупятъ Москву своею кровью, или за нее положатъ головы. Можетъ статься, что такая мысль народная и таилась въ сердцѣ архипастыря, который готовъ былъ душу свою положить за паству свою; но память ему измѣняла, соображеніе терялось, языкъ его уже коснѣлъ, глаза тускнѣли, и онъ едва могъ передвигать ноги; скорбѣлъ на безсиліе свое, и прибытіе его въ Москву только обнаружило послѣдній порывъ его любви къ Отечеству“. Въ числѣ любопытныхъ „Разсказовъ очевидцевъ о 1812 г.“, находится слѣдующій (Москов. Вѣдом. 1872 г., № 52): „Графъ Ростопчинъ боялся мятежа. Кромѣ того, онъ не успѣлъ еще принять надлежащихъ мѣръ и вывезти изъ города арсеналъ, котораго не хотѣлъ оставить въ рукахъ непріятеля. Большая часть хранившагося въ немъ оружія была неудобна для употребленія; но разбирать его было некогда. Чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія, генералъ-губернаторъ обратился за помощію къ митрополиту Платону, который не отказывался править паствою, но былъ такъ старъ, что большую часть дѣлъ по митрополіи ввѣрилъ архіепископу Августину. Однако на этотъ разъ онъ рѣшился, несмотря на свою слабость, дѣйствовать по мѣрѣ силъ. За колокольней Ивана Великаго былъ воздвигнутъ амвонъ, и прошелъ по городу слухъ, что отслужатъ на площади соборной молебенъ, послѣ котораго митрополитъ собирается держать рѣчь народу. Въ назначенный день, между тѣмъ какъ на амвонъ выносили иконы изъ соборовъ, Москвичи стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ на Сенатскую площадь. Всѣ ожидали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ появленія митрополита. Наконецъ его черный цугъ показался въ Никольскихъ воротахъ. Всѣ сняли шапки. Платонъ выглянулъ изъ окна и благословилъ народъ дрожащею рукою. За нимъ ѣхалъ въ коляскѣ графъ Ростопчинъ. Толпа побѣжала за экипажами. Когда они остановились на Чудовской площади, митрополитъ вышелъ изъ кареты при помощи двухъ діаконовъ, которые ввели его на амвонъ. Генералъ-губернаторъ сталъ за нимъ. Платонъ былъ въ фіолетовой мантіи и бѣломъ клобукѣ; его блѣдное старческое лицо казалось встревожено. По окончаніи молебна, на которомъ онъ присутствовалъ въ качествѣ молящагося, одинъ изъ дьяконовъ сталъ рядомъ съ нимъ, чтобы говорить отъ его имени, потому что онъ самъ уже былъ не въ силахъ возвысить свой слабый голосъ. Пастырь умолялъ народъ не волноваться, покориться волѣ Божіей, довѣряться своимъ начальникамъ и обѣщалъ ему свои молитвы. Ми-

Въ этотъ день, по давнему установленію церковному, его викарій, совокупно съ двумя архіереями и всѣмъ духовенствомъ Московскимъ, совершалъ ходъ съ чудотворными иконами Смоленской, Иверской и Владимірской Божіей Матери, изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь. Крестные ходы всегда торжественны въ Москвѣ, но этотъ ходъ отличался еще бо́льшею торжественностію.

Во время приступа Французовъ къ Смоленску, когда войска и всѣ жители его оставляли, а самый городъ разрушался, объятый пожаромъ и осыпаемый непріятельскими ядрами, вдругъ среди спасавшейся толпы раздался голосъ: спасайте икону Богородицы! Въ Смоленскѣ кромѣ подлинной древней иконы, находившейся въ соборѣ, была другая, списокъ съ нея, также древній и почитаемый, находившійся въ церкви надъ Днѣпровскими воротами. Обѣ иконы были спасены. Одна постоянно сопутствовала войскамъ; другую преосвященный Ириней, сопровождаемый многими жителями Смоленска, привезъ въ Москву и поставилъ въ церкви св. Василія Неокесарійскаго на Тверской ямской улицѣ. Оттуда торжественно эту икону, черезъ четыре вѣка возвращавшуюся въ Москву, архіепископъ Августинъ перенесъ въ Успенскій соборъ. Она находилась въ крестномъ ходу 26-го Августа, который отъ Срѣтенскихъ воротъ и до Никольскихъ шелъ между двухъ рядовъ обозовъ съ ранеными. Страждущіе и умиравшіе воины усиливались приподняться на своихъ телѣгахъ и молились передъ иконами. Духовенство кропило ихъ святой водою, народъ осыпалъ ласковыми заботами и давалъ имъ деньги [38]). Всѣ плакали и усердно молились.

Канунъ Бородинской битвы, день 25 Августа, послѣ сраженія при Шевардинѣ, прошелъ спокойно; противники стояли въ виду одинъ передъ

трополитъ плакалъ. Его почтенный видъ, его слезы, его рѣчь, переданная устами другаго, сильно подѣйствовали на толпу. Рыданія послышались со всѣхъ сторонъ. „Владыка желаетъ знать, продолжалъ дьяконъ, на сколько онъ успѣлъ васъ убѣдить. Пускай всѣ тѣ, которые обѣщаютъ повиноваться, становятся на колѣна". Всѣ стали на колѣна. Старецъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ преклоненныя передъ нимъ головы; а графъ Ростопчинъ выступилъ впередъ и обратился въ свою очередь къ народу. „Какъ скоро вы покоряетесь волѣ императора и голосу почтеннаго святителя, сказалъ онъ, я объявляю вамъ милость государя. Въ доказательство того, что васъ не выдадутъ безоружными непріятелю, онъ вамъ позволяетъ разбирать арсеналъ: защита будетъ въ вашихъ рукахъ". „Много благодарны, дай Богъ многія лѣта царю", загремѣло въ толпѣ. „Но вы обязаны при разборѣ его, продолжалъ графъ Ростопчинъ, соблюдать порядокъ: входите въ Никольскіе ворота и выходите въ Троицкіе; я прикажу сію минуту отпереть арсеналъ". При поданномъ имъ знакѣ, его коляска и карета митрополита подъѣхали къ амвону. Каждый сѣлъ въ свой экипажъ. Толпа, проводивъ Платона, возвратилась за оружіемъ". Этотъ разсказъ такъ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ того времени, такъ согласенъ съ характеромъ и взглядами графа Ростопчина, что я нисколько не сомнѣваюсь въ его вѣрности; но не рѣшился ввести въ текстъ потому только, что мнѣ не удалось найти другихъ свидѣтельствъ о вызовѣ графомъ Ростопчинымъ митрополита Платона въ Москву и постройкѣ этого амвона. Снегиревъ (Очерки жизни архіеп. Августина, стр. 30) говоритъ: „Проѣхавъ въ Чудовъ монастырь 28-го Авг., Платонъ сѣлъ въ креслахъ на главномъ крыльцѣ и долго со слезами смотрѣлъ на Кремль, какъ будто прощаясь съ нимъ и какъ будто предчувствуя свою вѣчную съ нимъ разлуку и его жребій. Благословляя подходящихъ къ нему, онъ говорилъ только: простите, прощайте, спаси васъ Господи!"

[38]) Снегирева, Очерки жизни архіеп. Августина, стр. 26—27.

другимъ, укрѣпляя занимаемыя ими мѣстности и приготовляясь къ рѣшительному бою. Одна и таже мысль—разбить противника и достигнуть послѣдней цѣли тягостной войны господствовала надъ ними. Но однихъ плѣняли будущею побѣдою, покореніемъ столицы, богатою добычею, покоемъ и довольствомъ послѣ стольких трудовъ и лишеній. Другихъ никто и ничѣмъ не плѣнялъ, и всѣ обрекали себя на жертву для спасенія Отечества. Какъ шуменъ и веселъ былъ станъ Наполеоновскихъ войскъ, оглашавшійся звуками музыки и восклицаніями въ честь великаго полководца; такъ, на оборотъ, былъ тихъ и спокойно сосредоточенъ Русскій станъ. Когда войска проходили и временно останавливались передъ Колоцкимъ монастыремъ, въ которомъ оставалось уже только два или три престарѣлыхъ монаха, „церковь цѣлый день была отперта и полна. Я былъ у вечерни, говоритъ современникъ-очевидецъ событій; унылый звукъ колокола, тихое пѣніе, синеватый сумракъ, слегка просвѣтляемый тусклою лампадою и нѣсколькими свѣчьми, которыя чуть теплились передъ древними иконами, все это вмѣстѣ чудеснымъ образомъ располагало душу къ молитвѣ. Глубокое молчаніе почивало въ храмѣ. Въ сіи мгновенія души и сердца Русскія были въ тайной бесѣдѣ съ Богомъ. У нѣкоторыхъ только изъ молящихся избытокъ грусти вырывался въ тихихъ рыданіяхъ, мѣшаясь съ дрожащимъ голосомъ убѣленнаго сѣдинами старца“ [39]). Тоже настроеніе духа и въ бо̀льшей степени господствовало въ Русскомъ войскѣ, когда оно почувствовало, что окончательно остановилось, чтобы вступить въ рѣшительный бой. „Офицеры надѣли съ вечера чистое бѣлье; солдаты, сберегавшіе про случай бѣлыя рубашки, сдѣлали тоже. Эти приготовленія были не на пиръ!“ Всѣ готовились къ смерти, невольно, безсознательно и просто, потому что слѣдовало или умереть, или спасти Отечество. Замолкли въ это время и частныя вражды и соперничество, сплетни, пересуды и доносы главной квартиры. Въ это время главнокомандующій велѣлъ торжественно пронести передъ рядами всего войска икону Смоленской Божіей Матери и служить молебны. „Духовенство шло въ ризахъ, кадила дымились, свѣчи теплились, воздухъ оглашался пѣніемъ, и святая икона шествовала. Сама собою, по влеченію сердца, стотысячная армія падала на колѣни и припадала челомъ къ землѣ, которую готова была упоить досыта своею кровію. Вездѣ творилось крестное знаменіе, по мѣстамъ слышалось рыданіе. Главнокомандующій, окруженный штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствіе, нѣсколько головъ поднялись къ верху, и послышалось: орелъ паритъ! Главнокомандующій, взглянувъ вверхъ, увидѣлъ плавающаго на воздухѣ орла и тотчасъ обнажилъ свою сѣдую голову. Ближайшіе къ нему закричали: ура! и этотъ крикъ повторился всѣмъ войскомъ. Орелъ продолжалъ плавать; семидесятилѣтній вождь, принимая доброе предвѣстіе, стоялъ съ обнаженною головою“ [40]).

---

[39]) Ѳ. Н. Глинки, Письма Русс. офицера, изд. 1870 г., стр. 20.

[40]) Ѳ. Н. Глинки, Очерки Бородинскаго сраженія. М. 1839 г. ч. I, стр. 39—40. Графъ Ростопчинъ разсказъ объ орлѣ считаетъ одною изъ Московскихъ небылицъ этого времени. Бернгарди, главная цѣль сочиненія котораго заключалась въ томъ, чтобы унизить заслуги Кутузова и бранить Данилевскаго за каждое слово въ его пользу, говоритъ: „По всему обширному государству разнеслась вѣсть, что во время смотра войскъ, могучій орелъ парилъ надъ престарѣлымъ фельдмаршаломъ. Печать толковала объ этомъ на всѣ лады. Данилевскій разсказываетъ этотъ миѳъ очевидно, какъ дѣйствительное происшествіе. Дѣловые, прозаическіе очевидцы не замѣтили никакого орла, и можно съ увѣренностью сказать,

Крестный ходъ совершался въ Москвѣ въ то время, когда на поляхъ Бородинскихъ отчаянная битва была въ полномъ разгарѣ. „Весь этотъ день Москва провела въ большой тревогѣ, говоритъ графъ Ростопчинъ, потому что за заставами и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ былъ слышенъ громъ пушекъ, долетавшій по вѣтру за 120 верстъ". Съ самаго

что между поклажею кн. Кутузова не было клѣтки съ орломъ, какъ это случилось при одномъ новомъ всемірноисторическомъ происшествіи" (Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Grafen v. Toll. т. II, стр. 9—10.). Хорошо, покрайней мѣрѣ, что онъ отрицаетъ возможность подобной продѣлки; а между тѣмъ въ нашихъ войскахъ нашелся офицеръ, не Русскій конечно, который говоритъ, что изъ заранѣе приготовленнаго мѣшка выпущенъ былъ орелъ, который поднялся въ виду арміи, что̀ ободрило многихъ молодыхъ людей" (Изъ записокъ генерала Ковальскаго, Русс. Вѣстникъ 1871 г. Январь, стр. 94). Если-бы даже этотъ разсказъ объ орлѣ былъ созданъ народною молвою, то и въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы значеніе, показывая отношеніе народа къ фельдмаршалу; но есть ли поводъ сомнѣваться въ немъ, какъ дѣйствительномъ происшествіи? Данилевскій пріурочиваетъ этотъ случай къ первому осмотру войскъ кн. Кутузовымъ по пріѣздѣ его въ Царево-Займище; всѣ-же другіе къ кануну Бородинскаго сраженія (Собр. сочин. т. IV, стр. 403). Вѣроятно „Письма Русс. офицера" Ѳ. Н. Глинки ввели его въ ошибку. Въ нихъ говорится: „Всѣ обстоятельства предвѣщаютъ *сраженіе,* долженствующее рѣшить судьбу отечества. *Говорять,* что въ послѣдній разъ, когда свѣтлѣйшій осматривалъ полки, орелъ явился на воздухѣ и парилъ надъ нимъ. Князь обнажилъ сѣдинами украшенную голову; все войско закричало: ура"! Эти слова находятся въ письмѣ отъ *20 Августа,* слѣдовательно за 6 дней до Бородинскаго сраженія. Но развѣ эти письма, въ томъ видѣ, какъ появились въ печати, писаны именно въ тѣ числа, которыя на нихъ обозначены, и не составлены послѣ на основаніи краткихъ современныхъ замѣтокъ? Развѣ эти слова не могли быть прибавлены въ послѣдствіи? Что это дѣйствительно такъ и было, можетъ служитъ доказательствомъ: во 1-хъ) слѣдующія за ними слова: „въ сей-же день главнокомандующій приказалъ служить во всѣхъ полкахъ молебны Смоленской Божіей матери и для иконы, находившейся при арміи, сдѣлать новый приличный кивотъ. Все это восхищаетъ солдатъ и всякого". Обносили икону по всѣмъ войскамъ и служили молебны наканунѣ Бородинскаго сраженія. Во 2-хъ, самъ-же Ѳ. Н. Глинка объясняетъ свои слова въ другомъ сочиненіи (Очерки Бородинскаго сраженія, стр. 39), пріурочивая этотъ случай именно къ 25 Августа. Но Глинка передаетъ разсказъ другихъ; есть и свидѣтели-очевидцы. Кн. Александръ Борисовичь Голицынъ (Записка о 1812 г. рукоп.) говоритъ: „Когда въ первый разъ обозрѣвалъ Кутузовъ позицію при Бородинѣ (это было послѣ обѣда), исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Анштедъ первый это замѣтилъ, и толкамъ не было конца. Орелъ этотъ предвѣщалъ все хорошее". Анштетъ написалъ объ этомъ гр. Нессельроду, и его письмо ходило по рукамъ въ Петербургѣ. Вотъ это письмо: „Lundi 26. Avant-hier une affaire de héros, hier une escarmouche insignifiante, aujourd'hui combat de héros. La terre tremble à dix-huit verstes. Les Français ont été attaqués sur leur flanc droit, étant en marche sur notre gauche et attaquant en outre notre centre. J'espère en Dieu et en nos braves et que demain nous recevrons l'ordre d'avancer; mais tout ceci, les détails de l'armée vous l'apprendrez bien mieux. Quant à moi, je vous racontrai que le premier jour où le prince Koutousof a reconnu la position, un aigle a plané sur sa tête; il le salua, et la troupe dorée cria: Hurrah! Quand les Romains combattent, il faut citer les augures". (ср. Графъ Местръ, Correspondance diplomatique, т. I, письмо 14 Сент., стр. 176—177).

поля сраженія князь Кутузовъ писалъ графу Ростопчину: „Прошу васъ, ради Бога, графъ Өедоръ Васильевичь, прикажите къ намъ немедленно изъ арсенала прислать на 500 орудіевъ, комплектныхъ зарядовъ, болѣе батарейныхъ“. Очевидно, эти заряды не могли поспѣть къ Бородинскому сраженію, и ихъ считалъ нужнымъ главнокомандующій для дальнѣйшихъ дѣйствій. Онъ вѣрилъ въ успѣхъ продолжавшагося сраженія и въ этомъже письмѣ собственноручно приписалъ: „сраженіе самое кровопролитное, будемъ удерживать; по сю пору идетъ порядочно“. Вечеромъ въ тотъ же день, по окончаніи сраженія, въ то время, когда князь Кутузовъ еще намѣревался возобновить его на другой день, онъ отправилъ къ графу Ростопчину второе письмо: „Сегодня было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель въ весьма превосходныхъ силахъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться. Отъ вашего сіятельства зависитъ доставить мнѣ изъ войскъ, подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ, столько, сколько можно будетъ“ [41]).

Получивъ эти письма главнокомандующаго, графъ Ростопчинъ обнародовалъ слѣдующее объявленіе: „Два курьера привезли изъ арміи, что вчерашній день, 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе; съ помощію Божіею Русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хоть непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я (пишетъ князь Кутузовъ), возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться. Потеря непріятеля неисчетная. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобы въ плѣнъ не брать (да и брать некого) и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня, съ помощію Божіею, онъ еще разъ отраженъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча. Я посылаю въ армію 4 тысячи здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряда и провіанта. Православные, будьте спокойны! Кровь нашихъ проливается за спасеніе Отечества, наша готова и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска. Богъ подкрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Русской“.

Мгновенно по всей Москвѣ разнеслась вѣсть о побѣдѣ; спѣшили къ Иверской служить молебны; возникла надежда, что непріятель не проникнетъ въ столицу. Но не надолго. Графъ Ростопчинъ, обнародывая извѣстія, не былъ однакоже увѣренъ въ побѣдѣ, если судить по его Запискамъ, писаннымъ въ послѣдствіи. „Достигнувъ Колоцкаго монастыря, говоритъ онъ, князь Кутузовъ пробылъ тутъ два дня и избралъ мѣсто у деревни Бородина, чтобы дать сраженіе Наполеону. Онъ вступилъ уже въ Московскую губернію и находился въ 112 верстахъ отъ столицы. Онъ уступилъ настоянію генераловъ и раздраженію солдатъ, которые въ своихъ выходкахъ обвиняли его даже въ томъ, что онъ безъ боя хочетъ отдать Москву непріятелю. Я не буду распространяться объ этомъ сраженіи, въ которомъ обѣ стороны дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ: Русскіе, чтобы защитить свою столицу, солдаты Наполеона, чтобы ее завоевать. Я не рѣшаю, былъ-ли Наполеонъ великъ въ этомъ дѣлѣ, или малъ, или инымъ какимъ онъ былъ; но оба военачальника могли бы избѣжать этой безчеловѣчной бойни и сохранить въ своихъ войскахъ 90 тысячами лю-

---

[41]) Письма кн. Кутузова къ графу Ростопчину 26 Августа 1812. „Отъ сельца Бородина, въ два часа по полудни“, и второе тоже 26 Авг. 1812. „мѣсто сраженія при селѣ Бородинѣ“.

дей болѣе, выбывшихъ изъ строя. Наполеонъ, еслибъ перешелъ на старую Калужскую дорогу, вошелъ бы въ Москву только осмью днями позднѣе съ войскомъ болѣе сильнымъ на 52 тысячи, которыя были убиты и ранены подъ Бородинымъ; Кутузовъ съ своими 116 тыс., изъ которыхъ онъ потерялъ отъ 35 до 40 тысячъ, сталъ бы на новой Калужской дорогѣ и не подвергался бы два или три раза опасности быть уничтоженнымъ. Двѣ выгоды однакоже извлекла Россія изъ этого сраженія: 1) почти совершенное уничтоженіе непріятельской кавалеріи, и такъ уже разстроенной продолжительностію похода и недостаткомъ въ кормѣ, и 2) впечатлѣніе, какое произвело прибытие и разсказы раненыхъ офицеровъ, разсѣявшихся по всѣмъ губерніямъ, гдѣ были у нихъ имѣнія и родные. Это помирило націю съ военными, которыхъ въ Москвѣ осыпали насмѣшками и приписывали измѣнѣ отступленіе нашихъ армій. Во время Бородинскаго сраженія, Кутузовъ, въ 4 часа пополудни, отправилъ ко мнѣ письмо, въ которомъ онъ выражалъ, что доволенъ успѣхомъ нашего оружія. Курьеръ сказалъ мнѣ, что Неаполитанскій король Мюратъ былъ взятъ въ плѣнъ, что̀ доставило большое удовольствіе Москвичамъ. Послѣ оказалось, что это былъ генералъ Лами, который назвался Мюратомъ въ то время, когда его захватили. Кутузовъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе, пока Лами не былъ приведенъ къ нему со всею внимательностію къ плѣнному величеству и не объявилъ ему правды. На другой день, въ 8 часовъ утра, я получилъ другое письмо отъ Кутузова, въ которомъ, упомянувъ *слегка* о выигранномъ *наканунѣ* сраженіи, онъ сообщалъ мнѣ, что намѣренъ возобновить сраженіе, заклиная меня прислать сколько возможно болѣе подводъ для перевозки раненыхъ и сколько возможно зарядовъ для пушекъ и ружій, что́ и было отправлено черезъ два часа. Я написалъ записку къ министру полиціи, что я не понимаю этой побѣды, потому что наши арміи отступили къ Можайску. Это я узналъ отъ того же самаго курьера, который, упрашивая меня, чтобы я отправилъ его поскорѣе, имѣлъ неосторожность мнѣ сказать, что наши войска частію уже въ Можайскѣ, въ 10 верстахъ отъ поля сраженія. Кутузовъ разсчелъ, что этотъ курьеръ, слѣдуя поспѣшно, пріѣдетъ въ Петербургъ утромъ въ день имянинъ императора, 30 Августа, и его реляція была поздравительнымъ букетомъ. Въ этой реляціи, которая была напечатана и обнародована, онъ увѣрялъ, что мы удержали свои позиціи, что всѣ нападенія непріятеля были отражены, и атаманъ Платовъ преслѣдовалъ его 11 верстъ съ своими казаками до Колоцкаго монастыря и что на другой день онъ нападетъ снова на непріятеля всѣми силами. Эта ложь ему удалась какъ нельзя болѣе: онъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ; всѣ его родные награждены, солдаты получили каждый по 5 рублей. Я увѣренъ, что не такъ бы радовались этою побѣдою, если бы императоръ узналъ своевременно о моей запискѣ къ министру полиціи; но курьеръ, подъ предлогомъ, что его задержали во дворцѣ, передалъ ему мою записку долго спустя послѣ обѣда, и я имѣю основаніе думать, что на этотъ счетъ онъ получилъ нѣкоторыя наставленія отъ кн. Кутузова. Дѣлая его фельдмаршаломъ, полагали наградить армію за храбрость, такъ какъ что́ лично до него касается, то онъ и не могъ даже видѣть, что́ происходило, оставаясь за возвышенностію, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поля сраженія. Не предполагалъ-ли онъ, что спасеніе Отечества зависитъ отъ сохраненія его собственной особы?"

Этотъ разсказъ, проникнутый враждою къ кн. Кутузову, не сотвѣтствуетъ тѣмъ личнымъ отношеніямъ, въ которыхъ во время самыхъ происшествій находился къ нему гр. Ростопчинъ. Не говоримъ уже, что самыя

происшествія изложены неправильно. По свойственной графа Ростопчину способности увлекаться до крайности, онъ сердился, что первое распоряженіе Кутузова было объ отступленіи, но вовсе не считалъ Бородинскаго сраженія такимъ пораженіемъ, послѣ котораго защита Москвы сдѣлалась уже невозможною. Напротивъ, онъ увѣренъ былъ въ новыхъ сраженіяхъ и вызывалъ на нихъ. Человѣколюбивая мысль о стольких тысячахъ людей, будто бы напрасно погибшихъ при Бородинѣ, тогда и въ голову ему не приходила. Коротенькое письмо, на-скоро набросанное кн. Кутузовымъ, вечеромъ 26 Августа, послѣ едва смолкшей битвы, съ поля самаго сраженія, было писано именно въ то время, когда онъ думалъ на другой день возобновить сраженіе, и все войско въ этомъ было увѣрено. Но въ слѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же вечеръ, когда приблизительно были опредѣлены понесенныя нашими войсками огромныя, соотвѣтственно съ ихъ числомъ, потери и сдѣлалось извѣстно, что у Наполеона оставался нетронутый резервъ (старая гвардія, составлявшая лучшую часть его войскъ) рѣшено было отступленіе. Въ это уже время было написано донесеніе государю кн. Кутузова о Бородинскомъ сраженіи. Въ немъ и слова *побѣда* не упомянуто; въ немъ сказано только, что „войска сражались съ неимовѣрною храбростію, батареи переходили изъ рукъ въ руки, и непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами". Затѣмъ, въ обнародованномъ во всеобщее свѣдѣніе донесеніи, было сказано: „ночевавъ на мѣстѣ сраженія и собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣживъ мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ уповапіи на помошь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, *увижу я, что̀ могу предпринять противу непріятеля*". Конечно, графъ Ростопчинъ не зналъ, что передъ этими строками изъ обнародованнаго донесенія [42]) кн. Кутузова въ подлинникѣ находились слѣдующія: „Ваше императорское величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская армія не могли не разстроиться и, за потерею, сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая, естественно сдѣлалась обширнѣе и войскамъ невмѣстною; а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ только выигранныхъ баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе Французской арміи, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить шесть верстъ, что̀ будетъ за Можайскомъ" и такъ далѣе. Очевидно, что донесеніе кн. Кутузова было написано уже послѣ принятаго рѣшенія отступить отъ Бородинской позиціи, и онъ не только не скрываетъ этого обстоятельства отъ императора, но напротивъ прямо заявляетъ о немъ и дальнѣйшія свои дѣйствія ставитъ въ зависимость отъ усиленія войскъ новыми подкрѣпленіями и отъ приведенія въ порядокъ артиллеріи.

Письмо кн. Кутузова къ гр. Ростопчину писано за нѣсколько часовъ прежде донесенія государю, когда еще онъ и вся армія были увѣрены, что на другой день будетъ возобновлено сраженіе. Какъ между тѣмъ временемъ, когда написано было письмо къ гр. Ростопчину и составленіемъ донесенія государю прошло только нѣсколько часовъ: то очень естественно, что они могли быть посланы съ однимъ и тѣмъ же курьеромъ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна записка гр. Ростопчина къ генералу Балашеву. Но что̀ же онъ могъ сказать новаго и такого, что̀ будто бы скрылъ кн. Кутузовъ въ донесеніи государю о Бородинскомъ сраженіи? То, что́ онъ вывѣдалъ отъ курьера объ отступленіи войскъ къ Можайску, что́

[42]) Сѣверная Почта 1812 г. № 70, Суббота, Авг. 31-го.

очень хорошо было извѣстно императору изъ донесенія самаго кн. Кутузова. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, обстоятельствѣ и кроется объясненіе того, почему эта записка вовсе не была принята въ соображеніе; а не въ томъ, какъ подозрѣвалъ графъ Ростопчинъ, что курьеръ по наущенію Кутузова нѣсколько часовъ промѣшкалъ доставленіемъ этой записки министру полиціи. Нѣсколько часовъ въ этомъ случаѣ не могли имѣть особеннаго значенія; а князь Кутузовъ конечно не могъ напередъ знать, будетъ ли его курьеру графъ Растопчинъ давать свои письма и дѣлать наставленія на этотъ случай. Послѣ только что стихнувшихъ громовъ такой битвы, какъ Бородинская, на самомъ полѣ сраженія, могло-ли даже придти ему въ голову позаботиться о такомъ мелочномъ обстоятельствѣ? Что же касается до заявленія, будто бы Кутузовъ извѣщалъ государя, что послѣ отраженія непріятеля при Бородинѣ, Платовъ съ казаками преслѣдовалъ Французовъ еще 11 верстъ до Колоцкаго монастыря: то въ донесеніи князя Кутузова, какъ подлинномъ, такъ и обнародованномъ сокращено въ свое время, нѣтъ ничего подобнаго. Записки о 1812 г. написаны гр. Растопчинымъ долго спустя послѣ самыхъ событій: какъ же онъ могъ не знать напечатаннаго донесенія кн. Кутузова, утверждая именно, что тамъ говорится то, чего въ немъ нѣтъ? Если бы еще они были писаны въ то время, какъ и записка его къ Балашеву, которой онъ придаетъ такое важное значеніе, то это можно было бы объяснить незнаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и самаго донесенія кн. Кутузова; но впослѣдствіи онъ могъ всегда справиться съ напечатаннымъ донесеніемъ и, не сдѣлавъ этого, доказалъ только свою способность увлекаться до послѣдней крайности какимъ либо чувствомъ, хорошимъ или дурнымъ. Въ этомъ случаѣ въ немъ говорила ненависть къ кн. Кутузову, доведенная до болѣзни. Онъ рѣшился даже назвать донесеніе Кутузова о сраженіи при Бородинѣ ложью.

Въ слѣдъ за приведеннымъ нами разсказомъ, графъ Растопчинъ говоритъ: „На другой день послѣ сраженія я получилъ множество извѣстій и могъ составить полное понятіе о дѣлѣ. Эта *великая побѣда*, одержанная надъ Наполеономъ, заключалась въ самомъ сильномъ отраженіи нападеній. Генералы, офицеры, солдаты дрались какъ львы; но непріятель превосходилъ ихъ числомъ, имѣлъ сильный резервъ, который оставался при Колоцкомъ монастырѣ, къ вечеру занялъ нѣсколько батарей на лѣвомъ нашемъ крылѣ и удержался въ нихъ. Наша армія, убавившаяся на треть, отступила на разсвѣтѣ, оставивъ мертвыхъ и раненыхъ на полѣ сраженія. Я узналъ имена генераловъ убитыхъ и раненыхъ. Между ними мое вниманіе обращено было наиболѣе на генералъ-майора графа Воронцова. Его любили въ Москвѣ; пуля пробила ему ляшку, и онъ не умеръ только благодаря крѣпкому и хорошему сложенію. Его дѣйствія во время войны и мира доказали потомъ, что Россія понесла бы большую потерю въ лицѣ этого достойнаго человѣка, единственнаго сына почтеннаго отца, который имѣлъ важное значеніе, какъ на военномъ, такъ и на дипломатическомъ поприщѣ, оказалъ большія заслуги государямъ и часто давалъ добрые совѣты. Я привязанъ былъ къ нему искренно съ самой моей молодости. Смерть сына положила бы въ гробъ и отца. Мой своякъ, генералъ-майоръ Васильчиковъ былъ счастливѣе въ этомъ сраженіи: подъ нимъ были убиты три лошади и ранена четвертая; пять пуль и одна картечь пробили его платья, а онъ получилъ только легкую контузію въ ногу. Мой сынъ, одинъ изъ трехъ адъютантовъ Барклая, только не выбылъ изъ строя, но получилъ довольно сильную контузію въ руку отъ полета ядра. Двое его товарищей были убиты или ранены“.

Сличая этотъ разсказъ съ донесеніемъ государю кн. Кутузова, нельзя не замѣтить сходства между ними. Различіе заключается лишь въ томъ, что кн. Кутузовъ говоритъ, что непріятель *не выигралъ ни на шагъ земли*, а гр. Ростопчинъ, что непріятель *взялъ нѣсколько батарей на лѣвомъ крылѣ и удержался въ нихъ*. Но это былъ частный успѣхъ на одномъ мѣстѣ, а все поле сраженія было удержано нашими войсками, и при томъ лѣвый флангъ не былъ отброшенъ или разобщенъ съ арміею: онъ отступилъ на незначительное пространство, не теряя съ нею связи. Этотъ частный успѣхъ со стороны непріятеля не можетъ служить существеннымъ признакомъ для опредѣленія общаго характера битвы, который достаточно опредѣлилъ самъ Наполеонъ, назвавъ ее *битвою гигантовъ*. При томъ характеръ этотъ былъ до такой степени сомнителенъ въ глазахъ самихъ Французовъ, что, ожидая нападенія Русскихъ, съ наступленіемъ ночи, они очистили занятыя ими укрѣпленія и отошли на свою позицію [43]). Въ то время когда кн. Кутузовъ писалъ свое донесеніе, онъ безъ преувеличенія могъ сказать, что непріятель не *выигралъ ни на шагъ земли*. Мы замѣтили, что даже слово побѣда не упомянуто въ донесеніи кн. Кутузова государю о Бородинскомъ сраженіи. Но считалъ ли онъ это сраженіе выиграннымъ или потеряннымъ, побѣдою или пораженіемъ? Онъ не хотѣлъ выговорить это слово въ своемъ донесеніи, не хотѣлъ, такъ сказать, напередъ оцѣнивать значеніе этой битвы, предоставляя это самому государю; но безъ сомнѣнія Бородинское сраженіе онъ считалъ побѣдою. Добрый семьянинъ, постоянно находившійся въ перепискѣ съ своими, онъ едва удосужился только черезъ три дня послѣ этого сраженія написать нѣсколько строчекъ къ своей супругѣ въ Петербургъ, хотя къ гр. Ростопчину писалъ по нѣскольку писемъ въ день въ это время. Въ этихъ строчкахъ онъ выразилъ свою мысль объ этой битвѣ: „29 Августа. Я слава Богу здоровъ, мой другъ, и не побитъ, а выигралъ баталію надъ Бонапартомъ. Дѣтямъ благословеніе, вѣрный другъ“ [44]).

Иначе и думать не могъ князь Кутузовъ. Такъ думали всѣ его сподвижники въ этомъ дѣлѣ, друзья и враги; такъ думалъ государь и вся Россія. Конечно не такъ думали Французы, и то не всѣ. Тьеръ какъ бы повторяетъ выраженіе Ростопчина: онъ называетъ донесеніе государю Русскаго главнокомандующаго *ложью*, вѣроятно принимая за образецъ правдивости бюллетени великой арміи, провозгласившія побѣду на сторонѣ Французовъ. По окончаніи Бородинской битвы, въ тотъ же день, ночью было составлено и отправлено кн. Кутузовымъ донесеніе; а на другой день, весьма рано, прежде нежели главная квартира послѣдовала за отступавшими къ Можайску войсками, Кутузовъ уже послалъ письмо къ гр. Ростопчину, увѣдомляя его объ исходѣ сраженія и отступленіи нашихъ войскъ. Нельзя не обратить вниманіе на это письмо, которое почти дословно повторяло его донесеніе къ государю. Слѣдовательно онъ ничего не скрылъ отъ гр. Ростопчина, сообщивъ совершенно тѣже свѣдѣнія и въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и императору. Только въ концѣ письма кн. Кутузовъ прибавилъ: „Чистосердечіе, съ которымъ я вамъ сіе сообщаю и намѣренія мои должны успокоить Москву; а за вызовомъ, вашимъ сіятельствомъ

---

[43]) И. П. Липранди: Война 1812 г., замѣчанія на соч. Богдановича; Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы (Чтенія въ Москов. обществѣ истор. и древ. 1866, 1868 и 1869 гг.).

[44]) Письмо кн. Кутузова къ его супругѣ 29 Авг. 1812, село Кожухово, близъ Можайска. Русская Старина 1872 г. Февр., стр. 269.

сдѣланнымъ; ожидаю отъ извѣстной любви вашей къ Отечеству тѣхъ усилій, которыя можетъ столица Москва арміи дать“ [45]).

Вѣсть объ отступленіи нашихъ войскъ къ Можайску мгновенно разнеслась по Москвѣ. Всеобщее уныніе быстро смѣнило недолго продолжавшуюся радость, возбужденную первымъ извѣстіемъ о Бородинской битвѣ. Носились разные слухи, но это былъ не слухъ, „а видимое зрѣлище, говоритъ современникъ, когда, по мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ, гробовая равнина Бородинская вдвигалась въ стѣны Москвы въ ужасномъ, могильномъ своемъ объемѣ. Солнце свѣтило и не свѣтило. Улицы пустѣли. А кто шелъ, тотъ не зналъ, куда идти. Знакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ, молча проходили мимо. Въ домахъ рѣдко гдѣ мелькали люди. Носились вѣсти, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ. Увѣряли, будто бы государь въ Сокольникахъ, на дачѣ у графа, гдѣ Платовъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Слушали и не слушали; мысли, души, весь бытъ Московскій были въ разбродѣ. А между тѣмъ, подъ завѣсою пыли, медленно тянулись повозки съ ранеными. Около Смоленскаго рынка, близь котораго я жилъ, множество воиновъ, раненыхъ подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ, лежали на плащахъ и на соломѣ. Обыватели спѣшили обмывать запекшіяся ихъ раны и обвязывали платками, полотенцами и бинтами изъ разрѣзанныхъ рубашекъ. Въ тотъ самый мигъ, когда я перевязывалъ раненаго, ѣхалъ на дрожкахъ тогдашній комендантъ Гессе. Соскоча съ дрожекъ, онъ обнялъ и поцѣловалъ меня“ [46]).

Въ одно и тоже время какъ удалялось народонаселеніе Москвы, и тысячи экипажей выѣзжали изо всѣхъ ея заставъ, убыль эта пополнялась новыми, хотя и временными, обывателями: также тысячи экипажей ввозили въ Москву великое число раненыхъ. Спасеніе ихъ составляло одну изъ постоянныхъ заботъ кн. Кутузова; онъ часто писалъ къ гр. Ростопчину объ изготовленіи и присылкѣ подводъ. Во время Бородинскаго сраженія было приготовлено множество экипажей и телѣгъ покрытыхъ соломою, на которые тотчасъ же клали раненыхъ и отправляли на Можайскъ, въ Москву. Многіе изъ нихъ умирали на телѣгахъ, и ихъ немедленно

---

[45]) „Сраженіе вчерашняго числа, съ утра начавшееся и продолжавшееся до самой ночи, было кровопролитнѣйшее. Уронъ съ обѣихъ сторонъ великъ. Потеря непріятеля, судя по упорнымъ его атакамъ на укрѣпленную нашу позицію, должна нашу весьма превосходить. Войска сражались съ неимовѣрною храбростью. Батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли со всѣми превосходными силами. Ваше сіятельство согласитесь, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія наша и непріятельская армія не могли не разстроиться и, за потерею въ сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая, естественно сдѣлалась обширнѣе и войскамъ не вмѣстная; потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только сраженій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе Французской арміи, то ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что́ будетъ за Можайскомъ. Собравши войска, освѣживъ мою артиллерію и укрѣпивъ себя *ополченіемъ Московскимъ*, въ тепломъ уповаціи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашего войска, увижу что́ я могу предпринять противъ непріятеля. Мы взяли въ плѣнъ благороднаго генерала, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, также и пушки, чего еще въ ночи разобрать не могу. Къ несчастію у насъ нѣсколько раненыхъ генераловъ, между прочимъ кн. П. И. Багратіонъ пулею въ ляшку. Чистосердечіе и пр. Авг. 27 дня 1812 г., позиція при Бородинѣ“.

[46]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 52—53.

хоронили". „Трогательно было видѣть заботу (говоритъ свидѣтель-очевидецъ, одинъ изъ тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ), съ которою раненые же солдаты и ратники ломали сучки кустовъ и, связывая ихъ на крестъ, ставили на могилы" [47]). Иностранецъ, также очевидецъ, замѣчая, въ какомъ порядкѣ отступало Русское войско, говоритъ, что, слѣдуя отъ Бородина къ Москвѣ, Французское войско повсюду встрѣчало свѣжія могилы съ поставленными на нихъ деревянными крестами [48]). Раненыхъ офицеровъ распредѣляли по чинамъ; низшихъ, за недостаткомъ болѣе удобныхъ экипажей, клали на телѣги, которыя длинными вереницами медленно тянулись къ Можайску. Въ Можайскѣ скопилось такое множество обозовъ, что всѣ улицы были „запружены подводами". Разобравшись по возможности, обозы выѣзжали изъ города и двигались далѣе къ Москвѣ. „При въѣздѣ въ Москву, говоритъ одинъ изъ такихъ раненыхъ, насъ обступилъ народъ; женщины бросали намъ деньги въ карету, и мы съ трудомъ могли ихъ убѣдить, что деньги намъ не нужны, тѣмъ болѣе, что тяжелые пятаки могли насъ зашибить" [49]). Очевидно, эти пятаки бросалъ бѣдный людъ, и самъ нуждавшійся въ способахъ существованія. Хотя большая часть зажиточныхъ жителей уже уѣхали изъ Москвы, но тѣ, которые еще въ ней оставались, охотно предлагали свои домы и услуги раненымъ. Съ 28 Августа начался пріѣздъ въ Москву [50]) раненыхъ подъ Бородинымъ и непрерывно продолжался по самый день ея занятія Французами; ихъ размѣщали по больницамъ, казеннымъ и частнымъ домамъ. Гр. Ростопчинъ не только самъ заботился о доставленіи имъ всѣхъ удобствъ и пособій врачей и духовенства, [51]) но и поощрялъ жителей къ заботамъ о братіяхъ страдавшихъ за Отечество. „Многіе изъ моихъ знакомыхъ, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, являлись ко мнѣ просить экипажей для перевозки въ Москву ихъ близкихъ родныхъ, раненыхъ подъ Бородинымъ. Одна часть изъ нихъ прибыла на третій день [52]). Кн. Багратіонъ былъ въ томъ числѣ. Я поспѣшилъ навѣстить его; онъ былъ въ полной памяти, ужасно страдалъ; но мысль о судьбѣ Москвы не давала ему покоя ни на одну минуту. У него была перебита кость въ ногѣ повыше лодышки, и ему не рѣшились немедленно отрѣзать ногу, потому что ему было 50 лѣтъ, и кровь у него была испорчена. Когда утромъ, въ тотъ день, въ который непріятели должны были войти въ Москву, я послалъ ему объявить это извѣстіе и сказать, что надо выѣзжать изъ нея, то онъ отвѣчалъ мнѣ запискою: „Прощай, мой почтенный другъ; я не увижу тебя болѣе. Я умру не отъ моей раны, но отъ Москвы". Однажды утромъ мнѣ доложили, что принцъ Гессенъ-Филипсталь, генералъ-лейтенантъ на-

---

[47]) А. С. Норовъ, разборъ соч. гр. Толстаго, Война и миръ, стр. 48.

[48]) Денье, Itinéraire de l'emper. Napoleon, стр. 82; Сегюръ, Histoire de Napoleon et de la grande armée, т. I, стр. 411.

[49]) А. С. Норовъ, тамъ же, стр. 49.

[50]) Бестужева-Рюмина, Описан. событій и пр. стр. 81.

[51]) Снегирева, Очерки жизни арх. Августина, стр. 27—28.

[52]) Третій день послѣ Бородинскаго сраженія былъ 29-го Авг. Слѣдовательно это показаніе несогласно съ показаніемъ Бестужева, что раненыхъ при Бородинѣ начали привозить въ Москву съ 28-го Авг. Хотя такая ошибка въ одномъ днѣ возможна и могла случиться; но кажется, что оба показанія вѣрны. За день до Бородинскаго сраженія было сраженіе при Шевардинѣ, служившее началомъ Бородинскаго; раненые въ этомъ дѣлѣ, а ихъ было много, могли прибыть въ Москву 28-го Августа.

шей службы, который былъ раненъ подъ Можайскомъ и ему отрѣзали ногу, находится на моемъ дворѣ. Онъ лежалъ въ своей колясвѣ и не хотѣлъ, чтобы его перенесли въ домъ. На другой день, по его желанію, онъ отправился въ Ярославль, въ надеждѣ на попеченіе принца Ольденбургскаго, который тамъ находился".

Наши войска отступили въ порядкѣ до Можайска, но тамъ встрѣтилось большое затрудненіе для перевозки плѣнныхъ, по недостатку подводъ. „Сегодня по утру, писалъ кн. Кутузовъ къ гр. Ростопчину, извѣстилъ уже я ваше сіятельство о причинахъ, побудившихъ меня отступить къ Можайску, дабы консентрировать свои силы. По прибытіи моемъ туда, къ крайнему удивленію моему, не нашелъ я ни одной выставленной изъ Москвы подводы. Раненые и убитые воины остались на полѣ сраженія безъ всякаго призрѣнія, а между тѣмъ гражданскій Московскій губернаторъ отозвался къ генералъ-майору Ланскому, что онъ отъ присылки подводъ отказывается. Отзывъ сей меня крайне изумляетъ и побуждаетъ просить ваше сіятельство убѣдительнѣйше употребить всевозможныя ваши старанія, чтобы повозки съ лошадьми выставлены были наискорѣйше въ армію, также чтобы достать для потерявшей вчера артилеріи покупкою или родомъ пожертвованія 500 лошадей. Крайность обстоятельствъ заставляетъ меня надѣяться, что ваше сіятельство удовлетворите симъ моимъ требованіямъ въ такое время, когда дѣло идетъ о спасеніи Москвы" [53]).

Умалчивая о подводахъ, гр. Ростопчинъ говоритъ въ своихъ Запискахъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ для удовлетворенія втораго требованія кн. Кутузова. „Кутузовъ (говоритъ онъ) умолялъ меня, чтобы прислать 500 лошадей для артилеріи. Я собралъ всѣхъ лошадей отъ барышниковъ и купцовъ, выбралъ изъ нихъ 500 и немедленно заплатилъ за нихъ, сколько они потребовали. Эти лошади стоили 132 тысячи и, прибывъ въ главную квартиру, сдѣлались добычею тѣхъ, кто въ нихъ нуждался". Недостатокъ подводъ былъ причиною того, что большое число раненыхъ было оставлено въ Можайскѣ и подверглось бѣдственной участи. Даже въ послѣдствіи изъ Москвы не успѣли вывезти всѣхъ раненыхъ. Конечно это обстоятельство можно бы объяснить требованіемъ слишкомъ большаго количества подводъ и при томъ въ весьма короткое время. Устроенныя на каждой станціи постоянныя перевозочныя средства (по 1000 лошадей), удовлетворяя и другимъ потребностямъ арміи, не могли быть достаточны для перевозки огромнаго числа раненыхъ. Все ихъ количество со времени сраженія подъ Смоленскомъ находилось по селамъ и городамъ до Можайска и потомъ сосредоточилось въ этомъ городѣ. До прибытія въ армію кн. Кутузова, не было предпринимаемо дѣятельныхъ мѣръ къ отправленію ихъ далѣе внутрь страны, точно также какъ въ отношеніи къ продовольствію наши войска были поставлены въ затруднительное положеніе. Съ первыхъ дней пріѣзда, заботою кн. Кутузова было обезпечить продовольствіе войскъ и обезопасить участь плѣнныхъ. Но едва лишь началось правильное ихъ передвиженіе къ Москвѣ, какъ Бородинское сраженіе доставило снова огромное число раненыхъ. Недостатку въ подводахъ могло способствовать и то обстоятельство, что гр. Растопчинъ замедлилъ заблаговременное удаленіе жителей изъ Москвы и долго не приступалъ къ вывозу изъ нея государственныхъ сокровищей, имуществъ и архивовъ.

---

[53]) Письмо кн. Кутузова отъ 27 Авг. 1812 г.

Но выраженіе въ письмѣ кн. Кутузова, что Московскій губернаторъ отказывается отъ присылки подводъ, показываетъ, какъ будто бы онъ полагалъ недостатокъ усердія въ этомъ случаѣ въ гражданскомъ начальствѣ и даже ослушаніе. Выраженіе въ письмѣ гр. Ростопчина къ кн. Кутузову, что подводы до 1000 лошадей на каждой станціи отъ Москвы до Можайска будутъ готовы, но въ Можайскѣ (отъ того, что три пограничные уѣзда отошли въ военное распоряженіе) наряду сдѣлать невозможно, точно также даютъ поводъ подозрѣвать какое-то соперничество между двумя властями. Графъ Ростопчинъ, по самой своей природѣ, избалованный быстрымъ возвышеніемъ при императорѣ Павлѣ, не способенъ былъ выносить никакого подчиненія. Онъ явно выражалъ неудовольствіе, когда его дѣятельность по составленію ополченій подчинена была главному комитету, учрежденному въ Петербургѣ. Въ письмѣ отъ 19 Августа къ кн. Кутузову онъ прямо выразилъ мысль, что, въ случаѣ несогласія его взглядовъ со взглядами главнокомандующаго войсками, онъ будетъ дѣйствовать не *вмѣстѣ* съ нимъ подъ Москвою, а *одинъ* въ Москвѣ, забывая, что по закону, во время военныхъ дѣйствій, „приказанія главнокомандующаго какъ въ арміи, такъ и всѣми гражданскими чиновниками пограничныхъ областей и губерній, исполняются яко высочайшія именныя повелѣнія“ [54]). Замѣчательно, что кн. Кутузовъ никогда не напоминалъ ему о своихъ правахъ и съ какою-то снисходительною учтивостію пользовался ими къ отношеніи къ графу Ростопчину. Во всѣхъ письмахъ онъ не отдаетъ ему приказаній, но усердно проситъ о содѣйствіи, выхваляетъ его дѣятельность и любовь къ Отечеству и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы настоять на своихъ требованіяхъ, упоминаетъ, что въ отношеніи къ тому или другому распоряженію онъ имѣетъ высочайшее повелѣніе, которое и объявитъ ему впослѣдствіи.

По мѣрѣ того какъ пустѣла Москва, когда ея оставляла лучшая и болѣе надежная часть народонаселенія, естественно, что въ ней всплывали къ верху низшіе слои, и они-то и выступали теперь наружу. Въ этихъ слояхъ, въ Москвѣ, какъ и во всякомъ большомъ городѣ, находились конечно люди неблагонамѣренные, которые способны пользоваться обстоятельствами для личныхъ преступныхъ цѣлей.

„Двое купцовъ (разсказываетъ графъ Ростопчинъ) сидѣли подъ окномъ и разговаривали между собою, въ нижнемъ этажѣ дома, и услыхали, какъ два человѣка спорили между собою на улицѣ. Одинъ говорилъ, что пора поджечь Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ударить въ набатъ и начать грабить. Другой говорилъ, что надо подождать извѣстій о сраженіи. Ночь была лунная. Купцы, услыхавъ эти слова, выскочили изъ окна, побѣжали за злоумышленниками и поймали одного изъ нихъ. Его привели ко мнѣ въ полночь. Это былъ одинъ изъ Московскихъ мѣщанъ, разнощикъ товаровъ по деревнямъ. Онъ отъ всего отпирался и даже обвинялъ купцовъ въ насиліи, причиненномъ ему. Но деньги сдѣлали свое дѣло. Я ввелъ его въ свой кабинетъ, безъ свидѣтелей отсчиталъ передъ нимъ 500 рублей ассигн. и положилъ ихъ на столъ. Потомъ я поклялся передъ образомъ, что не подвергну его никакому наказанію, но только выпровожу его изъ города, давъ ему эти 500 рублей, если онъ откроетъ мнѣ своихъ сообщниковъ. Два битыхъ часа томилъ меня этотъ человѣкъ; онъ собирался все открыть, но не довѣрялъ мнѣ и постоянно повторялъ: хорошо,

---

[54]) Полное Собр. Законовъ 1812 г. № 24974, ч. 1, гл. 1, § 4, Положеніе о большой дѣйствующей арміи.

я вамъ скажу; но вы не дадите мнѣ денегъ, и я пропаду. Наконецъ я ему объявилъ, если онъ не хочетъ себя спасти и получить эти деньги, то сей часъ же отдамъ его подъ слѣдствіе полиціи. Онъ уступилъ и объявилъ, что ихъ было 12 человѣкъ (всѣ негодяи); они предполагали поджечь городъ, ударить въ набатъ и во время общей тревоги и смущенія броситься грабить богатыя лавки. Его товарищъ, съ которымъ онъ разговаривалъ на улицѣ, былъ вольноотпущенный слуга. Его начали отыскивать и на другой же день поймали за городомъ; но онъ уже успѣлъ предупредить своихъ товарищей, которые спаслись. Изъ нихъ поймали только троихъ. Они были посажены въ тюрьму и въ послѣдствіи отправлены съ другими преступниками изъ Москвы. Этотъ же, который открывалъ умыселъ, получилъ 500 руб. и былъ отправленъ въ Оренбургъ, гдѣ надъ нимъ наблюдали. Но какъ въ ихъ предположенія входило ударить въ набатъ, то надо было лишить неблагонамѣренныхъ людей этого средства произвести тревогу. Поэтому я утромъ отправился къ архіепископу для того, чтобы на этотъ случай принять необходимыя мѣры. Онъ далъ строгое предписаніе всѣмъ приходскимъ священникамъ хранить у себя ключи отъ колоколенъ и обрѣзать веревки, которыя обыкновенно отъ колоколовъ протягивались въ домы священниковъ, чтобы благовѣстить къ утренямъ и вечернямъ. Но какъ двери многихъ колоколенъ не содержались въ порядкѣ, то я распорядился, чтобы всѣ надзиратели кварталовъ позаботились объ ихъ исправленіи. Въ одинъ день были исправлены 93 двери, и сдѣланы къ нимъ замки. Я былъ очень доволенъ, а городъ оставался спокоенъ, потому что не зналъ ни объ умыслѣ, ни о пожарѣ, ни о причинахъ моего попеченія о дверяхъ и замкахъ Московскихъ колоколенъ. За три дня до вступленія непріятеля въ Москву, мнѣ дали знать, что нѣкто Наумовъ, маленькій дворянинъ, адвокатъ, пользовавшійся (и очень справедливо) худою извѣстностію, подговаривалъ лакеевъ и назначилъ имъ мѣста, гдѣ надо собраться, чтобы пуститься на грабежъ, когда придетъ время. Онъ набралъ и записалъ ихъ уже болѣе 600, когда я узналъ объ этомъ умыслѣ. Между прочимъ меня извѣстили, что онъ похваляется, что убьетъ меня самого. Этотъ господинъ не долюбливалъ меня, потому что я не исполнилъ его желанія получить мѣсто директора моей канцеляріи. Я приказалъ его схватить; но онъ уже уѣхалъ, оставивъ меня въ живыхъ и со спискомъ въ рукахъ тѣхъ негодяевъ, которые должны были по его распоряженіямъ грабить городъ".

Кромѣ поддержанія спокойствія въ городѣ, главнѣйшею заботою графа Ростопчина, въ послѣдніе дни передъ занятіемъ Москвы Французами, было вывезти изъ Москвы всѣ государственныя имущества и сокровища и удалить оттуда присутственныя мѣста съ ихъ чинами и архивами. Еще 18 Августа графъ Ростопчинъ заявилъ Сенату о приготовленіи къ вывозу изъ Москвы архива Вотчиннаго Департамента. Но въ Сенатѣ не было сдѣлано никакихъ распоряженій въ этомъ отношеніи, быть можетъ потому, что оберъ-прокуроръ графъ Мамоновъ оставилъ свою въ немъ службу и устроивалъ конный полкъ; а извѣстіе о назначеніи ему преемника получено было въ Москвѣ только 27-го Августа.

Сенатъ долѣе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ оставался въ Москвѣ и продолжалъ свои обычныя засѣданія. Съ 29 на 30 Августа ночью собрались всѣ оберъ-прокуроры и рѣшили послать нарочнаго въ Петербургъ и ожидать распоряженій министра юстиціи. Нарочный отправился 31 Августа, а 2-го Сентября Москва уже была занята Французами [55]. Сенатъ остался

[55]) Бестужева-Рюмина, Описаніе событій и пр., стр. 81—84.

бы въ ней, еслибъ графъ Ростопчинъ не принялъ мѣръ съ своей стороны. „30 Августа (говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ) я велѣлъ закрыть всѣ присутственныя мѣста и приказалъ чиновникамъ отправиться въ Нижній-Новгородъ. Мнѣ оставалось только распорядиться съ Сенатомъ, который продолжалъ свои засѣданія. Въ числѣ сенаторовъ было трое, принадлежавшихъ къ партіи Мартинистовъ: 1) Лопухинъ, который былъ сосланъ императрицею Екатериною въ то время, когда эта секта была ею уничтожена. Этотъ Лопухинъ, съ небольшими способностями, но съ образованіемъ, сдѣлался пьяницей. Онъ долженъ былъ всѣмъ и никому не платилъ и въ тоже время всѣ свои доходы обращалъ на то, чтобы раздавать милостыню, не по щедрости, а изъ упрямства; 2) Руничъ, совершенно погруженный въ мартинизмъ, человѣкъ умный; 3) Кутузовъ, племянникъ фельдмаршала, самый пошлый человѣкъ, стихотворецъ, пьяница, обремененный долгами, доносчикъ по вкусу къ шпіонству и крикунъ въ своей сектѣ. Эти трое предложили послать депутацію въ главную квартиру, чтобы узнать отъ главнокомандующаго, не въ опасности ли находится Москва и пригласить меня въ Сенатъ, чтобы я сообщилъ свѣдѣнія о способахъ защиты и о мѣрахъ, какія я намѣреваюсь предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Вся эта продѣлка была дѣломъ самолюбія, и Сенатъ хотѣлъ присвоить себѣ право верховной власти. Я узналъ о ихъ предположеніяхъ въ тотъ же самый день и что эти сенаторы-мартинисты хотятъ убѣдить своихъ товарищей не оставлять города, представляя этотъ поступокъ какъ долгъ самопожертвованія съ ихъ стороны, изъ любви къ Отечеству, по примѣру Римскихъ сенаторовъ, когда Галлы входили въ Римъ; но ихъ намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы, оставаясь въ Москвѣ, играть роль при Наполеонѣ, который бы и воспользовался ими. Къ несчастію, Сенатъ, который собственно не болѣе какъ высшій судъ, по своей давности и по названію *правительствующій*, пользуется значеніемъ въ народѣ, несмотря на то, что его составъ, по причинѣ многочисленности и по выбору лицъ, далеко не таковъ, какъ бывалъ прежде. Большею частію онъ состоитъ изъ плохихъ генераловъ и такихъ лицъ, которыхъ не знаютъ куда дѣвать, и кресло сенатора есть нѣчто среднее между дѣйствительною службою и полною отставкою. Я весьма заботился, чтобы ни одного сенатора не оставалось въ Москвѣ и чтобы тѣмъ лишить Наполеона средства дѣйствовать на губерніи посредствомъ предписаній или воззваній, выходившихъ изъ Сената. Я рѣшился на поступокъ, который впослѣдствіи считали деспотическимъ. 30 Августа, когда сенаторы, честные люди и Мартинисты, разсуждали, какъ отнестись съ своими требованіями ко мнѣ и отправить свою депутацію въ главную квартиру и не приходили ни къ какимъ заключеніямъ, одинъ изъ моихъ адъютантовъ привезъ имъ мое посланіе, въ которомъ именемъ государя я назначилъ имъ закрыть засѣданія, выбрать одинъ изъ городовъ имперіи, куда они пожелаютъ отправиться и выѣхать немедленно. Надо было повиноваться и выбирать между повиновеніемъ и возмущеніемъ. Большая часть сенаторовъ были довольны моимъ сообщеніемъ, потому что оно рѣшало ихъ выѣхать и такимъ образомъ выдти изъ затруднительнаго положенія. Такъ какъ въ моихъ троихъ Мартинистахъ не было ничего Римскаго, то и они повиновались и на другой день уже были за Московскою заставой. Такимъ образомъ я вырвалъ у Наполеона страшное оружіе, которое въ его рукахъ могло бы произвесть смуты въ провинціяхъ, поставивъ ихъ въ такое положеніе, что не знали бы, кому повиноваться. Но я принялъ предосторожности въ отношеніи моихъ трехъ Мартинистовъ-сенаторовъ, сказавъ нѣкоторымъ, такъ чтобы мои слова дошли до нихъ, что въ случаѣ непо-

виновенія, я немедленно, подъ хорошею стражею, увезу всякаго сенатора, который будетъ упорствовать остаться въ Москвѣ" *).

Чрезвычайныя обстоятельства оправдываютъ и чрезвычайныя мѣры, если бы даже эти мѣры и были деспотическія: ибо если когда либо простителенъ деспотизмъ, то именно въ этихъ случаяхъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что графъ Ростопчинъ поступилъ благоразумно, позаботившись объ удаленіи Сената изъ Москвы во время пребыванія въ ней Французовъ. Конечно не было никакихъ поводовъ предполагать, чтобы не только Сенатъ въ совокупности, но даже и нѣкоторые его члены могли сдѣлаться измѣнниками Отечеству. Между ними однакоже могли найтиться люди слабодушные, способные уступить угрозамъ деспота. Но предполагая даже, что и такихъ бы не нашлось, одно уже присутствіе Сената въ то время въ Москвѣ давало бы дѣйствительно важное орудіе въ руки Наполеону. Не спрашиваясь даже Сената, онъ его именемъ могъ издавать свои воззванія и предписанія, а имя Сената пользовалось еще большимъ значеніемъ въ народѣ. Вѣроятно, при томъ положеніи, въ которомъ оказались непріятели, войдя въ Москву, эти воззванія и предписанія не вышли бы изъ предѣловъ города; но графъ Ростопчинъ этого могъ и не предвидѣть. Допустивъ даже, что такіе воззванія могли разойтись по Россіи, съ вѣроятностію можно предполагать, что при тогдашнемъ настроеніи всего народонаселенія, они не произвели-бы никакого дѣйствія: власть имѣющее слово было уже не въ Москвѣ, а въ Тарутинскомъ лагерѣ, и каждое слово, выходившее оттуда, магически дѣйствовало на всю Россію. Вообще же этого поступка графа Ростопчина нельзя не оправдать; но также нельзя не отнестись съ недоразумѣніемъ къ тому способу дѣйствій, который онъ употребилъ въ данномъ случаѣ. Послать въ засѣданіе Сената своего адъютанта съ приказаніемъ закрыть засѣданіе и немедленно выѣхать изъ Москвы, употребить угрозу отправленія подъ стражею въ Петербургъ всякаго сенатора, который замедлилъ бы исполнить его волю, все это выражало величайшее презрѣніе къ одному изъ верховныхъ учрежденій имперіи и вовсе не соотвѣтствовало тому званію сенатора, которое носилъ въ это время самъ графъ Ростопчинъ [56]). Сенатъ не присвоивалъ себѣ никакихъ правъ верховной власти, какъ обвиняетъ его графъ Ростопчинъ; онъ имѣлъ полное право разсуждать, какъ слѣдуетъ ему поступить въ этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, не получивъ никакихъ распоряженій отъ верховной власти, принятымъ порядкомъ ему объявленныхъ чрезъ министра юстиціи. Сенатъ могъ пригласить въ свою среду генералъ-губернатора, какъ представителя администраціи, для совокупнаго разсужденія о дѣлѣ общей важности; онъ могъ отправить депутацію къ главнокомандующему арміями, которому законъ предоставлялъ высшую власть надъ смежными съ военными дѣйствіями областями и губерніями. Все это, безъ сомнѣнія, зналъ и графъ Ростопчинъ; но двѣ причины, какъ кажется, помѣшали ему дѣйствовать благоразумно въ этомъ случаѣ. Съ одной стороны самолюбіе, которое уже было затронуто тѣмъ, что Сенатъ долго не исполнялъ его предписанія объ отправленіи изъ Москвы архива Вотчиннаго Департамента и ждалъ

---

*) Молодой тогдашній сенаторъ, впослѣдствіи пользовавшійся почетною извѣстностью въ Москвѣ, князь Сергій Ивановичь Гагаринъ, предлагалъ товарищамъ отнестись письменно во всѣ присутственныя мѣста, чтобы, въ случаѣ, если они очутятся во власти Французовъ, то никто изъ Русскихъ не исполнялъ бы указовъ, посланныхъ изъ Московскаго Сената (Слышано отъ старыхъ людей). *П. Б.*

[56]) Сѣверн. Почта 1812 г. Іюля 27, № 60.

распоряженій отъ министра юстиціи, съ другой — подозрѣніе во вредныхъ и даже измѣнническихъ умыслахъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, именно тѣхъ, которые принадлежали къ числу Масоновъ. Приведенные выше отрывки изъ писемъ графа Ростопчина къ императору достаточно показываютъ его взглядъ на этихъ, совершенно невинныхъ и неопасныхъ въ политическомъ отношеніи, людей. И при этомъ случаѣ онъ выразилъ тотъ же взглядъ въ письмѣ къ государю. „Сенатъ, писалъ онъ, еще сегодня разсуждаетъ о томъ, закроетъ ли онъ свои засѣданія или будетъ оставаться до послѣдней минуты, отправивъ изъ Москвы важнѣйшіе изъ своихъ архивовъ. Теперь не время заниматься отдѣльными лицами; но если вамъ суждено будетъ спокойно царствовать, то вспомните, государь, что вы можете разсчитывать на Нелединскаго, Нарышкина, Кушникова; но никогда не употребляйте Лопухина и Рунича,—они ваши враги“ [57]).

Сенатъ находился въ недоумѣніи; онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать, и это недоумѣніе не обличало желанія присвоить себѣ неподобающую власть; а напротивъ, желаніе покориться безусловно распоряженію, которое ожидалось отъ министра юстиціи. Сенатъ не дождался этого распоряженія; но дождался другаго, отъ графа Ростопчина и, не смотря на способъ его сообщенія, онъ немедленно и безусловно ему покорился.

Между тѣмъ враждебныя одна другой арміи постоянно приближались къ Москвѣ. Князь Кутузовъ не только по нѣскольку разъ въ день писалъ къ графу Ростопчину, но и присылалъ своихъ адъютантовъ и довѣренныхъ офицеровъ для личныхъ переговоровъ. Число раненыхъ прибывало все въ большемъ и большемъ количествѣ, а равно пустѣла и Москва; остававшіеся въ ней или томились ожиданіемъ великихъ бѣдствій, или волновались мечтаніемъ сразиться съ непріятелемъ и ожидали, когда графъ Ростопчинъ, по своему обѣщанію—кличь кликнетъ. „Въ это-то время, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, случилось происшествіе, которое можетъ служить доказательствомъ, что надежда никогда не покидаетъ человѣка и располагаетъ народъ къ суевѣрію. Мнѣ пришли заявить о великомъ стеченіи народа у одной очень высокой башни, которая находится на окраинѣ города и что соколъ подалъ поводъ къ этому собранію народа. Я отправился туда не столько изъ любопытства, сколько съ цѣлію принудить разойтиться народъ, который всегда способенъ сдѣлать какую нибудь глупость, когда соберется въ большемъ количествѣ. Я нашелъ до тысячи человѣкъ, которыхъ глаза были устремлены на этого несчастнаго сокола, у котораго были путы на ногахъ, какъ у всѣхъ соколовъ пріучаемыхъ для охоты: онъ зацѣпился ими за крестъ и повисъ. Одинъ изъ проходящихъ это замѣтилъ, указалъ другимъ, и тысячи праздношатающихся собрались на это зрѣлище, которое, по объясненію самыхъ ученыхъ изъ нихъ, служило предвѣщаніемъ торжества надъ непріятелемъ. Соколъ, говорили они, это Наполеонъ, который погибнетъ на крестѣ. Я объяснялъ это обстоятельство также въ смыслѣ этой добродушной толпы, и соколъ подалъ лучъ надежды для глупой части народонаселенія, которая никогда не составляетъ меньшинства. Послѣ сраженія подъ Бородинымъ, я пересталъ уже прибѣгать къ тѣмъ мелочнымъ средствамъ, чтобы разсѣять и занять вниманіе народа и, надо признаться, что всѣ эти средства уже были истощены. Нужна была тяжелая забота ума, чтобы придумать что нибудь такое, что̀ могло бы поразить толпу, тѣмъ болѣе, что успѣхъ представлялся сомнительнымъ. Наилучшія изобрѣтенія въ этомъ родѣ часто не удавались, тогда какъ самыя пошлыя

[57]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 29 Авг. 1812 г.

мысли производили изумительное впечатлѣніе. Къ числу такихъ принадлежалъ наиболѣе распространившійся въ Россіи между простымъ народомъ разсказъ, написанный въ моемъ родѣ (histoire de ma façon), который я велѣлъ въ одно утро напечатать въ 5000 экземплярахъ и продавать по копѣйкѣ. Въ немъ я разсказывалъ, что митрополитъ Платонъ встрѣтилъ престарѣлаго монаха, который, почтительно приблизившись къ нему, просилъ его благословенія и сказалъ, что онъ возвратился, чтобы сражаться вмѣстѣ съ Русскими. Сказавъ это, онъ исчезъ въ виду всѣхъ предстоявшихъ, оставя по себѣ свѣтлый слѣдъ. Конечно это былъ Св. Сергій, который былъ монахомъ Троицкаго монастыря, гдѣ и лежатъ его мощи; онъ ходилъ драться въ войско Дмитрія Донскаго противъ Татарскаго хана Мамая и остался побѣдителемъ".

Едвали нужно исправлять историческую ошибку, а тѣмъ болѣе порицать за нее графа Ростопчина: незнаніе не только подробностей, но даже и важныхъ происшествій отечественной исторіи было общимъ явленіемъ въ то время въ средѣ того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Но нельзя не остановить вниманія на придуманномъ имъ способѣ отвлечь вниманіе народа отъ предстоявшей опасности и возбудить въ немъ ложную надежду. Сказанія о таинственныхъ силахъ, сверхъ-естественныхъ чудесахъ и явленіяхъ производятъ дѣйствіе на большинство людей, а тѣмъ паче на народъ, мало образованный, но вѣрующій. Поэтому неудивительно, что эта сказка, сочиненная графомъ Ростопчинымъ, имѣла успѣхъ; но удивительно то, что его самого поражаетъ этотъ успѣхъ, а еще удивительнѣе, что эта сказка въ 5 тыс. экземпляровъ распространена была въ Москвѣ въ то время, когда находился въ ней больной, престарѣлый и всѣми уважаемый митрополитъ Платонъ, нарочно прибывшій туда изъ своего уединенія въ это грозное время. Вѣроятно о ней и не сообщили умирающему старцу; но во всякомъ случаѣ ему осталось неизвѣстнымъ имя ея сочинителя. Но она можетъ служить доказательствомъ, въ какомъ отношеніи находился къ представителямъ нашей церкви графъ Ростопчинъ, такъ гостепріимно растворявшій двери своего дома аббату Сюрюгу и ему подобнымъ Іезуитамъ.

„Курьеры и письма отъ князя Кутузова (продолжаетъ графъ Ростопчинъ) прибывали ко мнѣ понѣскольку разъ въ день. Онъ постоянно чего нибудь требовалъ, что̀ и было къ нему отправляемо немедленно. Онъ хотѣлъ, чтобы я одинъ плохой гарнизонной полкъ, который оставался въ Москвѣ, употребилъ для сдержанія мародеровъ и дезертировъ и не пустилъ бы ихъ въ городъ, забывая, что онъ не окруженъ ни рвомъ, ни стѣнами и что его окружность простирается до 42 верстъ".

Дѣйствительно, князь Кутузовъ писалъ ему по нѣскольку разъ въ день, требуя подводъ, шанцевыхъ инструментовъ, орудій, зарядовъ и т. п. и приготовляясь дать новое сраженіе. „Послѣ кровопролитнѣйшаго сраженія, вчерашняго числа происходившаго, писалъ онъ 27 Августа, въ которомъ войска наши потерпѣли естественно важную потерю, сообразную ихъ мужеству, намѣреніе мое, хотя баталія и совершенно выиграна, для нанесенія сильнаго почувствованія непріятелю, состоитъ въ томъ, чтобы, притянувъ къ себѣ столько способовъ, сколько можно только получить, у Москвы выдержать рѣшительную, можетъ быть, битву. Помощи, которыя требую я, различныя, и потому отправляю я полковника князю Кудашева къ вашему сіятельству представить лично и просить, чтобы все то, что̀ можетъ дать Москва въ разсужденіи войскъ, прибавки артилерійскихъ снарядовъ, лошадей и прочаго имѣемаго ожидать отъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, все бы то было пріобщено къ арміи, ожидающей сразиться съ

непріятелемъ. И къ кому же надежнѣе могу я во всѣхъ сихъ нуждахъ обратиться, какъ не ко извѣстному любовью къ Отечеству и усердіемъ, достойному предводителю древней столицы?“ На другой день вслѣдъ за кн. Кудашевымъ, онъ отправилъ къ графу Ростопчину ротмистра графа Апраксина съ тѣми же порученіями, прося немедленно, на *курьерскихъ лошадяхъ*, выслать въ армію кирокъ и лопатъ. Озабочиваясь устройствомъ перевозочныхъ способовъ, черезъ два дня послѣ этого письма, онъ снова писалъ: „Мы приближаемся къ генеральному сраженію; но мысль, что не буду имѣть способовъ къ отправленію раненыхъ на подводахъ, устрашаетъ меня. Ради Бога, прошу помощи скорѣйшей отъ вашего сіятельства“. Эта записка писана изъ села Вязёмы, откуда отъ одного 30 числа кн. Кутузовъ отправилъ шесть записокъ и писемъ къ графу Ростопчину, что̀ показываетъ, до какой степени озабочивало его предстоявшее новое сраженіе съ непріятелемъ. „Я нахожусь сегодня при Вязёмѣ, писалъ онъ между прочимъ; но какъ здѣсь никакой позиціи нѣтъ, то отправился генералъ Бенигсенъ назадъ отыскать мѣсто, гдѣ бы удобнѣе дать баталію. Желательно было бы, если бы два человѣка расторопныхъ, изъ вашихъ, были при мнѣ, чрезъ которыхъ я могъ бы давать словесныя извѣстія“ [58]). Желая находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Ростопчинымъ и держать его въ полной извѣстности о своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, но естественно затрудняясь безпрерывно сноситься письменно, князь Кутузовъ, для поддержанія этихъ сношеній, предложилъ ему эту мѣру. Кажется, графъ Ростопчинъ никого изъ *своихъ* не отправилъ въ главную квартиру, и въ то именно время, когда кн. Кутузовъ предлагалъ ему эту мѣру и усиливалъ свои сношенія съ нимъ, гр. Ростопчинъ вовсе ихъ перервалъ и пересталъ отвѣчать на его письма. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство.

Графъ Ростопчинъ обидѣлся предложеніемъ главнокомандующаго арміями дѣйствовать вооруженною рукою противъ мародеровъ и дезертеровъ, когда никакихъ военныхъ силъ не было въ его распоряженіи. „Разъѣздовъ двумя стами драгуновъ дѣлать невозможно“, писалъ онъ къ министру полиціи [59]). Но въ слѣдъ за этимъ онъ получилъ слѣдующее письмо отъ князя Кутузова: „По свѣдѣніямъ до меня дошедшимъ, непріятель 28 числа ночевалъ въ Рузѣ, а объ силахъ его утвердительно знать невозможно; иные на сей дорогѣ предполагаютъ цѣлый корпусъ, 20.000; другіе менѣе. Непріятель, за отдѣленіемъ сихъ войскъ, находится въ 15 верстахъ передо мною, въ виду моего аріергарда и сегодняшній день не атакуетъ. Сіе можетъ онъ продолжать и завтра въ томъ желаніи, чтобы армія моя оставалась здѣсь; а между тѣмъ, сдѣлавъ форсированный маршъ на Звѣнигородъ и раздавивъ отрядъ Винценгероде, состоящій изъ 2 тысячъ кавалеріи, 500 человѣкъ пѣхоты и двухъ пушекъ, возметъ онъ дерзкое намѣреніе на Москву. Войска мои, не смотря на кровопролитное, бывшее 26 числа, сраженіе, остались въ такомъ почтенномъ числѣ, что не только въ силахъ противиться непріятелю, но даже ожидать и поверхности надъ нимъ. Но между тѣмъ непріятельскій корпусъ находится нынѣ на Звѣнигородской дорогѣ; неужели не найдетъ онъ свой гробъ отъ дружины Московской, когда бы осмѣлился онъ посягнуть на столицу Московскую по сей дорогѣ, куда отступитъ и Винценгероде? Ожидаю нетерпѣливо отзыва вашего сіятельства. Прилагаемое при семъ повелѣніе къ генералъ-

---

[58]) Письма кн. Кутузова къ графу Ростопчину отъ 27 Авг. изъ д. Жуково, 28-го Авг. изъ д. Шелковки, 30-го изъ Вязёмы, два письма.

[59]) Письмо графа Ростопчина къ г. Балашеву отъ 29 Авг. 1812 г.

адъютанту Винценгероде благоволите отправить поспѣшно въ Звѣнигородъ“ [60]).

28 Августа Наполеонъ изъ Можайска отправилъ 4-й корпусъ подъ начальствомъ вице-короля къ Звѣнигороду. Кн. Кутузовъ опасался, что онъ можетъ обойти наше правое крыло и даже занять Москву въ тылу нашей арміи. Въ этомъ направленіи находился только незначительный отрядъ нашихъ войскъ подъ начальствомъ барона Винценгероде, который конечно не могъ воспрепятствовать движенію цѣлаго корпуса вице-короля. Чтобы подкрѣпить его, князь Кутузовъ и вызывалъ на военный подвигъ графа Ростопчина. „30 Августа меня разбудили ночью (говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ), доложивъ, что пріѣхалъ посланный отъ Кутузова. Онъ извѣщалъ меня, что Наполеонъ отдѣлилъ отъ своихъ войскъ цѣлый корпусъ, который двинулся по направленію къ Звѣнигороду, и выражалъ въ своемъ письмѣ надежду, что Московское народонаселеніе вѣроятно достаточно для того, что наказать дерзость врага, если бы онъ покусился проникнуть въ Москву. Это уже казалось весьма *дурною шуткою*, потому что Кутузову хорошо было извѣстно, что Москва опустѣла, и въ ней оставалось не болѣе 50 тыс. жителей. Я ему ничего не отвѣчалъ и въ первый разъ позаботился о спасеніи моего семейства. Я велѣлъ все приготовить къ ихъ отъѣзду и лишь только они проснулись, кареты уже были запряжены, и въ 11 часовъ моя жена и три дочери отправились въ Ярославль. Тяжело было наше прощаніе; мы разлучались, можетъ быть, навсегда, и ужасная будущность отравляла даже мысль о счастіи вновь соединиться когда нибудь“ [61]).

Приведенное письмо князя Кутузова съ перваго взгляда должно казаться не только *дурною шуткою,* но даже весьма злою насмѣшкою. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что онъ очень хорошо зналъ, что въ это время въ Москвѣ, кромѣ нѣсколькихъ драгунъ, состоявшихъ при полиціи и гарнизонныхъ солдатъ для внутреннихъ карауловъ, вовсе не было вооруженныхъ силъ. Московское ополченіе давно уже было присоединено къ дѣйствующей арміи, ополченія другихъ губерній еще не приблизились къ Москвѣ; о какой же *Московской дружинѣ* говоритъ въ своемъ письмѣ князь Кутузовъ? Графъ Ростопчинъ понялъ это выраженіе такъ, что онъ предлагалъ ему отразить нападеніе корпуса вице-короля съ Московскими *обывателями* (la population de Moscou). Но могла ли придти въ посѣдѣлую голову опытнаго вождя подобная мысль? Могъ ли самолюбивый и раздражительный графъ Ростопчинъ такъ слегка и какъ бы мимоходомъ упомянуть въ своихъ Запискахъ о подобномъ предложеніи, если бы оно дѣйствительно заключало въ себѣ такой смыслъ? Могъ ли наконецъ позволить себѣ такую шутку кн. Кутузовъ, отличавшійся вообще особенною любезностію въ обращеніи относительно Московскаго главнокомандующаго, котораго имя гремѣло по всей Россіи въ это время? При томъ тогда, когда всѣ его помыслы обращены были къ спасенію Отечества!

---

[60]) Письмо кн. Кутузова къ графу Растопчину отъ 30 Авг. изъ Вязёмы (третье).

[61]) Срав. Гр. Сегюръ. „Au moment du départ, il réunit ses enfants, et s'agenouillant en leur présence devant sa femme, il leur dit: „mes enfants, peut-être ne nous reverrons-nous plus en ce monde. J'ai voulu, avant de vous dire adieu, vous bénir et demander pardon devant vous à votre mère des peines que j'ai pu lui causer. Cest une sainte et j'aurais dû suivre toujours ses conseils. Souvenez-vous de ce moment et si je meurs, obéissez-lui comme à moi-même“ La vie du c-te Rostopchine, стр. 201.

Въ это время еще было не до шутокъ и не до насмѣшекъ, и потому необходимо предполагать, что онъ считалъ свое предложеніе возможнымъ исполнить. Но какимъ же образомъ? Неужели онъ могъ думать, что необученная хотя сколько нибудь, невооруженная толпа, можетъ дать отпоръ цѣлому корпусу непріятельскихъ войскъ, состоявшему изъ всѣхъ видовъ оружія и простиравшемуся до 20.000 человѣкъ? Конечно нѣтъ. Но графъ Ростопчинъ вызывался составить, *сверхъ* общаго ополченія, еще другое въ числѣ 80.000 человѣкъ. Тогдашнее настроеніе общества и всего народа и въ особенности Москвы давало надежду осуществленія этой мысли; а прямой *вызовъ* графа Ростопчина, которому кн. Кутузовъ не имѣлъ никакихъ поводовъ не вѣрить, долженъ былъ еще болѣе укрѣпить эту надежду. Князь Кутузовъ безъ сомнѣнія зналъ, какъ легко было обучать ополченцевъ: Августа 27, на Преображенской, Измайловской и Семеновской учебныхъ площадяхъ началось ученіе ратниковъ Петербургскаго ополченія, которое производилось тѣмъ успѣшнѣе, что на каждаго изъ старыхъ солдатъ приходилось не болѣе пяти новыхъ служивыхъ; въ продолженіи пяти дней, или лучше сказать пяти сутокъ (потому что ратники почти не сходили съ учебныхъ мѣстъ) болѣе 13 тыс. человѣкъ, не имѣвшихъ понятія о фронтовой службѣ, научились ходить въ ногу, дѣлать довольно равно ружейные пріемы, стрѣлять по командѣ и рядами, строить колонны и каре. Государь, сдѣлавъ 1-го Сентября смотръ новому войску, изъявилъ благоволеніе „за устройство, въ которомъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ этотъ день ополченіе". Лордъ Каткартъ, сопровождавшій на смотру императора, указавъ на ратниковъ, сказалъ: „государь, это войско выросло изъ земли" [62]).

Конечно графъ Ростопчинъ не могъ имѣть въ своемъ распоряженіи столько старыхъ солдатъ для обученія задуманнаго имъ ополченія, но за то онъ имѣлъ не пять дней времени, а гораздо болѣе. Кн. Кутузовъ безъ сомнѣнія понималъ, что эти дружины не могутъ быть достаточны обучены; но 80.000 ратниковъ, хотя бы и мало обученныхъ, возможно было противопоставить одному 20 тысячному корпусу непріятеля. Въ письмѣ изъ Гжатска кн. Кутузовъ просилъ графа Ростопчина двинуть это ополченіе къ Можайску. Передъ Бородинскимъ сраженіемъ онъ писалъ, что надѣется дать сраженіе: „при пособіи войскъ отъ вашего сіятельства доставляемыхъ и при личномъ вашемъ присутствіи употреблю ихъ, хотя еще и недовольно выученныхъ, къ славѣ Отечества нашего". Съ самаго Бородинскаго поля, въ разгаръ сраженія, онъ писалъ и просилъ „доставить сколько можно изъ войскъ, подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ". Отступивъ послѣ Бородина, онъ надѣялся „укрѣпить себя *ополченіемъ* Московскимъ" [63]). Но Московское ополченіе давно уже было присоединено къ войскамъ и дѣйствовало въ Бородинскомъ сраженіи. Подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Ростопчина никакихъ войскъ не было, чего не могъ не знать князь Кутузовъ. По этому всѣ приведенныя мѣста его писемъ могутъ относиться только до того добровольнаго, такъ сказать, ополченія, которое вызвался, въ числѣ 80-ти тыс., собрать графъ Ростопчинъ и которое конечно и состояло бы подъ его личнымъ начальствомъ. Но такого ополченія составлено не было; графъ Ростопчинъ, постоянно вызывая на военные подвиги жителей Москвы, не приготовлялъ изъ нихъ ополченія, не составлялъ дружинъ, не вооружалъ ихъ и не обучалъ фрон-

---

[62]) Штенгель, Записки о С.Петерб. ополченіи, ч. I, стр. 84; Богдановичъ, Исторія отечеств. войны 1812 г. т. II, стр. 55—56.

[63]) Письма кн. Кутузова къ графу Ростопчину отъ 21 и 27 Авг. 1812 г.

товой службѣ. Быть можетъ, онъ не имѣлъ для этого необходимыхъ средствъ; а въ послѣдствіи, когда большая часть народонаселенія Москвы оставила ее, онъ лишился и возможности составить такое ополченіе. Изъ остававшихся, по свидѣтельству самаго графа Ростопчина, числа жителей (до 50 тыс., вѣроятно обоего пола), едвали и возможно было набрать болѣе 2 или 3 тысячъ способныхъ дѣйствовать оружіемъ, которые безъ сомнѣнія, никакой помощи войскамъ и оказать не могли. Въ послѣдствіи графъ Ростопчинъ самъ смѣялся надъ подобными воинственными выходками. „Августа 29-го Москва была поражена ужасомъ, когда ночью увидѣла зарево бувуаковъ, находившихся уже въ 40 верстахъ отъ города. Этотъ свѣтъ просвѣтилъ остававшимся жителямъ, какая ожидаетъ ихъ судьба, и низшіе классы народонаселенія въ огромномъ количествѣ начали выходить изъ города, въ который въ непродолжительномъ времени долженъ былъ вступить непріятель. Было нѣсколько *смѣшныхъ порывовъ любви къ Отечеству*: одна дама предложила мнѣ составить отрядъ Амазонокъ; актеры Русскаго театра, одни хотѣли защищать столицу и предложили свою добрую волю и свои руки генералу Апраксину, который отказался отъ этого почетнаго званія и не захотѣлъ обезсмертить себя съ 20-ю театральными героями въ Римскомъ костюмѣ“. Но не самъ ли графъ Ростопчинъ вызывалъ къ такимъ порывамъ любви къ Отечеству, надъ которыми потомъ смѣялся? Не въ такомъ ли же порывѣ онъ написалъ къ князю Кутузову, что составитъ особое ополченіе въ 80 тыс. человѣкъ и тѣмъ ввелъ его въ заблужденіе? Когда князь Кутузовъ, не ограничиваясь простою перепискою съ графомъ Ростопчинымъ, началъ посылать къ нему своихъ офицеровъ, вѣроятно, онъ узналъ, что въ Москвѣ нѣтъ никакого ополченія; но это могло случиться уже за два или три дня до того времени, когда между нимъ и графомъ Ростопчинымъ произошло первое свиданіе и знакомство на Поклонной Горѣ. До того времени они не были знакомы между собою. Это обстоятельство отчасти также объясняетъ довѣренность въ этомъ случаѣ проницательнаго полководца къ обѣщанію Московскаго главнокомандующаго, пользовавшагося такою преданностію Москвы и извѣстностію по всей Россіи въ это время.

Зарево бивуачныхъ огней выгоняло изъ Москвы ея жителей; всѣ спѣшили выбраться. Отправивъ свое семейство въ Ярославль, графъ Растопчинъ, съ дачи въ Сокольникахъ, переѣхалъ въ свой Московской домъ на Лубянку. „Окончивъ обѣдъ (29 Августа), мы вышли изъ столовой и въ одной изъ залъ были поражены неожиданнымъ зрѣлищемъ (говоритъ онъ): до 20 офицеровъ раненыхъ при Бородинѣ пришли ко мнѣ просить денегъ. Я предложилъ имъ отправиться въ разныя болѣе или менѣе отдаленныя мѣста и лечиться. Многіе не имѣли силы стоять на ногахъ; на ихъ одеждѣ были слѣды крови; другіе опирались на костыли; у иныхъ были на подвязяхъ руки. Молодой прапорщикъ привлекъ вниманіе всѣхъ. У него пуля измяла офицерскій знакъ и такъ сильно его контузила, что онъ ежеминутно кашлялъ кровью. Я снабдилъ ихъ необходимымъ для путешествія и пожелалъ искренно выздоровленія“.

Графъ Растопчинъ желалъ, чтобы его считали дѣятельнымъ и знающимъ все, что ни дѣлается въ Москвѣ, и поэтому былъ дѣйствительно дѣятеленъ, и эта дѣятельность постоянно должна была усиливаться по мѣрѣ приближавшейся для Москвы опасности. Можетъ быть, излишне-дѣятельный, до мелочей, въ началѣ своего поприща въ качествѣ Московскаго главнокомандующаго, силою обстоятельствъ продолжая также дѣйствовать, въ это время онъ вынужденъ былъ сдѣлаться дѣятельнымъ до излишества, которое могло оказать вредное вліяніе на его здоровье, какъ

это и случилось. Онъ открылъ къ себѣ доступъ всѣмъ, въ первое время своего начальства надъ Москвою, когда большинство посѣтителей его пріемной въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, при отсутствіи гласности въ это время, являлось къ нему для того, чтобы узнать что нибудь новое въ отношеніи къ политическимъ или военнымъ дѣйствіямъ нашего правительства. Такія собранія нисколько не обременяли его ни заботами, ни распоряженіями. Напротивъ, они были ему пріятны: это были зрители необходимые для созерцанія игры искуснаго актера, который ощущалъ, что силою своего дарованія онъ господствуетъ надъ этою толпою, которая дѣйствительно ему покорялась,—преимущественно конечно какъ генералъ-губернатору. Власть въ то время облечена была нѣкотораго рода обаяніемъ, сохранявшимся со временъ Екатерины, еще недавнихъ и незабытыхъ, и страхомъ, озадачившимъ Россію въ царствованіе Павла. Но въ послѣдніе дни Августа, это были уже не простые зрители и сборщики новостей, но просители, бѣдные, которымъ надо было помогать, раненые, о которыхъ слѣдовало позаботиться. Занятый съ утра до ночи удовлетвореніемъ просьбъ частныхъ людей, графъ Растопчинъ не терялъ изъ виду и общихъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ во все время своего управленія Москвою,—поддержать порядокъ и спокойствіе въ столицѣ. „Утромъ, 30 Августа (говоритъ онъ) я велѣлъ позвать къ себѣ главнаго управляющаго виннымъ откупомъ и объявилъ ему, чтобы онъ пересталъ отпускать вино для кабаковъ, пригрозивъ, что если я въ одномъ изъ нихъ найду завтра хоть одинъ стаканъ, то велю повѣсить его на дверяхъ. Это приказаніе было въ точности исполнено; управляющій болѣе всѣхъ долженъ былъ позаботиться въ этомъ случаѣ. Полиціи я приказалъ вечеромъ запереть всѣ кабаки и выгнать изъ нихъ сидѣльцевъ. Я прибѣгъ къ этой мѣрѣ, потому что множество мародеровъ, дезертировъ и мнимыхъ раненыхъ стекалось отовсюду въ Москву; а напиться даромъ до пьяна могло привлечь и часть войскъ, и такъ находившихся въ безпорядкѣ. Пьяные-же могли начать грабежъ и, можетъ быть, поджечь городъ, прежде нежели пройдетъ чрезъ него наша армія. Въ эту ночь, точно также какъ и въ слѣдующую, можно было очень ясно различать два зарева отъ бивуачныхъ огней нашей и непріятельской армій. Эти огни смущали души тѣхъ, которые оставались въ Москвѣ и освѣщали путь тѣмъ, которые ее оставляли“.

Графъ Растопчинъ еще не покидалъ надежды, что Москва не будетъ безъ боя оставлена непріятелю. По требованію князя Кутузова онъ отправилъ изъ Москвы на подкрѣпленіе его арміи два полка въ 4 тыс. человѣкъ, составленные въ Москвѣ подъ начальствомъ Миллера; но вслѣдъ за тѣмъ получилъ отъ г. Клейнмихеля высочайшее повелѣніе, которымъ давалось имъ другое назначеніе. Въ отвѣтъ онъ писалъ государю 29 Августа: „Полки, составленные Миллеромъ, отправлены въ Можайскъ, а потомъ я получилъ увѣдомленіе отъ г. Клейнмихеля объ иномъ для нихъ назначеніи; но когда ваше величество дѣлали это распоряженіе, вамъ не было извѣстно, что въ дѣлахъ 24 и 26-го кн. Кутузовъ потерялъ болѣе 30.000 убитыми и ранеными и что единственно получивъ подкрѣпленія, онъ въ состояніи будетъ съ успѣхомъ дать новое и вѣроятно послѣднее сраженіе для спасенія Москвы. Множество раненыхъ генераловъ служатъ доказательствомъ ихъ храбрости и отчаянія. Счастливы тѣ, которые не увидятъ безчестія Отечества. Народъ по прежнему вѣренъ и послушенъ; онъ отданъ на жертву съ одной стороны непріятелямъ, а съ другой своимъ разбойникамъ, которые пугаютъ жителей, грабятъ и жгутъ деревни. Я сдѣлаю все возможное, какъ и всегда дѣлаю, чтобы доставить князю Кутузову средства одержать побѣду надъ чудовищемъ, ко-

торый явился для разрушенія престоловъ и уничиженія народовъ. Москва будетъ стоить ему много крови, прежде нежели онъ въ нее войдетъ. Я не перестану служить вамъ и Отечеству. И когда меня не будетъ, живой или умирающій, я постоянно сохраню одно желаніе, чтобы вы разубѣдились въ людяхъ удостоенныхъ вашей довѣренности и своею глупостью, неспособностью или вѣроломствомъ приведшихъ васъ на край пропасти" [64]).

Графъ Ростопчинъ питалъ надежду, что будетъ дано новое сраженіе подъ Москвою, потому только, что самъ этого желалъ, что не признавалъ возможнымъ безъ боя уступить врагу древнюю столицу, что не понималъ даже, какія могутъ преизойти отъ того послѣдствія, и гибель Москвы казалась ему гибелью Отечества [65]). Князь Кутузовъ постоянно выражалъ намѣреніе дать еще сраженіе подъ Москвою. Но въ тоже время графъ Ростопчинъ очень хорошо понималъ, что нельзя дать этого сраженія безъ надежды на успѣхъ, что успѣха можно ожидать только въ томъ случаѣ, когда армія князя Кутузова получитъ значительныя подкрѣпленія и что этихъ подкрѣпленій въ достаточномъ количествѣ онъ получить не можетъ: 80-ти тысячное ополченіе разсѣялось, какъ плодъ воображенія. Поэтому онъ переходилъ отъ одной мысли къ другой и одинаково былъ увѣренъ и не увѣренъ, будетъ ли еще сраженіе или нѣтъ.

На другой же день, какъ онъ написалъ приведенное письмо къ государю, 30 Августа, пріѣхалъ къ нему С. Н. Глинка, утромъ въ 10 часовъ. „Встрѣчаю его передъ кабинетомъ (говоритъ онъ) и иду съ нимъ въ кабинетъ. Графъ былъ въ военномъ сюртукѣ, а я въ полныхъ ратническихъ доспѣхахъ. Мы сѣли на софу, подъ картою Россіи. Вотъ нашъ разговоръ, безъ примѣси и въ точности историческій:

— Ваше сіятельство, я отправляю свое семейство, сказалъ Глинка.

— Я отправилъ уже своихъ, отвѣчалъ графъ Ростопчинъ, и слезы блеснули у него на глазахъ. Сергѣй Николаевичъ, станемъ говорить, какъ сыны Отечества. Что̀ вы думаете, если Москва будетъ сдана?

— Вамъ извѣстно, что я отважился это объявить 15-го Іюля въ залѣ дворянскаго собранія; но скажите, графъ, откровенно, какъ будетъ сдана Москва, съ кровью или безъ крови?

— Безъ крови, лаконически отвѣчалъ графъ Ростопчинъ. При этомъ словѣ Глинка всталъ и, указывая на карту Россіи, сказалъ: сдача Москвы отдѣлитъ ее отъ полуденныхъ нашихъ областей. Гдѣ же армія, къ оборонѣ ихъ, займетъ позицію?

— На старой Калужской дорогѣ, гдѣ и мое село Вороново; я сожгу его.

Графъ говорилъ все это (замѣчаетъ С. Н. Глинка) въ 10 часовъ утра 30 Августа, а совѣщаніе о сдачѣ Москвы происходило 31 Августа, въ ночь на 1-е Сентября. Графъ не былъ приглашенъ; слѣдовательно онъ, по собственному соображенію, указалъ то мѣсто, гдѣ Русское войско станетъ твердою ногою и заслонитъ отъ нашествія полуденный нашъ край".

Въ слѣдъ за тѣмъ графъ Ростопчинъ всталъ съ дивана, подошелъ къ письменному столу и—„летучимъ перомъ, говоритъ С. Н. Глинка, написалъ *Воззваніе на Три Горы*". Подавая это воззваніе С. Н. Глинкѣ и поручая немедленно напечатать, онъ прибавилъ: „у насъ на Трехъ Горахъ ничего не будетъ; но это вразумитъ нашихъ крестьянъ, что̀ имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву"

---

[64]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 29 Августа 1812 г.

[65]) Булгакова, разговоръ Неаполитанскаго короля съ графомъ Милорадовичемъ, Москвитянинъ 1843 г., т. I, стр. 505.

„И такъ (замѣчаетъ С. Н. Глинка), графъ Ростопчинъ первый повѣстилъ войну Московскихъ поселянъ".

Графъ Ростопчинъ, опасаясь вліянія разглашеній Наполеона, считалъ однако одною изъ главныхъ своихъ задачъ дѣйствовать на духъ народа. С. Н. Глинка былъ изъ главныхъ его помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ скоро графъ Растопчинъ, по его выраженію, *развязалъ ему языкъ*, онъ дѣйствовалъ неутомимо какъ въ Москвѣ, бродя постоянно между народомъ и разговаривая съ нимъ, такъ и по окрестнымъ селамъ и деревнямъ. „Когда студенты университета изъявили желаніе вступить въ ряды арміи, то недостатокъ въ деньгахъ много мѣшалъ въ этомъ случаѣ, говоритъ С. Н. Глинка. Я могъ брать для нуждъ другихъ изъ суммы въ 300 тыс.; но мнѣ какъ будтобы стыдно было *развязывать себѣ руки* на деньги въ то время, когда довѣренность развязала мнѣ языкъ для выраженія вдохновеній душевныхъ. И такъ, чтобы удовлетворить ревностныхъ просителей, я продавалъ драгоцѣнныя вещи жены моей".

Графъ Ростопчинъ зналъ, съ какою ревностію исполнялъ его порученія С. Н. Глинка, зналъ его бѣдность и что изъ 300 тысячной суммы онъ не взялъ ни рубля, и она оставалась въ неприкосновенности, не смотря на то, что онъ долженъ былъ дѣлать нѣкоторыя траты. Поэтому, передавая ему для напечатанія Воззваніе на Три Горы, онъ въ слѣдъ за тѣмъ вынулъ изъ бюро *довольно полновѣсный свертокъ* съ ассигнаціями и, подавая Глинкѣ, сказалъ: „Государю извѣстно, что вы всѣмъ жертвовали и все отдали. Вотъ на дорогу для вашего семейства".—„Я не возьму денегъ, отвѣчалъ ему С. Н. Глинка, а для скорѣйшаго исполненія государевыхъ порученій, прикажите мнѣ дать дрожки. Въ пустынной Москвѣ почти до самой вашей дачи я шелъ пѣшкомъ. Одинъ добрый гражданинъ уступилъ мнѣ волочки" [66]).

Современники и потомки только съ литературной точки зрѣнія смотрѣли на сочиненія Глинки, дѣйствительно не отличающіяся особою даровитостію и естественно не усмотрѣли въ немъ политическаго дѣятеля; но графу Ростопчину была извѣстна и эта сторона его дѣятельности. Неужели онъ смѣшивалъ его съ другими своими агентами, которыхъ разсылалъ по темнымъ угламъ Москвы, чтобы слѣдить народное настроеніе и направлять его по его наставленіямъ? Или ему непріятно было вспоминать о самой этой дѣятельности, происходившей въ средѣ простаго народа и вызванной излишнею подозрительностію къ нему самого графа Ростопчина? Но его подозрительность, хотя безъ сомнѣнія несправедливая въ отношеніи къ народу, была раздѣляема многими въ это время, и корень ея заключался въ дѣйствовавшемъ тогда крѣпостномъ правѣ на крестьянъ, которое туманило взглядъ на народъ многихъ, даже весьма умныхъ и просвѣщенныхъ людей.

Дѣятельность С. Н. Глинки со дня изданія имъ *Русскаго Вѣстника* и въ 1812 г. его въ высшей степени честный поступокъ въ отношеніи той суммы денегъ, на которую по высочайшему повелѣнію развязалъ ему руки графъ Ростопчинъ, удостоились полнаго забвенія какъ современниковъ, такъ и потомства. Въ послѣдствіи Глинка проводилъ жизнь въ совершенной бѣдности и умеръ слѣпымъ въ 1852 году, въ Петербургѣ. Но всего замѣчательнѣе то обстоятельство, что въ своихъ Запискахъ о 1812 годѣ графъ Ростопчинъ не говоритъ о немъ ни одного слова, не упоминаетъ даже его имени.

---

[66]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 53—56.

После свиданія Глинки съ графомъ появилось слѣдующее воззваніе: „Братцы, наша сила многочисленна и готова положить животъ, защищая Отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву, но надо пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкой своихъ выдавать. Москва наша мать, она насъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возмите только на три дня хлѣба. Идите со крестомъ, возмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами, и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!“

Это воззваніе произвело волненіе въ народѣ „самое убійственное: стали разбивать кабаки, говоритъ современникъ. Питейная контора на улицѣ Покровской разграблена; на улицахъ крикъ, драка; останавливали прохожихъ, спрашивая: гдѣ непріятель! Трудно было отойти отъ нихъ“ [67]). Нельзя заподозрить истины этого свидѣтельства, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается распоряженіями самого графа Ростопчина. Мы привели уже выписку изъ его Записокъ, въ которой онъ разсказываетъ, что вечеромъ именно этого дня, 30 Августа, онъ велѣлъ запереть всѣ кабаки. Это была не мѣра предосторожности, но послѣдствіе того волненія, которое произвело въ народѣ его Воззваніе на Три Горы.

На другой день, 31 Августа, вышло новое и уже послѣднее извѣстіе графа Ростопчина: „Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ. Станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ черту отправлять. Я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ“.

(ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТР. 157—161).

„Атаманъ Платовъ не разъ уже былъ замѣчаемъ, говоритъ А. П. Ермоловъ, нерадиво исполняющимъ свои обязанности, а князь Багратіонъ сказывалъ мнѣ, что когда онъ находился съ нимъ при отступленіи изъ Литвы, онъ изыскивалъ способъ возбуждать его къ предпріимчивости и дѣятельности чрезвычайной, провѣдавъ неодолимое его желаніе быть графомъ. Мнѣ причиною недѣятельности его казалось просто незнаніе его распоряжаться разнаго рода регулярнымъ войскомъ, особенно въ дѣйствіяхъ продолжительнаго времени. Быть начальникомъ казаковъ, рѣшительнымъ и смѣлымъ, не то что̀ быть генераломъ, отъ котораго требуется другой родъ распорядительности, въ связи съ искусствомъ непремѣнно. Атам. Платовъ, принадлежа къ числу людей весьма умныхъ и отлично проницательныхъ, не могъ не видѣть, что война 1812 года въ свойствахъ своихъ не сравнивается съ тѣми, въ которыхъ онъ болѣе многихъ другихъ оказалъ способностей“. Такого рода дѣйствія Платова были поводомъ къ тому, что у него отняли начальство надъ аріергардомъ. „Главнокомандующій, продолжаетъ Ермоловъ, справедливо недовольный безпорядочнымъ командованіемъ атамана Платова аріергардомъ, уволилъ его отъ онаго, позволилъ отправиться изъ арміи, и онъ находился въ Москвѣ, когда князь Кутузовъ далъ ему повелѣніе возвратиться къ Донскимъ казакамъ въ армію. Аріергардъ порученъ генералъ-лейтенанту Коновницыну, и онъ отступалъ отъ Вязьмы, упорно защищаясь на каждомъ шагу“ (Записки, т. I, стр. 184 и 188). Нѣтъ причинъ подозрѣвать въ пристрастіи мнѣніе Ермолова, такого замѣчательнаго боеваго генерала. Напротивъ, весьма вѣроятно, что Платовъ, *смѣлый* и *рѣшительный начальникъ казаковъ*, не умѣлъ распоряжаться *регулярными* войсками. Свойство же войны 1812 г. было таково, что, при постоянномъ отступленіи, она

---

[67]) Бестужева-Рюмина, Описаніе происш. и пр., стр. 82.

не представляла возможности выказать казакамъ и ихъ начальнику свои доблести. Впрочемъ гдѣ только приходилось имъ имѣть дѣло, наступательно или оборонительно, противъ непріятельской кавалеріи, какъ напр. при Романовѣ и Инковѣ (Молевомъ болотѣ), они дѣйствовали блистательно. Значительныя массы иррегулярной кавалеріи при отступленіи не могли, конечно, оказать той пользы, какую оказали бы при наступательной войнѣ. Это понимали въ штабѣ второй арміи. „Изъ Слуцка князь Багратіонъ можетъ отправить корпусъ Платова къ вашему величеству, писалъ графъ Сенъ-При императору, если это будетъ вамъ угодно, тѣмъ болѣе, что этотъ корпусъ принадлежитъ къ составу первой арміи, гдѣ онъ можетъ принести гораздо болѣе пользы, нежели у насъ. Чинъ атамана (son rang) представляетъ неудобства, и притомъ для насъ довольно тѣхъ казачьихъ полковъ, которые причислены ко второй арміи, имѣя въ виду числительную нашу силу“ (писано отъ 28 Іюня). Что-же касается до начальствованія Платова аріергардомъ, то это назначеніе зависило отъ главнокомандующаго. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что когда аріергардъ былъ отданъ подъ начальство Коновницына, то, по совѣту князя Багратіона, онъ былъ значительно усиленъ и слѣдовательно могъ дѣйствовать успѣшнѣе. Изъ Записокъ Ермолова видно, что онъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ Платовымъ и, выражая мнѣніе о его неспособности начальствовать аріергардомъ регулярной арміи, исполнялъ долгъ безпристрастія, отдавая впрочемъ справедливость другимъ хорошимъ его качествамъ. Но въ бумагахъ, сохраненныхъ самимъ Ермоловымъ, находятся свидѣтельства о слѣдующемъ происшествіи. Генералъ Красновъ, старикъ, подчиненъ былъ младшему по службѣ генералу и притомъ не изъ Донцевъ. Онъ обидился и написалъ объ этомъ Платову, говоря между прочимъ: „мнѣ не нужны ни чины, ни другія награды, лишь бы служба моя соотвѣтствовала желанію вашему; быть же посрамлену противу *чуждыхъ*, ей не могу“. (Донесеніе 15 Августа 1812 г., дер. Починки). Посылая донесеніе Краснова, Платовъ писалъ Ермолову: „Обида, г. Красновымъ описываемая, что онъ подчиненъ младшему, не только для него, но и для меня и даже всего войска, очень чувствительна. Я понимаю, что это произошло конечно отъ ошибки; но какъ сіе всякому прискорбно, то прошу васъ приказать въ подобныхъ случаяхъ по военному списку выправляться о старшинствѣ г. генераловъ, во избѣжаніе обиды, отъ подчиненія старшаго младшему чувствуемой“ (письмо отъ 16 Авг. 1812., Поляново). На этомъ письмѣ Ермоловъ собственноручно написалъ: „Въ отвѣтъ на сіе письмо объяснено г. Платову, что въ назначеніи ген. м. Краснова сдѣлана ошибка, происходящая отъ недоставленія въ главный штабъ арміи формулярнаго о службѣ его списка, который должна была препроводить канцелярія г. Платова, извѣстившая прежде, что, по недавнему переводу г. Краснова изъ войска Черноморскаго, они его въ полученіи не имѣютъ“.

„Г. Платова просилъ я узнать отъ г. Краснова, называющаго *Русскихъ чуждыми*, съ котораго времени почитаетъ онъ войско Донское *союзнымъ*, а не *подданнымъ* Россійскаго императора. Отъ г. Платова не было на сіе отвѣта“. (Записки Ермолова, т. I, Прилож., стр. 206—208). Вѣроятно отвѣтъ Ермолова написанъ былъ Платову не иначе, какъ по докладу главнокомандующему, слѣдовательно съ его дозволенія. Весьма понятно, что странный вопросъ, предложенный начальникомъ штаба первой арміи атаману Платову, остался безъ отвѣта. Слову *чуждый*, употребленному г. Красновымъ, конечно онъ не придавалъ того значенія, которое хотѣлъ придать ему Ермоловъ. Оно означало лишь: послужившаго въ Донскихъ казакахъ, а войско Донское имѣло свое особое устройство. Это обстоятельство конечно могло быть поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ; но не оно было причиною замѣны Платова Коновницынымъ въ начальствованіи аріергардомъ. Ермоловъ прямо объясняетъ причину смѣны и удаленія изъ арміи Платова тѣмъ, что онъ *безпорядочно* начальствовалъ аріергардомъ. Но письмо Барклая-де-Толли къ императору, въ которомъ онъ выражалъ свое недовольство Платовымъ и просилъ отозвать его отъ арміи, было написано 22 Іюля изъ Смо-

ленска. Только 19 Іюня корпусъ Платова вошелъ въ сообщеніе съ первою арміею; 20-го Барклай-де-Толли предписалъ ему войти въ сообщеніе съ авангардами графа Платова и Шевича и размѣстить аванпосты отъ Краснаго до Холма (Михайловскій Данилевскій, Собр. соч., т. IV, стр. 220—222); аріергардъ поступилъ подъ начальство Платова только 8-го Августа (Военн. журналъ полковника Толя). Изъ соображенія этихъ чиселъ нельзя не придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Барклай-де-Толли не могъ быть недоволенъ не только службою Платова какъ начальника аріергарда, которая началась гораздо позднѣе, но даже и дѣйствіями его по соединенію съ первою арміею подъ Смоленскомъ, которыя не могли обозначиться достаточно въ *одинъ день*,—въ то время, когда онъ писалъ государю и просилъ отозвать его. Черезъ нѣсколько же дней (27 Іюня) послѣ этого письма, эта служба Платова выразилась въ томъ, что онъ выдержалъ блестящее сраженіе подъ Инковымъ. Главнокомандующій былъ недоволенъ его прежними дѣйствіями, какъ и видно изъ содержанія его письма къ императору, т. е. въ первый періодъ кампаніи, когда онъ не могъ присоединиться къ первой арміи, къ составу которой принадлежалъ его корпусъ, а долженъ былъ примкнуть ко второй. Но въ этомъ случаѣ возникаетъ недоразумѣніе, которое едвали возможно объяснить чѣмъ-либо кромѣ личныхъ свойствъ Барклая-де-Толли, а именно: почему же, при такомъ понятіи о Платовѣ, онъ поручилъ ему начальство надъ аріергардомъ соединенныхъ армій въ такое трудное время отступленія, т. е. отъ Соловьевой переправы черезъ Днѣпръ и почти до самого Царева-Займища? 2) Свидѣльства А. П. Ермолова, какъ начальника штаба первой арміи, должны бы пользоваться особеннымъ довѣріемъ,—кому-же какъ не начальнику штаба лучше знать что̀ дѣлается въ войскахъ?—но его свидѣтельства въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оказываются совершенно невѣрными. Онъ ошибался, говоря, что главнокомандующій былъ недоволенъ дѣйствіями Платова въ аріергардѣ и потому смѣнилъ его и удалилъ изъ арміи: очень можетъ быть, что онъ былъ имъ доволенъ и справедливый далъ о немъ отзывъ въ офиціальномъ донесеніи императору; но онъ былъ недоволенъ прежними его дѣйствіями и не довѣрялъ лично ему, также какъ и самому Ермолову. Еще болѣе онъ ошибался, говоря, что Платовъ „находился въ Москвѣ, когда кн. Кутузовъ далъ ему повелѣніе возвратиться къ Донскимъ войскамъ въ арміи". Только 16-го Авг. Коновницынъ смѣнилъ Платова въ начальствованіи надъ аріергардомъ и 18-го того же мѣсяца „въ 10 часовъ пополудни", пишетъ Платовъ, онъ получилъ предписаніе главнокомандующаго первою арміею „отправиться къ его величеству въ Москву". (Рапортъ его Барклаю-де-Толли 18 Авг. Записки Ермолова т. I, Прилож., стр. 198). Слѣдовательно Платовъ могъ выѣхать изъ арміи въ Москву лишь 19-го Августа, т. е. на третій день послѣ прибытія кн. Кутузова въ Царево-Займище. Между тѣмъ изъ Записокъ Ермолова слѣдовало бы заключить, что князь Кутузовъ не нашелъ его въ арміи и вызвалъ къ ней изъ Москвы. Ермоловъ не зналъ многаго, что̀ дѣлалось въ главной квартирѣ. Барклай-де-Толли дѣлалъ распоряженія помимо его и тайно отъ него; потому что не довѣрялъ ему, считая его однимъ изъ главныхъ своихъ противниковъ (Изображ. воен. дѣйствій, стр. 5—6, Чтенія въ Моск. общ. исторіи и древн. 1858, кн IV). Такія отношенія начальника штаба первой арміи къ главнокомандующему своевременно оцѣнилъ кн. Багратіонъ. „Рекомендую вамъ главную вещь: вы должны всѣ бумаги министра внизу подписывать, яко главный генералъ штаба; вы должны всю переписку знать министра съ нами по части военной. Иначе, будете отвѣчать и поздно будетъ сказать: я не зналъ, мнѣ не сказали" (Записки Ермолова, т. I, прилож., стр. 176). Отношенія главнокомандующаго первою арміею къ Платову послужили поводомъ къ различнымъ слухамъ о немъ и вообще о казакахъ, въ послѣдствіи; но объ нихъ рѣчь впереди.

(*Продолженіе будетъ*).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ *.

V. Годы 1709 и 1710.

Полтавское сраженіе завершаетъ періодъ самой блистательной дѣятельности князя Меншикова, какъ полководца. Калишъ, Батуринъ, Опошня, Полтава и Переволочная: это тѣ чистыя и яркія звѣзды на жизненномъ горизонтѣ Меншикова, которыя свѣтили ярко, и долго своимъ блескомъ застилали въ глазахъ Петра Великаго послѣдующія злоупотребленія его любимца. Не забудетъ этихъ заслугъ Меншикова и Исторія: фельдмаршальскій жезлъ заслуженъ имъ достойно и честно.

10-го Іюля 1709 года, на мѣстѣ Полтавскаго сраженія торжественно отслуженъ благодарственный молебенъ, а 13-го Іюля войска наши выступили въ Рѣшетиловку: въ Полтавѣ невозможно было оставаться долѣе отъ смрада мертвыхъ тѣлъ. Въ Рѣшетиловкѣ, на военномъ совѣтѣ рѣшено было Шереметеву идти противъ Шведовъ къ Ригѣ, а Меншикову, съ большею частью кавалеріи отправиться въ Польшу и, соединясь съ отрядомъ Гольца, преслѣдовать Лещинскаго и Шведскаго генерала Крассова. 16-го Іюля Меншиковъ выѣхалъ изъ Рѣшетиловки и подвигался медленно „на своихъ лошадяхъ", а Петръ на почтовыхъ выѣхалъ изъ Рѣшетиловки 19-го и пріѣхалъ въ Кіевъ 22-го. Меншиковъ заболѣлъ на дорогѣ. Изъ мѣстечка Лубенъ онъ пишетъ къ Петру: „Болѣзнь не даетъ свободно главы поворачивать; однакожъ, хотя и съ трудомъ, завтра выѣдемъ отсюда". 25 Іюля Меншиковъ пріѣхалъ въ Кіевъ и чрезъ нѣсколько дней отправился съ кавалеріею въ Полонное. Въ Кіевѣ 31 Іюля Петръ подписалъ грамоту на пожалованіе Меншикову и его потомкамъ въ вѣчное владѣніе города Почепа. По отъѣздѣ Меншикова изъ Кіева, занемогъ и Петръ. 1-го Августа онъ пишетъ къ Меншикову: „Мнѣ за грѣхъ сія болѣзнь припала, которая по отъѣздѣ вашемъ въ вечеру прямою лихорадкою объявилась было, но когда въ Понедѣльникъ принялъ фармативъ, съ помощію Божіею оную разорвалъ; однакоже оная, яко проклятая болѣзнь, хотя не знобомъ и жаромъ, то тоскою и тягостію еще давитъ и свои дни выбираетъ; и тако не чаю, чтобъ ранѣе 10 числа или праздника отселѣ за безсильствомъ ѣхать. И для того конечно нужно сими днями Гольцу податься къ Варшавѣ (какъ я писалъ), дабы сіе мое замедленіе скорою дорогою награждено было, о чемъ вы къ нему отпишите, чтобъ такъ учинилъ; а вы дожидайтесь меня въ Полонномъ или Острогѣ" [1]). Меншиковъ встревожился этимъ извѣстіемъ и просилъ у Петра позволенія пріѣхать къ нему. Петръ успокоивалъ его письмомъ изъ Кіева 8-го Августа: „Вамъ не надлежитъ сумнѣваться о нашей болѣзни, ибо (какъ я предъ симъ писалъ), что слава Богу чрезъ фармативъ разорвана; но еще зѣло слабъ, такъ что четверти часа не могу постоять или ходить, что́ самъ видѣлъ посланный; а болѣзни, слава Богу, никакой не слышу. И вамъ ѣздить не для чего, ибо Богу извольшу съ праздника, т. е. съ 15 дня сего мѣсяца, поѣду къ вамъ. При семъ для своего и вашего здоровья выпили по рюмкѣ" [2]).

---

*) См. выше, стр. 47.

[1]) Архивъ Министра Иностр. Дѣлъ. Соловьевъ, т. XV, стр. 385.

[2]) Тамъ же.

Меншиковъ благодарилъ Петра за утѣшительное извѣстіе и за выпитую рюмку, отвѣчая, „что и мы противно такожде здѣсь учинить не лишились".

Изъ Полоннаго Меншиковъ написалъ 10-го Августа любопытное письмо къ митрополиту Кіевскому о содѣйствіи къ уничтоженію Уніи, которое мы печатаемъ въ приложеніи къ этой главѣ. Меншиковъ, съ обозомъ и съ семействомъ медлилъ въ Полонномъ, чтó не совсѣмъ нравилось Петру. 10-го Августа онъ пишетъ князю: „Сынъ мой сегодня сюда пріѣхалъ, котораго завтра отправляю къ вамъ; изволь онаго даже до Гольца отправить, дабы тѣ подводы, кои подъ нимъ будутъ, поворотились паки къ тѣмъ, которыя со мною ѣдутъ; также къ Гольцу отпиши, чтобъ судовъ въ Варшаву изготовилъ подъ всю пѣхоту, дабы по случаю времени не потерять. О драгунахъ самъ управлю, понеже послѣдніе ѣдутъ. Мнѣ кажется, не лучше ли бы вамъ отпустить домашнихъ своихъ и обозъ напередъ, а насъ одному дождаться, дабы съ нами вамъ на почтѣ ѣхать? Однакоже сіе кладу на вашу волю, яко партикулярное дѣло" [3]).

18 Августа Петръ пріѣхалъ въ Полонное и засталъ тутъ Меншикова еще больнаго: князь не могъ ѣхать съ Петромъ, который 21-го отправился одинъ въ Люблинъ, за тѣмъ въ Варшаву и 26-го Сентября встрѣтился съ королемъ Августомъ въ Торунѣ [4]).

Между тѣмъ Меншиковъ доѣхалъ до Быхова. Отсюда 24 Сентября онъ увѣдомилъ о себѣ Петра: „Отъ сердца желалъ бы къ вашей милости хотя на малое время побывать, но истинно доношу, что по несчастью моему припалъ мнѣ флюсъ, и хотя сія болѣзнь не весьма вредительная, однакоже ради оной скораго дорожнаго труда подъять не могу. При семъ требую опредѣленія о сынѣ вашемъ, чтò мнѣ съ нимъ чинить. Ежели изволите опредѣлить его въ знаемое вамъ мѣсто послать, то надлежитъ опредѣленіе учинить о деньгахъ, безъ чего пробыть невозможно. Къ тому же надобно послать съ нимъ человѣкъ трехъ или четырехъ изъ офицеровъ, знающихъ тамошнія обхожденія и искусныхъ потребнымъ языкамъ, и оныхъ кого изволите опредѣлить? О себѣ такожъ прошу рѣшенія, какъ повелите мнѣ къ Москвѣ быть. Я не безъ сумнѣнія о томъ, ежели могу поспѣшить къ Рождеству, понеже настоящій походъ нашъ не безъ продолженія будетъ для того, что въ сихъ мѣстахъ такія великія грязи и болота, какихъ я мало видывалъ". Петръ отвѣчалъ ему, „что о вашемъ бытьѣ къ Москвѣ къ Рождеству не чаете, то хотя бъ послѣ, лише бъ зимою сею быть вамъ на Москвѣ зѣло нужно... Сожалѣю о вашей болѣзни и желаю отъ Бога вамъ здравія получить вскорѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ увѣдомлялъ Меншикова, что 26-го Сентября онъ встрѣтился въ Торунѣ съ королемъ Августомъ и „тотъ день по обычаю справилъ". Король очень желаетъ видѣться съ княземъ и проситъ, чтобы все войско Русское, состоящее подъ командою Меншикова и онъ самъ „случились бы" при мѣстечкѣ Никелѣ [5]).

Въ мѣст. Любомирскѣ Меншиковъ получилъ извѣстіе, что генералъ Крассовъ, котораго онъ долженъ былъ преслѣдовать, ушелъ въ Померанію. Это побудило его ѣхать къ Петру. 29 Сентября онъ писалъ изъ Любомирска: „Понеже пишетъ къ намъ господинъ адъютантъ Ушаковъ, что непріятель ушелъ къ Помераніи и настичь его невозможно, того ради мы походъ свой оставили, а войску велѣлъ я переходить на ту сторону Варты, понеже въ сихъ мѣстахъ вездѣ повѣтріе; а какъ для того, такъ и

---

[3]) Тамъ же.

[4]) См. Военно-походный журналъ 1709.

[5]) Московскій Архивъ Министръ Иностр. Д.

для иныхъ причинъ, о чемъ донесу вашей милости самъ, понеже отъ болѣзни моей нѣкоторую свободу возъимѣлъ, и для того намѣренъ ѣхать наскоро къ вашей милости и надѣюсь при помощи Божіей въ Торунъ быть въ будущій Понедѣльникъ" [6]).

На другой день по пріѣздѣ въ Торунь, 3-го Октября, Меншиковъ послалъ презентъ своему сыну: „чулки какіе здѣсь сыскать могъ, однакоже чаю на зиму будетъ; только дай Боже здраво и счастливо носить". Но княгиня его опять въ страшномъ безпокойствѣ: всѣмъ извѣстно было, что король Августъ любилъ попойки, Петръ также не прочь повеселиться, Меншикову нельзя же было отставать отъ нихъ, а онъ поѣхалъ полубольной. Меншиковъ старался успокоить супругу: „Чаю, вы будете сумнѣваться (пишетъ онъ 5-го Октября изъ Торуни) о насъ, что мы довольно виномъ забавляемся; только я вправду объявляю, что истинно по разлученіи съ вами ни единаго случая не было, чтобы довольно забавиться, а и съ королевскимъ величествомъ зѣло умѣрно забавляемся, и о томъ не извольте сумнѣваться". Едва ли княгиня успокоивалась такими письмами, особенно вспоминая, что́ случилось въ Люблинѣ въ 1707 году при ссорѣ съ Кайзерлингомъ.

9-го Октября въ Торунѣ заключенъ былъ договоръ съ Августомъ: все прежнее предано забвенію; Петръ обѣщалъ ему свою помощь къ достиженію Польскаго престола, какъ войскомъ, такъ и ходатайствомъ у Рѣчи Посполитой; Августъ обязался помогать Петру противъ его непріятелей [7]). На другой день Меншиковъ писалъ женѣ: „Отсюда завтра поѣдемъ до королевскаго величества Прусскаго, которой отсюда въ 12 миляхъ обрѣтается въ мѣстечкѣ Маріенвердерѣ, гдѣ дня два только забавясь и потомъ прямо, Богу извольшу, поѣдемъ къ вамъ" [8]). 14-го Октября, въ городкѣ Свѣчахъ, Петръ и Меншиковъ простились съ королемъ и поплыли на судахъ въ Маріенвердеръ. На прощаньи Августъ пожаловалъ Меншикову староства Оршанское и Дисенское [9]).

15-го Октября Прусскій король встрѣтилъ Петра на берегу Вислы, за милю до Маріенвердера; здѣсь сѣли оба въ коляску, запряженную восьмью лошадьми и переѣхали въ за́мокъ, гдѣ король остановился въ одной половинѣ палатъ, а Петръ въ другой. Былъ публичный столъ, и разошлись къ полуночи [10]). 18-го Октября Меншиковъ пишетъ къ княгинѣ: „Сего числа имѣютъ кушать у меня его царское величество и королевское величество, понеже нынѣ воспоминаніе бывшей подъ Калишемъ викторіи, такоже и тезоименитство нашего любимаго сына, какъ о томъ и вамъ суть вѣдомо, которымъ торжествомъ, такоже и съ дражайшимъ имянинникомъ, васъ поздравляю. И при томъ вашей милости посылаю презентъ, т. е. коробочку, которою презентовалъ меня князь Голштейнской; въ прочемъ уповаемъ и сами къ вамъ быть вскорѣ" [11]). На этомъ пиру король Прусской пожаловалъ князю орденъ Чернаго Орла [12]), а

---

[6]) Госуд. Архивъ. Письма Меншикова къ Петру.

[7]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XV, стр. 387.

[8]) Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[9]) Привиллегіи или грамоты на это пожалованіе были подписаны: 20-го Октября на староство Оршанское и Ноября 21-го на Дисенское. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Меншикова, св. 7.

[10]) Военно-походн. журналъ 1709 г.

[11]) Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

[12]) Военно-поход. журналъ 1709 г.

Петръ обмѣнялся съ королемъ шпагами: государь отдалъ ту, которая была при немъ во время Полтавской битвы, а король снялъ съ себя шпагу, украшенную бриліантами.

23-го Октября Петръ отправился изъ Маріенвердера сухимъ путемъ въ Ригу, въ сопровожденіи Прусскихъ драгуновъ. На всякой станціи Петръ выражалъ неудовольствіе, что его везли по дурнымъ дорогамъ и медленно; чтобы скорѣе и спокойнѣе ѣхать, онъ велѣлъ сдѣлать для себя качалку изъ досокъ, прикрѣпленную къ двумъ лошадямъ и въ ней доѣхалъ до Риги [13]).

Меншиковъ отправился другою дорогою къ войскамъ, для необходимыхъ распоряженій на зимнее время. Петръ приказалъ ему расположить войска на Венгерскихъ границахъ, для наблюденія и предосторожности, чтобы Шведы не вступили снова въ Польшу. Послѣ того, Меншикову приказано было ѣхать въ Москву. На канунѣ отъѣзда изъ Маріенвердера онъ писалъ къ женѣ: „Отсюда кончая завтра ѣхать къ вамъ при помощи Божіей намѣренъ: а понеже за краткостью времени въ Краковъ ѣзду свою отложилъ и къ Москвѣ для лучшей способности прямо намѣренъ я ѣхать отъ Ярославля, и для того и отсюда путь нашъ будетъ прямо на Ярославль. Того ради и вы извольте ѣхать исподволь туда же въ Ярославль, а съ собою возмите только то, что̀ къ Москвѣ брать надлежитъ, а прочее въ чемъ не часто нуждѣ быть, также и стоялыхъ всѣхъ лошадей, извольте отправить въ Краковъ съ домовымъ шквадрономъ, изъ котораго извольте взять съ собою для провожанья нѣсколько человѣкъ или половину, такъ и прочихъ драгунъ, кои нынѣ при васъ обрѣтаются. И тѣ два полка, кои отъ фельдмаршала-лейтенанта Гольца къ вамъ присланы, съ вами возьмите. Варварѣ Михаиловнѣ поклонъ. P. S. Писаніе ваше, отъ 15 дня сего мѣсяца, изъ Конецъ-поля писанное, получили мы сего числа, за которое благодарствуемъ. Что же отъ непріятеля осторожность имѣете, и то изрядно; однакоже уже оной непріятель, то есть воевода Кіевскій, отъ нашихъ войскъ совсѣмъ разбитъ“.

День своего рожденія, 6-го Ноября, Меншиковъ отпраздновалъ въ Варшавѣ [14]) и отсюда отправился въ Ярославль, гдѣ ему надо было сдѣлать окончательныя распоряженія по распредѣленію войскъ нашихъ на зимнихъ квартирахъ и ихъ продовольствію. 19-го Ноября онъ потребовалъ къ себѣ въ Ярославль Гольца для совѣщаній, но Гольцъ не пріѣхалъ: онъ не выносилъ высокомѣрія и дерзкаго обращенія Меншикова и отговорился болѣзнію. Меншиковъ далъ ему письменную инструкцію. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ Меншиковъ отмстилъ Гольцу. Въ Ярославлѣ Меншиковъ засталъ княгиню и своихъ и вмѣстѣ съ ними отправился въ Москву черезъ Кіевъ. 29-го Ноября изъ Полоннаго онъ увѣдомилъ Петра, что надѣется въ опредѣленный ему срокъ, т. е. за недѣлю до праздника, поспѣть въ Москву и застать тамъ Петра. „Получилъ я подлинную вѣ-

---

[13]) Изъ рукописи, хранящейся въ Берлинскомъ Тайномъ Архивѣ, подъ заглавіемъ: Mémoires et anecdotes, concernants les entrevues du czar de Russie Pierre premier avec le roi de prusse Frédéric 1-er et Frédéric Guillaume, tirés des archives du roi à Berlin et d'autres documens authentiques par Jean Daniel Kluge, archiviste et secretaire privé de la chancellerie secrète. Эта рукопись составлена была въ 1776 году по случаю пріѣзда въ Берлинъ Великаго Князя Павла Петровича.

[14]) Письмо Меншикова къ женѣ отъ 5 Ноября изъ Варшавы. Москов. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ.

домость, что королевское величество кончая отъѣзжаетъ въ Саксонію; того ради я сына вашего отпустить туда опасаюсь и писалъ къ нему, чтобы онъ былъ въ Краковѣ до дальняго вашего указу, пока подлинную получимъ вѣдомость о причинѣ онаго въ Саксонію отъѣзда... При семъ поздравляю вашу милость съ завтрешнимъ торжествомъ, то есть праздникомъ нашего ордена патрона. При семъ же и жена моя и сынъ вашу милость поздравляютъ и нижайшій поклонъ отдаютъ“ [15]). Меншиковъ не оставилъ безъ привѣтствія и Екатерину. „Катерина Алексѣевна и съ тёткою, многолѣтно о Господѣ здраствуйте. Извѣствую вашей милости; что мы сюда прибыли сего 29-го Ноября въ добромъ состояніи, а отсюда намѣрены ѣхать къ Москвѣ завтрашняго дня. Прошу васъ, дабы изволили вы увѣдомить насъ о состояніи господина контръ-адмирала и о его къ вамъ, что дай Боже, счастливомъ прибытіи. За симъ здравіе ваше Господу всемогущему въ сохраненіе предаю. Александръ Меншиковъ“ [16]).

5-го Декабря въ Кіевѣ, въ Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, Меншиковъ встрѣченъ былъ торжественною рѣчью Ѳеофана Прокоповича. Проповѣдникъ началъ тѣмъ, что невозможно исчислить всѣхъ дѣлъ Меншикова, такъ они многочисленны и разнообразны; во всѣхъ дѣлахъ княземъ руководятъ вѣрность и любовь къ царю, а если онъ любитъ царя, то любитъ и народъ. Слово свое Ѳеофанъ заключилъ просьбою къ князю принять въ призрѣніе и защищеніе учащихъ и учащихся въ Кіевскихъ училищахъ [17]). Нѣтъ сомнѣнія, что эта рѣчь Ѳеофана расположила къ нему Меншикова и немало способствовала къ возвышенію Ѳеофана.

16-го Декабря Меншиковъ въ Глуховѣ. „Пріѣхалъ сюда сегодня (писалъ онъ къ Петру); путь нашъ медлится за дурною погодою и за худою дорогою. Сего часу мы забавляемся у его милости господина гетмана, который со всею старшиною вашей милости поклонъ отдаетъ и при отпускѣ сего про ваше здравіе по стакану здѣшняго вина выпиваемъ; а что̀ изволите вы писать о Венгерскомъ, и потому учинить уже некогда, о чемъ сами изволите разсудить, что коль далеко оттуда отлучились. За пріятный поклонъ домашнимъ вашимъ взаимно поклонъ отдаю, и при семъ наши домашніе вашей милости нижайшій поклонъ отдаютъ“ [18]).

Въ Глуховѣ занемогла Анна Даниловна, и Меншиковъ, чтобъ не опоздать въ Москву къ пріѣзду царя, поскакалъ одинъ.

Между тѣмъ Петръ 10-го Ноября пріѣхалъ въ Ригу, 12-го бросилъ въ городъ первыя три бомбы, 13 выѣхалъ въ Дерптъ, а 23-го дня прибылъ въ Петербургъ, отсюда 7-го Декабря отправился въ Москву и 12-го Декабря, не заѣзжая въ городъ, пріѣхалъ прямо въ Коломенское, откуда назначенъ былъ торжественный въѣздъ въ Москву съ побѣдоносными полками и съ плѣнными Шведами. Не найдя Меншикова въ Коломенскомъ, Петръ на другой день отправилъ на встрѣчу князя съ нарочнымъ письмо: „Объявляю вамъ, что мы вчерась, а полкъ нашъ сегодня сюда прибыли и, Богу извольшу, въ будущей Понедѣльникъ пойдемъ въ Москву, къ которому времени зѣло надобно и вамъ поспѣшить. А что вы въ своихъ письмахъ пишете, будто бы намъ нѣкоторое безсчастіе въ пути отъ Поляковъ случилось, и того за Божіею помощію не бывало. Прочее о сынѣ моемъ и о другихъ дѣлахъ сами съ вами переговоримъ при вашемъ прибытіи сюда“.

---

15) Государ. Архивъ.

16) Тамже.

17) Пекарскій: Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ В., т. II, стр. 207.

18) Государ. Архивъ.

Съ Преображенскимъ полкомъ, вѣроятно, возвратилась въ Москву и Екатерина, которой Петръ 20 Сентября изъ Сольцы писалъ: „Вы, по полученіи сего письма, поѣзжайте съ Астраханскимъ полкомъ до нашего полку, при которомъ будьте неотлучно“ [19]). На сносяхъ беременная, она помѣстилась въ Преображенскомъ.

Нарочный, посланный Петромъ, засталъ Меншикова у Коломны. „Объявляю вамъ (писалъ Меншиковъ женѣ 13 Декабря отъ Николы Гостунскаго), что я сюда сего часу пріѣхалъ и получилъ вѣдомость, что его царское величество уже въ Коломенскомъ обрѣтается. Того ради мы поспѣшнѣе поѣдемъ. Когда вы пріѣдете къ тѣмъ двумъ переправамъ, кои подъ Бѣлевымъ, на которыхъ оставилъ я для васъ деньщика, извольте изъ кареты выдти и пѣшкомъ перейти: понеже зѣло худое мѣсто, и развѣ по нуждѣ сына нашего велите перевезти въ каретѣ, и то съ великою осторожностью. Впрочемъ да сохранитъ васъ Вышній подъ святымъ Своимъ покровомъ и сподобитъ васъ съ нами счастливо случиться. P. S. А имянно государь изволилъ придти въ Коломенское вчерашняго дня и ко мнѣ прислалъ адъютанта, чтобъ я поспѣшилъ“ [20]).

Въ 9 часу вечера 14-го Декабря Меншиковъ пріѣхалъ въ Коломенское, но Петръ уже легъ спать, и Меншиковъ съ нимъ свидѣлся только на другой день. „Мы здѣсь квартиру будемъ имѣть (писалъ Меншиковъ женѣ) близь Данилова монастыря, на дворѣ Василья Ершова, куда имѣетъ васъ проводить сей деньщикъ, котораго нарочно посылаю“.

18-го Декабря былъ день, назначенный Петромъ для въѣзда въ Москву и для торжества Полтавской баталіи. Великая побѣда надъ первымъ военнымъ геніемъ того времени, который, подобно Густаву Адольфу, шелъ впередъ съ Лютеранскимъ молитвенникомъ въ рукахъ, примиряла Русскій народъ съ нововведеніями Петра, заставляя прощать ему его дружбу съ иноземцами и соблазнительное усвоеніе ихъ обычаевъ. Бѣлокаменная, еще съ конца Ноября, начала приготовляться къ встрѣчѣ побѣдителя Шведовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ и каждый оцѣнивали великую заслугу Петра и его сподвижниковъ въ побѣдѣ надъ Карломъ XII. Давно ли Шведъ приближался съ грозными войсками со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ; городъ и окрестности укрѣпляли, всѣ съ мала до велика вооружались и готовились къ защитѣ? Теперь, благодаря войску, созданному Петромъ, благодаря уму, способностямъ и энергіи преобразователя и его сотрудниковъ, Москва и отечество были спасены. Вѣсть за вѣстью объ успѣхахъ нашего оружія приходили въ Москву и читались народомъ въ „вѣдомостяхъ“; наконецъ пріѣхалъ и самъ побѣдитель съ покрытыми славою гвардейцами, и 18-го Декабря у Серпуховскихъ воротъ загремѣли пушки и барабаны, а по городу загудѣли колокола. Но вдругъ все затихло: Петръ получилъ извѣстіе изъ Преображенскаго, что Екатерина Алексѣевна родила дочь. Это была Елисавета Петровна, будущая императрица. Петръ, отложивъ тріумфальный свой въѣздъ до слѣдующаго дня, отправился въ Успенскій соборъ, и послѣ благодарнаго молебна поспѣшилъ въ Преображенское поздравить свою дорогую Катеринушку. Зазвонили опять всѣ колокола Московскіе, загремѣли пушки въ Преображенскомъ, а Московской людъ ходилъ ликуя по улицамъ и любуясь на приготовленные тріумфальные ворота. Особенно красовались ворота построенные отъ духовенства, отъ Строгонова и при домѣ князя Меншикова. Кремль былъ разукрашенъ картинами и гир-

---

[19]) Письма Русскихъ Государей, ч. I, № 14.

[20]) Москов. Арх. Минист. Ин. Д.

ляндами со стороны Москвы-рѣки; народъ ждалъ съ нетерпѣніемъ завтра увидѣть своего царя.

19-го Декабря, утромъ, опять отъ Серпуховскихъ воротъ, началось невиданное до сего времени шествіе побѣдителей. Въ началѣ ѣхали, на богато убранныхъ лошадяхъ, 24 трубача и 6 литаврщиковъ; за ними, на лошадяхъ же, гвардейскій Семеновскій полкъ, съ распущенными знаменами и обнаженными палашами, имѣя во главѣ своего полковника князя Голицына; за ними шли плѣнные Шведы, взятые подъ Лѣснымъ и везли Шведскія пушки, знамена и другіе трофеи; далѣе гренадерская рота Преображенскаго полка на лошадяхъ, а за нею плѣнные Шведы и трофеи Полтавскаго сраженія, между прочимъ и носилки Карла XII, на которыхъ онъ былъ во время Полтавской баталіи [29]); вслѣдъ за носилками шли по одиночкѣ, гуськомъ, Шведскіе плѣнные генералы: Шлиппенбахъ, Левенгауптъ и др.; за ними прочіе плѣнные Шведы по четыре человѣка въ рядъ; всѣхъ рядовъ было 5521, а въ нихъ 22.085 человѣкъ плѣнныхъ. За плѣнными ѣхалъ виновникъ торжества, царь Петръ Алексѣевичь, на той же лошади, въ томъ же мундирѣ, какъ въ Полтавскомъ бою; на головѣ прострѣленная шляпа, въ рукѣ обнаженная шпага. Неумолкаемые, восторженные крики народа сопровождали государя. Немного поодаль отъ Петра, съ правой стороны ѣхалъ Меншиковъ, съ лѣвой князь Василій Владиміровичъ Долгорукій; за Петромъ, на лошадяхъ богато убранныхъ, слѣдовалъ и замыкалъ шествіе Преображенскій полкъ съ распущенными знаменами, съ артилеріею и съ обозомъ. Во все время шествія громъ пушекъ съ больверковъ и изъ Кремля сливался со звономъ колоколовъ и восторженнымъ крикомъ народа. По улицамъ, по которымъ направлялась процессія, обыватели выставили на столахъ разные ѣствы и напитки, встрѣчая торжествующихъ собратій и плѣнныхъ, по старинному Русскому обычаю, хлѣбосольствомъ и угощеніемъ.

На слѣдующій день Петръ, фельдмаршалы Шереметевъ и Меншиковъ, по утру отправились на Царицынъ лугъ *), гдѣ къ этому дню былъ выстроенъ домъ, въ которомъ ожидалъ царя князь-кесарь князь Ѳедоръ Юрьевичь Рамодановской, на тронѣ, подъ балдахиномъ, окруженный знатнѣйшими царедворцами. Первый подошелъ къ князю-кесарю фельдмаршалъ Шереметевъ и доложилъ ему, что „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ одержалъ полную побѣду надъ Шведскимъ королемъ Карломъ XII и разбилъ его армію"; потомъ приступилъ Меншиковъ: „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ взялъ въ плѣнъ ушедшаго съ Полтавскаго сраженія подъ Переволочну генерала Левенгаупта и другихъ". Наконецъ подошелъ и Петръ: „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ 28 Сентября я имѣлъ жестокое сраженіе подъ Лѣснымъ съ генераломъ Левенгауптомъ и одержалъ полную побѣду, а при Полтавской баталіи сражался я съ моимъ полкомъ лично, бывъ въ великомъ огнѣ, и плѣнные генералы съ ихъ фельдмаршаломъ и съ 22.085 человѣкъ войска Шведскаго приведены въ Москву, и полкъ мой состоитъ въ добромъ здравіи". Каждый изъ говорившихъ, по окончаніи рѣчи, подносилъ князю-кесарю рапортъ, а князь-кесарь, при-

---

[29]) Носилки Карла XII въ послѣдствіи были заброшены въ кладовую палату, гдѣ между прочими вещами хранилась Іордань, которую ставили на Москвѣ-рѣкѣ въ день Богоявленія; на нихъ обратили вниманіе въ 1809 году, ровно черезъ сто лѣтъ и включили въ опись вещей Оружейной Палаты, гдѣ они хранятся въ настоящее время.

*) Т. е. такъ называемое Болото, между Москвою-рѣкою и обводною канавою. *П. Б.*

нимая, похвалялъ службу каждаго, особенно же полковника и всего войска вѣрность и мужество. Послѣ рѣчей, Петръ, Меншиковъ, Шереметевъ и Г. И. Головкинъ сѣли обѣдать за однимъ столомъ съ княземъ-кесаремъ подъ балдахиномъ, а прочіе на другихъ столахъ. Обѣдъ, при звукахъ музыки, продолжался до 6 ч. вечера. Во время обѣда князь-кесарь пилъ за здоровье царя, Екатерины, новорожденной ея дочери и всего царскаго семейства; также за здоровье всѣхъ присутствующихъ. Въ это время, для народу, на Царицыномъ лугу, было устроено угощеніе: выставлены бочки съ виномъ, а для закуски рыба, икра, калачи и хлѣбы (такъ какъ дни были постные). Вечеромъ фейерверкъ представлялъ сраженія подъ Лѣснымъ, Полтавою и Переволочною.

Торжество продолжалось три дня; звонъ и стрѣльба цѣлую недѣлю.

*

Новый 1710 годъ Меншиковъ встрѣтилъ въ Москвѣ, участвуя въ торжествахъ. Утромъ въ Успенскомъ соборѣ съ Петромъ, потомъ во дворцѣ на банкетѣ, во время котораго стрѣляли изъ пушекъ со всѣхъ болверковъ, окружавшихъ Кремль. Вечеромъ фейерверкъ [21]).

17-го Февраля Петръ уѣхалъ съ Екатериною въ Петербургъ и 26 Февраля писалъ оттуда Меншикову: „Объявляемъ вамъ, что мы третьяго дня сюда здорово пріѣхали и здѣсь, слава Богу, все благо обрѣли; препарація къ обоимъ походамъ, зимнему и вешнему, каждая къ своему времени готова будетъ, и ни въ чемъ остановки нѣтъ; только лошадей, которыя положены съ государства для сего походу, еще тихо приводятъ; однакожъ надѣемся исполнену и сему быть. Въ хлѣбѣ хорошо исправляются, а сухари и крупа всѣ готово; впрочемъ, когда больше осмотрюсь и чтó здѣсь опредѣлено будетъ, писать къ вамъ не оставлю; только желаю, дабы Господь Богъ ваше дѣло какъ наискорѣе управилъ и васъ бы намъ здѣсь видѣть, дабы и вы красоту сего парадиза (въ которомъ добрымъ участникомъ былъ и есть), въ заплату трудовъ своихъ, съ нами купно причастникомъ былъ, чего отъ сердца желаю: ибо сіе мѣсто истинно, какъ изрядной младенецъ, чтó день, преимуществуетъ. За симъ васъ и домашнихъ вашихъ предаемъ въ милость и сохраненіе Господне. Наши домашніе вамъ и домашнимъ вашимъ кланяются“ [22]). Меншиковъ, между тѣмъ, занимался своими домашними дѣлами и хотѣлъ переѣхать въ свою подмосковную Рожественное. Но не удалось князю пожить на свободѣ деревенскою жизнію. 22-го Февраля онъ писалъ Петру изъ Москвы: „Благородный и высокопочтенный господинъ контръ-адмиралъ! Въ началѣ отъ сердца желаю вашей милости до желаемаго святаго мѣста счастливаго прибытія, а потомъ доношу, что здѣсь по счастливомъ вашемъ отсюда отшествіи, за помощію Вышняго, во всемъ суть благополучно; но токмо мое подмосковное село Рожественное, въ которое хотѣлъ было я на нѣкоторое малое время побывать и для того приказалъ тамошніе хоромы заранѣя нагрѣвать, которые такъ нагрѣли, что оное село совсѣмъ сгорѣло; и для того и ѣзду свою туда я отложилъ. Зѣло жаль изрядныхъ птичекъ, которыхъ набралъ было здѣсь слишкомъ со сто для отпуску къ вашей милости, и поставлены были тамъ же въ хоромахъ по всѣмъ окнамъ, которыхъ хотѣлъ было я пробовать, но вкупѣ съ тѣми хоромами сгорѣли. И такихъ птичекъ принужденъ вновь нынѣ сбирать и сколько сберу отправлю къ вашей милости немедленно. При семъ посылаю къ вашей милости чертежъ холодной бани, каковъ взялъ я у дохтура Арескина“.

---

[21]) Журналъ Гизена. См. Записки Туманскаго, ч. VIII, стр. 199.

[22]) Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Рожественное — вѣроятно Дмитровскаго уѣзда, гдѣ живалъ князь Д. В. Голицынъ.

При всемъ своемъ богатствѣ, Меншиковъ, чрезъ друга своего Тихона Никитича Стрѣшнева, выхлопоталъ указъ, чтобъ для постройки новаго его дома въ Рожественномъ; камень, кирпичь, известь и пр. возили ему даромъ крестьяне дворцовые, патріаршіе и архіерейскіе всѣхъ городовъ Московской губерніи. Скупость развивалась въ князѣ уже довольно сильно [23]).

Въ началѣ Апрѣля Меншиковъ, съ своею княгинею и Варварою Михайловною Арсеньевою, отправился къ Ригѣ для исполненія порученій, возложенныхъ на него Петромъ по осадѣ этого города; 15-го Апрѣля онъ пріѣхалъ съ семействомъ въ Юнфергофъ, подъ Ригу, гдѣ была главная квартира фельдмаршала Шереметева. За два дни до пріѣзда Меншикова, Шереметевъ собралъ военный совѣтъ, и рѣшили блокировать „крѣпчайше" Ригу и перервать сообщеніе водою города съ Динаминдъ-шанцомъ, который былъ въ рукахъ Шведовъ. Въ двухъ верстахъ отъ города, на урочищѣ Гофенбергъ, приступили къ постройкѣ крѣпости, а вмѣстѣ съ тѣмъ постановили сосредоточить къ Ригѣ всю армію изъ винтеръ-квартиръ. Замѣчательны способности Петра Великаго какъ полководца: онъ гораздо ранѣе Шереметева думалъ объ этомъ и, отъѣзжая изъ Москвы, поручалъ Меншикову отправиться къ Ригѣ для исполненія этого дѣла. Петръ не слишкомъ полагался на Шереметева, а полагался больше на Меншикова. Меншиковъ началъ работать дѣятельно: возлѣ зачатой крѣпости у Гофенберга велѣлъ бить сваи, устроилъ черезъ Двину ниже Риги мостъ, по обѣимъ сторонамъ моста шанцы, вооруженные пушками и перекинулъ черезъ рѣку бревна съ цѣпями, чтобы не могли проходить „каперы", привозившіе къ Ригу военные припасы и продовольствіе; съ винтеръ-квартиръ собралъ войско. Вскорѣ оказалась польза его распоряженій. 28 Апрѣля 9 Шведскихъ каперовъ хотѣли пробиться до города, но безуспѣшно; наши выстрѣлы принудили ихъ воротиться въ Динаминдъ-шанцъ. 29 Апрѣля всѣ войска вышли въ поле, и въ устроенныхъ редутахъ окружили со всѣхъ сторонъ Ригу. 30 Апрѣля совершена крѣпость у Гофенберга и въ честь Меншикова названа Александръ-шанцъ. 10 Мая прибылъ въ Юнфергофъ Двиною рѣкою генералъ Брюсъ съ тяжелою артилеріею. Все было готово для бомбардированія и атаки города, но неожиданно 14 Мая обнаружилось во всей арміи „моровое повѣтріе", истребившее въ отрядѣ генерала Баура до 12.000 человѣкъ. Люди умирали „язвами", заболѣвшихъ отвозили со всѣми ихъ пожитками въ лѣса, устроили вездѣ заставы; но все это безуспѣшно. Моровая язва косила войско. — Рѣшили отложить атаку города, а добиваться сдачи блокадою. Меншиковъ, исполнивъ все что̀ ему было поручено, 17-го Мая оставилъ княгиню въ Юнфергофѣ и отправился въ Петербургъ, гдѣ ожидалъ его Петръ. 21-го Мая, съ дороги отъ рѣчки Черной, онъ увѣдомлялъ свою княгиню: „Опасныя мѣста всѣ, слава Богу, проѣхали; сегодня, Богу извольшу, надѣемся въ Дерптѣ ночевать. Господинъ генералъ-лейтенантъ Бауръ провожалъ меня до сего мѣста, а отсюды отпущенъ, чрезъ котораго вамъ и Варварѣ Михайловнѣ поклонъ и сыну нашему благословеніе посылаю Божіе".

29 Мая Меншиковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, прямо въ свой новый домъ, только что оконченный постройкою на Васильевскомъ острову. „Пріѣздъ мой сюда зѣло счастливъ: ибо его царское величество, нашъ всемилостивѣйшій государь, съ особливою склонною милостію принять меня изволилъ и зѣло изъ моего сюда пріѣзду веселится. А сего числа данъ мнѣ ордеръ Дацкой Слонъ [24]); взавтре, понеже день рожденія государева, по отпра-

[23]) Указъ изъ разряда въ Монастырской Приказъ. Архивъ Мин. Юстиціи: Дѣла Монастырскаго Приказа, вязка 25, дѣла 1 и 6.

[24]) Дипломъ на орденъ Слона, подписанъ королемъ Датскимъ 20-го Февраля 1710 въ Гафне. См. Портфели Миллера въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

вленіи извычайнаго банкета, что будетъ въ новомъ нашемъ дому на Васильевскомъ острову, гдѣ не оставимъ и про ваше здоровье выпить; здѣсь не инымъ чѣмъ, но токмо симъ мѣстомъ забавляемся и шумны никогда не бываемъ: понеже царское величество изволитъ употреблять лѣкарства. И здѣсь не чаю я долго зажиться, но аще Богъ изволитъ, чаю вскорѣ отсюды паки къ вамъ быть". Но князю не удалось ѣхать самому къ княгинѣ, а моровое повѣтріе заставило княгиню выѣхать изъ Юнфергофа. „Извѣстно здѣсь учинилось, пишетъ Меншиковъ 1-го Іюня, что у васъ является нѣкоторая опасность отъ повѣтрія и что вы для того изъ Юнфергофа выѣхали; и буде сей страхъ, отъ чего сохрани Боже, еще не утишился, то извольте ѣхать въ Псковъ, или черезъ Дерптъ въ Нарву, ежели дорога отъ Риги до Дерпта безопасна, о чемъ освѣдомьтесь съ господиномъ генер. лейтен. Бауромъ, къ которому нынѣ мы писали, дабы далъ вамъ для провожанія драгунъ довольное число, и по которой дорогѣ поѣдете, о томъ изволь къ намъ отписать. P. S. Паки подтверждаю, дабы конечно изволили ѣхать черезъ Дерптъ къ Нарвѣ, а объ отправленіи и о провожаніи писали мы къ г. л. Бауру".—Письмо за письмомъ посылаетъ Меншиковъ съ нарочными и проситъ жену ѣхать къ Нарвѣ, „потому что по дорогѣ не очень смирно и чтобы брала съ собой поболѣе драгунъ". Нарвскому коменданту Нарышкину онъ предписалъ выслать на встрѣчу княгинѣ 50 человѣкъ конныхъ драгунъ и столько же пѣшихъ солдатъ; отъ Нарвы до Петербурга велѣлъ поставить почтовыхъ лошадей.

Въ это время наши осаждали Выборгъ. 9-го Іюня Выборгскій комендантъ началъ переговоры съ адмираломъ Апраксинымъ о сдачѣ города, а 11-го Іюня, во время переговоровъ, вечеромъ, неожиданно пріѣхалъ Петръ на почтовыхъ изъ Петербурга, и 13-го числа Выборгъ сдался на „окордъ". На другой день утромъ Петръ вошелъ въ городъ съ Преображенскимъ полкомъ и написалъ Екатеринѣ: „Матка, здравствуй! Объявляю вамъ, что вчерашняго дня городъ Выборхъ сдался и сею доброю вѣдомостью (что уже крѣпкая подушка Санктъ-Питербурху устроена чрезъ помощь Божью), вамъ поздравляю. Также отдай мой поклонъ и симъ поздравь вначалѣ князь-игуменьѣ [25]), такожъ теткѣ, яко четвертой лапушкѣ, такожъ дочкѣ, сестрѣ, невѣсткѣ и племянницамъ и протчимъ, а маленькихъ за меня поцалуй. Piter" [26]).

Петръ извѣстилъ и Меншикова: „Объявляю вамъ, что комендантъ Выборгской, по изготовленіи бреша, не дожидая штюрма, вчерашняго числа на окордъ сдался. И того же времени наши два баталіона съ сей стороны и нѣсколько ротъ отъ генерала-маіора Беркгольца на бреши поставлены; а сегодня нашъ полкъ будетъ караулы у Шведовъ всего города принимать. И тако чрезъ взятіе сего города Санктъ-Питербурху конечное безопасеніе получено, чѣмъ въ началѣ князь-папѣ [27]), вамъ и всѣмъ въ Питербурху обрѣтающимся поздравляю и прошу сіе объявить всѣмъ и что взято артилеріи и амуниціи и прочаго, о томъ впредь дадимъ знать. P. S. Когда сюда поѣдете, то возмите Шаховскаго и нѣсколько пѣвчихъ; также прошу, чтобъ князь-папа пожаловалъ къ намъ и прочіе; также о провіантѣ попеченіе приложи, ибо только на двѣ недѣли осталось. Іюня 14, 1709 г. не отъ Выборха, но изъ Выборха" [28]). Меншиковъ тотчасъ от-

---

[25]) Ржевская, Авдотья Ивановна, выданная потомъ замужъ за деньщика Григорія Петровича Чернышева. Она носила званіе князь-игуменьи въ извѣстномъ установленіи князь-папы и была любимицею Петра и Екатерины.

[26]) Письма Русскихъ государей, ч. I, № 20.

[27]) Зотовъ, Никита Моисѣевичь.

[28]) Московъ. Арх. Мин. Ин. Д.

правился въ Выборгъ и увѣдомилъ объ этомъ княгиню: „Извѣствую вамъ, что мы сего часу получили вѣдомости: Выборхъ его царскому величеству Богъ поручилъ счастливо, чѣмъ вашу милость поздравляемъ и желаемъ, дабы къ сему торжеству вы сюда присиѣли, что̀ дай Боже счастливо. P. S. Мы сего часу отъѣзжаемъ отсюды къ Выборху“.

18-го Іюня „по утру рано его величество и свѣтлѣйшій князь Меншиковъ (записано въ военно-походномъ журналѣ Петра Великаго) и господинъ адмиралъ ѣздили въ лагерь, гдѣ стояли полки, и тамъ слушали обѣдню; и послѣ обѣдни былъ благодарной молебенъ за одержаніе побѣды надъ городомъ Выборхомъ, и потомъ стрѣляли, какъ въ обозѣ, такъ и кругомъ города изъ пушекъ, и всѣ солдаты изъ мелкаго ружья трижды. Его величество изволилъ тогда быть предъ своимъ полкомъ гвардіи въ строю. И по воздаяніи Богу благодаренія, помянутому господину адмиралу графу Апраксину за тоё службу дана кавалерія святаго Андрея. И потомъ пошли всѣ къ адмиралу, и тутъ кушали, и сидѣли даже до самой ночи, и ночевали въ лагерѣ“. 23 Іюня Меншиковъ возвратился съ Петромъ въ Петербургъ и „вступили въ городъ торжественно съ Преображенскимъ полкомъ. За ними волокли Шведскія знамена, взятыя въ Выборхѣ“.

Княгиня, пострадавшая такъ долго въ разлукѣ съ мужемъ, наконецъ свидѣлась съ нимъ въ новыхъ палатахъ на Васильевскомъ Острову. Варвара Михайловна Арсеньева, неизмѣнная спутница сестры во всѣхъ походахъ, поселилась тутъ же.

По возвращеніи изъ Выборга, Меншиковъ занялся дѣятельно устройствомъ Петербурга, Кронштадта, дѣлами по Петербургской губерніи, и началъ настаивать у Петра о преданіи суда фельдмаршала-лейтенанта Гольца, о чемъ 23-го Іюля подалъ Петру обвинительные пункты.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо Меншикова къ Кіевскому митрополиту объ Уніи.

Въ бозѣ сіятельный господине, господине, архипастырю пречестнѣйшій.

Не сумнѣваюсь, что ваше архипастырство изволите то имѣть въ памяти, когда мы съ вами, будучи въ Кіевѣ въ домѣ вашемъ, совѣтовали, какимъ образомъ при настоящемъ благопотребномъ времени отпадшихъ отъ благочестія и въ треклятую унію вдавшихся людей.... *) погибшихъ паки сыскать и къ.... Христову стаду пріобщить.... Ваше архипастырство, яко пастырь добрый Христова стада, вящее великодушіе и попеченіе о томъ долженъ имѣти. И для того весьма не надлежитъ сего удобнаго времени пропускать, но оное намѣреніе во имя Господне по всякой возможности тщиться прямымъ дѣломъ исполнить. Того ради да извольте ваше архипастырство къ тому назначеннаго тогда вашего архіерейскаго дому отца намѣстника Михайловскаго монастыря игумена къ намъ прислать, дабы мы въ сіе благополучное время оное благое дѣло совершить и нашу православную христіанскую вѣру расширить, треклятую же унію, яко сѣть погибельную .....вать и весьма разорить могли....... оная нынѣ и впредь, якожъ.... время людей Божіихъ уловлять и нашему благочестію вредить могла; и якоже сіе больше до вашего архипастырства нежели до насъ надлежитъ, тако надѣюсь, что сего случая пропустить не изволите. Впрочемъ предаю себя въ ваши Господеви вьну благопріятныя молитвы и пребываю на всегда вашего архіепастырства послушный по духу сынъ и слуга Александръ Меншиковъ.

*) То что̀ означено точками, въ подлинникѣ отъ ветхости прорвано.

VI. Судъ надъ фельдмаршаломъ Гольцомъ.

Выше упомянуто, что въ Ноябрѣ 1709 года Меншиковъ въ Ярославлѣ-Польскомъ засталъ княгиню Дарью Михайловну, которая переѣхала туда, по его желанію изъ Кракова. Передъ этимъ, Меншиковъ просилъ Гольца проводить княгиню изъ Кракова въ Ярославль, но Гольцъ этого не сдѣлалъ, можетъ быть съ намѣреніемъ или за недосугомъ; но Меншикова это разсердило и въ особенности потому, что при этомъ переѣздѣ княгиня едва не попала въ руки непріятельскаго отряда. Меншиковъ, по пріѣздѣ въ Ярославль, вызвалъ къ себѣ Гольца изъ Кракова для совѣщаній, какъ наблюдать за движеніями Карла XII и за отрядомъ Кіевскаго воеводы Потоцкаго, также для обсужденія разныхъ распоряженій по продовольствію войскъ и размѣщенію ихъ на зимнія квартиры. Гольцъ, иностранецъ, служившій по контракту, покрытый сѣдинами, оказавшій большія услуги во время борьбы съ Шведами, былъ часто оскорбляемъ гордостью и надменнымъ обхожденіемъ Меншикова. Старикъ, заслужившій своими дѣлами полное уваженіе, опасаясь непріятнаго столкновенія, уклонялся отъ поѣздки и отговаривался болѣзнію. Раздраженный Меншиковъ послалъ Гольцу письменную инструкцію что̀ ему дѣлать и поскакалъ въ Москву, куда спѣшилъ по вызову государя. Въ Москвѣ Меншиковъ получилъ донесеніе изъ Кракова отъ своего адъютанта Жукова, что, вопреки приказаній князя, штабная квартира арміи переведена Гольцомъ въ дальнее разстояніе отъ Кракова и кавалерійская его дивизія нуждается въ фуражѣ, а для себя Гольцъ собралъ съ жителей фуражу и провіанту на 6 мѣсяцовъ впередъ и выдалъ квитанцію, которую Жуковъ приложилъ къ своему рапорту. Испросивъ согласіе Петра вызвать къ себѣ Гольца для объясненій, Меншиковъ 26 Декабря 1709 г. отправилъ другаго адъютанта Полянскаго съ письмомъ къ Гольцу, въ которомъ, *по указу его величества*, предписывалъ немедленно явиться въ Москву. Въ тоже время, на случай, еслибы Гольцъ не послушалъ его предписанія, Меншиковъ далъ Полянскому другое письмо къ генералу Янусу, находившемуся тамъ же при войскахъ; Янусу онъ предписывалъ выслать Гольца по приказанію государя и принять отъ него команду.

Полянскій засталъ Гольца (13 Января 1710 г.) на Венгерской границѣ, въ мѣстечкѣ Язовцу, и передалъ ему письмо Меншикова. Въ это время Гольцъ, озабоченный полученными свѣдѣніями о приближеніи непріятельскаго отряда, переходилъ съ своимъ отрядомъ Венгерскую границу; часть отряда перешла уже горы, а съ другою частью онъ пробирался чрезъ дефилеи и потому не находилъ возможнымъ поручить кому нибудь другому трудную экспедицію. Это обстоятельство (какъ онъ объяснялъ потомъ въ своемъ оправданіи) понудило его объявить Полянскому, что онъ не можетъ ѣхать въ Москву. Полянскій отправился къ Янусу и чрезъ нѣсколько дней привезъ къ Гольцу письмо отъ Януса, въ которомъ именемъ царя приказывалось Гольцу немедленно отправиться въ Москву и сдать команду. Старикъ отправился съ Полянскимъ въ Краковъ и отсюда 14-го Февраля написалъ Петру извиненіе, что долженъ промедлить въ этомъ городѣ, для распоряженія своимъ имуществомъ, будучи совершенно безъ денегъ, потому что князь Меншиковъ за два года не платилъ ему жалованья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ письмѣ къ Петру Гольцъ выражалъ надежду получить монаршую милость за разбитіе съ малыми силами Кіевскаго воеводы Потоцкаго; „весьма изъ земли его выгналъ“, писалъ Гольцъ, „и чрезъ оное противъ его высокости царскаго кронъ-принца и свѣтлѣйшаго князя супруги предположенное на-

мѣреніе уничтожилъ и тѣ двѣ высокія особы отваженіемъ живота моего избавилъ отъ рукъ непріятельскихъ.“ Изъ Кракова, черезъ Кіевъ, Гольцъ пріѣхалъ въ Москву, передъ самымъ отъѣздомъ Меншикова въ Ригу. Въ Апрѣлѣ, Гольца вытребовали въ Петербургъ. Меншиковъ съ своей стороны писалъ къ Петру, чтобъ Гольца, за ослушаніе царскаго указа и за другіе поступки, судить военнымъ судомъ. Петръ отвѣчалъ ему: „то учинить возможно; только надлежитъ отъ васъ прислать о его винѣ вѣдомости, такоже и которые при томъ были человѣка два или три для свидѣтельства“.

Поѣздка Меншикова къ войскамъ подъ Ригу отвлекла его отъ этого дѣла и только по возвращеніи въ Петербургъ, 23 Іюня 1710 года, Меншиковъ подалъ Петру: *Краткое предложеніе о противностяхъ генерала-фельдмаршала-лейтенанта Гольца.* Въ этомъ предложеніи, по пунктамъ, Меншиковъ обвинялъ Гольца: въ неисполненіи предписаній его и въ непредставленіи требованныхъ въ 1708 и 1709 годахъ разныхъ свѣдѣній о состояніи ввѣреннаго Гольцу корпуса. Пять указовъ посылалъ ему Меншиковъ изъ Ярославля, чтобъ Гольцъ пріѣхалъ къ нему изъ Кракова для устройства и расположенія зимнихъ квартиръ. Гольцъ сперва отговаривался болѣзнью, потомъ обѣщалъ пріѣхать и не пріѣхалъ, „токмо напрасную нашу тамо бытность продолжилъ, отъ чего потомъ великій трудъ мы понесли (писалъ Меншиковъ), егда по тому его письму медля въ Ярославлѣ и испустя доброе время, самымъ безпокойнымъ временемъ и худою дорогою, принуждены были до Москвы ѣхать.“ За тѣмъ князь обвинялъ Гольца: въ заборѣ провіанта и фуражу на 6 мѣсяцевъ впередъ, въ переводѣ (вопреки отданному приказанію) штабъ-квартиры князя изъ Кракова въ Ярославль, въ непослушаніи указа царскаго о пріѣздѣ въ Москву, въ неприсылкѣ пойманнаго секретаря Карла XII-го Клингштрема, и заканчивалъ свою обвинительную записку требованіемъ, что, кромѣ того, слѣдуетъ предписать фельдмаршалу Шереметеву судить Гольца за дѣло подъ Головчинымъ, такъ какъ въ этомъ сраженіи драгунская дивизія Гольца ретировалась.

Меншиковъ, конечно, собралъ все что́ только возможно было́ для обвиненія Гольца, напоминалъ даже несчастное Головчинское дѣло, столь раздражавшее Петра; но Петръ въ дѣлахъ серьезныхъ никогда не дѣйствовалъ опромётчиво и, руководимый во всю свою жизнь строгою справедливостію, глубоко уважалъ заслуги лицъ ему преданныхъ. Долго не рѣшался онъ исполнить настояніе Меншикова, и только 8-го Сентября подписалъ *пункты, по которымъ судить генерала Гольца.* Въ этихъ пунктахъ онъ обратилъ свое вниманіе только на два обвиненія, имѣвшія серьезное значеніе: 1) для чего не послушалъ ни царскаго, ни Меншиковскаго указовъ о пріѣздѣ въ Москву? 2) для чего не выслалъ къ царю Шведскаго секретаря Клингштрема, пойманнаго съ письмами Карла XII изъ Бендеръ въ Стокгольмъ? Прочіе пункты обвиненія государь предоставилъ разсмотрѣть суду, который учрежденъ былъ подъ предсѣдательствомъ адмирала графа Апраксина изъ генераловъ Энсберга, Лефорта и Крюйса.

Военный судъ потребовалъ отъ Гольца письменнаго объясненія. 26 Сентября 1710 г. Гольцъ представилъ суду оправдательную записку. Въ началѣ онъ объяснялъ суду свое огорченіе, что послѣ трехлѣтней, честной и вѣрной службы, съ нимъ обращаются какъ съ осужденнымъ и требуютъ письменнаго отвѣта, по которому въ Нѣмецкой землѣ „не только фельдмаршалъ, но никакой полковникъ не былъ бы наказанъ и словами“. На всѣ указы царя и Меншикова всегда отвѣчалъ. „А если вы не хотите повѣрить слову честнаго и къ могилѣ приближающагося кавалера

(писалъ Гольцъ): то я готовъ принять тѣлесную присягу, что все говорю правду."— За тѣмъ онъ оправдывалъ себя по двумъ обвинительнымъ вопросамъ Петра. О невысылкѣ Шведскаго секретаря онъ объяснилъ, что не могъ его выслать, потому что въ это время секретарь этотъ былъ боленъ горячкою; „а еслибы его отослать въ дальній путь, то онъ унесъ бы съ собою въ гробъ всѣ свои тайны, а потомъ онъ самъ Гольцъ былъ арестованъ и не могъ уже выслать." Самое щекотливое дѣло—это былъ второй вопросъ Петра, отъ чего онъ не послушался царскаго указа въ письмѣ Меншикова отъ 26 Декабря 1709 года о пріѣздѣ въ Москву, переданномъ чрезъ адъютанта Полянскаго. Ослушаніе это было въ строгомъ смыслѣ преступленіе дисциплины и противъ царя, и противъ Меншикова, непосредственнаго начальника Гольца. Самолюбивый и гордый старикъ, объяснивъ невозможность ѣхать въ то время, когда ему отдалъ письмо Полянскій, писалъ въ оправданіе: что онъ собственноручнаго указа царскаго о пріѣздѣ въ Москву не получалъ, а отдалъ ему адъютантъ Полянскій письмо Меншикова, въ которомъ писано было объ этомъ отъ имени царскаго; но такъ какъ прежде государь всегда собственноручно ему писалъ, то онъ и не предполагалъ, чтобъ на то было соизволеніе государя. По другимъ пунктамъ взведенныхъ обвиненій Гольцъ старался доказать несправедливость Меншикова. Такъ, о недоставленіи вѣдомостей воеводствамъ и землямъ, съ которыхъ назначено брать квартирныя деньги, Гольцъ отвѣчалъ: „царское величество назначилъ меня фельдмаршаломъ-лейтенантомъ въ своихъ войскахъ, а не землемѣрителемъ дымо̀въ въ воеводствахъ, ни генералъ-квартирмейстеромъ; и къ такимъ службамъ его свѣтлость своими указами меня принудить не можетъ." „Нынѣшнее дѣйствіе, писалъ Гольцъ, доказываетъ, что князь Меншиковъ хотѣлъ меня толь дальнимъ жестокимъ зимнимъ почтовымъ путемъ измучить и симъ процессомъ, при которомъ документовъ своихъ не имѣю, руиновать, и такъ меня въ немилость его царскаго величества, яко мнѣ всемилостивѣйшаго, ввесть."

Признавая себя передъ кригсрехтомъ невиноватымъ и не заслужившимъ такого „жестокаго трактаменту", Гольцъ просилъ объяснить царю его невинность и уволить его отъ службы.

Самолюбіе и властолюбіе Меншикова были конечно оскорблены отвѣтами Гольца, который выставлялъ его очень неблаговидно передъ Петромъ, дѣлая предположеніе, что онъ можетъ написать что либо отъ имени царя, не имѣя на то приказанія. Меншиковъ представилъ свое мнѣніе кригсрехту объ оправдательной запискѣ Гольца. Князь находилъ, что Гольцу слѣдовало бы писать поучтивѣе; что непослушаніе указовъ всегда влечетъ наказаніе, хотя бы это непослушаніе происходило отъ упрямства или отъ гордаго презрѣнія къ поставленному надъ нимъ высшему командиру; отговорка Гольца, что онъ собственноручнаго указа отъ царскаго величества не получалъ о пріѣздѣ въ Москву, доказываетъ, что онъ ослушивался приказанія своего начальника. Квитанцію на неправильно забранный фуражъ онъ Гольцъ подписалъ по своей гордости, называясь генераломъ-фельдмаршаломъ и слѣдственно противъ пристойнаго респекту нагло прегрѣшилъ... Меншиковъ кончалъ свое представленіе кригсрехту просьбою: „за доказанное многократное непослушаніе и упрямство, непослушаніе начальству и имяннымъ указамъ и за противныя и грубыя изрѣченія надлежащую дать сатисфакцію."

Дѣло тянулось. Гольцъ просилъ судъ поспѣшить рѣшеніемъ. Меншикову вѣроятно было также слишкомъ непріятно слушать рѣзкіе отвѣты Голь-

ца, и въ Ноябрѣ 1710 г. Меншиковъ подалъ кригсрехту заявленіе „что онъ, по множеству государственныхъ дѣлъ, всегда присутственно быть не можетъ, а потому въ *процессѣ* его съ Гольцомъ онъ уполномочиваетъ Якова Веселовскаго присягу чинить и доказы къ оправданію его князя объявлять и все что̀ Веселовскій донесетъ кригсрехту, писалъ Меншиковъ, отъ насъ заблагоизобрѣтено и за неопровержимо держано будетъ, и обѣщаемъ мы оное, якобы отъ насъ самихъ учинено, признавать.“

Какъ ни старался Гольцъ оправдывать себя въ непочтительности и въ неуваженіи указовъ Меншикова, но пришлось повиниться, особенно когда на допросахъ кригсрехта онъ долженъ былъ признать, что царевичь Алексѣй Петровичь и княгиня Меншикова по его оплошности едва не попали въ руки непріятеля, во время переѣзда ихъ изъ Кракова въ Ярославль.

Послѣдній вопросъ Гольцу отъ кригсрехта былъ: Предается ли онъ прямымъ образомъ приговору? Гольцъ отвѣчалъ, что „предается“ и написалъ повинное письмо Петру, прося „учиненныя имъ прегрѣшенія и непослушаніе отъ его командующаго фельдмаршала данныхъ указовъ милостивымъ окомъ призрѣть и оныя ему отпустить.“ За Гольца въ это время ходатайствовали короли Прусскій и Польскій.

14-го Января 1711 года послѣдовалъ указъ кригсрехту, за собственноручною подписью Петра: хотя Гольцъ и подлежалъ было за свои преступленія жестокому наказанію, „но съ великодушнаго милосердія своего, а особливо ради внесеннаго за него заступленія ихъ королевскихъ величествъ Прусскаго и Польскаго, въ тѣхъ винахъ его всемилостивѣйше простить и отпускъ изъ службы дать.“

(*Продолженіе будетъ*).

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО *.

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ И ПОТѢШНЫЙ ГОРОДОКЪ.

Село Преображенское было колыбелью не только *гвардіи*, но и всей реформы Петра Великаго. Преображенскъ, говоритъ г. Забѣлинъ, явился въ полномъ смыслѣ столицею преобразованія, пока оно зачиналось, зарождалось и (прибавимъ), развивалось въ Москвѣ [1]). Потѣшный городокъ, устроенный здѣсь Петромъ, былъ моделью, прототипомъ новой столицы, созданной потомъ на берегахъ Невы. Здѣсь, въ маломъ видѣ, было все, что̀ можетъ характеризовать столицу и резиденцію государя-преобразователя: тутъ было и постоянное войско, и флотъ, и судъ, и администрація; тутъ брились, до временъ Петра неприкосновенныя, бороды, и строилось ненавистное для истыхъ Русскихъ людей Нѣмецкое платье; тутъ же созда-

*) См. выше стр. 90.

1) Оп. изуч. Русс. Древ. и Исторіи, Забѣлина, ч. II (Критическій разборъ книги Мартынова и Снегирева).

вались планы и изготовлялись средства побѣждать враговъ — Турокъ и Шведовъ, брать непріятельскіе города и крѣпости.

Первый походъ Петра въ село Преображенское, по документамъ изучаемаго нами Сборника, относится къ 1675 году; но Петръ бывалъ и живалъ тамъ съ матерью и ранѣе. Для этого похода трехъ-лѣтній царевичъ снабженъ былъ множествомъ игрушекъ и при томъ воинскаго характера. Но, безъ сомнѣнія, потѣшнѣе всѣхъ другихъ потѣхъ была для Петра вызолоченная Дороѳеемъ Ермолаевымъ „пушечка съ станкомъ и съ колесцы", которую изготовили для царевича къ этому походу. Троимъ карламъ: Никитѣ Комару, Петрушкѣ Комару да Ивашкѣ Кондратьеву, вѣроятно для этого же осенняго похода, пошиты были форменные лѣтніе и зимніе кафтаны, штаны и шапки.

За тѣмъ, о походахъ Петра въ Преображенское до 1684 г. въ нашемъ Сборникѣ указаній не встрѣчается; а въ этомъ году, 19 Іюня, происходила *потѣшная, гранатная и огнестрѣльная стрѣльба* въ селѣ Преображенскомъ, подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера *Симона Зоммера*. Стрѣльба эта была, очевидно, тѣмъ, чтó г. Забѣлинъ называетъ *взятіемъ потѣшнаго городка Пресбурга* [2]).

Прежде чѣмъ приступимъ къ обзору построекъ потѣшнаго городка, описанныхъ въ Сборникѣ, а также и другихъ не лишенныхъ интереса извѣстій, касающихся Преображенска, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу этого *взятія* Пресбурга.

Задавшись вообще предвзятою мыслію о *необычайно-раннемъ* развитіи Петра и относя постройку крѣпостцы къ 1684 году, а взятіе ея пріурочивая къ 19-му Іюня этого года, г. Забѣлинъ утверждаетъ при этомъ, что Францъ Тиммерманъ началъ преподавать государю Фортификацію и Геометрію еще ранѣе этихъ подвиговъ, совершенныхъ Петромъ. Авторъ говоритъ, что въ 1684 году *„уроки Тиммермана, при его помощи,* уже „приложены были къ дѣлу"; что „выстроенный", въ этомъ же году, на берегу Яузы, „потѣшный городокъ, крѣпостцу Пресбургъ, 12-ти лѣтній государь взялъ приступомъ *по всѣмъ правиламъ осадной науки*". На основаніи какихъ историческихъ данныхъ г. Забѣлинъ постройку Пресбурга и его взятіе относитъ къ 1684 году, а уроки Тиммермана еще къ болѣе раннему времени, не знаемъ. Быть можетъ, въ этомъ году и дѣйствительно было устроено для огнестрѣльныхъ Зоммеровскихъ потѣхъ какое-нибудь (всего скорѣе земляное) укрѣпленіе, но это совсѣмъ не то, чтó потѣшный городокъ, начатый постройкою только съ слѣдующаго (1685) года; съ Тиммерманомъ же знакомство свелъ Петръ гораздо позднѣе, а именно въ 1688 году, и вотъ на это доказательство.

Извѣстно, что въ 1687 году, когда кн. Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, передъ отъѣздомъ съ посольствомъ во Францію и другія земли, представлялся 15-лѣтнему государю, то въ разговорѣ съ нимъ упомянулъ объ инструментѣ (астролябіи), „которымъ можно брать дистанціи или разстоянія издали, не доходя до самаго мѣста". Петръ поручилъ князю Долгорукову непремѣнно купить такой инструментъ во Франціи. „22 Февраля, стольнику князь Якову княжъ Ѳедорову сыну Долгорукову 1000 золотыхъ одинокихъ дано, а тѣ золотые посланы съ нимъ *для покупки Нѣмецкихъ узорочныхъ товаровъ* про обиходъ в. г-рей, какъ онъ посланъ на посольство во Французскую и иныя Нѣмецкія земли; приказалъ тѣ золотые отдать окольничей Т. Н. Стрѣшневъ" (Сборн., т. I, стр. 280). Кн. Долгоруковъ, разумѣется, исполнилъ порученіе; но когда, по возвращеніи въ Москву

[2]) Оп. изученія Русс. Др. и Исторіи, ч. II, стр. 187.

въ 1688 г. [3]), онъ передалъ Петру астролябію и готовальню съ циркулемъ, то не находилось человѣка, который бы научилъ его пользоваться этими инструментами. Наконецъ, докторъ Фанъ-деръ-Гульстъ, по просьбѣ любознательнаго царя, сыскалъ въ Москвѣ своего одноземца, Голандскаго купца Франца Тиммермана, который показалъ Петру употребленіе циркуля и астролябіи и съ этого времени сталъ давать ему уроки Геометріи и Фортификаціи, „почему я", говоритъ самъ Петръ, „гораздо съ охотою присталъ учиться Геометріи и Фортификаціи"... „И тако сей Францъ черезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами" [4])... Вотъ *первое* знакомство Петра съ Тиммерманомъ. Изъ этого слѣдуетъ прямой выводъ: *что̀*, по словамъ г. Забѣлина, уже *было извѣстно 12-лѣтнему Петру въ 1684 г., тому онъ только что началъ учиться въ 1688 году*. На этомъ выводѣ можно бы было и успокоиться, но онъ не совсѣмъ вѣренъ, и если г. Забѣлинъ не правъ, утверждая, что въ 1684 году Петръ уже *умѣлъ брать крѣпости по всѣмъ правиламъ осадной науки*, то не совсѣмъ правы и тѣ, которые думаютъ, будто до Тиммермана, до 1688 года, Петръ не имѣлъ понятія не только о Фортификаціи, но и о Геометріи. По крайней мѣрѣ имѣется положительное свидѣтельство, что если до 1688 г. Петръ былъ незнакомъ съ астролябіей, то *съ готовальней*, а стало быть и *съ Геометріей*, знакомъ уже былъ и пользовался геометрическими инструментами еще въ 1684 году. „23 Декабря" (одновременно съ покупкой у стольника князь Ѳедора Троекурова обезьяны за 30 р.) „къ... государю въ хоромы 2 р. 6 ал. 4 д. принялъ стольникъ Гаврило Головкинъ; а сказалъ, что деньги заплачены стольнику Василью Соковнину за *гатавальню*, которая у него взята въ хоромы" (стр. 270). Но не была ли эта готовальня комнатною принадлежностью, и не *туалетныя* ли вещицы въ ней хранились [5])? Нѣтъ. Основываясь на другихъ указаніяхъ Сборника, относящихся къ 1691 году, можно положительно сказать, что это была готовальня не туалетная, но что она заключала въ себѣ коллекцію (вѣроятно не совсѣмъ полную) инструментовъ математическихъ и принадлежностей для черченія: „Февраля 24-го потѣшный капралъ Иванъ Протасовъ принесъ въ Оружейную Палату гутовальню мѣдную, счетомъ 13 мѣстъ, а сказалъ: в. г—рь Петръ Алексѣевичъ указалъ тоё гутовальню починить и вычистить заново. И тогожъ числа та гутовальня велѣно починить и вычистить Оружейной Палатѣ часоваго дѣла мастеру Ивану Леѳеберу; а по сказкѣ его Ивановой надобно на починку тоё гутовальни, на покупку мѣди и для чищенья, на покупку всякихъ припасовъ, денегъ 13 алт. 2 д. И Февраля въ день Иванъ Леѳеберъ тоё гутовальню починя и вычистя, принесъ въ Оруж. Палату, а изъ Палаты взялъ онъ же Иванъ Протасовъ" (стр. 118). Но въ другомъ извѣстіи упоминается *вмѣстѣ о двухъ готовальняхъ*, изъ чего мы заключаемъ, что обѣ онѣ имѣли *одинаковое назначеніе*: „19 Августа (того же года) куплено половина сафьяну алаго, цѣною 16 ал. 4 д., снурку шелковаго 6 арш. по 2 д. арш.; тотъ сафьянъ и снурокъ на обшивку в. г—ря *двух готоваленъ* суконныхъ" (т. е. вѣроятно чехловъ для готоваленъ, стр. 303). Одна изъ нихъ была, конечно, та, что̀ куплена у Со-

---

[3]) М. П. Погодинъ говоритъ, что 15-го Мая (Семнадцать лѣтъ, стр. 224), но документа, на которомъ основываетъ это указаніе, не приводитъ.

[4]) Въ предисловіи къ Морскому Регламенту, приведенномъ у Устрялова, т. II, стр. 209.

[5]) Такого рода готовальни были еще при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ: „... стекло зеркальное, два гребня слоновые взяты въ государеву комнатную готовальню".. Дом. Бытъ Р. Царей, Забѣлина, прилож., стр. 222, 223.

ковнина, а другая—привезенная кн. Долгоруковымъ. Послѣдняя изъ нихъ, (готовальня мѣдная, счетомъ 13 мѣстъ), которую починивалъ Лефеберъ, безъ сомнѣнія и была Парижскаго издѣлія (судя по ея полнотѣ); а имѣя въ виду, что въ 1691 г. она потребовала капитальной починки, надобно полагать, что съ 1688-го (годъ, въ которомъ она привезена изъ Парижа) по этотъ годъ она не лежала безъ употребленія.

Полагая же почти за достовѣрное, что и Соковнинская готовальня заключала въ себѣ математическіе инструменты, а не туалетныя принадлежности и соображая время пріобрѣтенія ея съ послѣдующими извѣстіями (1685-го и слѣд. годовъ) объ огнестрѣльныхъ упражненіяхъ Петра, нельзя не придти къ заключенію, что, и до полученія готовальни изъ заграницы, Петръ имѣлъ средства, при этихъ упражненіяхъ, ознакомиться нѣсколько и съ употребленіемъ готовальни и съ Геометріей, подъ руководствомъ Зоммера. Въ этомъ иностранцѣ (замѣтимъ) Петръ пріобрѣлъ для себя *перваго руководителя* въ огнестрѣльныхъ упражненіяхъ, и съ вѣроятностью можно полагать, что послѣ полученной награды за *потѣшную гранатную и огнестрѣльную стрѣльбу* (Іюня 19-го 1684 г.) въ селѣ Преображенскомъ, онъ же, быть можетъ, указалъ Петру и на необходимость пріобрѣсти готовальню (купленную потомъ у Соковнина), для практическаго знакомства съ разными геометрическими фигурами, изученіе коихъ находилъ для него необходимымъ, особенно въ виду предстоявшаго сооруженія, по правиламъ Фортификаціи, потѣшнаго городка, и посредствомъ циркуля, транспортира и др. инструментовъ сообщилъ ему нѣкоторыя геометрическія свѣдѣнія.

Самыя вышеприведенныя слова Петра, что онъ, познакомившись съ Тиммерманомъ, „гораздо съ охотою присталъ учиться Геометріи и Фортификаціи", вовсе не значатъ, что до той поры онъ рѣшительно не имѣлъ понятія объ этихъ наукахъ, а только то, что онъ съ *бо́льшею* охотою и *съ бо́льшимъ* усердіемъ (чѣмъ прежде) сталъ заниматься ими.

Въ этомъ (1684) и слѣдующемъ годахъ набираются въ Преображенское потѣшные пушкари, которыхъ обучаетъ конечно тотъ же Зоммеръ, и невольно рождается вопросъ, не по его ли даже мысли, не по его ли внушеніямъ и указаніямъ въ слѣдующемъ году начинается постройка самого потѣшнаго городка—Пресбурга? Выше мы сказали, что 13 Февр. 1685 г. былъ *необычайный* походъ въ село Преображенское и пытались объяснить его значеніе предположеніемъ, что это вѣроятно было торжество закладки потѣшнаго городка, или освященія первыхъ его построекъ. Не выдаемъ этого предположенія за достовѣрное; но что̀ касается до иниціативы сооруженія потѣшнаго городка, то мы готовы вѣрить, что она принадлежала едвали не тому же Зоммеру, благодаря которому Петръ получилъ *первое* знакомство съ огнестрѣльными потѣхами. По указанію этого же огнестрѣльнаго мастера, быть можетъ, является у Петра и *огнестрѣльная книга,* о которой упоминается въ 1686 году [6]). Кромѣ всего этого, имѣя въ Сборникѣ положительное свидѣтельство, что въ 1691 г. Зоммеръ былъ уже подполковникомъ и за свою *огнестрѣльную работу* 2 Марта этого года снова получилъ награду... „сукно кармазинъ 5 арш.", мы смѣло можемъ утверждать, что Зоммеръ, а *не другой кто*, былъ вообще

---

[6]) Объ огнестрѣльной книгѣ сказано въ двухъ мѣстахъ Сборника. „Ноября 8 (столбцы) кружевнику Кузьмѣ Микулину за провозъ, что онъ посыланъ Іюля въ 20 день изъ походу изъ села Преображенскаго къ Москвѣ по *книгу огнестрѣльную*, 24 алтына" (стр. 75); а въ другомъ мѣстѣ (расход. книги, стр. 279) сказано тоже, но число обозначено 2, вмѣсто 20-го, а денегъ за провозъ показано только 4, а не 24 алтына.

руководителемъ въ воинскихъ, и преимущественно въ огнестрѣльныхъ, упражненіяхъ, не только Петра, но и его потѣшныхъ пушкарей, въ первое время, т. е. по крайней мѣрѣ до 1691 года.

Что̀ касается до Франца Тиммермана, то въ Сборникѣ не встрѣчается ни одного указанія на ту роль, какая обыкновенно дается ему изслѣдователями и едва ли не въ преувеличенныхъ размѣрахъ, а именно на роль *наставника* Петра. Да и самъ Петръ свои отношенія къ Тиммерману выражаетъ только словами: „и тако... сей Францъ сталъ при дворѣ быть *безпрестанно* и *въ компаніяхъ съ нами*", изъ которыхъ никакъ нельзя дѣлать вывода объ оффиціальномъ положеніи его при Петрѣ, въ качествѣ учителя. Слово „безпрестанно" употреблено здѣсь гиперболически: далѣе увидимъ, что Тиммерманъ употреблялся на разныя посылки, и даже по временамъ, какъ будто, пропадалъ безъ вѣсти...

Въ Сборникѣ нашемъ, Тиммерманъ является прежде всего торговцемъ или вѣрнѣе поставщикомъ для Петра самыхъ разнородныхъ предметовъ, точно также какъ наприм. переводчикъ Крефтъ или Креветъ (у котораго въ 1690 году куплены государемъ, между прочимъ, „часы *зепные*, т. е. карманные, ковчежецъ серебряной", за 10 рублей), Бутенантъ и др. иностранцы. Въ 1689 году Декабря 1-го, по указу... „купленъ у Тиммермана столъ каменный, цѣною 25 рубл., а тотъ столъ къ в. г-рю (Петру) въ хоромы". На оборотѣ столбца написано: „по сему в. г-рей указу, за столъ 25 р. иноземецъ Францко Тиммерманъ взялъ и расписался" (стр 102). Въ 1690 году 28 Февраля у него же куплена пара пистолей за 12 р., принялъ постельничей Гаврило Ив. Головкинъ, въ походѣ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ (стр. 107). 18 Сентября даны Тиммерману 10 р. на дорогу для какой-то посылки (стр. 292). 22 Сентября для Вологодской посылки на прогоны отъ Москвы до Вологды и назадъ до Москвы на 7-мь ямскихъ подводъ по 1 р. 8 ал. 2 д. на подводу, и того 8 р. 27 ал. 31 Августа 1691 г. 6 р. 13 ал. 2 д. дано ему за товары, которые взяты у него на потѣшный дворъ (стр. 302). Въ 1692 г., при постройкѣ флотиліи въ Переяславлѣ, Тиммерманъ титулуется *„корабельнаго дѣла мастеромъ"*. 28-го Октября, велѣно изготовить въ Переславль къ корабельному дѣлу къ строенью дву кораблей разные запасы, и „отдать тѣ запасы корабельнаго дѣла мастеру, инженеру Францу Тиммерману" (стр. 381). По росписямъ *за рукою Тиммермана* покупаются и изготовляются къ корабельному дѣлу разные строительные матеріалы, дубовые стулья, дубины, доски и проч. (стр. 381), 12 стульевъ ясеневыхъ, 8 насосовъ деревянныхъ (стр. 385), и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опять употребляется на разныя посылки въ 1694 г., то до Переславля, то до Верховажья (стр. 386). Мая 1693 года Тиммерману поручено было сдѣлать какое-то необъясненное въ документѣ государево дѣло: „Государь Петръ Алексѣевичь указалъ взять въ Оружейную Палату къ своимъ в-го г-ря дѣламъ, на потѣшный дворъ, 50 золотыхъ, да слюды доброй 30 фун., да на покупку красокъ денегъ 25 р., и отдать тѣ золотые и слюду и деньги иноземцу Францу Тиммерману....; и тѣ 50 злотыхъ, 30 фунт. слюды, 25 р. денегъ отданы съ роспискою иноземцу Францу Тиммерману" (стр. 137). 1-го Іюня дано ему же Тиммерману 46 р. 20 алт. на покупку кружевъ (стр. 138). Въ Октябрѣ того же года, по указу в. государей, изъ конюшеннаго приказу въ Оружейную Палату поступаетъ довольно странный запросъ: „отписать, *размѣрнаго дѣла мастеръ Францъ Тиммерманъ* да часоваго дѣла мастеръ Иванъ Ганъ *нынѣ въ лицахъ ли?"*. Изъ Оружейной палаты отписано: „изъ тѣхъ иноземцовъ в-ихъ г-рей у дѣлъ часоваго дѣла Иванъ Ганъ, и нынѣ онъ въ лицахъ; а *размѣрнаго Францъ Тиммерманъ* въ Оружейной Палатѣ не вѣдомъ, и нынѣ онъ въ лицахъ ли, того не вѣдоможъ" (стр. 139).

Въ 1696 г. Тиммерману поручается ближайшій надзоръ за судостроеніемъ, которое съ этого года началось въ огромныхъ размѣрахъ, для Азовскаго флота. „30 Сентября, по указу в-го г-ря и по письму изъ Преображенскаго *за рукою Франца Тиммермана*, на дачу его в-го го-ря жалованья парусныемъ мастеромъ: сукна кармазину 10 арш., косякъ камки лудану отпущено" (стр. 331).

*

Характеръ войнскихъ потѣхъ Петра особенно ярко обрисовался въ устройствѣ потѣшнаго городка въ селѣ Преображенскомъ и въ сформированіи его первыхъ потѣшныхъ полковъ. Послѣдствія показали, какое серьезное значеніе имѣли эти затѣи Петра, въ сущности нисколько не похожія на обыкновенныя дѣтскія.

Свѣдѣнія о постройкахъ, произведенныхъ въ Преображенскомъ, начинаются съ 1685 и оканчиваются 1694 годомъ.

Потѣшный городокъ сперва состоялъ изъ двухъ избушекъ, и въ нѣсколько лѣтъ эти избушки обстроились такъ, что первоначальный потѣшный городокъ превратился по немногу въ городъ, даже въ „столицу преобразованія", по выраженію г. Забѣлина [7]) и въ резиденцію государя. Въ выпискахъ, заимствованныхъ изъ разныхъ расходныхъ книгъ, Сборникъ представляетъ сухой перечень матеріаловъ, употребленныхъ на постройки; но эти выписки такъ подробны и такъ хорошо сгруппированы (въ хронологическомъ порядкѣ), что даютъ читателю возможность представить себѣ полную картину произведенныхъ здѣсь работъ и построекъ, сооруженныхъ на сушѣ и на водѣ.

Одновременно съ устройствомъ двухъ избушекъ въ селѣ Преображенскомъ, въ Лосинной и Лябяжьей рощѣ, дѣлаются переѣзжіе мосты, а на Яузу въ Лебяжьей рощѣ наводится живой мостъ. Въ слѣдующемъ (1686) году начинается укрѣпленіе потѣшнаго городка. Около избушекъ строится *часовая башня*; на рѣкѣ Яузѣ являются *плоучіе мосты*, потѣшныя суда, *большой стругъ и шнякъ*; у самаго потѣшнаго городка возводится *дерновая* башня, и на ней *связи гдѣ стоять пушкамъ*. Кромѣ плоучихъ мостовъ черезъ рѣку Яузу, къ потѣшной конюшнѣ насыпаются *тарасы* (террасы) *для ѣзды каретъ и рыдвановъ*, и устраиваются отъ съѣзда государевыхъ потѣшныхъ хоромъ мостъ (мостовая) къ нижней Лебяжьей рѣшеткѣ, по обѣ стороны, и переѣзжій мостъ, что̀ на болотинѣ. Въ 1687 году въ потѣшной башнѣ устроивается *другое и третье жилье*, кроются избы и сѣни на дворѣ, *гдѣ ставится въ пришествіе в—хъ г—рей кравчій князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ*, а также *избы и сѣни и навѣсы, гдѣ ставятся капитаны.....* Около городка возводятся плотины, а на запасномъ дворѣ додѣлывается теплая *конюшня*; денники кроются лубьями Москворѣцкими. Къ гранатному дѣлу употребляется 15 досокъ липовыхъ Москворѣцкихъ 2-хъ саженъ, 5 досокъ сосновыхъ полуторныхъ, да 50 кленинъ. Подъ (*надъ?*) *передними вороты, гдѣ быть часамъ*, дѣлается обшивка, изъ 8 теснинъ красныхъ 3-хъ саженъ. На заднихъ воротахъ, гдѣ быть *набатному колоколу*, строится *часовня*; *чердакъ и шатеръ* обвязываются 3-хъ-саженными брусьями; изъ такихъ же брусьевъ дѣлаются *стойки* и *тетивы*. На дѣло *часоваго круга* назначается 20 досокъ полуторныхъ сосновыхъ.

Въ Іюлѣ, Августѣ и Сентябрѣ этого же года устроиваются *пушечные станки*; строится *дворъ, гдѣ стоять въ пришествіи в-ихъ г-рей спальникамъ* Льву, Мартемьяну да Ѳедору Кириловымъ дѣтямъ Нарышкинымъ. Въ Де-

---

[7]) О Преображенскѣ и его историческомъ значеніи см. Опыты изуч. Р. Др. и Исторіи, часть II, стр. 186—193 О происхожденіи Преображенскаго полка см. Семнадцать лѣтъ, изсл., стр. 149—181.

кабрѣ, въ потѣшный городокъ доставляется пять *замковъ Нѣмецкихъ* большихъ, столько же среднихъ, 3 молотка, 3 шила, да на потѣшную конюшню на *пушки* и на *пушечные станки* на крышку 30 рогожъ цѣновокъ.

31-го Декабря велѣно доставить въ село Преображенское, для прикормки въ рощахъ волковъ, *лошадинаго мясища* на 8 алт. 2 деньги. Въ 1688 году на *часы* что у переднихъ воротъ, на гири 40 сажень веревокъ посконныхъ, 3 фун. масла деревяннаго, проволоки... На дѣло *шнуговъ* и *корбузовъ, цѣпей* и *пробоевъ* и *скобъ* велѣно купить... 6 п. желѣза Свицкаго, да 6-ть возовъ уголья березоваго...; на избы 3 сруба сосновыхъ со всякими избными нарядами.... Въ Лосинную рощу, въ *полотняной городокъ*, въ *чердакъ* и въ *свѣтлицы*, на прибавку моста и на рундуки 25 досокъ половыхъ 3-хъ саженныхъ и 26-ть бревенъ; на потѣшную конюшню на крышку *сарая, гдѣ ставятся пушки*, 1000 драни Москворѣцкихъ 3-хъ сажень; *на стрѣлецкіе караульни* что за рѣкою Яузою, у воротъ, у потѣшной конюшни, 500 тесинъ кровельныхъ. На двѣ *избушки приказныя*, гдѣ ставятся подъячіе и трубники, 1600 драни Москворѣцкой. Въ Сентябрѣ того же года, въ Лосинной рощѣ, *въ новомъ полотняномъ городкѣ* кроется сарай, *гдѣ ставятъ пушки*. На Лебяжьемъ дворѣ ставится для старыхъ лебедей 4 анбара, да для молодыхъ 2 анбара, да еще 2 избы съ нутрами и съ сѣньми...

Въ 1689 году Мая 13, въ селѣ Преображенскомъ за рѣкою Яузою „гдѣ быть государеву съѣзжему двору", ставится изба съ нутромъ и съ сѣньми, да анбаръ елевой. Въ березовой рощѣ при потѣшной конюшнѣ для *потѣшныхъ конюховъ* строятся 2 избы съ нарядомъ. Въ село Преображенское *на подкопную бочку* употребляется 40 брусовъ двусаженныхъ....; *къ кораблю*—40 досокъ разныхъ мѣръ; *къ рыбной ловлѣ* купленъ неводъ длины 35 сажень, бредень 5 сажень съ рукавами и съ веревками, и со всею снастью, и съ каменьемъ, и съ наплавками....; *къ копанью рвовъ*, на обрубъ, да къ *чисткѣ желѣзной пушки* покупается 2 лома, 5 заступовъ, 2 веревокъ лычныхъ, 5 лопатъ, 4 ветошки (дано 4 деньги), 5 кирокъ. *Къ дѣлу корабля* доставляется еще 10 досокъ полуторныхъ, самыхъ добрыхъ, широкихъ, толстыхъ и гладкихъ... 110 тѣснинъ красныхъ самыхъ добрыхъ. Строился этотъ *корабль*, вѣроятно, подъ наблюденіемъ Тиммермана, размѣрнаго дѣла мастера или инженера, какъ онъ назывался потомъ въ документахъ, относящихся къ постройкѣ Переяславской флотиліи; работы производились *Русскими* кузнецами и плотниками. Въ Октябрѣ этого года в-имъ г-рямъ били челомъ кузнецъ Адашка Ефимовъ да плотники Игнашка Денисовъ съ товарищи, 7 человѣкъ: „Работали мы холопи ваши въ селѣ Преображенскомъ у *потѣшнаго корабля* и, будучи у того дѣла, платьишкомъ ободрались и обувью обносились, оскудали и одолжали. Милосердые в-іе г-ри..., пожалуйте насъ холопей своихъ, за нашу многую работишку и для нашей великія скудости, своимъ государскимъ жалованьемъ, суконами, какъ вамъ в-имъ г-рямъ объ насъ Господь Богъ извѣститъ. В-іе г-ри смилуйтесь". Дано имъ по сукну Англійскому (стр. 95).

Въ Октябрѣ, въ потѣшномъ городкѣ, въ свѣтлицѣ и въ караульной избѣ вставляются слюденныя окончины; строятся *башня* для храненія пороховой казны и мостъ отъ потѣшнаго города къ горѣ.

Въ 1691 году въ село Преображенское *къ строенью мишени* куплено у патріарша крестьянина Андрея Меншикова 3 бревна 6 саж., 90 лубовъ Москворѣцкихъ... Декабря 12-го того же года доставлено въ село Преображенское на рѣку Яузу, на гору, къ съѣзжей избѣ, на дѣло осмиугольной *ганки (балконъ)* 50 бревенъ; да 12 Генваря 1692 года въ прибавку къ нимъ на дѣло той же *ганки* еще 40 бревенъ.... Къ 29 Маія этого же года велѣно купить опять *на строенье мишени* 100 лубовъ; на

столбы и на рѣшетины 18 бревенъ 6-ти и 3-хъ саженяхъ, 150 гвоздей прибойныхъ, 300 двоетесныхъ, 3 фунта мелу. Іюля 24-го къ *ракетному* дѣлу *на хвосты* 30 тесницъ елевыхъ...., а 28-го снова *на дѣло мишени* 100 лубовъ Москворѣцкихъ, на пришивку 300 гвоздей двоетесныхъ.... Мишени и ракеты изготовлялись, вѣроятно, для гранатныхъ и огнестрѣльныхъ потѣхъ по случаю дней рожденія (30 Мая) и тезоименитства (29 Іюня) государева.

Въ этомъ и слѣдующемъ году построены *новые государскіе хоромы,* за рѣкою Яузою, въ томъ же селѣ Преображенскомъ. Въ Сентябрѣ 1692 года въ эти государскіе *новые хоромы*, въ три свѣтлицы, куплены *образцы* (изразцы) на три печи круглыя ценинныя и др. принадлежности. 20-го въ *можжеры* (мортиры) на дѣло *ядеръ* велѣно купить 30 липинъ облыхъ, гладкихъ.

Въ 1693 году, въ началѣ Іюня, на *банники къ пушкамъ* доставлено 30 овчинъ дѣланыхъ добрыхъ; 11-го къ *корабельному дѣлу*, къ *прапорамъ* и для иныхъ дѣлъ веревокъ посконныхъ тонкихъ на 3 алт. на 2 ден. 24-го опять *на банники* и на *набойники къ пушкамъ* 40 шестовъ елевыхъ 3-хъ саж. прямыхъ, да *на мишень* 3 бревна... 26-го для *опайки пушечныхъ насыпокъ 1 фун.* сала медвѣжьяго, 1 фун. нашатырю, молотокъ желѣзный. Всѣ эти приготовленія дѣлались опять, очевидно, для торжественнаго празднованія тезоименитства государя. Въ 1694 г. Января 18-го, въ село Преображенское, *на новую съѣзжую избу*, на верхній чердакъ, „въ чемъ поставить *прапоръ*,“ дерево сосновое красное, полу-третьи саж., толщины 10 верш., и просверлить напарьею до половины, да надъ передней рундукъ на чердакѣ, въ чемъ поставить *прапоръ*, дерево просверлено въ $^{1}/_{2}$ арш.; 25 Февраля къ строенью *новой съѣзжей избы* къ верхнему чердаку, гдѣ стоять прапору, на обвязку 8 связей желѣза Свицкаго......, да на обвязку жъ *короны и пропора* и на *веретено* и *на полашъ*, на чемъ быть *прапору и коронѣ*, къ прежнему въ прибавку, 6 п. желѣза Свицкаго, самаго мягкаго, 20 четвертей уголья и..... 28-го на всякія рѣзныя и токарныя дѣла, чѣмъ расписывать, и на крышку кровли красныхъ красокъ...., 400 листовъ мѣди битой, чѣмъ золотить *корону*, 5 фунт. гульфарбы, ведро олифы.... и пр.

Утвержденіемъ прапора и короны надъ новою съѣзжей избою оканчиваются (по нашему Сборнику) постройки въ потѣшномъ городкѣ.

*

Среди кипучей дѣятельности, которой требовало отъ Петра устройство потѣшнаго городка, потѣшныхъ флотилій на Москвѣ-рѣкѣ, на Яузѣ и въ Переславлѣ, и особенно обученіе потѣшныхъ, число которымъ возрасло до того, что въ 1692 г. были уже два полка, Преображенскій и Семеновскій, онъ находилъ время не только для исполненія обрядовъ религіи, но и для чтенія книгъ церковныхъ.

Въ 1691 года Іюля 25-го въ селѣ Преображенскомъ, Августа къ 1-му числу, велѣно „поставить *Ердань* и великихъ государей мѣсто. И для осмотру тоѣ Ердани и мѣста въ селѣ Преображенскомъ посланы живописцы Лука Смольяниновъ, да съ нимъ же два человѣка разныхъ мастеровъ; а на провозъ имъ до Преображенскаго и назадъ до Москвы дано 3 алт. 2 деньги“. 29 Іюля, въ походъ въ село Преображенское, приказалъ постельничей Гаврило Ивановичь Головкинъ прислать *Минею Августъ мѣсяцъ* (стр. 120); а 20-го Августа куплена и подана въ хоромы книга *Уставъ церковный* (стр. 124).

Въ слѣдующемъ (1692) году Петръ очень обрадованъ былъ полученіемъ присланныхъ изъ Архангельска заграничныхъ *маѳематійскихъ орудій* (какихъ именно, не означено), *двухъ глобусовъ,* органовъ большихъ, оружія и др. вещей, купленныхъ Андреемъ Крефтомъ и доставленныхъ на потѣшный дворъ (стр. 133—135).

*

Преображенцы назывались то потѣшными конюхами, то потѣшными пушкарями, безразлично. Названія это остаются за ними и въ 1691 и

даже въ 1692 г. Но уже и подъ 1691 годомъ есть указаніе, что изъ нихъ сформированъ былъ и существовалъ на дѣлѣ Преображенскій полкъ [8]). „Ноября 15 дано изъ Мастерскія Палаты *Преображенскаго потѣшнаго полку* барабанщику Петру Доброму жалованье, въ приказъ денегъ 10 р.“ (стр. 124). Кто же былъ *первымъ* полковникомъ этого полка?

Первымъ полковникомъ Преображенскаго полка называютъ Юрія фонъ-Менгдена, или *Фамендина* (какъ обыкновенно обозначали его фамилію въ то время на словахъ и на письмѣ), служившаго прежде внѣ Москвы, подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева. Но Фамендинъ назначенъ былъ на этотъ постъ въ 1692 г.; а такъ какъ самый полкъ существовалъ ранѣе этого года, то предполагается, что и до Фамендина было назначено лицо, завѣдывавшее полкомъ, въ качествѣ полковника. Судя по нѣкоторымъ намекамъ, встрѣчающимся въ Сборникѣ, можно думать, что *Левенфельдтъ*, если не былъ оффиціально объявленъ полковникомъ, то въ этомъ чинѣ былъ прикомандированъ къ Преображенскому полку и, быть можетъ, имъ завѣдывалъ. *Нововыѣзжій полковникъ* Христофоръ Левенфельдтъ, прибывъ изъ Цесарскія земли въ Москву 24 Августа 1691 г., получилъ 40 соболей, цѣною въ 120 рубл. „за *перевязь*, которою онъ челомъ ударилъ в—му г—рю“ (стр. 291). За тѣмъ въ Ноябрѣ (27) дано ему денегъ 200 р.; въ Мартѣ слѣдующаго 1692 г. ему же, „за *выѣздъ*, даны кубокъ серебрянъ золоченъ, вѣсу фунтъ 91 зол., бархату 10 арш., сукна кармазину 5 арш; а 4-го Іюля того же года, и опять *за выѣздъ*, данъ еще кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, вѣсу 3 ф. Трудно допустить, чтобы Петръ давалъ всѣ эти награды Левенфельдту единственно *за выѣздъ*, и больше ни за что ни про что: Петръ не былъ на столько расточителенъ, чтобъ награждать кого бы то ни было даромъ; у него награждались заслуги, а не лица. И такъ мы полагаемъ, что полковникъ Левенфельдтъ служилъ, и именно въ потѣшномъ Преображенскомъ полку, гдѣ первоначально почти всѣ безъ исключенія начальные люди были изъ иностранцевъ; служилъ также какъ напрнм. *Чамберсъ*, титулующійся въ 1690 году *полковникомъ что у потѣшныхъ конюховъ* (стр. 285), а въ 1692 г. являющійся полковникомъ (вторымъ) Семеновскаго полка. Къ этому заключенію приводятъ насъ документальныя указанія на то, что государево жалованье Левенфельдту выдавалось *одновременно съ другими Преображенцами*.

*

Любопытно, что среди важныхъ и серьёзныхъ занятій, которымъ предавался Петръ во все это время въ своемъ Преображенскомъ, онъ не забывалъ и о своихъ попугаяхъ. Іюля 6-го велѣно „купить и послать въ походъ въ село Преображенское 2 вѣшки мѣдныхъ или желѣзныхъ малыхъ, по которымъ подымать и опускать *клѣтки съ попугаеми*; а буде купить не сыщется, и вмѣсто ихъ прислать кольцо съ веретеномъ вверткое..., а вѣшки подрядить сдѣлать нарочно“. „Дѣлу время и потѣхѣ часъ“, завѣтное словцо царя Алексѣя Михайловича, какъ видно, служило руководительнымъ началомъ жизни всей дѣятельности и его великаго сына. Петръ вообще любилъ *потѣшаться*, и потѣхи его шли безпрерывно, можно сказать, во все продолженіе его жизни, на ряду съ великими дѣяніями. Отъ обыкновенныхъ дѣтскихъ потѣхъ перешелъ онъ къ потѣхамъ

---

[8]) М. П. Погодинъ, ссылаясь на отзывъ кн. М. М. Голицына, полагаетъ, что въ 1687 г. былъ уже и Семеновскій полкъ; но это, конечно, надобно понимать именно только въ *смыслѣ географическомъ*, какъ выражается авторъ, т. е. по мѣсту жительства (за невозможностью помѣститься въ Преображенскомъ). Потѣшныхъ въ селѣ Семеновскомъ въ этомъ году было еще очень незначительное число (См. Семн. лѣтъ, стр. 166, 167).

гранатнымъ и огнестрѣльнымъ, къ потѣхамъ воинскимъ на сушѣ и на водѣ; одѣвался самъ и одѣвалъ другихъ въ потѣшные кафтаны; даже сержантскіе его кафтаны, строго говоря, имѣли смыслъ тѣхъ же потѣшныхъ. Петръ потѣшался имъ же самимъ придуманнымъ шутѣйшимъ соборомъ, гдѣ предсѣдательствовалъ въ потѣшной рясѣ князь-папа, маститый педагогъ Петра, Никита Моисеевичь Зотовъ....

Точно также *для потѣхи* строился и потѣшный городокъ; *для потѣхи* собирались полки въ Преображенскомъ и Семеновскомъ, принявшіе потомъ и видъ и размѣры столь широкіе и уже совсѣмъ не потѣшные. Кто знаетъ, не доставлялъ ли, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, потѣхи Петру и тотъ самый фактъ, что онъ рядилъ своихъ упрямыхъ подданныхъ, на перекоръ ихъ желаніямъ, вѣрованіямъ, на перекоръ всему, въ эти ненавистные для нихъ *шутовскіе* Нѣмецкіе кафтаны? А также бритье бородъ не было ли сперва только *потѣхою* для Петра, точно также какъ, конечно для потѣхи, а не для чего другаго, *выбрита* была, въ 1724 году, у Марціальныхъ водъ, *половина бороды* у мужика, которому дано за эту потѣху 10 алтынъ (стр. 173, т. II.).

Изъ Сборника узнаемъ, что въ 1692 г. на потѣшномъ дворѣ въ селѣ Преображенскомъ бывали еще *потѣхи* совершенно *въ древнемъ Русскомъ вкусѣ*, напоминавшія собою вѣкъ Грознаго и даже болѣе отдаленныя времена. Г. Забѣлинъ, говоря о *дуракахъ и шутахъ*, составлявшихъ необходимую принадлежность до-Петровской придворной жизни, замѣчаетъ, что и Петръ, „какъ родной сынъ и прямой наслѣдникъ XVII столѣтія“, не могъ обойтись безъ шутовъ, тѣмъ болѣе, что „шуты и всякое шутовство ему очень были нужны, не столько по домашнимъ, сколько по политическимъ причинамъ. Съ ними вмѣстѣ онъ велъ борьбу съ старымъ порядкомъ жизни, публично его осмѣивалъ, составлялъ на него цѣлые сатирическіе спектакли“ [9]). Конечно, Петръ въ этомъ отношеніи пошелъ дальше своихъ предковъ, придавая смыслъ вещамъ повидимому лишеннымъ смысла; но случалось, что и онъ потѣшался просто для одной потѣхи, не мудрствуя лукаво, по старинѣ.... На потѣшномъ дворѣ дуракъ убилъ одного солдата да одного конюха. Изъ документовъ не видно, какъ и почему совершены были дуракомъ эти убійства; но надо полагать, что они сдѣланы *одновременно*. „Февраля 1-го, по указу в—ихъ г—рей, дано изъ Мастерскія Палаты, Петрова полку Гордона, солдату Андрею Иванову на погребеніе того жъ полку солдата Тимофѣя Иванова, котораго *убилъ до смерти* на потѣшномъ дворѣ дуракъ, 10 рублевъ“. Того же дня потѣшному конюху Ивану Небогатому дано также 10 рубл., тоже на погребеніе потѣшнаго же конюха Петра Осипова, котораго убилъ на потѣшномъ дворѣ дуракъ, вѣроятно тотъ же самый (стр. 128).

Извѣстно, что въ 1645 году царицынъ сѣнной сторожъ Микулка Остафьевъ *тѣшилъ* государя (Михаила Ѳеодоровича) и царевича (Алексѣя Михайловича), *бился съ дуракомъ Исаемъ,* за что по приказу царевича ему выдано 4 арш. сукна въ 2 рубля [10]).

Сопоставляя этотъ фактъ съ извѣстіемъ Сборника объ убійствахъ, совершенныхъ тоже *дуракомъ* на потѣшномъ дворѣ царя Петра Алексѣевича, надобно полагать, что и при немъ въ 1692 г. происходили здѣсь подобныя же *боевыя* потѣхи, какъ и въ „доброе старое время“ и что Петръ въ этомъ отношеніи былъ дѣйствительно „сыномъ и наслѣдникомъ своего вѣка“, и еслибъ солдатъ Ивановъ и потѣшный конюхъ Осиповъ не были убиты, то конечно и они также получили бы государево жалованье.

---

[9]) Домашній Бытъ Рус. Царицъ, стр. 416—419.

[10]) Домашній Бытъ Рус. Царицъ, стр. 472.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ умѣ каждаго изъ насъ выдаются рѣзко, изъ темныхъ воспоминаній первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, нѣкоторыя отдѣльныя происшествія, какъ предметы, освѣщенные яркимъ лучемъ среди пространства покрытаго туманомъ. Такъ, я помню ясно, какъ я, пятилѣтняя, разъ утромъ, входя въ столовую отцовскаго дома, была поражена необыкновеннымъ видомъ этой комнаты. Въ ней стояли чемоданы, вокругъ которыхъ суетилась прислуга. Мнѣ сказали, что мы тотчасъ же уѣдемъ изъ Москвы. Я спросила: зачѣмъ?—Идутъ непріятели.—Какіе непріятели?—Французы.—Этотъ день былъ 27-го Августа 1812 года.—Мать моя была сильно встревожена, и я помню, какъ отецъ старался ее успокоить и увѣрялъ, что она, по возвращеніи, все найдетъ въ цѣлости въ домѣ. Между тѣмъ болѣе и болѣе спѣшили укладываться, кое-какъ. На дворѣ стояли ямщики и съ каждымъ часомъ возвышали цѣну за своихъ лошадей. Мимо оконъ на улицѣ тянулся къ заставѣ безконечный рядъ каретъ и повозокъ: всякій ѣхалъ изъ Москвы какъ могъ; иные даже на дрожкахъ въ одну лошаденку.—Поѣхали и мы: мать съ трехлѣтней сестрой моей и съ горничной въ каретѣ, отецъ со мной въ коласкѣ. Ѣхали мы въ Ярославль, гдѣ мой отецъ имѣлъ много знакомыхъ и пріятелей, проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ до женитьбы своей, а потомъ еще два года съ молодою женой. Потомъ онъ съ ней и со мной, годовымъ ребенкомъ, переселился въ Москву, изъ которой, только что устроившись, приходилось теперь удалиться.

На дорогѣ, особенно когда мы останавливались на станціяхъ, мать мнѣ повторяла: „Не говори пофранцузски“, когда я, по обыкновенію, принималась болтать на этомъ языкѣ. Я не понимала, почему мнѣ не говорить пофранцузски; но оно въ самомъ дѣлѣ было опасно въ присутствіи простаго народа.—Мнѣ тоже казалось страннымъ дѣломъ, что мы бѣжали отъ непріятелей, которыхъ не видать было и въ дали, сколько разъ я ни оглядывалась назадъ, сидя въ коляскѣ.

Такъ мы доѣхали до Ростова. Помнится мнѣ, какъ, прибывъ туда, отецъ и мать долго толковали вмѣстѣ, слѣдствіемъ чего было, что отецъ отправился обратно въ Москву, оставивъ въ Ростовѣ семейство, къ которому обѣщалъ возвратиться черезъ два дня. Безпокойство матери моей въ теченіи этого времени было такъ сильно, что оно дѣйствовало даже на мой безпечный пятилѣтній умъ. Часто, просыпаясь ночью, я не двигаясь глядѣла, какъ она, при тускломъ мерцаніи нагорѣвшей свѣчки, ходила безъ устали взадъ и впередъ въ маленькой комнатѣ, которую мы заняли. Такъ прошли сутки, другіе и третьи. Насталъ уже четвертый день, какъ вдругъ хозяйка гостинницы бросилась къ намъ въ комнату, крича: „горимъ! домъ горитъ“! Къ счастію оно было не совсѣмъ такъ;

выкинуло изъ трубы; и въ эту самую минуту испуга и суматохи пріѣхалъ отецъ. Изо всего что̀ было оставлено въ Московскомъ его домѣ онъ спасти и вывезти не могъ ничего, и съ трудомъ самъ выбрался изъ города.

Въ тотъ же день мы отправились въ Ярославль, гдѣ расположились покуда, какъ и многіе другіе Москвичи, въ ожиданіи событій, не зная, не придется ли ѣхать еще далѣе, не надо ли будетъ переправиться черезъ Волгу.

Всѣ квартиры въ городѣ уже очень вздорожали, и добыть даже тѣсную было трудно. Пріятели отца моего нашли однако для насъ двѣ комнаты, которыя мы поспѣшили занять. Мнѣ онѣ очень понравились; въ одной изъ нихъ висѣли на стѣнахъ картинки, вѣроятно чрезвычайно дурныя, которыя меня поразили какъ великолѣпное украшеніе. Странно, что, помня много неважныхъ обстоятельствъ моего тогдашняго пребыванія въ родинѣ моей и много незначительныхъ предметовъ, я вовсе не помню предмета самаго прекраснаго и величественнаго — Волги. Остальную часть дома, гдѣ мы помѣстились, занимала также пріѣхавшая изъ Москвы старая графиня Строгонова, бабушка жены графа Сергѣя Григорьевича Строгонова. Общее бѣдствіе сближало людей: сосѣдъ заботился о сосѣдѣ; Московскіе бѣглецы въ особенности встрѣчали другъ друга какъ сродники. Узнавъ о нашемъ прибытіи въ домъ, графиня тотчасъ познакомилась и вскорѣ вступила въ дружескія отношенія съ моими родителями.

Эту современницу Екатерины II я помню тѣмъ яснѣе, что видала ее часто еще и въ теченіи всего слѣдующаго года. Когда я въ первый разъ вошла къ ней съ матерью, я очень удивилась. На большой шелковой постели сидѣла, поддержанная подушками, маленькая, скорченная, нарядная старушка; изъ кружевнаго чепца ея, украшеннаго лентами яркаго цвѣта, выдавалось изсохлое до крайности, чрезвычайно живое лице. Графиня была уже много лѣтъ въ параличѣ и почти вовсе не могла двигаться; но умъ ея сохранилъ всѣ свои способности. Она говорила много и съ живостью, любила упоминать о своемъ пребываніи въ Парижѣ, прежде революціи, и съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала, какъ она посѣтила Вольтера въ Ферне, и какъ онъ, уже больной, возвратившись, во время ея пріѣзда къ нему, съ небольшой прогулки, послѣ долгаго заключенія въ дому, встрѣтилъ ее словами:—„Ah! Madame, quel beau jour pour moi: j'ai vu le soleil et vous!“ *)

Само собою разумѣется, что мои воспоминанія этаго грознаго и славнаго двѣнадцатаго года дополнены многимъ разсказаннымъ мнѣ гораздо позднѣе, и что я видѣла и понимала только самую малую часть того, что̀ тогда творилось и говорилось вокругъ меня; но я внимательно слушала, постигая, что рѣчь шла о какихъ-то дико-

---

*) Ахъ милостивая государыня! Какой прекрасный для меня день: я видѣлъ солнце и васъ.

венныхъ событіяхъ. Я старалась присутствовать, сколько могла, при разговорахъ *большихъ*, и мнѣ было очень досадно, что меня клали спать, когда отецъ и мать уходили къ графинѣ провести у ней остальной вечеръ. Имя Наполеона, которое я безпрестанно слышала, означало для меня человѣка, совершающаго дѣло въ высшей степени несправедливое, и я просила, чтобы меня пустили къ нему, въ твердомъ убѣжденіи, что сумѣла бы усовѣстить его и уговорить отправиться назадъ, во свояси.

У графини Строгоновой собиралось обыкновенно много пріѣзжихъ изъ Москвы; всякій разсказывалъ, что̀ узналъ новаго; толковали о полученныхъ извѣстіяхъ и о разныхъ слухахъ. Это общество было, разумѣется, составлено изъ людей comme il faut, и большею частью аристократовъ. Странное должно оно было производить впечатлѣніе, когда оно, съ Французскимъ своимъ образованіемъ, съ Французскими пріемами, на Французскомъ языкѣ бранило Французовъ.

Всѣ эти жители Москвы уѣхали изъ нея, опасаясь неминуемаго безпорядка, но ничего другаго не предвидѣли. Одинъ наивный Нѣмецкій ученый разсказывалъ въ послѣдствіи, что передъ отъѣздомъ онъ библіотеку свою тщательно уложилъ въ ящики и на каждомъ написалъ четкими буквами: „Эти книги принадлежатъ профессору Гофману,“ бывъ твердо увѣренъ, что, видя эту надпись, всякій, съ должнымъ уваженіемъ къ наукѣ, оставитъ ихъ въ цѣлости.—Осторожныя барыни, заперевъ накрѣпко свой Московскій домъ и взявъ съ собою ключи, были совершенно спокойны на счетъ своего тамъ оставленнаго имущества. Одинъ господинъ принялъ туже мѣру для сохраненія прекрасныхъ оранжерей въ своей подмосковной: онъ заперъ ихъ собственноручно и ключи увезъ съ собою. Вѣсть о пожарѣ Москвы грянула какъ громовой ударъ. Хорошо было Пушкину, лѣтъ двѣнадцать позднѣе, воскликнуть съ энтузіазмомъ поэта: „Пылай, великая Москва!“; но когда она пылала, то, сколько я знаю, общее чувство было вовсе не восторженное. Всѣми овладѣло какое-то странное изумленіе. Все что̀ сбывалось носило характеръ неправдоподобной сказки; дѣйствительный міръ становился фантастическимъ, границы возможности исчезали.

Отъ одного стараго очевидца тогдашнихъ происшествій я, будучи уже замужемъ, слышала разсказъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ эпизода, который совершился на Тверской площади, нѣсколько часовъ до вступленія Французовъ въ Драгомиловскую заставу. Этотъ фактъ, можетъ быть не всѣмъ извѣстный, былъ мнѣ разсказанъ слѣдующимъ образомъ *).

---

*) Читатели Русскаго Архива знаютъ невѣрность ниже приводимаго разсказа. Верещагинъ былъ приговоренъ *Сенатомъ* къ каторжной работѣ. Графъ Ростопчинъ не думалъ скрываться отъ народа; да было и некуда: домъ его выходилъ на двѣ улицы. Онъ просто поѣхалъ къ Яузскому мосту, черезъ который переходили войска. Несомнѣнно, что враги графа Ростопчина, и особенно въ высшихъ сферахъ, не пощаженныхъ его острословіемъ и высокимъ умомъ, постарались придать особенное значеніе гибели Верещагина—случайной жертвы тѣхъ страшныхъ дней, когда юридическая правда становится невозможною. *П. Б.*

Когда народъ Московскій, успокоенный прокламаціями графа Ростопчина, которыя постоянно твердили о безсиліи и скоромъ уничтоженіи арміи Наполеона, вдругъ узналъ, что эта армія стоитъ на Поклонной Горѣ, готовая вступить безпрепятственно въ Москву, вопль отчаянія пронесся по городу. Озлобленная чернь бросилась къ генералъ-губернаторскому дому, крича, что ее обманули, что Москву предаютъ непріятелю. Толпа возрастала, разъярялась все болѣе и стала звать къ отвѣту генералъ-губернатора. Поднялся громкій крикъ:—„Пусть выйдетъ къ намъ! Не то доберемся до него!" Въ этомъ затруднительномъ положеніи графъ Ростопчинъ не потерялъ присутствія духа. Приказавъ скорѣе заложить дрожки, онъ вышелъ къ народу, который встрѣтилъ его сердитыми восклицаніями: „Намъ солгали! Говорили, бояться нечего, Французы разбиты; а Французы вступаютъ въ Москву!"—„Да, вступаютъ, отвѣчалъ громкимъ голосомъ графъ, вступаютъ, потому что между нами есть измѣнники!"—„Гдѣ они? Кто измѣнникъ!" закричала неистовая толпа.—„Вотъ измѣнникъ!" сказалъ графъ, указывая на стоящаго вблизи молодаго Верещагина.—Этотъ послѣдній, пораженный безсовѣстнымъ обвиненіемъ, поблѣднѣлъ и проговорилъ: „Грѣхъ вамъ, ваше сіятельство!" — Въ туже минуту вся чернь, въ остервененіи, кинулась на него, и между тѣмъ какъ она терзала и убивала несчастнаго, графъ Ростопчинъ вошелъ опять въ домъ, изъ котораго поспѣшно выбрался на задній дворъ, сѣлъ на готовыя дрожки и переулками выѣхалъ изъ Москвы.—Говорятъ, что въ отдаленныхъ губерніяхъ умы были гораздо меньше взволнованы, и что образъ жизни тамошняго общества ни въ чемъ не перемѣнился во время этой войны. Въ Ярославлѣ нельзя было не тревожиться тѣмъ что̀ совершалось въ Москвѣ. Извѣстія приходили неточныя, измѣняющіяся ежедневно, противорѣчащія одни другимъ. Чтобъ не лишиться бодрости при этомъ томительномъ невѣдѣніи, надо было имѣть много силы духа, и какъ всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, она нашлась почти у всѣхъ: почти всѣ оказались гораздо мужественнѣе и лучше, чѣмъ сами полагали себя. Тѣ, которые впадали въ уныніе и горевали о потерѣ имущества были рѣдкими исключеніями. Всякій личный интересъ дѣлался второстепеннымъ и мелкимъ въ это время. Я помню, какъ отцу моему иные знакомые приносили вѣсть, что Московскій домъ его уцѣлѣлъ, какъ другіе говорили противное (что̀ потомъ оказалось правдою) и какъ спокойно онъ слушалъ и то и это увѣдомленіе. Онъ уже зналъ, что его Смоленское имѣніе было раззорено вполнѣ, и для существованія съ семействомъ у него оставалось тогда всего на все сто рублей. Но пришлось вынести еще другое.

Отецъ мой въ молодости былъ студентомъ медицинскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ получилъ, окончивъ курсъ, докторскій дипломъ съ правомъ врачевать своихъ ближнихъ, но никогда этого не дѣлалъ, не желая, какъ онъ говорилъ, быть виновенъ въ смерти человѣка. Но когда, въ двѣнадцатомъ году, въ Ярославскихъ лазаретахъ стала свирѣпствовать повальная горячка, и не было врачей, онъ предложилъ услуги свои, какъ медикъ. Схо-

дивъ раза два въ госпиталь, онъ самъ заболѣлъ этой бѣдственной заразой. Тогда мать моя, прекращая сообщеніе со всѣми жильцами дома, какъ и со всѣми знакомыми и помѣстивъ меня съ сестрой и горничной въ одну изъ двухъ комнатъ нашихъ, заперлась въ другую съ больнымъ мужемъ и осталась въ ней безвыходно въ теченіи шести недѣль, не отходя ни днемъ ни ночью отъ постели, на которой онъ боролся со смертію. Войти къ нему никто изъ постороннихъ не рисковалъ, кромѣ одного съ нимъ знакомаго стараго аптекаря: ему больной, въ минуты, когда чувствовалъ себя въ памяти, заказывалъ лекарства, которыя полагалъ нужными для себя, спрашивая при томъ каждый разъ: „Не въ бреду ли я говорю?"—Что онъ выздоровѣлъ и что мать моя не заболѣла въ свою очередь, всѣ потомъ называли чудомъ.

Понятно, что это происшествіе, и все что̀ касалось его, врѣзалось мнѣ въ память, и потому что я отчасти разумѣла, въ какой опасности находился отецъ, и также потому, что во время его болѣзни я съ сестрой вела жизнь вовсе непривычную. Всѣ знакомые родителей моихъ оказывали имъ столько дружескаго участія, сколько можно было оказать, не подвергая себя заразѣ. О насъ дѣтяхъ всѣ заботились, приходили за нами попеременно, и мы проводили цѣлые дни то въ томъ семействѣ, то въ другомъ. Одна графиня Строгонова не пускала насъ къ себѣ, боясь эпидеміи также чрезмѣрно, какъ боялась всего что̀ могло болѣе или менѣе быть опаснымъ или вреднымъ для нея, всего даже, что̀ могло хотя мало мальски нарушить комфортъ ея жизни. Избѣгать всякой непріятной мысли и всякаго тревожнаго чувства казалось ей также естественно, какъ питаться и дышать. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, мнѣніяхъ и словахъ проявлялся этотъ наивный эгоизмъ. Когда ее увѣдомили, что умеръ молодой графъ Строгоновъ, единственный сынъ ея сына, восклицаніе ея было характерическое: „Ah, le pauvre enfant! Comme je suis contente de ne pas l'avoir connu" *)!

Къ немногимъ живымъ моимъ Ярославскимъ воспоминаніямъ принадлежитъ ежедневное появленіе у насъ семейства, которое всегда и вездѣ показывалось вмѣстѣ. Глава его, monsieur Le Texier, Французъ, во время революціи переселившійся изъ Франціи въ Англію, изъ Англіи въ Германію и оттуда наконецъ какъ-то попавшій въ Россію, былъ одаренъ свойствомъ противоположнымъ застѣнчивости и способностью перешагнуть черезъ то, что̀ остановило бы другаго. Въ его разговорѣ игралъ важную роль monseigneur le margrave d'Anspach, о которомъ онъ никогда не упоминалъ безъ дополнительной фразы: „à la maison duquel j'ai eu l'honeur d'appartenir" **). Время когда онъ исполнялъ какую-то должность у этого маркграфа онъ очевидно почиталъ самой блестящей эпохой своей жизни. Жена его, Англичанка, преимущественно гор-

---

*) „Ахъ бѣдное дитя! Какъ я довольна, что его не знала" (вслѣдствіе долговременнаго разъѣзда съ мужемъ). *П. Б.*

**) Къ дому котораго я имѣлъ честь принадлежать.

дилась тѣмъ, что дочь ея была крестницей Нельсона. Эта дочь, надѣленная такимъ правомъ на знаменитость, ставила себѣ въ обязанность отличаться самой изящной граціозностью и, стараясь исполнять эту задачу, удивляла меня все снова своими ужимками и неестественнымъ голосомъ, которымъ она говорила. Она также была для меня достопримѣчательна тѣмъ, что носила постоянно, съ утра до ночи, маленькую пастушью шляпку, на которую я всегда глядѣла съ любопытствомъ, желая узнать, какимъ образомъ она была придѣлана къ головѣ. Каждый вечеръ, когда мы садились за чайный столъ, коверъ, который у двери замѣнялъ портьеру, приподнимался, и съ веселымъ восклицаніемъ: „Nous voilà!“ *) входилъ m-r Le Texier вслѣдъ за нимъ являлась жена, и вслѣдъ за ней крестница Нельсона въ своей шляпкѣ. Они поспѣшно усаживались и принимались пить чай. Потомъ происходило всегда одно и тоже. M-r Le Texier бралъ бѣлый хлѣбъ, оставшійся на столѣ и говорилъ, разсматривая его со всѣхъ сторонъ: „Quel bon pain! quel admirable pain! quel excellent pain! Ma foi, ce pain est si bon, que j'ai envie de le mettre dans ma poche!“ **) При послѣднемъ словѣ хлѣбъ погружался въ его карманъ. Эта манипуляція была всякій разъ сопровождаема веселымъ смѣхомъ жены его и дочери, какъ очень забавная шутка. Это семейство вовсе не находилось въ жалкой необходимости промышлять себѣ такимъ образомъ насущный хлѣбъ; но оно думало совершенно справедливо, что глупо платить деньги за вещь, когда есть средство пріобрѣсть ее даромъ.

Время шло; самая бѣдственная пора миновала; настали дни менѣе тягостные. Москва сдѣлалась пепелищемъ, но въ ней уже не было Наполеона. Дышалось легче; начинали полагать возможнымъ сокрушеніе этой силы, до тѣхъ поръ непреодолимой. Сообщали другъ другу вѣсти ободрительныя; съ каждымъ новымъ днемъ узнавали о новыхъ успѣхахъ. Мнѣ помнится, какъ прояснивалось болѣе и болѣе каждое лице около меня, какъ разговоры становились все живѣе.—Помнятся мнѣ также странные люди, ходящіе по улицамъ, жалкія, ободранныя фигуры, о которыхъ мнѣ говорили, что это Французскіе плѣнники. Одинъ изъ нихъ особенно поразилъ меня. Вся его одежда состояла изъ стараго одѣяла; онъ носилъ его необыкновеннымъ образомъ, прорѣзавъ въ серединѣ дыру, въ которую была просунута голова его.

Упоминая объ этихъ плѣнныхъ, передамъ кстати два факта, сообщенные мнѣ гораздо позже. Ставлю ихъ рядомъ именно по совершенному ихъ контрасту. Одинъ старый мужикъ, разговорившись разъ со мной о двѣнадцатомъ годѣ, разсказалъ мнѣ между прочимъ и слѣдующее. „Вотъ, матушка, какъ наступилъ морозъ, и Французамъ стало не въ моготу отъ холода и голода, всѣ они и разбре-

*) Вотъ мы!

**) Какой хорошій хлѣбъ, какой удивительный хлѣбъ, какой превосходный хлѣбъ. Ей, ей, хлѣбъ этотъ такъ хорошъ, что мнѣ хочется положить его къ себѣ въ карманъ.

лись, какъ стадо, кто туда, кто сюда, какъ попало. Куда удаль дѣвалась! Только бы уйти отъ нашихъ. Тащатся по дорогамъ, istощалые, а другіе почитай ужъ и ногъ не волочатъ. Вотъ, бывало и наткнемся мы парни на одного, возмемъ и приведемъ въ деревню; такъ бабы-то его и купятъ у насъ за пятакъ: сами хотятъ убить. Ну бабье ли это дѣло?—Одна пырнетъ ножемъ, другая колотитъ кочергой, опять другая тычетъ веретеномъ; мучаютъ, мучаютъ, инда жалко станетъ глядя; подойдешь да хватишь его порядкомъ топоромъ по головѣ. А онѣ-то ну ругаться, зачѣмъ молъ не далъ имъ самимъ убить до смерти".

Вслѣдъ за этимъ, по несчастью, достовѣрнымъ разсказомъ долженъ найти мѣсто другой, который также относится къ тогдашнимъ взятымъ въ плѣнъ непріятелямъ и также достовѣренъ. Онъ былъ сообщенъ очевидцами Т. Н. Грановскому и имъ переданъ мнѣ.

Въ Орелъ, гдѣ жило семейство Грановскаго, привезено было много плѣнныхъ Французовъ, большею частью раненыхъ, и въ самомъ жалкомъ состояніи. Одна бѣдная Орловская мѣщанка, повивальная бабка, увидя этихъ несчастныхъ, испросила позволеніе взять нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ въ домъ и, выбравъ пять человѣкъ изъ тѣхъ, которые всего болѣе нуждались въ помощи, принялась ходить за ними и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. Истративъ на нихъ все что̀ имѣла, до послѣдняго рубля, она, не рѣшаясь и тогда покинуть ихъ, стала обходить городъ нищею и полученными подаяніями продолжала содержать призрѣнныхъ ею бѣдняковъ. Когда же ихъ, съ другими плѣнниками, отправили дальше, эта простодушная женщина разбила всю посуду, изъ которой они у нея ѣли и пили, потому что этихъ людей, о которыхъ такъ заботилась и которымъ помогала съ такимъ самоотверженіемъ, она полагала погаными. Не знаю, можно ли найти примѣръ чувства болѣе истинно-христіанскаго?

Наконецъ убѣжденіе, что опасность миновала стало общимъ, и всѣ нашедшіе пріютъ въ Ярославлѣ, стали говорить о возвращеніи въ Москву. Вездѣ слышался вопросъ: Когда вы ѣдете?—Мы также стали собираться въ обратный путь. Московскій нашъ домъ былъ истребленъ пожаромъ до тла; надо было пріискать какое нибудь жилье,—дѣло въ то время довольно затруднительное. Забота отца моего на этотъ счетъ была прекращена предложеніемъ, сдѣланнымъ ему графиней Строгоновой помѣститься, на первый срокъ, во флигелѣ большаго ея дома на Тверскомъ бульварѣ *). Весною мы отправились изъ Ярославля. Эта возвратная поѣздка не оставила во мнѣ никакихъ воспоминаній, кромѣ одного, въѣзда нашего въ Москву. Я была менѣе поражена видомъ ея разрушенія, чѣмъ грустью изображающейся на лицѣ отца и матери, пока мы ѣхали по улицамъ. Помню, какъ нянька, возлѣ которой я сидѣла въ каретѣ, испуганнымъ взоромъ глядѣла изъ оконъ на право и на лѣ-

*) Нынѣ барона Корфа, близь Тверскихъ воротъ. *П. Б.*

во, и при каждомъ обгорѣломъ домѣ, при каждомъ пепелищѣ и пустырѣ, крестилась и повторяла съ ужасомъ: Господи! Господи!

Въ новомъ нашемъ жилищѣ, Тверской бульваръ, лежащій передъ окнами занятыхъ нами комнатъ, сдѣлался для меня предметомъ самымъ интереснымъ и привлекательнымъ. Онъ каждый вечеръ былъ наполненъ гуляющими. Послѣ перенесеннаго народнаго бѣдствія, послѣ тяжкихъ заботъ и тревогъ, чувствовали потребность всякаго рода развлеченій. Сходились охотно; было о чемъ потолковать. Извѣстія о новыхъ успѣхахъ нашихъ войскъ одушевляли Московское общество, и оно прохаживалось веселой толпой по Тверскому бульвару среди полуразрушенной столицы. Дамы рядились на перерывъ по тогдашней модѣ, которую мы позднѣе всѣ называли въ высшей степени уродливой. Между прочимъ появились тогда и быстро размножились какія-то необыкновенныя дамскія шляпки, вѣроятно гораздо менѣе нелѣпыя тѣхъ, которыя носятъ наши теперешнія щеголихи. Въ одинъ прекрасный вечеръ, извѣстный шутъ Иванъ Савельичь явился въ такой шляпкѣ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ ихъ было болѣе чѣмъ когда либо, и важно прошелся по немъ нѣсколько разъ, кивая головой своимъ знакомымъ, то есть всему тамъ собравшемуся обществу. На другой день ни на одной женской головѣ въ Москвѣ не видать было подобной шляпки, и онѣ исчезли навсегда.

Иванъ Савельичъ, этотъ послѣдній Московскій шутъ, былъ вхожъ во всѣ аристократическіе дома. Онъ часто навѣщалъ графиню Строгонову, которую онъ называлъ Катькой, и она всегда принимала его какъ желаннаго гостя. Я не могла постигнуть, почему съ нимъ обращались такъ ласково и находили такъ забавнымъ то, что̀ онъ говорилъ. Мнѣ онъ казался несноснымъ, и я глядѣла на него съ непреодолимымъ отвращеніемъ, неясно и безотчетно понимая жалкое ремесло этихъ шутовъ, которыхъ деспотическіе вельможи прежнихъ временъ, въ надменномъ издѣваніи надъ идеею народныхъ правъ, дѣлали каррикатурой независимаго человѣка и забавлялись такой безнравственной пародіей равенства, имъ ненавистнаго.

Графиня Строгонова, возвратившись изъ Ярославля въ одно время съ нами, уѣхала на лѣто, по своему обыкновенію, въ свое прекрасное Братцово, взявъ съ матери моей непремѣнное обѣщаніе провести тамъ у ней хоть нѣсколько недѣль. Звать мать мою значило звать и дѣтей ея, съ которыми она никогда не разставалась. Узнавъ объ этомъ приглашеніи, я ежедневно спрашивала, скоро ли мы поѣдемъ. Мое любопытство было сильно возбуждено: при мнѣ часто говорили о прелестяхъ Братцова; но въ чемъ именно состояли эти прелести, я не могла ясно вообразить. Не бывавъ еще никогда въ деревнѣ, я не имѣла понятія о наслажденіяхъ загородной жизни и не была вполнѣ убѣждена, что мнѣ тамъ будетъ такъ весело, какъ увѣряли. Но когда я очутилась въ обширномъ паркѣ, окруженномъ рощами и полями, гдѣ можно было бѣгать по волѣ, какъ далеко хотѣлось—мною овладѣлъ несказанный восторгъ, и съ

этаго дня сельская жизнь сдѣлалась предметомъ моей страстной любви. Я съ тѣхъ поръ не посѣщала Братцова и не сохранила ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, какъ былъ расположенъ пространный Англійской садъ вокругъ дома и чѣмъ онъ былъ такъ хорошъ; помню только упоительное чувство безграничнаго наслажденія, съ которымъ я въ немъ гуляла. Среди этого раздолья съ какимъ презрѣніемъ я думала о Тверскомъ бульварѣ! Графиня Строгонова не понимала возможности вести жизнь хоть отчасти уединенную. Насущный хлѣбъ былъ для нея не столько нуженъ, сколько насущное общество. Въ Братцовѣ всегда гостили нѣсколько ея знакомыхъ. Изъ тѣхъ, которые тамъ были въ одно время съ нами, помню одну старую княжну Хованскую, которую я называла la grosse princesse и находила вовсе непривлекательной. Пріѣзжали и многіе гости къ обѣду или на вечеръ. Съ особенной предупредительностью со стороны графини и съ особымъ почетомъ со стороны ея домашнихъ былъ всегда принятъ Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, важный видъ котораго меня поражалъ. Услыша, что онъ когда-то славился своей красотой, я получила очень дурное мнѣніе о вкусѣ людей того времени. Эта изсохшая фигура казалась мнѣ вовсе некрасивой.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Братцово я была крайне изумлена тѣмъ что̀ произошло въ одну ночь. Меня съ матерью, возлѣ которой я спала, разбудилъ стукъ въ дверь. На вопросъ матери, кто стучится? послышался голосъ Александры Евграфовны, la demoiselle de compagnie графини: „Извините, что я васъ безпокою. Графиня проситъ васъ пожаловать къ ней какъ можно скорѣе!“ — „Что же случилось?“ спросила испуганная мать моя. — „Начинается гроза; графиня очень опасается! Сдѣлайте милость, пожалуйте скорѣй!“ — Мать моя, отправивъ Александру Евграфовну съ отвѣтомъ, что тотчасъ сойдетъ и не понимая, какимъ образомъ она могла быть для графини защитой отъ грозы, начала поспѣшно одѣваться. Maman, возми меня съ собой! закричала я, соскочивъ съ постели. Мать согласилась. Это было обыкновенное послѣдствіе просьбъ моихъ.—Въ спальнѣ графини мы нашли всѣхъ дамъ, пребывающихъ тогда въ Братцовѣ. Въ канделабрахъ горѣли всѣ свѣчи, ставни оконъ были крѣпко затворены. Среди комнаты, обитой штофомъ, устланной шелковымъ ковромъ, стояла, на стеклянныхъ ножкахъ, кровать, тяжелая, шелковая, занавѣсь которой была продѣта у потолка въ толстое стеклянное кольцо. На этой, такимъ образомъ по возможности изолированной, кровати лежала графиня, на шелковомъ одѣялѣ, въ шелковомъ платьѣ, съ шелковой повязкой на глазахъ, вскрикивала при каждомъ громовомъ ударѣ и въ промежуткахъ повторяла умоляющимъ голосомъ: „Говорите! говорите что̀ вамъ угодно; только ради Бога говорите!“ Это была для меня сцена вовсе неожиданная и странная до невѣроятности. Пріученная отцомъ не бояться грозы и смотрѣть на нее какъ на великолѣпное зрѣлище, я сидѣла возлѣ матери въ невыразимомъ удивленіи и въ самодовольномъ тайномъ сознаніи моей безбоязненности. Я глядѣла то на графиню, полубезумную отъ ужаса, то на

окружающихъ ее. Княжна Хованская, прижавшись въ уголъ, была также въ незавидномъ состоянiи духа. Ей тоже хотѣлось кричать при раскатахъ грома; но, изъ почтенiя къ графинѣ, она позволяла себѣ только слабый визгъ. При каждой грозѣ вся эта исторiя повторялась. Возможность какой нибудь опасности ужасала графиню до степени неимовѣрной. Она сама называла себя величайшей трусихой въ мiрѣ и казалась очень довольна этимъ превосходствомъ.

Возвратясь изъ Братцова, мы осенью переѣхали въ домъ, нанятый отцомъ моимъ. Мнѣ помнится, что я находила совершенно справедливымъ мнѣнiе о непрiятности частой перемѣны жительства. Мнѣ надо было уложить и потомъ снова привести въ порядокъ всю мою собственность, помѣщенную въ ящикѣ стола.

Эта зима совершенно изгладилась изъ памяти моей, за то во мнѣ осталось самое живое воспоминанiе слѣдующаго лѣта. Съ безграничной радостью я узнала, что проведу его не въ городѣ; что есть вблизи отъ Москвы Петровское-Разумовское, прекрасное мѣсто, гдѣ мы поселимся на лѣтнее время. И не даромъ я радовалась. Я не помню дней болѣе исполненныхъ дѣтскимъ счастiемъ какъ тѣ, которые въ Петровскомъ-Разумовскомъ прожила восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Въ этомъ возрастѣ мы, можетъ быть, всего способнѣе наслаждаться жизнiю; для насъ существуютъ уже не одни матерiяльныя удобства: въ насъ пробудилась способность, которою въ мiрѣ одаренъ лишь человѣкъ, понятiе прекраснаго. Мы уже любуемся великолѣпiемъ природы и ея чудесными видоизмѣненiями; мы постигаемъ ея поэзiю, мы уже чувствуемъ себя существомъ разумнымъ, и между тѣмъ живемъ еще вполнѣ въ настоящемъ и сохраняемъ высшую благодать дѣтства, ясную его беззаботность.

Въ Петровскомъ я блаженствовала еще гораздо болѣе, чѣмъ въ Братцовѣ. Не было тутъ никакой графини, которую надлежало не безпокоить; не было салона, въ которомъ слѣдовало сидѣть смирно. Паркъ былъ еще обширнѣе и лучше Братцовскаго; я вступала въ него какъ въ какое-то волшебное царство, шла съ восхищенiемъ по величавымъ аллеямъ вѣковыхъ липъ, гдѣ было такъ таинственно-темно, и не допускала возможности, чтобы въ мiрѣ было счастье болѣе совершенное того, которое я вкушала.—Можетъ быть, я и не ошибалась.

Въ этомъ паркѣ были для меня и наслажденiя другаго рода. Нерѣдко показывался вдали и приближался быстрымъ шагомъ человѣкъ невысокаго роста, съ добродушнымъ смуглымъ лицемъ. Это былъ мой прiятель, главный садовникъ Рашъ. Его появленiе всегда радовало меня: я предвидѣла послѣдствiя нашей встрѣчи. Увидя меня, онъ подходилъ, кивавъ мнѣ головой, опускалъ руку въ карманъ, вынималъ изъ него связку ключей и, позвенивая ими, направлялъ шаги свои, безъ другихъ объясненiй, къ части парка мнѣ знакомой, куда я очень охотно слѣдовала за нимъ. Мы доходили до длинной шармильи, за которой находилась зеленая рѣшетка съ узкой дверью. Рашъ отпиралъ ее, впускалъ меня, и я стояла передъ безчисленными грядами клубники. Рашъ отыскивалъ тамъ какой ни-

будь кузовъ и, давъ мнѣ его въ руки, удалялся со словами: „Черезъ полчаса я вернусь; чтобъ онъ тогда былъ полонъ". Такимъ онъ всякій разъ находилъ его, возвратившись, и тогда говорилъ: „Ну, теперь несите его домой, опорожните и пришлите назадъ". Я также и это всегда исполняла въ точности. Набирать клубнику было, разумѣется, гораздо веселѣе, чѣмъ потомъ ѣсть ее.

Въ слѣдующемъ году я опять была счастливой обитательницей Петровскаго; тамъ я нашла всѣ тѣже причины блаженствовать въ полной мѣрѣ. Мой паркъ (онъ рѣшительно казался мнѣ моимъ) былъ едва ли не еще прекраснѣе, чѣмъ годъ тому назадъ; мой пріятель Рашъ былъ еще любезнѣе и внимательнѣе ко мнѣ и придумывалъ разныя чудеса, которыя внезапно совершались вокругъ меня. Я почти каждый день находила въ нашихъ комнатахъ то огромный букетъ, то корзину наполненную отличными фруктами, очутившіеся тутъ на столѣ неизвѣстнымъ образомъ. Помню, какъ я разъ вскрикнула въ восторгѣ, входя утромъ въ садикъ принадлежащій къ нашей квартирѣ: онъ имѣлъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ наканунѣ вечеромъ и былъ усаженъ прекрасными цвѣтами. Помню другое утро, въ которое я, просыпаясь, увидѣла около кровати моей высокіе розаны, наклоняющіе надо мной цвѣтущія вѣтки свои. Всѣ эти нежданныя радости казались мнѣ совершенно въ порядкѣ вещей. Почему же мнѣ было и не встрѣчать, съ каждымъ новымъ днемъ, какое нибудь новое нечаянное счастье? Съ наступающей осенью прекратилось для меня надолго раздольное сельское житье. Потомъ мы, въ теченіи многихъ лѣтъ, не имѣли загороднаго жилища, и мнѣ только иногда случалось побывать въ деревнѣ на короткій срокъ.

Я возвратилась изъ Петровскаго, не зная, что покидала его навсегда. — Лѣтъ десять позднѣе я съ знакомыми поѣхала туда погулять. Петровскимъ, царскимъ подаркомъ графу Разумовскому, владѣлъ аптекарь Шульцъ. Паркъ уже былъ обезображенъ, аллеи уничтожены, столѣтнія липы истреблены. Въ дарственной записи, пожалованной графу, было сказано, что рубить деревья, украшающія дачу, запрещается навсегда ея владѣльцамъ, и что Петровское можетъ перейти въ другія руки лишь съ этимъ непремѣннымъ условіемъ. Оно и не было нарушено; не срубили ни одного дерева въ помѣстьи: ихъ преспокойно пилили.

1816-тый годъ сдѣлался для насъ грустно-памятенъ: въ началѣ весны умерла сестра моя. Она была чрезвычайно красивое дитя; милое, кроткое ея лице, вокругъ котораго вились бѣлокурые, чудесные кудри, поражало, во время нашихъ прогулокъ, всѣхъ проходящихъ, и многіе останавливались передъ ней, любуясь ею. До смерти ея я никогда не видала глубокой скорби; тутъ я познакомилась съ нею, глядя на отца и на мать. Ихъ горе я, разумѣется, постигнуть не могла; то, которое я чувствовала, было неупорное горе девятилѣтняго ребенка; но эту-то разницу между ихъ чувствомъ и моимъ я поняла и догадалась, что въ нихъ многое было для меня недоступно. Эта мысль залегла мнѣ странно въ душу.

Продолжать жить въ домѣ, гдѣ умерла дочь, было тяжко для родителей. Они желали переѣхать на другую квартиру. Нашлась очень удобная, нечаяннымъ образомъ. Отецъ мой оставался вѣренъ своему намѣренію не брать на совѣсть врачеванія больныхъ и никого не посѣщать въ качествѣ медика. Отъ этого правила онъ, однако, возвратясь въ Москву, нехотя согласился отступить, въ отношеніи къ одной старинной знакомкѣ, которая, имѣя почему-то высокое мнѣніе о его медицинскомъ знаніи, упросила его быть ея врачемъ. На его увѣреніе, что, при ея здоровьѣ, врачъ ей вовсе не нуженъ, она отвѣчала, что если и нѣтъ потребности лечиться, доктора имѣть надо же, и что она хочетъ отца моего, а не другаго. Въ слѣдствіе этого онъ принялъ на себя обязанность раза два въ недѣлю проводить у ней полчаса въ разговорѣ о погодѣ и о томъ что̀ дѣлалось въ Москвѣ. О какомъ нибудь врачеваніи и помину не было. На свое здоровье она никогда не жаловалась. Узнавъ, что отецъ мой хотѣлъ искать квартиру, она предложила ему верхній этажъ своего дома, говоря, что ей будетъ пріятно извлечь пользу изъ этого ненужнаго ей этажа, и притомъ быть такъ вблизи отъ своего доктора. Противъ предложеннаго жилья возразить было нечего, и вскорѣ мы въ него переселились.

Мой умъ былъ тогда уже болѣе способенъ сохранять впечатлѣнія, имъ получаемыя. Мнѣ помнится ясно все окружающее меня въ то время: большой этотъ домъ, два паралельные сада передъ нимъ, раздѣленные дорогой, которая вела къ подъѣзду; за домомъ огромный дворъ. Видъ его, въ морозную ночь, когда онъ, при лунномъ сіяніи, лежалъ свѣтлый и пустой, былъ для меня неизъяснимо-привлекателенъ. Я по цѣлымъ часамъ глядѣла на него изъ окна залы, и когда меня спрашивали, на что я гляжу, отвѣчала: „Такъ; ни на что!“ Да что же тамъ и было?

„Бѣлая равнина,
„Полная луна!“

Болѣе и яснѣе всего помнится мнѣ хозяйка дома, Наталья Андреевна Карпова.

Она, также какъ графиня Строгонова, была женщина 18-го столѣтія; но графиня походила болѣе на Версальскую графиню двора Маріи Антуанеты, нежели на Русскую; Наталья Андреевна, напротивъ, не выѣхавшая ни разу изъ Россіи, осталась вполнѣ и безъ всякой примѣси заграничнаго элемента Русскою барынею прошлаго вѣка. Видную, рослую эту фигуру я и теперь могла бы нарисовать. Она всегда была одѣта въ шелковое платье каштановаго цвѣта и стариннаго покроя; на голову надѣвала разныя мудреныя куафюры Екатерининскихъ временъ; румянилась, какъ въ царствованіе великой императрицы было принято румяниться, накладывая румяны на щеки яркими, неестественными пятнами, и прилѣпляла одну мушку вблизи лѣваго глаза, не рѣшаясь покинуть вполнѣ прежнее украшеніе своего лица. Въ домѣ своемъ она имѣла все что̀ слѣдовало и что̀, по ея мнѣнію, имѣть въ домѣ было необходимо: свою

церковь, своихъ пѣвчихъ, своихъ швей, своего портнаго, своего башмачника, своего обойщика, своего столяра. Все прочее домашнее устройство было также какъ слѣдовало. Челядь безчисленная, толпа горничныхъ подъ начальствомъ барской барыни, особая комната для болонокъ и для приставленныхъ къ нимъ дѣвушекъ; у каждой двери господскихъ покоевъ огромный малый.

Понятія Натальи Андреевны были большей частью для меня совершенно новы. Встать съ креселъ и сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобы взять потребную ей вещь, она почитала дѣйствіемъ неприличнымъ и обращалась къ малому у двери съ приказаніями, какъ то, которое разъ было отдано при мнѣ: „Человѣкъ! скажи рябой Аннѣ, чтобы она прислала русую Анну подать мнѣ вѣеръ". Вѣеръ лежалъ на столѣ въ той же комнатѣ. — Не знаю, старалась ли она когда нибудь объяснить себѣ, какимъ образомъ можно существовать, не имѣя, по крайней мѣрѣ, полдюжины слугъ Я слышала, какъ, разговаривая съ матерью моей о двѣнадцатомъ годѣ, она ей свою тогдашную напасть разсказала слѣдующими словами: „Вообразите, что̀ со мной было! Я наскоро уѣхала изъ Москвы въ свое помѣстье и принуждена была тамъ остаться, а въ домѣ не было у меня людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ я привезла съ собой: два человѣка и три горничныя. Представьте себѣ мое положеніе!"

Меня Наталья Андреевна очень полюбила и почти каждый день посылала за мной. Она мало выѣзжала и мало имѣла знакомыхъ, а родни никого, кромѣ одного племянника, который жилъ въ Петербургѣ и навѣщалъ ее изрѣдка. Я для нея была развлеченіемъ. Дѣти легко мирятся со всѣмъ что̀ для нихъ непривычно и ничему долго не удивляются; я вскорѣ, своей ребяческой логикой, заключила, что у Натальи Андреевны должно быть такъ, а у насъ должно быть иначе. Но все таки тѣмъ, что̀ мнѣ у нея случалось видѣть и слышать, я нерѣдко смущалась. Такъ я однажды была свидѣтельницей одного intermezzo въ гостиной Натальи Андреевны.

Слуга, подавая чай, стоялъ передъ ней съ подносомъ въ рукахъ. Наливая сливки въ чашку, она обратилась къ нему съ вопросомъ: „Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты такъ трясешь подносомъ?".—Фиделька больно ноги кусаетъ, ваше превосходительство — „Великая бѣда, мой милый, что Фиделька тебѣ ноги кусаетъ! Должно ли изъ этого трясти подносомъ, когда ты подаешь мнѣ чай?" Это было сказано такъ простодушно, что я отъ удивленія осталась недвижна, смотря на Наталью Андреевну.

При всѣмъ томъ она была женщина добрая. Можно ли было ставить ей въ вину, что она родилась и осталась въ средѣ, въ которую не проникали иныя понятія? Кто же изъ гражданъ древняго Рима упрекалъ жену, сестру или дочь свою, когда она, наряжаясь, втыкала булавки въ грудь своей невольницы?

Мы прожили нѣсколько лѣтъ въ домѣ Натальи Андреевны. При каждомъ возвращеніи весны, я вспоминала о наслажденіяхъ бывалой сельской жизни моей. Небольшое зеленое пространство двухъ

садовъ передъ домомъ было жалкой замѣной луговъ и парка незабвеннаго для меня Петровскаго. Иногда, въ теченіи лѣта, намъ случалось побывать, на короткое время, у знакомыхъ въ деревнѣ, что̀, разумѣется, для меня всегда было радостное событіе. Тамъ я между прочимъ увидѣла образчикъ быта вовсе другаго, чѣмъ барскій бытъ Натальи Андреевны, но быта также для меня новаго. Случайно съ нами познакомился богатый купецъ Чериковъ и, въ слѣдствіе настоятельной просьбы его, мать моя со мною провела нѣсколько дней у него въ гостяхъ, въ прекрасной недавно купленной имъ подмосковной. Тутъ я была свидѣтельницей существованія чисто-матеріяльнаго и убѣдилась, что человѣческій желудокъ дѣйствительно можетъ пріобрѣсть способность принимать пищу почти безпрерывно. Единственная забота въ этомъ домѣ состояла въ томъ, чтобы поддерживать такое усовершенствованіе желудка, и эта забота была постоянная. Утромъ, въ восемь часовъ, подавали чай и кофей, съ калачами, сайками, витушками и разнымъ другимъ печеніемъ. Истребленіемъ всего этого припаса семейство занималось болѣе часа, выпивая чашку за чашкой, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Въ десять часовъ подавалась, подъ названіемъ перваго завтрака, простокваша въ сопровожденіи пирожковъ; въ двѣнадцать часовъ подавался второй, серьезный завтракъ, изъ котораго можно было составить два сытные обѣда; онъ длился около часа; за нимъ слѣдовалъ чай, въ своемъ качествѣ напитка, споспѣшествующаго пищеваренію. Въ третьемъ часу подавалась закуска; въ три часа начинался и продолжался до половины пятаго торжественный обрядъ обѣда, за которымъ слѣдовали, разумѣется, опять кофей и чай. Тотчасъ потомъ (времени оставалось уже немного, терять его нельзя было) столъ въ гостиной былъ уставленъ фруктами и разными наливками. Въ восьмомъ часу подавался чай, вечерній, чай an sich, und für sich, съ изобиліемъ печенія, какъ утромъ; вслѣдъ за нимъ ставили на столъ всевозможныя варенья, для пріятнаго препровожденія времени до ужина, за которой садились въ десять часовъ.

Но при всѣхъ этихъ мѣрахъ, взятыхъ противъ праздности, все таки оставались, въ теченіи дня, часа два-три незанятыхъ; ихъ употребляли на то, чтобы пройтись по обширному саду, преимущественно направляя шаги въ ту сторону, гдѣ было отведено мѣсто для ягодъ и овощей. Тутъ члены семейства лакомились мимоходомъ малиной и крыжовникомъ, или взятымъ съ парника огурцомъ. Отецъ-Чериковъ предпочиталъ подкрѣпляться инымъ во время прогулки: онъ обходилъ садъ въ сопровожденіи мальчика лѣтъ тринадцати, идущаго за нимъ вслѣдъ съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ, рядомъ съ рюмкой, стоялъ большой графинъ мадеры. Послѣ пятиминутнаго гулянья старый купецъ останавливался, мальчикъ подходилъ съ подносомъ, старикъ наливалъ себѣ рюмку мадеры, выпивалъ и шелъ дальше. Каждыя пять минутъ это повторялось. По истеченіи часа, прогулка была кончена, и графинъ былъ пустъ.

Погостивъ тамъ недѣлю, я возвратилась домой, не зная, можно ли было назвать этихъ людей счастливыми? Что по своему мнѣнію они вполнѣ блаженствовали, въ томъ не было никакого сомнѣнія.

Оставаясь единственнымъ ребенкомъ въ отцевскомъ домѣ, я привыкла къ этому одиночеству. Домашняя жизнь наша была тиха и однообразна. Годы отрочества проходили для меня безъ слѣдовъ. Не было ничего особенно мнѣ пріятнаго и радостнаго, не было также ничего и особенно докучнаго; развѣ иные уроки, которые брать я была принуждена и по возможности старалась избѣгать. Къ числу недобровольныхъ моихъ занятій принадлежало содѣйствіе, которое отецъ мой, страстный астрономъ, требовалъ отъ меня, когда онъ вечеромъ садился за свой телескопъ. При наблюденіяхъ, въ то время его занимающихъ, было нужно употребленіе хронометра. Это дѣло поручалось мнѣ; велѣно было глядѣть на него неотступно до знака, даннаго отцомъ словами: Разъ!—два!—три! и при послѣднемъ словѣ замѣтить секунду на циферблатѣ. Я принималась за должность, слѣдя пристальнымъ взоромъ за секундовой стрѣлкой; но условнаго сигнала приходилось иногда ждать долго; пора была поздняя, взоръ становился неясенъ, вѣки опускались. Мнѣ какъ издали слышались произнесенныя съ разстановкой слова: Разъ!—два! и послѣ короткаго молчанія восклицаніе: „три!“, при которомъ я вздрагивала. „Сколько секундъ?“ спрашивалъ отецъ, оборачиваясь. Я въ просонкахъ терла глаза. Отецъ вскакивалъ въ досадѣ со стула, и я убѣгала, не дожидаясь его упрековъ.

Проживъ такъ почти четыре года жильцомъ старой знакомки своей, отецъ мой, который до тѣхъ поръ говорилъ смѣясь, что онъ согласился быть врачемъ одной больной только потому, что она совершенно здорова, сталъ нѣсколько сомнѣваться въ здоровьи Натальи Андреевны и болѣе за ней примѣчать, часто повторяя при мнѣ: „Не понимаю что̀ съ ней! Организмъ чѣмъ-то разстроенъ, пульсъ ускоренъ и неправиленъ, выраженіе лица измѣнилось, а между тѣмъ она ни на что не жалуется, и нѣтъ признаковъ какой бы то ни было болѣзни“. Черезъ нѣкоторое время онъ рѣшился сказать Натальѣ Андреевнѣ о своемъ желаніи посовѣтоваться съ другимъ медикомъ на счетъ ея здоровья. Она отвѣчала, что объ этомъ и слышать не хочетъ, что гдѣ нѣтъ болѣзни, не о чемъ и совѣтоваться. „Мнѣ, батюшка, шестьдесятъ пять лѣтъ, вотъ и все; а отъ этого меня никто не вылечитъ“. Другаго не было отвѣта на всѣ просьбы и увѣщанія. Мѣсяца три позднѣе она слегла, также упорно отказываясь отъ всякаго врачеванія и утверждая, что вовсе не больна. Въ одно утро съ ней сдѣлался обморокъ, и тутъ только суетившіяся вокругъ нея горничныя увидѣли, что лѣвая грудь ея была совершенно истреблена страшнымъ ракомъ. Съ этимъ извѣстіемъ вбѣжали къ отцу моему; онъ поспѣшно сошелъ къ больной и возвратился къ намъ въ изумленіи, убѣдившись въ томъ, чему вѣрить не хотѣлъ. Оно было дѣйствительно такъ. Эта избалованная барыня, которой малѣйшее неудобство было въ тягость, вынесла, въ продолженіи годовъ, терзающую боль, не позволяя себѣ ни единаго вопля. Эта женщина, которая сама не брала вѣера со

стола, которая ни за что бы не дотронулась до паука, мыла украдкой, запершись въ своей спальнѣ, перевязки покрытыя отвратительными слѣдами ея раны и съумѣла утаить отъ всѣхъ своихъ горничныхъ эту смертельную язву. Видаясь ежедневно съ медикомъ, въ искусство котораго вѣрила вполнѣ, она имѣла силу духа не измѣнить себѣ ни разу, не просить помощи и облегченія боли, убивающей ее! И все это изъ стыдливости, для того, чтобы не подвергнуться необходимости обнажить грудь свою передъ врачемъ,— грудь шестидесятилѣтней старухи! Можно это назвать безуміемъ, но нельзя не признать героизма своего рода въ женщинѣ, которая, ожидая неминуемую близкую и мучительную смерть, до самаго конца не позволяетъ себѣ малѣйшаго несоблюденія приличій, самаго незначительнаго отступленія отъ привычнаго порядка, ни разу не забываетъ украсить свою одежду надлежащей лентой, нарумянить щеки и прилѣпить на лице мушку.

О медицинской помощи тутъ нечего было и думать. Черезъ нѣсколько дней Наталья Андреевна умерла. Подробности ея смерти скрыли отъ меня съ очевиднымъ стараніемъ. Послѣднія ея страданія были, вѣроятно, ужасны.

Петербургскій ея племянникъ продалъ доставшійся ему въ наслѣдство домъ, и весной мы выѣхали изъ него. Мнѣ помнится, какъ, въ теченіи послѣднихъ недѣль, нами тамъ проведенныхъ, я была смущена, видя, что все устройство, ни въ чемъ неизмѣненное покойницей въ продолженіи болѣе полувѣка, было наслѣдникомъ вдругъ поставлено вверхъ дномъ; и я замѣчала съ великимъ удивленіемъ, что, кромѣ меня, никто этому не удивлялся.

Съ началомъ лѣта начался для меня новый бытъ: я вдругъ очутилась въ другой средѣ и въ сношеніяхъ съ другими лицами. Старый князь П. П. Одоевскій, съ которымъ отецъ мой былъ знакомъ съ молодости своей, настоялъ на томъ, чтобы мы заняли, на лѣтнее время, флигель его такъ называемаго загороднаго дома, близъ Прѣсненскихъ прудовъ. Это была, съ давнихъ поръ, его привычная villagiatura.

Князь П. П. Одоевскій, тогда уже восьмидесятилѣтній, былъ типъ самыхъ любезныхъ вельможъ прежнихъ временъ, тѣхъ людей, которые ставили себѣ въ обязанность до совершенства доведенное *savoir vivre*. Въ князѣ оно было основано не на однихъ изученныхъ условныхъ формахъ: чувствовалось, что у него эти формы были выраженіемъ сердечнаго доброжелательства ко всѣмъ и каждому.

Есть натуры, которыя безсознательно отталкиваютъ и тогда, когда онѣ этого вовсе не имѣютъ въ виду: всѣ ихъ пріемы и поступки отзываются чѣмъ-то оскорбляющимъ, ихъ вѣжливость непріятна, какъ сахаръ, въ который попалъ песокъ. Есть другія особы (ихъ очень немного), которыя каждому, съ кѣмъ находятся въ общественныхъ сношеніяхъ, внушаютъ постоянно какую-то душевную признательность, не имѣющую никакой опредѣленной причины. Князь П. П. Одоевскій былъ изъ небольшаго числа этихъ послѣднихъ людей.

Я съ нимъ тотчасъ же ужилась какъ нельзя лучше. Видѣть вокругъ себя дѣтей и разцвѣтающую молодежь осталось для него потребностью до самаго конца жизни. У него въ дому были, подъ надзоромъ пожилой дамы, всегда двѣ-три воспитанницы, бѣдныя сироты, которыхъ онъ обезпечивалъ, образовывалъ и выдавалъ за мужъ. На ихъ мѣсто поступали немедленно другія.

Такимъ образомъ я тутъ нашла сверстницъ и, разумѣется, подружилась съ ними какъ нельзя больше и видалась ежедневно. Одна изъ нихъ мнѣ особенно памятна; ее я предпочитала другимъ. Это было милое, кроткое существо, неспособное къ борьбѣ съ судьбою, исполненное тихой, преждевременной грусти. Она понимала, что, при всемъ ей оказанномъ покровительствѣ и благодѣтельномъ попеченіи о ней, она, сирота, была лишена счастья, которымъ надѣленъ, въ отцовскомъ дому, бѣднѣйшій ребенокъ. Она иногда говорила мнѣ о томъ, какъ тяжко ей слышать, что вскорѣ надо будетъ ее *пристроить*; какъ страшно для нея это выраженіе. — Разставшись съ ней, я не узнала, какъ ее пристроили и что̀ съ ней потомъ было.

Она двумя годами была старше меня. Съ нею я вела тихія бесѣды, съ другими рѣзвилась въ запуски. Князь безпрестанно придумывалъ разныя удовольствія для насъ дѣвочекъ, устроивалъ намъ забавы, былъ тѣмъ довольнѣе, чѣмъ больше мы шумѣли и, опираясь на своего камердинера, приходилъ къ намъ и спрашивалъ: весело ли намъ?

Я не встрѣчала аристократа болѣе симпатическаго. Онъ былъ *grand seigneur* въ лучшемъ значеніи этого слова. Какъ онъ всегда и во всякомъ случаѣ оказывался такимъ, мнѣ домашніе его часто разсказывали. Помѣщаю здѣсь одинъ анекдотъ.

Многочисленное общество было въ одинъ вечеръ созвано у князя на балъ. Праздникъ шелъ своимъ порядкомъ и былъ очень оживленъ. Когда наступило время ужина, князь повелъ своихъ гостей въ столовую, выражая имъ свое сожалѣніе, что принужденъ усадить ихъ довольно тѣсно, потому что большая зала, гдѣ столъ былъ накрытъ, случайно загорѣлась, часа два тому назадъ, и что отъ нея остались одни голыя стѣны. Тутъ только гости узнали, что они беззаботно танцовали и забавлялись въ дому, въ которомъ, въ немногихъ шагахъ отъ нихъ, распространялся пожаръ.

Я князя знала уже нѣсколько недѣль, когда мнѣ разсказали о горестныхъ испытаніяхъ, постигнувшихъ его. Лишившись и жены и всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ одной дочери, которую выдалъ за мужъ за графа Кенсона̀, Французскаго эмигранта, князь наконецъ пережилъ и ее, и двухъ ея младенцевъ, и остался безсемейнымъ вполнѣ.

Это сдѣланное мнѣ сообщеніе изумило меня и сбило съ толку. Этотъ человѣкъ, узнавшій столько горя, потерявшій до послѣдняго всѣхъ кого любилъ, уже ли былъ онъ тотъ самый спокойный старикъ, который разговаривалъ такъ непринужденно и шутилъ со мной, который обращалъ вниманіе на удобство и комфортъ жиз-

ни? Оно такъ и осталось тогда для меня загадкой неразрѣшимой. Я, четырнадцатилѣтняя, не могла имѣть понятія о власти времени и о невѣроятной способности человѣка ужиться съ участью своей, какая бы она ни была.

Впрочемъ этой дочери, смерть которой была послѣднимъ и самымъ жестокимъ ударомъ для него, князь поставилъ небывалый и несокрушимый памятникъ: похоронивъ ее въ одномъ изъ своихъ помѣстій, онъ освободилъ въ немъ все крѣпостное народонаселеніе, тысычу душъ, отдавъ имъ въ собственность вотчину.

Быть ежедневно въ хорошемъ обществѣ и проводить время въ разныхъ увеселеніяхъ нравилось мнѣ чрезвычайно. Меня избавляли отъ уроковъ и предписанныхъ занятій. Отецъ и мать давали мнѣ наслаждаться вполнѣ новымъ для меня образомъ жизни и чудесной погодой, почти постоянной въ продолженіи всего этого лѣта, перваго, съ давнихъ поръ, мною безъ сожалѣнія проведеннаго не въ деревнѣ. Хотя и тогда,

„Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
„Еще заборъ не ограждалъ",

оно было совсѣмъ не то что сельскія поля, но я не желала лучшаго мѣстопребыванія. Прогулокъ въ рощахъ и лугахъ, вольной воли деревенской тутъ не было; но за то было такъ много другаго, хорошаго, еще небывалаго, столько же въ мірѣ внѣшнемъ, сколько и во внутреннемъ мірѣ. Я стояла на межѣ, отдѣляющей отрочество отъ юности; потребностъ нравственнаго движенія брала верхъ надъ потребностью движенія физическаго; въ умѣ, еще полномъ ребяческихъ затѣй, просыпался молодой энтузіазмъ, — и въ туже самую пору являлся случай предаваться ему въ полной мѣрѣ. Пронеслась вѣсть о возстаніи Греціи. Народъ, о которомъ почти не было и помину, народъ, давнымъ давно порабощенный, безмолвствующій подъ гнетомъ чужой, грубой власти, сокрушалъ вѣковое ярмо, ополчался противъ насилія и начиналъ съ нимъ борьбу на жизнь и смерть. Извѣстно, какое одушевительное дѣйствіе это событіе имѣло во всѣхъ краяхъ Европы. Теперешніе старики, принадлежащіе къ тогдашнему молодому поколѣнію Россіи, помнятъ проявившееся и у насъ восторженное сочувствіе къ подвигамъ новыхъ Греческихъ героевъ, восхищеніе, съ которымъ твердили имена: Ипсиланти, Боцарисъ, Канарисъ, упованіе на успѣхъ ихъ усилій.

Странно подумать, что, такъ искренно радуясь прекращенію неволи Грековъ, наши помѣщики не находили ничего предосудительнаго въ неволѣ Русскихъ мужиковъ и дворовыхъ людей своихъ, подчиненныхъ ихъ барскимъ причудамъ и выходкамъ, часто совершенно Турецкимъ. Помнится мнѣ, что въ самое время возбужденныхъ благородныхъ идей и симпатій, говорили при мнѣ, очень просто и хладнокровно, о томъ, какъ одинъ мнѣ знакомый господинъ, сенаторъ М-й, имѣлъ случай угодить графу Аракчееву, посѣтившему тогда Москву. Графъ, въ продолженіи обѣда, даннаго ему сенаторомъ, замѣтилъ у него соловья, пѣніе котораго было превосходно. На другой день сенаторъ приказалъ одному изъ слугъ

своихъ взять клѣтку съ птицей, обратившей на себя вниманіе знатнаго посѣтителя и отправиться съ ней къ графу въ Петербургъ, пѣшкомъ, потому что такъ было лучше для соловья и дешевле для сенатора. Слуга, прошедши туда и назадъ 1400 верстъ, въ пору слякоти, по дорогѣ самой скверной (тогда еще не было и шоссе) вернулся съ докладомъ, что соловья донесъ благополучно и что графъ приказалъ очень благодарить сенатора за подарокъ.

Такого рода факты, теперь уже у насъ, слава Богу, невозможные, были тогда непоразительны. Употребленіе, болѣе или менѣе грѣшное, власти неограниченной помѣщика встрѣчалось вездѣ и было неминуемое и естественное послѣдствіе этой власти. Люди, нравственно образованные, признавали крѣпостное состояніе зломъ, но уживались съ этимъ зломъ и пользовались имъ безсознательно.—Одинъ Французскій писатель говоритъ, что случается слышать „*des mots qui hurlent d'effroi de se trouver ensemble*" *). У насъ приходилось всѣмъ слышать и произносить такія слова. Пріятельницы одной дамы разсказывали съ сожалѣніемъ о ней, что при незначительныхъ ея доходахъ для нея чрезвычайно затруднительна необходимость возить дочерей въ свѣтъ, и что недавно она, для того, чтобы явиться съ ними въ новыхъ платьяхъ на большомъ балѣ, принуждена была продать горничную, очень ловкую и отличнаго поведенія. Тотъ же самый князь Одоевскій, памятный мнѣ какъ человѣкъ въ высшей степени добродушный и благородный, сказалъ разъ отцу моему, что часъ тому назадъ онъ своему зятю, графу Кенсонà, продалъ пять сотъ душъ, по копѣйкѣ за душу. Онъ улыбался, говоря объ этой шуткѣ. Душа, проданная за копѣйку, это вовсе не казалось ему чемъ-то возмутительнымъ. И вѣдь принятое выраженіе было точное: продавались въ самомъ дѣлѣ души, продавалось право доводить ихъ до отчаянья. Тяжка мысль, что въ Россіи есть еще много людей, сожалѣющихъ о томъ, что они теперь не могутъ уже быть душепродавцами.

Прежде чѣмъ было назначено, кончилось веселое житье мое на дачѣ князя. Вслѣдъ за отличнымъ лѣтомъ настала вдругъ осень необыкновенно суровая. Прѣсненское поле стало болѣе и болѣе принимать видъ вовсе непривлекательный. Мы переѣхали на городскую квартиру, нанятую заранѣе, и князь возвратился въ свой Московскій зимній домъ. Тамъ онъ продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, окружать себя дѣтьми и давать имъ праздники, не смотря на то, что послѣднія силы его замѣтно ослабѣвали. Къ исходу зимы онъ умеръ, кроткій и спокойный духомъ, какъ жилъ.

Мысль моя останавливается на воспоминаніи недолгаго моего сближенія съ нимъ. Можетъ быть, не даромъ, въ первые дни моей юности, я встрѣтила его, доживающаго мирно и безропотно вѣкъ полный горестныхъ потерь и обманутыхъ надеждъ; можетъ быть, молодому, непокорному уму было не напрасно дано это наставленіе, не вполнѣ понятое имъ тогда.

Каролина Павлова.

*) Слова, которыя отзываются ужасомъ, потому что стоятъ рядомъ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ М. Л. МАГНИЦКИМЪ.

Было навечеріе новаго года (одного изъ тридцатыхъ; какого именно, не припомню). Я жилъ тогда въ Одессѣ и издавалъ основанный мною Новороссійскій Календарь. Надо было провѣдать, какъ идетъ продажа моего изданія наканунѣ календарнаго года. Ришельевская улица, гдѣ жилъ мой книгопродавецъ Соронъ, пестрѣла гуляющими и экипажами. Кратковременная стужа, посѣщающая Одессу въ концѣ Декабря, прекратилась; южный вѣтеръ несъ съ береговъ Босфора влажное тепло и множество судовъ, вступавшихъ длинною вереницею въ гавань. Было свѣжо, но пріятно. Въ палисадникахъ и на соборной площади появилась зелень, оазисы которой виднѣлись далеко по степи за городомъ; а море уже приняло яхонтовый праздничный цвѣтъ, гремя и шумя волнами и какъ будто бесѣдуя о безконечномъ. Все было свѣтло, радостно; вездѣ представлялось изобиліе. У зеленщиковъ на Греческой улицѣ, на лоткахъ, красовались огромные кочны цвѣтной капусты, и ползали гигантскіе омары, только что привезенные изъ Царяграда. Хороша была въ тридцатыхъ годахъ Одесса. Но главную прелесть составляла дружба членовъ ея общества, которое составляло какъ бы одну семью, при всемъ разнообразіи положеній и народностей *). Дѣло въ томъ, что былъ центръ, все соединявшій и примирявшій: то былъ мудрый и общительный графъ М. С. Воронцовъ.

Въ Одессѣ много жило тогда замѣчательныхъ людей, которыхъ можно было встрѣчать на до-обѣденной прогулкѣ по Ришельевской улицѣ, замѣнявшей намъ Невскій проспектъ. Мое путешествіе къ книгопродавцу Сорону было счастливо въ этомъ отношеніи. Недалеко отъ театра я встрѣтилъ А. С. Стурдзу, медленно пробиравшагося по тротуару. Онъ нескоро отвѣчалъ на мое привѣтствіе, потому что по близорукости съ трудомъ узнавалъ людей. Разсмотрѣвъ меня, онъ сказалъ: А это вы? Où dirigez vous vos pas? Я отвѣчалъ, что иду къ Сорону справиться о продажѣ календаря. Какъ теперь помню тогдашнія слова Стурдзы: „Носится слухъ, говорилъ мнѣ онъ, объ освобожденіи крестьянъ; но повѣрьте, что крестьянскій вопросъ тѣсно связанъ съ восточнымъ. Если восточные христіяне и наши крестьяне будутъ освобождены подъ вліяніемъ западнаго лжелиберализма, то участь тѣхъ и другихъ сдѣлается еще хуже; но главное, въ тѣхъ и другихъ поколеблется вѣра. Я лучше люблю видѣть Грецію подъ игомъ Турокъ, а крестьянъ въ крѣпостной зависимости, нежели дожить до лжелиберализма у насъ и въ Элладѣ.—Приходите къ намъ обѣдать: я вамъ покажу любопытныя письма изъ Греціи; по нимъ видно, что убійство Ка-

*) Долгъ справедливости требуетъ напомнить читателямъ, что именно Магницкій, своими тайными извѣтами, нарушалъ гармонію тогдашняго Одесскаго общества. *П. Б.*

подистріи подготовлено Англіею. Но будетъ же конецъ ея злодѣяніямъ; ударитъ, наконецъ, давно ожидаемый часъ освобожденія восточныхъ христіянъ и, исполнивъ долгъ возложенный на нее Провидѣніемъ, Россія распуститъ свое многочисленное воинство и займется устройствомъ не только своего царства, но и одряхлѣвшей Европы". Увы, предчувствія опытнаго дипломата до сихъ поръ не сбылись, но сбудутся непремѣнно: я въ этомъ совершенно увѣренъ.

Вслѣдъ за Стурдзою встрѣтился мнѣ добрѣйшій И. Н. Инзовъ, который говорилъ мнѣ много о процвѣтаніи его Нѣмецкихъ колоній и просилъ зайти посмотрѣть рѣдкія семена, которыя привезли къ нему. Къ намъ подошелъ графъ Ланжеронъ и сказалъ: Eh bien, messieurs, l'année commence bien; mais je crois qu'il finira mal. Обратившись ко мнѣ, онъ спросилъ: comment va votre commerce? Я торговлею не занимаюсь, отвѣчалъ я.—Vous vous êtes donc rétiré les poches bien remplis!—Да что́ вы, графъ? Я никогда торговлею не занимался.—Ah, je vous ai pris pour m-r Philbert. Pardon, à présent je vois que vous êtes m-r Morosow. Графъ былъ воплощенная разсѣянность. Распрощавшись съ нами, онъ быстро пошелъ къ магазину Шаля, сталъ глядѣть на выставленныя для продажи маски и повторялъ: Ah, les masques! Il faut les voir! A présent on ne peut pas aller sans masque: il est plus indispensable que l'habit.

У входа въ магазинъ Сорона я встрѣтилъ ѣхавшаго верхомъ графа Михаила Семеновича, который привѣтствовалъ всѣхъ съ такою доброю и граціозною улыбкою, что подобной ей ни у кого не встрѣтишь. Наконецъ я достигъ книжной лавки и не безъ волненія сердца спросилъ, какъ идетъ продажа календаря.—Прекрасно, отвѣчалъ Соронъ: у меня остается только три экземпляра; присылайте еще и получайте деньги". Я поспѣшилъ воспользоваться его предложеніемъ, потому что многимъ задолжалъ. Кончивъ счетъ съ Сорономъ, я замѣтилъ недалеко отъ меня стоявшаго генерала Алексѣя Ивановича М....ва, славившагося въ Одессѣ математическими свѣдѣніями, большимъ телескопомъ и страшно-холоднымъ домомъ. Возлѣ него стоялъ старикъ высокаго роста съ очень тонкими чертами лица и вообще прекрасною наружностію, показывавшею, что онъ привыкъ видѣть не только хорошее, но и высшее общество. Знаете ли вы, сказалъ мнѣ на ухо Алексѣй Ивановичъ, кто это со мною?—Нѣтъ, отвѣчалъ я.—Это Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. Вслѣдъ за симъ онъ представилъ меня какъ молодаго литератора, издавшаго два Альманаха и знакомаго съ естественными науками. Магницкій подалъ мнѣ руку, сказалъ какой-то комплиментъ и вскорѣ вышелъ. „Умнѣйшій человѣкъ (сказалъ мнѣ М....въ), „но суевѣренъ, какъ крестьянинъ. Представьте: у него огромныя иконы, передъ которыми теплится день и ночь лампада". Алексѣй Ивановичъ воспитывался въ Парижѣ и вышелъ оттуда если не съ энциклопедическими свѣдѣніями, то съ духомъ энциклопедистовъ XVIII вѣка. Онъ не понималъ, какъ умный человѣкъ можетъ молиться высшему творческому разуму. По его мнѣнію, умъ долженъ быть въ родѣ ползучихъ по землѣ растеній, боящих-

ся свѣта солнечнаго. Безсознательно былъ онъ однимъ изъ членовъ той враждебной Россіи партіи, которая внесла къ намъ презрѣніе ко всему отечественному и религіозному вмѣстѣ съ слѣпымъ подражаніемъ Западу.

Такъ началось мое личное знакомство съ М. Л. Магницкимъ, но заочное знакомство съ нимъ было давно сдѣлано по слухамъ и по разсказу извѣстнаго также Татарина Ахмета Аксенова, и вотъ какимъ образомъ.

Я учился въ университетскомъ пансіонѣ и проводилъ праздники и вакаціи у дяди моего Д. А. Яковлева, гдѣ квартировалъ Ахметъ Аксеновъ вмѣстѣ съ привезшимъ его знаменитымъ въ тогдашнее время адвокатомъ Овчинниковымъ, который, какъ давно знакомый моему дядѣ, въѣхалъ прямо къ нему безъ церемоніи и привезъ съ собою своего кліента: по законамъ тогдашняго гостепріимства, остановиться въ гостинницѣ, имѣя родныхъ и знакомыхъ, было неприлично. Дядя мой съ удовольствіемъ помѣстилъ у себя Овчинникова и Ахмета; они жили у него около года на полномъ его содержаніи. Аксеновъ и братъ его Абдулъ были преданы Магницкимъ суду по подозрѣнію въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, и Овчинниковъ взялся доказать ихъ невинность за 10 т. рублей, разумѣется, ассигнаціями. Ахметъ былъ одаренъ природнымъ умомъ и получилъ Магометанское образованіе, которое преподается учеными муллами дѣтямъ богатыхъ Татаръ. Онъ не только хорошо говорилъ порусски, но и правильно писалъ на этомъ языкѣ. Сверхъ того онъ зналъ ариѳметику и рѣшалъ въ головѣ сложныя задачи. Особенно хвалился онъ знаніемъ Корана и всѣхъ его толкованій. „Коранъ, батюшка (говаривалъ Ахметъ) невеликъ, но толкованій больно много". Кромѣ разныхъ легендъ о Пророкѣ, Ахметъ разсказывалъ мнѣ содержаніе дѣла, по которому онъ судился въ Сенатѣ. По словамъ его, Магницкій произвелъ у него ночью обыскъ и, отыскавъ одну фальшивую ассигнацію, по его же распоряженію подброшенную, велѣлъ сковать и посадить въ острогъ его и все его семейство, отъ чего онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, а жена его лишилась жизни. Ахметъ считалъ Магницкаго хуже сатаны и увѣрялъ, что онъ человѣкъ самый опасный, замышляющій зло противъ цѣлой Россіи *).

Симбирскіе помѣщики, пріѣзжавшіе къ моему дядѣ, также дурно отзывались о Магницкомъ, говоря, что онъ притѣсняетъ помѣщиковъ и бунтуетъ крестьянъ. Одинъ профессоръ Казанскаго университета громко жаловался на Магницкаго, объясняя, что онъ въ высшей степени притѣсняетъ профессоровъ и даже заставляетъ ихъ

---

*) Это мнѣніе Татарина обличаетъ въ немъ большую прозорливость. Дѣйствительно, Магницкому Россія между прочимъ обязана тѣмъ, что лучшіе юноши шли толпою въ злосчастный лагерь враговъ правительства; и трудно сказать, до чего бы дошли дѣла, если бы императоръ Николай Павловичь, немедленно по воцареніи своемъ, не поспѣшилъ выслать изъ столицы смиренномудраго шепотника и непрошеннаго защитника божескихъ и царскихъ правъ. *П. Б.*

давать подписки въ томъ, что не будутъ пить пуншу, который, по словамъ почтеннаго профессора, сильно способствуетъ обильному отдѣленію всякой испарины, а въ томъ числѣ и мыслей.

Всѣ эти разсказы, слышанные мною въ дѣтствѣ, ожили въ моей памяти при личномъ знакомствѣ съ Магницкимъ. Но ужели, думалъ я, этотъ учтивый красавецъ-старикъ—тотъ самый человѣкъ, который наводилъ ужасъ на Симбирскихъ помѣщиковъ и профессоровъ Казанскаго университета? Скоро я долженъ былъ сильно усумниться во всемъ мною слышанномъ о злодѣяніяхъ, приписываемыхъ Михаилу Леонтьевичу.

Мы обмѣнялись съ Магницкимъ визитами и часто видались въ разныхъ домахъ, особенно же на вечерахъ у графини Эдлингъ, сестрѣ Стурдзы. Эти вечера по четвергамъ представляли много привлекательнаго и поучительнаго. Тамъ собирались каждую недѣлю А. С. Стурдза и Александръ Григорьевичъ Тройницкій, издатель Одесскаго Вѣстника на Французскомъ языкѣ Рене, полковникъ Миклевичъ, восторженный музыкантъ и ревностный почитатель Местра, а также много молодыхъ людей изъ Ришильевскаго лицея. Магницкій говорилъ большею частью на Французскомъ языкѣ и удивлялъ насъ пародоксальностью своихъ замѣчаній. Такъ однажды графиня Эдлингъ сказала ему: „Вотъ теперь многіе изъ Французскихъ писателей стали говорить съ уваженіемъ о предметахъ религіозныхъ“. „Тутъ нѣтъ ничего отраднаго, возразилъ Магницкій: это воры, похитившіе церковные сосуды, которые звѣнятъ украденнымъ серебромъ“. Много Магницкій разсказывалъ о своей жизни въ Парижѣ при Наполеонѣ I-мъ. Вотъ что сохранилось въ моей памяти изъ этихъ разсказовъ. Я, говорилъ Магницкій, находился при нашемъ посольствѣ во Франціи и часто видалъ Наполеона I-го. Онъ былъ въ безпрестанномъ движеніи и напоминалъ гіенну, посаженную въ клѣтку. Во всемъ у него были видны сатаническая гордость и презрѣніе къ людямъ, хотя онъ былъ очень любезенъ съ нами и называлъ молодыхъ людей, служившихъ при посольствѣ, мальчиками-министрами (garçons-ministres). Презрительная безцеремонность его доходила до крайности. Разъ былъ балъ въ Тюльери, гостей собралось много, но хозяинъ долго не показывался. Наконецъ мы увидѣли, что онъ идетъ изъ внутреннихъ комнатъ, переваливаясь съ ноги на ногу. Изъ такой походки придворные заключили, что императоръ не въ духѣ. Не отвѣчая никому на привѣтствія, Наполеонъ подошелъ къ столу, сильно ударилъ кулакомъ и сказалъ: „Австрія объявляетъ мнѣ войну; завтра пойду въ походъ, а чрезъ недѣлю буду въ Вѣнѣ“. Послѣ этихъ словъ онъ ушелъ обратно, и всѣ гости разъѣхались. Угроза Австріи была для нихъ единственнымъ угощеніемъ.

Но болѣе всего Магницкій любилъ говорить о Казанскомъ университетѣ и Симбирскомъ губернаторствѣ своемъ. Вы не можете представить, говорилъ онъ, что̀ такое чиновникъ въ провинціи и профессоръ-отступникъ. Я пріѣхалъ въ Симбирскъ поздно ночью; немедленно явился ко мнѣ полицеймейстеръ. Я спросилъ его, что̀ у

нихъ дѣлается. Онъ отвѣчалъ: сего дня былъ завтракъ у Ахмета Аксенова, а вечеромъ по случаю царскаго дня горѣли вензеля Государя Императора и вашего превосходительства.—Откуда вы взяли мой вензель? спросилъ я, и куда его помѣстили?—У насъ въ прозрачной картинѣ подъ вензелемъ Государя Императора сдѣлана четырехугольная вырѣзка, въ которую вставляется вензель губернатора. Узнавъ о вашемъ назначеніи, мы вынули начальную букву имени прежняго губернатора и поставили букву *М.*, которая и была прекрасно освѣщена.—Куда же вы дѣвали вензель стараго губернатора?—Сдали въ архивъ и пришили къ дѣлу о почестяхъ, воздаваемыхъ губернаторамъ и инымъ высокопоставленнымъ лицамъ.—Нельзя ли, сказалъ я, подарить мнѣ мой вензель? На другой день вензель былъ ко мнѣ принесенъ, и я храню его, какъ вещь весьма курьезную. Лишь только разсвѣло, въ пріемной залѣ моей стали собираться чиновники. Я не замедлилъ къ нимъ выдти и увидѣлъ такую коллекцію, какой съ роду не видывалъ: точно четвероногіе стали на заднія лапы и надѣли шитые ошейники. На нѣкоторыхъ виднѣлись ленты и звѣзды. Физіономіи были различныя. Одни были круглы, какъ полная луна; другіе худы, длиннолицы, съ изображеніемъ страха и ожиданія наказаній, словно повѣшанныя собаки. На всѣхъ лицахъ были видны пошлость и страхъ. Я началъ мое знакомство съ предсѣдателя Уголовной Палаты и спросилъ его, много-ли у него рѣшено дѣлъ въ теченіи года. Онъ отвѣчалъ, что не припомнитъ и знаетъ только, что преступниковъ не щадили и произведено 1000 ударовъ кнутомъ и 2000 плетьми. Вскорѣ первый совѣтникъ Губернскаго Правленія выступилъ впередъ и произнесъ мнѣ привѣтственную рѣчь, въ которой умолялъ меня подражать милосердію Божію и не быть строгимъ къ ихъ грѣхамъ. Я отвѣчалъ имъ: Господа, строгимъ къ вамъ быть нельзя; я не буду убѣждать васъ не брать взятокъ, потому что это противно вашей натурѣ, но скажу вамъ одно: берите, но не дерите. Съ этими словами я удалился, и чиновники разошлись, повидимому довольные моимъ пріемомъ. Едва я вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ мнѣ доложили о прибытіи купца 1-й гильдіи Ахмета Аксенова. Я не хотѣлъ его принимать, но пріятель мой А. А. Столыпинъ сказалъ мнѣ: „Примите; это человѣкъ замѣчательный, онъ страшно богатъ „и имѣетъ большое вліяніе на дѣла. Къ прежнимъ губернаторамъ „Ахметъ ходилъ безъ доклада". Я велѣлъ просить. Вошелъ старикъ полный, румяный, съ улыбкою самодовольствія на лицѣ. Поздравляю ваше превосходительство съ пріѣздомъ, сказалъ онъ очень развязно и положилъ на столъ бывшій у него въ рукахъ узелъ. Что̀ это за узелъ? спросилъ я—Это на поклонъ вашему превосходительству маленькій подарокъ, всего 20 т. Будешь милостивъ, каждый годъ буду приносить по 5. т. Ты небогатъ, жалованье небольшое, а расходы велики; прими, не побрезгуй малымъ приношеніемъ. Магометъ сказалъ: „Яблочко изъ рукъ друга лучше царства отъ человѣка нелюбящаго". Я вспыхнулъ и сказалъ, что взятокъ не беру, а подобныхъ ему людей умѣю обличать и преслѣдовать. Узелъ былъ брошенъ мною Татарину въ лицо. Онъ его спокойно

поднялъ, положилъ на столъ, низко поклонился и, выходя, сказалъ: „Будь умникъ, ваше превосходительство; возми подарокъ и не за„води пустыхъ дѣлъ; меня не перетянешь". Я велѣлъ отослать оставленныя Ахметомъ деньги въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія и сталъ собирать свѣдѣнія о соблазнителѣ губернаторовъ. По справкамъ оказалось слѣдующее. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Ахметъ явился къ одному изъ Симбирскихъ губернаторовъ и сказалъ слѣдующій спичь: „В. п. знаешь, что въ Буинскомъ уѣздѣ „появились разбойники; твоя полиція не сладитъ съ ними, а я ихъ „переловлю: дай мнѣ только приказъ требовать людей и лошадей „для преслѣдованія злодѣевъ". Губернаторскій секретарь сильно подкрѣплялъ предложеніе Ахмета, и просимый имъ открытый листъ былъ ему выданъ. Вооруженный такимъ документомъ Ахметъ сталъ требовать въ Чувашскихъ селеніяхъ людей и лошадей въ самую рабочую пору. Взвыли Чуваши отъ такого гоненія и стали просить помилованія. Ахметъ далъ на ихъ мольбы такой отвѣтъ: „Слушай„те, Чуваши! Безпокоить васъ не стану, но и вы съ своей сторо„ны исполните мою просьбу. Вы платите въ казну подати; плати„те ихъ мнѣ, а я уже за васъ буду взносить въ казначейство; вѣдь „вамъ же будетъ легче. Да вотъ еще что: у васъ много мельницъ, „отдайте мнѣ ихъ всѣ на аренду за сходную цѣну". Чуваши согласились и поблагодарили еще за такую милость. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ они стали жить спокойно: Ахметъ взыскивалъ съ нихъ двойныя подушныя, половину взносилъ въ казначейство, половину оставлялъ у себя. Мельницы доставили ему большой доходъ отъ продажи муки, а болѣе отъ особенно выгодной фабрикаціи: онъ учредилъ на этихъ мельницахъ заготовленіе фальшивыхъ ассигнацій въ огромномъ количествѣ и скупалъ на нихъ пшеницу. При такомъ искусномъ устройствѣ финансовъ, Ахметъ быстро разбоготѣлъ и, назначивъ жалованье всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ властямъ, сталъ силою непреодолимою.

„Съ этою-то силою (продолжалъ Магницкій) мнѣ пришлось бороться, не страшась словъ, сказанныхъ Ахметомъ при выходѣ изъ моего кабинета: „меня не перетянешь". Вскорѣ я увидѣлъ, что мои чиновники и полиція на сторонѣ Ахмета и ловить его не будутъ. Я просилъ Столыпина дать въ мое распоряженіе откупную стражу. Онъ согласился, и я съ помощію его объѣщиковъ обыскалъ мельницы Ахмета. При обыскѣ нашлось 300 т. фальшивыхъ ассигнацій, но инструментовъ не отыскано; послѣ узналъ я, что одинъ объѣщикъ увѣдомилъ Аксенова о предстоявшемъ обыскѣ и получилъ за извѣщеніе сто рублей. Провѣдавъ о бѣдѣ, Ахметъ прекратилъ свою фабрикацію и инструменты зарылъ въ землю, но произведеній спрятать не успѣлъ. Послѣ такой улики, какъ было отысканіе 300 т. новенькихъ фальшивыхъ ассигнацій, я счелъ себя вправѣ арестовать великаго Симбирскаго дѣятеля и назначилъ слѣдствіе. Сверхъ того при обыскѣ найденъ тюфякъ, заключавшій въ себѣ секретную переписку Ахмета съ Петербургомъ и Москвою; тутъ были письма многихъ лицъ, которыя благодарили Ахмета за при-

сылку денегъ, означая ихъ употребленіе и обѣщали всегдашнее покровительство. Деньги, смотря по ихъ роду, назывались: ассигнаціи—документами князя Хованскаго; серебренные рубли — груздями, а полуимперіалы — рыжиками. Всю эту переписку я представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ и такимъ неосторожнымъ поступкомъ нажилъ себѣ много непріятелей. Слѣдствіе надъ Ахметомъ было произведено плохо и принесло немало пользы слѣдователю: по окончаніи его онъ купилъ большой домъ и сталъ жить богато. Несмотря на всѣ снисхожденія, оказываемыя мѣстными властями Ахмету, Уголовная Палата приговорила его и его брата Абдулмена къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; но по жалобѣ Ахмета, Сенатъ отмѣнилъ это рѣшеніе и приговорилъ къ наказанію одного Абдулмена, взявшаго все на себя. Братья обѣщались ему выплатить большую сумму денегъ, на которую онъ устроился въ Сибири очень прилично и завелъ тамъ какую-то фабрику, на которой, какъ говорятъ, продолжалъ выдѣлку фальшивыхъ ассигнацій. „Много, говорилъ Ахметъ, выбрато въ моемъ лѣсу груздей и рыжиковъ, которые дуракъ губернаторъ не хотѣлъ взять; мнѣ сдѣлалъ убытокъ, а себя погубитъ. Видно, что башка неторговая; считать не умѣетъ".

Такимъ образомъ мнѣ пришлось выслушать исторію Ахмета съ начала отъ него самаго, а потомъ отъ Магницкаго.

У Михаила Леонтьевича былъ портфель курьезныхъ бумагъ, собранныхъ имъ во время его службы, которыя иногда онъ приносилъ на вечера къ графинѣ Эдлингъ. Изъ этихъ бумагъ въ моей памяти сохранился рапортъ одного совѣтника Симбирскаго Губернскаго Правленія, адресованный губернатору слѣдующаго, примѣрно, содержанія: „Имѣю честь донести вашему превосходительству, что, прибывъ въ селеніе такое-то для усмиренія бунтующихъ крестьянъ, я наказывалъ ихъ розгами, билъ палками, заключалъ въ кандалы; но, истощивъ всѣ мѣры кротости, я не могъ ихъ привесть къ повиновенію, а потому полагаю, что нужно прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости". Вотъ, съ какими людьми, говорилъ Магницкій, мнѣ приходилось имѣть дѣло. О жестокости Симбирскихъ помѣщиковъ у него были ужасные разсказы. Преслѣдованіемъ виновныхъ въ этихъ жестокостяхъ онъ возбудилъ противъ себя негодованіе цѣлой губерніи. Магницкій при каждомъ случаѣ вспоминалъ о проявленіи этого негодованія. Такъ на обѣдѣ, данномъ Одесскимъ обществомъ градоначальнику Алексѣю Ираклієвичу Левшину, онъ, сидя возлѣ меня, сказалъ мнѣ: Это напоминаетъ мнѣ мой отъѣздъ изъ Симбирска.—Вамъ тоже давали обѣдъ? спросилъ я.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но съ радости о моемъ удаленіи было выпито все Шампанское въ Симбирскѣ, такъ что на другой день моего отъѣзда не осталось ни одной бутылки.

Кончивъ борьбу съ Симбирскими чиновниками, Татарами и помѣщиками, Магницкій началъ ее съ профессорами Казанскаго университета. „Здѣсь (говорилъ онъ) мнѣ было еще труднѣе. При осмотрѣ университета я отмѣнно былъ удивленъ, найдя въ числѣ его

почетныхъ членовъ абата Грегоара, одного изъ самыхъ яростныхъ членовъ Парижскаго Конвента, подписавшаго смертный приговоръ Людовику XVI-му. Грегоаръ въ самой Франціи считался въ числѣ цареубійцъ, которые не допускались въ царствованія Бурбоновъ ни къ какимъ должностямъ. Въ бумагахъ университета я нашелъ письмо Грегоара, въ которомъ онъ благодаритъ университетъ за избраніе и посылаетъ для его библіотеки всѣ свои сочиненія, а въ нихъ на первой страницѣ красуется его знаменитая рѣчь о свойствахъ царей. Цари, говоритъ Грегоаръ, въ человѣчествѣ тоже, что̀ чудовища въ физическомъ мірѣ. Исторія царей есть мартирологія народовъ. Вотъ какія назидательныя книги хранились въ Казанскомъ университетѣ для чтенія молодыхъ людей! Министръ просвѣщенія, которому я донесъ о моемъ открытіи, предписалъ мнѣ исключить Грегоара изъ числа почетныхъ членовъ Казанскаго университета и сочиненія его истребить, что̀ мною было исполнено съ большимъ удовольствіемъ и торжественностію: я велѣлъ сжечь ихъ на университетскомъ дворѣ. Вскорѣ я убѣдился, что духъ Грегоара пребывалъ въ университетѣ. Профессоровъ я долженъ былъ раздѣлить на два класса: одни были заражены атеистическимъ и лжелиберальными теоріями и искусно передавали ихъ студентамъ при удобномъ случаѣ; другіе не имѣли враждебныхъ намѣреній противъ вѣры и правительства, но дѣйствовали въ томъ же смыслѣ изъ тщеславія, почитая, что быть человѣкомъ вполнѣ православнымъ и монархическимъ значило быть отсталымъ. Наконецъ всѣ они были не труженики науки, а торгаши ею. Очищеніе и усмиреніе личнаго состава университета, къ чему я считалъ долгомъ прибѣгнуть, какъ христіянинъ и Русскій, надѣлали мнѣ много опасныхъ враговъ, оклеветавшихъ меня въ Петербургѣ и бывшихъ причиною назначенія надо мною слѣдствія“.

Магницкій разсказывалъ намъ всѣ подробности этаго слѣдствія, произведеннаго генераломъ Желтухинымъ, но о томъ много говорено и писано въ разныхъ журналахъ. Я положилъ себѣ правиломъ (говаривалъ Магницкій) посвятить всю жизнь свою борьбѣ съ лжеученіемъ. Я говорилъ въ Главномъ Правленіи Училищъ: правительство наказываетъ молодыхъ людей за то, что они выучились тому, чему такъ усердно ихъ учили. Въ самомъ дѣлѣ, не преподается ли открыто, что Французская революція была благодѣтельнымъ явленіемъ, что она провозгласила права человѣчества, и не выставляются ли Брутъ и Кассій образцами достойными подражанія? Когда нибудь убѣдятся, что я говорю правду и приступятъ къ серіозному преобразованію нашихъ учебныхъ заведеній; теперь же они изъ молодыхъ людей дѣлаютъ какихъ-то евнуховъ, вырѣзывая у нихъ вѣру, любовь и все что̀ составляетъ достоинство человѣка. Мнѣ говорятъ, что не должно смѣшивать вѣры съ наукою и что послѣдняя должна быть самостоятельною и независимою; но я убѣжденъ, что только въ послушаніи вѣрѣ наука можетъ дѣлать истинные успѣхи. Ея исторія это ясно показываетъ: безъ вѣры наука не имѣетъ прочнаго основанія и не разрѣшаетъ вопросовъ самыхъ близкихъ человѣку. Квинтиліянъ говорилъ когда-то Римлянину: „Пусть

другіе изучаютъ движеніе свѣтилъ и занимаются изысканіемъ мрамора. Это не твое дѣло, Римлянинъ: твое дѣло повелѣвать вселенною". Подобную рѣчь, по мнѣнію Магницкаго, можно обратить къ Русскому человѣку, сказавъ ему: „Твое дѣло озарять и согрѣвать вселенную свѣтомъ православія и теплотою христіанской любви; твое дѣло создать новую науку и новое искусство, вполнѣ проникнутыя духомъ Христовымъ, въ замѣнъ ложной науки, возникшей подъ вліяніемъ язычества и безвѣрія".

О конституціонномъ правленіи Магницкій говорилъ съ презрѣніемъ. Это, по его мнѣнію, полная ложь и безсмыслица—распустить народъ и связать власть; дать свободу ногамъ и оковать голову: что можетъ быть нелѣпѣе этого?

Конституція, возражали мы Магницкому, ограждаетъ отъ произвола и притѣсненій со стороны власти.—Ваши такъ называемыя народныя собранія (отвѣчалъ намъ въ своихъ бесѣдахъ Магницкій) терпимы и сносны, пока довольствуются субсидіями и ролью актеровъ, забавляющихъ публику; но когда онѣ вздумаютъ серіозно мѣшаться въ дѣла, ихъ разгоняютъ Кромвели и Наполеоны; или правительство падаетъ, и государство дорогой цѣною возстановляетъ правильное теченіе общественнаго порядка, а иногда и навѣкъ погибаетъ. Честный, правдивый человѣкъ и не согласится быть конституціоннымъ Наполеономъ.

Но посмотрите, говорили мы, на Англію и Америку. — Большая ошибка, отвѣчалъ Магницкій, принимать два современные факта одинъ за причину другаго и дѣлать выводы подобные слѣдующимъ изрѣченіямъ: палка въ углу стоитъ, слѣдовательно не идетъ дождь. Въ Англіи процвѣтаютъ торговля и земледѣліе и есть конституція; изъ этого заключаютъ, что причина благоденствія Британскихъ острововъ происходитъ отъ конституціи, тогда какъ она заключается въ свойствахъ Англо-Саксонскаго племени, дѣятельнаго, рабочаго и практичнаго. О немъ можно сказать, что оно одно можетъ переносить неудобства конституціоннаго правленія. Франція хотѣла подражать Англіи, но подверглась ужаснымъ бѣдствіямъ. Что касается до Америки, то она еще не прожила ста лѣтъ и уже страдаетъ отъ многихъ общественныхъ болѣзней и безъ сомнѣнія сдѣлала бы неизмѣнимо болѣе, если бы не тратила много времени на выборы, на которыхъ голоса явно продаются.

Магницкій имѣлъ отвращеніе отъ желѣзныхъ дорогъ и увѣрялъ, что скаканіе по нимъ произведетъ новую болѣзнь и послужитъ средствомъ къ быстрому распространенію существующихъ болѣзней. Одна дама сказала Магницкому: Вы часто говорите правду; но для чего быть очень одностороннимъ?—А позвольте спросить васъ, сказалъ Михаилъ Леонтьевичъ, сколько сторонъ будетъ на страшномъ судѣ?—Разумѣется двѣ, отвѣчала она.—Вотъ я стараюсь выбрать правую, и это вы называете односторонностію.

Живя въ Одессѣ, Магницкій занимался литературою. Многія изъ его статей помѣщены въ Одесскомъ Альманахѣ и Вѣстникѣ. Онъ очень не любилъ Одесскую полицію, собиралъ о ней многія свѣдѣнія,

представлялъ ихъ бывшему Одесскому градоначальнику Александру Петровичу Толстому, отъ котораго они поступили въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ Петербургѣ нашли, что Магницкій мѣшается не въ свои дѣла и не живетъ спокойно: ему было велѣно выѣхать изъ Одессы въ Херсонъ.

По ходатайству графа Воронцова, Магницкому вновь позволено было возратиться въ Одессу; но онъ жилъ здѣсь недолго и скончался въ Одессѣ, 75 лѣтъ отъ роду.

Что сказать еще о Михаилѣ Леонтьевичѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ пламенно желалъ добра, но ревность его была не по разуму. Ему вредила болѣзнь, которой онъ не подозрѣвалъ въ себѣ и которою страдаетъ Русское общество. Это внутренній деспотизмъ, желаніе исполнить немедленно свою волю, страсть къ ломкѣ и нововведеніямъ, презрѣніе къ совѣтамъ другихъ людей. Такая болѣзнь заражаетъ и теперь многихъ, особенно лжелибераловъ. Посмотрите на многихъ даровитыхъ губернаторовъ: они не принесли ожидавшейся отъ нихъ пользы, потому что хотѣли быть не правителями, а преобразователями и вмѣсто созиданія занимались одною ломкою. Предсѣдатель земскаго собранія не входилъ въ него со смиреніемъ для того, чтобы научиться у коллективнаго ума; нѣтъ, онъ входилъ туда съ предвзятыми идеями и полнымъ презрѣніемъ ко всему, что̀ съ ними несогласно. Либеральныя учрежденія ничего не значатъ, если деспотизмъ не истребленъ въ сердцахъ; а это можетъ сдѣлать только живая вѣра въ Спасителя, соединенная съ исполненіемъ Его заповѣдей о любви и смиреніи. Не даромъ сказано: гдѣ духъ Господень, ту свобода.

Магницкій вѣрилъ этому, но не былъ вполнѣ проникнутъ духомъ Христовымъ, хотя старался привлечь его. Духъ истиннаго благочестія не легко и не скоро пріобрѣтается.

Сверхъ того, въ Магницкомъ не было умѣнья дѣйствовать на людей и управлять ими. Онъ скоро приходилъ къ столкновеніямъ и ссорамъ; онъ любилъ щеголять въ обществѣ остротами и изяществомъ языка, полагая, что вполнѣ усвоилъ себѣ хорошій тонъ избраннаго общества.

Во всякомъ случаѣ обвиненіе въ лицемѣрствѣ и жестокости, падавшее на Магницкаго, должно быть признано клеветою. Люди лично знавшіе Магницкаго не могутъ читать безъ негодованія напр. Сумашедшій Домъ Воейкова, гдѣ такъ безпощадно поруганъ Магницкій, льются чрезъ край личная глубокая ненависть, площадная брань и отсутствіе той сдержанности, какую всякій долженъ имѣть по отношенію къ человѣку, бывшему во власти и находящемуся въ несчастіи.

Павелъ Морозовъ.

ПО ПОВОДУ ДУХОВНАГО ЗАВѢЩАНІЯ АННЫ МОНСЪ.

Въ первой книгѣ Русскаго Архива сего года напечатано духовное завѣщаніе извѣстной въ нашей исторіи, романической героини Анны Ивановны Монсъ, бывшей въ замужствѣ за Прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Она скончалась вдовою въ 1714 году. На основаніи ея духовной, все движимое имущество должно было перейти во владѣніе Шведскаго плѣннаго капитана Карла Іогана фонъ-Миллера, съ коимъ Анна Монсъ намѣревалась вступить во вторичный бракъ. Нижеслѣдующее прошеніе фонъ-Миллера на имя Петра Великато свидѣтельствуетъ, что, по смерти завѣщательницы, имуществомъ ея завладѣли мать ея и братъ (столь извѣстный впослѣдствіи) гвардіи поручикъ Вилимъ Монсъ; капитанъ же фонъ-Миллеръ попалъ въ Преображенскій Приказъ, гдѣ содержался въ цѣпяхъ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Прошеніе его, поданное изъ сего приказа, равно и самое духовное завѣщаніе попали потомъ въ Военную Канцелярію, потому что и завѣщательница, и плѣнникъ фонъ-Миллеръ были не Русскіе подданные. Хотя въ то время понятія о международномъ правѣ не были еще развиты, но видно, что дѣло фонъ-Миллера обратило на себя вниманіе нашихъ властей. Военною Канцеляріею въ 1714 и 1715 годахъ управлялъ славный прямодушіемъ и честностью генералъ-пленипотенціаръ-кригсъ-коммисаръ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ присутсвовалъ и въ Сенатѣ. На его-то безпристрастное рѣшеніе, по всей вѣроятности, и была передана жалоба фонъ-Миллера, томившагося напрасно въ заключеніи Преображенскаго Приказа. Къ сожалѣнію, чѣмъ рѣшено было дѣло, изъ бумагъ Военной Канцеляріи не видно.

Григорій Александровъ.

5 Сентября 1875. Москва.

ПРОШЕНІЕ ФОНЪ-МИЛЛЕРА.

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій.

По смерти Прусскаго посланника Кейзерлинга, жена его вдова Анна-Марія сговорила было за меня замужъ, и послѣ сговору написали мы съ нею Анною межъ себя завѣтныя письма своими руками и печати свои къ нимъ приложили. А въ тѣхъ завѣтныхъ своихъ письмахъ написали: она Кейзерлингша написала мнѣ изъ движимыхъ мужа своего и своихъ имѣній все, что̀ при ней было, посуды серебряной, низа́нья, алмазныхъ вещей, платья перваго мужа своего; а я нижайшій въ своемъ завѣтномъ письмѣ написалъ ей Кейзерлингшѣ свое имѣніе. А въ тѣхъ завѣтныхъ письмахъ написали: ежели изъ насъ кто и до законнаго брака умреть, то оставшемуся, по завѣтному его письму, имѣнія его взять. И по тому завѣтному письму отъ ней Кейзерлингши, изъ алмазныхъ ея вещей, ради пропитанія, мнѣ при животѣ ея, до меня малое число и дошло; и, не бывъ за мною замужемъ, она Кейзерлингша умре. А пожитки ея что̀ въ завѣтномъ письмѣ отъ нея написаны мнѣ, по указу изъ Канцеляріи Сената, были описаны и запечатаны. И мать ея Кейзерлингши, Матрена Монсова съ сыномъ своимъ отъ лейбъ-гвардіи поручикомъ Вили-

момъ Монсомъ били челомъ вамъ, царскому величеству, на меня ложно (утая оное ея Кейзерлингши завѣтное письмо), чтобъ тѣ пожитки, которые въ завѣтномъ письмѣ написаны мнѣ, и изъ канцеляріи Сената были запечатаны, отдать имъ. Да въ томъ-же ложномъ своемъ челобитьѣ написали тѣ алмазныя вещи, что̀ она Анна-Марія давала мнѣ на пропитаніе при животѣ своемъ, будто я у нея покралъ и чтобъ на мнѣ доправить, и тѣмъ они меня обезчестили. И по тому ихъ ложному челобитью, тѣ описные пожитки имъ и отданы; а то дѣло прислано въ Преображенскій приказъ, и я въ оной приказъ взятъ, для допросу, больной; и былъ скованъ, и въ допросѣ оное завѣтное письмо объявилъ. И послѣ допросу, поручной записи по мнѣ, противъ указу, не сбираютъ, и держатъ меня за крѣпкимъ карауломъ, и никого до меня, ни лѣкаря, ни челядниковъ моихъ, не допущаютъ. А я тѣхъ вещей, что́ она Монсова ищетъ на мнѣ, у ней Кейзерлингши не крадывалъ: давала сама, и на то свидѣтельствуетъ завѣтное ея письмо. Да инаго и отъ нея Кейзерлингши мнѣ и не дано было, чего они ищутъ. А въ твоемъ царскаго величества именномъ указѣ 1714 года Апрѣля 22 дня, въ 3-мъ пунктѣ, напечатано: „Кто бездѣтенъ, и оный воленъ отдать недвижимое одному фамиліи своей, кому похочетъ; а движимое, кому что̀ похочетъ, сродникамъ своимъ или и постороннимъ. И то въ его произволеніи будетъ.“ А она Кейзерлингша осталась бездѣтна; а то имѣніе мужа ея, а не отцовское, и въ своемъ она вольна дать. А въ 9-мъ пунктѣ: „Которая жена останется бездѣтна, той недвижимое мужа ея и ея имѣнія по смерть или по постриженіе; а по смерти ея возвратится въ родъ, а движимое, буде безъ завѣту умретъ, то да возвратится въ родъ; а когда съ завѣтомъ, то по завѣту и быть.“ А она Кейзерлингша умре съ завѣтомъ; а въ завѣтномъ письмѣ имѣніе свое написала мнѣ и передъ кончиною своею то имѣніе отдавала мнѣ; и я, надѣясь на оный вашъ царскаго величества указъ, достальнаго по завѣтному письму, при животѣ ея, и не бралъ: чаялъ то, что судейскимъ разсмотрѣніемъ и по смерти ея, по тому указу, противъ завѣтнаго письма, отдано мнѣ будетъ. А завѣтное письмо вашего царскаго величества указамъ, какъ онаго пункта статьямъ, такъ и Уложенію, не противно, хотя оно писано и не у крѣпостныхъ дѣлъ: для того, что въ оныхъ пунктахъ того не напечатано, что завѣтныя письма писать свидѣтельствомъ. Да я жъ иностранецъ, а и оная Кейзерлингша посланникова была жена; и потому то письмо и не противно указамъ. И мать ея Матрена Монсова того письма не лживитъ и сказала, что рука и печать у того письма дочери ея. Да и отецъ духовный ея отъ нея слышалъ на исповѣди о пожиткахъ: гдѣ письмо будетъ, тамъ и пожиткамъ быть. А письмо у меня, и потому стало быть то письмо свидѣтельствованное и ничѣмъ оно не опорочено. И надлежитъ по тому дѣлу, по объявленнымъ выше и вашимъ царскаго величества указамъ, указъ учинить по завѣтному письму, и достальное имѣніе, посу́ду, низа́нья, платье, которое написано и въ завѣтномъ письмѣ, взявъ у нея Матрены отдать мнѣ, не толико что̀ на мнѣ чего спрашивать и мною бъ плѣнникамъ образецъ учинить и нарушить вашъ цар-

скаго величества оной именной указъ, что̀ въ пунктахъ. А въ Преображенскомъ Приказѣ по тому дѣлу и до нынѣ указу не учинено никакого; а меня держатъ за карауломъ, а на дѣлѣ помѣты никакой нѣтъ, и челобитья у меня къ дѣлу не принимаютъ. А за нее Монсову ходитъ стряпчей; а мое прошеніе было, чтобы и въ мою сторону ходить стряпчему жъ, для незнанія языка, и въ томъ мнѣ указу не учинено. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества: вели, государь, оное мое дѣло, за невершеніемъ и за посягательствомъ ко мнѣ изъ Преображенскаго Приказу, взять въ С. Петербургскую Канцелярію Сената, а меня бъ изъ Преображенскаго Приказу свободить и по тому моему дѣлу указъ учинить по пунктамъ противъ завѣтнаго письма. Вашего величества Свейской плѣнникъ, капитанъ Карлъ Яганъ фонъ Меллеренъ. Декабря въ 9-й день 1715 году.

Сверхъ сдѣланнаго выше рукоприкладства (Русскимъ писцомъ) просьбу подписалъ: „Carell Johan von Müller.“

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. оп. 3, св. 25, № 27.)

ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

1.

Не по красотѣ, не по уму, еще менѣе по знанію и по опрятности тѣлесной, представляешь человѣка въ армію въ инспекторы. Онъ же столь взбалмошной, что болѣе двухъ мѣсяцевъ по городу хвастается, что онъ тебя поймалъ и за носъ водитъ, сбираясь въ гофмаршалы: ибо дуракъ сей столь лѣнивъ, что кромѣ ѣды да пѣтуховой драки и въ головѣ ничто не помѣщается. По богатству своему онъ ни къ чему не прилежитъ и ни въ чемъ думаетъ, что и нужды не имѣетъ. Онъ тебѣ чести въ арміи не принесетъ. Несчастлива бы армія была, ежели въ ней не найдется единый человѣкъ достойнѣе того глупца. Позволь сказать, что рожа жены его, какова ни есть, не стоитъ того, чтобъ ты себя обременялъ такимъ человѣкомъ, которой въ короткое время тебѣ будетъ въ тягость. Тутъ же не возьмешь ничего: car madame est charmante; mais on ne gagne pas la moindre chose en lui faisant la cour. C'est une chose reconnue, et une famille immense veille à sa réputation. Ainsi il se pourroit encore que vous resteriez chargé du mari qui est vraiment une charge et une charge lourdre, sans attirer personne à sa suite que lui-même [1]). Ты самъ знаешь, что богачи у насъ рѣдко

[1]) Ибо мадамъ красотка, но ничего не сдѣлаешь, волочась за нею. Это дѣло извѣстное. Многочисленная родня смотритъ за ея репутаціей. Такимъ образомъ можетъ еще случиться, что ты останешься только обремененъ супругомъ (который по истинѣ есть тяжкое бремя) не получивъ вслѣдъ за нимъ никого.

прилежать къ чему, а сей гордъ и пышенъ, но при дворѣ весьма рядовой камеръ-юнкеръ съ богатымъ кафтаномъ по праздникамъ. Mon ami, je suis accoutumée a vous dire la vérité. Vous me la dites aussi, quand l'occasion s'en présente. Faites moi le plaisir pour cette charge d'en choisir un plus propre pour la chose et qui sache le service, afin que l'approbation du public et celle de l'armée couronne votre choix et ma nomination. J'aime à vous faire plaisir, je n'aime pas non plus à vous refuser; mais je voudrois que pour une place pareille tout le monde dise: voilà un bon choix et non pas un misérable choix d'un homme qui n'a pas l'idée de ce à quoi on veut l'employer. Faites la paix, après quoi vous viendrez ici vous amuser, tant qu'il vous plaira [2]). Извини меня, ежели скажу, что и мужъ и жена тебя обманываютъ. Я знаю, что ты сіе не любишь; но остеречь тебя не можетъ быть иное, окромѣ слово лишнее. Письмо же сіе издери по прочтеніи.

2.

Дурака заставь Бога молиться, онъ лобъ расшибетъ. Господинъ Крузъ думаетъ не кораблями, но самъ собою бить Шведовъ. На пакетъ-ботѣ ѣдитъ, а корабли оставилъ позади. Онъ же поста Паркелаутскаго обезсиливаетъ. Чтó изъ этой конфузіи выйдетъ, Богъ вѣсть, естьли онъ смѣненъ не будетъ.

3.

Мнѣ лучше нравится дефенсива, нежели офенсива. Сія послѣдняя требуетъ много точности и подробности, паче же отъ водянова или морскаго подвоза: сіе почти что требовать невозможно. Да сверхъ того, входя въ Финляндію, Финнамъ будетъ въ тягость, а теперь они насъ менажируютъ. Остаться въ дефенсивѣ, дондеже завѣрно полагать можно будетъ, что офенсива полезнѣе дефенсивы для насъ.

(*Сообщено въ 1864 году В. И. Ламанскимъ*).

---

2) Другъ мой, я привыкла говорить тебѣ правду; ты также говоришь мнѣ ее, когда представляется случай. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, выбери въ эту должность кого нибудь пригоднѣе, кто бы зналъ службу, такъ чтобы твой выборъ и мое опредѣленіе увѣнчались одобреніемъ публики и арміи. Я люблю дѣлать тебѣ пріятное; равно не люблю тебѣ отказывать; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы про человѣка, получившаго подобное мѣсто, всѣ говорили: вотъ хорошій выборъ! А не толковали бы, что выбранъ человѣкъ, не имѣющій понятія о должности, въ которую его хотятъ употребить. Устроивай миръ, послѣ чего пріѣдешь сюда и будешь веселиться, сколько угодно.

СТАРИННОЕ ОСТРОСЛОВІЕ.

ПРОШЕНІЕ ВЪ НЕБЕСНУЮ КАНЦЕЛЯРІЮ.

Всепресвѣтлѣйшій и милостивѣйшій Творецъ,
Создателю небесъ и всея твари Отецъ!

Просятъ слезно нижайшія твари,
Экономическіе крестьяне.
О чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Не было въ сердцахъ нашихъ боли, когда не раздѣлены были на волостныя доли, и всякому крестьянину была свобода какъ управлялъ нами воевода: тогда съ каждаго жи́ла по копѣйки съ души сходило, а нынѣ головы и земскіе для насъ мучители мерзкіе.

2.

Какъ извѣстно нынѣ всему свѣту, что отъ секретаря и приказныхъ житья намъ нѣту; по ихъ наукѣ сотскіе воры поминутно дѣлаютъ поборы: поступаютъ съ нами безчестно, чего не слыхано было вѣчно. Прогнѣвали Тебя, небеснаго Царя, что такого имѣемъ секретаря; разорилъ онъ насъ въ конецъ, не оставилъ ни курицъ, ни овецъ. Прежде тиранили, ненавидя христіянской вѣры, а нынѣ мучатъ безъ мѣры. Какъ не дашь изъ дому весь свой доходъ, который ожидаемъ на секретарскій расходъ.

3.

Суди, Владыко, по человѣчеству: какіе мы слуги Отечеству? До такой крайности дошли, что нечѣмъ одѣться, не только въ праздничный день разговѣться; работаемъ и трудимся до поту лица, не съѣдимъ въ Христовъ день куринаго яйца; ѣдимъ мякину вмѣстѣ съ лошадьми; какими жъ мы уже можемъ назваться людьми? Стали убоги мы, нищи, что не имѣемъ насущной пищи, кромѣ иной какъ мякины свиной, и за тою присылаютъ отъ разныхъ секретарей и приказныхъ.

4.

А паче всѣмъ народомъ вопіемъ къ Тебѣ, Царю: за что такая власть дана секретарю? Самъ и его приказные дѣлаютъ потѣхи разныя: для своихъ шутокъ щупаютъ нарочно и ловятъ утокъ; въ работу сѣнокосную чинятъ намъ обиду несносную; а осенью, когда утки хороши, дѣлаютъ для нихъ шалаши и таскаются цѣлой день пò лѣсу: не стало у насъ отъ крику голосу.

5.

Дошло уже, нечѣмъ истопить избенки; замучены отъ секретаря и лошаденки; никакой нѣтъ милости и свободы; для всякаго особливыя подводы; жены наши и ребятишки на себѣ таскаютъ дровнишки; а кто имѣетъ жизнь горькую, за тѣмъ отстаетъ тотъ хлѣба уборкою. А какъ настанетъ зимній путь, то всякій изъ насъ готовъ будь, какъ уже на мірскомъ сходѣ легло на брата по подводѣ, вывезть по сажени дровъ на секретарскій дворъ, даже въ деревняхъ — и приказнымъ. Нѣтъ времени быть празднымъ.

6.

А какъ придетъ весна, то жены наши станутъ ткать краснà; съ каждаго домишку по полупуду выходитъ льнишку. А сверхъ того для ихъ чести по фунту дадимъ овечьей шерсти, по мотку съ двора нитокъ, какой ни былъ бы пожитокъ. А на такого тирана извѣстнаго рѣшились трудить Тебя, Царя небеснаго.

7.

Всепресвѣтлѣйшій Владыко! Просимъ слезно, простирая руки: воззри на насъ; какъ нынѣ страждутъ Адамовы внуки. Не имѣемъ тягости отъ земнаго Царя, а обнищали и разорились въ конецъ отъ земскаго секретаря.

Загробное опровержение.—Письма Жуковскаго о воспитании Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева. — Записки графа П. Х. Граббе. — Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева. — Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова. — Мицкевичь о Пушкинѣ. — Анти-ципринусъ, и пр.). Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Печать Антихриста.—Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ—Письма императрицы Анны.—Бумаги П. А. Демидова.—Е. И. Нелидова. —Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки. — Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева.—Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Письма Вука Караджича о Вѣнской революціи 1848 года.—Жизнь Г. С. Карелина. — Выдержки изъ старой записной книжки. — Пренія о Славянофилахъ Э. А. Мамонова и И. С. Аксакова, и пр.). Цѣна 4 рубля.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

Печатается восьмая книга Архива князя Воронцова (автобіографія графа С. Р. Воронцова и переписка его съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ
1876 ГОДА
(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1876 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля (близь церкви Св. Θеодора Студита), издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Θ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году.

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863—1871) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой, у книгопродавца Ваганова.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 11.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать соединенныя въ отдѣльныя книги годовыя изданія Русскаго Архива.

1871 ГОДЪ. *Книга первая* (Записки Г. И. Ржевской.—Знакомство съ Шишковымъ, изъ Записокъ Д. Н. Свербеева. — Правда о Сусанинѣ. — Бумаги князя А. А. Черкасскаго. — Записки Арндта о 1812 годѣ.—П. Н. Свистуновъ, по поводу Записокъ Якушкина. — Записки И. И. Неплюева. — Переписка императора Александра Павловича съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.—Письма Гоголя къ Жуковскому.—Письма Жозефа де Местра о Россіи.—Записки Н. И. Греча, и пр.). Цѣна **4** рубля.

1871 ГОДЪ. *Книга вторая.* (Письма Екатерины II-й къ графу И. Г. Чернышеву и А. Н. Сенявину.—Послѣдніе четыре года въ жизни Суворова.—Біографія Сумарокова.—Воспоминанія А. О. Смирновой.—Н. И. Тургеневъ, воспоминаніе Д. Н. Свербеева.—Переписка гр. С. С. Уварова съ М. П. Погодинымъ.—Еще тѣнь Петра III-го.—Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей и пр.) Цѣна **3** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Письма Екатерины II-й къ Московскимъ главнокомандующимъ.—Записка графа Нессельроде о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева.—Картина Франціи 1823 года, сочиненіе графа Ѳ. В. Ростопчина.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Біографія Е. А. Энгельгардта. — Письма Грибоѣдова къ Родофиникину.—Письма Поздѣева —Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ старой записной книжки. — Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Восточная Пруссія надъ Русскимъ владѣніемъ. — Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 года.— Загробное опроверженіе.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева. — Записки графа П. Х. Граббе. — Записки Н. И. Греча.—Записки графа І. И. Ростовцева.— Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова. — Мицкевичь о Пушкинѣ. — Анти-ципринусъ, и пр.). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Печать Антихриста.—Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ—Письма императрицы Анны.—Бумаги П. А. Демидова.—Е. И. Нелидова. —Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки. — Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева.—Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Письма Вука Караджича о Вѣнской революціи 1848 года.—Жизнь Г. С. Карелина. — Выдержки изъ старой записной книжки. — Пренія о Славянофилахъ Э. А. Мамонова и И. С. Аксакова, и пр.). Цѣна **4** рубля.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ *).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1-го Сентября изъ деревни Мамонова выступили послѣднія войска нашей арміи къ Москвѣ, чтобы занять мѣсто, избранное Бенигсеномъ для предполагавшагося сраженія, на пространствѣ отъ деревни Филей и до Воробьевыхъ горъ. Предупредивъ ихъ, князь Кутузовъ прибылъ на Поклонную Гору и сидѣлъ, окруженный штабомъ, по обыкновенію на скамеечкѣ, которую постоянно за нимъ возилъ вѣстовой казакъ. Наканунѣ Бенигсенъ подробно осматривалъ мѣстоположеніе, вмѣстѣ съ полковниками Толемъ и Мишо. Къ нимъ присоединился и только что прибывшій въ нашу главную квартиру полковникъ Кроссаръ. „Мѣстоположеніе было неудобно для сраженія во всѣхъ отношеніяхъ, говоритъ онъ. Между тѣмъ Бенигсенъ выражалъ намѣреніе дать здѣсь сраженіе. Когда ему предъявляли удивленіе, какъ можно рѣшиться на сраженіе на такой неудобной мѣстности, онъ началъ креститься, какъ крестятся Русскіе, увѣряя, что еще три раза будетъ драться передъ Москвою. Эти крестныя знаменія со стороны протестанта меня столь же удивляли, какъ и рѣшимость сражаться на такой позиціи. Однакоже Бенигсенъ не могъ опредѣлить въ точности размѣщеніе войскъ. Какъ бы ни расположить ихъ, постоянно встрѣчались большія затрудненія. Разсуждали, ни въ чемъ не соглашаясь, теряли время; а между тѣмъ войска были близко. Толь, который обязанъ былъ указать мѣста для войскъ, постоянно требовалъ, чтобы Бенигсенъ выразилъ свое рѣшеніе. „Войска уже близко, повторялъ онъ безпрестанно: надо на что нибудь рѣшиться, генералъ“. Наконецъ Бенигсенъ выразилъ свое мнѣніе; Толь началъ разставлять войска, и мы возвратились въ главную квартиру. Всѣ эти дѣйствія поражали меня странностію до такой степени, что во время обозрѣнія мѣстоположенія я хранилъ молчаніе“. Все это происходило 31 Августа.

На другой день, когда князь Кутузовъ остановился на Поклонной Горѣ, и его окружила его свита, А. П. Ермоловъ спросилъ Кроссара, что̀ думаетъ онъ объ избранной позиціи. „Эта позиція чрезвычайно опасна“, отвѣчалъ Кроссаръ. Въ слѣдъ за тѣмъ, тотъ же вопросъ князь Кутузовъ предложилъ самому Ермолову. „По одному взгляду, отвѣчалъ онъ, невозможно судить положительно о мѣстѣ, назначаемомъ для 60 или болѣе тысячь человѣкъ; но весьма замѣтные въ немъ недостатки допускаютъ мысль о невозможности на немъ удержаться. Кутузовъ взялъ меня за руку (говоритъ Ермоловъ), пощупалъ пульсъ и сказалъ: здоровъ ли ты? Подоб-

---

*) См. выше и также вторую книгу Р. Архива сего года.

ный вопросъ оправдываетъ съ нѣкоторою живостью сдѣланное возраженіе. Я сказалъ, что драться на немъ онъ не будетъ, или будетъ разбитъ непремѣнно". Чтобы подкрѣпить свое мнѣніе о позиціи, которой онъ не осматривалъ подробно, но которой недостатки, можетъ быть, и съ перваго взгляду бросались въ глаза опытному боевому человѣку, Ермоловъ указалъ князю на полковника Кроссара. „Вотъ опытный офицеръ, ваша свѣтлость, говорилъ онъ ему; онъ дѣлалъ съ вами Австрійскую кампанію; онъ находитъ позицію также неудобною". Князь Кутузовъ зналъ полковника Кроссара и отдавалъ справедливость его способностямъ. Онъ участвовалъ въ составленіи плана отступленія Русскихъ войскъ отъ Кремса до Гогенварта. Немедленно по заявленіи Ермолова, Кутузовъ подозвалъ Кроссара къ себѣ и выслушалъ его подробныя объясненія о неудобствахъ избранной позиціи, удобнѣе которой, говорилъ онъ, „невозможно выбрать для того, чтобы погубить армію". Такое рѣзкое замѣчаніе вызвало удивленіе со стороны главнокомандующаго. Кроссаръ, увлекаясь болѣе и болѣе, спросилъ: „но имѣете-ли вы намѣреніе дать сраженіе?" На такой нескромный вопросъ, вызывавшій къ неумѣстной въ этомъ случаѣ откровенности главнокомандующаго войсками, князь Кутузовъ съ живостью замѣтилъ: „Какъ?.... Хочу-ли я дать сраженіе?" Почувствовавъ неловкость своего положенія, Кроссаръ спѣшилъ продолжать свою рѣчь: „Въ такомъ случаѣ, говорилъ онъ, вмѣсто того, чтобы ставить войска поперекъ дороги, удобнѣе размѣстить ихъ паралельно съ нею, если только эта гора (на которую онъ указалъ) будетъ удобна". Послѣ этихъ словъ кн. Кутузовъ поручилъ ему вмѣстѣ съ Ермоловымъ и кн. Кудашевымъ осмотрѣть какъ ту позицію, которую занимали войска, такъ и ту, которую онъ предполагалъ [1]).

Въ это время пріѣхалъ туда и гр. Ростопчинъ. „Въ 6 часовъ утра, говоритъ онъ, я выѣхалъ изъ Москвы, чтобы повидаться съ кн. Кутузовымъ и переговорить съ нимъ. Мнѣ необходимо было знать, какъ этотъ человѣкъ (comme cet homme) намѣревается дѣйствовать: потому что, въ своихъ письмахъ, онъ говорилъ мнѣ только о Бенигсенѣ, который разъѣзжаетъ по окрестностямъ, чтобы избрать удобную мѣстность, на которой можно бы дать большое сраженіе. По двумъ улицамъ, почти на протяженіи двухъ верстъ, я проѣзжалъ между двухъ рядовъ подводъ, нагруженныхъ ранеными, и между толпами также раненыхъ, которые шли пѣшкомъ въ главный госпиталь. Въ этотъ день особенно много прибыло въ Москву раненыхъ: по донесенію коменданта число ихъ простиралось до 26 тыс. Наша армія приблизилась къ Поклонной Горѣ и остановилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ заставы по Смоленской дорогѣ. Съ разу я замѣтилъ большое неустройство. Я нашелъ кн. Кутузова сидящимъ передъ огнемъ. Къ нему безпрерывно подъѣзжали со всѣхъ сторонъ генералы, офицеры главнаго штаба, адъютанты, испрашивая приказаній. Онъ отсылалъ ихъ то къ генералу Барклаю, то къ Бенигсену, а иногда и къ Толю, квартирмейстеру, своему любимцу, достойному своего покровителя. Онъ принялъ меня чрезвычайно учтиво, отвелъ въ сторону, и мы бесѣдовали на единѣ по крайней мѣрѣ полчаса. Это былъ мой первый разговоръ съ этимъ человѣкомъ. Онъ очень любопытенъ. Низости, неувѣренность и страхъ выражались въ словахъ главнокомандующаго нашими арміями, который долженствовалъ быть спасителемъ Отечества, но который никогда ничего не дѣлалъ и, не смотря на то, былъ почтенъ

---

[1]) Б. Кроссара, Mémoires milit. et histor. т. IV, гл. XLIV, стр. 361—336; Записки Ермолова т. I, стр. 208.

этимъ громкимъ титуломъ. Онъ объявилъ мнѣ, что рѣшился дать сраженіе Наполеону на этомъ самомъ мѣстѣ. Когда я замѣтилъ ему, что за позиціею мѣстность довольно круто спускается до самого города и если непріятель подвинетъ нашу линію, то армія наша войдетъ въ улицы вмѣстѣ съ непріятелемъ и можетъ быть вся погублена, онъ продолжалъ увѣрять меня, что его не принудятъ оставить эту позицію; но если бы по какому либо случаю ему пришлось отступить, то онъ двинулся бы на Тверь. На мое замѣчаніе, что онъ не нашелъ бы тамъ достаточнаго продовольствія для войскъ, что его можно найти только въ Бѣломъ (пристань, откуда хлѣбъ идетъ въ Петербургъ), отстоящемъ отъ Москвы на 300 верстъ, у него вырвалось выраженіе: „но прежде всего нужно подумать о Сѣверѣ и закрыть его“. Онъ имѣлъ въ виду резиденцію императора и не обращалъ вниманія на два обстоятельства: если бы корпусъ Витгенштейна былъ разбитъ, то Сенъ-Сиръ былъ бы въ Петербургѣ гораздо прежде его, а Наполеонъ, занявъ Москву, не могъ предпринимать походъ на Сѣверъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ: походъ продолжался бы шесть недѣль, необходимыхъ, чтобы занять Петербургъ въ концѣ Октября. Слѣдуя по дорогѣ въ Тверь, Кутузовъ оставилъ бы за собою всѣ свои подкрѣпленія и отдалъ бы въ руки непріятелю всю страну до Чернаго моря. Я его спросилъ, не предполагаетъ-ли онъ отступить на Калужскую дорогу, куда направлены всѣ обозы съ продовольствіемъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво. Причина заключалась въ томъ, что корпусъ Понятовскаго, послѣ сраженія при Бородинѣ, былъ двинутъ въ этомъ направленіи, и онъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Онъ началъ распространяться о сраженіи, которое намѣренъ дать, просилъ меня, чтобы завтра я пріѣхалъ въ армію вмѣстѣ съ архіепископомъ и двумя чудотворными иконами Божіей Матери, которыя онъ хотѣлъ пронести по всей линіи войскъ съ духовенствомъ во главѣ, пѣть молебны и кропить святою водою воиновъ. Онъ просилъ меня прислать ему нѣсколько дюжинъ бутылокъ вина и предупредилъ, что завтра ничего не будетъ, „потому что (прибавилъ онъ) я знаю способъ дѣйствій Наполеона: онъ остановится сегодня вечеромъ, дастъ войскамъ день отдыха, послѣ завтра сдѣлаетъ рекогносцировку и черезъ день нападетъ на меня“. Мы возвратились къ огню, около котораго собрались генералы и спорили между собою. Дохтуровъ, который долженъ былъ командовать лѣвымъ крыломъ, пріѣхалъ извѣстить, что не было возможности провезти артилерію по причинѣ крутыхъ береговъ рѣки и высокой горы“.

О разговорѣ съ глазу на глазъ только и могутъ быть показанія самихъ двухъ собесѣдниковъ; но намъ осталось показаніе одного графа Ростопчина. Повѣрить его разсказъ нечѣмъ; но почему же ему не вѣрить? Устранивъ даже то непріязненное чувство къ кн. Кутузову, которымъ пропитанъ этотъ разсказъ, какъ и всѣ Записки графа Ростопчина о 1812 г. и обращая вниманіе только на сущность разговора, нельзя не придти къ тому заключенію, что князь Кутузовъ или насмѣхался надъ своимъ собесѣдникомъ, желая его уколоть, или считалъ его человѣкомъ, не имѣющимъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Онъ выразилъ ему опредѣленно только два предположенія: о намѣреніи дать сраженіе и объ отступленіи на Сѣверъ къ Твери. Вопросъ же о движеніи на Калужскую дорогу оставленъ имъ безъ прямаго отвѣта. Послѣднее весьма понятно: кн. Кутузовъ никогда и никому не сообщалъ предположеній о своихъ будущихъ дѣйствіяхъ; а это дѣйствіе при томъ принадлежало къ числу такихъ, которое необходимо было скрыть. Это можетъ отчасти объяснить, почему онъ указалъ на отступленіе къ Твери.

Но дѣйствительно-ли въ это утро князь Кутузовъ еще намѣренъ былъ дать большое сраженіе подъ Москвою и отказался отъ этой мысли только вечеромъ, послѣ того, какъ большинство членовъ военнаго совѣта въ Филяхъ высказалось противъ? Прежде нежели будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы считаемъ нужнымъ предложить по существу тотъ-же вопросъ, но въ иномъ видѣ, а именно: при назначеніи его главнокомандующимъ всѣми Русскими арміями, имѣлъ ли князь Кутузовъ въ виду защитить Москву отъ непріятеля и не впустить его туда? Едва-ли можетъ быть и сомнѣніе въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ: защита Москвы составляла существенную его цѣль. „Я вспоминаю, говоритъ одинъ изъ приближенныхъ къ Барклаю-де-Толли его адъютантовъ въ 1812 г., какъ въ Дорогобужѣ зашла рѣчь о томъ, что непріятель можетъ проникнуть въ Москву, и Барклай отвѣчалъ на это: „Когда рѣчь идетъ о спасеніи Россіи, а можетъ быть и всей Европы, Москва въ моихъ глазахъ тоже, что и всякій другой городъ; дѣло идетъ не о благѣ городовъ и областей, а о спасеніи и поддержаніи королевствъ и имперій“ [2]). Безъ сомнѣнія взглядъ кн. Кутузова, какъ Русскаго человѣка, былъ совершенно иной. На врядъ ли въ его посѣдѣлой головѣ, всецѣло занятой мыслію о спасеніи Отечества, во время грозной для него опасности, нашелся праздный уголокъ для мысли, хотя бы и мимолетной, о другихъ королевствахъ и имперіяхъ Европы; для него Москва не могла имѣть такого же значенія, какъ всякій, какой бы то ни былъ, городъ или мѣстность въ Россійской имперіи. Выѣхавъ изъ Петербурга, сидя въ каретѣ и смотря на карту Россіи, онъ часто повторялъ: „Если только Смоленскъ застану въ нашихъ рукахъ, то непріятелю не бывать въ Москвѣ“. За Торжкомъ онъ узналъ, что Смоленскъ уже взятъ Французами. „Ключь къ Москвѣ взятъ, сказалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ и пожалѣлъ, что поѣхалъ прямою дорогою къ Смоленску, а не черезъ Москву. Съ этого времени возможность защитить Москву отъ вторженія въ нее непріятеля сдѣлалась для него вопросомъ, который онъ и выразилъ прямо въ письмѣ къ графу Ростопчину изъ Гжатска. „Не рѣшенъ еще вопросъ, потерять ли армію или потерять Москву“, писалъ онъ, и этотъ вопросъ оставался для него нерѣшеннымъ до перваго Сентября. Бородинское сраженіе было вызвано необходимостью. Постоянное отступленіе привело въ уныніе все войско, разстроило дисциплину и возбудило въ немъ ропотъ и недовѣріе къ предводителямъ. Войска требовали битвы, требовали ея общественное мнѣніе всей Россіи и государь. Уступая этимъ требованіямъ, и Барклай-де-Толли рѣшился бы дать большое сраженіе. Князь Кутузовъ по собственному убѣжденію долженъ былъ дать такое сраженіе для того, чтобы не потерять довѣрія къ себѣ войскъ и Россіи, и потому-то успѣхъ этого сраженія рѣшалъ именно поставленный имъ вопросъ, котораго не существовало для его предшественника.

Нѣкоторые изъ современниковъ происшествій предполагали, что кн. Кутузовъ никогда не думалъ дать сраженіе на другой день послѣ Бородина, но говорилъ это изъ одной *политики*“ [3]); но едвали не вѣрнѣе думали тѣ, которые вѣрили, что онъ дѣйствительно намѣренъ былъ дать сраженіе, но отказался отъ этого намѣренія послѣ того, какъ были приведены въ извѣстность огромныя потери, понесенныя нашимъ войскомъ на Бородинскихъ поляхъ. Безъ сомнѣнія новое сраженіе, данное на другой

---

[2]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten, ч. I, стр. 212.

[3]) Записка о 1812 г. князя А. Б. Голицына.

день послѣ Бородинскаго, было бы не менѣе ожесточенно, какъ и первое и стоило бы не меньшихъ потерь, какъ бы успѣшно оно ни окончилось. Въ такомъ-же случаѣ вопросъ, занимавшій князя Кутузова, былъ бы разрѣшенъ: армія наша была бы почти уничтожена. Такого рѣшенія вопроса безъ сомнѣнія не могъ допустить опытный главнокомандующій; но ему тяжело было допустить и второй способъ рѣшенія, т. е. оставить Москву въ добычу непріятелю. Поэтому, *собравъ сколько возможно подкрѣпленій* и *выбравъ мѣсто* для битвы, онъ дѣйствительно желалъ дать новое сраженіе подъ Москвою. Всѣ письма его въ это время, писанныя къ графу Ростопчину, могутъ служить доказательствомъ. Нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ предполагать, что онъ умышленно его обманывалъ, какъ это думали самъ графъ Ростопчинъ и многіе изъ иностранныхъ писателей. Приписываемыя ему слова, что онъ *клялся своими сѣдинами*, что не *отдастъ* Москву непріятелю, что *будетъ и въ улицахъ драться*, что они войти могутъ въ Москву не иначе какъ *по его трупу*, не находятся ни въ одномъ изъ его писемъ къ графу Ростопчину; а напротивъ, находятся большею частію въ афишкахъ самого графа Ростопчина [4]).

Трудно было Русскому вождю безъ боя уступить врагу древнюю столицу; но сраженія онъ дать не могъ, потому что не получалъ никакихъ почти подкрѣпленій; а 80-ти тысячное ополченіе, которое вызвался поставить графъ Ростопчинъ, оказалось существовавшимъ лишь въ его возбужденномъ, хотя и любовью къ родинѣ, воображеніи. А можетъ быть кн. Кутузовъ разсчитывалъ до послѣдняго времени на помощь вооруженныхъ жителей Москвы? „Весьма возможно, говоритъ принцъ Евгеній Виртемберскій, что онъ надѣялся дать сраженіе Наполеону подъ самою Москвою и не возведя тамъ надежныхъ укрѣпленій (за недостаткомъ времени) и разсчитывалъ, что все способное носить оружіе населеніе Москвы будетъ его подкрѣплять“ [5]).

Переговоривъ наединѣ съ графомъ Ростопчинымъ, князь Кутузовъ возвратился вмѣстѣ съ нимъ къ своей обычной скамеечкѣ, стоявшей около горѣвшаго костра. Тамъ собралось много генераловъ и другихъ военныхъ чиновъ, и велись горячіе споры о невыгодности избираемой позиціи и о томъ, слѣдуетъ ли защищать или оставить Москву. Кутузовъ слушалъ молча: но „по выраженію его лица нельзя было не замѣтить душевной тревоги“, говоритъ очевидецъ, принцъ Евгеній Виртемберскій [6]). Въ это

---

[4]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 209; Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, № 154, стр. 167: „Ты удивляешься неосторожности Москвитянъ; но отцы и дѣды наши умерли, а мы дожили почти до старости безъ помышленія о томъ, чтобы непріятель могъ добраться до святыни Кремлевской: не хотѣлось думать, не хотѣлось вѣрить, не хотѣлось трусить въ собственныхъ глазахъ своихъ; насъ-же *увѣряли*, *ободряли*, *клялись сѣдыми волосами* и пр.“ Очевиденъ намекъ на Кутузова; но въ письмѣ, которое онъ прислалъ для обнародованія графу Ростопчину, 21 Авг. 1812 г., сказано: „прошу увѣрить Московскихъ жителей *моими сѣдинами*, что еще *не было* ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши *не одерживали поверхности*, а что́ не доходило до главнаго сраженія, то это зависило отъ насъ, главнокомандующихъ“. Тотъ-ли смыслъ заключается въ этихъ словахъ, какой придалъ имъ гр. Ростопчинъ?

[5]) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812. Breslau, 1846 г., стр. 102; Memoiren des Herz. Eugen v. Würtemberg, Франкфуртъ на Од. 1862, ч. 2, стр. 160.

[6]) Тамъ же, стр. 98.

время возвратился Ермоловъ, котораго вмѣстѣ съ полковниками Толемъ и Кроссаромъ, онъ посылалъ подробно обозрѣть избранную Бенигсеномъ мѣстность для битвы. По возвращеніи Ермоловъ выразилъ прежнее мнѣніе и представилъ доказательства. Кн. Кутузовъ молчалъ, а войска продолжали устраиваться по отданному приказанію; земляныя работы не останавливались... Когда Ермоловъ окончилъ свое донесеніе, графъ Ростопчинъ подошелъ къ нему и отвелъ его въ сторону. „Конечно званіе мое обратило его вниманіе на меня, говоритъ А. П. Ермоловъ: до того гордый вельможа не зналъ меня". „Не понимаю, для чего вы усиливаетесь непремѣнно защищать Москву, сказалъ ему гр. Ростопчинъ, когда, овладѣвъ ею, непріятель ничего не пріобрѣтетъ полезнаго. Принадлежавшія казнѣ сокровища и все имущество вывезены. Изъ церквей, за исключеніемъ немногихъ, взяты драгоцѣнности, богатыя, золотыя и серебряныя украшенія. Спасены важнѣйшіе государственные архивы. Многіе владѣльцы частныхъ домовъ укрыли лучшее свое имущество. Въ Москвѣ остается до 50 тыс. самого бѣднаго народа, не имѣющаго другаго пріюта". „Ваше сіятельство видите во мнѣ исполнителя воли начальника (уклончиво отвѣчалъ ему Ермоловъ), не допускающаго свободы разсужденій". „Замѣчательны, говоритъ Ермоловъ, послѣднія слова графа Ростопчина: „если безъ боя оставите вы Москву, то увидите ее за собою пылающею" [7]. Замѣчателенъ, прибавимъ мы, и отвѣтъ Ермолова графу Ростопчину о начальникѣ, не допускающемъ свободы разсужденій, когда только что передъ тѣмъ онъ два раза сряду очень *свободно* выразилъ ему свой взглядъ на избранную для сраженія мѣстность и ласково былъ выслушанъ кн. Кутузовымъ.—Кн. Кутузовъ по прежнему сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, молча выслушивая противоположныя мнѣнія. Въ это время подошелъ къ нему принцъ Евгеній Виртемберскій и сказалъ на ухо: „Надо рѣшиться, князь; хуже всего нерѣшительность" [8].

Во время этихъ разговоровъ на Поклонной Горѣ, „въ эти важныя сами по себѣ мгновенія, вдругъ раздались раскаты пушечныхъ выстрѣловъ нашаго аріергарда, указавшіе на близость непріятеля. Многіе думали, что чувство чести вынуждало положить предѣлъ дальнѣйшему отступленію. По ихъ мнѣнію, какъ могила составляетъ предѣлъ земному странствованію человѣка, такъ Москва была цѣлію и гробомъ Русскаго воина; за ней уже былъ другой міръ". Въ этихъ словахъ принца Евгенія весьма вѣрно передано чувство, которое испытывали Русскіе, стоя передъ Москвою. Это-то чувство и волновало кн. Кутузова и не вдругъ заставило его принять рѣшительную мѣру. Выслушавъ мнѣнія, онъ всталъ, отослалъ генераловъ на свои мѣста и, уѣзжая на свою квартиру въ Фили, подозвалъ принца Евгенія и тихо сказалъ ему: „Это должна рѣшить одна моя голова, дурна-ли она или хороша (ici ma tête, fut elle bonne ou mau-

---

[7]) Записки Ермолова т. I, стр. 209.

[8]) Aus dem Leben des Prinz. Eugen v. Würtemberg, изд. Helldorff, ч. II, стр. 58. Только въ этомъ изданіи находятся приведенныя слова; но оно сдѣлано его адъютантомъ не только на основаніи Записокъ самого принца, но и его собственныхъ. Принимая въ соображеніе, что князь Кутузовъ во время своего генералъ-губернаторства въ западныхъ губерніяхъ, отечески ласково относился къ принцу, находившемуся въ Вильнѣ съ своею дивизіею въ 1810 г. и принцъ питалъ къ нему искреннее расположеніе, можно допустить, что принцъ могъ рѣшиться сказать ему тайно эти слова. Послѣдующее обстоятельство, о которомъ упоминается уже во всѣхъ изданіяхъ воспоминаній принца Евгенія, подтверждаетъ это.

vaise, ne doit s'aider que d'elle même)". Замѣтивъ отношенія кн. Кутузова къ принцу Евгенію, графъ Ростопчинъ подошелъ къ нему и съ живостію сказалъ: „Если бы меня спросили, то я бы сказалъ: уничтожьте городъ прежде, нежели отдадите его непріятелю".

Таковъ былъ взглядъ графа Ростопчина; но „генералъ-губернаторъ, который долженъ охранять благоденствіе города, конечно не можетъ дать подобнаго совѣта". Пораженный этими словами, принцъ отвѣчалъ: „Я не Русскій; только Русскій можетъ рѣшиться на это" [9]).

Послѣ отъѣзда кн. Кутузова, графъ Ростопчинъ отправился къ Барклаю-де-Толли, завтракалъ у него и конечно слышалъ отъ него то мнѣніе, что на избранной позиціи драться нельзя и что надо оставить Москву безъ боя. „Онъ былъ угрюмъ и нѣсколько разстроенъ"; но, увидавъ барона Левенштерна, обошелся съ нимъ ласково и пригласилъ его въ городъ" [10]). „Я говорилъ съ Барклаемъ, и онъ мнѣ сказалъ: „Вы видите, что хотятъ дѣлать; если сдѣлаютъ глупость и рѣшатся на этомъ мѣстѣ драться, то я желаю только одного—быть убитымъ". Бенигсенъ, котораго я не видалъ со времени кончины императора Павла, заговорилъ со мною; я побѣдилъ отвращеніе къ этому человѣку и узналъ отъ него, что онъ вовсе не вѣритъ, чтобы возвѣщаемое кн. Кутузовымъ сраженіе было дѣйствительно дано; что они сами не знаютъ, сколько у нихъ человѣкъ подъ ружьемъ и что имѣется въ виду отступленіе, которое неизбѣжно повлечетъ за собою занятіе Москвы непріятелемъ. Солдаты смотрѣли угрюмо, офицеры были унылы; повсюду ужасный хаосъ; всякій давалъ совѣты, повсюду спорили между собою. Наканунѣ вечеромъ, Кутузовъ требовалъ отъ меня инструментовъ для саперовъ; я послалъ 10 наполненныхъ телѣгъ; офицеръ, которому я поручилъ ихъ доставить, никого не нашелъ, кто бы ихъ принялъ. Полчаса спустя, онъ явился ко мнѣ за приказаніями: онъ нашелъ, что телѣги были распряжены, и лошади взяты кѣмъ-то насильно. Не зная къ кому обратиться, чтобы вытребовать назадъ лошадей, я приказалъ офицеру оставить тамъ телѣги съ инструментами, а съ людьми возвратиться въ Москву пѣшкомъ. Я просилъ Барклая, чтобы онъ позволилъ моему сыну поѣхать вмѣстѣ со мною въ городъ. Мнѣ хотѣлось доставить ему день спокойствія. Онъ страдалъ отъ контузіи, которую получилъ въ руку и, казалось, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не думали, что будетъ дано сраженіе. Я отправился къ архіепископу и передалъ ему желаніе Кутузова, чтобы онъ съ процессіею и съ иконами пѣлъ молебны и окроплялъ святою водою воиновъ передъ сраженіемъ. Это сообщеніе было не по вкусу преосвященному, который меня спросилъ: „но куда-же я отправлюсь послѣ церемоніи?"—„Къ своимъ экипажамъ, отвѣчалъ я, въ которыхъ вы и отъѣдите отъ города, чтобы подождать исхода сраженія".—„Но если оно начнется прежде, чѣмъ я окончу церемонію? Я могу быть взятъ въ плѣнъ въ этой суматохѣ или убитъ!" Чтобы его успокоить, я объявилъ ему за тайну мое убѣжденіе, что сраженія вовсе не будетъ, но чтобы онъ только былъ готовъ на всякій случай. Когда мы сѣли за столъ, я замѣтилъ, что только мнѣ одному положили кусокъ бѣлаго хлѣба: отъѣздъ всѣхъ булочниковъ изъ Москвы былъ тому причиною. Въ 4 часа кн. Кутузовъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ просилъ кратчайшею дорогою прислать къ нему для присоединенія къ арміи только что составленныхъ два пѣхотныхъ полка, которые, въ

---

[9]) Erinnerungen, стр. 98—99; Memoiren, ч. 2, стр. 154—155; Helldorff, ч. 2, стр. 59.

[10]) Denkwürdigkeiten eines Livländers, ч. 1, стр. 238—239.

ожиданіи назначенія, прибыли въ одну деревню, находившуюся въ семи верстахъ отъ Москвы на Петербургской дорогѣ".

Сохранилось письмо кн. Кутузова къ гр. Ростопчину, писанное именно въ это время: „При письмѣ вашего сіятел. получилъ я рапортъ генералъ-маіора Миллера о состояніи его полка. Я намѣренъ присоединить оный къ арміи; но до тѣхъ поръ пока ваше сіятельство не получите дальнѣйшихъ о семъ отъ меня увѣдомленій, прошу васъ полкъ оный удержать въ Москвѣ". Это письмо есть отвѣтъ на письмо графа Ростопчина отъ 27 Августа, приведенное нами выше; оно показываетъ, что кн. Кутузовъ уже рѣшился на отступленіе [11]). Его разговоръ на Поклонной Горѣ съ графомъ Ростопчинымъ свидѣтельствуетъ, что онъ не только не хотѣлъ говорить съ нимъ откровенно, но шутилъ надъ нимъ, такъ какъ графъ Ростопчинъ подалъ къ тому поводъ, вызвавшись сгоряча поставить 80 тысячное новое ополченіе изъ жителей Москвы и ея окрестностей и тѣмъ ввелъ его въ заблужденіе. Не исполнивъ своего вызова, графъ Ростопчинъ, проповѣдывавшій постоянно, что съ потерею Москвы сопряжена и гибель Отечества, почувствовалъ, что ему уже не приходится тоже говорить самому князю Кутузову. Онъ началъ выражать ему и всѣмъ другимъ окружавшимъ его лицамъ совершенно противоположную мысль объ оставленіи Москвы, чего прежде онъ и въ возможности не допускалъ. Это конечно должно было поставить князя Кутузова въ необходимость противорѣчить ему. Но онъ могъ противорѣчить и по другой, простой причинѣ: оставленіе Москвы безъ боя имъ, какъ главнокомандующимъ, еще не было рѣшено до военнаго совѣта въ Филяхъ, а тайныя свои помышленія и соображенія конечно онъ открывать бы ему не сталъ.

Но съ какимъ убѣжденіемъ возвратился графъ Ростопчинъ съ Поклонной Горы въ Москву? Судя по его Запискамъ, онъ не приступалъ къ особеннымъ мѣрамъ, какія необходимы въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ увѣренъ, что Москва будетъ оставлена безъ боя и къ которымъ онъ приступилъ немедленно нѣсколько часовъ спустя, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ кн. Кутузова. До полученія этого извѣстія онъ приготовилъ слѣдующее письмо къ императору: „Государь! До 26 Августа я употребилъ всѣ старанія, чтобы успокоить жителей Москвы и поддержать общественное мнѣніе; но вдругъ послѣдовавшее отступленіе нашихъ армій, приближеніе непріятелей и огромное количество раненыхъ, наполнившихъ улицы, привели въ ужасъ Москву. Видя и самъ, что ея участь зависитъ отъ одного сраженія, я рѣшился принять мѣры, чтобы жители, оставшіеся въ незначительномъ числѣ, выбыли изъ нея, и я отвѣчаю вамъ моею головою, что непріятель найдетъ ее такою же опустѣлою, какъ и Смоленскъ. Все вывезено: Коммисія (т. е. военная), Арсеналъ. Теперь я забочусь о раненыхъ, которые ежедневно по 1500 выѣзжаютъ изъ города. Я считаю своею обязанностію объяснить вамъ, что Татищевъ, Обрѣзковъ и полковникъ Курдюмовъ дѣлали невозможное. Часть пороха и свинцу осталась; но если мы потеряемъ сраженіе, то все это пойдетъ въ воду, и я велю разбить бочки съ виномъ, наполняющія магазины. Москва въ рукахъ Бонапарта будетъ степью, если огонь не истребитъ ея, и можетъ сдѣлаться его могилою. Арміи стоятъ въ 6 верстахъ отъ города. Позиція довольно хороша и представляетъ удобные способы къ отступленію на Владиміръ или Калугу, гдѣ находятся всѣ наши магазины продовольствія. Но не нужно ходить такъ далеко. Надо непріятеля заставить уйти и погибнуть со всѣ-

---

[11]) Письмо князя Кутузова къ графу Ростопчину отъ 1-го Сент. 1812 г.

ми его разбойниками. Армія получила подкрѣпленія въ 12 тыс. человѣкъ, изъ пяти полковъ, которые составлялись здѣсь, въ Клину, Завидовѣ и Подольскѣ. Лобановъ прибудетъ уже поздно, потому что, вѣроятно, Бонапартъ нападетъ на насъ послѣ завтра. Въ томъ случаѣ, если наши войска оставятъ Москву въ добычу непріятелю, я присоединюсь къ главнокомандующему съ тѣми военными, которые здѣсь находятся и буду служить при арміи въ качествѣ простаго офицера. Государь! Чтобы слово миръ удалилось отъ васъ. Исторія вашего царствованія не должна быть запятнана позоромъ, который неизгладимымъ пятномъ легъ бы на Русскій народъ. Онъ займетъ свое мѣсто во вселенной, и вы восторжествуете надъ вашимъ жестокимъ противникомъ. Это случится, можетъ быть, очень скоро. Ваши подданные проливаютъ свою кровь и не унываютъ. Государь, не поддавайтесь увлеченію: вы скоро сдѣлаетесь спасителемъ вселенной. Очень можетъ случиться, что я уже въ послѣдній разъ имѣю счастіе писать къ вамъ; поэтому позвольте мнѣ отдать подъ ваше покровительство моего единственнаго сына. 26 Августа онъ былъ контуженъ въ руку; ядро разорвало его платье, но онъ оставался при исполненіи своихъ обязанностей и такъ будетъ поступать всегда“ [12]).

Сынъ графа Ростопчина, до 17 лѣтъ не покидавшій родительскаго крова, въ 1812 г. опредѣленъ былъ въ службу и въ качествѣ адъютанта Барклая-де-Толли сразу подвергся трудамъ и походной и боевой жизни. Графъ Ростопчинъ былъ нѣжный семьянинъ и конечно съ радостію увидалъ своего сына послѣ первой, продолжительной разлуки и грустно смотрѣлъ на утомленнаго и контуженнаго юношу. Въ то время, когда онъ писалъ къ Государю, онъ не могъ забыть о сынѣ, въ первый разъ послѣ четырemѣсячнаго отсутствія проводившаго ночь въ отцовскомъ домѣ, можетъ быть послѣднюю. Не могъ онъ не вспомнить о немъ, обрекая себя на смерть. Мы нисколько не сомнѣваемся, что графъ Ростопчинъ могъ пожертвовать и собственною жизнью, точно также какъ онъ приносилъ на жертву Отечеству своего единственнаго, въ это время, сына; но это чувство, выраженное въ его письмѣ и увѣренность, что будетъ дана битва подъ Москвою, показываютъ, что онъ вѣрилъ словамъ Кутузова и не подозрѣвалъ его въ то время *).

Послѣ того, какъ съ Поклонной Горы Кутузовъ пріѣхалъ въ Фили, онъ, по разсказу графа Ростопчина, „пообѣдалъ и, отдохнувъ по обыкновенію, созвалъ военный совѣтъ, куда пригласилъ генераловъ для совѣщанія о томъ, что̀ слѣдуетъ предпринять, т. е. защищать Москву или оставить ее непріятелю. Изъ 8 или 9 лицъ, присутствовавшихъ на этомъ совѣтѣ, только одинъ предложилъ немедленно идти впередъ и напасть на Наполеона, который, по его мнѣнію, ослабилъ на половину свои силы, отправивъ два корпуса, одинъ подъ начальствомъ Мюрата на Калужскую дорогу, а другой подъ начальствомъ принца Евгенія Богарне на Звѣнигородъ. Другіе генералы, указывая на печальное, но истинное состояніе нашей арміи, настаивали на необходимости отступленія. Кутузовъ былъ того же мнѣнія и объявилъ, что онъ пройдетъ городъ ночью и двинется на Рязанскую дорогу. „Онъ мнѣ оказалъ въ этомъ случаѣ величайшую услугу, не пригласивъ меня на этотъ неожиданный совѣтъ; потому что я точно также настаивалъ бы на необходимости отступленія, и это мнѣніе было бы принято, а мое съ нимъ согласіе только бы послужило ему

---

[12]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 1-го Сентября 1812 г.

*) Графъ Ростопчинъ могъ думать вообще о предстоящей битвѣ, и не подъ Москвою. *П. Б.*

оправданіемъ, что онъ отдалъ Москву непріятелю. Онъ написалъ мнѣ письмо, которое привезъ одинъ изъ его адъютантовъ, Монтрезоръ, около 8 часовъ вечера".

Въ виду Москвы, куда многіе изъ офицеровъ отправлялись провести или нѣсколько часовъ, или переночевать удобнѣе, нежели на военныхъ бивуакахъ, старый вождь не въ столицѣ поручилъ отвести себѣ помѣщеніе, гдѣ всякій еще жилой домъ готовъ былъ гостепріимно отворить двери такому гостю, но въ деревнѣ Филяхъ, въ одной изъ крестьянскихъ избъ. Быть можетъ, онъ желалъ показать собою примѣръ своимъ боевымъ сотрудникамъ, изъ которыхъ многіе имѣли свои дома въ Москвѣ; или тяжело ему было въѣхать въ столицу, которой участь была уже рѣшена въ его соображеніяхъ, чтобы изречь ей приговоръ въ ея собственныхъ стѣнахъ. Съ Поклонной Горы онъ отправился въ Фили и назначилъ военный совѣтъ въ 4 часа пополудни. Потрясенный нравственно назначеніемъ новаго главнокомандующаго, утомленный изумившею всѣхъ дѣятельностію во время Бородинскаго сраженія, Барклай-де-Толли сдѣлался боленъ. Его томила лихорадка, когда войска занимали мѣста для битвы подъ Москвою. Перемогая болѣзнь, онъ отправился осмотрѣть позицію. „Я удивился при видѣ оной," говоритъ онъ, „найдя ее совершенно невозможною для боя. Я поспѣшилъ въ главную квартиру князя, находящуюся на краю фланга и встрѣтилъ на пути г. Бенигсена. Я открылъ ему всѣ свои замѣчанія о сей позиціи и спросилъ у него: Рѣшено ли было погребсти всю армію на семъ мѣстѣ? Онъ казался удивленнымъ, но объявилъ мнѣ, что вскорѣ самъ будетъ на лѣвомъ флангѣ; вмѣсто того онъ поѣхалъ въ деревню, находящуюся въ центрѣ, гдѣ назначена была его квартира. Когда я объяснилъ положеніе арміи князю (что́ я исполнилъ съ помощію рисунка позиціи), онъ ужаснулся. Полковникъ Толь, у коего онъ спросилъ мнѣнія, призналъ всѣ мои замѣчанія справедливыми; онъ говорилъ, что не избралъ бы сей позиціи и присовокупилъ, что принужденъ объявить, что арміи подвергались нѣкоторой опасности" [13]). Выслушивая замѣчанія Барклая-де-Толли, едва ли могъ *ужаснуться* князь Кутузовъ: точно такія же замѣчанія онъ только что выслушалъ отъ Ермолова, Толя, Мишо, Кроссара, кн. Кудашева. Можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ доволенъ, что подтвержденіе справедливости этихъ замѣчаній услышалъ отъ главнокомандующаго первою арміею, котораго мнѣніе конечно имѣло значеніе; но едва ли его удовольствіе въ этомъ случаѣ можно объяснить тою цѣлію, которую усмотрѣлъ генералъ Ермоловъ. „Князь Кутузовъ, внимательно выслушавъ, не могъ скрыть своего восхищенія, что не ему присвоена будетъ мысль объ отступленіи и, желая отклонить отъ себя сколь возможно упреки въ оставленіи Москвы, велѣлъ собрать военный совѣтъ [14])".

---

[13]) Изображеніе военн. дѣйствій первой арміи, Чтенія, 1858 г. кн. IV, стр. 25—26.

[14]) „День клонился къ вечеру, говоритъ А. П. Ермоловъ, и еще не было никакихъ особенныхъ распоряженій. Военный министръ призвалъ меня къ себѣ, съ отличнымъ благоразуміемъ и основательностію истолковалъ мнѣ причины, по коимъ полагаетъ онъ отступленіе необходимымъ, пошелъ къ князю Кутузову и мнѣ приказалъ идти за собою. Никому лучше военнаго министра не могли быть извѣстны способы для продолженія войны и какими изъ нихъ въ настоящее время пользоваться возможно; чтобы употребить благонадежные, надобно выиграть время, и для того оставить Москву необходимо. Послѣ переговоровъ съ ними кн. Кутузовъ „приказалъ къ осьми часамъ вечера собрать генераловъ на военный совѣтъ". Барклай-де-Толли не упоминаетъ о присутствіи при этомъ случаѣ Ермо-

Ермоловъ объясняетъ дѣйствія кн. Кутузова особенною, свойственною ему хитростію. Оставляя пока въ сторонѣ ходившую между современниками молву о хитрости кн. Кутузова, нельзя не замѣтить, что въ этомъ случаѣ она не могла выразиться, потому что не достигла бы цѣли. Въ умѣ тонкомъ и предусмотрительномъ никто и никогда не отказывалъ кн. Кутузову. Могъ ли главнокомандующій отклонить отъ себя *упреки* и сложить отвѣтственность за оставленіе безъ бою древней столицы Россіи на военный совѣтъ, котораго мнѣнія были вовсе не обязательны для него? Онъ могъ отвергнуть даже единогласное мнѣніе совѣта; а въ этомъ случаѣ нельзя было ожидать единогласія. Тяжелое чувство при мысли объ оставленіи Москвы, которое испытывалъ самъ князь Кутузовъ, было общимъ чувствомъ всѣхъ Русскихъ военныхъ людей. Оно могло вызвать скорѣе на отчаянную рѣшимость погибнуть подъ стѣнами города, нежели оставить его безъ боя. Во всякомъ же случаѣ Бенигсенъ, постоянно заявлявшій о необходимости сраженія и выбравшій позицію подъ Москвою, заявилъ бы тоже мнѣніе и въ совѣтѣ. Главнокомандующій всегда могъ утвердить одно изъ мнѣній, и стало быть отвѣтственность оставалась бы на немъ одномъ. Такъ и понималъ князь Кутузовъ что̀ доказываютъ его слова, сказанныя на Поклонной Горѣ герцогу Виртемберскому. Но, безъ

лова можетъ быть случайно; но во всякомъ случаѣ онъ вѣрнѣе опредѣляетъ время военнаго совѣта въ 4 часа по полудни, что̀ показываетъ, что распоряженіе о его созывѣ сдѣлано кн. Кутузовымъ прежде этого разговора. Барклай-де-Толли говоритъ, что одинъ б. Бенигсенъ заставилъ себя ожидать до 6 часовъ, что̀ подтверждаетъ и самъ Бенигсенъ. „Кн. Кутузовъ подробно разсказалъ мнѣ, говоритъ Ермоловъ, разговоръ его съ гр. Ростопчинымъ и *со всею простотою души своей и невинностію* увѣрялъ меня, что до сего времени онъ не зналъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы не снищетъ никакихъ существенныхъ выгодъ и что нѣтъ конечно причинъ удерживать ее съ чувствительною потерею, и спросилъ: какъ я думаю о томъ? Избѣгая вторичнаго испытанія моего пульса, я молчалъ; но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, подозрѣвая готовность обойтись безъ драки, я отвѣчалъ, что прилично было-бы аріергарду нашему, въ честь древней столицѣ, оказать нѣкоторое сопротивленіе.“ Графъ Ростопчинъ безъ сомнѣнія сообщилъ кн. Кутузову, что изъ Москвы вывезено *все*, что̀ только желательно было спасти, какъ онъ писалъ самому императору, и это сообщеніе безъ сомнѣнія имѣло важное значеніе для Кутузова. Онъ очень могъ не знать объ этомъ до того времени, потому что графъ Ростопчинъ не сообщалъ ему ничего подобнаго въ перепискѣ съ нимъ. Быть можетъ, что въ армію доходили слухи о вывозѣ различныхъ предметовъ изъ Москвы; но это были частные слухи, которыми едва-ли было время заниматься главнокомандующему. Да едва-ли и Ермолову было это извѣстно тогда; а развѣ много позже, когда онъ писалъ свои Записки. „Князь, конечно, замѣчаетъ Ермоловъ, не полагалъ, чтобы извѣстно было сужденіе на счетъ его знаменитаго Суворова, которой говорилъ: его и Рибасъ не обманетъ. Впрочемъ въ *нынѣшнее время* многіе его угадываютъ“. Но какой же смыслъ этихъ словъ Суворова? Кажется не тотъ, который видитъ въ нихъ Ермоловъ. Суворовъ *хитрость* приписывалъ Рибасу, который и дѣйствительно отличался ею, а *умъ* Кутузову, и слова его можно перевести такъ: какъ ни хитеръ Рибасъ, но Кутузовъ такъ *уменъ*, что ему не удастся его обмануть. Ничего нѣтъ труднѣе для людей, погруженныхъ въ интриги главныхъ штабовъ, понять всю простоту дѣйствій великаго ума. Но сомнительно даже, чтобы князь Кутузовъ имѣлъ такой разговоръ съ Ермоловымъ передъ самымъ военнымъ совѣтомъ. Вѣроятно, въ то время, когда онъ писалъ Записки, память ему нѣсколько измѣнила, и онъ пріурочилъ его не къ тому времени.

сомнѣнія, для него было важно то обстоятельство, чтобы главные боевые его сотрудники убѣдились въ необходимости принимаемой имъ мѣры, а не исполняли ее только въ слѣдствіе его приказанія какъ главнокомандующаго.

Въ назначенное время съѣхались въ избу, которую занималъ въ Филяхъ кн. Кутузовъ, генералы Барклай-де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, гр. Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, полковники Кайсаровъ и Толь. Баронъ Бенигсенъ заставилъ себя ждать до шести часовъ. „1-го Сентября, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, я былъ занятъ окончательнымъ осмотромъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Мишо, окрестностей лѣваго крыла нашей позиціи, какъ явился ко мнѣ офицеръ отъ кн. Кутузова съ порученіемъ пріѣхать къ нему. Я велѣлъ отвѣчать, что явлюсь немедленно, лишь только окончу осмотръ мѣстоположенія. Я пріѣхалъ къ князю въ седьмомъ часу вечера и нашелъ у него собранный военный совѣтъ“. Исчисливъ тѣхъ же лицъ, составлявшихъ совѣтъ и упомянувъ въ ихъ числѣ ген. Платова, онъ говоритъ: „Каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы провесть войска черезъ Москву и оставить столицу непріятелю? Генералъ Барклай болѣе всѣхъ поддерживалъ необходимость этой мѣры“. Б. Бенигсенъ, узнавъ о предметѣ совѣщанія и желая повсюду первенствовать, не дождался, чтобы главнокомандующій поставилъ вопросъ для разсужденій, и самъ предложилъ его въ такомъ видѣ: что̀ слѣдуетъ предпочесть, сраженіе ли подъ Москвою, или оставленіе столицы непріятелю? Князь перервалъ его рѣчь. По свидѣтельству Барклая, его сильно огорчилъ такой безполезный и легко поднятый вопросъ; онъ замѣтилъ, что участь не только арміи и Москвы, но и всего государства зависила отъ того предмета, который предлагается на обсужденіе. Такой вопросъ, говорилъ онъ, безъ предварительнаго объясненія главныхъ обстоятельствъ, совершенно лишній; затѣмъ, подробно объяснивъ всѣ недостатки выбраннаго для битвы мѣстоположенія, князь говорилъ: „Пока будетъ еще существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется еще надежда съ честью окончить войну; но по уничтоженіи арміи, не только Москва, но и вся Россія была бы потеряна“. Послѣ этихъ соображеній онъ предложилъ вопросъ въ такомъ видѣ: слѣдуетъ ли ожидать непріятеля въ такой неудобной позиціи, или оставить Москву непріятелю? Барклай-де-Толли доказывалъ, что позиція весьма невыгодна, дожидаться въ ней непріятеля опасно, побѣдить его болѣе нежели сомнительно, потому что онъ располагаетъ бо̀льшими силами: со времени Бородинскаго сраженія, наши войска потерпѣли значительныя потери, особенно въ офицерахъ и генералахъ. Если бы удалось намъ удержать мѣсто сраженія, то во всякомъ случаѣ мы потерпѣли бы значительный уронъ и съ остальными силами не были бы въ состояніи защитить такого обширнаго города, какъ Москва. Но если бы мы были разбиты, то все, что̀ не досталось бы непріятелю на мѣстѣ сраженія, было бы имъ уничтожено при нашемъ отступленіи чрезъ Москву. Конечно потеря Москвы произведетъ тяжелое впечатлѣніе на государя, но не будетъ для него дѣломъ неожиданнымъ и не вынудитъ его къ заключенію мира. Его рѣшительная воля состоитъ въ томъ, чтобы съ твердостію продолжать войну. Сохранивъ Москву, Россія не избавитъ себя отъ войны жестокой и разорительной; но сохранивъ армію, не лишится возможности продолжать войну, которая составляетъ единственное средство къ спасенію Отечества. Поэтому Барклай-де-Толли предлагалъ оставить Москву безъ боя и отступить на Владимірскую дорогу, чтобы сохранить сообщеніе съ Петербургомъ.

Баронъ Бенигсенъ, противъ котораго главнѣйше были направлены рѣчи главнокомандующаго первою арміею, отвѣчалъ ему: „Я началъ съ вопроса, говорилъ онъ, хорошо ли сообразили тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собою оставленіе Москвы, самого обширнаго города въ имперіи и какія понесутъ потери казна и множество частныхъ лицъ? Подумали ли, что̀ будутъ говорить крестьяне, общество и вообще весь народъ и какое ихъ мнѣнія могутъ имѣть вліяніе на способы для продолженія войны? Подумали-ли объ опасности провесть черезъ городъ войска съ артилеріею въ такое короткое время, когда непріятель преслѣдуетъ насъ по пятамъ? Наконецъ, о стыдѣ оставить непріятелю столицу безъ выстрѣла? Я спрашиваю: будетъ ли послѣ этого вѣрить Россія, что мы выиграли Бородинское сраженіе, какъ это было обнародовано, если послѣдствіемъ его будетъ оставленіе Москвы, и не докажемъ ли мы тѣмъ, что его потеряли? Какое произведетъ это впечатлѣніе на иностранные дворы и вообще въ чужихъ краяхъ? Я спрашиваю: развѣ наши войска будутъ лучше устроены, оставивъ непріятелю Москву? Не должно ли наше отступленіе имѣть предѣлъ? Я прибавилъ, что не вижу поводовъ предполагать, что мы непремѣнно будемъ разбиты, потеряемъ всю артилерію, тогда какъ послѣ Бородинскаго сраженія мы получили подкрѣпленія, а непріятель получить ихъ не могъ. Я думаю, напротивъ, что мы остались такими-же Русскими, которые всегда дрались съ примѣрною храбростью. Если мы въ сраженіи 26 Августа потерпѣли большія потери, то не меньшія потерпѣлъ и непріятель какъ въ солдатахъ, такъ и въ офицерахъ. Если наша армія послѣ того растроена, то не менѣе растроены и непріятельскія войска“. Вся эта рѣчь б. Бенигсена клонилась не къ тому, чтобы защитить отъ нападеній избранную имъ позицію, какъ слѣдовало бы ожидать; напротивъ, онъ и не пытался защитить ее; а вдругъ предложилъ совершенно новый способъ военныхъ дѣйствій, разсчитывая, что онъ найдетъ поддержку въ общемъ почти желаніи войскъ дѣйствовать наступательно. Опираясь на извѣстія, что непріятельскіе корпуса идутъ въ обходъ нашихъ фланговъ, т. е. корпусъ вице-короля на Рузу и Понятовскаго на Калужскую дорогу (что̀ подтверждалось свѣдѣніями, полученныя во время самого военнаго совѣта), онъ предложилъ: „Въ продолженіи ночи перевесть всѣ войска на лѣвое крыло и двинуться на встрѣчу непріятелю, ослабленному отдѣленіемъ этихъ двухъ корпусовъ. Мы непремѣнно бы его разбили, и тогда тѣ корпуса, которые были посланы въ обходъ нашихъ, онъ непремѣнно бы долженъ былъ притянуть къ себѣ, чтобы они не могли быть отрѣзаны.“

„Я замѣтилъ на это, говоритъ Барклай-де-Толли, что объ этомъ слѣдовало подумать ранѣе и сообразно съ тѣмъ размѣстить войска. Время еще не было упущено, когда я въ первый разъ объяснилъ вамъ невыгоды позиціи; но теперь уже поздно: ночью нельзя передвигать войска по непроходимымъ рвамъ, и непріятель могъ бы ударить на насъ, прежде нежели успѣли бы мы размѣстить войска въ новомъ положеніи. При томъ наша армія, по храбрости, сродной нашимъ войскамъ, могла сражаться съ непріятелемъ въ позиціи и отразить его, но не можетъ исполнять движенія въ виду непріятеля“.

Князь Кутузовъ выразилъ согласіе съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ и привелъ въ доказательство Фридландское сраженіе. Умалчивая о томъ обстоятельствѣ, на которое указывалъ Барклай-де-Толли, что было упущено время для предлагаемаго передвиженія войскъ, баронъ Бенигсенъ говоритъ, что ему показалось *страннымъ* замѣчаніе главнокомандующаго первою арміею, что Русскія войска не въ состояніи исполнить это-

го движенія и что оно разобщило бы насъ съ Калугою, Тулою, Рязанью и Владиміромъ. „Я говорилъ, что на открытой долинѣ, которая простирается противъ нашего лѣваго крыла, и для простаго глаза могутъ быть видимы движенія всѣхъ колоннъ, и легко наблюдать за ними, и при томъ предполагаемое движеніе вовсе не сложно, а напротивъ чрезвычайно просто. Что же касается до сообщеній съ показанными городами, то предполагаемое мною движеніе прикрываетъ ихъ, что́ можно видить, взглянувъ только на карту и, въ случаѣ отступленія, намъ остается только выбрать старую или новую Калужскую дорогу“. Бенигсенъ увѣряетъ даже, будто говорилъ, что и въ случаѣ оставленія Москвы наши войска должны отступать въ этомъ направленіи. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ разсказываетъ, что, оспаривая предложенное Барклаемъ-де-Толли отступленіе къ Владиміру и Нижнему Новгороду, онъ предлагалъ другое, по Рязанской дорогѣ и что генералъ Платовъ поддерживалъ его предложеніе.

Мнѣніе Бенигсена поддерживалъ Дохтуровъ „Онъ сидѣлъ (говоритъ Бенигсенъ) вдали отъ стола, вокругъ котораго не могли размѣститься всѣ лица, присутствовавшія на совѣтѣ, и дѣлалъ мнѣ знаки одобренія моихъ соображеній. У меня волосы становятся дыбомъ, говорилъ онъ ему потомъ, когда подумаю только объ оставленіи Москвы“. На другой день послѣ военнаго совѣта Дохтуровъ писалъ въ семейномъ письмѣ: „Я въ отчаяніи, что оставляютъ Москву. Какой ужасъ, мы уже по сю сторону столицы! Я прилагаю все стараніе, чтобы идти врагу на встрѣчу. Бенигсенъ былъ того же мнѣнія: онъ дѣлалъ что̀ могъ, чтобы увѣрить, что единственнымъ средствомъ не уступать столицы было бы встрѣтить непріятеля и сразиться съ нимъ. Но это отважное дѣйствіе не могло подѣйствовать на этихъ малодушныхъ людей. Мы отступили черезъ городъ; какой стыдъ для Русскихъ — покинуть отчизну безъ малѣйшаго ружейнаго выстрѣла и безъ боя! Я взбѣшенъ; но что же дѣлать?“ Коновницинъ, предпріимчивый и неустрашимый, но не входившій въ обширныя военныя соображенія (по свидѣтельству Ермолова) защищалъ наступательный способъ дѣйствій. Гр. Остерманъ, Уваровъ и Раевскій соглашались съ мнѣніемъ Барклая-де-Толли. Опровергая предложеніе Бенигсена, Остерманъ между прочимъ выразился, что можно бы рѣшиться защищать Москву, еслибъ генералъ Бенигсенъ могъ поручиться, что мы непремѣнно одержимъ побѣду. „Это слишкомъ большое требованіе отъ одного человѣка, отвѣчалъ Бенигсенъ съ раздраженіемъ: побѣда можетъ зависить лишь отъ храбрости солдатъ и умѣнія нашихъ генераловъ“. Раевскій пріѣхалъ къ концу совѣщаній. Кн. Кутузовъ поручилъ Ермолову пересказать ему сущность разсужденій. „Если позиція отнимаетъ у насъ возможность дѣйствовать всѣми нашими силами, а между тѣмъ рѣшено дать сраженіе: то выгоднѣе идти на встрѣчу непріятелю, нежели ожидать его. Это лучшее средство разстроить планъ его атаки; но для подобнаго предпріятія войска наши недовольно привычны къ маневрамъ: потому мы можемъ лишь не надолго замедлить вто̀рженіе Наполеона въ Москву. Отступленіе послѣ сраженія чрезъ такой обширный городъ довершитъ растройство арміи. „Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она“, слѣдовательно болѣе всего надо беречь войска. Мое мнѣніе: оставить Москву безъ сраженія; но я говорю, какъ солдатъ. Князь Михаилъ Иларіоновичъ только можетъ судить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи можетъ произвести извѣстіе о занятіи Москвы непріятелемъ“.

Полковникъ Толь, раздѣляя тоже мнѣніе, „представилъ совершенную невозможность держаться арміи въ позиціи, выбранной Бенигсеномъ; ибо, съ неминуемою потерею Москвы, армія подверглась бы совершенному истребленію и потеряла бы всю артилерію“. Поэтому онъ предложилъ ос-

тавить „немедленно позицію при Филяхъ и расположить армію правымъ флангомъ къ деревнѣ Воробьевой, а лѣвымъ къ новой Калужской дорогѣ, по направленію между деревнями Шатиловымъ и Воронцовымъ; и изъ этой позиціи отступить по старой Калужской дорогѣ, буде потребуютъ обстоятельства".

Такъ раздѣлились мнѣнія. Одинъ только изъ участвовавшихъ въ совѣтѣ генераловъ отсталъ отъ одного берега и не присталъ къ другому. Кн. Кутузовъ обратился къ А. П. Ермолову, прося его выразить свое мнѣніе. Вотъ что разсказываетъ самъ Ермоловъ. „Совершенно убѣжденный въ основательности предложенія военнаго министра, я осмѣлился замѣтить одно направленіе на Владиміръ не согласующимся съ обстоятельствами. Царская фамилія, оставя Петербургъ, могла назначить пребываніе свое во многихъ мѣстахъ, совершенно отъ опасности удаленныхъ, не порабощая армію невыгодному для нея направленію, которое нарушало связь нашу съ полуденными областями, изобилующими разными для арміи потребностями, и чрезвычайно затрудняло сообщеніе съ арміями генерала Тормасова и адмирала Чичагова. Не рѣшился я, какъ офицеръ, не довольно еще извѣстный, страшась обвиненія соотечественниковъ, дать согласіе на оставленіе Москвы и, *не защищая мнѣнія моего*, вполнѣ *неосновательнаго*, предложилъ атаковать непріятеля. Девять сотъ верстъ безпрерывнаго отступленія не располагаютъ его къ ожиданію подобнаго со стороны нашей предпріятія; внезапность сія, при переходѣ войскъ въ оборонительное состояніе, безъ сомнѣнія, произведетъ между ними большое замѣшательство, которымъ его свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ воспользоваться, и это можетъ произвести большой оборотъ въ нашихъ дѣлахъ. Съ неудовольствіемъ кн. Кутузовъ сказалъ мнѣ, что такое мнѣніе даю я потому, что не на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Слишкомъ поспѣшно изъявилъ онъ свое негодованіе: ибо не могъ сомнѣваться, что многихъ мнѣнія будутъ гораздо благоразумнѣйшія, на которыя онъ могъ опираться".

Терпѣливо выслушивалъ кн. Кутузовъ разсужденія собранныхъ на совѣтъ генераловъ; только два раза не выдержалъ онъ своего обычнаго спокойствія, остановивъ Бенигсена, когда онъ захотѣлъ руководить совѣтомъ и выслушавъ мнѣніе, выраженное Ермоловымъ. Сей послѣдній пользовался большою извѣстностью въ войскахъ; онѣ цѣнили его умъ, храбрость и военныя способности; къ его мнѣнію не могъ равнодушно отнестись главнокомандующій, тѣмъ болѣе, что онъ противорѣчилъ самъ себѣ. Кн. Кутузовъ заключилъ разсужденія совѣта слѣдующими словами: „Съ потерею Москвы не потеряна еще Россія. Первою обязанностію поставляю себѣ—сохранить армію, сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ ней на подкрѣпленіе и *самымъ уступленіемъ Москвы приготовить неизбѣжную гибель непріятелю*. Поэтому я намѣренъ, пройдя Москву, отступить по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на мнѣ, но жертвую собою для блага Отечества". Вставъ со стула, онъ заключилъ: „Приказываю отступать" [15]).

---

[15]) Барклай-де-Толли, изображеніе воен. дѣйствій первой арміи, стр. 26 — 28; Военный журналъ полковн. Толя подъ 1-мъ Сентября; письмо барона Бенигсена къ императору изъ Вильны отъ 19-го Января 1813 г., при которомъ онъ приложилъ выписку изъ своихъ записокъ о военномъ совѣтѣ въ Филяхъ (Extrait du contenu du conseil de guerre qui a en lieu le 1-r Septembre 1812); Ермоловъ, Записки, т. I, стр. 211—213; Письмо Дохтурова къ его супругѣ отъ 3 Сент. 1812 г. (Русск. Архивъ 1874 г. кн. 5, стр. 1098); Раевскаго, письмо къ Жомини, въ которомъ онъ излагаетъ и свои воспоминанія, подъ видомъ разбора и дополне-

Военный совѣтъ продолжался долго, по сказанію одного изъ современныхъ свидѣтелей; наконецъ, поздно вечеромъ, отворились двери избы, и одинъ за другимъ начали выходить оттуда генералы, и мало по малу, сперва шопотомъ, разгласилось намѣреніе Кутузова оставить Москву. Изъ памяти очевидцевъ никогда не изгладится скорбь, овладѣвшая сердцами. Стыдно было глядѣть другъ на друга. Съ Москвою сопряжены были понятія о славѣ, достоинствѣ, даже самобытности Отечества. Ея отдача врагамъ казалась сознаніемъ въ безсиліи защищать Россію. „Не завидна въ подобные дни судьба главнокомандующаго, къ тому же обязаннаго скрывать подъ личиною безстрастія все, въ душѣ его происходящее! Кутузовъ, между Бородинымъ и Москвою, долженъ былъ выстрадать вѣка цѣлые“. Такой подвигъ великой рѣшимости могъ совершить только кн. Кутузовъ. „Конечно легче было, уступая общему порыву, дать подъ Москвой сраженіе и погибнуть вмѣстѣ съ нею. И тутъ была слава!“ [16]) Но искалъ не славы только престарѣлый вождь Русскихъ войскъ, а спасенія Отечества.

Сдѣлавъ немедленно распоряженія объ отступленіи обозовъ и потомъ войскъ, кн. Кутузовъ провелъ тревожную ночь. Долго ходя взадъ и впередъ по избѣ, онъ какъ бы не слыхалъ, какъ начиналъ заговаривать съ нимъ полковникъ Шнейдеръ. Но когда онъ сказалъ: „гдѣ же мы остановимся“, кн. Кутузовъ, ударивъ по столу, отвѣчалъ: „Это мое дѣло; но уже доведу я Французовъ, какъ въ прошломъ году Турокъ, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо“. Призвавъ генералъ-интендавта В. С. Ланскаго, онъ поручилъ ему распорядиться продовольствіемъ. „Но куда мы идемъ?“ спросилъ Ланской. „На Рязанскую дорогу“. „Трудно подвезть туда запасы: они всѣ у Калуги“.—„А въ Рязани ничего нѣтъ“?— „Если прикажете, будетъ; но жаль, если продовольствіе погибнетъ или не дойдетъ до насъ“.—„Подумаю“, замѣтилъ князь Кутузовъ; „а ты приди ко мнѣ завтра, когда придешь на мѣсто“. Между тѣмъ, передъ отступленіемъ, войска́ получили на нѣсколько дней запасовъ [17]). Ночью Кутузовъ былъ печаленъ и нѣсколько разъ плакалъ, по свидѣтельству Кайсарова, находившагося при немъ.

Немедленно послѣ рѣшенія, принятаго на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, князь Кутузовъ написалъ графу Ростопчину слѣдующія строки:

„Непріятель, отдѣливъ колонны свои на Звѣнигородъ и Боровскъ и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе принуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу; посему покорно прошу ваше сіятельство прислать мнѣ съ симъ же адъютантомъ моимъ Монтрезоромъ, сколько можно болѣе, полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы армію провести черезъ разныя дороги на Рязанскую дорогу“ [18]).

Графъ Ростопчинъ получилъ это письмо послѣ того, какъ только что отправилъ нарочнаго къ государю съ своимъ письмомъ отъ того-же числа, выше нами приведеннымъ. Исполнивъ порученіе князя Кутузова и прика-

---

ній къ сочиненію Бутурлина, доставленное потомъ его сыномъ А. Н. Раевскимъ г. Михайловскому-Данилевскому. О томъ, что Н. Н. Раевскій сказалъ въ совѣтѣ стихъ Озерова „Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она“, онъ самъ не говоритъ; но говоритъ А. Н. Раевскій, который постоянно находился при отцѣ, въ письмѣ къ Данилевскому.

[16]) Графъ П. Х. Граббе, изъ Памятныхъ Записокъ, Русск. Архивъ 1873 г. № 3, стр. 469—471; Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочин. т. IV, стр. 477.

[17]) Записки артилериста, ч. I, стр. 175.

[18]) Письмо князя Кутузова отъ 1 Сент. 1812 г., Фили.

завъ оберъ-полицеймейстеру предоставить ему въ распоряженіе сколько возможно полицейскихъ офицеровъ, онъ написалъ государю слѣдующее письмо: „Государь! Въ то время, какъ я отправлялъ къ вамъ мое донесеніе, пріѣхалъ адъютантъ кн. Кутузова и привезъ мнѣ письмо, съ требованіемъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, которые должны провесть армію на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Такимъ его поступкомъ рѣшается участь этой столицы и вашей имперіи, которая задрожитъ отъ гнѣва, когда узнаетъ, что онъ отдаетъ непріятелю городъ, въ которомъ заключалось величіе Россіи и гдѣ покоится прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміею; я все вывезъ, и мнѣ ничего другаго не остается дѣлать какъ плакать о судьбѣ моего Отечества и вашей“ [19]). Это письмо въ соотношеніи съ другимъ, приведеннымъ выше письмомъ, написаннымъ въ тотъ-же день, показываетъ, что графъ Ростопчинъ былъ вполнѣ увѣренъ, что подъ Москвою князь Кутузовъ непремѣнно дастъ сраженіе, и полученная имъ отъ него записка въ 8 часовъ вечера была для него совершенною неожиданностью. При такомъ, кажется, состояніи духа только и могло быть написано это послѣднее его письмо къ императору изъ Москвы, передъ занятіемъ ея Французами. Но какъ же это удивленіе, эту неожиданность, согласить съ тѣмъ, что самъ графъ Ростопчинъ утромъ въ тотъ же день совѣтовалъ князю Кутузову и другимъ изъ окружавшихъ его генераловъ отступить и оставить непріятелю Москву, въ которой онъ не найдетъ уже никакихъ выгодъ?

Что́ касается до того, что онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ о 1812 г., то мы въ этомъ случаѣ не останавливаемся на нихъ: мы не разъ уже указывали, что его образъ мыслей и его взгляды на событія въ то время, когда онъ писалъ эти Записки, совершенно были иныя, нежели прежде. Но мы приведемъ показанія современниковъ, свидѣтелей происшествій, подтверждаемыя и имъ самимъ въ этихъ Запискахъ. Противорѣчія съ самимъ собою, въ которыя такъ часто впадаетъ графъ Ростопчинъ, не могутъ быть объяснимы ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ ложнымъ положеніемъ, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Сила обстоятельствъ, съ которою онъ такъ смѣло выступалъ на бой въ началѣ своей государственной дѣятельности, въ это время очевидно подавила его своею историческою тягостью. Неутомимо боролся онъ съ воображаемымъ заговоромъ Мартинистовъ и возстаніемъ народа, котораго будто-бы непріятель можетъ склонить на измѣну обѣщаніемъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, и—упустилъ изъ виду дѣйствительныя событія. Онъ не понималъ ни силы непріятельскаго нашествія, ни способовъ для обороны; полагалъ, что непріятель никогда не достигнетъ до Москвы, думалъ противупоставить ему ополченіе изъ жителей столицы и ея окрестностей, котораго однакоже не составлялъ, объявляя только, что *кликнетъ кличъ*, когда настанетъ время. Увлекаясь несуществовавшими призраками, онъ поставилъ себя въ совершенно ложное положеніе къ дѣйствительнымъ событіямъ. Онъ не только не способствовалъ жителямъ Москвы удалиться и спасти свое имущество, но помѣшалъ имъ самимъ во-время принять эту мѣру. Начавъ вывозить изъ Москвы государственныя сокровища и другіе предметы въ то время, когда огромное количество перевозочныхъ средствъ потребовалось уже для приближавшихся войскъ, естественно онъ лишилъ возможности воспользоваться ими въ надлежащемъ количествѣ какъ жителей Москвы, такъ и войска. Неминуемымъ послѣдствіемъ былъ ропотъ первыхъ и не-

---

[19]) Письмо гр. Ростопчина къ императору отъ 1 Сент. 1812 г.

годованіе кн. Кутузова, которое усилилось еще болѣе, когда, приблизясь къ Москвѣ, онъ узналъ, что не приготовлено никакого ополченія для ея защиты, какъ обѣщалъ ему графъ Ростопчинъ, переставшій даже отвѣчать на его письма, встрѣчая намеки на это обѣщаніе. Такое ложное отношеніе къ дѣйствительности окончилось ужаснымъ происшествіемъ — убійствомъ Верещагина.

Хотя графъ Ростопчинъ и увѣдомилъ государя, что онъ вывезъ *все* изъ Москвы, и ему нечего больше дѣлать, однако всю ночь на 2-е Сентября онъ провелъ въ безпрерывной дѣятельности. „Сей часъ по полученіи письма Кутузова, давъ приказаніе полицейскимъ офицерамъ провожать по Москвѣ армію, я приказалъ оберъ-полицмейстеру, со всѣми чинами, находившимися подъ его начальствомъ и съ 64 пожарными трубами, выступить на разсвѣтѣ изъ города и слѣдовать во Владиміръ (говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ [20]). Такое же приказаніе я далъ начальнику гарнизона. Я послалъ моего адъютанта къ архіепископу объявить ему высочайшее повелѣвіе, что онъ въ продолженіи ночи долженъ выѣхать изъ столицы и взять съ собою двѣ иконы Божіей Матери. Я безпокоился о томъ, какъ ему удастся ихъ взять. Одна, Владимірская, находилась въ

---

[20]) С. Н. Глинка говоритъ: „Кутузовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія.

1. Для удаленія обывателей изъ Москвы, посылалъ конныхъ чиновниковъ, которые въ вечеру 1-го Сент. отъ Драгомиловской или Смоленской заставы, мчась вихремъ по улицамъ, кричали: спасайтесь, спасайтесь!

2. Къ утаенію отъ непріятеля движеній своихъ въ Москвѣ, онъ вытребовалъ не у графа Ростопчина, но у тогдашняго оберъ-полицмейстера Ивашкина, опытнѣйшихъ частныхъ приставовъ, для провожанія его дальнѣйшими дорогами, чтобы, коснувшись различныхъ заставъ, развлечь вниманіе непріятеля, а войско Русское вывесть на предположенную Рязанскую заставу.

3. Чтобы показать Наполеону, будто бы и войско и обозы движутся къ Казани, Кутузовъ приказалъ оберъ-полицмейстеру, также мимо графа Ростопчина, пустить по Владимірке весь огнегасительный снарядъ, къ которому прикинулъ нѣсколько конныхъ отрядовъ. Я *видѣлъ оба* преписанія Кутузова Ивашкину, начертанныя карандашемъ собственною его рукою“ (Записки о 1812 г., стр. 65—66). Конечно Кутузову не представлялось никакой нужды скрывать отъ непріятеля движенія войскъ по Московскимъ улицамъ и вообще слова Глинки о военныхъ соображеніяхъ, основанныя вѣроятно на простой молвѣ, не имѣютъ значенія; но его увѣреніе, что онъ самъ видѣлъ записки кн. Кутузова въ Ивашкину, которое онъ повторилъ потомъ въ другомъ своемъ сочиненіи (Записки о Москвѣ отъ исхода 1812 года и до половины 1813-го, стр. 41), какъ свидѣтеля правдиваго, хотя и способнаго увлекаться, заслуживаетъ вниманія. Это обстоятельсто показывало бы недовѣріе кн. Кутузова къ Ростопчину, которое дѣйствительно существовало въ это время. При этомъ-же случаѣ разсказываетъ Глинка, что А. П. Валуевъ ему говорилъ: „подите, спросите у моего батюшки (онъ былъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ); онъ вамъ скажетъ, какъ Михаилъ Илларіоновичь отзывается о Ростопчинѣ“ (тамъ же, стр. 40). Письмо кн. Кутузова къ графу Ростопчину, посланное съ ад. Монтрезоромъ, не опровергаетъ показанія Глинки. Обращаясь къ графу Ростопчину, онъ въ тоже время могъ сдѣлать предписанія Ивашкину. Но въ рапортѣ Ивашкина исправлявшему должность министра полиціи С. К. Вязмитинову, изъ Владиміра отъ 27 Сентября 1812, не упоминается о предписаніяхъ кн. Кутузова; между тѣмъ въ этомъ именно рапортѣ онъ говоритъ, что графъ Ростопчинъ приказалъ ему пожарную команду и трубы отправить во Владиміръ, перебивъ напередъ всѣ бочки съ виномъ.

большомъ соборѣ; другая Иверская въ особой часовнѣ, ей посвященной. Онъ опасался и не безъ основанія, чтобы оставшееся въ Москвѣ народонаселеніе не воспрепятствовало увезти Покровительницъ столицы и что онъ самъ могъ подвергнуться опасности. Поводомъ къ такому подозрѣнію служило ему то обстоятельство, что народъ въ последніе три-четыре дня началъ дѣйствительно опасаться, чтобы не увезли этихъ иконъ и посылалъ караулить ихъ ночью. По счастію, никто не явился въ этотъ день, и выѣздъ совершился скоро и спокойно; но это подозрѣніе народа было причиною того, что не могли спустить и уложить большую серебряную люстру, потому что для этого потребовалось бы по крайней мѣрѣ три дня времени".

Только за день до вступленія непріятеля въ Москву начался вывозъ церковныхъ сокровищъ, которыя были уже приготовлены къ отправленію, по распряженію архіепископа Августина. Графъ Ростопчинъ 31-го Августа прислалъ 300 подводъ, на которыхъ въ туже ночь отправлены были по Ярославской дорогѣ въ Вологду патріаршая ризница и библіотека, ризницы соборовъ, Троицкой лавры и нѣкоторыхъ другихъ монастырей, дѣла Консисторіи и Синодальной Конторы. „Но можно ли было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ (говоритъ одинъ изъ современниковъ) Московскому викарію спасти другія вещи священныя, объ утратѣ или поруганіи которыхъ скорбѣли жители Москвы? Ему должно было или сообразоваться съ дальновидными намѣреніями свѣтскаго начальства, или дѣйствовать по собственной предусмотрительности въ случаѣ непредвидѣнномъ и даже опасномъ, и при томъ передъ народомъ, тогда готовымъ требовать отчета въ дѣйствіяхъ архипастыря". Преосв. Августинъ былъ ограниченъ въ своихъ распоряженіяхъ въ этомъ случаѣ самымъ числомъ подводъ, присланныхъ ему графомъ Ростопчинымъ и его запрещеніями. Ему хотѣлось спасти драгоцѣнности, оставшіяся въ Успенскомъ соборѣ, св. мощи и чудотворныя иконы; но графъ Ростопчинъ не соглашался на это, чтобы не произвести унынія въ народѣ. Митрополитъ Платонъ, по пріѣздѣ въ Москву, спросилъ игумена Перервинскаго монастыря, все-ли онъ спасъ изъ монастырскихъ сокровищъ? — „Все лучшее и драгоцѣнное; оставилъ только серебряныя лампады въ церквахъ, чтобы не произвести волненія въ народѣ", отвѣчалъ игуменъ. — „Ступай скорѣе, возьми все и увези", возразилъ митрополитъ; „когда тать идетъ, тогда къ чему такіе разсчеты?".

Такими разсчетами и руководствовался графъ Ростопчинъ и — не безъ основанія. Остававшееся въ Москвѣ незначительное количество жителей было взволновано только что распространившимся его воззваніемъ на *Три Горы.* Тамъ собрались толпы народа и ожидали главнокомандующаго и архіепископа, чтобы онъ благословилъ ихъ на брань, и даже митрополита Платона, котораго именно въ этотъ день едва уговорили выѣхать изъ Москвы. На другой день, 1-го Сентября, когда церковь празднуетъ *новолѣтіе* и молится о *лѣтѣ Господнемъ благопріятнѣмъ*, Августинъ служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. „Соборъ былъ полонъ народа и рыданія". Зарыдалъ и самъ преосвященный и сослужившіе съ нимъ, когда, складывая антиминсъ, онъ сказалъ: „Скоро ли снова Господь удостоитъ насъ служить въ этомъ храмѣ?" Послѣ литургіи, среди обозовъ, тянувшихся по улицамъ Москвы, онъ едва проѣхалъ на Тверскую, на свое Савинское подворье; но и тамъ осадили его народныя толпы, освѣдомляясь, когда поѣдетъ онъ на Три Горы. Приказавъ затворить ворота подворья и приготовить лошадей къ отъѣзду съ чудотворными иконами, онъ постоянно посылалъ къ главнокомандующему спросить объ оконча-

тельныхъ его распоряженіяхъ. Такъ прошелъ день, насталъ вечеръ, и только въ полночь ему принесли слѣдующее письмо графа Ростопчина: „Преосвященный Августинъ! Печальное рѣшеніе кн. Кутузова отдать столицу должно рѣшить выѣздъ вашего преосвященства по полученіи сего немедленно. Трактъ назначается вамъ на Владиміръ. При семъ объявляю вамъ Высочайшее повелѣніе вывезти изъ Москвы три иконы, Владимірскую, что́ въ Успенскомъ соборѣ, Иверскую и Смоленской Богородицы".— Преосвященный, съ небывалою для него торопливостью (говоритъ свидѣтель-очевидецъ) распечаталъ пакетъ, съ явнымъ на лицѣ огорченіемъ прочиталъ письмо графа и сказалъ намъ: „дѣло рѣшено". Немедленно онъ сдѣлалъ распоряженія, отправилъ своего секретаря въ Успенскій соборъ, а игумена Перервинскаго монастыря въ Иверскую часовню, принадлежащую этому монастырю. „Я пріѣхалъ въ часовню, говоритъ игуменъ, хотя въ ночное уже время, однакоже засталъ многихъ, то входящихъ, то выходящихъ въ часовню, для поклоненія чудотворной иконѣ. Горѣвшія лампада и свѣчи разливали яркій свѣтъ по всей улицѣ. Посему, чтобы непримѣтнѣе, такъ сказать, скрыть икону отъ молящихся, я приказалъ жившему при часовнѣ іеромонаху облачиться въ священническія одежды, нести передъ иконою зажженную свѣчу и съ пѣніемъ псаломщиками богородичныхъ стиховъ нести икону, сказывая другимъ, что она подымается для болящаго, а на мѣсто ея поставилъ съ нея списокъ, что̀ безпрепятственно отъ народа было исполнено. Въ сію ночь, кажется, весь городъ находился въ безпрестанномъ движеніи, и зарево со стороны Можайска освѣщало полъ-неба, такъ что отъ него въ улицахъ было свѣтло". Въ два часа утра преосвященный выѣхалъ изъ Москвы съ чудотворными иконами, спасая что̀ было возможно на 14 подводахъ, оставленныхъ ему въ распоряженіе [21]).

„Но что для меня было особенно важно—это отправленіе раненыхъ и больныхъ, говоритъ графъ Ростопчинъ. Пять дней тому назадъ, у одной изъ городскихъ заставъ, на лугу стояло пять тысячъ подводъ съ упряжью, подъ надзоромъ довольно значительной стражи, чтобы какъ нибудь ночью возщики не разошлись. Надзирателю этой стражи велѣно было не давать никому ни одной подводы безъ приказа, мною самимъ подписаннаго. Получивъ письмо Кутузова, извѣщавшее объ отступленіи, я послалъ довѣреннаго человѣка, который распорядился, чтобы немедленно всѣ подводы были запряжены и отправлены къ госпиталямъ, куда уже было отдано мною приказаніе помѣстить на подводы сколько возможно раненыхъ и объявить другимъ, что непріятель войдетъ въ городъ и что они потихоньку могутъ слѣдовать за обозомъ, который перевезетъ наиболѣе страждующихъ въ Коломну, гдѣ ожидаютъ ихъ барки и всякая помощь. Болѣе 20 тыс. помѣстились на подводахъ, не безъ суматохи конечно и споровъ, а другіе слѣдовали за ними пѣшкомъ. Весь этотъ поѣздъ двинулся въ 6 часовъ утра, но опасно раненые рѣшились остаться и ожидать непріятеля и смерти. Ихъ было до двухъ тыс., а по возвращеніи моемъ я нашелъ изъ нихъ живыми до 300. Этотъ поѣздъ, безпримѣрный въ исторіи чрезвычайныхъ происшествій, на 4-й день прибылъ въ Коломну; больные были помѣщены на барки и препровождены въ три города Рязанской губерніи, гдѣ ихъ помѣстили, кормили и заботились о нихъ подъ дѣятельнымъ надзоромъ профессора Лодера, котораго я назначилъ главнымъ докторомъ

---

[21]) Записки игумена Перервинскаго монастыря о. Лаврентія (Маякъ, 1842 г. т. II, № 4 стр. 54—57); Снегирева, Очерки жизни пр. Августина, стр. 31 — 34; Жизнь митроп. Платона, ч. II., стр. 48—49.

госпиталей. Его просвѣщенной и человѣколюбивой заботливости досталась лучшая награда—полное право сказать: я спасъ жизнь тысячамъ больныхъ и раненыхъ. Наполеонъ въ одномъ изъ своихъ бюллетеней упрекалъ меня въ жестокомъ поступкѣ, что я обрекъ на смерть нѣсколько тысячь раненыхъ солдатъ, оставленныхъ въ госпиталяхъ; но если бы онъ хотѣлъ быть справедливымъ, то долженъ бы благодарить меня, что я вывезъ изъ Москвы 25 тысячь, которыя бы всѣ померли въ ней съ голоду. Исторія обвинила бы Наполеона въ смерти этихъ несчастныхъ, попавшихся ему въ качествѣ военноплѣнныхъ.—Около полуночи я отправилъ къ государю нарочнаго съ извѣстіемъ, что Москва отдается въ руки непріятелю. Я отправилъ въ Ярославль шарлатана Шмидта. Написавъ уже нѣсколько строкъ письма къ государю, я замѣтилъ, что листъ бумаги, на которомъ я писалъ, разорванъ; я взялъ другой, а этотъ остался на моемъ письменномъ столѣ и послужилъ поводомъ Наполеону объявить въ одномъ изъ своихъ бюллетеней: „что въ смущеніи, въ какомъ я находился, я забылъ на моемъ столѣ недоконченное письмо къ государю“.

Дѣйствительно, въ пресловутыхъ бюллетеняхъ великой арміи, Наполеонъ объявлялъ, что „30 тысячь раненыхъ или больныхъ Русскихъ находятся въ Москвѣ въ госпиталяхъ, оставленные безъ помощи и пищи“, что „въ домѣ этого негоднаго Ростопчина (ce misérable Rostopchine) нашли нѣкоторыя бумаги и одно неоконченное письмо“ [22]). Эти бумаги, „по большей части ничего незначущія“, говоритъ графъ Ростопчинъ, были отбиты казаками во время бѣгства Наполеона и доставлены обратно къ нему.

Конечно число оставшихся въ Москвѣ раненыхъ не простиралось до числа указаннаго Наполеономъ; но въ ней остались не одни только тяжело раненые, которые сами не захотѣли или не могли уже выѣхать; напротивъ, подводъ не достало и для нѣкоторыхъ изъ раненыхъ, которые желали покинуть Москву и не достаться въ жертву непріятелю. Въ Голицинской больницѣ помѣщали тяжело раненыхъ; въ числѣ ихъ находился А. С. Норовъ, лишившійся ноги при Бородинѣ. 1-го Сентября, пишетъ онъ, „явился ко мнѣ въ больницу какой-то крестьянинъ и подалъ мнѣ адресованную на мое имя записку, писанную карандашемъ. Эта записка была отъ моего друга, штабсъ-капитана Лодыгина, слѣдующаго содержанія: „Пишу тебѣ, мой другъ, на пушкѣ; мы оставляемъ Москву, непріятель вступаетъ за нами, спасайся если можешь и заяви товарищамъ“. Больно легли мнѣ на сердце слова: „мы оставляемъ Москву“, но истина явилась во всей наготѣ. При мнѣ были мои два человѣка и больная женщина; я немедленно послалъ обоихъ моихъ людей отыскивать какой нибудь экипажъ и лошадей; къ вечеру нашли какую-то бричку, но лошадей не было“ [23]). Лошадей не нашли: ихъ нельзя было найти въ Москвѣ въ это время, когда всѣ спѣшили выѣхать и когда огромное количество перевозочныхъ средствъ было забрано правительствомъ и охранялось стражею. Изъ этого разсказа не видно, чтобы раненымъ, находившимся въ Голицинской больницѣ, предлагали выѣхать изъ Москвы. Туда не присылали подводъ, вѣроятно по ихъ недостатку и потому, что въ этой больницѣ помѣщались тяжело раненые. Ихъ даже не посѣщали доктора въ послѣдніе дни передъ вступленіемъ непріятеля. Мы это можемъ объяснить только суматохою, господствовавшею въ это время и недостаткомъ

---

[22]) Бюллетени великой арміи №№ 19 и 20; Правда о пожарѣ Москвы, стр. 232 и 234.

[23]) А. С. Норова: Война и Миръ, по поводу сочиненія гр. Толстаго, стр. 49.

въ медикахъ. Главное начальство надъ военными госпиталями въ это время поручено было извѣстному профессору Московскаго университета Лодеру. Ему поручено было устройство этихъ госпиталей на 6 тыс. человѣкъ офицеровъ и 31 тыс. нижнихъ чиновъ. Подъ его главнымъ попечительствомъ находились и вывезенные изъ Москвы въ Рязанскую губернію раненые. По свидѣтельству графа Ростопчина, подкрѣпляемому и другими показаніями современниковъ, Лодеръ съ такимъ усердіемъ исправлялъ возложенныя на него порученія, что заслужилъ общую признательность [24]).

„Въ 11 часовъ вечера (продолжаетъ свой разсказъ графъ Ростопчинъ), мнѣ доложили о пріѣздѣ принцевъ Виртембергскаго и Августа Ольденбургскаго. Одинъ былъ полнымъ генераломъ, другой генералъ-лейтенантомъ нашихъ войскъ. Они оба пріѣхали просить меня, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ кн. Кутузову убѣждать его не оставлять Москву и дать сраженіе непріятелю. Мое объясненіе съ ними было очень коротко. Когда я спросилъ, была ли ими заявлена въ военномъ совѣтѣ необходимость сраженія, они отвѣчали, что даже и не присутствовали въ совѣтѣ. Я замѣтилъ ихъ высочествамъ, что одинъ изъ нихъ дядя, а другой двоюродный братъ императора, и потому они гораздо болѣе меня имѣютъ права своими совѣтами заставить кн. Кутузова измѣнить рѣшеніе; при томъ мнѣ еще остается такъ много дѣла до утра, что я не могу посвятить трехъ или четырыхъ часовъ на поѣздку, особенно когда предвижу, что она будетъ безполезна. Принцы мнѣ объявили, что они были у кн. Кутузова; но ихъ не впустили къ нему, объявивъ, что онъ спитъ. Долго они жаловались на кн. Кутузова и рѣзко судили о его поступкѣ, прежде чѣмъ наконецъ оставили меня. Почти въ слѣдъ за ними явились ко мнѣ 5 или 6 юношей изъ хорошихъ семействъ и умоляли со слезами на глазахъ ѣхать къ кн. Кутузову и уговорить его отмѣнить приказъ объ отступленіи (которое уже совершалось: артилерія проходила уже по внѣшнимъ бульварамъ). Они были въ отчаяніи и почитали лично для себя оскорбленіемъ это отступленіе и оставленіе Москвы въ добычу непріятелямъ. Я успокоилъ, сколько могъ, благородный порывъ юности, и эти господа ушли отъ меня, оставаясь одинаково недовольны какъ мною, что я не помѣшалъ кн. Кутузову отступать, такъ и имъ, что онъ не далъ Наполеону разбить себя на голову. Въ то время, когда я запиралъ въ одинъ ящикъ бумаги, которыя намѣревался увезти съ собою, услышалъ я крики и плачь подлѣ моего кабинета. Когда я вышелъ, трое Грузинъ бросились мнѣ въ ноги и объявили, что двухъ Грузинскихъ царицъ, двухъ князей и патріарха забылъ въ Москвѣ г. Валуевъ, на попеченіе котораго я ихъ отдалъ. Не знаю уже, гдѣ и какимъ образомъ нашли имъ до 15 лошадей, и всѣ эти потомки Грузинскихъ царей отправились въ путь; царевны въ каретахъ, а ихъ дворъ пѣшкомъ“.

„Мнѣ не давали покоя ни на минуту. Ко мнѣ непрерывно приходили люди всѣхъ состояній; одни просили подводъ, другіе денегъ, не имѣя средствъ выѣхать изъ Москвы. Одинъ полицейскій офицеръ, котораго я зналъ, пришелъ ко мнѣ въ слезахъ и привелъ съ собою 3-хъ лѣтняго ребенка, котораго забыла мать, уѣхавъ изъ Москвы. Я дѣлалъ все возможное, чтобы удовлетворить требованіямъ этихъ несчастныхъ. Что касается до денегъ, то я растратилъ столько, что выѣхалъ изъ Москвы и очень богатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднымъ человѣкомъ: потому что у меня было

[24]) Біогр. словарь профессоровъ Москов. университета, 1855 г., ч, I. стр. 471.

130 тыс. экстраординарной суммы, оставшейся у меня и — 630 р. собственно мнѣ принадлежавшихъ денегъ. Къ счастію, мысль о томъ, гдѣ ихъ достать въ послѣдствіи, въ это время не приходила въ голову".

„Я велѣлъ спросить у полицейскихъ офицеровъ, не найдется ли между ними нѣсколько такихъ, которые бы согласились переодѣтыми остаться въ Москвѣ и посылать мнѣ донесенія въ главную квартиру черезъ казачьи аванпосты, къ которымъ они могли приближаться, проходя чрезъ Сокольничій лѣсъ. Мнѣ нужно было шесть человѣкъ; но вызвалось только пять, кромѣ одного еще, котораго я самъ избралъ. Они исполняли порученіе съ умомъ, ревностію и большою находчивостію. Къ счастію, и не подозрѣвали даже ихъ присутствія. Я всѣхъ ихъ нашелъ по возвращеніи въ Москву, и государь ихъ щедро наградилъ".

„Около утра къ мнѣ явился г. Загряжскій, который прежде состоялъ при императорѣ Павлѣ берейторомъ, — личность пошлая, хвастунъ и лошадиный барышникъ. Онъ мнѣ объявилъ, что его жена не прислала за нимъ лошадей изъ деревни, и потому, закопавъ въ саду все свое имущество, онъ намѣренъ оставаться въ Москвѣ, чтобы его оберегать. Я ему замѣтилъ, что онъ можетъ подвергнуться большимъ непріятностямъ, что я не могу ему ни давать приказаній, ни позволенія въ этомъ случаѣ. Но этотъ человѣкъ уже обдумалъ свой образъ дѣйствій; онъ остался и потомъ явился къ гр. Коленкуру, который его зналъ, потому что онъ покупалъ ему лошадей въ то время, какъ онъ былъ посланникомъ въ Россіи. Онъ принялъ на себя попеченіе надъ конюшнею Наполеона и устроилъ мастерскую для починки сѣделъ Французской кавалеріи".

Такъ провелъ графъ Ростопчинъ день и ночь, наканунѣ вступленія Французовъ въ Москву, — послѣдніе сутки его неутомимой дѣятельности. „Другой на моемъ мѣстѣ, писалъ онъ въ послѣдствіи, можетъ быть не былъ бы такъ дѣятеленъ; но были три причины, которыя постоянно возбуждали мое рвеніе въ это злополучное время: слава моего Отечества, важность мѣста, которое ввѣрилъ мнѣ мой государь, и признательность къ благодѣяніямъ, которыми осыпалъ меня императоръ Павелъ. Занятій было такъ много, что я не имѣлъ времени сдѣлаться больнымъ, и не могу понять, какъ могъ я перенести столько трудовъ. Со взятія Смоленска и до моего выѣзда изъ Москвы, въ продолженіи 23-хъ дней, я не ложился спать въ постель. Я спалъ одѣтый на диванѣ; меня постоянно будили, чтобы читать извѣстія, которыя приходили со всѣхъ сторонъ, говорить съ курьерами и часто, немедленно снова отправлять ихъ. Я пріобрѣлъ увѣренность, что всегда найдутся способы быть полезнымъ Отечеству. Когда слышишь взывающій его голосъ: „жертвуй собою для моего спасенія", тогда пренебрегаешь опасностями, превозмогаешь препятствія, закрываешь глаза на будущее; но лишь только займешься самимъ собою, станешь разсчитывать: то ничего не сдѣлаешь порядочнаго и войдешь въ общую толпу народа" [25]).

Но что же дѣлалось въ Москвѣ въ этотъ день? Баронъ Левенштернъ, котораго изъ лагеря графъ Ростопчинъ пригласилъ въ городъ, говоритъ, что она „показалась ему чрезвычайно пуста; только трактиры были полны, но и тамъ никто не веселился. Настроеніе было сурово, въ выраженіяхъ лицъ простыхъ, бородатыхъ людей замѣтно было волненіе, ожиданіе, недовѣріе и какая-то отчаянная рѣшимость; глаза блистали иногда какой-то непреклонной смѣлостью" [26]). Тѣ которые еще не уѣхали спѣ-

25) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 220 и 272.

26) Denkwürdigkeiten, ч. I, стр. 239.

шили уѣзжать, прятали свое имущество или сами уничтожали. С. Н. Глинка 1-го Сентября отправилъ изъ Москвы свою семью. „Потерявъ изъ виду отъѣзжающихъ друзей моего сердца, говоритъ онъ, и *по обязанности моей* объѣхавъ съ братомъ моимъ окрестныя селенія, возвратился я въ безмолвную, унылую Москву, предчувствовавшую, но неслыхавшую еще рѣшительнаго слова о своемъ жребіи“ [27]). Графъ Ростопчинъ не объявилъ, да и не имѣлъ времени объявить объ отступленіи нашихъ войскъ чрезъ Москву. Въ тотъ же день съ вечера началось отступленіе войскъ через Москву. Обозъ прошелъ ночью за Рогожскую заставу. Въ три часа утра 2 Сентября, когда еще не начинался разсвѣтъ, двинулись передовыя части войскъ. За ними послѣдовала вся армія; въ 8 часовъ утра присоединился къ ней князь Кутузовъ со своимъ штабомъ. Но деревянный Дорогомиловскій мостъ не выдержалъ тягости двигавшагося по немъ войска, фуръ и пушекъ: онъ повредился и остановилъ движеніе. Столпилось огромное число войскъ по одной изъ сторонъ Москвы-рѣки, и произошло замѣшательство. Распорядившись починкою моста, кн. Кутузовъ обратился къ окружавшей его свитѣ и спросилъ: „кто изъ васъ знаетъ Москву?“ Вызвался князь А. Б. Голицынъ.—„Проводи меня такъ, чтобы сколько можно ни съ кѣмъ не встрѣтиться“, сказалъ ему главнокомандующій. „Онъ ѣхалъ верхомъ отъ Арбатскихъ воротъ вдоль по бульварамъ до Яузскаго моста. Во все время его проѣзда до мосту его дѣйствительно никто не видалъ, и онъ ни отъ кого не получалъ ни одного донесенія“ [28]). Съ возвышеннаго берега Москвы-рѣки у Дорогомиловскаго моста можно было наблюдать за движеніемъ войскъ. „Мы смотрѣли оттуда, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей, на вѣяніе отступавшихъ нашихъ знаменъ. Кутузовъ ѣхалъ верхомъ, спокойно и величаво; а полки наши, объятые недоумѣніемъ, тянулись въ глубокомъ молчаніи, но не изъявляя ни отчаянія, ни негодованія. Они еще думали, что сразятся въ Москвѣ за Москву“ [29]). Барклай-де-Толли ревностно устраивалъ отступленіе: 18 часовъ онъ не сходилъ съ лошади; его адъютанты разставлены были по разнымъ мѣстамъ города, чтобы наблюдать за порядкомъ движенія войскъ и немедленно доносить ему, если бы случилось какое нибудь затрудненіе или безпорядокъ [30]). Починка Дорогомиловскаго моста озабочивала фельдмаршала. Онъ послалъ туда Вольцогена, который, прибывъ на мѣсто, нашелъ большое скопленіе войскъ на берегу; но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что возлѣ моста въ бродъ проходили по рѣкѣ фуры съ провіантомъ. Онъ указалъ на это генералу Маркову, который по этому броду и провелъ ополченцовъ. Между тѣмъ мостъ былъ исправленъ, и движеніе пошло своимъ порядкомъ. Барклай отъѣхалъ къ каменному мосту и, остановясь тамъ, наблюдалъ за движеніемъ войскъ. Вдругъ донесли ему, что солдаты грабятъ Гостиный дворъ. Но посланный туда адъютантъ привезъ ему извѣстіе, что сами купцы пригласили солдатъ въ свои лавки, желая, чтобы ихъ товары лучше достались своимъ, нежели непріятелямъ. Такое приглашеніе, случавшееся и въ другихъ улицахъ Москвы, производило однако безпорядки, которые прекращались не безъ усилій. Но вообще „отступленіе производилось въ строгомъ порядкѣ и въ унылой тишинѣ. Приближаясь къ осиротѣлой столицѣ, матери городовъ Русскихъ, воины съ сокрушенными

---

27) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 63—63, Ѳ. Н. Глинки, Письма Русск. офицера, стр. 27—28.

28) Записка о 1812 г. князя А. Б. Голицына.

29) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 67.

30) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten, ч. I, стр. 240.

сердцами взирали на великолѣпныя зданія, оставляемыя врагу: домъ Пашкова, многіе другіе огромные и красивые дома, наконецъ Кремль съ своими башнями, и съ высокими палатами древнихъ царей Русскихъ, и съ златоглавымъ Иваномъ Великимъ, безмолвными свидѣтелями предстоявшихъ бѣдствій—все это оставлялось въ жертву непріятелю. И тысячи Русскихъ бѣгутъ отъ него съ оружіемъ въ рукахъ! Такія скорбныя мысли приводили насъ въ неописанную горесть и, стѣсняя грудь, исторгали слезы. Несчастные жители своимъ отчаяніемъ увеличивали общую горесть. Священники передъ церквами, въ полномъ облаченіи, благословляли святымъ крестомъ и кропили святою водою проходившихъ мимо солдатъ, освѣжая тѣмъ упадшій духъ. На каждомъ шагу представлялись горестныя явленія: женщины, старики, дѣти плакали и выли, не зная, куда дѣваться. Иные выбѣгали изъ домовъ, блѣдные отчаянные и суетились, не понимая о чемъ: все въ глазахъ ихъ разрушалось и казалось приближеніемъ Антихриста, свѣтопреставленіемъ.... Мужественнѣйшіе воины содрогались, взирая на такія явленія въ погибающей столицѣ своего Отечества. Общее движеніе, шумъ проходящихъ, мракъ осенняго дня и страшная мысль о приближеніи непріятеля были предзнаменованіемъ всѣхъ ужасовъ разрушенія Москвы. Солдаты шли уныло въ рядахъ, генералы и офицеры по своимъ мѣстамъ. Во время прохода войскъ по набережной между Кремлевскою стѣною и рѣкою, у каменнаго моста, для наблюденія за порядкомъ, стоялъ главнокомандующій первою арміею. Мы прошли за Кремль, внутрь города и всюду видѣли горе, плачъ, отчаяніе. Офицеры стали сходиться вмѣстѣ для бесѣды о предстоящемъ, которое для всѣхъ было чрезвычайно непонятно; тутъ и рядовые, подъ предлогомъ напиться водицы, ускользали въ ближайшія лавочки, дома и погреба, открытые какъ будто для угощенія проходящихъ: тамъ-то прощались они съ матушкой-Москвой..... Передъ заставою мы вышли на большую, широкую улицу, заставленную въ нѣсколько рядовъ обозами; коляски, брички, телѣги ѣхали вмѣстѣ съ артиллеріею по обѣ стороны... Тутъ представлялась странная смѣсь всякаго званія людей и экипажей; повозки были наполнены сундуками, узлами и перинами, на которыхъ сидѣли служанки, а лакеи сзади повозокъ вели лошадей и борзыхъ собакъ. Казалось, всякій въ торопяхъ забиралъ только одни любимые предметы для спасенія изъ города. Иныя повозки вытѣсняли одна другую изъ рядовъ. Фигнеръ позволилъ многимъ изъ нихъ пристать къ своей артилеріи, до самаго выѣзда“ [31]).

Только утромъ, 2 Сентября, остававшіеся въ Москвѣ жители узнали о движеніи черезъ городъ Русскихъ войскъ, покидавшихъ Москву въ добычу непріятелю. Это извѣстіе конечно прежде всего распространилось по тѣмъ улицамъ и частямъ города, по которымъ довершалось движеніе войскъ; въ отдаленныя части оно проникало постепенно, и въ нѣкоторыхъ узнали только тогда, когда непріятели уже заняли Москву. Для многихъ даже самое движеніе черезъ Москву нашихъ войскъ было непонятно, и они смотрѣли на него, не подозрѣвая его значенія. „Какъ теперь помню (говоритъ одинъ изъ военныхъ, дѣйствовавшихъ въ это время, лицъ), ѣду мимо одного дома и вижу у отвореннаго окна пожилую женщину съ двумя молодыми дѣвушками, вѣроятно мать съ дочерьми. Я удивленнымъ тономъ спросилъ: „что̀ вы тутъ дѣлаете? вѣдь Французы идутъ за нами по пятамъ; вы можете попасть въ плѣнъ“. Дама сначала не хотѣла этому

---

[31]) Записки артилериста ч. I, стр. 169—171; Записки Ермолова т. II, стр. 213; Бернгарди, Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Gr. Toll, т. II, стр. 146—147.

вѣрить, но вдругъ подскакалъ какой-то мужчина, проговорилъ въ торопяхъ нѣсколько словъ, и вотъ въ домѣ поднялся ужасный крикъ: лошадей, экипажи, Французы" [32]). Изъ остававшихся еще въ Москвѣ жителей всѣ почти, имѣвшіе какую либо возможность, принимали мѣры для обезпеченія своего выѣзда изъ Москвы, зарывали или вообще прятали въ тайныя мѣста имущество, котораго не считали возможнымъ вывезти, укладывали другое въ экипажи и подводы и держали на готовѣ лошадей. Все это двинулось вмѣстѣ съ войсками съ утра 2-го Сентября; но тѣ, которые узнали поздно объ оставленіи Москвы, около вечера этого дня, уже случайно могли выбраться изъ города, а большею частію попадались въ плѣнъ непріятелямъ, занимавшимъ уже столицу. Нѣкоторые даже и въ это время, смотря уже на отъѣзжающихъ своихъ знакомыхъ, спрашивали, куда они ѣдутъ, и когда имъ отвѣчали, что ѣдутъ отъ Французовъ, говорили: какіе это Французы, это Англичане пришли къ намъ на помощь" [33]).

Къ длиннымъ вереницамъ обозовъ, состоявшихъ изъ всевозможныхъ родовъ экипажей, тянувшихся къ Владимірской, Ярославской и Рязанской заставамъ изъ всѣхъ улицъ Москвы, присоединилось огромное количество пѣшеходовъ, уносившихъ каждый что́ могъ или, лучше, что́ схватилъ въ торопяхъ изъ своего имущества. Это переселеніе жителей Москвы, двинувшееся вмѣстѣ съ движеніемъ войскъ по огромному городу, изрѣзанному большею частію узкими и неправильными улицами, безъ сомнѣнія, затрудняло движеніе войскъ и давало трудную задачу нашему авангарду удержать стремленіе непріятеля и замедлять его вступленіе въ городъ, который онъ считалъ послѣднею цѣлью своего труднаго и долгаго похода. Обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія кн. Кутузова. Онъ понималъ, что быстрое движеніе Французскаго авангарда, горѣвшаго нетерпѣніемъ войдти въ Москву, можетъ быть гибельно не только для спасавшихся жителей Москвы, но и для значительной части войскъ, которой движеніе они затрудняли на каждомъ шагу. Пріѣхавъ къ Рогожской заставѣ, онъ послалъ Ермолова къ генералу Милорадовичу сказать, „чтобы онъ, сколько возможно, удерживалъ непріятеля или бы условился съ нимъ, дабы имѣть время вывезти изъ города тяжести". У Дорогомиловскаго моста Ермоловъ встрѣтилъ генерала Раевскаго, начальствовавшаго частью аріергарда и передалъ ему это порученіе. „Сойдя съ лошадей, говоритъ онъ, мы поговорили нѣкоторое время, смотря на Москву, погрустили о ней; впереди ничего не представлялось намъ утѣшительнаго, и большой перемѣны въ положеніи нашемъ предвидѣть было невозможно. Отъ кн. Кутузова чего-то ожидали, но не съ полною предавались довѣренностію". Генералъ Милорадовичъ, блистательно исполнивъ возложенное на него трудное порученіе, оказалъ великую услугу не только несчастнымъ Московскимъ жителямъ, но и самимъ нашимъ войскамъ.

„Отъ кн. Кутузова чего-то ожидали," говоритъ А. П. Ермоловъ, весьма двусмысленно относившійся къ нему, какъ это видно изъ его Записокъ, —и эти слова объясняютъ, почему войска не теряли надежды. „Я наблюдалъ, говоритъ онъ далѣе, какое дѣйствіе произведетъ надъ войсками оставленіе Москвы и замѣтилъ съ радостію, что солдатъ не терялъ духа, не допускалъ ропота. Начальниковъ поражала потеря древней столицы. Въ Москвѣ уже было мало жителей и по большей части не имѣю-

---

[32]) Изъ записокъ ген. Ковальскаго, Русс. Вѣстникъ 1871 г. Январь, стр. 93.

[33]) П. Г. Кичеева: Изъ недавней старины. М. 1870 г., стр. 6—13.

щихъ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Домы были пусты и заперты, обширныя площади уподоблялись степямъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ не встрѣчалось человѣка. Въ рѣдкой изъ церквей не было молящихся жертвъ, которыя оставлялись на произволъ враговъ безчеловѣчныхъ. Душу мою раздиралъ стонъ раненыхъ, оставляемыхъ во власти непріятеля. Съ негодованіемъ смотрѣли на это войска“ [34]).

Тяжело раненые, остававшіеся въ Москвѣ, находились въ больницахъ и слѣдовательно не могли *своимъ стономъ раздирать душу* воиновъ; остальные были всѣ вывезены въ ночь. Правда, при этомъ огромномъ обозѣ, но все таки не могшемъ поднять всѣхъ, тѣ изъ раненыхъ, которые могли идти, отправились пѣшкомъ. Быть можетъ нѣкоторые изъ нихъ отставали вслѣдствіе изнуренія и встрѣчались съ отступавшими войсками на улицахъ Московскихъ. Но вѣроятнѣе, что это были раненые въ послѣднихъ дѣлахъ нашего аріергарда, которые вмѣстѣ съ самими войсками вошли въ Москву. Конечно войска, не имѣя достаточныхъ средствъ, не могли всѣхъ ихъ увезти съ собою, и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые шли пѣшкомъ, могли отставать отъ нихъ и даже остаться въ Москвѣ. *Войска* могли смотрѣть съ сожалѣніемъ на этихъ несчастныхъ; но едвали съ негодованіемъ на кого-либо, потому что не на кого было негодовать. Впрочемъ, какія бы горькія чувства ни волновали Русскихъ воиновъ въ это тяжелое время, важно то, что они не *роптали*, не *теряли духа*. Это состояніе духа происходило отъ того глубокаго довѣрія, которое они питали къ своему предводителю. „Проходи по улицамъ этой древней столицы, говоритъ свидѣтель происшествія, тоже не расположенный къ кн. Кутузову, солдаты и офицеры плакали. Кутузовъ отдавалъ ее на произволъ непріятелю и, сдѣлай это Барклай — въ войскахъ несомнѣнно произошло бы возмущеніе“ [35]). Въ общемъ настроеніи Русскихъ войскъ, солдатъ и большей части офицеровъ, терялись и исчезали всякое частное чувство и особенныя мысли и соображенія отдѣльныхъ лицъ. „Войска во время отступленія по Москвѣ казались смущенными и убитыми. Но къ этому примѣшивалась и досада; подозрѣвали даже измѣну, смотрѣли съ недовѣріемъ на всѣхъ не-Русскихъ по происхожденію, и этого упрека не избѣжалъ даже Барклай, столько разъ доказавшій на дѣлѣ свою преданность Отечеству. Многіе явно называли его измѣнникомъ. Между знатными офицерами были и другіе причины грусти; одни жалѣли о своихъ оставленныхъ въ Москвѣ палатахъ, другіе объ участи родныхъ и друзей; большинство же и можно даже сказать почти всѣ испытывали чувство униженія: богатую столицу, древній городъ, матушку-Москву оставлять въ добычу непріятелю! Гнѣвъ мѣшался съ чувствомъ мести, и тогда уже нѣкоторые восклицали, что этотъ позоръ можетъ быть изглаженъ только вступленіемъ въ Парижъ. Это были голоса въ пустынѣ. Какимъ образомъ непобѣдимаго, предъ которымъ пала вся Европа и теперь Москва, можно было надѣяться прогнать во Францію, въ Парижъ? — А между тѣмъ это желаніе совершилось“ [36]).

Менѣе всего впрочемъ можно подозрѣвать богатыхъ Русскихъ дворянъ въ томъ, чтобы они сожалѣли о своихъ Московскихъ домахъ, въ смыслѣ потери имущества. „Вечеромъ 1-го Сентября, разсказываетъ гр. Ростопчинъ, я отправилъ моего слугу на мою дачу, чтобы привезть оттуда

---

[34]) Записки Ермолова, т. I, стр. 214—215.

[35]) Изъ Записокъ генер. Ковальскаго, стр. 93.

[36]) Левенштернъ, Denkwürdgkeiten, ч. I, стр. 241—242.

два портрета, которые мнѣ были очень дороги: одинъ—моей жены, другой императора Павла. Нельзя здѣсь не замѣтить, что я оставилъ все мое имущество въ моихъ двухъ домахъ, картины, книги, бронзу, фарфоръ, экипажи, погреба, напередъ зная, что все будетъ разграблено. Я хотѣлъ понести такія же потери, какъ и другіе, быть въ одинаковомъ положеніи съ другими жителями Москвы, у которыхъ были тамъ свои дома. Двадцать подводъ увезли бы все это имущество, стоившее до полумилліона. У меня были тысячи лошадей въ распоряженіи, и сверхъ того изъ моего Воронова я могъ вытребовать до 500; но я всѣмъ пожертвовалъ. Въ это время не обратили на это вниманія, а послѣ смѣялись. Со мною случилось тоже, что часто случается, что хорошія душевныя движенія, безъ всякаго расчета, приписываютъ глупости". Это чувство выразилось въ то время не въ одномъ графѣ Ростопчинѣ, но во многихъ богатыхъ Русскихъ, имѣвшихъ, также какъ и онъ, всѣ средства спасти свое имущество и оставившихъ его въ своихъ Московскихъ дворцахъ на расхищеніе непріятелю. „Владѣльцы, потерявшіе наиболѣе при вторженіи непріятеля въ Москву, писалъ онъ впослѣдствіи, даже не представили отъ себя свѣдѣнія о потеряхъ въ коммисію вспоможенія; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что оба графа Разумовскіе, генералъ Апраксинъ, гр. Бутурлинъ и я, мы потеряли какъ въ городскихъ, такъ и сельскихъ домахъ и движимомъ имуществѣ, болѣе нежели на пять милліоновъ рублей. Изъ библіотеки гр. Бутурлина, которую цѣнили въ милліонъ, не осталось ни одного тома. Воспоминаніе объ этихъ потеряхъ перейдетъ по наслѣдству къ дѣтямъ [37]". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что имущества этихъ лицъ могли быть спасены; впослѣдствіи и *удивлялись неосторожности Москвичей* [38]). Простительно бѣдняку хлопотать о спасеніи своего имущества, потомъ и трудомъ пріобрѣтеннаго и обезпечивающаго его существованіе даже въ грозное время гибели Отечества; но кто же не оцѣнитъ высокое, безотчетное и безсознательное чувство какъ бы презрѣнія къ мысли и заботамъ о спасеніи своего частнаго имущества въ подобное время, со стороны нашего богатаго дворянства?

Едва наши войска прошли Москву, какъ всѣ улицы, которыми они слѣдовали, покрылись снова подводами, экипажами и толпами пѣшеходовъ, со всѣхъ сторонъ тѣснившимися на главныхъ путяхъ, ведущихъ къ заставамъ, противоположнымъ Дорогомиловской; а между тѣмъ въ это время вступалъ въ нее нашъ аріергардъ. Милорадовичъ къ тремъ часамъ пополудни только въѣхалъ въ Дорогомиловскую заставу и поспѣшилъ къ своей пѣхотѣ, уже отступавшей по городу. Когда съ своею свитою онъ подъѣхалъ къ Кремлю, его поразило странное зрѣлище: графъ Ростопчинъ еще ночью сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Московскій гарнизонный полкъ, находившійся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Брозина, выступилъ изъ Москвы; но его распоряженіе приводилось въ исполненіе только въ это время. Полкъ шелъ съ музыкою, пѣсенники впереди. „Это какой-то измѣнникъ радуется нашему несчастію", громко говорили солдаты и жители. Увидавъ это явленіе, пылкій Милорадовичъ подскакалъ къ полку и закричалъ: „какой негодяй вамъ приказалъ идти съ музыкою?" Г. Брозинъ хладнокровно отвѣчалъ: „Въ Регламентѣ Петра Великаго сказано, если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою".Пораженный такимъ отвѣтомъ, Милорадовичъ отрывисто сказалъ: „Развѣ въ Регламентѣ Петра Великаго есть что нибудь о сдачѣ Москвы? Прикажите замолчать вашей музыкѣ" [39]).

---

[37]) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 253 и 297.

[38]) Выраженіе И. И. Дмитріева, письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву № 154, стр. 167.

[39]) Богдановича, Истор. отечеств. войны, т. II, гл. XXV, стр. 280—281.

Только къ пяти часамъ Милорадовичь успѣлъ достигнуть заставы и вывесть на Коломенскую дорогу свои войска. Священникъ Николоямской церкви вышелъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ, святою водою, чудотворною иконою Св. Николая и зажженными свѣчами, когда нашъ аріергардъ проходилъ по Таганской и Николоямской улицамъ. Онъ окроплялъ св. водой проходившихъ мимо воиновъ; солдаты ловили капли воды, крестясь и крича: врагъ нашь погибъ, а не мы! Офицеры сходили съ лошадей и прикладывались къ иконѣ. При этомъ солдатамъ раздавали печеный хлѣбъ [40]). Аріергардъ былъ такъ же грустнымъ свидѣтелемъ множества раненыхъ, которые лежали на тротуарахъ около домовъ и которымъ не было средствъ оказать помощь.

Въ это время, когда наши войска проходили по Москвѣ, 2 Сентября „утромъ около 10 часовъ, говоритъ гр. Ростопчинъ, все было приготовлено къ моему отъѣзду. Я послалъ за моимъ сыномъ, который спокойно спалъ до 6 часовъ и только проснувшись узналъ о судьбѣ Москвы. Онъ долго не приходилъ; я самъ пошелъ его отыскать и встрѣтилъ выходящаго изъ спальни моей жены съ глазами полными слезъ. „Я ходилъ проститься и въ послѣдній разъ посмотрѣть на мою мать и сестеръ“, сказалъ онъ мнѣ. Въ этой комнатѣ были ихъ и всѣ семейные портреты. Я понималъ грусть моего сына; онъ оставлялъ родительскій домъ, быть можетъ, на всегда, и хотѣлъ проститься съ матерью, которая была его воспитательницею, учительницею и наставницею; не найдя ея въ Москвѣ, онъ прощался съ ея портретомъ, передъ отъѣздомъ въ армію, на 17 году жизни, ходомъ обстоятельствъ припужденный желать смерти, чтобы избѣжать безславія быть покореннымъ“.

„Я вышелъ на дворъ, чтобы сѣсть на лошадь и встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ, которые должны были ѣхать со мною. Улица передъ моимъ домомъ была наполнена народомъ, который желалъ быть при моемъ отъѣздѣ. Лишь только я показался, всѣ сняли шапки. Съ утра я приказалъ вывести изъ тюрьмы и привести ко мнѣ купеческаго сына Верещагина, сочинителя прокламаціи Наполеона, и учителя фехтованія Француза Мутона, который за революціонныя выходки былъ судимъ и уже недѣли три какъ приговоренъ Уголовною Палатою къ наказанію плетьми со ссылкою въ Сибирь (но я велѣлъ отсрочить исполненіе приговора). Оба они содержались въ домѣ неисправныхъ должниковъ, и ихъ забыли отправить вмѣстѣ съ 730 преступниками Московской губерніи и всѣхъ тѣхъ, которыя занималъ непріятель, находившимися съ большой тюрьмѣ и за три дня до вступленія непріятеля отправленными, подъ охраною стражи изъ гарнизоннаго баталіона, въ Нижній Новгородъ. Человѣкъ 20 несостоятельныхъ должниковъ, которые помѣщались въ особомъ домѣ, были, по моему распоряженію, выпущены на свободу: ихъ кредиторовъ уже не было въ Москвѣ, и обстоятельства не благопріятствовали уплатѣ долговъ. Я былъ очень удивленъ, когда прочелъ однажды, что эти несостоятельные должники превратились въ бюллетеняхъ Наполеона въ легіонъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ и приводившій въ исполненіе мой проектъ о сожженіи Москвы“.

„Я велѣлъ привести къ себѣ Верещагина и Мутона; я обратился къ первому, упрекая его въ преступленіи тѣмъ болѣе ужасномъ, что изъ всего народонаселенія Москвы нашелся онъ одинъ, который хотѣлъ предать Отечество. Я ему сказалъ, что Сенатъ приговорилъ его къ смерти,

---

[40]) Записка, составленная въ Москов. духовной консисторіи въ 1836 г. о происшествіяхъ 1812 г. и о подвигахъ духовенства.

и приговоръ долженъ быть исполненъ. Я приказалъ двумъ унтеръ-офицерамъ изъ находившихся при мнѣ драгуновъ бить его саблями. Онъ упалъ, не произнеся ни одного слова. Потомъ я обратился къ Мутону, который читалъ молитвы, ожидая той-же участи. „Я оставляю тебѣ жизнь, ступай къ своимъ и скажи имъ, что несчастный, котораго я наказалъ, былъ единственный изъ Русскихъ измѣнникъ своему Отечеству". Я отвелъ его къ воротамъ и далъ знать толпѣ, чтобы его пропустили. Толпа разступилась. Мутонъ убѣжалъ, и на него не обратили никакого вниманія, хотя по арестантской одеждѣ его можно было отличить отъ другихъ: онъ былъ безъ шапки и съ молитвенникомъ въ рукахъ. Я сѣлъ на лошадь, выѣхалъ со двора и изъ улицы, гдѣ былъ мой домъ, не оборачивая головы назадъ, чтобы не смущать себя прошлымъ, закрывая глаза на настоящее, которое было ужасно и отступая передъ страшнымъ будущимъ".

„Я отправился на одинъ изъ бульваровъ, гдѣ остановился, въ ожиданіи извѣстія отъ посланныхъ мною о томъ, что непріятель уже въ городѣ. Я былъ пораженъ безлюдьемъ повсюду. На пространствѣ нѣсколькихъ верстъ я видѣлъ только одну женщину съ ребенкомъ у окна и толстаго старика, который въ халатѣ сидѣлъ передъ своимъ домомъ. Я спросилъ его: неужели онъ остается въ Москвѣ и по какимъ причинамъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Въ мои годы не стоитъ перебираться съ одного мѣста въ другое. Я остаюсь, нисколько не заботясь о томъ, что̀ можетъ случиться со мною: пусть будетъ, что̀ будетъ". Оставляя этого человѣка, я чувствовалъ, что онъ правъ и былъ истиннымъ философомъ, не сознавая того".

Но кромѣ тѣхъ, сравнительно съ народонаселеніемъ, немногихъ, которые желали бы, но не успѣли выѣхать изъ Москвы, не имѣя средствъ или запоздавъ ими воспользоваться въ слѣдствіе довѣрія къ заявленіямъ графа Ростопчина, были и другіе, довольно многочисленные, *истинные философы, не сознавая этого*, которые остались въ Москвѣ, считая долгомъ оставаться въ ней, въ какомъ бы положеніи она ни находилась. Это дворники и вообще прислуга при барскихъ домахъ, весьма многочисленныхъ въ это время въ Москвѣ. Дворянскія семейства, нѣсколько достаточныя, проводили всю зиму въ Москвѣ и имѣли свои домы, потому что жить въ наемныхъ помѣщеніяхъ считалось въ то время несовмѣстнымъ съ дворянскимъ достоинствомъ, точно также какъ, пріѣхавъ въ Москву на короткій срокъ, останавливаться въ гостинницахъ, которыхъ поэтому и было немного, а не у родныхъ или знакомыхъ, или обѣдать въ трактирахъ. Эта прислуга, частію оставшаяся въ домахъ, изъ которыхъ весною еще выѣхали ихъ владѣльцы въ свои *подмосковныя* или болѣе отдаленныя деревни и не могли распорядиться ихъ судьбою, частію по собственному усмотрѣнію, а иногда и нарочно оставленная владѣльцами, считала обязанностію не оставлять домовъ своихъ господъ и сохранять ихъ имущество. Словомъ, это были—*крѣпостные люди*, на которыхъ такое зоркое было устремлено вниманіе не одного графа Ростопчина и которыхъ подозрѣвали въ томъ, что Наполеонъ, объявивъ ихъ *вольными*, могъ преклонить къ измѣнѣ Отечеству!

„Когда проходили послѣдніе полки нашего аріергарда и за ними по пятамъ шелъ непріятель (говоритъ очевидецъ) у домовъ опустѣлыхъ стояли еще дворники. Я кричалъ: ступайте, уходите, непріятель идетъ! — Не можемъ уходить, отвѣчали они: намъ приказано беречь дома [41])".

Эти люди мирно находились при своихъ домахъ и не мѣшались съ толпою бездомныхъ гулякъ, окружавшихъ домъ графа Ростопчина во время его

---

[41]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г. стр. 70. Русс. Архивъ 1871, г. № 6, стр. 0200.

отъѣзда изъ Москвы, терзавшихъ трупъ несчастнаго Верещагина и потомъ собравшихся въ Кремлѣ и, вспоминая его *воззваніе на Три Горы*, пытавшихся вооруженною рукою дѣйствовать противъ занявшаго Москву непріятеля [42]).

„Мой офицеръ пріѣхалъ мнѣ сказать, продолжаетъ графъ Ростопчинъ, что Милорадовичь съ нашимъ аріергардомъ прошелъ уже Арбатъ и что непріятельскій авангардъ непосредственно слѣдуетъ за нимъ. Я поѣхалъ къ Рязанской заставѣ и на Яузскомъ мосту, полагая объѣхать отрядъ конницы, встрѣтилъ кн. Кутузова съ его свитою. Я поклонился ему и не хотѣлъ говорить ни слова; но онъ поздоровался со мною (что̀ было похоже на насмѣшку) и сказалъ мнѣ: „Я могу васъ увѣрить, что не оставлю Москвы, не давши сраженія“. Я ничего ему не отвѣчалъ, потому что всякой отвѣтъ на пошлость (à une bêtise) не могъ быть ничѣмъ инымъ какъ глупостью (sottise). Прежде нежели я подъѣхалъ къ мосту, я былъ остановленъ десяткомъ раненыхъ офицеровъ, которые пѣшкомъ направлялись за городъ. Они остановили меня, прося дать имъ денегъ, потому что у нихъ ихъ вовсе не было. Я опорожнилъ мои карманы. Моя подача не соотвѣтствовала моему желанію дать имъ болѣе. Они благодарили меня со слезами на глазахъ; я также плакалъ. Это были слезы состраданія и скорби при видѣ раненыхъ офицеровъ, поставленныхъ въ положеніе просить милостыни для того, чтобы не умереть съ голоду“.

„Приблизившись къ заставѣ, я съ трудомъ могъ ее проѣхать отъ множества столпившихся обозовъ и войскъ, спѣшившихъ выѣхать за городъ. Въ то время, когда я миновалъ уже заставу, я слышалъ три пушечныхъ выстрѣла, которые сдѣлалъ непріятель, чтобы разсѣять собравшуюся въ Кремлѣ толпу народа. Это выстрѣлы были знàкомъ того, что непріятель овладѣлъ столицею и извѣстили меня, что я перестаіъ уже быть ея начальникомъ. Я поворотилъ мою лошадь и съ почтеніемъ поклонился первому городу Россійской имперіи, гдѣ я родился, котораго я былъ охранителемъ (gardien) и гдѣ оставлялъ двухъ моихъ дѣтей, похороненныхъ на кладбищѣ. Я исполнилъ свой долгъ; моя совѣсть спокойна, потому что не въ чемъ меня упрекнуть; но я угнетенъ былъ скорбію и доведенъ до того, что завидовалъ Русскимъ, погибшимъ при Бородинѣ: они умерли какъ защитники Отечества, съ оружіемъ въ рукахъ, и не были свидѣтелями торжества Наполеона“.

Объ этомъ свиданіи графа Ростопчина съ кн. Кутузовымъ сохранились и другія свидѣтельства очевидцевъ. Когда кн. Кутузовъ, проѣхавъ по бульварамъ Москвы, прибылъ къ Яузскому мосту, то, по словамъ князя А. Б. Голицына, нашелъ тамъ „невѣроятную суматоху. Мы застали тутъ графа Ростопчина, который, въ мундирномъ сюртукѣ, въ эполетахъ, съ нагайкою въ рукахъ, прогонялъ всѣхъ и старался очистить мостъ; ибо и жители и часть арміи, все должно было проходить этимъ дефилеемъ. Свиданіе было сухое; Ростопчинъ начиналъ говорить, но Кутузовъ не отвѣчалъ и приказывалъ скорѣе очищать мостъ. Отъ Яузскаго моста до Коломенской заставы движеніе народа, смѣшаннаго съ войскомъ, произвело нѣкоторые безпорядки; ломали кабаки и лавки. Народъ Русскій пьетъ и отъ горя и отъ радости одинаково; но все тутъ же было приведено въ порядокъ, и городъ очищался понемногу. Народъ и армія походили на морскую волну, ибо все тѣснилось за ними. Выѣхавъ за заставу, уже нѣкоторые корпуса были расположены на привалѣ по

---

[42]) Бестужева-Рюмина, Кратк. опис. происшествій, стр. 87 и слѣд.

обѣимъ сторонамъ большой дороги, около старообрядческаго кладбища. На самой большой дорогѣ избралъ себѣ мѣсто Кутузовъ [43])". Онъ сѣлъ на свою обычную скамеечку и ожидалъ вѣстей отъ Милорадовича".

Оба разсказа объ этой послѣдней встрѣчѣ кн. Кутузова съ Московскимъ главнокомандующимъ, хотя и различаются въ подробностяхъ, но одинаково доказываютъ, что она была холодна и непріятна для обоихъ. Кто изъ нихъ не хотѣлъ говорить съ другимъ и кто первый поздоровался и заговорилъ, это не представляетъ важности. Но вѣроятно слова, приписываемыя кн. Кутузову графомъ Ростопчинымъ, были дѣйствительно сказаны. Трудно предполагать, да и нѣтъ поводовъ, чтобы они создались сами собою въ разгоряченномъ воображеніи графа Ростопчина. Что же касается до показанія кн. Голицына, что кн. Кутузовъ ничего не говорилъ графу Ростопчину, то онъ могъ и не слыхать тѣхъ немногихъ словъ, которыя онъ ему сказалъ, при господствовавшей вокругъ *суматохѣ*. Эти немногія слова однакоже весьма важны, и графъ Ростопчинъ справедливо ихъ считаетъ насмѣшкою: иного значенія они и имѣть не могутъ.

---

[43]) Записка о 1812 г. князя А. Б. Голицына.

(*Продолженіе будетъ*).

МОСКОВСКІЙ АРХИВЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Тому нѣсколько лѣтъ, во время постояннаго моего пребыванія въ Петербургѣ, узналъ я отъ Александра Николаевича Попова, что онъ занимается составленіемъ подробнаго жизнеописанія графа Ѳеодора Васильевича Ростопчина и, вслѣдствіе того, согласно его желанію, доставилъ ему возможность сдѣлать выборку кое-какихъ матеріяловъ изъ моихъ семейныхъ бумагъ.

Послѣ этого понятно, съ какимъ удовольствіемъ я прочелъ въ *Русскомъ Архивѣ* сего года прекрасныя статьи его: „Москва въ 1812 году".

Не найдя однако въ нихъ, подобно тому какъ и въ изданныхъ незадолго предъ тѣмъ графомъ Сегюромъ Mémoires du Comte Rostoptschine (Paris, 1872), кромѣ общихъ извѣстій о вывозѣ изъ Москвы, по повелѣнію императора Александра Павловича, разныхъ сокровищъ и присутственныхъ мѣстъ (стр. 187,200 и 208 этихъ записокъ), никакихъ прямыхъ указаній на спасеніе графомъ Ростопчинымъ, въ тяжкую годину нашествія, древнѣйшаго хранилища нашихъ государственныхъ актовъ, именно ввѣреннаго мнѣ, съ 1873 года, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, называвшагося тогда *Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивомъ*,—полагаю не безполезнымъ сообщить при семъ, въ дополненіе къ статьямъ уважаемаго А. Н. Попова, копіи съ разныхъ документовъ, сохранившихся въ этомъ Архивѣ относительно судьбы его въ 1812-мъ году, и въ томъ числѣ съ тогдашней переписки графа Ростопчина и предмѣстника моего Н. Н. Бантыша-Каменскаго, обоюдными распоряженіями которыхъ сохранены были для потомства богатые матеріялы отечественной исторіи.

Въ сказанной перепискѣ два *собственноручныя* письма графа Ростопчина и одна его приписка (P. S.) всего краснорѣчивѣе показываютъ просвѣщенное попеченіе его объ Архивѣ, а отвѣты Бантыша-Каменскаго свидѣтельствуютъ, до какой степени онъ былъ въ этомъ случаѣ полезнымъ его сотрудникомъ.

Между тѣмъ, Вигель, начавшій службу свою въ этомъ же Архивѣ, далеко еще незрѣлымъ юношей, къ сожалѣнію, перенесъ въ свои извѣстныя Записки лишь тѣ поверхностныя впечатлѣнія, которыя Бантышъ-Каменскій произвелъ на него въ ту пору: онъ изобразилъ его раздражительнымъ и брюзгливымъ старцемъ, труженикомъ-копуно́мъ, который, въ добавокъ, велъ знакомство только съ архіереями и монахами. Послѣднее извѣстіе, какъ бы оно ни было преувеличено, имѣло основаніемъ близкое родство Бантыша-Каменскаго съ злополучнымъ архіепископомъ Амвросіемъ, изъ-за чего и онъ пострадалъ отъ разъяренной черни, въ день

убіенія сего архипастыря, въ Донскомъ монастырѣ. Хотя въ сочиненіи своемъ „Графъ Блудовъ и его время“ (СПБ. 1866, стр. 18 и 19) Ег. Петр. Ковалевскій повторилъ отзывы Вигеля, но по крайней мѣрѣ отдалъ Бантышу-Каменскому полную справедливость въ томъ отношеніи, что онъ первый оцѣнилъ блестящія дарованія другаго своего подчиненнаго, Д. Н. Блудова и подготовилъ въ лицѣ его одного изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ государственныхъ людей.

Въ сущности, жизнь Бантыша-Каменскаго была рядомъ такихъ подвиговъ самоотверженія и столкновеній съ опасностями, такихъ тяжкихъ испытаній и горькихъ лишеній, которыя не всегда выпадаютъ даже на долю подвизающихся въ военной службѣ. Посвятивъ, въ продолженіи 52-хъ лѣтъ, утреннее и вечернее время разбору архивскихъ бумагъ въ холодныхъ подвалахъ, онъ лишился слуха; тамъ же торопливо распоряжался онъ укладкою дѣлъ для вывоза изъ Москвы и, по возвращеніи сюда, снова ихъ распредѣлилъ по шкафамъ; дорогой ни на шагъ не отлучался отъ обоза; а во время отсутствія своего, лишился оставленной имъ въ столицѣ, своей собственной, библіотеки, при чемъ и его подмосковная сожжена была Французами (см. его жизнеописаніе, составленное сыномъ Бантыша-Каменскаго, въ I т. Словаря достопамятныхъ людей Русской земли, и брошюру „Biographie de m-r Bantisch-Kamensky“. Moscou, 1830).

О такихъ дѣятеляхъ не слѣдуетъ потомству судить ни по тѣмъ слабостямъ, которыя могъ въ нихъ подмѣтить легкомысленный юноша, ни даже по ихъ гражданской доблести, еслибы она осталась безслѣдною: а по *результатамъ* ихъ дѣятельности, которые только одни могутъ имѣть цѣну въ глазахъ потомства и практическое для него значеніе.

Въ итогѣ же трудовъ Бантыша-Каменскаго, видимъ мы: 1) что онъ спасъ Московскій Главный Архивъ въ 1812 г. 2) что онъ настолько хорошо зналъ Архивъ, что съ 1803 г., въ теченіи многихъ лѣтъ, успѣшно снабжалъ Карамзина историческими матеріялами, и 3) что ученый міръ обязанъ Бантышу-Каменскому многими историко-политическими сочиненіями (объ Уніи, о сношеніяхъ съ Польшею, и др.), какъ напечатанными, такъ и хранящимися въ Архивѣ въ рукописяхъ; всего же болѣе, изданіемъ въ 1813 г. *перваго* тома „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“, труда, требовавшаго обширныхъ познаній, большой добросовѣстности и множества матеріяльныхъ заботъ, послѣ чего, по проложенному уже пути, А. Ѳ. Малиновскому сравнительно легче было издать послѣдующіе три тома. Онъ же, произведя послѣ смерти Бантыша-Каменскаго, подробную ревизію архивскихъ документовъ, отчетливо отмѣтилъ въ каталогахъ тѣ сравнительно немногіе изъ нихъ, которые, бывъ оставлены въ Москвѣ, погибли невозвратно, какъ о томъ, въ общихъ чертахъ, упомянуто въ прилагаемой здѣсь копіи съ отпуска донесенія Бантыша-Каменскаго Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Баронъ Ѳ. Бюлеръ.

А. ПЕРЕПИСКА Н. Н. БАНТЫША-КАМЕНСКАГО СЪ ГРАФОМЪ РОСТОПЧИНЫМЪ И МОСКОВСКИМЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ ОБРѢЗКОВЫМЪ.

1) *Графъ Ростопчинъ Бантышу-Каменскому* (*Собственноручно*).

Получено во 2 часу пополудни.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ!

Для предосторожности и избѣжанія дальныхъ препятствій, предлагаю вамъ архивъ, подъ вѣдомствомъ вашимъ находящійся, не теряя времени, укласть къ отправленію въ то мѣсто, куда отъ меня назначено будетъ, а мнѣ дать знать, сколько подводъ для подъема потребно будетъ. Съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь пребыть вашего превосходительства милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга графъ Ф. Ростопчинъ.

14 Авг. 1812. Москва.

2) *Отвѣтъ*.

15 Авг.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Совѣтъ вашего сіятельства о спасеніи государственныхъ дѣлъ спасительный; я пріемлю оной съ глубочайшимъ и искреннѣйшимъ благодареніемъ и вчерашняго же дня занялся уборкою въ сундуки и увязкою оныхъ, положивъ древнѣйшія Россійскія грамоты, трактаты со всѣми иностранными дворами и грамоты ихъ по 1700 годъ. Сіи бумаги важнѣйшія въ Архивѣ, и оныя увязаны въ семи большихъ сундукахъ.

Затрудняюсь я крайне остающимися еще бумагами, каковы статейные списки всѣхъ дворовъ, въ книгахъ переплетенные; рескрипты, реляціи и меморіалы министерскіе, коихъ число составляетъ больше 50 шкаповъ. Важны и сіи бумаги хранящіяся въ безопасномъ отъ пожара мѣстѣ; но если и оныя увязывать, то едвали на 80 подводахъ уложить можно. Снабдите, ваше сіятельство, меня и о сихъ бумагахъ милостивымъ вашимъ совѣтомъ. Подводъ на увязанные уже семь помянутыхъ сундуковъ нужно десять. Я рѣшился самъ проводить сіи безцѣнныя бумаги и крѣпко надѣюсь, что ваше сіятельство снабдите меня проѣзжимъ указомъ до назначеннаго вами мѣста, давъ знать, чтобы во всякомъ случаѣ дѣлано было мнѣ всевозможное пособіе. Съ глубочайшимъ и проч.

3) *Графъ Ростопчинъ Бантышу-Каменскому*.

Получ. въ VIII часу, ввечеру.

Милостивый государь мой Николай Никалаевичъ!

На отношеніе вашего превосходительства, коимъ требуете моего совѣта на счетъ уборки дѣлъ занимающихъ болѣе 50-ти шкафовъ и хранящихся нынѣ въ безопасномъ отъ пожара мѣстѣ, симъ

честь имѣю отвѣтствовать вамъ, милостивый государь мой, что хотя для укладки оныхъ едвали достаточно быть можетъ 80-ти подводъ по изъясненію вашему, но когда для перевозки ихъ потребны будутъ лошади, тогда всѣ нужныя по предмету сему распоряженія пріемлю я на себя; а потому и не будетъ излишнимъ, если ваше превосходительство заблаговременно прикажите дѣла сіи увязывать.

P. S. По исчисленіи потребнаго числа лошадей, дайте отъ себя записку къ свѣдѣнію е. п. г-ну гражданскому губернатору Обрѣзкову. № 1321. Москва. Августа 16 дня 1812 года.

4) *Собственноручная записка графа Ростопчина.*

Прошу васъ быть въ готовности съ архивою, чтобы ее отправить немедленно, а о подводахъ я сейчасъ далъ повелѣніе.

Вамъ преданный графъ Ф. Ростопчинъ. 20 Авг.

5) *Обрѣзковъ Бантышу-Каменскому.*

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ!

Его сіятельство графъ Өедоръ Васильевичь изволилъ приказать мнѣ не помедля нарядить для дѣлъ и вещей Архива Иностранной Коллегіи подводы по требованію вашему. Не имѣя доселѣ увѣдомленія, сколько оныхъ нужно будетъ, я прошу ваше превосходительство поспѣшить доставленіемъ мнѣ онаго, дабы я могъ успѣть къ назначенному времени, откуда слѣдуетъ, оныхъ приготовить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Н. Обрѣзковъ.

№ 3428. Августа 20 дня 1812 года.

6) *Бантышъ-Каменскій графу Ростопчину.*

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Слѣдуя полученному сего дня приказанію вашего сіятельства, послалъ ея сейчасъ къ г-ну губернатору Николаю Васильевичу письмо съ прошеніемъ прислать въ Архивъ сто двадцать лошадей съ пространными повозками и увѣдомить, какимъ ѣхать трактомъ и куда? И на одныхъ ли сихъ лошадяхъ, или будутъ оныя перемѣняемы? Вашего же сіятельства покорнѣйше прошу снабдить меня подороженною на имя мое съ будущими при мнѣ для охраненія дѣлъ чиновниками и для караула инвалидами.

20 Авг. 1812.

7) *Бантышъ-Каменскій Обрѣзкову*

20 Авг.

Милостивый государь Николай Васильевичъ!

Пишу сіе въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, которую сколько можно было убрали и увязали во сто пяти сундукахъ и коробахъ; и для того покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать: 1) прислать лошадей съ пространными повозками (ибо сундуки и коробы есть немалые) сто двадцать; 2) желательно

знать, какимъ ѣхать трактомъ и на однихъ ли все лошадяхъ и куда ѣхать, или будутъ они перемѣняемы? 3) снабдить подорожною на имя мое съ будущими при мнѣ для охраненія дѣлъ чиновниками и для караула инвалидами.

8) *Графъ Ростопчинъ Бантышу-Каменскому.*

№ 1460, Августа дня 21, 1812.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ!

На отношеніе вашего превосходительства отъ 20 числа сего Августа симъ васъ, милостивый государь мой, увѣдомляю, что слѣдовать Архивѣ Государственной Иностранной Коллегіи на Владиміръ, по коему тракту вездѣ будутъ перемѣнныя лошади; а подорожныя для васъ и для находящихся при васъ чиновниковъ я приказалъ дать. Графъ Ростопчинъ.

9) *Бантышъ-Каменскій графу Ростопчину.*

22 Авг. 1812.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Сейчасъ прислано 28 лошадей для подъему Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Архива, а къ вечеру обѣщали и остальныхъ прислать. Ежели на всякой станціи перекладывать на другія повозки огромные сундуки и тюки, и на другихъ ѣхать лошадяхъ, то сіе и весьма затруднительно будетъ, и не надѣюсь полнаго числа лошадей въ деревняхъ сыскать; слѣдовательно долженъ буду съ дѣлами стоять иногда въ полѣ подъ дождемъ.

Сдѣлайте милость, ваше сіятельство, прикажите предписать кому слѣдуетъ, чтобы я могъ съ сими дѣлами, не перекладывая оныхъ въ дорогѣ, ѣхать прямо на однихъ телѣгахъ съ тѣми же лошадьми до города Володимера, такъ какъ и Петръ Степановичь Валуевъ отправляетъ свои дѣла *) туда же.

Для облегченія же въ дорогѣ крестьянъ я соглашаюсь изъ коллежской суммы дать на каждую лошадь на кормъ по три рубля. Таковое вашего сіятельства предписаніе облегчитъ мой путь, и я единственно одолженъ буду сею милостію вашему сіятельству.

Сверхъ того снабдите меня предписаніемъ, что дѣла ѣдущія со мною составляютъ Государственную Архиву и чтобы во всякомъ случаѣ дѣлано было всевозможное мнѣ пособіе. Видъ сей очень для меня нуженъ во всякомъ мѣстѣ, паче сіе нужно для ѣдущихъ при обозѣ.

*

Б. ОТКРЫТЫЙ ЛИСТЪ Н. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, дѣйствительному статскому совѣтнику Бантышъ-Каменскому, слѣдующему во Владиміръ и далѣе куда надобность востребуетъ, съ бумагами Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; почему господа команду имѣщіе и благоволятъ оказывать ему въ пути всякое по требованію его пособіе и вспомоществованіе для сбереженія высочайше ввѣренныхъ ему бумагъ. Въ удостовѣрѣніе чего и данъ сей за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати. Москва, 22-го Августа 1812 г. Его Императорскаго Величества

*) Дѣла тогдашней Кремлевской Экспедиціи.

Всемилостивѣйшаго Государя моего генералъ отъ инфантеріи, главнокомандующій въ Москвѣ, оберъ-камергеръ, сенаторъ, ордена Св. Андрея Первозваннаго и другихъ кавалеръ, графъ Ростопчинъ.

*

В. ВЪ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КОЛЛЕГІЮ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЕЯ АРХИВА ДОНОШЕНІЕ.

Узнавъ о выступленіи изъ Москвы 11-го Октября непріятелей, посланъ былъ отсюда нарочный туда архивскій чиновникъ для усмотрѣнія, въ какомъ состояніи находится коллежскій домъ и оставленные тамо чиновники съ солдатами, библіотека и нѣкоторыя бумаги.

Возвратясь же 26 Октября, оный посланный донесъ: что оставшіеся тамо чиновники въ жалостнѣйшемъ находятся положеніи, голы, босы, избиты, безъ денегъ и безъ всякой помощи; что ежели бы они оставили Архивъ, то навѣрно оный обращенъ бы былъ въ пепелъ злодѣями, ибо чиновники сіи по нѣскольку разъ заливали огонь на чердакахъ; что въ Архивѣ какъ въ верхнемъ, такъ равно и въ нижнемъ этажахъ нашелъ онъ разбросаны по полу бумаги и перебиты стеклы; но при всемъ томъ многія бумаги уцѣлѣли, особливо библіотека, изъ которой уповательно не болѣе 300 книгъ унесено Поляками.

При томъ привезъ оный посланный два рапорта изъ Архивы. Первый отъ надворнаго совѣтника и старшаго секретаря, во все то время въ Архивѣ жившаго, г-на Ждановскаго, который между прочимъ увѣдомляетъ о слѣдующемъ: что „Сентября 2-го числа въ четыре часа по полудни вошли нечаянно въ Москву Французскія войска и въ вечеру начали жечь, бить людей и грабить; что пожаръ продолжался сряду восемь сутокъ, а грабежъ до выходу изъ оной непріятеля, то есть по 11-е Октября; что съ 4-го на 5-е Сентября сгорѣлъ въ Архивѣ тотъ флигель, въ которомъ жилъ онъ Ждановскій съ товарищемъ своимъ секретаремъ г-мъ Шульцомъ (который тогда же сыскалъ себѣ убѣжище съ семействомъ своимъ въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ и понынѣ находится); а въ которомъ флигелѣ жилъ комисаръ Тарховъ, то оный хотя отъ закравшихся искръ и загорался, но пожаръ ими чиновниками потушенъ былъ; что большой корпусъ, гдѣ Архивъ съ библіотекою и трактатная палата, уцѣлѣли отъ пожару, но замки и задвижки сбиты и изломаны, а отъ подорванія непріятелемъ съ 10-го на 11-е Октября въ Кремлѣ подкопа, вышибло духомъ нѣсколько окончинъ и перебило много стеколъ; что иконы архивскія окладныя всѣ ободраны, а нѣкоторыя и увезены; что дѣла и книги частію разбросаны, изорваны и сожжены стоявшими тутъ и приходившими для грабежу Французами и Поляками; что лежавшія въ сараяхъ дрова всѣ сожжены, бывъ раскладываемы въ трехъ мѣстахъ по двору день и ночь, а сукны на столахъ бывшія всѣ похищены; что въ нижнихъ этажахъ, на погребицахъ и въ дровяномъ сараѣ поставлены были ихъ злодѣйскія лошади; что изъ оставленныхъ отъ Архива ему Ждановскому на расходы и на Сентябрьскую треть жившимъ въ Архивѣ чиновникамъ жалованья 716 р. 67 к. онъ Жда-

новскій въ началѣ Сентября роздалъ чиновникамъ за всю треть Сентябрьскую жалованье, которое потомъ у всѣхъ ихъ непріятелями отнято со всѣмъ ихъ имѣніемъ, да и остальныя деньги всѣ безъ изъятія мученіями и побоями ихъ исторгнуты были; и, что̀ несносно, кромѣ безпрестанныхъ, ежедневныхъ отъ непріятеля обысковъ, угроженія смертію, ограбленія до́ нага, нашедъ Французы у него Ждановскаго въ карманѣ хранившуюся казенную печать и требуя денегъ, избили его шпажною полосою до крови, отъ чего и понынѣ все еще онъ страждетъ".

Вторый рапортъ присланъ былъ отъ архивскаго комисара, надворнаго совѣтника Тархова. Сей, равнымъ образомъ жалуясь на злодѣевъ, бившихъ его нещадно и съ обнаженными саблями требовавшихъ отъ него казенныхъ и его собственныхъ денегъ, доноситъ: „что 5 Сентября пріѣхавъ въ Архивъ верхами, злодѣйскіе чиновники съ командою, имѣя въ рукахъ молоты и топоры, начали разбивать замки у трактатной палаты и у нижнихъ архивскихъ апартаментовъ, а разломавъ оные взошедъ начали грабить положенное тамъ на сохраненіе собственное ихъ чиновниковъ имѣніе, коего наклавъ 4 фуры повезли съ собою; но дѣла и бумаги всѣ выкинули на полъ и топтали ногами; по прошествіи же нѣсколькихъ дней послѣ онаго грабежа стали у него Тархова постоемъ въ его комнатахъ 8-го Польскаго уланскаго полку шефъ Чернецкій, два капитана: Запольской, а другой изъ Гишпанцевъ; стояли тутъ вмѣстѣ слишкомъ три недѣли, отъ которыхъ онъ не имѣлъ ни одного часа покоя, въ разсужденіи ихъ требованія припасу и посуды".

Важнѣйшее же въ его Тархова рапортѣ замѣчено слѣдующее обстоятельство:

„1-го Октября, пришедъ въ архивскій домъ къ нему на квартиру, опредѣленные отъ Французскаго правительства Мясницкой частный приставъ съ комисаромъ и драгуномъ и спрося его, онъ ли называется Тарховъ, дали ему знать, что требуетъ его генералъ-комендантъ къ себѣ, и онъ не могъ противиться имъ, пошелъ съ ними и былъ приведенъ въ занятой комендантомъ домъ купцовъ Чороковыхъ на Мясницкой, гдѣ отданъ отъ частнаго Французскаго правителю его канцеляріи секретарю, которой, принявъ его отъ нихъ и спрося имя, отечество и фамилію, записалъ и повелъ вверхъ въ холодной покой, въ пребольшую залу и поставилъ у дверей двухъ драгунъ съ обнаженными шпагами, которымъ приказалъ его Тархова за порогъ не выпускать; что послѣ сего, спустя часъ или болѣе, приводитъ тотъ же правитель канцеляріи взятаго частнымъ же Французскимъ приставомъ и комисаромъ, жившаго въ Воспитательномъ Домѣ у г-на Тутолмина тайнаго совѣтника *Андрея Васильевича Повалишина*, бывшаго Астраханскаго губернатора, которому отъ того же правителя сказано остаться съ нимъ Тарховымъ. Чрезъ два часа былъ взятъ изъ Прѣсненской части дѣйств. статскій совѣтникъ и бывшій Слободскій Украинскій гражданскій губернаторъ *Андрей Кондратьевичь Артаковъ*; чрезъ полчаса приведенъ отставной бригадиръ *Аммосъ Евдокимовичь Демидовъ*, взятый съ Пятницкой части; потомъ съ Запаснаго дворца, что̀ у Красныхъ во-

ротъ, отставной коллежскій ассесоръ *Петръ Устиновичь Устиновъ* и титулярный совѣтникъ *Ребровъ*, и приставлены были уже къ ихъ дверямъ четыре драгуна съ обнаженными саблями; и держали ихъ въ той холодной залѣ съ 7-го часа утра по 8-й часъ вечера, не давая имъ ни хлѣба, ни воды. Наконецъ входитъ къ нимъ 8-го часа въ исходѣ Французской генералъ-комендантъ вмѣстѣ съ генералъ-полицiймейстеромъ *Виллерсомъ* (находившимся при Московскомъ университетѣ профессоромъ), объявляютъ всѣмъ имъ арестъ за то, что, до прибытія въ Москву Французовъ, отправилъ якобы его сіят. графъ Ѳедоръ Васильевичь Ростопчинъ на баркахъ 50 человѣкъ Французовъ, въ Москвѣ прежде жившихъ, въ Казань или въ Сибирь, и тамъ оные содержатся будто бы весьма нехорошо: то ихъ императоръ Наполеонъ велѣлъ имъ сказать, чтобъ они писали о семъ къ своему Императору и Государю, а равно и къ главнокомандующему арміею князю Кутузову, чтобъ они были возвращены непремѣнно, а ежели не будутъ возвращены, то они разстрѣляны будутъ. На сіе чрезъ ген. полицейм. Виллерса отвѣчали они, что мы о семъ свѣдѣнія никакого не имѣемъ и совсѣмъ ни душей ни тѣломъ не знаемъ. И въ тотъ же часъ повелъ ихъ оный Виллерсъ съ конвоемъ драгунъ къ Французскому генералу военноплѣнными, и отданы ему подъ стражу, гдѣ, не выпуская за порогъ, держали ихъ въ крѣпкомъ караулѣ три дни, давая по одному куску хлѣба; но вдругъ на четвертый день входитъ къ нимъ Французской генералъ и объявляетъ всѣмъ имъ отъ Наполеона свободу съ тѣмъ, чтобъ они съ отправленнымъ отъ него конвоемъ явились къ Тревизскому принцу дюку, къ которому приведены были. И оный принцъ, потребовавъ ихъ къ себѣ, также объявилъ имъ свободу съ тѣмъ, чтобъ они обязались реверсомъ являться чрезъ три дни и всякой день къ Французскому частному приставу, а которой изъ нихъ не явится, то угрожаемы были по закону ихъ; и что они до самаго изгнанія нашими козаками изъ Москвы тамъ являлись".

Сообразивъ таковое чиновниковъ архивскихъ жалостное въ Москвѣ состояніе, осмѣлился Архивъ послать къ нимъ тотчасъ чрезъ почту двѣсти рублей на необходимыя ихъ нужды и на пропитаніе, оставляя впрочемъ на разсужденіе Государственной Коллегіи: *во первыхъ*, снабдить сихъ несчастливцовъ важнѣйшимъ въ ихъ нуждахъ награжденіемъ и помощію, гдѣ имъ жить; ибо собственные ихъ домы всѣ сгорѣли, а въ архивскомъ одномъ уцѣлѣвшемъ флигелѣ помѣстить всѣхъ никакъ не можно; *во вторыхъ*, сгорѣвшій въ Архивѣ другой большой флигель каменный и во всемъ домѣ всякую починку исправить. Но какъ все сіе безъ смѣты архитектора сдѣлано быть не можетъ, то, по пріѣздѣ Архива въ Москву, потребная всему смѣта при описи учинена и немедленно прислана будетъ. А о выѣздѣ отсюда въ Москву ожидать будетъ Архивъ повелѣнія отъ Государственной Коллегіи или предписанія отъ главнокомандующаго въ Москвѣ графа Ростопчина, по коего назначенію какъ Архивъ, такъ и прочія присутственныя мѣста, изъ Москвы сюда отправлены были.

Нижній-Новгородъ. 7 Ноября 1812 года.

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ.
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВА ВЪ XVII И XVIII В.

СОБИРАЕМЫЕ А. М. ЛАЗАРЕВСКИМЪ *).

13. ИВАНЕНКИ.

1. Иванъ Богатый Іоненко „былъ въ землѣ Волосской гетманъ Дубосарскій, на всю тамошнюю Украину".
2. Григорій, полковникъ Брацлавскій 1708 . . . . . . 1.
3. Григорій, р. 1720; въ 1740—бунчук. товарищъ; 1768—1781 Переяславск. полковникъ; 1781—1790 предсѣдатель Кіевской палаты гражданскаго суда, въ чинѣ дѣйствительнаго статск. совѣтника. Ж.—Анна Ширай. . . . 2.
4. Михаилъ, бунчуковый товарищъ 1747. . . . . 2.
5. Андрей, генералъ майоръ 1788. Ж.—Александра Коробовская. За нимъ въ концѣ XVIII ст., числилось 3180 крест. об. п.; въ м. Барышовкѣ и с. Остролучьѣ—550, въ с. Козловкѣ — 80, въ с. Ковалевкѣ — 140, въ с. Казиловкѣ—1070, въ д. Долгой Греблѣ—80, въ Ярославской губ.—110 и въ Харьковской губерніи—1150. 3
6. Ѳедоръ, секундъ-майоръ, предводитель дворянства Золотоношскаго уѣзда. Ж.—Марья Чугуевецъ. За нимъ числились—1060 крест. об. п.; въ с. Канѣвцахъ—200, въ д. Лонгиновкѣ—200, въ с. Шабельникахъ—200, въ с. Ковалевкѣ—400 и въ д. Чарскомъ—60 . . . . 3.
7. Семенъ, премьеръ-майоръ. Ж.—Александра Фуникова. У него крестьянъ: въ с. Слоутѣ—250 и въ Русскихъ губерніяхъ—1640, всего—1890 . . . . 3.
8. Петръ, надворный совѣтникъ; маршалъ Соснинкаго повѣта 1811. Ж. — Настасья Осиповна Авсенкова. У него крестьянъ: въ с. Полуботковой Слободѣ — 60, въ с. Богодуховкѣ — 300, въ с. Деркачовкѣ — 260, въ с. Гутищѣ—200 и въ с. Дяговѣ—280, всего—1100. . . . . . 3.
9. Александръ, ротмистръ, маршалъ Переяславск. уѣзда, 1802 — 1805. Ж. — Катерина Юрьевна Бибикова. У него крестьянъ—700; жилъ въ с. Ерковцахъ . . . . . 3.
10. Иванъ, р. 1749. Кіевскій губернскій предводитель 1788. У него крестьянъ: въ с. Озерянахъ — 630, въ д. Максаковкѣ — 40, въ д. Михенполѣ—160 и въ сл. Хрущовкѣ—200, всего—1030. Жилъ въ Хрущовкѣ . . . . 4.

---

*) См. вторую книгу Р. Архива сего года, стр. 402.

11. Мойсей, р. 1754; поручикъ; Остерскій уѣздный предводитель дворянства 1788, а потомъ—Кіевскій губернскій предводитель дв-ства. Ж.—Елисавета Лаврентьевна Селецкая. У него крестьянъ: въ с. Озерянахъ—630, въ с. Лелякахъ—86, въ с. Остролучьѣ—350 и полученныхъ въ приданое, въ Остерск. и Козелецк. уѣздахъ — 1100, всего 2176. Жилъ въ Остролучьѣ . . . . **4.**

12. Григорій, р. 1756; поручикъ. Жилъ въ Остролучьѣ; у него крестьянъ—482. . . . . **4.**

13. Григорій . . . . **5.**
14. Андрей. . . . . **5.**
15. Марья . . . . **5.**
16. Григорій, коллежскій ассесоръ 1801 . . . . **6.**
17. Андрей. . . . . **8.**
18. Николай, р. 1793, Переяславскій уѣздный предводитель дворянства. Ж.—Александра Алексѣева . . . . . **9.**

19. Григорій, ротмистръ . . . . **9.**
20. Александръ, Переяславскій земскій исправникъ . . . **9.**
21. Василій, Переяславскій межевой судья. . . . . . . **9.**
22. Михаилъ, р. 1781; статскій совѣтникъ. Ж.—Катерина Александровна Иваненко. Переселился въ Екатеринославскую губернію, гдѣ имѣлъ: въ с. Андреевкѣ, Александровскаго уѣзда, — 430 крестьянъ и 21500 дес. земли и въ д. Благовѣщенскѣ, Верхнеднѣпровск. у., 380 крест. и 24000 д. земли . . . . **11.**

Иваненки предкомъ своимъ называютъ Ивана Богатаго Іоненка, который „былъ въ землѣ Волоской гетманъ Дубосарскій, на всю тамошнюю Украину". Этотъ Іоненко вѣроятно происходилъ отъ извѣстнаго Іоны (Ивани), господаря Волосскаго, повѣсть о войнѣ котораго съ Турками, въ 1574 г., разсказана его современникомъ шляхтичемъ Леонардомъ Горѣцкимъ [1]).

Сынъ Ивана Богатаго вышелъ изъ Молдавіи въ Малороссію въ 1706 г., какъ видно изъ слѣдующаго универсала Мазепы, писаннаго лѣтомъ того же года, „въ таборѣ надъ Россю, выше Володарки". Желая заохотить къ войсковой службѣ Григорія Ивановича, полковника Дубосарскаго, оставившаго Турецкаго султана и пришедшаго къ намъ, въ Чигиринъ, отдаемъ ему опустѣлое мѣстечко Бурки, въ уѣздѣ Чигиринскомъ, позволяя заселять то мѣстечко поднѣстрянскими, а не нашими Малороссійскими, людьми, и всякими отъ нихъ повинностями пользоваться. Но въ 1708 г., лѣтомъ, Мазепа, въ ожиданіи уже Карла въ Малороссію, назначилъ Иваненка Брацлавскимъ полковникомъ и далъ ему, при этомъ, право вербовать самому козаковъ въ свой полкъ, вѣроятно въ то время малолюдный.

---

[1]) Малороссійскій переводъ разсказа Горѣцкаго, сдѣланный въ к. XVII в., сохранился въ лѣтописи Боболинскаго (Грабянка, изд. Кіевск., 277 — 291). Позднѣйшій пересказъ этой повѣсти сдѣланъ Н. И. Костомаровымъ, въ его монографіи „Иванъ Свирговскій", Москвитянинъ 1855 г., № 19—20.

„Позволяемъ ему п. Григорію Ивановичу, полковнику Браславскому, людей войсковыхъ въ томъ полку находящихся и желающихъ служить царскому величеству, въ компутъ записывать; а онъ, п. полковникъ, съ тѣми войсковыми людьми, обязанъ будетъ, по ординатамъ нашимъ, всякіе военные походы отправлять и, гдѣ случай укажетъ, противъ непріятеля становиться“.—Однакожъ Иваненко за Мазепою не пошелъ и, оставшись вѣрнымъ царю, оберегалъ правобережье Днѣпра отъ Шведовъ. Приводимъ письмо Скоропадскаго, писанное къ Иваненку въ это время (4 Февраля 1709 г., изъ Нѣжина): „Мой ласковый пріятелю, пане полковнику Браславскій. Же вм. персональною своею бытностю насъ не посѣтилесь, не мѣемъ за тое уразы (гнѣва), вѣдаючи добре, же самому вм., яко отъ небезпечного краю будучому, на мѣстцу всегда зоставати надлежитъ; а мы и изъ листовного (письменнаго) до насъ отъ вм., присланного отозву благодарними будучи, всякую чулость и бодрость якую вм. имѣешь и субмѣтуешься (обязываешься имѣть впредь) ненарушимо заховуй, жадаемъ. На привернене (присоединеніе) сотни Немировской и козаковъ поднѣстрянскихъ, что вм. просишь унѣверсалу и ускаржаешься на малолюдное товариство полку своего, чрезъ отдалене сотнѣ Немировской отъ полку Браславскаго измѣнникомъ Мазепою и отняте козаковъ поднѣстранскихъ, якихъ былъ отданъ онъ же, измѣнникъ, подъ послушенство Роттаріушу (?)—не рекузуемъ; о вшемъ, ведлугъ слушного вм. прошенія, велѣлисмо выдати нашъ унѣверсалъ въ сотню Немировскую и до козаковъ поднѣстрянскихъ, приказуючи, попрежнему, до полку Браславскаго належати и во всемъ вм. быть послушними. Стороны зась Жидовъ Немировскихъ, якіи своимъ знесенемъся (сношеніемъ) листовнимъ зъ противною намъ Лядскою стороною, подъ сіе время жебы чого не учинили шкедливого, позволяемъ вм. оныхъ зъ Немирова выгнати; тилко того перестерѣгай вм., жебы имъ, Жидамъ, подъ часъ того выгнаня, не учинилось отъ кого забойство и розграблене худобамъ“ [2].

За службу при изгнаніи Шведовъ изъ Малороссіи, Иваненко получилъ отъ князя Дм. М. Голицына сначала—Копачовъ и Мокіевку, а потомъ—дворъ Мировича въ Кіевѣ и с. Остролучье. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, Иваненко былъ уволенъ отъ службы, „за старостью и слабостью“.

Изъ сыновей Григ. Ив-ча, пріобрѣлъ извѣстность старшій, Григорій: въ 1768 г. онъ назначенъ былъ начальникомъ трехтысячнаго отряда Малороссійскихъ козаковъ, состоявшаго при первой арміи. Въ Турецкую войну, Григ. Иваненко отличился въ особенности при Кагулѣ, гдѣ былъ раненъ; въ это же время онъ, какъ кажется, назначенъ отъ Румянцова Переяславскимъ полковникомъ [3]. — Сдѣлавшись лично извѣстнымъ Румянцову, Ив-ко съ этого времени пользовался особенною его пріязнью и довѣренностью; впослѣдствіи онъ завѣдывалъ Переяславскими имѣніями Румянцова [4]. Пользуясь своими отношеніями къ послѣднему, Иваненко, при открытіи Кіевской губерніи, назначенъ былъ изъ полковниковъ предсѣдателемъ Кіевской Гражданской Палаты.

Остальныя свѣдѣнія объ Иваненкахъ, помѣщены въ родословіи ихъ.

---

[2]) Приведенные отрывки актовъ взяты нами изъ подлинниковъ, находящихся у П. П. Исаевича.

[3]) Ригельманъ IV, 26.

[4]) Русскій Вѣстн. 1841, т. IV, стр. 196.

14. ИСКРЫ.

1. Яковъ Искра-Острянинъ, гетманъ 1638; убитъ 1641 *).
2. Иванъ, предназначенный гетманъ, убитъ 1659 . . . . 1.
3. Осипъ . . . . 1.
4. Марья. М.—Трофимъ. Дочь ихъ Настасья была замужемъ за Еремѣемъ Свѣтайломъ . . . . 1.
5. Евдокія. М. Данило, пасынокъ Богдана Хмельницкаго. Вѣроятно она видится въ актѣ 1680 года: „Я Воцка Искровна, ознаймую, ижемъ, исъ порадою и за вѣдомомъ рожоного брата моего меньшого Ивана Искренка, продаламъ славетному пану Петру Ковалеви, обывателю Диканскому, грунта мои, лежачіе ведле села Дыканки". — Овдовѣвъ, Евдокія вѣроятно вернулась на отцевщину . . 2.
6. Иванъ, полковникъ Полтавскій 1694—1700; казненъ 1708. Ж.—Прасковья Ѳедоровна Жученко . . . . . . 2.
7. Захарій, полковникъ Кодацкій 1699; сотникъ Погарскій 1709—1717; обозный Стародубскій 1717. . . . . . . 2.
8. Дочь. М. Климъ Нащинскій, Полтавскій обозный 1709. 2.
9. Осипъ . . . . 6.
10. Дочь. М.—Демьянъ . . . . 6.
11. Иванъ, сотникъ компанейскаго полка . . . . 7.
12. Климентій, сотникъ Трехтемировскій 1708; хоружій Переяславскій 1717. По универсалу Мазепы 10 Января 1708, получилъ въ Переяславскомъ полку с. Городище. Скоропадскій въ 1709 г. утвердилъ Городище и прибавилъ с. Грушевъ въ Каневской сотнѣ и ставъ въ Капустной долинѣ. Въ 1717 г. получилъ еще с. Вьюнище. Ж.—Евдокія, по второму мужу—фонъ-Вальценъ . . . . 7.
13. Григорій . . . . 7.
14. Елена. М.—Карпъ Чеснокъ . . . . 7.
15. Григорій, значковый товарищъ . . . . 11.
16. Яковъ, бунчук. товарищъ 1751; подкоморій Переяславскій 1765; надворный совѣтникъ 1780; предводитель Переяславскаго дворянства 1784. . . . . 12.
17. Иванъ, сотенный атаманъ м. Кропивны, Золотоношскаго уѣзда . . . . 13.
18. Андрей, майоръ. Ж.—Катерина Ефимовна Ширай. Переселился на жительство въ Кіевскую губернію. . . 16.
19. Григорій, стряпчій Кіевскаго верхняго земскаго суда. Ж.—Марья Ивановна Синеокова. Жилъ въ с. Зоринѣ, Радомысльскаго уѣзда и имѣлъ въ Кіевской и Волынской губерніяхъ—1490 крестьянъ . . . . 16.
20. Захарій, майоръ. Ж.—Марина Ѳедоровна Булакъ. 16.
21. Яковъ, майоръ . . . . 16.
22. Василій. . . . . 16.

---

*) Въ какомъ родствѣ съ Яковомъ Искрою-Острянинымъ былъ (и былъ ли) Стародубскій полковникъ Леско Острянинъ (1665 г.), мы не знаемъ. О немъ см. Акты Ю. и З. Россіи, VI, 15 и 63.

Родоначальникомъ Искръ былъ Яковъ Остряница, извѣстный гетманъ, воевавшій съ Поляками въ 1638 г. Войну Остряницы подробно описалъ Окольскій, который разсказываетъ, какъ Остряница отбился отъ Поляковъ въ Голтвѣ и какъ потомъ былъ онъ побѣжденъ подъ Лубнами и бѣжалъ [1]). Къ этому Величко (IV, 293) добавляетъ, что̀ и козацкія лѣтописи подтверждаютъ, что „Острянинъ подъ Жолкиномъ, отъ Ляховъ напуженный будучи, покинулъ войско козацкое и, вхопивши одинъ бунчукъ, съ малою дружиною переплылъ черезъ Сулу и удался въ державу Московскую“. Этотъ самый Острянинъ и былъ дѣдомъ извѣстнаго Ивана Искры, казненнаго Мазепою. Кочубей разсказываетъ о послѣднемъ: „А п. Иванъ Ив-чъ Искра незакрыто съ предковъ своихъ есть человѣкъ знатный и заслуженный въ войску Запорожскомъ; читалемъ въ кроницѣ Лядской, у небощика п. Боровиковскаго (генер. обознаго), же дѣдъ его (бо той Острянинъ), въ Голтвѣ отъ Ляховъ осаженный будучи, выигралъ надъ ними звитязство....“ [2]) Свидѣтельство Кочубея подтверждается словами и самаго Искры, Полтавскаго полковника, который, продавая въ 1678 г. одинъ изъ грунтовъ своихъ, такъ объясняетъ происхожденіе последняго: „дѣдъ мой, славной памяти, небожчикъ Янко Острянинъ полецилъ (передалъ) небожчику отцу моему Ивану Искрѣ, а по отцу моемъ мнѣ належенъ (принадлежащій) грунтъ“ [3]).

Такимъ образомъ прославленный въ лѣтописяхъ Остряница, поднявшій въ 1638 г. вмѣстѣ съ Гунею, козаковъ противъ Поляковъ, и былъ тотъ Яцко (Яковъ) Острянинъ, котораго Иванъ Ив-чъ Искра называетъ своимъ дѣдомъ. Остряниномъ онъ назывался, конечно, по происхожденію своему изъ г. Остра на Деснѣ (близко Кіева), на что указаніе находимъ въ Польскомъ актѣ 1638 года, называющемъ Острянину козакомъ Кіевскимъ [4]). Значитъ, извѣстный по козацкимъ лѣтописямъ гетманъ Остряница по своему происхожденію былъ козакъ изъ г. Остра, Яковъ Искра [5]). Исторія его слѣдующая. Выбранный въ 1638 г., предводителемъ

---

[1]) Величко, IV, 232.

[2]) Чтенія Моск. Общ. Др. I 859, I, 148. Въ приведенномъ мѣстѣ изъ записки Кочубея, текстъ нами исправленъ перестановкою словъ: „бо той Острянинъ“, безъ чего это мѣсто лишено смысла.

[3]) Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ этой купчей записи, писанной 8 Марта 1678 года: „Ставувши предъ насъ (Полтавскимъ урядомъ) славетный панъ Иванъ Искренко, козакъ нашъ Полтавскій, вызвалъ явне, ясне... ку записаню до книгъ нашихъ мѣскихъ Полтавскихъ... панове, зъ доброй воли моей продалемъ обители святой Мгарской Лубенской, за игуменство въ Богу превелебного госп. отца Макарія Русѣновича, кгрунтъ мой власный, нѣкому нѣвчомъ не пенний и незаведенный, дѣдизний и отцевский; дѣдъ мой славной памяти небожчикъ Яцко Острянинъ полецилъ небожчику отцу моему Ивану Искрѣ, а по отцу моемъ мнѣ належенъ и полеценъ во всемъ, якъ самъ въ собѣ зостаетъ. Ковжижа зъ лѣсомъ, зъ сѣножатми, зъ плесами и зъ заизками, чимъ владѣлъ небожчикъ дѣдусь мой и небожчикъ отецъ мой, за чотириста золотихъ полской лѣчбы“ (Протоколы Полтавск. полковаго суда по гражданск. дѣламъ, XVII в. Рукопись). Урочище Ковжижа—теперь деревня въ Полтавск. уѣздѣ. Списокъ населен. мѣстъ, изд. Ц. Ст. Ком. М. В. Д. Полтавская губернія, № 437.

[4]) Арх. Ю. З. Росс., ч. III, т. I, стр. 372.

[5]) Прозвище Искры имѣлъ уже и самъ Остряница, а не только его потомство; потому что сынъ его Иванъ въ козацкомъ реестрѣ 1649 года называется не Искрою, а Искренкомъ, т. е. прозвищемъ отческимъ.

возставшими противъ Поляковъ козаками, Острянинъ Искра выдержалъ удачно осаду въ Голтвѣ, затѣмъ былъ разбитъ и бѣжалъ, какъ говорили его современники, въ Московское государство. Бѣжалъ Искра въ Іюнѣ 1638 г., такъ какъ Путивльскій воевода Плещеевъ доносилъ въ Москву, что „3 Іюля приходили къ нему Запорожскіе Черкасы отъ гетмана Запорожскаго отъ Яцка Острянина, для сыску своихъ женъ"; а за тѣмъ, тутъ же, упоминаетъ уже и о другомъ гетманѣ— Дмитріѣ Тимофеевичѣ (Гунѣ), который выбранъ былъ козацкимъ предводителемъ послѣ бѣгства Остряницы [6]). Имѣнія послѣдняго были конфискованы; въ королевской грамотѣ 1 Іюля 1638 г., читаемъ: dobra wszystkie, ruchome y nieruchome, po Jachme Zilińskiem y Jacku Ostranicy, kozakach Kijowskich rebellizantach do dispoziciey naszey przypadle—Domańskiemu dać umyslilismy" [7]). Бѣжалъ Искра со всею своею семьею къ границѣ Слободской Украины и оселился здѣсь, между рѣчками Ворсклою и Коломакомъ, въ границахъ теперешняго Полтавскаго уѣзда. Здѣсь онъ занялъ „вольные грунта", между прочимъ урочища Ковжижу и Соколій Байракъ [8]); но надвинувшіеся къ Полтавщинѣ Поляки, какъ кажется, заставили Искру удалиться за грань, отдѣлявшую тогдашнюю Малороссію отъ Слободской Украины. Лѣтомъ 1639 г. Искра объявился въ Чугуевѣ и, по царскому позволенью, былъ здѣсь „съ товарищами, устроенъ дворовыми и огородными мѣсты, и землею, и сѣнными покосами, и всякимъ угодьемъ" [9]). Въ Чугуевѣ Искра прожилъ до весны 1641 г., когда былъ убитъ своими товарищами. Послѣдніе, „убивъ гетмана, побѣжали за рубежъ",

---

[6]) Акты Ю. и З. Россіи, III, 13. Ср. Истор. Соловьева, X, 110.

[7]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 372.

[8]) Уже изъ акта 1678 г. (примѣч. 3) мы видѣли, что Иванъ Ив-чъ Искра продавалъ около Полтавы дѣдовскія земли; въ другомъ актѣ, въ рѣшеніи генеральнаго суда 9 Октября 1668 г., читаемъ: „Ставши предъ судомъ нашимъ, панѣ Трофимовая Марія Искровна, доходила части своей, принадежной ей въ Соколіемъ Байрацѣ, яко тѣжъ и въ сѣножати къ тому Байраку належачой, такъ словне выразивши: „Мои ласкавіи панове, еще за урядовъ панскихъ, тенъ Байракъ паны Лядскіе подъ себе подгорнувши, меновали его Обѣзкимъ; теди небожчикъ (покойный) братъ мой съ небожчикомъ мужемъ моимъ, не попускаючи того Байраку отъ себе, але яко за власную отцевщину свою ставши, откупили въ пановъ той Байракъ, десять талярей давши; южъ, якъ на своемъ власномъ, признаки значне положивши и окопавши, Иванъ Искренко зъ Осифомъ братомъ моимъ. Мое тежъ крыло въ томъ Байраку зоставало на власной отцевщинѣ моей откупленной". Выслухавши мы скарги (жалобы) п. Трофимовой, высылаемъ Клима Чорнушенка, судю полкового, и при немъ Александра Никифоровича, писаря городового, абы тамъ слушне углядѣвши, часть належную въ томъ Байрацѣ, яко тежъ и въ сѣножати, вказанние отъ п. Трофимовой..... приказавши, абы п. Іосифъ Искренко не преч.... зъ сестрою своею Маріею Искровною, мѣетъ половину того Байраку пополамъ роздѣлити, для тоей причины, поневажъ и самъ небожчикъ Трофимъ за одно зъ Иваномъ Искренкомъ доходили въ пановъ того Байраку" (изъ копіи 1765 г., въ нашемъ собр.) Изъ этого акта видимъ, что Марья Яковлевна Искровна въ 1668 г. отыскивала часть земель, занятыхъ еще отцемъ ея, которыми затѣмъ, по уходѣ Якова въ Чугуевъ, завладѣли Поляки; что земли эти откупили у Поляковъ, прійдя изъ Чугуева, сынъ убитаго Якова, Иванъ да зять его, мужъ сестры Марьи, и что по смерти Ивана Яковлевича, землями тѣми завладѣлъ братъ Ивана Яковлевича, Осипъ Яковлевичъ вмѣстѣ съ племянникомъ Иваномъ Ив-чемъ.

[9]) Описан. Харьк. Епархіи, Филарета Гумилевскаго, IV, 280.

говоритъ царская грамота [10]). Можно думать, что товарищи Искры были недовольны порядками Слободской Украины и, не успѣвъ уговорить его уйти изъ Чугуева, убили Искру, чтобъ скрыть свое рѣшеніе вернуться на земли, занятыя въ Полтавщинѣ [11]). Въ числѣ козаковъ, бѣжавшихъ изъ Чугуева въ Полтавщину, находилась и семья Искры. Густынскіе монахи разсказывали въ Іюлѣ 1641 г. Путивльскому воеводѣ, что „Чугуевскіе Черкасы и Яцка Острянина-сынъ ѣздили къ гетману Конецпольскому бить челомъ о указѣ, и отъ гетмана-де пріѣхали, и гетманъ-де Конецпольскій велѣлъ имъ Черкасомъ селиться слободою, подъ своимъ городомъ подъ Полтавою [12]). Здѣсь Иванъ Искра поселился слободою около Коломака, теперешнимъ селомъ Искровкою.

Въ реестрѣ 1649 г., Иванъ Искра показанъ въ числѣ Полтавской полковой старшины, такъ какъ имя его написано вслѣдъ за именемъ Пушкаря, тогдашняго полковника [13]). Однакоже въ войнахъ Хмельницкаго Искра не принималъ особеннаго участія, не смотря на свое свойство съ гетманомъ; по крайней мѣрѣ этотъ упрекъ сдѣланъ былъ ему Выговскимъ [14]). Но за то, впослѣдствіи, онъ сдѣлался горячимъ участникомъ борьбы Пушкаря съ Выговскимъ и, чтобы оправдать перваго у царя, отправился въ началѣ 1658 г. самъ въ Москву. Здѣсь, въ Апрѣлѣ того же года, уже засталъ его посланецъ Выговскаго, Миргородскій полковникъ Лѣсницкій, который и посланъ былъ именно для того, чтобы убѣдить царя въ необходимости усмиренія Пушкаря военною силою и не дать возможности Искрѣ разоблачить намѣренія Выговскаго. Послѣдній особенно боялся Искры и какъ только узналъ о поѣздкѣ его въ Москву, немедленно же написалъ царю, „что онъ всѣхъ бунтовъ былъ первымъ проводникомъ“ и просилъ „учинить ему наказаніе, чтобъ на то смотря иные (т. е. Пушкарь) отъ бунтовства преставали“. — Когда у Лѣсницкаго

---

10) Тамъ же, IV, 26—36.

11) Разсказанная здѣсь, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, исторія Якова Искры Острянина какъ-то не вяжется съ тѣмъ недавно найденнымъ универсаломъ, который, будто бы, тотъ же Искра-Острянинъ разослалъ, въ Мартѣ 1638 г. по Малороссіи, возбуждая козаковъ на возстаніе противъ Поляковъ. (Величко, IV, 135). Въ универсалѣ этомъ Яковъ Искра изъ Остра называетъ себя: „Стефанъ-Криштофъ зъ Острога и Остра“. Откуда взялось это двойное имя у Якова Остряницы, тѣмъ труднѣе объяснить, что козацкія лѣтописи имени Остряницы вовсе не называютъ (напр. Самовидецъ, 5; Грабянка, 29); а упоминая о немъ, разсказываютъ коротенькую легенду о казни Остряницы вмѣстѣ съ Гунею, въ Варшавѣ. Легенду эту повторяетъ, безъ измѣненія, и Ригельманъ (1, 45); но „Исторія Руссовъ“ туже легенду уже усложняетъ драматическою обстановкою— плѣномъ Остряницы въ Каневскомъ монастырѣ и колесованіемъ его въ Варшавѣ, вмѣстѣ съ Сурмиломъ, Недригайломъ и друг., которыхъ лѣтописи вовсе не знаютъ, опредѣленно называя товарищами Остряницы совсѣмъ другихъ лицъ (Величко, IV, 146). Исторія Руссовъ въ первый же разъ называетъ Остряницу и Степаномъ... Пока происхожденіе „Исторіи Руссовъ“ не объяснено, трудно сказать послѣднее слово объ универсалѣ Стефана-Криштофа Острянина; но во всякомъ случаѣ, видѣть въ немъ историческій документъ, не подлежащій никакимъ сомнѣніямъ, никакъ нельзя.

12) Акты Ю. и З. Рос., III, 54.

13) Реестра Войска Запорожск. 1649 г., стр. 279.

14) Акты Ю. и З. Рос., VII, 216: „никогда въ козакѣхъ не бывалъ, но всегда за торговлею ходилъ“.

спросили объясненій на это письмо Выговскаго, онъ отвѣчалъ, что гетманъ именно приказалъ ему бить челомъ, что если царь желаетъ умиротворенія Украины, то нужно Искру задержать въ Москвѣ. Но бояре боялись этой мѣры: только его нынѣ задержать, говорили они, и за то въ войскѣ не будетъ ли пущаго смятенія? А Выговскій, не дожидаясь результата словесныхъ наставленій Лѣсницкому, подтверждалъ послѣднему письмомъ: „о Искрѣ наипаче памятствуй извѣстить его ц. величеству, что онъ большой у тѣхъ бунтовъ (Пушкаря) былъ поджогою. Изволь тогда бити челомъ его ц. величеству, чтобъ тамъ же скаранъ былъ за ту свою своеволю“ [15]). Лѣсницкій успѣлъ, какъ извѣстно, въ своемъ посольствѣ: Ромодановскій посланъ былъ усмирять Пушкаря, а Искру задержали въ Москвѣ. Но пока Ромодановскій собирался идти на Пушкаря, Выговскій самъ справился съ нимъ: 1 Іюня 1658 г., Пушкарь былъ убитъ, и Полтавщина засмирена. Освободившись отъ Пушкаря, Выговскій не побоялся уже выявить свои симпатіи къ Польшѣ, и тогда только въ Москвѣ повѣрили, что Пушкарь былъ правъ. Тогда отпустили Искру (въ концѣ 1658 г. [16]) и уже не какъ простаго посланца Полтавскаго полковника, а какъ гетмана, который долженъ получить булаву на мѣстѣ, по пріѣздѣ въ Малороссію [17]). Между тѣмъ Ромодановскій уже нашелъ замѣстителя Выговскому, указавъ бывшему при немъ козацкому войску на Безпалаго [18]), котораго и выбрали въ концѣ Ноября, подъ Варвою. „Веселыми ногами“, какъ говоритъ Величко, „спѣшилъ Искра въ Малороссію и, не заѣзжая въ Полтаву, собралъ въ Гадячѣ отрядъ козаковъ, съ которымъ и пошелъ 11 Января къ Ромодановскому, въ Лохвицу, гдѣ, повидимому, долженъ былъ быть оглашенъ дѣйствительнымъ гетманомъ. Не вдалекѣ отъ Лохвицы, подъ с. Песками, на него напали Выговцы съ Татарами и

Згаснулъ тутъ Искра имѣвшій свѣтити.... [19]).

У Ивана Як-ча Искры осталось два сына: Иванъ и Захарій. Первый, будучи домосѣдомъ, унаслѣдовалъ отцовскія имѣнія и остался на родинѣ; другой, отличаясь козачьимъ разгуломъ, не удовлетворился той мирною жизнью, которая стала преобладать въ лѣвобережной Малороссіи съ восьмидесятыхъ годовъ XVII ст., отправился на правый берегъ Днѣпра и присоединился тамъ къ немалому числу своихъ земляковъ, искавшихъ приключеній подъ видомъ службы Полякамъ. Иванъ скоро сталъ зятемъ своего полковника и, кромѣ того, свойкомъ тогдашняго генеральнаго писаря. Родство съ Жученкомъ и свойство съ Кочубеемъ выдвинули его изъ ряда „славетныхъ козаковъ“ и около 1696 г. Искра былъ выбранъ Полтавскимъ полковникомъ. Пользуясь близостью съ Кочубеемъ, онъ, за

---

[15]) Акты Ю. и З. Россіи, VII, 214—215, 219.

[16]) Въ концѣ этого года, онъ поѣхалъ изъ Москвы, чрезъ Сѣвскъ (Акты Ю. и З. Р. VII, 264), и Величко (I, 362) видимо ошибается, говоря, что Искра ѣздилъ въ Москву уже по смерти Пушкаря.

[17]) Въ этомъ и заключалась та „великая ласка“, о которой выше говоритъ Кочубей.

[18]) Величко, I, 341.

[39]) Величко, I, 363. Величко говоритъ, что Ромодановскому царь велѣлъ сдѣлать выборъ гетмана, межъ Безпалымъ и Искрою; но, имѣя въ виду, что Безпалый былъ выбранъ въ концѣ Ноября, а Искра отпущенъ изъ Москвы въ половинѣ Декабря, кажется, что, отпуская Искру, въ Москвѣ еще ничего не знали о Безпаломъ.

четыре года своего полковничества, успѣлъ выпросить себѣ у Мазепы три села: Ивончинцы, Ивашки и Грабиновку. Сѣла эти до того принадлежали Полтавской ратушѣ; по настоящему, гетманъ и не могъ ихъ отдавать Искрѣ, имѣя право раздавать только „свободныя маетности“; но Мазепа не стѣснялся, когда нужно было наградить близкихъ ему людей; а Искра, черезъ Кочубея, былъ близкій человѣкъ.

Кочубей, отказавшись отъ писарства (1700 г.), потерялъ прежнее свое значеніе у Мазепы; генеральнымъ писаремъ сталъ Орликъ, зять Павла Герцика, давняго врага Жученка и его родичей. Орликъ сталъ преслѣдовать послѣднихъ, въ томъ числѣ и Искру [20]), и скоро добился, что послѣдній былъ смѣщенъ: около 1700 г., Искра былъ смѣненъ Иваномъ Левенцомъ и опять вошелъ въ ряды „славетнаго козачества“, которое съ начала XVIII столѣтія стало уже впрочемъ титуловаться панствомъ.

Мирно зажилъ съ тѣхъ поръ Иванъ Искра, распоряжая свое богатое хозяйство, пока Кочубей не втянулъ его въ извѣстный свой доносъ. Взятаго въ Витебскѣ вмѣстѣ съ Кочубеемъ, Искру допрашивали здѣсь „съ пытки“, съ 19 по 30 Апрѣля; по окончаніи розыска, Кочубея съ Искрой отправили въ Смоленскъ. Догадываясь, должно быть, объ ожидавшей его участи, Искра писалъ здѣсь свое духовное завѣщаніе, которое приводимъ въ цѣлости: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Я рабъ Божій Иванъ Искра, пишу я сію изустную духовницу цѣлимъ своимъ умомъ и разумомъ отходя отъ себе (сего?) свѣта, что кому надлежитъ отдать и что поссесіи моей; что пасѣки купленіе у Маджаровъ, у Филипа и Яцка, и третяя у ченцовъ въ Перещепинѣ, да лѣсъ у Локушки, купленій, тое синови моему Иосифу. Да купленій на Коломакѣ кгрунтъ близко города Полтави, лѣсъ и островъ Мякохлѣбовскій, Демидовка, и зъ луками и зъ двома греблями, и всѣ мои кгрунта, которие купленни въ Демидовцѣ подъ Решетиловкою, и то сыну моему Иосифу. Край Демка хату въ мѣстѣ Полтавѣ, да и что Павелъ Гарасименко виненъ мнѣ три тисячи денегъ, и то взять синови моему Иосифу. Подъ городомъ Коломакомъ лѣсъ и кгрунта, да на Микольской лѣсъ подъ Полтавою, да зъ оружа — десять пищалей, какихъ онъ синъ мой самъ хочетъ, да полевихъ снастей и желѣза, что лисицѣ ловять, да кулбаки и луки и всѣ мои полевіе дѣла, и то все сину моему Иосифу. Сукнѣ мои, суконие и блаватние и бобровие, и панцеръ и шаблю добрую подъ срѣбломъ Турецкую, сину жъ моему Иосифу. Якову Рогулѣ 20 рублей денегъ, да пара коней и чотирѣ воли, да чотирѣ корови. Демяну, зятю моему, отцевскій дворъ, Коломакъ, близкій и отцевский мои луки и лѣсъ; да зятю моему Демяну и сестренцу Федору по поливинѣ лѣсъ, яко сину моему, такожде нимъ двомъ. Соколній лѣсъ, отчевскій, по дорогу, что идетъ отъ стадницы до сѣчи старой, до Николского попа, братаничу моему Климу, изъ ставкомъ, изъ нивямъ, и что во ставку. Да млинъ отцевскій что на Петровцѣ, то все Демяну, зятю моему, и сестреницѣ моей Федоровой. Григорію Рогулѣ 10 рублей денегъ и сукно доброе на жупанъ. Левку Матусѣ хуторъ Чернигинъ, кони и 5 рублей денегъ. А всѣ мои пожитки, которие есть въ дому моемъ, то всѣ вручаю женѣ моей; и которая моя челядь, и тѣмъ всѣмъ дать и розверстать женѣ моей, чтобъ ни единъ не билъ обидимъ. Никитѣ челяднику 10 рублей денегъ да пара коней, да чотирѣ воли, да двѣ коровѣ; да Дмитренку коня съ кулбакою и десять озимковъ. Да приказую я женѣ своей, если волею Божиею буду погребенъ въ которомъ мѣстцѣ, и тебѣ бъ дать сто рублей денегъ да двѣстѣ овецъ, двадцать коровъ, кобилъ десять; да что въ Смоленску, отцу моему духовному Благовѣщенскому свя-

[20]) Записки Кочубея въ Чтеніяхъ, 149.

щеннику Михайлу, коня чалого да жупанъ темнозелений да шапка соболяя. Къ сей духовной Ивана Искри города Смоленска Благовѣщенской староста поповскій священникъ Михайло по его прошенію руку приложилъ. Отъ воплощенія Бога Слова 1708, Июня 3 дня" [21]). Безсвязность завѣщанія объясняется тѣмъ положеніемъ, въ которомъ въ это время находился Искра: Головкинъ, 30 Мая, доносилъ царю, что Кочубея и Искру пытали, сколько возможно было по Кочубеевой дряхлости и Искриной болѣзни.... [22]) Завѣщаніе написано уже со словъ полуживаго человѣка.

Изъ Смоленска Искру съ Кочубеемъ повезли 13 Іюня, рѣкою Днѣпромъ, на судахъ, до Кіева; а изъ Кіева повезли ихъ въ Борщаговку, около Бѣлой Церкви, гдѣ стоялъ въ то время Мазепа лагеремъ; и здѣсь, „15 Іюля, въ четвертокъ рано, предъ службою Божіею, топоромъ головы, къ единой пласѣ, п. Кочубею и п. Искрѣ отрублены".... [23]).

Вслѣдъ за уходомъ Мазепы къ Карлу XII, Меншиковъ, по царскому приказу, вызвалъ вдовъ Кочубея и Искры въ Глуховъ, предваряя ихъ о „великой милости государевой". Вдовы встрѣтили Петра въ Лебединѣ, гдѣ и „получили милость". Для вдовы Искры милость эта выразилась тѣмъ, что ей подтвердили всѣ маетности мужа и кромѣ того прибавили часть имѣній Григорія Герцика.

Семья Ивана Искры скоро исчезла безслѣднѣ. Сначала сынъ его Осипъ, а потомъ вдова Прасковья Ѳедоровна умерли, не позже 1715 г. Искрины имѣнія перешли къ Кочубеямъ. Универсаломъ 14 Іюня 1716 г., Скоропадскій объявилъ, что вдова Василія Кочубея, имѣя подлинный и немалый долгъ на умершемъ Искрѣ и умершей женѣ его, а ея сестрѣ, а къ тому и близкое свойство́, просила, дабы всѣ оставшіяся до̀бра ихъ, во всецѣлую поссесію, ей утвердить; и гетманъ, принявъ то прошеніе Кочубеевой, для того долгу, а паче ради свойства́ (иного бо такого сукцессора нѣтъ) всѣ грунта́ Искры отдалъ вдовѣ Кочубея, а именно: дворъ въ Полтавѣ, на рынку, хуторъ Трибовскій съ греблею на Ворсклѣ, слободку Исвровку, луга, сѣножати на р. Коломаку, прозываемые Кучеловскіе, лѣса въ ровняхъ Коломацкихъ, съ слободкою при нихъ осаженою, слободку Демидовку, грунта́ на Орчику и Орельскіе, бывшіе Герциковскіе, грунтъ Займицкій, Таволожный, Дубовыя Гряды и Терны. Кромѣ того, Кочубеямъ гетманъ отдалъ и тѣ три села, которыя Иванъ Искра получилъ отъ Мазепы: Ивончинцы, Ивашки и Грабиновку.—О родномъ братѣ Искры, Захарѣ, Скоропадскій при этомъ не вспомнилъ, можетъ быть потому, что семья Кочубеевъ въ это время продолжала еще пользоваться вниманіемъ царя. Впрочемъ, Захаръ Искра забытъ не былъ раньше. Польская служба благопріятствовала ему не особенно: изъ королевской грамоты 1692 г., видимъ, что Захаръ Искра въ это время, титулуясь просто полковникомъ войска Запорожскаго, получилъ отъ короля, „пляцы Плюсняковскіе и Деляковскіе", въ г. Житомирѣ [24]); другою грамотою 1699 г., Августъ II отдалъ Захару, въ то время полковнику „Кодацкому", пустое мѣстечко Капустяву Долину, съ позволеніемъ ее заселить [25]). Скудные результаты Польской службы заставили Искру перейти въ Русскую службу; самъ онъ впрочемъ ничего не добился отъ гетмана; а старшаго сына его, Климентія, Мазепа поставилъ Трехтемировскимъ сотникомъ, и въ

---

[21]) Духовное завѣщаніе Искры найдено нами въ копіи, при прошеніи вдовы бунч. товар. Якова Климовича Нащинскаго (племянника Искры) Степаниды, поданномъ въ полковой Полтавскій судъ, въ 1766 г., съ жалобою на козаковъ Бородаевъ, за захватъ земли, завѣщанной Искрою Климу Нащинскому. — [22]) Истор. Соловьева, XV, 323. — [23]) Записки о Кочубеѣ и Искрѣ, Диканьскаго священника. Чтенія 1859, I, 152.—[24]) Архивъ Ю. З. Россіи. т. II, ч. 3, стр. 239.

Январѣ 1708 г., далъ ему въ Переяславскомъ полку, с. Городище. Но когда Мазепа узналъ объ участіи Ивана Искры въ доносѣ Кочубея, Захаръ съ сыномъ Климентіемъ былъ арестованъ въ Батуринѣ [26]), а заднѣпровскія его имѣнія были отобраны. Послѣ казни Ивана, Захаръ былъ отпущенъ на свободу. Но какъ только измѣна Мазепы выявилась, Захара немедленно поставили сотникомъ въ Погарѣ, а сыну его, Климентію, возвратили Трехтемировское сотничество. Захаръ сотниковалъ въ Погарѣ около девяти лѣтъ и пріобрѣлъ за это время, кромѣ разныхъ „грунтовъ", два села подъ Погаромъ, Посудичи и Перегонъ; въ 1717 г. онъ былъ поставленъ Стародубскимъ обознымъ. Но не справился Захаръ Искра съ своимъ новымъ положеніемъ: сталъ пить и скоро распился такъ, что обозничество нужно было у него отобрать. Искра не унялся. Вотъ что писалъ Погарскій протопопъ съ другими священниками сотнику своему Галецкому, въ Маѣ 1721 года: „П. Захарій Искра, встрѣтившись на ярмаркѣ 10 Мая со мною и другими священниками, сталъ насъ бранить, безъ всякой нашей вины, и предъ всѣмъ народомъ ка̀къ есть въ ярмарку, п. Искра сталъ мене по лбу лѣскою (палкою) бить, приговаривая: ты, мовитъ, протопопа, пескій сыну, безъ указу катедральнаго, что̀ хочешь, то и чинишь, — викаріевъ въ наши церкви уставляешь; а мое прошеніе о вступленіи въ малженскій станъ (въ бракъ) весьма презираешь! — И сталъ насъ ругать словесы неудобсказательными, сколько его необузданнаго языка ставало. Потомъ, сегодня прислалъ п. Искра ко мнѣ Стародубскихъ и Новгородскихъ купцовъ, чтобъ я шолъ къ нему мириться и затѣмъ вѣнчать его съ „дѣвкою"; а если не пойду, то чтобъ не ждалъ отъ него милости. — Я отвѣчалъ, что никакъ не смѣю того сдѣлать безъ позволенія гетмана, а мириться не буду, за такую всенародную обиду.— Купцы сказали: Да что же гетманъ можетъ сдѣлать п. Искрѣ? Онъ самъ равенъ гетману и никого не боится! Да при томъ же онъ можетъ поѣхать и въ другое мѣсто вѣнчаться. Я снова отвѣчалъ, что̀ про меня, пусть куда хочетъ, туда и ѣдетъ, а я не буду его съ третьѐю женою вѣнчать". Въ концѣ концовъ протопопъ просилъ сотника защитить его отъ насилій Искры и „не похлѣбствовать его п. Искры богатству".

Дѣло въ томъ, что Искра въ это время задумалъ жениться на какой-то бѣглой „великороссійской дѣвкѣ". Погарскій протопопъ, какъ видно, не рѣшался его вѣнчать, почему-то боясь при этомъ гетмана. Но старый полковникъ, всего извѣдавшій на свѣтѣ, не такой былъ человѣкъ, чтобъ останавливаться предъ такими пустыми по его мнѣнію препятствіями. 12 Мая того же 1721 г., т. е. на другой вѣроятно день какъ получилъ жалобу протопопа, сотникъ доносилъ гетману, сначала о томъ ка̀къ Искра побилъ протопопа, прибавляя: „и такой его отвагѣ пьяной весь ярмарокъ дивился", а потомъ, по полученіи отъ вельможности вашей царскихъ грамотъ о бѣглыхъ крестьянахъ, я немедленно послалъ одну къ Искрѣ, чтобы онъ, вразумившись, не творилъ противности монаршему указу (не вѣнчался бы съ бѣглою); но „п. Искра, барзо хмелемъ часто себе заводячи и страхъ оставивши, позвалъ къ себѣ попа, тѣмъ же пьянствомъ исполненнаго, которому не разъ уже протопопъ грозилъ, чтобъ пьяныхъ пьяный не вѣнчалъ и, накрѣпко въ своемъ дворѣ затворившись, кричалъ: вѣнчайте меня, а то самъ себя застрѣлю, на вашу душу! и уничтоживши всѣ препятствія, сватство проклятое чинилъ. И тотъ его дивъ и чудъ творимый доношу вельможности вашой, бымъ (чтобы) я не зосталъ въ якомъ

---

[25]) Арх. Полт. Двор. Деп. Собр., дѣло о родѣ Искръ.

[26]) По разсказу одной родственницы Искръ, въ 1744 г.

подозрѣню противъ монаршой волѣ“ [27]). За это Скоропадскій отобралъ у Искры Посудичи и Перегонъ [28]).

Вскорѣ Захаръ Искра умеръ. Въ 1730 году, внукъ его Яковъ писалъ Апостолу: „Въ пеленахъ матернихъ осиротѣвши, по умертвіи отца моего Климентія Искры, хоружого полковаго Переяславскаго, остался я въ опекѣ дѣдуся моего покойнаго п. Захарія Искры, котораго Господь Богъ, при старости лѣтъ, житія сократилъ; а помираючи дѣдусь мой отдалъ меня своей дочерѣ, Еленѣ Искровнѣ, рожоной ціотусѣ моей, панеи Карповой Чесныковой, у которой и нынѣ на наученіи книжномъ обрѣтаюсь. И отдалъ дѣдусь мой, п. Захарій Искра, умирая, всѣ имѣнія свои, купленныя имъ въ Погарѣ, лѣса, поля и дворы; только въ грунтахъ тѣхъ Погарцы чинятъ великіе утиски, собирая съ нихъ немалые раціоны и порціоны“ [29]). Но Погарскія имѣнія не остались въ родѣ Искръ; ихъ Яковъ должно быть продалъ, а самъ переселился на имѣнія отцовскія, въ Переяславъ и въ 1784 г. былъ избранъ первымъ предводителемъ тамошняго дворянства. Сынъ его Григорій, стряпчествуя въ Кіевскомъ верхнемъ земскомъ судѣ, вскорѣ нажилъ себѣ полторы тысячи крестьянъ.....

ЧЕЛОБИТНАЯ ЧЕРНИГОВСКАГО АРХІЕПИСКОПА ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бьетъ челомъ богомолецъ твой государевъ, Лазарь Барановичь, архіепископъ Черниговскій и Новгородскій. Въ прешедшихъ, государь, лѣтѣхъ потщахся азъ, по даннѣй мнѣ отъ Всесвятаго и Животворящаго Духа благодати, сооружити истиннымъ воемъ Христовымъ, всѣмъ православнымъ христіаномъ, Мечь слова Божія на посѣченіе общихъ враговъ всего рода человѣческа, на діавола, на міръ и плоть, и вручихъ, яко первѣйшему всего христіанства вожду, тебѣ, православнѣйшему самодержцу, да первѣе твоея пресильныя десницы пріятіемъ достойную у всѣхъ правовѣрныхъ обрящетъ любовь и пріятіе, якоже и бысть, дѣйствующи благодати Виновника всѣхъ благъ. Нынѣ паки, видя азъ непрестанное ратованіе тѣхъ врагъ на полчище христіанское, нерадивость же и лѣность воевъ Христовыхъ, многой послѣдующей тщетѣ душъ, неоцѣненною Христа Бога нашею кровію искупленныхъ, умыслихъ Богу Отцу совѣщающу, потщахся Богу Сыну пособствующу и сооружихъ Богу Духу Святому совершеніе дающу, — духовныя рати Трубы, да вострублю гласъ Слова Божія, всѣмъ православнымъ людемъ возбуждающъ ко еже подвизатися крѣпко вооружшеся во броня правды и на стяжаніе духовныя побѣды устремитися. Написахъ, глаголю, Божіею благодатію, проповѣди слова Божія на вся праздники всего годищнаго попри-

[27]) Арх. Мирск. Коллегіи, № 1528.

[28]) Діаріушъ Ханенка, М. 1858, стр. 41.

[29]) Тамъ же.

ща и нарекохъ имя книзѣ Трубы. Точію трудъ ми ся дѣетъ велій и неудобство тисненія печати, зане Кіевская типографія иными занята; а мой вѣкъ временный по вся дни и часы спѣшно къ концу приближается. Дерзаю убо къ твоимъ щедротамъ царскимъ со смиреннымъ припадати моленіемъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ! Умилосердися о мнѣ, богомольцѣ своемъ, даждь Трубамъ симъ духовнымъ украшеніе своея типографіи. Повели ихъ печатовати на Москвѣ, въ своемъ Государевомъ дворѣ печатномъ и твоимъ Государевымъ накладомъ, да не всуе трудъ многополезный безъ плода духовнаго во тмѣ невѣдѣнія истлѣетъ и яко талантъ въ земли закопанъ будетъ. Азъ же ничесожъ возмездія временнаго за сіе Божіе требую дѣло, точію небеснаго отъ Бога Слова, егда послѣдняя страшная труба вострубитъ воздавія; развѣ токмо благоволитъ твое милосердіе на монастыри странъ нашихъ по своей премногой царской милости часть нѣкую даровати. А свидѣтельства ради православнаго во всей книзѣ содержимаго разума, подлагаю со усердіемъ сія моя Трубы подъ разсужденіе всея православныя церкве, и молю, да повелитъ Твое Пресвѣтлое Царское Величество тѣмъ ю прочитати и разсудити, ихже иматъ искуснѣйшихъ писанія Божественнаго во своей царской державѣ, между ними же непщую доволна быти ученика моего іеромонаха Симеона Полоцкаго; зане причастися Божіею благодатію церкви потребнымъ ученіемъ, и желаю, да онъ досмотритъ всего дѣла даже до совершеннаго напечатанія. О семъ явленіи на мнѣ Твоего Царскаго милосердія отъ всея души моея, съ неотступнымъ ногъ твоихъ царскихъ лобзаніемъ моля, сторицею поклоняюся, глаголю: Царь Государь, смилуйся!

(*Изъ рукописи Московской Синодальной библіотеки*, № 130, № 156—157. *Сообщено Л. Н. Майковымъ*).

Въ настоящемъ документѣ Лазарь Барановичъ говоритъ о двухъ извѣстныхъ, изданныхъ имъ сборникахъ проповѣдей, подъ названіями: Мечь духовный, 1666 г. и Трубы 1674 г. Оба изданія вышли съ витіеватыми посвященіями царю Алексѣю Михаиловичу и на лицевыхъ листахъ посвященій украшены «знаменіями» (фронтисписами), изъ коихъ, помимо разныхъ священныхъ и аллегорическихъ изображеній, на 1-мъ «знаменіи» на вѣтвяхъ древа, представлены: царь Алексѣй Михайловичъ, царица Марія Ильинична и царевичи: Ѳеодоръ, Алексѣй и Симеонъ; а на 2-мъ царь, царица Наталья Кириловна и царевичи: Ѳеодоръ, Іоаннъ и Петръ, при чемъ на знаменіи при первой книгѣ изображенъ возлежащимъ у корня древа Владиміръ князь, какъ родоначальникъ царскаго дома. Это обстоятельство вмѣстѣ съ другими нареканіями на книгу «Мечь духовный», дало поводъ удаленному съ патріаршаго престола патріарху Никону возражать, что на знаменіи нужно было изобразить какъ родоначальника не Владиміра князя, а царя Михаила Ѳеодоровича. См. относящееся къ этому предмету «Посланіе неизвѣстнаго (вѣроятно Лазаря Барановича) къ бывшему патріарху Никону, «обхуждавшему чрезъ писаніе книгу именуемую Мечъ духовный», помѣщенное въ той же Синодальной рукописи № 130 на стр. 213—215. Очень вѣроятно, что возраженія Никона и были причиною, что въ «знаменіи» при второмъ трудѣ Барановича царское семейство было изображено безъ Владиміра князя.

Въ своей челобитной Лазарь Барановичъ проситъ царя Алексѣя Михайловича напечатать «Трубы» «въ своемъ Государевомъ печатномъ дворѣ и своимъ Государевымъ накладомъ». Но эта просьба его не была исполнена. Какъ первая, такъ и вторая изъ названныхъ книгъ были напечатаны въ Кіевопечерской типографіи. По нашимъ каталогамъ (Ундол. 936, Карат. 859, сл. Евг. и Филар.) значится, будто книга Трубы въ 1679 г. вышла 2-мъ изданіемъ; но это ошибка, которою, вмѣстѣ со многими другими подобными ошибками, наша библіографія обязана пресловутому Сопикову. А такъ какъ книга Трубы вышла первымъ и единственнымъ изданіемъ въ 1674 году, то не подлежитъ сомнѣнію, что челобитная Барановича писана прежде 1674 года. *А. В.*

КЪ ИСТОРІИ СНОШЕНІЙ РОССІИ СЪ ЧЕРНОГОРІЕЮ.

Въ 1721-мъ году Черногорскій и Скендерійскій митрополитъ Даніилъ отправилъ въ Россію архимандрита Требинскаго Успенскаго монастыря Леонтія. По прибытіи въ Петербургъ, въ Ноябрѣ того же года, Леонтій подалъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ доношеніе, въ которомъ заявилъ, что въ 1712-мъ году былъ у нихъ на Черной горѣ морскаго флота капитанъ Павелъ Аркулей и, назвавъ себя посланнымъ отъ его императорскаго величества, взялъ въ монастырѣ ихъ тысячу добрыхъ Венецкихъ золотыхъ и оставилъ въ закладъ запечатанную скрынку „будто съ діаментами" *); сверхъ того, дали они полковнику Михаилу Милорадовичу семьсотъ червонныхъ, „ради воинскихъ отправленій во время Турецкой войны". Представивъ при своемъ доношеніи заемное письмо Аркулея и заложенную скрынку, архимандритъ просилъ Коллегію объ уплатѣ означенныхъ тысячи семисотъ червонныхъ изъ казны его императорскаго величества. Пока Коллегія занималась собраніемъ и разсмотрѣніемъ свѣдѣній по этому предмету, архимандритъ Леонтій въ Апрѣлѣ (6 числа) 1722 года подалъ въ Святѣйшій Сvнодъ челобитную слѣдующаго содержанія:

„Бью челомъ вашему святѣйшему правительству и доношу. Въ прошломъ 1711 году, слышавше мы въ странахъ нашихъ высокоповажніе грамати императорскаго пресвѣтлаго величества, чрезъ господина полковника Михаила Милорадовича намъ обявленніе и поощряющіи насъ ко брани противо Турчина, врага креста Господня: тогда мы зѣло возрадовахомсе, яко Богъ воздвиже рогъ христа своего, императорскаго величества, во спасеніе многихъ правовѣрнихъ Христіанъ. Егда же онъ, полковникъ, воеваше и брани умножахусе, баталіе творахусе съ кровопролитіемъ немалимъ, и достиже воинству нужда лѣта 1712, тогда видѣхомъ ихъ оскудѣніе. А въ тѣхъ велико-почтеніихъ граматахъ изображено бысть и духовному чину всякое творити вспомагательство по ревности христіанской, за пріяти отъ Бога тайное воздаяніе, а отъ его императорскаго величества милость. Того ради мы изъ монастира нашего Святоуспенскаго Требинского на Савини узаймисмо вышереченому полковнику седмъ стотина златихъ червонихъ добрихъ Венецейскихъ, ради воинского интересу его императорского величества. Потомъ Павелъ Аркулей, флота морского капитанъ, пріиде тамо и, именующи себе посланикомъ отъ его императорского величества, взелъ въ монастыри нашемъ тисящу добрихъ Венецейскихъ червонихъ златихъ; которыхъ денегъ аще толико и не бияше въ монастири нашемъ, обаче церковніе утвари въ закладъ дати принуждени мы сотворихомъ по ихъ требованію, ради воинского интересу его императорского величества, во истину. И за тимъ долгомъ во 1713 году Георгій, игуменъ нашъ, пошелъ былъ къ его императорскому величеству просити воздаянія, но его Матѳей Карета возвратилъ изъ Віени, обнадеживши, яко все заемное прислано будетъ въ монастиръ нашъ; а мы не получили отъ того долга ничесоже, и еще пострадахомъ немало отъ обладающихъ надъ нами, и нѣкотори наши и сожженіе

*) Т. е. съ алмазами, или вообще съ драгоцѣнными камнями.

ногъ поднесли и три лѣта и полъ-четверти въ заточени были; еще же и теперь страждемо и толико лѣтъ на чуждіе деньги отдаемо процентъ. И я, нижепоменути, въ 1721 году Іануаріа 7 числа, посланъ отъ братіи къ его императорскому величеству просити воздаянія, пришли въ Санктпитербурхъ Ноемра 9 числа. И тисящу червонихъ златихъ велѣли отдать, а для путнаго шествія не дають ничесоже. А я прочее не вѣдаю, како сдѣлати будутъ за седмъ сотъ червонихъ златихъ добрихъ Венецейскихъ, що взелъ на воинство императорского величества полковникъ Михаилъ Милорадовичъ. Того ради теку ко святѣйшему вашему правительству и старечеcко всесмѣрино прошу и молю, да ми сотворите воспоможеніе, даби обитель Святоуспенская паки свое благолѣпіе воспріела и не била разоренна во своемъ вѣрительствѣ. И еще прошу и молю книги Славенского язика и прочее которое украшеніе церковное, да бисте насъ пожаловали: понесмо всимъ оскудни. О семъ прошу вашего святѣйшаго правительства нижайши слуга Леонтій архимандритъ съ братію".

По этому челобитью архимандрита Леонтія, Синодъ опредѣлилъ: „Славенского языка книги, надлежащія для церковного священнослуженія, отправить изъ синодального дома изъ ризной и изъ протчей подобной тому домовой казны безденежно—весь кругъ церковной"; прошеніе же Леонтія объ уплатѣ слѣдующихъ Требинскому Святоуспенскому монастырю денегъ препроводить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, дабы въ ней „указъ учиненъ былъ безволокитно; а что̀ учинено будетъ въ Святѣйшій Сѵнодъ предъявить доношеніемъ: понеже онъ (Леонтій) человѣкъ иностранной и духовная персона, и защищенія себѣ кромѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода не имѣетъ" *).

Въ отвѣтъ на сѵнодскій указъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ сообщила Сѵноду **), что въ нынѣшнемъ 1722 году она „приговорила: изъ Монтенегріи (Черногоріи) въ монастырь Успенской Требинской тысячю червонныхъ золотыхъ, которые въ 1712 году, во время у его императорского величества съ салтаномъ Турскимъ войны, Павелъ Аркулей занялъ, отослать съ пріѣзжимъ изъ того Требинского монастыря архимандритомъ Леонтіемъ; а тѣ тысячю червонныхъ выдать нынѣ въ тотъ монастырь изъ казны его императорского величества: для того, что когда въ то время была у его императорского величества война и отъ его императорского величества писано было къ тому народу, дабы они, служа его величеству ради христіянства, тогда жъ въ войну съ Турки вступили и тѣмъ нѣкоторое отвращеніе Турскимъ войскамъ учинили, и посланъ былъ къ нимъ для того нарочно полковникъ Михайло Милородовичъ (sic); и тотъ Монтенегрійской народъ, принявъ отъ его императорского величества грамоту, тогда въ ту съ салтаномъ Турскимъ войну вступили и показали къ его величеству свою службу и ревность, для которой, какъ видно, и та тысяча червонныхъ изъ того монастыря Аркулею взаимъ дана. И дабы тотъ народъ и впредь для такихъ случаевъ содержать въ такой же ревности и вѣрности къ его императорскому величеству, и для того тѣ тысячю чер-

---

*) См. опред. Св. Сѵн. 26 Апрѣля, и указы: а) ризничему сѵнод. дома іером. Филагрію 23 Мая и б) въ Колл. Иностр. Дѣлъ 27 Апр. 1722 г.

**) См. донош. Колл. Иностр. Дѣлъ Св. Сѵноду отъ 16 Мая 1722 г. № 232.

вонныхъ золотыхъ *) выдать нынѣ изъ наличныхъ денегъ канцелярiи Коллегiи Иностранныхъ Дѣлъ. А о семистахъ червонныхъ, которыхъ онъ, архимандритъ, требуетъ по заемному писму полковника Милородовича, рѣшено писать къ Данилу, митрополиту Скендерiйскому, что тѣхъ денегъ ему не заплачено для того, что въ бытность его, митрополита, при дворѣ его императорскаго величества, по поданнымъ его доношенiямъ и полковника Михайла Милородовича, на заплату такихъ долговъ дано ему, митрополиту, изъ казны его императорского величества десять тысячь рублевъ денегъ и другое награжденiе учинено; и нынѣ, по данной въ монастырь Рожества пресвятыя Богородицы, въ которомъ онъ, митрополитъ, обрѣтаетца, посылается милостыни чрезъ вексель пятьсотъ рублевъ; и дабы онъ, митрополитъ, Требинскому монастырю въ той претензiи въ семистахъ червонныхъ удовольство показалъ: ибо, какъ выше показано, на расплату такихъ долговъ оная сумма тогда дана. И по тому Коллегiи Иностранныхъ Дѣлъ приговору, того Требинского монастыря архимандриту Леонтiю тысяча червонныхъ золотыхъ выдача и письмо къ митрополиту Данилу послано. Ему жъ архимандриту Леонтiю дано на отпускѣ его императорского величества жалованья и на проѣздъ сто рублевъ да косякъ камки, пара соболей и подводы до границы и на нихъ прогоны и проѣзжей листъ".

(*Сообщено П. И. Савваитовымъ*).

ДИСПУТЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 25 АВГУСТА 1769 ГОДА.

Доношенiе Синоду Амвросiя архiепископа Московскаго.

Въ Духовномъ Регламентѣ о дѣлахъ епископскихъ 9-мъ пунктомъ повелѣно всякому епархiальному архiерею наблюдать въ епархiи своей, не дѣлаются ли гдѣ какiя суевѣрiя и оныя пресѣкать. А какъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ вышедшее здѣсь изъ печати при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ производимаго въ профессоры магистра Дмитрiя Аничкова соблазнительное и вредное сочиненiе подъ заглавiемъ: ***Разсужденiе изъ натуральной богословiи о началѣ и происшествiи натуральнаго богопочитанiя***, наконецъ и до моего дошло свѣдѣнiя: то я предлагаю оное вашему святѣйшеству на главное разсмотрѣнiе. Къ сему побудили меня усмотрѣнныя въ семъ сочиненiи выраженiя, коими: 1) Явно возстаетъ противу всего

---

*) Въ это число Коллегiя опредѣлила „шестьсотъ взять на Павлѣ Аркулеѣ, которой нынѣ въ службѣ его императорского величества обрѣтаетца въ магистратѣ бургомистромъ, для того, что онъ, Аркулей, въ 1712 году ѣздилъ къ тѣмъ Монтенегриномъ безъ указу его императорскаго величества и тысячу червонныхъ золотыхъ занялъ изъ того монастыря обманомъ, заложа за печатью вещи самой малой цѣны. И довелись бы на немъ, Аркулеѣ, и всѣ тѣ золотые червонные взять; но понеже какъ онъ, Павелъ Аркулей, въ 1714 году въ допросѣ своемъ показалъ, что изъ тѣхъ взятыхъ червонныхъ четыреста отдалъ онъ тѣмъ Монтенегрiйскимъ народомъ и тотъ прiемъ и полковникъ Михайло Милорадовичъ (которой въ то время по указу его императорского величества былъ къ тому народу посыланъ для склоненiя къ войнѣ и ими командовалъ) письмомъ своимъ засвидѣтельствовалъ, и что тѣ четыреста червонныхъ на воинскiя потребы у нихъ вышли: для того тѣхъ четырехъ сотъ червонныхъ на немъ, Аркулеѣ, не спрашивать; а шестьсотъ червонныхъ, которые онъ взявъ употребилъ себѣ, на немъ, Аркулеѣ, доправить".

христіанства, богопроповѣдничества и богослуженія. 2) Опровергаетъ Св. Писаніе и въ немъ богознаменія и чудеса, также рай и адъ и діаволовъ, соравняя ихъ хитроковарнымъ образомъ съ натуральными или небывалыми вещьми; а Моисея, Сампсона и Давида съ языческими богами. 3) Во утвержденіе того атеистическаго мнѣнія приводитъ безбожнаго Епикурова послѣдователя Люкреція да всескверпаго Петронія. 4) Положенія подъ № 1, 2, 3, 5, 10 и 11 совсѣмъ натуральной и откровенной богословіи противны, изъ коихъ послѣднюю, уничижая Св. Писаніе и писателей онаго, для одного только виду упоминаетъ.

Прежде же нежели читано было въ аудиторіи сіе сочиненіе, многіе изъ ученыхъ мужей тотчасъ предосудили оное, почему творецъ (авторъ) принужденъ былъ вторично перепечатать, какъ явствуетъ 2-е изданіе на Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ. Что̀ же касается до самихъ диспутовъ, то оные публично происходили 25 Августа, и когда чтеніемъ начата была отъ него сочинителя рѣчь, то какъ Россійскіе, такъ и иностранные ученѣйшіе гг. профессоры сильно опровергали безбожныя его мнѣнія, такъ что совсѣмъ безгласнымъ его учинили невѣжею. Сверхъ прочихъ профессоровъ читалъ тогдаже на Латинскомъ языкѣ исторіи профессоръ г. Рейхель весьма благоразумную и благочестивую рѣчь. А дабы и впредь таковыя или хульнѣйшія въ толь знатномъ благочестивѣйшими государями нашими учрежденномъ мѣстѣ сочиненія, къ крайнему разврату и соблазну, издаваемы не были, о томъ, какъ и о истребленіи сего безбожнаго сочиненія, купно же и о пастырскомъ сочинителя запрещеніи богомольчески прошу".

Св. Синодъ приказали: что „хотя Св. Синодъ и не можетъ думать, чтобъ Аничковъ имѣлъ дерзновенное намѣреніе что-нибудь прямо говорить противу православнаго закона, однако признаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія Аничковъ употребилъ выраженія неосторожныя, кои и могли показаться другимъ соблазнительными; и потому требовать отъ Сената подтвержденія Университету не печатать такихъ неосторожныхъ сочиненій и чтобъ въ лекціяхъ ничего такого примѣшиваемо не было, чѣмъ законъ могъ бы быть тронутъ; и въ другія типографіи учинить о томъ же подтвержденіе, чтобы сочиненія, касающіяся вѣры, безъ апробаціи Св. Синода печатаемы не были".

Исправляющій должность оберъ-прокурора бригадиръ Чебышевъ протестовалъ противъ этого рѣшенія, и когда члены Синода остались при своемъ мнѣніи, подалъ письменное предложеніе: „Въ сочиненіи Аничкова противностей православному закону мною не усматривается, да и сочиненіе перепечатано. И то, что Аничковымъ оное сочиненіе читано было въ мѣстѣ государственномъ и ученомъ, гдѣ никакой соблазнъ и непристойность терпимы быть не могутъ; а паче, что ни въ доношеніи Амвросія, ни въ опредѣленіи Синода не изъяснено, въ чемъ и какимъ догматамъ православнаго закона Аничкова сочиненіе противно, вредно и соблазнительно: поэтому дѣло надобно оставить безъ послѣдствій".

(*Сообщено С. М. Соловьевымъ*).

ПРИКАЗЪ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

Напечатанный ниже приказъ сей, имѣя свое неоспоримое значеніе относительно дисциплины, замѣчателенъ тѣмъ, что графъ Аракчеевъ въ немъ рельефно выражаетъ черту своего необыкновеннаго самолюбія. Ставя всѣмъ генераламъ самаго себя въ примѣръ того, что въ присутствіи его не было примѣра нарушенія младшими чиновниками субординаціи, онъ упустилъ изъ виду, что личность его, стоя близко у трона и находясь на высотѣ грознаго временщика, сама собою, по положенію его и власти почти неограниченной, невольно каждому внушала и страхъ и сдержанность. Но чтобы присутствіе его внушало любовь и преданность къ нему окружавшихъ его, объ этомъ въ приказѣ не говорится; да и не къ стати было бы говорить: онъ зналъ, что его никто не любитъ и за него костьми не ляжетъ.

Замѣчательно, что графъ Аракчеевъ, по званію военнаго министра, первый ввёлъ печатаніе министерскихъ приказовъ и разсылку ихъ, по войскамъ, наравнѣ съ Высочайшими приказами, имѣющими обязательную силу.

Григорій Александровъ.

ПРИКАЗЪ ВОЕННАГО МИНИСТРА.

Іюня 9-го дня 1808 года.

Съ самаго вступленія моего въ званіе военнаго министра замѣчалъ я, что субординація не наблюдается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ полной ея силѣ. А какъ извѣстно, что оная есть главнѣйшее правило, связующее всѣ части военной службы, то и полагаю должною по званію моему обязанностію объявить слѣдующее. Нерѣдко случается, что особливо въ публичныхъ собраніяхъ младшіе чиновники не сохраняютъ въ отношеніи старшихъ должнаго уваженія, и даже самой благопристойности, то причину сему отношу я не столько на счетъ младшаго чиновника, какъ къ лицу старшаго, упускающаго изъ виду должное за сіе взысканіе, и чрезъ то дающаго совершенной поводъ къ явному ослабленію установленныхъ правилъ военной службы. Въономъ мнѣніи удостовѣряюсь я, поставляя собственно себя примѣромъ: ибо никогда не замѣчалъ я, чтобы въ отношеніи меня была нарушена субординація; слѣдовательно какъ нынѣ, такъ и впредь увѣрительно заключать должно, что естьли генералъ не будетъ взыскивать за неисполненіе обязанностей младшихъ его чиновниковъ, то таковой докажетъ, что онъ не умѣетъ удержать должнаго къ себѣ уваженія.

Военный министръ графъ Аракчеевъ.

Въ Государственную Военную Коллегію.

(Моск. Отд. Архива Гл. Шт. Оп. 39, св. 145, дѣло № 543).

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ

къ преосвященному Архангелогородскому Парѳенію.

Вологда. Октября 30, 1811 года.

Преосвященнѣйшій владыко,

Любезнѣйшій о Христѣ братъ!

Получилъ я письмо вашего преосвященства отъ 13 Октября съ приложеніями, и теперь отвѣтствую съ возвращеніемъ оныхъ. Я ихъ прочиталъ. „Бесѣда" очень хороша. Сей родъ проповѣдыванія для проповѣдника легчайшій, а для слушателей занимательнѣйшій разнообразіемъ своимъ. Посему-то и святые отцы больше проповѣдывали бесѣдами, нежели нарядными поученіями, для коихъ больше потребно труда, вниманія, да и ума. Въ разсужденіи же толкованія *Пѣсней* Соломоновыхъ вотъ мое мнѣніе. Книга сія, изъ всѣхъ книгъ библейскихъ, есть та, которую меньше прочихъ буквально толковать должно и можно. По свидѣтельству Оригена и Ѳеодорита, у Евреевъ запрещалось даже и читать ее прежде 30-лѣтняго возраста; и хотя церковь Іудейская и Христіанская всегда согласно признавали оную богодухновенною и мистическою; но поелику Іисусъ Христосъ и Апостолы никогда на нее не ссылались, да и нѣтъ въ ней во всей имени *Бога*, то знатнѣйшіе изъ отцевъ святыхъ не принимались даже всю ее толковать, а только отрывками. Одинъ только отважный и аллегоріо-любивый Оригенъ признанъ отъ Іеронима лучшимъ толкователемъ сей книги. Hic, ut inquit Hieronymus, cum ceteris in libris vicisset alios, in Cantico Canticorum se ipsum vicit *). Но изъ сего толкованія немногіе только отрывки до насъ дошли. По немъ принимался толковать сію же книгу Григорій Нисскій и написалъ 15 бесѣдъ; но дошелъ ими только до 8 стиха 6-й главы и то разъяснялъ все только нравственными аллегоріями, а буквальнаго смысла не смѣлъ и касаться. Новѣйшіе критики винятъ даже Безу, Кастелліона и Гроція за то, что они въ переводахъ своихъ слишкомъ буквально силились выражать Еврейскій текстъ. И такъ если самый текстъ соблазнителенъ, то лучше не касаться онаго никакими толкованіями, особливо на народномъ языкѣ. Пусть остаются оныя въ книгахъ на ученыхъ языкахъ, дабы не дать повода кощунамъ и надъ Соломономъ, и надъ толковникомъ; ибо какъ ни толкуй *сосцы*, *ложницу*, *смуглоличіе*, *ланиты*, выю, *одръ* и пр., но не отвлечешь воображеніе слушателя отъ сладострастныхъ идей. Легче протолковать сію книгу пристойнымъ образомъ вообще, не-

---

*) По словамъ Іеронима, относительно прочихъ книгъ онъ превосходилъ другихъ; относительно же Пѣсни Пѣсней превзошелъ самаго себя.

жели въ подробности. А мы имѣемъ уже на Русскомъ языкѣ прекрасное общее на сію книгу толкованіе Ѳеофана Прокоповича, напечатанное 1774 года въ Москвѣ, и намъ послѣ того остается признаться:

Est summorum virorum praeclara moliri! *)

О кометахъ мнѣніе Дамаскина, изъ 2-й книги его Богословія вашимъ преосвященствомъ приведенное, старо уже для нашего вѣка и не заслуживаетъ вѣроятія: ибо, во 1-хъ, цари большею частію и безъ кометы умираютъ; а во 2-хъ, что будто онѣ *на время составляются и паки разрѣшаются*, совершенно опровержено уже наблюденіемъ ихъ систематическихъ путей и періодическаго обращенія. Въ Діалектикѣ своей сей же отецъ еще ложнѣе сказалъ, что будто κομητής ἐστί πυροειδές ἄστρων ἄθροισμα—igniformis stellarum concursus **). Но отцы намъ въ физикѣ не учители. Да и Писаніе учитъ насъ только нравственной и благочестивой физикѣ (Сираха, гл. 43).

За симъ и моя покорнѣйшая просьба къ вашему преосвященству: прилагаю при семъ выписку изъ книги, находящейся у васъ въ Архангельскомъ монастырѣ. Мнѣ крайне нуженъ полный и вѣрный списокъ сей уставной грамоты, сколько оной есть въ подлинной вашей книгѣ. Покорнѣйше прошу приказать повѣрнѣе писцу списать оную и доставить мнѣ съ первою почтою.

***

Письмо безъ подписи и извѣстно намъ не въ подлинникѣ, а въ новой копіи; но принадлежность его знаменитому Евгенію Болховитинову не подлежитъ сомнѣнію: оно помѣщено въ небольшомъ рукописномъ (составленномъ въ 1840-хъ годахъ, въ Воронежѣ) сборникѣ писемъ Евгенія, и находится здѣсь между письмомъ къ архимандриту Переяславскому Іосифу, отъ 18-го Августа 1810 г., о мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарскаго съ подписью: Е. Е. В. (издано въ *Москвитянинѣ* 1842 г., № 12, стр. 402) и письмомъ къ канцлеру графу Н. П. Румянцеву, изъ Вологды, отъ 23-го Января 1813 г., съ которою начинается сдѣланное въ Воронежѣ изданіе переписки между этими двумя знаменитыми радѣтелями Русскаго просвѣщенія.

Леонидъ Майковъ.

---

*) Свойственно великимъ людямъ воздвигать достославное.

**) Огневидное стеченіе звѣздъ.

ИЗЪ БУМАГЪ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Въ 1826 году В. А. Жуковскій, по совѣту врачей, долженъ былъ отправиться за границу для поправленія крайне-растроеннаго здоровья. Это былъ годъ тяжелыхъ испытаній для любящаго сердца Жуковскаго: весною 1826 года скончался Карамзинъ; лѣтомъ былъ осужденъ и приговоренъ къ смертной казни Николай Ивановичь Тургеневъ. Меньшій братъ Тургенева, Сергѣй Ивановичь, бывшій передъ тѣмъ съ графомъ Строгоновымъ въ Константинополѣ, молодой дипломатъ, которому предстояла блистательная будущность (письмо его, писанное въ то время, когда нашему посольству грозило заключеніе въ Семибашенной темницѣ, ходило по рукамъ и переписывалось), не выдержалъ удара, разразившагося и надъ ихъ семьею: онъ повредился въ умѣ. Жуковскій провожалъ его больнаго изъ Дрездена во Францію и похоронилъ въ Парижѣ (въ Іюнѣ 1827). Къ этому времени относятся знакомство Жуковскаго съ Гизо и дружба съ графинею Разумовской. Графиня Генріетта Разумовская, родомъ Француженка, супруга натуралиста графа Григорія Кириловича, была замѣчательная женщина. Довольно сказать, что она была дружна съ Жуковскимъ, братьями Тургеневыми, съ Гизо, Дежерандо, Августиномъ Тіери, Ройэ-Коларомъ, Ремюза, графомъ Каподистріею. Къ сожалѣнію, кажется, не сохранилось отвѣтныхъ ей писемъ Жуковскаго, хотя они были возвращены ему по кончинѣ гр, Разумовской, по ея предсмертному желанію. Наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ въ жизни Жуковскаго отчасти восполняются письмами его къ другой достопамятной женщинѣ тогдашняго Русскаго общества, Е. Г. Пушкиной, напечатанными въ первой книгѣ „Девятнадцатаго Вѣка“ и книгою писемъ А. И. Тургенева къ его брату Николаю, изданною въ Лейпцигѣ въ 1872 году.

Н. Елагинъ.

I. Записка Гизо къ В. А. Жуковскому.

Voilà madame de Rasoumowsky partie, monsieur, mais j'ai encore trois ou quatre jours à passer à Paris. Ma femme se trouve beaucoup mieux depuis hier. Vous devriez bien nous faire profiter de votre séjour et venir tout simplement déjeuner ou dîner avec nous, aussi souvent qu'il vous conviendra. J'aurais trop de regret de quitter Paris pendant que vous y êtes, si je n'avais pas eu du moins le plaisir de vous voir, vous et le comte Alexandre *), et de causer avec vous deux jusqu'au dernier moment. Croyez, je vous prie, à mes sentimens les plus distingués. Guizot.

Lindi. 11 Juin (1827).

Надпись: A m-r le comte de Joukowsky.

Переводъ.

Графиня Разумовская уѣхала, но мнѣ остается пробыть въ Парижѣ еще нѣсколько дней. Со вчерашняго дня жена моя чувствуетъ себя гораздо лучше. Дайте намъ попользоваться вашимъ пребываніемъ здѣсь; прихо-

*) Такъ называетъ Гизо Александра Ивановича Тургенева. *П. Б.*

дите запросто завтракать или обѣдать съ нами, какъ только вамъ будетъ возможно чаще. Мнѣ слишкомъ грустно оставлять Парижъ, покуда вы здѣсь, и хотѣлось бы видѣть васъ и графа Александра и бесѣдовать съ вами двумя до послѣдней минуты. Вѣрьте чувствамъ самаго глубокаго уваженія. Гизо. Понедѣльникъ. 11 Іюня (1827). Господину графу Жуковскому.

Эта записка относится къ единственному въ жизни Жуковскаго, кратковременному пребыванію въ Парижѣ, куда онъ привозилъ и гдѣ похоронилъ (на кладбищѣ Перъ-Лашезъ) своего друга Сергѣя Ивановича Тургенева. Графиня Разумовская взяла на себя печальное порученіе съѣздить въ Англію къ брату покойника, Николаю Ивановичу (въ то время политическому изгнаннику, которому запрещенъ былъ въѣздъ и во Францію) и объявить ему объ его утратѣ. Гизо принималъ такое участіе въ семейномъ горѣ Тургеневыхъ, что предлагалъ графинѣ Разумовской на эту поѣздку деньги, которыя супруга его передъ тѣмъ получила отъ Французской Академіи, какъ премію за ея сочиненія. Крѣпкая дружба соединяла Жуковскаго и четверыхъ братьевъ Тургеневыхъ: Андрея (†1803), Александра (†1845), Николая (†1872) и Сергѣя (†1827). Три послѣдніе брата, послѣ 14 Декабря 1825 года, принадлежали съ числу людей опальныхъ, что́ и побудило Жуковскаго, убѣжденнаго въ ихъ невиновности, къ еще болѣе дѣятельной дружбѣ съ ними. Поѣздка въ Парижъ была въ то время, съ его стороны, поступкомъ политическаго мужества. Говорятъ, что онъ самъ рѣшался ѣхать въ Англію со словомъ ободренія; но посолъ нашъ въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, отказалъ ему въ выдачѣ проѣзднаго листа. Позднѣе, онъ неотступно ходайствовалъ за Николая Тургенева, составилъ въ оправданіе его большую юридическую записку и имѣлъ отраду убѣдить предержащія власти въ политической честности своего друга.

Поѣздка Жуковскаго во Францію, лично для него и для того дѣла, которому посвящена была его жизнь, была чрезвычайно полезна. До тѣхъ поръ онъ, болѣе или менѣе, находился подъ вліяніемъ высокихъ умовъ Германіи, хотя и не подчинялся имъ вполнѣ, по внутреннему чувству мѣры, которое было присуще его прекрасной природѣ. Знакомство съ нѣкоторыми лучшими людьми Франціи еще шире раздвинуло его умственный горизонтъ и не дало ему впасть въ односторонность, которая такъ гибельна въ дѣтскомъ обученіи и воспитаніи. *П. Б.*

II. Письмо Жуковскаго къ г-жѣ Моро де ла Мельтьеръ. (Іюнь 1827).

Vous m'avez prévenu, chère amie. J'ai voulu vous écrire, pour vous informer de mon arrivée à Paris; mais des circonstances bien tristes m'en ont distrait. Je suis venu à Paris pour en jouir, et j'étais destiné a y voir mourir et enterrer un ami, qui m'a accompagné dans mon voyage. Ce malheureux événement m'a gâté tout le séjour de Paris. Je sais que je le quitterai avec plaisir. Au moins, j'en emporterai un souvenir bien lugubre. J'arrivai aussi avec l'espérance de vous y rencontrer, et c'est avec une grande peine que j'ai du y renoncer. Mais je vous ai retrouvée dans la bonne opinion, que vous avez donné de moi à vos amis, dont j'ai été acceuilli avec un intérêt touchant. Grâce à vous je me suis trouvé dans un cercle d'anciennes connaissances: je parle de l'aimable famille de Guizot, que j'estimais de loin et que j'aime de près. Mais il me semble, que je suis destiné à n'éprouver à Paris que des sensations tristes. J'ai trouvé m-me Guizot ma-

lade. Elle est très faible. On lui a ordonné un voyage, et Dieu donne qu'elle puisse le faire. Son activité [1]) l'a tuée. Son mari est un homme bien intéressant: c'est un de ces savants qui gagnent à être connus de près. Mais je ne puis pas jouir de leur société, autant que je le voudrais: malgré l'apathie, qui s'est emparée de moi depuis la malheureuse catastrophe [2]), dont j'ai été frappé, je dois autant qu'il est possible profiter du peu de jours, que je passerai à Paris, pour voir, au plutôt pour entrevoir quelques unes de ses curiosités. C'est un abîme. Je ne ferai qu'un rêve d'un moment. Il faut séjourner à Paris, au moins une année pour pouvoir en concevoir un souvenir distinct. Je ne verrai qu'une partie de son ombre.

Votre lettre a été pour moi, comme une voix du passé. Les jours que nous avons vécu ensemble appartiennent à une époque de ma vie, qui ne ressemblent en rien à celle où je me trouve à présent. Ce Mouratovo [3]) a été le séjour de mon âge d'or; la vie d'alors était poëtique; aussi ce n'est qu'alors que j'ai été poëte. Rien de ce passé n'existe plus, et ce qui existe, est bien changé..... Moi je suis jeté dans une carrière à part, que je n'ai jamais pensé choisir, et dans laquelle je suis entraîné par un force de la destinée, qui m'a amené au point où je suis, sans ma participation. Me voila livré à une activité, qui est toute autre que celle, qui remplissait autrefois mon âme. Elle n'est pas de mon choix. Elle m'est arrivée comme un ordre de la Providence auquel je veux obéir avec le plus complet dévouement. C'est une activité qui m'effraye, qui certainement est au dessus de ma capacité; mais elle remplit mon existence, elle élève mon âme; toute ma vie lui appartient. Je n'ose pas avoir confiance dans mes forces, mais je suis riche de dévouement.

Переводъ.

Вы меня предупредили, любезный другъ. Я хотѣлъ написать къ вамъ и увѣдомить васъ о моемъ пріѣздѣ въ Парижъ; но весьма печальныя обстоятельства отвлекли меня отъ того. Я пріѣхалъ въ Парижъ повеселиться въ немъ; а мнѣ суждено было быть здѣсь свидѣтелемъ кончины друга, сопровождавшаго меня въ моемъ путешествіи и похоронить его. Это горестное происшествіе испортило всю мою Парижскую жизнь. Я чувствую, что выѣду отсюда съ удовольствіемъ и во всякомъ случаѣ увезу съ собою воспоминаніе очень мрачное. Я пріѣхалъ также съ надеждою васъ встрѣтить здѣсь, и къ великой досадѣ мнѣ пришлось отказаться отъ того. Но вы сказались мнѣ въ томъ добромъ мнѣніи, которое сообщили сюда обо мнѣ друзьямъ вашимъ; они встрѣтили меня съ трогательнымъ участіемъ. Благодаря вамъ, я очутился въ кругу давнишняго знакомства: говорю о любезномъ семействѣ Гизо, которое я уважалъ издали и люблю вблизи. Но мнѣ кажется, я обреченъ испытывать въ Парижѣ одни лишь печальныя ощущенія: я засталъ г-жу Гизо больную. Она очень слаба. Ей предписано путешествіе, и Богъ знаетъ, въ состояніи ли она

---

[1]) Литературныя работы. *П. Б.*

[2]) Кончина С. И. Тургенева. *П. Б.*

[3]) Жуковскій живалъ въ Муратовѣ въ періодъ времени съ 1811 по 1815 годъ. *П. Б.*

предпринять его. Трудолюбіе сокрушило ее. Мужъ ея очень любопытный человѣкъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которыхъ цѣнишь больше, познакомившись ближе. Но мнѣ нельзя пользоваться ихъ обществомъ, сколько бы я желалъ того: не смотря на отупѣніе, овладѣвшее мною послѣ горестнаго удара, которымъ я пораженъ, мнѣ всячески должно немногіе дни Парижской жизни употребить такъ, чтобы увидать нѣкоторыя его замѣчательности, или лучше сказать, взглянуть на нихъ. Это пучина. Мнѣ предстоитъ минутная фантасмагорія. Надо жить въ Парижѣ по крайней мѣрѣ годъ, чтобы удержать въ себѣ отчетливое воспоминаніе о немъ. Я же увижу только часть его тѣни.—Письмо ваше для меня было какъ бы голосомъ прошедшаго. Дни проведенные нами вмѣстѣ принадлежатъ къ тому времени въ моей жизни, которое ни въ чемъ не сходствуетъ съ моимъ нынѣшнимъ временемъ. Муратово—это мѣсто, гдѣ протекалъ мой золотой вѣкъ. То была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ. Изъ этого прошедшаго ничего не существуетъ, а что̀ и осталось, то весьма перемѣнилось.... А я брошенъ на особаго рода путь, котораго никогда ни думалъ выбирать и по которому влечетъ меня сила судьбы, приведшей меня, безъ моего вѣдома, къ той точкѣ, гдѣ я теперь. И вотъ я отданъ дѣятельности вовсе не похожей на ту, которая нѣкогда наполняла мою душу. Не я выбиралъ ее. Она явилась ко мнѣ, какъ воля Провидѣнія, и этой волѣ я хочу повиноваться съ полнѣйшимъ усердіемъ. Эта дѣятельность конечно пугаетъ меня; она выше моихъ способностей; но она наполняетъ собою мое существованіе; она подымаетъ мнѣ душу; вся моя жизнь принадлежитъ ей. Не дерзаю довѣряться своимъ силамъ, но я богатъ усердіемъ.

*

Госпожа Моро де ла Мельтьеръ (скончавшаяся въ 1854 году въ Москвѣ, въ Убѣжищѣ Святой Даріи на Малой Лубянкѣ) познакомилась съ Жуковскимъ, живя (около 1812 года) въ Орловскомъ имѣніи Е. А. Протасовой, селѣ Муратовѣ, Болховскаго уѣзда. Она была Французская писательница. Нѣкоторыя книги ея, романы, драмы, посвящены Жуковскому. Она перевела пофранцузски извѣстную повѣсть Основьяненки Оксану. По совѣту историка Гизо, съ которымъ она была коротко и дружески знакома, Моро де ла Мельтьеръ издала свой Французскій переводъ Нибелунговъ.

III. Выписка изъ письма Жуковскаго къ А. А. Воейковой (1828).

Я согласенъ съ тобою: въ характерѣ Французовъ гораздо болѣе мелочнаго, нежели въ нашемъ Русскомъ; у нихъ болѣе жизни, и гражданская ихъ жизнь развиваетъ чрезвычайно всѣ стороны частной. Чего не родится отъ партій? А у нихъ на все партіи: на религію, на литературу, на правительство. У насъ все спитъ: и религія, и литература, а правительство дѣйствуетъ безъ насъ. По неволѣ и ты будешь сонный; какъ ни таращь глазъ, ничего не замѣтишь. Я вспоминаю однако о Франціи съ пріятнымъ чувствомъ. Тѣ, кого тамъ узналъ, были для меня всѣ милы. Не говорю уже о графинѣ Разумовской, которая есть (была) прототипъ умной, живой, огненной Француженки. Семейство Гизо было для меня чрезвычайно привлекательно; но и самъ народъ мнѣ нравился своею дѣятельною живостью. Не знаю, весело ли бы было съ ними остаться, но узнать ихъ было пріятно.

IV. Два письма графини Генріетты Разумовской [1]) къ Жуковскому.

1.

По поводу кончины госпожи Гизо [2]).

Paris, 5 Août (1827).

Vous savez maintenant, cher Joukoffsky, pourquoi je ne vous ai pas encore répondu. Ma seule amie, ma seule amie dans toute l'acception du terme, n'existe plus. Puis-je me plaindre? Ai-je acheté trop cher par la douleur actuelle vingt années de communication intime avec une des plus nobles créatures que le Ciel ait formées? Non, je ne me plains pas: je rends grâce à Dieu de m'avoir associée à la vie et à la mort de cette excellente femme. Ces derniers jours, qui viennent de se passer, éclaireront et dirigeront le reste de ma vie. J'ai pensé à vous auprès de cette mourante toute rayonnante d'immortalité; je vous regrettais: votre noble génie eût trouvé là des inspirations dignes de lui. J'ai passé quatre jours avec elle sans la quitter. C'est à Plombières que son mari lui a annoncé lui-même, qu'elle ne pouvait pas guérir; elle a aussitôt demandé à revenir à Paris, pour mourir chez elle, au milieu de tous les siens et des souvenirs de toute sa vie. Elle craignait tant de mourir en route, qu'à son arrivée elle se sentit heureuse, et nous eûmes un moment d'espoir. Cependant elle me dit aussitôt, qu'elle avait fait son sacrifice à Dieu, qu'elle était entièrement resignée. Elle n'a pas cessé d'être occupée des autres, d'être tendre, ferme, nous soutenant de son courage, heureuse de se sentir aimée. Tout se résolvait autour d'elle en amour et en espérance, tout, jusqu'à la douleur de la perdre. Son mari a été ce qu'il peut être donné à un être humain d'être de meilleur. Il y avait sous son courage quelque chose de plus qu'humain, mais ses cheveux ont blanchi dans

---

[1]) Сообщаемъ свѣдѣнія объ этой достопамятной женщинѣ, полученныя нами отъ автора книги: „Семейство Разумовскихъ“, А. А. Васильчикова. Графиня Генріетта Разумовская была родомъ Мальценъ, изъ Нѣмецкихъ провинцій Франціи. Въ началѣ столѣтія она вышла за мужъ за Русскаго выселенца, графа Григорія Кириловича Разумовскаго (род. 1758), извѣстнаго своими Французскими сочиненіями по минералогіи. Графъ покинулъ свою супругу и женился на другой. Начался процессъ, и обѣ супруги пріѣзжали для того въ Петербургъ, гдѣ вторая графиня и скончалась около 1818 года. Св. Синодъ призналъ первый бракъ законнымъ, и за графинею Генріеттою утвержденъ былъ ея титулъ. Не познакомилась ли она, по поводу этого процесса, еще въ Петербургѣ съ А. И. Тургеневымъ, который нѣкогда имѣлъ важное положеніе въ вѣдомствѣ синодальномъ? *П. Б.*

[2]) Полина Гизо, урожденная Мёланъ (Meulan), первая супруга знаменитаго историка (родилась въ 1773 году, на 14 лѣтъ раньше своего мужа), пріобрѣла, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, большую извѣстность какъ писательница. Она прославилась въ особенности сочиненіями педагогическими. За годъ до кончины ея, вышло въ свѣтъ главное ея сочиненіе: Lettres sur l'éducation, увѣнчанное преміею отъ Французской Академіи. Она скончалась 1 Августа 1827. — Гизо впослѣдствіи женился на племянницѣ ея Маргеритѣ Дилонъ, которая также была писательницею (†1833). *П. Б.*

ces quatre jours et son visage a pris vingt ans de plus. Il lui parlait de sa mort, de leur avenir, de Dieu, avec l'autorité d'un apôtre et la tendresse du meilleur des maris. Les souffrances avaient cessé, et dans ces quatre jours il n'était resté de vie que dans le coeur et la tête; tout était consumé en elle, mais l'âme demeurait la même et nous apparaissait plus sensiblement que jamais. Lundi matin, pour distraire notre attention, elle voulut que m-r de Rémusat, qui est revenu pour elle d'Angleterre, nous racontât son voyage. Il commença par parler de N. à qui il avait porté les lettres de Laf... pour l'am... Il dit qu'il lui avait paru avoir un esprit et un caractère remarquables, quoiqu'il l'eût trop peu vu. A ces mots Pauline jeta sur moi des regards affectueux et dit: „Il est bon aussi; ce sont de bons amis; dites à Alexandre „et à m-r Joukoffsky, que j'aurais voulu les trouver ici, qu'ils ne sont „pas des étrangers pour moi, je les ai entièrement adoptés, ce sont de „nobles âmes. Dites à m-r T. qu'il m'a encore rendue bien heureuse „en arrangeant votre affaire d'argent. Pauvre amie! Vous n'auriez pas „pu rester à Paris sans cela".

La veille elle m'avait longtemps parlé de Nicolas; elle avait voulu savoir toutes les particularités de mon voyage; je les lui dis, je lui parlai de notre correspondance, ce qu'elle était devenue ces derniers temps. Elle m'écoutait avec sérieux et à la fin me dit: „Je crains „que vous ne vous engagiez trop dans une relation qui n'aura peut- „être pas d'avenir; il ne faut donner autant que si on peut donner „toute la vie. Prenez garde, mon amie; vous vous préparez des cha- „grins. Votre amitié est beaucoup maintenant pour lui; que sera-t-elle „lorsqu'il sera retourné en Russie, employé, marié, heureux? Vous au- „rez des mécomptes". Je lui demontrais que cela ne se pouvait pas que j'eusse des mécomptes, ne demandant rien qui ne fût facile dans les diverses situations, et je la rassurais. Lundi soir elle voulut prendre congé de sa famille; elle dit à chacun des paroles qui lui allaient. Quand elle eut fini avec tous, elle me fit signe de venir contre son visage, et me prenant les mains, elle me dit: „Je vous ai gardée la der- „nière, vous, ma plus chère amie; savez vous bien, combien je vous ai „toujours aimée? Je ne vous demande rien, je ne vous recommande „rien, rien; je connais votre coeur, je sais ce que j'en peux attendre; „vous ne m'oublierez pas, vous l'aimerez (en désignant son mari). Je „serai auprès de vous, si c'est possible. Mon amie! Dieu nous attend „tous; nous nous retrouverons pour nous aimer toujours; la mort est „douce, mon amie: elle est pleine d'avenir".

Le Mardi elle eut une crise spasmodique, qui se calma bientôt; le jour et la nuit se passèrent dans de touchants témoignages de tendresse et dans des entretiens qui fortifiaient nos âmes. Elle ne vivait plus que de sentiment, la vie matérielle avait cessé: elle ne prenait aucune nourriture, seulement un peu d'eau sucrée. Dans la journée elle eut un moment plus faible; son mari rappela la vie en elle, comme cela lui était déjà arrivé, en appuyant ses lèvres sur les lèvres décolorées de sa digne femme. Elle revint à elle et lui sourit. Le ciel était dans ce sourire. Je dis un mot sur cela à Guizot, et que ce serait un

beau souvenir pour lui. „Ah, dit-il, tant qu'elle respire, elle m'aimera et sentira que je l'aime; elle le sentira là-haut encore plus". C'est avec de semblables paroles que nous arrivâmes au Mercredi. Vers onze heures elle demanda à son mari de lui lire une lettre de Fénélon, qu'elle désigna; elle en fut satisfaite et demanda le sermon de Bossuet sur la mort. Il était à moitié de cette lecture, quand il crut s'apercevoir qu'elle ne voyait plus; il le lui demanda, elle répondit par un signe et déjà aussi elle ne pouvait plus parler; mais elle avait toute sa connaissance: elle lui pressait la main, sourit encore et cessa de respirer. Son mari resta longtemps immobile près d'elle, ensuite il se leva et dit: „Allez, mes amis, prenez aussi congé d'elle!" Nous le fîmes tous. Tout ce qu'elle a le plus aimé est accouru à Paris: Rémusat, les Broglie, m-me de St. Aulaire. Jamais plus d'affection n'a entouré un mourant. Nous étions dans la chambre; le salon, le jardin n'avaient pas désempli depuis son arrivée, mais les amis les plus intimes ont été ceux qu'elle voyait.

Je ne croyais pas qu'on pût trouver une si grande douceur à embrasser une morte; mes lèvres ne s'en pouvaient détacher. Son visage avait un caractère sublime. Eliza et moi, nous l'avons ensevelie; je l'avais promis sans savoir combien il m'en coûterait; mais pourtant j'ai accompli cet acte d'amitié, et pas une main qui ne lui fut chère, n'a approché d'elle. Guizot n'a pas quitté le cercueil. Eliza et moi nous avons veillé avec lui cette dernière nuit, et Jeudi il est allé lui rendre les derniers devoirs. Entendez-vous ces pelletées de terre, qui tombaient devant lui sur la femme qu'il a tant aimée, qu'il a aimée depuis l'âge de dix-huit ans? Le lit n'a été vacant qu'une seule nuit, il y a couché Jeudi soir et n'en aura jamais d'autre: il y peut dormir, il y entendra encore les bénédictions de sa femme. Extérieurement tout reste de même pour Guizot; il n'a que le bonheur de moins; tout reste comme vous avez vu. Le bon *** prend le ménage à ses frais et garde Guizot, sa mère et son fils avec leurs gens.

Chacun me demande de vous parler d'eux; vos deux noms ont été prononcés dans tous les moments. Vous êtes établis là, comme si vous étiez pour eux un intérêt de toute la vie. Vous êtes transparent, bon Joukoffsky: on vous aime vite et avec sécurité.

Je donne bien plus de détails à N., ou du moins ils ont plus de vie: car j'ai trouvé des moments pour lui écrire presque chaque jour et sous l'impression immédiate. Comment souffrir, voir souffrir et ne pas penser à lui! Je voulais l'attirer dans ma vie, dans mes pensées, le faire sortir ainsi des siennes, le fortifier en lui montrant la force de Guizot, qui est si tendre en même temps. Je le lui ai montré plus complétement que je n'ai le temps de le faire pour vous.

Au milieu de ce qui m'occupe, je n'ai pas perdu de vue ce qui vous intéresse. J'ai fait parler, j'ai parlé à tout ce que j'ai pu découvrir de personnes qui ont été pour cause de santé dans le Midi, ou qui sont de ce pays-là. Nice et Hyères sont à peu près la même chose. (C'est dans la ville d'Hyères et non dans les îles qu'on va). Si la maladie commence, les deux climats sont également salutaires; si elle est avan-

cée, ils hâtent également. Il y a une vivacité dans l'air, qui donne un rapide développement à la plaie; mais dans ce cas la question est partout de vivre plus ou moins de semaines, la guérison partout impossible. Rémusat a une belle-soeur malade, la dernière des trois soeurs, dont l'une était aimée de Rémusat; elle mourut avant le mariage; la douleur commune le retint dans la famille; pour ne pas s'en séparer, il épousa une autre des soeurs, qui mourut un an après aussi de la poitrine. Enfin il en reste une, qu'on ne fait vivre que par l'air du Midi. Ses parents ont soigneusement observé ce qui valait mieux de Nice ou d'Hyères; ils ont cru Nice préferable. Ce sont m-r et m-me Périer, le frère de Casimir Périer le député. Leur fils va épouser dans quelques semaines m-lle de Lafayette. Ce sont d'excellentes gens; la femme de même nature, que votre chère Alexandrine; elles s'entendraient vite, et je les mettrais en rapport. Quand à Hyères, je sais que la vie y est facile, à très bon marché, mais pas autant de ressources qu'à Nice. La dame que vous avez vû monter en diligence, le jour de mon départ pour Londres, y a passé l'hiver dernier, aussi pour la poitrine. J'irai lui demander des renseignements. Vous les aurez dans ma prochaine lettre et bien circonstanciés. Montpellier n'est plus de mode, je ne sais pourquoi. Nice et Hyères ne valent rien l'été. J'ai pensé pour cette saison, l'année prochaine, aux Eaux Bonns dans les Pyrénées; parlez en à la princesse Sophie, qui y a été.

Je n'ai qu'une chose à vous dire sur m-me Woyeikoff: c'est que tout ce que votre amitié pour elle pourra désirer de moi, je le ferai, comme vous savez, que je fais ce que vous me demandez. Koreff me charge de vous dire qu'il voit des effets surprenants d'une nouvelle manière de traiter les maladies de poitrine, en appliquant le moxa à plusieurs reprises entre les côtes, du côté où l'on souffre le plus, et ensuite un séton aussi de ce même côté; mais pour un tel remède il faut en parler à Huffland ou à Kreisig avant de le proposer.

Degérando, qui se rappelle à votre souvenir, a entre les mains tous les papiers de Montmorency. Je lui ai parlé des notes en question; il m'a dit (songez qu'il a été l'ami de Montmorency) qu'il n'y a rien dans ces notes qui vaille la peine d'être communiqué, que lui a été surpris de ce que ce caractère et cet esprit a pris à la fin de retréci par le fait d'une dévotion mal entendue (vous savez que Degérando est très pieux). Mont. ne s'était aidé de rien autre chose que de sa conscience, et une conscience remise sous la direction d'un confesseur, n'éclaire pas suffisamment.—L'abbé Nicole est venu me faire des reproches amers de ne l'avoir pas fait rencontrer avec vous chez moi. En effet, je n'y avais pas pensé. Il est inconsolable de ne vous avoir pas vu, ni Alexandre. Il me charge de vous dire que tout ce qu'il pourra faire pour vous être agréable, il le fera et à présent et dans l'avenir. Je lui ai demandé de me tenir au courant de ce qui pourrait se publier d'ouvrages, qui puissent concerner votre grande oeuvre, et que je vous les enverrai. Degérando fera de même; cela vous convient-il?

A présent venons à N... Je vous dirai que depuis votre départ, il m'écrit des lettres effrayantes. La seule bonne, que j'ai envoyée l'autre

jour à Alexandre, vous l'aurez lue. Il y a en lui une douleur sombre, farouche, qui tient moins à l'événement qui les a frappés, qu'à une disposition de son caractère, que cet événement a seulement portée au plus haut degré. Il y a quelque chose de délirant dans des passages de ses lettres, qui m'ont donné une crainte terrible, la crainte que le malheur de Serge ne se renouvelle en lui: cette douleur désordonnée y peut conduire. Quand cette idée m'est venue, il s'est joint aussitôt une idée, celle d'aller passer un mois avec lui. Je le lui proposai; je craignais qu'il n'acceptât pas. Avant d'avoir même achevé de lire ma lettre, il s'est mis à m'écrire de venir. Dans l'intervalle où ma lettre avait été écrite et avant qu'elle n'arrivât, il m'écrivait de son côté deux fois qu'il aurait répugné de me voir à Londres sans Alexandre, mais qu'à Lymigton, c'est différent, qu'il me désire. Vous pouvez comprendre combien j'ai été aise d'avoir prévenu son désir: il ne pourra pas craindre d'avoir provoqué un acte de complaisance. Il trouve cependant encore un moyen de se tourmenter, il craint que je ne lui fasse un sacrifice; mais je sens qu'il est content; il croit que je peux partir le huit et se hâte de m'indiquer mon itinéraire, ensuite il me dit qu'il ira où je voudrai. Je ne veux l'attirer dans aucun des ports où je puis débarquer. J'ai remarqué que tout ce qui lui rappelle qu'il ne peut aller plus loin, lui fait mal. Je ne partirai que le 15. Ma santé est éprouvée de ce qui vient de se passer; il me faut quelques jours de soins pour me remettre.

Je crois que sous tous les rapports ma présence lui sera meilleure que notre correspondance. Elle est trop active. Alexandre a eu tort de l'exciter autant. Je lui donnerai plus de repos que ne lui en donnent mes lettres et celles qu'il m'écrit. La réalité calmera cette ardente imagination, qui crée un être fantastique auquel il applique son souvenir. Je sentais à Londres que je le calmais à mon gré; à plus forte raison lui ferai-je du bien maintenant, que nos lettres ont établi tant d'intimité entre nous: celles que vous avez vues ne sont rien en comparaison de celles que je reçois depuis. Depuis le 14 il m'écrit chaque jour. Il se consume dans cet isolement. Vous comprendrez ce que j'éprouve à l'idée de ce que sera ma présence pour N... N'y eût-il que le bien que je lui ferai, ce serait assez; mais il y a, de plus, une véritable sympathie entre nous, et le revoir me donnera plus de contentement qu'à lui-même. J'aurais passé ce temps à Broglie où va aller toute la famille Guizot et Devenie, ou aux bains de mer avec m-r et m-me de Meulan. N'est-ce pas mille fois mieux employer mon temps, ce temps qui n'eût été utile à personne et qui sera donné à l'être le plus seul sur la terre? A tout moment l'idée de cette solitude me revient. Cela me prend au coeur.

N'ayez tous deux de soucis pour moi d'aucun genre; n'en n'ayez pas pour l'argent. Je peux sans de grands efforts vivre là, comme y vit N.. Il me serait désagréable qu'Alexandre me parlât même de cela. J'ai fait mon calcul, pour pouvoir même un peu voyager; nous serons là comme de bons frère et soeur. Que le coeur d'Alexandre soit tranquille; je ferai, comme il ferait lui-même pour soigner les tristes dis-

positions d'âme de N... J'ai plus de responsabilité que la première fois, puisque j'y vais de ma volonté, d'une volonté pure, bonne, que Dieu bénira: j'en ai la confiance.

Je ne dis pas mon voyage; dans ce moment chacun se disperse, court de côté et d'autre. On est habitué à me voir passer les étés dans bien des endroits différents; personne ne s'intéressera à savoir où je suis. Je ne le cacherai pas, mais je ne le dirai pas. Recommandez à Alexandre de ne pas le dire. Vous deux, vous me comprendrez; des indifférents se moqueront ou blâmeront. Pour éviter tout inconvénient j'exige, que sans exception vous ne le disiez à personne.

Alors, avant mon départ, je vous enverrai ma procuration et je vous parlerai de mes affaires. Tant de choses m'ont occupée, que je n'ai pas pensé à celle-là. Ai-je seulement dit à Alexandre ma satisfaction des bons soins de m-r Gichareff? On devient avide dans la prospérité; maintenant je voudrais savoir si le c-te Orloff trouve juste de me garder huit mois mon argent sans intérêt quelconque? Il était remboursable le 28 Février. Il lui serait plus facile de payer les intérêts de ce temps là, qu'à moi de les perdre. Mais pourtant il ne faut pas que ce bon m-r Gichareff soit tourmenté pour cela; qu'Alexandre n'en parle que s'il n'y voit pas d'inconvénient. Je ferai, comme je l'ai souvent fait—je me passerai.

Ne croyez pas, que vous serez souvent tourmenté de pareilles lettres. Sa longueur et sa négligence m'effrayent, quand je pense à qui elle s'adresse. Mais je vous écris du coeur, le vôtre m'acceptera. S'il était possible de m'écrire tout de suite, je serais bien contente de recevoir ici encore un mot de vous. Faites-le, car il pourrait se faire qu'une circonstance ou une autre retardera mon voyage. Mais hâtez vous et dites-moi franchement si vous me blâmez. Cela me ferait quelque peine, mais je vous répondrai en vous montrant cet excellent être calmé, ranimé et n'ayant plus le déchirant sentiment d'un isolement absolu. Quand on peut faire ce bien là, qu'on peut le faire sans rien blesser, on serait coupable de ne pas le faire.

Adieu, cher ami: laissez moi vous donner ce titre, qui échappe à mon coeur, titre que je vous donne si volontiers et si sincèrement. Mille et mille tendresses à la mère et à la fille; mais le même silence qu'avec tout autre. Occupez vous beaucoup de ma chère Aline, vous lui ferez du bien. Mettez de votre poësie dans son âme, qui a été froissée de bonne heure et qui a besoin que le feu sacré la dilate. Elle en est susceptible.

Tâchez d'obtenir ma grâce d'une personne qui doit m'en vouloir beaucoup, qui est à Ems, m-me de Noiseville, si vous la voyez. Elle a été parfaitement bonne et aimable pour moi, et moi indigne, elle m'a écrit plusieurs fois, je ne lui ai pas répondu; cela n'a pas cessé de me bourreler la consience. Vous ne vous doutez pas, que je déteste d'écrire. Vous trois vous m'avez tiré ma substance, je ne peux écrire que du coeur; quand je m'en tire bien, le reste ne fournit pas. Mais adieu! Vous devriez bien écrire à Guizot; il le mérite de vous, et Alexandre aussi. Il faut leur écrire à Paris, leur numéro est 37.

Переводъ.

Парижъ. 5 Августа (1827).

Теперь, дорогой мой Жуковской, вы знаете, почему я вамъ еще не отвѣчала. Единственнаго друга моего, единственнаго въ полномъ смыслѣ, нѣтъ уже на свѣтѣ. Могу ли жаловаться? Слишкомъ ли дорого заплатила я теперешнею скорбью за двадцатилѣтнюю близкую связь съ самымъ благороднымъ созданіемъ Творца? Нѣтъ, я не жалуюсь! Благодарю Бога, соединившаго меня на жизнь и на смерть съ этой превосходной женщиной. Послѣдніе протекшіе дни освѣтятъ и управятъ остатокъ моей жизни. Я думала о васъ подлѣ умирающей, сіявшей безсмертіемъ, тужила о васъ: благородный вашъ геній нашелъ бы тутъ вдохновенія достойныя его. Я провела съ нею четыре дня, не оставляя ея ни на минуту. Будучи въ Пломбіерѣ, самъ мужъ объявилъ ей, что нѣтъ надежды на выздоровленіе. Тогда она тотчасъ пожелала возвратиться въ Парижъ, чтобъ умереть съ своими, среди воспоминаній всей своей жизни. Она такъ боялась умереть дорогою, что, пріѣхавъ домой, просвѣтлѣла счастіемъ, и мы поддались надеждѣ; между тѣмъ она сказала мнѣ, что предалась совершенно волѣ Божіей и готова быть жертвою (qu'elle avait fait son sacrifice à Dieu); постоянно занималась другими, была ласкова, тверда, ободряла насъ своей твердостью, счастлива была, видя нашу любовь. Вокругъ нея все облекалось въ любовь и надежду, все—даже скорбь разлуки съ нею. Мужъ ея былъ таковъ, какимъ только дано быть человѣку совершенному. Твердость его превышала человѣческія силы, но волосы на головѣ посѣдѣли, и въ теченіи этихъ четырехъ дней лицо двадцатью годами состарѣлось. Онъ говорилъ ей о смерти, объ ихъ будущей жизни, о Богѣ, съ властью апостола и съ нѣжностью любящаго мужа. Въ эти четыре дня всѣ страданія прекратились; жизнь осталась только въ сердцѣ и въ головѣ; все въ ней погибло, жила одна душа и являлась намъ яснѣе прежняго.

Въ Понедѣльникъ утромъ, чтобъ отвлечь наше вниманіе, она захотѣла, чтобы г. Ремюза, для нея возвратившійся изъ Англіи, разсказалъ намъ свое путешествіе. Онъ началъ разсказывать объ Н. [1]), которому онъ отвезъ письма отв. Лаф. для посл. [2]); говорилъ, что нашелъ въ немъ умъ и характеръ замѣчательный, хотя мало времени видѣлъ его. Тогда Полина взглянула на меня ласково и сказала: „Онъ тоже замѣчательно добръ. Это добрые друзья. Скажите Александру и Жуковскому, что мнѣ было бы пріятно, еслибъ они были здѣсь. Они мнѣ не чужіе; я съ ними сроднилась; это благородныя души! Скажите Тургеневу [3]), что онъ вполнѣ меня осчастливилъ, уладивши твои денежныя дѣла. Бѣдный другъ мой: ты безъ этаго не могла бы оставаться въ Парижѣ".

Наканунѣ она долго говорила со мной о Николаѣ и хотѣла узнать всѣ подробности моего путешествія. Я все разсказала, говорила о нашей пе-

---

[1]) О Н. И. Тургеневѣ, который въ это время находился въ Англіи, куда долженъ былъ удалиться изъ Парижа, такъ какъ, по требованію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, правительство Карла X-го воспретило ему жить во Франціи. *П. Б.*

[2]) Вѣроятно это значитъ „отъ Лафероне къ послу", т. е. къ нашему послу въ Лондонѣ (князю Ливену) отъ Французскаго посла при нашемъ дворѣ. *П. Б.*

[3]) Александръ Ивановичъ Тургеневъ, всегда дѣятельный въ помощи людямъ и сохранившій обширныя связи въ Россіи, благодаря прежней службѣ своей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и своему отличному характеру, вѣроятно помогъ графинѣ Разумовской получать деньги изъ Русскихъ имѣній мужа ея, графа Григорія Кириловича, который въ это время еще былъ въ живыхъ (†1838), но враждовалъ противъ нея. *П. Б.*

репискѣ и чѣмъ эта переписка сдѣлалась въ это послѣднее время. Она внимательно, серіозно слушала; напослѣдокъ сказала: „Я боюсь, что ты слишкомъ увлеклась этими сношеніями; въ нихъ, можетъ статься, нѣтъ будущаго. Не должно давать такъ много, если нельзя отдать всей жизни; берегись, другъ мой; ты готовишь себѣ горе. Дружба твоя теперь для него великое счастіе; будетъ ли тоже, когда онъ возвратится въ Россію, на службу, женится, будетъ счастливъ? Тебѣ останется грустный недочетъ„. Я отвѣчала, что никогда этого не будетъ; недочету быть не можетъ, когда я не требую ничего, кромѣ того, что́ равно доступно во всякомъ положеніи. Это ее успокоило. Вечеромъ, въ Понедѣльникъ, она захотѣла проститься со всей семьею и каждому сказала пригодное для него слово. Когда со всѣми покончила, то знàкомъ позвала меня, приблизила къ лицу и, взявши меня за руки, сказала: „Тебя я сберегла напослѣдокъ; тебя, лучшій другъ мой. Знаешь, сколько я всегда тебя любила? Не прошу у тебя ничего, ничего тебѣ не поручаю; знаю твое сердце и чего могу ожидать. Ты меня не забудешь, будешь любить его (указывая на мужа). Я буду подлѣ васъ, если это возможно. Другъ мой, Богъ всѣхъ насъ ждетъ; мы свидимся, чтобы любить другъ друга вѣчно. Смерть пріятна, другъ мой: она полна будущаго".

Во Вторникъ былъ спазмодическій припадокъ, но скоро утихъ. День и ночь прошли въ трогательныхъ изъявленіяхъ любви и въ рѣчахъ, которыя укрѣпляли намъ душу. Она жила однимъ чувствомъ; матеріальная жизнь кончилась; пищи никакой не принимала, только немного пила сахарной воды. Въ теченіе дня, она ослабѣла; мужъ вдохнулъ ей жизнь, какъ и прежде дѣлалъ онъ нѣсколько разъ, приложивши уста къ помертвѣвшимъ устамъ достойной жены своей. Она ожила и улыбнулась ему. Въ улыбкѣ этой былъ небесный рай. Я это сказалъ Гизо, и что эта улыбка будетъ ему прекраснымъ воспоминаніемъ. —„О, сказалъ онъ, пока въ ней есть дыханіе, она будетъ любить меня и чувствовать, что я ее люблю, а на небѣ почувствуетъ еще сильнѣе".

Въ такомъ расположеніи духа дожили мы до Середы. Въ 11 часовъ попросила она мужа прочесть ей одно письмо Фенелона и назначила которое; послѣ этого письма, попросила проповѣди Боссюэта о смерти. Въ половинѣ этого чтенія, показалось ему, что глаза ея уже не видятъ. Онъ спросилъ ее, она знàкомъ отвѣчала; говорить болѣе не могла, но была въ памяти, пожала ему руку, улыбнулась еще разъ и перестала дышать. Мужъ долго оставался недвижимъ подлѣ нея, потомъ всталъ и сказалъ: „Придите, друзья мои; проститесь и вы съ нею". Всѣ, кого она любила въ Парижѣ, прибѣжали тотчасъ: Ремюза, всѣ Брольи, госпожа Сентъ-Олеръ. Никогда столько людей не окружало умирающую. Мы были въ ея комнатѣ, но гостинная и садъ, съ самаго ея возвращенія, были наполнены друзьями; самые близкіе были подлѣ нея.

Я не думала, чтобы можно было съ такимъ нѣжнымъ удовольствіемъ цѣловать мертвую. Отъ нея не могла я оторваться. Лице ея сіяло божественнымъ величіемъ. Мы съ Элизой убрали ее; это я ей обѣщала, не понимая, какъ это тяжело, но исполнила дѣло дружбы, и ничья посторонняя рука не коснулась ея. Гизо не отходилъ отъ гроба; всю послѣднюю ночь Элиза и я провели вмѣстѣ съ нимъ. Въ Четвергъ отправился онъ отдать ей послѣдній долгъ. Слышите ли, какъ при немъ падали эти куски земли на ту, которую онъ любилъ? На женщину, которую любилъ съ 18-ти лѣтняго возраста? [4]) Постель ея ни одной ночи не стояла пустая: въ

---

[4]) Они соединились бракомъ въ 1812 году, когда 25 лѣтній Гизо былъ профессоромъ новой исторіи въ Сорбоннѣ. *П. Б.*

Четвергъ вечеромъ онъ легъ въ нее, и другой постели у него не будетъ; онъ можетъ тутъ спать; онъ тутъ слышитъ благословенія жены своей. Наружно ничто для Гизо не измѣнилось; нѣтъ только счастія. Все остается, какъ было при васъ; добрый *** ведетъ хозяйство на свой счетъ и содержитъ Гизо, его мать и его сына съ ихъ людьми.

Всѣ просятъ меня вамъ кланяться; ваши оба имени всякую минуту здѣсь повторяются; вы здѣсь какъ бы водворились и составляете необходимость жизни. Васъ легко разсмотрѣть (vous êtes transparent), добрый Жуковской: васъ полюбишь скоро и съ полной довѣренностью.

Гораздо больше подробностей написала я Николаю, по крайней мѣрѣ они живѣе. Почти каждый день я вырывала минуты писать къ нему, подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ происходившаго. Можно ли страдать, видѣть страданіе и о немъ не думать? Хотѣлось привлечь его въ мою жизнь, въ мои мысли, вывести его изъ его собственныхъ, укрѣпить силы примѣромъ бодрости Гизо, сильнаго и въ тоже время нѣжнаго. Вамъ не имѣла я времени показать семейство Гизо въ такой полнотѣ.

Не смотря на мои заботы, я не забыла того, что̀ васъ занимаетъ. Я распрашивала, говорила со всѣми бывшими ради здоровья на Югѣ, со всѣми кто бывалъ тамъ. Ницца и Гіеръ почти одно и тоже [5]). Ѣздятъ въ городъ Гіеръ, а не на острова. Въ началѣ болѣзни оба климата равно спасительны, и оба равно ускоряютъ болѣзнь, если она уже укоренилась. Живость воздуха быстро развиваетъ рану, но въ такомъ случаѣ выздоровленіе вездѣ невозможно; вопросъ только, сколько недѣль больше или меньше можно прожить. Теперь у Ремюза больна невѣстка, меньшая изъ трехъ сестеръ; старшая была имъ любима, она умерла прежде замужества. Общее горе удержало Ремюза въ семействѣ. Чтобы не разлучаться, онъ женился на второй сестрѣ; черезъ годъ она также умерла чахоткой. Осталась одна, и жизнь ея поддерживаетъ только южный воздухъ. Родители изслѣдовали тщательно, что̀ лучше, Ницца или Гіеръ, и предпочли Ниццу. Это Перье, жена и мужъ. Перье—братъ Казимира Перье, депутата. Сынъ ихъ, черезъ нѣсколько недѣль, женится на мадемуазель Лафаетъ. Это прекрасные люди; жена похожа характеромъ на вашу милую Александрину; онѣ сблизились бы скоро, я бы ихъ познакомила. Знаю, что въ Гіерѣ жить легко и очень дешево; но нѣтъ такихъ удобностей, какъ въ Ниццѣ. Та барыня, которая при васъ садилась въ дилижансъ въ день моего отъѣзда въ Лондонъ, провела тамъ прошедшую зиму, также для грудной болѣзни. Я соберу у нея всѣ свѣдѣнія и въ будущемъ письмѣ передамъ вамъ со всѣми подробностями. Монпелье не въ модѣ; не знаю, почему. Лѣтомъ и Ницца, и Гіеръ никуда не годятся. Не лучше ли на будущій годъ на лѣто воды Бонъ въ Пиренеяхъ? Поговорите объ этомъ съ княгиней Софьей [6]); она тамъ была.

Скажу вамъ одно о Воейковой: все чего ваша дружба къ ней пожелаетъ отъ меня, все исполню. Вы знаете, какъ охотно дѣлаю все что́ вы мнѣ скажете. Коревъ велитъ сказать вамъ, что видѣлъ изумительныя дѣйствія новой методы леченья грудныхъ болѣзней: прикладывать по нѣскольку разъ моксу (moxa) между реберъ, въ той сторонѣ, гдѣ боль сильнѣе; потомъ на тотъ же бокъ заволоку. Для того, чтобы отважиться на такое леченье, надобно однако переговорить прежде съ Гуфландомъ или Крейзигомъ.

---

[5]) Говорится о выборѣ мѣста жительства для страдавшей чахоткою А. А. Воейковой. *П. Б.*

[6]) Волконскою, супругою министра двора и сестрою декабриста. *П. Б.*

Дежерандо напоминаетъ вамъ о себѣ. У него хранятся всѣ бумаги Монморанси; я говорила ему о предполагаемыхъ Запискахъ; онъ отвѣчалъ (вспомните, что онъ былъ друженъ съ Монморанси), что въ этихъ Запискахъ нѣтъ ничего, что́ можно бы сообщить; что онъ самъ удивился, какъ подъ конецъ этотъ характеръ и умъ измельчали отъ худо-понятой набожности. (Вы знаете, что Дежерандо самъ очень набоженъ). Монморанси опирался только на одну свою совѣсть; а совѣсть, отданная подъ управленіе духовнаго отца, не можетъ достаточно просвѣтить.

Аббатъ Николь [7] приходилъ горько мнѣ попрекать, что я не дала ему возможности видѣться съ вами у меня. Я, правда, объ этомъ не подумала. Онъ неутѣшенъ, что не видалъ ни васъ, ни Александра. Велѣлъ вамъ сказать, что готовъ дѣлать для васъ все что̀ возможно теперь и въ будущемъ, все будетъ сдѣлано. Я просила его сообщать мнѣ обо всемъ что́ выходитъ въ печати, касающагося до задуманнаго вами великаго труда [8]), и я все буду пересылать вамъ. Дежерандо также будетъ сообщать. Годится-ли вамъ это?

Теперь поговоримъ объ Н. Скажу вамъ, что послѣ вашего отъѣзда онъ сталъ писать мнѣ ужасныя письма; единственно-доброе послала я намедни Александру; вѣроятно вы читали его. Въ немъ скорбь мрачная, суровая, зависящая не столько отъ удара, поразившаго ихъ, сколько отъ расположенія характера, въ которомъ ударъ этотъ произвелъ крайнее потрясеніе. Есть въ иныхъ письмахъ его какой-то мрачный бредъ; и онъ навелъ на меня жестокой страхъ, страхъ, чтобы несчастіе Сергѣя не возобновилось въ немъ: такая безграничная скорбь можетъ довести до того. Когда мысль эта пришла ко мнѣ, тотчасъ съ нею связалась другая: поѣхать къ нему на мѣсяцъ. Я предложила это ему и боялась, что онъ не согласится; но, не дочитавши еще письма моего, онъ самъ сталъ писать и звать меня. Пока я писала, и прежде чѣмъ пришло письмо мое, онъ два раза писалъ ко мнѣ, что не хочетъ пріѣзда моего въ Лондонъ безъ Александра, но, пріѣхать въ Лимигтонъ разница, и потому желаетъ меня видѣть. Можете вообразить, какъ я рада, что предупредила его желаніе: онъ не будетъ совѣститься и бояться, что вызвалъ отъ меня услугу. Между тѣмъ онъ все еще находитъ способъ мучить себя; боится, чтобъ я не принесла ему жертвы; однако я чувствую, что онъ радъ. Онъ полагаетъ, что я могу отправиться 8-го, и спѣшитъ указать мнѣ, какъ ѣхать. Потомъ онъ мнѣ говоритъ, что явится, куда я захочу. Я не стану его звать въ какое либо приморское мѣсто: я замѣтила, что все напоминающее ему о невозможности ѣхать далѣе приноситъ ему вредъ. Я отправлюсь лишь 15; здоровье мое потерпѣло отъ того что̀ случилось. Мнѣ нужно нѣсколько дней, чтобы оправиться.

Полагаю, что во всѣхъ отношеніяхъ присутствіе мое будетъ ему полезнѣе нашей переписки: она стала слишкомъ дѣятельна. Александръ напрасно такъ сильно возбудилъ его; я успокою его больше собою, нежели письмами моими и тѣми, какія онъ мнѣ пишетъ. Существенность охладитъ это пылкое воображеніе, которое создаетъ фантастическое лицо и къ нему обращаетъ свое воспоминаніе. Я и въ Лондонѣ чувствовала, что смиряла его, когда хотѣла; тѣмъ болѣе буду ему полезна теперь, когда письма наши образовали между нами такую близкую связь: тѣ, которыя я вамъ переслала, не значатъ ничего въ сравненіи съ тѣми, какія получаю теперь.

---

[7]) Славный педагогъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія воспитавшій многихъ Русскихъ дѣятелей, позднѣе директоръ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. *П. Б.*

[8]) Т. е. до воспитанія Государя Императора Александра Николаевича. *П. Б.*

Съ 14-го онъ пишетъ ко мнѣ всякій день. Онъ сокрушается въ этомъ одиночествѣ. Вы поймете то, что́ я чувствую при мысли, чѣмъ присутствіе мое будетъ для Н. Думать объ этой пользѣ, и этаго довольно; но тутъ нѣчто больше: между нами истинная симпатія, и съ нимъ увидѣться будетъ мнѣ больше радости, чѣмъ ему. Все это время я провела бы въ Бролье, куда отправилось все семейство Гизо и Девени, или бы на морскихъ купаньяхъ съ мужемъ и женой Мёланъ [9]). Не лучше ли употреблю время, никому не нужное, отдавъ его человѣку, на всей землѣ совершенно одинокому? Каждую минуту мысль этаго одиночества приходитъ мнѣ на сердце.

Не тревожьтесь обо мнѣ оба ни въ какомъ отношеніи, даже и въ денежномъ: безъ труда могу жить тамъ, гдѣ живетъ Н. Мнѣ будетъ непріятно, если Александръ скажетъ мнѣ хотя слово объ этомъ. Я свела свои счеты, могу позволить себѣ путешествіе; тамъ мы будемъ жить какъ добрые братъ съ сестрой. Пусть Александръ спокоенъ будетъ сердцемъ; то, что́ сдѣлалъ бы онъ для одобренія печальной души Н., я сдѣлаю вѣрно. Теперь на мнѣ больше прежняго отвѣтственности: я ѣду по собственной волѣ, чистой, доброй волѣ, съ Божьимъ благословеніемъ; надѣюсь и вѣрю!

Я не говорю объ моемъ путешествіи; въ эту пору всѣ разъѣзжаются, и уже привыкли знать, что каждое лѣто провожу я то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ; никто не позаботится узнать, куда я дѣлась. Скрываться не стану, но и разсказывать тоже. Прикажите Александру объ этомъ не говорить; вы оба поймете меня; посторонніе будутъ насмѣхаться, или винить. Для избѣжанія всего подобнаго, я требую, чтобы вы, безъ исключенія, никому не говорили.

Передъ отъѣздомъ пришлю вамъ мою довѣренность и поговорю о дѣлахъ моихъ. Столько вещей занимало меня, что некогда было объ нихъ подумать. Говорила ли я Александру, какъ я благодарна Жихареву за его добрую услужливость? Жадность приходитъ, когда живешь въ довольствѣ. Хотѣлось бы знать, правымъ ли почитаетъ себя гр. Орловъ [10]), оставляя у себя мои деньги восемь мѣсяцовъ, безъ всякаго процента? Срокъ былъ 28-го Февраля. Ему легче заплатить проценты за это прошедшее время, нежели мнѣ обойтись безъ нихъ. Этимъ, однако, не слѣдуетъ безпокоить добраго Жихарева; если Александръ увидитъ тутъ какое либо неудобство, то лучше и не говорить. Обойдусь безъ нихъ теперь, какъ обходилась прежде.—Не бойтесь, чтобъ я тревожила васъ часто подобными письмами. Долгота и небрежность настоящаго письма пугаютъ меня, когда подумаю, кому оно написано. Но я вамъ пишу отъ сердца. Ваше сердце пойметъ меня. Можно ли вамъ немедленно отвѣчать мнѣ? Я была бы очень рада получить еще здѣсь словечко отъ васъ. Сдѣлайте это; потому что можетъ быть почему нибудь я поѣду позднѣе. Но не откладывайте и скажите откровенно, браните ли вы меня. Это меня нѣсколько огорчитъ; но я буду вамъ отвѣчать и опишу это превосходное существо успокоенное, оживленное и избавленное отъ раздирающаго душу чувства совершеннаго одиночества. Коль скоро можно сдѣлать это добро и никого не оскорбляя, было бы преступно его не сдѣлать.

Простите, милый другъ; позвольте такъ назвать васъ; это имя вырвалось изъ сердца; искренно и радостно даю вамъ его. Тысячу тысячь дружескихъ привѣтствій матери и дочери, но молчите и съ ними, также какъ со всѣми.

---

[9]) Родственники Полины Гизо. *П. Б.*

[10]) Вѣроятно проживавшій за границею графъ Григорій Владиміровичь. *П. Б.*

Займитесь побольше моей милой Алиной [11]), вы принесете ей пользу. Вложите въ ея душу вашей поэзіи; благодаря вашему священному огню, рано сжатая душа ея развернется и разцвѣтетъ. Она на это способна.

Выпросите мнѣ прощеніе у г-жи Нуазевиль, которая теперь въ Эмсѣ, если вы ее видите. Я много передъ ней виновата; она была со мною любезна, добра, много разъ мнѣ писала, а я, недостойная, не отвѣчала ей; это мучаетъ мою совѣсть. Вы не подозрѣваете, что я ненавижу писать. Вы трое извлекли всю мою сущность; могу писать только сердцемъ: остальнымъ снабжать нечѣмъ.

Вамъ слѣдуетъ написать къ Гизо; отъ васъ и отъ Александра онъ заслужилъ этого. Имъ надо писать въ Парижъ; ихъ номеръ 37.

2.

Octobre 26 (1827). Paris, rue du Bac. 27.

J'aurais voulu, cher ami, arriver à vous avec un coeur tranquille; c'est ce qui m'a fait retarder aussi longtemps de vous écrire; mais je ne peux pas attendre davantage, et quand mes voeux vous accompagnent sans cesse, il faut aussi enfin que les accents de ma sincère et vive amitié aillent jusqu'à vous. Vous voilà donc à Pétersbourg! Je ne pense qu'avec une profonde émotion aux soins qui vont remplir votre vie. Ce jeune Enfant est l'objet de ma tendre sollicitude. Je l'aime, je prie pour lui, je vous vois en lui. Je sais comment la vérité pleine d'onction et de chaleur s'écoule de vos lèvres; je vois germer vos vertus dans ce jeune coeur. Les bénédictions qu'il méritera un jour seront votre couronne. Cher Joukoffsky! Sous quel rapport que vous m'apparaissiez, vous êtes pour moi un objet de culte et d'admiration. C'est bien fort à dire en face, mais quand on est destiné à ne se revoir jamais, n'a-t-on pas la liberté des mourants? J'ai reçu toutes vos lettres; une à Lymigton et trois que j'ai trouvées ici, car je ne m'en étais pas fait envoyer là. Ces admirables lettres sont une nourriture pour mon âme; c'est comme si vous aviez deviné avec quelle tristesse je reviendrai et combien j'aurai besoin de ces paroles avec lesquelles vous élevez les âmes à votre hauteur. Je suis arrivée encore plus disposée à les recueillir après avoir quitté cet être auprès duquel il faut nécessairement se purifier, si on veut y respirer à l'aise. Je ne sais par quelles souffrances je dois acheter cette amitié, que la mort et la douleur ont commencée; mais je bénirai toujours Dieu de m'avoir rapprochée d'un être qui est la pureté même. Cette âme-là n'a pas une souillure; vous le connaissez bien, mais pas encore comme moi. Jamais il n'a été avec personne autant dans l'intimité qu'avec moi; après six semaines d'une communication continuelle, je n'ai plus compris la possibilité d'en être privée. Il m'était aisé de tout arranger, pour rester ou revenir, jusqu'à de meilleurs tems; j'ai la certitude que c'eût été beaucoup pour lui. Il ne l'a pas voulu; la crainte de me faire tort lui fait exiger impérieusement d'Alex. que je ne revienne pas. Il me-

---

[11]) Если не ошибаемся, это была дочь князя Петра Михайловича и княгини Софьи Григорьевны Волконскихъ, княжна Александра Петровна (†1859), вышедшая потомъ замужъ за П. Д. Дурново и находившаяся тогда съ матерью своею въ Емсѣ, гдѣ лечился Жуковскій и куда писано это письмо. *П. Б.*

nace de quitter l'Europe si j'arrive. Je ne veux pas m'appesantir sur la peine que cela me fait, mais vous concevez celle d'Alexandre. Il est ici dans un désespoir qui surpasse tout ce que vous en avez vu. Celui pour qui il vit est là, seul, et d'autant plus seul, qu'il s'était livré davantage à la douceur de notre intimité; car c'est lorsqu'il s'est aperçu que bientôt il ne pourrait plus s'en passer, qu'il a voulu mon départ. J'avais été frappée de son dépérissement. Vous savez que j'ai eu l'imprudence de l'écrire à Alexandre. Depuis mon départ, il écrit lui-même des détails désolants sur sa santé. Je ne sais pas si l'hiver se passe ainsi, s'il ne sera pas trop tard. Je vous ménagerais plutôt que je ne vous alarmerais, mais il faut la vérité. Son sang ne circule pas et se porte continuellement au cerveau; ses entrailles vont en empirant. Ces malheureux médecins lui conseillent d'aller dans le Midi. Jugez ce que lui est un tel conseil? Encore si Alex. pouvait y être! Ce frère-là adoucirait la douleur de son âme et cela pourrait donner quelqu'éspoir de guérison: mais maintenant il ne pense qu'à être réuni à Serge; il pense qu'il n'est que pour le malheur d'Alexandre et que sa mort simplifierait les choses. Mais ce découragement sur lui-même n'influe sur aucun de ses sentiments. Avec quel feu il me parlait de vous! Il rappellait votre première jeunesse, vos soucis pour son père; ce tems-là où il était le plus avec vous, a été le plus heureux de sa vie, et cependant il me disait que vous ne vous aperceviez même pas combien il vous aimait, qu'il n'avait jamais songé à vous le témoigner. Son regard devenait ce que vous savez qu'il peut être, quand il parlait de cette perfection en vous qui ne s'est jamais démentie; il disait chaque fait, chaque circonstance de votre vie; il disait que c'est déjà tout de vous aimer et de penser à vous, qu'il ne conçoit pas comment on se permettrait de désirer de vivre avec vous, que ce serait trop, que la vie serait trop belle. Il dit que vous seul le connaissez, que tous les mouvemens de son âme vous sont révélés. En effet, je ne sais par quelle magie on peut comprendre à ce point une autre âme, sans nulle communication qui puisse y aider. Que j'ai rougi des craintes qui m'avaient amenées, en voyant cette raison si forte et si élevée! Rien de ce que je redoutais n'est possible; mais ce qui est probable, c'est que nous le perdrons s'il reste là, ou au moins s'il y reste seul. La véhémence avec laquelle il s'oppose à mon retour fait peur à Alexandre, qui exige que je me conforme à cette volonté. Je m'y soumets à regret: car je sens, qu'en allant malgré ces paroles je réussirais à vaincre cette délicatesse exaltée, qui n'est jamais satisfaite que par le sacrifice de lui-même.

Cher ami, votre attente ne sera trompée en aucune chose; je préserve fidèlement ce que l'amitié me confie. Je le dis pour toutes les choses qui vous intéressent, et nommément pour m-me Woyeikoff. Vos recommandations l'auraient placée dans mon coeur, quand même elle n'en aurait été déjà bien près: car elle est un des doux souvenirs, que j'ai remportés de Pétersbourg. Je lui ai écrit à Hyères, en lui envoyant deux lettres pour les maisons les plus considérables du pays: l'une de m-r Siméon, l'ancien ministre, l'autre de m-r Thierry, l'intéressant auteur du meilleur ouvrage d'histoire de notre époque (La

conquête de l'Angleterre par les Normands). Je serai, je ferai ce que je pourrai imaginer, qui satisfasse le mieux votre sollicitude pour elle. Si vous avez quelque chose à lui envoyer, adressez-le chez moi. Si je n'y étais plus, je laisserai des instructions.

Rien n'est encore décidé à mon égard pour l'Italie. Mon dernier voyage m'a empêchée de recevoir à tems les lettres qu'on m'a écrites, pour me presser d'y venir; j'ai laissé dans l'indécision, tant que j'ai espéré d'être ailleurs; à présent que tout espoir est détruit, je serai volontiers avec vos compagnes d'Ems, et pourtant il m'en coûtera d'être plus loin encore du point où sont mes meilleures pensées. Je serai encore une quinzaine de jours dans l'incertitude. J'ai écrit pour dire comment les choses se passent en moi et laisser décider la pr. S. Il me serait doux de les revoir; je sens que j'aime plus que jamais ma chère Aline; elle m'écrit de charmantes lettres où votre nom se trouve souvent.

Guizot a lu deux fois les passages de vos lettres qui le concernent. Ces lettres ont mis vos âmes en contact. Votre souvenir dans cette maison est tout vivant, vous y êtes un ami à peine absent, et certainement le premier étranger adopté de coeur à ce point-là.—La douleur de Guizot est la même que le premier jour, contenue, maîtrisée; tout est de même qu'autre fois à l'extérieur; il appartient de même à toutes les choses intellectuelles, il n'y a que le bonheur de moins. Il vit en présence de sa femme, avec la volonté d'être et de faire tout ce qu'elle approuverait. Il est ici pour quelques jours, ensuite il retournera à Broglie jusqu'au mois de Janvier. Cette maison m'attire et me fait mal. La perte que j'ai faite donne à Paris tout entier un autre aspect pour moi.

J'ai retrouvé dans cette nouvelle amitié, dont vous êtes la première cause, quelques unes des choses que me donnait l'amitié de Pauline, et surtout cette vérité parfaite de caractère, qui met tant de sécurité dans tous les rapports; mais rien ne rend un passé.

J'ai vu Capod'Istria. Sa position actuelle a ajouté je ne sais quoi d'accompli en lui, qui me fait peur. Il semble prêt pour le Ciel. Son beau visage même a pris cette paix du tombeau, que vous et moi avons si bien vu sur le visage de Serge; c'est le même sourire paisible. On sent qu'il ne tient plus à la terre que par le bien qu'il y peut encore faire; mais ce bien même, il n'est pas pressé de l'accomplir: il en fera sa part sans rien anticiper sur d'autres tems. Il sent quelles sont les choses que le temps seul peut produire, et que les hommes gâtent ce qu'ils veulent précipiter. Il m'a raconté son voyage de Pétersbourg; il m'a parlé comme vous de cette famille, qui a remis entre vos mains son plus cher intérêt. Vous savez si bien faire aimer ce que vous aimez, que je n'entendais pas sans émotion les épanchemens de la reconnaissance.—Il va en Suisse pour avoir des troupes, et de là en Grèce, par Ancône ou Marseille, il n'était pas décidé; je voudrais que ce fût par Marseille: il verrait votre amie. Il veut être en Grèce à la fin de Novembre.

Cher ami, j'ai une prière à vous faire, qui me tient fort à coeur. Tâchez de trouver un moment pour voir m-me Zagriatsky. Je ne sais pas ce que le temps a laissé d'elle, mais quoiqu'il en reste, ce qui reste, m'est cher. Je retrouverai le tout dans une meilleure vie.— Je voudrais que l'expression de ma tendre affection lui arrivât par votre bouche. Dites lui tout ce que vous pourrez de plus tendre de ma part. Elle ne m'écrit plus, et pourtant je suis persuadée qu'elle ne pense à moi qu'avec amitié. Malgré la différence de nos âges il y a une véritable sympathie entre nous. C'est un sentiment doux et pénible à la fois d'aimer une personne âgée et d'en être éloignée. On ne sait plus où la chercher, si c'est sur la terre, ou dans le ciel. Dites aussi bien des choses de ma part à ce qui l'entoure, et surtout à m-me Kotshoubey.

Je vous écrirai bientôt, dès que je saurai ce que je deviens.—Sans Alexandre, je serais allée passer le reste de l'année au Bois Milet chez les Meulan, mais il m'en coûte trop de le quitter. Seulement, pour chercher le repos, je voudrais trouver à remplir son temps de façon qu'il en ait moins à donner à son malheur. Je m'en occupe avec soin.

Il faut que je vous parle de mes affaires; mais après tout ce qui a remué mon coeur dans cette lettre, comment finir par de l'argent? Cela n'est pas en mon pouvoir. Ce sera l'objet spécial d'une lettre. En attendant, causez avec le c-te de Lambert, pour trouver moyen que mon chétif revenu ne soit pas diminué; tel qu'il est, j'ai toutes les peines du monde à vivre à Paris, comme vous savez que j'y vis; un peu moins, je serai obligée de m'en aller. Causez-en avec m-r de Lambert, qui a la bonté de soigner mes intérêts; il a ma procuration et s'il partait de Pétersbourg, comme je le craignais, c'est vous que j'en voudrais charger.—Adieu! Tout s'apaise et se calme quand on cause avec vous, même à huit cent lieues! Oh! qu'elle odieuse chose, que l'absence, que la distance. J'espère qu'il n'y en a pas dans l'autre vie. Adieu, comptez sur moi, disposez de moi. Je serai heureuse de vous témoigner combien j'ai d'amitié pour vous.

Henriette Razoumowsky.

Переводъ.

26 Октября 1827 года. Парижъ, улица Бакъ, 27 (1827).

Я хотѣла написать къ вамъ, милый другъ, съ спокойнымъ сердцемъ, потому и медлила такъ долго; но больше ждать не могу. Душею постоянно слѣжу за вами, и надобно, чтобъ до васъ достигъ голосъ моей искренней и горячей дружбы. И такъ вы въ Петербургѣ [1]. Не могу безъ глубокаго чувства подумать о тѣхъ заботахъ, которыя скоро наполнятъ вашу жизнь. Съ нѣжностію думаю объ этомъ миломъ Отрокѣ; я люблю Его, я молюсь о Немъ; я вижу васъ въ Немъ. Я знаю, какъ теплый елей истины истекаетъ изъ вашихъ устъ; я вижу, какъ ваши добродѣтели зарождаются въ этомъ юномъ сердцѣ. Благословенія, которыя нѣкогда Онъ

[1]) Въ началѣ Октября этого 1827 года Жуковскій, обогащенный педагогическими свѣдѣніями, которыя онъ такъ тщательно собиралъ въ бытность свою за границею, возвратился, послѣ 16 мѣсячной отлучки, къ своей должности наставника-наблюдателя при 9-мъ лѣтнемъ тогда Наслѣдникѣ Русскаго Престола. *П. Б.*

заслужитъ, будутъ вамъ лаврами. Милый Жуковскій! Какъ ни подумаю о васъ, я готова благоговѣть передъ вами, удивляться вамъ; сказать это въ лице надо слишкомъ много смѣлости; но если суждено намъ болѣе никогда не увидѣться [2]), то вѣдь умирающимъ многое позволяется. Я получила всѣ ваши письма, одно въ Лимигтонѣ и три здѣсь (ибо не распорядилась пересылкою ихъ ко мнѣ). Эти чудныя письма душевно питаютъ меня! Какъ будто вы предугадали, съ какою грустію я возвращусь, какъ будутъ мнѣ необходимы эти слова, которыми вы поднимаете души до своей высоты. Я возвратилась еще болѣе расположенная принять ихъ, ибо оставила человѣка, вблизи котораго необходимо внутреннее очищеніе. Не знаю, какими страданіями должна я купить эту дружбу, которая началась смертью и горемъ; но я всегда буду благословлять Господа, приблизившаго меня къ существу, которое есть воплощенная чистота. На этой душѣ нѣтъ пятна. Вы его знаете; но конечно менѣе меня. Ни съ кѣмъ никогда не былъ онъ такъ близокъ. Послѣ шестинедѣльныхъ постоянныхъ, искреннихъ сношеній, я не понимала возможности разстаться съ нимъ. Я могла все устроить, чтобъ остаться или возвратиться съ наступленіемъ лучшихъ обстоятельствъ, и я вѣрно знаю, что для него это было бы лучше; но онъ самъ не захотѣлъ этаго: боязнь мнѣ повредить заставила его настоятельно требовать отъ Александра, чтобъ я не возвращалась. Онъ грозится уѣхать изъ Европы, если я пріѣду. Нечего говорить, какъ мнѣ тяжело это; но вы понимаете, каково Александру. Онъ здѣсь и еще болѣе отчаевается, нежели было при васъ. Тотъ, для кого онъ живетъ, находится тамъ, одинъ, и это одиночество ему тѣмъ чувствительнѣе, что онъ предавался сладкому чувству нашей дружбы; когда же онъ замѣтилъ, что вскорѣ ему нельзя будетъ обойтись безъ этого чувства, онъ пожелалъ, чтобы я уѣхала. Я была поражена его болѣзненностью. Вы знаете, что я имѣла безразсудство написать о томъ Александру. Послѣ моего отъѣзда онъ уже самъ сообщаетъ прискорбныя подробности о своемъ здоровьѣ. Не знаю, если зима пройдетъ такъ, не будетъ ли уже поздно. Я стану скорѣе щадить васъ, нежели тревожить; но нужна правда. Кровь у него въ застоѣ и постоянно приливаетъ къ черепу; его внутренности въ состояніи ухудшенія. Эти несчастные доктора совѣтуютъ ему ѣхать на Югъ. Посудите, каково ему выслушивать такой совѣтъ? Если бы еще съ Александромъ! Этотъ братъ усладилъ бы горечь души его, и тогда можно бы надѣяться на выздоровленіе; а теперь онъ думаетъ только о соединеніи съ Сергѣемъ. Ему кажется, что онъ составляетъ несчастіе Александра и что обстоятельства упростятся его смертью. Но это разочарованіе въ самомъ себѣ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на его чувства. Съ какимъ жаромъ говорилъ онъ мнѣ о васъ! Онъ вспоминалъ вашу первоначальную молодость, ваши заботы объ его отцѣ. Дни, въ которые онъ всего чаще былъ съ вами, принадлежали къ счастливѣйшимъ въ его жизни, и однако онъ сказалъ мнѣ, что и въ то время вы не замѣчали, какъ онъ васъ любилъ и что онъ никогда не позаботился выразить вамъ свою любовь. Когда онъ говорилъ объ этомъ совершенствѣ, которое никогда не ослабѣвало въ васъ, взглядъ его становился таковъ, какимъ, вы знаете, онъ бываетъ. Онъ передавалъ мнѣ каждое обстоятельство, каждый случай вашей жизни. По его словамъ, любить васъ и думать

---

[2]) Графиня Разумовская скончалась въ Декабрѣ этого же года. А. И. Тургеневъ писалъ къ брату своему отъ 15 Декабря, наканунѣ ея кончины: „Я и другіе сердились на нее за ея безпрестанныя напоминанія о близкой смерти, когда она казалась въ цвѣтущемъ здоровьи и жаловалась только на какую-то внутреннюю опухоль“. А. И. Тургеневъ называетъ ее: наша благодѣтельница. *П. Б.*

о васъ есть уже все, и онъ не понимаетъ, какъ можно позволить себѣ желаніе жить съ вами: это превосходило бы мѣру, жизнь была бы слишкомъ прекрасна. Онъ говоритъ, что вы одни его знаете, что вамъ открыты всѣ движенія его души. Право, я не понимаю, какимъ волшебствомъ можно такъ понимать другую душу, не находясь съ нею въ сношеніяхъ. Въ присутствіи этого ума, столь крѣпкаго и столь возвышеннаго, я просто краснѣла за тѣ опасенія, изъ за которыхъ я поѣхала къ нему [3]). Ничего подобнаго быть не можетъ; но вѣроятно, что мы его утратимъ, если онъ останется тамъ, или если останется одинъ [4]). Горячность, съ которою онъ противится моему возвращенію, пугаетъ Александра, по требованію котораго я подчиняюсь этой настойчивости. Мнѣ этого жаль, такъ какъ я чувствую, что, поѣхавши туда, я все таки бы успѣла преодолѣть эту напряженную деликатность, которая не можетъ удовлетвориться ничѣмъ инымъ какъ самопожертвованіемъ.

Милый другъ, ваша надежда не будетъ обманута. Довольно было бы одной заботы вашей о Воейковой, чтобы сердцу моему усвоить ее; но съ этой женщиной соединены для меня сладкія воспоминанія, которыя я увезла изъ Петербурга. Я писала ей въ Гіеръ и послала два письма къ значительнѣйшимъ тамошнимъ семействамъ: одно къ бывшему министру Симеону, другое къ Тьери, автору лучшаго въ наше время историческаго сочиненія (Завоеваніе Англіи Норманнами). Я придумаю и сдѣлаю что только могу придумать, чтобы лучше удовлетворить вашей заботѣ о ней. Если вамъ есть что передать ей, присылайте ко мнѣ. На случай моего отъѣзда, я распоряжусь. Еще ничего не рѣшено относительно моей поѣздки въ Италію [5]). Вслѣдствіе моего послѣдняго путешествія я не получила вò время писемъ, въ которыхъ меня торопили туда ѣхать. Я не давала рѣшительнаго отвѣта, пока надѣялась быть въ другомъ мѣстѣ. Теперь, когда всякая надежда прошла, я охотно поѣхала бы къ нашимъ Емскимъ знакомкамъ. Однако мнѣ было бы тяжело быть еще дальше отъ того мѣста, гдѣ мои лучшія мысли. Еще недѣли съ двѣ я останусь въ неизвѣстности. Я извѣстила о моемъ положеніи и предоставила рѣшить княгинѣ С. Мнѣ будетъ пріятно ихъ опять увидѣть. Чувствую, что люблю больше чѣмъ когда либо мою милую Алину. Она мнѣ пишетъ прелестныя письма, въ которыхъ часто упоминается ваше имя. Гизо прочелъ два раза тѣ мѣста въ вашихъ письмахъ, гдѣ вы говорите о немъ. Этими письмами ваши души коснулись одна другой. Память ваша жива въ этомъ семействѣ; вы сдѣлались другомъ, отсутствіе котораго чувствительно, и конечно вы первый изъ чужеземцевъ, котораго они такъ сердечно усвоили себѣ. Горесть Гизо таже, что̀ въ первый день, сдержанная, самообладающая; все тоже, какъ и прежде по наружности. Онъ отдается также всѣмъ умственнымъ предметамъ. Меньше только счастіемъ. Онъ живетъ въ присутствіи своей жены, желаетъ дѣлать все то, что̀ бы заслужило ея одобреніе. Онъ здѣсь на нѣсколько дней и возвращается въ Бролье до Генваря

---

[3]) Опасались, что Н. И. Тургеневъ, подобно брату своему Сергѣю, повредится въ умѣ: для него, столь пламенно любившаго свое Отечество, пресѣчено было всякое съ нимъ сообщеніе. *П. Б.*

[4]) Дружба Жуковскаго уладила дѣло: въ началѣ слѣдующаго 1828 года Александръ Тургеневъ былъ увѣдомленъ изъ Петербурга, что поѣздка въ Англію не причтется ему въ вину, и немедленно отправился къ брату. Сей послѣдній за тѣмъ переѣхалъ въ Швейцарію (гдѣ и женился на дѣвицѣ Сисмонди, родственницѣ историка). Ему дано было знать, что его не считаютъ вполнѣ виновнымъ. *П. Б.*

[5]) Съ княгинею С. Г. Волконскою. А. И. Тургеневъ тоже предполагалъ туда ѣхать.

мѣсяца. Этотъ домъ меня привлекаетъ и меня огорчаетъ. Утрата мною понесенная, произвела то, что весь здѣшній городъ сдѣлался для меня совсѣмъ другимъ противъ прежняго. Въ чувствахъ новой дружбы, которой вы были творцомъ, нахожу я нѣчто такое, что̀ мнѣ давала дружба Полины, и въ особенности эту полнѣйшую прямоту, которая успокоиваетъ и придаетъ увѣренность всѣмъ сношеніямъ; но прошлаго не воротишь!

Я видѣла Каподистрію. Настоящее положеніе сообщило ему какой-то видъ законченности, которая меня пугаетъ. Онъ какъ будто готовъ уйти на небо. Даже прекрасное лицо его получило выраженіе гробовой тишины, какое мы съ вами видѣли на лицѣ Сергѣя: таже мирная улыбка. Чувствуешь, что земными дѣлами онъ занятъ лишь по отношенію къ добру, какое онъ еще можетъ сдѣлать; но и добро это онъ не спѣшитъ дѣлать: онъ сдѣлаетъ что̀ назначено на его долю, не забѣгая впередъ; онъ чувствуетъ, что есть вещи, которыя могутъ быть достигнуты лишь однимъ временемъ и что людская торопливость приноситъ только вредъ. Онъ мнѣ разсказывалъ о своей Петербургской поѣздкѣ и, также какъ вы, говорилъ о томъ Семействѣ, Которое ввѣрило вашимъ рукамъ самую дорогую свою принадлежность. Вы такъ умѣете заставить полюбить то что̀ вы любите, что я съ участіемъ слушала изъявленія признательности. Онъ ѣдетъ въ Швейцарію нанимать солдатъ и оттуда въ Грецію; черезъ Анкону или Марсель, еще не рѣшено. Я желала бы, чтобъ чрезъ Марсель: онъ могъ бы увидать Воейкову. Въ Грецію онъ думаетъ прибыть въ концѣ Ноября.

Милый другъ. У меня до васъ просьба, очень для меня важная. Постарайтесь улучить время, чтобы повидаться съ Загряжскою [6]). Я не знаю, что̀ осталось въ ней отъ ея лѣтъ; но что̀ бы ни осталось, она мнѣ дорога̀. Я все обрѣту въ лучшей жизни. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы изъявленіе моей нѣжной привязанности дошло до нея изъ вашихъ устъ. Скажите ей отъ меня все что̀ вы можете, самаго нѣжнаго. Она ко мнѣ не пишетъ; однако я убѣждена, что у нея сохранилось обо мнѣ дружеское воспоминаніе. При всей разницѣ лѣтъ, мы искренно сочувствуемъ другъ другу. Сладко, и вмѣстѣ горько, любить человѣка престарѣлаго и быть вдали отъ него: не знаешь болѣе, гдѣ его искать, на землѣ или въ небѣ. Поклонитесь также отъ меня ея близкимъ, въ особенности г-жѣ Кочубей. Я вамъ напишу тотчасъ же какъ узнаю, что̀ со мною станется. Безъ Александра я поѣхала бы провести остатокъ годъ въ Буа-Мплеси у Мѣлановъ; но мнѣ тяжело его покинуть. Только чтобы сыскать покоя, я бы хотѣла наполнить такъ его время, чтобы онъ наименѣе думалъ о своемъ несчастіи. Забочусь о томъ старательно.

Мнѣ надо поговорить съ вами о моихъ дѣлахъ; но послѣ всего, что̀ наполняло мою душу, когда я писала это письмо, возможно ли кончить рѣчью о деньгахъ? Я не могу этого, и напишу особо. Покамѣстъ поговорите съ графомъ Ламбертомъ, какъ бы найти способъ, чтобы мои жалкіе доходы не уменьшались. И безъ того, какъ вы видѣли, мнѣ чрезвычайно трудно жить въ Парижѣ; если буду получать меньше, я принуждена буду уѣхать отсюда. Поговорите о томъ съ графомъ Ламбертомъ; онъ такъ добръ, что заботится о моихъ дѣлахъ. У него моя довѣренность, и если онъ уѣдетъ изъ Петербурга, чего я боюсь, я думаю обратиться къ вамъ.

Простите. Все успокоивается и утихаетъ, когда бесѣдуешь съ вами, хоть быть и за восемьсотъ миль. О, какая противная вещь это отсутствіе, это разстояніе! Я надѣюсь, что ихъ нѣтъ въ другой жизни. Простите. Разсчитывайте на меня, располагайте мною. Мнѣ будетъ счастіемъ показать, какъ много у меня къ вамъ дружбы. Генріетта Разумовская.

---

[6]) Знаменитою Натальею Кириловною, старшею сестрою мужа графини Разумовской. *П. Б.*

V. Письма А. И. Тургенева къ Жуковскому о кончинѣ графини Разумовской *).

1.

Декабря 14-го (1827). Полдень.

Еще дышетъ наша благодѣтельница, но сегодня рано поутру при мнѣ и графинѣ St. Aulaire потребовала приходскаго священника не для исповѣди, а для успокоенія совѣсти; послѣ объясню тебѣ это обстоятельство. Онъ пришелъ. Я былъ въ другой комнатѣ. Она позвала графиню St. Aulaire и желала, чтобы она была при немъ. Священникъ убѣждалъ; графиня St. A. на минуту вышла, но скоро она опять ее потребовала, и священникъ оставилъ ее. St. Aulaire уговорила ее опять позвать его. Онъ возвратился не на долго; она болѣе не увидитъ его,—и спокойна, исполнивъ то, что̀ почитала для себя достаточнымъ. Она много и часто говорила о своихъ послѣднихъ минутахъ, о смерти, о религіи, объ спокойствіи и преданности волѣ Божіей. Сегодня, рано поутру, какъ скоро я пришелъ къ ней, показала она мнѣ ящикъ, который хранилъ мои, братнины, *твои* письма къ ней и другія бумаги; велѣла все вынуть. И прежде она мнѣ его показывала, и все что̀ въ немъ, и сказала, чтобъ послѣ смерти ея я все взялъ изъ него; а теперь указала и другой, который велѣла открыть послѣ смерти. Я повиновался. Будь спокоенъ *за свои*; ихъ никто не увидитъ, и ожидаю твоего приказанія, что̀ съ ними дѣлать.

Сію минуту получаю письмо отъ Жихарева, увѣдомляющее объ ея деньгахъ на Орловыхъ; подходилъ сказать ей объ этомъ, но она и живая объ этомъ мало безпокоилась, а теперь!—Впрочемъ есть завѣщаніе. Я замѣтилъ движеніе въ рукахъ, которое обыкновенно бываетъ въ послѣднія минуты. Дыханіе тяжелое, и намъ тяжело дышать близъ умирающей благодѣтельницы.

(*Приписка*). Милый Жихаревъ! Жуковскій скажетъ тебѣ мое новое горе, которое ужаснѣе для насъ тѣмъ, какъ оно отразится на душѣ, на сердцѣ одинокаго Николая. Если она придетъ въ себя, скажу ей о твоемъ письмѣ, но не надѣюсь. Благодарить будутъ тебя ея бѣдные родственники, а она молиться за тебя въ небѣ, ея близкомъ жилищѣ.

2.

2-й часъ ночи.

Сегодня, 14-го Декабря, отдалъ я въ посольство 4-ое письмо къ тебѣ. Теперь сижу съ Гизо надъ умирающей. Стараемся продлить жизнь лѣкарствами. Она стонетъ, страдаетъ не сильно, но уже не говоритъ и только кивая головою отвѣчаетъ на слова наши. Я написалъ къ Н. объ опасности болѣзни и увижу, по прошествіи ночи, что̀ еще сказать ему и тебѣ. Теперь иду давать лѣкарство.

5 часовъ утра.

За полчаса узнавъ, что я провожу ночь въ другой комнатѣ, позвала она меня и сказала, чтобъ я отправилъ письмо къ брату,

---

*) Сличи въ Письмахъ А. И. Тургенева къ его брату (изд. въ Лейпцигѣ въ 1872 г.), стр. 300—307, гдѣ говорится о кончинѣ графини Разумовской. *П. Б.*

не читая его. Я обѣщалъ. „Это одно что меня еще безпокоило“, сказала она. „Je vous aime; je vous aime beaucoup; je suis bien aise de ce qui arrive“, повторила она два раза. Qu 'ai-je faire de la vie? Потомъ говорила о вчерашнемъ свиданіи съ священникомъ. Между тѣмъ руки ея искали мою руку. Она держала ее нѣсколько минутъ; потомъ опять метала ихъ около себя. Ажитаціи продолжаются. Передъ тѣмъ сказала она Гизо: c'est long! Онъ не понялъ. Служанка повторила: M-me a dit, que c'est trop long.—„Je ne dis pas que c'est trop long, mais c'est long“, отвѣчала графиня, разумѣя агонію.

15-го Декабря 7 часовъ утра. Я провелъ ночь у графини. Все въ томъ же положеніи. Въ совершенной памяти; частое усыпленіе и какое-то безпокойство въ рукахъ. Усылала насъ нѣсколько разъ спать. Возвращаюсь къ ней.

9 часовъ утра. Сейчасъ былъ докторъ и не нашелъ никакой перемѣны. Теперь въ усыпленіи. Синапизмы пролежали 24 часа и не подѣйствовали.

17-го Декабря. Въ полночь съ 16 на 17 ея не стало. Она почти не страдала; была все въ памяти, но давно уже на вопросы наши отвѣчала: „oui et non“ или кивала головою. Иногда говорила; „c'est long“, разумѣя, какъ и прежде, борьбу съ смертью.

Я сидѣлъ вчера съ тѣми, кои эту ночь должны были проводить у ея спальни и ушелъ за 10 минутъ до полночи домой, чтобъ возвратиться скоро, приказавъ дать мнѣ знать въ случаѣ приближенія явнаго смерти. Между тѣмъ какъ писалъ къ брату письмо, она скончалась.—Гизо сидѣлъ еще въ другой комнатѣ и заснулъ. Она кашлянула, и къ ней подошли. Разбудили Гизо въ туже минуту, и едва едва успѣлъ онъ принять послѣдній вздохъ ея. Меня Богъ лишилъ сего поученія. Тихо, безъ страданія, отошла она туда, гдѣ умолять будетъ за насъ милосердіе Божіе и правду Его.

Мнѣ тяжело и грустно здѣсь, но и отлучиться страшно. Какой-то ужасъ охватываетъ меня, когда только мысль придетъ объ отъѣздѣ. Въ Москвѣ похоронилъ я матушку, въ Петербургѣ Карамзина, въ Лондонѣ живаго брата, здѣсь Сережу и графиню Разумовскую. Хотѣлось бы уѣхать, но куда? Милый другъ, береги себя, и если опять однѣ воды могутъ быть тебѣ полезны, то возвратись. Никогда я не чувствовалъ таковаго желанія жить не въ этомъ мірѣ и никогда такъ не страшился за тебя и за себя. У насъ еще одинъ остался. Я только въ любви къ нему и присоединяю тебя къ судьбѣ своей. Когда будетъ легче и въ головѣ свѣтлѣе, напишу еще. На меня возложили нѣкоторыя печальныя хлопоты. Пишу къ графу Ламберу о кончинѣ ея.

3.

19-го Декабря (н. с.) 1827 года. Парижъ.

Вчера въ 9 часовъ утра собрались мы въ домъ графини; но она уже стояла, сообразно здѣшнему обыкновенію, подъ воротами, въ простомъ дубовомъ гробѣ: ибо она желала самаго непышнаго по-

гребенія. Пришедъ въ 8 часовъ утра въ домъ, я встрѣтился съ тѣломъ ея на лѣстницѣ, и она какъ бы сама уже не впустила меня къ себѣ. Мы отпѣли ее въ приходѣ ея St. Thomas d' Aquin и отвезли въ сосѣдство Сережи; не далеко отъ него, въ правую сторону, въ уголку у стѣны опустили гробъ ея, и первый разъ былъ я на двѣ минуты у могилы моего милаго Сережи. Нашелъ пять или шесть увядшихъ вѣнковъ, вѣроятно ею же тамъ положенныхъ, и едва оторвался оттуда. За гробомъ шли Гизо, R. Collard, Cousin, Deweny, Монтебелло, Bourgeois, и еще нѣсколько друзей вѣрныхъ до гроба. Я подумалъ объ тебѣ, мой милый другъ; подумалъ и въ ту минуту, когда стоялъ одинъ на могилѣ С. Но страшное безпокойство объ Н. мѣшало думать и объ Сережѣ.

Я обѣдалъ у посла: ибо тезоименитство Государя.

VI. Графа Дмитрія Николаевича Блудова.

1.

19 (31) Марта 1819 года (Лондонъ).

Здравствуй, любезная Свѣтлана! Я думалъ, что не успѣю писать къ тебѣ севодни; и въ самомъ дѣлѣ, недостатокъ времени, а еще болѣе недостатокъ здоровья и слѣдственно силъ, едва дозволяютъ мнѣ взяться за перо. Но, при самомъ отправленіи курьера, я вдругъ почувствовалъ что-то похожее на движеніе Швейцарца, который въ чужбинѣ слышитъ родимую пѣсню; мнѣ захотѣлось, захотѣлось такъ сильно сказать тебѣ.... что нибудь: напримѣръ, что я люблю тебя и обнимаю, какъ люблю, то-есть отъ всего сердца. Должно ли прибавлять, что и благодарю за твою грамотку позднюю, но милую? Я получилъ ее, какъ благодѣяніе и, говоря безъ всякой метафоры, этотъ голосъ дружбы (скажу еще и голосъ порядочнаго человѣка, что̀ мнѣ рѣдко случается слышать), освѣжилъ меня по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, въ моральномъ и физическомъ смыслѣ. Такая помощь всегда нужна человѣку, который привыкъ жить сердцемъ; но въ моемъ теперешнемъ положеніи она во сто разъ нужнѣе. На сихъ дняхъ я писалъ къ Северину, что желтѣю и вяну какъ растеніе: это совершенная правда. Страдаю тѣломъ и духомъ; потерявъ здоровье, я потерялъ и бодрость и послѣднюю довѣренность къ себѣ, слѣдственно и всякое стремленіе къ будущему: оно, почти какъ настоящее, въ моихъ глазахъ совсѣмъ безъ цвѣта; и еслибъ мнѣ иногда не случалось вспоминать, что я другъ Карамзина, Жуковскаго, Тургенева, Батюшкова, однимъ словомъ Арзамасе̂цъ, то конечно уже давно бы причислилъ себя къ тѣмъ людямъ, которые хуже глупцовъ, хотя не такъ глупы.

Оставимъ это: я тебя благодарилъ; теперь побраню. Возможно ли? Ты забываешь порученія дружбы, когда они касаются до помощи бѣднымъ. Отдавъ пять сотъ рублей Аѳанасьеву и триста Аноховой (должно бы триста пятьдесятъ), ты еще не сдѣлалъ главнаго: не выкупилъ на другія пять сотъ рублей бѣдныхъ должниковъ изъ Московскаго магистрата (знаешь, по какому обѣщанію?).

Пошли эти деньги скорѣе въ Москву, въ какому нибудь надежному человѣку, да сдѣлай милость, не забудь опять: заклинаю тебя Богомъ и нашею дружбою, облегчи мою совѣсть. Сверхъ того, ты мнѣ долженъ за Malte-Brun и Sismondi, по Парижскимъ цѣнамъ (помнишь наше условіе?) 150 франковъ, то-есть 125 рублей; отдай ихъ, по твоему собственному усмотрѣнію, тому, кто можетъ имѣть истинную нужду въ сей малой помощи [1]). За тѣмъ прости. Книги, коихъ отъ меня требуешь, я пришлю къ тебѣ весною съ первымъ кораблемъ; постарайся и ты прислать мнѣ чего нибудь нашего. Обойми Карамзина, Арфу [2]) и брата ея и всѣхъ Арзамасцевъ, не забывая особенно нашего бѣднаго и вѣрнаго Журавля [3]). Говорятъ, что онъ опять очень боленъ; скажи ему въ утѣшеніе, что я отъ другихъ причинъ, но не здоровѣе его. Прости, Свѣтлана. Я не получилъ твоего журнала *Для немногихъ*; пришли мнѣ его, пришли и печатный экземпляръ стиховъ на рожденіе Великаго Князя Александра и все, что̀ напечатаешь, по крайней мѣрѣ: ибо я ужъ не смѣю просить рукописнаго. Дай вѣсть о Вяземскомъ и Пушкинѣ [4]) и объ ихъ чадахъ или исчадіяхъ. Съ Батюшковымъ надѣюсь открыть прямыя сношенія. Да! Что̀ дѣлается со вторымъ изданіемъ Исторіи и съ десятымъ томомъ, и что̀ дѣлаетъ самъ безцѣнный нашъ исторіографъ? Еще разъ обойми его и поцѣлуй ручку у Катерины Андреевны. Мнѣ кажется, что я васъ всѣхъ люблю еще больше прежняго. Прости, другъ. Твоя навсегда Кассандра.

2.

Лондонъ $^{18}/_{30}$ Мая 1820 года.

Другъ Жуковскій! Я знаю, что всѣ Арзамасцы безсовѣстны, по крайней мѣрѣ въ перепискѣ съ друзьями, и потому нимало не удивлюсь, когда свѣдаю, что ты отпирался въ полученіи моихъ писемъ только для того, чтобы не отвѣчать на нихъ. Однако же знаю также, что пакетъ, отправленный изъ Лондона въ Петербургъ черезъ курьера, можетъ очень легко истлѣть между руками многочисленныхъ посредниковъ. Ожидая этого, я хотя не всегда, но въ нѣкоторыхъ, по моему мнѣнію важныхъ, случаяхъ, имѣю осторожность оставлять у себя копіи съ писемъ, которыя *пускаю* въ даль. Прочтя приложенное дубликатное, ты увидишь, или вспомнишь, по какой причинѣ оно должно было мнѣ казаться важнымъ. Если ты, Свѣтлана, получилъ его въ прошломъ году, то, надѣюсь, уже исполнилъ мое порученіе; если получишь только нынѣ, то снова прошу тебя, заклинаю Богомъ и нашею дружбою, — исполни безъ замедленія, ибо отложить и забыть для тебя все равно. Буде нѣтъ у тебя денегъ, то займи, заложи что ни есть въ твоихъ рукахъ драгоцѣннаго: напримѣръ, свои сочиненія, или хоть мои... будущія... Оставя шутки, другъ любезный, я имѣю право и обязан-

---

[1]) Жизнь графа Д. Н. Блудова была непрестаннымъ рядомъ благотвореній (большею частію негласныхъ); когда уже стоялъ онъ на высотѣ правительственной и получалъ значительные оклады, домашнимъ приходилось по неволѣ заботиться, чтобы деньги не попадали ему непосредственно въ руки: столь щедро раздавалъ онъ ихъ бѣднымъ (обыкновенно во время своихъ прогулокъ пѣшкомъ).

[2]) А. И. Тургенева. — [3]) Вигеля. — [4]) Василія Львовича. *П. Б.*

ность требовать, чтобы ты успокоилъ мою совѣсть: теперь еще болѣе прежняго, потому что я, правда, не умеръ до сихъ поръ, но постепенно и примѣтно умираю [5]). Сверхъ того, въ продолжительномъ мореплаваніи могу потонуть. Пусть же грѣхъ и клятва будутъ на одной твоей душѣ.

Прости, Свѣтлана! Если Богъ велитъ, то за этимъ „прости" вскорѣ послѣдуетъ „здравствуй": я собираюсь въ Россію и уже нанялъ корабль (The Comet), который долженъ нести насъ къ устью Невы. Ежели утону, поставьте мнѣ кенотафъ въ Арзамасѣ; ежели, напротивъ, доплыву счастливо, то и въ этомъ случаѣ готовьтесь отпѣвать меня. Я умѣлъ прежде смерти попасть въ мертвые. Почти два года мало по малу разрушаюсь отъ утомительной и упрямой болѣзни: доктора называютъ ее диспепсіей, имя варварское, достойное моей немощи. Отъ нея я прежде времени выѣзжаю изъ Англіи; отъ нея все, особливо все моральное, во мнѣ завяло; и я теперь сталъ Арзамасецъ только именемъ, да развѣ еще немножко сердцемъ. Господа собратія, узнаете ли вы меня, или скажете съ Энеемъ: Quantum mutatus ab illo! Чтобы показать, какова перемѣна въ живости моихъ чувствъ и надеждъ, довольно вотъ этого образчика: когда я оставлялъ Россію, то жалѣлъ о васъ и Отечествѣ, но съ удовольствіемъ любопытства стремился въ новый для меня край. Теперь... не жалѣю объ Англіи, и однакожъ не желаю къ вамъ! Повѣришь ли? Но такъ и быть! Чтò бы ни ждало меня, возвращусь. И умереть, и даже умирать или худо жить, все лучше на своей сторонѣ, посреди старыхъ навыковъ и старыхъ друзей. Прости еще разъ; поклонись всѣмъ старымъ друзьямъ; въ особенности обоими Карамзина и Тургеневыхъ. Гдѣ Дашковъ? Да, ты пишешь, что преемникъ его, Сергѣй Тургеневъ [6]) вамъ разсказывалъ многое про меня; я къ этому прибавлю, что вѣроятно многое несправедливо, совсѣмъ не потому, чтобы онъ хотѣлъ или умѣлъ солгать, но потому, что самъ иное видѣлъ сквозь мои глаза, налитые желчью. Впрочемъ, Сергѣй, какъ и братья его, добрый и милый малый: дай Богъ ему счастья, ежели есть счастье!

VII. Константина Николаевича Батюшкова.

1.

Насилу, любезный другъ, собрался я съ силами; насилу могу писать къ тебѣ. Я и теперь такъ боленъ, такъ слабъ, что ни мыслить, ни писать не могу. Однакоже дай собраться съ силами!... Я васъ оставилъ en impromptu, уѣхалъ какъ Эней, какъ Тезей, какъ Улиссъ отъ... (потому что присутствіе мое было необходимо здѣсь, въ деревнѣ; потому что мнѣ стало грустно, очень грустно

---

[5]) Графъ Д. Н. Блудовъ, живя въ Лондонѣ (гдѣ онъ служилъ, въ теченіи двухъ съ небольшимъ лѣтъ, совѣтникомъ посольства) долго страдалъ отъ послѣдствій холеры, въ то время еще почти неизвѣстной въ Европѣ и завезенной въ Лондонъ однимъ кораблемъ изъ Индіи. *П. Б.*

[6]) Младшій товарищъ графа Блудова по дипломатической службѣ. *П. Б.*

въ Москвѣ; потому что я боялся заслушаться васъ, чудаки мои). По прибытіи моемъ сюда, болѣзнь моя, tic douloureux, такъ усилилась, что я 9-й день лежу въ постелѣ. Боль, кажется, уменьшилась, и я очень бы былъ неблагодаренъ тебѣ, любезный Василій Андреевичъ, еслибы не написалъ нѣсколько словъ: дружество твое мнѣ будетъ всегда драгоцѣнно, и я могу смѣло надѣяться, что ты, великій чудакъ, могъ замѣтить въ короткое время мою къ тебѣ привязанность. Дай руку,—и болѣе ни слова!

Музы, Музочки не отстаютъ и отъ больнаго. Посылаю тебѣ *опытъ въ прозѣ*, который, если хочешь, напечатай, но экземпляръ мой непремѣнно возврати назадъ: ибо у меня все тутъ, и черное, и бѣлое. Поправь, что́ найдешь поправить. Посылаю *Мечту*, для Собранія [1]). Да еще voilà des petits vers, т.-е. *Подражаніе* (Вяземскій улыбнется), подражаніе Парни Le torrent, которое, если тебѣ очень понравится, то возми въ Собраніе, или сожги на огнѣ. Въ немъ надобно кой-что поправить. Исправь, любезный мой Аристархъ! А это выраженіе: *я къ тебѣ прикасался*, оставь. Оно взято изъ Тибулла и, кажется, удачно. — О прозѣ не говори Каченовскому [2]), что я ея сочинитель: ибо я этого не хочу, ибо я маралъ это отъ чистой души, ибо я не желаю, чтобы знали посторонніе моихъ *мыслей* и *ересей*.

Я живу очень скучно, любезный товарищъ, и часто думаю о тебѣ. Болѣзнь меня убиваетъ; къ этому же имѣю горести; и то и другое меня очень разстроиваетъ. Шолье могъ писать прекрасные стихи, воспѣвать Лизу и мечтать подъ каштановыми деревьями Фонтенейскаго сада: онъ жилъ въ счастливое время. Подагра у него была въ ногахъ, а не въ головѣ; а у меня въ головѣ сильный ревматизмъ, который *набрасываетъ тѣнь* на всѣ предметы. Пожалѣй обо мнѣ!... И не знаю, когда будетъ конецъ моимъ мученьямъ!—Теперь я, въ тѣ короткія минуты, въ которыя г-жа болѣзнь уходитъ изъ мозгу, читаю Монтаня и услаждаюсь! Я что нибудь изъ него тебѣ пришлю. О стихахъ и думать нельзя съ моей болѣзнью.

Тебѣ, здоровый счастливецъ, тебѣ можно преселяться въ страну Поэзіи, которая создана *счастливымъ началомъ*, для услажденія нашихъ горестей: ты здоровъ, какъ быкъ. Пиши своего Володиміра [3]) и пришли кое-что сюда. Я долго здѣсь пробуду; стряхни лѣнь для дружбы. Письма твои мнѣ будутъ утѣшеніемъ въ этой безмолвной, дикой пустынѣ, въ жилищѣ волковъ и поповъ. Поручаю тебя Фебу...

Константинъ Батюшковъ.

---

[1]) Т. е. для Собранія Русскихъ стихотвореній, въ то время издаваемаго Жуковскимъ (М. 1810. 6 ч.). *П. Б.*

[2]) Вѣстникъ Европы 1810 года Жуковскій издавалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Каченовскимъ, которому потому окончательно передалъ этотъ журналъ. *П. Б.*

[3]) Поэма Владиміръ, которую замышлялъ Жуковскій, не была написана. *П. Б.*

Адресъ мой: въ Череповецъ, Новогородской губерніи.

Я къ Мечтѣ прибавилъ Горація; кажется, онъ у мѣста, et il fera bon contraste avec le Scalde; я болѣе ее трогать не намѣренъ. Если что найдешь, поправь самъ. Прощай еще разъ; если я буду здоровѣе, то напишу поумнѣе.

26 Іюля 1810.

2.

(Изъ Петербурга въ Бѣлевъ, около 1811).

Благодарю тебя, мой милый и любезный другъ, за твое письмо, въ которомъ я имѣлъ истинную нужду. Первое потому, что я тебя люблю, а второе потому, что я имѣю нужду въ твоей похвалѣ или брани. Твои отеческія наставленія, какъ писать стихи, я принимаю съ истинною благодарностію; признаюсь однакоже, что ими воспользоваться не могу. Я пишу мало и пишу довольно медленно; но останавливаться на всякомъ словѣ, на всякомъ стихѣ, переписывать, марать и скоблить,—нѣтъ, мой милый другъ,—это не стоитъ того: стихи не стоятъ того времени, которое погубишь за ними, а я знаю, какъ его употреблять съ пользою. У меня есть, благодаря Бога, вино, друзья, табакъ... Я весь переродился,—болѣнъ, скученъ, и такъ хилъ, такъ хилъ, что не переживу и моихъ стиховъ. Тогда поминай какъ звали! Шутки въ сторону; я самъ на себя не похожъ, и между тѣмъ какъ ты съ друзьями, или Музой, или съ Нимфою, или съ чертями, которыхъ я люблю какъ душу съ тѣхъ поръ, какъ ты имъ посвятилъ свою лиру; между тѣмъ какъ ты наслаждаешься свободою, сельскимъ воздухомъ, tu jouis du printemps, du soleil, d'un beau jour—я сижу одинъ съ распухшею щекою, съ больнымъ желудкомъ и гнѣваюсь на погоду и на стихи, только не на свои разумѣется (ей Богу, ихъ никогда не читаю), а на чужіе, мой другъ: на стихи нашихъ Москвичей, которые часъ отъ часу болѣе и болѣе пресмыкаются, на стихи нашихъ Невскихъ гусей, которые, что̀ день, то ода, что̀ недѣля, то трагедія, что̀ мѣсяцъ, то поэма,—и все такъ глупо и плоско... Я забылъ, что лѣкарь мнѣ не велѣлъ сердиться! Утѣшь насъ, мой милый другъ, пришли намъ своего Драйдена, который конечно доставитъ намъ нѣсколько пріятныхъ дней. Пришли намъ свое посланіе къ Плещееву, которое, говорятъ, прелестно. Пришли намъ свою балладу, которой мы станемъ восхищаться какъ Спящими Дѣвами, какъ Людмилой; пришли намъ, Бога ради, все что̀ имѣешь новаго—если не на похвалу, такъ на съѣденіе, и будь увѣренъ, что никто кромѣ насъ, безъ твоего разрѣшенія, ни строки не увидитъ. Пришли мнѣ твое Посланіе, которое я ожидаю съ нетерпѣніемъ, какъ свидѣтельство въ храмъ славы и безсмертія, и что̀ всего лестнѣе для моего сердца—какъ свидѣтельство твоей дружбы къ бѣдному, хилому Батюшкову, который тебя любить умѣетъ. Я бы тебѣ поговорилъ поболѣе о Дм. Ник. Блудовѣ, еслибъ онъ этого письма не прочиталъ.—Дашковъ тебѣ приписываетъ. О Тургеневѣ скажу тебѣ, что онъ очень разсѣянъ, занятъ дѣлами и (подивись этому) какою-то Лаурою: онъ влюбленъ не на шутку. Поблагодари его за меня, любезный Жуковскій. Тургеневъ мнѣ оказалъ

много услугъ, и я очень, очень худо отвѣчаю на доброе мнѣніе, которое онъ обо мнѣ имѣетъ. Твоей дружбѣ я обязанъ его ко мнѣ добрымъ расположеніемъ. Еще разъ: если будешь писать къ нему, поблагодари его за меня и докажи ему собственнымъ примѣромъ, что поэтъ, чудакъ и лѣнтяй—одно и тоже; чтобъ онъ не удивлялся моему поведенію и характеру, которые совершенно сообразны съ лѣнью и безпечностью, и докажи ему, что безъ лѣни я писалъ бы еще хуже, или не писалъ бы ничего. Буди съ тобою сила Аполлонова и благословеніе дѣвъ Парнасскихъ!

P. S. Напиши самъ письмо къ Ивану Матвѣевичу [1]) о твоемъ дѣлѣ. Я берусь за исполненіе твоей просьбы; но надобно, чтобъ ты самъ его попросилъ. Успокой меня, Катерину Өедоровну [2]) и свою совѣсть.

Прости, отшельникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Твой богъ и покровитель!
Будь счастливъ, нашъ Орфей,
Харитъ любимецъ скромной!
Какъ юный соловей
Въ глуши дубравы темной,
Съ подругой дни ведетъ,
Съ подругой засыпаетъ —
Невидимый поэтъ,
Невидимо плѣняетъ
Пастушекъ, пастуховъ
И жителей пустынныхъ:
Такъ ты, краса пѣвцовъ,
Среди забавъ невинныхъ,
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой,
Подъ сѣнію свободы,
Достойныя природы
И юныя весны!
Тебѣ—одна лишь радость,
Мнѣ—горести даны!
Какъ сонъ проходитъ младость
И счастье прежнихъ дней!
Все сердцу измѣнило,
Здоровье легкокрыло
И другъ души моей.
Я сталъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердецъ;
Сухъ, блѣденъ какъ мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
И ноги ходуномъ;
Глаза потухли, впали,
Спина дугой къ землѣ,
И скорби начертали
Морщины на челѣ.
Вся, вся исчезла сила
И доблесть юныхъ лѣтъ.
Увы! мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ.
Кивая головою,
Мнѣ молвила она
(Какъ древле Громобою
Учтивый Сатана):
„Усопшій, миръ съ тобою!...
„Усопшій, миръ съ тобою!"
Ахъ, это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За стары прегрѣшенья?
Нѣтъ! новыя мученья
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Хвостовъ!
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ на рифмы дюжій,
Какъ онъ головорѣзъ!
Поютъ и напѣваютъ,
Съ ночи до бѣла дня;
Читаютъ мнѣ, читаютъ
И до смерти меня,
Убійцы, зачитаютъ! [3])

Прости, будь счастливъ и здоровъ; приготовь мнѣ эпитафію и не забудь въ ней сказать, что я любилъ тебя какъ друга.

Твой Батюшковъ.

---

[1]) Муравьеву-Апостолу.

[2]) Вдову М. Н Муравьева. Какое было это дѣло, намъ неизвѣстно.

[3]) Это первоначальный набросокъ извѣстнаго Посланія, напечатаннаго въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изд. Смирдина, II, стр. 158.

Приписки А. И. Тургенева и Д. В. Дашкова.

Здравствуй, милый Жуковскій! Не сердись на меня за молчаніе и докажи это, написавъ ко мнѣ хоть нѣсколько строкъ. Не забудь пріѣхать обѣдать къ намъ въ П. Бургъ въ 1812 году: бифштексъ, Англійская горчица будутъ готовы. Присылай свои новыя сочиненія и люби твоего Тургенева. Я буду много писать къ тебѣ — теперь душа не на мѣстѣ. Любовь унесла надежду, надежду, мой сладкій удѣлъ. Я долженъ былъ отправить это письмо къ Дашкову и къ Блудову для приписанія, но боюсь, чтобъ онъ не задержалъ его.—Братъ тебѣ кланяется. Онъ готовится въ министры финансовъ *). Право, дѣльный малой. Будетъ прокъ!

*

И я любезному Василью Андреевичу свидѣтельствую мое искреннее почтеніе.

Дашковъ.

3.

Любезный и милый другъ Василій Андреевичъ. Тому уже болѣе года, какъ я разстался съ тобою, а отъ тебя ни строчки не имѣю; и вѣрно не могъ бы знать, живъ ли ты или умеръ, еслибъ Тургеневъ и Вяземскій меня не увѣрили, что ты и живъ и здоровъ, и потихонечку поживаешь въ своемъ Бѣлевѣ, какъ мышь, удалившаяся отъ свѣта. Но гдѣ бъ ты ни былъ, любезный другъ, Батюшковъ тебя вездѣ найдетъ, ибо онъ тебя любитъ и почитаетъ. Сколько происшествій со времени твоего печальнаго отъѣзда изъ Москвы! Вяземскій женился, какъ путный человѣкъ; но я не былъ свидѣтелемъ его чудесной женидьбы: я уже былъ въ деревнѣ, и долго не могъ повѣрить сему послѣднему диву. Проживъ въ совершенномъ уединеніи шесть мѣсяцовъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ, Богъ знаетъ за чѣмъ, и вотъ теперь здѣсь по маленьку поживаю, въ пріятной надеждѣ съ тобой увидѣться на берегахъ Невы, которые, признаться тебѣ, во сто разъ скучнѣе нашихъ Московскихъ. И я умеръ бы отъ скуки, еслибъ не нашелъ здѣсь Блудова, Тургенева и Дашкова. Съ первымъ я познакомился очень коротко,—и не мудрено: онъ тебя любитъ какъ брата, какъ любовницу; а ты, мой любезный чудакъ, наговорилъ много добраго обо мнѣ, и Дмитрій Николаевичь уже готовъ былъ меня полюбить. Съ нимъ очень весело. Онъ уменъ какъ ты, но не столько милъ, признаться тебѣ: милѣе тебя нѣтъ ни одного смертнаго. Тургеневъ тебя ожидаетъ нетерпѣливо и въ ожиданіи твоего пріѣзда завтракаетъ преисправно. Этого человѣка я давно знаю и люблю, ибо онъ очень любезенъ, и уменъ, и веселъ; но все-таки не Жуковскій. Дашковъ имѣетъ большія свѣдѣнія и притомъ лѣнивъ, какъ и нашъ братъ, за что ему спасибо; но и онъ все-таки не Жуковскій. Тебя мнѣ надобно! Пріѣзжай сюда, мой милый другъ; мы тебя угостимъ и биф-

*) Н. И. Тургеневъ, напечатавшій въ 1818 году замѣчательную книгу: „Теорію Налоговъ". *П. Б.*

стексомъ и Бесѣдой, которая ни въ чемъ не уступитъ Московской богадѣльнѣ стихотворцевъ, учрежденной во славу бога Морфея и богини Галиматьи, которымъ наши любезные товарищи приносятъ богатыя и обильныя жертвы. Я радуюсь ихъ успѣхамъ, безъ всякой зависти, въ полной надеждѣ, что они вылечатъ мою безсонницу, которой я подверженъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать стихи, безъ твоего присмотра. Вотъ тебѣ образчикъ: посланіе къ Пенатамъ, которое подвергаю твоей строгой критикѣ. Прочти его и переправь то, чтò замѣтишь; если и вся піеса не годится — скажи. Я ее сожгу безъ всякаго замедленія; а если понравится—похвали: я имѣю нужду въ твоей похвалѣ, ибо ее цѣнить умѣю. Не полѣнись, мой милый другъ, пересмотрѣть и переправить ошибки, и свои замѣчанія пришли поскорѣе. Я хочу ее печатать. Прости, будь здоровъ, счастливъ и счастливѣе прошлогодняго. Не забывай меня; не забывай Батюшкова, который умѣетъ дорожить твоей дружбой.

P. S. И. И. Дмитріевъ часто о тебѣ вспоминаетъ. Кстати: чтò ты дѣлаешь съ сочиненіями Михайла Никитича [1])? Не стыдно ли такъ долго держать и ничего не сдѣлать?!!!

12 Апрѣля 1812 (Спб).

Адресуй письмо къ Блудову, если мнѣ отвѣчать будешь, въ чемъ я не сомнѣваюсь.

4.

30 Іюня 1813 (Спб. Писано въ село Муратово).

Тургеневъ провелъ сегодня вечеръ у графа Строганова [2]) вмѣстѣ со мною, и такъ занемогъ, что писать къ тебѣ, мой добрый Василій Андреевичъ, не въ силахъ, а писать есть о чемъ: слухъ носится, что тебѣ назначена Анна 2-го класса [3]), и Тургеневъ тебя велѣлъ съ ней поздравить; онъ слышалъ отъ служащихъ при военномъ министрѣ о сей государевой милости. Дай обнять тебя, старый мой другъ! Дай раздѣлить съ тобою твою радость,—радость: ибо пріятно получить то, чтò заслужилъ; а ты, нашъ балладникъ, чудесъ надѣлалъ, если не шпагою, то лирой. Ты на полѣ Бородинскомъ, pro patria, подставилъ одну изъ лучшихъ головъ на Сѣверѣ и доброе, прекрасное сердце. Слава Богу! Пули мимо пролетѣли: самъ Фебъ тебя спасъ. Будь же благодаренъ: пиши, и пиши болѣе, но что-нибудь поважнѣе, и менѣе печатай въ Вѣстникѣ: онъ не стоитъ твоихъ стиховъ, и тебѣ пора заняться предметомъ достойнымъ твоего таланта. Вотъ совѣтъ человѣка, который и тебя и дружбу твою уважаетъ, и тобой, какъ Русскій и какъ пріятель, гордится.

---

[1]) Муравьева.

[2]) У графа Павла Александровича.

[3]) Это была награда за службу въ Московскомъ ополченіи и участіе въ Бородинской битвѣ. Жуковскій дошелъ съ войсками до Вильны, гдѣ тяжко заболѣлъ и остался. Въ родную семью Е. А. Протасовой, въ село Муратово, подъ городомъ Орломъ, онъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ Генваря 1813 года. *П. Б.*

Еще два слова: сегодня Оленинъ, которому И. И. Дмитріевъ поручилъ нарисовать для Пѣвца [4]) виньеты, показывалъ мнѣ сдѣланные имъ рисунки. Они прекрасны, и ты ими будешь доволенъ. Жаль, что изданіе не прежде мѣсяца готово будетъ. На одномъ изъ виньетовъ изображенъ вдали станъ, при лунномъ сіяніи, и въ облакахъ тѣни Петра, Суворова и Святослава, геніевъ Россіи. Твои куплеты подали идею сего рисунка. Прости, еще разъ прости и не забывай твоего Батюшкова.

5.

Я часто сбирался писать къ тебѣ, мой милый другъ, и до сихъ поръ не знаю, что̀ могло помѣшать. Къ несчастію моему, я уже давно въ Петербургѣ. Къ несчастію! Развѣ ты не знаешь, что мнѣ не посидится на мѣстѣ, что я сдѣлался совершеннымъ Калмыкомъ, съ нѣкотораго времени, и что пріятелю твоему нуженъ *осѣдлокъ*, какъ говоритъ Шишковъ, пристанище, гдѣ онъ могъ бы собраться съ духомъ и силами душевными и тѣлесными, гдѣ могъ бы дышать свободнѣе, въ кругу такихъ людей, какъ ты напримѣръ. И много ли мнѣ надобно? Цвѣты и убѣжище, какъ говоритъ терзатель Делиля, нашъ злой и добрый духъ, который прогуливается на землѣ въ видѣ Воейкова. Къ несчастію, ни цвѣтовъ, ни убѣжища! Однѣ заботы житейскія и горести душевныя, которыя лишаютъ меня всѣхъ силъ душевныхъ и способовъ быть полезнымъ себѣ и другимъ. Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, когда у Дѣвичьяго монастыря ты жилъ съ Музами въ сладкой бесѣдѣ! Не знаю, былъ ли тогда счастливъ, но я думаю, что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботъ, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя, и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени. Я самъ крутился въ вихрѣ военномъ и, какъ слабое насѣкомое, какъ бабочка, утратилъ мои крылья. До Парижа я шелъ съ арміей; въ Лейпцигѣ потерялъ добраго Петина. Ты будешь всегда помнить этого молодаго человѣка: рѣдкая душа—и такъ рано погибнуть! Въ Парижъ я вошелъ *съ мечемъ въ рукѣ*. Славная минута! Она стоитъ цѣлой жизни. Два мѣсяца я кружился въ вихрѣ Парижскомъ; но, повѣришь ли, посреди чудеснаго города, среди разсѣянія, я былъ такъ грустенъ иногда, такъ недоволенъ собою, отъ усталости конечно. Изъ Парижа въ Лондонъ, изъ Лондона въ Готенбургъ, въ Штокгольмъ. Тамъ нашелъ Блудова; съ нимъ въ Або и въ Петербургъ. Вотъ моя Одиссея. По истинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Каждаго изъ насъ гонитъ какой нибудь мститель-богъ. Кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуріи, а — меня Скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. Я вижу

---

[4]) Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ, первоначально отпечатанный въ походной типографіи въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, издавался тогда вторично, въ четверку, съ рисунками, по желанію императрицы Маріи Өеодоровны. *П. Б.*

его безполезность для общества и для себя. Что̀ въ немъ, мой милый другъ, и чѣмъ замѣню утраченное время! Дай мнѣ совѣтъ, научи меня, наставь меня: у тебя доброе сердце, умъ просвѣщенный; будь же моимъ вожатымъ. Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ? Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ, и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я неспособенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ; я не Плутархъ, къ несчастію, и не имѣю довольно философіи, чтобы заняться бездѣлками. Что же дѣлать? Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысячу надеждъ, тысячу очарованій и въ себѣ и кругомъ себя, и твое дарованіе безцѣнное.

Если захочешь, можешь отвѣчать на мой бредъ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ священномъ для тебя и для меня, по многимъ причинамъ: списка сочиненій Муравьева я не получалъ, и съ кѣмъ ты послалъ, не знаю. Милый другъ! Тебѣ дано порученіе по твоему произволу, и ты до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ. Карамзинъ, занятый постоянно важнѣйшимъ дѣломъ, какое когда-либо занимало гражданина, нашелъ свободное время для исправленія рукописей Муравьева [1]). Я не стану тебѣ дѣлать упрековъ, но долгомъ поставляю, отъ лица общества, просить тебя снова начать прерванный трудъ. Доставь мнѣ списокъ исправленный стиховъ по крайней мѣрѣ, и съ вѣрной оказіей; я беру на себя трудъ издателя. Доставь его въ скоромъ времени. Здѣсь я перебираю прозу. Вотъ мое единственное и сладостное занятіе для сердца и ума. Сколько воспоминаній! Перечитывая эти безцѣнныя рукописи, я дышу новымъ воздухомъ, бесѣдую съ новымъ человѣкомъ, и съ какимъ? Нѣтъ, никогда не повѣрю, чтобъ ты лѣнь предпочелъ удовольствію заниматься и трудиться надъ остатками столь рѣдкаго дарованія, надъ прекраснымъ наслѣдствомъ нашимъ! Сдѣлай маленькое предисловіе, то, что̀ сдѣлалъ Н. М. въ своемъ изданіи. Жизнь [2]) будетъ ненужна. Нѣсколько строкъ твоей прозы и твое имя—вотъ о чемъ прошу тебя, жестокій! Бога ради, пришли скорѣе все; иначе я и Блудовъ, мы утратимъ половину нашего уваженія къ тебѣ: любить тебя менѣе будемъ,—если это возможно. Ты не похожъ на нашего пріятеля ***, который, на мѣсто замѣчаній на мое письмо о Муравьевѣ, прислалъ мнѣ кучу площадныхъ шутокъ, достоиныхъ Пушкина [3]). Я долгомъ, и священнымъ долгомъ поставлю себѣ возвратить обществу сочиненія покойнаго Муравьева. Между бумагами я нашелъ *Письма Емиліевы*, составленныя изъ отрывковъ;

---

[1]) Эти рукописи, съ любопытнѣйшими для исторіи Русскаго литературнаго слога поправками Карамзина, хранятся въ Чертковской библіотекѣ. Карамзинъ издалъ „Опыты“ М. Н. Муравьева, въ двухъ частяхъ; теперь же предполагалось полное собраніе его сочиненій, которое потомъ и вышло въ 1819 году. *П. Б.*

[2]) Т. е. жизнеописаніе.

[3]) Т. е. автора Опаснаго Сосѣда, Василія Львовича.

ихъ-то я хочу напечатать. Я увѣренъ, что они будутъ полезны для молодости и пріятное чтеніе для ума просвѣщеннаго, для добраго сердца. Воейковъ, изъ пріязни ко мнѣ (я и не смѣю думать, чтобъ моя проза имѣла какое-нибудь достоинство) Воейковъ назначилъ [4]) нѣсколько моихъ піесъ и между ими письмо о Муравьевѣ. Ты имѣешь его. Замѣть то, что̀ тебѣ не понравится: ошибки противъ слога. Прибавь, если хочешь. Это письмо будетъ имѣть *интересъ*: я говорилъ о нашемъ Фенелонѣ съ чувствомъ; я зналъ его, сколько можно знать человѣка въ мои лѣта. Я обязанъ ему всѣмъ, и тѣмъ, можетъ-быть, что я умѣю любить Жуковскаго. Еще разъ повторяю: изъ двухъ книгъ Муравьева, Карамзинымъ изданныхъ, изъ стиховъ и прозы, которыхъ ты наберешь, изъ Писемъ Эмилія, которыя я намѣренъ напечатать, мы составимъ нѣчто цѣлое. Катерина Ѳедоровна не пожалѣетъ денегъ на изданіе: она любитъ и гордится славою своего незабвеннаго друга. Вотъ будетъ книга рѣдкая у насъ въ Россіи. Это изданіе меня занимаетъ. Ты не разсѣешь, конечно, моей надежды. Лѣность твоя не можетъ быть извиненіемъ, когда дѣло идетъ о пользѣ общественной и о выгодахъ мертваго.

Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. Зачѣмъ не поэму; зачѣмъ не переводишь ты Попа посланіе къ Абелару? Чудакъ! Ты имѣешь все, чтобъ сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ. У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки... и ты пишешь — баллады! Оставь бездѣлки намъ. Займись чѣмъ-нибудь достойнымъ твоего дарованія. Вотъ мое мнѣніе; оно чистосердечно. Пускай другіе кадятъ тебѣ; я лучше умѣю: я чувствую, наслаждаюсь, восхищаюсь твоимъ геніемъ, и признаюсь, сожалѣю о томъ, что ты не избралъ медленнаго, но постояннаго и вѣрнаго пути къ славѣ. Къ славѣ! Она не пустое слово. Она вѣрнѣе многихъ благъ бреннаго человѣчества. Когда-нибудь поговорю о моихъ мараньяхъ. Говорить о Муравьевѣ и потомъ о Жуковскомъ, и заключить собою—это противно вкусу и разсудку. Теперь прости, милый другъ! Помни меня, люби меня и пожалѣй о добромъ Батюшковѣ, который все утратилъ въ жизни, кромѣ способности любить друзей своихъ. Онъ никогда не забудетъ тебя; онъ гордится тобою.

3 Ноября (1814). К. Б.

Не у тебя ли Муравьева Письма къ молодому человѣку объ исторіи?

Письмо Батюшкова къ А. И. Тургеневу.

Вотъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, мои замѣчанія на стихи Жуковскаго [5]). Не мое дѣло критиковать планъ, да и какая въ томъ польза? Онъ не изъ тѣхъ людей, которые *переправляютъ*.

[4]) Т. е. назначилъ къ помѣщенію въ Собраніе Образцовыхъ Сочиненій. *П. Б.*

[5]) Свое посланіе къ императору Александру, до появленія въ печати, Жуковскій посылалъ на разборъ и исправленіе друзьямъ своимъ князю Вяземскому, Батюшкову и А. И. Тургеневу. *П. Б.*

Ему и стихъ поправить трудно. Я могъ ошибаться; но если онъ со мной въ иныхъ случаяхъ будетъ согласенъ, то заклинаю его и Музами, и здравымъ разсудкомъ не лѣниться исправлять: единственный способъ приблизиться къ совершенству.

Дерзнетъ ли *свой листокъ* онъ въ *тотъ вплести* вѣнецъ, ужасный стихъ! (Замѣчаніе: я стану только выписывать дурные стихи; моя критика не нужна, онъ самъ почувствуетъ ошибки; у него чутье поэтическое).

Послѣ прекраснаго, исполненнаго жизни стиха:

И радости полна сама играетъ лира!

слѣдуетъ: Кто славы *твоея* опишетъ красоту? Стихъ холодный, прозаическій. Пусть поэтъ описываетъ славу Государя, увлеченный своимъ энтузіазмомъ, но никакъ не упоминаетъ о словѣ *описывать*. Пусть его переходы будутъ живы, и пр. Жуковскій мастеръ этаго дѣла... Пусть онъ начнетъ прямо съ слѣдующаго стиха: Съ благоговѣніемъ, и пр.

А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Дробила надъ главой земныхъ народовъ брань.

Брань, которая *дробитъ* державы надъ главой земныхъ народовъ! Я этого не понимаю и прошу истолковать.

Нѣтъ! выше бурь вѣнца ты ею возносился.

Не лучше ли: бурь земныхъ? Такъ я думаю, впрочемъ могу ошибаться.

Цари, невнимательны и пр.
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать сбиралися толпами...

Эти стихи такъ спутаны, что въ нихъ и смыслъ теряется; притомъ замѣтьте: *тѣнь* наклонившихся престоловъ царскихъ, въ которую, какъ въ неприступную *сѣнь*, отъ бѣдствій и бурь стекаются народы... Что̀ это значитъ? Поправляй, поправляй, лѣнивецъ!

И первый лилій тронъ у Галловъ надъ главами
Разгрянулся въ куски и вспыхнулъ какъ волканъ.

Тронъ разгрянулся надъ главой Галловъ, и какъ? въ куски. И что же? вспыхнулъ какъ волканъ! Не хорошо! Потомъ: Великанъ, который

Взорами на міръ ужасно засверкалъ.

Каррикатура, и ничего не значитъ. Бонапарте надобно лучше и сильнѣе характеризовать.

Я не замѣчу: „на народы двинулъ рабства плѣнъ". Если это выраженіе не вѣрно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ силу и живость.

Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь кричало: брань!
Тамъ все изъ подъ бича къ стопамъ тирана дань
На пользу буйственнымъ мечтамъ принесть спѣшило.

Мы закричимъ: Жуковскій, поправь и эти три стиха! Первый дуренъ, а другіе нехороши.

И мздой свою постель страданье выкупало.

Надобно поправить.

И юность ихъ (дѣтей) какъ на могилѣ цвѣтъ.

На могилѣ ничего не значитъ. Не лучше ли:

И юность ихъ была минутный жизни цвѣтъ.
И хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ,
И скоро сдавленный губителя стопою,
Угасшій пепелъ ихъ покрылся мертвой мглою.

Я не стану дѣлать замѣчаній, онъ самъ догадается; мое дѣло обратить вниманіе на слабыя мѣста:

Рати, спѣшащія *раздробить еще пріютъ свободы*. Пріютъ свободы раздробить! Какія ошибки! Но какъ легко ихъ поправить этому варвару Жуковскому! Впрочемъ, не худо бы сжать и все описаніе бѣдствій до стиха: „За сей могилою" и пр. Чѣмъ короче, тѣмъ сильнѣе.

Какъ ни слòва не сказать о философахъ, которые приготовили зло? За то, сколько прекрасныхъ, божественныхъ стиховъ! Но я не стану хвалить. Критика нужнѣе.

Въ толпѣ прекрасныхъ стиховъ я долженъ замѣтить сей, темный:

Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья.

Вторая половина вся прелестна, и рука не подымется дѣлать замѣчанія. Здѣсь Жуковскій превзошелъ себя: его стихи, вѣрьте мнѣ, безсмертные.

Cet oracle est plus sûr.

Если вы хотите сдѣлать великолѣпное изданіе, то вотъ мой совѣтъ. Просите А. Н. [1]) нарисовать какую-нибудь мысль, а въ концѣ всего приличнѣе: его медаль на клятву всѣхъ состояній [2]).

Батюшковъ.

6.

Благодарю тебя, милый другъ, за нѣсколько строкъ твоихъ изъ Петербурга и за твои совѣты изъ Москвы и Петербурга. Дружба твоя для меня сокровище, особливо съ нѣкоторыхъ поръ. Я не сливаю поэта съ другомъ. Ты будешь совершенный поэтъ, если твои дарованія возвысятся до степени души твоей, доброй и прекрасной и которая блистаетъ въ твоихъ стихахъ: вотъ почему я ихъ перечитываю всегда съ новымъ и живымъ удовольствіемъ; даже и теперь, когда Поэзія утратила для меня всю прелесть. Радуюсь душевно, что вздумалъ издавать свои сочиненія: ты обогатишь Парнассъ и друзей. Ты много испыталъ, какъ я слышу и

[1]) А. Н. Оленина.

[2]) Въ Чертковской библіотекѣ были вывѣшены слѣпки съ медалей, сочиненныхъ А. Н. Оленинымъ на событія отечественной войны. *П. Б.*

вижу изъ твоихъ писемъ, но все еще любишь славу; и люби ее! И мнѣ совѣтуешь броситься въ море Поэзіи. Я увѣренъ, что ты говоришь отъ сердца, и вотъ почему я скажу тебѣ, милый другъ, что обстоятельства и нѣсколько лѣтъ огорченій потушили во мнѣ страсть и жажду стиховъ. Можетъ-быть, придутъ счастливѣйшія времена; тогда я буду писать, а въ ожиданіи ихъ читать твои прелестные стихи, читать, и перечитывать, и твердить ихъ наизустъ. Теперь я по горло въ прозѣ. Воображеніе поблѣднѣло, но не сердце, къ счастію; и я этому радуюсь. Оно еще способнѣе, нежели прежде, любить друзей и чувствовать все великое, изящное. Страданія его не убьютъ, милый другъ, и надежда быть тебя достойнымъ дастъ ему силу. Вотъ все, что̀ я скажу о себѣ. Когда-нибудь, въ сладостныхъ повѣреніяхъ дружбы, въ тихомъ углу твоемъ (въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, гдѣ случится), ты узнаешь болѣе. Но когда же будетъ это свиданіе дружбы? Тусклая надежда! Кстати о прозѣ напечатанной: Костогоровъ показывалъ мнѣ программу изданія прозы Воейкова. Профессоръ Дерптскій, за неимѣньемъ лучшаго, вписалъ мои бездѣлки, бездѣлки по совѣсти и которыя не стоятъ быть помѣщены въ изданіи его, подъ громкимъ титуломъ: *Образцовыхъ Сочиненій!!!* Я ихъ перечиталъ и въ этомъ увѣрился. Но если онъ заупрямится ихъ оставить, то напиши ко мнѣ, что̀ ты хочешь напечатать въ прозѣ. Я пришлю исправленные списки, и особенно *Финляндіи.* Все сдѣлаю что̀ могу, въ угоду великолѣпному Дерптскому профессору, который ни въ *какомъ мѣстѣ* не забываетъ своихъ друзей. Поблагодари его за пріятное воспоминаніе о Батюшковѣ и спроси, какъ я хохоталъ въ Москвѣ, читая: „сердце наше кладязь мрачный", и наконецъ „крокодилъ на немъ лежитъ". Скажи ему, что я... на Парнассѣ съ нимъ разсчитаюсь *), но люблю его по прежнему, и не за что сердиться! Есть за что сердиться на Дашкова, который не довольно уважалъ меня, и потому не показалъ мнѣ эту шутку. Теперь о дѣлѣ. Кончи Муравьева изданіе и покажи мнѣ часть стиховъ. Я желалъ бы, чтобы напечатали только достойное Михаила Никитича и издателя. И есть что! Но это золото не для нашей публики: она еще слишкомъ молода и не можетъ чувствовать всю прелесть краснорѣчія и прекрасной души. Упрямое молчаніе объ этихъ книгахъ нашихъ журналистовъ не дѣлаетъ чести ни вкусу ихъ, ни уму; я прибавлю: ниже сердцу, ибо всѣ были обязаны, менѣе или болѣе, покойному Муравьеву, который не имѣетъ нужды въ ихъ похвалѣ. Послѣ Муравьева говорить о себѣ позволено съ другомъ. Я желалъ бы, чтобъ Жуковскій заглянулъ въ списокъ моихъ стиховъ у Блудова и съ нимъ замѣтилъ то, что̀ стоитъ печатанія, и то, что̀ предать огню-истребителю. У меня Брутово сердце для стихотворныхъ дѣтей моихъ. Или слава, или смерть! Ты смѣешься, милый другъ? Но прости этому припадку честолюбія и согласись замѣтить кое-что, и при томъ скажи мнѣ, какъ думаешь о моей повѣсти: *Стран-*

---

*) Воейковъ осмѣялъ эти стихи Батюшкова (изъ піесы *Счастливецъ*) въ своемъ Домѣ Сумашедшихъ. *П. Б.*

ствователь и Домосѣдъ, которую у меня Мерзляковъ подцѣпилъ въ Москвѣ, напечаталъ не дождавшись моихъ поправокъ и предалъ забвенію съ рифмами Анакреона-Олина и Пиндара-Шатрова? Скажи хоть словечко: писать ли мнѣ сказки, или не писать? Теперь я ничего не пишу, но впередъ? Ожидая твоего разрѣшенія, обнимаю тебя, и Тургенева, и Блудова, которые меня забыли. Я ихъ не забуду, вопреки имъ, особливо послѣдняго. Весь твой

Окаменѣлой житель Каменца.

Августа (1815)
числа не знаю.

Приписка г-на Герке [1]).

Si vous vous ressouvenez d'une de vos anciennes connaissances Goerké, il saisit ce moment pour se rappeler à votre souvenir. Vous voyez, que pour faire parvenir son hommage a un élève d'Apollon, il a assez de modestie, pour se mettre sous les auspices d'un de ses dignes confrères. Adieu!

(Видишь ли, какъ пишутъ у насъ въ Каменцѣ? Право хоть куда! [2])

Le seigneur de Батюшковъ a un accès de misanthropie. Чтобъ всѣмъ было извѣстно. Если увидите Александра Ивановича Тургенева, то прошу засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, и сказать ему, что какъ я вмѣстѣ живу съ Константиномъ Николаевичемъ, то нельзя, чтобъ я не сдѣлался піитомъ и ораторомъ.

NB. Ораторъ—отъ слова *орать*, *кричать*. Смотри 367 стр. Словаря Рос. Акад. (Примѣчаніе Батюшкова).

7.

Благодарю тебя, милый другъ, за письмо твое, унизанное столь мелкими буквами, что я съ трудомъ его перечитываю. Вѣрь мнѣ, что по чувствамъ ты мнѣ родной, если не по таланту; что я достоинъ сего сердечнаго изліянія, сей откровенности, которая дышетъ въ твоемъ письмѣ. Во всемъ согласенъ съ тобою на счетъ Поэзіи. Мы смотримъ на нее съ надлежащей точки, о которой толпа и понятія не имѣетъ. Большая часть людей принимаютъ за Поэзію рифмы, а не чувство, слова, а не образы. Богъ съ нею! Но, милый другъ, если ты имѣешь дарованіе небесное, то дорого заплатишь за него, и дороже еще, если не сдѣлаешь того, что̀ Карамзинъ; онъ избралъ себѣ одно занятіе, одно поприще, куда уходитъ отъ страстей и огорченій: тайная земля для профановъ, истинное убѣжище для души чувствительной. Послѣдуй его примѣру. Ты имѣешь талантъ рѣдкой; избери же землю, достойную его, и приготовь для будущаго новую пищу сердцу и уму, новую славу и новое сладострастіе любимцамъ прекраснаго. Что̀ до меня касается,

[1]) Впослѣдствіи наставникъ Д. В. Веневитинова. *П. Б.*

[2]) Приписка Батюшкова.

милый другъ, то я готовъ бы отказаться вовсе отъ Музъ, еслибы въ нихъ не находилъ еще нѣкотораго утѣшенія отъ душевной тоски. Четыре года шатаюсь по свѣту, живу одинъ съ собою, ибо съ кѣмъ мнѣ мѣняться чувствами? Ничего не желаю, кромѣ довольства и спокойствія; но послѣдняго не найду, конечно. Испыталъ множество огорченій и износилъ душу до времени. Чтòже тутъ остается для Поэзіи, милый другъ? Весьма мало! Слабый лучь того огня, который ты называешь въ письмѣ своемъ огнемъ Весталокъ; но мы его не потушимъ! Я подалъ просьбу въ отставку: ѣду въ Москву и пробуду тамъ долго ль, коротко ль, не знаю. Желаю съ тобой увидѣться на старыхъ пепелищахъ, которыя я люблю какъ святыню. Кончи свои дѣла и пріѣзжай туда. Гранитные берега Невы не должны удерживать тебя. Чтò же касается до твоихъ плановъ въ Тавриду, черезъ Кіевъ, если это не мечтаніе, а твердое намѣреніе, то я желаю тебѣ успѣха, но тебѣ сопутствовать не могу. Судьба велитъ иначе. Какъ можно лгать? *ты* пишешь. Вѣрю тебѣ и радуюсь, что Муравьева сочиненія не затеряны. Нахожу твое намѣреніе прекраснымъ и порядокъ матерій; не полѣнись, милый другъ, сдѣлай маленькое предисловіе, а мое письмо, если находишь его достойнымъ, въ конецъ книги. Совѣтывалъ бы тебѣ посвятить все изданіе Государю, или испросить позволеніе его напечатать; но это сдѣлай отъ своего имени, переговоря съ Катериной Ѳедоровной. Для стиховъ, я могъ бы быть полезенъ: я поправляю, или, лучше, сказать, угадываю мысли М. Н. довольно удачно. А въ рукописи надобно многое перемѣнить и лучше печатать одно хорошее, достойное его и тебя, нежели все безъ разбору. Нѣсколько писемъ, неподражаемыхъ памятниковъ лучшаго сердца и прекраснѣйшей души, которая когда либо посѣщала эту грязь, которую мы называемъ землею, нѣсколько писемъ не будутъ лишними [1]). Все это для людей истинно образованныхъ, не для черни читателей. Сочиненія Муравьева конечно бы могли сіять и во Французской словесности: мы слишкомъ молоды для такого рода чтенія. Но со временемъ будетъ иначе. Пересмотри и мое маранье, въ жертву дружеству. Оно у Блудова переписано. Пересмотри съ нимъ наединѣ и замѣть чтò надобно выбросить. Когда нибудь (въ лучшіе дни!) я это напечатаю. Переправлять не буду, кромѣ глупостей, если найдутся. Я слишкомъ много переправляю: это мой порокъ, или добродѣтель? Говорятъ, что дарованіе изобрѣтаетъ, умъ поправляетъ; если это правда, то у меня болѣе ума, нежели дарованія, слѣдственно и писать не надобно. Кстати объ умѣ. Чтò у васъ за шумъ? До твоего письма я ничего не зналъ обстоятельно. Пушкинъ и Асмодей [2]) писали ко мнѣ, что Аристофанъ написалъ Липецкія воды и тебя преобразилъ въ Фіялкина. Пушкинъ говоритъ мнѣ, что онъ вооружается эпиграммами. Прежде сего читалъ въ Сынѣ Отечества письмо къ Арис-

---

[1]) Этихъ-то писемъ и нѣтъ въ собраніи сочиненій М. Н. Муравьева. *П. Б.*

[2]) Арзамаское прозвище князя П. А. Вяземскаго. — Пушкинъ, здѣсь упоминаемый, есть Василій Львовичь. *П. Б.*

тофану и тотчасъ по слогу отгадалъ сочинителя. Вотъ все, что̀ я зналъ. Теперь узнаю́, что Аристофанъ вывелъ на сцену тебя и друзей, что у васъ есть общество, и я пожалованъ въ Ахиллесы. Горжусь названіемъ; но Ахиллъ пребудетъ бездѣйственъ на чермныхъ или черныхъ корабляхъ: въ печали бо погибъ и духъ его и крѣпость. Нѣтъ! Ахиллъ пришлетъ вамъ свои маранья въ прозѣ, для изданія, изъ Москвы. Вотъ имъ реестръ: 1. Нѣчто о морали и религіи. 2. Итал. стихотворцы: Аріостъ, Тассъ и Петрарка. 3. Путешествіе въ Сире. 4. Воспоминанія словесности и отрывокъ о Ломоносовѣ. 5. Двѣ аллегоріи. 6. Искательный, характеръ. 7. О лучшихъ качествахъ сердца. Это все было намарано мною здѣсь отъ скуки, безъ книгъ и пособій; но, можетъ быть, отъ того и мысли покажутся вамъ свѣжѣе. Пришлю все съ удовольствіемъ, но только марайте что̀ не понравится. Костогоровъ показывалъ мнѣ реестръ книгамъ образцовымъ [1]); въ нихъ помѣстилъ ты, опустошитель, мою Финляндію и Похвальное слово сну: не печатай ихъ, покуда я не вышлю исправленныя; у меня есть списокъ, но я хочу перечитать это въ Москвѣ. Имени подъ прозою не подписывай: довольно съ меня грѣховъ стихословныхъ.

Графъ Сенъ-При, здѣшній губернаторъ, просилъ меня сдѣлать надпись къ портрету его брата, убитаго во Франціи. Вотъ она. Напечатай ее въ стихахъ [2]), если понравится. Этотъ герой достоинъ лучшей эпитафіи. Истинный герой! Христіанинъ, котораго я зналъ и любилъ издавна.

Надпись къ портрету графа Сентъ-Пріеста.

(Русскій генералъ-лейтенантъ)

От̀ъ родины его отторгнула судьбина,
Но Лиліямъ царей онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и славу Дюгесклина.
(доблесть)

или:

Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но древнимъ Лиліямъ онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда подвиги и доблесть Дюгесклина.

Какъ лучше? Спроси у Кассандры [3]) и у другихъ имрековъ. Поклонъ Арзамасцамъ отъ стараго гуся. Союзникъ намъ—время: оно сгложетъ Аристофана съ его драмматургіей. Не видалъ его Водъ [4]), не знаю его Абуфара; но если они похожи на нѣкоторыя

---

[1]) Т. е. Собраніе Образцовыхъ Сочиненій въ стихахъ и прозѣ, изданное въ 1815 году Воейковымъ.

[2]) Т. е. въ стихотворной части Образцовыхъ Сочиненій.

[3]) Т. е. у Д. Н. Блудова.

[4]) Т. е. Липецкихъ водъ, комедіи князя А. А. Шаховскаго.

другія штучки родителя [1]), то не о чемъ много хлопотать. До сихъ поръ, кромѣ водевиля Казака, я ничего хорошаго не знаю, а написано много. Ожидаю еще поэму Гаральдъ Храбрый и новаго облегченія комедіями, операми, оперетами, драмами, водевилями; все вмѣстѣ прочитаю однимъ духомъ. — Что́ дѣлаетъ Бесѣда? Я люблю ее какъ душу, *аки бы* самъ себя. Прости, милый другъ, обнимаю тебя отъ всей души, отъ всего сердца и до свиданья въ Москвѣ.

К. Б.

Вяземскій-Асмодей увѣрилъ меня, что сказка моя никуда не годится. Кто правъ, кто виноватъ? Хочу написать другую и пришлю вамъ, если обстоятельства будутъ повеселѣе. Я здѣсь чуть не умеръ съ тоски и отъ лихорадки, весьма продолжительной; хочу отправиться на Липецкія воды, за безсмертіемъ. Не думайте, чтобъ это была шутка. Мой характеръ очень перемѣнился: я сдѣлался задумчивъ, безмолвенъ, тихъ до глупости и даже безпеченъ, чего со мною никогда не бывало: надобно лѣчиться.

Каменецъ (1815).

Познакомься покороче съ Муравьевымъ [2]), съ рѣдкимъ человѣкомъ: онъ живой портретъ отца своего во многихъ отношеніяхъ, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть къ наукѣ погаснетъ въ службѣ: мы еще потеряемъ человѣка! Но это между нами.

Письмо неизвѣстнаго лица.

Я нахожу, что начало твоего Посланія растянуто. Это можно легко поправить: надобно болѣе сжать до стиха: *О милая подруга* и не растягивать мыслей въ длинныхъ, поэтическихъ періодахъ, которые охлаждаютъ читателя и утомляютъ любопытство. Сдѣлай начало короче, короче какъ можно. *Вѣчныхъ болтуновъ съ вѣстями неразлучныхъ*; не лучше ли: *съ злословьемъ неразлучныхъ*: ибо болтунъ невольно дѣлается злословенъ, а вѣсти не всегда подъ рукой. *Безграмотныхъ писцовъ, числящихся въ поэтахъ*;—*числящихся*, очень не хорошо, холодно, и удареніе не на мѣстѣ; это надобно необходимо, поправить. И далѣе вступленіе à la Gresset растянуто; впрочемъ стихи хороши, но они длинны и задерживаютъ начало, то есть: О милая подруга, и пр.

Приди подъ кровъ родной,
Подъ кровъ уединенный,
Счастливой и простой,
Гдѣ счастье неизмѣнно.

---

[1]) Намекъ на стихи, въ которыхъ говорилось о сношеніяхъ князя Шаховскаго съ актрисою Ежовою:

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ;
Онъ маленькихъ ежатъ *родитель*
И имъ не радъ.

Писано въ самый разгаръ литературной борьбы Арзамасцевъ съ Бесѣдниками. *П. Б.*

[2]) Никитою Михаиловичемъ.

Еслибъ ты меня звалъ подъ свой кровъ и нанизалъ въ разговорѣ столько эпитетовъ, то я вѣрно бы не пошелъ. Бога ради, это поправь. Вообрази себѣ, что кровъ родной, этого недовольно — а еще уединенный и простой; счастливой, этого мало; но еще гдѣ счастье неизмѣнно!! Замѣни это живописными стихами:

Хотя мы жили мало—и пр.

До стиха:

Гдѣ мы найти ласкались
И счастье и покой.

Прекрасно! Истинно прекрасно! И далѣе все мило! Съ небесъ *необходимъ* можно замѣтить, но это бездѣлка. Далѣе, удвоенныя рифмы очень счастливы и придаютъ стихамъ какую-то прелесть и новость. Въ нихъ виденъ abandon, сердечное изліяніе, чего до сихъ поръ въ твоихъ стихахъ я не замѣчалъ.

Твой утренній нарядъ, и пр.

Прекрасно.

А тамъ тропу отъ спальней
Къ бесѣдкѣ надъ купальной
Прокладываешь ты.

Прелестно. Жаль, что рифмы невѣрны.

И розу мнѣ приносишь,
Подобіе себя.

Мадригалъ, но очень кстати. Далѣе все дышетъ чувствительностью. Я говорю, что ты здѣсь въ первый разъ поэтъ, и не гоняешься за умомъ. Вотъ стихи! Противоположность счастія домашняго съ шумомъ и суетой свѣта—очень удачна, и всѣ стихи прелестны, и это доказываетъ, что начало надобно перемѣнить, или сжать болѣе, какъ я говорилъ; иначе здѣсь будетъ повтореніе.

То что̀ ты говоришь о Жуковскомъ, не очень счастливо: т. е. первые четыре стиха и страшный *ужъ* порой— не хорошо; объ немъ можно лучше говорить; и что̀ значитъ: наперсникъ вѣдьмъ и грацій? Вѣдьмъ!! Не лучше ли Фей? Перемѣни это. Конецъ весь прекрасенъ:

О дружба, жизни радость!
О дружба, весь я твой!

Прекрасно, и очень кстати. Вообще я доволенъ твоимъ посланіемъ и увѣрительно могу сказать, что оно лучше всѣхъ твоихъ стиховъ. Въ немъ есть истинныя красоты. Постарайся исправить то, что̀ я замѣтилъ; дай болѣе жизни началу, выбрось повторенія. Тогда критика, любовь и дружба тебя назовутъ своимъ поэтомъ *).

8.

(Писано изъ Москвы въ Петербургъ въ началѣ 1816 года).

Благодарю тебя, милый другъ, за твою книгу, которую я получилъ черезъ Гнѣдича. Съ жадностью ожидаю второй части и бал-

*) Письмо это написано рукою Батюшкова, вѣроятно было имъ доставлено Жуковскому и сохранилось въ его бумагахъ. Кѣмъ и къ кому оно писано, намъ неизвѣстно. *П. Б.*

ладъ, на которыя всѣ вооружаются во имя Расина, вкуса и Отечества. Въ нашей Суздали всѣ хотятъ писать посуздальски: на яичкѣ, какъ въ старину писали. Старость тебя бранитъ, молодость силится тебѣ подражать: добрый знакъ! Пиши, иди впередъ: тецы убо, солнце наше, и натецы на поэму. Вотъ мое сердечное желаніе. Не знаю, что̀ у васъ дѣлается, въ вашей Суздали, а въ нашей не лучше. У подошвы Парнасса грязь и навозъ, то есть личность, корысть, упрямство и варварство. Я забылъ прибавить: и зависть. Но ты это лучше вѣдаешь. Часъ отъ часу я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Арзамасцы лучше Суздальцевъ, и безъ нихъ *нѣсть* спасенія. Возмите въ Арзамасъ добраго Лихачева, котораго посланіе къ тебѣ прилагаю при семъ: оно тебѣ понравится. Стихи пріятны и написаны отъ сердца. Отвѣчай ему прозою, если хочешь; отвѣчай только. Адресъ въ Каширу, Тверской губерніи. Онъ теперь тамъ. Здѣсь двадцать рублей за твою книгу. Онъ желалъ имѣть билетъ, и я рѣшился адресовать прямо къ тебѣ. Пошли ее къ нему, милый другъ.

Ты меня забылъ. Что̀ дѣлаетъ Рафаэль-Карамзинъ въ Суздали? Какъ приняли его картину Абдерито-Суздальскіе маляры? Ни слова не пишешь. Даже не отвѣчалъ на мое письмо изъ Каменца. Все тебѣ прощу, если напишешь поэму, или что-нибудь достойное твоего таланта и если будешь любить меня, какъ я тебя люблю. Будь здоровъ, веселъ и счастливъ, если можно, и помни своего собрата по Аполлону. Б.

Тургенева благодарю за письмо. Напомни еще разъ объ желанной отставкѣ. Мы ожидаемъ сюда В-го. Катерина Андреевна сокрушилась о мужѣ [1]). Я часто ее вижу, и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Умная, добрая, рѣдкая женщина. Она тебя очень любитъ и уважаетъ. Замѣть, это не послѣднее достоинство въ моихъ глазахъ.

О новостяхъ не пишу. Мерзляковъ читаетъ, и право хорошо. Я слушалъ его съ большимъ удовольствіемъ. Пушкинъ перевелъ Игрока; много счастливыхъ стиховъ. Прочіе всѣ пишутъ и похвалы себѣ не слышутъ. Я знаю, что ты не будешь спать отъ радости: ты членъ здѣшняго общества. Есть надежда, милый другъ, что мы попадемъ въ Академію. Если у Уварова есть экземпляръ лишній Элевзинскихъ таинствъ, то доставь мнѣ его. У меня давно кое-что бродитъ въ головѣ: сбираю матеріялы. Здоровье мое часъ отъ часу ниже, ниже, и я къ смерти ближе, ближе, а писать охота смертная! А еще болѣе хочется прижать тебя къ сердцу и сказать тебѣ, милый другъ, какъ ты мнѣ дорогъ.

Здѣсь 25 р.: 20 за Лихачева, а на пять купи мнѣ Гетевы стихи, если можно въ одной книжкѣ. Если что́ дороже заплатишь, я тебѣ доставлю. Письмо это вручитъ тебѣ Петръ Ивановичь П.— Поклонись Северину, котораго покойный Батонди [2]) столь счастливо благословилъ на дипломатію.

---

[1]) Карамзинъ уѣхалъ тогда въ Петербургъ, для поднесенія императору первыхъ осьми томовъ своей Исторіи. *П. Б.*

[2]) Это былъ Итальянецъ, проживавшій въ домѣ князя Андрея Ивановича Вяземскаго. См. Р. Архивъ 1866, стр. 236. *П. Б.*

9.

Письмо твое, милый другъ, Батюшковъ прочиталъ съ радостію неизъяснимою, съ восхищеніемъ. Ты любишь меня,—это главное, лучшее. Читая неумѣренныя похвалы себѣ, я положилъ съ Вяземскимъ, что ты спился съ кругу долой и писалъ письмо съ похмѣлья. Исторія Мещевскаго *) вывела насъ изъ заблужденія. Ты писалъ трезвый, нѣтъ сомнѣнія, но и друзья твои трезвы. Они *положили*, *приговорили*, что ты ошибся, и конечно безъ намѣренія обратилъ похвалы, тебѣ и Вяземскому принадлежащія, на бѣднаго Батюшкова, который шестой мѣсяцъ чуть на ногахъ держится. Все это прекрасно. Въ часы самолюбія повѣришь, въ часы унынія ободришься. Но зачѣмъ критика неправосудная? Когда я писалъ: *безъ дружбы и любви*, то, божусь тебѣ, не обманывалъ ни тебя, ни себя, къ несчастію! Это вырвалось изъ сердца. Съ горестью признаюсь тебѣ, милый другъ, что за минутами веселья у меня бывали минуты отчаянія. Съ рожденія я имѣлъ на душѣ черное пятно, которое росло, росло съ лѣтами и чуть было не зачернило всю душу. Богъ и разсудокъ спасли. На долго ли? Не знаю! Я разгулялся, и въ доказательство печатаю томъ прозы, низкой прозы. Потомъ стихи. Все это бремя хочется сбыть съ рукъ, и подвигаться впередъ, если здоровье и силы позволятъ. Потащусь за тобой и ***, который истинно мужаетъ, но всего, что̀ можетъ сдѣлать, не сдѣлаетъ. Жизнь его проза. Онъ весь разсѣяніе. Такой родъ жизни погубилъ у насъ Нелединскаго. Часто удивляюсь силѣ его головы, которая наканунѣ бала, или на другой день, находитъ ему счастливыя рифмы и счастливѣйшіе стихи. Пробуди его честолюбіе. Доброе дѣло сдѣлаешь, и оно предлежитъ тебѣ: онъ тебя любитъ и боится. Я увѣренъ, что ты для него—совѣсть, во всей силѣ слова. Совѣсть для стиховъ, совѣсть для жизни: Ангелъ-хранитель. А ты спрашиваешь, за что тебя любятъ? И кто же? Друзья твои, которые тебя знаютъ наизустъ. Не имѣю права назвать себя другомъ твоимъ, азъ многогрѣшный, но пріятелемъ назову смѣло, и пріятелемъ изъ первыхъ.

Вяземскій послалъ тебѣ мои элегіи. Бога ради, не читай ихъ никому и списковъ не давай, особливо Тургеневу. Есть на то важныя причины, и ты конечно *уважишь* просьбу друга. Я ихъ не напечатаю.

Когда увидимся? Гдѣ и какъ, не знаю. Мое здоровье вянетъ примѣтнымъ образомъ. Изчезаю. Послѣдніе годы меня сразили. Ты здоровъ, милый другъ: работай для славы, для дружбы. Пиши стихи. Подари насъ поэмою. Вѣрь, что тебѣ знаютъ цѣну въ Россіи. Будь выше судьбы своей и не забывай высокаго назначенія своего; не забывай и выгодъ жизни. Тургеневъ можетъ быть тебѣ полезенъ. Я предлагалъ ему уговаривать тебя издавать жур-

*) См. Р. Архивъ 1868, стр. 938. Мещевскій былъ сосланъ за что-то въ Оренбургъ и присылалъ оттуда стихи къ Жуковскому, который желалъ облегчить его участь и помогалъ ему деньгами и совѣтами. *П. Б.*

налъ въ Петербургѣ. Если мое желаніе сбудется, то возми меня въ сотрудники; все сдѣлаю, что̀ могу, что̀ буду въ силахъ сдѣлать. Кончу мое письмецо. Обнимаю тебя, очень, очень крѣпко. Константинъ.

27 Сентября (1816).

VIII. Ивана Александровича Петина.

1809 г. 14 Октября.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Я передъ вами такъ виноватъ, какъ нельзя болѣе. Какъ можно такъ худо заплатить за вашу ко мнѣ довѣренность, за честь, которую вы мнѣ сдѣлали, препоручивъ перевести изъ Рамлера нѣсколько басенъ для вашего Вѣстника? Не могу принести вамъ никакого оправданія. По крайней мѣрѣ хочу нѣсколько уменьшить въ глазахъ вашихъ вину свою. Взявши отъ васъ книгу, я тотъ же вечеръ принялся за разстроенную свою балалайку, стряхнулъ съ нея пыль, которую она была болѣе семи лѣтъ покрыта, привелъ Пегаса, сѣлъ на него, мучился, потѣлъ, но никакъ не могъ съ нимъ сладить,—все выходитъ фальшь. Вините въ томъ Шведовъ: они прострѣлили мнѣ лѣвую ногу; а вамъ извѣстно, что безъ лѣваго шенкеля никакая лошадь правильно въ галопъ не пойдетъ, не только вашъ ученый и манежный Пегасъ. Подстрекаемый однакожъ самолюбіемъ, я желалъ оправдать лестное ваше обо мнѣ мнѣніе; я хотѣлъ непремѣнно, во что бы то ни стало, привести Пегаса въ повиновеніе; все-таки продолжалъ муштровать его. Бѣдняжка вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, понесъ меня; но смотрю, совсѣмъ не по слѣдамъ Рамлера,—Богъ знаетъ куда-то. Хочу остановить его, но не въ состояніи. Раненный Французами, бокъ мой не даетъ мнѣ крѣпко держаться; я падаю, лечу внизъ

Не съ вѣнцами, и не съ лаврами,
Но съ ушами, ахъ! ослиными.

Пожалѣйте обо мнѣ, милостивый государь, тѣмъ болѣе, что вы одни причиною несчастнаго моего паденія: единственно изъ угожденія вамъ предпринялъ было я путешествіе на Парнасъ, потому что самъ давно уже

Отъ Феба въ чистую отставку я уволенъ,
И больше съ Музами знакомства не веду.

Говорятъ, нѣтъ худа безъ добра. Въ теперешнемъ моемъ положеніи утѣшаюсь тѣмъ, что хотя я и оставилъ безсмертныхъ,

За то я съ смертными въ ладу,—
Доволенъ всякой мной, и всѣми я доволенъ.
Почто-жъ, піитъ любезный мой,
Опять стихи писать меня ты заставляешь?
Хотя не по себѣ, а вѣрно знаешь,
Какъ риѳмодѣтели живутъ между собой:
Одинъ другаго ненавидитъ,
А особливо, если видитъ

Въ комъ больше генія, искусства и ума.
Я молодъ, слабъ, боюсь передъ тобой грѣха;
Оставь меня тебѣ безъ злобы удивляться;
А на Парнасѣ гдѣ мнѣ за тобой гоняться?

Мое дѣло теперь: любить васъ, гордиться знакомствомъ вашимъ и быть навсегда съ истиннымъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою.

Петинъ.

Ефремовъ.

Прошу также засвидѣтельствовать мое почтеніе милостивому государю Антону Антоновичу *) и сказать ему, что отеческія его попеченія никогда не изгладятся изъ моей памяти, что вездѣ, гдѣ бы я ни былъ, всякій день благодарю Бога, что имѣлъ случай пользоваться его наставленіями.

IX. Владислава Александровича Озерова.

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ!

Отъѣзжающій изъ-за Камскаго края въ Москву, любезный мой сосѣдъ, Петръ Андреевичъ Бужениновъ, черезъ котораго вы получите сіе мое письмо, просилъ меня познакомить его съ вами. Я не смѣлъ отказать ему въ добромъ дѣлѣ, помня написанное Зороастромъ, по свидѣтельству Вольтера, что случай дѣлать зло представляется разъ по сту на день, случай же дѣлать добро встрѣчается только одиножды въ годъ. Знакомство людей достойныхъ и любезныхъ есть потребность души. Петръ Андреевичъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей вашихъ дарованій. Мы вмѣстѣ прельщаемся вашимъ слогомъ и два раза въ мѣсяцъ бесѣдуемъ съ вами въ мысляхъ, читая Вѣстника, вашего прекраснаго изданія. Безконечное было бы мое письмо, еслибы хотѣлъ я вамъ описать удовольствіе мое при чтеніи Марьиной Рощи, разныхъ повѣстей и особливо писемъ принца де-Линя; вы сохранили въ переводѣ всю живость и все остроуміе сего любезнаго автора, котораго можно поставить наравнѣ съ графомъ Гамильтономъ. Примѣромъ почтеннаго Ник. Мих. Карамзина и вашимъ примѣромъ я увѣрился, что нашъ языкъ ко всѣмъ родамъ слога способенъ; и не сомнѣваюсь, чтобы трудами писателей съ истинными талантами онъ скоро не поравнялся съ утонченными нашими нравами. Вотъ все, что́ теперь позволяетъ мнѣ писать хирагра меня мучащая, но Петръ Андреевичь вамъ можетъ засвидѣтельствовать искреннее почтеніе и душевную привязанность, съ которыми навсегда остаюсь, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Владиславъ Озеровъ.

Генваря 29-го дня
1810-го года.
Изъ села Краснаго Яра.

---

*) Прокоповичу-Антонскому.

X. Юрія Александровича Нелединскаго.

Василья Андреевича Жуковскаго Нелединской извѣщаетъ, что въ будущее воскресенье, 2-го Генваря, ему надлежитъ, въ 12 часовъ утра, быть одѣту въ мундиръ, обуту въ башмаки, быть при шпагѣ, съ шляпою подъ мышкою и съ Анною на шеѣ, и проч., и проч. Въ такомъ благообразномъ видѣ, онъ благоволитъ дождаться къ себѣ своего покорнаго слугу Нелединскаго, которому приказано въ это время пріѣхать съ нимъ во дворецъ.

Буде угодно Василью Андреевичу пріѣхать прямо въ дворцовую церковь къ обѣднѣ,—это въ его волѣ; Нелединской тамъ его найдетъ. Между тѣмъ проситъ теперь увѣдомить, которое изъ двухъ предложеній будетъ имъ избрано.

Декабря 31-го (1815). Пятница.

Милостивому государю моему Василью Андреевичу Жуковскому.

XI. Графа Дмитрія Ивановича Хвостова.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Я ваше превосходительство давнымъ давно не видалъ, и не мудрено: кромѣ того, что къ вамъ писалъ въ Италію,—

А я теперь, съ фуфаечкой на ватѣ,
Сижу зимою въ своей смирненько хатѣ.

Я нынѣшнюю зиму былъ сильно боленъ долгое время: много страдалъ отъ жестокой простуды и геморроидовъ, такъ что въ первый день моей болѣзни, 21 Января, знаменитый Арендтъ былъ у меня въ одни сутки пять разъ, гдѣ, найдя при изголовьи моемъ *смерть*, взялъ волшебный свой жезлъ и снова *оттолкнулъ ее*. Теперь болѣзнь прошла, но сильный кашель препятствуетъ выѣзжать, и для того рѣшаюсь письменно поздравить васъ съ наступающимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, при искреннемъ пожеланіи добраго здоровья на многія лѣта и всѣхъ благъ; еще желаніе— чтобы вы продолжили ко мнѣ вашу дружескую благосклонность; а я, по привычкѣ моей сообщать вамъ всѣ мои произведенія, прилагаю собственно для васъ рукописи мои, писанныя до болѣзни, и въ болѣзнь мою стихи. Примите увѣреніе и пр.

Графъ Хвостовъ.

5 Апрѣля 1835 г.

P. S. Статья ваша „Письмо изъ Швейцаріи" за Апрѣль мѣсяцъ въ Библіотекѣ для Чтенія, не въ привѣтъ вамъ говорю, есть первая по глубокомыслію, по чувствамъ истинной философіи и по прекраснѣйшему образцу прелестнаго слога и живописи поэтической.

XII. Николая Ивановича Гнѣдича.

1.

Получилъ всѣ четыре экземпляра Луны твоей, любезнѣйшій мой лунатикъ, и по назначенію роздалъ. Луна Бородинская — не шалость, не шутка; для тебя она шутка, а мы съ Шихматовымъ и серіозно писывали, малевывали ее, но хуже. Бородинская Луна

достойна другой рамки, особливой, великолѣпной! Графу Толстому я самъ хотѣлъ отдать экземпляръ и предложить ему задачу, но не засталъ.— Пушкина поэма—finis! только окончится виньетка, которую рисовалъ Алек. Н. Оленинъ (Эге? а ты, другъ, и не подозрѣвалъ) и которая уже гравируется *).—Твой Кондыревъ былъ у Алек. Ник. и ознакомился съ нимъ. Остановка вообще по замѣщенію всѣхъ вакансій по библіотекѣ отъ неокончанія дѣла въ разсужденіи отставки Попова, одного изъ старыхъ библіотекарей.

Что̀ касается до моей просьбы, то я еще повторю ее тебѣ, любезнѣйшій другъ. Институтъ или монастырь, все равно, — хотя бы и лучше институтъ; но это единственно для моихъ уже ногъ. Знаю, что вакансіи бываютъ только по выпускѣ или по смерти, но Государыня дѣлаетъ милость: опредѣляетъ и кромѣ сихъ эпохъ и анекдотовъ. Время не совсѣмъ, какъ ты думаешь, терпитъ. Во первыхъ, въ городѣ не имѣешь ты случая такъ часто видѣть Государыню, а что̀ важнѣе—быть съ нею въ короткихъ бесѣдахъ; во вторыхъ, по осени дѣла призываютъ меня въ Малороссію, слѣдственно я могъ бы съ собою привезть племянницу, а возвратясь мнѣ трудно будетъ уже найти способъ доставить ее сюда. На доставленіе ко мнѣ свидѣтельствъ, послѣ того какъ Государыня изъявитъ согласіе опредѣлить, нужно также мѣсяца полтора. И такъ видишь, любезнѣйшій, время не совсѣмъ терпитъ.

(1822) Тебѣ всею душею преданный

(Адресовано: въ Павловскъ). Н. Гнѣдичъ.

2.

Вчера, будучи въ Царскомъ Селѣ, на экзаменѣ пансіонеровъ, думалъ было проѣхать послѣ обѣда въ Павловскъ, чтобы взглянуть на тебя, любезнѣйшій Василій Андреевичъ; но экзаменъ кончился поздно, а обѣдъ еще позднѣе; между тѣмъ я взялся было доставить тебѣ у сего прилагаемой пакетъ отъ Кюхельбекера. Объ этомъ просилъ меня Егоръ Ант. Энгельгардъ, на имя котораго прислалъ Кюхельбекеръ своихъ Аргивянъ, тебѣ для доставленія. Если будешь отвѣчать ему, письмо можно доставить Энгельгарду. Будь здоровъ. Еслибъ зналъ, что поподчиваешь Виргиліемъ, нарочно бы пріѣхалъ.—Обнимаю тебя.

Преданный тебѣ душою

Н. Гнѣдичъ.

Іюня 5-го.

XIII. Александра Андреевича Иванова.

1.

Ваше превосходительство!

Слухъ объ отправленіи вашемъ въ Германію на долгое время заставляетъ меня прибѣгнуть къ вамъ съ слѣдующимъ изъясненіемъ.

Несмотря на все мое стараніе окончить картину *Явленіе въ міръ Мессіи* къ концу сего года, я вижу, что по мѣрѣ совершенствованія труда удаляется отъ меня его окончаніе. Такое положеніе заранѣе

*) Говорится объ изданіи Кавказскаго Плѣнника. *П. Б.*

меня смущаетъ. Я навѣрное могу сказать, что не только измѣню сроку назначенному, но и не буду имѣть никакихъ средствъ къ его довершенію.

Подарокъ трехъ тысячь рублей отъ Общества Поощренія Художниковъ имѣлъ въ 1838 году необходимостью войдти въ составъ издержекъ условнаго трехлѣтія, а предшествующіе труды мои хотя и заслуживали большое одобреніе, но ни одинъ разъ не были заплачены.

Все это заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему превосходительству, какъ къ единственному моему покровителю, и всепокорнѣйше просить, дабы вы, представя положеніе мое Его Высочеству, защитили бы меня въ невольномъ просроченіи и если можно испросили бы у Него новой милости на возможность окончить трудъ, составляющій истинное мое наслажденіе.

Повѣряя всего себя вашему распоряженію, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Ивановъ.

Римъ. Марта 15-го 1841 года.

2.

(безъ числа).

По приказанію вашему имѣть надзоръ надъ копіями г. Станиславлевича, я исполняю, сколько могу, сіе пріятное для меня порученіе. Одна изъ нихъ „Аѳинская Школа" уже къ вамъ послана; „Еліодоръ, Бользенское Чудо, Три Добродѣтели, Поэзія и Богословіе" уже окончены; но теперь работа остановилась, ибо Станиславлевичь боленъ и довольно опасно; однакоже мы надѣемся на его выздоровленіе, и такимъ образомъ будутъ кончены и другія шесть хотя и не къ назначенному вами времени.

3.

Ваше превосходительство!

Вслѣдствіе письма Н. В. Гоголя отъ 20 Сентября, гдѣ онъ, видя мое крайнее положеніе, рѣшился васъ безпокоить моими дѣлами, я съ живѣйшею радостью слѣдую всѣмъ его совѣтамъ и вопервыхъ препровождаю къ вамъ письмо къ Государю Наслѣднику, содержаніе коего вамъ уже извѣстно. Я только долженъ присовокупить, что 4 Іюня сего года просилъ о томъ же Общество Поощренія Художниковъ; но какъ секретарь онаго г. Григоровичъ (на имя коего было адресовано письмо) при смерти боленъ, то и не думаю, чтобы оное было тамъ читано.

Сознавая себя недостойнымъ таковыхъ вашихъ обо мнѣ стараній, я не имѣю ни силъ, ни средствъ благодарить васъ. Я постараюсь по крайней мѣрѣ настоящимъ трудомъ моимъ сдѣлаться сколько-нибудь ихъ достойнымъ.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ всегда готовый къ услугамъ вашего превосходительства покорный слуга

А. Ивановъ.

Римъ Октября 6. 1841 г.

Положеніе Станиславлевича безнадежно. Я было хотѣлъ отправить его въ Грефенбергъ, но больной съ трудомъ двигается и никакъ этого самъ не хочетъ. Онъ глубоко тронутъ былъ вашимъ подтвержденіемъ о выдачѣ ему еще денегъ. По вашему желанію, посылаю къ вамъ его работы, Поэзію, Теологію и Трехъ Добродѣтелей, которыя вы и получите въ Дюссельдорфѣ.

4.

Ваше превосходительство!

Спѣшу принести живѣйшую мою благодарность за ваши попеченія обо мнѣ, хотя несчастной результатъ сихъ стараній горько показалъ, что̀ значатъ заочныя дѣйствія.

Съ полуторою тысячью рублей, выдача коихъ еще заставлена страннымъ вопросомъ, куда ее переслать,—я ни на шагъ не могу подвинуть моего дѣла, требующаго, по самой крайней мѣрѣ, трехлѣтней пенсіонерской пенсіи.

Теперь вся надежда на Общество Поощренія Художниковъ. Нынѣшній секретарь онаго, Модестъ Дмитріевичъ Рѣзвой, взявшись горячо за мое дѣло, сказалъ тамъ: „Произведеніе Иванова выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ и должно принадлежать къ тѣмъ, коими справедливо будетъ гордиться наше Отечество, и потому способствовать къ его удачному исполненію есть благородный порывъ всякаго добраго патріота“.

Многіе изъ членовъ того же мнѣнія, и потому Общество, принявъ со всею благосклонностью бумагу мою, представило обо мнѣ, чрезъ предсѣдателя своего Его Выс. Максимиліана Лейхтенбергскаго, испросъ о новой милости отъ Государя Наслѣдника на окончаніе моей картины.

Если и тутъ будетъ неудача, то тогда уже придется извѣдать конечную непріятность: на эти полторы тысячи собраться въ Петербургъ и бѣдностью погребсти себя тамъ въ безпонятіи! Не думайте однакожъ, чтобы я сколько-нибудь раскаявался, что началъ и довелъ за половину огромное мое предпріятіе. Напротивъ, я этимъ только и буду утѣшаться всю остальную мою жизнь. Кромѣ того, желаю, чтобы мои соотечественники-художники шли бы той же трудной стезей строгаго ученія; чтобы во всякомъ произведеніи ихъ замѣтна была жажда чистой идеи объ искусствѣ лучшаго времени Италіи; чтобы не бросались они ни въ шуточный жанръ, ни въ акварель, ни въ радужный колеръ, ни въ быстроту эскизнаго исполненія,—заразительныя введенія нашихъ пришлецовъ, ломающихъ искусство въ способъ, чтобы жить со всѣми прихотями роскоши и забавъ, не думая о послѣдствіяхъ и не зная Отечества.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.

Римъ
Сентября 4-го
1842 года.

5.

Римъ. Ноября 28 дня 1847 г.

Письмо ваше, со вложеніемъ трехъ тысячъ рублей отъ Государя Наслѣдника, весьма много пособило перемѣнѣ моего положенія. Деньги хотя уже и сами по себѣ вещь нужная для дѣятеля-художника, но тутъ еще важнѣе то, что Его Высочество вниманіемъ Своимъ выкупаетъ меня изъ сроковъ и другихъ людскихъ причудъ. Конечно, всѣмъ этимъ я обязанъ вамъ, за что и приношу искреннюю мою благодарность. Тревожное состояніе мое прошлаго года, не позволявшее мнѣ заняться спокойно моимъ дѣломъ, я силюсь поправить нынѣшнимъ, и потому весь отдался моей картинѣ. Если Богъ поможетъ скоро совершить трудъ, то я надѣюсь самымъ дѣломъ убѣдить васъ, что способенъ изъ житейскаго простаго быта (tableau de genre) вознестись до изображенія Бого-человѣка. Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга Александръ Ивановъ.

A son excellence monsieur de Joukoffsky, à Francfort sur le Main. Salzwedelsgarten vor dem Schaumann-Thor.

XIV. Князя Ивана Өедоровича Паскевича-Эриванскаго.

1.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше пріятнѣйшее письмо наканунѣ моего отъѣзда сюда въ Тюркменчай, гдѣ мы наконецъ со славою Имперіи и Государю сложили съ себя военные доспѣхи. Все кончено. Поздравляю васъ съ миромъ. Жаль, что ваши струны замолкли; можетъ-быть и мы въ превосходныхъ твореніяхъ вашихъ пріютились бы къ безсмертію, если не громкими дѣлами, то перенесеніемъ трудовъ неимовѣрныхъ. Право, ихъ можно не краснѣя передать если не потомству, то хотя современникамъ на память. Вашего родственника я тотчасъ отличилъ еще третьяго года въ Карабагѣ, коль скоро узналъ, что онъ носитъ одно имя съ вами; распрашивалъ его о васъ и какъ близко принадлежитъ онъ вамъ по родству, представилъ его къ чину, который онъ вскорѣ и получилъ. Писалъ ли онъ вамъ объ этомъ? Могу васъ увѣрить, что всегда сохраню его въ особенномъ моемъ вниманіи по тому личному уваженію, которое имѣю къ вашему характеру и таланту, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ. Прошу не забывать истинно вамъ преданнаго

„Ивана Паскевича“.

Февраля 1828 г.
Въ Тюркменчаѣ.

2.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Среди истинной радости, испытанной мною по случаю счастливаго покоренія Варшавы и успѣшнаго хода здѣшнихъ дѣлъ, минута, въ которую я читалъ письмо ваше, доставила мнѣ весьма прі-

ятное удовольствіе. Искренность поэта раскрыла для меня въ живой, яркой картинѣ всю великость и вліяніе настоящихъ событій и ту исполинскую славу, блескъ коей столь неоспоримо принадлежитъ вновь оружію Россійскому, вопреки завистливыхъ толковъ и враждебнаго желанія недруговъ нашихъ.

Вы правы, предугадывая счастіе мое: оно по истиннѣ не ограниченно чувствомъ безкорыстнаго наслажденія въ успѣхахъ ко благу и спокойствію Отечества. Мысль быть виновникомъ общаго удовольствія и предметомъ признательности согражданъ есть драгоцѣнное возмездіе за труды, подъятые мною въ борьбѣ противу нарушителей порядка.

Прошу васъ принять нелицемѣрную мою благодарность за присланныя строфы и сообщить таковую же Александру Сергѣевичу Пушкину, столь много обязавшему меня двумя отличными своими сочиненіями. Стихи истинно прекрасные и богаты чувствами народной гордости. Сладкозвучныя лиры первостепенныхъ поэтовъ нашихъ долго отказывались брянцать во славу подвиговъ оружія. Такъ померкнула заря достопамятныхъ событій Персидской и Турецкой войнъ, и голосъ выспренняго вдохновенія едва едва отозвался въ Отечествѣ въ честь тогдашнихъ успѣховъ нашихъ. Упрекъ сей впрочемъ не относится до васъ, ибо и въ ту эпоху вы обязали меня поэтическимъ вниманіемъ. Пріятно видѣть, что настоящія дѣла храбрыхъ сильнѣе возбудили огонь истинной поэзіи и возвеличены волшебнымъ талантомъ пѣвцовъ, украшающихъ Россію.

По желанію вашему, а имѣлъ счастіе передать Его Императорскому Высочеству одинъ экземпляръ полученныхъ мною стиховъ. Благодареніе Всевышнему! Успѣхи наши не ограничились паденіемъ Варшавы. Армія мятежниковъ наконецъ рѣшительно не существуетъ, а на твердыняхъ Модлина уже нѣсколько дней развѣваются побѣдоносныя знамена Его Императорскаго Величества.

Прошу принять повторенія въ моей искренней признательности и совершенномъ уваженіи, съ коими пребываю навсегда

„Покорнѣйшій слуга князь Варшавскій, графъ Иванъ Паскевичъ-Эриванскій“.

2 Октября 1831 года.
Варшава.

XV. Іакова Ивановича Ростовцова.

Благодарю васъ душевно, Василій Андреевичъ, за вашу грамотку; горюю о вашихъ недугахъ и о бѣдствіяхъ вашего города, которыя вѣроятно отразились нѣсколько и на васъ; обнимаю васъ, цѣлую ручки достойной вашей супруги и рекомендуюсь милостивому государю Павлу Васильевичу.

Объ участіи вашемъ въ горѣ Великаго Князя я Его Высочеству говорилъ. Его Высочество вполнѣ увѣренъ въ тепломъ вашемъ къ нему чувствѣ; вы вѣроятно и получили уже два отъ него письма,

изъ коихъ одно объ Рейтернѣ, очень миломъ и солидномъ молодомъ человѣкѣ.

Потеря дочери, и такая неожиданная потеря, глубоко потрясла Его Высочество. Онъ очень груститъ, и грусть его приняла характеръ какой-то тихой печали, равнодушія ко всему окружающему. Это чувство губительнѣе взрыва, и людей, любящихъ Его Высочество, это очень сокрушаетъ.

О другой горькой утратѣ, объ утратѣ Ивана Андреевича *), я наговорилъ бы вамъ много, но на бумагѣ всего не выскажешь. Я удостоился быть свидѣтелемъ послѣдней борьбы могучей его души съ его могучимъ тѣломъ и принять послѣднія слова его міру, который такъ жадно его выслушивалъ; я видѣлъ его смиреніе и предсмертную простоту неподдѣльнаго его величія. До послѣдней минуты земной своей жизни онъ остался вѣренъ характеру всей своей жизни; онъ умиралъ, какъ засыпалъ бывало послѣ обѣда; приготовлялся къ смерти какъ бы къ дѣлу, необходимому въ домашнемъ обиходѣ; ни слова о себѣ, ни слова о будущемъ; милъ, тихъ, ласковъ и дружелюбенъ до послѣдняго вздоха.

Разсылка басенъ къ друзьямъ и чтителямъ его дарованія не была предсмертною его мыслію; эта мысль возникла въ немъ послѣ юбилея, но была имъ забыта, какъ многое забывалъ онъ по безпечности. Зная эту мысль, душеприкащикъ обязанъ былъ осуществить ее.

За пять часовъ до кончины, передъ самою исповѣдью, онъ разсказывалъ мнѣ еще анекдоты своей жизни; о приближавшемся будущемъ, неземномъ, ни слова, ни намека. Миръ праху сего истиннаго философа-христіанина и вѣчная память, и здѣсь и тамъ, геніальной душѣ его.

Увидимся ли мы съ вами, и скоро ли, добрый Василій Андреевичъ? Съ наслажденіемъ вспоминаю бесѣды наши въ Эмсѣ; дорого бы далъ, чтобы повторить ихъ.

Не забывайте меня; сохраните мнѣ уголокъ, хотя маленькій уголокъ, въ вашей памяти. Всегда искренно любящій и чтущій васъ

І. Ростовцовъ.

$\frac{2}{14}$ Апрѣля 1845 года.

СПБ.

XVI. Степана Петровича Шевырева.

1.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Москвитянинъ и я не знаемъ какъ благодарить васъ за добро, которое вы ему дарите. Давно уже я собирался писать къ вамъ и выразить вамъ чувства нашей благодарности; но вы меня предупредили,—и мнѣ совѣстно. Вы насъ ободряете и укрѣпляете вашимъ привѣтомъ и ласкою. Письмо ваше къ Гоголю произвело сильное

*) Крылова, коего графъ І. И. были душеприкащиками. *П. Б.*

впечатлѣніе и, что̀ мнѣ особенно пріятно, на молодежъ. Это новое данное вами начало для будущей Русской эстетики, которая должна быть построена на христіанскомъ основаніи. Ваши стихи, Отголосокъ времени, украсятъ Сентябрьскую книжку. Хоть вы отказались отъ риѳмы для экзаметра, но она вамъ не измѣнила: свѣжа, звучна и готова на вашъ призывъ по прежнему. Двѣ сцены изъ Фауста пойдутъ въ Октябрьскую книжку. Ваше замѣчаніе о мнимой поправкѣ Фауста въ евангельскомъ текстѣ есть замѣчаніе православнаго христіанина всѣмъ Нѣмецкимъ богословамъ, которые думаютъ, что лучше понимаютъ Евангеліе, нежели сами Евангелисты. Прибавленіе о мысли Паскалевой есть также начало, данное вами для Русской философіи. Безъ точки отбытія, конечно, ничто невѣрно. Намъ точка отбытія дана христіанствомъ въ исторической нашей жизни. Ваши замѣчанія Речу и Корнеліусу показываютъ, что поэтъ Русскій отгадываетъ вѣрнѣе поэта Германіи, чѣмъ сами Нѣмецкіе художники. Но позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о томъ богословскомъ мѣстѣ, которое у васъ находится на 2-й и 3-й страницахъ. Я боюсь, чтобы оно не дало повода къ какому-нибудь недоразумѣнію. У васъ сказано: „Слово Божіе напротивъ есть Богъ—и Богъ, какъ творецъ, и Богъ, *какъ твореніе*, отъ вѣка бывшее въ Богѣ и съ Богомъ, изъ воли Его истекшее и въ Немъ заключенное, но съ Нимъ не сліянное и съ Нимъ не тождественное, имѣвшее начало, ибо *оно —твореніе*“... У Іоанна Богослова говорится о Сынѣ, подъ именемъ Слова, единородномъ отъ Отца (ст. 14), а Сынъ не сотворенъ, но предвѣчно рожденъ: „рожденна, *не сотворенна*“ (въ Символѣ Вѣры). Потому вмѣсто творецъ нельзя ли поставить *отецъ*, а вмѣсто твореніе—*рожденіе*? Могутъ православные богословы упрекнуть въ аріанизмѣ.

Позвольте мнѣ привести вамъ два отрывка изъ нашихъ древнихъ Русскихъ отцевъ о томъ же предметѣ. Вотъ какъ выражается Іосифъ Волоколамскій, писавшій въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка о Словѣ Божіемъ: „Слово Божіе не якоже мое, отъ чрева орудіемъ гласнымъ износимо и на воздусѣ разливаемо, но слово живо, суще и составно (Нѣмецъ бы сказалъ: конкретно), еже къ Богу въ началѣ и самъ Богъ сый; и ниже духъ Божій, яко же мой духъ, исходяй изо устъ и на воздусѣ разливаяйся: духъ устъ Божіихъ—духъ истины и отъ Отца исходяй и самъ Богъ сый, существа Божія имѣяй составъ совершенъ“. Вотъ еще другой инокъ, Зиновій, ученикъ Максима Грека, писавшій въ XVI вѣкѣ, такъ разсуждаетъ о Богѣ Словѣ. Сначала доказываетъ онъ, что Богъ истинный долженъ быть Богъ живой, а живой Богъ долженъ имѣть слово и духъ: иначе онъ былъ бы безсловесенъ и бездушенъ; и далѣе говоритъ: „И якоже убо истинный Богъ живой присносущенъ есть, безначаленъ, безконеченъ, не старѣющся, всесиленъ; такожъ и слово Ему подобаетъ своего Ему естества и существа блаженнаго, нетлѣннаго; такожъ и духъ Ему подобаетъ свой соприсносущенъ, тогожъ блаженнаго, нетлѣннаго естества. Да якожъ вѣруется истинный Богъ живъ, безначаленъ, безконеченъ, присносущенъ, такожъ вѣровати подобаетъ и слово Ему Его живо, истинно, соприсносущно, собезначально, а не на воздусѣ разсыпаемо... *не сотворено бо слово Бо-*

жіе, но безтѣлесно рожено". „Понеже Богъ безплотенъ, не плотски и Слово Свое роди; и слово, рождаяся отъ безсмертнаго, безстрастнаго Бога, живо, безстрастно, безсмертно: ибо и мы страстни и смертни суще, умъ же имамы безплотенъ, и слово присно рожаетъ безстрастно. Ты не можеши домыслитися, како въ тебѣ, созданнѣмъ тлѣннѣмъ естествѣ, безплотный умъ твой слово тебѣ рожаетъ безстрастно: какожъ тлѣненъ ты, хощеши тлѣнными мысльми безплотное нетлѣнное Божіе рожество слову Его живому испытати; но точію вѣровати подобаетъ, яко Богъ не безсловесенъ, но имать Свое слово Богъ. Слово же Бога живаго, по блаженному Его естеству, живо, составно, присносущно, нетлѣнно, безплотно, дѣйственно, рожено, а не сотворено. И въ нашемъ убо тлѣнномъ плотскомъ существѣ слово ума нашего не сотворяемо, но рожаемо безплотнымъ умомъ нашимъ; не имать бо умъ нашъ руку творити слово, безплотенъ сый, ниже требуетъ умъ нашъ женска полу на зачатіе словеси своему, и безъ зачатія умъ нашъ слово наше рожаетъ безъ мѣшканія и безъ предѣла; вкупѣ же и наше слово уму спребываетъ, и внезапу рожается слово наше отъ ума нашего".

Не посѣтуйте на меня за то, что я привожу вамъ эти разсужденія нашихъ древнихъ богословъ, которые любятъ повторяться, какъ будто никогда недовольные словами своими для того, чтобы выразить всю полноту истины Бога Слова. Они здѣсь кстати пришлись къ вашей мысли. Есть въ нихъ чрезвычайно глубокія мысли, а въ языкѣ ихъ могъ бы быть зародышъ для языка нашей народной философіи.

Первой статьи вашей—письма̀ къ Гоголю—оттиснуто у меня нѣсколько отдѣльныхъ экземпляровъ. Я хотѣлъ доставить ихъ вамъ, но какимъ путемъ, не знаю. Изъ письма вашего вижу, что вы и Москвитянина не получаете, а между тѣмъ Погодинъ заботился о томъ, чтобы къ вамъ пересылать его.

Какъ жаль, что и будущую зиму вы у насъ отнимаете и проведете ее не здѣсь. Холера, казалось, напротивъ должна бы васъ подвинуть къ намъ. У насъ, слава Богу, она уже миновала. Теперь очередь Германіи подвергнуться этому искушенію. Пріѣзжайте же къ намъ, въ мѣсто уже безопасное отъ болѣзни. Съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали того времени, когда вы у насъ поселитесь. Тогда бы около васъ ожила и Московская литература. Мы окружили бы васъ. Ваши бесѣды, ваше слово могли бы дѣйствовать и соединять, а того-то и недостаетъ. Къ тому же нравственная холера Запада еще опаснѣе и тревожнѣе физической; а когда соединятся обѣ, тогда будетъ еще хуже. Развѣ послѣдняя успокоитъ первую, напомнивъ людямъ о Провидѣніи.

Гоголя до сихъ поръ нѣтъ въ Москвѣ. Я жду его всякій день. До сихъ поръ онъ живетъ въ своей Полтавской деревнѣ. Былъ боленъ, но писалъ ко мнѣ по выздоровленіи и собирался все ѣхать. Кирѣевскіе оба въ деревнѣ. И. В. давно не писалъ ко мнѣ. П. В. наконецъ напечаталъ духовныя пѣсни или стихи Русскаго народа въ Чтеніяхъ историческаго общества, въ которыхъ будетъ посте-

пенно издано полное его собраніе пѣсенъ. Слышно также, что онъ окончилъ свое большое изслѣдованіе о древнѣйшемъ періодѣ Русской исторіи. Хомяковъ недавно напечаталъ въ Москвитянинѣ свое прекрасное письмо объ Англіи, которое возбудило много сочувствія. Теперь онъ въ деревнѣ, ждетъ пороши, а къ намъ уже прикатитъ тогда, когда выпадетъ снѣгъ глубокій, который самъ же онъ укатаетъ каткомъ своего изобрѣтенія.—Погодинъ сидитъ въ своемъ собраніи рукописей, которое надобно бы пріобрѣсти Москвѣ: это бы обезпечило и его самого, и его драгоцѣнную библіотеку.

Примите сердечную благодарность мою за участіе ваше во мнѣ. Я работаю по силамъ въ университетѣ и дома. Молодые люди есть съ прекрасными надеждами. Теперь я кладу на бумагу записки свои о поѣздкѣ въ сѣверную Россію, которую сдѣлалъ я прошлымъ лѣтомъ. Хочу издать ихъ. А потомъ примусь за продолженіе моего большаго труда. Сынъ мой старшій, 13 лѣтъ, готовится вступить въ гимназію. Дочь 4-хъ лѣтъ, сынъ 2-хъ и еще новый гость или гостья, скоро ожидаемый,—вотъ семья моя.

Московская литература дремлетъ, хотя и богата внутренними силами. Два Московскихъ Сборника представили много замѣчательнаго, но третій не вышелъ. Двойная Жизнь Павловой содержитъ много прекрасныхъ стихотвореній. У ней же готовы четыре разсказа въ стихахъ. Драма Аксакова: Освобожденная Москва, не возбудила никакого сочувствія, ни даже вниманія. Чтенія историческаго общества печатаютъ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ и нѣсколько хорошихъ изслѣдованій по Русской и Славянской исторіи. Москвитянинъ теперь выходитъ точно и оживился въ нынѣшнемъ году. Жаль, что мало дружелюбнаго дѣйствія въ литераторахъ, особливо молодаго поколѣнія. Начало личности господствуетъ вездѣ. Разъединеніе въ понятіяхъ; если не смѣшеніе языковъ (впрочемъ и это бываетъ нерѣдко), то смѣшеніе въ мысляхъ. Вотъ вамъ отчетъ за нашу литературу. Онъ печаленъ. Между тѣмъ шумитъ тамъ журнальное торжище и распродаетъ всѣ Французскіе романы и новости въ дурныхъ переводахъ или подражаніяхъ.

Изъ молодыхъ поэтическихъ дарованій не знаю, остановилось ли вниманіе ваше на Бергѣ, который прекрасно перевелъ Краледворскую рукопись съ Чешскаго и нѣсколько Сербскихъ пѣсенъ. Онъ владѣетъ хорошо Русскимъ языкомъ, и стихъ у него выработанъ по образцамъ вашимъ и Пушкина. Въ немъ хранятся добрыя преданія Русской поэзіи. Я надѣялся представить его вамъ въ Москвѣ. Но когда же мы васъ здѣсь увидимъ? Неужели все только мечтать объ этомъ?

Какъ я любовался заграничнымъ Русскимъ шрифтомъ, который созданъ подъ вашимъ надзоромъ! Отчего же у насъ нѣтъ ничего подобнаго? Типографія нашего университета намѣрена совершенствоваться. Нельзя ли бы было принести ей пользу образцами вашихъ шрифтовъ? Нельзя ли бы отъ васъ выписать къ намъ фактора?

Позвольте мнѣ быть смѣлымъ съ вами и напомнить о послѣднихъ книжкахъ Москвитянина въ этомъ году и особенно о первой будущаго, которая ожидаетъ вашей благостыни.

Позвольте еще сдѣлать нескромный вопросъ: скоро ли обрадуютъ насъ всѣхъ Русская Одиссея и Шахъ-Намє? Богъ да подастъ вамъ силъ бодрыхъ духа и тѣла для совершенія этихъ подвиговъ, которыми живетъ наша литература.

Фонъ-Визинъ князя Вяземскаго, хотя и давно написанный, былъ лучшимъ явленіемъ въ нынѣшнемъ году.

Примите чувства моего неизмѣннаго уваженія и душевной преданности.

С. Шевыревъ.

Августа 26 с. с.
1848 года.
Москва.

(Адресовано во Франкфуртъ на Майнѣ, получено Жуковскимъ въ Баденъ-Баденѣ).

2.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Примите мою душевную благодарность за ваше письмо изъ Варшавы. Если мои статьи объ Одиссеѣ возбудили ваше сочувствіе, я награжденъ за нихъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду вашей второй части. Отчего же она такъ долго медлитъ? Ваша новорожденная дочка могла ли нуждаться передъ Россіей въ моей рекомендаціи? Я говорилъ объ ней по сердцу, и съ жадностью жду конца, чтобы довершить мое слово. 94 и 96 дней—это просто чудо! Я радуюсь за литературу Русскую, что такая жизнь кипитъ въ вашемъ трудѣ. Отъ Одиссеи недалеко до Иліады: у васъ же многое уже переведено. Конечно, настроеніе поэмы не то, но содержаніе Рустема не менѣе воинственно. Древній міръ вамъ открылся: черезъ вашъ стихъ его красота будетъ усвоена нашему слову. Еслибы вы намъ дали еще Русскій образецъ Греческой трагедіи Эсхила или Софокла! Вамъ все возможно и все доступно послѣ вашего подвига.

Просимъ васъ усерднѣйше украсить Москвитянинъ варіантами вашихъ поправокъ изъ второй части. Съ нетерпѣніемъ ихъ ждемъ. Желательно бы было, чтобы онѣ появились въ одно время со второю частью.

Обѣщаніе ваше подарить насъ всѣхъ свиданіемъ съ вами на слѣдующею весну очень, очень утѣшительно. Будемъ молить Бога чтобы сбылось оно. Присутствіе ваше здѣсь необходимо и для добра нашей литературы. Вы поддержали бы въ молодомъ поколѣніи дѣятелей, которые хранятъ красоту слова и остаются вѣрны вашимъ преданіямъ. Нельзя утаить, что большая часть молодаго поколѣнія идетъ не тою стезею. Это художники безъ идеала. Они сами отъ него отрекаются, полагая его въ дѣйствительности. Грустное, отчаянное самоубійство искусства—вотъ что видно въ нихъ! Не знаю, какъ мы спасемся отъ этой бѣды и выйдемъ на настоящій путь.

Всего более огорчаетъ и поражаетъ меня ранняя гибель многихъ молодыхъ дарованій. Журнальная Сцилла и Харибда такъ скоро поглощаетъ ихъ и дѣлаетъ жертвами своего бумажнаго водоворота. Едва лишь появится молодой человѣкъ съ новою, свѣжею повѣстью, какъ въ туже минуту какой-нибудь журналистъ вербуетъ его въ поставщики повѣстей, и все кончено... Преданіе вашего стиха хранятъ немногіе. Я уже обращалъ вниманіе ваше на талантъ **. Ему нѣтъ ободренія. Его гнететъ бѣдность. Онъ—чиновникъ банка изъ тысячи рублей и живетъ уроками. Поддержать это дарованіе и ободрить было бы необходимо. Я просилъ объ немъ министра, надѣялся помощи отъ Академіи, но все понапрасну.

Всѣ тѣ, которымъ я передалъ поклонъ вашъ, благодарятъ васъ душевно.—Многихъ еще нѣтъ.

Отъ души желаю, чтобы Богъ оживлялъ долго и долго ваши силы, какъ оживляетъ ихъ теперь, для блага нашего слова.

Примите чувства моего неизмѣннаго къ вамъ уваженія и глубокой, душевной преданности.

С. Шевыревъ.

Москва, Сентября 17 1849 г.

(Адресовано: Baden-Baden, maison Kleinmann).

*

Письма эти напечатаны здѣсь съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ Русскій Архивъ изъ родственной Жуковскому семьи. Они представляютъ собою случайные отрывки изъ обширной переписки Жуковскаго, которая со временемъ должна быть издана и которая займетъ собою нѣсколько книгъ: такъ разнообразны были сношенія этого вполнѣ историческаго лица. Изучая жизнь и труды его, приходишь къ убѣжденію, что печатными твореніями выразились далеко не всѣ стороны этой удивительно-богатой души. Какъ ни высока и ни свѣтла слава Жуковскаго-писателя, но еще выше и свѣтлѣе долженъ будетъ прославиться Жуковскій въ его общественномъ и общечеловѣческомъ достоинствѣ. *П. Б.*

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1])

1818—1822.

(Посвящается М. П. Погодину).

„Сей храмъ воздвигнутъ мною
„Въ красу тебѣ—Москва;
„Испытана судьбою
„Градовъ моихъ глава.
„На немъ моя десная
„И око почіетъ
„И вся его благая
„Души моей предметъ".

(У Мерзлякова, слова Александра I-го къ Москвѣ).

Исчерпавъ всю Рязанскую мудрость, простѣе сказать окончивъ ученье и въ приходскомъ, и въ уѣздномъ училищахъ, и въ гимназіи—я готовъ былъ къ давно желанной цѣли—университету, на 18-мъ году отъ рожденія [2]). На послѣднемъ гимназическомъ актѣ я произнесъ къ публикѣ благодарственную рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ и получилъ двѣ награды: рисунокъ и Святое Евангеліе. Въ аттестатѣ моемъ были означены успѣхи по всѣмъ предметамъ очень хорошіе, поведеніе названо отличнымъ.

Въ жаркіе іюльскіе дни 1818 года родители мои сами (да благословится слезою благодарности священная память ихъ) повезли меня въ Москву, единственно изъ нѣжной ко мнѣ привязанности: случаевъ, съ кѣмъ бы съѣхать, было довольно. Остановились мы въ Зарядьи. На другой же день батюшка въ парадномъ (красномъ) Екатерининскомъ мундирѣ повелъ меня въ университетъ, который временно помѣщался въ д. Яковлева (теперь купца Монахова), въ Долгоруковскомъ переулкѣ. Сердце сильно билось у меня, когда мы поднимались по небольшой лѣстницѣ. Батюшка просилъ написать прошеніе. Это выполнилъ Кондратьевъ, позднѣе секретарь правленія, котораго безъ сомнѣнія вы хорошо помните. Батюшка далъ ему полтинникъ. Онъ сказалъ намъ, чтобы мы подождали ректора. Черезъ какихъ нибудь пять-десять минутъ быстро входитъ этотъ незабвенный vir divinus, Иванъ Андреевичъ Геймъ. Благосклонно принявъ изъ рукъ батюшки прошеніе и взглянувъ на аттестатъ, онъ сказалъ: „сына вашего, по испытаніи, примемъ и замѣстимъ, какъ

---

[2]) За дозволеніе помѣстить эти Воспоминанія въ Русскомъ Архивѣ мы обязаны многоуважаемому Филипу Ларіоновичу Ляликову, бывшему инспектору Рязанской гимназіи, позднѣе занимавшему должность инспектора Одесскаго учебнаго округа, многопотрудившемуся въ дѣлѣ преподаванія и дѣтскаго воспитанія. Въ Русской литературѣ Ф. Л. Ляликовъ извѣстенъ книгою: „Галлерея Монтіоновскихъ премій". *П. Б.*

[2]) Собственно для связи, чтобъ подойти къ разсказу о бытѣ университетскомъ, говорю здѣсь нѣсколько словъ о себѣ и вступленіи моемъ въ университетъ.

только будетъ вакантное мѣсто, на казенное содержаніе“ и, какъ бы угадывая батюшкину мысль, что трудно оставить сына въ большомъ городѣ у незнакомыхъ людей, прибавилъ: „вы можете возвратиться къ вашей должности (батюшка былъ въ то время смотрителемъ Рязанскихъ богоугодныхъ заведеній), а я прикажу его, до опредѣленія на казенное содержаніе, помѣстить здѣсь же“. Сердце мое билось уже отъ радости. О, какъ твердо напечатлѣлся этотъ незабвенный моментъ въ памяти моей! Все помнится: и благородный видъ глубоко-ученаго старца, и его длинный синій сертукъ.

Родители мои пробыли на радостяхъ въ Москвѣ два дня, посѣщая со мною Кремлевскую святыню; а я съ батюшкою даже лазилъ на Ивановскую колокольню, при чемъ былъ особый казусъ: я нашелъ на лѣстницѣ, въ верху самомъ, голубиное яйцо. Матушка говорила потомъ, что это хорошее предзнаменованіе.

Ужъ не знаю почему, по слуху ли о вліятельныхъ лицахъ въ университетѣ или такъ изъ уваженія (чистаго, безъ побужденій: дѣйствительно то былъ вѣкъ уваженія), родители рѣшились сдѣлать визитъ со мною Н. Н. Сандунову и М. М. Снегиреву. Припомните, то было время сюрпризовъ и съ пустыми руками не ходили. Матушка запаслась полотенцами, хорошими, съ вышивками и кружевами. Пошли сначала къ Н. Н. Сандунову. Онъ принялъ насъ оригинально и по своему ласково. Матушка поднесла полдюжины полотенецъ. Благодарилъ. Понравился ли ему оригинальный костюмъ батюшки, или эти полотенцы, только Сандуновъ разъ пять писалъ обо мнѣ въ Рязань къ батюшкѣ, а когда онъ (батюшка) скончался и я уже былъ на службѣ въ Ревелѣ (куда сопровождала меня матушка) онъ нѣсколько писемъ писалъ ко мнѣ и въ одномъ письмѣ, въ концѣ, прибавляетъ: *а васъ, матушка Матрена Алексѣевна, я каждый день вспоминаю*; *вашими полотенцами утромъ глаза себѣ протираю*. Въ Ревелѣ случайно у одного старообрядца (тамъ было ихъ довольно, и богатыхъ) я увидалъ бородовой Петровскій знакъ (не тотъ, какой мнѣ прежде попадался и даже теперь у меня есть: съ четвертакъ, посеребрёный, круглый, съ скважинкою для шнурка, съ изображеніемъ усовъ и надписью: деньги взяты и годъ) четырехугольной формы, мѣдный, величиною съ старый пятакъ и съ надписью, на одной сторонѣ: *борода лишная тягота* (Славянскими буквами), и на другой: *деньги взяты* и годъ (помнится 1706 или 1707). Подобнаго экземпляра мнѣ еще видѣть не случалось ни прежде, ни послѣ. Зная охоту Сандунова до такихъ рѣдкостей, я ему этотъ знакъ переслалъ. Еще случилось мнѣ переслать ему же сказку объ ершѣ, писанную древнимъ почеркомъ на столбцѣ. Небольшія статейки объ этихъ рѣдкостяхъ помѣщены мною, позже, въ Телескопѣ, а бородовой знакъ даже съ рисункомъ. У него было ушко или колечко, безъ сомнѣнія для шнурка.

Другая полдюжина полотенецъ вручена была супругѣ М. М. Снегирева, которая насъ очень обласкала, какъ и онъ самъ. Домикъ ихъ былъ на Самотёкѣ, почти возлѣ митрополичья подворья.

Съ помѣщеніемъ моимъ въ домѣ Яковлева родители мои успокоились и, простившись со мной, приняли обратный путь. Въ довольно-просторной комнатѣ насъ было только четвёро. Надзоръ за нами имѣлъ (тутъ же помѣщавшійся) Петръ Иларіоновичъ Страховъ, послѣ, кажется, докторъ медицины. Недолго мы пожили тутъ: въ концѣ Сентября объявленъ былъ походъ въ отдѣланный главный корпусъ. Сначала помѣстили меня въ номеръ окнами на дворъ, гдѣ только еще начинали разсаживать деревья, что̀ нынѣ уже прекрасный садъ. Theatrum anatomicum отдѣлывался, и мы, бывало, смотримъ изъ окна, какъ знаменитый Лодеръ (пріѣзжавшій четверкою въ каретѣ, со звѣздою на груди) лазилъ по лѣстницѣ, чтобъ осмотрѣть поближе и исправить Латинскую на фронтонѣ надпись. Изъ любопытства мы нѣсколько разъ ходили на его лекціи. Помню надпись внутри по полукругу залы или аудиторіи: „*Руцѣ Твои сотвористе мя и создасте мя, научи мя заповѣдемъ Твоимъ*". А надъ каминомъ, за каѳедрой, тоже надпись: *Искупуйте время, яко дніе лукави суть*". При входѣ же, въ сѣняхъ, погречески: „*познай самого себя*". Въ больничномъ корпусѣ, гдѣ жили медицинскіе студенты (противъ нынѣшняго новаго университета и Никитскаго монастыря), по особому религіозному настроенію инспектора Матвѣя Яковлевича Мудрова, во всѣхъ коридорахъ на стѣнахъ были вылѣплены изъ алебастра кресты. Вотъ еще два случая своеобразной набожности Мудрова. Разъ мнѣ захотѣлось сходить ко всенощной къ Николѣ Явленному, лѣтомъ. При тишинѣ въ храмѣ, отворенныхъ дверяхъ и окнахъ, слышенъ былъ подъѣздъ экипажа. Входитъ Матвѣй Яковлевичъ, у свѣчнаго ящика покупаетъ большую свѣчу (такъ въ рубль или и болѣе) и самъ, протискиваясь между народомъ, ставитъ эту свѣчу предъ иконою въ главномъ иконостасѣ, дѣлаетъ два-три поклона въ землю и уѣзжаетъ. Другой случай. Я сдѣлался нездоровъ, впрочемъ легкою простудою, но К. М. Романовскій (субъинспекторъ) всё-таки совѣтовалъ мнѣ сходить къ Мудрову. Прихожу. Жилъ онъ въ своемъ домѣ за Пречистенскимъ бульваромъ, около Старо-Іерусалимскаго подворья (теперь ужъ этого мѣста я не узнаю). Прописалъ питье. Но что̀ меня особенно поразило, это—въ пріемной (гдѣ я нѣсколько минутъ, пока онъ вышелъ, дожидался) на стѣнѣ вывѣшенная таблица за стекломъ въ рамкѣ, съ оглавленіемъ, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни должно служить молебны (это было напечатано или написано киноварью) и за-тѣмъ длинный рядъ названій болѣзней на одной половинѣ листа и исчисленіе святыхъ на другой. Что̀ бы сказали на это современные медики? Духовенство наше конечно противъ этого протестовать бы не стало.

Чтобъ покончить съ религіозностію Мудрова (вѣдь внутреннюю жизнь казенныхъ студентовъ сполна вы не могли знать), упомяну еще объ одномъ обстоятельствѣ. Мы обыкновенно говѣли на первой недѣлѣ великаго поста. Всенощную слушали въ большой столовой, во всегдашнемъ присутствіи Сандунова и обоихъ субъ-инспекторовъ. Хоръ былъ изъ своихъ; особенно этимъ распоряжался П. Ив. Знаменскій и В. Ег. Ивановъ, съ хорошими голосами. Они же часто

пѣвали въ церкви Коммерческаго Училища по приглашенію Т. Ал. Каменецкаго. Пріобщались мы Св. Таинъ въ Георгіевской церкви на Моховой. Представьте же себѣ (меня и теперь это удивляетъ): во всё время, довольно продолжительное, причащенія студентовъ (насъ было человѣкъ 40, да медицинскихъ втрое больше) пелену предъ подходящими къ потиру держали Сандуновъ и Мудровъ, какъ инспекторы. Мудровъ (такъ какъ онъ жилъ въ своемъ домѣ) пріѣхалъ нѣсколько позже и, когда снялъ съ себя шинель, мы увидали его въ мундирѣ. Это хорошо помнится. Вообще намъ часто повторяли — ходить къ службѣ въ свою приходскую (Георгія на Красной горкѣ) церковь; но всѣ постоянно ходили въ сосѣдній Никитскій монастырь или кучками куда нибудь вдаль, напримѣръ въ Донской, Новодѣвичій и проч. Кстати о дѣвичьихъ монастыряхъ: теперь видимый и тутъ прогрессъ. Напримѣръ въ сосѣднемъ Зачатіевскомъ монастырѣ видны уже три сторожа, которые караулятъ обитель; они же благовѣстятъ и звонятъ, а въ наше время въ Никитскомъ монастырѣ (колокольня была низенькая) мы всегда видѣли монашенокъ, сбѣгавшихъ съ лѣстницы послѣ звона или благовѣста, что̀ конечно онѣ сами и исполняли. Сохранилось также въ памяти, что охотники изъ насъ хаживали по Воскресеньямъ къ обѣднѣ въ церковь *Богоявленія въ Елоховѣ* слушать проповѣдника, славившагося даромъ слова, и еще въ Андроньевъ монастырь (тамъ тоже хорошо говорилъ архимандритъ). Но именъ ни перваго, ни втораго не помню. Около церкви Богоявленія въ Елоховѣ бывала туча экипажей: съѣзжался кругъ высшій и богатый.

Теперь уже буду говорить собственно объ университетѣ и профессорахъ.

„Хвала тебѣ Елисавета,
„Въ царицахъ мудрая жена:
„Твоей рукой лампада свѣта
„Въ столицѣ древней возжена!“

Только я долженъ оговориться: мнѣ ближе были профессора отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, по которому я и окончилъ курсъ, и аттестатъ получилъ за подписью ректора Антонскаго и декановъ Цвѣтаева, Мерзлякова, Мухина и Двигубскаго. По словесному же отдѣленію я слушалъ: Мерзлякова, Тимковскаго и проч., даже Ал. Вас. Болдырева (Еврейскія древности и Арабскій языкъ), также физику у Двигубскаго.

Сандуновъ. Оригинальный характеръ его вамъ извѣстенъ. Памятна его гороховая съ большимъ воротникомъ шуба, въ которой онъ зимою, сопровождаемый Болтинымъ, Юдинымъ и еще полдюжиною студентовъ, медленно двигался чрезъ подземелье къ круглой аудиторіи. Мы встрѣчали его съ трепетомъ, а мнѣ доставалось больше всѣхъ: мнѣ поручена была имъ прилегавшая къ круглой аудиторіи комнатка, въ которой хранились всѣ бумаги, относившіяся къ практическому судопроизводству, какъ то протоколы лекцій, сенатскія записки по рѣшеннымъ дѣламъ, которыя мы перерѣшали, ящикъ

съ билетиками для выборовъ на разныя должности (разумѣется титулярныя), списки студентовъ съ отмѣткою бывшихъ и небывшихъ на лекціяхъ, книги законовъ и тотъ знаменитый налой, который я заблаговременно ставилъ передъ каѳедрой и къ которому не безъ страха подходили читать свои мнѣнія по дѣламъ кандидаты и студенты. Тутъ была и немалая потѣха. Пословицы сыпались одна за другой. „Что̀ это, батенька? перёдъ объяринный, а задъ крашенинный“; или: „борода выросла (у кого были замѣтны усики), а ума не вынесла“; или: „да дыши же, точно замшинное горло“; или: „гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало“, и проч. и проч.; или „толкуй Фоку да Якова, а всё одинаково“. Но никогда не было замѣчено какого нибудь видимаго неудовольствія со стороны тѣхъ, къ кому обращались эти нравоучительныя сентенціи: такъ было патріархально; и мы, за эту остроту и удивительную въ его лѣта́ живость, любили его, а одобреніе высоко цѣнили и о каждомъ ласковомъ словѣ его цѣлыя недѣли толковали.

Въ характерѣ Н. Н. Сандунова была особенность: онъ боялся грозы и грома. Это случалось замѣтить нѣсколько разъ. Чуть начнется громъ, онъ уже берётъ свою шляпу и, не кончивъ лекціи, уходитъ. Разъ, лѣтомъ, случилось забавное. Сандуновъ, при вѣтрѣ, замѣтилъ раскрытую форточку. Позвали сторожа (помню прозвище, Колобовъ) закрыть. Сторожъ, вооруженный какимъ-то шестомъ (достать такъ не могъ, а лѣсенки вѣрно не было) началъ прилаживаться, чтобъ закрыть, но вмѣсто того хватилъ по стеклу, которое и разсыпалось. Оказалось, что онъ былъ на второмъ взводѣ. Общій хохотъ.

Въ родѣ помощника субъ-инспекторамъ, Щедритскому и Романовскому *), былъ урядникъ Карпъ Ѳедулычъ (фамилія его никому была невѣдома). Онъ вечеромъ, въ 9-ть часовъ съ фонаремъ , и утромъ въ 8-мь ежедневно, какъ нѣкій Діогенъ, обходилъ всѣ студенческія комнаты и если кто еще не вставалъ или вечеромъ уже спалъ, приподнималъ съ головы одѣяло. Бывали шалости: вмѣсто отсутствующихъ дѣлали изъ шинели подобіе фигуры человѣка и покрывали одѣяломъ. Послѣ каждаго такого осмотра онъ доносилъ лично Сандунову. Кого не было, тѣ требовались къ инспектору для объясненій.

Тотъ же урядникъ, на недѣлѣ разъ, а иногда два, приходилъ за мною съ позывомъ къ инспектору. Иногда я читалъ ему; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ требовалъ мнѣнія; иногда диктовалъ мнѣ разныя дѣловыя бумаги. Было извѣстно, что онъ принималъ ходатайство по частнымъ дѣламъ. Однажды, пришедши къ нему по призыву, нашелъ я его въ библіотекѣ, въ которой старшая его дочь Софья Николаевна разбирала книги. Встрѣтивъ меня, онъ сказалъ: „вотъ пособи ей привести мои книги въ порядокъ“. Мы занимались этимъ разборомъ съ недѣлю. Въ одинъ день, послѣ этой

*) Щедритскій былъ магистръ, а о Романовскомъ шла между студентами молва, что написанную имъ на магистра диссертацію съѣли мыши.

переборки, Анна Васильевна (его супруга) сказала мнѣ: „теперь вы ужъ опоздали; останьтесь, пообѣдайте у насъ“. Сѣли за столъ. Кромѣ хозяевъ и двухъ дочерей (Софья была уже невѣста, а вторая еще крошка) подлѣ меня былъ какой-то гость въ родѣ пріѣзжаго помѣщика, молодой, можетъ быть женихъ Софьи. Она, какъ послѣ я узналъ, вышла за какого-то Тамбовскаго помѣщика. Вздумалось за столомъ Аннѣ Васильевнѣ, указывая на бутылку съ краснымъ виномъ, меня поподчивать, но тутъ послышались громовыя слова Н. Н-ча: „Что̀ ты его подчуешь, вѣдь онъ пьётъ запоемъ“. Конечно это шутка, и я тогда, кромѣ меду, ничего пить не могъ; но я просто сгорѣлъ отъ стыда, въ присутствіи еще дамъ.

Во всѣ четыре года я одинъ только разъ ѣздилъ на вакацію для свиданія съ матушкою въ Рязань, а прочія оставался въ Москвѣ. Сандуновъ въ эти разы (самъ уѣзжалъ куда-то) оставлялъ мнѣ работу, которой я въ то время понять не могъ, да и теперь не понимаю. Призвавъ къ себѣ, онъ далъ мнѣ четыре тома Дѣяній Петра Великаго Голикова, и четыре же тома Дополненій къ этимъ Дѣяніямъ того же автора и сказалъ, чтобы болѣе важныя статьи (а ихъ нашлось довольно) я сократилъ и по возвращеніи его ему доставилъ. Я исполнялъ порученіе съ усердіемъ и переписавъ поднесъ ему. Хотя отчасти понятно, что занятіе полезное и могло развивать и мысль, и слогъ, но думаю главное — усадить дома и отнять возможность рыскать по стогнамъ обширной столицы.

Чтобы покончить съ круглою аудиторіей, надобно сказать, что она была обсерваціоннымъ пунктомъ для зѣвакъ по вечерамъ. Дѣло идётъ о театрѣ. Тамъ, гдѣ теперь алтарь университетской церкви, была театральная гардеробная и когда начинался съѣздъ артистокъ, артистовъ и кордебалета (въ огромныхъ каретахъ, какихъ теперь уже не видать), можно было изъ оконъ (гдѣ теперь утверждены часы) видѣть всю эту разукрашенную суматоху: окна или вовсе не занавѣшивались, или занавѣшивались плохо. Въ бенефисы, какой-то невѣдомый театральный посланецъ раздавалъ намъ нѣсколько даровыхъ билетовъ, разумѣется въ раёкъ, съ словами: „хлопайте, господа, больше“. Близость театра подавала возможность, у кого были деньги, посѣщать лучшіе спектакли. Всё помнится: и Эдипъ въ Аѳинахъ (Семенова) и Димитрій Донской, и Поликсена, и Русалка, и Коварство и Любовь (Мочаловъ) etc. Въ антрактахъ мы успѣвали сбѣгать поужинать. Въ нумеръ къ намъ обыкновенно подавали два экземпляра Московскихъ Вѣдомостей, которыя мы передавали изъ комнаты въ комнату. Черезъ какой нибудь часъ газеты дѣлались пестрыми: просторъ критическому взгляду на вчерашній спектакль, разнымъ прибауткамъ и шуткамъ; есть гдѣ было разгуляться карандашу. Разумѣется, номеровъ и слѣда не оставалось: они обречены были на уничтоженіе. Да, вспомнилъ: они еще годились, какъ вы думаете на что? Никакъ не угадаете. Нѣкоторые изъ студентовъ попивали. Бывало П. Ив. Знаменскій (былъ лѣтъ подъ 30-ть) и В. Егор. Ивановъ ищутъ, не осталось ли

гдѣ газетъ; а дѣло идетъ къ Сандуновской лекціи, выходъ къ неизбѣжному налою и часто близкій съ нимъ разговоръ, а это не шутка: запахъ измѣнитъ и доложитъ о вчерашней пирушкѣ. Вотъ они и жевали эту газетную бумагу, конечно въ томъ убѣжденіи, какъ и сами увѣряли, что этимъ процессомъ онъ уничтожится. Ни прежде, ни послѣ о такомъ средствѣ мнѣ никогда слышать не случалось: Господь умудряетъ слѣпцы. Знаменскій, изъ духовнаго званія, былъ уже съ бородою, которую бывало начнётъ брить и ропщетъ на это, говоря: „зачѣмъ пошёлъ я въ университетъ? Толи дѣло—былъ бы теперь протопопомъ съ окладистой бородой, а теперь на что похожъ! Всѣ хохочутъ“. Впрочемъ сердца былъ добраго и нрава тихаго.

Цвѣтаевъ, Левъ Алексѣевичъ — противуположность Сандунову, тихій, кроткій. Мы всѣ его любили. Лекціи его были вечеромъ и бывало придётъ онъ пѣшкомъ отъ Сухаревой башни, лѣтомъ въ пыли, съ простою вязовою палкой. Сторожа́ были, но мы сами бросались къ нему помочь раздѣться или провожая пособить надѣть верхнее платье. Теперь бы сказали, что это неприлично; но гдѣ любовь связываетъ учителя съ ученикомъ, тамъ всякая услуга и вниманіе приличны.

Слава Богу на небѣ.... слава,
И нашему добродушному вѣку слава!

Когда было напечатано изданное имъ Римское Гражданское Право, онъ мнѣ сказалъ: „Г. Ляликовъ, я пришлю вамъ 200 экземпл. моей книги; помѣстите ихъ въ той комнаткѣ, которая подлѣ аудиторіи, и продавайте желающимъ студентамъ“. Книги были присланы такъ просто, въ листахъ. Цѣны экземпляру теперь уже не припомню, но кажется четыре двугривенныхъ. Ихъ разобрали скоро. И вотъ я (признаюсь, это довѣріе или порученіе отъ любимой особы было мнѣ лестно), завязавши всѣ эти двугривенные въ платокъ (чтобъ вымѣнить ихъ на ассигнаціи у меня и мысли не было, а я ихъ сберегалъ, какъ получалъ), иду съ этою ношею въ домъ Льва Алексѣевича почти рядомъ съ церковью Николы въ Грачахъ или Драчахъ, вхожу по знакомой уже крутой лѣстницѣ (простой, некрашеной) въ мезонинъ, гдѣ былъ его кабинетъ. „Очень благодаренъ вамъ, высыпьте всё это вотъ тутъ“. (Безъ всякой при мнѣ повѣрки). Я откланиваюсь и ухожу. Это повторялось не одинъ разъ, и книги вновь тоже присылаемы были сотнями.

Такъ, просто по добротѣ сердца или во вниманіи къ этой маленькой услугѣ, Левъ Алексѣевичъ доставилъ мнѣ двѣ (какъ въ то время говорили) кондиціи: одну у виннаго пристава Фокина, другую у какого-то иностранца (обучалась дочь), жившаго въ саду графа Тормазова, гдѣ-то за каретнымъ рядомъ (теперь я этого мѣста уже не узна́ю).

Такимъ образомъ, получая студенческаго жалованья по 10 р. ассигн. въ мѣсяцъ, да съ двухъ кондицій, не помню сколько, при готовой квартирѣ и столѣ, я ни въ чёмъ не нуждался. Изъ дому родительскаго тоже изрѣдка присылали пять-десять рублей. Батюш-

ка, по должности смотрителя богоугоднаго заведенія, получалъ жалованья 150 р. ассигн. въ годъ. Я просто могъ считать себя богатымъ человѣкомъ. Дѣйствительно, какое свѣтлое воспоминаніе о нашей незабвенной alma mater, объ этомъ дорогомъ времени! Ни одной непріятной черты не помню я во все время жизни въ университетѣ; даже прислуга была усердная и хорошая. И теперь не могу я равнодушно пройти мимо славнаго нашего святилища и всегда пользуюсь случаемъ черезъ подземелье пройти въ тотъ садикъ, теперь уже большой садъ, который на глазахъ нашихъ только еще начинался. Въ 1828 или 1829 году Левъ Алексѣевичъ пріѣхалъ визитаторомъ въ Рязанскую гимназію, гдѣ я уже былъ учителемъ Исторіи и Географіи. Онъ меня обласкалъ и послѣ ревизіи посѣтилъ (на что всѣ смотрѣли съ удивленіемъ, такъ какъ я былъ моложе всѣхъ моихъ товарищей). Предложенъ чай. Я передъ его пріѣздомъ только что женился и представилъ ему свою молодую жену. „Что̀, сударыня, не обижаетъ ли васъ вашъ молодой мужъ?“ спросилъ онъ жену съ своею добрѣйшею улыбкою. Невидно ли и тутъ, увы теперь неслышныхъ, отношеній отца къ сыну и обратно, которыми нѣкогда руководилось наше образованіе и воспитаніе? Дорогаго визитатора мы проводили далёко за заставу. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Льва Алексѣевича уже въ грустной обстановкѣ (въ 1830 или 1831 году). Поѣхалъ я съ покойною женою моей на богомолье къ Троицѣ-Сергію. Въ Москвѣ пробыли мы дня два. Я вздумалъ поклониться любимому профессору. Прихожу въ знакомый мнѣ домъ. Только изъ передней я отворилъ дверь, какъ увидѣлъ въ залѣ, въ углу на кровати, подъ одѣяломъ, лежащаго больнаго Льва Алексѣевича. „Вотъ, г. Ляликовъ, я нездоровъ и очень нездоровъ“. Я посидѣлъ, но слеза уже пробивалась въ глазахъ. Съ этой минуты я не имѣлъ случая болѣе видѣть этого добраго, благороднаго человѣка.

Иванъ Андреевичь Геймъ. Святая память! Знаніе, доброта, простота, доступность. Я хорошо помню (жили близко, отдѣлялись только коридоромъ), какъ онъ, за недѣлю, много двѣ, до кончины, медленно переступая съ палкою, пришёлъ на лекцію, какъ положилъ палочку у подножія каѳедры и, превозмогая себя, съ трудомъ, взволнованнымъ голосомъ, прочёлъ лекцію. Это была лебединая пѣснь. Полагаю, вы твердо помните это. — Я былъ въ восторгѣ получивъ отъ него только что изданную Всеобщую Географію. Къ этому присоединю смѣшное. Студентъ Непышневскій какъ-то выучился подражать кашлю его и, бывало, проходя по коридорамъ, волновалъ этою шуткою мирный бытъ студенческій. Всѣ бывало встревожатся: ректоръ, ректоръ, а иной догонитъ Непышневскаго и дастъ ему колотушку: значитъ не пугай по пустому. Говорили тогда (за вѣрность поручиться нельзя), будто Иванъ Андреевичь узналъ объ этомъ и, позвавъ Непышневскаго, сказалъ: „ну, г. Непышневскій, какъ вы меня представляете?“ и такъ далѣе.

Рогаля-Левицкій. Священникъ отъ Покрова въ Лёвшинѣ, на каѳедрѣ богословія, благообразный и кроткій, объяснялъ пріятно, но

былъ подверженъ запою. Уже по пріѣздѣ сюда изъ Одессы, я, бывши у Покрова въ Левшинѣ у обѣдни, замѣтилъ въ глубокой старости дьячка и спросилъ его о священникѣ Левицкомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что былъ дьячкомъ и при немъ, что Левицкій не могъ отстать отъ своей гибельной страсти и скончался еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Мерзляковъ. Лицё знаменитое, симпатичное, доброе. Бывало не увидишь, какъ пролетитъ лекція. Но непостижимо, такой человѣкъ не могъ побѣдить въ себѣ страсти къ вину. Мы, живя въ одномъ домѣ, много знали объ этомъ. Хаживалъ къ намъ жившій у него нахлѣбникомъ студентъ Новгородскій и разсказывалъ о немъ: покойный Алексѣй Өедоровичь нерѣдко бывалъ въ гостяхъ у Варгина, тогдашняго богача и подрядчика и тутъ-то начало болѣзни: дня три надо оправляться. Бывало, придешь въ аудиторію, дежурный кандидатъ говоритъ, что лекціи по болѣзни Алексѣя Өедоровича не будетъ. Мы знали, какая это болѣзнь; но такова сила таланта и Богомъ даннаго дара слова: послѣ этого всѣмъ извѣстнаго пробѣла, является на каѳедрѣ Мерзляковъ; встрѣча самая симпатичная, какъ будто ничего не бывало, тишина невозмутимая, и запѣлъ соловей! Всё забыто, и всѣ говорятъ, что Мерзляковъ краса университета. Кто теперь прочтётъ такую вдохновенную лекцію и такимъ языкомъ, съ такимъ чувствомъ, о родномъ словѣ? Я помню, раза два или болѣе бывалъ у него на лекціяхъ Ив. Ив. Дмитріевъ и однажды съ какимъ-то пріѣзжимъ архіереемъ. Къ нему же на лекцію (или къ Черепанову) въ 1819 или 1820 году, вошли, въ сопровожденіи ректора Гейма, путешественники-квакеры (двое), въ сѣрыхъ шляпахъ и длинныхъ песочнаго цвѣта камзолахъ, въ чулкахъ и башмакахъ. Разумѣется, наше большинство не вѣдало, что квакеры ни предъ кѣмъ и нигдѣ шляпъ не снимаютъ, и потому всѣ смотрѣли съ изумленіемъ на людей въ шляпахъ въ комнатѣ и предъ такою высокою особой, какимъ мы считали нашего глубоко-учёнаго ректора. Послѣ я гдѣ-то читалъ, что эти квакеры были проѣздомъ въ Москвѣ и пробирались въ отдаленные края Сибири. Въ заключеніе этой мелочной замѣтки нужно два слова сказать или прибавить. Разъ при входѣ Мерзлякова въ аудиторію раздались хлопушки. Мы съ изумленіемъ переглядываемся. Замѣтно, Алексѣй Өедоровичь разгорячился, покраснѣлъ и крикнулъ: „Господа, кто это?... въ солдаты!" Черезъ минуту все утихло, и лекція кончилась благополучно. Ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго этой кѣмъ-то сдѣланной глупости не случалось. Еще наивность. Для составленія моего аттестата я собиралъ объ успѣхахъ отзывы у профессоровъ. Прихожу и къ Мерзлякову. Вхожу въ залъ. Алексѣй Өедоровичъ въ синемъ китайчатомъ халатѣ сидитъ на подоконникѣ босикомъ, свѣсивъ ноги. Я объяснился и получилъ желаемое.

Брянцевъ. Каѳедра философіи. И въ то время рѣдкость, а теперь едвали можно сыскать подобное лицо. Наивенъ какъ дитя. Вѣдь теперь никто не повѣритъ: онъ насъ называлъ часто не по фамиліямъ, а по именамъ: Павелъ, Филиппъ, Максимъ etc.

Маловъ, Михаилъ Яковлевичъ, былъ страдающимъ у Цвѣтаева адъюнктомъ. И внѣшняя фигура, и какія-то неподходящія ужимки—всё отталкивало отъ него, и онъ вовсе не пользовался хоть какимъ нибудь расположеніемъ своихъ слушателей. Не разъ случалось (и я былъ при томъ на лекціи), что его встрѣчали шиканьемъ, свистками. Другой бы не вынесъ, просто оставилъ службу; но онъ все держался. Уже не знаю долго ли онъ оставался въ университетѣ.

Смирновъ, адъюнктъ Сандунова, человѣкъ простой и даже слишкомъ. Бывало на лекціи раздается съ парнасса голосъ, маскированный въ вопросъ серьёзный, „С. Ал.: что̀ больше или старше, уѣздный судъ или гражданская палата?“—С. А. отвѣчаетъ: „помилуйте, какъ вы этого не знаете, ещё у васъ дядюшка сенаторъ!“ Общій смѣхъ, да и самъ Сандуновъ надъ нимъ подсмѣивался, конечно въ частной бесѣдѣ.

Въ 1820 году мы задумали въ средѣ своей основать общество литературное, т. е. читать заготовляемыя сочиненія и разбирать ихъ критически. Нашлось съ десятокъ охотниковъ, въ томъ числѣ и я. Для нашихъ засѣданій предложилъ просторную свою квартиру И. В. Титовъ близъ церкви Николы въ Голутвинѣ, за Москвой-рѣкой. Мы сходились раза три; потомъ слышимъ, что квартальный съ буточниками за нами наблюдаетъ, а дальше и хозяинъ дома объявляетъ Титову, что онъ держать его въ своемъ домѣ, если не прекратятся сборища, не можетъ. Нечего дѣлать, надо было бросить. Такимъ образомъ самое невинное, чистое дѣло погасло не отъ бѣса полуденнаго, а отъ неотёсаннаго алгвазилы.

Въ означенный выше періодъ времени всегда мы сами ходили въ почтамтъ за полученіемъ писемъ. Такимъ образомъ, получивъ однажды въ почтамтѣ письмо отъ матушки и прочитавъ его тамъ же, я былъ пораженъ великою горестью: матушка увѣдомляла меня о кончинѣ батюшки. Я считался только кандидатомъ на казенное содержаніе, но опредѣлёнъ еще не былъ. Заливаясь слезами, я пошёлъ домой въ университетъ и, подходя къ Кузнецкому мосту, надумалъ зайти къ попечителю князю А. П. Оболенскому и попросить его объ ускореніи моимъ опредѣленіемъ. Надобно замѣтить, что я не только у него никогда не былъ, но даже и не имѣлъ случая видѣть. Прихожу въ домъ княжескій на Рожественкѣ (теперь, увы въ нёмъ табачная фабрика), докладываютъ. Я объясняю князю мое затруднительное положеніе по неимѣнію средствъ къ содержанію себя въ университетѣ. Князь обнадежилъ меня, что мое опредѣленіе будетъ ускорено, и дѣйствительно черезъ три-четыре недѣли я поступилъ на полное казенное содержаніе.

Большое удовольствіе доставляли намъ засѣданія, бывшія близко отъ насъ въ залѣ Благороднаго Пансіона. Библейскія бывали рѣдко, но по словесности довольно часто. Тутъ имѣли мы случай слушать Мерзлякова, Давыдова, и часто читалъ басни и мелкія стихотворенія В. Л. Пушкинъ, уже въ лѣтахъ, но съ жаромъ и пылкостію юноши; кажется также и Шатровъ.

Разъ, объ масляницѣ, въ той же большой залѣ воспитанники пансіона и частію университетскіе съиграли нѣсколько піесъ и весьма удачно. Публики было множество. Затѣвали-было и у насъ (Сандуновъ былъ любитель театра, и съ его стороны помѣхи бы не было), но не сладилось, и мѣстомъ дѣйствія избрали Воспитательный Домъ, въ которомъ и разыграно было нѣсколько комедій и водевилей, въ разное время. Участіе въ этомъ принимали и питомцы Воспитательнаго Дома и наши, наприм. Кантемировъ, Кошкаровъ-Логиневскій. Они тоже изъ воспитанниковъ Восп. Дома, но поступили въ университетъ и послѣ окончанія въ немъ курса долго служили въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Въ означенный выше періодъ времени (1818 — 1822), съ честію мы отдали послѣдній долгъ: 1) Ив. Ан-чу Гейму, котораго гробъ несли студенты до самой Лютеранской церкви; помню, пасторомъ было сказано очень хорошее надгробное слово; 2) М. М. Снегиреву (предано тѣло землѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ; 3) Р. Ѳ. Тимковскому и 4) А. М. Брянцеву. Какъ-то, уже по возвращеніи изъ Одессы, вздумалъ я осмотрѣть Армянское кладбище и потомъ прошёлъ на Ваганьковское. Тутъ, разсматривая памятники, случайно напалъ на могилу А. В. Болдырева, къ которому мы, слушавшіе его, были привязаны за его ласку и привѣтливое обращеніе. Такъ какъ Арабскій лексиконъ былъ у него единственный экземпляръ (а можетъ быть тогда, за исключеніемъ большихъ публичныхъ библіотекъ, и единственный во всей Москвѣ), то нерѣдко я ходилъ къ нему на квартиру списывать слова̀. Онъ жилъ гдѣ-то, помнится за Смоленскимъ бульваромъ. Всѣ знавшіе его искренно были огорчены печальнымъ для него окончаніемъ дѣла по извѣстному и громкому въ свое время напечатанію Чадаевской статьи въ журналѣ Н. И. Надеждина.

Въ этотъ же періодъ времени печальный случай встревожилъ университетъ. Жившій въ кандидатскихъ комнатахъ главнаго корпуса магистръ математическихъ наукъ Бугровъ застрѣлился. Мы знали, что его отправляли съ ученою цѣлью за границу, и все было приготовлено къ его отпуску. Раскрыта ли была причина этого случая, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Бугрова всѣ хвалили и говорили, что онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія.

Семья казенныхъ студентовъ и бывшихъ на благотворительныхъ коштахъ была небольшая, всего около 40 человѣкъ, принадлежавшихъ къ тремъ факультетамъ: юридическому, словесному и математическому. Студенты медицинскаго съ нами не имѣли ничего общаго и помѣщались, подъ ближайшимъ наблюденіемъ В. М. Котельницкаго, въ особомъ корпусѣ, ближайшемъ къ Никитскому монастырю.

Мы помѣщены были очень просторно, четверо въ комнатѣ, и снабжены желѣзными кроватями и кажется одѣялами — и только. Всё остальное, что́ относится къ постели, также одёжа, бѣлье, обувь—запасали сами. Также купили сами маленькіе столики и комодцы. Бѣлье мыли жены сторожей и за такую плату, которая въ настоящую минуту покажется баснословно дешевою (за сорочку

2 коп., платокъ, платенце 1 к., всё ассигнац.). Чищеніе сапогъ шло отъ сторожей (каждый коридоръ имѣлъ 3-хъ, 5-хъ служителей). За это платилось имъ по нѣскольку копѣекъ въ мѣсяцъ. Жалованья мы получали по 10 руб. ассигн. въ мѣсяцъ и пять или шесть свѣчей въ недѣлю, что̀ было весьма достаточно; ихъ разносилъ тотъ же посланникъ Юпитера (Сандунова) Карпъ Ѳедулычъ и клалъ каждому на его столикъ. По извѣстному въ то время, грозному изрѣченію Сандунова: „*самоваръ инструментъ трактирный и въ школѣ не годится*", на этотъ инструментъ наложено было veto, и потому нѣкоторые имѣли мѣдные чайнички и такимъ образомъ утѣшались чаепитіемъ. Другіе убѣгали для этого дѣла въ трактиры Цареградскій (въ Охотномъ ряду) и Знаменскій (недалеко отъ нынѣшней Казенной Палаты). Въ этихъ свѣтлыхъ заведеніяхъ (теперь ужъ и слѣдовъ ихъ нѣтъ) нѣкоторые изъ студентовъ были постоянными завсегдателями. Бывало такъ: половой подалъ чай, чрезъ нѣсколько секундъ ложечка стучитъ, половой вбѣгаетъ. Ему говорятъ: „подай еще горячей воды"; онъ схватываетъ чайникъ, въ которомъ еще много воды (и не вода нужна) и приноситъ тотъ же чайникъ будто съ водою, но въ немъ aqua vitae. Видно, тогда кондиціи трактирныхъ заведеній не дозволяли торговать драгоцѣнной влагой, и хозяева боялись соглядатаевъ, которые безъ сомнѣнія вездѣ были.

Въ праздничные дни нѣкоторые ходили въ дальніе монастыри къ обѣднѣ: Донской, Симоновъ, Новодѣвичій, и по церквамъ: къ Клименту, Всѣхъ Скорбящихъ, Мартыну Исповѣднику, Никитѣ Мученику въ Басманной и друг.; особенно, когда узнавали, что будутъ пѣть хорошіе пѣвчіе. Не пропускали и такъ называемыхъ монастырскихъ гуляній по ихъ храмовымъ праздникамъ. Разъ, помню, втроемъ наняли мы лодку у Москворѣцкаго моста (6 Авг.) и поплыли къ Новоспасскому монастырю. Плавали также къ Воробьевымъ горамъ, лакомились молокомъ и малиной въ Марьиной рощѣ и въ Останкинѣ, гдѣ осматривали богатый дворецъ знатнаго боярина. Я помню, кромѣ картинъ, великолѣпную мраморную статую Екатерины II-ой. Цѣла ли она и гдѣ теперь? Такъ разнообразили мы тихую студенческую жизнь. Но надо сказать слова два и о пѣніи, которое доставляло немалое удовольствіе. Были любители и съ хорошими голосами: Знаменскій, Ивановъ, Персіаниновъ и проч. и проч. Хоръ составлялся большой. Приходили и медики, и всегда Гульковскій. Бывало, въ лѣтніе жары, всѣ о̀кна открыты, и гулъ несётся далёко. Кто нибудь скажетъ: „господа, надо закрыть окна, очень громко; услышитъ ректоръ". Кромѣ торжественной Gaudeamus igitur распѣвалась любимая въ то время пѣсня:

„Сей конь, кого и вихрь въ поляхъ не обгонялъ,
„Онъ спитъ, на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ".

Съ припѣвомъ: „Ахъ, Зара, какъ серна, стыдлива была,
„Какъ юная пальма долины цвѣла", etc.

Или Мерзлякова: „Среди долины ровныя"...

Москва. 14 Октября 1875.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г-НА БРИКНЕРА О ДНЕВНИКѢ ХРАПОВИЦКАГО.

Господинъ профессоръ императорскаго Дерптскаго университета Брикнеръ (Brückner), въ журналѣ, издаваемомъ въ С. Петербургѣ, подъ заглавіемъ Russische Revue (Русское Обозрѣніе) и имѣющемъ цѣлью знакомить Западную Европу съ трудами Русскихъ ученыхъ, помѣстилъ въ нынѣшнемъ году (тетрадь 9-я) статью подъ заглавіемъ *Zur Charakteristik der Kaiserin Katharina II* (Къ характеристикѣ императрицы Екатерины II). Осмьнадцать страницъ послѣсловія этой статьи посвящены нападкамъ на меня, какъ на издателя автографическаго Дневника Храповицкаго. Можно вообразить, какъ удивится Европейскій читатель, когда увидитъ, что ученый профессоръ, вопреки данному имъ заглавію, занимается въ этомъ послѣсловіи не характеристикою великой государыни, а уничиженіемъ, во что бы то ни стало, моего труда, дающаго такой обильный источникъ именно для характеристики Екатерины II-ой. Мы не увлечемся примѣромъ ученаго профессора и прямо приступимъ къ дѣлу.—За трудъ изданія Дневника Храповицкаго Русскіе ученые, гг. Безсоновъ *) и Брикнеръ, нашли необходимымъ почтить меня самой ожесточенной бранью. Можно подумать, что я совершилъ какое нибудь преступленіе, заслуживающее презрѣнія и кары. По истинѣ, странное положеніе! Само собою разумѣется, что я никогда бы не позволилъ себѣ отвѣчать этимъ ученымъ, еслибы дѣло только шло о моей личности; но эти господа силятся заподозрить въ подлинности текстъ *подлинной* рукописи Храповицкаго, которую князь П. А. Вяземскій благосклонно довѣрилъ мнѣ издать. Г-да Безсоновъ и Брикнеръ требуютъ отъ меня, чтобы я сличалъ автографъ съ позднѣйшими копіями съ него и тамъ, гдѣ они находятъ въ изданной мною рукописи различіе отъ прежнихъ изданій, происходящее отъ недосмотра переписчиковъ, они это различіе относятъ къ моему невѣжеству.

Не ограничиваясь моею личностью, г. Брикнеръ позволилъ себѣ самыя оскорбительныя и въ высшей степени несправедливыя выходки противъ заслуженнаго ученаго Д. В. Полѣнова, и поэтому я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ здѣсь заявить, что совѣтами и *„руководствомъ“* Д. В. Полѣнова, я пользовался *только* при изданіи *текста* Дневника; въ составленіи же Объяснительнаго Указателя, онъ не только не принималъ участія, но даже не одобрялъ ни плана, ни исполненія его; а потому если и есть какіе либо промахи и ошибки въ Указателѣ, я при-

---

*) Озлобленіе противъ меня г. Безсоновъ перенесъ и въ свою книгу: Нашъ Вѣкъ (1874), изданную имъ на счетъ Общества Любителей Россійской Словесности. Но вотъ что любопытно: на оборотѣ 1-го листа этой книги, г. Безсоновъ напечаталъ слѣдующее предостереженіе: „Повторяется по прежнему просьба и предупрежденіе не перепечатывать“; а самъ, Богъ знаетъ для чего, перепечаталъ почти весь Дневникъ Храповицкаго, сначала изданіе Г. Н. Геннади, а съ 306 стр. мое. И при этомъ сдѣлалъ забавное примѣчаніе: „Мнѣніе наше о семъ трудѣ (моемъ изданіи) *предложено литературѣ* (sic) въ Московск. Вѣдом. № 77, 1874. Текстъ у г. Геннади представляется намъ понятнѣе и во всякомъ случаѣ пріобрѣтаетъ *смыслъ изъ нашихъ толкованій*“ (sic). Забавное самообольщеніе! Какъ будто Дневникъ Храповицкаго не имѣлъ смысла до толкованій г. Безсонова.

нимаю ихъ на свою личную отвѣтственность. Само собою разумѣется, что совѣты и руководство Д. В. Полѣнова не дѣлаютъ его нисколько отвѣтственнымъ за могущіе встрѣтиться недосмотры и въ самомъ текстѣ Дневника, такъ какъ на заглавномъ листѣ изданія стоитъ мое имя, а не г. Полѣнова. Такимъ образомъ я рѣшительно не могу понять, зачѣмъ г. Брикнеру понадобилось припутать имя извѣстнаго ученаго къ моему скромному имени.

Г. Брикнеръ начинаетъ свои обвиненія съ того, что я не опредѣлилъ отношенія издаваемой мною *подлинной* рукописи къ прежнимъ изданіямъ Дневника Храповицкаго. Считаю нужнымъ поставить ему на видъ, что первый издатель, Свиньинъ, пользовался *подлинною рукописью* и тою самою, которая потомъ перешла ко мнѣ. Въ доказательство тому приведемъ свидѣтельство племянника Храповицкаго, Н. В. Сушкова, который пишетъ: „Храповицкій велъ краткія и непрерывныя записки. Многія изъ нихъ *я* напечаталъ въ Отечественныхъ Запискахъ (Свиньина) 1821—1828 г. Этотъ „важный источникъ для исторіи того времени поднесенъ Государю Наслѣднику (нынѣ благословенно царствующему Государю Императору) роднымъ братомъ моимъ П. В. Сушковымъ, отцомъ графини Ростопчиной. Съ „рукописи этой (въ двухъ частяхъ) *много взято списковъ*" (Раутъ 1854, кн. III, 131). Дальнѣйшая судьба этой рукописи извѣстна изъ моего Предисловія (VII, VIII). Что́ же касается до списковъ, которыми пользовался Г. Н. Геннади, то они суть копіи съ нашей рукописи; о нихъ упоминаетъ выше Н. В. Сушковъ (см. также §§ 3 и 10). Въ виду приведенныхъ доказательствъ, разсужденіе г. профессора (стр. 190—206) представляется не ведущимъ къ дѣлу. Въ отвѣтѣ своемъ г. Безсонову я принужденъ былъ напомнить ему основное правило, обязательное для каждаго издателя письменныхъ памятниковъ: *критическое отношеніе къ печатаемому тексту имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда подлинникъ утраченъ и текстъ возстановляется издателемъ съ помощью нѣсколькихъ списковъ, представляющихъ разнорѣчія.* Но г. г. Безсоновъ и Брикнеръ учатъ, что автографъ слѣдуетъ повѣрять съ позднѣйшими его копіями.

Далѣе, приступая къ разбору изданнаго мною Дневника, г. Брикнеръ говоритъ: „Укажемъ на нѣкоторыя *очевидныя ошибки*, которыя находятся „во 2-мъ изданіи (т. е. Геннадіевскомъ), ошибки сильно порицаемыя (scharf „gerügt) г. Полѣновымъ *) и все-таки повторяющіяся въ 3-мъ изданіи „Дневника (т. е. въ моемъ) безъ малѣйшаго даже намека *на очевидно болѣе правильное чтеніе 1-го изданія*". По счастію, я имѣю еще въ рукахъ *подлинную рукопись* Храповицкаго и, такимъ образомъ, не лишенъ возможности по крайней мѣрѣ въ двадцатый разъ провѣрить себя. Какія же это „*очевидныя ошибки*", указываемыя ученымъ профессоромъ?

1) Храповицкій записалъ, что Екатерина, говоря о глупости и тиранствѣ Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, замѣтила: его „два раза *подкрѣпляли*" (подъ 8 Апр. 1787). Такъ стоитъ въ подлинникѣ и такъ напечатано у Геннади и у меня; но г. Брикнеръ заподозриваетъ правильность чтенія послѣдняго слова на томъ основаніи, что Д. В. Полѣновъ, разбирая изданіе Геннади и основываясь на чтеніи Свиньина, находилъ тогда, что „*подкупали*" вѣрнѣе, чѣмъ „*подкрѣпляли*". Замѣтимъ здѣсь разъ навсегда, что г. Полѣновъ, писавшій свой разборъ въ 1867 году, не имѣлъ подъ рукою *подлинной рукописи* Дневника, а потому принужденъ былъ провѣрять текстъ Геннадіевскаго изданія съ текстомъ Свиньина, такъ какъ послѣд-

*) Объ изданіи Памятныхъ Записокъ А. В. Храповицкаго (Р. Архивъ 1867 № 5. 6).

ній издавалъ дневникъ по подлинной рукописи. Теперь же, имѣя предъ глазами эту подлинную рукопись, повторяемъ, что у Геннади и у меня слово *„подкрѣпляли“* прочитано согласно съ подлинникомъ. Да и слово *„подкрѣпляли“* имѣетъ здѣсь ясный и опредѣленный смыслъ, совершенно согласный съ ходомъ дѣла: Екатерина могла хана подкрѣплять, но ей не было никакой надобности его подкупать.

2) 5 Ноября 1788 г. Екатерина имѣла выходъ именно *„изъ бриліантовой“* (какъ, согласно съ подлинникомъ, напечатано у Геннади и у меня), а не изъ *„биліардной“* комнаты, какъ полагаетъ г. Брикнеръ (стр. 201). Я напечаталъ, какъ написано въ *подлинникѣ*: *„бриліантовой“*. Теперь же, въ поясненіе ученому рецензенту, считаю полезнымъ сказать, что въ царскихъ чертогахъ *бриліантовыми* комнатами называются тѣ, гдѣ хранятся бриліанты, но разумѣется не комнаты будто сдѣланныя изъ бриліантовъ; а потому ученый рецензентъ напрасно беретъ подъ свою защиту совершенно ненужное исправленіе текста. Впрочемъ, еслибы въ *подлинникѣ* стояла *биліардная* комната, то я не увлекся бы никакими личными соображеніями, чтобы поддерживать гадательное чтеніе, хотя бы мнѣ и мерещились, отчего Боже упаси, бриліанты или другія цѣнности. Въ числѣ внутреннихъ комнатъ Зимняго дворца, занимаемыхъ Екатериною, была именно *бриліантовая*, о которой упоминаетъ и преемникъ Храповицкаго А. М. Грибовскій (Записки, изд. 1864, стр. 23 и 24). Комната эта находилась за тронной, недалеко отъ уборной и спальной (стр. 24 и 51). Черезъ нея императрица выходила въ церковь. Комнаты шли въ такомъ порядкѣ: 1) уборная, 2) бриліантовая 3) тронная, 4) кавалерская. Понятна вполнѣ и замѣтка Храповицкаго подъ 5 Ноября 1788 года: „Ив. Перф. Елагину сказано привѣтствіе при выходѣ изъ *бриліантовой*, и было съ нимъ изъясненіе въ кавалерской комнатѣ“. Въ бриліантовой хранились государственныя регаліи (Георги, Описаніе Петербурга, стр. 76).

3) Подъ *7 Сентября 1787 г.* у Храповицкаго записано: „Подписанъ манифестъ о войнѣ съ Турками; *напечатанъ 9-го числа*“. Слѣдующая запись идетъ *11-го числа*. Геннади и я это мѣсто напечатали совершенно *согласно* съ подлинникомъ. Замѣтимъ кстати: это мѣсто служитъ однимъ изъ сильныхъ доказательствъ, что Геннадіевскіе списки были сняты съ нашего подлинника. Свиньинъ же, находя въ этомъ мѣстѣ кажущуюся несообразность, *передѣлалъ* его такимъ образомъ: *„9 Сентября*. Подписанъ „манифестъ о войнѣ 7-го, а сегодня напечатанъ“; а г. Полѣновъ по этому поводу замѣтилъ: *„Не видавъ* подлинныхъ записокъ, трудно сказать „положительно, который текстъ вѣрнѣе“. Но теперь, имѣя предъ глазами подлинникъ, можно сказать положительно, что у Геннади и у меня это мѣсто напечатано какъ въ подлинникѣ; соображенія же г. Брикнера (стр. 201) лишаются всякаго основанія.

4) Подъ 16 Іюнемъ 1788 г. записано: „Рѣшились *остановить* на время адмирала Грейга“. Разбирая это мѣсто, г. Брикнеръ (стр. 201) приводитъ опять предположеніе г. Полѣнова, который находилъ, согласно Свиньину, *„оставить“* вѣрнѣе, чѣмъ *„остановить“*. Не входя въ оцѣнку сомнительнаго исправленія Свиньина, я долженъ подтвердить, что въ подлинникѣ записано *„остановить“*. Самъ же г. профессоръ въ своей книгѣ „Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790“ (1869), приводя это мѣсто изъ Храповицкаго, пишетъ: „Грейгъ *остановился* при Ревелѣ“ (стр. 90).

5) У Храповицкаго (подъ 30 Маемъ 1786 г.) записано: „Князь Потемкинъ... хотя *дастъ щелчка*, однакоже самъ первый станетъ просить за „своего недруга“... Здѣсь г. Брикнеръ вздумалъ насъ учить Русскому языку. Онъ находитъ, что *дастъ щелчки* правильнѣе, чѣмъ *дастъ щелчка*

(стр. 201). Конечно, Русскій писатель Храповицкій не могъ иначе написать, какъ у меня напечатано. У Геннади же это мѣсто напечатано ошибочно противъ подлинника: *даетъ щелчка*, что́ и дало поводъ г. Полѣнову его поправить: *даетъ щелчки*.

6) Подстрочное примѣчаніе въ текстѣ къ „Герцогу Курляндскому", на стр. 12, принадлежитъ Д. В. Полѣнову, а равно и примѣчаніе на стр. 48 принадлежитъ ему же.

7) Слова императрицы Екатерины, приводимыя Храповицкимъ, мы не отмѣчали кавычками потому, что кавычекъ нѣтъ въ подлинникѣ.

8) Подъ 7 Августомъ 1790 года въ подлинникѣ стоитъ: „Читали при мнѣ „шуточный отвѣтъ au prince de Ligne, гдѣ на счетъ *Кор. Пр.* (короля „Прусскаго) сказано, что въ походѣ употребляетъ 100 cheveau pour son „bagage et plusieurs chariots avec la troupe des comédiens; дожилъ до „40-ка лѣтъ, pour être mené par un parvenu" *). Можетъ ли тутъ быть хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что рѣчь идетъ о королѣ Прусскомъ Фридрихѣ Вильгельмѣ? Но отъ того, что Геннади ошибочно напечаталъ: на счетъ *князя Потемкина*", г. профессоръ пускается въ глубокомысленныя разсужденія и въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ дѣйствительно о *королѣ Прусскомъ*, а не о *Потемкинѣ*. Поздравляемъ г. профессора съ этимъ открытіемъ.

9) Подъ 25 Мартомъ 1788 г. записано: „Поздравленъ съ праздникомъ.— Читано продолженіе приготовляемаго торжества *Потачкинымъ* **). Сказано, что, проходя всѣ сцены, были ими довольны". Д. В. Полѣновъ, разбирая это мѣсто Геннадіевскаго текста, выразилъ удивленіе: „какъ забрался въ „текстъ *Потачкинъ*?" Удивленіе же Полѣнова произошло отъ того, что Свиньинъ *Потачкина* передѣлалъ въ *Потемкина*. У Геннади же и у меня это мѣсто напечатано согласно съ подлинникомъ. Стало быть профессоръ, сообщающій Западной Европѣ характеристику Екатерины, не знако́мъ съ литературною дѣятельностью императрицы, дѣятельностью, которая, какъ всѣмъ извѣстно, занимала такое видное мѣсто въ ея жизни.

10) Банкиръ *Туртонъ*, упоминаемый подъ 30 Мартомъ 1788 г., у Геннади и у меня напечатанъ *ошибочно: Пуртонъ*. Но эта ошибка, встрѣтившаяся у Геннади и повторявшаяся у меня, служитъ опять доказательствомъ тому, что Геннадіевскіе списки сдѣланы съ нашего подлинника: ибо въ немъ *Туртонъ* такъ написанъ, что его легко принять за *Пуртонъ*.

11) Подъ 28 Ноября 1788 г. записано: Екатерина думала, „что приближающаяся кончина кор. Англ. и посланныя en clair письма къ *Нессель-„роду* (Русскій посланникъ въ Берлинѣ) заставятъ подумать *К. Пр.* (ко-„роля Прусскаго)". Опять повторимъ: можно ли здѣсь хоть на минуту сомнѣваться въ томъ, что рѣчь идетъ о *королѣ Прусскомъ*, а не о *кн. Прозоровскомъ*, какъ ошибочно напечаталъ Геннади?

12) Подъ 29 Дек. 1788 г.: „Подалъ письмо полков. Бенкендорфа съ приказаніемъ *его в-а* (высочества)", т. е. в. к. Павла Петровича. Напечатано у меня *вѣрно*; а у Геннади ошибочно: *ея величества*.

13) Въ изданіи Геннади, подъ 12 Сент. 1790 г., напечатано: „Знаешь, что „Шведскій король хочетъ начать мирное торжество наказаніемъ *И. Е.*, и

---

*) Разумѣется королевскій фаворитъ Бишофсвердеръ. *П. Б.*

**) *Потачкинъ*, дѣйствующее лицо комедіи „Недоразумѣніе", „учитель, педантъ, „ласкатель, лицемѣръ" (Сочин. Имп. Екатерины II Изд. Смирдина 1849 г. стр. 59—165).

„еще четверыхъ?“... Словоохотливый профессоръ раскрываетъ эти начальныя буквы слѣдующимъ образомъ: *Н* (jägerhorn. Егергорнъ) и *Е* (Enehjelm); но въ нашемъ текстѣ совершенно вѣрно съ подлинникомъ напечатано: „Знаешь ли, что кор. Шв. хочетъ тѣмъ начать мирное тор-„жество, чтобъ отсѣчь головы *Hacstesko*, *Otter* и еще четверыхъ“. Неужели познаніе исторіи, которымъ такъ кичится г. профессоръ, приводитъ только къ такимъ невѣрнымъ и пустымъ догадкамъ!

14) Подъ 20 Апрѣля 1788 года у Храповицкаго записано: „Разбирая „внутреннюю почту, довольны были, что скоро придетъ *Солпинской* кара-„ванъ съ хлѣбомъ“. Такъ напечатано у меня и совершенно согласно съ подлинникомъ. Господинъ же Дерптскій профессоръ Русской Исторіи (кажется, тоже и Статистики) одобряетъ Геннади за то, что у него напечатано не *Солпинскій* караванъ съ хлѣбомъ“ а „*Колпинскій*“, потому-де, что онъ, г. Брикнеръ, знаетъ мѣстечко Колпино, а мѣстечка Солпино не знаетъ (haben wir mehr Zutrauen an der Lesart bei Hrn Gennadi „*Кол-„пинскій*“, weil *uns* ein Ort „*Ssolpino*“ nicht bekannt ist, wohl aber ein „Ort *Kolpino*“, стр. 206). Изумительно, что профессоръ Статистики ищетъ *Солпина* въ *Колпинѣ*.

Не трудно по созвучію сказать, что *Солпино* должно быть *Колпино*. Какъ же профессору Русской Исторіи и Статистики не пришло въ голову вопроса: почему императрица Екатерина, „разбирая *внутреннюю почту*“, была довольна, „что скоро придетъ *Солпинской* караванъ съ хлѣбомъ?“

Попытаемся разрѣшить этотъ вопросъ. Извѣстно, что 1787 годъ былъ неурожайный и что это обстоятельство заботило имп. Екатерину. Указомъ отъ 23 Сентября того же года (П. С. Зак. № 16578) было подтверждено о вольной и повсемѣстной торговли хлѣбомъ, указомъ же 27 Сент. 1787 (№ 16581) — о невоспрещеніи вывоза хлѣба изъ одной губерніи въ другую; а 11 Мая 1788 (№ 16665) было подтверждено, именно вслѣдствіе неурожая 1787 года, представить обстоятельныя доношенія императрицѣ и Сенату объ урожаѣ хлѣба въ губерніяхъ не позже Ноября мѣсяца. Что же касается до Солпинскаго каравана съ хлѣбомъ, то г. профессоръ Статистики долженъ былъ бы знать, что *Солпы* или *Солпа* есть деревня Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, на берегу рѣки Мсты, гдѣ находится пристань, откуда отправляется до 100 судовъ съ мукою овсомъ и пр.; а близъ этой пристани находится извѣстный *Солпинскій* порогъ. Нева въ 1788 году вскрылась 9 Апрѣля; а Мста вскрывается нѣсколько ранѣе; а потому 20 Апрѣля императрица могла получить свѣдѣніе, что хлѣбный караванъ тронулся въ путь изъ Солпы къ Петербургу. О томъ же, чтобы когда либо приходили караваны съ хлѣбомъ изъ *Колпина*, я увѣренъ никто отродясь не слыхивалъ.

15) Подъ 5 Сент. 1790 г. у Храповицкаго записано: „*чмкнл* *)“ (чмокнули), услыша отъ меня, что гр. Ив. Петр. Салтыковъ ждетъ въ уборной“. Такъ означено въ *подлинной рукописи* Дневника и такъ напечатано въ моемъ изданіи. Геннади ошибочно напечаталъ „*Смолкнули*“, услыша отъ меня, что гр. Ив. Петр. Салтыковъ и пр.; а г. профессоръ говоритъ: „дѣло ясное, что чтеніе Геннади (т. е. *смолкнули*) вѣрнѣе, и мы, продолжаетъ профессоръ, будемъ и впредь придерживаться этого чтенія“. Прошу же выслушать: Храповицкій въ своихъ сокращеніяхъ опускалъ гласныя буквы. Въ оригиналѣ стоитъ *чмкнл*; имѣя въ виду вышеуказанное правило автора Дневника, я чрезъ прибавленіе гласныхъ возстановилъ то слово: *чмок-*

---

*) А не *чмкня*, какъ напечатано въ статьѣ г. Брикнера.

нули. Желательно знать мотивы, на которыхъ основывается твердое намѣреніе профессора придерживаться такого слова, котораго нѣтъ въ подлинникѣ.

16) Подъ 11 Іюня 1789 года говорится о банкротѣ Лудвигѣ. Г. Брикнеръ увѣряетъ, что тутъ слово банкротъ не имѣетъ никакого смысла и обвиняетъ меня въ томъ, что я до такой степени невѣжественъ, что даже не понимаю различія между словами: банкиръ и банкротъ (стр. 213). Въ подлинной рукописи стоитъ *банкротъ*, и слово это имѣетъ здѣсь ясный и опредѣленный смыслъ: „Вице-канцлеръ", повѣствуетъ Храповицкій, „подалъ проектъ *банкрота* Лудвига о компаніи для чистки судоходныхъ „рѣкъ". Ему отказали въ этомъ, и Екатерина съ жаромъ говорила Храповицкому: „peut on donner dans le panneau? Et voilà une tête qu'on „croit homme d'état!" Совершенно недоумѣваемъ, на основаніи какихъ *ученыхъ* соображеній г. Брикнеръ дошелъ до убѣжденія, что здѣсь слово *банкротъ* не имѣетъ смысла.

17) Напечатанныя мною, согласно подлиннику, слова императрицы: „*C'est des grands enfans*, qu'il faut mettre à la raison, sans leur dire des „grossièretés" (подъ 24 Янв. 1789), ученый рецензентъ исправляетъ такимъ образомъ: „Ce sont *des* grands enfants"... Не говоря уже о безполезности исправленія оборота совершенно принятаго въ разговорномъ языкѣ, я позволю себѣ замѣтить, что чтеніе предлагаемое г. Брикнеромъ едва ли правильно. Если уже дѣлать поправку, впрочемъ безполезную, не правильнѣе ли было бы сказать: „Ce sont *de* grands enfants"?.. (стр. 214).

Въ заключеніе, приходится мнѣ повторить опять тоже, что̀ мною сказано по поводу подобнаго же разбора моего изданія, „*предложеннаго литературѣ*" г. Безсоновымъ: какая можетъ быть цѣль подобныхъ нападокъ, такъ какъ объ *ученой* цѣли тутъ конечно не можетъ быть и рѣчи? И что̀ извлечетъ изъ подобныхъ критикъ будущій четвертый издатель сего драгоцѣннаго историческаго памятника, издатель, о которомъ они оба, г. г. Безсоновъ и Брикнеръ, такъ мечтаютъ? Въ разборѣ своемъ г. Брикнеръ блистательно проявилъ тѣ качества, которыя замѣчены и поставлены на видъ ученому міру представителемъ *Германской* науки, историкомъ Германомъ въ его: „I. G. Vockerodt und der Professor für Russische Geschichte zu Dorpat A. Brückner. Eine Entgegnung von E. Hermann". Вотъ эти качества: „*самонадѣянность, пустое многословіе, превратное примѣ-„неніе основныхъ законовъ исторической критики, легкомысліе, ничтожные „и ложные критическіе пріемы, навязчивость своихъ пустыхъ исправленій, „мнимая точность, мелочность и полнѣйшее неумѣніе отличать главное „отъ второстепеннаго*". Извѣстный Каро, упоминая гдѣ-то (кажется въ Іенскомъ Literaturzeitung) о выходкахъ или „вылазкахъ" того же Дерптскаго профессора Брикнера противъ историка Германа, даетъ весьма поучительный совѣтъ: что въ воробьевъ не слѣдуетъ стрѣлять изъ пушекъ.

Этого мудраго совѣта мы и будемъ впередъ держаться.

Николай Барсуковъ.

27 Сентября 1875 года.
С. Петербургъ.

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ КОЛЬЦОВА.

Письмо къ Бѣлинскому.

Въ бумагахъ покойнаго Юрія Никитича Бартенева (перешедшихъ по завѣщанію къ его другу Алексѣю Зиновьевичу Зиновьеву, коему мы обязаны особенною признательностью за доставленіе ихъ въ Русскій Архивъ) нашлось нѣсколько листковъ, писанныхъ Кольцовымъ и содержащихъ въ себѣ семь его стихотвореній, посланныхъ имъ Бѣлинскому, при нижеслѣдующемъ письмѣ. Стихотворенія представляютъ нѣкоторыя разнорѣчія сравнительно съ изданнымъ ихъ текстомъ; поэтому мы ихъ приводимъ вполнѣ по самой рукописи, означая при заглавіи, на какой именно страницѣ общеизвѣстныхъ стихотвореній Кольцова (изданія 1856 года) могутъ найти ихъ любители подобныхъ сличеній. *П. Б.*

*

„Грусть дѣвушки", шестой куплетъ я отчеркнулъ; онъ кажется мнѣ лишнимъ; если и вы найдете тоже, то его вонъ, и тогда уже будетъ надо въ послѣднемъ куплетѣ вмѣсто: „нѣтъ не въ радости" поставить: „ахъ не къ радости". Эдакъ будетъ она полнѣе.—„Жалобу" я посвятилъ вамъ потому, что въ ней много сказано отъ души и про васъ и про меня. Въ этой сторонѣ нашего житія у меня съ вами много схожаго. Конечно, если напечатать ее въ журналѣ, то посвященіе можно будетъ замарать. Я вовсе не думалъ посвятить вамъ печатно, а лишь положить ее на ваше чувство. „Шакспиръ, дума *)": если хороша, то мнѣ бы весьма хотѣлось ее напечатать съ посвященіемъ князю Вяземскому, и объ этомъ я у него спрашивалъ; онъ съ охотой согласился.—„Ночь": эта пѣсня пахнетъ какою-то Русскою балладой. Пожалуй, если я не ошибаюсь, то поставьте и баллада. И тоже, если она вамъ понравится, то напечатайте съ посвященіемъ князю Одоевскому. Согласіе и отъ него тоже взято.—„Поминки": названіе не хорошо. Какъ хотите, такъ и назовите. Въ ней я сначала чертовски хвалю всю нашу братію, но все таки въ ней чистая правда. А о Станкевичѣ конечно надо бы говорить больше, но я этого сдѣлать не съумѣлъ. По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ что́ могъ и сказалъ какъ съумѣлъ, другіе пусть скажутъ лучше. Но у меня спала тяжесть съ души, а то все укоряла меня его безвременная смерть. И эта прекрасная, чистая душа какъ будто говорила все мнѣ на ухо: „схоронили, позабыли".—„Ночь и пѣсня: много есть у меня" страшно понравились Рабусу. Послѣднюю онъ тотчасъ же перевелъ понѣмецки.

Каково, Виссаріонъ Григорьевичъ, нежданно-недуманно я написалъ какую пропасть; и еще, кажется, напишу и что́ выйдетъ, прямо къ вамъ. Мое маранье теперь исключительно дѣлается больше для однихъ васъ; такъ ужъ у меня давно рѣшено. Я писалъ вамъ

---

*) Напечатано въ Стихотвореніяхъ Кольцова подъ заглавіемъ Поэтъ, но безъ посвященія князю П. А. Вяземскому, которому Кольцовъ былъ много обязанъ въ своихъ житейскихъ дѣлахъ (см. статью Бѣлинскаго въ предисловіи къ Стихотвореніямъ Кольцова и пи́сьма сего послѣдняго къ князю Вяземскому въ Р. Архивѣ 1868, стр. 458). *П. Б.*

о вашемъ братѣ, но забылъ еще сказать одно слово. Если вы захотѣли бы его взять къ себѣ въ Питеръ, то я этого дѣлать не совѣтую, по крайней мѣрѣ до экзамена. Да и онъ самъ ѣхать не хочетъ; сегодня я съ нимъ говорилъ объ этомъ. Осталось время немного. Доживетъ и здѣсь. Аксаковъ [1]) далъ ему переводить повѣсть изъ Гофмана для Москвитянина и сказалъ, если она не напечатается въ немъ, то тогда отошлетъ въ Записки. Я ему растолковалъ, чтò это значитъ. Еще разъ прощайте, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ. Вашъ Кольцовъ.

ГРУСТЬ ДѢВУШКИ.

(Стр. 147).

Отъ чего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь—
Чтó коса моя?

Иль обрызганъ ты,
Въ скукѣ-горести,
По милу дружку,
Слезой дѣвичьей?..

Въ ширóкихъ степяхъ
Дона тихаго,
Зелѐна трава
Давно скошена....

На селѣ косцы
Давно женятся;
Одного лишь нѣтъ—
Ясна сокола!...

Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?...

Ахъ, не птица тамъ
Въ небѣ плаваетъ:
То печальный слухъ
Объ немъ носится.

Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь;
Ахъ, не къ радости
Плакать хочется....

Москва. 1840 года 10 Декабря.

ШАКСПИРЪ.

ДУМА.

Посвящаю

князю Петру Андреевичу Вяземскому.

(Стр. 182).

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли,
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды....

Міръ есть—тайна Бога,
Богъ есть—тайна жизни.
Цѣлая природа [2])
Въ душѣ человѣка.

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ....

Гражданинъ-художникъ,
Создаетъ картину—
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ,
Себя проявляетъ

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя...

Дивныя созданья [3])
Мысли всемогущей!
Весь міръ передъ вами
Со мной исчезаетъ!...

Москва. 1840 года 7 Декабря.

---

[1]) Константинъ Сергѣевичъ. *П. Б.*

[2]) Или: Онъ и природа.

[3]) Вѣчныя явленья.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(Стр. 233).

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія,
Благодатныя?

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая?
Пылкой юности
Заря красная!

Съ какой гордостью,
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль волшебную!

Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было....

Но, среди весны,
Въ цвѣтѣ юности
Я сгубилъ твою
Душу чистую...

Безъ тебя одинъ
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма,
Покрываетъ день.

Москва. 1840 года 3 Декабря.

ЖАЛОБА.

(Стр. 146).

Посвящается.

Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому

Жизнь! Зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?...
Почти вѣкъ я прожи́лъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ;
И что́ ждало меня
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма-судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба.

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ.

Да румянецъ съ лица,
Печаль рано сожгла;
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! Зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?...
Еслибъ силы Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя!...

Москва. 1840 года 9 Декабря.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(Стр. 145).

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ—серебра,
Для бесѣды—рѣчей,
Для веселья—вина.

Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу.

Москва. 1840 года 8 Декабря.

НОЧЬ.

(Стр. 148).

Посвящаю

князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому.

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,

Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою.

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна!

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ.

Улыбаясь онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой....
И тотъ призракъ былъ
Ея мужъ лихой....

По костямъ моимъ,
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю, какъ
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ:
Я схватился съ нимъ—
И онъ мертвый палъ.

Чтожъ ты, милая,
Вся какъ листъ дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

Ужъ не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ.

„Ахъ, не то чтобъ я....
„Умъ мѣшается....
„Все два мужа мнѣ
„Представляются....

„На полу одинъ,
„Весь въ крови лежитъ;
„А другой, смотри,
„Вонъ въ саду стоитъ“.

Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе „Поминки, Николаю Владиміровичу Станкевичу“, съ помѣтою: „Москва, 12 Декабря 1840“; но какъ въ этомъ стихотвореніи нѣтъ разнорѣчій съ общеизвѣстнымъ текстомъ, то оно и не приводится здѣсь. *П. Б.*

ЖАЛОБА КРЕСТЬЯНЪ ТАМБОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА

(СПАСКОЙ ОКРУГИ СЕЛА БОКОВА).

Всемилостивая наша Государыня-матушка Екатерина Алексѣевна! Бьемъ челомъ и плачемся тебѣ, наша матушка, бѣдные твои крестьяне Танбовскаго намѣстничества: до конца разорили насъ бѣдныхъ. Самъ Христосъ и Пречистая Богородица тому свидѣтели, что исправники насъ грабятъ и разорили до конца, а жаловаться намъ бѣднымъ, кромѣ тебя, матушка всемилостивая Государыня, негдѣ. Окономъ-дирехторъ Антонъ Михайловичь Оничковъ, то-то воръ-отъ, разоряетъ насъ, какъ хочетъ; а совѣтникъ Ѳедоръ Ѳедоровичь Савостьяновъ (о ужъ на притчу поискать такова вора!) давно насъ разорялъ; а нынче, какъ съѣздилъ въ Питеръ, то и пуще сталъ разорять: вездѣ у него по городамъ поставлены судьями родня, воры и грабители; онъ и жена топерича только и говорятъ, что у нихъ братъ родной у внучка твоего, матушка, коман-

динаромъ, которой всѣмъ большимъ барямъ съ руки. Да и въ Сенатѣ-то какой-то большой человѣкъ, Иванъ Онаньичъ, ему другъ и пріятель. Они-то, говоритъ онъ, да какой-то Аркада Ивановичь *) изо дна моря его вытащатъ, и нигдѣ суда на него не дадутъ. А губернаторъ у насъ, матушка, такой плохой, какого оборони Господи вездѣ. Да старой воевода у насъ Охлебининъ, да прокуроръ Хвощинской то-то воры; да и вицъ-губернаторъ всѣмъ кампанейщикамъ **) велитъ разорять насъ. Всѣ баря у насъ вино сидятъ, да продаютъ. Всемилостивая наша матушка, тебѣ покажется, что облыгаемъ тебя; прикажи тихонько къ намъ съѣздить, да хорошенько поразнюхать Миколаю Васильичу Левонтьеву, да Василью Петровичу Баляснову: вотъ, матушка наша, всемилостивая Государыня, добрые бояра-то у тебя, не какъ другіе, которые тебя обманываютъ. Прикажитко, наша матушка, поѣздить имъ по городамъ и по селамъ и на Кутлинской твой заводъ: узнаешь, всемилостивая наша матушка, что мы правду тебѣ пишемъ. Пропали мы бѣдные! Прикажи, матушка наша, смѣнить у насъ всѣхъ воровъ въ Танбовѣ; пожалуй намъ, матушка наша, всемилостивая Государыня, губернаторомъ Миколая Васильевича Левонтьева, а въ økономы и дирехторы Василья-то Петровича; не дай розориться въ конецъ, помилуй насъ бѣдныхъ христіянъ твоихъ. Богъ тебѣ дастъ здоровья! Матъ нашимъ головушкамъ: приходитъ домишки покидать. Помилуй насъ бѣдныхъ, Христа ради и Пречистой Богородицы.

По этому дѣлу императрица приказала отослать прошеніе въ Сенатъ, который опредѣленіемъ 23 Марта 1793 года постановилъ: „Предписать „Тамбовскому Намѣстническому Правленію и тамошнему правителю намѣ„стничества обо всемъ, доносимомъ крестьянами, учинить изслѣдованіе и „съ виновными поступить по законамъ“. Сверхъ сего составленъ былъ списокъ чиновъ Тамбовскаго намѣстничества, упоминаемыхъ въ прошеніи, о которыхъ были собраны свѣдѣнія, особенно подробныя о губернскомъ прокурорѣ Хвощинскомъ, директорѣ экономіи Аничковѣ и совѣтникѣ Намѣстническаго Правленія Савостьяновѣ и поднесенъ на высочайшее усмотрѣніе. Дальнѣйшаго хода этаго дѣла не видно; находится только отмѣтка слѣдующаго содержанія: „приказать изволила, чтобы постараться перемѣстить сіи чины въ другія мѣста“.

Выписано изъ дѣлъ производства генералъ-прокурора 1794 года № связки 301, стр. 1188—1195, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, во 2-мъ отдѣленіи. Выписку сію директоръ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Петръ Ивановичь Ивановъ представлялъ графу Д. Н. Блудову, какъ особенную замѣчательность, найденную имъ во ввѣренномъ ему архивѣ.

(*Сообщено И. С. Аксаковымъ*).

---

*) Графъ Аркадій Ивановичь Марковъ. *П. Б.*

**) Т. е. поставщикамъ на войско. *П. Б.*

Печатается восьмая „книга Архива князя Воронцова" (автобіографія графа С. Р. Воронцова и переписка его съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1876 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля (близъ церкви Св. Θеодора Студита), издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Θ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году (Содержаніе см. на оборотѣ).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 — 1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксина дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 12.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.
1875.

Принимается подписка на повременное историческое изданіе, выходящее въ Москвѣ:

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ).

Русскій Архивъ въ 1876 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ прежнія тринадцать лѣтъ (1863—1875).

Годовое изданіе Русскаго Архива изъ *двѣнадцати* книгъ убористой, четкой печати составитъ въ 1876 году *три* большіе тома, каждый съ особымъ счетомъ страницъ и съ отдѣльнымъ азбучнымъ указателемъ (для историческихъ справокъ и скорѣйшаго отысканія того что̀ прочтено).

Двѣнадцать книгъ Русскаго Архива, содержаніемъ своимъ не имѣя никакого отношенія къ современной дѣйствительности, потому самому не пріурочены къ опредѣленнымъ срокамъ появленія и выходятъ въ свѣтъ *по мѣрѣ отпечатанія*.

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднихъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля* (*близъ церкви Св. Θеодора Студита*), *издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева въ книжномъ магазинѣ *Ивана Григорьевича Соловьева.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *Александра Θедоровича Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхина.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году.

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863—1871) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганòва.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Печатается восьмая книга Архива Князя Воронцова (автобіографія графа С. Р. Воронцова и переписка его съ графомъ Θ. В. Ростопчинымъ).

БУМАГИ КНЯЗЯ ИЛАРІОНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА.

VIII. ПИСЬМА КНЯЗЯ ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ КНЯЗЮ ВОЛКОНСКОМУ *).

XXVII.

(Мартъ 1821).

La nouvelle de la révolution du Piémont a fait ici la plus vive sensation, mon cher ami: Les hommes raisonnables sont au désespoir, mais la grande majorité de la jeunesse est enchantée de ce qui se passe et ne déguise pas sa façon de penser. Les circonstances sont plus que délicates. Taire une vérité ou se faire illusion serait un crime... La présence de l'Empereur ici, si la guerre est résolue, ne fût ce que pour quelques jours est indispensable, car l'esprit n'est pas bon. Le mécontentement est général, et les sacrifices indispensables pour soutenir une guerre dont la nécessité n'est point palpable au commun des hommes, doivent nécessairement produire un fâcheux effet. La nouvelle de la marche des troupes n'a pas pu rester longtemps secrète. Le soldat est content, mais il n'en est pas de même des officiers, qui sont fâchés de marcher contre les Napolitains.

Vous pouvez juger d'après cela, si les idées libérales ont fait des progrès chez nous. N'allez pas me répondre par cette phrase usée „faites les taire.“ Le nombre des parlants est trop grand pour leur imposer silence; la révolution dans les esprits est faite or, le seul moyen d'empêcher la barque de chavirer est de ne pas lui faire porter plus de voiles que le vent ne le permet. Je le répète, la présence de l'Empereur ici est indispensable; il faut nécessairement qu'il voie par lui-même l'état des choses; il est urgent qu'il prenne des mesures d'amélioration et qu'il établisse un centre de pouvoir qui puisse faire aller les choses pendant son absence. Ne me prenez pas pour un visionnaire, cher ami, et n'allez pas vous imaginer que je vois trop en noir: je suis loin de croire qu'il n'y a pas de remède au mal qui existe, mais j'ai la conviction qu'il est temps de l'employer. Sinon, je ne réponds de rien.

Il paraît d'après les nouvelles que l'affaire de Naples sera terminée au moment ou vous recevrez cette lettre. Puissent les Piémontais entendre raison et permettre enfin à l'Empereur de revenir parmi nous. Le dévouement que je lui porte, aussi bien qu'à ma Patrie, me font désirer son retour avec impatience. Si la Providence veut absolument une guerre, je croirais qu'il faudrait employer les gardes, non en réserve, mais en activité. Quelques bonnes affaires mettraient du plomb dans ces jeunes têtes et les habitueraient à une discipline sévère, et une fois la guerre finie, l'Empereur pourrait diminuer le nombre de sa garde et ne garder que le strict nécessaire, ce qui serait un bien réel. Voilà mon opinion, et croyez que ce n'est pas le désir tout naturel que je puis avoir d'être employé activement; mais si vous voulez faire bien attention à la mesure que je propose, le bien qui en résulterait n'est pas à dédaigner. Nous sommes trop nombreux, voilà le grand mal, et voilà pourquoi ce sont les troupes qui font les révolutions.

*) См. Вторую книгу Р. Архива сего года, стр. 419. Русскіе переводы этихъ писемъ и примѣчанія къ нимъ принадлежатъ В. Д. Давыдову. *П. Б.*

Переводъ.

Извѣстіе о Пьемонтской революціи произвело здѣсь сильное впечатлѣніе, любезный другъ: люди благоразумные въ отчаяніи, но большая часть молодежи въ восторгѣ отъ всего того, что происходитъ и не скрываетъ этого нисколько. Обстоятельства болѣе, чѣмъ затруднительны. Скрывать правду и увлекаться было бы преступно. Присутствіе здѣсь государя, хотя на нѣсколько дней необходимо, если война рѣшена: потому что настроеніе умовъ не хорошо; всѣ недовольны. Неизбѣжность пожертвованій, чтобы вести войну, будетъ непонятна простымъ смертнымъ, не понимающимъ необходимости войны и произведетъ дурное впечатлѣніе.

Извѣстіе о походѣ не могло остаться долго скрытно для войска. Солдаты довольны, но, напротивъ офицеры не желаютъ идти противъ Неаполитанцевъ! Вы можете по этому судить, какъ успѣшно распространились у насъ либеральныя мысли. Не отвѣчайте мнѣ на это, прошу васъ, избитой фразой: „заставьте ихъ молчать". Число говоруновъ слишкомъ велико, чтобъ ихъ заставить молчать. Революція въ умахъ уже существуетъ, и единственное средство не потопить корабля, это не натягивать больше парусовъ, чѣмъ вѣтеръ позволитъ... Не смотрите на меня, какъ на мечтателя, и не воображайте, что я все вижу въ черномъ свѣтѣ; я вѣрю, что есть средство искоренить существующее зло; но я убѣжденъ, что время пришло его употребить, иначе я не поручусь ни за что. По извѣстіямъ кажется, что Неаполитанское дѣло кончится, когда вы получите это письмо. Да образумятся Піемонтцы и государь да получитъ наконецъ возможность быть посреди насъ. Моя преданность къ нему, какъ и къ моему Отечеству, побуждаютъ меня нетерпѣливо желать его возвращенія. Если Провидѣнію угодно, чтобы война вспыхнула, мнѣ кажется надо бы привести въ дѣло гвардію, а не держать ее въ резервѣ.

Повторяю, присутствіе государя необходимо. Ему неизбѣжно слѣдуетъ самому видѣть состояніе дѣлъ; необходимо, чтобы онъ принялъ мѣры улучшенія и учредилъ средоточіе власти, которою бы все направлялось во время его отсутствія.

Нѣсколько хорошихъ дѣлъ успокоили бы молодыя головы и пріучили бы ихъ къ строгой дисциплинѣ; а когда кончится война, государь могъ бы уменьшить составъ своей гвардіи и оставить только самое необходимое, что было-бы большимъ благомъ. Вотъ мое мнѣніе, и повѣрьте, что я говорю это не изъ эгоистическаго, хотя бы и весьма натуральнаго, желанія быть употребленнымъ, но обратите вниманіе на причину предлагаемой мною мѣры, и вы увидите, что не слѣдуетъ пренебрегать ея пользою. Мы слишкомъ многочисленны—вотъ въ чемъ бѣда; ѳтого войска и производятъ революціи.

XXVIII.

22 Avril (1821).

J'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 30 Mars, dans laquelle vous me dites que l'Empereur a observé que depuis quelque temps il entre à l'hôpital de Préobragensky, tous les jours, des malades attaqués de palpitations du coeur, et que Sa M. I. est étonnée de mon silence là-dessus. Cette maladie a été très commune à la fin de l'hiver; moi-même j'en ai été attaqué, et plusieurs personnes de ma connaissance. Ce mal a duré pendant plusieurs jours et m'a quitté moyennant des remèdes que Müller m'a donnés. Sur 33 hommes qui sont entrés au mois de Février à l'hôpital avec cette maladie, 32 sont rétablis, et il n'en reste qu'un, qui est menacé d'un anévrisme au coeur. Voilà la

raison qui m'a porté à croire que la chose n'était pas assez conséquente pour vous en parler, d'autant plus que Boutkoff n'y trouvait rien d'extraordinaire; cependant, je lui ai ordonné de faire les recherches les plus sévères sur la cause de cette maladie et vous ferez part par le premier courrier de ce qu'il aura trouvé.—Quant au nouveau régiment Sémenofsky, toutes les mesures ont été prises pour le garantir de la vérole; les femmes mêmes de l'ancien régiment ont été visitées, et toutes les fois qu'un soldat arrive à l'hôpital avec cette maladie, on lui demande le nom de la belle qui lui a fait ce cadeau, et le comte Miloradowitch en est informé à l'instant même. Vous pouvez juger d'après cela que toutes les mesures qui dépendent de moi, sont prises. Quant à l'apothicaire du régiment Préobragensky, c'est la première fois que pareille chose lui est arrivée, et c'est Boutkoff qui l'a mis aux arrêts. Dès que la chose m'est parvenue, j'ai de suite écrit au département de médecine, pour qu'il soit renvoyé. Quant à ce que l'hôpital Préobragensky est encombré de malades, je ne vois pas qu'il y en ait plus dans ce régiment que dans les autres.

Vous me demandez les raisons qui ont engagé le colonel Полозовъ à demander à passer à l'armée. Je dois vous dire qu'il ne s'arrange pas avec Souhosanet [1]), qui, mécontent de lui, lui disait, „что онъ нарушитель порядка службы"; je n'ai pas cru devoir arrêter sa supplique. Vous connaissez, cher ami, Souhosanet: avec du talent, il n'a pas le don de se faire aimer. Je dois lui rendre la justice que l'artillerie a beaucoup gagné depuis qu'il la commande; mais je suis toujours dans l'attente de quelque nouvelle histoire, car il ne sait pas exiger sans heurter l'amour-propre, et se fait détester cordialement. Je ne manque jamais de lui faire la leçon là-dessus; mais son caractère prend le dessus sur la raison, et s'il continue à faire des histoires, je serai obligé de demander à me séparer de lui.

J'ai engagé ces jours-ci le Grand Duc à ôter la compagnie au colonel Bartholomey [2]). En voici la raison. J'avais appris qu'il permettait à ses officiers de venir chez lui en robe de chambre fumer la pipe. Une pareille conduite devait nécessairement abolir toute espèce de discipline. Je fis venir Souhozanet et lui fis remarquer l' inconvenance. Le lendemain, le colonel Arnoldy [3]) fit le rapport suivant: que le colonel Bartholomey ayant été nommé pour commander une exécution, il s'était dit malade; qu'alors le colonel Bistrom fut nommé à sa place. Ce dernier, après avoir exécuté les ordres reçus, se rendit chez le colonel Bartholomey et fut très étonné de ne pas le trouver chez lui; il vint de là à la maison d'exercice, où il trouva, à sa grande surprise, le colonel; il lui demanda ce que cela voulait dire. Bartholomey lui répondit qu'il était bien bon d'y être allé, puisqu'un lieute-

---

[1]) Ген.-ад. Ив. Онуфріевичъ Сухозанетъ, въ то время начальникъ артиллеріи гвардейскаго корпуса (лишился ноги въ кампаніи 1831 г. противъ Поляковъ).

[2]) Ген.-л. Бартоломей въ послѣдствіи былъ начальникомъ артиллеріи.

[3]) Храбрый генералъ отъ артиллеріи Иванъ Карловичъ Арнольди, лишившійся ноги подъ Лейпцигомъ, въ то время командовалъ л. гвардіи конной артиллеріей.

nant aurait pu faire la même chose. J'ai cru ne devoir pas laisser commander plus longtemps une compagnie à un homme qui donnait un aussi mauvais exemple à la jeunesse.

Переводъ. 22 Апрѣля (1821).

Я получилъ ваше письмо, любезный другъ, отъ 30-го Марта, въ которомъ вы мнѣ говорите, что государь замѣтилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ всякій день поступаютъ въ Преображенскій лазаретъ больные съ біеніемъ сердца и что его и. в. удивляется, что я объ этомъ молчу. Эта болѣзнь была очень обыкновенна въ концѣ зимы, я самъ страдалъ ею и многіе изъ моихъ знакомыхъ. Это у меня продолжалось нѣсколько сутокъ и прошло отъ лѣкарствъ, которыя мнѣ давалъ Мюллеръ. Изъ 33-хъ человѣкъ, которые поступили въ Февралѣ въ госпиталь съ этой болѣзнію, 32 уже выздоровѣли; остается только одинъ, которому угрожаетъ аневризмъ сердца. Вотъ причина, которая заставила меня думать, что это обстоятельство небольшой важности, и почему я объ немъ вамъ не писалъ, тѣмъ болѣе, что Бутковъ не находилъ ничего особеннаго въ этой болѣзни. Я ему приказалъ, однако, изслѣдовать причину ея и напишу вамъ съ первымъ курьеромъ, что̀ онъ объ этомъ скажетъ.

Всѣ мѣры приняты, чтобы сберечь Семеновскій полкъ отъ сифилиса; всѣ женщины даже прежняго полка были визитированы, и всякій разъ, когда солдатъ является въ лазаретъ съ этой болѣзнью, у него спрашиваютъ имя той красавицы, которая ему оставила эту память, и извѣщаютъ о томъ немедленно графа Милорадовича. Вы видите поэтому, что всѣ зависящія отъ меня средства приняты; а что̀ касается до аптекаря Преображенскаго полка, это первый съ нимъ случай, и Бутковъ его послалъ на гауптъвахту. Я, какъ только что объ этомъ узналъ, тотчасъ же написалъ въ Медицинскій Департаментъ, чтобъ его выслали; а что будто бы лазаретъ Преображенскаго полка заваленъ больными, я этого не вижу: ихъ не болѣе чѣмъ въ другихъ полкахъ.

Вы спрашиваете, по какой причинѣ полковникъ Полозовъ просилъ перевода въ армію. Я долженъ вамъ сказать, что онъ не ладитъ съ Сухозанетомъ, который, разъ, недовольный имъ, сказалъ ему: „Вы нарушитель порядка службы". Я не счелъ нужнымъ остановить его прошеніе. Вы знаете, любезный другъ, Сухозанета. Онъ талантливъ, но не можетъ заставить себя любить. Я ему долженъ отдать справедливость, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ командуетъ артиллеріей, она очень много выиграла; но я всегда въ тревожномъ ожиданіи новыхъ исторій, потому что онъ не умѣетъ требовать, не задѣвая самолюбія и заставляетъ себя ненавидѣть. Я ему при каждомъ случаѣ читаю нравоученіе объ этомъ, и ежели онъ будетъ продолжать затѣвать исторіи, я буду принужденъ просить разстаться съ нимъ.

Я просилъ на дняхъ Великаго Князя отнять роту у полковника Бартоломея, и вотъ почему: я узналъ, что онъ позволяетъ своимъ офицерамъ въ халатахъ приходить къ нему курить табакъ. Подобное поведеніе уничтожаетъ дисциплину. Я послалъ за Сухозанетомъ и сдѣлалъ ему замѣчаніе. На слѣдующій день полковникъ Арнольди донесъ мнѣ слѣдующее: полковникъ Бартоломей былъ назначенъ присутствовать при экзекуціи, но подалъ рапортъ о болѣзни; тогда назначили на его мѣсто полковника Бистрома. Исполнивши приказаніе, Бистромъ отправился на квартиру полковника Бартоломея и очень удивился, что не засталъ его дома. Оттуда онъ отправился въ экзерциръ-гаузъ, гдѣ засталъ, къ величайшему своему удивленію, полковника; онъ спросилъ у него, что̀ это все значитъ?

Бартоломей ему отвѣчалъ, что слишкомъ любезно было бы съ его стороны идти туда, гдѣ поручикъ можетъ тоже самое исполнить. Я не счелъ возможнымъ позволить продолжать командовать ротой человѣку, который даетъ подобные примѣры молодежи.

XXIX.

Je reviens de Ladoga, cher ami, où j'ai fait la revue du régiment des cuirassiers de l'Empereur; je n'en ai pas été content. Ce régiment manque de moyens pour être à la hauteur des autres, mais il pourrait toujours les suivre de plus près; l'équitation est médiocre et l'ensemble est mauvais. J'ai fait du tapage et j'espère que cela ira mieux la première fois; mais il faudra songer à améliorer son établissement, car pour un régiment de cuirassiers des gardes, ses cantonnements sont détestables. La remonte qu'il m'a montrée, est très belle, et le général est en train de dépenser de l'argent pour l'embellissement de la troupe; or, j'espère qu'au printemps prochain ce régiment ira en avant.

Tout est tranquille chez nous: les soldats travaillent, les parades se font bien, et moi je profite de ce moment pour passer en revue les officiers de la cavalerie et les юнкеръ pour la partie de l'équitation, afin que ces messieurs ne se relâchent pas. Il est arrivé une petite histoire dans les huzards de la garde et, comme elle peut vous parvenir autrement qu'elle ne s'est passée, je veux vous la conter moi-même. Le comte Zavadofsky, officier de ce régiment, s'est permis d'écrire dans un des livres du corps-de-garde du régiment des épigrammes sur la plupart de ses camarades. L'ayant appris avant qu'on ne sût qui en était l'auteur, je fis prendre des mesures pour connaître le coupable; j'appris à mon retour de Ladoga que les officiers, ayant découvert ce qui s'était passé et offensés comme ils devaient l'être, avaient fait parvenir au colonel Krekchin leur désir que cette affaire fût portée à ma connaissance. L'affaire est maintenant terminée, et les officiers des huzards se sont très bien conduits dans cette occasion. Le comte Zavadofsky, ayant senti l'inconvenance de sa conduite, a demandé pardon à ses camarades, et les officiers, lui ayant pardonné, m'ont supplié tous de ne pas le punir et surtout de ne pas porter à la connaissance de Sa M. l'Empereur une folie, qui ne pouvait que lui faire du tort dans l'opinion de son Souverain.

Переводъ.

Я возвратился изъ Ладоги, любезный другъ, гдѣ смотрѣлъ кирасирскій государя полкъ. Я остался имъ не доволенъ. Этому полку не достаетъ средствъ быть на уровнѣ съ другими, но не отставать отъ нихъ онъ все таки бы могъ. Верховая ѣзда посредственна, и все вообще плохо. Я покричалъ и надѣюсь, что въ будущій разъ все пойдетъ лучше; но нужно подумать о томъ, какъ бы улучшить его бытъ, потому что для гвардейскаго кирасирскаго полка у него штабъ-квартиры отвратительныя. Ремонтъ полка, который мнѣ показали, отличный и, кажется, генералъ собирается издержать много денегъ, чтобы украсить свой полкъ. И такъ, я надѣюсь, что къ будущей веснѣ этотъ полкъ будетъ лучше.

У насъ все спокойно: солдаты занимаются, парады идутъ хорошо, а я пользуюсь этимъ временемъ, чтобъ дѣлать смотры верховой ѣзды офицерамъ и юнкерамъ кавалеріи, дабы эти господа не распустились. У

гвардейскихъ гусаръ случилась маленькая исторія, и такъ какъ она можетъ дойти до васъ въ превратномъ видѣ, то я вамъ ее разскажу самъ. Графъ Завадовскій, офицеръ этого полка, позволилъ себѣ написать эпиграммы на своихъ товарищей въ одной изъ книгъ гауптъ-вахты. Я узналъ это, не подозрѣвая еще, кто авторъ, и принялъ мѣры, чтобъ разъискать виновнаго. Возвратившись изъ Ладоги, я услышалъ, что офицеры узнали про это обстоятельство, и обиженные, какъ и должно быть, послали сказать полковнику Крекшину, что желаютъ, дабы было доведено до моего свѣдѣнія это дѣло. Теперь уже все это кончено, и гусарскіе офицеры очень хорошо поступили въ этомъ случаѣ. Графъ Завадовскій почувствовалъ неприличіе своего поведенія, извинился передъ своими товарищами. Офицеры его простили, и всѣ меня умоляли не наказывать его, а главное никакъ не доводить до свѣдѣнія е. и. в. государя шалость, которая можетъ повредить ему во мнѣніи его монарха.

Примѣчаніе. Упомянутый графъ Завадовскій былъ графъ Александръ Петровичъ, умершій въ 1856 году. Онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что убилъ на дуэли кавалергардскаго офицера Василья Васильевича Шереметева, и, не смотря на огромное состояніе, окончательно разстроилъ его и жилъ почти что въ нищетѣ. Эпиграмма, о которой говоритъ г. Васильчиковъ, есть извѣстное стихотвореніе Пушкина: „Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“. Графъ Завадовскій принялъ стихи на себя, такъ какъ они были написаны въ его дежурство. (См. въ ст. Гаевскаго въ Современникѣ 1863 года, № 8, на ст. 382, и въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина, изданія Геннади.

XXX.

Par le dernier courrier j'ai reçu l'ordre, cher ami, de faire vendre les maisons que les soldats ont en ville, et d'en défendre dorénavant l'acquisition. La défense est faite. Quant à la vente, la marche en empêche l'exécution: dès que nous serons de retour, on pourra de suite l'effectuer.

Les sapeurs, les pionniers-à cheval, le régiment du prince de Prusse, celui de Finlande, les chasseurs de la garde et le régiment de Pavlovsky sont en marche; ils sont sortis de bonne humeur et marchent bien, d'après les nouvelles que j'ai. Le régiment Ismailofsky part demain. Vous savez, cher ami, que ce régiment s'est toujours distingué par une discipline sévère. Il est arrivé ces jours-ci une petite histoire, qui prouve comme dans les histoires actuelles il faut peu pour remuer les esprits. Le gl. Rosen, inspectant ce régiment, crut devoir le questionner plus que les autres; à force de leur dire qu'ils devaient se plaindre, la 8-me compagnie se plaignit effectivement de la sévérité de son capitaine. Sur la demande, si c'était pour des fautes graves de conduite, le général leur demanda encore: en quoi consistaient les punitions? Ils répondirent qu'on leur donnait 200 et même jusqu'à 300 coups de verges. Sur cela le baron Rosen crut devoir leur dire qu'il reverrait la chose et qu'il leur garantissait que les punitions dorénavant ne seraient plus aussi fortes; mais qu'ils seraient toujours punis par le capitaine, quand ils l'auraient mérité; qu'au reste ils avaient le droit de venir chez lui, que sa porte leur était toujours ouverte. Cette dernière phrase monta si bien la tête à tout le régiment que Martinoff vint me dire que depuis deux jours il n'était plus le même, et que les soldats disaient entr'eux que le gl. Rosen leur avait permis de venir se plaindre à lui, dès que le capitaine les punirait.

Après avoir pris des renseignements exacts et m'étant bien assuré que le capitaine Litvinoff n'était sévère qu'avec les mauvais sujets, et que dans l'espace d'un an, qu'il commande, il n'a puni que cinq hommes pour ivrognerie, pour vol, pour avoir découché et s'être adonné à la débauche; que sur les cinq hommes, il n'y en a eu qu'un seul qui ait reçu 300 coups de verge, que les autres en avaient reçu moins, j'ai ordonné au gl. Rosen de déclarer à la compagnie que leurs plaintes n'avaient aucun fondement, que le capitaine, d'après leur propre aveu, ne les a punis que pour des fautes graves, et qu'il en avait, non seulement le droit, mais qu'il était responsable devant ses chefs de la bonne conduite de sa compagnie; qu'une juste plainte serait toujours accueillie par l'autorité, mais que les fausses seraient punies dorénavant. Un soldat de la compagnie s'avança vers le général et lui dit: „Воля ваша, намъ съ этимъ капитаномъ трудно идти въ походъ". Le baron Rosen eut la faiblesse non seulement de ne pas le punir sur-le-champ, mais de lui parler avec bonté, en l'emmenant dans une autre chambre.

Ayant appris l'affaire, par le rapport qu'il m'en fit, j'ordonnai de suite de le faire juger et de déclarer à la compagnie, que ce n'était pas pour avoir porté des plaintes qu'il était mis sous jugement, mais pour avoir osé dire à son général, qu'il ne pouvait pas se mettre en marche avec le capitaine qui les commandait.

Vous voyez d'après cela, cher ami, les aides que j'ai, et combien ma besogne est difficile. Jamais soldat n'a été mieux tenu, que dans ce moment; je réponds qu'ils n'ont aucune raison fondée de se plaindre, et si quelques chefs voulaient abonder dans mon sens, celui de l'autorité, et renoncer à leurs idées philanthropiques, qui ne sont guères applicables à notre soldat, la malveillance aurait plus de peine à agir sur l'esprit de la troupe.

Mais lorsque des généraux se conduisent avec une faiblesse coupable, et que leurs paroles s'accordent avec leurs actions, je vous demande si la chose peut aller? Cette même compagnie et plusieurs autres du même régiment avaient prié qu'on leur donnât de l'argent de leur артель. J'ai consulté là-dessus Martinoff, qui m'a demandé en grâce de lui permettre de le faire pour relever les capitaines. J'y ai consenti, mais à condition que cette grâce ne serait accordée qu'à ceux qu'ils en trouvaient dignes; qu'au contraire, les soldats, qui par leur conduite ne méritaient pas la confiance de leurs capitaines, ne devraient rien recevoir, jusqu'au moment où ils se corrigeraient.

Adieu, cher ami, je suis enchanté de me mettre en marche: Pétersbourg est une vraie peste pour l'esprit militaire. Si le Ciel m'accorde de revoir bientôt l'Empereur, Il saura combien il est urgent de faire disparaître de ce corps des individus plus dangereux qu'on ne se l'imagine.

Переводъ.

Я получилъ приказъ, любезный другъ, съ послѣднимъ курьеромъ продать всѣ солдатскіе дома, которые находятся въ городѣ и запретить впредъ оные пріобрѣтать. Запрещеніе уже сдѣлано; что же касается самой продажи, походъ мѣшаетъ его исполненію; какъ только вернемся, это будетъ исполнено.

Саперы, конные піонеры, Финляндскій полкъ и принца Прусскаго гвардейскіе егеря и Павловскій полкъ, всѣ въ походѣ; они выступили весело и, по свѣдѣніямъ, идутъ хорошо. Измайловскій полкъ выступаетъ завтра. Вы знаете, что этотъ полкъ всегда славился строгостью дисциплины, но на дняхъ случилась маленькая исторія, которая доказываетъ, что немногаго нужно въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, чтобъ взволновать умы. Генералъ Розенъ, инспектируя полкъ, счелъ нужнымъ допрашивать его долѣе другихъ и, повторивши имъ нѣсколько разъ, что они должны жаловаться, довелъ до того, что 8-ая рота пожаловалась дѣйствительно на строгость своего капитана. Спросивши ихъ, наказываетъ-ли онъ за важные проступки по поведенію, генералъ допытывался, въ чемъ состояли наказанія. Они отвѣчали, что они получали отъ 200 до 300 розогъ. На это баронъ Розенъ счелъ нужнымъ имъ сказать, что онъ это пересмотритъ, и что онъ имъ ручается, что впредь наказанія не будутъ такъ сильны, но что они все таки будутъ наказаны капитаномъ, когда этого заслужатъ; что, впрочемъ, онъ имъ даетъ право приходить къ нему: дверь его для нихъ всегда будетъ отперта. Эта послѣдняя фраза такъ вскружила голову всему полку, что Мартыновъ пріѣхалъ мнѣ сказать, что въ эти два дни полкъ узнать нельзя: солдаты толкуютъ межъ собой, что баронъ Розенъ имъ позволилъ приходить жаловаться къ нему на ихъ капитана всякій разъ, какъ онъ кого-нибудь изъ нихъ накажетъ. Я навелъ самыя точныя справки и убѣдился, что капитанъ Литвиновъ только строгъ съ негодяями и что въ продолженіи всего года его командованія онъ наказалъ только пять человѣкъ: кого за пьянство, кого за воровство или за отлучку ночью изъ казармъ, или за развратное поведеніе; изъ всѣхъ пятерыхъ одинъ только получилъ 300 ударовъ, всѣ прочіе меньше.

Я приказалъ барону Розену объявить ротѣ, что ихъ жалобы неосновательны и что капитанъ, по ихъ собственному сознанію, наказывалъ только за важные проступки, на что онъ не только имѣетъ право, но отвѣчаетъ самъ своему начальству за поведеніе своей роты, что жалобы справедливыя будутъ всегда приняты во вниманіе властію, но за фальшивыя жалующіеся впредь будутъ наказаны. Одинъ солдатъ выступилъ изъ фрунта, подошелъ къ генералу и сказалъ: „Воля ваша—намъ съ этимъ капитаномъ трудно идти въ походъ". Баронъ Розенъ имѣлъ слабость, вмѣсто того, чтобъ наказать его тутъ же, еще милостиво разговаривать съ нимъ, позвавши его въ другую комнату.

Узнавъ подробности этого дѣла по его рапорту, я приказалъ солдата тотъ же часъ отдать подъ судъ и объявить ротѣ, что онъ отданъ подъ судъ не за то, что жаловался, а за то, что осмѣлился объявить своему генералу, что онъ не можетъ идти въ походъ съ капитаномъ, который ими командуетъ. Вы видите поэтому, дорогой другъ, какія у меня помощники и какъ трудна моя обязанность. Никогда солдаты не были лучше содержаны, какъ въ эту минуту, я ручаюсь, что у нихъ нѣтъ ни одной основательной причины къ жалобѣ, и если-бы нѣкоторые начальники понимали меня и дѣйствовали согласно съ властью, отказавшись отъ своихъ филантропическихъ идей, которыя нисколько не примѣнимы къ нашимъ солдатамъ, тогда бы злонамѣреннымъ людямъ труднѣе было дѣйствовать на духъ войска.

Но чтó же дѣлать, когда генералы поступаютъ съ преступной слабостью и когда слова ихъ согласуются съ ихъ дѣйствіями! Спрашивается, можетъ ли дѣло идти впередъ?

Эта самая рота и нѣсколько другихъ изъ того же полка просили, чтобъ имъ выдали деньги изъ ихъ артельныхъ суммъ. Я поговорилъ объ этомъ

съ Мартыновымъ; онъ умоляетъ меня позволить ему на это согласиться, чтобы хоть немного поддержать вліяніе капитановъ. Я согласился, но съ условіемъ, чтобъ эта милость была оказана только тѣмъ, которыхъ они найдутъ достойными; тѣ же солдаты, которые своимъ поведеніемъ не заслуживаютъ довѣрія своихъ капитановъ, не должны ничего получить впредь до ихъ исправленія.

Прощайте, дорогой другъ; я очень радъ идти въ походъ. Петербургскій воздухъ заразителенъ для войска. Ежели мнѣ Богъ пошлетъ свидѣться съ государемъ, Онъ узнаетъ какъ необходимо выпроводить изъ гвардейскаго корпуса нѣсколько личностей, которыя опаснѣе, чѣмъ думаютъ.

XXXI.

J'ai reçu, mon cher ami, l'ordre de marcher, et je m'y prépare à force. Malheureusement cet ordre m'est arrivé dans un moment où aucun ouvrier ne veut travailler; malgré tout cela j'espère pouvoir mettre en mouvement mes colonnes vers la fin du mois. La misère des officiers du régiment Sémenofsky et de la 1-ère division de grenadiers est indicible. J'espère que Sa M. I. voudra venir à leur secours. J'ai aussi plusieurs colonels des gardes, officiers de confiance, qui sont aux abois. Une somme de 100.000 m. r., mise à ma disposition, me mettrait dans le cas de venir à leur secours au nom de l'Empereur, et serait d'un bon effet.

Le colonel Kaznatcheef, dont je ne puis assez me louer, est d'une pauvreté sans pareille. Veuillez, cher ami, obtenir pour lui de la générosité de l'Empereur 5000 roubles. C'est un homme qui travaille comme un chien et qui mérite sous tous les rapports l'intérêt que je prends à lui. Je vous envoie encore une note des colonels qui ont le plus besoin de secours, et vous recommande particulièrement celui de l'artillerie, Nesterofsky: c'est un homme qui a servi avec la plus grande distinction, criblé de blessures, il n'a das de quoi s'acheter un cheval; je demande pour lui aussi 5000 r.—Oudom étant malade, je me suis décidé à remettre le régiment à Shipoff et vous envoie l'ordre du jour que j'ai donné à cette occasion. Le colonel Исленьевъ [4]) du régiment de Préobragensky, officier distingué, s'est formalisé de ce choix et est venu en parler au Grand-Duc, lui exprimant son chagrin de voir un colonel moins ancien que lui commander un régiment des gardes, tandis que lui est chef de bataillon. Je l'ai fait chercher et lui ai représenté, que le colonel Shipoff devait passer dans le régiment comme chef de bataillon et qu'il n'y entrait pas comme полковой командиръ, qu'il ne commandait le régiment que par cause de maladie du g-l Oudom, ce qu'il a dû voir dans l'ordre du jour. Maintenant, cher ami, voici mon opinion. J'ai nommé Shipoff parce que nous marchons, et qu'Oudom est non seulement hors d'état de nous suivre, mais je ne crois pas que sa fin soit éloignée; or, il fallait nécessairement nommer quelqu'un pour recevoir le régiment. Si malheureusement Oudom venait à mourir, je

[4]) Полковникъ Н. А. Исленьевъ умеръ ген. адъютантомъ. Ему покровительствовалъ в. к. Михаилъ Павловичъ и обнадеживалъ его, что онъ получитъ новый Семеновскій полкъ. Когда же вышло назначеніе Шипова, то онъ, въ присутствіи лицъ, находившихся у великаго князя, заплакалъ, такъ какъ онъ самъ вездѣ распустилъ слухъ о своемъ назначеніи,—и немедленно сказался больнымъ.

crois qu'il serait absolument nécessaire de nommer un général pour commander ce régiment, et je crois que Patkul l'accepterait; Shipoff retournerait à son poste et n'en serait pas fâché, car il aime son régiment et rêve à la place d'aide-de-camp, que Sa M. pourrait lui accorder.

Lundi passé, la 2-de compagnie voulut vendre de la farine qu'elle avait de reste. Le capitaine en second, Korsakoff, qui la commandait, leur défendit de le faire; malgré cela la farine fut vendue. Le capitaine arriva dans la compagnie et fit punir les bas-officiers pour n'avoir pas exécuté ses ordres; la compagnie s'en formalisa et commença à s'habiller. Le colonel Mitkoff, chef de bataillon, fut averti et arriva incessamment, et tout rentra dans l'ordre. Le g-l Potemkin, ayant appris ce qui se passait, se rendit aux casernes et fit une enquête. Les soldats lui déclarèrent que le capitaine Korsakoff leur avait dit que la farine ne leur appartenait pas, et qu'il la réservait pour lui; c'est pourquoi ils l'avaient vendue; qu'en outre, il leur avait proposé d'acheter des miroirs pour leurs casernes, et qu'ils avait rassemblé 800 r. pour cela; que depuis deux ans ils ne voyaient ni miroirs, ni argent; qu'ils avaient voulu se plaindre à la revue d'inspection, qui avait eu lieu, mais que le capitaine leur avait promis de les payer, après quoi il n'en a rien fait. Comme le capitaine Korsakoff avoue avoir reçu l'argent, le g-l Potemkin le fit mettre aux arrêts, et dégrader les bas-officiers, que le capitaine voulait punir pour n'avoir pas exécuté ses ordres. Comme l'affaire avait été terminée par le divisionnaire, je n'ai pas cru devoir la relever pour ne pas faire trop d'éclat; mais il est urgent de connaître ceux qui ont proposé à la compagnie de s'habiller; je les dois découvrir vite, et alors je ne leur ferai pas grâce. Quant au capitaine, je crois qu'il faut le faire passer à l'armée „тѣмъ же чиномъ".

Ceci prouve d'autant plus l'incapacité de Palitzin, qu'il aurait pu terminer la chose lui-même, et qu'au contraire il ne se montra pas même à la compagnie et se contenta d'y envoyer le colonel Mitkoff. Je suis d'autant plus porté à désirer un autre chef pour ce régiment, qu'il a été un peu gâté par Richter. Il faut absolument un homme ferme, pour y remettre l'ordre. Je tiens beaucoup à ce que ce soit un général, car dans les circonstances actuelles il faut des hommes d'un âge mûr. Gourieff est lourd, mais c'est un galant homme, sur qui on peut compter. Shenshin est aussi très-bon. Si vous en connaissez de meilleurs, proposez-les, pourvu que ce soient des hommes tels qu'il en faut dans ce moment.—Maintenant venons à la décoration que Sa M. vient d'accorder à Geltouhin. Prévoyant combien cela ferait crier, je me suis abouché avec Zakrefsky, et nous nous sommes décidés à retenir la remise de la décoration jusqu'à la réponse que vous me ferez à mes objections. Geltouhin m'a donné toutes les raisons possibles de satisfaction; il a montré du zèle, il s'est prété à tout, enfin c'est un homme dont je ne puis assez me louer; mais Démidoff, Bistrom sont ses anciens, tous ont montré le même zèle, la même opinion pour le bien général. Il me serait difficile de lui donner la préférence sur les deux autres; cette décoration serait pour eux un coup sensible, et donnée à lui seul, ferait un mauvais effet, s'il n'y a pas moyen de la donner à tous les trois, ainsi que le cordon de S-te Anne à Patkul. Je serais d'avis de substituer à la décoration un

rescrit qui lui ferait probablement autant de plaisir et qui ne blesserait personne. Tous se préparent à marcher, mais personne ne croit à la guerre; cependant le soldat est content, et beaucoup d'officiers le sont aussi et le seraient davantage, si les préparatifs ne coûtaient tant d'argent.

Le ministre de la guerre me refuse le fourrage pour les chevaux d'officiers, tandis que jamais le corps n'a marché sans obtenir cette grâce, même lors de la marche de Moscou. Au nom de Dieu, cher ami, obtenez cette faveur de l'Empereur, sinon, nos chevaux crèveront de faim sur cette route, vu l'impossibilité où les officiers seront de se procurer du fourrage pour de l'argent.

Переводъ.

Я получилъ приказъ о выступленіи въ походъ; къ несчастію, онъ пришелъ въ такую минуту, когда никакой работникъ не хочетъ работать; не взирая на это, я надѣюсь тронуть мои колонны къ концу мѣсяца.

Бѣдность офицеровъ Семеновскаго полка 1-ой гренадерской дивизіи ужасна, и я надѣюсь, что государь пожелаетъ имъ помочь. У меня тоже нѣсколько отличныхъ гвардейскихъ полковниковъ въ отчаянномъ положеніи. Еслибъ мнѣ выдана была сумма въ 100.000 т. р., я бы могъ имъ помочь отъ имени государя, и это произвело бы хорошее впечатлѣніе. Полковникъ Казначеевъ, которымъ не могу довольно нахвалиться, тоже крайне бѣденъ; постарайтесь ему выпросить у великодушія государя 5000 т. р. Этотъ человѣкъ работаетъ, какъ волъ, и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ моего участія. Посылаю вамъ еще списокъ полковниковъ, которые всего болѣе нуждаются въ вспомоществованіи, и особенно рекомендую вамъ артиллерійскаго, Нестеровскаго. Этотъ офицеръ служилъ и служитъ съ особеннымъ усердіемъ; весь израненъ и не имѣетъ средствъ купить себѣ лошадь; для него тоже прошу 5000 р.—Удомъ очень боленъ. Я рѣшился поручить полкъ Шипову и посылаю вамъ приказъ, который я отдалъ объ этомъ. Полковникъ Исленьевъ, Преображенскаго полка, отличный офицеръ, обидѣлся этимъ назначеніемъ, отправился къ великому князю выразить ему свое горе, видя младшаго полковника командующимъ гвардейскимъ полкомъ, тогда какъ онъ командуетъ баталіономъ. Я потребовалъ его къ себѣ и объяснилъ ему, что полковникъ Шиповъ переводится въ полкъ баталіоннымъ командиромъ, а не полковымъ, а будетъ только имъ командовать по причинѣ болѣзни генерала Удома, что́ онъ могъ самъ видѣть въ приказѣ. Теперь вотъ вамъ мое мнѣніе. Я назначилъ Шипова потому, что мы идемъ въ походъ и что Удомъ не только что не въ состояніи вести полкъ, но я думаю, ему не долго и жить: нужно было непремѣнно кому-нибудь принять полкъ. Ежели бы, къ несчастію, Удомъ умеръ, по моему, непремѣнно надо назначить генерала для командованія этимъ полкомъ, и я полагаю, что Паткуль приметъ это назначеніе. Тогда Шиповъ вернется на свое мѣсто и будетъ очень доволенъ, потому что онъ любитъ свой полкъ и мечтаетъ объ эксельбантахъ, которые е. и. в. могъ бы ему дать.

Въ прошлый понедѣльникъ 2-ая рота л. г. Финляндскаго полка хотѣла продать свою оставшуюся лишнюю муку; штабсъ-капитанъ Корсаковъ запретилъ ей это; но, не взирая на запрещеніе, мука была продана. Капитанъ прибылъ въ роту и приказалъ наказать унтеръ-офицеровъ за то,что его ослушались. Рота заволновалась и стала одѣваться. Увѣдомили начальника баталіона Митькова, который немедленно прискакалъ и возстановилъ порядокъ. Генералъ Потемкинъ, узнавши о томъ, что́ происходитъ въ казармахъ, пріѣхалъ туда и произвелъ слѣдствіе. Солдаты ему объявили, что капи-

танъ Корсаковъ имъ сказалъ, что мука имъ не принадлежитъ и что онъ ее оставляетъ за собою, и что они поэтому ее и продали; что, кромѣ того, онъ имъ предлагалъ купить зеркала для ихъ казармъ и собралъ съ нихъ на этотъ предметъ 800 руб., и уже два года, какъ они ни зеркалъ, ни денегъ не видятъ; что они хотѣли жаловаться на прошедшемъ инспекторскомъ смотру, но что капитанъ имъ тогда обѣщалъ уплатить, но обѣщаніе свое не сдержалъ. Такъ такъ капитанъ сознается въ полученіи денегъ, то генералъ Потемкинъ приказалъ его арестовать, а унтеръ-офицеровъ, которыхъ капитанъ хотѣлъ наказать за ослушаніе, разжаловать. Такъ какъ вся эта исторія была окончена начальникомъ дивизіи, то я не счелъ нужнымъ ее подымать, чтобы не надѣлать шуму; но необходимо узнать имена тѣхъ, которые предложили ротѣ одѣваться. Я это узнаю скоро, и имъ спуску не будетъ. Что же касается капитана, надо его перевести тѣмъ же чиномъ въ армію. Это все доказываетъ неспособность генерала Палицына: онъ бы могъ покончить это дѣло самъ, а онъ даже не показался ротѣ, а послалъ за полковникомъ Митьковымъ. Я тѣмъ болѣе желаю этому полку другаго начальника, что онъ былъ немного избалованъ Рихтеромъ; туда нужно человѣка съ твердымъ характеромъ, чтобы возстановить порядокъ. Мнѣ бы очень хотѣлось генерала, потому что по теперешнимъ обстоятельствамъ нужно людей не слишкомъ молодыхъ. Гурьевъ очень тяжелъ, но благороднѣйшій человѣкъ, и на него можно разсчитывать. Шеншинъ тоже очень хорошъ. Ежели вы знаете другихъ лучше, предложите ихъ, только чтобъ люди были такіе, какіе нужны въ эту минуту.—Теперь поговоримте объ орденѣ, который е. и. в. пожаловалъ Желтухину. Предвидя, сколько это надѣлаетъ шуму, я сговорился съ Закревскимъ, и мы порѣшили пріостановиться передачей ордена до отвѣта, который вы мнѣ пришлете на мои возраженія. Я Желтухинымъ доволенъ, какъ нельзя болѣе: онъ былъ на все согласенъ, оказалъ усердіе, однимъ словомъ, это такой человѣкъ, которымъ нельзя довольно нахвалиться; но Демидовъ и Бистромъ старше его; они тоже выказывали усердіе, такое же желаніе достичь блага, и мнѣ трудно дать Желтухину предпочтеніе передъ этими двумя. Этотъ орденъ будетъ имъ сильный ударъ, и данный одному ему произведетъ дурное впечатлѣніе. Ежели его нельзя дать всѣмъ тремъ и Анненскую ленту Паткулю, то нельзя ли его замѣнить рескриптомъ, который ему сдѣлаетъ столько же удовольствія и не обидитъ никого? Всѣ готовятся къ походу, но въ войну никто не вѣритъ. Солдаты довольны: также многіе изъ офицеровъ; но они были бы довольнѣе, ежели бы приготовленія не стоили столько денегъ.

Военный министръ мнѣ отказываетъ фуражъ на офицерскихъ лошадей, тогда какъ корпусъ никогда не выступалъ безъ этой льготы, даже во время похода въ Москву. Ради Бога, дорогой другъ, выпросите эту милость у государя, а то лошади околѣютъ дорогой съ голода по невозможности офицерамъ достать фуражъ за деньги.

XXXII.

Dans mes dernières lettres, j'ai oublié de vous dire, mon cher ami, que j'ai questionné l'artilleur Васильевъ. Je l'ai tenu pendant plus d'une demi-heure; j'ai fait tout ce que j'ai pu pour le faire parler. Il m'a juré que tout ce qu'il avait dit, il l'avait entendu dans les rues, les cabarets et autres endroits publics, qu'il avait fait la connaissance de m-r Валяевъ dans la maison où il logeait avec sa femme; que dans la même maison demeurait une fille publique, chez laquelle venait Валяевъ, et que c'est là où ce dernier l'a fait boire et causer. J'ai insisté pour qu'il me dise si ces paroles ne lui avaient pas été suggérées par quel-

qu'un; que si c'était le cas, je lui garantissais son pardon, s'il le nommait. Il m'a répondu: „C'est aujourd' hui le Vendredi Saint, je ne mentirai sûrement pas un jour comme celui-là; or, je vous jure par tout ce qu'il y a de plus saint, que j'ai dit tout cela sans aucune mauvaise intention, que j'avais une pointe ce jour-là, et que je parlais sans savoir trop ce que je disais, que personne ne m'a suggéré les idées, que j'ai entendu tout ce que j'ai dit dans les lieux publics". Je l'ai tourné et retourné de toutes les manières; il m'a été impossible d'en rien tirer. Quant à l'école Lancaster, il n'y a pas été. J'ai demandé aussi au colonel Слатвинскій [5]), s'il était vrai qu'au Club Anglais on lui avait parlé d'une prétendue désobéissance de son régiment; il m'a donné sa parole d'honneur que jamais personne ne lui avait fait cette question.

Maintenant, cher ami, je dois vous rendre compte d'une histoire qui vient d'arriver au régiment Préobragensky. Lundi matin la compagnie de l'Empereur fut rassemblée par son capitaine de Witt, qui la commande depuis peu, pour recevoir ses appointemens; la plupart des hommes était ivres; il eut la sottise de choisir ce moment-là pour leur parler et leur proposer de décompter deux r. pour l'артель. La compagnie lui répondit qu'ils devaient marcher, qu'ils avaient besoin d'argent et que leur артель était assez forte sans cette augmentation. Les deux individus qui avaient porté la parole, reçurent du capitaine des coups de poing dans la figure. Alors toute la compagnie se mit à murmurer et fit beaucoup de bruit. Le colonel Isléniеff arriva, rétablit l'ordre et fit mettre aux arrêts les deux soldats qui avaient parlé. Le lendemain à 11 h. du matin, le colonel Pirh [6]) fit la tournée des casernes et, arrivé à la compagnie de l'Empereur, il trouva qu'il y en avait encore beaucoup pris de vin; ils lui demandèrent la grâce des deux soldats qui étaient aux arrêts. Le colonel leur répondit qu'ils étaient ivres et qu'il n'est pas habitué à parler à des ivrognes, qu'ils devaient se coucher, et que demain il verrait ce qu'il y aurait à faire. Sur cela, ils firent du bruit. Le colonel leur imposa silence et fit punir devant toute la compagnie celui qui avait parlé; il leur ordonna de se coucher, et le calme fut rétabli.

Le lendemain il vint dans la compagnie, les trouva repentants et honteux de ce qu'ils avaient fait. Les deux soldats arrêtés furent appelés chez le colonel. Les larmes aux yeux, ils lui demandèrent pardon. L'un des deux est un vieux soldat d'une conduite irréprochable. Le colonel crut devoir leur pardonner.

Toute cette affaire n'est pas conséquente, mais elle prouve que le capitaine est trop jeune et trop peu expérimenté pour commander: les coups de poing dans la figure, donnés à des hommes pris de vin, sont une sottise paumée, et c'est ce qui a donné lieu à tout ce tintamarre.

---

[5]) Полковникъ Слатвинскій былъ эскадроннымъ командиромъ въ л. г. гусарскомъ полку и вышелъ въ отставку, когда гр. Л. засѣкъ до смерти его вахмистра за какую-то вину. (Слова Матв. Ивановича Муравьева-Апостола).

[6]) Флигель-адъютантъ Пирхъ былъ послѣ барона Розена командиромъ Преображенскаго полка.

Tout ceci fait du train dans la ville, et les malveillants ne manquent pas de conter la chose, revue et corrigée et augmentée. En général, cher ami, l'esprit de la ville n'est pas bon, pour ne pas dire très mauvais: le départ de la garde fait beaucoup crier les papas et les mamans, et en général le mécontentement augmente tous les jours. Lors du départ du dernier courrier, il est survenu un mésentendu, par lequel mon rapport à Sa M. sur la réception de l'ordre de marcher est arrivé trop tard et n'a pas pu être envoyé. Maintenant je vous envoie toutes les dispositions que j'ai faites pour la marche. Comme je n'aurai de biscuits que pour cinq jours, il me faudra une double boulangerie; ainsi ne soyez pas étonné, si vous voyez par les rapports 120 boulangers. A l'instant je viens d'apprendre du colonel Pirch, qu'hier soir un bas-officier de la 3-me compagnie du régiment Préobragensky fit la tournée des chambres en demandant aux soldats, s'ils savaient qu'ils devaient recevoir de l'argent pour l'uniforme de l'année 21. Il répondirent que oui. „Vous êtes bien sots! leur dit il, de croire qu'on vous le donnera, si vous ne faites pas de bruit! Voyez la première compagnie: elle a fait du tapage, et de suite on nous a donné les nouveaux manteaux". Les grenadiers l'envoyèrent promener et en avertirent le sergent-major, qui le fit prendre et mettre aux arrêts. Ce matin le colonel Shipoff [7]) arriva à la compagnie, dans laquelle il devait avoir exercice; il fut étonné de ne pas trouver le bas-officier. en question, le fit chercher, et lui demanda pourquoi il ne se trouvait pas à son poste. Sa réponse fut qu'il ignorait qu'il y avait exercice. Le colonel lui ordonna de répéter ce qu'il avait dit la veille à ses camarades. Le bas-officier lui répondit qu'il était ivre et qu'il ne se rappelait pas de ce qu'il avait dit. Sur cela les soldats de la compagnie lui répètent ce qu'il leur avait dit. Shipoff demanda alors à la compagnie ce qu'ils voulaient que l'on fît de cet homme, et toute la compagnie demanda qu'on le mît dehors, puisqu'il fesait honte au régiment et calomniait la compagnie de l'Empereur. Sur cela le colonel lui fit donner 300 coups de bâton et le fit mettre aux arrêts. Je viens d'ordonner de le faire transporter chez Zakrefsky, pour être envoyé à Schlusselbourg: car il est urgent de savoir quels sont ses complices et surtout qui lui a suggéré ces idées. Peut-être parviendrons nous à découvrir par lui les meneurs, car cela ne peut pas être une idée de son crû. Ceci vient à l'appui, cher ami, de ce que j'ai dit plus haut: il faut que tout se réunisse, et pour cela il faut la présence de l'Emperenr.

Переводъ.

Я забылъ вамъ сказать въ послѣднемъ моемъ письмѣ, любезный другъ, что я допрашивалъ артиллериста Васильева, продержалъ его болѣе получаса и старался всячески его заставить говорить. Онъ мнѣ поклялся, что все это онъ слышалъ на улицѣ, въ кабакѣ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, что онъ познакомился съ Валяевымъ въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ съ своей женой и что въ этомъ самомъ домѣ живетъ публичная дѣвка, къ которой ходилъ Валяевъ, и они его тамъ напоили и заставили гово-

---

[7]) Иванъ Павловичъ Шиповъ былъ членомъ военнаго суда надъ нижними чинами л. г. Семеновскаго полка.

рить. Я настаивалъ на томъ, чтобъ узнать, не внушилъ ли ему эти слова кто-либо иной, обѣщалъ ему простить его, ежели онъ назоветъ мнѣ того, отъ кого онъ ихъ слышалъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Сегодня Страстная Пятница; въ такой день я лгать не стану, и клянусь вамъ всѣми святыми, что я все это говорилъ безъ всякаго дурнаго намѣренія: я былъ тогда выпивши и болталъ, чтò попало. Никто мнѣ никакихъ мыслей не внушалъ и слышалъ я это все на дворѣ". Я его и такъ, и сякъ старался сбить: ничего не могъ добиться; а въ Ланкастерской школѣ онъ никогда не бывалъ. Я еще спрашивалъ у полковника Слатвинскаго, правда ли то, что ему говорили въ Англійскомъ клубѣ о какомъ-то ослушаніи его полка; онъ мнѣ далъ честное слово, что никто ему такого вопроса не дѣлалъ.

Теперь долженъ вамъ донести о случившейся исторіи въ Преображенскомъ полку. Въ Понедѣльникъ утромъ Царская рота была собрана своимъ командиромъ, капитаномъ Виттомъ, для полученія жалованья; почти всѣ были пьяны; онъ имѣлъ глупость выбрать это время, чтобъ говорить съ ними и предлагать вычесть у нихъ два рубля для артели. Рота отвѣчала, что они идутъ въ походъ, и деньги имъ нужны, и что артель ихъ довольно богата и безъ этой прибавки. Капитанъ ударилъ кулакомъ по лицу этихъ двухъ солдатъ, которые отвѣчали, и тогда вся рота сильно зашумѣла. Пріѣхалъ полковникъ Исленьевъ, водворилъ порядокъ и отправилъ на гауптвахту двухъ побитыхъ. На другой день, въ 11-ть часовъ утра, полковникъ Пирхъ осматривалъ казармы и, пришедши въ Царскую роту, засталъ тамъ еще много пьяныхъ. Они стали его просить за двухъ арестованныхъ. Полковникъ отвѣчалъ, что они пьяны и что онъ не привыкъ разговаривать съ пьяницами, и поэтому пусть лягутъ спать, а завтра онъ посмотритъ, чтó слѣдуетъ сдѣлать. Тутъ опять поднялся шумъ. Полковникъ водворилъ порядокъ и, приказавъ при всей ротѣ наказать говорившаго, прогналъ ихъ спать, и все успокоилось.

На другой день, пришедши въ роту, онъ засталъ всѣхъ въ другомъ видѣ: они раскаявались и стыдились всего того, чтò надѣлали. Арестованныхъ позвали къ полковнику, и они со слезами на глазахъ просили прощенья. Одинъ изъ нихъ очень старый солдатъ, примѣрнаго поведенія. Полковникъ ихъ простилъ. Все это дѣло не важно, но оно доказываетъ, что капитанъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобъ командовать ротой: бить кулакомъ въ лицо пьяныхъ людей — страшная глупость, которая причинила весь этотъ шумъ.

Все это производитъ волненіе въ городѣ, и злонамѣренные люди перетолковываютъ всю исторію съ прибавленіями и украшеніями. Вообще настроеніе города не хорошо, даже скажу: очень дурно. Папеньки и маменьки очень вооружаются противъ выступленія гвардіи, и неудовольствіе возрастаетъ ежедневно. Вышло недоразумѣніе, когда отправлялся послѣдній курьеръ: мой рапортъ государю о полученіи приказа выступать въ походъ опоздалъ и не могъ быть посланъ. Теперь посылаю вамъ всѣ мои распоряженія касательно похода. По случаю того, что сухарей мнѣ хватитъ только на пять сутокъ, мнѣ нужно двойную пекарню; не удивляйтесь же, когда увидите въ моемъ рапортѣ 120 пекарей. Сейчасъ мнѣ передалъ полковникъ Пирхъ, что вчера вечеромъ ўнтеръ-офицеръ 3-й роты Преображенскаго полка обошелъ всѣ комнаты казармъ и спрашивалъ у солдатъ, знаютъ ли, что они должны получить деньги за мундиры 21-го года. Они отвѣчали, что знаютъ. „Дураки вы, сказалъ онъ: коли вы думаете, что вамъ ихъ дадутъ безъ шуму! Вотъ 1-ая рота пошумѣла, и тотчасъ имъ выдали новыя шинели". Гренадеры его выгнали и донесли объ этомъ фельдфебелю, который его схватилъ и посадилъ на гауптвахту. Сегодня утромъ полковникъ Шиповъ пріѣхалъ въ роту, гдѣ

должно было производиться ученіе, и удивился, не видя означеннаго унтеръ-офицера, послалъ за нимъ и спросилъ у него, почему онъ не находится на ученьи, на своемъ мѣстѣ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ и не зналъ, что назначено ученье. Полковникъ приказалъ ему повторить все то, что́ онъ говорилъ наканунѣ своимъ товарищамъ. Унтеръ-офицеръ отвѣчалъ, что былъ пьянъ и не помнитъ, что́ говорилъ. Тогда солдаты ему повторили, что́ онъ имъ сказалъ. Шиповъ спросилъ у роты, что́ она хочетъ, чтобъ съ нимъ сдѣлали. Рота просила, чтобъ его выгнали вонъ, потому что онъ срамитъ полкъ и клевещетъ на Царскую роту. Тогда полковникъ приказалъ ему дать 300 розогъ и посадилъ подъ арестъ. Я сейчасъ приказалъ перевести его къ Закревскому и переслать его въ Шлюссельбурѣ, дабы узнать непремѣнно, кто его сообщники и кто ему внушилъ эти мысли, которыя не могли быть его собственныя. Можетъ быть, узнаемъ мы наконецъ зачинщиковъ; ибо не можетъ быть, чтобъ ему самому это пришло въ голову. Это подтверждаетъ, любезный другъ, прежнія мои слова: надо, чтобы все сосредоточилось, а для этого необходимо присутствіе государя.

XXXIII.

J'ai reçu votre lettre du 17 Avril, cher ami, et me suis vivement réjoui de la nouvelle que vous me donnez; j'espère que, cette fois ci, aucun incident ne s'opposera à votre départ. Mes troupes continuent à filer; la garde à cheval est partie ce matin, l'infanterie est sortie en très-bon ordre et je ne doute pas que cette marche ne fasse du bien; surtout si je parviens à avoir des divisionnaires, sur les lesquels je puisse me reposer. Le baron Rosen m'a demandé la permission de rester en ville jusqu'au 25, sa femme étant malade de chagrin, d'avoir perdu sa soeur Pachkof. J'y ai consenti.

Le Grand-Duc Michel n'ayant pas voulu se charger de commander la colonne, vu son inexpérience, pendant l'absence du baron Rosen, m'a demandé de lui permettre de se trouver sous les ordres du général Bistrom. Cette conduite franche et loyale fait honneur à S. A. I. J'ai nommé en conséquence le g—Bistrom, pour commander la colonne jusqu'au retour du baron de Rosen. Comme les dernières troupes quittent Pétersbourg le 14, j'avais l'intention de partir d'ici le 15, mais d'après votre lettre je m'arréterai encore quelques jours de plus pour attendre l'arrivée de l'Empereur.

Переводъ.

Я получилъ ваше письмо отъ 17 Апрѣля, любезный другъ и обрадовался искренно сообщенному вами извѣстію. Надѣюсь, что на этотъ разъ, уже ничего не будетъ препятствовать вашему отъѣзду. Войска мои маршируютъ, конная гвардія выступила сегодня; пѣхота вышла въ отличномъ порядкѣ, и я увѣренъ, что походъ этотъ принесетъ большую пользу, въ особенноси, если мнѣ дадутъ дивизіонеровъ, на которыхъ можно положиться. Баронъ Розенъ просилъ у меня позволенія остаться до 25-го въ городѣ: у него жена больна съ горя, что потеряла сестру Пашкову; я согласился.

Великій князь Михаилъ Павловичъ не пожелалъ, по своей неопытности командовать колонной во время отсутствія барона Розена и просилъ меня позволить ему находиться при генералѣ Бистромѣ. Этотъ благородный и открытый поступокъ дѣлаетъ честь е. и. высочеству. Поэтому я назначилъ генерала Бистрома, командующимъ колонною во время отсутствія барона Розена. Такъ какъ послѣднія войска оставляютъ Петербургъ 14-го, я имѣлъ намѣреніе уѣхать 15-го, но, получивши ваше письмо, я намѣренъ остаться здѣсь еще нѣсколько дней, чтобъ дождаться государя.

IX. ПИСЬМО КНЯЗЯ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ МЕНЩИКОВУ.

Я получилъ ваше письмо, князь, и стану отвѣчать вамъ съ той откровенностью, которая вамъ извѣстна. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ необходимости заняться будущимъ благосостояніемъ нашихъ крестьянъ, и я думаю, что доказалъ вамъ это, подписавъ записку, которую вы мнѣ предложили; но каково было мое удивленіе, когда я узналъ отъ васъ, что потомъ, безъ моего вѣдома и разрѣшенія, подъ этою запискою собираются еще подписи. Въ столь важномъ дѣлѣ, въ которомъ довѣріе правительства и общества можетъ опереться лишь на людей съ добрымъ именемъ, являются такія личности, отъ которыхъ не поздоровится.

Я не гонюсь за славою въ этомъ дѣлѣ, а дѣйствую по убѣжденію и по внушенію совѣсти. Одно изъ условій моей подписи была глубочайшая тайна, и вдругъ я узнаю, что весь городъ объ этомъ говоритъ и что указываютъ на г-на Каразина, какъ на главнаго двигателя этого общества!

Вы сочтете естественнымъ, что послѣ изложеннаго я беру назадъ свою подпись, весьма жалѣя, что не могу содѣйствовать дѣлу, которое, будучи поведено иначе, т. е. съ осторожностью и безъ шума, могло бы принести самые счастливые плоды.

Примѣчаніе. Это письмо князя И. В. Васильчикова къ князю А. С. Менщикову очень замѣчательно тѣмъ, что оно, можетъ быть, было причиною удаленія отъ дѣлъ князя Менщикова въ 1822 году. Извѣстно, что Н. И. Тургеневъ, назначенный статсъ-секретаремъ при Государственномъ Совѣтѣ, въ 1819 году представилъ Государю чрезъ графа Милорадовича записку, озаглавленную: „Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи“. Мысль его была та, что конецъ рабству можетъ положить одно самодержавіе. Эта записка очень поразила императора. Онъ встрѣтилъ эту мысль съ большимъ сочувствіемъ, нашелъ ее вполнѣ справедливой и благородной и объявилъ Милорадовичу, что „непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ“. Князь А. С. Менщиковъ, какъ ловкій царедворецъ, воспользовался этимъ настроеніемъ и намѣреніемъ Государя, началъ вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ развивать эту мысль и получилъ согласіе многихъ вліятельныхъ лицъ на подачу адреса Государю съ просьбою разработать вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Къ несчастію, происшествіе Семеновскаго полка и полученныя Государемъ свѣдѣнія о распространеніи нитей тайнаго общества сильно на него подѣйствовали. Императоръ, преслѣдуемый призракомъ тайнаго общества, все болѣе и болѣе становился недовѣрчивымъ, даже къ людямъ, въ преданности которыхъ онъ, казалось, не могъ сомнѣваться. Онъ былъ увѣренъ, что устрашающее его общество было чрезвычайно сильно и сказалъ однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этотъ счетъ: „Ты ничего не понимаешь; эти люди могутъ кого хотятъ возвысить или уронить въ общемъ мнѣніи; къ тому же они имѣютъ огромныя средства *)“. Какъ только Государь узналъ о подписяхъ, собираемыхъ княземъ Менщиковымъ, для подачи ему адре-

*) Записки Якушкина.

са, не смотря на то, что князь былъ начальникомъ канцеляріи главнаго штаба, вездѣ сопутствовалъ Императору и пользовался его довѣріемъ, онъ удалилъ его не только отъ мѣста, но и отъ службы, какъ человѣка, подозрѣваемаго въ сношеніяхъ съ людьми опасными для правительства. Можетъ быть, письмо князя И. В. Васильчикова или его слова много тому содѣйствовали. Князь А. С. Меншиковъ былъ снова принятъ на службу уже въ 1828 году. *В. Давыдовъ.*

X. ПИСЬМО КНЯЗЯ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГРАФУ ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ КОЧУБЕЮ.

(1821)

Я получилъ ваше письмо, любезный графъ, и долженъ сознаться, что удовольствіе, которое оно мнѣ доставило, было отравлено подробностями, которыя вы мнѣ даете о ходѣ дѣлъ. Со всѣхъ сторонъ я получаю тѣже самыя извѣстія о занятіяхъ Государя. Больно видѣть, что прошедшее не произвело на него другаго дѣйствія, какъ только удвоило его недовѣрчивость. Не падайте духомъ отъ его молчанія, любезный графъ, и для успокоенія вашей совѣсти, прочтите ему вашу записку и укажите ему откровенно вашъ взглядъ на вещи. Это долгъ вашъ передъ Отечествомъ и вами самими.

Письма Михаила Орлова къ своему брату доказываютъ всю справедливость извѣстій полученныхъ мною о тайномъ обществѣ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ. Его братъ мнѣ сказалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, онъ пишетъ къ нему совершенно въ другомъ духѣ: онъ сознаетъ, что его либеральныя мысли увлекли его слишкомъ далеко, что теперь его глаза раскрылись, и онъ отрекается отъ своихъ заблужденій, обѣщая брату дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Я вѣрю въ его обращеніе болѣе, чѣмъ въ Магницкаго, потому что онъ не изъ тѣхъ, которые скрываютъ свой образъ мыслей; впрочемъ, всегда будетъ возможность имѣть объ этомъ свѣдѣнія.—Погода здѣсь сущее бѣдствіе. Нельзя высунуть носу: недѣль шесть постоянно льетъ дождь, и солдаты мои всѣ мокрые. Если это продолжится, мы помремъ съ голоду, потому что сообщенія прекращаются, и перевозка фуража становится невозможною. Край до того бѣденъ, что жаль видѣть.

XI. ДВА ПИСЬМА КЪ КНЯЗЮ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВУ ТАЙНАГО АГЕНТА ГРИБОВСКАГО *).

1.

Имѣвъ честь получить приказаніе 6 Августа, въ тотъ же день отправилъ подполковника И. Онъ нашелъ, что К. Г. сквозь по дорогѣ прописанъ проѣхавшимъ 4-го, и въ 2 часа того же числа взялъ лошадей на послѣдней станціи. Въ Новгородѣ лошадей не бралъ; ни въ трактирѣ, ни въ частныхъ домахъ, сколько разыскать можно было, не останавливался. Въ сосѣдскихъ монастыряхъ во-

*) О Грибовскомъ см. въ письмахъ князя Васильчикова къ князю Волконскому Р. Архивъ 1875, кн. 2-я, стр. 435. *П. Б.*

все никого изъ пріѣзжихъ нѣтъ. Дальнѣйшихъ слѣдовъ невозможно было отыскать потому, что ямщикъ, взятый на послѣдней передъ Новгородомъ станціи, не только 6, но по 13 не возвращался на оную, и неизвѣстно, имъ ли удержанъ. Въ надеждѣ узнать что либо отъ людей К. Г. и полагая съ нимъ съѣхаться, посланный возвращался въ Субботу 13-го, но онъ еще не проѣзжалъ.

Въ Новгородѣ ни генерала Ф. В. и никого изъ замѣчательныхъ не было.

Угодно ли будетъ приказать, по возвращеніи К. Г., употребить средства узнать отъ людей его, послать на мѣсто удостовѣриться и отыскать ямщика?

14 Августа 1821.

2.

Полковникъ К. Г., не останавливаясь въ Новгородѣ, проѣхалъ въ Псковъ, отсюда отправилъ назадъ бывшаго при немъ собственнаго человѣка, удержалъ при себѣ Нѣмца, который почти не умѣетъ говорить порусски и выѣхалъ въ Верро. На возвратномъ пути пробылъ два дня въ Новгородѣ и былъ одинъ разъ въ церкви.

31 Августа 1821.

3.

(Сентябрь 1821)

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Его сіятельство прислалъ мнѣ 6-го, изъ Царскаго Села, повелѣніе отправить въ Новгородъ нарочнаго. Исполняя волю его, послалъ я въ тотъ же день. Но, какъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемыхъ записокъ, успѣха не было. К. Г. выѣхалъ 4 и проскакалъ далѣе, а мнѣ дано знать 6 и только въ Новгородъ, до котораго и имѣлъ мой посланный подорожную. Впрочемъ, кажется, бѣда не велика. Проповѣди m-me Krüdener надѣлали, что К. Г. должно будетъ скоро отвести мѣсто въ желтомъ домѣ у Обуховскаго моста. Августа 26 ожидали они явленія Мессіи или другаго какого-то страшнаго чуда. Предсказывали со страхомъ сей день, и К. Г. явно бредитъ

Вашему превосходительству имѣю честь представить приказъ 30-го и копію съ рапорта, писаннаго собственною рукою барона И. И. *) Августа 30. Кромѣ прочихъ, пожалованы Андреевскими кавалерами графъ Кочубей и маркизъ де Траверзе. Дочь послѣдняго, также Павла Васильевича, Балашова, Ливена, Комаровскаго, Карамзина и одна Полька во фрейлины. Башуцкому аренда въ 3.000 серебромъ.

Прежде сего еще подарены долги барону Розену (200.000), гр. Мил. (400.000); Меллеру-Закомельскому дано 120.000, а Сперанскому земля, какъ говорятъ, съ доходомъ до 50.000 р.

Наканунѣ 30 разсѣяно было множество слуховъ. Между прочимъ говорили, что князь Щербатовъ, возвратившійся изъ Парижа, займетъ ваше мѣсто.

---

*) Т. е. И. И. Дибича.

Наконецъ настала развязка Семеновской исторiи. Выписанные въ 3-й и Кавказскiй корпуса отправлены уже. Остальные 383 чел. приговорены къ тѣлесному наказанiю. Завтра будетъ исполненiе. По прочтенiи сентенцiи надъ 50-ю исполнится, прочимъ объявится прощенiе и будутъ отправлены въ Оренбургъ и Омскъ, для распредѣленiя по полкамъ. 2-ой карабинерный полкъ назначенъ для сего на Охту, гдѣ будутъ Арсенiй Андреевичъ и Павелъ Васильевичь. Ваше превосходительство знаете уже о Брагинѣ. (Въ приказѣ отдано, что онъ изъ фельдфебелей Муромскаго полка производится въ подпоручики). Государь изволилъ призывать его лично, и онъ подалъ копiю съ той записки, которую подавалъ наканунѣ происшествiя Кашкарову и которую сей послѣднiй сорвалъ. Послѣ сего его перевели въ Муромскiй полкъ, и говорятъ, что его в-во изволилъ сказать: „въ Семеновскомъ дѣлѣ отъ высшаго до низшаго одинъ Брагинъ сдѣлалъ свое дѣло".

Говорятъ, что велѣно вновь произвести слѣдствiе о всѣхъ происшествiяхъ, случившихся до выступленiя изъ Петербурга, и что для сего будто бы будетъ отправленъ аудиторъ Терлецкiй.

Арсенiй Андреевичь ѣдетъ на два мѣсяца въ отпускъ.

Его величество изволитъ выѣхать 12. Сего дня получено утвержденiе штата канцелярiи Комитета.

XII. ПИСЬМО КНЯЗЯ ПАСКЕВИЧА КЪ КНЯЗЮ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВУ.

Милостивый государь Ларiонъ Васильевичъ.

Когда начальникъ выбылъ, тогда объ немъ сужденiя вѣрны и тогда онъ долженъ слушать голосъ истины. Узнавши о вашемъ увольненiи, всѣ отъ начальника до солдата объявили сожалѣнiе: такого намъ начальника не нажить, былъ общiй отзывъ. Каждый началъ разсказывать, сколько вамъ обязаны, и выходитъ, что почти ни одинъ изъ чиновниковъ не остался, который бы по вашему ходатайству не награжденъ былъ. Нижнiе чины многими хорошими учрежденiями увидѣли облегченiе своей службы. Я, давно знавши васъ, ничему не удивляюсь и всегда увѣренъ былъ, что гдѣ вы будете, то навсегда оставите по себѣ память.

21 числа праздновали Семеновскiй праздникъ, и этотъ новый полкъ пилъ ваше здоровье. Оба Великiе Князья, присутствующiе тутъ, первые подали примѣръ.—Благодарю васъ о ходатайствѣ за мою аренду; если это сдѣлается, то я одному вамъ буду обязанъ.

Вы пишите, что дружество наше сдѣлано на полѣ чести. Точно такъ. Я въ первый разъ тамъ васъ увидѣлъ и нашелъ достойнымъ быть начальникомъ.

Примите увѣренiе въ совершенномъ почтенiи, съ которымъ имѣю честь быть

вашего превосходительства, милостивый государь,
покорнѣйшiй слуга Иванъ Паскевичъ.

1821 года Декабря 3 дня. Городъ Вильна.

P. S. Сiю минуту я получилъ отъ брата извѣстiе, что вы, будучи больны, выѣзжали, чтобы просить Государя Императора о моей арендѣ. Такого рода поступокъ навсегда останется во мнѣ неизгладимо.

РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢЧАНІЯ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА СЕРГѢЯ ПАВЛОВИЧА ШИПОВА.

Государь Александръ Павловичь, проѣзжая въ 1818 или въ 1819 году изъ заграницы въ Россію, не былъ намѣренъ смотрѣть войска, и потому нигдѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій для представленія ихъ Государю. Кавалерія стояла даже на травѣ. Его величество усматривалъ, что по его маршруту приходилось проѣзжать черезъ мѣстечко, гдѣ стояли въ то время Бѣлорусскій полкъ и конно-артиллерійская рота, и вдругъ послалъ фельдъегеря съ приказомъ собрать какъ полкъ, такъ и роту для смотра ихъ къ его пріѣзду. Командиромъ Бѣлорусскаго полка былъ тогда храбрый полковникъ Ольшевскій, а ротою командовалъ полковникъ Поздѣевъ. Дѣлать было нечего: не смотря на невыгоды столь неожиданнаго смотра и на бытность лошадей на травѣ, полкъ былъ собранъ; но, къ довершенію его несчастія, во время слѣдованія къ назначенному мѣстечку пошелъ проливной дождь и шелъ во все время 8-ми верстнаго перехода. Конно-артиллерійская же рота была счастливѣе: она травою пользовалась въ самомъ мѣстечкѣ, и потому вышла въ строй почти передъ самымъ пріѣздомъ Государя. Сравненіе обѣихъ частей оказалось самое пагубное для Бѣлорусскаго полка: жалкій его видъ слишкомъ ярко бросался въ глаза, въ виду роты, выѣхавшей если не въ щегольскомъ видѣ, то сравнительно съ гусарами въ наилучшемъ видѣ. Государь разсердился и немедленно отрѣшилъ отъ должности полковника Ольшевскаго, а полковника Поздѣева назначилъ командиромъ полка. Полковникъ Ольшевскій, какъ я уже говорилъ, былъ одинъ изъ блистательныхъ офицеровъ Русской кавалеріи. Онъ началъ службу въ Ахтырскомъ полку и командовалъ эскадрономъ, во время командованія полкомъ И. В. Васильчикова и брата его Д. В. Васильчикова, и потому былъ имъ обоимъ коротко извѣстенъ по своимъ блистательнымъ качествамъ. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, онъ за обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ И. В. Васильчиковъ, началъ ему разсказывать о неудавшемся смотрѣ, и тутъ же объяснилъ, что онъ полковника Поздѣева назначилъ командиромъ полка. На это генералъ Васильчиковъ сказалъ: что если онъ осмѣлится выразить свою мысль его величеству, то онъ очень сожалѣетъ, что Государь лишился въ полковникѣ Ольшевскомъ отличнаго офицера.—„Но полкъ его былъ въ ужасномъ положеніи", отвѣчалъ государь.—„Тому была какая нибудь причина, ваше величество, полковникъ же Ольшевскій вполнѣ достойный офицеръ". Разговоръ на этомъ пресѣкся. Послѣ стола Императоръ подошелъ къ Васильчикову и спросилъ его: „Вы, вѣроятно, коротко знаете Ольшевскаго, что такъ горячо за него заступаетесь?"—„Да, Государь, знаю его давно, какъ отличнаго офицера".—„Но онъ, вѣрно, любитъ набивать свой карманъ?"—„Государь, я смѣло могу вамъ сказать, что онъ также честенъ, какъ и я". Императоръ послѣ этого разговора вышелъ. Онъ велѣлъ навести справки и, удостовѣрившись въ истинѣ, немедленно приказалъ дать Ольшевскому отличный конно-егерскій полкъ, а увидѣвши Васильчикова, сказалъ ему: „Благодарю васъ, Иларіонъ Васильевичъ, что вы вашими словами дали мнѣ средство исправить мою ошибку".

*

Въ первой коммиссіи военнаго суда, подъ предсѣдательствомъ генерала-адъютанта Левашева, былъ аудиторомъ Терлецкій, который имѣлъ весьма непріятную стычку съ В. В. Левашевымъ и потому вышелъ изъ коммиссіи. На его мѣсто былъ назначенъ оберъ-аудиторъ корпуса внутренней стражи Бѣльскій. Послѣ изъявленнаго неудовольствія Васильчикова на рѣшеніе первой коммиссіи была назначена другая подъ предсѣ-

дательствомъ генерала Желтухина; въ нее былъ назначенъ Терлецкій оберъ-аудиторомъ, и онъ, помня свою ссору съ Левашевымъ, вывелъ всѣ промахи его.

*

Въ письмѣ отъ 12 Апрѣля 1821 говорится о Исленьевѣ. Онъ въ то время былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и въ послѣдствіи генералъ-адъютантомъ. Ему очень покровительствовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ и обнадеживалъ его, что онъ получитъ новый Семеновскій полкъ. Когда же вышло назначеніе Шипова, то онъ, въ присутствіи лицъ, находящихся у Великаго Князя, заплакалъ, такъ какъ онъ самъ всѣмъ разсказывалъ о своемъ назначеніи. Послѣ этого онъ немедленно сказался больнымъ.

(*Записано В. Д. Давыдовымъ*).

СТИХИ Ѳ. Н. ГЛИНКИ О БЫВШЕМЪ СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ.

Была прекрасная пора:
Россія въ лаврахъ, подъ вѣнками,
Неся съ побѣдными полками
Въ душѣ—покой, въ устахъ: „ура!“
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончивъ полевыя драки,
Носили офицеры фраки,
И всякій былъ и бодръ, и свѣжъ.
Пристрастье къ формѣ пригасало,
О палкѣ и вѣстей не стало,
Дремалъ парадъ, пустѣлъ манежъ.....
За то солдатъ, опрятный, ловкій,
Всегда учтивъ и сановитъ,
Ужъ принялъ свѣтскія уловки
И нравовъ Европейскихъ видъ...
Но передъ всѣми отличался
Семеновскій прекрасный полкъ.
И ктожъ тогда не восхищался,
Хваля и умъ его, и толкъ,
И человѣчныя манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примѣры,
Являлись скромно въ блескѣ залъ.
Ихъ не манилъ летучій балъ
Безсмысленнымъ кружебнымъ шумомъ:
У нихъ чело яснѣлось думой,
Изъ-за которой умъ сіялъ.....
Влюбившись отъ души въ науки
И бросивъ шпагу спать въ ножнахъ,
Они въ ихъ дружескихъ семьяхъ
Перо и книгу брали въ руки,
Сбираясь, по служебномъ днѣ,
На полѣ мысли, въ тишинѣ....
Тогда гремѣлъ, звучнѣй, чѣмъ пушки,
Своимъ стихомъ лицейскій Пушкинъ,
И много было.....—Все прошло!

Прошло и ужъ невозвратимо!
Все бурей мутною снесло,
Промчалось, прокатилось мимо....
И сколько, сколько утекло,
Волною пасмурной, печальной
(И здѣсь, и по Россіи дальней)
Въ рѣкахъ воды, а въ людяхъ слезъ;
И сколько пережито грозъ!....
Но пусть о нихъ твердятъ потомки;
А мы, прошедшаго обломки,
Въ уборѣ париковъ сѣдыхъ,
Среди кипучихъ молодыхъ,
Вспомянемъ мы хоть про новинки,
Гдѣ весело гостили Глинки,
Гдѣ благородный Муравьевъ
За нить страдальческихъ годовъ
Забылъ пустынную неволю
И тихо сердцемъ отдыхалъ;
Гдѣ, у семьи благословенной,
Для дружбы и родства безцѣнной,
Умомъ и доблестью сіялъ,
И къ новой жизни разцвѣталъ
Якушкинъ нашъ въ объятьяхъ сына,
Когда прошла тоски годна
И лучь надежды обѣщалъ
Достойнымъ имъ—иную долю.

(*Сообщено В. Д. Давыдовымъ*).

ЗАПИСКА О ТАЙНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ ВЪ РОССІИ, СОСТАВЛЕННАЯ ВЪ 1821 ГОДУ *.

Въ 1814 году, когда войска Русскія вступили въ Парижъ, множество офицеровъ приняты были въ масоны и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Послѣдствіемъ сего было, что они напитались гибельнымъ духомъ партій, привыкли болтать то, чего не понимаютъ, и изъ слѣпаго подражанія получили не наклонность, но лучше сказать страсть заводить подобныя тайныя общества у себя. Нѣкоторые изъ оныхъ не имѣли въ виду никакой опредѣленной цѣли; другіе, напротивъ того, мечтали лишь о

*) Эта записка, авторомъ которой одни называютъ графа А. Х. Бенкендорфа, а другіе М. Грибовскаго, получена въ Русскій Архивъ вмѣстѣ съ двумя нижеслѣдующими бумагами (Разговоромъ Сенявина и Прибавленіемъ къ Донесенію Слѣдственной Коммисіи) отъ наслѣдниковъ тайнаго совѣтника М. М. Попова. *П. Б.*

политикѣ и о томъ, какъ возымѣть вліяніе на правительство. Явная цѣль сихъ мнимыхъ свободномыслящихъ (либеральныхъ), точнѣе своевольномыслящихъ, была введеніе конституціи, или собственно такого образа правленія, подъ которымъ своеволіе ничѣмъ не было бы удерживаемо, а пылкимъ страстямъ, неограниченному честолюбію, желанію блистать, предоставлена была бы полная воля. Разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ они надѣялись занять высшія мѣста въ правительствѣ и, не опасаясь потери (потому, что не имѣли ничего), воспользоваться выгодами переворота. Съ поверхностными большею частію свѣдѣніями, воспламеняемые искусно написанными рѣчьми и мелкими сочиненіями корифеевъ революціонной партіи, не понимая что̀ такое конституція, часто не смысля какъ привести собственныя дѣла въ порядокъ и состоя большею частію въ низшихъ чинахъ, мнили они управлять государствомъ. Для прикрытія сколько нибудь своего невѣжества, бросились они къ изученію политическихъ наукъ и стали посѣщать частно преподаваемые курсы, гдѣ поверхностно ослѣпляли ихъ блескомъ выраженій и глушили громкими, но пустыми словами. Слабый умственный желудокъ ихъ, не имѣя предварительныхъ основаній въ вспомогательныхъ наукахъ, не сваривалъ сочиненій лучшихъ писателей, отъ чего и все ихъ просвѣщеніе было мишурное.

Стремленіе сіе особенно замѣтно было въ столицѣ, гдѣ представляется болѣе удобностей доставать правительствомъ запрещаемыя, по вреднымъ правиламъ, сочиненія. Можетъ быть, споспѣшествовало сему близкое нахожденіе вмѣстѣ множества офицеровъ, какое-то взаимное соревнованіе и вліяніе людей, кои скрытно подкрѣпляли сіе броженіе умовъ.

Само собою разумѣется, что необычайное воспаленіе не могло быть продолжительно. Лѣта, развлеченіе, занятія и переходы по службѣ охладили и развлекли многихъ; заведенныя между ими разныя общества рушились; сохранившееся же долѣе прочихъ и съ которымъ нѣкоторыя слились, было общество, подъ названіемъ „Союза Благоденствія“. Правила онаго составляли особенную книгу, названную по цвѣту обертки „Зеленою Книгою“. Она раздѣлялась на двѣ части, а послѣдняя на четыре отдѣленія. Написанная темнымъ, мистическимъ слогомъ, она составляла смѣсь изъ правилъ разныхъ тайныхъ обществъ, съ весьма нескладнымъ примѣненіемъ къ отечественному. Краткая первая часть давалась для прочтенія принимаемымъ, по взятіи отъ нихъ подписки не открывать ничего; вторая часть сообщалась посвященнымъ уже въ тайны. Главныя правила относились къ попеченію объ усовершенствованіи наукъ, художествъ, всѣхъ вѣтвей государственнаго хозяйства, судопроизводства и пр. Такимъ образомъ даже и для самыхъ членовъ, менѣе опытныхъ, прикрыта была тайная цѣль главныхъ руководителей—возымѣть вліяніе на всѣ отрасли правительства, чего частныя лица отнюдь присвоивать не могутъ. Средства къ тому избраны: распускаемые слухи, разсказы въ обществахъ, сочиненія, особенно журнальныя статьи, какъ болѣе и скорѣе расходящіяся, дабы дать

направленіе общему мнѣнію и нечувствительно приготовить всѣ сословія. Есть многое, до чего, какъ до больнаго мѣста, чтобъ не почувствовать, не должно прикасаться; но частыя напоминанія и, такъ сказать, безпрестанныя атаки по заведенной системѣ на понятія о рабствѣ, цѣпяхъ, неволи, тиранствѣ, ненаблюденіи правосудія и пр., врѣзываясь въ памяти, давали бы дурное мнѣніе и поселяли бы отвращеніе отъ существующаго очерняемаго порядка и желаніе перемѣнъ. Первымъ шагомъ для привлеченія низшаго состоянія почитались: освобожденіе крестьянъ, къ чему каждый членъ былъ обязываемъ, и распространеніе училищъ взаимнаго обученія. Научивши простой народъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ одному только чтенію, скорѣе подѣйствовали бы приготовленными въ духѣ и по смыслу ихъ маленькими сочиненіями, начавъ самыми невинными сказками, повѣстями, пѣснями, краткими наставленіями и пр., чтобъ ихъ заохотить, чему и сдѣланы опыты.

Главные члены составляли Коренную Управу и избирали изъ себя на каждые 4 мѣсяца: предсѣдателя, блюстителя (тоже, что прокуроръ) и 4 предсѣдателей отдѣленій. Они собирались еженедѣльно для совѣщаній и, по крайней мѣрѣ, однажды въ мѣсяцъ созывали всѣхъ наличныхъ членовъ сей Управы. Общество имѣло свою печать (улей со пчелами) и архивъ, кои хранились у блюстителя; а сумма (взносъ членами десятой доли дохода) въ ломбардѣ. Переписка производилась темнымъ слогомъ, чрезъ нарочно посылаемыхъ. Члены, приготовляемые мало по малу для Управы или долженствовавшіе только служить орудіями, составляли Побочныя Управы, подъ предсѣдательствомъ одного члена Коренной, назывались для прикрытія разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и, подъ видомъ литературныхъ вечеровъ или просто пріятельскихъ обществъ, собирались какъ можно чаще. Принятіе новыхъ членовъ сходствовало вообще съ наблюдаемыми въ тайныхъ обществахъ, съ меньшими только обрядами. Если кто вновь предлагаемъ былъ однимъ членомъ или кого желали, то, по довольномъ испытаніи, давали ему глухое понятіе объ обществѣ и, никогда не открывая вдругъ всѣхъ членовъ, вперяли объ участіи многихъ сильныхъ лицъ, дабы тѣмъ болѣе привлечь и устрашить. Послѣ сего предлагаемо было въ Коренной Управѣ, и для принятія требовалось согласіе всѣхъ членовъ оной.

Предсѣдатели Побочныхъ Управъ получали отъ Коренной наставленіе: чѣмъ занимать своихъ членовъ, какія читать и распространять сочиненія, какіе разглашать слухи и выдумывать каррикатуры, кого изъ знатныхъ стараться чернить въ общемъ мнѣніи, какъ судить о дѣйствіяхъ правительства и пр. Люди, неодинаково съ ними мыслившіе, извѣстны были подъ названіемъ: „бабушкина вѣку", то есть, мыслившихъ какъ было при покойной государынѣ Екатеринѣ II, „раболѣпствующихъ", тоже, что Испанскіе serviles. Для большей удобности и успѣха въ дѣйствіяхъ, положено было имѣть не менѣе 8 и не болѣе 12 членовъ въ Побочныхъ Управахъ; когда число ихъ возрастало, отдѣлялась новая Управа. Каждый

членъ обязанъ былъ доводить до свѣдѣнія своей Управы обо всемъ, что̀ только могъ узнать. Предсѣдатели представляли о томъ Коренной Управѣ. Въ необходимую также обязанность поставлялось отыскивать и привлекать въ свое общество всѣхъ людей съ дарованіями, въ особенности пользующихся довѣренностію тѣхъ особъ, кои занимаютъ важныя мѣста. Такимъ образомъ надѣялись знать всѣ тайны правительства и во всякомъ случаѣ быть въ безопасности: ибо члены таковые тотчасъ бы предостерегли ихъ. Изъ войскъ положено было набрать самое большое число приверженцевъ въ гвардіи; въ арміи же имѣть на своей сторонѣ только нѣсколько полковыхъ командировъ, рѣшительныхъ и на все готовыхъ, дабы, побужденіемъ ихъ и примѣромъ гвардіи, слѣпо увлечь всю армію. Центромъ всѣхъ дѣйствій сначала былъ Петербургъ, послѣ избрана Москва, для привлеченія живущаго тамъ дворянства. Главу положено было избрать, когда было-бы уже все готово, изъ вельможъ, уважаемыхъ войскомъ и народомъ и недовольныхъ правительствомъ. Самая большая надежда возлагалась на находящихся во Франціи и на графа Воронцова, на котораго дѣйствовали Тургеневы. Общество съ нетерпѣніемъ ожидало, что въ Пруссіи послѣдуетъ насильственный переломъ правленія, послѣ чего Польша не умедлила бы тому послѣдовать; и такимъ образомъ надѣялись подать руку съ Сѣвера безпокойному Югу. Они не могли скрыть глупой радости при происшествіяхъ въ Испаніи и Неаполѣ, и готовы были-бы на все, чтобы принудить Государя возвратиться скорѣе и не допустить имѣть близкое дѣятельное участіе къ успокоенію Европы.

Первоначальные члены общества были почти всѣ молодые гвардейскіе офицеры: Муравьевы (три Главнаго Штаба, полковникъ Александръ, вышедшій въ отставку послѣ того, какъ въ Москвѣ посаженъ былъ подъ арестъ; братъ его безногой; Никита, вышедшій также въ отставку, когда не былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ; и 4-й, бывшій въ прежнемъ Семеновскомъ полку); Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна; князь Трубецкой, бывшій въ Семеновскомъ полку и теперь за границею; Бибиковъ, адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича; князь Долгорукій 2-й, гвардейской артиллерійской бригады, бывшій адъютантъ графа Аракчеева; два Фонъ-Визина (одинъ, бывши полковымъ командиромъ, пріуготовлялъ офицеровъ своего Егерскаго полка); Перовскій, теперь оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса; Шиповъ, настоящій полковой командиръ полка Наслѣднаго Принца Прусскаго; Новиковъ, надворный совѣтникъ, бывшій въ Саксоніи при генералъ-адъютантѣ Репнинѣ и послѣ правителемъ канцеляріи его же, Малороссійскаго военнаго губернатора, теперь въ отставкѣ. Изъ нихъ Перовскій и Шиповъ мало по малу въ 1819 году отстали; о Пестелѣ утвердительно неизвѣстно.

Дѣйствія сего общества въ 1818 году получили новую дѣятельность, и число членовъ возрасло болѣе двухъ сотъ. Мало по малу привлечено множество офицеровъ Главнаго Штаба, изъ полковъ же

наиболѣе въ Измайловскомъ, бывшемъ Семеновскомъ, Егерскомъ, Московскомъ, Конной-Гвардіи *) и гвардейской артиллеріи. Примѣчательнѣйшіе по ревности: Бурцовъ, Фонъ-деръ-Бригенъ, два Колошина, Оленинъ, Капыловъ, Кутузовъ, Горсткинъ, Нарышкинъ, Корсаковъ и другіе; изъ постороннихъ Николай Тургеневъ, полковникъ Глинка и Семеновъ (молодой человѣкъ въ канцеляріи министра князя Голицына, занимавшій мѣсто секретаря въ обществѣ и руководимый Тургеневымъ и Глинкою).

По выходѣ полковника Муравьева въ отставку и назначеніи Бурцова адъютантомъ къ генералу Киселеву, Коренная Управа раздѣлилась на три вѣтви, имѣвшія постоянную связь. Въ Петербургѣ приняли управленіе Тургеневъ, Фонъ-деръ-Бригенъ и Глинка (изъ нихъ у послѣдняго и у Колошина бывали засѣданія); въ Москвѣ Муравьевы, въ Тульчинѣ Бурцовъ. Вліяніемъ ихъ и Фонъ-Визина вступили въ общество М. Орловъ, Граббе, Реадъ, Юшневскій, Прижевскій и пр. Орловъ брался вовлечь Мамонова; Тургеневъ, Фонъ-деръ-Бригенъ и Глинка молодыхъ графовъ Шереметева и Кушелева-Безбородку, для лучшаго успѣха надъ которыми полагали приставить способныхъ наставниковъ. Тоже предполагалось и съ другими богатыми, особенно молодыми помѣщиками. Тургеневъ, дававшій главное направленіе, брался съ профессоромъ Куницынымъ издавать журналъ, по самой дешевой цѣнѣ для большаго расхода, полагая издержки насчетъ общества, въ которомъ бы помѣщать статьи, къ цѣли общества относящіяся. Содѣйствовать сему обязаны были всѣ члены; также брались: Чаадаевъ (испытывавшійся еще для общества), Кюхельбекеръ (молодой человѣкъ съ пылкою головою, воспитанный въ Лицеѣ, теперь за границею съ Нарышкинымъ) и другіе. Въ одной изъ отдаленныхъ деревень кого-либо изъ членовъ намѣревались завести типографію и какъ литеры, отливъ на старинной штрифтъ, такъ и все нужное выписать изъ за границы... Глинка и Тургеневъ полагали успѣшнѣйшимъ, чрезъ находящихся за границею членовъ, литографировать въ Парижѣ, особенно каррикатуры и, ввозя чрезъ нихъ же, распускать въ народѣ на толкучемъ рынкѣ, разсылать въ армію и по губерніямъ. Тургеневъ настаивалъ преобразовать общество совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ назваться между собою другими именами.

Не смотря на все сіе, ревность многихъ ослабѣвала; другіе, вовлеченные не постигая всей цѣли, понявши оную, отставали; нѣкоторые отдѣлялись и заводили между собою общества. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ князь Долгорукій и Бибиковъ, основавшіе особое общество на Охтѣ. Неосторожность и неумѣстные разсказы еще болѣе разстроивали и подали поводъ къ опаснымъ

---

*) Генералъ Орловъ, узнавши, что въ его полку есть литературныя общества офицеровъ и не предполагая ничего добраго, созвавши ихъ, объявилъ, что не допуститъ заводить никакихъ обществъ и поступитъ по всей строгости, если узнаетъ впередъ.

происшествіямъ. Изъ нихъ примѣчательнѣе случившееся въ Москвѣ, гдѣ принятый Муравьевымъ секретарь Правительствующаго Сената Хавскій требовалъ денегъ, угрожая открыть все.

Сіе заставило ревностнѣйшихъ членовъ составить, въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго года, чрезвычайное засѣданіе въ Москвѣ. Тамъ были изъ главнѣйшихъ, кромѣ Муравьевыхъ, Н. Тургеневъ, Глинка (которому общество выдало на путевыя издержки 1000 р.), М. Орловъ, два Фонъ-Визина, Граббе, Комаровъ. Собранія бывали у Ф. Визина и Тургенева. Мнѣнія о приведеніи въ порядокъ дѣлъ были несогласны. Орловъ, ручаясь за свою дивизію, требовалъ полномочія дѣйствовать по своему усмотрѣнію; настаивалъ объ учрежденіи „Невидимыхъ Братьевъ“, которые бы составляли центръ и управляли всѣмъ; прочихъ раздѣлить на языки (по народамъ: Греческій, Еврейскій и пр.), которые какъ бы лучи сходились къ центру и приносили дани, не вѣдая кому. Несмотря на признаваемую нелѣпость сихъ требованій, сдѣланныхъ можетъ быть Орловымъ для того, чтобы найти предлогъ отстать отъ общества (ибо, по несовмѣстности, невозможно было ожидать принятія), кажется, что они бы еще сладили, какъ Граббе объявилъ, что въ разговорахъ съ бригаднымъ генераломъ Васильчиковымъ слышалъ: „Генералъ, говоря съ Краснокутскимъ, жалѣлъ, что нѣтъ между офицерами дружескихъ обществъ; послѣдній отвѣчалъ, что есть очень большое и имѣющее значительныхъ членовъ. Вѣроятно, что такой странный отвѣтъ возбудилъ подозрѣніе генерала, и онъ распрашивалъ подробнѣе у Граббе, не знаетъ ли чего о семъ обществѣ“. Извѣстіе сіе потревожило собравшихся въ Москвѣ; они полагали, что генералъ Васильчиковъ сообщитъ навѣрно о семъ брату своему, командующему Гвардейскимъ Корпусомъ, и такимъ образомъ правительство, имѣя въ рукахъ своихъ нить, можетъ сдѣлать нѣкоторыя открытія. Послѣ сего сожжены всѣ бумаги, и общество закрыто. Н. Тургеневъ, возвратясь въ Петербургъ, разсылалъ чрезъ Семенова къ членамъ письменное о семъ объявленіе, въ которомъ между прочимъ сказано: „Общество дѣйствовало для доброй цѣли и употребляло одни благородныя средства. Правительство, подозрительное, особенно послѣ новѣйшихъ происшествій въ Европѣ, не разбираетъ средствъ, готово всѣмъ пожертвовать, и не удивительно, если откроетъ“.

Такимъ образомъ кончилось существованіе Союза Благоденствія. Конечно, большая часть членовъ онаго были обольщены наружностію и вступили, не постигая цѣли; но нѣкоторыхъ изъ нихъ, кажется, никогда не должно упускать изъ виду. Весьма вѣроятно, что они желаютъ лишь освободиться отъ излишняго числа съ малымъ разборомъ навербованныхъ членовъ, коимъ неосторожно открыли все, составить скрытнѣйшее общество и дѣйствовать подъ завѣсою безопаснѣе*).

*) Изъ послѣдне-собранныхъ свѣдѣній открывается, что предполагаютъ мало по малу завести небольшія общества, подъ названіемъ Любителей Цвѣтовъ, Деревьевъ и тому подобныхъ, дабы по малому числу лучше быть прикрыту отъ глазъ полиціи; между тѣмъ главнымъ членамъ руководить ими и имѣть связь, скрывъ оную даже отъ прочихъ участниковъ.

Кажется, что наиболѣе должно быть обращено вниманіе на слѣдующихъ людей:

1) Николая Тургенева, который нимало не скрываетъ своихъ правилъ, гордится названіемъ Якобинца, грезитъ гильотиною и, не имѣя ничего святаго, готовъ всѣмъ пожертвовать, въ надеждѣ выиграть все при переворотѣ. Его-то наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслить.

2) Ѳедора Глинку. Слабый человѣкъ сей, которому нѣкоторые успѣхи въ словесности и еще болѣе лесть совершенно вскружили голову, который помѣшался на томъ, чтобъ быть членомъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ обществъ, втирается во всѣ знатные домы, рыскаетъ ко всѣмъ виднымъ людямъ, заводитъ связи, гдѣ только можно; для приданія себѣ важности, разсказываетъ каждому за тайну, что̀ узналъ по должности или по слабости начальника; посѣщаетъ всѣ открываемые курсы; посылаетъ во всѣ журналы статьи, изъ коихъ многія не весьма внимательно разсмотрѣны цензурою; и какъ въ разговорахъ, такъ и на письмѣ, кстати и не кстати, прилѣпляетъ политику, которой вовсе не постигаетъ, но блескомъ выраженій и заимствованными мыслями слѣпитъ неопытныхъ.

3) Фонъ-деръ-Бригена, по короткой связи съ Тургеневымъ, пріобрѣтенной совмѣстнымъ ученіемъ въ Нѣмецкихъ университетахъ. Кажется, что связи по женидьбѣ долженствовали бы его нѣсколько образумить.

4) Всѣхъ Муравьевыхъ, недовольныхъ неудачею по службѣ и жадныхъ возвыситься.

5) Фонъ-Визины и Граббе, судя по разсказамъ имѣющихъ съ ними короткія связи и по дѣйствіямъ ихъ въ обществѣ, готовы на все.

6) Михайла Орловъ, кажется, послѣ женидьбы своей, началъ отставать отъ того образа мыслить, которымъ восхищались приверженцы въ его рѣчи Библейскаго Общества, перепискѣ съ Бутурлинымъ и пр.

7) Бурцовъ, при добрыхъ правилахъ и разсудкѣ, болѣе, кажется, вовлеченъ и подъ добрымъ надзоромъ могъ бы еще исправиться.

При судебномъ изслѣдованіи трудно будетъ открыть теперь что-либо о семъ обществѣ: бумаги онаго истреблены, и каждый для спасенія своего станетъ запираться; но правительство легко можетъ удостовѣриться въ истинѣ, поручивши наблюденіе за сими людьми, ихъ связями и пр., и въ слѣдствіе того принять на будущее время надлежащія мѣры. Необходимо однакожъ при семъ сказать, что сего наблюденія вовсе не можно поручить настоящему господину С-. Петербургскому военному генералъ-губернатору, который окруженъ людьми, участвующими въ обществѣ или приверженными имъ.

Въ заключеніе должно сказать, что буйныя головы обманулись бы въ безсмысленной надеждѣ на всеобщее содѣйствіе. Исключая

столицу, гдѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, много найдется способнаго воспламениться при обольстительныхъ средствахъ; исключая Остъ-Зейскія губерніи, лучшее дворянство которыхъ, получая воспитаніе за границею, мало имѣетъ отечественнаго, утвердительно можно сказать, что внутри Россіи и не мыслятъ о конституціи. Дворянство, по одной уже привязанности къ личнымъ своимъ выгодамъ, никогда не станетъ поддерживать какой-либо переворотъ; о низшихъ же сословіяхъ и говорить нечего: чернь всегда и вездѣ была и будетъ черныо. Если бы нашлись, противъ чаянія, люди, съ добрыми даже правилами, кои, ослѣпляясь скрытнымъ честолюбіемъ и не постигая собственной гибели, стали споспѣшествовать безпокойнымъ затѣйникамъ, то такихъ очень немного. Русскіе столь привыкли къ образу настоящаго правленія, подъ которымъ живутъ спокойно и счастливо и который соотвѣтствуетъ мѣстному положенію, обстоятельствамъ и духу народа, что и мыслить о перемѣнахъ не допустятъ. Отрицать впрочемъ невозможно, что есть зародышъ безпокойнаго духа въ войскахъ, особенно въ гвардіи, прильнувшій, такъ сказать, отъ иноземцевъ во время нахожденія за границею и поддержанный стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ; но войска, сами по себѣ, ни на что не рѣшатся, а могли бы развѣ послужить орудіемъ для другихъ, какъ пагубные новѣйшіе примѣры въ другихъ странахъ доказали. При бдительномъ надзорѣ и кроткихъ, но постоянныхъ мѣрахъ, сіе можетъ быть постепенно отвращено. Между прочимъ, весьма не худо бы казалось, чтобы офицеры, какъ люди, до поступленія еще на службу совершенно приготовившіеся, перестали посѣщать частно преподаваемые курсы, особенно политическихъ наукъ, поверхностное изученіе которыхъ, безъ предварительныхъ прочныхъ основаній и безъ пособія другихъ наукъ, наноситъ величайшій вредъ. Сіе полупознаніе поставляетъ въ такое сомнительное положеніе, въ которомъ воображеніе воспламенено, духъ встревоженъ, а умъ, блуждая во мракѣ безъ руководителя, ищетъ того, чего не видитъ и не постигаетъ, и кончаетъ тѣмъ, что или еще болѣе возрастаетъ сомнѣніе, или же приводитъ на скользкій путь заблужденій.

Записка эта еще въ 1821 году подана была ген.-ад. А. Х. Бенкендорфомъ императору Александру І-му и оставалась въ кабинетѣ Его Величества до конца 1825 года. Въ этой запискѣ, за четыре года до происшествія 14-го Декабря, описаны существовавшія тогда тайныя общества съ такою вѣрностію, что почти все подтвердилось слѣдствіемъ въ 1826 году, и оттого записка Бенкендорфа имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ Донесеніемъ Слѣдственной Комиссіи. Это доказываетъ, что императоръ Александръ І-й, по крайней мѣрѣ съ 1821 года, имѣлъ положительныя свѣдѣнія о заговорахъ; но не приступалъ къ обнаруженію ихъ или по чувству великодушія, или въ надеждѣ, что заблудшіеся сами образумятся, или по другимъ, еще неподтвердившимся фактами, причинамъ. Между тѣмъ А. Х. Бенкендорфъ, впослѣдствіи графъ, показалъ запискою своею способность къ тайнымъ дознаніямъ, и эта записка, какъ самъ онъ потомъ говорилъ, была главною причиною, почему императоръ Николай І-й въ 1826 году назначилъ его шефомъ жандармовъ.

РАЗГОВОРЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛА Д. Н. СЕНЯВИНА СЪ МИНИСТРОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГРАФОМЪ КОЧУБЕЕМЪ.

8-го Ноября 1820 года, въ Понедѣльникъ, въ началѣ десятаго часу, вице-адмиралъ Сенявинъ, пріѣхавъ въ домъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, требовалъ, чрезъ дежурнаго, быть къ нему допущеннымъ.

Вице-адмиралъ Сенявинъ, бывъ принятъ, сказалъ графу Кочубею, что онъ долгомъ своимъ счелъ обратиться тотчасъ къ нему, какъ къ министру полиціи, а потомъ и къ здѣшнему военному генералъ губернатору, по одному обстоятельству, о которомъ онъ вчера увѣдомился и которое поразило его самымъ чувствительнымъ образомъ; что ему сказано было, будто существуетъ здѣсь какое-то общество, имѣющее вредные замыслы противъ правительства, и что почитаютъ его (Сенявина) начальникомъ или головою этого общества; что всякому легко понять можно, сколько подобное заключеніе должно ему быть оскорбительно; что, служивъ всегда съ честію, пріобрѣвъ и чины и почести, имѣя большое семейство и отъ роду 60 лѣтъ, онъ съ прискорбіемъ видитъ себя подобнымъ образомъ очерненнымъ, тогда какъ онъ, вышедъ въ отставку, живетъ почти въ уединеніи и мало куда ѣздитъ.

Графъ Кочубей отвѣчалъ вице-адмиралу Сенявину, что онъ долженъ прежде всего объяснить заблужденіе его относительно заключенія, что онъ есть министръ полиціи; что министерство это Его Величествомъ уничтожено: потому что, съ минованіемъ трудныхъ военныхъ обстоятельствъ, Государь Императоръ не призналъ существованіе его нужнымъ въ спокойное время, когда Его Величество можетъ исключительно заниматься большимъ, такъ сказать, семействомъ своимъ, съ которымъ онъ изволитъ почитать себя связаннымъ, какъ отецъ съ дѣтьми своими; что тѣмъ не менѣе не скроетъ онъ отъ вице-адмирала Сенявина, что онъ слышалъ о существованіи какого-то общества, но не слышалъ, чтобъ онъ, вице-адмиралъ, былъ главнымъ орудіемъ общества; что онъ, не имѣя чести его знать и имѣя таковую въ первый разъ его у себя видѣть, никакъ бы этому не повѣрилъ: ибо всегда слышалъ о немъ, какъ о человѣкѣ благородномъ и благомыслящемъ; что какимъ образомъ предполагать можно, чтобъ кто нибудь, хотя малѣйше здравымъ разсудкомъ одаренный и сколько нибудь опытности имѣющій, пожелалъ преобразованія правительства Россійскаго, подобно тому, какъ это въ другихъ государствахъ въ послѣднее время произошло? Что какая бы цѣль такого преобразованія быть могла, еслибы даже (что̀ невозможно) произведеніемъ его въ дѣйствіе кто нибудь и осмѣлился себя ласкать: разстройство государства, разрушеніе всѣхъ связей, нынѣ цѣлость и благоденствіе его ограждающихъ, убійства, безурядица, отторженіе разныхъ областей, презрѣніе чужеземцевъ,

варварство, какое существовало во времена Татарскаго владычества, и множество другихъ неисчислимыхъ бѣдствій; что онъ, графъ Кочубей, такъ сильно въ этомъ заключеніи убѣжденъ, что никакъ представить себѣ не можетъ, чтобъ подобное глупое, подлое, гнусное предпріятіе могло вмѣститься въ головѣ Русскаго дворянина; что онъ знаетъ, что много есть молодыхъ вѣтреныхъ людей, которые прельщаются новостями, въ Испаніи и Неаполѣ происшедшими, и которые желали бы, если бы можно было вѣрить вѣтренымъ рѣчамъ ихъ, чтобъ и здѣсь что-либо подобное сдѣлалось; но правительство наше, руководствуясь кротостію Государя, презираетъ болтаньемъ этимъ; да еслибы и важнѣе что-либо могло существовать или быть предпринимаемо, то, благодареніе Богу, правительство наше слишкомъ сильно и твердо, слишкомъ дѣятельно, чтобъ всѣхъ замысловъ этихъ благовременно не уничтожить и виновныхъ не обратить въ прахъ. „Но (примолвилъ графъ Кочубей) ваше превосходительство, „конечно, объ обществахъ вредныхъ слышали также, какъ и я?“

—Никогда; вчера только въ первый разъ объ этомъ я услышалъ, когда было сказано мнѣ, что я принадлежу къ какому-то обществу и есть онаго начальникъ.

—Кто вашему превосходительству это сказалъ?

—Позвольте, ваше сіятельство, чтобъ я этого, до времени по крайней мѣрѣ, не открывалъ. Честь моя требуетъ не компрометировать пріятеля, который, со слезами, открылъ это гнусное обвиненіе. Объ обществѣ, какомъ бы то ни было, я ничего не слыхалъ; но ваше сіятельство замѣтили правильно, что много вѣтреныхъ разговоровъ на счетъ революцій Европейскихъ происходитъ; и я помню, что, когда однажды слышалъ я, что изъявляли удивленіе, какъ въ пять дней съ такимъ спокойствіемъ въ Неаполѣ произошла перемѣна, то я тутъ же приводилъ въ примѣръ Сицилію, гдѣ, по послѣдствію революціи Неапольской, люди перерѣзались и пр. Объ обществѣ, я повторяю вашему сіятельству, мнѣ ничего неизвѣстно; я никуда почти не ѣзжу; я ѣзжу, по Понедѣльникамъ, къ старику Самбурскому, къ человѣку, у коего большое семейство. Я бываю тамъ съ моими дѣтьми; мы пьемъ чай, ужинаемъ и въ карты играемъ. Игра наша не составляетъ важнаго предмета: проигрываемъ 200, 300 и много 1000 рублей. По Понедѣльникамъ бываю я у сосѣда моего, Петра Алексѣевича Шепелева. Бываю я у Николая Семеновича Мордвинова, у Василія Степановича Попова, но весьма рѣдко. Жена моя ѣздитъ по вечерамъ, играть въ бостонъ, къ госпожамъ: Некрицкой, Скоропадской и Карцовой. Самъ я, съ того времени, какъ вышелъ въ отставку и окончилъ мои съ казною расчеты, никого почти у себя не принимаю. Прежде часто обѣдали у меня знакомые; нынѣ живу я уединенно. Бываютъ у меня довольно часто три офицера Энгельгардты, очень хорошіе молодые люди, изъ которыхъ одинъ играетъ на фортепіано, а дочери мои играютъ на арфѣ. Бываетъ у насъ одинъ офицеръ гвардейскаго егерскаго полка, молодой человѣкъ, также хорошо воспитанный. Но чтобы мнѣ войти въ какіе заговоры! Какъ можно было выдумать

подобную гнусную клевету! Я увѣренъ въ добротѣ Государя, и самодержавное правленіе есть для насъ самое лучшее.

Вице-адмиралъ Сенявинъ послѣ этого сказалъ графу Кочубею, что онъ теперь же обратится къ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, который, какъ ему сказывали, будто уже и доносилъ Государю Императору о заговорѣ, въ коемъ онъ (вице-адмиралъ) долженъ быть начальникомъ. Онъ присоединилъ, что намѣренъ, объяснясь съ графомъ Милорадовичемъ, писать къ Его Величеству и, представя оправданіе свое, просить объ изслѣдованіи и удовлетвореніи, по обстоятельству, столько честь его оскорбляющему.

Вице-адмиралъ Сенявинъ спросилъ тутъ у графа Кочубея, когда ожидаютъ Государя Императора и сказалъ, что въ городѣ носится слухъ, будто Его Величество къ 27-му Ноября прибыть изволитъ; и что онъ не знаетъ, должно ли ему писать къ Его Величеству въ Тропау, или дождаться, дабы, по возвращеніи, принести жалобу.

Графъ Кочубей отвѣчалъ вице-адмиралу Сенявину, что о времени возвращенія Его Величества онъ ничего не знаетъ и не полагаетъ, чтобъ это кому-бы то ни было въ городѣ было извѣстно; что отъ него зависитъ объясниться съ военнымъ генералъ-губернаторомъ; что если онъ увѣренъ въ невинности своей (какъ и онъ графъ Кочубей полагаетъ), то намѣреніе его оправдаться предъ Государемъ не можетъ не быть одобрено, и это, конечно, соотвѣтствовать будетъ и имени его, и степени, до которой онъ въ службѣ достигнулъ; что̀ же касается до того, когда приличнѣе ему писать къ Государю, то это самъ онъ, и по побужденіямъ своимъ и по объясненію съ военнымъ генералъ-губернаторомъ, наилучше сообразить можетъ.

Въ этомъ заключались существенныя обстоятельства разговора вице-адмирала Сенявина съ графомъ Кочубеемъ.

Ноябрь 1820 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДОКЛАДУ СЛѢДСТВЕННОЙ КОММИСІИ О ТАЙНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ, ОТКРЫТЫХЪ ВЪ 1825 ГОДУ.

При составленіи общаго донесенія о замыслахъ и дѣйствіяхъ бывшихъ въ Россіи злоумышленныхъ тайныхъ обществъ, Коммисія старалась не упоминать о тѣхъ обстоятельствахъ, кои, сдѣлавшись извѣстными, могли бы обратиться въ орудіе зложелательства, дать поводъ къ неосновательнымъ толкамъ, или быть причиною какого-либо, даже самаго малѣйшаго, волненія въ умахъ непросвѣщенныхъ, наипаче же въ низшихъ состояніяхъ. Для сего и чтобы съ другой стороны вполнѣ представить всѣ собранныя ею свѣдѣнія, Коммисія признала нужнымъ означить подлинно въ семъ *приложеніи* послѣдствія изысканій своихъ о томъ:

1) Не имѣли ли вліянія на дѣйствія и планы злоумышленниковъ державы иностранныя?

2) Не были ли съ ними въ сообщничествѣ люди значительные по сану своему или мѣстамъ, ими въ государствѣ занимаемымъ?

И наконецъ 3) какими средствами злоумышленники надѣялись обольстить войско, народъ и вообще найти себѣ пособниковъ между непринадлежавшими къ ихъ сообществамъ?

Относительно перваго изъ сихъ пунктовъ, Коммисія, по дошедшимъ до нея извѣстіямъ, могла бы имѣть подозрѣнія: на дворъ Стокгольмскій, потому что носился слухъ, будто въ Финляндіи есть тайное общество, желающее присоединенія сей области къ Швеціи; или на Австрію, по тѣснымъ родственнымъ связямъ одного изъ главныхъ мятежниковъ *князя Трубецкаго* съ бывшимъ посланникомъ Австрійскимъ графомъ *Лебцельтерномъ*; или на Англію, ибо нѣкоторые изъ допрошенныхъ утверждали, что кабинетъ Сенджемскій обѣщалъ помогать Варшавскому тайному обществу въ предпріятіяхъ онаго для отдѣленія Польши отъ Россіи. Но по точнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что нѣтъ основательныхъ причинъ питать сіи подозрѣнія. Финляндское общество есть не что иное, какъ выдумка злоумышленниковъ, подобная многимъ другимъ, коими они старались ободрять другъ друга. О бывшемъ посланникѣ Австрійскомъ, *князь Трубецкой* въ своихъ, весьма пространныхъ, показаніяхъ говоритъ только, что ввечеру 14-го минувшаго Декабря своякъ его, разсуждая о происшествіяхъ сего дня, сказалъ: Que diable, si l'on voulait faire une révolution, ce n'est pas comme cela qu'il fallait s'y prendre (кой чортъ, если хотѣли сдѣлать революцію, то должно бы не такъ за это взяться). Сіи слова безъ сомнѣнія не могутъ служить доказательствомъ доброжелательства къ Россіи, но они доказываютъ *) по крайней мѣрѣ, что планъ заговора и мятежа не былъ извѣстенъ *графу Лебцельтерну*. Наконецъ все вышеозначенное объ участіи Англіи могло быть вымысломъ

---

*) Какое же это доказательство? *П. Б.*

депутатовъ Польскаго общества, имѣвшихъ сношенія съ Южнымъ. Они утверждали, что г. *Стратфордъ-Каннингъ*, проѣзжая изъ Петербурга чрезъ Варшаву, видѣлся тайно съ нѣкоторыми ихъ сочленами; но Государь Цесаревичь, на донесеніе о томъ отъ предсѣдателя Коммисіи, отвѣтствовалъ, что это ложь, ибо ему были извѣстны всѣ поступки, всѣ шаги г. *Стратфорда-Каннинга*, въ кратковременное пребываніе его въ Варшавѣ. *Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ* показываетъ, что оное свиданіе было не въ Варшавѣ, а въ Дрезденѣ, съ Польскимъ генераломъ *Княжевичемъ*; но сіе показаніе, основанное на слухахъ, едва ли заслуживаетъ какое-либо вниманіе [1]), а того менѣе онаго достойны связи, которыя, буде вѣрить *Рылѣеву*, имѣлъ лейтенантъ *Завалишинъ* съ г-мъ *Сальманомъ*, бывшимъ здѣсь посланникомъ Испанскаго революціоннаго правленія, и съ генераломъ *Бойе*, родственникомъ президента республики Санъ-Домингской.

На второй вопросъ Коммисія, къ чести всѣхъ, болѣе или менѣе удостоенныхъ довѣренности правительства, можетъ отвѣчать совершенно отрицательно. Что никто изъ значительныхъ въ Россіи людей не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ открытомъ заговорѣ, въ томъ давно удостовѣряютъ и единогласныя показанія допрошенныхъ злоумышленниковъ, и дѣйствія, и самая степень вліянія надъ ними извѣстныхъ нынѣ ихъ начальниковъ, людей почти ничтожныхъ. Когда коммисары Польскаго тайнаго общества спросили у полковника *Пестеля*, кто изъ важныхъ государственныхъ чиновниковъ съ нимъ въ сообщничествѣ: то онъ, какъ сіе означено выше, принужденъ былъ отвѣчать безсмысленно, и депутаты Варшавскаго общества отгадали причину такого отвѣта. Руководители Общества Сѣвернаго, замышляя учрежденіе временнаго правительства, назначали въ оное членовъ Государственнаго Совѣта, именно, какъ говорятъ они, адмирала *Мордвинова* и тайнаго совѣтника *Сперанскаго*; но единственно потому, что первый, адмиралъ *Мордвиновъ*, часто въ Совѣтѣ изъявлялъ мнѣнія противныя предположеніямъ министерствъ, а втораго, тайнаго совѣтника *Сперанскаго*, они (по словамъ князя *Трубецкаго*) *считали не врагомъ новостей*. Одинъ (*Рылѣевъ*) сверхъ того думалъ, что *Батенковъ*, живучи въ домѣ и, какъ полагали они, пользуясь довѣренностію г. *Сперанскаго*, могъ склонить его къ ихъ цѣли. *Рылѣевъ* иногда говорилъ своимъ соумышленникамъ: *Сперанскій нашъ*! а иногда, и даже въ послѣднее время, только: *онъ будетъ нашъ*; *мы на него дѣйствуемъ чрезъ Батенкова*. Но сей самый *Батенковъ*, который лучше зналъ и образъ мыслей г. *Сперанскаго* и свои съ нимъ сношенія, какъ скоро лишь стали разсуждать о составѣ временнаго правленія, сказалъ рѣшительно: *Нѣтъ*, *Сперанскаго не надобно*. Онъ членомъ сего правленія хотѣлъ сдѣлать себя, архіепископа *Филарета* и адмирала *Мордвинова*; но и то (какъ онъ самъ показываетъ) лишь для ослѣпленія общаго мнѣнія, надѣясь вскорѣ удалить г. *Мордвинова*,

---

[1]) *Стратфордъ-Каннингъ*, какъ увѣдомилъ Государь Цесаревичь Коммисію, и не проѣзжалъ чрезъ Дрезденъ въ 1825-мъ году.

отдавъ его мѣсто князю *Сергѣю Трубецкому*, а у преосвященнаго *Филарета* отнять возможность дѣйствовать: *ибо онъ съ Трубецкимъ имѣлъ бы во всѣхъ случаяхъ большинство голосовъ на своей сторонѣ.* Впрочемъ, ясно видно, по извѣтамъ *Батенкова*, наполненнымъ подробностями, даже мелочами, что г. *Сперанскій*, и будучи благодѣтелемъ его, всегда однакоже его считалъ человѣкомъ неосновательнаго ума и часто предсказывалъ, что онъ погубитъ себя *неосторожными связями и вздорными мечтами.* Но *Батенковъ* не говорилъ о томъ съ своими товарищами. Вообще (какъ сіе было уже замѣчено) они всѣ были весьма неискренны другъ съ другомъ и не стыдились лжи самой грубой. Такъ Измайловскій поручикъ *Гудимовъ* (впрочемъ не членъ обществъ) расказывалъ мичманамъ *Бѣляевымъ*, 13-го Декабря, будто адмиралъ *Мордвиновъ*, отправляясь въ Совѣтъ отъ *Львовыхъ*, думалъ, что не возвратится, ибо не хочетъ присягать, и прибавилъ: *теперь не намъ, а вамъ, господа, и гвардіи должно дѣйствовать.* Сей нелѣпой баснѣ, кажется, и слушавшіе ее молодые мичманы не повѣрили. Изъ одного показанія открывается еще, что нѣкоторые члены Южнаго Общества упоминали о вице-адмиралѣ *Сенявинѣ*, и потому только, что, слышавъ объ его отставкѣ, считали его въ числѣ недовольныхъ правительствомъ. Другіе, здѣшніе, надѣялись также на сенаторовъ *Муравьева-Апостола* [1]), *Баранова*, а прежде и на покойнаго *Столыпина*, но почему, особливо на двухъ послѣднихъ (ибо перваго они, конечно, мыслили увлечь посредствомъ сыновей его), того никто изъ нихъ не умѣлъ объяснить. Ихъ невѣдѣніе о степени значительности людей въ государственной службѣ и въ свѣтѣ простиралось до того, что *Рылѣевъ* сказалъ однажды: *О, въ Сенатѣ у насъ есть надежная опора, человѣкъ рѣшительный, оберъ-прокуроръ Краснокутскій*; а въ одномъ изъ отвѣтовъ на допросы онъ пишетъ: *насъ ободряло и то, что двое изъ нашихъ сочленовъ, Трубецкой и Никита Муравьевъ, были въ родствѣ съ многими знатными домами; одинъ же, Н. Тургеневъ, занималъ важное мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ* (мѣсто помощника статсъ-секретаря).

Что̀ касается до послѣдняго, важнѣйшаго изъ вышепредложенныхъ вопросовъ, то по всему кажется, что злоумышленники, не смотря на ихъ чрезвычайное ослѣпленіе, сами иногда чувствовали ничтожность собственныхъ силъ своихъ, и потому средствъ для успѣха искали внѣ своего круга. Они надѣялись, особливо въ случаѣ удачи, привлечь на свою сторону крѣпостныхъ поселянъ, обѣщаніемъ свободы и раздѣленіемъ земель [2]); другихъ же гражданъ

---

[1]) И. М. Муравьевъ-Апостолъ считался другомъ графа Н. П. Панина. *П. Б.*

[2]) *Рылѣевъ* показываетъ, что планъ *Пестеля* былъ: раздѣлить всѣ земли, казенныя и помѣщичьи, на двѣ части; потомъ одну половину передѣлить также по ровну, между крестьянами, давъ имъ на сіи участки право вѣчнаго потомственнаго владѣнія, даже продажи; другую же половину оставить помѣщикамъ; а въ казенныхъ селеніяхъ — надѣлять изъ нее крестьянъ ежегодно, по ихъ требованію, начиная съ тѣхъ, кои будутъ требовать менѣе. Симъ способомъ *Пестель* думалъ уничтожить нищихъ, хотя, по его же расчетамъ, приходилось бы всего не болѣе 5 десятинъ на душу.

дарованіемъ равныхъ правъ всѣмъ состояніямъ, прощеніемъ недоимокъ, уничтоженіемъ нѣкоторыхъ податей и установленій, стѣсняющихъ рукодѣлья или торговую промышленность, а войско — уменьшеніемъ лѣтъ службы солдатъ. Для того, 14-го Декабря, они хотѣли требовать, съ одной стороны съѣзда депутатовъ отъ всѣхъ состояній, дворянства, купечества, духовенства и поселянъ, съ каждаго по два, съ другой обнародованія завѣщанія императора Александра, коимъ будтобы опредѣлялось рядовымъ служить не болѣе 15 лѣтъ. Сверхъ того, вѣря слухамъ о неудовольствіяхъ въ военныхъ поселеніяхъ, они полагали, что легко могутъ возбудить ихъ къ содѣйствію [1]). *Батенковъ* утверждалъ своихъ сообщниковъ въ сей мысли. При немъ *Николай Бестужевъ* говорилъ однажды, что въ Кронштадтѣ занимаются только билліардомъ, а тамъ бы, по его мнѣнію, быть Русскому острову *Леону*. — *Нѣтъ*! отвѣчалъ *Батенковъ*, *нашему острову Леону должно быть на Ильменѣ или Волховѣ*. Когда они замышляли бунтъ, 14-го Декабря, то въ ихъ планѣ было (сіе показываютъ гласно *Рылѣевъ* и князь *Трубецкой*), при неудачѣ отступить къ Новогородскимъ военнымъ поселеніямъ, чтобъ произвести въ оныхъ возмущеніе; *а еслибы и тамъ не удалось*— прибавилъ *Рылѣевъ*, то стараться взволновать крестьянъ объявленіемъ вольности [2]). „Въ войскахъ же, такъ говорятъ Сергѣй и Матвѣй *Муравьевы*, есть начала, коими смѣлый мятежникъ можетъ всегда воспользоваться для произведенія неустройствъ". Главнымъ они почитаютъ пороки настоящаго образа продовольствія; ибо эти нижніе чины не только лишаются принадлежащихъ имъ по праву остатковъ и всѣхъ выгодъ бережливости, но иногда не имѣютъ и достаточнаго пропитанія; видя же, что начальники похищаютъ ихъ собственность, пріучаются и ненавидѣть, и презирать ихъ. Другое, столь же важное зло, есть большое число *штрафованныхъ* солдатъ и разжалованныхъ офицеровъ и иныхъ чиновниковъ, людей если не всегда очернившихъ себя злодѣяніями, то по крайней мѣрѣ оказавшихъ худыя склонности, и сверхъ того лишенныхъ всякой надежды на улучшеніе судьбы своей въ будущемъ, слѣдственно готовыхъ на все.

Злоумышленники думали также, что найдутъ себѣ пособіе и въ общемъ расположеніи умовъ. Слыша ропотъ и жалобы на злоупотребленія, безпорядки во многихъ частяхъ управленія, на лихоимство, почти всегда ненаказанное и даже незамѣчаемое началь-

---

[1]) Еще въ 1817 году, на совѣщаніи, въ коемъ *Якушкинъ* вызывался убить покойнаго Государя, одинъ членъ (Сергѣй *Муравьевъ*) предлагалъ воспользоваться тѣмъ, что̀ происходило тогда въ Новогородскихъ поселеніяхъ. Подполковникъ *Енталъцевъ*, въ Декабрѣ минувшаго 1825-го года, обѣщалъ своимъ сообщникамъ, но какъ увѣряетъ, притворно, идти съ своею ротою артиллеріи на Бугскія военныя поселенія. *В. Давыдову*, жившему въ сосѣдствѣ сихъ поселеній, было отъ Южнаго Общества поручено дѣйствовать на оныя.

[2]) Онъ, *Рылѣевъ*, совѣтовалъ *Каховскому* идти служить въ военныхъ поселеніяхъ.

ствомъ, на медлительность и неправильность въ теченіи дѣлъ, на несправедливости и въ приговорахъ судебныхъ, и въ награжденіяхъ по службѣ, и въ назначеніяхъ къ должностямъ, на изнеможеніе главныхъ отраслей народной промышленности, на чувствительное обѣднѣніе и самыхъ богатѣйшихъ классовъ, которыя, въ досадѣ, каждый болѣе или менѣе приписываетъ мѣрамъ правительства, они воображали, что всѣ, быть можетъ съ излишнею, нескромною живостію изъявлявшіе неудовольствіе, пристанутъ къ нимъ и уже въ душѣ ихъ сообщники. Они забыли, что въ глазахъ человѣка съ умомъ здравымъ и съ правилами чести, никакое неудовольствіе, хотя бы и основательное, не извиняетъ беззаконія; что онъ скорѣе откажется и отъ собственннаго блага и отъ мысли быть полезнымъ, нежели отъ исполненія долга, отъ соблюденія клятвъ, имъ данныхъ.

Происшествія 14-го Декабря и послѣдствія оныхъ доказали свѣту и самимъ мятежникамъ, какъ они заблуждались въ своихъ расчетахъ. Нѣкоторые признаютъ сію ошибку свою, описывая дѣла и случаи, подавшіе къ ней поводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ представляемой ими картинѣ многое увеличено, а иное должно быть отнесено къ обстоятельствамъ, часто независящимъ отъ правительства, или къ несовершенству всего человѣческаго. Но Коммисія сочла обязанностію своею означить все, могущее въ чемъ-либо служить къ дополненію свѣдѣній о состояніи государства. Ей извѣстно, что всякая истина, и враждебными, и недостойными ея устами произнесенная, имѣетъ доступъ къ Монарху, который можетъ быть счастливъ только счастіемъ Россіи.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

Когда К. Я. Булгаковъ былъ переведенъ изъ директоровъ Московскаго почтамта въ Петербургъ на таковую-же должность, на мѣсто его назначенъ былъ Рушковскій *), съ незапамятныхъ временъ служившій по Московскому почтовому вѣдомству. Никто никогда не зналъ ни происхожденія, ни родства его. Онъ точно родился на почтѣ: почта была мать его, семейство, родина. Извѣстная жизнь его начиналась съ почты и почтою кончилась она. Онъ былъ какой-то почтовой самородокъ. По нѣкоторымъ слухамъ, примѣтамъ и по выговору его, можно было приписать его къ Бѣлоруссамъ, съ отпечаткомъ іезуитскаго образованія. Онъ былъ большой оригиналъ, умный, со свѣдѣніями и, по крайней мѣрѣ, повидимому, простосердечный, скромный, даже когда судьба возвела его на почтъ-директорское мѣсто, мѣсто вездѣ и всегда значительное, а въ Москвѣ, небогатой представительными должностями, и подавно. Всегда оживленный, веселый, гостепріимный домъ К. Я. Булгакова претворялся со дня на день въ домъ пустынный, отшельническій, въ келью. Въ первый разъ, что̀ я навѣстилъ Рушковскаго въ новомъ жительствѣ его, онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу съ подсвѣчникомъ, въ которомъ тускло горѣла сальная свѣча. Я тогда отправлялся въ Петербургъ и шутя спросилъ его, не дастъ-ли онъ мнѣ писемъ, чтобы избавиться отъ любопытства и нескромности почты. Надобно было видѣть, съ какимъ страннымъ и словно испуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ принялъ онъ предложеніе мое. — „Нѣтъ", сказалъ онъ, „благодарю, но и вамъ не совѣтую писать никогда съ отъѣзжающими: это ненадежнѣе, а часто и опаснѣе, нежели писать прямо по почтѣ". Булгаковъ очень любилъ и уважалъ его. Вѣроятно, онъ и указалъ начальству на него, какъ на преемника себѣ; преемника, но вовсе не наслѣдника. При Булгаковыхъ, т. е. при Константинѣ Яковлевичѣ, а послѣ кончины Рушковскаго, при Александрѣ Яковлевичѣ, почтамтъ отличался любезною угодливостью всѣмъ невиннымъ ходатайствамъ Московскихъ барынь, особенно молоденькихъ и пригоженькихъ, по части писемъ и вообще почтовыхъ сношеній и удобствъ. Съ Рушковскимъ ничего этого не было. Почтамтъ сдѣлался заповѣднымъ монастыремъ и недоступною крѣпостью: съ нимъ существовали одни офиціальныя сношенія. Въ Москвѣ Рушковскаго никто не зналъ; онъ былъ нелюдимъ и не общителенъ. Кажется, и милый нашъ всеобщій корреспондентъ и общій почтовой приживалка, Тургеневъ, не бывалъ въ перепискѣ съ нимъ: эта черта обрисовываетъ Рушковскаго. Во время бытности императора Александра въ Москвѣ, Рушковскій представлялся ему въ кабинетѣ его. Государь, отпуская его, когда онъ прибли-

---

*) Иванъ Александровичъ Рушковскій (старый холостякъ), Бѣлоруссъ родомъ, зналъ много иностранныхъ языковъ. *П. Б.*

зился къ дверямъ, сказалъ ему: Il y a là une marche, prenez garde de tomber [1]). Еще не договорены были слова Государя, а Рушковскій задѣлъ за ступеньку и повалился. Падая, говоритъ онъ: C'est déja fait, votre majesté [2]).

*

А вотъ и другой почтовой анекдотъ довольно историческій и характеристическій.

И. Б. Пестель, въ званіи Петербургскаго почтъ-директора и президента главнаго почтоваго правленія при императорѣ Павлѣ, пользовался особеннымъ благоволеніемъ его и довѣренностію. Графъ Ростопчинъ, родъ перваго министра, въ то время, былъ недоволенъ этимъ. Не любилъ-ли онъ Пестеля, имѣлъ-ли причину не любить, забывался-ли предъ нимъ Пестель при счастіи своемъ и можетъ быть, въ ожиданіи и надеждѣ на счастіе еще болѣе возвышенное, опасался-ли его Ростопчинъ, какъ соперника, который рано или поздно можетъ побѣдить его, или просто не довѣрялъ онъ искренности, преданности его къ Государю? Все это остается не разъясненною тайною. Но вотъ какую западню устроилъ Ростопчинъ противъ Пестеля. Онъ написалъ письмо отъ неизвѣстнаго, который увѣдомляетъ пріятеля своего за границею о заговорѣ противъ Императора и входитъ въ разныя подробности по этому предмету; въ заключеніе говоритъ онъ: „Не удивляйтесь, что пишу вамъ по почтѣ; нашъ почтъ-директоръ Пестель съ нами". Ростопчинъ приказалъ отдать письмо на почту, но такъ (не извѣстно, какимъ способомъ), что письмо должно было непремѣнно возбудить вниманіе почтоваго начальства и быть передано главноуправляющему для перлюстраціи. Графъ Ростопчинъ хорошо зналъ характеръ императора Павла, но хорошо зналъ его и Пестель. Онъ не рѣшился показать письмо Императору, который, по мнительности и вспыльчивости своей, не далъ-бы себѣ времени порядочно изслѣдовать достовѣрность этого письма, а тутъ же уволилъ-бы его, или сослалъ. Графъ Ростопчинъ также все это сообразилъ и съ большою надеждою на удачу. Нѣсколько дней спустя, видя, что Пестель утаеваетъ письмо, доложилъ онъ Государю о ходѣ всего дѣла, объясняя, разумѣется, что единственнымъ побужденіемъ его было испытать вѣрность Пестеля, и что во всякомъ случаѣ повергаетъ онъ повинную голову свою предъ его величествомъ. Государь поблагодарилъ его за прозорливое усердіе къ нему. Участь Пестеля рѣшена: прекращены дальнѣйшіе успѣхи его, по крайней мѣрѣ, на все настоящее царствованіе; онъ уволенъ отъ занимаемаго имъ мѣста. Но этимъ не довольствуется торжество Ростопчина. Онъ былъ ума насмѣшливаго, и ему захотѣлось еще пошутить надъ жертвою своею, такъ сказать, подурачить ее. До сообщенія Пестелю именнаго повелѣнія, онъ приглашаетъ его къ себѣ на обѣдъ. Тотъ, обольщенный успѣхами своими, является къ обѣду въ попы-

---

[1]) Тутъ ступенька; смотрите, не упадите.

[2]) Я уже упалъ, ваше величество.

хахъ и съ нѣкоторою самоувѣренностью. Хозяинъ расточается предъ гостемъ своимъ въ особенныхъ вѣжливостяхъ и ласкахъ. Пестель при этомъ думаетъ, что Ростопчинъ начинаетъ опасаться его и хочетъ задобрить. Онъ проговаривается и двусмысленными словами указываетъ на виды свои въ будущемъ. Возвратившись домой отъ обѣда, находитъ онъ официіальную бумагу, вовсе не согласную съ розовыми мечтаніями честолюбія его. (Слышано отъ Карамзина).

Вотъ какіе разыгрываются водевили, а иногда и драмы на скользкой сценѣ честолюбивыхъ замысловъ и столкновеній. Графъ Ростопчинъ былъ человѣкъ страстный, самовластный. При всей образованности своей, которая должна-бы укрощать своельные порывы, онъ часто бывалъ необузданъ въ увлеченіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ. Но онъ не былъ золъ, хотя, можетъ быть, былъ нѣсколько злопамятенъ. Дружба его съ доблестнымъ княземъ Циціановымъ, уваженіе къ Суворову, позднѣе постоянно пріятельскія сношенія съ Карамзинымъ, благоговѣйная признательность къ памяти императора Павла, благодѣтеля своего, а во время служенія при немъ, искренность въ изложеніи мнѣній своихъ, искренность доходившая иногда до неустрашимости и гражданскаго геройства, все это доказываетъ, что онъ способенъ былъ питать въ себѣ благородныя и возвышенныя чувства.

*

И. Б. Пестель-одно изъ воспоминаній дѣтства моего. Онъ часто бывалъ въ домѣ нашемъ въ Москвѣ. Мой отецъ, довольно строгій и исключительный въ пріязняхъ своихъ, былъ, сколько мнѣ извѣстно, дружески расположенъ къ нему. Эти пріятельскія отношенія сохранялись до кончины отца моего. Когда привезъ онъ меня въ Петербургъ для помѣщенія въ пансіонъ, онъ часто видѣлся съ Пестелемъ. До вступленія моего въ училище я также часто видался съ сыновьями его, почти одного возраста со мною. Вѣроятно товарищемъ въ играхъ моихъ былъ и несчастный, столь горестно кончившій свое политическое и земное поприще. Жена Пестеля, какъ узналъ я изъ семейныхъ преданій, была очень умная и любезная женщина. Мои родители очень любили и уважали ее; а сколько мнѣ извѣстно, моя мать была также довольно разборчива въ связяхъ своихъ. Съ нею ѣзжали къ намъ мать ея, Крокъ, съ ея дочерью незамужнею. Салонъ отца моего былъ салономъ разговора: слѣдовательно посѣщавшіе его должны были вносить, кто болѣе, кто менѣе, свою долю ума и любезности. Въ маленькой комнатной библіотекѣ отца моего, въ одномъ шкапѣ съ книгами, за стеклами хранился маленькій, очень маленькій, бѣлой шолковой матеріи, башмачекъ. Послѣ узналъ я, что этотъ сандрильоновскій башмачекъ обувалъ маленькую ножку г-жи Пестель. Honny soit qui mal y pense.

*

Князь Бѣлосельскій (отецъ милой и образованной княгини Зинаиды Волконской) былъ, какъ извѣстно, любезный и просвѣщен-

ный вельможа, но бѣдовый поэтъ. Его поэтическія вольности (licences poëtiques) были безграничны до невозможности. Однажды въ Москвѣ написалъ онъ оперетку, кажется, подъ заглавіемъ *Олинька*. Ее давали на домашнемъ и крѣпостномъ театрѣ Алексѣя Аѳанасьевича Столыпина. Не придворная, а просто дворовая труппа его, отличалась нѣкоторыми художественными актерами, которые послѣ заняли почетныя мѣста въ императорскомъ Московскомъ театрѣ. Помню между прочими одного изъ нихъ, Лисицына: онъ былъ очень забавенъ въ комическихъ роляхъ простачковъ и долго смѣшилъ Московскую публику. Оперетка князя Бѣлосельскаго была приправлена пряностями самаго соблазнительнаго свойства. Хозяинъ дома, въ своемъ нелиттературномъ простосердечіи, а, можетъ быть, и въ слѣдствіе общаго вкуса стариковъ къ крупнымъ шуткамъ, которыя кажутся имъ тѣмъ болѣе забавны, что они не очень цѣломудренны, созвалъ Московскую публику къ представленію оперы князя Бѣлосельскаго. Сначала все было чинно и шло благополучно.

Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бѣлосельскій былъ *не разъ бѣдамъ* начало.

Вдругъ посыпались шутки даже и недвусмысленно-прозрачныя, а прямо набѣло и на голо. Въ публикѣ удивленіе и смущеніе. Дамы, многія вѣроятно по чутью, чувствуютъ что-то неловко и неладно. Дѣйствіе переходитъ со сцены на публику: сперва слышенъ шопотъ, потомъ ропотъ. Однимъ словомъ, театральный скандалъ въ полномъ разгарѣ. Нѣкоторые мужья, не дождавшись конца спектакля, поспѣшно съ женами и дочерьми выходятъ изъ залы. Дамы, присутствующія тутъ безъ мужей, молодыя вдовы, чинныя старухи слѣдуютъ этому движенію. Зала пустѣетъ. Слухи объ этомъ представленіи доходятъ до Петербурга и до правительства. Спустя недѣли двѣ (тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ), князь Бѣлосельскій тревожно вбѣгаетъ къ Карамзину и говоритъ ему: „Спаси меня: императоръ (Павелъ Петровичь) повелѣлъ, чтобы немедленно прислали ему рукопись моей оперы. Сдѣлай милость, исправь въ ней всѣ подозрительныя мѣста; очисти ее, какъ можешь и какъ умѣешь". Карамзинъ тутъ-же исполнилъ желаніе его. Очищенная рукопись отсылается въ Петербургъ. Немедленно въ такомъ видѣ, исправленную и очищенную, предаютъ ее, на всякій случай, печати. Все кончилось благополучно: ни автору, ни хозяину домашняго спектакля не пришлось быть въ отвѣтственности.

Для статистическаго и типографическаго опредѣленія прибавимъ еще нѣсколько словъ: домъ Столыпина, въ Знаменскомъ переулкѣ, близъ Арбатскихъ воротъ, не горѣлъ въ пожаръ 1812 года и существуетъ донынѣ. Въ старину, то есть при владѣльцѣ Столыпинѣ, былъ онъ, какъ мы видимъ, сборнымъ мѣстомъ увеселеній и драматическихъ зрѣлищъ. Старая Москва славилась не однимъ этимъ театральнымъ барскимъ домомъ. Были домашніе, дворовые и даровые спектакли у князя Шаховскаго, бригадира Дурасова, Позняко-

ва. Комикъ князь Шаховскій, въ забавной комедіи, осмѣялъ эти *полубарскія затѣи* родственника своего или однофамильца. Но мы опять скажемъ: эти *затѣи* были не худшая сторона Русскаго крѣпостничества. Напротивъ, они имѣли и свое хорошее значеніе. Домъ Столыпина перешелъ послѣ во владѣніе князя Хованскаго, а отъ него купленъ былъ княземъ Трубецкимъ, и вотъ по какому случаю. По сосѣдству съ нимъ былъ домъ князя Андрея Ивановича Вяземскаго, у Колымажнаго двора *). Когда князь скончался, на отпѣваніе приглашенъ былъ Московскій викарій. По ошибкѣ пріѣхалъ онъ въ домъ Хованскаго и, увидѣвъ князя, сказалъ, онъ ему: „Какъ я радъ, князь, что встрѣчаю васъ; а я думалъ, что приглашенъ въ домъ вашъ для печальнаго обряда". Хованскій былъ очень суевѣренъ и вовсе не располагался умирать. Онъ не взлюбилъ дома своего и поспѣшилъ продать его при первомъ удобномъ случаѣ.

*

Длинный, многословный разскащикъ имѣлъ привычку поминутно вставлять въ рѣчь свою: *короче сказать*.—„Да, попробуй хоть разъ сказать *длиннѣе сказать*", перервалъ его N. N.: „авось будетъ короче".

*

Умному К. совѣтывали жениться на умной и любезной дѣвицѣ Б. И она и онъ были рябые.—„Что-же", отвѣчалъ онъ, „вы хотите, чтобы дѣти наши были вафли".

*

Говорили объ *интересномъ* и нѣсколько двусмысленномъ положеніи молодой ***... „А мужъ ея", сказала одна изъ ея пріятельницъ, „такъ глупъ, что онъ даже не слыхалъ, что жена его беременна".

*

Нѣкоторые драматическіе писатели — за чѣмъ называть ихъ поименно? — отвергли три классическія драматическія единства: времени, мѣста и содержанія, или интереса. Они замѣнили ихъ единымъ единствомъ: единствомъ скуки.

*

Въ походахъ своихъ на драматическихъ Французскихъ классическихъ писателей, А. М. Пушкинъ перевелъ между прочимъ и комедію Реньяра *Игрокъ* и, помнится, удачнѣе другихъ попытокъ своихъ. Ее должны были разыгрывать любители въ подмосковной Екатерины Владиміровны Апраксиной. Сама хозяйка принимала въ ней участіе, равно какъ и самъ переводчикъ, княгиня Вяземская, Василій Львовичь Пушкинъ, и другіе. Роль слуги передана была Б., видному мущинѣ, который держалъ себя особенно благоприлично. Пушкинъ находилъ, что онъ и въ роли своей немного чопоренъ, и замѣтилъ это ему, какъ чадолюбивый родитель дѣтища, которое должно было явиться въ свѣтъ, какъ режиссеръ домашняго спектакля и какъ самъ отличный актеръ. — „А позвольте

---

*) Нынѣ княгини Натальи Владиміровны Долгорукой.

спросить", возразилъ Б.: „благородный-ли спектакль у насъ, или нѣтъ?" — „Разумѣется, благородный".—„Такъ предоставьте же мнѣ разыгрывать роль свою благородно, а не полакейски"..

*

Совмѣстникъ А. М. Пушкина по части драматическихъ переводовъ былъ Дмитрій Евгеніевичь Кашкинъ, братъ извѣстнаго и любимаго въ Москвѣ бригадира, а потомъ сенатора Николая Евгеніевича. Но этотъ нападалъ болѣе на новѣйшихъ Французскихъ трагиковъ: классиковъ оставлялъ онъ въ покоѣ. Такимъ образомъ смастерилъ онъ съ полъ-дюжины трагедій. Пушкинъ, встрѣтясь съ нимъ, спрашиваетъ: „Нѣтъ-ли у васъ новой трагедіи"?—„Нѣтъ", отвѣчалъ онъ, „я трагедіи оставилъ; мнѣ показалось, что это не мой родъ: я принялся за комедіи".

*

Въ Константинополѣ спросилъ я одного извѣстнаго и знаменитаго Греческаго поэта, многіе-ли нынѣ занимаются поэзіею въ Греціи? — „Кому-же теперь заниматься?" отвѣчалъ онъ. „Мы съ братомъ захватили всю поэзію: я драматическую, а онъ лирическую. Другимъ тутъ мѣста нѣтъ". — Вотъ семейный и братскій миролюбивый раздѣлъ.

*

А. М. Пушкинъ, по сходству фамилій, величалъ всегда графомъ одного барина, который никакого графства за собой не имѣлъ. Кто-то замѣтилъ Пушкину ошибку его.—„А, теперь понимаю", сказалъ онъ, „почему, когда случается мнѣ заговорить съ нимъ, онъ поспѣшно отводитъ меня въ уголъ комнаты, чтобы подальше отъ людей и безпрепятственно насладиться, когда я *сіятельствую его*".

*

Одна милая, умная, молодая женщина, въ откровенной исповѣди, сказала мнѣ...... но какъ пересказать то, что̀ она мнѣ сказала? Впрочемъ попробуемъ, но съ слѣдующею оговоркою, въ видѣ предостереженія:

La mére en défendra la lecture à sa fille;

а особенно:

L'époux en défendra la lecture à sa femme *)

Вотъ сущность словъ моей своеобразной собесѣдницы: „Женщина, которая себя уважаетъ и не совсѣмъ заглушила совѣсть свою, „ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ увлеченіяхъ страсти, не „позволитъ себѣ подвергнуться опасенію водворить въ семью свою „дѣтей, которыя не принадлежали бы мужу ея. Но разъ мужемъ „*застрахованная* на извѣстный срокъ (ея собственное выраженіе), „это дѣло другое: тогда она не такъ безусловно обязана бороться „съ наступающимъ искушеніемъ. Такимъ образомъ уравниваются

*) Мать запретитъ читать объ этомъ своей дочери.—Мужъ запретитъ читать объ этомъ своей женѣ.

„брачныя права и отвѣтственность между супругами. Въ устрой„ствѣ нашего общества, главное преимущество мужа предъ женою „заключается въ томъ, что проступокъ, что грѣхъ его не позо„ритъ семьи, не вводитъ въ нее беззаконныхъ наслѣдниковъ и на„слѣдницъ: семья остается ненарушимою твердынею, святынею, по „крайней мѣрѣ, фактически непоруганною и незатронутою. Вы „мущины счастливы: даже и преступленіе ваше имѣетъ въ поль„зу свою облегчающія вину обстоятельства". Вотъ новыя соображенія для любопытной главы философіи и физіологіи брака.

*

Дмитрій Гавриловичь Бибиковъ, узнавъ о болѣзни одного изъ нашихъ государственныхъ людей, посѣтилъ его. Ему показалось, что больной очень задумчивъ и мраченъ. Приписывая это опасенію за исходъ болѣзни, началъ онъ утѣшать его, говоря, что онъ вовсе не такъ боленъ и скоро непремѣнно оправится.—„Вовсе не за себя безпокоюсь", отвѣчалъ тотъ; „а мнѣ жаль бѣдной Россіи: что̀ будетъ съ нею, когда я умру". Вотъ человѣкъ, который, при всемъ обширномъ умѣ и большихъ способностяхъ своихъ, имѣлъ простодушіе думать, что онъ *необходимъ*.

А на что-же Провидѣніе? Оно не воплощается въ одномъ человѣкѣ. Иногда оно какъ будто выдаетъ полномочіе ему; но все это на извѣстное время, и къ тому-же на извѣстныхъ условіяхъ. У Провидѣнія есть всегда въ запасѣ свои калифы на часъ.

*

На бѣломъ свѣтѣ лишнихъ людей много, нужныхъ мало, необходимыхъ вовсе нѣтъ.

*

Князь Андрей Кириловичь Разумовскій былъ въ молодости очень красивый мущина и славился своими счастливыми любовными похожденіями, то есть *благородными интригами*, какъ говорится у насъ въ провинціи, и какъ говорилось еще и недавно въ нашихъ столицахъ. Онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь. Въ то время Неаполитанскою королевою была Каролина, извѣстная красавица и не менѣе извѣстная своими благородными, а можетъ быть, и инородными интригами. Долгое время фаворитомъ ея былъ Ирландецъ Актонъ, а фавориткою леди Гамильтонъ, тоже извѣстная въ хроникѣ любовныхъ происшествій. Послѣ офиціальнаго представленія королевѣ, графъ Разумовскій распустилъ по городу слухъ, что удивляется общей молвѣ о красотѣ ея, что онъ не видитъ ничего въ ней особеннаго. Этотъ слухъ, разумѣется, дошелъ до королевы: онъ задралъ за живое женское и царское самолюбіе. Опытный и въ сердечной женской дипломатикѣ, Разумовскій на это и расчитывалъ. Чрезъ мѣсяцъ онъ былъ счастливъ. (Разсказано графомъ Косаковскимъ).

Графъ Разумовскій былъ очень гордъ. Однажды, на эрмитажномъ спектаклѣ, Павелъ Петровичь подзываетъ Ростопчина и говоритъ ему: „Поздравь меня; сегодня мнѣ везетъ: Разумовскій первый поклонился мнѣ" (Слышано отъ графа Ростопчина).

Я познакомился съ Разумовскимъ (уже княземъ) въ Вѣнѣ въ 1835 г. Онъ былъ уже старъ, но видны были еще слѣды красивости его. Онъ показался мнѣ очень привѣтливъ и обхожденія простаго и добродушнаго, что̀ впрочемъ замѣтилъ я, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и въ братѣ его графѣ Алексѣѣ Кириловичѣ, который также слылъ нѣкогда гордецомъ. J'étais jeune et superbe *), могли сказать они съ поэтомъ. Но жизнь присмирила ихъ. Можно еще постигнуть молодаго гордеца: тутъ есть чѣмъ похвастаться, когда есть молодость прекрасная, цвѣтущая и къ тому-же еще одаренная разными преимуществами. Но что можетъ быть жалче и глупѣе стараго гордеца? Старость не порокъ, а хуже: она немощь и недугъ. Пожалуй, стыдиться ея не для чего, но и похвалиться нечѣмъ. Графъ Разумовскій имѣлъ свой собственный великолѣпный домъ въ Вѣнѣ и жилъ въ немъ барски. Городъ этотъ былъ совершенно по немъ, и въ немъ оставался онъ до самой кончины своей, уважаемый и любимый Вѣнскимъ аристократическимъ обществомъ, что̀ дѣло не легкое и не всякому удается. Вѣнское общество славилось всегда блескомъ своимъ, общежительствомъ, но болѣе между собою, и было довольно исключительно и недоступно для иностранцевъ и разночинцевъ, своихъ и чужеземныхъ. Царскій конгресъ 1814 г., родъ политическаго вселенскаго собора, не могъ выбрать въ Европѣ лучше сцены для своихъ лицедѣевъ и дѣйствій. Утромъ занимались дѣлами, ворочали и переворачивали Европу; вечеромъ присутствовали на великолѣпныхъ праздникахъ и балахъ. Старый принцъ де-Линь, любезный и любимый собесѣдникъ и попутчикъ Екатерины Великой, дожившій до конгреса, говорилъ: „Конгресъ пляшетъ, но не подвигается впередъ". Императоръ Александръ и министръ его Разумовскій достойно разыгрывали роли свои на этомъ театрѣ, собравшемъ въ одну группу все что̀ Европа имѣла блестящаго и высокопоставленнаго. Вѣнскій конгресъ могъ въ своихъ переговорахъ и прѣніяхъ обмолвиться не одною ошибкою; но все-же онъ былъ важное и занимательное историческое событіе въ Европейскихъ лѣтописяхъ. Наши политическіе недоброжелатели, чтобы не сказать враги, остались недовольны этимъ конгресомъ, и въ продолженіи многихъ лѣтъ они напрягали всѣ свои силы и козни, чтобы ослабить и уничтожить послѣдствія его. Равно вооружались они, изъ непріязни къ намъ, и противъ Священнаго Союза. Всѣ эти враждебныя усилія и постоянныя, такъ сказать, злоумышленія не доказываютъ-ли, что въ сущности, за исключеніемъ частныхъ промаховъ и ошибокъ, была въ этой политикѣ и въ основѣ ея, положенной Александромъ I-мъ, и своя доля пользы и первенствующей власти для Россіи? Не изъ любви же къ намъ недоброжелатели наши такъ усердно, упорно и горяче работали, чтобы потрясти и окончательно ниспровергнуть созданіе рукъ императора Александра. А наши недальновидные, невинные журнальные политиканы туда-же лѣзутъ за Европейскими крикунами и съ негодованіемъ и ужасомъ порицаютъ политику Александра I-го. Легко пере-

*) Я былъ молодъ и гордъ.

суживать заднимъ числомъ попытки, дѣйствія и событія минувшаго! Не должно забывать, что Провидѣніе, что Исторія имѣютъ свои неожиданные, крутые повороты, свои coups d'état и coups de théâtre, которые озадачиваютъ и сбиваютъ съ панталыку всякую человѣческую мудрость. То что́ казалось полезнымъ и нужнымъ въ извѣстное время, можетъ, въ силу непредвидимыхъ и неподлежащихъ человѣческой видимости обстоятельствъ, принять въ другое время совершенно противоположный оборотъ.

Въ проѣздъ мой чрезъ Вѣну, жила у деверя своего графиня Марія Григорьевна Разумовская, вдова брата его графа Льва Кириловича. Она меня и представила хозяину дома. На прощаньи графъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать на Прагу. „Она напомнитъ вамъ нашу Москву", сказалъ онъ.

Графъ Левъ Кириловичъ былъ также замѣчательная и особенно сочувственная личность. Онъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ и воспоминаній ни на одномъ государственномъ поприщѣ, но много въ памяти знавшихъ его. Отставной генералъ-маіоръ, онъ долго жилъ въ допотопной или допожарной Москвѣ, забавлялъ ее своими праздниками, спектаклями, концертами и балами, какъ въ домѣ своемъ на Тверской, такъ и въ прекрасномъ своемъ загородномъ Петровскомъ. Онъ былъ человѣкъ высокообразованный: любилъ книги, науки, художества, музыку, картины, ваяніе. Едва-ли не у него перваго въ Москвѣ былъ зимній садъ въ домѣ. Это смѣшеніе природы съ искусствомъ придавало еще новую прелесть и разнообразіе праздникамъ его. Братъ его графъ Алексѣй Кириловичъ имѣлъ въ то время въ Горенкахъ замѣчательный и богатый ботаническій садъ, извѣстный въ Европѣ, и при немъ равно извѣстнаго и ученаго ботаника Фишера. Москва, въ то время, славилась не однимъ барствомъ, а барство славилось не одною Азіатскою пышностью. Графъ Левъ Кириловичъ былъ истинный баринъ въ полномъ и настоящемъ значеніи этого слова: добродушно и утонченно вѣжливый, любилъ онъ давать блестящіе праздники, чтобы угощать и веселить другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дорожилъ онъ ежедневными отношеніями съ нѣкоторыми избранными: графомъ Ростопчинымъ, Карамзинымъ, княземъ Андреемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, княземъ Андреемъ Петровичемъ Оболенскимъ, графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Вьельгорскимъ и другими. Сверхъ того у него были тѣсныя связи съ передовыми и старостами масонства. Въ молодости былъ онъ большой сердечкинъ и волокита. Дмитріевъ разсказывалъ, что на дежурства на Петербургскихъ гауптвахтахъ ему то и дѣло приносили, на тонкой надушеной бумагѣ, записки, видимо написанныя женскими руками. Спѣшилъ онъ отвѣчать на нихъ на заготовленной у него также красивой и щегольской бумагѣ. Такимъ образомъ упражнялся онъ и утѣшалъ себя въ душныхъ и скучныхъ стѣнахъ не всегда опрятной караульни. Позднѣе влюбился онъ въ княгиню Голицыну, жену богача, котораго прозвали въ Москвѣ cosa rara. Она развелась съ мужемъ и обвѣнчалась съ графомъ Разумовскимъ. Онъ страстно любилъ ее до самой

кончины своей. Бракъ, разумѣется, не былъ признанъ законнымъ, то есть не былъ офиціально признанъ; но семействомъ графа, то есть Разумовскими, графомъ Кочубеемъ, Наталіей Кириловной Загряжской, Марія Григорьевна была принята радушно и съ любовью. Дядя графа, фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, былъ въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ императора Александра, дядя, вѣроятно, ходатайствовалъ предъ его величествомъ за племянника и племянницу. На одномъ балѣ въ намѣстническомъ домѣ, Государь подошелъ къ Марьѣ Григорьевнѣ и громко сказалъ: Madame la comtesse, voulez-vous me faire l'honneur de danser une polonaise avec moi? *) Съ той минуты она вступила во всѣ права и законной жены, и графскаго достоинства. Впрочемъ общество, какъ Московское, такъ и Петербургское, по любви и уваженію къ графу и по сочувствію къ любезнымъ качествамъ жены, никогда не оспаривали у нея этихъ правъ.

Графъ Левъ Кириловичь, или какъ обыкновенно звали его въ обществѣ le comte Léon, былъ въ высшей степени характера благороднаго, чистѣйшей и рыцарской чести, прямодушенъ и простодушенъ вмѣстѣ. Хозяинъ очень значительнаго имѣнія, былъ онъ, разумѣется, плохой хозяинъ, какъ и подобаетъ или подобало Русскому барству. Вопреки изрѣченію Евангелія, у насъ кому много дано, у того много и отпадаетъ. Тѣ у кого мало, имѣютъ еще надежду, да и къ тому-же умѣніе округлить это малое. Графъ былъ любезный говорунъ. При серьезномъ выраженіи лица и вообще покойной осанкѣ (какъ иначе перевести выразительное слово tenue?), онъ часто отпускалъ живое, мѣткое, забавное слово. Онъ нѣсколько картавилъ. Даже вѣчный насморкъ придавалъ рѣчи его особенный и привлекательный діапазонъ: по крайней мѣрѣ таково мое дѣтское впечатлѣніе, уцѣлѣвшее и понынѣ. Я лѣтъ десяти особенно и внимательно вслушивался въ разговоръ его, когда онъ навѣщалъ отца моего, съ которымъ былъ очень друженъ. Дѣтство воспріимчиво и впечатлительно. Помню, какъ будто видѣлъ это вчера, сани его запряженныя парою красивыхъ коней и свѣтлой бѣлизны покрывало, которымъ былъ обтянутъ передокъ саней. Малороссійскій гайдукъ въ большой мѣховой шапкѣ стоялъ на запяткахъ. Графъ, войдя въ первую комнату, бросалъ ловко и даже граціозно большую мѣховую муфту свою. Проходя мимо, онъ всегда привѣтствовалъ меня привѣтливымъ и веселымъ словомъ. Позднѣе удостоивался я и пріязни его. Большое счастіе для сына быть обязанымъ отцу своему доброжелателями, такъ сказать по наслѣдству, которые сохраняютъ прежнія связи свои съ умершими, въ лицѣ ихъ дѣтей.

Въ воспоминаніяхъ дѣтства моего встрѣчаюсь и съ графинею Разумовскою, въ то время еще княгинею Голицыною. Съ чуткою и безсознательною догадливостью *бѣдовыхъ дѣтей* (enfants terribles), скоро подмѣтилъ я, что за муфтою графа не замѣшкаетъ явиться и

*) Графиня, не угодно ли вамъ сдѣлать мнѣ честь протанцовать со мною польскій?

княгиня, или за княгинею немедленно покажется и муфта. Я всегда такъ и караулилъ эти неминуемыя, одно за другимъ послѣдовательныя явленія. Она въ молодости своей пѣла очень мило; впрочемъ и до конца была любительницею и цѣнительницею хорошей музыки. Однажды задрала она за живо стихотворческое и Русское самолюбіе Нелединскаго. Пропѣвъ романсъ Ханыкова: Quand sur les ailes des plaisirs и пр. *), графиня сказала Нелединскому: „Вотъ никакъ не передать этихъ словъ на Русскій языкъ". На другой день привезъ онъ ей свой прелестный переводъ.—Помню, какъ она меня ребенка учила пѣть слѣдующій куплетъ:

Enfant chéri des dames,
Je fus en tout pays,
Fort bien avec les femmes,
Mal avec les maris **).

Есть имена, которыя, разъ попавшись подъ перо, невольно вовлекаютъ его въ дальнѣйшія подробности. Имя гр. Разумовской принадлежитъ этому разряду. Она, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, едва-ли имѣла много себѣ подобныхъ. Во первыхъ, знавшіе ее съ молодыхъ лѣтъ говорили, что она хорошѣла съ годами, то есть, разумѣется, до извѣстнаго возраста. Въ лѣтахъ полной зрѣлости, и даже въ лѣтахъ глубокой старости, она могла дать о себѣ понятіе, что была нѣкогда писаной красавицей, чего, говорятъ, никогда не было. Во вторыхъ, позднѣе, пережила она всѣхъ сверстниковъ и свое современное поколѣніе; пережила многихъ и изъ новаго, такъ что Маѳусаиловскіе года ея оставались головоломною задачею для охотниковъ до лѣтосчисленія. Долго по кончинѣ графа, мужа своего, предавалась она искренней и глубокой скорби. Глаза ея были буквально двумя источниками непрерывныхъ и неистощимыхъ слезъ. Для здоровья ея, сильно пострадавшаго отъ безутѣшной печали, присовѣтовали ей съѣздить на время въ чужіе краи. Тамъ, міръ новыхъ явленій и впечатлѣній, новая природа, разнообразіе предметовъ, а вѣроятно болѣе всего счастливое сложеніе натуры и характера ея, взяли свое. Она въ глубинѣ души осталась вѣрна любви и воспоминаніямъ своимъ, но источникъ слезъ изсякъ: трауръ жизни и одѣяній перемѣнился на болѣе свѣтлые оттѣнки. Она не забыла прежней жизни своей, но переродилась на новую. Парижъ, Вѣна приняли ее радушно: домъ ея сдѣлался опять гостепріимнымъ. Русскіе, особенно богатые, имѣютъ даръ привлекать иностранцевъ; къ тому же иностранцы умѣютъ цѣнить благовоспитанность и дорожатъ ею. А должно признаться, что Русскія дамы высшаго общества, въ немъ рожденныя, въ немъ взросшія, чуждающіяся излишней *эмансипаціи* и негоняющіяся за *эксентричностью* (два слова и два понятія нерусскаго происхожденія) умѣютъ поставить себя вездѣ въ отношенія благопріятныя и внушающія уваженіе. Г-жа

---

*) Когда, на крыльяхъ удовольствія.

**) Любимое дитя дамъ, я во всѣхъ странахъ былъ очень хорошъ съ женами, нехорошъ съ мужьями.

Жирарденъ, въ извѣстныхъ остроумныхъ Парижскихъ письмамъ своихъ, печатаемыхъ за подписью Виконта де Лоне, упоминаетъ о графинѣ Разумовской и о ея Парижскомъ салонѣ. Благодарный Карлсбадъ посвятилъ ей памятникъ: она была на водахъ душою общества и хороводицею посѣтителей и посѣтительницъ этого цѣлительнаго уголка. Починъ прогулокъ, веселій, праздниковъ ей принадлежалъ. Такую власть иначе пріобрѣсти нельзя какъ образованностью, навыкомъ утонченнаго общежитья, вѣжливыми пріемами и привычками, которыя дѣлаются второю натурою.

По возвращеніи своемъ въ Россію, она тотчасъ устроила положеніе свое въ Петербургѣ и заняла въ обществѣ подобающее ей мѣсто. Домъ ея сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Обѣды, вечеринки, балы зимою въ городѣ, лѣтомъ на дачѣ, слѣдовали непрерывно другъ за другомъ. Не одно городское общество, но и царская фамилія были къ ней благопріятно расположены. Императоръ Николай и Государыня Александра Ѳеодоровна были къ ней особенно милостивы и удостоивали праздники ея присутствіемъ своимъ. И ее принимали они запросто въ свои и немноголюдныя собранія. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который любилъ шутить и умѣлъ вести непринужденный и веселый разговоръ, охотно предавался ему съ графинею. Все это, разумѣется, утѣшало и услаждало ея свѣтскія наклонности. Но, при всей любви своей къ обществу, соблазнамъ и суетнымъ развлеченіямъ его, она хранила въ себѣ непочатый и, такъ сказать, освященный уголокъ, предѣлъ преданій и памяти минувшаго. Рядомъ съ ея салонами и большою залою было завѣтное, домашнее, сердечное для нея убѣжище. Тамъ была молельня съ семейными образами, мраморнымъ бюстомъ Спасителя, работы знаменитаго Итальянскаго художника, съ неугасающими лампадами и портретомъ покойнаго графа. Кто знаетъ, какія думы, какія чувства сосредоточивались въ ней, когда входила она въ эту домашнюю святыню и пребывала въ ней въ молитвѣ и съ глазу на глазъ съ сердечною памятью своею? Она не любила рисоваться, не любила облекать себя въ назидательную наружность: въ ней не было и тѣни притворства; не было ни желанія, ни умѣнія прикрывать свои и невинныя слабости личиною умышленной и обдуманной внѣшности. Напротивъ, она скорѣе была склонна какъ-бы хвалиться своими слабостями: не по лѣтамъ моложавостью нрава своего, нарядовъ, обычаевъ, жадностью (доходившей до слабодушія) свѣтскихъ развлеченій, веселій и вѣчно суетнаго движенія. Но, нѣтъ, она и тутъ не хвалилась: она ничѣмъ не хвалилась, а была таковою безсознательно, непримѣтно для себя самой, единственно потому, что натура таковою создала ее. Она была правдивая, чистосердечная личность. Общественное строгое сужденіе, насмѣшливое злорѣчіе обезоруживались и нѣмѣли предъ нею. То что̀ могло-бы казаться смѣшнымъ въ другой, находило вездѣ не только снисхожденіе, но и сочувствіе. Всѣ были довольны, что она была довольна: всѣ тому радовались, что ей было радостно и весело. Личности, одаренныя такими свойствами и способностями, бываютъ въ обществѣ столь рѣдкія исключенія, такъ много встрѣчаешь лю-

дей скучающихъ жизнью, не умѣющихъ ужиться съ нею, жалующихся на нее, что невольно отдохнешь, когда попадается на глаза свѣтлое изъятіе изъ этой почти поголовной неуживчивости и брюзгливости.

Говоря о слабостяхъ ея, нельзя не указать особенно на одну изъ нихъ, совершенно женскую: а именно на страсть ея къ нарядамъ. Когда въ 1835 году въ Вѣнѣ собиралась она возвратиться въ Россію, просила она проѣзжавшаго чрезъ Вѣну пріятеля своего, который служилъ въ Петербургѣ по таможенному вѣдомству, облегчить ей затрудненія, ожидавшія ее въ провозѣ туалетныхъ пожитковъ.—Да что-же намѣрены вы провезти съ собою? спросилъ онъ.—„Бездѣлицу", отвѣчала она: „триста платьевъ". Она была неутомительна въ исправленіи визитовъ: лошади ея не пользовались синекурою, а заработывали свой овесъ въ трудѣ и потѣ. Разсказывали въ городѣ, что у нея была соперница по этой части и когда кучера той и другой съѣзжались гдѣ нибудь, то они, одинъ предъ другимъ, высчитывали и хвастались, сколько въ теченіи утра сдѣлали они визитовъ съ своими барынями.

На этомъ фотографическомъ снимкѣ не можемъ мы и не хотимъ кончить наше памятованіе о графинѣ Разумовской. Прибавимъ еще нѣсколько очерковъ. Она была отмѣнно добра, не только пассивно, но и дѣятельно. Всѣ домашніе и близкіе любили ее преданною любовью. Много добра и милостей совершала она, безъ малѣйшаго притязанія на огласку. Она была примѣрная родственница и охотно дѣлила богатство свое съ родственниками и дальными нуждающимися въ пособіи. Брату своему, князю Николаю Григорьевичу Вяземскому, подарила она свой великолѣпный домъ на Тверской, обратившійся послѣ въ помѣщеніе Англійскаго клуба. Свойство, а можетъ быть, и погрѣшность, аристократическаго круга есть ограниченіе, съуживаніе этого круга до самой тѣсной исключительности. Этого правила и обычая не держалась она: на балахъ и раутахъ ея въ Петербургѣ встрѣчались лица часто совершенно не знакомыя высшему Петербургскому обществу. Въ присутствіи царскихъ особъ, въ наплывѣ всѣхъ блестящихъ личностей туземныхъ и дипломатическихъ, были ласково принимаемы ею и дальніе родственники, пріѣзжіе изъ провинцій. На это нужна была нѣкоторая независимость и смѣлость, и сердечная доброта ея выказывала открыто эту независимость и смѣлость. Ей очень хотѣлось ѣхать въ Парижъ на выставку 1861 года. Она, не слишкомъ бережливая на расходы, скопила и отдѣлила нужную сумму на совершеніе этой поѣздки, не теряя вѣроятно изъ виду освѣжить и пополнить свой туалетный пакгаузъ, если не въ численности Вѣнскаго счета, нами выше упомянутаго, то все-же въ почтенномъ размѣрѣ. Срокъ отъѣзда приблизился, а она не ѣхала. Я спросилъ ее: когда-же она ѣдетъ? Она отвѣчала неопредѣленно. Что-же оказалось? Сбереженнымъ ею деньгамъ для увеселительной прогулки дала она другое назначеніе: узнавъ, что одинъ изъ молодыхъ родственниковъ ея много задолжалъ и находится въ нуждѣ, она,

долго не думая, употребила эти деньги на уплату долговъ его. Такая черта была-бы замѣчательна и прекрасна въ каждомъ; но со стороны ея, которую обыкновенно почитали женщиною легкомысленною и безпредѣльно-преданною развлеченіямъ и соблазнамъ свѣтскимъ и которая въ самъ дѣлѣ была такова, этотъ поступокъ имѣетъ всѣ свойства жертвы благочестивой и почти героической.

Вотъ чѣмъ довершу памятную записку свою о графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской, которую всѣ любили, но не всѣ знали. Подъ радужными отблесками свѣтской жизни, подъ пестрою оболочкою нарядовъ Парижскихъ, не рѣдко таятся въ Русской женщинѣ сокровища благодушія, добра и сердоболія. Надобно только имѣть случай подмѣтить ихъ и сочувственное расположеніе, чтобы ихъ оцѣнить и воздать имъ должную признательность.

*

Въ заключеніе свѣтлыхъ воспоминаній о семействѣ графовъ Разумовскихъ приведемъ одно довольно мрачное воспоминаніе. Одинъ изъ сыновей графа Алексѣя Кириловича былъ въ первыхъ годахъ столѣтія заключенъ въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь. Монастырь этотъ, не знаю съ котораго времени и по какому поводу, былъ и обителью благочестивыхъ иноковъ, и какою-то Русскою Бастиліею, въ которую административными мѣрами ссылали преступниковъ, или провинившихся, особеннаго разряда. Молодой графъ былъ, безъ сомнѣнія, не въ нормальномъ умственномъ положеніи. Говорили, что ученіе Иллюминатовъ вскружило ему голову за границею, что въ слѣдствіе этого онъ предавался иногда увлеченію дикихъ страстей и совершалъ поступки, нарушающіе законное и общественное благочиніе. Замѣчательно, что самъ отецъ слылъ усерднымъ, высокопоставленнымъ членомъ въ іерархіи Мартинистовъ. Примѣръ его, можетъ быть, пагубно подѣйствовалъ на сына. Разсказывали, что молодой графъ, ѣхавшій по большой дорогѣ въ Россіи, выстрѣлилъ въ коляскѣ изъ пистолета въ ямщика, сидѣвшаго на козлахъ. Все это слухи, за достовѣрность коихъ не ручаемся; но дѣло въ томъ, что онъ сидѣлъ въ монастырѣ и вовсе не по благочестивому призванію и не по доброй волѣ. Въ 1809 году, или около того, сенаторъ Петръ Алексѣевичь Обрѣзковъ ревизовалъ Владимірскую губернію. Былъ онъ и въ Суздалѣ съ чиновниками своими, былъ и въ помянутомъ монастырѣ (въ числѣ этихъ чиновниковъ былъ и Алексѣй Перовскій, будущій авторъ Монастырскій). Это было въ воскресный день. Архимандритъ, послѣ обѣдни, пригласилъ насъ всѣхъ на завтракъ, или на закуску. Въ кельѣ его нашли мы еще довольно молодаго человѣка, прекрасной, но нѣсколько суровой наружности: лице смуглое, глаза очень выразительные, но выраженіе ихъ имѣло что-то странное и тревожное, волоса черные и густые. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатъ, обшитый, кажется, мерлушкою; на рукѣ пальцы обвиты были толстою проволокою, вмѣсто кольцевъ. Это былъ графъ Разумовскій, отрасль знатной фамиліи, рожденный быть наслѣдникомъ значительнаго имѣнія, по рожденію своему и по обстоятельствамъ при-

званный и самъ занять въ обществѣ блистательное и почетное мѣсто. Когда приступили мы къ завтраку, графъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ и съ жадностью бросился на рюмку водки, которую поднесли ему. Архимандритъ говорилъ, что затворникъ всегда ждалъ съ нетерпѣніемъ этой минуты, которая повторялась только по Воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Не помню, по какому поводу, зашла рѣчь объ адѣ и о наказаніяхъ, которымъ грѣшники въ немъ подвержены. Графъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что наказаніе ихъ будетъ въ томъ состоять, что каждый грѣшникъ будетъ видѣть, безпрерывно и на вѣки вѣковъ, всѣ благопріятные случаи, въ которые могъ-бы онъ согрѣшить невидимо и безнаказанно, и которые пропустилъ онъ по оплошности своей. Мысль довольно замысловатая. Не помню, есть-ли что подобное ей въ *Божественной Комедіи* Данте; но эта кара могла-бы занять непослѣднее мѣсто въ адовой уголовной статистикѣ великаго поэта.

Вотъ еще просится подъ перо одно воспоминаніе изъ того-же времени, изъ той-же поѣздки и также по монастырской части. При выѣздѣ изъ Казани сенатора Обрѣзкова и жены его, Елисаветы Семеновны (которая была прославлена и обезсмертена прекрасными стихами Нелединскаго), большая часть избраннаго Казанскаго общества провожала насъ до города Свіяжска. Тамъ ожидалъ насъ напутственный завтракъ. Въ числѣ встрѣчавшихъ насъ былъ и архимандритъ. И вотъ какая встрѣча тутъ случилась. Архимандритъ вглядывается въ молодаго человѣка изъ провожателей: тотъ пристально вглядывается въ архимандрита. Наконецъ архимандритъ узнаетъ въ молодомъ человѣкѣ Чемесова (сына богатаго Казанскаго домовладѣльца и помѣщика), котораго онъ, во время служенія своего квартальнымъ въ царствованіе императора Павла, по повелѣнію его, вывезъ изъ Петербурга. Эта драматическая, водевильная встрѣча очень насъ всѣхъ позабавила.

*

Казанское общество въ то время, въ 1809 году, было очень пріятно, и даже блистательно. Губернаторомъ былъ Мансуровъ, женатый на красавицѣ княжнѣ Баратаевой; домъ его былъ гостепріимный. Семейство Юшковыхъ, Чемесовыхъ, Дебособръ (?) и многія другія вносили каждое свою посильную лепту въ казну общежитія и пріятныхъ развлеченій. Были даже тутъ и поэты, которые воспѣвали прекрасную сенаторшу. Театръ былъ очень порядочный; одинъ изъ актеровъ, по имени Грузинцевъ, съ большимъ искусствомъ и воодушевленіемъ передавалъ роль разбойника въ драмѣ Шиллера.

Вообще эта офиціальная и ревизіонная поѣздка отъ Москвы до Перми представляла рядъ любопытныхъ впечатлѣній. Не лишена была она и нѣкоторыхъ поэтическихъ оттѣнковъ, по крайней мѣрѣ для канцелярской молодежи. Незнакомая намъ, приволжская и прикамская природа съ разнообразными картинами своими была для насъ новымъ зрѣлищемъ. Провинціальная жизнь и обстановка, хотя иногда и странная, выкупала свои областныя и мѣстныя особен-

ности добродушнымъ гостепріимствомъ и желаніемъ угодить и угостить, какъ можно лучше, своихъ столичныхъ посѣтителей. Къ тому-же вездѣ встрѣчались нѣсколько людей и не лишенныхъ образованности. Они вынесли изъ прежней жизни въ столицахъ привычки общежитія и вѣжливости. Эти привычки, перенесенныя на провинціальную почву и нѣсколько приспособленныя къ этой почвѣ, имѣли для насъ особенный вкусъ новинки. О женщинахъ и говорить нечего. Женская натура носитъ въ себѣ самой родникъ богатыхъ задатковъ и успѣшнаго развитія. Ей не нужно ни университетовъ, ни гимназій, чтобы образовать себя. Женская натура угадываетъ то, что̀ мущина постигаетъ цѣною напряженнаго труда. Она сама себѣ своя школа, своя наука. Кому не случалось встрѣчать и въ отдаленныхъ областяхъ Россіи женщинъ, къ которымъ можно примѣнить стихи Жуковскаго:

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенный,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой:
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ губернскомъ воздухѣ теряя запахъ свой *).

Перенесите этотъ перлъ въ роскошное ожерелье, перенесите эту лилію въ садъ, и они будутъ предметами общаго удивленія и общей привлекательности. По крайней мѣрѣ таковы были наши тогдашнія путевыя впечатлѣнія. Каждый изъ насъ оставлялъ по себѣ на память частичку сердца своего въ томъ и другомъ городѣ. Особенно памятно довольно долгое пребываніе въ Перми. Пермскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Модерахъ, человѣкъ очень умный, очень дѣятельный, можетъ быть нѣсколько самоуправный въ своихъ административныхъ дѣйствіяхъ, но принесшій краю много пользы. Онъ завелъ въ Пермской губерніи первыя въ Россіи шоссе. Въ 1809 году мы безпрепятственно и покойно катились по этому дорожному полотну. Въ Перми, родинѣ поэта Мерзлякова, въ числѣ чиновниковъ, нашли мы дядю его того же имени, и помнится печатный экземпляръ первой оды, которую онъ написалъ, бывши еще школьнымъ ученикомъ. Семейство Модераха заключалось въ нѣсколькихъ дочеряхъ. Казалось, видишь семью изъ романа Августа Лафонтена, перенесенную на берега Камы и подъ свинцовое небо, въ преддверіе Уральскихъ горъ. Между тѣмъ эти переселенки совершенно обрусѣли, слѣдили за Русскою литтературою и жили общею Русскою жизнью, на которую повѣяло благоуханіемъ Рейнской природы. Одна изъ дочерей, жена генерала Пѣвцова, бывшаго Гатчинца, была необыкновенной красоты и очень образованная и любезная женщина. Одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ, находившихся въ свитѣ сенатора, сказалъ ей въ саняхъ, во время поѣздки въ какой-то мѣдноплавильный заводъ:

Природа здѣсь печальна и сурова,
Но душу ей придать умѣла ты.
Ты здѣсь живешь, прекрасная Пѣвцова,
И Пермь тобой есть царство красоты.

---

*) У Жуковскаго: въ пустынномъ воздухѣ.

Если мы разъ уже вступили въ канцелярскія и сердечныя нескромности и сплетни, то пойдемъ еще далѣе. Эти нескромности прикрыты многими давностями; эти нескромности чуть не допотопныя и не замогильныя: не грѣшно ихъ разглашать. Этотъ-же чиновникъ, лѣтъ семнадцати не съ большимъ, на балѣ, танцуя съ Пѣвцовой, открылся ей въ любви и предложилъ жениться на ней, если разведется она съ своимъ Гатчинскимъ мужемъ. Comment pouvez-vous croire, отвѣчала она, que j'aille me compromettre pour un enfant? (какъ можете вы думать, что я скомпрометирую себя для ребенка). Тутъ чиновникъ доказалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ ребенокъ: онъ публично расплакался на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Впрочемъ послѣ дѣло приняло болѣе спокойный оборотъ: на безвременную и несовершеннолѣтнюю любовь его отвѣчали добродушною и нѣжною дружбою. Взаимныя отношенія установились мирныя и правильныя.

А вотъ еще маленькій эпизодъ изъ этой же домашней, канцелярской и негласной драмы. Сенаторъ отправился въ Екатеринбургъ съ своею свитою. Влюбленный чиновникъ не могъ выносить разлуку съ кумиромъ своимъ. На дорогѣ, въ городѣ Кунгурѣ, въ которомъ назначенъ былъ первый ночлегъ, онъ наклепалъ на себя боль въ глазахъ и выпросилъ позволеніе возвратиться въ Пермь. По пріѣздѣ въ городъ, онъ на другой день былъ пораженъ сильнымъ воспаленіемъ глазъ. Во все время отсутствія сенатора, то есть около трехъ недѣль, просидѣлъ онъ одинъ въ темной комнатѣ. Подите, не вѣрьте послѣ того, что каждая ложь, каждый грѣхъ не несутъ, рано или поздно, имъ подобающей кары на землѣ. Какъбы то не было, молодой влюбленный чиновникъ *сглазилъ* себя поклёпомъ на глаза свои.

*

(*Продолженіе будетъ*).

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ КНЯЗЮ М. И. КУТУЗОВУ СМОЛЕНСКОМУ ВЪ 1812 ГОДУ.

I.

Милостивый государь князь Михаилъ Иларіоновичъ.

Почтенное письмо вашей свѣтлости, безъ числа, изъ Петербурга, я получилъ и на оное имѣю честь отвѣчать, что Московская сила, какъ изволите видѣть изъ приложеннаго при семъ рапорта г. генералъ-лейтенанта графа Маркова, почти вся собрана и, сверхъ чаянія, по времени, довольно образована. Вся она направлена къ Можайску, по предписанію г. военнаго министра, который требовалъ какъ можно болѣе и скорѣе людей на усиленіе войскъ. Не замедлю за симъ доставить къ вѣдѣнію вашему рапортъ о числѣ и готовности вооруженія губерній, Московскій округъ составляющихъ, за исключеніемъ Ярославской и Тверской, кои образуются подъ непосредственнымъ начальствомъ его им-го выс-ва принца Георгія. Вчерашній день я лишь получилъ высочайшее повелѣніе объ отношеніи прямо къ вамъ по вооруженіямъ Московскаго округа, что̀ въ точности исполню, ожидая дальнихъ предписаній вашихъ. Московское дворянство, единственно занятое долгомъ чести, приверженности къ Престолу и любви къ Отечеству, видитъ въ пожертвованіяхъ единственно счастливый случай обнаружить предъ цѣлымъ свѣтомъ, что они всѣ и со всѣмъ своимъ, душею и сердцемъ, преданы Государю Императору и за славу его и благоденствіе Россіи пойдутъ и умрутъ.

Предваряю вашу свѣтлость, что я приготовилъ здѣсь, по обширности и удобности, зданіе, называемое Екатерининскій дворецъ, гдѣ можно до 8000 помѣстить больныхъ; слѣдственно и отправленіе ихъ прикажите дѣлать въ Москву, а не въ Волоколамскъ, гдѣ городъ малъ и безъ способовъ къ продовольствію; здѣсь же мы всѣ за ранеными и больными станемъ смотрѣть, какъ за дѣтьми.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребыть

Вашей свѣтлости
покорнѣйшій слуга

Подписано: „Графъ Ф. Ростопчинъ“.

Москва.
16 Августа 1812.

Его свѣтлости князю М. И. Голенищеву-Кутузову.

Примѣч. Это письмо писано рукою писца и только подписано собственноручно графомъ Ростопчинымъ. Слѣдующія за симъ письма его писаны всѣ собственноручно. Въ нихъ обычныя начало и конецъ здѣсь опускаются. Въ этихъ письмахъ графъ Ростопчинъ именовалъ князя Кутузова: „*Михайло Ларіоновичъ*“.

II.

Два пріѣхавшие изъ Гжати сейчасъ увѣряли меня, что обозъ нашъ грабитъ городъ и что армія въ движеніи его оставитъ и отступитъ къ Можайску.

Не зная ни предположеній вашей свѣтлости, ни точной безопасности столицы, мнѣ ввѣренной, отправляю нарочнаго къ вамъ, чтобы отвѣтомъ вашимъ рѣшиться на отправленіе важныхъ предметовъ, здѣсь находящихся.

Извольте мнѣ сказать: твердое ли вы имѣете намѣреніе удерживать ходъ непріятеля на Москву и защищать городъ сей? Посему я приму всѣ мѣры: или вооружа все, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, чтò есть военнаго, направлюсь къ вамъ на соединеніе.

Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня, и я по смыслу его дѣйствовать буду: съ вами предъ Москвою или одинъ въ Москвѣ.

19 Августа 1812.
Москва.

P. S. Сей день рѣшитъ судьбу Москвы. Естьли позиція останется ваша, то злодѣй нашъ побѣжденъ, и готовыя въ ходу подкрѣпленія усилятъ васъ свѣжими войсками. Лобановъ и теперь педанства не откинетъ и могъ бы скорѣй идти. Я посылаю повелѣніе въ Коломну, чтобы пришедшее туда Рязанское ополченіе шло поспѣшно сюда и коль скоро придетъ, то васъ увѣдомлю. Если сильныя потери людей и превосходство силъ Наполеоновыхъ принудили бы оставить позицію и отступить къ Москвѣ, тогда я сберу множество десятковъ тысячъ рѣшительныхъ молодцовъ и явлюсь къ вамъ. Но ихъ далеко вести невозможно. А мое мнѣніе: когда дѣло до нихъ дойдетъ, то употребить ихъ на ночныя тревоги въ лагерѣ непріятельскомъ, гдѣ они со вредомъ мѣшать будутъ отдыхать Французамъ. Я не могу вамъ изъяснить, чтò во мнѣ дѣлается; и некогда дивиться, какъ я на ногахъ. Вся надежда на Бога и на васъ. Богъ съ вами.

III.

Два письма вашей свѣтлости, отъ 19 числа, я сего утра получилъ. Означенные 1000 топоровъ, 1000 лопатокъ и 250 буравовъ завтра же отправлены будутъ. Что же касается до вооруженія Московской военной силы выдачею ружей, то ей сперва 7200, да послѣ 2600 выдано изъ арсенала, и завтра прямо къ вашей свѣтлости отправляется генералъ-лейтенантъ графъ Марковъ, которой по сему предмету приметъ и сообщитъ мнѣ приказанія ваши для самоскорѣйшаго исполненія.

20 Августа 1812 г.
Москва.

IV.

Вчерашній еще день приступилъ я къ исполненію требованія вашего наймомъ тысячи или болѣе подводъ помѣсячно, для употребленія при арміяхъ на подвозъ провіанта, и надѣюсь, при первомъ отправленіи, извѣстить васъ о успѣхѣ. Но если за арміею будутъ происходить подобныя бывшимъ безпорядки, то я вамъ ни за что отвѣчать не могу, и сношенія отъ грабежей съ столицею прервутся. При томъ доведу до свѣдѣнія вашего, что ко мнѣ Ставриковъ присылаетъ какихъ-то пойманныхъ съ паспортами, по его словамъ, подозрительныхъ людей, для разбору: то ей-Богу теперь и не время, и времени нѣтъ этимъ вздоромъ заниматься.

24 Августа 1812.

Москва.

V.

Имѣю честь отвѣчать на три письма вашей свѣтлости.

Требуемыя лошади, по 1000 на каждой станціи, отъ Москвы до Можайска, выставлены будутъ, и нарядъ уже сдѣланъ. Но въ Можайскѣ отъ того, что три пограничные уѣзда отошли въ военное распоряженіе, наряду сдѣлать невозможно; и для сего соблаговолите отъ себя сдѣлать предписаніе.

Наемъ помѣсячно тысячи и болѣе лошадей, для употребленія при арміи, я очень успѣшно произвелъ. Завтра заключаю контрактъ, который къ вамъ отправлю; и съ ними лошадей съ повозками, положа на нихъ готовые сухари.

Инструменты для рабочихъ, то есть лопатки и буравы, по требованію вашему, куплены и сегодня отправлены.

Можайской и Волоколамской уѣзды разогнаны казаками и провожатыми раненыхъ. Доказательствомъ то, что нѣсколько лошадей, ихъ привезшихъ, остались безъ хозяевъ. Если безпорядки сіи продолжатся, то ни за что по дорогѣ отвѣчать не можно; и я бы желалъ, чтобъ при отправленіи обозовъ, имъ дано было направленіе не чрезъ Москву, и въ приставы—надежный и уваженія достойный человѣкъ.

25 Августа 1812.

Москва.

VI.

Вручитель сего г. маіоръ Шепелевъ имѣетъ препорученіе отъ Государя Императора формировать гусарской и конной казачьи полки. Но какъ они, за неимѣніемъ лошадей, совсѣмъ не въ готовности, то я, удовлетворяя съ одной стороны убѣдительной просьбѣ Шепелева, а съ другой и желая вамъ сдѣлать угодное доставленіемъ отличнаго г. маіора, позволилъ ѣхать ему и явиться къ вамъ, увѣренъ бывъ заранѣе, что онъ лишнимъ не будетъ.

25 Августа 1812.

Москва.

VII,

Извѣстія, здѣсь полученныя о сраженіи 24 числа, чрезвычайно обрадовали городъ, и лица совсѣмъ иной имѣютъ видъ. Сдѣлайте милость и Москвѣ, и мнѣ: всякой разъ, когда будетъ сраженіе, то прикажите кому нибудь изъ вашихъ ко мнѣ писать, чтобы быть свѣдущу о происшествіяхъ военныхъ. При семъ прилагаю письмо, сейчасъ отъ князя Лобанова полученное. Вы, можетъ быть, заблагоразсудите сдѣлать какія-либо перемѣны въ направленіи его войскъ.

26 Августа 1812.

Москва.

VIII.

Вслѣдствіе требованій вашей свѣтлости, завтра на разсвѣтѣ, отправляются отсюда формирующіеся въ Москвѣ два полка г-лъ-маіоромъ Миллеромъ, въ коихъ слишкомъ 4000 человѣкъ; при нихъ десяти-дневной провіантъ. Завтра же, поутру, отсюда поспѣшно пойдутъ къ вамъ на подводахъ, на 125 орудій, комплектъ зарядовъ; да отправилъ я курьера въ Коломну и по дорогѣ къ Боровску съ открытымъ повелѣніемъ, гдѣ найдетъ, чтобы всѣ ящики съ снарядами, отъ каждой роты, при офицерѣ, вести какъ можно скорѣй въ Можайскъ; а васъ прошу, если есть какое либо препятствіе съ стороны Вереи, то взять предосторожности. Также всѣ снаряды отъ трехъ ротъ Арапетовыхъ идутъ къ вамъ.

27 Августа 1812 года.

Москва.

IX.

На почтеннѣйшія письма вашей свѣтлости имѣю честь отвѣчать:

Подводы требуемыя теперь уже выставлены; а затрудненіе сперва дѣйствительно вышло отъ того, что Можайской и Верейской уѣзды разстроены военными дѣйствіями и что жители разбѣжались.

Завтра на разсвѣтѣ выступаютъ къ Можайску форсированными маршами два полка, въ коихъ 4600 человѣкъ совсѣмъ на службу готовыхъ. Чрезъ два дни еще полкъ, 2300 человѣкъ, изъ Подольска. Отсюда послѣ завтра батарея, съ понтонной ротой и 100 человѣками изъ ополченія совершенно выученными пушечной стрѣльбѣ. Арапетова три роты съ орудіями и снарядами уже пошли. Да найденные между Подольскомъ и Боровскомъ моимъ курьеромъ всѣ ящики отъ артиллерійской дивизіи, въ Коломну слѣдующей, съ снарядами, обращены къ Можайску. Сверхъ того завтра на подводахъ повезутъ къ арміи 26000 снарядовъ для пушекъ. Лошадей 500 съ хомутами надѣюсь послѣ завтра отправить.

Не можно ли вамъ понудить князя Ростовскаго, хотя бы ему обѣщать подписку еще мира *)? А у него 8 полковъ прекрасныхъ. Въ Клину теперь Тверское ополченіе. И если вамъ надобно, то курьеръ ихъ скоро направитъ на Можайскъ. Я увѣренъ, что ваша

---

*) Князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій участвовалъ въ подписаніи Тильзитскаго мира. *П. Б.*

свѣтлость не забыли, что въ Завидовѣ и въ Клину формируется по полку, и они почти готовы.

Вѣрьте, что ревностнѣй меня исполнителя вы не найдете и больше о васъ молящихъ, какъ въ Москвѣ; а я въ ожиданіи, что скоро поцѣлую руку, спасавшую Россію, пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

28 Августа 1812.

Москва.

X.

Батарейныя орудія всѣ къ вамъ идутъ. Вино уже отправлено. Письмо къ Винцегероде тоже. Что же касается до дружины, то я въ сію минуту ее сбирать начну и тоже въ окрестностяхъ. Если бы я увѣренъ былъ, что по Звѣнигородской дорогѣ нѣтъ для Москвы опасности, то бы пріѣхалъ къ вамъ для свиданія.

Мой страхъ одинъ, что изъ обозовъ придутъ грабить городъ; а мнѣ ихъ унимать некому.

31 Августа 1812.

Москва.

XI.

При семъ имѣю честь препроводить къ вашей свѣтлости рапортъ г-лъ-маіора Миллера. Ружья изъ арсенала сего же дня выдать можно и, если угодно, то завтра же, по утру, оный полкъ выступитъ къ арміи.

Сейчасъ получаю письмо, что въ Подольскомъ уѣздѣ къ Боровску казаки наши сожгли деревню и у меня въ имѣніи одну разграбили. Сею же ночью, близъ Москвы, разграбленъ коровій дворъ воспитательнаго дома.

1-го Сентября 1812.

Москва.

(*Выписаны изъ дѣлъ Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Штаба 1-й арміи, отд. II, св. 281, № 6*).

Примѣч. На всѣхъ оригинальныхъ письмахъ графа Ростопчина нѣтъ никакихъ резолюцій князя Кутузова-Смоленскаго. По ходу важнѣйшихъ событій ихъ некогда ему было дѣлать.

(*Сообщено Г. Н. Александровымъ*).

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ, УМЕРШИХЪ ВЪ 1873 ГОДУ.

Изъ Справочнаго Словаря, составляемаго Г. Н. Геннади *).

Бенедиктовъ, Владиміръ Григорьевичъ, стихотворецъ. Р. въ 1807, Ноября 5-го, въ Петербургѣ, воспитывался въ 1-мъ кад. корпусѣ, служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ кампаніи 1831 года въ Польшѣ. Покинувъ военную службу, въ 1832-мъ Бенедиктовъ поступилъ въ канцелярію министра финансовъ, былъ въ числѣ директоровъ государственнаго банка, а послѣдніе годы (съ 1860) провелъ въ отставкѣ, въ чинѣ д. ст. сов. Ум. 14 Апрѣля 1873.

Еще въ корпусѣ и потомъ въ полку Бенедиктовъ писалъ стихи; но въ печати появились они впервыя въ 1835 году и тотчасъ пріобрѣли ему блестящую извѣстность. Не смотря на нѣкоторую изъисканность выраженій, они нравились, особенно молодежи, своею картинностью и звучностью. Они печатались потомъ въ журналахъ, особенно въ Библіотекѣ для Чтенія. Изъ критиковъ Бенедиктова встрѣтили восторженно Сенковскій и Шевыревъ; въ послѣдствіи Бѣлинскій указалъ на искусственный тонъ его произведеній. Черезъ нѣсколько лѣтъ молчанія Б. появился опять въ 1860-хъ годахъ съ пьесами весьма искренними и трезвыми (изъ коихъ нѣкоторыя сатирическія) и занялся переводами.

— Біогр. очеркъ по свѣдѣніямъ отъ него самаго въ Русс. Худож. Листкѣ Тимма 1858, № 7 и подробнѣе въ Портретной Галлереѣ Русскихъ дѣятелей изд. Мюнстера, т. II (1869), стр. 262—267 (Д. Хмырова). — Некрологи въ Биржевыхъ Вѣд. № 104; въ Моск. Вѣдом. № 105 (Г. Ф).— Статья о немъ *С. Н.* во Всем. Иллюстраціи, т. IX (1873, № 230, стр. 346).

— Стихотворенія. Спб. 1835, вторично въ 1836. Книжка вторая, 1838; 2-е изд. 1842 г.

— Стихотворенія, 3 тома, Спб. 1856 (Сюда вошли прежнія стихотворенія, съ прибавленіемъ двухъ частей новыхъ). Дополненіемъ къ нимъ служитъ книжка „Новыхъ Стихотвореній", 1857, большею частію патріотическихъ.

Буцковскій, Николай Андреевичъ, т. с., сенаторъ уголовнаго кассаціоннаго деп-та. Онъ принималъ участіе въ составленіи и приведеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Р. въ 1813, началъ службу въ инженерномъ вѣдомствѣ, потомъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ (съ 1836), а съ 1839 по судебному вѣдомству, въ министерствѣ юстиціи; съ 1854 въ Московскихъ деп-тахъ Сената. Въ 1861 г. Буцковскій былъ прикомандированъ въ госуд. канцеляріи для производства работъ по преобразованію судебной части. (Ум. 25 Сент. 1873).

— О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ. Спб. 1866.

---

*) Мы можемъ извѣстить любителей Русской исторіи и библіографіи, что обширный трудъ г-на Геннади нынѣ печатается въ Лейпцигѣ и уже доведенъ до буквы Г. *П. Б.*

— Очеркъ кассаціоннаго порядка отмѣны рѣшеній по судебнымъ уставамъ 1864. Спб. 1866.

— О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія обвинительной власти отъ судебной. Спб. 1867.

— Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20-го Ноября 1864 г. Спб. 1874. Съ портретомъ.

— Свѣдѣнія о его службѣ въ Журналѣ Мин. Юстиціи, т. 28 (1866, № 4). Некрологъ въ Голосѣ 1873, № 268 и также въ Моск. Вѣдом. № 246.

Варлаамъ (Вас. Порфирьевичъ Денисовъ), архіеп. Черниговскій, сынъ Новгородскаго діакона. Р. 3 Апрѣля 1804. Окончивъ курсъ (1825) въ Новгор. семинаріи, остался при ней учителемъ и вскорѣ постригся. Въ 1829 г., при учрежденіи Олонецкой епархіи, опредѣленъ членомъ консисторіи, инспекторомъ и учителемъ новой семинаріи, а въ 1833 г., перемѣщенъ въ Вятскую. Въ слѣд. году произведенъ въ санъ архимандрита, въ 1840 въ Иркутскъ ректоромъ семинаріи и настоятелемъ Вознесенскаго монастыря. 19 Декабря 1843 по болѣзни уволенъ изъ семинаріи, а въ 1844 перемѣщенъ настоятелемъ въ Нижегородскій Макаріевъ монастырь; въ 1852 въ Кирилло-бѣлозерскій съ назначеніемъ и на другія еще должности; въ 1857 году архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Въ 1860 г. Іюля 17 хиротонисанъ епископомъ Екатеринбургскимъ, викаріемъ Пермской епархіи; въ 1862, 19 Мая епископомъ Оренбургскимъ и Уральскимъ, въ 1866 Ноября 9-го Черниговскимъ и Нѣжинскимъ, въ санѣ архіепископа съ 31 Марта 1868 г. Удалился на покой въ Новгородъ-сѣверскій Преображенскій монастырь въ Сент. 1871 года; скონч. 18 Января 1873 г.

— Бесѣды и слова. Спб. 1850 (30 проповѣдей; остальныя, говоренныя, послѣ 1848 г., еще въ рукописяхъ).

— Обозрѣніе рукописей преп. Кирилла Бѣлозерскаго. (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1860, кн. 2).

— Историко-археологическое описаніе древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-бѣл. монастырѣ. (тамъ же, 1860, кн. 3).

— Служба преподобному отцу нашему Нилу, Сорскому чудотворцу. М. 1860.

— Преосв.Ириней, епископъ Екатеринбургскій. Спб. 1860 (Біографія, изъ „Странника").

— Нѣсколько словъ и статей его въ журналахъ (Странникъ 1867; Дух. Бесѣда 1872).

Черниг. Епарх. Извѣстія 1873, № 4. Странникъ 1873, т. II, № 4, стр. 3 — 53 (біографія, составленная А. Страдомскимъ).

Волковъ, Адріанъ Марковичъ, художникъ, карикатуристъ, издатель сатирическаго листка „Маляръ". Ум. 1 Февраля 1873. (См. Голосъ № 35).

Галанинъ, Иванъ Дмитріевичъ. Ум. 16 Августа 1873 г. Участвовалъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., гдѣ много его рецензій (т. XLV—LXXIX) и гдѣ онъ помѣщалъ обозрѣнія Русскихъ газетъ и журналовъ. Онъ же составилъ: Указатель къ повременнымъ изданіямъ Мин. Нар. Пр. (1803—1864). Спб. 1865.

Гюббинетъ, Христіанъ Яковлевичъ, д. с. с., Кіевскій хирургъ и операторъ. Лифляндецъ. Род. 15 Мая 1822. Пройдя курсъ медицинскихъ наукъ въ Дерптѣ, онъ служилъ три года въ Казани. Въ 1847 онъ получилъ въ Дерптѣ степень доктора медицины, отправился въ Петербургъ и по предложенію графа Уварова поступилъ въ Кіевскій унив-тъ въ 1850 г. на каѳедру хирургіи и завѣдывалъ хирургическою клиникою. При началѣ

Крымской войны онъ отправился въ Севастополь и съ Пироговымъ дѣлилъ труды и заботы о раненыхъ. Въ 1869 онъ участвовалъ въ международномъ конгрессѣ всѣхъ обществъ попеченія о раненыхъ и способствовалъ учрежденію Русскаго общества. Во время Германо-француз-ской войны находился на театрѣ военныхъ дѣйствій. Скончался въ Вильнѣ, Іюня 3-го 1873. Онъ былъ членъ многихъ ученыхъ обществъ и печаталъ въ иностранныхъ журналахъ.

— De acido arsenicoso. Dorpati 1847.
— Ueber cholera epidemia in Kiew. Leipzig. 1850.
— Наблюденія надъ холерною эпидеміею. Спб. 1851.
— О значеніи гимнастики въ жизни человѣка и народовъ. 1854.
— О медицинской части въ Австріи. 1854.
— О состояніи медицинской части въ Италіи. 1855.
— Die Beobachtung und das Experiment in der Syphilis, mit Abbildungen. Leipzig. 1859.

— Наблюденія надъ сифилитическою болѣзнію (Военно-Мед. Журналъ 1860 и 1861).

Всем. Иллюстрація, т. X (1873, № 242, стр. 123).

Жандръ, Андрей Андреевичъ, д. т. с. сенаторъ. Ум. 19 Янв. 1873, 80-ти лѣтъ отъ роду. Онъ былъ другомъ А. А. Грибоѣдова и въ сотрудничествѣ съ нимъ перевелъ съ Французскаго комедію Барта: „Притворная невѣрность", представленную въ Спб. въ Февралѣ 1817 года.

Онъ долго былъ директоромъ канцеляріи морскаго министерства и принималъ участіе во всѣхъ учрежденіяхъ и преобразованіяхъ морской администраціи въ царствованіе Николая Павловича, а въ нынѣшнее царствованіе служилъ сенаторомъ.

— Семела, миѳологическое представленіе, подражаніе Шиллеру. Спб. 1825.

Некрологъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1873, № 22.

Куторга, Владиміръ Степановичъ. Ум. 28 лѣтъ въ Мартѣ 1873. Онъ былъ замѣчательнымъ преподавателемъ Русскаго языка въ Спб. Маріинской женской гимназіи. (Голосъ № 93).

Львовъ, Николай Михайловичъ, драматургъ. Изъ Екатеринославскихъ дворянъ; воспитанникъ Казанскаго унив-та.

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Комедія. Спб. 1857. (Въ Отеч. Запискахъ, № 3).

— Предубѣжденіе, или не мѣсто краситъ человѣка, человѣкъ — мѣсто, Комедія. 1858.

Недзвецкій, Эдуардъ Ѳомичъ, медикъ. Воспит. Моск. унив-та (1849), служилъ съ 1853 года въ Ярославлѣ, гдѣ съ 1870 былъ помощникомъ врачебнаго инспектора Ярославской губерніи. Онъ былъ одинъ изъ учредителей Ярославской лечебницы для приходящихъ, съ родильнымъ отдѣленіемъ; занимался микрографіею и печаталъ въ Моск. Медиц. Газетѣ и въ иностранныхъ журналахъ. Ум. въ Монтрё 6 Сент. 1873.

(Моск. Мед. Газета 1873, № 39).

Оболенскій, князь Михаилъ Андреевичъ, археографъ, гофмейстеръ. Род. въ Москвѣ въ 1806. Служа офицеромъ въ Польскую войну, онъ сталъ извѣстенъ князю Паскевичу и завѣдывалъ секретною его канцеляріею. По рекомендаціи фельдмаршала, онъ былъ назначенъ (въ 1833) въ Моск. архивъ мин-ва ин. дѣлъ и съ 1839 былъ управляющимъ, а съ 1868 г. директоромъ его по кончину 12 Января 1873 г. (въ Петербургѣ).

По его почину и содѣйствію изданы многіе памятники историческіе, приготовленные къ печати большею частію служившими въ архивѣ А. Н. Аѳанасьевымъ, С. С. Ивановымъ, М. П. Полуденскимъ и другими. Онъ сообщилъ много историческихъ матеріаловъ въ изданія Моск. общества исторіи и древн., въ Библіогр. Записки, въ Архивъ Калачова, въ Русскій Архивъ, въ Журналъ Землевладѣльцевъ. Они указаны при его некрологахъ.

—Деньги Великаго Новагорода. М. 1834.

—Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенную лѣтописи. М. 1836. 4⁰ съ 2 снимками. (Лѣтопись до 1543 г.).

—Сборникъ князя Оболенскаго 11 книжекъ, М. 1838—1840. 12-я книжка (Проэктъ Елагина) М. 1859.

—Книга Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе короля Сигизмунда Августа съ 1545 по 1572. 2 ч. (1-я ч. изд. съ И. Даниловичемъ. 2-я ч. издана Погодинымъ).

—Иностранные сочиненія и акты относящіеся до Россіи. М. 1847. Четыре брошюры.

—La légende de la vie et de la mort de Demetrius l'imposteur... imprimé à Amsterdam en 1606. Réimprimé en 1839. M.

—Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, 1561 г. М. 1850 (Греч. текстъ съ переводомъ и примѣчаніями).

—Ярлыкъ хана золотой орды Тохтамыша къ Польскому королю Ягайлу. 1392—1399. Казань, 1850.

—Проэктъ устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, по тридцати четыремъ степенямъ, сост. при ц. Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. М. 1850. (Изъ Архива Калачова, I).

—Лѣтопись Переяславля Суздальскаго (1214—1219). М. 1851.

—Новый Лѣтописецъ, составл. въ ц. Михаила Ѳеодоровича. М. 1853.

—Свѣдѣнія объ авторѣ книги: „Lettres Moscovites“. М. 1859. (Изъ Библіогр. Записокъ, т. I).

—О первоначальной Русской Лѣтописи. М. 1870 съ рисунками.

Комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ подъ его управленіемъ напечатанъ: 1) 5-й (неоконченный) томъ Собранія Гос. Грамотъ (начатаго гр. Румянцовымъ); 2) Книга объ избраніи на царство царя Михаила Ѳеодоровича. М. 1856, въ л., съ портретомъ царя и атласомъ; 3) Письма Русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства, 2 тома. М. 1861—1862.

По кончинѣ его, изданы его дочерью, княгиней А. М. Хилковою: „Изслѣдованія и замѣтки князя М. А. Оболенскаго по Русскимъ и Славянскимъ древностямъ“. Спб. 1875, большой томъ.

М. Семевскаго, Рус. Старина т. VIII, (1873, № 2). Статья о немъ (очеркъ его трудовъ) *Н. Костомарова*, въ Рус. Архивѣ, т. XI (1873, стр. 667).

Окуневъ, Михаилъ Михайловичъ, генералъ-маіоръ, членъ кораблестроительнаго отдѣленія морскаго техническаго комитета, строитель монитора Петръ Великій. Ум. 24 Февраля 1873 (Рус. Міръ № 51), состоялъ на службѣ съ 1827 года.

Кромѣ постройки многихъ судовъ, онъ извѣстенъ и литературными трудами. Участвовалъ въ Морскомъ Сборникѣ.

— Опытъ сочиненія чертежей военнымъ судамъ, составленный для кондукторскихъ ротъ уч. морскаго рабочаго экипажа. Спб. 1836 съ 30 таблицами и 50 чертежами.

— Публичныя лекціи изъ корабельной архитектуры. Спб. 1866.

— Теорія и практика кораблестроенія, руководство для изученія корабельной архитектуры. 2 ч. въ 3-хъ выпускахъ, съ атласомъ чертежей. Спб. 1865—1867.

(Морской Альманахъ на 1874, стр. 248).

Пареенiй, Петръ Тихоновичъ (Поповъ), архіепископъ. Воспитанникъ Воронежской семинаріи, изъ магистровъ Кіевской академіи (1835), былъ протоіереемъ, съ 1841 постригся и былъ ректоромъ семинарій: Орловской (1844), Харьковской (1845), Херсонской (1848), Казанской (1852). Потомъ, епископомъ Томскимъ (съ 14 Марта 1854) и Иркутскимъ (съ 13 Сент. 1860); въ санѣ архіепископа съ 31 Марта 1863.

Пеликанъ, Венцеславъ Венцеславовичъ д. т. с., предсѣдатель медиц. совѣта. Род. въ 1790 въ г. Слонимѣ, получилъ образованіе въ Виленскомъ унив-тѣ и въ медикохирургич. академіи, въ которой, по выпускѣ лекаремъ, оставался адъюнктомъ на каѳедрѣ хирургической патологіи и клиники наружныхъ болѣзней. Онъ вскорѣ отличился своими операціями, удостоенъ въ 1816 г. степени доктора медицины (Diss. de anevrysmate, 1816) и назначенъ въ Виленскій унив-тъ орд. профессоромъ хирургіи, съ завѣдываніемъ клиникою, и кромѣ того читалъ четыре года анатомію и суд. медицину и улучшилъ хирургич. кабинетъ. Онъ печаталъ въ Виленскомъ „Дневникѣ Медицины" и написалъ на Польскомъ „Міологію для учащихся", 1823. Въ 1824 онъ назначенъ ректоромъ унив-та, въ 1829 предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Во время Польской войны ему поручено было устройство военнаго госпиталя въ Вильнѣ для раненыхъ. Потомъ въ П. занимался въ коммиссіи объ учрежденіи Виленской медико-хирургич. академіи. Въ 1838 г. назначенъ главнымъ докторомъ въ Московскій военный госпиталь; въ 1846 сдѣланъ директоромъ медиц. деп-та военнаго мин-ва, съ 1851 по 1854 былъ президентомъ медикохирургич. академіи и за тѣмъ назначенъ предсѣдателемъ медиц. совѣта и въ этой должности сконч. 6 Іюля 1873, въ своемъ имѣніи Александровскаго уѣзда, Ковенской губ. (Изъ Всеобщаго Календаря 1874, стр. 589; некрологъ во Всем. Иллюстраціи, т. X, 1873, № 242, съ портретомъ).

Романовъ, Дмитрій Ивановичъ, инженеръ-полковникъ, одинъ изъ сотрудниковъ газетъ Спб. Вѣдомости и Голосъ. Онъ скончался на пути въ Хиву, въ лагерѣ 19 Апрѣля 1873. (См. извѣстія о кончинѣ его въ Голосѣ № 168, 198 и 211).

Мнѣ извѣстны слѣдующія статьи его:

— О Сибирской желѣзной дорогѣ (Изъ Спб. Вѣдом. 1858, № 226—228).

— Желѣзная Софійско-Александровская дорога. Проэктъ съ картою. Спб. 1859.

— Сибирскій Телеграфъ. Спб. 1860. (Изъ Спб. Вѣдом. № 109).

— Цѣны мяса на Амурѣ. Спб. 1860. (Спб. Вѣдом. № 90).

— Вопросъ о телеграфѣ чрезъ Сибирь, между старымъ и новымъ свѣтомъ (Спб. Вѣдом. 1861, № 48).

— Послѣднія событія въ Китаѣ и значеніе ихъ для Россіи. Иркутскъ. 1861.

Ротчевъ, Александръ Гавриловичъ. Получивъ воспитаніе въ Моск. унив-тѣ, онъ служилъ въ Москвѣ при театрѣ, потомъ въ Петербургѣ. Поступивъ на службу въ Россійско-американскую компанію, онъ жилъ въ колоніи „Россъ", до того времени, когда эта колонія была уступлена Американцамъ. Ротчевъ доказывалъ невыгоду этой уступки. Объ Америкѣ и о своихъ путешествіяхъ онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ журналахъ. Въ Петербургѣ Р. испробовалъ различные роды службы и дѣятельности: служилъ въ военномъ мин-вѣ, былъ редакторомъ Полицейской Газеты, членомъ литературно-театральнаго комитета, сотрудникомъ многихъ га-

зетъ и журналовъ. Онъ былъ въ Ташкентѣ и участвовалъ въ изданіи Туркестанскаго Вѣстника, въ 1870—71 гг. былъ въ Франціи. Послѣдній годъ онъ работалъ въ Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ и скон. въ Саратовѣ 20 Августа 1873, на 63 году.

— Мессинская Невѣста, траг. Шиллера. М. 1829.

— Вильгельмъ Тель, траг. Шиллера. М. 1829 (Пер. въ стихахъ, представленный одинъ разъ, въ бенефисъ трагика Каратыгина).

— Макбетъ, трагедія Шекспира. 1830.

— Гернани или Кастильская честь, трагедія В. Гюго. Спб. 1830.

— Правда объ Англіи и сказаніе о расширеніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта. Спб. 1854 (5 тетрадей). 2-е изд. 1855.

— Отвѣтъ газеты „Русс. Инвалидъ" главному правленію Россійско-Американской компаніи о бывшихъ ея владѣніяхъ въ Калифорніи (Изъ № 237 Рус. Инвалида 1857).

Некрологъ въ Голосѣ 1873, № 240.

Туруновъ, Яковъ Николаевичъ, д. с. с., преподаватель исторіи въ военно-уч. заведеніяхъ. Ум. 17 Янв. 1873 (Спб. Вѣдом. № 19).

Состоя ученымъ секретаремъ бывшаго военно-ученаго комитета, онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Военнаго Журнала" и былъ сотрудникомъ Военнаго Сборника и Русскаго Инвалида.

Скаловскій, Ростиславъ Карповичъ, генералъ-маіоръ, морякъ, одинъ изъ первыхъ у насъ занимавшихся теоріею пароходства, дѣятельный членъ морскаго ученаго комитета, управлялъ Ижорскими адмиралтейскими заводами. Ум. въ Павловскѣ 6 Марта 1873.

Кромѣ многихъ журнальныхъ статей напечаталъ:

— Описаніе Кордуанскаго и Эддингстонскаго маяковъ. Спб. 1833. 8°. съ 2 рисунками.

— Морской офицеръ, романъ Марріэта. 1837. 2 ч.

— Описаніе сравненій Англійскаго флота съ 1690 по 1827 г. К. Экинса. Съ Англ. Спб. 1840. 4°. съ 80 листами чертежей.

— Руководство для служащихъ на морскихъ военныхъ пароходахъ. Спб. 1844. Съ 21 и 50 листами чертежей.

— Описаніе индикатора и динамометра. 1846.

— Жизнеописаніе адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова. 1856. Часть 1-я (книга очень важная для исторіи нашего флота).

Въ 1849 былъ редакторомъ Морскаго Сборника.

(Морской Альманахъ на 1874, стр. 248).

Толмачовъ, Яковъ Васильевичъ. Воспитанникъ Харьк. коллегіума и Кіевской академіи, въ которой съ 1803 былъ учителемъ. Въ 1809 вызванъ въ Спб. и опредѣленъ въ семинарію учителемъ реторики и математич. наукъ, а въ 1816 при учрежденіи педагогич. института занялъ въ немъ каѳедру Россійской словесности, съ званіемъ орд. профессора, до увольненія въ 1835 г. Ум. въ 1873 г. 97 лѣтъ (См. Русс. Старину, т. IX, стр. 699, примѣч.).

— Русская поэзія, въ пользу юношества, обучающагося въ Харьк. коллегіумѣ. М. 1805.

— Логика Бакмейстера. М. 1807 и Спб. 1823.

— Разсужденіе о духовномъ свойствѣ души человѣческой Моисея Мендельзона. М. 1806.

— Метафизика Бакмейстера. М. 1808 и Спб. 1830.

— Французская грамматика. Изд. 2-е. М. 1814. 4-е изд. Грамматика, составленная для обученія юношества Франц. языку. Спб. 1827.

— Правила словесности, 4 ч. Спб. 1815—1822.

— Опытъ учебнаго предначертанія для преподаванія Росс. юношеству Греческаго языка, А. Стурдзы. Переводъ съ Фр. Спб. 1817.

— Описаніе жизни Его Кор. Высочества герцога Беррійскаго. Съ Фр. Спб. 1820.

— Краткое обозрѣніе словесности древнихъ народовъ. Спб. 1820.

— Похвальное слово имп. Траяну, Плинія, съ Лат. Спб. 1820.

— Военное краснорѣчіе, основанное на общихъ началахъ словесности, 3 ч. Спб. 1825.

— Ручная книга первообразныхъ Латинскихъ словъ. Спб. 1822.

— Подарокъ критику на статью, помѣщенную въ 5 № Журнала Сына Отеч. 1827 г. М. 1827. Второй подарокъ... и Третій подарокъ. (Три полемич. брошюрки по поводу критики на Военное Краснорѣчіе).

— Логика для употребленія въ училищахъ, Кизеветтера. Съ Нѣм. Спб. 1829 и 1831.

(В. Григорьева: Спб. Университетъ, Спб. 1870, стр. 20, 66, 73).

Толстой, графъ Ѳедоръ Петровичъ, скульпторъ и граверъ. Род. въ 1783, въ Петербургѣ. Окончивъ курсъ въ морской службѣ, онъ не долго былъ морякомъ, потомъ посвятилъ себя искусству; опредѣленъ въ 1806 на службу въ Эрмитажѣ, въ 1809 въ монетный департаментъ, а въ 1825 въ академію художествъ, въ которой былъ съ 1828 вице-президентомъ и въ 1842 возведенъ въ званіе профессора медальернаго искусства, а въ слѣдующемъ—скульптуры. Въ 1854 г. праздновали 50-лѣтъ его службы. Въ 1859 праздновали въ академіи художествъ другой 50 лѣтній юбилей со времени назначенія его почетнымъ членомъ этой академіи. Ум. 13 Апрѣля 1873 г. Не исчисляя здѣсь его художественныхъ произведеній по части медальернаго искусства, скульптуры и гравюры, заслужившихъ ему обширную извѣстность, заносимъ его въ нашъ списокъ какъ автора, по его автобіографіи (въ Рус. Старинѣ, т. VII, 1873 г. № 1, 2 и 4) и укажемъ изданія его медалей и барельефовъ.

— Bas-reliefs allégoriques gravés au traits en mémoire des événements de la guerre de 1812, 1813 et 1814. St. Pét. 1818.

— Медальоны въ память военныхъ событій 1812—1815 годовъ, изобрѣтенные графомъ Ѳ. Толстымъ и выгравированные на стали по способу Бета Н. Менцовымъ. Изд. Археографич. Комиссіи. Спб. 1838.

О его произведеніяхъ статья П. Каменскаго въ Отеч. Запискахъ т. III (1839), IV, стр. 1—28.—Жизнь его и произведенія (подробная статья) Ап. Майкова, въ Отеч. Запискахъ 1852, № 9.—Общее годичное собраніе И. Академіи Художествъ и празднество пятидесятилѣтняго юбилея графа Ѳ. П. Толстаго 10-го Окт. 1854. Спб. 1855. 8°, 54 стр. съ 2 рис. (Изъ Сѣв. Пчелы). Объ этомъ юбилеѣ см. также статью Рамазанова въ Моск. Вѣдом. 1854, № 141.—Частный обѣдъ въ честь графа Т., статья Г. Д. (Данилевскаго) въ фельетонѣ Спб. Вѣдом. 1855, № 8.—См. также Пантеонъ 1855, кн. III, 27—38.—Revue générale historique etc. de Pascallet; Notice biographique, Paris 1856. 8°, 7 p. (очень краткая статейка, подписанная d'Henriet).—Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея графа Т. 16 Мая 1859., 8°, 15 стр. (Изъ Спб. Вѣдом. 1859, № 113).—Некрологъ въ Голосѣ 1873, № 112, М. С. (Семевскаго).

Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, каммергеръ, поэтъ. Р. 1803 г. 23 Ноября въ родовомъ помѣстьи, селѣ Овстугъ, Брянскаго уѣзда. Онъ вышелъ кандидатомъ изъ Моск. унив-та и въ 1821 поступилъ въ министерство ин. дѣлъ. Съ 1821 по 1844 онъ провелъ за границею, состоя до 1840 при разныхъ миссіяхъ. Въ 1844 снова поступилъ на службу и долго предсѣдательствовалъ въ комитетѣ цензуры иностранной. Умеръ 15 Іюля 1873.

30*

Онъ отлично писалъ пофранцузски, и изъ записокъ его напечатана въ Revue des deux mondes 1850: La papauté et la question romaine au point de vue de Saint-Pétersbourg. — Многочисленныя его и замѣчательныя письма предполагаютъ собрать. — Стихотворенія его были впервыя оцѣнены Пушкинымъ и появились въ его Современникѣ. Въ 1854 г. ихъ собралъ И. С. Тургеневъ и напечаталъ при Современникѣ.—2-е изданіе М. 1868.—Переводъ: Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmassen des Originals, dem Russ. nachgebildet. Von H. Noé. München. 1861.

Некрол. Рус. Вѣстникъ т. 106 (1873, № 8), 836—837 стр. Journal de St.-Pétersb. 1873, № 199, фельетонъ.—Рус. Старина т. VIII, (1873, № 8), Прилож. стр. IV, Н. Никитенко. Всем. Иллюстрація, т. X, (1873, № 244), стр. 153, портретъ и некрологъ стр. 155. Обширная статья о немъ его зятя И. С. Аксакова въ Р. Архивѣ 1874, № X-й, съ гравированнымъ портретомъ.

Филаретъ (Ѳома Ѳедоровичъ Малишевскій), епископъ. Сынъ уніатскаго священника села Ромна, Рогачевскаго у. Р. 1807, учился въ Полоцкой уніатской семинаріи (1822 — 1826) и въ Виленскомъ унив-тѣ, гдѣ въ 1829 получилъ степень магистра филологіи и въ томъ же году рукоположенъ во священника. Затѣмъ онъ былъ въ Полоцкой семинаріи учителемъ Французскаго языка, статистики, Нѣмецкаго языка и въ 1833 возведенъ въ профессоры и перемѣщенъ въ Литовскую семинарію на каѳедру церковной исторіи, обрядовъ восточной церкви и проч. Съ 1837 онъ былъ инспекторомъ семинаріи и занялъ каѳедру библейской исторіи и нравственнаго богословія, съ 1840 г. ректоромъ и, сдѣлавшись вдовцомъ, принялъ монашество и нареченъ архимандритомъ. Въ 1849 г., оставаясь ректоромъ, назначенъ настоятелемъ святотроицкаго Виленскаго монастыря, членомъ консисторіи и благочиннымъ монастырей Виленской и Ковенской губерній. 1851 г. Мая 28 рукоположенъ, въ епископа Ковенскаго, викарія Литовской епархіи; въ 1860 Сент. 13 перемѣщенъ епископомъ Уфимскимъ и Мензелинскимъ, а 28 Фев. 1869 г. на каѳедру Нижегородскую. Ум. 7 Фев. 1873. (См. Всеобщій Календарь 1874, стр. 592).

Чайковскій, Антонъ Павловичъ, бывшій профессоръ Спб. университета, въ которомъ читалъ въ 1847—1851 г. о ипотекѣ, нотаріатѣ и коммерціи по Польскимъ законамъ. Ум. 31 Янв. 1873.

— О земскомъ кредитномъ обществѣ Царства Польскаго. Спб. 1856.

Ѳедченко Алексѣй Павловичъ, естествоиспытатель. Сибирскій уроженецъ. Род. въ 1844; окончивъ въ 1864 г. курсъ въ Моск. унив-тѣ, въ которомъ потомъ былъ нѣсколько лѣтъ субъ-инспекторомъ, онъ занимался зоологіею и въ 1868 г. отправился въ Туркестанъ, гдѣ былъ снова въ 1870 г.; потомъ ѣздилъ въ Коканъ и вывезъ обширныя коллекціи и свѣдѣнія о топографіи и природѣ этихъ странъ. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Моск. общества любит. ест. и устроилъ Туркестанскій отдѣлъ Моск. политехнической выставки. Начавъ уже печатать свой огромный трудъ: Путешествіе въ Туркестанъ, онъ осенью въ 1872 г. отправился за границу, а въ слѣдующемъ году осенью находился въ Швейцаріи, гдѣ погибъ въ горахъ при восшествіи на Монбланъ, 14 Сент., близъ Шамуни.

— О самосадочной соли и соляныхъ озерахъ Каспійскаго и Азовскаго бассейновъ. М. 1850. 4°. Съ картами.

— Описаніе его путешествія началось печатаніемъ въ 1872 г. и обрабатывается по частямъ для изданія членами Моск. общества любителей естествовѣденія.

Извѣстія о его кончинѣ въ газетахъ, Моск. Вѣдом. № 245; Голосъ № 254 и 262 (письмо вдовы его).

Некрологъ (краткая біографія) во Всем. Иллюстраціи, т. X, (1873, № 253).

ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Русская археографія сдѣлала значительное пріобрѣтеніе въ двухъ большихъ томахъ, изданныхъ Императорскою Академіею Наукъ подъ заглавіемъ: Liste alphabétique de Portaits Russes, par A. Wassiltchikoff. (Азбучный перечень Русскихъ портретовъ. Составилъ А. Васильчиковъ). Въ обоихъ томахъ 1039 страницъ.

Почтенный трудъ этотъ принадлежитъ А. А. Васильчикову, автору книги „Семейство Разумовскихъ“ и отличному знатоку Русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ. Привѣтствуемъ его на этомъ новомъ поприщѣ: извѣстно, что для живаго знакомства съ дѣятелями отечественной старины портреты часто даютъ болѣе, чѣмъ кропотливыя біографическія изысканія. При распространяющемся у насъ знакомствѣ съ недавнею стариною, новая книга Васильчикова можетъ служить отличнымъ пособіемъ для собирателей портретовъ. Къ сожалѣнію, она издана на Французскомъ языкѣ.

Чтобы нѣсколько познакомить съ этою книгою Русскихъ читателей, приводимъ въ переводѣ нѣсколько мѣстъ изъ того, что̀ авторъ говоритъ въ предисловіи.

*

Трудъ, предлагаемый нами публикѣ, есть плодъ слишкомъ десятилѣтнихъ изысканій. Для составленія его мы пользовались:

1) Коллекціею Русскихъ портретовъ Парижской Императорской Библіотеки, которая въ то время не была еще приведена въ тотъ общій азбучный порядокъ въ которомъ она находится теперь, безъ различія національностей въ картинахъ и портретахъ.

2) Коллекціею Ф. Ф. Вигеля, хранящейся въ библіотекѣ Московскаго Университета.

3) Библіотекою Императорскаго Петербургскаго Эрмитажа.

4) Императорской Публичной Библіотекою, гдѣ нахо̀дятся богатыя коллекціи гг. Стелина, Погодина, Коробанова, князя Лобанова и др.

5) Коллекціею г. Геннади, хранившеюся въ Чертковской Библіотекѣ и наконецъ

6) своею коллекціею, собираемою нами въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ. Многое заимствовано нами изъ прекрасныхъ трудовъ покойнаго князя Александра Лобанова-Ростовскаго, столь извѣстнаго иностранцамъ по своимъ изысканіямъ о Французской королевѣ Аннѣ Ярославовнѣ и о Маріи Стюартъ. Князь Лобановъ былъ однимъ изъ первыхъ серьезно занявшихся Русскими портретами. Онъ пожертвовалъ въ Императорскую Публичную Библіотеку свою замѣчательную коллегію портретовъ Петра Великаго вмѣстѣ съ записками, къ нимъ относящимися, плодомъ продолжительныхъ изысканій. Эти портреты вошли въ составъ богатой коллекціи другихъ портретовъ Петра Великаго, которая постепенно пополнялась, начиная съ 1848 года.

Наконецъ мы дѣлали справки въ подлинномъ каталогѣ покойнаго князя Александра Лобанова, хранящемся и понынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ со всѣми прибавленіями и изысканіями г. Стасова. Затѣмъ мы много заимствовали, по части портретовъ Петра Великаго, изъ ученаго труда г. Пекарскаго. Наконецъ, уже по окончаніи нашего труда, вышла въ свѣтъ книга г. Ровинскаго, изъ которой мы извлекли все, что̀ было новаго.

Такимъ образомъ получилась возможность описать 2431 эстампъ.

Въ нашемъ каталогѣ можно найти всѣ извѣстные намъ портреты Русскихъ замѣчательныхъ людей съ Петра Великаго включительно до восшествія на престолъ императора Александра I, распредѣленные въ азбучномъ порядкѣ. Къ портретамъ мы присоединили краткія историческія описанія и нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, вошедшихъ въ каталогъ. Но тутъ напрасно стали бы искать портретовъ тѣхъ лицъ, которыя прославились послѣ 1801 года. Поэтому-то мы и не даемъ описанія портретовъ ни фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, ни Багратіона и др. Напротивъ того, у насъ описаны портреты графа Ростопчина, игравшаго столь важную роль при Павлѣ Петровичѣ, хотя и извѣстнаго иностранцамъ преимущественно по Московскому пожару. Императоръ Александръ I и супруга его императрица Елисавета помѣщены у насъ еще какъ великій князь и великая княгиня.

Въ нашемъ трудѣ мы строго ограничивались одними гравированными портретами.

Конечно, книга наша далеко не полна; въ ней, вѣроятно, найдется немало пропусковъ, быть можетъ даже и ошибокъ; но мы просимъ не забывать, что это есть первый въ Россіи подобный трудъ, да и наконецъ, это—не болѣе какъ опытъ.

Мы давно уже посвятили себя изученію нашей исторіи XVIII вѣка. Познакомившись съ дѣяніями и характерами главнѣйшихъ личностей, мы пожелали ознакомиться и съ ихъ внѣшнимъ обликомъ. Намъ удалось собрать болѣе 1500 эстамповъ. Сперва идя ощупью, мы руководствовались въ этомъ дѣлѣ лишь книгою Наглера, которая далеко неполна и часто невѣрна въ описаніи портретовъ Русскихъ людей; и только познакомившись съ различными коллекціями, мы могли составить себѣ идею о портретахъ существующихъ и о тѣхъ, которыхъ не доставало для нашей коллекціи. Въ этихъ изысканіяхъ получился навыкъ распознавать портреты рѣдкіе. Изучивши разъ массу портретовъ, мы были поражены той неряшливостью, съ которой въ наше время воспроизводятся гравюры и портреты нашихъ знаменитостей. Это-то и привело насъ къ изысканію подлинности изображеній.

Относительно портретовъ Петра Великаго, мы исключительно руководствовались трудами покойнаго князя Александра Лобанова; что̀ же касается другихъ, то изслѣдованія наши до послѣднихъ двухъ лѣтъ были, если можно такъ выразиться, болѣе умозрительныя. Проведя большую часть нашей жизни за границей и начавши настоящій трудъ въ Римѣ, продолжая его въ Баденѣ и кончая въ подмосковной деревнѣ, мы затруднялись дѣлать изысканія оригиналовъ гравюръ, находящихся большею частію въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойному Леониду Никитичу Панину, скромному и неутомимому секретарю Московскаго общества любителей художествъ пришла мысль организовать въ Москвѣ выставку историческихъ портретовъ. Не смотря на всѣ трудности и недостаточность средствъ общества, ему удалось собрать 200 портретовъ, между которыми было много чрезвычайно любопытныхъ въ историческомъ отно-

шеніи. За тѣмъ князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ, А. А. Половцевъ, Д. В. Григоровичъ, князь Паскевичъ и графъ Павелъ Строгановъ устроили въ Петербургѣ выставку по примѣру Московской, но въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ. По приглашенію ихъ, отыскивая и приводя въ порядокъ эти портреты, мы нашли большую часть оригиналовъ, до-толѣ извѣстныхъ лишь по гравюрамъ. Но одно обстоятельство насъ сильно поразило: мы не находили въ этой коллекціи многихъ оригиналовъ извѣстныхъ и прекрасныхъ гравюръ, и наоборотъ — попадалось множество великолѣпныхъ портретовъ, гравюръ которыхъ нѣтъ нигдѣ. Вообще до нашего времени всѣ старинные портреты и, къ сожалѣнію, тѣ немногіе историческіе памятники, которые мы имѣемъ, находятся въ непозволительно-жалкомъ состояніи. Сколько разъ случалось намъ встрѣчать въ семействахъ портреты, сравнительно не очень древніе, но о которыхъ намъ не могли ничего сказать; нужно было выводить множество заключеній и предположеній, чтобы объяснить, кого изъ предковъ они изображали.

Мы отмѣчали вездѣ, гдѣ могли, мѣстонахожденіе извѣстныхъ намъ оригиналовъ, также какъ и номера тѣхъ, которые были на выставкѣ въ Петербургѣ. Каждый портретъ нашего каталога сопровожденъ краткимъ біографическимъ очеркомъ.

Мы повторяемъ, что трудъ нашъ далеко не безукоризненъ: одна изъ нашихъ богатѣйшихъ коллекцій, а именно г. Ровинскаго, по случайнымъ обстоятельствамъ, намъ до сихъ поръ неизвѣстна. А потому всякая поправка, всякое дополненіе со стороны знатоковъ и любителей, будутъ нами приняты съ живѣйшей благодарностію. Мы надѣемся со временемъ дополнить нашъ каталогъ, и тогда укажемъ всѣ опечатки, всѣ добавленія и всѣ вновь отысканные нами Русскіе гравированные портреты.

(Іюнь 1870).

А. В. ГОРСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Письмо къ издателю Русскаго Архива.

Въ письмѣ вашемъ ко мнѣ по случаю кончины о. ректора Московской духовной академіи А. В. Горскаго, вы, желая почтить память этого подвижника нравственности и просвѣщенія, выразили желаніе получить отъ меня біографическія о немъ извѣстія для помѣщенія въ Русскомъ Архивѣ.

Кончина его уже вызвала немало некрологическихъ о немъ воспоминаній. Въ Москов. Вѣдом. помѣщенъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ его памяти, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія какъ объ ученой и воспитательной дѣятельности, такъ и о нравственномъ характерѣ почившаго. Послѣ этого мнѣ оставалось бы только написать его полную біографію; но она, какъ справедливо замѣчено въ одной изъ упомянутыхъ статей *), должна послужить предметомъ особаго изслѣдованія, которое потребовало бы немалаго времени. Притомъ же для такого труда нужно стоять ближе къ Академіи и имѣть непосредственный доступъ къ ея бумагамъ. Со всѣмъ тѣмъ, исполняя ваше желаніе, я рѣшаюсь набросать здѣсь краткій очеркъ жизни А. В. Горскаго, на сколько мнѣ позволятъ это и скудость имѣющихъ у меня матеріаловъ, и непродолжительность личнаго моего знаства съ покойнымъ. Пусть настоящія строки послужатъ хотя слабымъ выраженіемъ благоговѣйнаго уваженія моего къ его памяти.

Александръ Васильевичъ Горскій родился въ Костромѣ, 16 Авг. 1812 г. Отецъ его, Василій Сергѣевичь, получившій образованіе въ Троицѣ-лаврской семинаріи и кончившій жизнь въ санѣ протоіерея Костромскаго каѳедральнаго собора, былъ тогда учителемъ риторики въ Костромской семинаріи. Молодой Горскій первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ своего достойнаго родителя и на 12-мъ году возраста поступилъ въ число воспитанниковъ мѣстной семинаріи. Богатство его дарованій и прилежаніе обратили на него вниманіе ревизовавшаго въ 1828 г. это учрежденіе баккалавра Моск. дух. академіи Аѳанасія, который тогда же назначилъ его къ поступленію въ студенты этой академіи, не смотря на то, что онъ кончилъ только курсъ философіи и что ему было не болѣе 16 лѣтъ отъ роду: возрастъ безпримѣрно ранній для поступленія въ духовныя академіи.

При вступленіи въ академію Горскій уже обладалъ достаточнымъ знаніемъ Латинскаго и Греческаго языковъ. Въ теченіе пребыванія своего въ этомъ заведеніи онъ усовершенствовался въ обоихъ, что открыло ему сво-

---

*) Статья г. Смирнова въ № 265-й М. Вѣдом. 1875 года.

бодный доступъ къ изученію въ подлинникѣ отцевъ церкви. Счастливая память и богатство природныхъ дарованій облегчали ему ходъ образованія. Въ 1832 году онъ окончилъ курсъ академіи третьимъ студентомъ и выпущенъ магистромъ, съ назначеніемъ преподавателемъ церковной исторіи въ Московскую духовную семинарію, гдѣ вскорѣ были возложены на него и обязанности библіотекаря. Это естественно облегчило ему знакомство съ книгами, которое потомъ онъ употребилъ чрезвычайно плодотворно, особенно исполняя въ послѣдствіи должность библіотекаря академіи, куда послѣ годичной службы въ семинаріи онъ былъ переведенъ въ качествѣ баккалавра по классу церковной исторіи. Въ званіе ординарнаго профессора Горскій возведенъ въ 1839 году.

Историческимъ наукамъ тогда отведено было не очень видное мѣсто, и нельзя сказать, чтобы онѣ процвѣтали въ академіи. Горскій предался своему предмету съ пылкостію юноши и съ выдержкою мужа. Въ любви своей къ ученымъ трудамъ онъ нашелъ энергическаго товарища въ лицѣ баккалавра академіи Филарета Гумилевскаго *), который былъ старше его только однимъ курсомъ. Оба одаренные самыми счастливыми дарованіями, проникнутые искреннимъ благочестіемъ и приверженностію къ православной церкви, одушевленные горячею любовію къ наукѣ, они скоро сблизились, и между ними основалась самая тѣсная дружба. Они начали знакомиться съ рукописями академіи и лавры и выписывать изъ за границы замѣчательнѣйшія произведенія западной науки.

Вскорѣ, и именно въ Декабрѣ 1835 года, Филаретъ былъ назначенъ ректоромъ академіи. Это предоставило друзьямъ болѣе средствъ къ ихъ ученымъ трудамъ и дало возможность свободнѣе работать на пользу науки. Библіотека академіи стала обогащаться многими изданіями, въ которыхъ прежде чувствовался недостатокъ. Въ замѣткахъ студентовъ, носившихъ дотолѣ почти исключительно философско-теологическій характеръ, сдѣлалось замѣтнымъ направленіе историческое. Въ это время, подъ руководствомъ этихъ наставниковъ, изданы академіею замѣчательныя сочиненія: Мухина—„О праздникахъ богородичныхъ“, и Руднева—„О ересяхъ и расколахъ въ Россіи“.

Въ 1842 г. Горскій былъ назначенъ библіотекаремъ академіи, — должность, въ которой онъ оставался двадцать лѣтъ. Ознакомясь съ занятіями библіотекаря еще во время служенія своего въ Моск. семинаріи, онъ теперь получилъ возможность еще болѣе обогатить свои библіографическія познанія. Разбирая сокровища академическаго книгохранилища, онъ стоялъ, такъ сказать, у источника вѣдѣнія: могъ ли онъ не удовлетворять жажды своего любознательнаго ума? И дѣйствительно, онъ черпалъ изъ него полными руками. Громадное число книгъ и рукописей сохраняютъ въ себѣ свидѣтельства знакомства его съ ними, въ видѣ собственноручныхъ его замѣтокъ карандашемъ, обличающихъ многосторонность его ума и знаній. Библіотекарскія занятія имѣли для него такимъ образомъ огромное значеніе; они имѣли его и для академіи: онъ выписывалъ много новыхъ сочиненій, въ которыхъ нуждалась библіотека. Снабжая источниками и разными книгами наставниковъ и студентовъ, онъ обыкновенно указывалъ при этомъ что̀ въ какомъ изданіи можно было отыскать для изслѣдованія и разработки даннаго вопроса. Такъ обширно было его знакомство съ литературою и такъ богата была его память!

---

*) Извѣстный впослѣдствіи епископъ Рижскій; сконч. въ санѣ архіепископа Черниговскаго.

Во всю свою жизнь Александръ Васильевичъ былъ глубоко и искренно преданъ церкви и свято хранилъ ея установленія. Въ юности своей онъ даже выражалъ желаніе поступить въ монахи, но былъ удержанъ отъ того своею матерью. Впрочемъ онъ всегда питалъ уваженіе къ иночеству. Его неподдѣльныя чувства къ досточтимому отцу-намѣстнику лавры доказываютъ, какъ уважалъ онъ подвижничество духовное; онъ называлъ его неиначе, какъ „аввою", въ смыслѣ первобытныхъ Египетскихъ пустынниковъ. Хотя Горскій не носилъ иноческой мантіи, но образъ жизни велъ монашескій. Мясной пищи не употреблялъ съ давняго времени и имѣлъ не болѣе одного стола въ день. Всѣ посты соблюдалъ строго, а въ великій вкушалъ рыбу только въ дни, разрѣшаемые уставомъ церкви. На страстной недѣлѣ хаживалъ въ Троицкій лаврскій соборъ и выстаивалъ тамъ всѣ службы, продолжающіяся не рѣдко по 12 часовъ въ сутки. Въ свѣтлое воскресенье всегда пріобщался Св. Таинъ, хотя говѣлъ обыкновенно и на первой недѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое глубокое и искренное благочестіе сохранило его во всей чистотѣ православія, не смотря на обширное знакомство его съ сочиненіями всякихъ отрицательныхъ направленій, столь опасныхъ для людей неутвержденныхъ въ вѣрѣ. Горскій до конца пребылъ вѣрнымъ своей церкви. При такомъ направленіи неудивительно, что онъ ощутилъ потребность ближайшаго отношенія къ алтарю и въ 1860 году былъ рукоположенъ въ священника. Это былъ едва ли не первый примѣръ у насъ неженатаго священника. Каноны церкви, правда, не требуютъ безусловнаго вступленія въ бракъ предъ принятіемъ священнослужительскаго сана; но практика нашей Русской церкви ввела это въ постоянный обычай, почти равняющійся непремѣнному целибату, установленному въ церкви Латинской. Рукоположеніе Александра Васильевича было такъ ново, что породило тогда много толковъ даже въ нашихъ салонахъ, обыкновенно крайне-безразлично относившихся къ церковнымъ событіямъ. По общему у насъ невѣдѣнію каноновъ встрѣчались даже сомнѣнія въ правильности его рукоположенія; иные смѣшивали целибатъ съ монашествомъ и спрашивали, почему онъ не носитъ клобука....

Устраняя этотъ вопросъ свѣтскаго невѣжества, можно было дѣйствительно спросить, зачѣмъ не надѣлъ онъ клобука, который открывалъ ему путь къ высшимъ іерархическимъ степенямъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слова его некролога: онъ не принялъ иночества, потому что оно должно было „отвлечь его отъ ученыхъ занятій, которымъ онъ желалъ посвятить всю свою жизнь, — удалить его отъ любимой имъ лавры и академіи и заставить заниматься дѣлами, преимущественно уже не книжными, то въ той, то въ другой эпархіи" *). Кто не узнаетъ въ этомъ истиннаго подвижника науки?

Въ 1860 г. Горскій опредѣленъ ректоромъ Московской духовной академіи. Митрополитъ Филаретъ цѣнилъ и уважалъ Горскаго; но, придерживаясь вѣковой практики, по которой ректорами назначались обыкновенно монахи, онъ не сразу рѣшился назначить его въ эту должность, какъ принадлежащаго къ бѣлому духовенству. Благоразумное мнѣніе духовника митрополита, архимандрита Антонія, что Горскій, какъ протоіерей, не повышаясь въ санѣ и оставаясь постоянно ректоромъ, принесетъ болѣе пользы академіи, было уважено владыкою.

*) Моск. Вѣд. № 265.

Вмѣстѣ съ своимъ назначеніемъ Александръ Вас-чъ принялъ на себя преподаваніе догматическаго богословія и оставилъ каѳедру церковной исторіи, занимаемую имъ въ теченіи 30 лѣтъ.

Учено-трудовая дѣятельность его была изумительна; онъ не зналъ ни отдыха, ни развлеченій, и жизнь свою всецѣло посвящалъ занятіямъ. Греческую церковную литературу онъ изучилъ до малѣйшей подробности. Новѣйшія сочиненія по всѣмъ наукамъ, хотя бы только косвенно относящимся къ церковной исторіи и богословію, были ему хорошо знакомы. „Онъ былъ живою энциклопедіею всѣхъ знаній, съ которою могъ справляться и наставникъ, и студентъ", какъ справедливо сказалъ мнѣ одинъ изъ его друзей и почитателей.

Перечень его напечатанныхъ трудовъ помѣщенъ въ № 265 Моск. Вѣд. Я не переписываю его. Скажу только, что послѣ него много сочиненій осталось въ рукописяхъ, и еще болѣе начатыхъ и, къ сожалѣнію, не оконченныхъ. Должно также сказать, что хотя въ послѣднемъ томѣ Описанія рукописей синодальной библіотеки и не выставлено имени Александра Вас-ча, но онъ составленъ при такомъ же его участіи, какъ и первые, и едва ли онъ еще не болѣе трудился надъ этимъ отдѣломъ описанія богослужебныхъ книгъ, которыя онъ изучилъ спеціально.

Я лично познакомился съ нимъ въ Январѣ 1872 года, когда переѣхалъ на жительство въ Сергіевъ Посадъ. Меня поразила его святолѣпная наружность. Благородныя и выразительныя черты лица, окаймленныя бѣлоснѣжною бородою, напоминали мужей первобытной церкви, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ классическсой школы. Изъ подъ густыхъ бровей его искрились задумчивые, полные любви и кротости, глаза. Онъ былъ тогда бодръ и крѣпокъ, и здоровье его обѣщало еще долгую жизнь. Александръ Вас-чъ принялъ меня благосклонно; съ той поры мы видались довольно часто. Чѣмъ ближе я узнавалъ его, тѣмъ болѣе цѣнилъ и тѣмъ сердечнѣе къ нему привязывался. Его назидательная бесѣда поучала меня, и сколь ни громадны были его знанія, онъ не подавлялъ меня ими, потому что рѣчь его растворялась необычайною скромностію и ставила собесѣдника въ уровень съ собою. Горячо преданный наукѣ, онъ отдавалъ ей все свое время. Кромѣ обязательнаго по своей каѳедрѣ чтенія догматики, онъ еще добровольно читывалъ студентамъ исторію восточной церкви со времени взятія Турками Константинополя. Лекціи его по этому предмету были тѣмъ болѣе интересны, что представляли трудъ, вполнѣ самостоятельный, такъ какъ оффиціальное преподаваніе не доходило до этой эпохи по недостатку руководствъ и по неразработанности самаго предмета. Это былъ дорогой вкладъ въ сокровищницу церковно-историческихъ знаній. Остается желать, чтобы труды его по этой части сохранились и сдѣлались со временемъ извѣстными.

Главную черту нравственнаго характера почившаго составляла любовь, полная, всеобъемлющая, христіанская любовь, соединенная съ кротостію и смиреніемъ. Кто по этому признаку не узнаетъ истиннаго ученика Христова? Только этотъ одинъ признакъ и завѣщалъ Своимъ послѣдователямъ Самъ Законоположникъ вѣры нашей: „о семъ разумѣютъ вси яко Мои ученицы есте", и единственное наставленіе, оставленное Имъ въ строгомъ смыслѣ *ученія*, заключается въ словахъ: „*научитесь* отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ". Обѣ эти черты существенно характеризовали покойнаго.

Обычная жизнь Александра Вас-ча текла своимъ порядкомъ. Онъ пользовался полнымъ здоровьемъ, и лѣтомъ 1872 года даже посѣтилъ меня въ деревнѣ, въ 17 верстахъ отъ посада. Но осенью того же года, съ нимъ

повторился (какъ пишетъ г. Смирновъ въ № 265 М. В.) бывшій 18 л. тому назадъ „припадокъ сердцебіенія въ довольно сильной степени, а 21 Дек. прошлаго года, при новомъ повтореніи припадка, оказалось, что болѣзнь неизлѣчима“ *). Причину этихъ припадковъ одинъ изъ некрологистовъ Горскаго видитъ въ любви къ академіи. „Можетъ быть, горячность этой любви, — говоритъ онъ въ № 261 М. В., — чрезмѣрность ея безпокойствъ, заботъ и огорченій и подорвали крѣпкія отъ природы силы Александра Вас-ча. Неустройство переформированной жизни академіи, нѣкоторыя настроенія въ ея коллегіи, неправильности въ свѣтскихъ выборахъ, все это слишкомъ тяжело ложилось на душу покойнаго, неумѣвшую холодно относиться къ ненормальностямъ дорогаго его сердцу учрежденія....“

Вечеромъ 11 Окт. онъ почилъ свято, какъ свято жилъ, напутствованный спасительными таинствами церкви. Я не буду говорить, какъ тяжело отозвалась въ сердцѣ вѣсть о его кончинѣ. На домашнихъ панихидахъ священнослужители едва могли произносить возгласы: рыданія заглушали ихъ. Въ день похоронъ пространная трапезная церковь лавры была переполнена его почитателями. Отпѣваніе совершилъ преосв. Леонидъ, епископъ Дмитровскій въ сослуженіи многочисленнаго столичнаго, академическаго и лаврскаго духовенства. И наставники, и студенты горячо оплакивали своего ректора. Я не видалъ сухихъ глазъ.

Гр. Дмитрій Н. Толстой.

30 Октября 1875.
Сергіевъ Посадъ.

P. S. Въ 9-й день по кончинѣ поминовеніе совершалъ преосв. Алексій, архіеп. Рязанскій, пріѣхавшій нарочно почтить своего сослуживца **).

---

*) Г. Смирновъ говоритъ, что это случилось лѣтомъ. Память въ этомъ случаѣ измѣнила ему: повтореніе припадка послѣ 18 лѣтняго перерыва произошло именно осенью.

**) Преосвященный Алексѣй былъ ректоромъ академіи, когда А. В. Горскій былъ ординарнымъ профессоромъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЬ МЕНШИКОВЪ.

VI.

1710 годъ *)

Прошло слишкомъ пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Меншиковъ выѣхалъ изъ Петербурга. Петровскій парадизъ выросталъ изъ болотъ Финскихъ не по днямъ, а по часамъ. Могучею волею великаго человѣка тысячи людей собирались со всѣхъ концовъ Россіи рубить городовое строеніе. Крестьяне дворцовые, архіерейскіе, монастырскіе и помѣщичьи пригонялись изо всѣхъ губерній въ новорожденный городъ для построекъ и другихъ работъ. Много слегло ихъ отъ болѣзней, порожденныхъ мѣстнымъ климатомъ, много и отъ скудной пищи и дурнаго содержанія въ мазанкахъ и шалашахъ. Народъ роптадъ, и Петру пришлось узнать объ этомъ отъ своего шута, знаменитаго Ивана Балакирева. Петръ спросилъ его что̀ говоритъ народъ о Петербургѣ.—„Царь Государь, отвѣчалъ шутъ, народъ говоритъ: съ одной стороны море, съ другой горе, съ третьей мохъ, а съ четвертой охъ!“ За эту прибаутку шутъ поплатился спиною, по которой прогулялась знаменитая дубинка.

Выстроился и домъ князя Александра Даниловича на Васильевскомъ острову, въ которомъ Петръ, за недостаткомъ помѣщенія въ своемъ дворцѣ, устроивалъ всѣ торжественныя празднества. Значительно измѣнилось и общественное положеніе Меншикова со времени послѣдняго его пребыванія въ Петербургѣ. Съ пожалованіемъ Меншикову въ теченіи этого періода всего Петербургскаго края, Малороссійскихъ Мазепинскихъ имѣній, Польскихъ староствъ, онъ сдѣлался первымъ богачомъ въ Россіи, а дружескія отношенія съ Петромъ и Екатериною закрѣпились твердо заслугами фельдмаршала. Никто къ царю не былъ ближе Меншикова. Возвращеніе князя въ Петербургъ Петръ праздновалъ торжественно. На встрѣчу къ Красному Кабачку выѣхали всѣ ближніе люди, и сверхъ того посланники Польскій и Датскій. Самъ Петръ встрѣтилъ сотоварища понесенныхъ трудовъ передъ городомъ. Во время въѣзда князя въ Петербургъ съ обѣихъ крѣпостей (Петропавловской и Адмиралтейской) производилась пальба изо всѣхъ пушекъ. Какая великая разница между губернаторомъ-Меншиковымъ, выѣхавшимъ тому назадъ пять лѣтъ изъ Петербурга и фельдмаршаломъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, возвратившимся теперь въ Петровскій парадизъ. Сколько замѣчательныхъ, важныхъ событій совершилось передъ его глазами, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе! Все что̀ онъ видѣлъ, что̀ онъ и другіе сдѣлали въ это

---

*) См. выше стр. 198.

время, все чтò происходило съ нимъ и съ Петромъ, въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, все это дало необыкновенное развитіе его необыкновеннымъ способностямъ, и изъ денщика, изготовлявшаго знамена для Семеновскаго полка, вышелъ фельдмаршалъ, дипломатъ, администраторъ—полный государственный человѣкъ. Въ глазахъ Петра всѣ заслуги Меншикова въ „домашнемъ обиходѣ" были на второмъ планѣ; на первомъ были государственныя, и Петръ оцѣнялъ ихъ искренно, честно и возвышалъ князя не какъ любимца, а какъ одного изъ самыхъ вѣрныхъ, знающихъ, дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ на славу Россіи.

Въ крутой ломкѣ стариннаго быта, старыхъ порядковъ государственнаго хозяйства и администраціи, изо всѣхъ „птенцевъ" Петра Великаго всѣхъ ближе и яснѣе видѣлъ подробности дѣла Меншиковъ: онъ съ первыхъ дней отдался направленію Петровскому, сроднился съ нимъ и постепенно развивался подъ геніальнымъ преобразовательнымъ вліяніемъ царя..... Всѣ прочіе Русскіе люди, ближніе царя, тянулись за Петромъ, но принадлежали къ XVII столѣтію. Они отрекались отъ преданій своего вѣка, иные изъ преданности, иные изъ страха, иные безотчетно, увлекаемые силою и духомъ времени; а Меншиковъ не имѣлъ никакой связи съ стариною: онъ попалъ къ царю съ улицы. Онъ найденышъ Петра, оживленный и воспитанный имъ. Неминуемо, всѣ пороки и недостатки Петра Великаго стали присущи и Меншикову. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же и о нѣкоторыхъ высоко-нравственныхъ качествахъ принадлежавшихъ Петру, а именно: высокой любви къ Отечеству, простоты въ обращеніи, вѣрности въ дружбѣ; этихъ качествъ Меншиковъ не перенялъ у своего учителя и друга, и отсутствіе ихъ погубило его. Богатство, пріобрѣтенное княземъ Меншиковымъ такъ скоро, такъ легко и доведенное потомъ до огромныхъ размѣровъ пожалованіями въ Шведскую кампанію, развило въ немъ жажду къ пріобрѣтенію, хотя бы противузаконными путями; а быстрое возвышеніе изъ ничтожества и обаяніе власти породили гордость и тщеславіе. Петръ замѣчалъ эти недостатки въ своемъ любимцѣ и строго относился къ нимъ, а когда Меншиковъ забывался, то давалъ ему почувствовать, что онъ такой же какъ и всѣ, его подданный. „Не забывай, говаривалъ ему Петръ, кто ты былъ, и изъ чего сдѣлалъ я тебя тѣмъ, каковъ ты теперь" (Дѣянія Петра В. Голикова, IV, 459). Но подобные упреки испорченнаго человѣка не останавливаютъ, а только оскорбляютъ, напоминая то, чтò онъ желалъ бы скрыть отъ другихъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Меншиковъ поставилъ свой домашній бытъ на широкую ногу. У князя свои карлы, парикмахеръ, камердинеръ-Французъ, мундшенкъ, берейторъ, трубачи, гобоисты, бандуристы, шталмейстеръ, кучера, сѣдельники, конюхи, ковали, слесари, кухмейстеры, часовникъ, садовой мастеръ, огородники: всѣ изъ иностранцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ плѣнные взятые подъ Полтавою; они по тому времени получали значительное жалованье; напримѣръ, шталмейстеръ Крестьянъ Росталь, находившійся безотлучно при князѣ, 300 р. въ годъ; кухмейстеръ Юрій Патонъ 200 р.; трубачь Крестьянъ Краморъ 204 р. Другіе получали отъ 50 до 150 р. въ годъ. Изъ Русскихъ были только сапожники и псари; эти получали 30 алтынъ въ мѣсяцъ жалованья. По сохранившимся счетамъ видно, что, съ конца 1709 года по 1711 годъ, князь на свое содержаніе (за исключеніемъ расходовъ на княгиню и сына) израсходовалъ 45123 рубля.

Меншиковъ неотлучно при Петрѣ, то въ Петербургѣ, то въ Петергофѣ, то на Котлинѣ островѣ (См. Военно-походн. журналъ 1710 г.). 22 Августа Петръ, на новопостроенномъ кораблѣ „Выборгъ", отправился въ Крон-

штатъ. 27 числа Меншиковъ прiѣхалъ къ нему съ плѣннымъ генераломъ Левенгауптомъ, и на новомъ кораблѣ веселились. 1-го Сентября на этомъ кораблѣ опять празднество, съ участiемъ знаменитаго князь-папы, канцлера графа Головкина и графа Мусина-Пушкина. 3-го числа тутъ же пиръ до 4 часу ночи, и потомъ переѣхали въ Петербургъ. Между тѣмъ княгиня Дарья Михайловна не на радость прiѣхала въ свои новыя палаты. Она съ сетрою Варварою ухаживала за больнымъ сыномъ. Доктора не помогли, и 25 Сентября рожденный въ походѣ князь Лука-Петръ скончался. За два дня до кончины его Екатерина посылала ему еще свой привѣтъ въ письмѣ къ Дарьѣ Михайловнѣ изъ флота, гдѣ она была съ Петромъ на кораблѣ „Выборгъ“: „Государыня моя матушка княгиня Дарья Михайловна (писала Екатерина), здравiе ваше да сохранитъ Господь купно и съ свѣтлѣйшимъ княземъ моимъ милостивымъ государемъ Александромъ Даниловичемъ и съ маленькимъ княземъ, моимъ дорогимъ сударушкою. О себѣ вашей милости доносимъ: слава Богу, при милости господина шаутъ-бейнахта, въ добромъ здравiи. Просимъ васъ мою государыню, дабы вы изволили насъ увѣдомить о здравiи своемъ; а наипаче желаемъ, дабы вашу милость здѣсь намъ вскорѣ видѣть и купно съ вами веселиться. Въ прочемъ здравiе вашей милости въ сохраненiе Господу предавъ, остаюсь Екатерина. P. S. Прошу васъ мою государыню, дабы отданъ былъ мой поклонъ государынѣ моей Варварѣ Михайловнѣ“ (Архивъ Мин. Иност. Д.).

Но князю некогда было и погоревать—пришлось дѣлить горе съ весельемъ. Получены были извѣстiя о взятiи Ревеля, Кексгольма. Съ 8-го Октября начались банкеты. Первый былъ у князя Меншикова, потомъ у адмирала Апраксина, у князя Черкасскаго, у графа Головкина, у Шафирова, пожалованнаго въ Iюнѣ въ „Россiйскiе бароны“, и послѣднiй банкетъ опять у князя Меншикова гдѣ веселились до 4 ч. утра. Справивши веселiя въ Петербургѣ, Меншиковъ 17 Октября отправился съ Петромъ въ Кексгольмъ; въ компанiи были адмиралъ Апраксинъ и князь-папа. По дорогѣ заѣхали повеселиться къ Апраксину въ его имѣнiе Осиновую Рощу. На другой день при пушечныхъ выстрѣлахъ въѣхали въ Кексгольмъ; встрѣчалъ генералъ Бауръ, которому принадлежала честь взятiя этого города. 22-го Октября на квартирѣ князя Меншикова обѣдъ, а послѣ обѣда, какъ записано въ военно-походномъ журналѣ, „по соизволенiю святѣйшаго князь-папы, ходили вкругъ по городу“. 24-го всѣ возвратились въ Петербургъ.—Здѣсь шли уже приготовленiя въ домѣ князя къ свадьбѣ царевны Анны Ивановны съ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Курляндскимъ. Предварительный брачный договоръ былъ подписанъ еще 10-го Iюня 1710 г. съ одной стороны княземъ Меншиковымъ, съ другой стороны оберъ-маршаломъ герцога фонъ-Ренне и совѣтникомъ Лау. Любопытенъ титулъ Меншикова выписанный въ этомъ договорѣ: „Римскаго и Россiйскаго государствъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, герцогъ Ижорскiй, наслѣдный господинъ Оранiенбурга и иныхъ, его царскаго величества первый дѣйствительный тайный совѣтникъ, командующiй генералъ-фельдмаршалъ войскъ и генералъ-губернаторъ Санктпетербурга и многихъ провинцiй его императорскаго величества, кавалеръ св. ордена Андрея и Слона и Бѣлаго и Чернаго Орла“ (П. С. Зак., т. IV. 2272). Въ тоже время въ оффицiальныхъ Русскихъ бумагахъ титулъ князя писался слѣдующiй: „Римскаго и Россiйскаго государствъ князь Ижорскiя земли, генералъ-губернаторъ надъ провинцiями Ингрiею и Эстляндiею, его царскаго величества государственныхъ тайныхъ дѣлъ министръ и генералъ-фельдмаршалъ, кавалеръ и подполковникъ Преображенскаго регименту и

капитанъ компаніи бомбардирской отъ первѣйшей гвардіи его величества и полковникъ надъ двѣмя конными и надъ двѣмя пѣхотными полками". (Архивъ Мин. Ин. Д.).

Герцогъ Курляндскій прибылъ въ Петербургъ еще въ Августѣ. Передъ пріѣздомъ Петръ подарилъ ему 400 конныхъ солдатъ „въ добромъ мундирѣ", а князь Меншиковъ сафиръ въ 50.000 ефимковъ, Турецкую лошадь въ 1000 флориновъ и 50 человѣкъ драбантовъ (Жур. Гизена, у. Туманскаго, VIII, 249, 311). По пріѣздѣ герцога, старушка-царица Прасковья Ѳеодоровна, будущая его теща, угостила его великолѣпнымъ столомъ, а Петръ показывалъ герцогу всѣ свои заведенія въ Петербургѣ, за городомъ, въ Кронштатѣ и на Котлинѣ-островѣ; въ присутствіи герцога заложены городъ и крѣпость Кронштадтъ. За три дня до свадьбы Петръ возилъ жениха и невѣсту со всѣмъ царскимъ семействомъ веселиться въ Шлюссельбургъ (Голиковъ, IV, 488). Вѣроятно Петръ съ Екатериною угощали жениха и въ Царскомъ Селѣ за просто, такъ какъ еще въ Іюнѣ этого года Сарская и Славянская мызы въ Копорскомъ уѣздѣ были пожалованы Петромъ Екатеринѣ. Меншиковъ пишетъ къ коменданту Копорскому Думашеву 24 Іюня 1710 года: „Его царское величество соизволилъ отдать Катеринѣ Алексѣевнѣ въ Копорскомъ уѣздѣ Сарскую и Славянскую мызы съ принадлежащими къ нимъ деревнями, со крестьяны и со всѣми угодьи, и по полученіи сего тѣ мызы со всѣми принадлежащими къ нимъ деревнями и прочимъ ей Катеринѣ Алексѣевнѣ отдайте и изъ окладныхъ книгъ тѣ мызы выпишите; а что́ въ тѣхъ мызахъ въ отдачѣ будетъ дворовъ, и пашни, и лѣсу, и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій, о томъ о всемъ вѣдомость пришлите" (Голиковъ, IV, 493).

Бракъ царевны Анны Ивановны совершился 31 Октября въ домѣ Меншикова; вѣнчалъ новый любимецъ Петра Хутынскій архимандритъ Ѳеодосій, въ полотняной церкви, поставленной въ хоромахъ князя (Военно-Походн. Журн. 1810 г). Голиковъ пишетъ, что бракъ совершенъ митрополитомъ Рязанскимъ въ Троицкомъ Соборѣ (IV, 489).

Послѣ свадьбы царевны, въ домѣ Меншикова снова приготовленія къ другой свадьбѣ. При Петрѣ Великомъ съ давнихъ лѣтъ находился безотлучно карликъ Якимъ Волковъ. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Петра и иногда въ походахъ завѣдывалъ мелочными вещами изъ гардероба. Вѣроятно, въ добрый часъ, онъ могъ также замолвить царю словечко, и „ближніе люди" посылали ему поклоны; такъ Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, въ одномъ письмѣ къ кабинетъ-секретарю Макарову, просилъ отдать поклонъ „славному богатырю Екиму" (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, 7). Въ 1716 году, въ заграничной поѣздкѣ царя, въ Гданскѣ, велѣно сдѣлать Екиму карлѣ платье, какого цвѣта онъ похочетъ, только бы цѣною отъ 20 до 25 рублей. Екиму сдѣлали кафтанъ изъ зеленаго сукна, съ камзоломъ, штанами и съ золотыми петлицами, и все стало 23 р. 30 а. 2 д. Жалованья Якимъ получалъ 30 р. въ годъ. (См. Сборникъ, изданіе братьевъ Востряковыхъ).

Свадьба Якима задумана Петромъ еще въ Августѣ, и онъ предписалъ тогда же князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, управлявшему Москвою, прислать всѣхъ карлъ и карлицъ, находящихся въ Москвѣ у разныхъ лицъ. Оказалось: у царицы Марѳы Матвѣевны карло и двѣ карлицы, у царевны Марьи Алексѣевны карлица; на Преображенскомъ дворѣ у государя 2 карла; у царицы Прасковьи Ѳеодоровны 1; у Шеина 1; у Андрея Апраксина 1; у Алексѣя Петровича Салтыкова 2; у Тихона Никитича Стрѣшнева 3 ч.; у Александра Львовича Нарышкина 2; у князя Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго 1; у Нелединскаго 1; у Ивана Нарышкина два, и одинъ въ Петербургѣ; у Гаврилы Ивановича Головкина 1, а

другой въ Петербургѣ; у князя Петра Долгорукова 2; у князя Михаила Алегуковича Черкасскаго 1; у Андрея Матвѣева 1; у жены князя Данилы Черкасскаго 1; у Василья Меншова-Салтыкова 1; у князя Василья Михаиловича Долгорукова 1; у брата его князя Владиміра 1; у боярыни вдовы Татьяны Аѳанасьевны Шереметевой 2; у вдовы княгини Авдотьи Барятинской 1; у вдовы Марѳы Ивановны Салтыковой 1; Семеновскаго полку солдатской сынъ 1; у Канбора Акинѳіева 1. Всего набралъ князь Ромодановскій 30 карликовъ. Карлицы нашлись сверхъ того въ домахъ Гаврилы Ивановича Головкина одна, у Строганова одна и у Тихона Никитича Стрѣшнева двѣ. Всю эту гурьбу недоростковъ князь Ѳедоръ Юрьевичь отправилъ въ Петербургъ.

Свадьба назначена была 14-го Ноября. На канунѣ, два разряженные карлика ѣздили по городу въ трехъ-колесной корзинкѣ и сзывали гостей. На другой день свадебная процессія отправилась въ крѣпостную церковь; карликъ-маршалъ открывалъ шествіе; за нимъ слѣдовали женихъ съ невѣстою, сопровождаемые царемъ, знатнѣйшими особами новой столицы и всѣми карликами. Петръ, великанъ ростомъ, забавлялся, окруженный толпою этихъ маленькихъ людей; а еще забавнѣе было, когда самъ царь держалъ вѣнецъ надъ невѣстою и, безъ сомнѣнія, при церковномъ обрядѣ ходилъ за нею вокругъ налоя. Изъ церкви все общество отправилось водою въ домъ князя Меншикова, гдѣ карлики угощались на маленькихъ, по ихъ росту, устроенныхъ столикахъ. Къ брачному торжеству приглашены были въ домъ князя иностранные посланники, бывшіе тогда въ Петербургѣ: Австрійскій графъ Вилькесъ, Датскій Габель, Польскій графъ Фицтумъ и многіе Шведскіе плѣнные генералы (Сынъ Отечества 1848, V, 28).

Вскорѣ наступили имянины князя, и опять банкетъ у него въ домѣ. Не въ этотъ ли день Петръ рѣшилъ окончательно объ учрежденіи Александро-Невскаго монастыря? Насъ приводитъ къ этому предположенію слѣдующее предписаніе Меншикова Копорскому коменданту отъ 26 Ноября 1710 г.: „Понеже его царское величество соизволилъ, дабы святаго князя Александра Невскаго, яко патрона сего мѣста, въ городѣ и въ уѣздѣхъ нашей губерніи во всѣхъ церквахъ, на всякихъ молитвахъ, гдѣ обычай такихъ святыхъ поминать, также и на отпускахъ въ вечерни и утренніи и литоргеи поминали, и того ради, какъ въ Копорьѣ, такъ и въ Ямбургѣ велите священникомъ, дабы они по тому указу чинили непремѣнно“. (Архивъ Мин. Ин. Д. Портфели Миллера).

Веселія и свадебныя празднества не мѣшали никому, особенно Петру, заниматься, какъ слѣдуетъ, дѣлами. Крѣпкая, богатырская природа Петра выдерживала, въ это время, всѣ эти страшныя оргіи. Не рѣдко, какъ мы видѣли и въ предшествующихъ разсказахъ, царь страдалъ различными болѣзненными припадками, но онъ не обращалъ вниманія на это и не измѣнялъ образа своей жизни. Натура Меншикова была гораздо слабѣе, и онъ велъ жизнь, особенно по настояніямъ княгини, сколь возможно, при сложившихся придворныхъ обычаяхъ, воздержную.

Но среди празднествъ, неожиданно, 22 Декабря 1710 года, получено извѣстіе, что султанъ объявляетъ войну Россіи. Новая война—новыя хлопоты, новая опасность. Петръ рѣшился идти самъ въ походъ и, встрѣтивъ новый 1711 годъ въ Петербургѣ, 17 Января отправился въ Москву. Меншикову поручено управлять всѣмъ Петербургскимъ краемъ, Курляндіею и Лифляндіею. Парадизъ оставленъ на попеченіе вѣрному другу Данилычу. Екатерина послѣдовала за Петромъ.

(*Продолженіе будетъ*).

О ЛЕФОРТОВСКОМЪ ДВОРЦѢ ВЪ МОСКВѢ.

Въ жизнеописанiи князя А. Д. Меншикова, сочиненiи Г. В. Есипова, помѣщенномъ въ Русскомъ Архивѣ 1875-го года (кн. III, стр. 49-я), между прочимъ, сказано: „Петръ I утѣшилъ своего любимца: подарилъ ему Лефортовъ домъ въ Москвѣ и 2000 руб. на постройки. Меншиковъ сей-же часъ написалъ Шафирову, чтобъ тотъ приказалъ передать управляющему дѣлами князя въ Москвѣ Лефортовъ домъ со всѣми внутренними принадлежностями и украшенiями". А въ примѣчанiи, въ видѣ дополненiя къ сему, сказано, что Лефортовъ домъ былъ въ завѣдыванiи Посольскаго Приказа, которымъ управлялъ Шафировъ. Меншиковъ писалъ къ нему о пожалованiи Лефортова дома, *7-го Января 1707 года*, изъ Жолквы.

Въ I-мъ томѣ Исторiи Петра Великаго, Устряловъ удостовѣряетъ, что домъ Лефорта былъ построенъ ему Петромъ въ Нѣмецкой слободѣ. Въ этомъ домѣ жилъ первый адмиралъ Россiйскаго флота Лефортъ; въ немъ онъ и умеръ въ 1699 году. Петръ присутствовалъ на похоронахъ своего любимца и наставника.

Г-нъ Забѣлинъ въ книгѣ: „Домашнiй бытъ Россiйскихъ царей" (ч. I, на стр. 93 и 94-й), упоминая, о Лефортовскомъ дворцѣ, говоритъ, что тутъ въ XVIII столѣтiи имѣлъ пребыванiе императорскiй дворъ во время высочайшихъ присутствiй въ Москвѣ.

Между тѣмъ изъ подворной описи Нѣмецкой слободы, которая состояла въ вѣдѣнiи Военной Канцелярiи, за 1707 годъ, видно, что домъ адмирала Лефорта принадлежалъ его вдовѣ Еленѣ Францевнѣ, жившей въ Епифанскомъ уѣздѣ „въ вотчинѣ племянника ея бригадира Петра Лефорта" и что „въ домѣ семъ, для береженiя, оставленъ былъ человѣкъ ея Петръ Петровъ".

За тѣмъ, извѣстно, что въ Лефортовскомъ дворцѣ имѣлъ свою резиденцiю Петръ II, гдѣ онъ, 18-го Января 1730 года, и скончался.

По восшествiи на престолъ Елисаветы Петровны, она, въ 1742 году, прибывъ съ своимъ лейбъ-компанскимъ корпусомъ въ Москву, послѣ коронацiи своей, „чрезъ нарочито построенные для этого торжества Красные Ворота, шествовала въ Лефортовскiй дворецъ", въ которомъ имѣла пребыванiе. Это согласуется и съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ г-на Забѣлина. Есть также извѣстiе, что въ Лефортовскомъ дворцѣ, въ царствованiе Елисаветы, жили чины лейбъ-компанскаго корпуса. Во время пожара во дворцѣ одни изъ нихъ лишились всей своей движимости, а другiе даже и жизни.

Впослѣдствiи Лефортовскiй дворецъ, послѣ пожара, былъ возобновленъ, и въ немъ временно останавливались посланники, почему и дворецъ назывался Посольскимъ, а иногда и Слободскимъ по нахожденiю его въ Нѣмецкой слободѣ. Недалеко отъ дому Лефорта и понынѣ существуетъ Посланниковъ переулокъ, гдѣ вѣроятно жили чины иностранныхъ посольствъ.

Въ 1771 году, во время бывшей въ Москвѣ чумной заразы, Лефортовскiй дворецъ обращенъ былъ въ карантинъ. Послѣ чумы онъ не былъ обитаемъ ни царскою фамилiею, ни иностранными посольствами. Екатерина II-я, 18 Октября 1772 г. изъ Петербурга, требовала отъ князя Михаила Никитича Волконскаго (который въ 1771—1778 гг. управлялъ Москвою), „планъ Лефортовскаго дворца и всего въ немъ строенiя, означивъ при томъ, какихъ онъ требуетъ починокъ". По разсмотрѣнiи этихъ плановъ она писала, 10 Ноября, князю Волконскому, что „хотя домъ сей язвенный госпиталь былъ", „но ей хочется его перестроить и сдѣлать pied-à-terre для двора, т. е. чтобы, въ нужномъ случаѣ, двора на Москвѣ въ немъ можно было умѣстить". При этомъ она желала знать: можно ли поднять на теперешнихъ стѣнахъ третiй этажъ? 20-го Декабря Государыня вновь писала князю Волконскому: „А планы Лефортовскаго дворца,

какъ его починить и обдѣлать, скоро очень пришлю; и увидите, какъ въ немъ жить буду, когда Богъ велитъ къ Москвѣ пріѣхать, что однако не скоро будетъ, ибо перестройка годъ-другой возметъ. Спросите, пожалуй, у князя Макулова, возметъ ли онъ на себя сіе строеніе?" (Осмнадцатый Вѣкъ, книга I-я).

Такъ Екатерина II-я заботилась о возобновленіи Лефортовскаго дворца. Но потомъ она покинула мысль объ этомъ дворцѣ и пожелала создать новый, въ лучшемъ видѣ, на другомъ совсѣмъ мѣстѣ. Явился дворецъ, такъ называемый Головинскій, гдѣ нынѣ помѣщаются 1-я и 2-я военныя гимназіи. Головинскій дворецъ получилъ это названіе, вѣроятно, потому, что на этомъ мѣстѣ предъ тѣмъ былъ Анненгофскій дворецъ, построенный въ царствованіе Анны Іоанновны, на мѣстѣ существовавшихъ домовъ боярина Головина. Изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба видно, что когда на мѣстѣ домовъ Головина, при Аннѣ Іоанновнѣ, строился дворецъ, тогда часто для работъ Военною Коллегіею наряжались войска. Отъ бывшаго Анненгофскаго дворца, роща, находящаяся противъ 1-й и 2-й военныхъ гимназій, и нынѣ сохранила названіе Анненгофской.

Изъ дѣла Военной Коллегіи Приказной экспедиціи 1803 г. подъ № 51-мъ (оп. 55-й, св. 308-й) видно, что дѣла бывшей въ Москвѣ Военной Конторы, упраздненной въ 1797 году, находясь въ Кремлѣ, въ новопостроенномъ домѣ, въ казематахъ или подвалахъ, глубиною въ землѣ болѣе 5-ти аршинъ, подверглись, отъ сырости, гнили. Поэтому, съ Января 1804 года, дѣла сей Конторы были перевезены въ зданіе Лефортовскаго дворца, гдѣ онѣ и находились до нашествія, въ 1812 году, Французовъ.

Наконецъ мы видимъ изъ дѣла бывшаго Коммисаріатскаго Департамента Военнаго Министерства (3 стола, 5-го отдѣленія, 1832 года, оп. 8 (5), св. 32-я Сбор. Арх. за № 1357), что дворецъ, съ 1812 по 1826 годъ, оставался необитаемъ и пришелъ въ большую ветхость. Въ 1826 году, по высочайшему повелѣнію, изъ дворцоваго вѣдомства, онъ переданъ въ вѣдомство Московскаго Военнаго Госпиталя. Въ 1828 году, военнымъ вѣдомствомъ, на постройку и исправленіе этого дома, была исчислена сумма въ 548.712 руб. 75 коп. Но по недостатку на сей предметъ денегъ, которыя болѣе были необходимы на потребности Турецкой войны, дворецъ оставался въ развалинахъ, такъ что сама природа, безъ всякой человѣческой заботы, украсила его дикорастущими большими деревьями по окнамъ, дверямъ, кровлѣ и т. п. Въ немъ имѣли пристанище стаи птицъ и толпы жуликовъ, такъ что поздно вечеромъ и ночью никто не смѣлъ проходить мимо.

Въ концѣ 1840-хъ и началѣ 1850-хъ годовъ, Лефортовскій дворецъ получилъ, по исправленіи его, тотъ видъ, въ какомъ онъ нынѣ находится. Онъ украсился снаружи пилястрами, съ надстройкою (по срединѣ фаса, къ рѣкѣ Яузѣ) третьяго этажа.

Возвращаясь къ первоначальнымъ судьбамъ этого дворца, замѣтимъ, что по всему вѣроятію Петръ сперва пожаловалъ его Меншикову, но потомъ, усмотря, что онъ есть частная собственность вдовы Лефорта, возвратилъ домъ сей послѣдней и вознаградилъ Меншикова чѣмъ либо другимъ. Г-нъ Есиповъ говоритъ, что дворецъ, въ 1706 году, состоялъ въ вѣдомствѣ Посольскаго Приказа; а изъ подворной описи видно, что онъ находился въ вѣдомствѣ Военной Канцеляріи.

По всему видно, что зданіе это, гораздо позже, изъ частнаго владѣнія перешло въ дворцовое вѣдомство. *Григорій Александровъ.*

Москва. 9 Октября 1875 года.

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ МОЧАЛОВЪ *).

Актеръ, что умеръ, то исчезъ.

(*Слова князя А. А. Шаховскаго*).

Дѣйствительно, прискорбна судьба исполнителей, будетъ ли это актеръ, пѣвица, или музыкантъ: о нихъ и отъ нихъ остаются только преданія, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ передать манеру и способъ исполненія для тѣхъ, кто не видалъ или не слыхалъ артиста. И чѣмъ игра художника геніальнѣе и своеобразнѣе, тѣмъ задача становится труднѣе. Для біографій западныхъ артистовъ большимъ пособіемъ служатъ: мемуары, критическія статьи, записки самихъ актеровъ, какъ Гаррика, Тальмы, Ифланда и пр. У насъ почти нѣтъ ничего подобнаго. Свѣдѣнія по части искусствъ вообще у насъ отрывочны, часто невѣрны, собраны плохо, а приведены въ порядокъ еще хуже. Но природными дарованіями и сильными талантами не обижена и не обдѣлена Русская земля.

Характеризируя игру нашего славнаго трагика П. С. Мочалова, мы не остановимся на немъ одномъ, а постараемся сравнить его съ западными современниками, съ Эмилемъ Девріентомъ въ Германіи, съ Рашелью и Фридрихомъ Леметромъ во Франціи, съ Макреди въ Лондонѣ и съ Моденой въ Италіи. Изъ сравненія мы нагляднѣе увидимъ, чего недоставало нашему артисту, въ чемъ онъ уступалъ Европейскимъ знаменитостямъ и въ чемъ превосходилъ ихъ.

Искусства наши, заимствованныя или изъ Греціи или съ Запада, хорошо начавшія развиваться на молодой почвѣ, не разъ переживали суровыя времена: такъ бо̀льшая часть Русскихъ драматическихъ произведеній Петровской эпохи, этотъ лепетъ зараждавшагося искусства, погибли въ одномъ изъ Петербургскихъ наводненій. Записки перваго, самаго даровитаго и самаго образованнаго актера Русскаго, Дмитревскаго, сгорѣли во время пожара. Даровитѣйшій изъ нашихъ раннихъ композиторовъ Березовскій, по возвращеніи изъ Италіи, окончилъ дни самоубійствомъ. Большинство артистовъ менѣе извѣстныхъ погибло отъ той среды, въ которой приходилось имъ вращаться, отъ недостатка сочувствія и поощренія. Если насъ упрекаютъ въ холодности къ нашей старинѣ, къ нашей литературѣ, то упрекъ этотъ еще болѣе заслуженъ относительно нашихъ искусствъ.

Заимствуя искусства отъ другихъ народовъ, мы невольно принуждены были подчиняться ихъ вліянію. Такъ въ музыкѣ была эпоха, когда у насъ господствовали Итальянцы и преобладалъ Итальянскій вкусъ: Арайя, Галуппи, Паезіелло, Чимароза. Въ началѣ столѣтія появились Французы; музыкою заправляли Боальдьё и Штейбельтъ, и только съ Кавоса начались серьезныя попытки создать Русскую музыку; но эти попытки удались и осуществились не ранѣе тридцатыхъ годовъ, когда появились оперы Верстовскаго и Глинки. Въ началѣ столѣтія у насъ не въ одной музыкѣ, но во всѣхъ искусствахъ, какъ и въ самой жизни, царствовала пол-

*) Эта статья покойнаго М. Е. Кублицкаго была читана имъ, не задолго до кончины, въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ. *П. Б.*

ная галломанія. Озеровъ, Катенинъ, Кокошкинъ, частію самъ князь Шаховской, восхищались псевдо-классической Французской литературой и брали ее за образецъ своихъ произведеній. Съ тридцатыхъ годовъ стали появляться новые взгляды на науку и искусство. Нѣсколько Москвичей начали знакомить нашу избранную публику съ Нѣмецкою философіею и Нѣмецкою эстетикою. Заговорили о Гёте, Лесингѣ, Гегелѣ, Гофманѣ. Это движеніе не прошло безслѣдно для нашего разумѣнія и для нашего развитія... Но прошли десятки лѣтъ, а Нѣмецкое вліяніе оставалось и остается до сихъ поръ преобладающимъ. А между тѣмъ и въ насъ самихъ и вокругъ насъ все измѣнялось и измѣняется. Правда, въ послѣдніе годы предвидится и предчувствуется нѣкотораго рода поворотъ; появляются попытки перестать смотрѣть на искусства черезъ Нѣмецкіе очки, и является рѣшимость смѣть свое сужденіе имѣть.

Всѣмъ извѣстно, что въ исполненіи ролей на сценѣ, едва ли не со временъ Росція, существуетъ два главныхъ способа. Это игра внѣшняя и игра внутренняя; соединеніе этихъ двухъ способовъ игры составляетъ идеалъ актера. Былъ ли онъ когда нибудь достигнутъ вполнѣ, мнѣ неизвѣстно; но къ этому должно стремиться искусство, и всякая попытка артиста въ этомъ родѣ почтенна и уважительна.

Мочаловъ родился, чтобы быть актеромъ. Мы, знавшіе его лично, затрудняемся сказать, могъ ли бы онъ быть чѣмъ нибудь другимъ, а не актеромъ. Онъ избралъ это поприще свободно; онъ посвятилъ ему свой талантъ и интересы всей своей жизни; онъ трудился усердно и добросовѣстно. Упреки ему въ небреженіи къ искусству, не рѣдко раздававшіеся въ нашей печати, несправедливы. Его натура, сильная, но причудливая и своеобразная, подчинялась не столько размышленію, сколько внутреннему движенію и страстнымъ порывамъ. Игра Мочалова съ перваго его дебюта въ трагедіи Озерова: „Эдипъ въ Аѳинахъ“, гдѣ онъ исполнялъ роль Полиника, въ то время когда отецъ его представлялъ Эдипа, а сестра Антигону, опредѣлилась рельефно и осталась преобладающею на всю его жизнь.

Игра Московскаго трагика, за исключеніемъ двухъ-трехъ ролей, гдѣ онъ бывалъ постоянно великимъ художникомъ, не отличалась ровностію. Въ игрѣ его всегда являлись моменты, въ которые онъ поднимался на большую высоту, овладѣвалъ сердцами зрителей и производилъ глубокое, а иногда и потрясающее впечатлѣніе. Моменты эти мѣнялись и разнообразились до безконечности. Такъ, въ одной и той же піесѣ, въ одно представленіе онъ былъ замѣченъ въ одной сценѣ, въ другое въ иной и не рѣдко совершенно противоположной. Онъ слишкомъ надѣялся на вдохновеніе, на какое-то наитіе, овладѣвавшее всѣмъ его существомъ и придававшее его рѣчи, его жестамъ что-то пламенное и увлекательное; но, довѣрясь излишне вдохновенію, онъ не рѣдко обрывался и падалъ. Выдавались вечера, въ которые онъ не только бывалъ ниже самаго себя, но и ниже посредственности. Можно было видѣть Мочалова разъ-другой и не видать настоящаго Мочалова; даже не подозрѣвать той силы таланта, которая была ему присуща.

Внѣшняя игра Московскаго актера была, большею частію, слаба; онъ былъ не мастеръ костюмироваться, еще менѣе гримироваться; впрочемъ, при той выразительной и подвижной физіономіи, которою надѣлила его природа, гримировка могла бы только стѣснять его. Мочаловъ былъ средняго роста, крѣпко сложенъ и нѣсколько сутуловатъ. Фигура его была не особенно сценична. Чтó у него было прекрасно, такъ это голова, красиво поставленная на могучія плечи, съ черными вьющимися волосами,

съ черными глазами, выразительными до нельзя. Но главною силою его былъ его чудный голосъ: это былъ теноръ мягкій и звучный, нѣжный и сильный. Этотъ голосъ производилъ глубокое впечатлѣніе какъ на сценѣ, такъ и въ залѣ. Переходы и переливы голоса были разнообразны и красивы; его шопотъ бывалъ слышенъ въ верхнихъ галлереяхъ; его голосовые удары заставляли невольно вздрагивать. Въ этомъ онъ не имѣлъ соперниковъ, и только одна Рашель, своими низкими, глухими нотами, напоминала подъ часъ Мочалова. Говоря о небольшой представительности въ фигурѣ нашего актера на сценѣ, не надо забывать, что эта фигура была также подвижна, какъ и его физіономія. Въ страстныя минуты онъ выросталъ, онъ казался высокимъ и стройнымъ. Такъ въ Лирѣ, когда онъ говорилъ: „вѣдь и король, отъ головы до ногъ король", онъ поднимался и получалъ какую-то особую величавость.

Съ ранней молодости поступя на сцену, нашъ трагикъ переигралъ множество ролей; ни дирекція, ни авторы не щадили его: онъ игралъ въ комедіяхъ, участвовалъ въ операхъ, онъ даже оказался пригоднымъ и для дивертисментовъ. Мы не помнимъ его первыхъ дебютовъ, ни первыхъ его лучшихъ ролей; знаемъ, что онъ прекрасно исполнялъ Фингала, производилъ большое впечатлѣніе въ Керимъ-Гиреѣ князя Шаховскаго; въ Попугаѣ Коцебу и въ Прародительницѣ. Шиллеровскій репертуаръ доставилъ ему случай проявить свой талантъ въ двухъ весьма разнородныхъ роляхъ, въ Францѣ Моорѣ въ Разбойникахъ и въ Фердинандѣ въ драмѣ Коварство и Любовь. Эту послѣднюю роль онъ исполнялъ съ большою любовію, съ большимъ чувствомъ и съ большимъ увлеченіемъ, и въ ней долго нравился публикѣ.

Въ среднюю эпоху его сценической дѣятельности онъ создалъ роль Неизвѣстнаго въ піесѣ Коцебу: Ненависть къ людямъ и раскаяніе. И эта роль осталась на всегда одною изъ лучшихъ въ его репертуарѣ. Въ этой роли онъ положительно не имѣлъ соперниковъ. Отъ начала его появленія до послѣдней сцены примиренія съ женою онъ былъ само совершенство. Роль обманутаго и покинутаго женою мужа, которую онъ страстно любилъ, представляетъ мало эффектныхъ сторонъ; да къ нимъ онъ и не прибѣгалъ. Сосредоточенное горе, оскорбленное самолюбіе, душевная тоска, все это передавалось не только его чуднымъ голосомъ и выраженіемъ лица, но и самой походкой; все было просто, я готовъ сказать, стыдливо, но глубоко трогательно. Моментъ, когда онъ отдаетъ нищему кошелекъ и поспѣшно скрывается, чтобы не быть смущену благодарностію: эта нѣмая сцена была верхомъ искусства. Но торжествомъ его игры былъ разсказъ его жизни своему другу; длинный монологъ, въ нѣсколько страницъ, передавался имъ такъ, какъ только могутъ передавать геніальные артисты. Онъ не позволялъ себѣ не возвышать голоса, ни прибѣгать къ жестамъ; но каждое слово тяжело падало на сердце слушателя; въ театрѣ водворялась мертвая тишина, подъ конецъ монолога слышались неудержимыя слезы и женскія рыданія. Макреди, игравшій эту роль, по переводу Томпсона, во время разсказа, позволялъ себѣ крики, удары въ грудь и другіе рутинные сценическіе пріемы, которые если и вызывали рукоплесканія, однако не производили и сотой доли того впечатлѣнія, которое оставляла художественная игра нашего Мочалова. Послѣдній актъ весь основанъ на благородномъ порывѣ растроганнаго мужа, прощающаго свою жену. Эта сцена проходила прекрасно; потому что въ тѣ моменты, гдѣ заговариваетъ чувство, Московскій актеръ былъ всегда неподражаемъ.

Самая большая слава Мочалова и апогей его сценическаго торжества начались съ роли Гамлета, т. е. съ 1837-го года. Гамлетъ не только что поднялъ Мочалова даже и во мнѣніи его порицателей, но онъ ближе познакомилъ нашу публику съ Шекспиромъ: появились на сценѣ Король Лиръ, возобновили Отелло; вновь разучили и разыграли Ричарда Третьяго.

Посмотримъ же теперь на Мочалова, какъ на изобразителя Шекспировскихъ типовъ.

Роль Отелло съ замѣчательнымъ успѣхомъ исполнялъ въ Москвѣ Ольриджъ и хотя его Англійскій языкъ съ Русскимъ языкомъ другихъ дѣйствующихъ лицъ представлялъ нѣкоторую аномалію и вредилъ общности впечатлѣнія, однако въ сильныхъ сценахъ эта аномалія сглаживалась и дѣлалась почти незамѣтною. Вотъ трагедія слишкомъ извѣстная; вотъ роль трудная, но въ тоже время и благодарная. Въ игрѣ Ольриджа насъ непріятно поражала первая сцена, даже самый первый его выходъ. Онъ былъ рѣзокъ и даже нѣсколько ходуленъ. Мы знаемъ, герой возвращается съ побѣдой, но мы знаемъ также, что онъ счастливъ своею любовью, а „любовниковъ счастливыхъ узнаютъ по ихъ глазамъ". До его появленія на сценѣ другія дѣйствующія лица уже познакомили насъ съ характеромъ Отелло. Мы знаемъ, что онъ благороденъ, великодушенъ и простъ. Разсказъ въ Сенатѣ, гдѣ его упрекаютъ въ колдовствѣ, отличался у Ольриджа какою-то торжественностію; онъ зналъ, что республика въ немъ нуждается, поэтому дозволялъ себѣ повелительный тонъ и смѣлый жестъ. Повѣсть своей любви въ Сенатѣ, предъ лицомъ дожа, Мочаловъ передавалъ просто, скромно, но необыкновенно нѣжно. Задушевный голосъ и теплое чувство мирили съ похищеніемъ Дездемоны, и зрителю становилось ясно и понятно, за что и какъ эта скромная молодая дѣвушка полюбила пожилаго, толстогубаго, чернокожаго Мавра. „Дездемона слушала мои разсказы о моихъ приключеніяхъ, путешествіяхъ, опасностяхъ и когда она узнала мою исторію, она открыла мнѣ свое сердце. Я сказалъ: она полюбила меня за опасности, перенесенныя мною; я полюбилъ ее за участіе, которое возбудили въ ней мои страданія. Вотъ все мое колдовство".

Отелло по натурѣ своей великодушенъ и довѣрчивъ; онъ любитъ, онъ любимъ, онъ счастливъ и до тѣхъ поръ, пока ядъ ревности не пролитъ въ его сердце искусной рукою Яго, всѣ страстные порывы преждевременны. Но когда ревность охватила все существо Мавра, онъ самъ чувствуетъ, что идетъ къ погибели. „О теперь прости на всегда спокойствіе души моей! Прости самодовольствіе! Простите блестящіе строи и ты гордая война, превращающая честолюбіе въ добродѣтель. О простите навсегда, прости ржущій конь, и звукъ трубъ, и громъ барабана, пробуждающій мужество! Простите царственное знамя, величіе и торжественность благородной войны! И вы орудія смерти, въ которыхъ громовыя уста вопіютъ какъ голосъ Бога безсмертнаго. Простите, простите: назначеніе Отелло совершилось!" Этотъ блестящій монологъ прощанія со всѣмъ, что́ до любви было дорого воинственной душѣ Мавра, Мочаловъ читалъ съ грустнымъ отчаяніемъ, Ольриджъ съ отчаяніемъ свирѣпымъ. Но оба производили большое впечатлѣніе. Сцену ревности оба знаменитые актера вели почти одинаково. Тяжелая сцена задушенія кроткой голубицы представлялась этими артистами нѣсколько различно: у Русскаго актера было видно какое-то колебаніе, какая-то искра сожалѣнія; Ольриджъ душилъ Дездемону быстро и безжалостно. Минута эта у Ольриджа была страшна и производила рѣзкое впечатлѣніе.

Между Шекспировскими лицами Ричардъ III-й и Шейлокъ считаются самыми трудными для исполненія; многіе великіе актеры отъ нихъ от-

казывались, или брались за нихъ не особенно охотно. У Мочалова роль Ричарда была одною изъ лучшихъ; но большинство публики мало цѣнило это глубоко задушевное и тонкое исполненіе. У Русскаго актера двѣ-три сцены были особенно поразительны; вéрхомъ же совершенства была сцена у гроба, когда Глостеръ, будущій король, обольщаетъ Анну: сцена трудная, почти невозможная, при игрѣ Мочалова, выходила вѣроятною. Здѣсь онъ мастерски пускалъ въ дѣло свой чудный голосъ: его нѣжные вкрадчивые звуки ласкали слухъ, какъ бы охватывали все существо слабой женщины, и она покорялась обаятельному вліянію искусителя. Лицемѣрная сцена отказа принять корону передавалась Московскимъ актеромъ тоже очень хорошо. Игра физіономіи была замѣчательна; у него въ этотъ моментъ было два лица: одно для представителей парламента, другое для публики. Полное самообладаніе въ этой сценѣ дѣлало большую честь пониманію артиста. Послѣдняя сцена всегда производила глубокое впечатлѣніе. Надобно сказать, что драма „Жизнь и смерть Ричарда III-го“ была очень дурно поставлена на нашей сценѣ. Поле битвы наполнялось десяткомъ статистовъ, которые очень дурно дрались старыми шпаженками. Все дѣлалось для того, чтобы отнять всякую иллюзію у зрителя и расхолодить его. Но лишь раздавался еще за сценой крикъ Ричарда: „коня, коня, все царство за коня“, все измѣнялось. Мочаловъ вбѣгалъ на сцену усталый, растерянный; правая рука крѣпко сжимала рукоятку меча; ноги его путались какъ будто шли по неровному полю... онъ приносилъ съ собою всю бурю брани, весь ужасъ пораженія. Зритель чувствовалъ, что въ эту минуту королю дороже всего конь. Онъ утомленъ, онъ хромъ, армія его разбита; королю нужнѣй всего убѣжать съ поля битвы. На другой день онъ способенъ отмстить за пораженіе десятками побѣдъ; но теперь ему нуженъ только конь.

Одною изъ самыхъ трогательныхъ ролей Мочаловскаго репертуара была неоспорима роль короля Лира, особенно въ послѣднихъ сценахъ драмы. Въ первомъ дѣйствіи Каратыгинъ превосходилъ Московскаго трагика величавостію своей фигуры и мастерствомъ костюмироваться; это былъ показной Лиръ. Но лишь только неблагодарность дѣтей начинаетъ смущать и раздражать слабаго, но страстнаго и капризнаго короля, Мочаловъ начиналъ рости. Послѣ монолога проклятія, который передавался Мочаловымъ съ крайнею раздражительностію, вы уже предчувствуете его помѣшательство. „Услышь меня, природа! Возлюбленное божество, услышь меня! Если ты предназначила сдѣлать это созданіе плодотворнымъ, отмѣни свое предназначеніе: внеси въ ея утробу безплодіе, изсуши въ ней органы воспроизведенія; пусть никогда это тѣло не удостоится зачатія младенца; а если она и родитъ, то пусть родитъ больнаго урода, пусть живетъ на муку своей матери; пусть онъ покроетъ чело ея преждевременными морщинами; пусть слезы, которыя онъ заставитъ проливать ее, прорѣжутъ на ея щекахъ глубокія бразды. Пусть всѣ ея материнскія заботы и вся ея любовь будутъ обращены въ осмѣяніе. Да почувствуетъ она, что жало змѣи не такъ гложетъ сердце, какъ скорбь быть матерью неблагодарнаго сына“.

Безуміе короля Лира дало поводъ Шекспиру создать прекрасную и умилительную сцену, когда Корделія сидитъ надъ своимъ больнымъ отцемъ. Пробужденный поцѣлуями дочери, старый король призываетъ разсудокъ и память, чтобы узнать дочь; онъ боится ошибиться, признать мечту за дѣйствительность. Эта борьба отцовскаго инстинкта съ безуміемъ глубоко трогательна. Московскій трагикъ передавалъ ее съ необыкновенною мягкостію и нѣжностію; онъ кидался передъ оскорбленною дочерью на колѣни, цѣловалъ ея глаза, сосалъ ея слезы.

Смерть Лира печальна и тягостна. Лишь только онъ приведенъ въ разсудокъ нѣжными попеченіями Корделіи, какъ лишается снова дочери; держа на своихъ слабыхъ рукахъ ея трупъ, онъ вспоминаетъ, что у ней былъ тихій голосъ, отгонявшій отъ отцовскаго слуха докучливое нашептываніе безумія; онъ узнаетъ Регану и Гонерилью, въ отчаяніи лишившихъ себя жизни. Дуракъ, никогда не покидавшій его, тоже умеръ. Вокругъ него все трупы. Нѣтъ жизни. „Собака живетъ, лошадь живетъ, крыса живетъ, а въ тебѣ нѣтъ дыханія жизни: ты не будешь жить никогда, никогда! Разстегните мнѣ воротникъ! Душатъ!" Чтобы передавать подобные моменты, отъ актера требуется много чувства и много искусства. Мочаловъ въ этой сценѣ никогда не стоялъ ниже трудной задачи.

Когда на Московской сценѣ поставили Ромео и Юлію въ прекрасномъ переводѣ М. Н. Каткова, Мочаловъ уже пережилъ лучшіе молодые годы; ему было за сорокъ лѣтъ, и роль пламеннаго юноши была для него нѣсколько трудна. Но и въ этой роли, не лучшей въ его репертуарѣ, онъ умѣлъ найти столько счастливыхъ минутъ! Первый взглядъ на Джульету, первый порывъ страсти передавались имъ съ рѣдкимъ совершенствомъ.

О если я рукою дерзновенной,
Тебя, твою святыню оскорбилъ,
Я каюся душею умиленной;
Я чувствую: я тяжко согрѣшилъ!

Еще двѣ сцены драмы онъ сумѣлъ провести съ большимъ искусствомъ. Это сцена съ Лоренцемъ и сцена съ аптекаремъ. Ромео, разсказывая монаху о своихъ мученіяхъ и своей разлукѣ съ возлюбленной, предается отчаянію; онъ говоритъ, что можно жить только тамъ, гдѣ живетъ Джульета, что можетъ дышать только тѣмъ воздухомъ, которымъ дышетъ Джульета, и потомъ, взглянувъ на покойныя черты своего слушателя, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ фразируетъ слова: „Старикъ, ты не поймешь меня!"

Разговоръ съ аптекаремъ передавался чисто въ Шекспировскомъ духѣ. Это тонкая иронія, соединенная съ необыкновенною грустію. „Честный аптекарь (говоритъ Ромео продавцу ядовъ), ты бѣденъ, голоденъ; тебѣ ли бояться смертной казни?" и когда аптекарь уступаетъ его настояніямъ, Ромео отдаетъ ему свой кошелекъ:

Вотъ золото: возьми ты этотъ ядъ.
Онъ гибельнѣй для человѣка; больше,
Гораздо больше онъ надѣлалъ зла
На этой отвратительной землѣ,
Чѣмъ этотъ запрещенный порошокъ.
Не ты мнѣ продалъ ядъ, а я тебѣ.
Прощай! Купи себѣ скорѣе корму
И мясомъ кости голыя одѣнь.
Пойдемъ! Со мной лекарство, а не ядъ!

Не можемъ не замѣтить, что эта драма обставлена у насъ была весьма прилично; лучшіе актеры принимали въ ней участіе; особенно выдѣлился тогда еще молодой актеръ Самаринъ, который въ роли Меркуціо произвелъ впечатлѣніе. Я отъ себя могу только прибавить, что лучшаго Меркуціо я не видалъ ни на Англинской, ни на Нѣмецкой сценѣ.

Всѣмъ хоть нѣсколько слѣдившимъ за мнѣніями объ игрѣ Мочалова, извѣстно, что его упрекали не разъ за то, что онъ передавалъ публикѣ

не Шекспировскаго, а Мочаловскаго Гамлета. Мнѣніе это Нѣмецкое; оно было вызвано игрою Девріента, который, какъ полагали нѣкоторые критики, одинъ только постигъ Гамлета. Извѣстно, что Девріентъ игралъ Гамлета въ свѣтло-русомъ парикѣ, удерживался отъ порывовъ и, весь погруженный въ думу о борьбѣ и мученіи, старался быть предумышленно-холоднымъ и даже апатичнымъ. Этотъ способъ игры удовлетворялъ однако весьма немногихъ, и роль Гамлета никогда не считалась лучшею въ репертуарѣ извѣстнаго и славнаго Нѣмецкаго актера. По моему мнѣнію, Девріентъ передавалъ весьма искусно только одинъ монологъ: „Быть, или не быть", а въ цѣлой роли былъ слабъ. И. С. Тургеневъ, въ блестящей и оригинальной статьѣ, сравнивая весьма остроумно Донъ-Кихота съ Гамлетомъ, представляетъ послѣдняго тоже блондиномъ, да еще и съ брюшкомъ. Къ счастію для искусства, большинству публики Гамлетъ представляется въ другомъ образѣ. Хотя Нѣмцы и первые открыли Шекспира (о чемъ и заявляютъ настойчиво и упорно въ продолженіе многихъ лѣтъ), однако мы не можемъ положиться безусловно на ихъ мнѣнія. Дѣйствительно, Нѣмцы первые начали разработывать Шекспира; но въ последнее время въ Англіи Шекспировская литература сдѣлала громадные успѣхи; и Англичанамъ ли, этому гордому племени, уступать кому то ни было честь разработывать то, что̀ составляетъ гордость и славу ихъ страны? По Англійскимъ источникамъ мы узнаемъ, въ малѣйшихъ подробностяхъ, какъ изображали Гамлета лучшіе Англійскіе актеры Кинъ и Кембель. Кембель ближе къ нашей эпохѣ. Гравюры, изображающія Кембеля, очень распространены. Извѣстно, что живописецъ выбралъ моментъ 5-го дѣйствія, когда Гамлетъ, держа въ рукахъ черепъ Іорика, говоритъ: Poor Iorik! Спрашиваю, кого болѣе напоминаетъ это изображеніе, Мочалова или Девріента?

Позволю себѣ еще продолжить мои сравненія и сопоставленія. Когда я видѣлъ Мочалова въ роли Ричарда, я былъ очень молодъ и только начиналъ учиться поанглійски. Англійскіе мемуары объ актерахъ были тогда мнѣ мало извѣстны; о Гаррикѣ я имѣлъ нѣкоторое понятіе по двумъ-тремъ Французскимъ брошюрамъ, написаннымъ во время пріѣзда Гаррика въ Парижъ. Но позднѣе, когда я болѣе ознакомился съ исторіею Англійской сцены, меня поразило сходство игры Мочалова съ игрою Гаррика, и именно въ лучшей его роли, въ Ричардѣ III-мъ. Не думаю, чтобы покойникъ Мочаловъ зналъ подробности игры геніальнаго Англійскаго актера. Откуда же родилось это сходство? Вотъ два артиста, раздѣленные, по времени, почти цѣлымъ столѣтіемъ, люди разной національности, разной среды, разнаго образованія; но они понимаютъ великіе характеры, созданные геніальнымъ поэтомъ одинаково и передаютъ его почти въ тѣхъ же чертахъ.

Такова сила прирожденнаго таланта. Таково пониманіе прекраснаго, можетъ быть и инстинктивное. Вѣчные законы изящнаго начертаны въ душѣ избранныхъ.

У Мочалова въ игрѣ были своего рода пріемы, любимые жесты, подъ часъ странные; но онъ умѣлъ ими владѣть и пристроивать ихъ къ мѣсту такъ, что странность эта забывалась. Говорятъ, что чѣмъ актеръ болѣе умѣетъ отрѣшаться отъ своей личности и жить жизнію представляемаго героя, тѣмъ искусство его выше. Это правда; но я не думаю, чтобы существовали такіе актеры, которые могли бы вполнѣ сглаживаться, вполнѣ сливаться съ представляемымъ лицомъ: все остается частица своей личности. Мы это замѣчаемъ и не въ однихъ актерахъ; мы тоже видимъ въ музыкальныхъ исполнителяхъ. Скажу болѣе, извѣстнаго рода пріемами и манерами отличаются національности артистовъ. Въ частыхъ переѣздахъ изъ

Лондона въ Парижъ, изъ Парижа въ Вѣну вы привыкаете различать игру Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ актеровъ. Эта разница не особенно рѣзкая, она не бросается прямо въ глаза, но чувствуется послѣ частаго посѣщенія той или другой сцены. Французы вообще хорошіе актеры: они очень развязны и свободны на сценѣ, у нихъ много веселости и оживленія. Недостатокъ ихъ тотъ, что они способны впадать въ манерность и жеманство. Что особенно удается Нѣмецкимъ актеромъ, такъ это роли резонеровъ. Вообще Нѣмецкіе актеры любятъ проповѣдывать со сцены, забывая, что ихъ же теоріи разграничиваютъ ораторское краснорѣчіе, судейское и духовно-пасторское. Возмемъ для примѣра хотя Натана Мудраго Лессинга. Эти длинныя рѣчи мудреца не похожи ли на проповѣди? Длинные монологи Маркиза Позы въ Донъ Карлосѣ Шиллера—не резонерство ли это? Въ этихъ сценахъ бывалъ особенно хорошъ Девріентъ; но не надо забывать, что онъ игралъ передъ Нѣмецкою публикою. Французскій или Русскій зритель нашли бы все это и монотоннымъ и скучнымъ. За примѣромъ не далеко ходить: вспомнимъ Плесси. Ни слова съ простоты, а все съ ужимкой! Игра Нѣмецкихъ актеровъ отличается какою-то натянутостію и торжественностію; они на сценѣ стараются быть важными и поэтому тяжелы. Актрисы Нѣмецкія, какъ и Нѣмцы, крикливы и часто страдаютъ напускнымъ паѳосомъ.

Задушевность, столь сродная всѣмъ Славянскимъ племенамъ, дѣлаетъ игру Русскихъ актеровъ симпатичною. Притомъ въ Русскихъ актерахъ поразительна гибкость ихъ дарованій. Была піеса, въ которой Щепкинъ переигралъ всѣ роли; онъ представлялъ разъ даже старуху Еремѣевну. Рѣпина танцовала, пѣла въ операхъ, играла съ успѣхомъ драматическія роли и была прелестною водевильною актрисою. Но эта растяжимость таланта подъ часъ и вредитъ Русскимъ артистамъ, не дозволяя имъ, такъ сказать, устоиться и сосредоточиться.

Въ игрѣ Мочалова часто бывали поразительны нѣмыя сцены. Когда Полиникъ, замирая въ извѣстной позѣ, выслушиваетъ проклятія Эдипа; когда капитанъ въ драмѣ „Фрегатъ Надежда“ кидается на мужа обольщенной женщины съ пистолетомъ въ рукѣ, чтобы его убить, роняетъ пистолетъ и остается недвижимымъ, нѣмыя сцены бывали торжествомъ игры Московскаго трагика. Иногда въ самыхъ незначительныхъ роляхъ появлялись у Мочалова порывы замѣчательной красоты; такъ въ небольшой переводной піесѣ „Слесарь“ онъ читаетъ письмо, которое его трогаетъ, и онъ смѣется и плачетъ вмѣстѣ. Такихъ рѣдкихъ явленій въ игрѣ Мочалова бывало немало.

Около трехъ лѣтъ меня не было въ Россіи. Когда я возвратился въ Москву, мнѣ сказали, что Мочаловъ болѣнъ, что у него былъ параличь, что онъ постарѣлъ, похудѣлъ, что голосъ его утратилъ часть своей силы и звучности. Въ мое отсутствіе онъ сталъ переходить на роли стариковъ и игралъ уже музыканта Миллера, а не Фердинанда въ трагедіи Коварство и Любовь. Я не присутствовалъ при этомъ замѣчательномъ спектаклѣ. Но вотъ что передаетъ объ этомъ его товарищъ и тоже крупный талантъ нашей сцены Живокини, въ своихъ воспоминаніяхъ, записанныхъ и изданныхъ В. И. Родиславскимъ. „Одна изъ отличительныхъ чертъ этого человѣка было постоянное сознаніе своего таланта. Никогда не забыть мнѣ, какъ мы для дочери Мочалова ставили Коварство и Любовь. Я игралъ маршала фонъ-Кальба. Мы репетировали особнякомъ, гдѣ нибудь въ уборной. Послѣдняя сцена отравленія идетъ у насъ очень хорошо. Кончили мы. Мочаловъ говоритъ: „Хорошо, хорошо. Я однако только боюсь, я помѣшаю“.—„Какъ помѣшаете? Чѣмъ же вы можете помѣшать?“

спрашиваемъ мы.—„Да пожалуй мнѣ придется хорошо играть; я буду лучше всѣхъ“. Ну и дѣйствительно помѣшалъ. Богъ его знаетъ, что̀ сдѣлалъ онъ изъ этой роли. Другаго такого Миллера не видалъ я, да и не увижу. Онъ, напр., ругнулъ президента словомъ ваше превосходительство такъ, что кажется не сыщешь на нашемъ Русскомъ языкѣ ни одного браннаго слова, которымъ можно бы было выругать такъ сильно“.

Послѣдній разъ я видѣлъ Мочалова въ переводной піесѣ: Клара д'Обервиль, и впечатлѣніе отъ его игры не только ни ослабило старыхъ воспоминаній, но еще болѣе укрѣпило мою вѣру въ необычайность его таланта. Піеса была написана для Фридриха Леметра; содержаніе ея частію заимствовано изъ знаменитаго процеса г-жи Лафаржъ. Здѣсь также мужъ, страстно любящій жену, отравляется невидимою рукою; подозрѣніе падаетъ на жену; самъ мужъ начинаетъ колебаться, но передъ самою его смертію случай открываетъ убійцу. Драма довольно растянутая и вялая; но пятый актъ представляетъ чудесную сцену для даровитаго актера. Первыя три дѣйствія Леметръ велъ лучше нашего трагика; но лишь только сомнѣніе западаетъ въ душу мужа, и наступаетъ нравственная борьба, Мочаловъ начиналъ выростать. Изъ груди его вылетало нѣсколько стоновъ, которыхъ не было у Леметра; постепенное ослабленіе и упадокъ силъ были переданы Московскимъ артистомъ и ярче, и трогательнѣе. Послѣдняя сцена отличалась поразительной красотой. Умирающій мужъ хочетъ спасти жену; онъ, старый и разбитый, едва доходитъ до письменнаго столика и садится, чтобы написать письмо, въ которомъ принимаетъ вину отравленія на себя. На столикѣ стоитъ зеркало, за спиною у него его родственникъ наливаетъ ему лекарство. Д' Обервиль собирается писать и съ минуту сидитъ въ задумчивости, какъ бы сбираясь съ мыслями. Глаза его случайно падаютъ на зеркало, и онъ видитъ, какъ родственникъ подливаетъ ядъ. Трудно передать весь трагизмъ этой минуты. Мочаловъ поднимался во весь ростъ съ необычайною, почти сверхестественною силою; въ рукахъ его судорожно замерло все, что̀ было на столѣ, перо и бумага. Онъ высоко надъ головою поднимаетъ руки и мгновенно поворачивается къ убійцѣ. Глаза ихъ встрѣчаются.. Надо было видѣть этотъ взглядъ! Убійца роняетъ стаканъ и спасается бѣгствомъ. Крикъ, вырвавшійся изъ груди Мочалова, былъ поразителенъ. Когда всѣ домашніе сбираются на этотъ крикъ, онъ говоритъ послѣдній монологъ: „На колѣни передъ этой женщиной!“ Д'обервиль умираетъ покойно; жена его невинна, тяжкая дума спала съ его чела, сомнѣніе разсѣялось. Жена остается вдовою, но съ честнымъ именемъ. Леметръ велъ эту сцену иначе. Онъ выбивалъ изъ рукъ убійцы стаканъ и тѣмъ давалъ чувствовать, что онъ знаетъ, что въ немъ отрава. Крикъ Леметра тоже производилъ большое впечатлѣніе, но сцена глубже задумана неоспоримо у Мочалова.

Трагическій актеръ обязательно долженъ усвоить извѣстные пріемы на сценѣ, умѣть закалывать, падать, умирать и проч. Падалъ Мочаловъ, какъ падать умѣютъ немногіе, и онъ эти паденія умѣлъ разнообразить. Онъ падалъ на спину мгновенно, какъ бы подкошенный; онъ подъ часъ медленно спускался на полъ; онъ умѣлъ падать въ судорогахъ, какъ напримѣръ въ Отелло. На сценѣ, въ минуту воодушевленія, онъ былъ смѣлъ до дерзости; такъ, въ концѣ втораго акта въ „Жизни Игрока“, послѣ выстрѣла, онъ пробѣгалъ всю сцену задомъ, какъ бы отступая отъ трупа. Умиралъ на сценѣ Мочаловъ всегда съ достоинствомъ; часто падалъ тыломъ къ публикѣ. Современное искусство, если его только можно назвать еще искусствомъ, отнеслось къ изображенію смерти на сценѣ гораздо реальнѣе. Недавно актриса Круазетъ собирала весь Парижъ любоваться, какъ она умѣла умирать. Говорятъ, что она ходила по больни-

цамъ, чтобы изучать всѣ муки и всѣ судороги умирающихъ. И вотъ передъ зрителемъ начиналась агонія: тѣло подергивалось судорогами, глаза закатывались, зрачки останавливались, изо рта текла пѣна. Жалкая г-жа Круазетъ! Она не понимала, что вѣдь это не смерть, а это только разрушеніе нашего бреннаго состава, изображеніе немощной природы человѣка. Какъ, развѣ въ смерти, въ этомъ разставаніи съ жизнію, нѣтъ ничего глубокаго, трогательнаго и даже торжественнаго. Итакъ слюна и судороги—вотъ всѣ краски! Какъ, развѣ при смерти душа не осѣняется мыслію, вѣрующій развѣ не напутствуется вѣрою, колеблющійся развѣ не задаетъ себѣ вопроса: Чтó будетъ тамъ, въ этой невѣдомой странѣ, откуда нѣтъ пришлецовъ? Въ эти только моменты смерть интересна и назидательна. Отъ такого матеріальнаго представленія смерти истинное искусство отступаетъ съ негодованіемъ. Горе таланту, который прилѣпится только къ внѣшнимъ представленіямъ: кругозоръ его сузится, пониманіе прекраснаго умалится, и самый талантъ зачахнетъ и замретъ.

Отъ г-жи Круазетъ мы невольно переходимъ къ Рашели, которая тоже умѣла умирать на сценѣ. Это геніальная актриса и замѣчательная женщина по уму и образованію, артистка въ душѣ, была знакома съ требованіями древняго Греческаго искусства и изъ него умѣла почерпать мудрые уроки. Она въ самыхъ сильныхъ сценахъ бывала сдержана и никогда не переходила границъ изящнаго вкуса. Она хорошо помнила, что Греческое искусство никогда не изображало искаженнаго человѣческаго лица, и если нужно было выразить крайній предѣлъ горести, или отчаянія, то оно лучше любило набрасывать покрывало, чѣмъ изображать судороги и корчи. Рашель превосходила Московскаго трагика самообладаніемъ, пластичностью, красотою формъ и движеній; но въ душѣ этой великой артистки не доставало одной струны, одной ноты. Изображая съ рѣдкимъ совершенствомъ гнѣвъ, презрѣніе, ненависть, ревность, даже религіозный экстазъ (припомнимъ знаменитое je crois), Рашель не находила нѣжныхъ звуковъ для выраженія любви. Невольно приходилъ на мысль стихъ: Ей сладкихъ пѣсенъ не дано! Славянская душа Мочалова, наоборотъ, ни одного чувства не выражала съ такою трогательною нѣжностію, какъ чувство любви во всѣхъ его проявленіяхъ и видахъ.

Такъ называемыя характерныя роли не удавались Московскому трагику. Изъ его репертуара мы не можемъ указать ни на одну, которая была бы такъ отдѣлана какъ роль Людовика XI-го у Каратыгина.

Разъ я засталъ у Мочалова молодаго студента, видимо взволнованнаго; онъ только что прочелъ какую-то сцену и спрашивалъ его мнѣнія. „У васъ много чувства", говоритъ студенту Павелъ Степановичъ; „но этого мало: для сцены нужна и сила. Посмотрите на эту грудь", и онъ разстегнулъ жилетъ. Это была могучая грудь, совершенный античный торсъ; любой скульпторъ могъ бы взять ее за модель. Тогда мнѣ стало ясно, что только съ такою грудью можно воплемъ растерзать слухъ и въ жилахъ у зрителей заморозить кровь.

Скажемъ о Мочаловѣ какъ о человѣкѣ, какъ мы его знали и какимъ его помнимъ.

Московскій актеръ былъ человѣкъ не лишенный образованія; нѣкоторое время онъ былъ слушателемъ нашего университета; но, рано поступивши на сцену, онъ отдался ей всецѣло. Въ руководителяхъ онъ не имѣлъ недостатка. Князь Шаховской ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ. С. Т. Аксаковъ давалъ ему добрые и дружескіе совѣты; онъ ихъ выслушивалъ, но никогда почти имъ не слѣдовалъ. Въ запискахъ С. Т.

Аксакова есть одинъ историческій эпизодъ изъ сценической жизни Мочалова. Молодой актеръ разъ рѣшился послѣдовать внушеніямъ театральнаго критика и выполнять его совѣты; играетъ Мочаловъ актъ, играетъ другой; публика принимаетъ его холодно. Тогда онъ взглянулъ на директорскую ложу, въ которой сидѣлъ Аксаковъ, тряхнулъ кудрями и пошелъ, и пошелъ, и громъ рукоплесканій покрылъ его игру. Мочаловъ любилъ рукоплесканія и вызывалъ ихъ всѣми позволительными и непозволительными средствами. Въ этой любви къ оваціямъ толпы можно упрекнуть многихъ великихъ артистовъ. Г-нъ Мерлинъ въ своихъ запискахъ о Малибранъ говоритъ, что это очаровательная пѣвица любила до страсти аплодисменты: она ими упивалась и въ нихъ почерпала новыя силы. Вообще Мочаловъ не умѣлъ играть старательно. Верстовскій разсказывалъ, что разъ Грибоѣдовъ пришелъ въ театръ посмотрѣть на игру Мочалова. Актеръ объ этомъ узналъ и постарался: вышло, по словамъ Верстовскаго, что-то безобразное. Въ другой разъ Пушкинъ былъ въ театрѣ; объ этомъ не сказали Мочалову, и онъ, играя по своему, былъ великолѣпенъ, и Пушкинъ былъ отъ него въ восторгѣ.

Бываютъ натуры, которыя ни подъ какимъ видомъ не могутъ насиловать свою природу. Самобытность у нихъ всегда впереди.

Въ семейной жизни Мочаловъ былъ очень простъ. Вся обстановка, вся среда была мѣщанско-купеческая. (Отецъ его, тоже актеръ, былъ изъ купцовъ). На окнахъ стояли горшки съ эранью, было много иконъ, передъ которыми теплились лампады. Мочаловъ былъ человѣкъ религіозный, ходилъ къ ранней обѣднѣ, въ тѣ церкви, гдѣ пѣли хорошіе пѣвчіе, слушалъ проповѣди. Молодость онъ особенно любилъ и старался ей быть полезенъ всѣми средствами. Мнѣнія его о драматическихъ произведеніяхъ были очень вѣрны и мѣтки. Поэтическаго чувства у него было бездна; онъ съ неподражаемымъ искусствомъ читалъ и любилъ читать Козлова, Пушкина, Кольцова и Лермонтова. Въ обыденной жизни онъ былъ человѣкъ тихій, скромный и даже застѣнчивый. Въ тѣ же минуты, когда онъ бывалъ шумливъ (а онъ бывалъ шумливъ), онъ отличался излишнею развязностію, которая немало огорчала его друзей и поклонниковъ. Любя передавать въ образцовомъ чтеніи произведенія лучшихъ Русскихъ поэтовъ, онъ и самъ иногда писалъ стихи.

Стихотворенія Мочаловъ читалъ нѣсколько на распѣвъ, что́ тоже иногда вызывало охужденіе. Я же думаю, что нѣкоторая пѣвучесть придаетъ силу стиху. Не даромъ говорилъ Вольтеръ:

Les vers sont enfants de la lyre;
Il faut les chanter, non les lire! *).

Замѣчу мимоходомъ, что такъ ли это, или иначе; но искусство читать стихи въ нашъ вѣкъ потеряно.

За тѣ юношескіе восторги, которыми дарила насъ причудливая, неровная, но часто вдохновенная игра Мочалова, мы обязаны ему благодарностію. Пусть же никто не будетъ имѣть права повторить слова, которыя Московскій трагикъ произносилъ всегда съ такою неподдѣльною грустію и ироніею:

„Какъ! Такъ стало быть послѣ этого можно надѣяться на шесть мѣсяцевъ людской памяти! А тамъ, что́ человѣкъ, что овечка: схоронили—позабыли!“.

---

*) Стихи суть дѣти лиры: ихъ надо пѣть, а не читать.

ЗАМѢТКА О С. Н. ГЛИНКѢ.

Въ статьѣ „Москва въ 1812 году", помѣщенной въ 3 книгѣ Русскаго Архива сего года, на стр. 194, гдѣ говорится о дѣятельности нашего знаменитаго патріота С. Н. Глинки, между прочимъ сказано: „въ послѣдствіи Глинка проводилъ жизнь въ совершенной бѣдности и умеръ слѣпымъ въ 1852 году".

Это извѣстіе не совсѣмъ вѣрно. Покойный патріотъ „первый ратникъ Московскаго ополченія" (какъ гласитъ выбитая для него съ этой подписью золотая медаль), по свидѣтельству сына его, С. С. Глинки, послѣдніе годы жизни провелъ хотя и не въ богатствѣ, но отнюдь не въ совершенной бѣдности, получая изъ Кабинета Его Величества покойнаго императора Николая Павловича по три тысячи рублей пенсіона въ годъ; а по смерти его, послѣдовавшей 5 Апрѣля 1847 года, супругѣ его, здравствующей донынѣ, отпущена была сумма на его погребеніе и опредѣленъ пожизненный пенсіонъ, около девяти сотъ рублей въ годъ.

Что̀ касается до сбереженія ассигнованныхъ ему въ 1812 году, на поддержаніе народнаго духа, трехъ сотъ тысячь рублей, то этотъ поступокъ, кромѣ доказательства его высокой честности, принесъ ему и семейству его пользу и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, независимо отъ такого большаго, по тогдашнему времени пенсіона, назначеннаго не по праву службы, а единственно за его патріотическія дѣйствія въ отечественную войну, всѣ дѣти его, въ числѣ восьми человѣкъ, получили образованіе на счетъ Государя. Сверхъ того какъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, такъ и оба славные Его предшественника, всегда были покровителями и благодѣтелями этого семейства, такъ что, въ этомъ случаѣ, Русская пословица: „за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ", оправдалась вполнѣ. Изъ сыновей его одинъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ геройской защитѣ Севастополя и нынѣ, въ чинѣ полковника, находится въ отставкѣ, въ болѣзненномъ состояніи, а прочіе занимаютъ приличныя своему званію мѣста въ государственной гражданской службѣ или въ частной жизни.

Князь В. Баюшевъ.

5-го Ноября 1875.

Симбирскъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ любопытномъ примѣчаніи, которымъ г. А. В. снабдилъ челобитную Лазаря Барановича царю Алексѣю Михайловичу, сообщенную мною въ *Русскій Архивъ*, сдѣлана попытка опредѣлить время подачи этой челобитной. Основываясь на томъ, что сочиненіе Лазаря „Трубы“, о которомъ говорится въ челобитной, издано въ 1674 году, г. А. В. приходитъ къ заключенію, что самая челобитная писана ранѣе этого года. Заключеніе совершенно вѣрно; но изъ писемъ Л. Барановича, изданныхъ преосв. Филаретомъ (Черниговъ, 1865), время поданія челобитной можетъ быть опредѣлено съ большею точностью.

Уже въ исходѣ 1668 года сборникъ проповѣдей Барановича, названный „Трубами“, былъ оконченъ, и авторъ намѣревался посвятить его царю или царевичу (Письма Л. Б., стр. 52). Затѣмъ, 14-го Апрѣля 1669 г., Лазарь писалъ Іоанникію Галятовскому о своемъ намѣреніи отослать „Трубы“ въ Москву для изданія (тамъ же, стр. 83); а въ Маѣ того же года онъ исполнилъ это и 15-го Мая писалъ патріарху Іоасафу, прося его напечатать его проповѣди въ Московской типографіи, на что̀ государь, *по челобитью его,* уже далъ указъ (стр. 63). И такъ, стало быть, челобитная, напечатанная въ *Русскомъ Архивѣ*, подана не позже какъ въ первые мѣсяцы 1669 года. Дѣло печатанія однако замедлилось, но еще въ Январѣ 1670 г. Лазарь питалъ надежду, что книга его выдетъ въ свѣтъ въ Москвѣ (тамъ же, стр. 103 и 105). Почему предполагавшееся въ Москвѣ изданіе не состоялось—изъ дальнѣйшихъ писемъ не видно.

Кстати исправлю опечатку, вкравшуюся при изданіи челобитной. Въ помѣтѣ, которая сопровождаетъ ее,

напечатано:	а должно быть:
№ 130, № 156—157	№ 130, листы 156—157.

А. Майковъ.

Замѣтка къ стр. 423-й.

То что̀ напечатано на этой страницѣ о М. Ѳ. Орловѣ уже было помѣщено (и съ нѣкоторымъ добавленіемъ, стало быть по другому списку) Е. И. Якушкинымъ въ VI томѣ Русской Старины (1872), на стр. 602-й и затѣмъ опровергнуто письмомъ графа П. Х. Граббе къ Н. М. Орлову въ VII томѣ Русской Старины (1873), на стр. 374-й. — Вообще, Записка о тайныхъ обществахъ, составленная по слухамъ и подъ вліяніемъ одностороннихъ понятій и предубѣжденій, не можетъ имѣть значеніе точнаго историческаго показанія. Она важна лишь потому, что изъ нея мы видимъ, на чемъ именно могли основываться сужденія тогдашняго правительства о людяхъ, которыхъ оно считало для себя опасными. *П. Б.*

Замѣтка къ стр. 437-й.

Упоминаемый Николаемъ Бестужевымъ островъ Леонъ памятенъ въ исторіи вольнолюбивыхъ движеній тѣмъ, что на немъ дѣйствовалъ, во время борьбы Испанцевъ противъ Наполеона, извѣстный Ріего, сочинившій Испанскую конституцію. Островъ этотъ находится близь Кадикса.

П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1875 ГОДА.

*

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1875 ГОДА.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

ВЪ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ТЕТРАДЯХЪ РУССКАГО АРХИВА 1874.

ВЫШЕДШИХЪ ОТДѢЛЬНОЮ КНИГОЮ.

ЦѢНА 4 РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Осмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина. Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830). Письмо *А. С. Пушкина* къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина. Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ *П. М. Языкова*): Пушкинъ во время холеры. Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ. Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года. Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).

Изъ Старой Записной Книжки. Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперанскій. Его отношенія къ императору Александру Павловичу. Первыя судьбы Бирона. — Пальмштернъ. — Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ, Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года.— Анекдоты о князѣ А. С. Меншиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ.—Клочки разговоры, мимоходомъ схваченныхъ и пр.—Donna Sol.—Левъ Пушкинъ.—Арендтъ.—Разные анекдоты.

Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума. Статья *А. Н. Веселовскаго.* Любительскіе спектакли въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскаго театра *С. П. Соловьева.*

Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. 1778-й годъ. Записки *князя Ѳеодора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770—1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.* Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805 — 1813 годовъ. — Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу. — Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельскохозяйственной дѣятельности. Письма и приказы его въ Пензенскую деревню. Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристъ на Кавказѣ).—Серъ Джонъ Макниль.Изъ служебныхъ воспоминаній *Владиміра Сергѣевича Толстаго.* Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной) *Д. А. Столыпина.* Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго.—Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ *князя В. П. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).

Изъ неизданныхъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр. Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ, *Д. И. Иловайскаго.* Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители).—Wahrheit und Dichtung, Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ.—Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права, *Д. А. Столыпина* и пр.

При сей книгѣ гравированный на стали портретъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ
1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО *РУССКОЙ* ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1876 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля (близъ церкви Св. Ѳеодора Студита), издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году (Содержаніе см. на оборотѣ).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 — 1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксина дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**